МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Управление инноваций в образовании и науке
Научно-образовательный центр «Перевод»

МАНАС

Кыргызский героический эпос

Вариант сказителя Жусупа Мамая
Художественный перевод на русский язык
Светланы Сусловой

Допущено Министерством образования и науки
Кыргызской Республики в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений

Бишкек 2020

УДК 821.51
ББК 82.3 (2Ки)
М 23

Ответственный редактор
В.И. Шаповалов, народный поэт КР, д-р филол. наук, профессор

Рецензенты:
Р.З. Кыдырбаева, чл.-корр. НАН КР, д-р филол. наук, профессор,
О.И. Ибраимов, чл.-корр. НАН КР, д-р филол. наук, профессор КТУ «Манас»,
Б.Т. Койчуев, д-р филол. наук, профессор КРСУ,
Н. Сардарбек кызы, канд. филол. наук, доцент КНУ им. Ж. Баласагына,
А.А. Бакиров, канд. филол. наук, доцент КРСУ

Проект
Научно-образовательного центра «Перевод»

Рекомендовано к изданию Научным советом ГОУВПО КРСУ

М 23 МАНАС. Кыргызский героический эпос. Вариант сказителя Жусупа Мамая: учеб. пособие / худож. перев. на рус. яз.: С. Суслова; транслитерация: Ч. Субакожоева; илл.: Т. Герцен. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. – 962с.

ISBN 978-9967-19-737-4

Впервые в истории литературы Кыргызстана представлены перевод на русский язык и публикация уникального варианта эпоса «Манас» сказителя Жусупа Мамая. Повествование – поэтическая энциклопедия древней кыргызской цивилизации во всем ее многовековом историко-культурном многообразии идей, коллизий, имен, событий.

Издание адресуется широкому многонациональному читателю, но в первую очередь ориентируется на русскоязычную молодежь страны и имеет статус учебного пособия для вузов Кыргызской Республики.

УДК 821.51
ББК 82.3 (2Ки)

© ГОУВПО КРСУ, 2020
© НОЦ «Перевод», 2020
© С.Г. Суслова, перевод на рус. яз., 2020

ISBN 978-9967-19-737-4

ЕЩЕ ОДНА ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ЭПОСА

Дорогие читатели, перед вами первый русский перевод эпоса «Манас», главенствующей части восьмитомного творения крупнейшего представителя «кыргызского зарубежья» – Героя Кыргызской Республики Жусупа Мамая, перевод, созданный известной нашей поэтессой и переводчицей, народным поэтом Кыргызстана Светланой Сусловой. Этот литературный факт заслуживает особого разговора – как о конкретном переводческом опыте, так и том, что же происходит сегодня в кыргызской литературной культуре.

Источник – первый том уникального собрания эпоса «Манас» в изложении Жусупа Мамая – является продуктом творчества великого манасчи, находящегося в точке встречи устной и письменной культур: за почти столетие цивилизация сказала свое слово, и устное сказание Жусупа записывалось его учениками неспешно и бережно (насколько это позволяла обстановка).

Сказитель находится в русле общенациональной исторической традиции и культуры народной поэзии, но содержательный план великого сюжета уже несколько иной, ибо создавался в условиях другой среды, другой этнокультурной почвы. Здесь еще более ощутим закон исторического энциклопедизма – количество взаимосвязанных событий, огромный пантеон действующих лиц, множество картин бытия, мозаика «политических» отношений внутри племен… Даже по одному этому понятно, что созданный далеко от кыргызской земли вариант ее жизни наполнен силой воспевания тысячелетней истории, устремленной в грядущее.

Сила этого устремления нации нарастает, ибо мы имеем дело лишь с первым томом гигантского восьмитомника, где со смертью главного героя продолжается его дело: от его сына к внуку, к правнукам, от события к событию, и вера в будущее становится гимном этого единого потока. Такого развернутого повествования «Манас» еще не знал, и слова Ч.Т. Айтматова о «миллионе строк океаноподобного «Манаса», безусловно, в первоочередной степени должны быть отнесены и к его последнему великому сказителю. Источниковеды подсчитали, что Жусуп Мамай сумел донести до наших дней 235 тысяч строк устного поэтического эпоса – по-видимому, это наиболее масштабный художественный памятник, не имеющий аналогов в мировой культуре. В русском переводе С. Сусловой представлен огромный объем поэтического текста – 80 500 строк.

Издание этой книги Кыргызско-Российским Славянским университетом вполне объяснимо сориентировано на русскоязычную молодежь: в интересах русских граждан Кыргызстана знать корневые источники кыргызской культуры – это этически бесспорно. И энциклопедизм стихийного манасоведения «жусупмамаевского» текста, сосредоточенный, в согласии со сказительской традицией, на гуманистическом смысле содержания, на показе коллективной идеи сохранения нации в историческом бытии кочевого этноса, должен будет закономерно восприниматься инокультурной средой – русским молодым, университетски образованным читателем – как главная характеристика его родины, народа, земли, государства.

Публикация эпоса как своего рода учебного пособия продиктована объективной проблематикой отечественной культуры. Говорить об этом следует с полным осознанием масштаба воспитания новых поколений сограждан – и далеко не всегда в благостных тонах, не отворачиваясь от острых граней, экстраполируя значение эпического наследия на всё, что имеем сегодня.

В каком состоянии находится наш эпос в его материнской среде (ибо это земля, родившая героя Манаса) и, одновременно, в среде сыновней (ибо сегодняшнее поколение – его потомки в нравственном смысле)?

Этот внешне простой вопрос полон скрытого значения.

Имя легендарного национального героя и реалии его бытия никогда еще не были окружены таким почетом и вниманием. Но в отдельных случаях это почтение представляется лишь частью культурного интерьера. Порой из эпоса используется максимум социокультурного потенциала – «энергии бренда» – в политических целях или в попытке спрятать за прошлым трудности самоидентификации.

Потому, начав ощутимый подъем в пору празднования 1000-летия, активно переводясь на другие языки, оживая в традиционных (русском, немецком, французском) и новых (на иврите, в турецком, английском, финском) переводах, «Манас», спустя четверть века, сегодня на наших глазах культурообразующую энергию обретает далеко не так эффективно, как вправе ожидать общество, государство, огромная инонациональная аудитория. И это наша общая вина.

Давайте спросим себя и ответственную часть общества: существует ли полная версия вариантов эпоса на кыргызском языке?

Нет, «Манас» до конца не собран, не записан.

Впрочем, манасоведение в этом трудно упрекнуть: богатство великой поэзии до сих пор возникает в недрах народного сознания – в этом феномен национальной культуры, одной из немногих, не утратившей «эпического гена». В силу этого феномена поколение сыновей еще будет собирать и сохранять уникальное наследие пращуров. Но это состояние не вечно, глобализация беспощадна – она унифицирует культуры, стирает их своеобычность. Пока не иссяк запас неповторимой энергетики нужно бережно преумножать «Манас» в народной памяти.

Еще вопрос: создан ли относительно полный – обязательный для каждого национального шедевра в каждой стране – «академический» перевод эпоса на другой язык? Хотя бы на русский, ибо никакая другая культура не вкладывала столько братской творческой энергии в манасоведение (как, кстати, и во всю структуру содержания кыргызской цивилизации).

Нет! История эпоса (и его русского перевода) полна боли и трагизма.

Поэтому следует в особой степени отметить инициативу по подготовке подстрочного перевода первого тома. Затем эта деятельность была реализована в одном из проектов Научно-образовательного центра КРСУ «Перевод», по инициативе которого и при поддержке Управления инноваций в образовании и науке осуществляется издание русского перевода «Манаса». И вот здесь необходимо сказать о подвижническом труде переводчика – народного поэта Кыргызстана Светланы Сусловой, чье поэтическое дарование, творческий опыт, ответственность и энергия, этнокультуроведческий такт, внимание к своеобразной поэтике кыргызского эпического стиха, любовь к истории кыргызской земли послужили достижению впечатляющего творческого результата.

«Манас», вышедший из-под крыла сказителя Жусупа Мамая, звучит на русском языке так, словно он родился из уст коллективного автора – народа. Это еще одна жизнь великого эпоса.

В.И. Шаповалов,
народный поэт КР, доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии

СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКА

Говорят, сказителями-манасчи рождаются, и однажды во сне такого избранного осеняют видения прошлого, сам дух Манаса призывает человека начать великий Сказ о былом, помогает ему обрести творческий талант сказителя. Это может произойти совсем в юном возрасте будущего манасчи. А вот чтобы стать переводчиком бессмертного эпоса, надо пройти огромный путь длиною, скажем, в полвека. Путь литературного творчества, полного познаний, взлётов и падений, прозрений и сомнений, путь единения не только со Словом, но и с национальным колоритом, духом, философией народа, родившего вечное могучее устное поэтическое произведение.

По крайней мере, именно пятьдесят лет назад мы с классиком кыргызской письменной литературы народным поэтом Аалы Токомбаевым вели беседы о Манасе, о великом народном эпосе и его сказителях. И, конечно, о попытках перевода этого произведения на русский язык, не очень удачных на взгляд классика – растерявших ритм, прелесть и аромат народного сказания. Он не винил переводчиков, среди которых были его друзья, признанные мастера слова, скорее он сетовал на принципиальную несхожесть двух языков: в кыргызском языке синонимический ряд представлен скорее внутренним смыслом, наполняющим слово в зависимости от его окружения – так подсолнух поворачивается к солнцу; в русском же этот ряд развёрнут наружу и дополнен другими, схожими по смыслу словами-синонимами. Эта особенность кыргызского языка порой мешает взгляду переводчика, считывающему верхний слой смысла, передающий лишь движение сюжетной линии, тем самым обрекая текст на метафорическую бедность.

Как мне жаль сегодня, что во время наших неспешных вечерних бесед за чашкой чая я не вела ученических конспектов! Надо сказать, что сам Аалы Токомбаев помнил неисчислимое множество глав великого эпоса, очень артистично мог прочесть их. Он говорил, что, когда шел пешком из Кемина в Ташкент учиться, по дороге кормился именно мастерством манасчи: знание эпоса пришло к нему из раннего детства.

Однако вернёмся к переводу эпоса «Манас», о коем я мечтала еще с тех незабвенных семейных чаепитий. Но сначала мне надо было пройти огромный путь ученичества. Я начинала этот путь с лирики молодых и ведущих поэтов Кыргызстана, с публикаций в периодике, в толстых и тонких журналах. Вскоре мои переводы уже вошли в солидные сборники корифеев кыргызской литературы, издаваемые и у нас, и в Москве; затем я стала переводить полностью книги классиков, и не только поэтическую лирику, но и объемные произведения: поэмы, романы в стихах. Список изданных, переведённых мною на русский язык поэтических книг уже перевалил за второй десяток.

Вот, вкратце, путь к переводу величайшего устного сказания кыргызского народа. Сама судьба свела меня с подвижниками родной культуры, решившими не только опубликовать на кыргызском языке восьмитомник сказителя эпоса «Манас» Жусупа Мамая, чей столетний юбилей отпраздновали недавно, но и затеять перевод этого величайшего произведения на русский язык.

Пользуясь данным мне правом слова хочу от всей души поблагодарить общественного деятеля Эрниса Зарлыкова и кандидата исторических наук поэта Чолпон Субакожоеву за их вдохновенную поддержку моей работы, а также молодых специалис-

тов Элдара Ибраимова и Бермет Иличбекову за их бесценную помощь в подстрочном переводе с кыргызского (порою ещё и с синцзяньским акцентом).

Есть мнение, что именно вариант сказителя Жусупа Мамая содержит наиболее полный народный Сказ, не отредактированный в угоду идеологическим требованиям разных формаций.

Этот вариант эпоса читается как дышится: неторопливо, с погружением в философскую и мистическую подоплеку событий, явлений, характеров; неспешно раскрывая суть, базис культурных ценностей, на которых возрос этнос, переродился в единый народ со своим неповторимым укладом, своим взглядом на мир и своим местом в нём. Это художественный яркий документ огромной эпохи, своими корнями уходящий в глубокую древность. Обилие имён, географических названий, исторических событий – та основа, на которой могут вырасти множественные научные изыскания ученых-историков. И это ещё одна дополнительная ценность сказания.

Некоторые кыргызские слова, которые, подобно узорам калейдоскопа, содержат в себе немало граней-значений, вспыхивающих развёрнутой метафорой для знающих с рождения язык, я оставляю в тексте, разъясняя сносками весь их смысловой ряд, чтобы русский читатель мог представить ассоциативную наполненность переводимой фразы. Особо хочется сказать о ритме произведения. Он – живая пульсация сердца огромного бессмертного существа. В него непросто войти и ещё сложнее – вырваться из его потока. Все эти годы работы над переводом эпоса «Манас» я словно живу в другом частотном измерении.

Вначале было очень трудно технически выразить столько информации, используя редифные и сплошные рифмы, да ещё обязательно ударные, «мужские» в конце довольно короткой строки, что абсолютно несвойственно русской поэзии, любящей перемежать «мужские» и «женские» рифмы и «растекаться мыслию по древу». Оказывается, невозможное возможно, что и доказывают уже переведённые мною восемьдесят тысяч пятьсот строк эпоса.

Вообще-то, не люблю говорить заранее о работе, которую ещё предстоит оценить читателю. Потому ограничусь сказанным. Просто добавлю: главный двигатель в этой работе – любовь. К родному краю, к его истории, его народу. А это уже немало.

Светлана СУСЛОВА
Народный поэт Кыргызстана

ЗАЧИН СКАЗАНЬЯ

Э… э… э… эй!
Начинаю великий Сказ.
Сердце Сказа – батыр Манас.
Наши предки смогли для нас
Древних слов огранить алмаз.
Это тысячелетний глас
Нашей вечности, что подчас
Прорывает забвенья пласт.
Это прошлого звёздный час,
Это весть о грядущих нас,
Нашей вечной души каркас!
Надрывая мне горло, Сказ
Моим сердцем поёт сейчас:
Крики воронов, волчий вой,
Львиный рык в тишине ночной,
Змей шипенье, речной прибой
И молитвы надрыв святой.
Это предков далёких зов,
Миллионы их голосов,
С первых вздохов и чувств, с азов,
Я обрушить на вас готов!
Ложь отвергнут уста мои:
Явь и небыль – одной струи
Разных капель единый пляс,
Ведь поток неделим для глаз.
Приукрашивать можно быль,
Чтобы слушатель счастлив был,
Но наследье отцов в распыл
Коли пустишь – то ты бескрыл.

Потому оглашу я Сказ
Как отцовский святой наказ,
Чтоб кыргызского духа пыл
В наших душах как прежде жил.
Замолчать нашу славу – грех,
Должен каждый вкусить успех,
Что собрал воедино всех
Нас, народ, поднимая вверх,
Чтобы шли, не теряя сил,
Чтобы ветер не погасил
Пламя трепетных душ людских,
Чтобы Сказ никогда не стих.
Давний век как бы ни был лих,
Не утратили слов святых
Наши предки: друг другу вслух
Сказ дарили – поэт, пастух,
Воин, дум ли властитель, – дух

Древней мудрости в них не тух.
Сказ – бескрайной Вселенной лик,
Он как солнце – горяч, велик,
Вещей тайной взращён язык,
С тех времён, как Адам возник,
С Евой род заложив людской,
На тщету заменив покой.
Тьма народов ушла с тех пор.
Сколько селей сходило с гор,
Сколько древних батыров мор
Подчистую забвеньем стёр.
О Манасе же Сказ лишь рос.
В небе россыпи гасли звёзд,
Горы в рыхлый стирались лёсс,
Становился болотом плёс.
И опять начинался круг:
Разливались озёра вдруг,
Засыхая пустыней вновь;
Ледников голубая кровь,
Вниз стекая, земли недуг
Превращала в цветущий луг.
Только посвистом снежных вьюг,
Соловьиною течкой мук
Про батыра-Манаса Сказ
Рос, чтоб выжить, дойти до нас –
Бог его от забвенья спас:
Разгорелся, а не погас.
Сладость страсти, драконий рык,
Конский топот, рожденья крик,
Радость жизни со смертью встык –
Вот что Сказа вместил язык.
Слово, взявшее главный приз,
Через вечность пронёс кыргыз:
Слаще мёда, снегов белей,
Мягче трепетных ковылей,
Селя бешеного мощней,
Сочных выпасов зеленей,
Мягче туч, что стекают вниз,
И забористей, чем кумыс;
Чудодейственный Сказ, и в нём,
Все устои, чем мы живём,
Великанов-героев дом –
Этот Сказ, что готов щитом
Нам, кыргызам, служить века, –
Как выносит конь седока
Из-под шквала летящих стрел,
Чтоб выжить боец сумел,
Если он за других радел,
Если родины честь – удел!
Слушай сердцем судьбы пролог,
Пусть уносит тебя поток
Слов серебряных, чей исток
Сил небесных таит чертог;
Слов весомых и золотых,
Много бедствий, насилий в них,
Много войн и врагов лихих,
Много боли, что бьёт под дых;
Много ветра и скакунов,
Много грёз, и надежд, и снов,
Много клятв и других оков,
Много славных имён. Готов
Сказ поведать нам обо всех,
Кто отчизны ковал успех:
Из божественных слов доспех,
Где и слёзы, и гнев, и смех –
Все богатства людской души, –
Сказ вмещает в себя: дыши
Каждым чувством певцов тех лет,
Что оставили вечный след –
Краснобаев, творцов бесед,
Рукодельниц, провидцев бед.
Каждый Слово спасал от Тьмы,
Чтобы слушали нынче мы
Душ, ушедших давно в полёт,
Сказ – как вечный вершинный лёд,
Терпкий – словно тягучий мёд,
Верный – будто бы кровный род.
Мир в столетьях то креп, то гас.
И Всевышнего ипостась –
Свод небесный, *асман*, – не раз
С первожизнью теряя связь,
Божье семя в наш мир послал,
Своё имя, но тайно, дал[1],
Чтоб об этом никто не знал,
Пока будет посланец мал:
«Ман» в начало поставив, «ас» –
Лишь в конце, чтоб печаль Манас
Нёс в душе, как любви запас,

[1] Асман – небеса, высь; перевёртыш – ман ас.

Чтоб в величии не увяз.
Шли века, всё меняя враз.
Не менялся небес окрас.
Рос и ширился вечный Сказ,
Не менялся лишь дух – Манас.
Про небесную его стать
Я уже готов рассказать,
Но сперва обернёмся вспять
Чтоб узнать, как Народом стать,
Из каких праотцовских мук,
Встреч, рождений, смертей, разлук,
Из протянутых к небу рук
Каждый к месту вставал *уук*[2].

[2] Уук – жерди для поднятия купола юрты, её основа.

СЛИЯНИЕ КЫРГЫЗСКИХ РОДОВ

Э… э… э… эй!
Наставления предков, знай,
Первым слышал нездешний край:
Величавая *Энесай*[3]
Там, на севере, только в май,
С берегов отряхнув снега,
Одевала в шелка луга,
Лес поила живой водой,
Чтоб всегда он стоял густой,
Чтоб маралы на водопой
Шли без страха лесной тропой.
Были дичи леса полны –
Барсы, тигры и кабаны,
И непуганый зверь пушной
Шёл без страха в силки порой;
С добрым ливнем мешался зной
И стояли хлеба стеной.
Были сытными все года:
Люд кормила как Мать вода,
Ни богатых, ни бедных, да,
Не бывало у них тогда,
Ведь могучая Энесай
Создавала в долине рай.
Правил племенем *Калмамай*[4],
Внесший первый весомый пай
В общность кланов, семей, родов –
Кто содействовать был готов
Отраженью лихих врагов
От угодий своих, лугов.
Годы шли, и за родом род
Шёл к Мамаю с других широт,
Бог помог от своих щедрот
Сплавить сорок племён в народ,
Подсказал он ещё, даря,
Имя с цифрою «*кырк*» не зря:
Сорок – был благодатный срок,
Не мешал развиваться рок.
Хан расслабиться тоже смог
И на ханский привёл порог
Пять красавиц, пять верных жён:
О наследнике думал он.
Ни одна не смогла родить.
И грозилась прерваться нить
Рода хана, и впредь не быть,
Но правитель решил схитрить
И, доверившись естеству,
Многодетную взял вдову:
Благодарная, мол, родству,

[3] Энесай – (Енисей) – Мать-река (здесь и далее – *старокырг. яз.*).
[4] Кал – родинка.

Будет пчёлкой рожать детву.
И, действительно, этот ход
Дал Мамаю продолжить род:
Сын родился, желанный плод,
Бёдёне[5] нареченный влёт, –
Мол, отрада для отчих глаз;
Спрятан в имени был наказ:
Чтоб властитель народных масс
Был исполнен забот и ласк.

Бёдёне было девять лет,
Как угас для Мамая свет:
Овладел им недуг, и он
Сдался смерти, увы, в полон.
Весь народ сорока племён
Шёл к правителю на поклон:
С ближних, дальних спешил сторон;
Сорок дней не стихал их стон.
Аксакалы собрались в круг,
Бёдёне пригласили вдруг,
Чтоб наследная власть, *укук*[6],
Не ушла из сиротских рук.
Жалтайбас-аксакал изрёк:
«Калмамай нас сплотил, помог
Много бед превозмочь, сынок!
Хан отличный он был, но бог
Самым ценным берёт оброк:
Был, отец твой, поверь, таков.
Вместе множество скакунов
Развели мы, овец, коров.
Правда, нажили и врагов.
Да, на зависть соседям злым,
Что собрать не могли калым,
Нивы зрели у нас, дразня,
И пшеницы, и ячменя;
Всяк с рожденья имел коня,
И верблюдицы шли, звеня,
К месту дойки к закату дня.
Имя дал нам Мамай – "*кыргыз*[7]":
В нём вершины хребтов и высь,
И в согласии мирном жизнь,
И приказ: мол, в кулак сожмись
Сорок кланов, родов, семей,
В сорок раз чтобы стать сильней!
Хан учил: "Супостатов бей,
Сам же смерти искать не смей!"
Справедливость царит с тех пор
В наших поймах, на склонах гор:
Мы ни с кем не заводим ссор,
Но не пустим врага во двор!
Хан Мамай без нужды коня
Не нахлёстывал в спешке дня,
Не кричал на людей, браня, –
Страсти сковывала броня;
Он и словом спокойным мог
Преподать навсегда урок.
Кровь его, Бёдёне, в тебе.
Хан по крови и по судьбе,
Ты других победишь в борьбе,
Хоть кого предложи толпе.
Кто оспорит мои слова?
Жизнь – узор, ну а кровь – канва.
Пусть и впредь говорит молва,
Кровь Мамая у нас жива!»

Слово мудрое – что стрела:
Путь короткий к сердцам нашла.
Ритуальная пиала[8]
Зло от мальчика отвела,
На кошме белоснежной он
Поднят был, как велит закон,
И к согласию всех сторон
Новым ханом провозглашён.
Утверждает великий Сказ:
Не ошибся народ в тот раз,
Бёдёне был к врагам жесток,
Защищая родной порог;
Своему же народу смог

[5] *Производн.* от бедел – авторитет, почет (пользующийся почётом, авторитетом, симпатией).
[6] Укук – право.
[7] Здесь игра ассоциаций внутри слова: Кыр – гребень гор, горный хребет; Ырк – жизнь в согласии, в мире, Кырк – сорок; Кыз – девица, дочь (символ, девственности, непорочности); Кыс – сожмись.
[8] У кыргызов существует обычай: пиалу с водой кружат над головой человека, которому предстоит испытание.

Стать луною над тьмой дорог,
Чтоб кыргызской судьбы пути
Мог достойно народ пройти.
Но, увы, беспощаден рок:
Каждой жизни выходит срок.
Бёдёне не давал зарок
Запастись своей жизнью впрок.
Жаль, что сына Ботоя он
Смог избаловать так с пелён,
Что наследник делам в урон
Лишь на небе считал ворон.
Ханства срок его был непрост:
Наступали враги на хвост,
Из созвездия в сорок звёзд
Кто сбежал, кого взял погост;
Но пятнадцать родов, увы,
По судьбе перекат-травы
Не оставили и молвы.
Для сказанья они мертвы.

Шли века, и однажды вновь
Бёдёне возродилась кровь:
Дальний правнук его – Бойён –
Для оставшихся всех племён
Стал опорой во тьме времён,
Снова сорок взметнув знамён.
В срок свой небом был призван он,
Чаян-хану оставив трон;
Вслед взошёл Кара-хан, затем
Его сын Орозду – *асем*[9],
Был по нраву всегда он всем,
С щегольством свой влача ярем:
«Пять искусниц» привёл он в дом,
Щедрой страстью своей ведом:
Так плодились стада при нём,
Что и места в краю родном
Не осталось для диких стад!
Ханский род разветвив, как сад,
Он для всех своих кровных чад
Стал основою их пенат.
Был от старшей жены рождён
Хан Жакып и Шыгай вдогон;
От второй – Катаган, за ним –
Каткалан; вслед спеша *катын*[10] –
Та, что третьей была в ряду,
Родила Жамгырчы, Балту;
И четвёртая тут же вслед,
Чтоб оставить в сказанье след,
Разродилась, явив на свет
Калку-хана и Касиет;
Кызылтай с Текечи – они
Дети самой младшей жены.
Хан батыр-Орозду был скор
На расправу, на суд, на спор.
В Энесае стал редким вор:
Ни с низовий не шёл, ни с гор,
И *калмак,* и кара-кытай
Обходили кыргызский край,
Хоть богатством манил *Сарай*[11],
Вознесённый на лапах свай
Над скопленьем домов и юрт,
Как погонщик, собравший гурт.
Мог бы тысяч до ста домов
Насчитать тот, кто был готов
Перегнать эту тьму голов
По уступам крутых годов.
Но богатство рождает спесь.
Стало тесно потомкам здесь,
Им хотелось самим пронесть
Через жизнь свою власть как весть.
Имена их запомнил край:
Хан-Кёлбай, Адыбай, Ташбай;
Двадцать тысяч домов как пай
В Бухару увели, в тугай,
Из родных исполинских пущ, –
Всяк в хотении всемогущ.
Прежде было имён – не счесть –
Крепких баев, живущих здесь,
Кто труды почитал за честь,
Чтобы небу хвалу вознесть:
Кулетен, Элеман, ещё
Алаке, Кендирбай… Взращён
Ими чистопородный скот,
Приносивший большой доход;

[9] Асем – франт, щеголь.
[10] Катын – жена, женщина.
[11] Сарай – дворец.

«Жир их псы не едят и мёд», –
Так беззлобно шутил народ.

Впрочем, каждый кыргыз был сыт,
И налажен кыргызский быт:
Всякий двор был просторен, крыт –
Не испачкает конь копыт,
И в кошарах полно скота,
И в амбарах – не пустота;
Даже в бедных домах всегда
Не кончалась к весне еда;
Сосунок-верблюжонок, конь,
Пусть – кобылка, а не огонь,
Но и чай, и кумыс, и жир
Был в запасе и у транжир;
Если ж руки жены без дыр –
И айран был в дому, и сыр.
Было время охоты, игр:
Кабаны, козероги, тигр
Составляли добычу тех,
Кто не жаждал других утех;
Кто-то промыслом сделал мех –
Шубы в зиму спасали всех;
Гнали зайца в снегах, лису
Промышляли в полях, в лесу;
В синих чистых лесных ключах
Лишь вручную, отринув страх,
Выдр ловили – из-под корчаг
Их выманивали, бедняг;
Диких уток, гусей народ
Поднимал из озёр, болот:
Кречет, сокол мог сбить их влёт.
Зная нравы таких пород,
Приручали их лучше псов:
За охотника был готов
Ловчий кречет погибнуть в лов,
Понимая немало слов.
Предки удочку знали, сеть:
Рыбы в сети плыло – не счесть,
Хоть порою их рвал медведь,
Чтоб украсть дармовую снедь.

Кто хулит старину – неправ:
У людей был весёлый нрав.
Сколько было у них забав,
Столько в поле не сыщешь трав.
Очень скачки любил народ,
Соревнуясь из года в год,
Чтобы выяснить – чей же род
Выйдет в этой борьбе вперёд.
«*Кёкберу*», «*кыз-куумай*», «*эниш*»[12].
Начинается праздник лишь,
Высыпает из всех жилищ
Люд, зимы взбудоражив тишь;
Играм был этим зимним рад,
Каждый житель – и стар, и млад:
Перетягивали канат,
Забывая, кто сват, кто брат,
Приз делили, галдя, крича.
Если ж выпадет вдруг ничья,
Жеребёнок саврасый мог
По запарке уйти в залог;
Если ж в драку полез игрок,
Значит, праздник свершиться смог!
Зимних игр было всех не счесть.
Отстоять в этих играх честь
Трудно: в гору себя вознесть,
И с коня не упасть, не слезть,
Хоть соперник спешит насесть
И столкнуть, а куда – бог весть.
Вдруг на копьях богатыри
Раззадорятся от игры,
Не растащишь их, хоть умри;
Ну, а лучники до зари
С красным зобом, как снегири,
Разбивают в усердье лбы,
Чтоб стрелою добыть *жамбы*[13].
За игрою в «*тыйын энмей*»[14]
Превращались отцы в детей,
В схватке пробуя и коней –

[12] Национальные конно-спортивные игры: көкберу – козлодрание; кыз-куумай – догони девушку; эниш – борьба конников.
[13] Жамбы – слиток серебра.
[14] Тыйын энмей – схватить монету (конно-спортивная игра).

Кто проворней, сильней, смелей;
А для юных совсем сельчан
Воздвигали «*Алты бакан*»[15] –
Даже ночью под свет луны
Ввысь взлетали, смеясь, они.
Самовары кипели впрок
В каждом доме: любой игрок
Мог на каждый зайти порог,
С маслом, мёдом попить чаёк;
Увлекались все, как игрой,
И застольями той порой:
По пять раз – как на водопой
Шло село на весёлый *той*[16].
Жеребёнок кипел в котле,
И румянились на столе
Боорсоки[17] и *нан*[18] – в селе
Хлеб был кругл – посвящён Земле,
Голова и курдюк – тому,
Кто был принят *тёргё*[19] в дому:
Устуканы[20] же шли в суму:
Каждый – каждому по уму.
Чуть наелись, уже, глядишь,
Вспыхнул схваткой большой *айтыш*[21]
Иль *поющая пиала*[22]
Круг свой солнечный начала,
Чтоб всю ночь из дворов села
Песня праздничная плыла.
Голосов соловьиных лад
Был не редкостью, говорят;
На комузе был каждый рад
Хоть все ночи играть подряд.
У девчат же – *ооз комуз*:
Без отрыва от нежных уст
Трель выводит, войдя во вкус,
Всех джигитов вводя в искус.
Будни зимние коротки.
Дел для женской полно руки:
Накормить, подоить коров,
Хлебным духом насытить кров,
Шерсть напрясть, из её мотков
Навязать для семьи носков,
Вышить шёлком ковёр иль вбить
В войлок ярких узоров нить,
Сшить одежду – тулуп, чапан.
Каждой женщине дар был дан:
Вышивальщиц, певиц, портних,
И пастушек, и поварих.
Всё кипело в руках у них!
Чтобы дочку нашёл жених,
Перья филина в шапку, в верх,
Прикреплялись, и как доспех
Шит был куний такой убор.
На верблюдах всегда ковёр,
Груз скрывая, лежал, узор
Был созвучен с цветеньем гор;
Жёнам каждой семьи добро
Доверялось, и серебро
На запястьях, в ушах, в косе
Не стесняясь носили все.
Без кинжала джигит не мог
Выйти в мир за родной порог;
А на сёдла порой глядеть
Было больно глазам – гореть
Злато днём начинало, – медь.
И каменьев хватало ведь!
Кто постарше, те скот в горах
Выпасали в парче, в мехах –
Тигром, волком, куницей пах
Мех, намокнув порой в снегах;
Мех медвежий любой старик
Подстилать под себя привык:
«Жар не ломит костей», – шутник
Поговорку вам скажет вмиг.

Благодатные времена!
Так и встал бы на стремена,

[15] Алты бакан – высокие качели.
[16] Той – пиршество.
[17] Боорсоки – круглые, обжаренные в масле кусочки теста.
[18] Нан – хлеб.
[19] Төр – почетное место для самых уважаемых гостей.
[20] Устукан – кость с мясом; каждая несет свой смысловой оттенок.
[21] Айтыш – поэтическое состязание.
[22] Ыр-кесе – поющая пиала, передающаяся по кругу выступающим гостям.

В край умчал бы, где тишина,
Где душа быть собой вольна;
Где на крыше восходит мак,
Где не слижет сноха *каймак*,
Не следит и свекровка так,
Сколько жира ушло в *тамак*[23]:
Не жалели ни май, ни *туз*[24].
Ханством правил тогда Угуз –
Коренной, энесайский, – плюс
Укрепивший ветвей союз.
Сын от сына. Повадка та ж,
Но своя у любого блажь.

Ходит притча, как хан Калаш –
С чёрной оспой «борец» и «страж», –
Задувал не огонь, а дым:
Всех казнили с лицом рябым!
Хан Калаш сам красивым был:
С женским ликом сравним любым –
Белокож, лучезарен, свеж,
С взором масляным из-под вежд.
Тех, кто был после оспы ряб,
Всех на казнь посылал сатрап!
Но пред богом и сильный слаб:
Царь ты или последний раб.
Заболел у Калаша сын:
Долгожданный, он был один.
Чёрной сеткой густых рябин
От болезни покрылся сын,
Лишь четыре прожив годка.
В сердце хана взошла тоска.
Он визирей созвал на круг,
Что, мол, делать? – как подл недуг!
Пёстрых ликом ведь всех вокруг
Я казнил, и – такое вдруг!
«Станет пёстрым и мой сынок.
Если б вспять повернуть я смог
Крови жертвенной всей поток.
Наказал меня страшно бог!
Казнь отменим – и ложь как ржа
Трон разрушит быстрей ножа;
А казню – вместе с ним душа
И моя отлетит, дрожа».
Тут визирь, что был мудр и стар,
Так сказал ему: «Государь,
Не сдержать Вам всех чувств удар,
Лицезрея такой кошмар –
Плач ребёнка, его мольбу.
Но нельзя обмануть судьбу.
Не нарушим мы Ваш приказ,
Но казним лишь не напоказ:
Уведём мы ребёнка с глаз,
Ляжет смерть его пусть на нас.
В чистом поле, доверьтесь мне,
Похороним и холм камней
Возведём, чтобы в вечном сне
Он покоился в глубине».
Так и сделали. А визирь
Как грядущего поводырь
За далёкий увал, пустырь,
За полей безымянных ширь
В горы сорок детей в поход
С ханским сыном повёл, и вот
Так сказал им: «Родной народ
Вас не примет, скорей – убьёт.
Имя ваше теперь: "*кырк кез*[25]".
Да хранит вас надзор небес!»
Отпустил их и сам ушёл.
Разнотравье. Небесный шёлк.
Соловьёв серебристый щёлк.
Друг о друге забота – долг.
Дети выжить смогли тогда –
Без богатств и без хомута,
Их сплотила одна беда,
В пары сбились через года.
Знал бы чахнущий хан Калаш,
Своей власти никчёмной страж,
Что в горах под галдёж пичуг
У него появился внук!
Так родился Бойён – о нём
Мы давно уже речь ведём:
Он окольным пришёл путём, Бёдёне возрождая дом,
Калмамая родную кровь;

[23] Тамак – пища, еда.
[24] Туз – соль (недешевая приправа в трудные времена).
[25] Кырк – сорок. Кез – 1. момент, случай; 2. бродить, странствовать.

Повторим все колена вновь:
От Бойёна рождён Чаян,
От Чаяна же – Кара-хан,
Он, «кыркезов» возглавив стан,
Осчастливил своих дехкан
В свет явив Орозду: сынок
Кровь отцов приумножить смог,
Для ойротов он был как бог:
Не пускал он на свой порог
Ни монгола Чыгыша, ни
Даже дикой степной родни.
«Пять искусниц», пять жён смогли
Нарожать ему ребятни:
Десять ладных сынков-орлов
Орозду повторили кровь.
И пора, не жалея слов,
Перечислить потомков вновь:
Хан Жакып и Шыгай – они
Сыновья от одной жены;
Катаган, Каткалан – видны
В них замашки другой родни;
Акбалта, Жамгырчи – и вот
Третьей женщины явлен род,
Касиет и Калка – пойдёт
От четвёртой другой народ:
Может, так, а, быть может, – нет,
Только небо нам даст ответ –
Брат-казах ли не с тех времён
С этой капли крови рождён?
Мы поспорим ещё о том,
А сейчас мы вернёмся в дом,
Ведь от младшей жены растут
Текечи с Кызылтаем тут.
Справедливый небесный суд!
Эти десять сынов спасут
От забвенья Мамая кровь,
Бёдёне возрождая вновь
И Бойёна – не прекословь:
К нам от них перешла любовь!
Вот Манаса гнездо, исток.
От любви его путь высок.
Да, – вложил в него искру бог.
Кто раздуть эту искру смог?

РОЖДЕНИЕ МАНАСА

Э… э… э… эй!
Болен был Орозду-батыр,
Сохнуть стал как пустой такыр.
Присосался к нему вампир
Из умелых льстецов-проныр:
Алооке – человек-дурман –
Был китайских *калмаков* хан
И Нарыну главою дан,
Но примерить чужой *чапан*[26]
Был непрочь он: как дым, туман
В щель любую входил, незван:
Даже имя[27] его – обман!
Он в доверие втёрся так,
Что ему Орозду-добряк
Доверял и дела, и дом,
Управляющим в смерть ведом.
Лишь батыр отошёл за грань,
Алооке растопырил длань:
Все богатства прибрал как дань,
Мол, «в душе моей пусто – глянь».
Да, в Нарыне его дела
Словно рыба хвостом вела,
Хоть крутился он как юла,
Душу чёрную добела
Отмывая в глазах людей.
Он ограбил в момент детей –
Десять ханских сынов-сирот,
В свой карман положив доход,
И раскрыл нараспашку вход,
Чтоб *калмаки* и разный сброд,
Над кыргызами власть забрав,
Проявили свой хищный нрав.
Энесай от таких потрав
Словно выцвел, бесправным став.
Вот тогда-то в далёкий край
Хан Кёлбай, Адыбай, Ташбай
Двадцать тысяч семейных стай,
Скот и собранный урожай
Увели в Бухару, суля
Всё сначала начать, с нуля:

[26]Чапан – верхняя мужская одежда, часто отделанная драгоценными камнями, шитьём (чап – отделывать, украшать драгоценностями); в данном случае – символ власти.
[27]Алоо – пламя.

Там тепла, мол, щедра земля,
Дважды зелены в год поля.
Остальных разорил *калмак*.
Всё он переиначил так:
Ханство всё разбазарил вмиг,
Поделив его мощь на пшик –
Вас, мол, десять, и столь частей.
А потом пригласил «гостей» –
Всю родню и друзей их, – с тем:
«Всё берите, что я не съем».
Касиет и Калка смогли
Сбросить путы родной земли,
Тридцать тысяч семей пошли
С ними счастье искать вдали.
Так меняет брега поток.
Так уходит река в песок.
Вот исхода сего итог:
Их к *калмакам* направил бог.
Два *калмака*, два богача
Не рубили узлов сплеча,
Где калач, ну а где – камча:
Пусть работают, хлопоча.
Два хозяина, чуждый край.
Не прогнали Албан, Кызай
Их, – отсюда и урожай:
Касиет и брат Калкабай
Своих первенцов, двух сынков,
Слив с *калмакской* Мамая кровь,
Так назвали: Кызай, Албан –
Старт был новым *калмакам* дан,
И они возглавили клан
Энесайцев и приволжан –
Представителей двух племён,
Суть и соль их познав с пелён,
Чтоб, во чреве дозрев времён,
Переплавить в успех урон.
Не без терний на том пути
Энесайцам пришлось пройти:
Бай Ногой, что держал в горсти
Всё, что может в степи расти
И любой приносить доход,
Он не жаловал новый род.
Алооке, этот хитрый плут,
Раздробив энесайский *кут*[28],
Часть Жакыпа отдал под суд –
Мол, «ногойцы» здесь век живут;
В Балыкарт не пустил Ногой
Акбалту и ступить ногой,
Всё смириться не мог: изгой
Станет ханом, а не слугой!
Жамгырчы, как и Акбалта,
Были в панике: их места
Предназначила клевета
Для раскрытого жадно рта,
Ненасытного живота.
Весь Алтай, перевал Чамбыл,
«Акбалта» называть любил.
Это имя ушло в распыл.
Даже братьев народ забыл,
По-*калмакски* назвав – «нойгут»
И себя, и угодья тут.
Слёз немало пролил кыргыз.
Больно падать с вершины вниз.
Кто над бездной на миг повис –
Согласится на компромисс.
Средним тоже урок был дан:
Катаган, да и Каткалан
Возродить не сумели клан
И сложили другой дастан.
Хан Кошой в Атбаши своём
Принял братьев как есть – вдвоём,
Не пуская в свой окоём
Всех, кто мог навредить, живьём.
Лишь названье «*калдыкыргыз*[29]»
Словно лёгкий на жизнь акциз
Иль о прошлом величье весть,
Чтоб потомки могли прочесть,
Катаган с Каткаланом здесь
Отстояли вдвоём, как честь.
Но «калды» перешёл в «*кара*[30]»:
Так стирается в пыль гора, –
Сил природных, увы, игра,

[28] Кут – 1. дух, душа, жизненная сила; 2. счастье, благодать.
[29] Калдык – остаток, потомок.
[30] Кара – 1. чёрный, вороной; 2. силуэт, очертание; 3. опора; 4. грамота; 5. неправда; 6. траур, печаль; 7. нечистая сила; 8. простой, безыскусственный; 9. принадлежать к чему-либо.

Зла в ней нет, как и нет добра.
Хан Карача – мудрец, акын,
Каткаланом рождённый сын, –
Правил мудро, с людьми един,
Славной дочкой своей любим:
Лучезарной была она,
Как предутренняя луна,
Имя шло ей – Сайкал, видна
В нём души её белизна.

Жамгырчы, как и брат – Балта,
Без наследства, как без щита,
Лишь болтался туда-сюда,
Как безродная беднота.
Из худого мешка зерно
Рассыпается – заодно
С ветром, снегом, – обречено
Под ногами лежать оно.
Унижение для живых –
Жить изгоем среди чужих:
Пнёт любой, не скупясь, под дых;
Жизнь такая – как черствый жмых.
И животным она не в масть:
На цепи не разинешь пасть.
Жамгырчы и Шыгай попасть
Умудрились в чужую снасть:
Был *калмаком* ловец – Эштек,
Их долгами связав навек,
То погнал в Самаркан, а то
В глушь, к таджикам в село –
в Музтоо.
Жамгырчы лишь «Эштеков раб»
Каждый звал и был, в общем, прав:
Он работал без всяких прав,
Гордость рода и честь поправ.
Кызылтая народ ему,
Честь по званью воздав, уму,
Имя дал – мол, «кыргыз *кыпчак*»,
«*Сарт кыпчак*» – «властелин-бедняк».
Текечи – Кызылтая брат –
В клан не внёс даже малый вклад:
Достиженьями не богат –
Ни детей не взрастил, ни сад.
Да, *калмакский* захватчик смог
Род рассеять – ну как песок,
Словно ветер развеял стог,
Словно селя прошёл поток.
Разве что в этот сель не влип
Старший ханский сынок Жакып:
Он, судьбы оценив изгиб,
Понял: чванясь, отец погиб.
«У беспечности с чванством связь» –
Так подумал и, не кичась,
Стал *калмакам* платить оброк:
Невзначай, не в какой-то срок,
А, скорее, как в дар – мол, бог
Дал, чтоб я и другим помог.
То тулупом, а то конём
Ублажал их он день за днём:
Чай, коль с мёдом предложен он,
Вмиг поспорит с сердечным льдом!
Хан над краем – *калмак* Ногой, –
Приглядевшись годок-другой,
Поразжившись скотом, деньгой,
Звал Жакыпа: «мой дорогой!»
С той поры и ведётся так:
Что считается бывший враг
Основателем ветви всей
Жакыпхана, его детей:
Род «*нойгут*[31]» – на расспросы «чей»
Скажет каждый из тех лучей,
Не погасших во тьме ночей.

Жамгырчы, да и Акбалта,
Были мальчиками когда,
То любили листать вдвоём
Предсказаний отцовский том;
Столько тайн было скрыто в нём,
Зазывая за окоём!
Перечитывали не раз

[31] По А. Бернштаму: особенность этногенеза киргизов заключается в том, что их формирование шло на двух территориях: по берегам Енисея и на Тянь-Шане. Более древней ветвью киргизов является енисейская. В разветвленный род «ичкилик» входили нойгуты и кыпчаки – левое крыло кыргызов. Ныне именно потомки нойгутов представляют диаспору китайских кыргызов, к которым принадлежит сказитель этой версии эпоса Мамай Жусуп (*Прим. переводчика*).

Самый лучший для них рассказ:
Обещал он не без прикрас,
Что родится у них Манас –
Великан, богатырь-кыргыз,
Для *калмаков*, китайцев-лис
Это будет большой сюрприз:
Всех прогонит, кто бродит близ;
А потом покорит Китай
И в Беджине самом Сарай
Он поставит, мол, так и знай,
Чем прославит отцовский край.
Где тут правда, а где тут ложь?
С предсказателей что возьмёшь?
Говорят – будет завтра дождь,
Завтра зной полыхает сплошь.

Не об этом рассказ сейчас.
Не родился ещё Манас.
Весть про хана *калмаков* нас
Позабавить должна на час.
Край *калмаков* их богом дан
Как бескрайний степной дастан:
Запад взял себе Шоорук-хан,
С Сары-арка сбирая дань;
В Кётёлёке – Дёолос-хан,
В Кёк-Ойдуне – Кёнтея клан;
И, соседствуя с ними, здесь
Великаны-монголы есть:
И Соксо, и Сотой – не лесть
Их возвысила, – храбрость, честь;
На Аранике – Дёокан,
Он монгольского рода хан,
След кыргыза есть – Андижан:
Это имя осталось там
Среди тех «Шести городов»,
Чем гордиться *калмак* готов:
Град древнее, чем град Кокон,
Праотцами построен он.
Есть обычай из тех времён:
Чтоб монголом-муллой прочтён
Наугад был любой абсурд –
Предсказание, часть из сур, –
В древнем сборнике всех культур
В переплёте из бычьих шкур;
Очень ценит сей труд народ –
«*Ыстырлап*» – предсказаний свод,
Прорицаний: что небосвод
Всем сулит на ближайший год.
Для любителей ворожбы
Сдернуть занавес с тайн судьбы
Были маги и ныне есть:
Они чуют любую весть
Из далёких иль близких мест,
Что веленьем грядёт небес;
Жил Жангыр – многих знаний клад, –
По камням, разложив их в ряд,
Называл он легко расклад
Всех событий, имён и дат;
Вот монгол был – Ыранкудук:
Смог Жангыр на ладонях рук
Чувств его разглядеть недуг –
Нечестив был мулла-паук;
А колдун Эленкир – ему
Открывались лишь одному
Тайны многих чужих интриг:
Мог в какой-то невзрачный миг
Всей истории маховик
Повернуть – чтобы вдруг возник
Непредвиденный жизнью ход.
Он раскрыл любопытный сход:
Алооке и монгол-мулла –
Речь о нём чуть повыше шла, –
К Чынгыш-хану решать дела
Торопились в обход села.
Нет, спешили не в первый раз:
Третий год, как в грязи алмаз,
Зло искали в обрывках фраз
И мятеж в пересудах масс;
За доносы дарил им хан
То кобылу, то свой чапан.
Что ж – не каждый ведь интриган
Был в советчики ханом зван.

Алооке и Ыранкудук
Не внезапно сошлись, не вдруг:
В их Нарыне сложился круг
Тех, кто кознями жил в досуг.
Пламя в хладном колодце[32] – пар,

[32] Алоо – пламя; кудук – колодец (намек на сочетание двух имен).

Но мечтает раздуть пожар.
«Алооке, – говорил мулла, –
Нас святая судьба свела,
Книга судеб совет дала
Нам другие вершить дела:
Конурбай – Ваш любимый сын,
Сядет ханом на трон в Бейджин,
Будет век свой непобедим,
Коль сумеете, господин,
Быть с Конгаем. *Калмакский* край
И заоблачный весь Китай
Потрясёт очень скоро весть:
Не в степях, не в Китае – здесь
Богатырь вдруг родится, весь –
Сил земных и небесных смесь,
Тем, кто Небо прогневал, месть:
Всех он свергнет, лишь хан-кыргыз
Будет властвовать. Торопись!»
Алооке поспешил тотчас
Чынгыш-хану донесть рассказ.
Тот велел, чтоб пришёл на круг
И Жангыр, и Ыранкудук,
Чтоб проверить сей дерзкий слух:
Не пустые ли сплетни слуг?
Прорицатель без ворожбы
Отвечал: «Это весть Судьбы.
Надо ль дважды её пытать?
В Юго-западных землях мать
Носит чудо во чреве… "Знать" –
Не тождественно действу "взять"!
Но затопал Чынгыш в сердцах:
"Зреет там, у кыргызов, враг!
Всех в крови утоплю я!" – страх
Шапки жжёт на любых ворах.
Хан велел, сам себя взведя:
Женщин, ждущих на свет дитя,
Разом вырезать, не щадя! –
Всем кыргызам так отомстя.
Тут же хан Алооке приказ
Поспешил довести до масс;
Правда, в панцырь он влез в сей раз,
Смяв халата златой атлас.
"Род, – сказал он, – ваш в вере слаб.
Весть пришла, что из чрева баб –
По вине их мужей-растяп, –
Выйдет дьявола верный раб!
Всех сожрёт он, погубит род!
Да поможет себе народ!
Все, кто носит дитя, – вперёд!
Бей! – чтоб в мир не пришёл урод!.."
Чтоб казнить всех наверняка
Он *калмаков* созвал войска
Из Нарына, Сары Арка,
Балыкарта, Кётёлёка.
Бедным женщинам животы
Взрезав, с матками их плоды
На помойку, голодным псам
В растерзанье бросали… Сам
Обезумевший муж иной
Увлечённый расправой злой
Помогал супостатам, – в сон
Словно впавший от лжи в полон.
Сколько тысяч примерных жён
Уничтожил кровавый гон!
Тех, кто выжил, сгубил вдогон:
Всех бесплодными сделал он.
Кровь лилась как пустая грязь.
Род погиб. Хан Чынгыш, смеясь
Встретил знатных кыргызов: власть
Укрепил он на этот раз!
Протрезвев, оценив итог,
Пряча в бородах слёз поток,
Главы знатных семейств, кто смог,
К хану с жалобой на порог
Появились, на поводу
В дар коней и верблюдов – мзду –
Привели, нагрузив добром:
Тканью, золотом, серебром.
"Ваши беды, а я при чём?" –
Хан на жалобы лишь плечом
Чуть пожал, но принял дары:
Против правил не шёл игры.
Сам же думал, что до поры
Были боги к нему добры,
Ну, а если же эту весть
Он неправильно смог прочесть?
Уничтожил детей, что есть,
А в грядущем?! Всех жён известь
У кыргызов? В других родах
Будут жён они брать – их нрав

Позволяет разбавить *кан*[33].
Чрево женщины, мол, – казан,
Плод, что семенем мужа дан,
Родом мужа сочтёт *асман*.

Размышляя, Чынгыш решил,
Чтоб покоя достичь души,
Надо правду отсечь от лжи,
Колдуна допросив в тиши.
Вновь Жангыра привёл визир.
"В Книге Судеб, – сказал Жангыр, –
Нет подробностей… Просто в мир
Будет явлен кыргыз-батыр".
"От кого он родится? Где?!"
Прорицатель себя в беде
Виноватым считал, испуг
Выдавало дрожанье рук.
Тут ответил Ыранкудук:
"Хан Чынгыш, я Ваш верный друг!
Собирая для Вас молву,
Всех примет я собрал канву.
Как узнать, что родится тот,
Про которого речь идёт?
Если мальчик родится, вот
Как узнает его народ:
Будет мальчик в одной горсти
Сгусток крови с собой нести,
Жир – в другой, словно по пути
Пищу думал он запасти;
А раскроешь ладошку, враз
Все увидят там знак – "Манас"!
Хан задумался: "Глаз да глаз
Нужен здесь". Да издал Указ:
Пусть кыргызы в любом дому
Не ночуют по одному,
Пять – не меньше: не то в тюрьму.
"И *монахов*[34] в догляд найму!
Пусть следят, кто родится, – так
Не пропустим зловещий знак;
Напугаем кыргызов вновь:
Мол, в ладошке несущий кровь –
Целый мир погубить готов:
Вмиг останетесь без голов».

До кыргызов уже дошло,
Что от хана Чынгыша зло
В жизнь их подлой змеёй вползло.
Весть к ним в души несла тепло:
Будет праздник в роду у вас:
Богатырь к вам придёт, Манас!
Что ж, к рожденью его сейчас
Повернуть бы пора и Сказ!

Бай Жакып – Орозду сынок –
Выжил, бог ему в том помог.
Балыкарт он оставить смог:
Не боялся Жакып дорог.
Перевал миновав, Барскоон,
Задержался в Кунёсе он,
Здесь остался, так был пленён
Щедрой зеленью тех сторон.
Скотоводство он знал, любил,
Отдавал ему много сил,
Даже травы он сам косил,
Только их у земли просил.
У *калмаков* шутил народ:
«Там бесплодный Жакып живёт», –
Мол, не сеет ни хлеб, ни рожь –
Только травы, – такой он, что ж.
Но не знали они, шутя,
Что Жакып много лет дитя
Ждал до слёз, но, жену щадя,
Он об этом молчал, хотя
Сам старейшин пытал о том,
Как богатый, но грустный дом,
Где с женою живут вдвоём,
Осчастливить суметь сынком.
Самый мудрый сказал ему:
«Счастье селится в том дому,
Где играют с ним, – потому,
Что дитя оно по уму.
Есть обряды – они смешны,
С ними много всегда возни,
Но пришли-то из старины!
Так советуют вещуны:
Взять корову, причём она
Только яловой быть должна,

[33] Кан – кровь.
[34] В фольклоре слово «кечил» переводится и как «калмак», и как «монах».

На неё, как на скакуна,
Понавешать даров сполна,
В дом ввести, привязать, пусть ждёт;
Добрый знак – коль в дому найдёт
Муж коровий навоз, помёт:
Дом его пополненье ждёт!
А ещё говорит народ,
Если хочешь зачать приплод,
Чаще гневайся на жену,
Дёргай ревности в ней струну,
Оставляй тосковать одну, –
Страсть расти в ней. Идя ко сну
Косы чешет пусть на луну:
Счастье ловится на блесну».

Бай Жакып всё мотал на ус.
Когда многих советов груз
Стал привычней семейных уз
Он решился – и впал в искус:
Яловую корову он,
Нагрузив, словно это слон,
Притащил из подворья в дом,
Привязал и оставил в нём.
Сам уехал с женою в лес,
Что в Кунёсе шумел окрест,
И остался в одном из мест,
Пока жить там не надоест.
Для жены Чыйырды нелеп
Был их выезд, – с собою хлеб,
Взял он только, к нему айран, –
Словно был не в себе иль пьян.
Не ругаясь из-за еды,
Лишь поплакала Чыйырды,
Напилась из ручья воды
Да заснула: ведь нет беды.
Шёл Жакып на такой обман,
Чтоб не знала жена про план:
Птицу счастья спугнуть легко –
Лишь кому-то шепни в ушко.
Чыйырды среди ночи вдруг
Муж помстился: над ней как лук,
Изогнувшись, парил он, вдруг
Слился вместе сердец их стук.
На рассвете к ручью жена
Потихоньку ушла одна,
Удивляясь проделкам сна,
Искупалась в ручье она,
Всё ждала, что Жакып придёт:
Так светло розовел восход,
Что луны потускневший плод
Таял, словно в пиалке мёд.
Распустив свой шатёр волос,
Сев на камень, что в землю врос,
Вновь она задала вопрос:
Мол, за что же её обнёс
Материнством великий бог?
Что ей сделать, чтоб Он помог?
Вновь навеял сон ветерок,
Показалось? – Жакып не смог:
Удержаться: унёс в постель.
Застонала над ними ель,
На бессмертник присевший шмель
Басом выдал, взлетая, трель.
Говорили Жакыпу те,
Кто пытался помочь беде,
Что, когда понесёт жена,
Станет солнца светлей она,
Величавою как луна,
Новой силой своей полна.
В этот год – хвала небесам! –
Смог Жакып разглядеть и сам
Лучезарность в лице жены, –
Были присказки все верны:
Забеременев, Чыйырды
Расцвела как весной сады.

Там, где счастье – увы, беды
Можно видеть всегда следы:
Вдруг *калмаков*-монахов тьма
Появилась в селе: в дома
Заселялись и задарма
Ели-пили, причём весьма.
Это было лишь полбеды.
Разузнав, что у Чыйырды
Скоро будет дитя, они
Задержались на оны дни[35],
В разговоры вникали, в сны,
Опускаясь и до брехни.

[35] В оны дни (*старорусск.*) – некогда, когда-то; на оны дни – неизвестно, насколько.

И Жакыпу один старик,
Кому верить Жакып привык,
Так сказал: «Неспроста *калмак*
Вдруг к тебе присосался так!
Ублажай их, любой каприз
Исполнять спеши, не ленись,
Водку в чай подливай, в кумыс,
Чаще в чашку пусть смотрят, вниз;
Сам же в дальний путь торопись.
Сам придумай – зачем порог
Свой меняешь на зов дорог.
Уезжай! – да поможет бог
Чыйырды разродиться в срок!»
Бай Жакып, ублажив «гостей» –
То халат им, то тюбетей
Подарив, то раздав коней,
Чтоб по сёлам гулять вольней,
Так однажды сказал: «Увы,
Стало мало вокруг травы.
Не заметили разве вы,
Что в Кунёсе луга мертвы?
Для скота здесь земля узка,
Много пустошей и песка,
Здесь, в селе, даже нет леска.
Скот голодный – в душе тоска.
Как просторны леса Буурул!
Отгоню я скот на отгул.
Дом оставлю, еды запас,
Вы живите, не ждите нас!»

И в предутренний ранний час,
В небе месяц едва угас,
Бай Жакып с Чыйырды своей
Да с соседями – кто верней,
Подгоняя коров, коней,
В дальний край поспешил скорей.
Нужен был Чыйырды покой.
На телеге тряслась простой,
Но без жалоб – была такой.
Так добрались до Актокой.

Про Буурул, заметая след
И семью уводя от бед,
Он подумывал, но вослед
Хвост стелился бы тех же бед.
Он своими назвал места,
Где для дома и для скота,
Всё нашлось, что душе желать:
Трав нетоптаных благодать,
Лес, озёр голубая гладь.
Где монахам их не сыскать.
Актокой[36] – это имя лес
Краю дал, что шумел окрест:
Дуб, да ельник, да березняк,
Да взметнувшихся сосен флаг;
Летом жаворонок, земляк,
Пел печальнее, чем *кыяк*[37],
Светлой песня его была.
Угуз-хана здесь ветвь жила,
И молва, а скорей – хвала,
Местных родом «*Алаш*»[38] звала.
У Жакыпа всегда рука
На названья была легка:
Край назвался «*Буурултокой*[39]»:
Светлый шумный табун лесной.
Огляделся Жакып – земля
Их с соседями приняла,
С тою рядом она была,
Что молва «Акбалты» звала:
Брату выделен был надел.
Но владеть он им не сумел:
Спор не выиграв, охладел
Акбалты, отойдя от дел.
Зоркий глаз был у Акбалты.
Он Жакыпову Чыйырды
Как *олжо*[40] родовой вражды
В дом привёл, – из одной беды
Счастье в судьбы двоих вплетя:
Чыйырды ведь была дитя –
Что четырнадцать нежных лет? –
Дочь богатой семьи на свет

[36] Ак токой – светлый (святой, белый) лес.
[37] Кыяк – пастушья скрипка.
[38] Алаша – красивый, миловидный.
[39] Буурул – чалый (о лошади), седой.
[40] Олжо – добыча, трофей, дань победителю.

Очень робко глядела: след
Пережитых остался бед.
Над Жакыпом Балта шутил:
«Кто-то, вижу, брат, наследил[41]
В твоём сердце, – не мой ли дар?»
Ведь подметил: в сердцах пожар
Вспыхнул вдруг у двоих – и вот:
След любви их – во чреве плод!

Ждал Жакып день и ночь – когда
Его первенец из гнезда –
Материнского чрева, – в свет
Народится. Небес ответ
Был мудрей ожиданий: цвет
Прежде завязи, спору нет:
Надо няньку родить сперва.
По селу разнеслась молва:
У Жакыпа родилась дочь! –
Миловидна, глаза как ночь.
Был обижен Жакып: помочь
Богу было с мечтой невмочь,
Он ведь сына-батыра ждал!
Кардыгач[42] – так он дочь назвал:
Вместо сокола-сына – стриж,
Хоть и милый, родной малыш;
День за днём и уже, глядишь,
Эту птаху боготворишь.
Так три года прошло. Опять
Стал, как прежде, Жакып мечтать
О наследнике-сыне; мать
В дочке видела благодать.
«Увезти её снова в лес?
Достучаться вновь до небес?
Неужели сундук чудес
Из-за дочки растрачен весь?»
Дом построил добротный он
И помощников взял в наём:
Дел хозяйских большой объём
Не давал прохлаждаться в нём:
Скот в подворье стоял, в лугах
Табуны, нагоняя страх,
У Жакыпа паслись – в делах
Помогал ему сам аллах.

Но наследника жаждал он!
Все советы былых времён
Применил он опять: вдвоём
С Чыйырды он покинул дом.
Сам потом он ушёл в дела,
А жена его там ждала –
Возле поля, где как юла
Стриж наращивал мощь крыла.

Озубека жила вдова
В их селенье – почти мертва:
Сил хватало на жизнь едва,
Рос сынок её как трава.
В лес за хворостом сироту
Мать послала. И на беду
Дал Жакып ему снедь, коня:
Больше дров соберёт в полдня.
Благодарный за доброту
Вглубь забрёл он, на поводу
Вёл коня. Вдруг на сироту
Страх напал и почти в бреду
Он увидел: в лесную глушь
Сорок мальчиков, светлых душ,
Вдруг зашли, и за рядом ряд
Сквозь него их прошёл отряд;
Вслед за ними вдруг сорок львов
Показалось… Он был готов
Богу душу отдать без слов
И рассыпал вязанку дров;
Львам, причудилось, дали снедь
Два охотника: рассмотреть
Сирота их не смог – как смерть
Слух и зренье замкнула в клеть.
Прочь помчался, очнувшись, он,
Примерещенным обожжён,
И, к Жакыпу вбежавший в дом
С покрасневшим от слёз лицом,
Заикаясь, срываясь в крик,
Рассказал про всё напрямик.
Бай Жакып подхватился вмиг
В лес бежать; по пути старик
Его встретил – он с ним привык
Посудачить – ведь Адылбек

[41] Чыйыр – тропа, след; чыйырдуу – пересеченный следами, тропами.
[42] Кардыгач – стриж.

Был приятнейший человек;
Но к Жакыпу сейчас вразбег
Он прилип как весенний снег:
«А-а, Жакып, ты богат скотом,
Напоказ ты построил дом,
Табуном и другим добром
Похвалиться спешишь, притом
Ты про главный молчишь успех:
Сына скрыл своего от всех!..
Сорок мальчиков – сыновей
Близкой, видно, родни твоей
Повстречал я… Олений рог
Собирая, аж сорок смог
Отыскать я, – мне паренёк,
Что с тобою идёт, помог;
Да, вот этот – чей красен лик.
Он-то мне рассказал: "Старик,
Наш богач-то Жакып велик,
Он небесных высот достиг:
Богатырь его сын – Манас.
Сорок мальчиков вот сейчас,
Не скрываясь, вели рассказ.
Как его берегут от нас!"
Гнев Жакыпа тотчас скрутил,
Слёзы хлынули – он решил,
Что старик с сиротой на спор,
Свой затеяли разговор:
Убоится Жакып, мол, ссор,
Как нашкодивший тихо вор!
"Я бездетен!" – сказал в сердцах:
Дочь ведь гостья в дому отца,
Радость краткая – до венца,
До заезжего молодца.
Сам на ссору пошёл, как бык:
"Как понять мне тебя, старик?!
Что замыслил твой злой язык?
Я к злословию не привык!"
"Не при чём я, но говорят
По словам сорока ребят,
Для Манаса, мол, оленят
Ищут мальчики: пеш отряд…"

Замахнулся Жакып камчой,
В страхе сжался старик, плечом
Оттолкнул его бай – о чём
Толковать им? – взглянул сычом
И, ломая сушняк, бегом
За конём и за пареньком
Побежал, сам не свой от слёз:
"Я – бездетный! Жену увёз
С глаз долой, чтоб замять вопрос,
А какой-то мальчишка-пёс
Всё наврал, в гнев введя меня!
Не заслуживая вранья,
Я по-доброму дал коня,
Ох, задам же поганцу я!"
Мысли дальше крутились: "Бог
Даже бедной вдове помог,
Ведь растёт у неё сынок;
Что за жертву я дать не смог?
Может, взять мне сиротку в дом?
Будет сыном он, и потом
Вряд ли будет болтать о том,
Что в лесу он увидел днём;
И старик промолчит – ему
Объяснил же я по уму,
Что не следует никому
Шутки строить – я не пойму.
Ведь *калмаки* про этот вздор
Лишь узнают – пришлют дозор.
Уроню ль в эту землю кровь?
Нет, – от них не сбегу я вновь".
Сам от мыслей еще не здрав,
Суукуйрука-коня поймав,
Растревожил строптивый нрав,
Слишком жестко его взнуздав;
Посадил юнца на коня,
Конский норов в сердцах кляня:
Тот, вкусивший свободы дня,
Сбросил парня, уздой звеня;
"Суукуйрук!", – но на оклик тот
Конь, взбесившись, рванул вперёд,
За собой потащил юнца:
Тот, поводьями жеребца
Весь опутанный, – по камням,
Буеракам и острым пням
Полетел как тряпичный хлам.
Сердце бая напополам
Разорвалось как будто, вслед
Он бежал, полумёртв от бед,

Проклиная весь белый свет,
Понимая: спасенья нет!
Только ночью придя в село,
Он с собою принёс седло
И останки – что повезло
Подсобрать: что не разнесло
По кустам, по стволам, траве.
В обезумевшей голове
Билась мысль: "Я хотел сынком
Привести его завтра в дом;
Бог мечту погубил пинком:
Не мечтай, мол, впредь ни о ком".

Озубека вдова была
Вся в тревоге: сынка ждала.
Лишь кухарка-раба спала
На подстилке в тепле угла:
Её звали Бакдёолет, –
Через пару мелькнувших лет
Она в жизни Жакыпа след
Вдруг оставит… Но в тот момент
Лишь, проснувшись, открыла дверь.
Бай Жакып, словно дикий зверь
Прорычал: "Весть пришла, поверь,
О страшнейшей из всех потерь!"
Звали бедную мать Магдым.
Вся бесцветная, словно дым,
На останки взглянув, беды
Не узнала… и сироты
Не увидела. Лишь вопрос
Был в глазах её вместо слёз.
И Жакыпу пришлось опять
Всё мучительно вспоминать,
Всё до мелочи рассказать,
Чтобы видела зримо мать:
Как взбесившийся Суукуйрук
Сбросил мальчика, чтобы вдруг
Через чащу рвануть. Испуг
Хватку детских неловких рук
Льдом сковал, отпустить не смог
Мальчик повод: то как листок
Он вращался, то как зверёк
Бился оземь…Из вен поток
Алый шёл… "Я бежал как мог,
Но мальчонка погиб… сынок…"
Мать рыдала, Жакып рыдал.
Адылбек, хоть и дома спал,
Плач услышав, с постели встал,
К ним приплёлся и так сказал:
"Жертвой стал твой сынок, Магдым.
Будет вечно он молодым.
Бог за жертву нам всем воздаст:
К нам защитник придёт – Манас!"
У Жакыпа весь пыл угас.
Он подумал: "На этот раз,
Коль услышал бы нас *калмак*,
То подумал бы сразу так,
Что попали, мол, все впросак:
Рядом тайно растёт вожак".
Грудь Жакыпа пекло огнём.
Он подумал: "Ушел бы днём
Мальчик к матери, и живьём
Рассказал, что Манаса ждём;
А Магдым разнесла бы так
Эту весть по "*узун кулак*"[43],
Что *калмак*, наш дотошный враг
Всех скрошил бы на *бешбармак*».
Этих мыслей печальных бег
Прерывая вдруг, Адылбек
Посоветовал: «Бай Жакып,
Ты от плача уже охрип,
Чувств не сдерживать – перегиб,
Лучше трезво подумал ты б,
Как восполнить вдове урон?
Без поддержки со всех сторон
Вмиг осталась вдова. Смущён
Даже я – как ей жить? Лишён
Век её всех былых надежд.
Дашь ей денег? В руках невежд
Деньги – зло; если дашь скота –
Лишь умножится маята;
Ведь за тридцать уже Магдым,
Жить сначала лишь молодым
Удаётся, а пожилым…
Эх, сочувствие – это дым.
Ты богач: и добротный дом,
И подворье полно скотом,
И работников тьма внаём.

[43]Узун кулак – дословно: длинное ухо (сплетни, передаваемые из уст в уста).

Вы с женою, считай, вдвоём,
Много ль надо вам? Пусть женой
Станет бедная мать второй,
Нарожает ещё детей,
Чтобы горе забыть скорей!»
Был согласен Жакып в тот миг.
С речью сладкой тогда старик
Подкатился к Магдым: язык
Так бывает порой велик!
«Ой, хозяйка Магдым, беда
Подточила дом навсегда,
Закатилась твоя звезда.
Но скажу тебе так тогда:
Без заботы мужской твой век
Как песчинка в кипенье рек,
Вот нашёлся бы человек –
Не тревожился б Адылбек.
Случай свёл с богачом тебя,
Вас связала бедой судьба,
Он сынка твоего, любя,
Потерял, словно часть себя.
Если виру возьмёшь добром –
Чистым золотом, серебром,
Ни любовь, ни заботу в дом
Не вернёшь ты, увы, при том;
Конь, верблюд ли – промеж горбов
Что навьючишь? Печаль годов?
Грусть, что слишком горька у вдов?
Выйдешь замуж? Жакып готов!»
От Магдым потрясённой он
Безответный услышал стон,
Хоть и думала: «Старец прав!»,
Но молчала три дня: свой нрав
Показала и, доиграв,
Замуж выскочила стремглав.
Очень скоро: «Любимый мой», –
Так Жакыпа звала, – одной
Вековать нелегко, хоть вой.
Сын ушёл, но пришёл покой.
Да, устала Магдым от ран.
И теперь вместо раны шрам
В сердце изредка ныл – «*балам!*[44]»
Но к восторгу односельчан
Оправдавшие поздний брак
Два сыночка – Серек, Сыргак, –
Появились, развеяв мрак
В сердце матери, но впросак
С их рожденьем Жакып попал:
О Манасе же он мечтал,
Ведь не зря на него запал
Взгляд чынгышевских прихлебал!
Но один за другим малыш
Появился – всё тот же стриж:
Видно в зёрнышке, *что* взрастишь.
Но и в проигрыше барыш
Бай Жакып углядел: зато
Позабыло село про то,
Сколько знаков тогда пришло,
Что придёт богатырь в село:
Все, кого ожиданьем жгло,
Лишь вздохнули: не повезло.

Как Магдым разродилась, он
К старшей жёнушке на поклон –
К Чыйырды – поспешил, смущён
Тем, что прежний увидел сон:
В шалаше у ручья они
С Чыйыйрды, как в былые дни,
Не стесняясь своей возни
Стонут, думая, что одни;
Яловая корова вдруг
Огласила мычаньем луг,
Побежали смотреть – недуг?
Отелилась корова вдруг:
Сразу с рожками чёрный бык
Народился; но грянул крик:
В лес, что в общем-то невелик,
Набежали *калмаки* вмиг,
Бродит по лесу, мол, Манас –
Ваш сынок! Не обманешь нас!
Чыйырды собралась тотчас,
Отпустив все обиды враз,
Поспешила в свой главный дом
И, тревогой её ведом,
Бай Жакып пригласил домой
Всех старейшин села на той.
Адылбек сел *тёргё* за стол –
Словно ханский занял престол, –

[44] Бала – ребенок, мальчик; балам – мой мальчик.

Ясновидец и балабол,
Всех в сердечности обошёл.
Белым бородам неспроста
Бай пожертвовал часть скота:
Пусть души его маета
В щедром празднике живота
Угощеньем пойдёт в залог,
Что о нём не забудет бог.
Жеребёнок, баран, телок,
Май с *каймаком*[45] для *боорсок* –
Старшим лучшее дать изволь,
Старики – это жизни соль.
И Жакып, да и Чыйырды,
Знали: лучше ключа – еды –
Нет к сердцам, всё что съелось – впрок.
Бай Жакып бы добавить мог:
Где-то в звёздной пыли дорог
Бродит и не дойдёт сынок;
Их *тюлее*[46] – это дань за весть.
Может, сможет и он поесть?
Адылбек всё за них сказал, –
Уважаемый аксакал,
Заглянувший на миг в астрал,
Мог смолчать ли о том, что знал? –
«…В день прозренья, наверно, бог
Моим словом озвучить смог
Весть великую! Я спросил
У Жакыпа: Манас – твой сын?
Почему же тогда один
Бродит в чаще он меж трясин?
Ты, Жакып, словно зверь в клети,
Всё крушил на своём пути –
Ты не понял тогда меня!
Лишь в сердцах отхлестав коня,
Весть отмёл в тот недобрый час…»
Мог Жакып возразить, – мол нас
Лишь за имя одно «Манас»
Всех *калмаки* убили б враз.
Но сказал Адылбек вослед:
«Понимаю твой страх, сосед.
Кто же хочет накликать бед?
Про меня говорит народ:
Не поганю я ложью рот
И на сплетни – изрядный жмот;
Мог *калмакам* я сдать наш род?
Был в сомненьях не ты один:
Нерождённый ещё твой сын
Говорил мне в лесной глуши,
Что к Жакыпу, к отцу, спешит.
Мог поверить ли я, скажи?
Только есть ещё взгляд души,
Что шепнула мне: бог даёт,
Лишь меняя всей жизни ход!»
Затаив в удивленье дух,
Аксакалы в беседе двух
Уловили всего лишь слух,
Что небесный святой пастух
Шлёт в помощники к ним посла.
«Ай, хорошая весть пришла!»
В пересудах пошли, но весть
Не решились до баб донесть:
Напридумают, что невесть!
В край *калмакам* недолго влезть.

Вскоре, месяца три спустя,
Чыйырды понесла дитя.
Наизнанку, за дом уйдя,
Выворачивалась, кряхтя:
Спозаранку тошнило так,
Словно выпила натощак
Изумрудный от трав арак
Иль жевала всю ночь табак.
Приставал к ней Жакып: «Жена,
Что с тобою? – ты так бледна,
Похудела… Ты не больна?
Больше мяса ты есть должна».
Чыйырды отвечала: «Нет,
Не хочу я, увы, в обед
Ни ягнёнка и ни коня,
И с бычком ни к чему возня –
Это мясо не для меня.
Не расспрашивай, лишь дразня».
Засмеялся Жакып: «Жена,

[45] Каймак – круто сбитые сливки.
[46] Түлөө – щедрое воздаяние (обычно через той) в знак какого-либо события – напр. миновавшей беды или возможного счастья.

Ты здоровая мне нужна.
Если надо – с речного дна
Всё достану тебе сполна.
Девяносто верблюдов враз
Оседлаю, коней в запас
Я возьму, чтоб сыскать тотчас,
Что души моей ждёт алмаз!»
Чыйырды же в ответ: «Беда! –
Не помогут твои стада
И верблюдов всех череда.
Я отвечу не без стыда;
Усмехаться не вздумай в ус:
У меня изменился вкус,
А круженье мне чуждых чувств
Ночью сводит с ума, – боюсь:
Словно сказочный Сумурук,
Повторяя щемящий звук,
Как бессменный сердечный стук,
Вовлекает в незримый круг;
В нём, я чувствую, цель близка.
Выедает глаза тоска,
Как мошка, звенит у виска,
Превращая часы в века…
Что хочу я, не сыщешь вдруг,
Хоть обыскивай всё вокруг –
И леса, и поля, и луг.
Сердце тигра хочу, мой друг,
Сердце тигра! Ещё у льва
Съесть язык бы его могла –
Жар желанья теснит, как мгла.
Вот… такие у нас дела.
Ты прости, полежу пойду».
Снова вырвало Чыйырду,
Застеснялась, что на виду
Рассекретила дурноту.

А Жакып загрустил – увы,
В ту эпоху лишь трёп молвы
От охотничьей шёл братвы:
Что, в трофеях, мол, тигры, львы;
Размышлял он: «В Буурултокой
Появлялся ведь зверь такой,
Говорили, смущал покой
Местных жителей год-другой;
А ещё, я слыхал, Чаган
Весть встревожила: мол, в капкан
Лев, не помню, иль *кабылан*[47]
Вдруг однажды попал, не ждан.
Мне б охотника разыскать,
И коня да и денег дать,
Да побольше, что их считать? –
Лишь бы тигра он смог поймать.
Сам погибну я от стыда,
Чыйырды коль, моя звезда
Вдруг погибнет, и с ней – мечта:
Не родится ведь сын тогда.
Что я буду, увы, за муж,
Проворонивший жизнь двух душ?!
Только лев, да и тигр к тому ж
Нереальней *алп каракуш*[48].
Адылбек, мой советник-друг,
Может быть, разорвёт сей круг?..»
Он под вечер покинул двор
И взобрался на косогор:
Полюбили с недавних пор
С Адылбеком на разговор
Подниматься они вдвоём –
Сверху виден был каждый дом,
Каждый двор, суета сует,
Затеплившихся окон свет.
Жёнам бай не открыл секрет –
Где убежище для бесед.
Постояли, вглядевшись вниз.
Огоньки тут и там зажглись.
Лунный диск над землей повис.
Про жену и её каприз
Рассказал бай Жакып, грустя.
«Не она, а внутри дитя
Жаждет этой еды, хотя
Это нравы царя, вождя, –
Адылбек объяснил ему
И добавил, – а потому

[47]Кабылан – леопард, тигр, пантера.

[48]Алп каракуш – гигантская птица-демон (Алп – великан; Кара –1. черный, вороной; 2. силуэт, очертания; 3. опора; 4. ложь, неправда; 5. траур, печаль; 6. злой дух, нечистая сила; 7. тьма; 8. виновный и т. д.; Куш – хищная птица, ловчая птица,сокол).

Надо сделать всё по уму.
На себя, что смогу, возьму.
Если ищешь ты тигра, льва,
Их в долине найдешь едва.
Нам поможет искать молва:
"*Длинноухая голова*"[49],
Что в любом поселенье есть,
Помогать нам почтёт за честь:
Богатеи и беднота
Ждут: зажжётся в роду звезда!
Я надеюсь, что *алп*[50] Балта,
Что отшельничает всегда –
Младший брат твой, – он по-людски
Нам поможет, но не с руки
Обращаться в тисках тоски
К тем, кто младше, – мол, помоги!
Я помчусь к нему сам, а ты
Обеспечишь приём Балты.
Я надеюсь, у Чыйырды
Хватит сил подождать еды».
Ни минуты не медля он,
В лес отправился. Бедный конь
Мчал в поту, тяжело дыша;
Адылбек же скакал, дрожа:
Вдруг от тряски такой душа
Взмоет в небо быстрей стрижа.
Слава господу, обошлось!
К великану незваный гость
Постучался. Был Акбалта –
Воплощённая доброта.
Адылбек рассказал: сюда
Привела его не беда,
Но предвестие: мол, сестра,
Если будет судьба щедра –
Сердце льва или тигра съест, –
То героя родимых мест
Сможет вскоре родить, – с небес
О герое пришла, мол, весть.
Щедр Балта был: за *сүюнчү*[51]
Дал в подарок как богачу
Иноходца, к нему – седло,
Лишь бы с родами повезло!
Адылбек поспешил в село:
Драгоценное время шло.
Собираясь, Балта ворчал:
«Груз Жакыпу не по плечам,
Ножны надобны для меча,
Раз героя уж ты зачал».
Обратился к жене: «Катын!
Я сегодня пойду один,
Много дел!» – узелок сложил
И за пазуху положил.
Шёл он по лесу как гора,
В третьи сутки пришёл с утра.
Брат встречал его у двора,
Домочадцы и детвора
Тоже высыпали: в глазах
Он надежду читал и страх.
Сам Жакып, Кыпчакбай-сосед,
Адылбек, Чыйырды чуть свет
Ждали гостя. Уже обед,
Как основа для всех бесед,
Ароматом наполнил дом.
Вскоре сели за *дастархан*[52].
Алп Балта дал совет такой:
«Собираться не след гурьбой.
Адылбек стал нам словно свой,
И соседа считай роднёй.
Но других не зови сельчан
И на всех не дели печаль:
Рыщут всюду монахи – чай,
На плечах не гнилой кочан.
Тайна наша – не для зевак.
С ловлей хищников сделай так:
Собери весь скот на сыртах –
На увал отправь табуны,
Вниз овец и коров, – они
Чтобы не были всем видны,
Чтоб никто не узнал цены
Нажитому, чтоб мог ты, брат,

[49]Узун кулак киши – *здесь* игра слов: знающий о многом человек (длинноухий, прислушивающийся). (Узун кулак – «длинное ухо» – народная молва, передающаяся устная информация, сплетни.. Киши – 1. человек, мужчина; 2. другой, посторонний).

[50] Алп – великан, исполин.

[51]Сүйүнчү – добрая весть.

[52]Дасторкон – скатерть, стол с яствами, дастархан.

Всё, что нужно, без шума брать.
И верблюдов бы в лес, за гать,
Надо тоже бы отогнать.
Денег целый мешок готовь.
Ведь чужая не станет кровь
За ничто рисковать, поверь:
Тигр – очень опасный зверь.
Ты охотникам так скажи,
Не жалея, от всей души,
Что огромные барыши
Тот получит, кто поспешит:
Мол, верблюда возьмёт с седлом,
И коня, а уже потом,
Если тигра ли, льва убьёт,
Забирает и весь доход.
Арифметика здесь проста:
От отары – не меньше ста,
Сорок лучших кобыл – мечта
Для развода пород скота;
Для запасов мясных зимой
Дай десяток коров в забой.
Вспыхнет жадность – так успокой:
Если сын не родится твой,
Для чего тебе деньги, скот?
Пустишь по ветру всё в расход!»
Брат не спорил, сказал: «Готов
Всё отдать я – овец, коров;
От верблюдов до табунов –
Всё! Не тратя ни чувств, ни слов».

Адылбек и Балта смогли
Всем охотникам их земли
Донести эту весть – о том,
Как богатством украсить дом.
Это был очень мудрый ход:
Вмиг нашлось человек пятьсот.
На охоту спеша, народ
Просто думал: богач, мол, мот,
Не доискиваясь причин:
Игры разные у мужчин.
Загоняли коней, спеша –
О чужом не болит душа;
Лес обыскивали, кружа,
Сухостоем лесным шурша,
Всполошили весь тёмный лес:
Барабан, издавая треск,
Спорил с залпами ружей… Влез
В души алчности шумный бес.
Лай собак выгонял зверьё:
Даже ящериц дурачьё
Выгоняло из-под корней;
Горностаев и секачей,
Быстроногих косуль, лосей, –
Столько живности было всей,
Столько прыскало прочь, хрустя,
Словно лес разбегался, мстя.
Вышел волк и застыл на миг,
Глянул мудро он, как старик,
Что задумался вдруг в пути,
Словно звал он: «Сюда иди!»
На широкой его груди
Кровь алела в седой шерсти;
Не шатаясь, с презреньем он
Без оглядки ушёл, вдогон
Пробежал, словно тень, шакал,
И неспешно, как аксакал,
Кривошеий верблюд вразвал
Меж деревьями прошагал;
Одичавших коров и коз
Было много, в стадах и врозь,
С ними дикий онагр-гость
В глушь ломился, куда пришлось.
Дым струился среди дерев:
Так охотники, озверев,
Без разбора стреляли дичь,
Лишь бы цели своей достичь.
Подустала к ночи братва.
Стала алой от жертв трава.
Счесть сумели волков едва,
Тигров, львов было лишь по два.
В поле вынесли всех зверей,
Каждый спорил – где чей трофей,
И решили толпою всей
Все призы поделить скорей.
Бай Жакып указал места,
Где оставил их часть скота,
Денег дал, чтоб была сыта
Вся уставшая беднота;
Сам задумался: «Тигр, лев…
Разживусь ли, две туши съев?

Или, шкуры их пожалев,
Запятнаю свой двор как хлев?
Пусть охотники заберут
Их себе». Он за пять минут
Сердце тигра достал; у льва
Челюсть смог разрубить едва,
Чтобы, вытянув, взять язык.
Хорошо – подоспел старик,
С Адылбеком пришёл Балта.
Вмиг закончилась суета.
Поспешили, ведь Чыйырды
Всю сводило от ломоты:
От мучительной тошноты
Были даже глаза желты;
Бьётся в муках таких сазан
Весь нанизанный на кукан.
В дом примчались, и великан
Попросил поскорей казан,
Родниковой налил воды
И, толкаясь от суеты,
Чтоб сготовить скорей еды
Для безжизненной Чыйырды,
Вместе стали варить свежак.
В этом каждый кыргыз – мастак:
С тестом может попасть впросак,
А вот с мясом-то – в руки флаг!
Ждали: как же она поест?
Чыйырды за один присест
Съела всё, и румянец щёк
И без слов им понять помог,
Что во чреве её сынок
Голод свой успокоить смог.
Над ожившею Чыйырдой,
Называя её сестрой,
Вдруг навис великан горой;
Из-за пазухи узел свой
Он достал и вручил, сказав:
«Оцени терпеливый нрав:
Жил ещё Орозду-отец,
Когда я – ну совсем юнец, –
Тайну спрятал твою в ларец,
Чтоб сейчас открыть, наконец!

Был силён наш отец, наш хан:
С ним в борьбу ни один *балбан*[53]
Не вступал: у семи селян
Перетягивал он аркан!
И какие-то люди вдруг –
В их глазах горел Сумурук, –
Постучались в Сарай. На стук
Вышел кто-то из верных слуг;
Любопытство своё тая,
Смог услышать, однако, я:
Гости прибыли наобум,
Говорили: – *урум, Урум*[54]…
Падишах, мол, чей тонок ум,
Весть доверил лишь этим двум.
Вышел тут из покоев хан,
Стал беседовать с ними сам.
Я же думал: какой удар?
Чьё потомство – небесный дар?
"Спрячьте!" – так говорил гонец.
Что-то принял от них отец.
Любопытный я был юнец:
Всё вынюхивал. Наконец,
Вижу: что-то зашила мать
В мягкий пояс, что не снимать
Умудрялась, идя в кровать.
Перед смертью лишь мне сказать
Мать решилась, чтоб передать
Смог я весть тем, кто связан с ней,
В нужный час через много дней.
И когда от Жакыпа вдруг
С просьбой странной приехал друг,
Подсказал мой сердечный стук:
Время тайн приоткрыть сундук!
Чыйырды, мол, болеет так –
Просто к смерти ведёт *талгак*[55]!
Всё я понял в момент, – слабак
Не сумеет из чрева весть
В мир послать, что он хочет съесть.
То вершатся небес дела:
Беркут стал расправлять крыла!
Ты, сестренка, принесть смогла
В мир надежду. Те два посла

[53] Балбан – силач, борец.
[54] Урум – 1. удар; 2. потомство. Урум – древний город.
[55] Талгак – непереносимое, очень сильное желание.

Предрекли: так придёт Манас!»
Даже слёзы текли из глаз
У счастливейшей Чыйырды,
Ведь сбывались её мечты.
Попрощались они с Балты.
Он помог избежать беды
И теперь шёл к себе домой
С переполненной головой.
Книгу Судеб он дома взял,
Предсказанье перечитал.
«С давней вестью от урумчан
Всё сошлось. Это значит – к нам
В самом деле Манас придёт,
Ждать осталось неполный год! –
Размышлял он, – Жакып наш прост,
Не хватает он с неба звёзд,
Мне бы надо решить вопрос:
Рядом быть, чтобы не пришлось
После локти кусать, – батыр
Очень трудно приходит в мир».
Он решился на переезд.
«Рядом с братом немало мест,
Чтоб хозяйствовать дальше. Лес?
Но важнее-то весть небес!»

Дни, недели… Времён помол,
Ни на миг не прервавшись, шёл;
Пятый месяц во чреве рос
Сын, наследник, посланец звёзд;
Мучил он Чыйырды до слёз –
Заболела уже всерьёз:
С места встать не могла она,
Ноги вдруг отнялись, спина
Ныла, словно в тисках огня,
Рос живот, всё внутри тесня.
Лишь молоденького коня
Резал муж, чтобы есть два дня,
А кобылу – на третий день;
Ела мало жена, как тень
Становясь с каждым днем, увы.
Дом остался без головы!
Верный друг Адылбек, как мог,
Помогал им весь этот срок.

Сам Жакып, не жалея ног,
Вёл хозяйство, жену берёг.
Как-то просит она: «Супруг,
А нельзя ли собрать здесь круг
Наших мудрых старейшин? – вдруг
Я не вынесу этих мук?»
Кто откажет мольбе такой?
Аксакалы пришли толпой,
Завздыхали все: и слепой
Мог заметить, какой больной
Вид и голос у Чыйырды,
Как глаза горячи, желты.
Полулёжа, она ждала,
Пока старцев вокруг стола
Муж рассадит, и пиала
Чтобы с чаем у всех была,
А потом лишь, глотнув воды,
Начала: «Не хочу беды,
Но к ногам будто смерть пуды
Привязала… Пора бразды
Женских дел передать тому,
Кто управится здесь, в дому:
Выбрать женщину по уму
Мужу надо бы моему,
Пусть при мне приведёт домой.
Я в могиле одной ногой.
Помогите, прошу, – самой
Мне не справить *нике*[56] и *той*.
Брат мой названный – Акбалта,
Что когда-то меня сюда
Сам привёз и с Жакыпом свёл,
Намекнул мне недавно – мол,
Есть кого привести за стол,
Чтобы дом как и прежде цвёл:
Здесь живёт она много лет:
Дочь Башбая – Бакдёолет,
Род зовётся её "*калча*".
Так случилось – она ничья.
Научила рабу камча
Быть выносливой как арча.
Раз уж вы собрались на круг,
Жертву пусть принесёт супруг:
За бараном вы, съёв курдюк,

[56]Никé – женитьба, замужество, свадебный ритуал.

Дать *бата*[57] из мудрейших рук
Потрудитесь, чтоб ко двору
Как подходит узор к ковру,
Этой женщины стать и нрав
Подошли бы, в конфуз не впав.
Понимаю, что не к добру
Мелочиться так на одру,
Но ведь вдруг у котлов умру –
Залатает в быту дыру,
Став хозяйкой, Бакдёолет:
У неё недостатков нет;
Провожая же на тот свет,
Сложит добрый *кошок*[58] мне вслед.
Знаю, каждый из вас в душе
Возразить мне готов уже:
Что жены у Жакыпа – две.
Всё скажу я вам о вдове:
Выбрал в жены Жакып Магдым
Оттого лишь, что стыд как дым
Взгляд затмил ему, боль беды
И порыв замести следы
Выбор сделали спешный тот;
Только свадьба прошла – и вот
Дел нашёл он невпроворот:
Гнать табун, проводить окот,
Выпасать на джайлоо скот.
Напридумал себе забот
Для того, чтоб в селе одна
Беззаботно жила жена.
Пока я не вернулась в дом,
Муж мой, только виной ведом,
Жил без ласки и без еды».
Нет, не ждали от Чыйырды
Столь правдивых и мудрых слов:
Словно сдёрнули вдруг покров
С чувств, с болезненных их узлов.
Был заплакать Жакып готов,
Соглашаясь во всём с женой,
С ней мечтая лишь быть – с живой.
Аксакалов же круг решил:
Дальновиден такой посыл:
Ей набраться ведь надо сил,
Чтоб всевышний не погасил
Искру жизни, что в ней зажёг,
И самой бы продлил ей срок.
Значит, прежний учтя урок,
Надо нынче же на порог
Привести им Бакдёолет,
Раз других предложений нет.
И Жакып согласился: что ж,
Где хозяйку ещё найдешь?
Спорить с мудрыми не с руки.
Выбрал жирную он *жылкы*[59].
Быстро праздник провёл, пока
Чыйырды дорогой рука
Направленье могла бы дать:
Что, и как, и кому подать.
У девчонки, что ввёл он в дом,
Опыт мал был, зато при том
В дом порядок внесла и лад,
И за старшей женой пригляд,
А старанье и милый взгляд
Очень нравились всем подряд.

Месяц скоро настал, когда
К Чыйырды пришла череда
Схваток-вестников: высота
Новой боли была взята.
За два дня она, не присев,
Совершила обряды все,
Чтоб младенец, что был уж близ,
Знал, рождаясь, что он – кыргыз.
И Жакып не отстал: в миру
По всем правилам *кёкберу*
Он провёл и раздал в селе
Деньги, мясо, муку… В котле
Чтоб у всех на его земле
Брашно множилось на столе,
Чтоб хвалили жену дома –
Помощь к месту была весьма.
И, действительно, – пятьдесят
Крепких женщин да их ребят,
И мужей, – в общем, стар и млад
К ним отправились на подхват.

[57] Бата́ – благословение.
[58] Кошок – причитание, обрядовая песня (на похоронах).
[59] Жылкы – лошадь

По кобыле Жакып варил
В день для них, не жалея сил;
Каждый лепту свою вносил:
Кто для варки дрова носил,
Кто-то воду таскал с ключа,
Кто кухарил, а кто с плеча
Со сноровкою палача
На подворье у богача
Резал скот. И любой сосед
С умным видом давал совет:
Как выманивать плод на свет,
Как весь дом оградить от бед.
Кипу хлопка Жакып на шест
Прикрепил, и с шестом залез
На *тюндюк*[60] чей-то ловкий сын,
Вниз свободный конец спустил
И держал из последних сил,
Пока кто-то не заместил.
Так, меняясь, держали шест
С чистым хлопком часов по шесть,
Приговаривая, что есть
Что-то в этом, а что? – бог весть.
Есть у женщин одна черта:
Вводит женщин в азарт тщета,
Коль не спорится ни черта –
В бой бросаются без щита.
Вот уже и Жакып поник,
Ну, а женщины хором в крик:
«Вот сейчас, вот уже идёт!»
Заполошный такой народ.
В шестьдесят голосов их хор
(Прибывало сельчан во двор),
Закричали во весь опор:
«Вот он, вот он – идёт!» – задор
Шумных женщин для Чыйырды
Сил напрячься ей дал. Жгуты
Из пелёнок пустили в ход,
Чтоб тащить из утробы плод.
И *бешик*[61] принесли – оплот,
Что родится дитя вот-вот.
То один, то другой на *тёр*
Проходили, загнув ковёр, –
Пастухи, коневоды – с гор
Люд спускался, услышав ор.
«Кто родился?», «В бешике?»,
«Спит?»
Отвечать всем устал Жакып,
Что ребячьего плача он
Сам не слышал. Со всех сторон
Шли сельчане. Вот так в сезон
Журавлей собирает гон.

Из утробы со всхлипом вдруг
Показался какой-то тюк;
Потянули его гурьбой,
И поднялся истошный вой:
«Что такое?! Кошма?.. Коса!»
«Правда! – лопни мои глаза!»
«Дай потрогать!», «Не трожь!
Нельзя!»
«Что за новые чудеса?!»
«Синий кокон…», «И он не пуст!»,
«Он на косу похож…», «Боюсь!»,
«Знак каких-то небесных уз?»,
Чыйырды же лишилась чувств.
Прибежал и Жакып на крик.
В это время как раз старик
Адылбек в дом зашёл на миг:
Верить он лишь себе привык.
«Адылбек, может, врут глаза?
Посмотри – родилась коса!», –
Так Жакып старику сказал,
В дом завёл, припустившись сам
За монахом скорей в село:
Всё, мол, как-то не так пошло,
Ждал я сына – не повезло,
Небо сделало всё назло;
Все смеялись: «бездетный!» – бог
Посмеяться, увы, помог.
«Почему он ко мне жесток? –
Говорить он едва уж мог, –
Хоть *калмакский* мулла ты, но
С богом водишься так давно,
Знаешь много чудес земли,
Поскорее, монах, пошли!»
Косу только увидел тот,

[60] Түндүк – на куполе юрты выходное отверстие для дыма.
[61] Бешик – деревянная колыбель-качалка с вырезанным посредине отверстием.

Вмиг прошиб его сильный пот,
Удивиться успел народ
Как он выбежал из ворот:
«Вон, монах убегает – глянь,
Позавидовала бы лань!»
А Жакып, как в иные дни,
К изголовью припал жены,
Молча замер, бледней стены,
Виноват во всём без вины.

Пока бога Жакып ругал
И монаха в селе искал,
Мудрый друг его, аксакал,
Поскорей Акбалту позвал.
Великан прибежал бегом,
С предсказаньем он был знаком:
Не коса, не кулек, не ком –
То в рубашку небесный дом
Завернул малыша, чтоб он
Был отличным от всех рождён.
Хоть и очень Балта спешил,
Он за пазуху положил
Приготовленный узелок
С чудной парой златых серёг.
А едва вступил на порог,
Разразился тирадой: «Бог
Не велел всей толпой стоять
Над гнездом, где рожает мать.
Если прутья переломать –
Всей чинаре не устоять.
Вы шумите, галдите здесь,
Заглушаете неба весть,
Все на улицу быстро! – честь
Поимейте: в постель не лезть!»
А Жакыпу сказал: «Скорей!
Ведь монах приведёт друзей –
Тех *калмаков*, чей хан-злодей
Не считает нас за людей!
Домик с крышкой ребёнку дал
Тот, кто в помощь его послал
Нам, кыргызам. Беги во двор,
Там я видел с недавних пор
Ощенился тайган. Как вор,
Чтоб не понял он свой разор,
Двух щенков забери, бегом
Принеси под халатом в дом!»
И Жакып, одурев от слёз,
Вмиг послушался и принёс
Двух щенков; а Балта разрез
Сделал в «синей косе», залез –
Там посланец лежал небес:
Крупный мальчик… Немалый вес
Ощутила Балты рука:
Он пытался встряхнуть слегка
Драгоценного малыша,
Чтоб проснулась его душа,
Тот немедленно задышал
И ладони свои разжал:
Кровь – в одной, а в другой был жир!
«Всё в порядке: пришёл батыр!»
Тут же в «косу» взамен плода
Двух щенков положил Балта.
Вмиг позвали Бакдёолет,
Чтоб мальца унести от бед.
Из простынки свернув пакет,
Завернули в него – не след,
Чтоб заметили вдруг дитя
Эти толпы зевак… Хотя
Можно было бы дать шутя
Ему даже и девять лет!
Попыталась Бакдёолет
Малыша приподнять, в ответ
Вдруг померк для неё весь свет:
Так ошпарила боль в спине,
Что-то хрустнуло в глубине.
Не под силу второй жене
Малыша унести – во сне
Он разлёгся, как на лугу,
И кого-то всё звал: «Агу!»
Боль согнула её в дугу,
Слёзы брызнули: «Не могу!»
Взгляд зажёгся у Чыйырды:
«Эй, бесстыжая, что ли, ты?!
Как твоя поднялась рука?!
Отдавай моего сынка!»
Что же делать?! Скорей в кровать
Уложили дитя и мать,
Так укутали – не видать
Кто лежит, и велели спать.
Тут с подмогой пришёл монах:

Любопытство сильней, чем страх.
На глазах у него «косу»
Разломали, и, на весу
Двух щеночков держа, Балта
Закричал: «Все сюда, сюда!
Что такое?! – беда! Беда!»
Заварилась тут суета.
Увернулся один щенок,
Спрыгнул на пол и за сапог
Стал монаха хватать, рыча,
Тот, испуганный, сгоряча
Отбиваясь, убил щенка.
Тут народ зароптал слегка,
Проклиная его в душе,
Ну, а кто-то и вслух уже;
А монах-то, сомлев, упал.
Всех из дома Жакып прогнал,
Повторяя: «*Калмак* умрёт –
Мой за это ответит род!»
Разошлось по домам село.
Кто-то с грустью: «Не повезло!»,
Кто-то с радостью тайной: Зло –
Это зависти ремесло;
Кто-то лишь посмеялся вслух,
Запуская нелепый слух:
«У Жакыпа жена-то пса
Родила… В животе коса
Разрослась, задушить грозя!»
Кто-то выдумал порося,
Кто – оленя, а кто – гуся.
Больше всех пострадал монах,
Испытавший безумный страх:
Чтобы в чувство вернуть его,
На тонзуру[62], как *томого*[63],
Натянули кусок кошмы,
Ну, а чтоб не боялся тьмы,
Подожгли – ведь огонь умы
Очищает, как снег – холмы.
В самом деле – монах вскочил,
От огня поднабравшись сил,
И, ворота найдя с трудом,
В страшной спешке покинул дом,
По дороге ворча притом:
«Чёрт побрал бы их с этим псом!»
Забывая, что принесён
В жертву страхам его щенок,
Причитал он: «Ну, как я мог
Выбрать в тысяче всех дорог
Богомерзкий сей уголок?!
Нет! Немедленно еду прочь!»
Вмиг собрался, уехал в ночь,
Лишь бы выбраться из села.
Что ж, дорога ему была
Чистой скатертью со стола:
Так желали ему без зла
Все, к кому эта весть дошла.

Лишь убрался монах, народ
Вновь к Жакыпу вернулся – тот,
Кто от века зовётся «род», –
Суть всей нации, а не сброд,
Именуемый как «толпа».
Умный понял: спасла судьба,
Подменив для тупого лба,
Их батыра, что бог, любя,
Дал кыргызам, о них скорбя.
Что ж, от умных Жакып не скрыл
Эту новость, что одарил
Их Всевышний защитой крыл.
В честь ребёнка он стол накрыл,
И начался великий *той*:
Ведь к кыргызам пришёл герой!
По обычаям старины
Дали мальчику *май*[64] – сыны
Сразу сытыми быть должны:
Ведь в достатке лишь мы сильны.
В этом женщины знали прок:
С маслом ринулись на порог;
Чыйырды и сама-то впрок
Запаслась, ожидая срок.
Все старухи большой гурьбой
В дом рванули, как будто в бой,

[62] Тонзура – монахи часто выбривают макушку, чтобы легче держать связь с Всевышним.
[63] Томого – наглазник, колпачок, который надевают на голову ловчего беркута в состоянии покоя.
[64] Май – топлёное сливочное масло.

Столько шума создав, «Ой, бой!» –
Издавая наперебой.
Испугался малыш еды:
Масло в рот ему Чыйырды
Положила: «Соси, сынок!»
Он поморщился лишь – поток
Ливней хлынул с небес… Едок,
Проглотив поскорей глоток,
Закричал во всю мощь – и град
Стал исхлёстывать всё подряд.
В чаще леса, как говорят,
Не осталось козлят, телят –
В страхе все разбежались вмиг;
У озёр изменился лик –
Волны выплеснули всех рыб;
С гор катились громады глыб.
А когда он ногою сшиб
Ложку новую с маслом – скрип
Вдруг раздался из недр земли,
Горы волнами вдаль пошли;
Птицы, в небо взлетев, галдёж
Учинили, попав под дождь;
Старики да и молодёжь,
Слыша крик, не сдержали дрожь,
Две старушки изнемогли:
Пали оземь и погребли
Под собою мальца, что мать
На *жентек*[65] разрешила взять.
От младенца отстали – спать
Захотел богатырь опять.
Праздник длился весь день. Сыта
Вся округа была когда,
Старцы сделали всем *бата*,
И толпа разошлась. Балта
Попросил: «Принеси сынка!»
Покачнулся Жакып слегка,
Поднимая своё дитя,
«Не дорос до него!» – шутя,
Отдал дяде ребёнка, тот,
Приоткрыв от волненья рот,
Посмотрел на ладошку: «Вот
Знак небесный: любой прочтёт
Букву "М" на ладони, враз
Догадавшись – пред ним Манас!»
И Балта порешил: «Мы знак
На другой поменяем – так
Не поймёт ни один дурак,
Что Манас он. А чтоб впросак
Попадали и поумней,
Имя выберем поскромней,
И оставим лишь в нём намёк:
Мол, судья ему – только бог,
А монахам пусть невдомёк,
Где, мол, в имени том исток».
Было трудно изобрести
Имя мальчику, чтоб расти
Не мешало, и впереди
Беды разные разгрести;
Предлагали «*Жарык*» – «Свети!»,
«*Ай-аалам*»[66], просто «*Ай*»[67]…
«*Жинди*!»[68] –
Закричал Акбалта, – и "*Чон*[69]"
Мы приставим к нему как фон!
Сумасбродом Великим он
Будет в зеркале всех времён!»
Согласились на этот раз
Адылбек и Жакып. Тотчас
Знак, что буквой был «М», угас,
Стал невидим, не напоказ.

Час за часом летели дни,
От великих забот трудны.
Вот уже четыре весны
Не водил свои табуны
На летовку Жакып – полны
Были будни и даже сны.
Хоть Большой Сумасброд и рос
Вширь и ввысь, но излишний рост
С ног валил его – к четырём
Он сидеть только мог бугром,

[65] Жентек – угощение, пир в честь новорождённого.
[66] Ай-аалам – весь мир, Вселенная.
[67] Ай – месяц, луна.
[68] Жинди – сумасброд.
[69] Чоң – великий, большой, весомый, громкий, знаменитый, славный.

И в спине был широк, как слон,
И в груди, и со всех сторон.
В пять он сделал свой первый шаг.
В шесть – уже возмужал, да так,
Что сготовленной всем *жылкы*
Шли в его лишь *курсак*[70] куски.
Бай Жакып потому всегда
Не жалел на обед скота:
Он к бычку добавлял овцу
Иль кобылу, но всё ж мальцу
Иногда он пенял: «Отцу
Сын-помощник всегда к лицу,
И для сына та помощь в честь.
Ты же любишь играть да есть!»
Чонжинди на упрек любой
Лишь понурою головой
Отвечал: ведь отец – родной,
Спорить с ним – обрасти молвой.
Сам себе не признался бай,
Что боится – придёт в раздрай
Всё хозяйство – откуда *май*,
Мясо, хлеб он возьмёт? Пускай
Нынче есть ещё скот, а как
Он прокормит сынка – бедняк?
Было ясно для Чонжинди,
Что отец подустал в пути.
Но впрягаться ему, везти?
Надо дальше ему расти.
Размышляя об этом, он,
Хоть и очень любил свой дом
И родителей, но уйти
Он задумал, чтоб их спасти
От грозящей им нищеты:
«Все, какие в дому есть, рты
Меньше рта моего. Сырты
Не сравнишь с луговиной ты».
Только маме шепнув: «Прости»,
Был он вскоре уже в пути.

Жил в Баркёле Жакып тогда.
Чонжинди увела звезда
В мир, открытый для тех всегда,
Не ломала кого нужда.
Чонжинди трепетанье крыл
Ощущал за спиной, ведь был
Он ребёнком… Помог лишь пыл
Перейти перевал Камбыл.
Простирались за ним пески,
Русла высохших рек. Виски
Днём ломил беспощадный зной,
А ночами он как зимой
Мёрз, зарывшись в песок сырой,
Но вернуться не смел домой.
Пролетело бессчётно дней.
Он случайно обрёл друзей.
Вот как было всё: суховей
Мёл в степи словно сотни змей.
Пареньку попадал песок
В рот, в глаза, он совсем не мог
Разглядеть, что наискосок
(Им-то в спину летел песок),
Шли мужчина и мальчик… Бог
Выбрал эту из всех дорог,
Чтоб кыргызов столкнуть с Жинди:
Встречь друг другу сошлись пути.
Дело в том, что Караногой –
Звался так тот кыргыз степной, –
Пережил со своей женой
Нерождённых детей убой;
Сколько женщин *калмаки* зря
Погубили, разбой творя,
Вырывая из животов
Матки с завязью их плодов!
Был не каждый кыргыз готов
Бросить земли своих отцов,
Но решился Караногой
Вместе с выжившею женой
Убежать от убийц-владык:
Жить по-рабски он не привык;
Выжил, крепкий он был мужик;
Здесь родился и сын – Мажик,
В зиму справили восемь лет:
Вот он, божий на всё ответ!
Удивился Караногой:
«Кто ты, путник? Ты чей такой?»
Сам он с сыном спешил домой
Скот пригнать, напоить водой.
«Сын Жакыпа я, Чонжинди».

[70] Курсак – брюхо, утроба, чрево.

Мальчик, встреченный на пути,
Незнаком был, но даже здесь
Пронеслась о Жакыпе весть.
«О-о, отца твоего я знал!
Ты к кыргызам, кыргыз, попал!
Ты, наверно, уже устал,
Погостишь?» Он пока не стал
Узнавать у него: куда
И зачем он идёт, – еда
Всем развязывает язык…
«Вот товарищ для игр – Мажик!»
Чонжинди согласился вмиг.
Стол, постель ему дал старик.
Он прижился у них всерьёз
И узнал, сколько бед принёс
Им *калмак*! С этой болью рос
Он без детских причуд и грёз;
Помогал он семье с душой,
Имя первое, что «большой»,
Он оправдывал не едой,
Урезая себя порой,
А работою. Вышел срок
Для полива, но словно рок
Над полями навис – воды
Не хватало, и Чонжинди
Все посевы решил спасти:
Издалёка арык вести.
Взял Мажика, они вдвоём,
Ненадолго оставив дом,
Объявив для себя аврал,
Не арык, а почти канал
Прокопали – и водный вал
К их посевам, бурля, примчал.
Ночью спать он не мог от дум.
Так взрослеет ребячий ум.
Так становится зорким глаз.
Так рождается дух – Манас.

В это лето Караногой
Урожай получил такой,
Что распухло гумно горой:
«Будет сытой семья зимой!»
Часть отборнейшего зерна
Он оставил на семена,
Но осталось ещё с лихвой –
Для него́ции меновой.
До Турпана собрав обоз,
Он мальчишек с собой повёз.
От Турпана в Баркёл идти
Было десять лишь дней пути.
Но три шага порой в клети
И за месяцы не пройти.
Чонжинди по своим скучал,
Но сильнее, чем та печаль,
Страх теснился в его груди:
Не простили ещё, поди.
Друг Мажик говорил: «Сходи,
Зла не держит отец, Жинди!»
«Сходим вместе?» – Жинди просил,
Не хватало душевных сил
Вдруг явиться к отцу: «Вот я,
Вот – другая моя семья».
Так и ждал он, печаль тая:
Попадёт ли под хвост шлея? –
Сумасброд! – вдохновенья он
Ждал всегда, для всего, во всём.
А Жакыпу со всех сторон
В уши дули: мол, с чужаком
Сын твой, видимо, заодно:
Прибыл к нам продавать зерно!
Мог стерпеть ли Жакып? – в Турпан
Он примчался, от злости пьян.
Этот узел Караногой
Разрубил: он в его постой[71]
Сам к Жакыпу пришёл, не ждан,
Прихватив лишь *максыма*[72] жбан.
Бай Жакып через час «*душман*[73]»
Заменил на «браток», «дружбан»;
Просидели полночи: связь
Душ похожих во всём нашлась,
Погрустили о прошлом, злясь,
Помечтали вдвоём, смеясь:

[71] Постой – ночёвка, проживание в нанятом помещении (*старорусск.*).
[72] Максым – сытный квас, сделанный на основе молотой пшеницы.
[73] Душман – враг.

Как легко забегать вперёд.
Джут[74] уменьшил Жакыпов скот.
Ни коней, ни овец – была
К ним жара этим летом зла,
И сегодня пришлось козла
Спешно резать для их стола;
Хорошо, сохранить сумел
Он наследство сынка – задел
Для грядущих великих дел,
Свято помня его удел.

Поделился Жакып бедой:
Хан Чынгыш – и никто другой,
Как он думал, – прислал конвой
Закрепить края за собой,
И всё лето *калмак* чужой
Издевался над их землёй.
Хан, наверное, заказал
Семь озёр, и теперь канал,
Что поил и луга, и лес,
Отвели от родимых мест.
С грустью видел Жакып: поля,
Луговины и лес – земля
Что считал он своей, увы,
Пришлый кто-то без головы
Засушил, погрузил в отстой:
Там, где летом звенел *торгой*,
Где кудрявился травостой
И манил к себе лес густой –
Нынче глина, песок да пыль.
Так угодья идут в распыл.
Удивился Караногой:
«Ты ведь хана сынок родной;
Орозду, наш властитель, власть
Оставлял на детей. Упасть
Разве можно с родной земли?!»
Долго спорили и нашли
Два кыргыза, два земляка,
Как вернуть бы наверняка
Ханство, древний отцовский край:
Незабвенный родной Алтай.
Дальновидный Караногой
Для Жакыпа стал как родной:
Сам довольный своей судьбой
О Жакыпе болел душой,
И придумали вместе план,
Как *калмакский* пресечь обман.

Целых сорок верблюдов бай
Вёл без груза, чтоб урожай
Из Турпана свезти в Баркёл,
Что – для плана их, что – в обмол.
«До отъезда бы справить стол, –
Думал бай, пока к другу шёл, –
Да оставить подарки тем,
Кто со мною тянул ярем:
И работники, и друзья –
Тоже, право, моя семья».
Грел Жакыпа внезапный пыл:
Край далёкий, что сердцу мил,
Он в наследство бы сыну дал
Вместе с властью, что потерял
В долгих странствиях, на бегу.
Новый друг сказал: «Помогу!»
Здесь, в Баркёле, он богачом,
Жил, подставив друзьям плечо,
А сегодня наперечёт
Скот у бая, но горячо
Бьётся сердце, горят глаза:
Снова счастлив он, – чудеса!
Раньше было: табун кобыл
Другу в праздник Жакып дарил.
А сегодня одну ведёт,
Чтоб отметить свой переход
К новой жизни… Паденье? Взлёт? –
Как небесный пастух сочтёт.
Долю сына он взял с собой:
Необъезженный конь гнедой.
Из поводьев всё рвётся. В бой?
Он четвёртый уж год игрой
Только занят всегда, шальной,
С ним управится лишь герой.
До Турпана добрался он.
Смотрит: чьё там зерно холмом
Даже больше, горой, лежит?
Чонжинди и дружок Мажик –
Два хозяина, важный вид!
Правда, сына раскрасил стыд,

[74] Джут – массовый падёж скота.

Но отцу-то не до обид:
Сын нашёлся! – здоров и сыт.
Подоспевший Караногой
Их объятьям дал миг-другой
И позвал всех попировать
Да беседу продлить опять.
Снова время помчалось вспять.
Дней грядущих вся исполать –
В днях минувших, в истоках дел,
Что осилил, за что радел.

Так, в беседах, прошло шесть дней,
План их тайный был всё ясней,
Дружба тоже – теплей, тесней,
Восходящая в апогей.
На верблюдов пакуя груз,
Бай пытался не выдать грусть,
«Через год я, – сказал, – вернусь,
Подрастает Жинди мой пусть».
И ответил Караногой:
«Ты вернёшься уже другой,
Я надеюсь, мой дорогой:
Сердце то же, но дух – иной.
Как вернёшься – богатыря
Снарядить бы: на дикаря
Он сегодня у нас похож –
Пеший, босый, без ножен нож!
Сивогривый бы нужен конь,
Шлем, кольчуга да щит в ладонь.
Впрочем, что я? Зачем слова?
Вместе справим, вернись сперва».
Разговор их в тот ранний час
Смог услышать сынок, Манас:
Он отца спозаранку пас,
Чтоб проститься и про запас
Вновь отведать отцовских ласк;
И, услышав беседу, он
Был надеждою окрылён:
«Через год он вернётся пусть:
Я люблю его, я дождусь!»
«Снаряженье богатыря»
Пропустил он, благодаря
Небеса и судьбу, что он
Был хорошим отцом рождён.

ПОИСКИ И ПОЯВЛЕНИЕ КОНЯ АККУЛЫ
ПРИГОТОВЛЕНИЕ СНАРЯЖЕНИЯ МАНАСА

Э… э… э… эй!
Бай Жакып, лишь вернувшись в дом,
Тайным планом своим ведом,
Начал сбор: нагрузил зерном
Сорок сильных верблюдов он,
Златом – семь, *май-курутом*[75] трёх;
Двадцать дома оставил. Плох
Тот хозяин, кого врасплох,
Без запасов застанет бог.
Под седлом три верблюда шли.
Вот и скрылся Баркёл вдали.
Серебристые ковыли
Вслед им кланялись до земли.
Путь Жакыпа лежал в Жункан:
Ставку сделал там Чынгыш-хан.
Окружил себя войском он,
Защищаясь со всех сторон:
Кто интригами вознесён,
Тот трясётся всегда за трон.
Но Жакыпа пустили в дом:
Роль сыграли дары при нём.
Хан устроил большой приём,
Чтоб радушьем вернуть заём.
В ритуале приветствий бай
Смог словечко ввернуть про край,
От рожденья родной Алтай,
Про кыргызов Мать – Энесай;
Про гоненья и беды речь
Смог он в шкуру хвалы облечь:
Этой речи до ста предтеч
Было в дружеских спорах встреч.
Перескажешь же всё едва.
Впрочем, Сказ сохранил слова.
Тайна – это в одном. Где два –
Значит, знает и вся молва.

Бай Жакып говорил: «О, хан!

[75] Май – масло; курут – высушенный в виде шариков солёный творог. *Здесь:* собирательный образ долгосрочных запасов дорогой еды.

Как я счастлив, что Вами зван!
Аманбы малы-жанының[76]?
Я от имени всех кыргыз
Благодати желаю Вам,
Вашим жёнам и, буду прям:
Вы – как солнце, что светит нам,
И могучий заслон врагам.
Разве счастье узнали мы б?
О, без Вас бы наш род погиб
Или в вечное рабство влип!
В знак признания в дар Жакып
К Вам полсотни верблюдов гнал,
Чтобы хан наши чувства знал:
Сорок – груз донесли зерна:
Вся пшеница чиста, крупна,
Как индийский рубин красна,
В обмолоте пышна, она
Хлебом ханский украсит стол;
И к столу я ещё привёл
Трёх верблюдов: им май-курут
Я доверил; любой сосуд
Запечатан, укутан в ткань,
Чтобы пыли дорожной длань
Не коснулась припасов, хан,
Чтоб пришла она чистой в стан.
Ну а золота семь узлов
Говорит о себе без слов.
Без корысти я всё дарю
И ещё Вас благодарю
Я за то, что с родных краёв,
Свой наследный покинув кров,
Энесай оставляя в снах,
В Балыкарт я на риск и страх
Всю родню перевёз, но крах
Там ударил кыргызов в пах:
Алооке – Вы могли не знать, –
Напугал родовую знать,
Что сам дьявол залез в кровать
К жёнам их, чтоб дитя зачать;
Мол, родится Манас – упырь,
С виду воин и богатырь,
А на самом-то деле – чёрт:
Всех погубит наперечёт!

А кыргызы – дитя-народ:
Всем чинам они смотрят в рот, –
Как пошли животы кромсать,
Невзирая – жена ли, мать!
Был до этого Ваш указ:
Уберечь Вы хотели нас:
Чтобы жили мы напоказ,
Не спуская друг с друга глаз.
Это было всё по уму:
Пять семейств в одном дому,
Расстилая на всех кошму,
Вместе спали, и потому
О зачатье и речь не шла –
Шевелились с трудом тела,
Не прошла бы меж них игла;
Так что дьявольские дела
Потерпели полнейший крах!
Жаль, погнал меня всё же страх
В край чужой, где *калмак* Ногой
Дал мне статус уже другой:
Стал из хана визирем я.
Не нуждалась моя семья
Дом имела, и хлеб, и скот.
Был доволен Ногой: доход
Словно с неба валился в рот.
Только я вот, наоборот,
В тесной связке не мог дышать:
Жить в объятьях, и есть, и спать.
Невзирая на благодать,
Я уехал с семьёй опять.

В Балыкарте пожил в разгон,
Переехал через Барскоон,
Попытался в Кунёсе встать:
В узком месте рекой не стать.
Нам, как водам, дано бежать –
У живого такая стать.
Из Кунёса я в Актокой,
Переехав, нашёл покой,
Даже имя – *Буурултокой* –
Дал я краю – мол, и седой,
Радость жизни я, как *токой*,
Не утрачу, пока живой.

[76]Аманбы малы-жанының – форма обычного приветствия старших (по положению, по возрасту) – Всё ли у Вас хорошо?

Край как песня: и лес густой,
И угодья, и травостой!..
Там, умножив свой скот стократ,
Стал я вскоре опять богат.
Только беды, наметив цель,
Заползают в любую щель:
Я, счастливый, как вольный зверь,
Вдруг услышал, что я теперь,
Нет, не бай, отхвативший куш,
А "бездетный Жакып-*байкуш*[77]".
Этим слухам я внял без зла,
Хоть обида мне сердце жгла.
Слух оспорить жена смогла:
Сына с дочкой мне принесла.
У крылатых по два крыла:
И вторая вдруг понесла:
Двух мальчишек мне родила.
Но, однако, чужой язык
Едким словом мне в мозг проник,
Был он лживым, но я-то сник:
Дети малые, я – старик,
Оттого-то мне за спиной
Всюду грезился шёпот злой,
Что-то вроде "*кары-бозой*[78]".
Я покинул Буурултокой.
Так попал я в Баркёл. Увы –
Хоть от пошлой ушёл молвы,
Нет ни леса и ни травы.
Кто-то пришлый без головы
От угодий увёл канал,
Чтобы край до конца увял!
Если б хан наш великий знал,
Как по глупости прилипал
Все хозяйства идут в раздрай,
Погибают за краем край,
Коль над каждым не ставлен тот,
Кто по-ханski убережёт
Люд, природу и свой доход,
И, конечно же, каждый год
Он для пошлины в срок найдёт
И запасы зерна, и скот».

Так заслушался хан Чынгыш,
Чуя в будущем свой барыш,
Что, не мешкая, взял бакшиш,
Сомневаясь немного лишь,
Что же гостю под власть отдать
Дабы сам захотел он взять
На поруки, чтоб пошлин сбор
Был объёмен, весом и скор?
Есть места, где ни рек, ни гор,
Лишь песчаный пустой простор.
Вот вопрос – если скуден край,
Не таков ли и урожай?
Коль он будет хорош, велик,
Не высóко ль взлетит старик?..
Бай Жакып наблюдал, как лик
У Чынгыша менялся вмиг:
Разум с жадностью вёл *куреш*[79]:
«Дай!» – один, а другой: «Урежь!».
Наконец, он решил вопрос:
Край – не тот, где Жакып возрос,
Часть Алтая, скорее, хвост, –
Отдавался ему под рост:
И Чаган, и Буурултокой,
И места, что *калмак* Ногой
Без суда держал под собой, –
Возвращались слепой судьбой.
Хан озвучил писцу Указ,
Сам печаткой скрепил тотчас.
Чем издревле прельщает власть?
Даришь то, что сумел украсть,
Наслаждаясь вторично всласть,
Отрывая от дара часть.
Но по сути сработал план:
Вновь Жакып стал не бай, а хан.
Радость зрела в его душе,
В тайных мыслях он вёл уже
Скот, обоз на родной Алтай.
«Акбалту позову в свой край;
Казакú там живут. Сойтись
С ними может любой кыргыз.
Жизнь коварна: то вниз, то ввысь,
То вода, то густой кумыс.

[77] Байкуш – 1. сова; 2. бедняжка (простореч.) 3. никчёмный, никудышний.
[78] Кары, карыя – старый; бозой – молодой парень, молодец.
[79] Күрөш – борьба, схватка.

Если вырастет мой Манас,
Никому Алтай не отдаст!»
Мысли прыгали без конца,
Но Жакып не менял лица:
Взял спокойно бумаги он,
Отдал хану земной поклон:
«Вы позволите мне, мой хан,
Вновь спасибо сказать за сан
Да вернуться на свой *кырман*[80]?
Там забот – не один карман,
Да и сборы пора начать,
И добром за добро воздать»!

Тут заминка произошла:
Бай, как прибыл решать дела,
Свёл верблюдов на ханский двор –
Всех, – чтоб вдруг не попасть в разор
Воровства и любых подмен
За пределами ханских стен;
Как теперь-то посметь вернуть
Одного хоть верблюда? Путь
Не осилить пешком. «Да, – пусть!
Доберусь я уж как-нибудь!» –
Так подумал Жакып. Но хан
Догадался. И как гурман
Каверз всяческих да интриг
Сморщил хитрой усмешкой лик:
«Ханство ты получил, мой друг,
Но уходишь как нищий вдруг.
Не отменишь уже *укук*[81].
Так зачем упускать из рук
Своё золото и зерно?
Забери и скот заодно.
Иноходца тебе я дам,
Новый шелковый дам чапан,
Ты ведь равный теперь мне – хан».
За усмешкой зиял зиндан.
Хан Чынгыш продолжал, смеясь:
«Да, – коней ещё дам в запас,
Девять хватит? – они у нас
Все саврасые[82] – на заказ».
Стал отказываться Жакып,
Понимая, что крупно влип;
Хан интригу всё вёл: «Джигит
С иноходцем в дороге слит:
Это спутник, и друг, и щит,
С ним дорога рекой бежит».
Пока хан словно с мышью кот
С ним играл, чтоб пустить в расход,
Сам Жакып, утирая пот,
Хитрость тоже пуская в ход,
Лестью вновь наводил туман:
«Как добры Вы, великий хан!
С Вами жизнь как в раю светла!
Я в подарок бы взял… осла.
Не осла, так кого-нибудь:
Вы правы, очень долог путь!
Во дворе, когда к Вам я шёл,
Видел: конь, может быть, осёл –
Низкорослый такой. Он брёл
К Вам в конюшни. Его бы счёл
Я подарком; ведь всё от Вас –
Хоть осколок стекла, – алмаз!»

Не случайно завёл рассказ
Об осле он в тот шаткий час:
Он припомнил, как для сынка
Он пытался найти конька,
Но Балта говорил не раз:
«Сам взрастит своего Манас!
Должен быть его конь саврас,
Цветом в небо его окрас,
В тёмной шёрстке его чепрак –
Словно к спинке прирос кушак;
И ещё один верный знак:
Подарить его должен враг!
Вдруг предложат – бери тотчас,
Будь невзрачным совсем для глаз –
Как осёл низкоросл и худ.
Не встречал я такого тут!»
Вбитый в память рассказ, как гвоздь,
Вдруг кольнул, и с поклоном гость
Повторил: «Я ведь очень прост,
Мне умом надо вглубь и в рост

[80] Кырман – ток, гумно.
[81] Укук – право.
[82] «На саврасой не объедешь» – т. е. «не обманешь» (народная поговорка).

Очень долго расти, и то:
Кто до Вас дорастёт? – никто!»
Хан игрою был, в общем, сыт
И, скучающий сделав вид,
Вновь спросил, подавив зевок:
«Что – понравился тот конёк?
Что ж, дарю, но – свидетель бог, –
Убеждал я тебя, как мог:
Иноходца давал, чапан
И верблюдов, – ведь ты же хан!»
Но Жакып повторял: «*Рахмат*[83],
Жеребёнку я был бы рад».

Как бы вдруг уступив судьбе,
Хан сказал: «Хорошо. Тебе
Расскажу, как конёк в Сарай
Прибыл: долг отдавал Алтай,
Но схитрил, и тебе пора
Должников бы узнать двора.
Здесь кобыла жила – пестра,
Горяча, как огонь костра,
И как ветер была вольна.
Раз в три года могла она
Жеребёнка родить – цена
Окупала всегда сполна
Все три года: её коньки
На бегу были так легки,
Так красивы и так сильны:
Весом к золоту шли они.
Вдруг сумела сбежать она.
В Айдынкёле – где рождена, –
Объявилась в четвёртый год.
Где была? Где её приплод?
Мне хватало других забот.
Там родня Алооке жила,
Вот и вникла в сии дела,
Обещая в окотный год
Возвратить мне её приплод.
Так промчалось шесть лет. И что ж?
Народился приплод – хорош,
Только глянешь – по коже дрожь,
Он с кобылою был не схож:
Вороной, будто ночь, совсем.
И казалось невольно всем,
Что во взоре сверкает ум.
Конь, неистовый как самум,
Настоящий *тулпар*[84]! Кому
Дать воспитывать, в чьём дому?
Алооке его как бы в долг
Попросил у меня, мол, толк
Будет, если он целый год
В обученье с ним проведёт.
За согласье моё он скот
Мне пригнал, и опять приплод
Обещал, мол, на этот раз
От кобылы моей отдаст
Жеребёнка родня. И что ж?
Где тут правда, а где тут ложь?
Родила она вновь… Жолой –
Сын Кедена, что был роднёй
Алооке, и корову пас,
Обещал всё, что мне отдаст,
Да с отдачей тянул, пока
С Алооке не спросил конька
Я, ещё накрутив и хвост.
Вот, кого он привёл? – вопрос:
Конь-трёхлеток, а низкоросл,
Назовешь ли конём всерьёз?
Ножки словно *сабоо*[85], чепрак
С полосою, как у собак,
До сих пор не линял никак.
Получился не конь – ишак.
Сын Кедена Жолой теперь
Мне клянётся и, верь, не верь,
Что сбежала кобыла вновь
И последняя её кровь –
Жеребёнок саврасый тот,
Что ты просишь с собой в поход.
Всё тебе рассказал я, знай.
Не раздумал – так забирай!»

Хан Жакып отвечал опять:
«Вам спасибо за то, что взять
Разрешили конька мне в путь,

[83] Рахмат (ырахмат) – спасибо, благодарю.
[84] Тулпар – мифический крылатый конь.
[85] Сабоо – крепкие деревянные палочки для взбивания шерсти, ваты.

Доберусь с ним я как-нибудь.
Алооке и его родня –
И Кеден, и Жолой, – меня
Огорчили, что в душу Вам
Могут сыпать сомнений хлам.
Небеса вас рассудят в срок:
Что украдено – всё не впрок.
Мои детки малы, мой хан,
Но, конечно, им передам
Уважение к Вам – за сан,
За Алтай и за талисман:
Ваш подарок – конёк, – мой хан,
Что с таким предисловьем дан,
Будет напоминать о том,
Кто вернул наше счастье в дом;
Будет жизнь у него легка,
Не обидит никто конька:
Сыновья-то – Серек, Сыргак, –
Могут разве пописать так,
Чтобы ног не облить своих;
Кардыгач – моя дочь, для них
Словно бог, и так любит скот,
Что Савраску убережёт!»
Хан растрогался так, что вдруг,
Провожая его, как друг,
Повелел возвернуть притом
Трёх верблюдов, что под седлом
Вёл Жакып, чтоб менять в пути;
И Саврасого привести
Хан Чынгыш приказал слуге:
Без седла, но на поводке.
Распрощались, и в долгий путь
Хан Жакып, расправляя грудь,
Поспешил, за собой ведя
Жеребёнка под цвет дождя.

Гость едва миновал такыр,
Как к Чынгышу пришёл Жангыр –
Прорицатель, колдун, факир:
Настоящий, не из проныр.
Хмур, нечёсан и зол, как *сип*[86],
Шёл с вопросом: «Ушёл Жакып?
Вижу, сколь он привёз добра:
Снова занято полдвора.
Чем же ты отдарил, Чынгыш?
Ты прижимист, мой царь, как мышь!
Что, признайся, отдал в откат?..»
Хан Чынгыш опустил свой взгляд.
С колдуном у них мир и лад
Был который уж год подряд,
Был обязан его уму
Хан немалым, и потому
Он с опаской сказал ему:
«Дал для новой судьбы канву –
Сделал ханом. Ещё отдал
То, что сам он забрать желал:
Недомерка того, – конька,
Что ты видел наверняка:
Он бродил по двору, как пёс:
Не линял, не умнел, не рос.
Дорогого коня, чапан
Предлагал я ему, но хан
Как упёрся: хочу конька!
Не в себе он, Жакып, слегка».
Но Жангыр побледнел: «Блажишь!
Это ты не в себе, Чынгыш!
Жеребёнок саврасый, ишь,
Помешал тебе здесь, слепыш!
Не конька ты отправил вон,
Ты отдал свой законный трон!
Надо спешно послать вдогон
Стражу, слуг, – чтоб вернулся он!
И ошибся ты не впервой:
Жеребёнок тот, вороной,
Что ты отдал Алооке,
Чтобы жить себе налегке,
Он ведь вырос: стал *Алгыра*[87]:
Знать о нём бы тебе пора:
Победитель в любом бою!
Мало ценишь ты жизнь свою.
Жеребёнок, что скрыл Жолой,
Он – трёхлеток, он голубой.
Всё узнать ты сумел бы, хан,
Но от лени спустил обман,

[86] Сип – хищная птица семейства ястребиных, обитающая в высокогорных районах.
[87] Алгыра – непобедимый; (ал – сила, мощь; победить; алгыр – хваткий).

Конь тот вырос – *Ачбуудан*[88]!
И последний с обманом дан:
Да, – саврасый малыш, пузан,
Первогодок он, великан;
В чепраке его – два крыла:
Он крылатый конь – *Аккула*[89]!
Ты бы слушал меня, мой хан!
Сколько раз, проглотив обман,
На ошибках своих не смог
Ты учиться, свидетель – бог,
Ты ни в людях, ни в лошадях
Разобраться не можешь! Враг
Сам себе ты: отдав за так
Своё счастье – каков добряк!
Как шакал сам себе живот
Выгрызает в голодный год,
Так и жадность: что бог даёт,
Только к пище сведя, сожрёт!
Ты послал вслед Жакыпу слуг?
Или снова замкнул свой слух
От советов моих и слов?
Что ж… к свержению будь готов!»

Столь презрительный монолог
Хан спокойно снести не смог,
В гневе топая, за порог
Колдуну указал; но впрок
Всё же принял его слова:
Речь вернулась к нему едва,
Он джигитов послал в бега
За Жакыпом – вернуть конька.
Хан Жакып же издалека
Их заметил. Он вдоль леска
К перевалу неспешно шёл;
За кусты он конька завёл,
Сам верблюдов спокойно вверх
К перевалу погнал. Успех
Обострил осторожность в нём:
Счастье небо даёт в заём.
Чем обратно возьмёт? – о том
Знает только небесный дом.

Тут гонцы прискакали. В лоб,
Не скрываясь, велели, чтоб
Отдавал он назад конька!
Остудил он их пыл слегка,
Показав на верблюдов – вот
С чем, мол, тихо домой идёт:
Сам назад убежал конёк,
А догнать он его не смог.
Так вернулись гонцы ни с чем.
Хан Жакып не хотел проблем –
Ждал. Как пыль улеглась вдали,
Он присвистнул коньку: «Пошли!»
И поднялся на перевал.
Жеребёнок их сам догнал.

Долго кости Жангыр метал,
Колдовством ворошил астрал,
Сипом вглядывался сквозь даль:
Жеребёнок исчез, как жаль! –
Так терзала его печаль.
Зря он выбрал себе причал
Под Чынгышевскою пятой:
Дождь закончился золотой,
Обернулась глухой враждой
Как бы дружба их. Ведь бедой
Начиналась она – тогда
В незабывшиеся года:
В них без следствия и суда
Несть народу сгубил тогда
Предсказаньем своим Жамгыр –
Что родится, мол, богатырь.
Вот ведь чем его взял упырь! –
Хан Чынгыш – он как поводырь
Душ из рая в промозглый ад.
Как теперь бы Жангыр был рад
Жизнь свою повернуть назад!
От досады он, сняв халат,
Стал топтать его – ведь наряд
Тоже с ханского был плеча.
Говорят, что беда – ничья
Не бывает: её творец –

[88]Ачбуудан – неутомимый иноходец (ач – светлый, пустынный горный перевал; буудан, буудандык – быстроходность, неутомимость).

[89]Аккула – божий дар, упавший с неба (ак – белый, истинный, святой, божий; кула – упасть, свалиться).

Очень часто что из овец;
Вот и думай потом – подлец
Кто над ним или сам глупец?

Шёл счастливым Жакып. Ковыль
Серебрился, вздымая пыль.
Внешне мир всё таким же был.
Сказка – это надежды быль.
Вскоре прибыл Жакып в Баркёл.
Про конька, что домой привёл,
Он сказал: «На зерно – в обмен»:
Ложь, но к правде немалый крен.
Впрочем, было не до конька:
Все сходили с ума слегка –
Две семьи, два больших гнезда;
Две, ведь был ещё – Акбалта,
Переехав в Буурултокой,
Статус сразу сменили свой:
Стали ханской большой семьёй
Под охраною золотой
Той бумаги, где Чынгыш-хан
Отписал им родимый стан.
Слава богу, что хан Ногой
Убыл загодя в мир иной.
А народу лишь дай покой –
Быстро станешь для всех как свой.
Год улаживали дела.
Посевная в трудах прошла,
Там – окот и жнивьё. Дотла
Лишь убрали когда поля,
Поспешили в Турпан скорей:
Чонжинди от его друзей
Надо было забрать домой
На Алтай ненаглядный свой.
Караван их уж был не тот,
Что вели они прошлый год:
Сто верблюдов теперь в поход
Выходило из их ворот,
Пять десятков джигитов в путь –
Все *аскеры*[90], не кто-нибудь, –
Хан Жакып снарядил с собой,
Словно втайне готовясь в бой;
Каждый трёх лошадей в запас
Вёл с собой, и чтоб каждый раз
На замену не тратить час
Их вели под седлом – приказ
Не оспорил никто, ведь хан
Вёл не первый свой караван.

Но вернёмся к коньку на миг:
Чыйырде рассказал старик –
Он делиться с ней всем привык, –
Как конёк у него возник:
«Ведь похожий он неспроста
На того, про кого Балта
Мне рассказывал; а когда
С жеребёнком я шёл сюда,
Торопясь поскорей домой, –
Хан вдогонку послал конвой,
Словно бедный подарок свой
Посчитал непомерной мздой.
Захотел я его забрать
Видя: знаки, о коих брат
Говорил мне, точь в точь сошлись,
Но одна лишь тревожит мысль:
Первогодка искал Балта,
Я трёхлетка привел сюда,
Даже больше: его года
На четвёртый пошли, когда
Хан с Алтая его забрал.
Зря я, видимо, рисковал!»
Его сбивчивых слов накал
Чыйырду не врасплох застал:
«Жакыпхан, ты послушай, друг:
Лишь привёл ты конька, то вдруг
Молоко у меня в груди
Появилось. Ты подожди! –
Вот он, божий простой ответ:
Жеребёнку и года нет!
Как всегда, обманул визир
Властелина: отдал блезир –
Сосунка, а прибавил зим,
Понадеявшись, что вблизи
Сосунков не видал Чынгыш
И вернёт нескладёху, лишь
Посмеявшись над ним: "Урод!",
А последним смеётся тот,
Кто рассчитывал каждый ход,

[90] Аскер – обученный боец, воин, солдат.

Как положено – наперёд.
Впрочем, козни их все – в былом.
Я подумала вот о чём:
Молоко ведь приходит в срок.
Может, бог мне прислал намёк:
Мол, как с неба упав, конёк
Стать бы братом молочным мог
Для Манаса: ведь волшебство –
Это с миром живым родство,
Любит поровну божество
Всё, что живо, а не мертво.
Я, смешав молоко с зерном,
Накормлю сосунка, потом
Мы посмотрим с тобой вдвоём,
Что за счастье привёл ты в дом.
Ты попробуй событий ряд
Вновь осмыслить, как шли подряд:
В долг пшеницу ты взял… Как брат
Друг отдал её – не в заклад,
А как будто бы сделав вклад
В общий план… Свой добавив пай,
Стал ты ханом, вернул Алтай,
И ещё – жеребенок-*тай*[91]
Словно с неба упал. Но, знай:
Голубой жеребёнок – он,
Хоть зову *Аккулой*[92], зерном
Был оплачен; зерно – сынком
Нашим выращено. Закон
Никогда не отменит бог:
Дар заслуженный только впрок!»
Засмеялся Жакып: «Жена!
Ты себе, Чыйырды, верна!
Аккулу мы нашли, – Балта
Только так его звал всегда!
Что ж! – твоё молоко дадим
Жеребёнку, да поглядим:
Станет тоже орлом, поди».
Молоку у жены в груди
Стало тесно до боли вдруг,
Лишь дождавшись касанья рук,
Полилось в пиалу оно,
Хан добавил к нему зерно,
Жеребёнку поднёс: «*Ойноо*[93]!»,
Через миг показалось дно:
Залпом съел он всё не шутя,
С благодарностью, как дитя,
Посмотрел, словно сам был рад,
Что Манасу теперь он – брат.

Но вернёмся к пути в Турпан.
Прежде мог дней за десять хан
От Баркёла в Турпан дойти,
А теперь сорок дней пути
Предстояло им всем: Алтай
Называли, шутя, – *Алчай*[94].
Но и эти промчались дни.
Сто верблюдов без толкотни,
Погружая в песок ступни,
Как живые сухие пни,
Шаг ускорили вдруг: они
Увидали жилья огни.
Ждал давненько Караногой
Друга-хана со всей роднёй,
Повторяя, что в этот год
Обязательно друг придёт.
Двор заполнил, шумя, народ:
Смех, объятья, расспросы влёт.
Муж с женою сбивались с ног:
Старики не имели снох,
Только с другом своим сынок
Помогал им во всём, как мог:
Самовары заправив, он
Вмиг под ними разжёг огонь –
Деловито, без суеты;
А тем временем Чонжинди,
Чтоб хватило на всех еды,
Натаскал для котлов воды
И верблюда зарезал сам,
Сам и мясо сварил гостям,
По всем правилам по частям
Смог разделать. Отцу бальзам
Лил на сердце сноровкой он:

[91] Тай – *здесь:* ласкательная приставка, обычно обращённая к малышам.
[92] Аккула – *букв.:* свалившийся с неба, божий дар.
[93] Ойноо – забавляйся, играй.
[94] Алчай – растопыриваться, раскорячиваться.

Всё Жакыпу казалось сном;
Сына обнял, входя лишь в дом,
Целый год он грустил о нём:
«Верблюжоночек мой, *бото*[95],
Не поможет тебе никто
В твоей трудной судьбе, зато
Свил отец твой тебе гнездо,
Ведь не всё же тебе сосать
Не свою, а чужую мать».
Если б мог он тогда узнать,
Что отмочит сынок опять!
После *тоя* Караногой,
Обеспечив гостям покой,
Стал с Жакыпом держать совет:
Сколько даст золотых монет
Груз, что больше чем в ста тюках
На верблюжьих висит горбах?

У Мажика и Чонжинди
Свой вопрос трепетал в груди:
Как от денежных дел уйти,
Ведь заставят их скот вести,
Торговаться, на страже быть.
В общем, щепками в речке плыть.
«Знаешь, брат мой, Мажик, боюсь,
Мы не выдержим этот груз:
Как начнётся отгон скота,
И продажа, и суета!
Есть у взрослых одна беда:
Слепит золото их всегда,
И богатство, всего лишь кладь,
Ими может повелевать.
Брат отца моего – Балта –
Так советовал мне всегда:
Нет плохих лошадей, а есть
Застоявшиеся. Так честь:
Каждый должен её пронесть
Через славу, невзгоды, лесть –
Через все испытанья. Путь
Закаляет и дух, и грудь.
Годовалый конёк гнедой –
Тоотору, – прошлогодний, твой,
Что отец мой привёз зимой,
Скоро может застыть горой[96],
Коль не будешь его пасти,
Только в стойле держать, прости –
Зажиреет как на убой.
Ты поедешь, Мажик, со мной?
Всё продумал я по уму:
Для себя я коня возьму
Из отцовских лишь потому,
Что все кони у нас в дому
Зажирели: они в жару
Будут плавать в своём жиру!
Не хочу я таким же стать.
На Алтае нас встретит мать,
Нам поможет она сыскать
Акбалту. Уж потом опять
В дело вклинимся на бегу:
Скот гонять да молоть муку,
Чёрно-пегими станем вновь
Мы – «подай», «принеси», «сготовь».

Двух друзей деловой совет
Свёл сомнения все на нет.
Взяв припасы, они чуть свет
Двор покинули, и след в след
Караванной тропой отца
Два героя, два беглеца
Поспешили уйти. Сердца
Успокаивала рысца,
Лишь запретной свободы пыл
Новизною своей знобил.
День и ночь постигая путь,
Редко дав коням отдохнуть,
Мчались мальчики. Слово «пусть» –
Вот стремлений беспечных суть.
Днём жара, а ночами тьма
Их сводили порой с ума.
Но скитальческая сума
Привлекательней, чем тюрьма
И не только для юных душ,
Если выбора нет к тому ж.
Миновали Баркёл. Еды

[95] Бото – верблюжонок; слово, выражающее нежность, ласку, тепло.
[96] Тоотору – *букв.*: гнедая гора, на что намекает другу Манас.

Не осталось, но с высоты
Снежно-белого Салбарды[97]
Их бурчащие животы
Не снижали настрой мечты.
Вниз спустились до темноты.
В ставку хана пришли они,
Когда в небе зажглись огни.

Чыйырды с Бакдёолет одни
Оставались все эти дни.
Чыйырды почему-то вдруг,
Встрепенувшись на каждый звук,
Говорила себе: «Мой сын
Без Жакыпа придёт, один,
В путь отправится, только хан
Доведёт до них караван;
А меня он найдёт легко –
Приведёт моё молоко».
Всё ждала, отгоняя сны.
От собачьей густой брехни
Сердце прыгнуло вдруг в груди:
«Он пришёл – мой сын Чонжинди!»,
Двери вмиг распахнув, – «Входи!» –
Закричала, но впереди
Разглядела во тьме двоих.
Пёс, хозяйку узнав, затих.
Сердце так же твердило: «Сын!
Просто он пришёл не один»,
И, объятья раскрыв, скорей
Побежала встречать гостей.
«Мама, это Мажик», – сынок
Ей узнать кто второй помог;
В шею, в щёки и в нос, в висок
Целовала сынка, высок
Стал малыш её – в потолок
Упирался, вот как подрос!
Чыйырды не стеснялась слёз.
Во всём доме зажёгся свет –
Это встала Бакдёолет, –
В платье праздничном, как луна
К детям выплыла вдруг она,
Вновь объятья пошли, слова.
Бакдёолет отошла едва
И – скорей собирать на стол:
Ведь голодные дети, мол!
В жертву кроме овцы козёл
Самый жирный из всех пошёл.
Первой радости схлынул взрыв,
Но кормили – наперерыв
Угощая, и, закормив,
Спать отправили, не забыв
Снять одежду с них – постирать,
Чтобы грязь не тащить в кровать.
Чыйырды не сомкнула глаз:
Все желанья сбылись сейчас –
Ведь вернулся её Манас!
В предрассветный туманный час
Колдовала уже с едой
И готовилась щедрый той
Закатить для всего села:
Заколола еще козла
И кобылу – чтоб от стола
Всем для дома еда была.
Отдыхали юнцы два дня:
От рассвета и до огня
Спали, ели, и так опять:
От стола отойдя – в кровать.
А на третий Манаса мать
Позвала с собой погулять.

Было тихо ещё в селе.
Догорала луна во мгле
И туман лежал на земле.
Мать ведя его к Аккуле,
Удержалась от всех похвал
И Манас ничего не знал.
Но конёк вдруг его узнал:
Как большой, заплясал, заржал.
«Что за чудо?! – вскричал Манас,
Не сводя с жеребёнка глаз, –
До чего ж голубой окрас!
Чей? Откуда такой у вас?!»
Аккула же возжаждал ласк.
Ножек тоненьких перепляс
Рассмешил их до слёз. Манас
Прикоснулся к нему – «атлас!» –
И поглаживать стал. Тотчас
Жеребёнок прильнул к нему.

[97] Перевал на подходе к Алтаю.

Мать решилась, и по уму
Повела свой рассказ о том,
Как попал Аккула к ним в дом,
Как кормили его зерном,
Перемешенным с молоком,
Что возникло в её груди.
Засмеялся сын: «Погоди!
Он теперь – мой молочный брат?»
Было видно: мальчишка рад.
И поведала мать тогда:
«Дед по матери у Балта,
Так сказать, его *таята*[98],
Бросив дом, приезжал сюда
Посмотреть жеребёнка, – он
В тайны многие посвящён, –
И сказал, что волшебный конь
Вырастает – не конь, огонь!
Он от чёлки и до хвоста
Гладил малого неспроста:
Шёрстку тёмную с чепрака
Словно вычесала рука;
Поводил он ещё слегка –
Распрямилась спина конька
И втянулся живот. Окрас
Словно небо сверкнул. На глаз
Вырос он. Ты сказал: «Атлас», –
Стал таким он от этих ласк.
Гладил, гладил Омур-*бабай*[99],
Вдруг ко мне обернулся: «Знай,
Он – батыра волшебный конь:
За ушами горит огонь,
Счастье дремлет во лбу – лишь тронь,
Слабаку обожжёт ладонь;
Эта родинка, что на круп
Посадил будто чей-то зуб, –
Божья метка, его тавро:
Чьё, мол, чистое серебро;
Взгляд – он светится лишь добром,
Что случись – прогремит и гром
Вслед за молнией: как архар
Сможет взглядом зажечь пожар;
Грива, хвост… Не у всех девчат
Косы шёлком таким лежат.
Две недели зерном своим
Покорми-ка его, *келин*[100]!»
Много мне рассказал старик.
Всё, что в уши вошло, язык
Передать не умеет встык:
Он к таким речам не привык.
Сын спросил её: «*Таята*
Вместе с дядей живёт, с Балта?
Хоть рассказ твой хорош вполне,
Было б славно увидеть мне
Их обоих, чтоб о коне
Разузнать бы теперь вдвойне».
Чыйырды отвечала: «Дед
В Ак Чамбыле живёт без бед –
Весь в почёте, старик-душа!
Перевалом Агалаша
Отделён Ак Чамбыл от нас.
А Балта… Он, как в прошлый раз,
Удалился от лишних глаз:
Ты уехал – и он угас,
И в отшельники вновь ушёл.
Знаю только – на Аракёл;
На *калмакских* чужих брегах
Он живёт. И пускай аллах
Бережёт его от беды!»
Вслед добавила Чыйырды:
«Ты племянник его, сынок.
Вновь зажечь бы его ты смог,
Не по долгу, по сердцу: впрок
Никогда не бывает долг.
Мы, кыргызы, родню в беде
Не бросаем, как и в нужде.
Только воля – всех душ исток,
И без просьб помогать – порок.
Помогает насильно рок,
Потому-то он так жесток.
Слышал, думаю, ты не раз,
Как *калмак*, истребляя нас,
Убеждал и себя подчас,
Что кыргызов он пас и спас».

[98] Тай ата – дедушка по материнской линии.
[99] Бабай – старик, дед.
[100] Келин – сноха, невестка; молодуха.

Накипело у Чыйырды,
Всё решилась сказать: «Ведь ты
Был убит бы во чреве в срок,
Если б мы не учли урок!
Предсказанье пришло о том,
Как возвысит кыргызский дом
С неба посланный нам Манас,
Что родится вот-вот у нас.
Но *калмаки* о том прознать
Умудрились, и нашу знать
Напугали: родится тать,
Чтоб кыргызов уничтожать.
Как хвостом замели следы!
Скопом резали животы
Всем беременным, не щадя
Ни *катын*[101], ни её дитя.
Так, грядущую выпив кровь,
Превратили весь род в рабов!
Оттого был отец готов
К перемене мест – до родов,
Оставляя и скот, и кров.
Нас хранила к тебе любовь!
Впрочем, вырастешь – сам поймёшь,
Сам отделишь от правды ложь.
Вот что только скажу: пойдёшь
Если к дяде ты в гости, всё ж
Осторожнее будь: бедна
Та земля, и для всех тесна:
Там кыргызских могил не счесть,
А *калмаков* – не так, как здесь, –
Много… Там и такие есть,
Что ещё не забыли весть
Про Манаса – тебя, и ты
Называйся лишь Чонжинди.
На холме там, как на груди,
Есть три дома. Не подходи
К ним ни в сумерках, ни во тьме,
Ни в своём, ни в чужом уме.
Дом один – чтоб варить еду;
Дом второй – чтоб толочь беду,
С душ ушедших взимая мзду:
Рай для дьявола – пир в аду.
Заросла к тем домам тропа:
Знак тоски подаёт судьба.
Сын, запомни, в природе есть
Много знаков, и каждый – весть,
Надо правильно их прочесть,
Чтобы душу не дать увесть.
Мечен знаками даже скот.
Мудрый видит всегда в окот:
Пёстро-белый когда приплод–
Снег с дождём так в полях идёт, –
Или жёлтый, наоборот,
В пятнах, словно подгнивший плод,
Значит, будет неровный год:
Джут ли, голод в дома придёт.
Тёмно-чалый и красный конь –
Знак, что щедр в очаге огонь,
Под седло их не ставит тот,
Кто по знакам судьбы живёт:
Есть такие у Акбалты.
Красный цвет – это цвет мечты,
Как и рыжий, и голубой –
Будит зависть лишь конь такой,
Хоть привязывай близ села,
Чтобы злоба всех не брала.
Зависть – это в еде игла:
Смерть не знаешь за что пришла.
Кстати, дядя любимый твой,
Акбалта, он готов с судьбой
Вечно спорить, презрев покой:
Он в табун разномастный свой
Всяких-разных пустил коней:
Чёрно-белых, под цвет камней,
Жёлтых в крапинку, тьмы черней.
Злит судьбу, чтоб тягаться с ней:
Мол, какую же ворожбу
Надо выдумать, чтоб вражду
Сделать дружной, незлой – беду,
Голод – сытным, ненужной – мзду,
Чтоб богатство имел бедняк,
А богач бы стеснялся благ.
Ты найти его сможешь так:
Разноцветные кони – знак!»
И добавила, теребя
Край платка своего: «Любя,
Сын, тревожусь я за тебя!
К трём домам подведёт судьба,

[101] Катын – жена, женщина.

Кто спасёт? Там такой народ.
Все – как твари других пород:
Мол, беда не на мой же род.
Как кыргыза *калмак* поймёт?
Хуже: слабость чужих – что мёд:
Всей толпой налетит, добьёт!»
Мать расплакалась без стыда:
«Вновь уедешь ты – вот беда!»
Стушевался Манас: когда
Слёзы видел, был зол всегда,
Но сейчас охватила дрожь:
Слёзы матери – в сердце нож;
То краснел, то бледнел, пока
Мать утихла. Скорей конька
Оседлал и повёл в село.
Солнце в небо уже взошло
И туман, как намёк на зло,
Ветром утренним унесло.
Чтоб прощаньем не рвать сердца
Он окликнул ещё с крыльца:
«Собирайся, Мажик, пойдём!»,
«Ладно, мать!» – и покинул дом.
Чыйырды с Бакдёолет вдвоём
Вслед смотрели, как окоём
Растворял силуэт ребят.
Не опишешь тот жгучий взгляд!

А тем временем Чонжинди
Вдруг надумал, что по пути
Не мешало б к Магдым зайти:
«Тоже мать мне она, прости», –
Другу так объяснил он влёт.
Что поделаешь! – Сумасброд.
Жён Жакыпа не всех Мажик
Знал, но все ж прикусил язык:
Спорить с другом – что сеять дым.
Лаской встретила их Магдым,
Не дала даже слезть с коня:
Обнимала средь бела дня,
Радость встречи являя так;
Подбежали Серек, Сыргак –
Братья-погодки: лет по семь;
И соседи тут вышли – всем
Интересно: Жакыпа сын
Вдруг приехал, и не один.
Чонжинди соскочил с коня,
Братьев обнял своих – родня,
И затеял игру. Возня
Захватила их на полдня:
На Серека с Сыргаком он
С подвернувшимся батожьём
Шёл как с острым стальным копьём,
Зажигая свой взгляд огнем;
К чести братьев, они, вопя,
Так отстаивали себя,
С двух сторон Чонжинди лупя,
Что вмешался Мажик, любя;
Разобраться – кто, где, – не смог
В мешанине из рук и ног:
Малышам победить помог;
Визг и вопли… Сплошной восторг!
Тут Магдым позвала за стол
И на *тёр*, словно на престол,
Посадила она Жинди;
Слева, справа – гостей ряды.
Загоняла всех слуг Магдым.
Сытно пах, растекаясь, дым:
Ведь зарезали для ребят
Верблюжонка и жеребят:
Годовалого сосунка
Да хорошего третьяка.
Обласкала Магдым как мать.
Им пришлось и заночевать.
Рано утром друзья скорей
Оседлали своих коней
Попрощались и, выпив чай,
Вновь отправились на Алтай.

К перевалу *Чамбыл-таша*[102]
Добирались, уже спеша:
Стала ныть у ребят душа,
Что до цели идут, кружа,
Да к тому же и натощак…
Перевал миновали. Знак
Вдруг увидели – на большак
Вышел конь, а скорей – лошак:
Столько всяких мастей, пород
В нём намешано от щедрот

[102] Чамбыл – грубо сделанный, неотёсанный; таш – камень.

И хозяина, и небес:
Приглядишься, заметишь здесь
Шесть десятков кровей! – замес
Мог бы выдумать только бес.
Это конь Акбалты, метис! –
Догадались, свернули вниз,
Там, в ложбине уже, нашлись
И домишки села. Каприз
Старожилов села, судьбы
Отделил три больших избы
От столпившихся как грибы,
Сельских домиков вдоль тропы.
Уходила тропа в село.
Трём домам же не повезло:
Подниматься к ним тяжело –
Всё шиповником заросло.
Сжалось сердце у Чонжинди:
На высокой земной груди
Как отбившиеся в пути
Те три дома Балты-*дейди*[103].
Парни вверх забрались с трудом.
Но не стали стучаться в дом:
Пригляделись: другой-то склон
Весь тропинками оплетён,
Только кони за много лет
Так сумеют впечатать след,
Значит, просто с других сторон
К трём домам не взойти верхом,
Значит, дядя – не сторож бед,
А хороший для всех сосед!
Дом, стоящий на *чыйырдуу*[104],
Разве может таить беду?
После слов Чыйырды Жинди
Сомневался сюда идти:
Ждал засаду, силки, капкан,
Думал – холм ли? Скорей курган.
Посмеялся теперь: обман!
Вдруг, навстречу к ним – великан!
Сразу день для ребят померк,
Великан их в столбняк поверг,
Слабый сердцем бы человек
Здесь остался б уже навек!
Затаились опять друзья,
Стали в оба глядеть: нельзя
Появленьем своим дерзя,
Выяснять, почему стезя
Что несла их к родне, к Балта,
В западню завела сюда?
Разгадали неверно знак?
Может, крюк, а верней – зигзаг
Их пути и завёл впросак?
Может, встреченный тот лошак
Был не дядин, а просто так?
Вновь в колючки загнал испуг.
Смотрят: девять коней пастух,
С них кнутом отгоняя мух,
К великану ведёт как друг;
Напрягли с любопытством слух:
Смех, приветствий шутливый дух.
Вот вошли они в первый дом;
Тяжеленный на вид бидон
Великан притащил бегом,
То ль с кумысом, то ль с молоком;
Смотрят – тащит пастух другой,
Третий… пятый, шестой, седьмой.
Великан поспевал быстрей.
Погрузили всё на коней,
Попрощались, и вот в село
Великанье добро ушло
Вниз, по тропке, что вдоль реки
В травах выбили пастухи.
Великан же на камень сел.
Ждать и думать Балта умел.
Он действительно был большой:
Трудолюбием и душой,
Слыл в любом мастерстве –
левшой[105].
Ростом в хана-отца пошёл:
Орозду тоже был, как слон,
Как верблюд-бактриан, силён,
Все враги его тех времён
Говорили, мол, демон он.

[103] Дейди – бродяга, человек со странностями.
[104] Чыйырдуу – пересечённый тропами, покрытый следами.
[105] Сказы о Левше, бытующие у многих народов, утверждают, что человек, отмеченный богом, как Левша – самый искусный мастер на все руки.

Акбалта изо всех детей
Стал, как он, но – без тьмы страстей.
Страсть одна его только жгла,
Путеводной звездой вела,
Из-за страсти своей дела
Мог забросить, сгореть дотла:
Всей душой он любил свой род.
Как он ждал, что Манас придёт!
Сколько книг изучил волшбы,
Чтобы выспросить у судьбы –
Где, когда этот грянет час,
Как к народу придёт Манас?
А теперь он сидел и ждал.
Хоть в племяннике он признал
Знаки все ведовской молвы,
Но… Племянник исчез, увы.
А в последние ночи, дни
В сердце словно зажглись огни,
Подсказали ему они,
Что племянник собрался к ним.
Он старухе велел: «Еда
Пусть в запасах лежит всегда,
Для запасов не жаль скота.
Чую, слышу: спешит сюда,
Так спешит, что по жилам – звон,
Мой Манас – если это он».
Стал бояться: а вдруг *калмак*
Разгадает прихода знак,
Коль к селу приведёт язык
Его мальчика. И старик
Стал встречать его у реки.
Приезжали к ним пастухи
За кумысом и молоком,
Он их вниз провожал бегом,
И скорее на камень свой
Вновь садился, смотрел с тоской
Вдаль, на тропку по-вдоль реки,
Чутко вслушиваясь в шаги.
Дни и ночи всё шли, легки.
Ожиданию вопреки
Приходили лишь пастухи.
И сегодня он от тоски
Камень пнул и пошёл домой.
Сел, заправил максым *сюзьмой*[106],
Стал похлёбку хлебать – ой, бой! –
Конский топот вблизи – двойной!
Заметался, скорей – во двор…
«Что ты мечешься, словно вор!? –
Раскричалась жена вослед, –
Сколько раз выливать обед?
Что за нрав? – ты ведь старый дед!
Как молоденький, ищешь бед!»

Но не слышал её Балта:
Два подростка пришли сюда –
Из-за дома, не от реки,
Ухитрились ли напрямки
Сквозь колючки пролезть тишком
Иль свалились с небес верхом?
Исцарапаны, голодны,
Все тревоги в глазах видны:
Друг Манаса и сам Манас.
«Нет, не зря я младенца спас!
Попривыкнет пускай ко мне», –
Стал привязывать он коней,
Пригляделся: «Вот это да!..
Голубой!.. Сам Камбар-*ата*[107]
Говорил про него, что конь
Он волшебный. Пятно с ладонь
Быть на крупе должно коня.
Точно – есть! Чёрт возьми меня!
На глазах у села кумир.
А в селе колдун Эленкир
Разнесёт по *калмакам* весть
Что здесь конь богатырский есть».
Развязал он опять коней,
Вниз повёл их к реке скорей:
Под обрывом он много дней
Рыл землянку, чтоб прятать в ней
Всё добро, если вновь в поход
Что-то важное позовёт.
Пригодилась землянка! – в ней
Он надёжно закрыл коней,
Дал воды им, травы, овса.
И тревога утихла вся.
Снова вверх поднялись, домой,

[106] Сөзмө – вытяжка (солёное створоженное кислое молоко).
[107] Ата – отец; предок; святой покровитель.

Познакомить хотел с женой
Акбалта двух гостей своих,
А жену словно кто под дых
Крепко стукнул: ведь ей сперва
Вдруг привиделась морда льва!
Это Чонжинди голова
Показалась – он шёл едва:
Сильный голод мальчишек тряс.
Ведь, прикончив еды запас,
Сутки шли, да в колючках лаз
Сделав, день провели. «Манас!» –
Догадалась старуха враз,
В первый дом пошла, торопясь, –
Май и мёд, и кумыс нести.
«Как старик его звал? – Жинди!
Чонжинди, да! И он – Манас!
А сама-то в огромный таз,
Рассекретив весь свой запас,
Щедро клала круги колбас,
Жир, копченья… – все яства те,
Что подобны самой мечте
На кыргызской родной земле,
И на праздничном лишь столе
Появляются в нужный час.
«Гость – племянник родной…
Манас!»
Эта бурная суета
Любопытных созвать сюда
Не преминула б… Вот балда!
«Эй, старуха, комок вреда,
Успокойся!», – решил Балта
Зуд хозяйский её пресечь;
Чай налили гостям, и лечь
Им голодным почти пришлось.
Что ж, не станет перечить гость:
Как хозяин решил – и пусть.
Хоть живот был по сути пуст,
Так усталость была сильна –
Вмиг заснули они. Без сна
Албалта всё лежал и ждал,
Что? – он толком и сам не знал.
Всё казалось ему: сейчас
Он увидит: Жинди – Манас.
Будет знак ли, намёк, показ?
Не работает на заказ
Всемогущий людской пастух.
Свет свечи догорел, потух.
Потянул одеяло друг –
Грудь Манаса открылась вдруг:
Там лучился, мерцая, круг,
Повторяя сердечный стук;
Круг скользнул с груди на ковёр –
Как луна по отрогам гор,
Освещая свечи сильней
Дом и спящих двоих парней.

Осенила дом благодать.
Акбалте расхотелось спать.
Он скорей проскользнул во двор,
К небу, к звёздам закинул взор,
Обещая: «Десятков семь
Я раздам из отары всем
Самых лучших своих овец,
В благодарность тебе, Творец!»
Успокоиться он не мог,
В дом вернулся – к жене под бок,
Разбудил – но не рассказал.
А с рассветом уже и встал:
Поругал нерадивых слуг,
Чтоб открыли скорей *тюндюк*[108],
Снова вспомнил тот светлый круг,
Рот закрыл свой кистями рук
И в землянку спустился: вдруг
Кто-нибудь отпустил на луг
Голубого как высь коня?
Где ловить его в пойме дня?
Всё в порядке! Долил воды,
Бросил в ясли ещё еды,
У землянки замёл следы
И, закончив свои труды,
Зычным криком, слетевшим с гор,
Он позвал пастухов во двор.
Девять-десять пришли. Село
В ранний час тот ещё спало.
Тилекбай – пастухов глава
Принял к сведенью все слова.
А Балта им сказал: «Молва
Знает щедрость мою едва,

[108] Түндүк – в кыргызском доме выходное отверстие для дыма.

Всё исправить хочу сейчас.
У меня есть скота запас,
Каждый знает, кто скот мой пас,
Где и что я себе припас.
Тилекбай, для моих даров
Подбери-ка мне семь коров:
Хорошо бы семи годов,
Можно трех и пяти; готовь
И кобылок-трёхлеток. Год
Важен меньше, чем их приплод:
Бело-серые коль в роду
Иль светлее – то их в еду
Мы не будем пускать. Других
Приведи мне, но четверых,
Не рожавших же семерых
К ним добавь, и не спутай их;
Слава богу, кобыл полно,
Что обгуливали давно.
Всё, Балта умолкает здесь.
И от вас лишь зависит весть,
Что надежды села на *той*
Обеспечены все Балтой».

Тилекбай поклонился. Враз
Отдал всем пастухам приказ,
Чтоб они из джайлоо вмиг
Гнали тех, что велел старик:
Строго яловых семь кобыл,
Чтоб никто их лет не забыл –
Лишь семи, и пяти, и трёх, –
Расписал всё до самых крох;
Очень скоро семь пастухов
Всех кобыл привели с лугов,
Всё исполнив: учли и год,
И окрас, и приплод, и счёт.
Для себя оставил Балта
Семилетку-кобылу – та
Уж не серой была – седа,
И приплодом не раз горда;
Двух кобыл-пятилеток он
Тоже в свой отогнал загон;
А трёхлеток-кобыл велел:
До заката чтоб на селе
Все четыре пошли под нож,
И дома – по четыре тож,
Оголили все тюндюки –
Отовсюду чтоб шли дымки!
Он раздал кумыс: бурдюки, –
Ровно семь, – с трудом пастухи
Повезли на кобылках вниз.
Вновь озвучил Балта каприз:
«Тилекбай, ты как я – кыргыз,
Пусть *калмаки* попьют кумыс
Вдоволь с мясом в твоём дому, –
Чтоб трезвонили по уму,
До чего же, мол, щедр кыргыз, –
Я прошу тебя: не скупись!
И ещё одна просьба есть:
Окажи мне такую честь:
Те дома, где живу с женой,
Пусть обходят все стороной!
Мне хватает того, что *той*
Справлю я со своей семьёй:
Шесть мальчишек-истопников,
Тех, что делят со мною кров,
Я сажаю за стол с собой:
Как помощники, чтимы мной,
И они за меня – горой!
Среди них и мой сын родной».

Люд Балта проводил пока,
Все четыре истопника
Разводили огонь в печах –
Сладким дымом весь дом пропах.
Им хозяин отдал приказ:
«Семилеток-кобыл – для нас
Что оставил я, – сразу семь
Режьте быстро, да так, чтоб всем
Непонятно им было – что ж
Вдруг случилось? – иначе дрожь
Близкой смерти испортит вмиг
Это мясо», – сказал старик.
И добавил: «А в их котлы
Не коровы и не козлы –
Все копытные, – не должны
Примешаться к *шорпо*[109]. Ясны
Вам секреты? И желваки,
Как и мелкие все кишки

[109] Сорпо, шорпо – бульон.

Не годятся в еду, огонь
Нужен средний: свою ладонь
Поднеси-ка к котлу – чтоб пар
Не похож был на тот удар,
Что кипенье даёт в посыл
Изо всех своих мощных сил».
Повернулся к жене Балта:
«Ну, а дальше твоя бразда:
Ты ведь знаешь сама, как соль,
Помолясь, чтобы взять контроль,
Распуская в шорпо, слегка
Только краешком черпака
Перемешивать. Никому
До конца не давай в дому
Даже капли на пробу. Лик
Спрячь от всех, завяжи язык:
Болтовня – это тоже соль».
«Старый, шутишь ты снова, что ль?!»
Так готовили дружно *той*.
Стол уставить другой едой,
Кроме мяса, Балта не дал:
Он парням шестерым раздал
По ножу и сидел, смотрел,
Как разделывать кто умел
И на крошку строгать куски;
Руки быстро, как мотыльки,
Лишь мелькали. Сказав «Пора!» –
Устуканы сложив в *чара*[110],
Всем парням предложил поесть,
Сам же, как ожидая весть,
Вновь глядел, но исподтишка:
Чья и как, да и что рука
С мясом кость выбирает. Есть
Много знаков, – умей прочесть.
Чонжинди и Мажик с кости
Мясо дочиста соскрести
Умудрялись, хоть – к их чести, –
Не спешили ко рту нести
Всё, что сверху лежало, – им
Словно кто-то шепнул: едим
То, с чем возраст и путь един.
Впрочем, всех на один аршин
Не измеришь. Движеньем рук
Акбалта отпустил всех слуг,
Сам нарезанное в *чара*
Мясо внёс для гостей. Вчера
Если б дали им хоть бы горсть,
Счастлив был бы донельзя гость,
А теперь, например, Мажик,
Что к обилию не привык,
Мог вприглядку лишь есть, увы;
Чонжинди же и головы
Не поднял от *чара* – как лев,
Он, всё мясо с охотой съев,
Попросил у старухи *чык*[111],
Без отрыва к *кесе*[112] приник;
С уваженьем смотрел старик:
«Лев по-львиному есть привык».

Года три как себе бурдюк
Сделал сам он. Для крепких рук
Работенка та – будь здоров:
Взял три шкуры больших волов,
В кислом вымочил молоке
И, в еловом набрав леске,
Что на склонах рос вдалеке,
Лап еловых, он шкуры все
Прокоптил и во всей красе
Закопал, чтоб их дух земля
Вместе с запахом унесла;
Откопав и промыв, края
Сам покрепче зашил, трепля,
Да еще и мутовкой бил
Изо всех великаньих сил.
Из него-то был мастер рад
Угостить кумысом ребят,
Он бурдюк тот с трудом принёс.
Предваряя любой вопрос,
С хитрецой он сказал гостям:
«Я-то старый уже, а вам
Можно досыта пить кумыс,
Без кумыса – какой кыргыз?»
И поставил бурдюк – как стог.
Шестилетний ребёнок смог

[110] Чара – большая чашка, таз.
[111] Чык – бульон, заправленный мелко нарезанным луком и перцем.
[112] Кесе – большая пиала.

Уместиться бы в нём, и там
Он уснул бы, не вышел сам.
В этой чаше для *Алп* Балты –
Воплотились его мечты:
Стала хитрость его видна:
Тот батыр – кто дойдёт до дна.
Выпил девять *кесе* Мажик.
Выпил тридцать Жинди. Старик
Ждал в безмолвии, но рука
Дрожью выдала старика.
«Подержи-ка!» – сказал Манас:
Чтобы выпить кумыс за раз
Надо было поднять бурдюк,
Наклонить. Только пары рук
Не хватало, и друг Мажик
Два угла приподнял. Приник
К бурдюку богатырь – и вот
Весь кумыс перетёк в живот,
А опавшие шкуры вниз,
На пол, бросил Манас-кыргыз.

Понял тут Акбалта: игра
Завела далеко – пора
Навсегда бы уже понять:
На племяннике благодать.
Но дитя всё же он… И спать
Надо как-то ему не дать:
Столько мяса и кумыса!
Ведь у спящего пища вся
Застывает, не колеся,
Спать Манасу сейчас нельзя!
Он решил их отвлечь от сна
Разговорами, чтоб сполна
Всё узнать о двоих друзьях:
Как нашли его здесь, в горах,
Кто отцы их, и что за страх
Их полдня продержал в кустах?
«Расскажите мне всё, друзья!
Я с любовью, а не грозя
Жажду правды: Балту нельзя
Обмануть, как змея скользя;
Сам я видел: в вас норов есть,
Воспитание, ум и честь:
Были голодны вы, – поесть
Я вам толком не дал, учесть
Должен ваше терпенье в том,
Что сдержали вы гневный тон
И не стали просить. Увы,
Не сносить бы мне головы,
Будь другими бы гости… Что ж,
Я пресёк ваш позыв на ложь?»
Чонжинди лишь повёл плечом:
«Нет нужды нам врать ни о чём.
Наш удел – *Кентокой*[113], Алтай;
Род Ногоя – под ним был край,
Мой отец – хан Жакып, и, знай,
Не хотел я вносить раздрай
В чью-то жизнь; я спешил сюда,
Чтобы дядю найти – Балта:
Шёл по делу, не без нужды;
Отыскать же его следы
Помогла мне мать – Чыйырды.
А зовут меня – Чонжинди.
Друг мой тоже кыргыз – "ойшун":
Не *калмак* он и не колдун,
Сын он Караногоя – тот
Очень мудрым в степи слывёт,
Звать же друга – Мажик, в поход
Он пошёл, как всегда идёт:
Чтоб от бед оградить в пути:
Сумасброд же я, Чонжинди!»
Улыбнулся Балта: рассказ
Позабавил его не раз.
Чувств не выдал он напоказ,
Спрятал все за прищуром глаз.
Помолчав же, Балта сказал:
«Как же, как же! – и я слыхал,
Что богатенький Жакыпхан
Сам не сеял и не пахал,
А у сына пшеницу взял –
У племянника моего, –
Чтоб коня купить для него.
Жеребенок саврасый твой,
Что привёл ты сюда с собой –

[113] Кен – рудник, копи, золотые прииски; токой – лес. (Манас объединяет все приметы своего края, фамильного удела, его богатства, чтобы одним словом объяснить, что не нуждается ни в чём.)

Это он за пшеницу взят?
Я – твой дядя Балта! Я рад:
Мой племянник и верный друг
Старика посетили вдруг!
Дядя твой – великан, небось
Испугается всякий гость:
Кому видеть впервой пришлось,
Я страшнее, чем в горле кость.
Впрочем, с этим шутить не след.
Я хочу вам раскрыть секрет:
Но молчите о нём, увы:
Много хищников у молвы!
С Орозду начну – с головы».
И серьёзно повёл рассказ
Акбалта, пеленою с глаз
Убирая весь тот обман,
Что уже впитал мальчуган:
Кто и как разметал их клан,
Как до родов сгубили *кан*
Чтобы им не помог *асман*.
И закончил Балта: «Нам дан
Ты, Манас, чтоб кыргызов вновь
Возродить, родовую кровь
Чтоб возвысить, ведь все мечты
Сделать явью способен ты.
Я *калмаков* знаток теперь:
Дай им палец – как хищный зверь
Руку всю ведь откусят вмиг.
С ними жить наш народ привык.
Если даже богач Жакып,
Твой отец, распустив язык,
Станет звать: мол, пошли домой,
Ты малыш ещё, там – покой,
Почему, мол, сбежал? – *токой*
Всех укроет в тени густой, –
Знай, то – голос смиренья, страх.
Человеческий род пропах
Этим страхом, а хищный зверь
Чует страх и найдёт теперь
Всех, кто, в страхе смирившись, слаб.
Кто боится – тот сутью раб.
Эх, сынок, так давно молчу!»
И Балта, взяв с собой свечу,
Поманил в темноту Жинди,
Мол, со мною теперь иди.
Вниз спустились они, к реке.
Акбалта задержал в руке
Пальцы крепкие Чонжинди:
«Вот как ждал я тебя! – гляди».
Там, в землянке, где встретил их,
Голубой жеребёнок – тих
И спокоен: темно, тепло, –
Прятал *Ал* Акбалта седло.
От восторга Жинди умолк:
Столько золота! – зная толк,
Недоуздок потрогал: шёлк! –
Перегрызть не сумел бы волк!
Из оленьих ремней узда:
По сто пять ремешков! – сюда
Тоже золота тьма пошла:
Злато, как говорят, – от зла!
Из железа кольцо – и в нём,
Взгляды режущим ободком
Снова золото – жёлтый блеск
Как впитал в себя свет небес.
Всё из золота! Удила
Неизбежной частицей зла
Обошлись без него, зато
Светит радугой золотой
Всё седло – на его луке́,
Столь широкой на передке –
По-монгольски, чтоб и в броске
Не тревожась о седоке,
Конь летел бы – в бою, в игре.
Закрепил же на серебре
Всю основу седла Балта
И железо привнёс туда;
Стремена как огонь опять:
Золотые, им так сиять
Днём придётся! Ослепнув, тать
Может боя и не начать.
А нагрудник – как амулет:
Серебро в нём – от сглаза, вслед
Позолотой покрыто сплошь,
Как кокетки богатой брошь;
И подхвостник – такой найдёшь
Среди ханских златых одёж:
На семидесяти ремнях
Золотое литьё! – впотьмах
Можно взнуздывать Аккулу:

Блеск рассеет любую тьму;
Ведь подстилка, и та, к седлу –
Шита золотом, в бахрому
Камни красные вплетены
Оберегами старины,
И подпруга горит, желта.

В снаряженье вложил Балта
Всю надежду свою и страсть,
Вот уж душу потешил всласть!
И сказал он теперь: «Манас!
Путь твой долог, но в добрый час
Отпускаю тебя, в запас
Вместе с верой даю наказ:
Путь на запад держи пока
От Жанупа на Самаркан,
Там местечко найди – Белсаз:
Жамгырчы и Шыгай как раз
Пребывают там – кровь твоя:
Населяет все те края
Брат-кыргыз наш, – твоя семья.
Там окрепнешь, себя тая.
На Алтае *калмаков* тьма.
Восставать здесь – не от ума:
Всех истопчут, изрежут всех.
Не вводи нас, сынок, во грех!
Будет время – окрепнешь так,
Что не страшен нам будет враг!
Сын мой малый, твой брат, Чубак,
Он поможет – я видел знак.
Он помладше на года два:
Семь я справил ему едва.
Но проходят как миг года.
Ты – Манас ведь, ты – навсегда:
Эту истину твёрдо знай.
Сумасбродство своё взнуздай.
Я полвека уж, почитай,
Знаю: будет родной Алтай
Нашим, только кыргызским, весь.
С юных лет своих эту весть
Я лелеял и ждал тебя!
Не спеши, я прошу любя:
Всё погубишь, и так вокруг
Столько горьких утрат и мук!
Вот ровесниц твоих, подруг,
Очень многих, *калмак*, как слуг,
Подминает, взяв на испуг,
Чтобы высосать как паук;
Не *калмак* – так придёт монгол.
Нас развеяв всех, произвол
Каждый рвётся творить. А ствол
Без ветвей погибает, гол.
Униженья несут недуг
Поколеньям грядущим – круг
Замыкается, и не вдруг
Разомкнёшь его силой рук.
Пусть наивный ты по летам,
Я ж – упрямый, и я не дам
Пустоцветом опасть цветам:
Всё считается по плодам!
Ты спешишь, сивогривый конь
Рвётся в бой – лишь поводья тронь.
Только прежде, чем жечь огонь,
До мозолей сотри ладонь:
Чтобы искорку высечь в трут,
Нужен, милый мой, долгий труд.
Все сражения – впереди.
А пока, – он прижал к груди
Плотно сжатый большой кулак, –
Мы готовиться будем так:
Подберём все хвосты из благ:
Нужен воину аргамак? –
Так самцам усмиряем пыл,
Годы яловых лишь кобыл
Наступают: все табуны
Очень быстрыми стать должны –
Жилы, мускулы чтоб видны:
Не застолий ждём, а войны!
Для досужей молвы порой
Будем слухи пускать: игрой
Этой тешусь: с горы порой
Пустишь камешек – под горой
Камнепадом лежат слова,
Где отыщешь свои едва:
Так построена вся молва.
Пусть *калмакская* голова
В этих слухах погрязнет вся:
О деталях узнать нельзя,
Коль не ставил отметин тех,
Неприметных, но важных вех,

Что тому принесут успех,
Кто молву запускал на вверх –
Только вниз, понимаешь? – дан
Сверху взгляд не тому, кто хан,
А тому, кто над ним – *асман.*
Оттого-то на Самаркан
Будешь двигаться года два,
За тобою стечёт молва.
Всё, что надо, я из неё
Вычту сам, ведь отсечь враньё
Посвященному – комарьё
Отогнать, не пустив в жильё.
Например, мне Буудайык-хан
Рассказал, что он слышал сам:
Есть на свете, мол, *Аколпок*,
Мол, поранить никто не смог
Никакого батыра в нём
Мол, ни пулею, ни копьём
Не пробьёшь. Вот уж повезло
Тем, кому он спасал чело,
До чего, мол, уже дошло:
Даже пули, не то, что зло,
Всё отводит! Для дурака –
Это сказка. Для старика,
Чья причастна к молве рука,
Это знак, что наверняка
Слать пора бы мне Чубака,
Чтоб для брата что было сил
Он скорей *Аколпок* добыл
К битвам будущим на почин,
Лучше, был бы он не один:
Абдылда – Кыпчакбая сын,
Моему он ровесник – с ним
Пятилетним я был знаком, –
Он отправится с Чубаком;
Да любой ведь кыргызский дом,
Гневом выстраданным ведом
Даст Манасу в отряд сынов,
Так что, будь только ты готов,
Что десятка, пожалуй, два
Молодёжи прибавлю к вам –
К Чубаку, Абдылде, к тебе.
Сорок надо бы по судьбе.

Слышал я про кыргызский род –
От Кумара он счёт ведёт, –
Есть старик в нём святой – Бакай,
Просто слушать Бакая – рай:
Душу вылечишь – лишь внимай;
В его речи волшебный *май*
И эфирных лугов аир:
То лекарство бессмертный мир –
Верой созданный наш кумир, –
Получает наместо вир.
Не к молитвам свожу я речь.
Сам Бакай, чтоб тебя сберечь,
Обещает ружьё, – картечь
Не подпустит, мол, вражий меч;
Айкожо своего вперёд,
Чтобы встретить тебя, пришлёт,
И ещё говорит народ,
Ачалбарса Бакай даёт,
А с защитой такой, мой лев,
Ты в бою утолишь свой гнев,
Пораженья не потерпев,
Только мышцы слегка согрев.
Правда, сердце твердит моё:
Тебе надо ещё копьё
Да хороший топор. Ружьё
В рукопашной, увы, – щепьё.
Есть хромой кузнец Бёлёкбай,
Только он может сделать, знай,
И копьё, и топор судьбы –
Чтоб с защитой от ворожбы,
Да от ржавчины, от пропаж.

В "*Ыстырлап*" заглянул я наш,
Там нашёл я такую мысль:
Поднимаясь по жизни ввысь,
Ты за корень сильней держись,
А потом уже к небу рвись.
Есть Шыгай. Подружись-ка с ним:
Он единоутробный сын
С Жакыпханом, отцом твоим;
Есть ещё Жамгырчы – двоим
Этим дядям твоим (второй –
Он единоутробный мой), –
Не везло в их судьбе: *калмак*
Их долгами опутал так!
Но и тот, и другой старик

Помудрели от бед. Родник
Из-под камня всегда вкусней,
Чем текущий в земле полей.
Ты найди их, они, увы
Вряд ли слышали глас молвы
О тебе, и о том, кто ты,
Но узнают в тебе черты
Орозду, я уверен в том:
В каждом сердце родимый дом
Негасимым живёт огнём.
Знаю: братья мои вдвоём
Сговорятся и с кузнецом,
И помогут тебе во всём!
Кровь родная – она сильна.
Племена, да и времена
Все стоят на родной крови
И на братской простой любви».
Своё слово сказал Балта.
Спать уже улеглись когда,
Долго мальчик глядел во тьму:
Дали пищи его уму
Речи дядины, потому
Что он верил во всём ему.

Отдохнули ещё два дня.
Утром каждый взнуздал коня
И поднялись к дороге – там
Акбалта-*байке*[114], великан,
Ждал ребят, охраняя сам:
Вдруг приспичит чужим глазам,
Преграждая джигитам путь,
Их удачу враждой спугнуть?
Акбалта стоял как скала:
Охранял от сглаза села,
Охранял от всякого зла,
Что судьба подбросить могла.
Иноходью к нему дошли
Оба друга, его вдали
Не узнали сперва: стоял,
Охраняя въезд в перевал,
Удивительный аксакал –
Видно, ночью сегодня встал,
Чтобы их проводить, хотя
Распрощались ведь загодя:
Сам он снедь паковал им в путь:
Мол, забудут вдруг что-нибудь,
Сам велел до зари уснуть,
Не суля разбудить отнюдь.
Оба друга-богатыря
К перевалу дошли. Заря
Алой грудкою снегиря
В снаряженье ребят горя
Золотила вершины скал;
Там, где дядя Балта стоял,
Оба спешились; их обнял,
Прослезившись вдруг, аксакал,
Сжав Манаса ладонь, сказал:
«Хоть племянник ты мне, но – сын:
Ждал я с юности до седин,
Что придёшь ты. Не я один:
Ждали *жети ата*[115] – един
У кыргызских родов посыл:
Что великий небесный сын
Нас от рабства спасти придёт,
Всех кыргызов сплотить в народ.
Ждут отмщенья они. А я,
Вся родня твоя и семья,
Ждём, что подвиг свершив, наш сын
Будет жив до своих седин.
Береги же себя, сынок!
Не прельщайся на гладь дорог,
Если в сторону будут звать:
Вправо, влево. Но ты опять
Только прямо держи свой путь,
И наказов не позабудь,
Только к цели стремись, упрям,
Чтоб добраться до Самаркан.
Там село есть – Белсаз, – оно
От *калмаков* защищено:
Там два дяди твоих давно
Скот выращивают, зерно,
Твой двоюродный брат Кошой –
Великан, он такой большой,
Я с ним рядом – как чёлн с баржой.
Кровь родная он, и душой
Очень близок тебе, Жинди.

[114] Байке – дядя.
[115] Жети ата – семь предков (семь поколений).

Ты к Жанупу не подходи:
Там *калмаки* – от них уйди
И к горам выбирай пути,
Что маячат там впереди.
Гор не бойся, кыргыз всегда
Говорит: не от гор беда,
Горы – мать, а отец – вода,
Не бывает от них вреда.
В Ала-Тоо свой путь держи,
Пробирайся до Атбашы –
Край, где вольно живёт архар,
Там ищи Чечдёбё-*мазар*[116]:
Там Кошой-богатырь давно
Разогнал всех *калмаков*, но
Коль появишься как чужой –
Может выгнать и вас Кошой,
Он обидчив – с такой душой
Зарасти может жизнь паршой:
Отвернётся от вас навек,
Вот такой уж он человек;
Доберётесь – представьтесь так,
Чтобы понял он: ты – свояк;
Он по сути своей – добряк,
Но уж очень свиреп как враг.
Но зато он, узнав, что брат,
Будет многим помочь вам рад:
Даже каждый его совет
Будет щедрой душой согрет.
Коль не встретившись ты уйдёшь –
Это будет большая ложь
В вашей жизни – точней, чем нож
Взрежет судьбы, и не поймёшь,
Как в труху их побила вошь.
Корень общий вам небом дан.
Брат мой сводный был – Каталан,
Он – Кошоя отец, *балбан*[117] –
Помню, в детстве был атаман –
Всех ребячьих проделок хан.
Властелин Атбаши Кошой
Братьев здесь приютил с душой –
Каткалан – тоже дядя твой,
Катагану он брат родной;
Род их ныне – *каракыргыз*,
Он разросся и вширь, и ввысь,
Брат Кошой твой в честь тех времён
Назван был неспроста отцом
И не зря: атбашинский трон
По наследству ведь принял он.
О твоём же отце не раз
Слышал в детстве Кошой рассказ:
Старики ведь ведут у нас
Санжыру[118] свою напоказ.
Объясни: ты – Жакыпа сын,
Кровью с братом ведь ты един,
Не рассорьтесь как индюки!
Коль расстанетесь как враги –
Говорил я уже, – боюсь
Будет слишком огромен груз
Для завязанных небом уз:
Не махнёшь тут рукою – пусть,
Будут сломаны две судьбы.
Не подставьте под сплетни лбы!
Оба – внуки вы Орозду,
Так не портите борозду,
Что Всевышний провёл для вас,
Чтоб всходили бы в нужный час
Все победы богатырей,
Что таятся меж новых дней.
Где опору найдёшь верней? –
В друге, верных друзей родней!
Ты послушай *байке*, Манас!
Мой исполни, прошу, наказ:
Вашей встречи настанет час,
Не чинись и не жди, чтоб вас
Вдруг сомнение развело:
Подойди, улыбнись светло,
Обними, ну, а чтоб дошло
Что родной, поцелуй тепло:
Хочешь – в щеку, а хочешь – в нос,
Не начав, исчерпай вопрос.
На приветствия в этот день
Не разменивайся, а в тень
Уходи от расспросов всех,
К болтунам не спешит успех:

[116] Мазар – святое место, могила.
[117] Балбан –*здесь:* силач.
[118] Санжыра – родословная.

В каждой речи полно прорех.
Соглядатай, введя во грех,
Так представит тебя потом,
Что не вхожим ты станешь в дом,
Потому-то прошу я, сын:
Сам к Кошою иди – один!
Ладно, сказано всё, иди.
Вот ещё: загляни в пути
В Илеби – где всегда дожди,
Где во впадине, как в горсти,
На широком брегу Иле
Пораскинут Шибер во мгле, –
Там живёт Айдаркан-казах,
На него постоянно страх
Нагоняет *калмак*. Аллах
Сына дал ему, чтоб в правах
Утвердился он, чтоб плечо
Смог подставить сынок – Кёкчё:
Тот Кёкчё – великан, герой
Будет, если пойдёт с тобой;
Мал пока тот казах-шалун,
Будет друг через сотню лун,
Лишь бы в землю не врос валун,
Ведь не лошадь пылит – табун.
К Айдаркану ты лишь зайди
Поздороваться – впереди
Будут, нет ли дела – гляди,
Назовись ему Чонжинди.
Посекретничай, но с умом:
Приглядись, не болтун ли он.
Понаслышке я с ним знаком,
Чем, не знаю, он в жизнь ведом.
Если просто бахвал он, ты
Попрощайся и уходи».
Всё, что знал, рассказал Жинди
Его дядя Балта – почти
Путь племянника сам пройдя,
Чувств своих в пути не щадя;
И растрогался так старик,
Что губами к руке приник:
Хоть племянник и ученик,
Он и ныне уже велик.
Застеснявшись в ответ, Жинди.
Молча дядю прижал к груди,
Тот его оттолкнул: «Иди!
Всё, сынок, у нас впереди!»

Говорить друзья не могли.
Вот и скрылся Чамбыл вдали.
Под ногами коней с земли
Грязь летела – дожди всё шли.
Так добрались и до Иле,
Передрогнув в промозглой мгле.
До Шибера лишь перевал
Оставался – Зелёный вал:
Имя *Кёк*[119] ему шло вполне:
Лишь в болоте на самом дне
Да в лесу при большой луне
Иль в озимых полях к весне
Столько зелени сочной взгляд
Сможет выхватить наугад.
На отрог поднялись друзья.
Словно брошенная бадья –
Котловина в отрогах гор:
Солнцем выжженный косогор
Овцы вытоптали на нет,
Где ни глянешь – овечий след,
Но зато косогор прогрет.
Вниз помчались к плечу плечо:
Там ватага мальцов. О чём
Можно спорить столь горячо?
Самый толстый из них, *бокчо*[120], –
Ноги в *ичигах*[121], *тон*[122] парчов.
Айдаркана сынок – Кёкчё?
Оказалось, уже с утра
Там большая идёт игра:
Тридцать мальчиков бьются так –
Всюду альчики лишь летят.
Айдаркана сынок ребят
Разделил, только в свой отряд
Десять взял – он себя ценил
Ровно в десять ребячьих сил.

[119] Көк – зелёный.
[120] Бокчо – мешок, узел с ценными вещами.
[121] Ичиги – мягкие кожаные сапожки.
[122] Тон – овчинный тулуп либо верхняя одежда вообще.

Да, – Кёкчё это был, и он
В самом деле на свет рождён
Настоящим богатырём:
Тон донашивал за отцом,
На плечах малолетки *тон*
Этот крепко трещал при том.
Не мешал его рост игре.
И Жинди был в такой поре,
Что с горы той не смог свернуть,
Продолжая свой важный путь.
Но игры этой он не знал –
Слишком рано он взрослым стал.
Разгорелись глаза: мальцы
Мастера все и удальцы!
Очень скоро его рука
Альчик выбила с полброска;
Перестроились все слегка:
Тридцать два уже игрока,
По шестнадцать в команде, два –
Две главы, два подростка-льва.
Выбран приз был из озорства:
По девице, хотя едва
Знали многие игроки,
Что назначен не приз – торги.
Выбивая свой *кадамак*[123],
Проигравший скандалил так,
Слоно ставил на кон свой флаг,
А не вымышленный пустяк.
Если ладилась вновь игра,
То как вспыхнувшая искра
Смех охватывал всех – щедра
На прощение детвора.
В тот момент, когда смех как вал
Всех захлёстывал наповал,
Рядом с ними на перевал,
Растянувшись на весь увал,
Направляясь, видать, в село,
Ровно триста верблюдов шло.

Был богач такой – Дёокан,
Знал его весь торговый клан,
На Аранику для селян
Из Китая и прочих стран
Он не раз гонял караван.
Гнал сегодня, угрюм и хмур,
Дёокана друг Дёодур –
Управляющий из маньчжур,
Очень вспыльчивый самодур.
Вёл гуськом он свой караван:
Шёл привязанный на аркан,
Как нанизанный на кукан,
Каждый вверенный бактриан.
Неслучайно был очень хмур
Управляющий Дёодур:
Настроенье сгубил всерьёз
Кёзкамановский Кокчёкёз:
То кичился, как много внёс
В их торговлю, то ныл до слёз.
Шёл он, в общем-то, налегке –
Вёл верблюда Алооке:
Ту породу лишь вдалеке
Выводили на островке,
Дёокан с Алооке давно
Торговали и заодно
Бактрианов породы той
Завозили сюда, домой:
Сто, бывало сто пятьдесят
Собирали верблюдов в ряд,
Между ними же – два ли, три –
Необычных вели внутри.
А сегодняшний караван
Дёокановский бактриан –
Каралёк – возглавлял, и сам
Был украшен как важный хан.
С косогора спустился вниз
Караван, и небес каприз
Выбил альчик из рук Жинди:
С силой, набранной по пути,
Крупный альчик ударил вкось,
Раздробив у верблюда кость!
Увлечённый игрою гость
Не заметил, куда пришлось
Его альчику вдруг упасть;
Каралёк же разинул пасть, –
Хромоногим ведь стал, – и рёв
Всех потряс, на дорогу кровь
Полилась и смешалась с той,
Что из носа пошла волной

[123] Кадамак – фаза игры ордо, когда игрок бьёт, наступив левой ногой на круг.

У ребёнка: *калмак* его
Хлопнул походя, оттого,
Что он ближе других стоял.
Страшной брани поднялся шквал.
Покачнулся малец, упал,
Словно был убит наповал.
Вмиг Кёкчё, Айдаркана сын
Вспыхнул злобным вулканом сил:
Он к погонщику подскочил,
Ножик в горло ему вонзил.
Шум усилился во сто крат,
Превратился мгновенно в ад.
Чонжинди же не понял – в чём
Соль конфликта, зачем Кёкчё
Горло взрезал *калмаку*, чьё
Всё крикливое дурачьё,
Что мешает играть в ордо,
Если им не мешал никто?

Кокчёкоза Кёзкамана
Можно было принять сполна
За *оруса*[124] иль за хохла –
Красный нос, голова бела,
Синеглазый – как два бельма:
Словно стынет в глазах зима;
Острым слизистым языком
Он облизывал рот тайком,
Даже нос. Как лиса-*тульку*[125]
Ухитрялся он на бегу
Всё увидеть, обнюхать влёт,
Извергал столько брани рот
С гадким слизистым языком –
Словно грязи катился ком.
Подобрался к Кёкчё он, чтоб
Ухватить его – тут же в лоб
Получил, увильнул – уйти,
Но наткнулся на Чонжинди:
Рос вопрос у того в груди,
Тоже к драке на полпути;
Лис ударить хотел. Кёкчё
Принял к сердцу всё горячо,
Подскочил, чтоб удар отвесть,
Лис *калмакский* успел присесть,
По макушке Кёкчё задев;
Чонжинди тут взревел как лев,
Чтоб не гнуться к земле, как в сев,
Он, ногами лису огрев,
Пнул для верности, как мешок,
Чтоб катился тот, сколько мог.
Дёодур и монголы все
Вмиг на помощь пришли лисе:
Было двести почти их здесь.
Сорной пыли вздымая смесь,
Как собаки рыча, толпой
С ребятнёю вступили в бой.
Девяносто прибил Кёкчё,
Остальных – Чонжинди, причём
Дёодур уцелевший – вдруг
Их спросил, оглядев вокруг
Пораскиданные тела,
Что такое, мол, за дела
И откуда пошёл скандал?
Застеснявшись, Кёкчё сказал:
«Из-за альчика. Кто начал? –
Белоглазый тот аксакал».
Дёодур рассердился так,
Что повымел слова сквозняк,
Закричал на маньчжурском он,
Но Кёкчё был слегка учён
Всем наречьям и огорчен
Был той бранью, что про урон
Нёс забывшийся Дёодур.
«Обзываться зачем, маньчжур?» –
Он нагайку сложил и в грудь
Дёодура ударил – пусть
Не ругается, мол, а путь
Продолжает уж как-нибудь.
Дёодур ему врезал в нос –
И Кёкчё как большой *короз*[126]
Полетел вдоль горы. Всерьёз
Рассердился Жинди: как врос
В землю, вздёрнул за воротник
Дёодура… Тот мигом сник,
Задыхаясь, хрипя, визжа,

[124] Орус – русский.
[125] Түлькү – лиса, хитрец; в Азии и в Китае – синоним дьявола.
[126] Короз – петух.

Раскорячился весь, дрожа;
Чонжинди как под хвост вожжа
Тут попала. Врага держал,
Приподняв над землёй, пока
Горло лопнуло у врага:
Юшка хлынула изо рта!
Отпустил Чонжинди плута,
Словно каменая плита
Дёодур упал… Но когда
Чонжинди взглянул, уходя:
Шевелились уж все, всходя
Как озимые от дождя,
Дёодур восставал, кряхтя,
И монголы, и Кокчёкоз.
Все решили: молокосос –
Тот, кто смог их побить всерьёз, –
Испугавшись, видать, угроз
Быстро ноги свои унёс,
Не вернётся уже, небось.

Чонжинди же Кёкчё искал –
Не в болото ли тот упал? –
Но картина, там, за спиной,
Поменяла план на иной:
Все монголы, маньчжур, *калмак* –
Каждый был раззадорен так, –
Что схватили дубины вмиг
И, подняв сумасшедший крик,
Избивать стали тех ребят,
Что ещё полчаса назад
Мирно в альчики бились здесь,
Ни с кого не сбивая спесь.
Из детей этих лишь Мажик
Мог отбиться, но злой старик
Повязал его – как мясник
Вяжет ноги быку, чтоб бык
Под ножом у него поник;
Только Караногоя сын
Снисхождения не просил:
Смог двоих головой снести,
Тут на помощь поспел Жинди.
Впечатляющий результат:
Взрослых катов за пятьдесят
Пали жертвой от рук ребят.
Был, конечно, Жинди предвзят.

И не только Жинди: Кёкчё
Смог подставить своё плечо:
Обнаружился напоказ
И ребят от увечий спас.
Кокчёкоз же и про запас
Обратил свои бельма глаз
На Жакыпа сынка – Жинди,
Айдаркана – Кёкчё… Уйти
Поспешил он, и по пути
Горько думал: «В одной горсти
Здесь казахи, кыргызы – где
Можно спрятаться? – быть беде!
Здесь останусь – меня съедят!
Нет, в Кангай не пойду. Назад!»
Он решил убежать в Нарын,
Алооке, его господин,
Разберётся: узнает дрын
Тот и этот треклятый сын.
И Кёкчу, и Жинди вдвоём
Уложили навек битьём
Полтораста своих врагов –
Битых временем мужиков,
Всех – *калмаков*, монголов. Кто б
Разбивая в той драке лоб,
Мог предвидеть такой итог:
Тел порушенных целый стог?
Дёодур лишь остался жив –
Крепкий, сильный, большой мужик,
Но зато от конвоя пшик
Поимел он почти за миг.
Исподлобья глядел он: что ж,
Не спасёт никакая ложь –
Дрались, вроде бы, с детворой,
Просто занятою игрой,
Чтобы лечь навек под горой.

«Эй, куда вы теперь? Постой! –
Закричал Дёодур, грозя,
Чтоб не смели уйти друзья, –
Вам теперь уходить нельзя!
Вам на каторгу лишь стезя:
Здесь погибли от ваших рук
Сотни три моих верных слуг!
Вы же начали ссору вдруг.
Что? – такой у вас здесь досуг?

Вам укрыться не дам нигде,
Вы, ребята, в большой беде:
Пока жив Дёодур, у вас
Нет возможности скрыться с глаз,
Не-ет, для вас началась война!
Назовите мне имена –
Ты и ты, – а не то сполна
Сам узнаю, и вам хана!»
«Сын Жакыпа я Чонжинди!» –
На посулы большой беды
Отвечал наш герой: чужды
Были страхи грозящей мзды.
Дёодур же взревел в ответ:
«А-а-а! Не мил тебе будет свет!
Дёокану в Араник я
Приведу тебя! Пусть семья
На твою поглазеет казнь!
Значит – гордый?! Свою боязнь
Прикрываешь бравадой?! Мать
Ты попросишь: роди, мол, вспять!
На верёвке пойдёшь как скот».
«Слушай, чей там поганый рот
Из-за вороха нечистот
Вонью пачкает небосвод? –
Обратился к Кёкчё Жинди, –
Кто там тужится? – погляди!»
«Дёодур это, жив я, здесь!
Вашей смерти бесславной весть –
Дёодур! Моё имя – месть,
Если топну ногой, то весь
Сотрясается мир, – теперь
Разъярён я, как дикий зверь!»
Тут взбесился Жинди: на крик
Он метнулся: ведь не привык
К оскорбленьям подобным он:
Для того ли он был рождён?
И к тому же опасный груз –
Весть о драке – для лживых уст:
Обелив себя, подлый трус
Лишь ребят обвинит, – искус
Перекинуть свою вину
На других, – это дар вруну.
Хоть и был Дёодур колосс,
Но в мешке как простой навоз
Трепыхался, покуда нёс
Чонжинди его на утёс;
Как навоз слетел под откос,
Без речей и надгробных слёз;
Диким зверем назвался – что ж,
Сам себя он обрёк на нож.

Всех ребят подозвал Жинди:
«Друг Кёкчё мой, сюда иди,
Я скажу вам, что впереди
И какие нас ждут пути:
Мы – отрезанные ломти.
От семей нам пора уйти,
Ведь *калмаки*, монголы их
Всех повырежут за своих,
Не щадя ни детей, ни жён.
Всех кыргызов, казахов вон
Будут гнать из своих земель,
Их здесь больше – пойдут как сель,
Наших близких лишая вновь
Нажитого: и скот, и кров –
Всё пойдёт им за будь здоров,
Разве мало средь них воров?
Дёодур и его конвой
Поглумиться над детворой
Захотели, затеяв бой, –
Упокоились под горой.
Не расскажем об этом мы,
Пусть их ищут в пучине тьмы.
О пропаже их долго весть
Будет в домыслы чьи-то лезть.
Но вот скот, что остался здесь,
Надо дальше бы нам отвесть.
Я подумал тут вот о чём:
А давай-ка, мой друг Кёкчё,
Все пойдём мы на Самаркан?
Коль согласен, – возьми, как хан
Ты верблюда себе – того,
В ком почуешь с собой родство:
Это будет не воровство,
А трофейное торжество,
Ведь животное – существо,
Что без наших забот мертво.
А не хочешь идти с мной,
То дорогой иди иной,
Как свободный во всем герой:

На Букар, например, – кыргыз
Расселился Букара близ,
Там верблюдов, когда продашь,
То исполнишь любую блажь:
Деву выберешь из *алаш*[127],
Закрепляя свой *кёз караш*[128],
Чтобы имя Кёкчё тобой
Не смотрелось бы как "изгой".
Алооке с Дёоканом тут
Вряд ли свой караван найдут,
Нет, верблюдов искать пойдут
На Восток: поставщик, мол, плут:
До сих пор каравана нет.
Друг Кёкчё мой, каков ответ?»
Вот истории той конец:
Клятву каждый принёс малец,
Кто бы ни был у них истец:
Ни верблюдов, мол, ни овец
Не видал, не слыхал, не лжец.
Выбрал путь свой казах-хитрец:
До Букара Кёкчё сплеча
Скот довёл, ну а там, ловча,
Продал всех. И за богача,
За приезжего силача
Акеркеч – грёза всех парней –
Замуж вышла с теченьем дней.

Отдаляясь от этих мест,
Чонжинди и Мажик окрест
Любовались: еловый лес,
Горы красные, синь небес,
Снежно-белые шапки гор,
Необъятных долин простор.
Поднимался в душе азарт:
Там, где север, – там Балыкарт,
Но архары и леопард,
И медведи, и водопад –
Всё, что надо им для души,
На востоке – где Атбаши.
С рёвом мощь набирал Нарын;
Город с именем этим клин
Между речкою и хребтом
Вбил и стиснут был сам притом.
К Таракаю почти дошли.
Их кормили дары земли:
Птицы прыскали из-под ног,
Жирных сусликов и сурков
Не считали и за улов;
Поохотились на волков,
Застрелили *теке. Улак*[129]
В руки выскочил сам – в столбняк
Впал от страха, как лист дрожа.
Благодатный стоял *кулжа*[130]!
В это время на Таракай
Шёл гулять Атбашинский край.
Расцветала земля как рай:
Половодье спадало, *сай*[131]
Травостоем кипел от вод.
На земле Терсайык народ
Лето праздновал каждый год.
Нет обильней нигде охот!
В шкуры красных лисиц рядясь,
Веселился народ. Ведь связь
У природы с людьми велась –
Только жизнь сама началась.
Смех, веселье, и шум, и гам.
Сам Кошой появился там:
Целых восемь десятков он
Великанов привёл на склон.
Впрочем, сам-то он был как слон –
Покрупнее, и так силён,
Что считался он колдуном
Среди прочих иных племён.
Неспроста он пришёл сейчас:
Он предвидел и день, и час,
Сын Жакыпа когда, Манас,
К Таракаю придёт как раз.
Ждал с надеждой Кошой – когда
Доберётся Манас сюда:
« Если жив ещё Акбалта,

[127] Алаш, алаша – красивый, миловидный.
[128] Көз караш – взгляд, точка зрения.
[129] Теке – козёл; улак – козлёнок.
[130] Кулжа – июнь.
[131] Сай – русло реки, ложбина рядом с руслом.

Он батыра пришлёт сюда,
В путь отправив на Самаркан,
Рассчитав безупречный план,
Что не минет он Атбаши,
Разве только какой *бакшы*[132]
Так запутает путь с тропой,
Что к врагу заведёт волшбой!»
А последнюю ночь Кошой
Спать не смог. С головой больной
Размышлял о врагах с враждой:
«В Самаркане дворец кишит
Колдунами. Простой *киши*[133]
Из когтей их и не сбежит,
Но сильней колдовства джигит.
Да, без жертв никогда борьбы
Не бывает: сшибаясь, лбы
Могут в вечность сойти с тропы.
Но Манас – он другой судьбы:
Он из вечного сам дворца.
Кто оттуда собьёт юнца?
Он и здесь, он и там – живой.
Вслед лишь могут послать конвой».
Человек с волшебством, Кошой –
Сам гора, и с большой душой –
Никому не раскрыл секрет,
Чонжинди заслонив от бед.
Он поднялся в тот день чуть свет
И батыров созвал совет:
Надо встретить, мол, кой-кого,
Показать своё мастерство.
Потому-то богатыри
Шли с оружьем уже с зари,
В ярких латах как снегири,
Жажду схватки тая внутри.

Чонжинди и Мажик взошли
В это утро на край земли:
Перевал Таракай высок,
Снег вершинный пушист, глубок,
Дальше – скалы, реки поток
Размывает глубокий лог.
Не успели спуститься вниз
На цветущий уже карниз,
Смотрят: снизу толпа кыргыз
Поднимается строем ввысь:
Не охота и не каприз:
В снаряженье, не в шкурах лис,
Без трещалок и без манков –
Каждый к бою уже готов,
И осталось полста шагов,
Чтоб начать чужаков отлов.
Дальнозоркий Кошой засёк:
Первым шёл Чонжинди – высок,
Кто бы дать ему девять смог? –
Миловиден, сидел как бог
На своём Аккуле верхом;
Сбруя золотом, серебром
Вся сверкала, лучась, на нём;
С губ Кошоя сорвался стон:
«Встречу сам, поскачу вперёд,
Сам сниму из седла – чтоб стоп
Не коснулась его земля
И касаньем не умаля».
Конь его Тооттору готов
Был взнести его ввысь без слов,
Но в последний момент старик
Просто к гриве его приник,
Так подумав: «Издалека
Шёл батыр, чтоб наверняка
Отыскать меня, старика;
Нашу встречу, небось, века
Терпеливой судьбы рука
Подготавливала, и я
Должен ждать, свой накал тая.
Ведь по крови мы с ним родня,
Он моложе в годах меня,
Хоть и путь его так высок!
Но... Пусть сам подойдёт сынок».
Чонжинди не спеша сквозь строй
Всех батыров прошёл. Кошой
Вскинул руку, чтоб он с седла
Не соскакивал как стрела:
«Незнакомец, прости меня,
Но ответь: ты кому родня?
Погоди, не слезай с коня!
Что ты ищешь в начале дня

[132] Бакшы – шаман, знахарь.
[133] Киши – человек.

На саврасом своём коне
Пробираясь здесь, в вышине?
Из почтения пешим мне
Поклониться хотел. Вдвойне
Благодарен, но все ж прошу
Слушать всё, что тебе скажу
Не слезая с коня. Межу
В отношениях мы не здесь
Перейдём, и сочту за честь
Проводить тебя сам туда,
Где не имут слова вреда», –
Так сказал великан Кошой.
Все джигиты его гурьбой
Разбрелись, занялись гульбой
Вперемешку с людской толпой.

Когда вышел Кошой как стог,
Подбоченившись, словно бог,
То Мажик, побледнев, не смог
Рта раскрыть. Но вот *кара-кёк*[134]
Потянулся к Кошою весь.
Доброта – для животных весть,
Что от неба исходит, – лесть
Так не даст к ним в доверье влезть.
Что ж, невольно из-за коня
И Мажик подошёл, кляня
Про себя жеребячью прыть,
Должен был же – благодарить.
Великан на его поклон
Поклонился в ответ как слон,
Только руку Жинди в полон
Взял, пожалуй, покрепче он.
Эту руку не отпустил
Он, когда уже припустил
По тропе на своём коньке;
Чонжинди как на поводке
Вслед за ним поскакал. Дитя
Так уводят, его щадя,
Чтоб последним он мог узнать,
Отчего же спешила мать.
Добирались до Атбаши
Словно кто-то толкал: «Спеши!»
Сзади молча скакал Мажик.
Был он с детства не бунтовщик –
Спорить было ему слабо.
Вместе прибыли в Чечдёбо.
«Чечдёбо, наш отец родной! –
Так с улыбкой сказал Кошой, –
Бережёт он наш род большой:
Мы живём тут под *паранжой*[135],
Как когда-то вещал авгур:
Девяносто кыргызских *сур*[136],
В Атбаши пережив сумбур
Многих войн, здесь остались – *тур*[137],
Как хозяева, а не *ур*[138]!»
Ведь и впрямь: ни монгол-маньчжур,
Ни *кангаев*[139] не видя спесь,
Жили кара-кыргызы здесь –
Всех прижившихся *су́ров* смесь, –
Свой уклад, очень древний, весь
Привнеся в свою жизнь, как пай:
Летом гнали табун в Аксай;
Если зимняя шла пора,
Отгоняли весь скот в Кара;
Были те, кто и со двора
Скот не гнал – пусть мороз, жара, –
Жир наращивать мастера,
К ним фортуна была щедра:
Май хранили по *кутырям*[140],
Отправлялись с ним на Кашкар
И выменивали товар:
Чай и сахар, за *кутырь* – воз;

---

134 Кара-көк – бесстрашный, храбрый (речь идёт о коне Мажика).

135 Под паранжой – под прикрытием (парда – занавес, покрывало, маска).

136 Сур – дух, душа (здесь имеется в виду девяносто родов, объединённых внутренним духом).

137 Тур – стоять; находиться; жить, остаться в живых.

138 Ур – нарост, гриб.

139 Каңгай – в эпосе встречается как боевой клич калмаков. Отсюда – имя нарицательное всех калмаков.Еще есть земля Каңгай (топоним).

140 Кутырь – желудок коровы или овцы, употребляемый в качестве сосуда для хранения масла, топлёного сала.

Женам, дочкам возили *бёз*[141]:
Богатеем зовут всерьёз
Тех, кто в женщин излишки внёс.
В этих землях врагам в заслон
Как-то строил Кошой *коргон*[142].
Крепость прозвана *Чалдыбар*[143] –
И влюблённым, и детям дар:
Всех бесчисленных игр ангар,
Полный клятв о любви амбар.
В эту крепость привёл Кошой
Свой отрядец, хоть небольшой,
Но к нему полагалась снедь:
Девятосто лошадок смерть
В виде жертв нашли для *тюлее;*
Девять суток здесь, на земле,
Праздник шёл: *кёкбёру, эниш,*
Кыз-куумай, – там и сям, глядишь:
Делят юноши приз, а кто
Младше, старше – для них *ордо*
И *топ таш*[144], *кумалак*[145], *чакмак*[146].
Там поёт уже *кызкыяк,*
Ноту грусти вплетая в блажь;
Аксакалы же в *чатыраш*[147]
Мирно режутся, но кураж
Захватил их как ведьм – шабаш.
С Атбаши ли, из Минбугу,
Хоть любого спроси брюзгу:
Веселиться умел народ!
Есть игра, есть для чая мёд,
Есть зерно, что зовётся *рис*,
Мясо свежее есть, кумыс.
Ну, какой же ещё каприз
Может выдумать вдруг кыргыз?
Вот и минуло девять дней.
У Кошоя в душе светлей
Становилось: Манас ему
Был по сердцу и по уму.
Чонжинди и Мажик с лихвой
Нагостились уже, другой
Перед ними предстал Кошой:
Как волшебник с родной душой.
Но прощаться пришла пора.
В путь собрались они с утра,
Старику сказал Чонжинди:
«В Самаркан дал совет идти
Мой родной *байке* Акбалта,
Он, по-моему, прав всегда;
Не хотел бы я, чтоб беда
Зацепила, придя сюда,
Шестьдесят родовых *алаш*[148]:
Что возьмёшь ведь – стократ отдашь.
Если мы не уйдём, боюсь
Наших глупых ошибок груз
Привлечёт сюда *калдайи*[149]*:*
И *калмаков* с лицом змеи,
И *манжу* и *кара-кытай*.
Ваш глухой заповедный край
Так хорош! – он не для боёв.
Ищут нас, словно свой улов,
Дёокан, Солто и Соксо,
Ведь запущено колесо:
Злоба – движущий крышку пар!
Весть услышав – через Кашкар
Нас отыщут, пришлют отряд,
Для которого нет преград».
На Чечдёбо Кошой, мудрец,
Оставался один. Юнец,
Что как будто родной птенец –
Устремлений его близнец,
Покидал его наконец.
Сердце таяло словно воск.
Понимал он – лавина войск,

[141] Бөз – белая грубая хлопчатобумажная ткань кустарного производства.
[142] Коргон – 1. крепость, твердыня, защита; 2. развалины.
[143] Чалдыбар – старые развалины, руины.ө
[144] Топ таш – игра в галечки, в камушки.
[145] Кумалак – круглые камешки для игр и гадания (игру тогуз коргоол иногда называют тогуз кумалак).
[146] Чакмак – игра: надо с вывертом подбрасывать и ловить галечки.
[147] Чатыраш – игра в шахматы.
[148] Алаш – клич казахов.
[149] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.

Если двинется в Атбаши,
Не останется ни души.

А друзья изо всех дорог,
За спиной оставив восток,
Тот лишь путь, что на запад лёг,
И намного длиннее тёк,
Всё же выбрали: путь далёк,
Если он в западню увлёк.
Так немало ночей прошло,
Что давались им тяжело:
Только солнце в горах зашло,
Тьма, как бездны слепой крыло,
Опускалась на них, в горах
Грохотал камнепад, и страх
По ущельям гулял впотьмах,
И песок, как столетний прах,
Что иссохшею плотью пах,
Ветер нёс. Он навяз в зубах,
Он, казалось, уже везде:
Даже в мыслях, в воде, в еде.
Самаркан обошли – увал
Вывел кружно на перевал;
Им о нём Акбалта сказал –
Закрывает, мол, как дувал
Самаркана джайлоо – Белсаз,
Тот, что нужен им был как раз.
Ведь в долине той – *Кырчындуу*[150],
Что в названье таит беду,
Там Шыгай с Жамгырчы живёт
И по крови родной народ.
Кстати, дальняя дола часть
Кёкойдун[151] называла власть,
А другая, куда попасть
С перевала, как зверю в пасть,
Умудрились, спустившись в лог,
Оба друга как в тайничок
Назывался он *Туйунчок,*
Правда, было им невдомёк –
Кто, когда и зачем облёк
Всю долину, что пусть длинна,
В столь несхожие имена.
Чонжинди привязал коня,
Огляделся: при свете дня
Столько родинок-крыш вокруг,
Сёла словно собрались в круг,
Где деревня, что им нужна?
Вон кобылы бредут, дразня
Их коньков – хоть и ребятня,
Но кобылки им – западня,
Так призывно и сладко ржут,
Словно гложет любовный зуд:
Лишь откликнись – и вознесут
В рай, не в рай ли, но в мир причуд.
Озираясь вокруг, Жинди,
Вдруг увидел, что впереди
Двое третьего бьют, связав,
Под прикрытьем высоких трав.
«Эй, быстрее, Мажик, иди! –
Приказал дружку Чонжинди, –
Видишь, что там творят? – веди
Всех троих, но их прыть учти!»
И Мажик их увидел: вмиг
Он помчался к ним напрямик:
Он вопросы решать привык
Как мальчишка, а не старик.
Не успел подбежать, как те,
Испугавшись и быстроте,
И тому, что на вид Мажик
И высок, и в плечах велик,
Как преступники бледный вид
На себя напустили – щит
Всех трусишек: такими бит
Только тот, кто в ногах лежит.
Не успел расспросить Мажик:
Кто такие, за что, мол, втык,
Как к Жинди подошли: «Мужик, –
Тот спросил, – ты из прощелыг?
Кто тебя повязал? Враги?
Может, ты не вернул *акы*[152]?
Ты, пожалуйста мне не лги,
Не пропишут зря батоги».

[150] Кырчын – 1. кустарник; 2. молодой, юноша; Дуу – 1. шум, гвалт, гул; 2. – побоище.

[151] Көк – 1. тонкие ремешки, тонкие кожаные тесёмки; 2. небо; 3. синий, голубой; 4. зелёный, незрелый; 5. серый, сивый; 6. упрямый, настойчивый. Кой – овца, год овцы.

[152] Акы – принадлежащее по праву; то, на что кто-либо имеет неотъемлемое право.

Но избитый двумя бедняк
Слова молвить не мог никак:
Бил беднягу такой озноб –
Даже зубы пошли в галоп,
Словно все из земных хвороб
Внутрь вошли сквозь пробитый лоб.
Кровь от глаз он отёр, взглянул:
Ясноглаз и широкоскул
Перед ним богатырь стоял
И спокойно ответа ждал.
Что увидели те, кто бил –
Непонятно, но явно пыл
Поубавили оба так,
Что немного воспрял бедняк.
Он повёл свой рассказ умно:
«Из кыргызов я, Бёдёнё –
Моё имя, и я давно
Не спускался к беде на дно:
Никогда я не воровал,
Но всегда ходил на увал –
Ставил в разных местах капкан,
Чтоб *кийика*[153] покласть в казан.
Холм Туйун – он широк, велик,
Здесь пасётся всегда *кийик*.
Но судьба отвернула лик:
Два *калмака* пришли в тот миг,
Когда я доставал улов:
Три *кийика* в капкане! Рёв
Моей дичи привлёк дельцов,
Приказавших без лишних слов
В *шыралга*[154] им отдать всех трёх;
Я не против таких даров,
Но отдал одного для них –
Поделите, мол, на двоих,
Ведь они лишь пришли, а я
Торопился – ждала семья.
Разъярились *калмаки* вмиг:
"Ишь, охотиться здесь привык.
Для тебя и один *кийик* –
Слишком много, получишь пшик!
Это наша земля и дичь!
Вы для наших угодий – бич!"
Вот – избили, связав меня.
Сколько били? Почти полдня.
Из Кёнтоя вся их родня,
Ходят в панцырях все, звеня,
Ненавидят кыргызов – тех,
Кто имеет в судьбе успех,
Самый малый, хотя б как мой.
Вот такая вина за мной!»

Вот уж точно, что в глаз – не в бровь,
Застарелая нелюбовь,
Как ты сердце к ней ни готовь –
Обжигает, сгущая кровь.
Зубы скрипнули у Жинди.
И *калмаки*, поджав хвосты,
Попытались сбежать в кусты,
Но Мажик их без суеты
Поднял, лбами столкнул. Увы –
Как гнилые плоды айвы
Оказались две головы.
Жаль, что ранены, не мертвы.
Бёдёне приходил в себя.
Рассказал он друзьям, скорбя,
Что за горестная судьба –
Жить – бесчестье своё терпя.
Самаркан – многоликий мир,
Здесь не только *калмак* – кумир:
Есть *журжурт*, есть таджик, *жуда*,
Есть *калча*, *озюбек*[155] сюда
Перебрался каракалпак,
И ногоев *кёккёз*[156] здесь так
Поразмножилось – как собак.
И считает любой *байбак*[157],
Что он выше кыргызов здесь.
Почему так пошло? – бог весть.
Всем *калмаки* хотят владеть.

---

153 Кийик – все непарнокопытные дикие животные (кроме свиньи).
154 Шыралга – подарок охотника из добычи.
155 Журжурт, жуда, калча, озюбек – непереводимые этнонимы.
156 Көккөз – синеглазый (зеленоглазый).
157 Байбак (*простонародн.*) – ленивый никчёмный человек (от *татарс.* – байбак: степной грызун, похожий на сурка, большую часть жизни проводящий в спячке).

Могут вскрыть и амбар, и клеть,
Могут сами в *ороо*[158] залезть
Взять зерно, а иначе – смерть
Тем грозит, кто хотел своё
Отстоять. А ещё ворье
Может требовать много дров,
Кто отдать дрова не готов,
Изобьют как бунтовщиков,
Понавешав сполна оков,
Могут в яме держать, пока
Не помрут те наверняка.
Многолетний такой нахрап
Приучил всех считать, что раб –
Это тот, кто не даст отпор:
Не убийца кто и не вор,
Кто пускает гостей во двор
И которому не в позор
Тем помочь, кто попал в беду,
Кто долги отдаёт плуту,
Кто и в этом земном аду
Честно трудится, весь в поту.
И добавил избитый раб:
«Я от голода духом слаб:
Сам *кийиков* ловлю в капкан –
Изнывающие от ран
Так похожи они на нас!
Кто бы нас от бесчестья спас?»

И сказал тогда Чонжинди:
«Вы – создатели всей беды.
Что вам делать? Мажик, иди,
Покажи нам конец вражды:
Как самим надо брать бразды,
В схватках даже и с *албарсты*[159]».
Камень поднял Мажик тотчас,
Понял он, что хотел Манас:
Придавил он *калмаков* двух
Как простых слизняков. Их дух
Выполз вместе с дерьмом, их вой
Стлался гадостный над землей –
Хуже дикой свиньи они,
Грязно кончив земные дни,
В ад отправились, всем сродни,
Кто по жизни вор искони[160].
А избитому Чонжинди
Так сказал: «Бёдёне, в груди
У меня разбудил *кордук*[161]
Ваш столетний слепой недуг:
Унижение – смерть души.
Кто у вас здесь *айылбашы*[162]?
Чьи пасутся здесь табуны?
Чьи там юрты вдали видны
Словно белые валуны?
Там большое село. Сыны
В нём живущие – чьей семьи?
Мы, сошедшие как ручьи
С гор, скажи, нас узнал ты – чьи?»
Бёдёне словно впал в столбняк:
Невпопад отвечал бедняк,
Сам глядел он во все глаза
На спасителей: мол, нельзя
Их назвать – высока стезя,
Коль живешь ты, беде грозя.
Начал слово он, но лились
Слёзы, словно кончалась жизнь:

«Из *алжанов*[163] я, да – кыргыз,
Я беднее амбарных крыс.
У *калмаков* шелка красны,
Ходят, чванясь, как каплуны,
Бить кыргызов они вольны:
Эти игры – из старины:
Им издревле права даны.
А пасутся здесь табуны
Двух кыргызов, – их знает край,
Двое братьев: один – Шыгай,
А другого звать Жамгырчы.
Называют их – богачи,

---

158 Ороо – яма для хранения зерна.
159 Албарсты – демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженицам, удушающее спящих).
160 Искони (*старорусск.*) – с незапамятных времён, с самого начала, всегда.
161 Кордук – досада; позор, унижение; презрение.
162 Айылбашы – глава деревни, села.
163 Алжан – кыргызское племя, род, уруу.

Древней ханской семьи лучи.
Был нелегким у них почин:
Перебравшись из дальних мест,
Всех кыргызов собрав окрест,
В долг к *калмакам* как под арест
Влезли оба. Подняв уезд,
Оправдали б стократ приезд,
Но любого *калмак* объест:
Кровью, пóтом подняв свой клан,
Всё богатство напополам
Делят с властью, чей труд – на грош;
Но зато к ним в село не вхож
Ни один из несущих ложь
Всяких-разных проныр-святош.
Кто же вы?! – ведь в душе, маня,
Бьётся мысль, что вы мне – родня.
Впрочем, раз вы спасли меня,
Ваш должник я с этого дня.
Вы идите сейчас в село,
Пока в мире ещё светло,
К Жамгырчы и Шыгаю – там,
Может быть, и защиту вам
Смогут братья построить. Львам
Нелегко доказать ослам,
Что правы, и бесспорно, львы.
Эти трупы среди травы
Завтра могут найти – *калмак*
С малых лет своих судит так,
Что виновен кыргыз во всём;
И в любой ведь ворвутся дом
С обвинением. Быть козлом
Отпущенья – пойти на слом.
Оба трупа навесят так,
Что не выкрутиться никак:
Скажут: "*Кун*[164], заплати, бедняк!" –
Всё, – теперь ты попал впросак:
Скот, животных дели на два –
Семьям двум заплатить. Едва
Скот отдашь свой, то серебро
Вместе с золотом – всё добро,
Чтобы "сгладить нарыв в душе",
Будут с рода тянуть уже.
Шыгайкан да и Жамгырчы
Вряд ли смогут огнём свечи
Осветить эту бездну тьмы,
Чтоб народ спасти от тюрьмы.
Впрочем выход один – уйти
Мне, виновному. С полпути
Вряд ли кто-то меня вернёт.
Кто меня проклянёт – народ?
Я, надеюсь, что мой – поймёт.
Я оставлю в селенье скот,
У меня от него доход:
Лишь ребёнку чуть молока,
Да айрана – отцу. Пока
Не настал дознаванья час
Собираться пора сейчас.
Мать уже умерла у нас.
Сын, жена да отец. Горазд
Конь мой всех увезти за раз.
Я семью заберу в Ташкен.
Говорить же в пути ни с кем
Я не буду – неровен час,
Вызнав всё, кто-то выдаст нас.
Впрочем, хватит моих баляс!
Оторвать не могу я глаз:
Богатырь Вы – таких нигде
Не встречал я. Скажите, где
Рождены, под какой звездой
И с заботою Вы какой
С гор спустились в наш край
родной? –
Для шамана Вы молодой».

Чонжинды опечален был,
Каждый нерв в нём дрожал и ныл;
Он поник, как под зноем мак:
Не понравилось, что бедняк
Им наплёл, и сказал он так:
«Не должник ты, даю *талак*[165]!
Бёдёнё, ты ведь наш свояк,
Только нет в тебе сил, увы,
Даже звон услыхать молвы,
Что вокруг моей головы
Вьётся вроде речной плотвы;
Очень странный ты человек:

[164] Кун – вира, пеня за убийство, за увечье (ответчиком являлся весь род виновника).
[165] Талак – отрешение; развод.

Словно сросся с бедой навек.
Ты послушай меня: иди
Слухов будущих впереди
К Жамгырчы, расскажи ему
Что случилось – но по уму:
Мол, избили тебя, связав,
Чтоб ограбить, поистязав;
Пусть он видит в твоих глазах,
Только правду – ведь на весах
Перетянет и капля лжи;
После дома ты полежи,
Никуда уезжать не рвись,
Жди и молча собой гордись!
Радость после придёт в твой дом.
Кто такой я? – скажу потом.
Знаменит я, но я ведом
К вам – кыргызам – служить щитом;
Всё узнаешь потом, потом.
Конь один твой, *кийиков* – три.
Унесёшь ли один? – смотри,
Отлежишься, придёшь впотьмах,
Чтоб забрать их не впопыхах;
Только праху оставь свой страх:
Ведь пред богом предстанет прах!
Не могу я с тобой идти,
Твоё мясо к тебе нести.
Силы должен ты сам найти.
Нам с рожденья – не по пути.
Хоть бы в доме у Жамгырчы
Стань смелее и не молчи!»

Слёзы лились у Бёдёнё.
У *байкуш* ведь заведёно:
Счастье с горем сопряжено,
Слёзы с радостью заодно.
Повторял он как ритуал:
«Богатырь, хоть я очень мал,
В дом меня к Жамгырчы послал,
И мне мясо забрать сказал,
И ещё полежать велел,
Чтобы стал я спокоен, смел.
О, смогу я не без прикрас
Жамгырчы донести рассказ,
Как я встретил на поле Вас:
Конь весь в золоте, а окрас
У него – как небесный шёлк!
Мой отец в этом знает толк,
Он рассказывал мне не раз,
Что придёт богатырь Манас,
Будет конь у него саврас,
Он спасать нас придёт – как спас
Бёдёнё от беды. Потряс
Ваш поступок: не напоказ
Вы спасали, ведь Вы – Манас!
Этот знак всех других верней.
Если тайна – смолчу о ней,
Если надо – уйду в Ташкен,
Не попасть чтоб *калмакам* в плен,
Если уши растут у стен –
Обращу я и стены в тлен.
Я готов бы пуститься впляс,
Лишь признайтесь, что Вы – Манас!»

Чонжинди рассердился: «Эй! –
К Жамгырчы поспешай скорей!
Ты поведай про свой раздрай!
Ну, а дома – *мыдырабай*[166]
Полежи, а потом мечтай,
А пока не лей через край
Ни елей, ни каймак, ни май».
Исподлобья взглянул бедняк:
Испугался попасть впросак,
С похвалой перегнуть *таяк*[167], –
Вдруг он всё-таки не свояк?!
И попятился, сам не свой:
Мясо взять, да скорей домой.
Чонжинды и Мажику боль
Доставляла такая роль
Их ровесника, земляка.
Их буквально взяла тоска,
Когда кланяясь, Бёдёнё,
Пятясь, дичь увязал в рядно
И хотел по траве волочь,
Чтобы не возвращаться в ночь:
Упирался он во всю мочь,
Но не смел попросить помочь.

[166] Мыдыра – делать медленные движения.
[167] Таяк – палка.

«Слушай, конь у тебя зачем?
Сам ещё ты ведь слаб совсем!
Конь твой бодр, проворен, сыт,
Что же он налегке бежит?»
«Нагружу его или сам
Если сяду верхом, *агам*[168],
Заболеет – к таким делам
Он не годен: жирка ни грамм
Нет под кожею у конька,
Не подкован он, и слегка
Нынче загнан: его *калмак*
Брать для тяжких работ привык;
Он единственный у меня,
Нет другого в семье коня.
Своё мясо хочу свезти
К роднику я – на полпути
Из-под пёстрых камней он бьёт,
В нём вода – словно зимний лёд,
Положил бы туда под гнёт:
Не протухнет и не сгниёт».

Разозлился Мажик, с рывка
Поднял за ноги *кийика*,
Донести чтоб до родника;
Поудобней связал, слегка
Понадрезал всю дичь, – мол, что ж,
Почки, печень, *карын*[169] возьмёшь,
Кушать, видимо, невтерпёж;
Всё придёшь забирать – когда
В небо выйдёт уже звезда.
«Вот – шесть почек, печёнки – три.
Быстро портится, что внутри
У живого во чреве есть:
Почки, печень. душа и честь!
Вся спина у тебя в рубцах.
Не бывает у храбреца
Ран таких на спине, – в сердцах
Он сказал ему, – Ты отца
И семью из родимых стен
Собирался везти в Ташкен,
На коне, что тебя, боюсь,
Не поднимет – ничтожный груз!..»

Нет, не понял их горьких чувств
Бёдёнё: изначально трус –
Это жертва с девизом «пусть!»
Слово заяц вприпрыжку он
Побежал в свой несчастный дом.
Был он радостью окрылён,
Хоть болела спина при том,
И в лохмотьях рубашки вновь
От движенья струилась кровь,
Ныло раненое плечо:
Видно, били-то не камчой,
А тяжелым литым прутом.
Он сначала пришёл в свой дом,
Чтоб уважить отца, потом
Уж идти к Жамгырчы решил;
Мясо он в казан положил
И, захлёбываясь, он вновь
Стал рассказывать – и про лов,
И про гостя, что он готов
За Манаса признать без слов.

Аксакал Байтёлён рассказ
Принял близко к душе: не раз
Сын нуждался, чтоб кто-то спас
От беды его, – словно пас
Бес несчастного Бёдёнё –
Горемыкой тот был давно;
До конца же дослушав, он
Совпаденьями поражён,
Слёзы радости вытер с глаз
И воскликнул: «Да, он – Манас!»
Много знающий Байтёлён
Про Манаса и сам с пелён
Слышал много, он был рождён
Сам в Алтае, и с Жамгырчы
Рос соседом, делил харчи,
И, конечно же, знал – *элчи*[170],
Небом посланный, будет чьим.
С Жамгырчы, пока был он юн,
Вместе гнали не раз табун,
Карауля его, в ночи
Говорил порой Жамгырчы:

[168] Агам – почтительное, как к старшему, обращение – к брату, другу, дяде.
[169] Карын – желудок.
[170] Элчи – посол, посланник, вестник.

«Если б я увидал хоть раз
Как он выглядит – наш Манас,
И в глаза бы богатыря
Заглянул бы – уже не зря
Значит, прожил бы жизнь свою!
С ним погибнуть хочу в бою
И увидеть, как с плеч долой
Голова бы за головой
У *калмаков* слетает враз –
Я б поверил, что он – Манас!»
Байтёлён, пока был юнцом,
Слыл отважнейшим храбрецом,
Слишком любящим став отцом,
Словно курица над яйцом
Хлопотал он над Бёдёнё,
С ним жена была заодно;
От чрезмерных хлопот она
Умерла, не дождавшись дня,
Когда станет сынок такой
Как его отец молодой.
Что ж, смирился давно отец,
Что сынок – не такой храбрец,
Потакая во всём ему,
Лишь по сердцу – не по уму,
Потому из последних сил
Даже ум он с сынком делил.
И сейчас он сказал: «Беги –
Всё скажи Жамгырчы, не лги:
Как забрали коня внаём,
Как избили тебя вдвоём,
Как хотели отнять улов –
Всё скажи, не жалея слов!
Лишь потом про богатыря
Расскажи – ведь Манас не зря
Посылал к Жамгырчы, даря
С жизнью честь тебе, говоря:
Мол, не бойся, гордись собой,
И без страха борись с судьбой.
Ах,сынок ты мой дорогой,
Ты беги, не теряй настрой,
Народился второй уж раз
У меня ты, считай, сейчас».

Бёдёнё не спросил его,
Мол, ты рад, отец, отчего?
На улыбку его в ответ
Улыбнулся, – вот так на свет
Лепетки бы раскрыл цветок.
К Жамгырчы он, сбиваясь с ног,
Побежал скорей со двора,
Лишь воды глотнув из ведра,
Понимая, что не игра –
Всё, случившееся с утра.
Он приветствия ритуал
От волнения не сказал,
Поскорей свой рассказ начал.
Жамгырчы его с детства знал,
И, увидив всех чувств накал,
Как внимательный аксакал
Понял больше, чем показал.
Лишь спросил: «А его коня
Разглядел ты при свете дня?»
«Помню – в золоте весь, звеня,
Был он, в бликах сплошных огня,
Белокурый аж иссиня.
Может, это была броня?
Да, еще я припомнил: *кал*[171]
Сзади словно тавро сверкал».
«А хозяин его как звал?»
«А никак он его не звал!
Слышал, друга он окликал –
То ль Мажик, то ли как «мужик».
Я подслушивать не привык!»
«Значит, был не один он?» «Да! –
Я ж толкую: моя беда
Так растрогала их двоих,
Что *калмакам* поддав под дых,
Не Манас, а второй мужик
Мне кийиков разделал вмиг;
Ну, а главный – тот не привык
Угождать, сказал напрямик;
У меня ведь во лбу дыра
От побоев была с утра,
Видел я: человек-гора
Наклонился, звезда-искра
Между нами вдруг как во сне
Пролетела, и в глубине,
Я почувствовал сил вдвойне:

[171] Кал – родинка.

Снова жить разрешили мне.
Вы простите, хан Жамгырчы!
Мне спаситель велел в ночи
Дичь забрать: мол, все *эгинчи*[172]
Косы выставят как мечи:
Все подумают: *албарсты*,
Так избили меня плуты;
А ещё он велел лежать.
Я хотел с семьёй уезжать,
Чтоб за трупы вину могло
На меня лишь списать село.
Он сказал мне: «Не убегай!
Я смогу защитить ваш край,
Жамгырчы расскажи сперва
Всё, как было. Ещё – слова
Чтобы эти добавил я.
Я остался. И вся семья».

«Бёдёнё, непутёвый наш!
Что добудешь – вдвойне отдашь.
Ладно, мчись-ка домой, сынок,
Да отцу передай; "помог",
Это слово скажи и "он".
Всё поймёт мой друг Байтёлён!
Да, ещё, Бёдёнё, постой:
Из гостей не иди пустой! –
И позвал свою *байбиче*[173]:
"Дай кумыс ему, – на плече
Унесёт он бурдюк один".
"С чаем пей, да побольше, сын!" –
Бёдёнё он сказал, и вновь
Обратился к жене: "Готовь
Ему сумку, клади туда
И *нават*, и *казы-карта*[174],
Да побольше клади: стада
Умножает лишь доброта!"
В дом зашёл Бёдёнё и взял
Все, что щедрый *аким*[175] давал.
Жамгырчы торопил жену:
"Дай *казы* ещё, не одну".

Так, форелью схватив блесну,
С нетерпеньем, как ждут весну,
Ждал явленья гостей, и он
Знал, что примет их Байтёлён.
Бёдёнё же велел в сердцах:
"Накорми поскорей отца,
Что принёс от кийиков ты –
Всё сварить бы до темноты,
Только печень, смотри, поджарь!
Эх, отец не помощник, жаль!
В том урочище-то, небось,
Где остался твой странный гость –
Твой спаситель, прости, – увы,
Можно только поесть травы".
Что *калмаки* лежат, мертвы,
Просто выкинул с головы
Жамгырчы – мол, денёк-другой –
Всё решится само собой.

Одно слово сказал Балта
И, наверное, неспроста:
"И Жакып, и Шыгай – одно,
Как в одном колоске зерно:
В тесноте живота давно
Обнимались, и заодно
Грудь сосали одну они,
И одни же смотрели сны;
И в далёкого детства дни
Всё делили, вплоть до вины:
Друг за друга всегда горой
Брат за брата стоял родной".
"Раз Шыгаю отец – родня,
Он скорее поймёт меня", –
Размышлял Жинди на ходу, –
Я к Шыгаю сперва пойду!»
Солнце скоре зашло. Заря,
Свет последний земле даря,
По вершинам прошлась не зря:
Разбудила богатыря.
И Манас, и Мажик свой нрав

[172] Эгинчи – землепашец.
[173] Байбиче – старшая жена.
[174] Нават – перетопленный до кристаллического состояния сахар: казы – колбаса из жирной конины; карта – варёный конский желудок.
[175] Аким – уездный начальник, которым являлся Жамгырчы, о чем он после сам скажет Манасу.

Голодовкой дневной поправ –
Ключевой водой без приправ,
Обсудили – кто прав, неправ,
И, коней своих оседлав,
Уже в сумерках, поворчав
И кийиков мясо забрав,
По настилу росистых трав
Вниз по склону пошли в село:
Бёдёнё опять повезло.
Кони быстро озябли – тьма
Что накрыла внизу дома,
Здесь, вверху, как сошла с ума:
С ней как будто пришла зима.
У Манаса на языке
Всё вертелось: «Шыгай-байке!»
По отцовской родной руке
Он соскучился вдалеке,
И Шыгая он представлял
Как отца: под губой *сакал*[176],
Щёк, обвисших слегка, овал,
Добрых глаз золотой опал.
В тихих сумерках всё село
Словно вымерло: как назло
Ни один человек им встречь
Не попался. Дома стеречь
Было, видно, и псам невмочь:
Даже лай не вплетался в ночь.
И лежало само село,
Раздвоившись: одно крыло –
Жамгырчи, супротив – Шыгай,
А меж ними – засохший *сай*[177].
Вышел месяц. Ещё темней
Показалось – из-за теней;
На душе у богатырей
Стало сразу ещё смурней.
На один из высоких пней
Привязать хотели коней;
Тут же, выглядев их в окно,
Появился и Бёдёнё,
Дал поводья ему Манас:
«Привяжи! И оставь здесь нас –
В дом зашёл он, скрипя дверьми. –
Да, – и мясо своё возьми!»
Хоть полоска из-под дверей
Пробивалась, но дом темней,
Показался друзьям, чем свод;
Сам Шыгай, прикрывая рот
Весь распяленный от зевот,
Их неласково встретил – крот
Так встречает гостей в норе.
Хан Шыгай был в такой поре,
Когда брюхо ползёт вперёд,
А глаза же – наоборот –
Вглубь уходят обрюзгших скул.
Был он чёрен, высок, сутул,
Неприятный угрюмый лик,
Весь – как чёрный косматый бык;
И жена его – *алачык*[178]:
Тон до полу, что ей велик,
Потерявший свой цвет давно:
Весь – сплошное одно пятно;
Не окликнула их она:
Кто вы, что вы, мол? – от бревна
Получили б хотя тычок,
Нет, – прошла, вот и всё, молчок.

«Проходите!» – Шыгай позвал.
Только сели – как вдруг заржал
Конь саврасый из-за двери,
Словно спрятать просил внутри.
«Помотри-ка, что с ним, Мажик,
Поукромней где привяжи!» –
Богатырь ждал вопроса, что ль,
Нет. Молчание. В сердце – боль.
Вот котёл, наконец, возник,
И огонь заплясал. На миг
Показалось: вот-вот старик
Что-то спросит. Но нет, привык,
Видно, ужинать он впритык:
Чай согрели. К нему – *катык*[179],

[176] Сакал – верхняя часть бороды (под нижней губой).
[177] Сай – русло реки.
[178] Алачык – маленькая юрта, шалаш, лачуга.
[179] Катык – кислое молоко. Приправа к жидкой пище в виде кислого молока. (Сүзмө (густой айран), разбавив, добавляют в чай и подают.)

Хлеб – кусочек настолько мал,
Что никто его брать не стал,
Правда, даже и *казы-жал*[180],
Чуть помедлив, Шыгай подал,
И хороший кумыс к нему.
Было много рабов в дому,
Вот и спутали потому
Сам Шыгай и жена – кому
Не подали они бульон.
Их рабы *«моюну жоон»*[181]
В людях звались: не облегчён
Был обед их за тем столом,
Где все слуги питались днём.
Все рабыни, видать, давно
Задремали – ведь ночь в окно
К ним глядела, и звёзд зерно
В сны посыпалось как в гумно.
Меж рабынь, да и вольных слуг
Было много таких толстух –
В тело можно вместить к ним двух,
Но давно интерес потух
К тем заботам, чем полон дух.
Есть и спать – интересы мух.
Гость, не гость ли – им всё равно,
Если тело утомлено
Тучным весом, то заодно
Будет с ленью всегда оно.
Нет бы бабке Шыгая кто
Хоть шепнул бы: мол, птиц гнездо
Так не встретит своих гостей!
Нет, язык, хоть и без костей,
У ленивых он чем жирней,
Тем и больше на нём сетей.
Даже досыта кумыса
Не напились ребята. Вся
Эта трапеза, грусть внеся,
Знать ребятам дала: стезя
Их – такая, мечтам нельзя
Даже в мыслях селиться вдруг;
Что-то чаять – такой недуг,
От которого мыслей круг
Лишь в отчаянье новых мук
Замыкает судьба, смеясь.
Невзирая на вонь и грязь,
На полу прилегли. Не раз
Приходилось им спать в горах
На снегу или на камнях.

А тем временем Жамгырчы
Спать не мог: всё бродил в ночи,
Сжёг четыре уже свечи,
На жену накричал: «Молчи!»
Мысли горькие лезли в ум:
«Чтоб тебя, Бёдёнё, самум
За брехню твою прочь унёс!
Обманул ведь! – паршивый пёс».
Два-три раза ходил, смотрел:
Нет ли где их? – жене велел
Дастархан накрывать горой,
Мол, придёт ведь такой герой!
И козлёнка уже домой
Завели – как без жертвы *той*?!
А вестей-то всё нет и нет.
Вот забрезжил уже рассвет.
Жамгырчы, прикорнувший чуть,
Весь поникший от горьких чувств,
Быстро встал и пошёл опять
На дорогу – ребят встречать.
Ночь едва уступила пядь:
В чистом небе легко сиять
Было звёздам, и благодать
Разливалась повсюду. Глядь:
У Шыгая-то во дворе
Конь сверкает – весь в серебре,
Голубой, а какая стать!
Аккулой лишь его назвать.
Озарила догадка вмиг,
От волненья присох язык:
Через сай рванув напрямик,
Великан Жамгырчы приник
К голубому коню, хоть сам
Был ещё не одет: чапан
Нараспашку – так лишь пацан
Выбегает во двор к друзьям;

[180] Казы-жал – еда. Казы – брюшной рёберный конский жир; колбаса из брюшной рёберной части. Жал – подгривный жир (лошади; считается лакомой частью конской туши).
[181] *Букв.*: широкая шея – что означает здоровый, здоровенный.

Он не верил своим глазам:
Голубой Аккула из сна
У шыгаевского гумна
Ждал, вздыхая, Манаса – он
Был задворками удручён.
О, Шыгай-то не спит, поди! –
Жамгырчы поспешил войти,
Только створку открыл двери,
Разозлился: богатыри
На полу, как бродяги спят,
А Шыгай-то! – хоть виноват,
Дрыхнет сладко – как есть, дитя.
Жагырчы хотел, не шутя,
Взгреть его, и совсем не зря –
Так и гасит ведь тьму заря,
Но увидел, боготворя,
На груди у богатыря
Очень яркий прозрачный свет,
Что ритмично, дыханью вслед,
Как магический амулет,
Силой спящего был согрет
Так, что начал светиться сам,
Освещая *тюндюк, узюк*[182],
И казалось, что солнце вдруг
Светлый луч опустило в ночь
Чтоб неверящим всем помочь
Верить: тьма ведь уходит прочь,
Если смог её превозмочь.

Парня за руку взял старик,
Разбудил его. В тот же миг
Вслед за другом вскочил Мажик,
Так прислушиваться привык;
Потянул их старик во двор,
Торопливо, во весь опор,
Там не медля спросил в упор:
«Как зовут? Я скажу на спор:
Ты – Манас, ты спустился с гор!
Я обоих вам ждал вчера.
А давайте мы со двора
Уведём коней, ведь добра –
Злата чистого, серебра, –
Слишком много на них – увы:
Коль не воры, так трёп молвы
Разнесёт по дворам. Язык –
Первый враг наш, и он велик.
Спрячем лучше от прощелыг
Ваших верных друзей». Арык
Миновали, на край села
Их, петляя, тропа вела;
По пути Жамгырчы без зла
Рассказал, как жена ждала,
Сколь и ныне яств со стола
Не посмела убрать она.
Дал понять, мол, не их вина,
Что ущербна сейчас луна,
Виновата ночь, что темна:
Провела их мимо окна,
Где *аким* их ждал допоздна!
Вышли к краю деревни – там
Жамгырчы поближе к горам
Вырыл мазанку – в аккурат
Как Балта, его кровный брат.
Там коней был он спрятать рад.
Покормили, пошли назад.

К Жамгырчы они в дом пришли.
Там уж страсти такие шли!
Жамгырчы жена как пчела
Суетилась вокруг стола,
Собрала уже полсела –
Словно мальчика родила
Долгожданного ей *келин*[183]!
В белый шёлк –
Не в бязь, не в поплин, –
Обернула *кесе*[184] с водой,
На *карыш*[185] растянув каймой,
Часть упрятала в рукаве –
Чтобы шёлк был наготове,
Мол, дадим лишь шептать молве

---

[182] Үзүк – (часть юрты) кошмы (их две), идущие между туурдукóм и түндүкóм.

[183] Келин – невестка.

[184] Кесе – большая пиала.

[185] Карыш – пядь (мера длины расстояние между концами раздвинутых большого и среднего пальцев).

О великом таком родстве;
С жиром смешивая муку –
Ароматным чтоб быть дымку,
Подожгла эту смесь в *чара*[186],
Приготовленную вчера,
И на улицу со двора
Вышла встретить богатыря.
Раскрутила с водой кесе,
Чтоб обрызганы были все,
Штуку шёлка из рукава
Раскрутила – и гость едва
Перепрыгнул, как голова
Ощутила тепло родства:
На макушку сосуд с огнём
Ритуально был вознесён;
Жамгырчы же с женой вдвоём
Вполупри́сед взошли в свой дом –
Ритуал был весь соблюдён:
Богу в жертву был принесён
Со смирением тот *улак*[187],
Что всю ночь, как степной байбак,
Спал в дому у акима так,
Словно рай свой поймал в *кулак*[188],
А теперь Жамгырчы ножом
Взрезал горло ему, в поддон
Кровь спустив, взрезал грудь, потом
Сердце, лёгкие вынув, он
Крови стечь дал на землю, вслед
Жеребёнок-*актуу*[189] двух лет
Тоже в жертву был принесён.
Ровно сорок снопов, – причём
Надрубив их все топором, –
Разложили в сорок сторон,
Кровь разлитую окружив,
Ею даль слегка окропив –
От врагов, мол, что надо скрыв;
Жамгырчы шумам вперебив
Бормотал какой-то мотив
Или тихо молитву пел.
После всех ритуальных дел,
Накормили село, гостей
Уложили поспать. Вестей
Не дождался пока аким,
Но терпел: ведь племянник, с ним
Перекинувшись парой фраз,
От вчерашней обиды спас.
Жамгырчы не заснул опять.
Утро вышел стемна встречать,
Когда ночи еще печать
Начала слегка выгорать;
Встретил девять он пастухов
И велел с девяти лугов
Девять яловых кобылиц
Быстро выбрать из верениц:
«Выбираются для *тюлее*
Все нечетные. С гор, в селе –
Всех кыргызов зовите в круг:
К нам пришёл долгожданный друг!»

Пляшет пламя под *кемеге*[190],
Запах слышится вдалеке:
Снята пена, и в черпаке
Жир янтарный. А в ветерке
Столько вкусных пахучих нот,
Что невольно спешит народ,
Хоть не просит ещё живот
Ни боорсоки, ни май, ни мёд,
И конинки пока не ждёт,
Разве что кумыса нальёт,
Распустив от усердья рот,
Молодая келин – не в счёт,
Сколько чаш в животы уйдёт.
Комузчу да и скрипачу
Все мелодии по плечу:
Разве скажет кто: «Не хочу»?
Уподобившись лишь ручью
Тянут песню певцы – пока
Роль не сменят на седока:
Ведь на коника-третьяка
Ставки пухнут до потолка,

[186] Чара – глубокая миска.
[187] Улак – козленок.
[188] Кулак – ухо.
[189] Актуу – светлый, невинный.
[190] Кемеге – очаг (продолговатой формы, вырытый земле; устраивается вне юрты, вне помещения).

Приз завидный: хороший скот.
Увеличив его в окот
Можно запросто из *ырчы*[191]
Выйти в первые богачи!
От улыбок людских лучи
Бьют – не надо свечей в ночи!
Вот ещё один приз:
Улан[192] должен взять его: у*стукан*[193]–
Жирный, видно, курдюк с ним дан:
Лёжа в сумке, протёк сквозь ткань,
Словно всем говорит: «Живёт
Хорошо в этот год народ!
Лето нам принесло доход,
И по осени виден плод,
Будьте радостны на пиру,
Чтоб весь пыл перетёк в игру,
Чтоб в течение *кёкбёру*
Гривы конские на ветру
Развивались, как будто стяг,
Чтобы конь, не боясь атак,
Чёлку вверх поднимал – смельчак
Узнаётся навскидку так».
Жамгырчы одного коня
Сделал призом, в игру маня:
В коновязи стоял, дразня,
Жеребец этот в цвет огня,
Хоть там весь был привязан скот
Для призов, этот конь, как мёд,
Взгляды просто манил! Народ
Ждал: кому же с ним повезёт?
У акима в тот день слова
Были сладкими как халва,
И поступки – он сам едва
Узнавал себя: волшебства
В том не было, нет, глава
Просто счастлив был от родства
С великаном-богатырём:
Неотлучно весь день при нём
Был племянник. Лишь день на скат
Перешёл, Жамгырчы был рад

Накормить от души ребят:
Кобылицу пускай съедят:
Им объём её не внаклад.
Было время *бешима*[194] – люд
Разошёлся, немало блюд
И призов унося домой,
И довольный весьма собой.

Жамгырчы же, сужая круг,
Сел за стол, с ним – Манас и друг.
Чтобы мясо крошить, он слуг
Вызвал: целых шестнадцать рук
Кобылицу крошили им,
Впрочем, счастьем был сыт аким:
Он смотрел, как племянник кость
Обрезал дочиста, а в горсть
Брал полблюда за раз – пришлось
Чык[195], кумыс добавлять. И гость –
Друг Мажик, – ел как он: с лихвой,
Но без жадности – так порой
Лев без спешки ночной порой
Ест добычу, гордясь собой.
Крепкой водки напёрстка три
Выпил каждый, чтоб жир внутри
Не застаивался, взбодрив,
Обеспечив лишь сил прилив.
Жамгырчы был доволен, он,
Узнавая со всех сторон
Чонжинды – как себя тот звал,
Вслух и молча всё повторял:
«Всем, кто нас притеснял века,
Будет плохо: ведь есть рука,
Что кыргызам – и меч, и щит,
Всё плохое от нас сбежит».

Спать ребята легли. Они
Отдохнули за эти дни,
Жамгырчы ведь что было сил
Помогал им: коней кормил,
Был и щедр, и добр, и мил,

191 Ырчы – певец.
192 Улан – холостой парень.
193 Устукан – кость с мясом, с жиром.
194 Бешим – (или пешим) время, следующее сразу за полуднем: время второго намаза.
195 Чык – бульон к мясу, заправленый луком.

И с расспросами не мудрил,
Наблюдал лишь. А после брал
«*Ыстырлап*» – и читал, сверял:
Убеждаясь лишь каждый раз:
Да, племянник его – Манас.
Жест, любая из хлёстких фраз,
Выражение умных глаз –
Всё об этом твердило: в край
К ним явился как *эр*[196] Бакай
Очень крепкий батыр. Нигде
Не сломается он в беде,
Он разборчив в дружбе, в еде,
Видит цену любой среде,
Но нуждается в *Аккелте*[197],
В *Ачалбарсе*[198] и в доброте.
Очень вовремя он пришёл.
Жизнь кыргызов, увы, не шёлк:
Так *калмаки* лютуют – в долг
Словно жизнь здесь дают, – а толк? –
С долгом просто попасть впросак,
С долгом умный – и тот простак.
Лев Манас – с ним и весь *арбак*[199] –
Поменяет всё в жизни так,
Что *калмаки*, *анжу-манжу*[200],
И все прочие к дележу
Всех кыргызских земель, родов,
Не найдут уж вовек ходов.
«Надо, чтобы он был готов
К схватке с этих уже годов!» –
Жамгырчы без сна почитай
Заведя с собой *курултай*[201],
Вспомнил: есть кузнец Бёлёкбай,
Его славою полон край:
Он волшебный *курал*[202] куёт,
Как давно говорит народ.

Он рябой и хромой, но в нём
Сила древних как мир племён,
Словно он от богов рождён
И бессмертием награждён.
Правда, нет ли? решил аким:
Без огня не возникнет дым:
Только с ним, и ни с кем другим
Снаряженье мы завершим!
Кош[203] навьючил он на вола,
Меж сельчан поискал орла,
Выбрал сразу двоих – мала
Кузня сельская им была;
Взяли парни с собой станок,
Снеди всякой большой мешок,
Чтоб хватило на сто дорог;
Ну, конечно, аким помог.

Но об этом – потом. Пора
Снова вспомнить и про вчера:
То есть то, что три дня подряд
Два *калмака* в горах лежат.
На охоту шесть дней назад
Они вышли, – любой заряд
Был бы кончен у них давно,
Как запасы еды, вино.
Снарядили им поиск. Но,
Как обычно заведено,
Свой обшаривали увал,
Не взбираясь на перевал.
За горой, наконец, в степи
Оба трупа нашли. Сглупив,
Стали сами толкать валун:
Юн один был, другой – хвастун,
Третий тут же решил: в село
Надо мчаться – валун назло

---

196 Эр – мужчина, герой, богатырь, храбрец.
197 Аккелте – ружьё Манаса.
198 Ачалбарс (ач албарс) – меч Манаса. В переводе означает «грозный меч».
199 Арбак – духи предков; слава; блаженство.
200 *Досл.:* Иже с ними (и прочие). Анжы, эки анжы – надвое; манжу – энографическое название народности.
201 Курултай – съезд, собрание, обсуждение.
202 Курал – оружие, снаряжение, оснащение.
203 Кош – временная юрта (маленькая юрта, которой временно живут рабочие, или юрта, используемая во время дальних перекочёвок или (раньше) во время походов).

Кто-то сбросил: «Не повезло», –
В это верить смешно зело[204].
«В одиночестве суета
По-калмакски ли? Нет, всегда
У кыргызов хоть часть скота,
Заберём, да идём куда.
Умереть же в степи одним!
А валун, что ли, с неба к ним
Прилетел, чтобы вмиг двоим
Сделать вечным забвенья дым?
За подмогой идти пора!»
Но не стали идти с утра,
Что-то ждали, пока кумыс,
В бурдюке уменьшаясь, скис.
Любят сумерки грех и зло.
Ближе к ночи, когда село
Большей частью уже спало,
Вдруг к Шыгаю во двор пришло
Ровно сорок *калмаков* злых –
И зелёных, и пожилых,
Был *изчы*[205] один среди них,
Звался он Кытыгый, таких
Как шпион Кытыгый в миру
Даже сотни не наберу!
Сам, а может, кто из села,
С кем *изчы* тот имел дела,
Но заметили: Аккула
Был привязан в глуби двора,
Весь саврасый, аж голубой,
Да с уздечкою золотой –
Явно княжеский, не простой,
В дом Шыгая он на постой
Непонятного седока
И, конечно же, чужака
Двое суток назад привёз,
А пришелец не кажет нос.

Так случилось, была жена
У Шыгая в дому одна –
Собиралась ложиться спать,
Не хотела и открывать;
Звали женщину Калтырбаш.
В ней таился великий страж.
Есть меж женщин такой типаж:
От испуга впадая в раж,
Режут правду – лишь взбудоражь;
В дом ворвались *калмаки* лишь,
Калтырбаш им: «Куда бежишь?
Сколько вас тут, а морды – ишь! –
Не объедешь, не оглядишь!
Что ли, дочка есть у меня?
Столько сватов к исходу дня!
На ночёвку пришли небось?
Но незваный – ненужный гость!
Кыптыгый тут. Собачья кость!
Мне ровесник, а словно лось
Шляться ночью задумал, пень!
Что, – старухе готовить лень?
Перепутал ты ночь и день?
С чем явились? Коль дребедень,
Уходите – не то казан
На макушки вам спрыгнет сам!»
Самый главный из сорока
Растерялся было слегка –
Так обидно за старика,
Что к затылку взвилась рука;
Тетеге его звали, – он
Был когда-то озорником,
Но, лаская его, отец,
Говорил, что *изчы* – истец,
Храбрый страж и лихой боец,
Да и просто друг, наконец:
«Кытыгый наш имеет нюх,
Из двух зайцев поймает двух,
И не след он берёт, а дух,
С ним работай, он – наш пастух!»
Так он с детства учил сынка,
Чтоб ценить стал тот старика,
Вот и вырос из Тетеге
Продолженье его *байке*.
Он держался навысоке,
И считая себя *теке*[206],

[204] Зело – весьма, очень, чересчур (*старорусск.*)
[205] Изчы – следопыт, шпион, соглядатай, сыщик.
[206] Теке – *здесь:* козёл-предводитель овечьего стада.

Гаркнул бабке: «А ну, молчать!
Мы ведь ищем не исполать[207],
Гость, не гость ваш – иль как
назвать? –
Появился, чтоб убивать:
Два *калмака*, два храбреца
Пострадали от пришлеца:
Там, под камнем, два мертвеца.
Всё узнаем мы до конца!
Ты, старуха, сиди, молчи.
Где аким ваш – да, Жамгырчы?
Великан он, и только он
Сладить с камнем, большим как слон,
Мог, конечно, и с ним – чужак,
Где, скажи, он? Молчишь. Ах, так!
Кытыгыя мы привезли,
Нюх и опыт чтоб помогли
И к разгадке нас привели:
Кто убийца? В какой дали
Жамгырчы ваш и твой Шыгай
Нынче бродят? Зачем свой край
Вмиг покинув, в какой раздрай
Влипли оба?.. В какой курай
Спрятан ими саврасый конь?
Золотую нашли супонь
Наши люди в твоём дому.
Что ж молчишь ты? Я не пойму!
Расскажи нам всё по уму,
А иначе пойдёшь в тюрьму!
Целых девять уж дней прошло
Как скрывает твоё село
И преступника, и коня.
Говоришь – не хватает дня?
Да, поэтому у меня
План такой: вся твоя родня
Вот сейчас выдаёт коня,
И акима, иль западня
Будет ждать их из часовых –
Сорок крепких ребят моих,
Коих будешь кормить, поить.
Слышишь, бабка? Кончай темнить!
Жамгырчы и Шыгай конька
Схоронили не на века,
Их отыщем, и вожака.
Ох, намнём же им всем бока!
Животы пораспорем вмиг,
А виновный – лишь твой язык,
Что ругаться на всех привык,
А как надо раскрыть тайник –
Сразу словно отсох и сник.
Объявился бы сам старик,
Выбивать мы не стали б дух
За своих же героев двух
Взяли *кун* бы – скотом, конём.
На одной ведь земле живём.
Чем горланить и нас пугать,
Ты могла бы давно понять:
Нападенье на власть, на знать –
Не возвысят слугу на пядь,
Чем как ведьма на нас орать,
Помогла бы нам всё узнать».

Умолял он её, грозил.
Но у женщины столько сил –
Не сочтёшь и не передашь,
Не узнаешь, какая блажь
Её просто вгоняет в раж.
Знала многое Калтырбаш:
Когда в сумерках их гостей
Жамгырчы увёл поскорей,
Разбудил не только парней:
Он невольно посеял в ней
И догадку – кто был у них,
И досаду – ведь их, родных,
Разыграли как пристяжных.
А Шыгай-то хорош! – задрых,
Отвалился бы, что ль, язык,
Расспросить их. А гость велик!
Мысль заначкою на *жабык*[208]
Она спрятала: пусть старик
От соседей узнает, злясь,
Где гостит молодой Манас.
Девять дней раз по сто на дню
Слушал бедный Шыгай ругню:

[207] Исполать – похвала, слава (*старорусск.*).
[208] Жабык – впадина, образуемая загибом тундука и үзука в юрте, используемая для хранения всякого рода мелких домашних вещей. Жабыкка кой – положить в жабык.

Мол, еды пожалел жменю,
На пол спать положил родню!
«Ну, какой ты, скажи мне, хан?!
Не признал ведь родную *кан*[209]!
Пожалел для ребёнка *дан*[210] –
Дал лишь чёрствой еды *ашам*[211]!
Провались ты сквозь землю, жмот!
Весь – Бёйёна, Чаяна – скот
Тебе пользы не принесёт,
Хитрый, глупый старик, проглот!
Ты же близких забыл совсем,
Тупо тянешь как мул ярем!
А богатство тебе зачем?
После ста заведёшь гарем?
Тебе шесть уж десятков лет,
А ума до сих пор и нет.
Самый кровный твой брат-близнец –
Не такой уж как ты отец,
Своего нам прислал сынка,
Снарядил для него конька,
Ехал парень издалека,
В дом зашёл он не свысока,
А хотел лишь проведать нас,
И ведь гость не простой – Манас!
Ты ведь слышал, Шыгай, не раз:
Плохо встречен в дому Манас –
Больше в дом не придёт никто.
Разорил ты своё гнездо!»
Обессилев, она спала,
Лишь проснётся – и завела:
«Лихоманка б тебя взяла!», –
Всё сначала – и все дела.

А теперь вот *калмак* пришёл,
След коня углядев, дошёл,
Что какой-никакой тайник
Но завёл у себя старик.
А зачем? Увязал тотчас,
Двух задавленных камнем враз,
Да и то, что чужак как раз
Прибыл тайно – не напоказ;
Что же скрыл от случайных глаз
Сам Шыгай, его брат? Погряз
Следопыт в тех загадках, но –
Поздно, рано ли – всё равно
Перемелешь в муку зерно,
Если крутишь свой *таш* давно.
Лишь подумав так, Калтырбаш
Как взбесилась в момент: «Уважь!
Убери свой ночной конвой,
И подумай дурной башкой:
Если кто-то там неживой
Вдруг нашёлся – хоть под горой
Хоть под камнем – причём Шыгай?
Нет же, виру скорей отдай!
А за что, за кого, зачем?
Дай, мол, мясо своё – я съем
Потому, что хочу, мол, есть.
Чтоб вам больше не лечь, не сесть!
Чтоб вам сдохнуть за вашу месть!
Чтоб навеки залечь в болесть!
Истоптали Шыгаю дом,
Да и требовать *кун* при том?!
Что, я спрятала злато тут?
Или ваш богоданный *кут*[212]?
Где? – под юбкой держу? В закут
Положила? – авось, придут
За своим, мол, толпа скотов.
Ну-ка, кто его взять готов?», –
С этим возгласом Калтырбаш
Меч схватила – и гнев, и блажь
Помогли: из-за *кереге*[213]
Мигом выхватила его,
И надвинулась на врагов,
Обещая им гнев богов.
Шум и гам тут такой возник!
На старухин истошный крик
Всё село прибежало вмиг,
Только каждый второй вдруг сник:
У *калмаков* кыргыз – должник,

[209] Кан – кровь.
[210] Дан – зерновой хлеб, зерно.
[211] Ашам – щепоть, жменя – количество пищи, которую можно сразу положить в рот.
[212] Кут – счастье, удача.
[213] Кереге – решётчатая внутренняя стена юрты.

И бояться должник привык.

Среди прочих пришёл Мажик –
Друг Манаса, – он тут же вник,
Кто навёл всех: один *калмак*
Как-то странно сказал: «так-так!»,
Только взгляд на него Мажик
Положил – заюлил старик,
Был к тому же он из заик –
Стать Мажика увидев вмиг,
Он слегка распустил язык.
Богатырь тут зашёл второй –
Чонжинди – покрупней герой,
А за ними – живой горой,
Не вмещаясь в проём дверной,
Появился и Жымгырчы:
Руки крепче корней арчи,
Взгляд тяжёлый – темней ночи,
Нараспашку чапан. *Изчы*
Завертелся весь, как юла,
Чтобы спрятаться в тень угла,
Его мысль лишь одна вела:
Как бы выскользнуть из села?
А из дома, из глубины,
Были крики всё те слышны,
Разошёлся там Тетеге:
Он, схватившись за *кереге*,
Трясся, старой крича карге:
«Что ты хрюкаешь как свинья?
Ты взбесилась, и я – не я
Коль тебя я не заберу!
Будешь тушкой на *кёкбёру*
Между всадниками летать!», –
Желтоглазый, пузатый – стать
У него как у *албарсты*[214]:
Ноги кривы, и все черты
Тоже кривы, и рот *кемээк*[215]–
Отвратительный человек,
Да ещё столько злобных слов
На старушку излить готов:
«Муж твой – глупый старик Шыгай,
Тоже кончит в тюрьме, ты знай,
Кун заплатит *абай-бабай*[216]:
За убитых, за меч, за лай.
Всё ты брешешь, как глупый пёс,
Как *каман*[217] что в степи возрос,
Как *доңуз*[218] ты суёшь свой нос
Всюду, думая, мол, отброс.
Эй, волчица, снимай тряпьё!
За ругню твою и враньё
Будешь голой в степи скакать,
И за волосы оттаскать
Сможет каждый теперь тебя!
Эр Кётёй позовём! Судьба –
Поиграть в козлодранье нам,
В приз хозяйство твоё отдам,
Скот Шыгая, да всё село!
Чтоб *калмакам* всем повезло!»
А *калмакам* его слова
Были словно мёд и халва:
Все смеялись. Но с рыком льва
Чонжинди забежал едва,
Побледнели, пустились прочь.

Ах, какая выдалась ночь!
Тигр голодный не смог бы так
Сходу стаю в сорок собак
Обезвредить, ввести в столбняк:
В пол-удара повержен враг!
Рассудительный друг Мажик,
Взяв верёвку, связал их вмиг,
На кукане стянул во двор:
Дом не мажет пусть грязью вор! –
Там прирезал их как овец,
Животы им разбил. Мертвец
Не на пир идёт во дворец.
Этим – дьявол, не бог, истец.
В эту осень в казну села

[214] Албарсты – демоническое существо.
[215] Кемээк – человек с неправильным прикусом (тот, у кого подбородок и нижняя губа выдаются вперёд, нижние зубы заходят за верхние); или человек совсем беззубый с провалившимся ртом.
[216] Абай – осторожность, осмотрительность; бабай – старик.
[217] Каман – кабан.
[218] Доңуз – дикая свинья (общее название; *ср.*: чочко, каман).

Кут весомый судьба внесла:
Сорок жирных коней в *тюлее*
Сделав жертвой, за ночь в селе
Съели миром, чтоб на земле
Даже память о ночи той
Стала басней про сельский *той*.
А Мажик в ту же ночь «кукан»
Отволок в Куюлму. Курган
Он не стал насыпать – в песок
Всё зарыл, ну а бугорок
Дал отаре стоптать, прогнав
Взад-вперёд, понаторкав трав;
Утром после таких потрав
Не нашёл бы плоды расправ
Даже видящий сквозь века,
Поразмыслив сперва слегка.

Чтоб не спорить опять с судьбой,
Жамгырчы уводил с собой
Двух героев, а заодно –
Байтёлёна и Бёдёнё,
Семьи – их и свои, багаж:
Скот, запасы еды, фураж,
И с Шыгаем, и с Калтырбаш –
Всё продумали: как от тяжб
Уберечь им людей села:
Кто уехал? – мол, их дела:
Так им долю судьба дала.
Всем велели, чтоб от стола
Для *калмаков* и крох еды
Не давалось, – мол, с бедноты
Что им взять окромя беды?
Пиршеств всех замести следы:
Нет добра – и не будет зла.
Кто заглянет на дно котла?
А молва – это решето.
Слава богу, в селе никто
Про Манаса не знал, не то
Как осиное бы гнездо,
Растревоженное притом,
Всё гудело б село потом.
Жамгырчы вёл вперёд отряд.
Нетерпеньем двоих ребят
Управлял он как старший брат,
И, по правде, был очень рад
Их вниманью, с каким они
Его сказ про былые дни
Принимали: вздымалась грудь,
И горели глаза – моргнуть
Забывали порой, и путь
Был для всех веселее чуть.
Так в беседах дорога шла.
Ночь побоища скрыла мгла.
Но нет-нет да кольнёт игла:
Жар порою таит зола;
Сердце, лучше замри, вникай,
Что рассказывает *агай*[219]:

Управляющим там – Бакай.
Тот хромой кузнец Бёлёкбай –
Брат его, но о нём – потом.
Был Бакаем свой край ведом –
Керметоо – был он там дельцом,
И отцом, как и мудрецом,
Нянькой, другом, главой, истцом.
Только речь-то ведь о другом:
Этот мудрый Бакай всегда
Говорил, что одна звезда
Путеводною может быть,
По которой до цели плыть
Умудряется чёлн, баркас.
Для кыргызов она – Манас.
У Бакая был друг Кошой –
Великан, был другой большой
Верный друг – великан Балта;
Путеводная та звезда –
Была темой бесед не раз.
Жамгырчы не смыкая глаз
Слушал сходки друзей порой,
Когда жили одной семьёй.
Говорил им Бакай: «Герой
Не унизит степи горой,
В состязанье он сам порой
Скажет: нынче я, мол, второй:
Дух поднять у друзей своих –
Это больше, чем сам под дых
Выбьет, скажем, врага с седла:
Для героя та роль мала;

[219] Агай – почтительное обращение к старшему родственнику, учителю.

А собрать весь народ в кулак,
Да возвысить, да сделать так,
Чтобы каждый *адам*[220], бедняк,
Стал героем и сделал шаг
К вечной славе – не просто месть
Исполняя, а рода честь
Поднимая для всех племён –
Вот Манас: всеобъемлющ он!»
Когда хан Орозду-батыр
В вечный мир отошёл, в *Тартыр*[221],
И *калмак* приоткрыл свой лик:
Все богатства присвоил вмиг,
И у ставленных им владык
Стал любой не-*калмак* – должник,
То к Кошою решил Бакай
Переехать поближе – в край,
Что волшебной горой [222] не зря
Звали: в образе алтаря
Для гиганта-богатыря
Возвышалась гора. Заря
Восходила всегда над ней,
Алый отсвет её лучей
Кровью жертвенной лился вниз,
И вершинных снегов кумыс
Прятал россыпь кровавых брызг.
Под защитою гор кыргыз
Мог свободно вздохнуть теперь,
Словно в рай приоткрыл он дверь,
За страданья былых потерь:
В изобилье водился зверь,
И леса, и джайлоо здесь
Были словно отчизны весть.
А с Бакаем пошёл в поход
Самый верный его народ:
Шло с ним в общем семей шестьсот,
С ними – утварь, пожитки, скот.
Самый лучший кыргыз-кузнец –
Бёлёкбай – чародей-творец,
Мастер признанный, – между всех
Шёл, как будущий их успех.
Заселили кыргызы там
Керметоо, Балык, Бадакшан –
Шестистам всем нашлось домам
И земля, и людской *салам*[223],
И горячей еды *ашам*.
Стали вместе, не каждый сам,
Защищаться по рубежам:
И набегам, и грабежам
Стали ставить уж с тех времён
На подходах к жилью заслон;
Люди выбрали главарём
Великана-Бакая – он
Стал поистине всем отцом.

Акбалта – на Алтае хан,
Жамгырчы же – на Самаркан,
Алп Кошой – он на Атбаши.
По веленью своей души
Слали письма, гонцов – ведь весть
О Манасе им мог принесть
Каждый день, каждый год. И честь –
Стать Манасу отцом, невесть
Почему, Жакыпхану вдруг
Но вручилась из первых рук.
Её ждущий заветный круг
Не покинула весть: супруг
Чыйырды-героини был
Всем роднёй им, и весть в распыл
Не пустил под надзором их;
Удержать же вожжей лихих,
В воспитанье богатыря –
Хоть пытался Жакып, но зря:
Воспитатель он был плохой.
И недолго Буруултокой
Акбалта, *алп* Бакай, Кошой
Опекали со всей душой:
Да, – незримо героя три
Были словно поводыри:

[220] Адам – человек.
[221] Тартыр – видоизмененное Тартар – бытующее у многих народов древности представление о загробном мире, как о бездне в недрах земли, жилище мёртвых и изверженных бессмертных Титанов.
[222] Керемет – чудо, диво; тоо – гора; Керметоо – видоизмененное топографическое название местности.
[223] Салам – приветствие.

Знали всё, что семьи внутри
Шло отныне – богатыри
С той минуты, как лев Манас
Появился и до сейчас
Наблюдали за ним всегда:
Как из дома сбежал, куда,
Как в Турпане копал канал,
Как пшеницу свою продал,
Как с ним встретился Аккула, –
От уздечки и до седла
Акбалта ведь собрал ему,
В путь послал его по уму –
Чтоб к Кошою добрался сам,
А потом и на Самаркан
Он отправился к Жамгырчы.
Путеводной звезды лучи
Ярче этой звезды в ночи.
Вот теперь Жамгырчы звезду
Вёл к Бакаю на поводу
Шуток, басен, рассказов всех,
Приукрашивать где не грех
Богатырский любой успех,
А просчёты поднять на смех.

Алп Бакай извещён был в срок,
Кто придёт на его порог
И когда его ждать – пророк:
Счёт плюс знанье своих дорог.
«Встречу сам», – так решил Бакай.
Но хромой кузнец Бёлёкбай
Тигра кликнул и сыновей,
Чтобы вместе пойти скорей.
Тулёке и Тёлек – сыны –
Были оба крепки, сильны,
Вместе с тигром ручным они
Понадёжней Китай-стены
Без оружия, налегке
Охраняли отца с *байке.*
Жамгырчы им навстречу шёл
С взглядом огненным как орёл:
Чтоб *калмаков* не встретить вдруг,
Он оглядывался вокруг
И притом не терял из рук
Нить беседы, чтоб сердца стук
Двух парней совпадал с его,
Укрепляя сильней родство.
Самаркана леса уже
Стали реже на рубеже
Горных склонов и первых скал –
Близок был уже перевал:
Перейти его – там увал,
Где Бакай своим родом встал.
Кырмойнок[224] – не дают имён
Просто так, ведь народ умён:
Перевал тот высок, точён,
Как змея много раз кручён,
Шея лани как будто: он
Хочет видеть со всех сторон –
Кто крадётся к нему, зачем? –
То ли благо, а то ль ярем.

Шесть отрогов перевалив
Вдруг увидели: там, вдали
Наверху, на краю земли
Вчетвером к ним навстречу шли
С *кабыланом*[225] без поводка
Люди. Первого седока
Белоснежнейший *кементай*[226]
Выдал сразу же: *алп* Бакай!
Как влитой на своём коне
Он сидел, и сойти вполне
Мог за ангела, кто извне
За дорогой следит в стране,
Охраняя все рубежи,
Чтоб случайные грабежи
Не пугали в пути дехкан,
И огромнейший *кабылан*
Потверждением служил тому.
Жамгырчы-то ведь по уму
Видел мир весь, и потому

[224] Кырма – точёный, изящный; мойнок – шея; крутой горный перевал.
[225] Кабылан – эпитет. В переводе означает: леопард, тигр, пантера, – под этим названием кыргызы подразумевали не какого-то определённого зверя, а всех больших тигроподобных зверей вообще.
[226] Кементай – верхняя одежда из войлока.

Стало ясно за миг ему:
«Нас встречает Бакай, а с ним –
Бёлёкбай с сыновьями, им
Очень нравится всех пугать:
Тигра вывели погулять –
Слышал это я от молвы.
Я поеду вперёд, а вы
Догоняйте!» Из тетивы
Так стрела не летит, так львы
Мчатся, жертву свою тесня.
Жамгырчы соскочил с коня,
Весь огромный, как будто дом,
Улыбаясь, пошёл пешком,
Враскоряку, с большим трудом:
Столько дней на коне верхом!
Чонжинди поспешил за ним.
Он ещё не привык иным –
Громким именем – звать себя,
Ведь его нарекла судьба
До рожденья Манасом, он
Этим был до сих пор смущён.
С Аккулы он хотел сойти,
Только *алп* Бакай в полпути
Как когда-то Кошой почти,
Тем же жестом, – мол, погоди,
Повелел ему быть в седле:
«В первый раз на моей земле
Ты, рождённый в простом селе,
Но задуманный в вечной мгле;
Да, – ты вырос и возмужал.
Я тебя до рожденья ждал,
Столько лет я тебя встречал!
Дай же выполнить ритуал,
Чтоб и здесь, на земле моей,
Стал Манас нам родни родней!» –
Иноходец был сер под ним,
Каждый мускул играл, как дым;
Сам Бакай был как снег седым,
Острый взор же был молодым;
Чонжинди, застеснявшись, сам
Первым руку подал. К усам
Пальцы, было, поднял старик,
Но пожатье приветил вмиг,
Обнял парня в ответ, верхом,
Так поехали вдаль рядком.
Аккула под седлом плясал,
Седока своего смущал,
Он и так был как зорька ал.
Всех представил вслух аксакал:
«Меня звать великан Бакай.
А вот он – кузнец Бёлёкбай,
Самый лучший он, так и знай,
Его дети – запоминай:
Тулёке и Тёлек, – с душой
Смастерил их *уста*[227] большой:
Бёлёкбай – их отец и друг.
Это всё твой надёжный круг,
И родня, и друзья, и те,
Кто поможет в любой беде.
Сколько лет я до наших дней,
Ждал свершенья мечты своей!
Жамгырчы, мой наперсник, ты
В разговоре возьми бразды:
Без бахвальства, без суеты
И, конечно же, без нуды
Расскажи, как начал надысь[228]:
Кто тут с нами штурмует высь?»

«Ты хоть сед, но хитёр, как лис!
Кто тут рядом с тобой? – вглядись:
Сын Жакыпа – Манас, пацан,
Он шестидесяти родам –
Всем *алашам* – и вождь, и хан,
И народу глава всему.
Как представил я? – по уму?
Рядом – друг, что сумел в канву
Богатырскую наяву
Свою жизнь и судьбу заплесть.
Он – Мажик, и почту за честь
С ним и ныне на *тёре* сесть
И кобыл ещё много съесть.
А отец его: был такой
На Алтае – Караногой:
От *калмаков* ушёл нагой,
Но сумел ведь в степи пустой
Дом, хозяйство поднять, – изгой!

[227] Уста – мастер.
[228] Надысь – (*старорусск.*) – недавно, намедни, без году неделя, некоторое время до… и т. п.

Вместо первенца, что убит,
Сын Мажик – вот, в седле, сидит!»
И тогда великан Бакай
Так ответил: «Манас, ты знай.
Помолчи, Жамгырчы-*бабай*,
Да и ты, мудрец Бёлёкбай,
Нам ещё далеко идти,
Для парней хочу по пути
Все узлы судьбы расплести,
Глубоко вспахав борозду.
Да. Лишь умер хан Орозду,
Что умел подавлять вражду –
Где и силою, где за мзду, –
Озверели *калмаки* так!
Шестьдесят *алашей калмак*,
И земли лишив для жилья,
Чтоб по-рабски жила семья,
И, обманом втемяшив мысль,
Что от них отступилась высь,
По монаху к пяти домам
Поселили, – мол, так *имам*[229]
Повелел, а иначе вам
Уготовил сам дьявол срам:
В бабьем чреве придёт шайтан!
Мол, кыргыз – по уму баран:
Про Манаса не знает он,
Ведь читать и писать умён
Лишь мулла, он – *калмак*, и вник
В "*Ыстырлап*" он как духовник.
Не хочу осквернять язык
Я злодейством тех дней. Мажик,
Был бы брат твой тогда рождён,
Коль во чреве бы не казнён.
Но себя тем *калмак* не спас:
Пусть трепещет стократ сейчас:
Всё равно ведь пришёл Манас,
Его бог сохранил для нас.
К великану Кошою весть
Бёлёкбай поручил отнесть
Сыну, да – Тулёке, сынок
Порученье исполнить смог,
И пока *алп* Кошой в пути,
Вас хочу попросить зайти
В мой просторный и скромный дом,
Будет там и Кошой потом.
Есть пословица – как щитом
Вечным словом прикроюсь в том,
Что велит сотворить стезя,
Лишь традициям не дерзя:
"Человеку в седле нельзя
Не на гриве держать глаза;
Кто тулуп только что надел,
Его взгляду рукав – предел".
И Балта, и Жакып наш – где?
На Алтае, в стеченьях дел;
Мы с Кошоем решим вдвоём,
Как он только прибудет в дом:
Снаряженье богатырю –
Кто как хочет! – я подарю!»

Только речь закруглил Бакай,
Вслед хромой кузнец Бёлёкбай
Выдал, тихо вздохнув слегка:
«Богатырская *туулга*[230] –
Шлем, – он должен ведь быть литой,
Но своей голове – родной;
Бадана[231] же, кольчуга, вся –
В дырку мелкую, чтоб, нося
Мог бы в ней богатырь дышать.
И *кюрмё*[232], и *соот*[233] создать
Только я и смогу. Зачем
Вам заказывать *кисепче*[234]
У других мастеров? – кисет
Должен будет в ремень ведь вдет,
Всё равно мне его клепать –
Скорняков и не надо звать:

---

[229] Имам – духовное лицо, ведущее богослужение, а также титул правителя в мусульманском государстве, соединяющего в своём лице духовную и светскую власть.

[230] Туулга – шлем, каска, шишак.

[231] Бадана – панцирь, кольчуга, боевое одеяние.

[232] Күрмө – безрукавка.

[233] Соот – панцирь (боевое одеяние).

[234] Кисепче – маленький круглый мешочек изготовленный из кожи, который привязывают к ремню.

Всё я сделаю сам, сполна.
Ну, а латы же – *чарайна*[235], –
Чтобы сердце хранить от стрел,
Кто бы сделать, как я, сумел?
Кюрёёкё[236] пусть пошьют – халат
Я украшу сияньем лат,
Он врагов ослепит за взгляд –
Это будет мой личный вклад,
Так же дело моих же рук:
И ружьё, и волшебный лук,
И копьё, и топор-*тунук*[237],
И такой богатырский меч –
Сам он головы сносит с плеч.
Знаки неба на ножнах сам
Я смогу написать. *Аалам*[238]
Не рождает надежды зря.
Пусть живёт в том мече заря.
Сам я сделаю (но – даря!)
Снаряженье богатыря.
Есть предчувствие у меня.
Придержи-ка, Бакай, коня,
Не спеши ты к себе в село,
Время судное не пришло;
И назад не поедем – зло
Там в село Жамгырчы вошло.
Поохотимся здесь – *кулжа*[239]
Нас прокормит в холмах. Душа
Говорит: Кошой-*падыша*[240]
Собирается к нам, спеша.
Нам бы надо еще в пути
Задержаться до дней шести.
Тюлёёкё, поезжай вперёд,
Что-то сердце тревога жжёт;
Ты Кошою скажи, сынок,
Чтоб из многих других дорог
Он лишь нашу бы выбрать смог.
Не порок – осторожность впрок:
С Самаркана теперь пойдём
По ночам мы. В пещерах днём,
Словно это наш добрый дом,
Будем кушать и спать. Потом –
Только звёзды рассыпет свод –
Отдохнувшие, мы вперёд
Будем снова идти. Не ждёт
Тех беда, кто её в обход
Умудряется обойти.
С этой вестью, давай, лети!»

Тюлёёкё поспешил на склон,
Где Кошой к ним сбирался; он
Всё как есть рассказал. Кошой
Понял сразу – умом, душой
И чутьём своим – неспроста
Надо встречи менять места,
Ведь надёжнее нет щита,
Чем предвестье и полнота
Знаний: где, почему, куда.
Разъяснения без суда
Принял сердцем Кошой. Всегда
Бёлёкбаевская черта –
Всё предвидеть, – спасала их
В бедах, в трудностях всех былых.
«Жамгырчы, Бёлёкбай, Бакай
Так сказали – ты поезжай
К ним навстречу, но выбирай
Те дороги, где невзначай
На подвох не нарвёшься вдруг,
Потому примечай вокруг:
Конский след ли, примятый куст,
Иль на слух непонятный хруст.
Мир под солнцем всегда не пуст,
Лучше звёзды мерцают пусть».
Лишь закончил Тюлёёкё,
Всё представил Кошой легко:
Как идти и куда – ведь он
Местность вызнал со всех сторон
И считать не привык ворон,
Если надо беде заслон
Быстро выставить. В *кёкбёру*
Он всегда побеждал – игру

235 Чарайна – латы.
236 Күрөөкө – халат из златотканой шёлковой материи.
237 Тунук – лучший, настоящий.
238 Аалам – мир, вселенная.
239 Кулжа – июнь.
240 Падыша – царь.

Жизнь подбросит всегда. К утру
Оседлал он Тоотору,
Взял в дорогу оружье, снедь –
В планы ведь не входила смерть, –
Тюлёёкё с Койкелди с собой
Он забрал, и как будто в бой
Вышел в путь он из Атбаши.
В мире не было ни души –
Так казалось: вокруг стрижи
Рисовали всё виражи,
И дорога на Самаркан
Так петляла, как будто пьян
Был творец её – иль смутьян,
Убегающий от мирян.
Холм дремал, как огромный лев.
А Тоottору, захмелев
От настоя росистых трав,
Всё косился на холм, свой нрав
Показать ему пожелав.
И когда весь холм златоглав
Стал в закатных лучах, Кошой
Вдруг почуял своей душой
Тёплый отзвук родимых душ:
Шёл, по-прежнему неуклюж,
Жамгырчы впереди друзей
И весёлой ватаги всей:
Белоснежнейший *алп* Бакай
И хромой кузнец Бёлёкбай,
Сын Тёлек, Калтырбаш, Шыгай,
Байтёлён, Бёдёнё-слюнтяй,
Вся семья его с ним, Мажик,
А с Мажиком – знакомый лик:
Великан – лишь с Балта сравним,
И под стать ему конь под ним –
Голубее небес окрас.
Как ты вырос, батыр Манас!

Обнялись, завели расспрос:
Как дела? Как здоровье? – прост
Ритуал этот, крепкий мост
Над потоком разлук и грёз.
Разговор перетёк в совет:
За вопросом любым – секрет,
Все узлы развязать вослед –
И у мудрых терпенья нет.
Слово взял великан Бакай:
«Наш Кошой – *олуя*[241], считай,
Хоть не старец, но этот край
Лишь умом его жив, – не рай,
Но им станет, в конце концов!
Нас здесь семеро мудрецов,
Байтёлён, Жамгырчы, Шыгай,
И, конечно же, – Бёлёкбай,
С нами – божий посол *элчи*.
Помолчи пока, Жамгырчы!
Мы – одной лишь звезды лучи,
Свет рождаем один в ночи –
Об одном нам дано болеть:
Обречён наш народ на смерть,
Коль бездействовать будем впредь,
На потраву молча смотреть.
Даже небо дало нам шанс,
Что подвигнуть на дело нас:
Ведь посланец небес Манас
Дан кыргызам, чтоб род наш спас.
Ведь *калмаки*, не мы, детей
Ещё в чреве у матерей
Убивали, чтоб бунтарей
До рожденья сгубить верней.
Не однажды гремел уж гром,
Над кыргызским родным двором:
И *шамшаром*[242], и топором
Нашей крови несут урон,
Не давая дышать в домах:
Это ж надо! – *калмак*-монах
И в постель к нам засунул нос:
Что за плод, мол, им бог принёс?
Как баранов нас сторожат,
Могут вылить грязи ушат
На любого из нас: вершат
Суд без правил – мол, *шариат*!
Ну, а наших традиций суть –

[241] Олуя – человек высокой нравственности и умудрённый житейским опытом (*гл. обр.:* богатырь почтенного возраста). Святой, провидец.

[242] Шамшар – меч, сабля, кинжал.

Шарапат[243] и по чести суд –
Всё затоптано в пыль давно.
Мы, – упав, ощутили дно,
Оттолкнуться пора! – дано
Сеять в душах своё зерно
Лишь тому, кто умами масс
Может с детства владеть. Манас,
Плоть от плоти кыргызов ты,
Весть согрела сердца, мечты –
Только весть! – что родишься ты,
И тобою уже горды,
Хоть вчера ты ещё – с пелён.
Без обид, ты уже силён,
Вырос, даже взрастил зерно.
Ты пойми, мы все – заодно,
Рады мы тебе, молодцу,
И сегодня лицом к лицу
Мы увиделись, юный лев.
Наши души собой согрев,
Стал теперь ты одним из нас,
Наш сподвижник, герой Манас!
Жизнь свою и судьбу внаём
Больше мы теперь не сдаём,
Чтоб спасти свой родимым дом,
Кроме смерти спешить во всём
Надо нынче. да нет – вчера!
Снаряженье богатыря
Не у сельского кустаря,
Будет сковано – для царя
Мастерит кузнец Бёлёкбай.
Наше время настало, знай!»

Речь закончил свою Бакай,
И Кошой, не стерпев, в припай
К ней добавил пожёстче фраз;
Вслед за ними сказал Манас:
«*Зор*[244] Бакай, *олуя* Кошой!
С благодарностью к вам большой
Мой поклон, – где бы я нашёл
Снаряженье себе, ещё
И соратников целый клан? –
Только с просьбой хочу я к вам
Обратиться, ведь общий план
Свергнуть иго *калмаков* дан
Духом предков кыргызов всех,
И они-то сулят успех,
В этой трудной борьбе тому,
Кто сподобится по уму
В снаряженье – всех войн каркас –
Взять не абы какой балласт.
Я не помню. но чей-то глас –
Да, небесный во сне *абаз*[245], –
Мне велел: «Поищи, Манас,
Меч по имени *Ачалбарс*[246]
И ружьё к нему – *Алмабаш*[247]».

Жамгырчи засмеялся: «Наш
Богатырь лишь на вид – милаш,
Разве девять ему ты дашь?
По уму – так умножь на пять!
Я-то думал: мы можем ждать
Пока он подрастёт, малыш,
Но, однако же нет, шалишь:
Он ведь рвётся на бой, *шашма*[248],
От большого, гляжу, ума,
Коль волшебные закрома
Распахнула судьба сама!
Вот ты здесь, Бёлёкбай, стоишь,
Что ты скажешь на то? Молчишь?»
Бёлёкбай кашлянул в ответ
И сказал, помолчав: «Во вред
Да в нагрузку для ноши бед
Не кую я мечи. Секрет
Лёгкой прочности дал мне дед,
И молчания взял обет.
Сивогривый[249] Манас, могу
Перечислить я на бегу,
Чем герои в своём кругу

[243] Шарапат – благородство, честь.
[244] Зор – большой, громадный.
[245] Абаз – голос.
[246] Ачалбарс – грозный меч.
[247] Алмабаш – название богатырского ружья.
[248] Шашма – торопыга.
[249] Сивогривый – көк жал, эпитет волка.

Любят хвастать назло врагу,
Что из их снаряженья я
Смастерил бы, секрет тая:
Ну, во-первых – меч *Аркескен*,
Даже, нет, – можно *нар кескен*[250],
Изворотливый, словно лис,
Чтоб сгибаться он мог как лист
Не ломаясь – как брат-кыргыз:
В гуще ада, но сердцем чист.
Он коварен, *испан*[251], ведь он
Очень остр со всех сторон,
С ним не выдержит бой никто:
Взад-вперёд коль махать им, то
Зараз двести без головы
Он оставит бойцов. Молвы
Не достанет всех перечесть;
В грудь ударишь врага, а снесть
Снова голову сможешь им;
Камень, дерево – словно дым
Разрубает булат-*испан,*
Среди прочих булатов – хан,
Он распилит и ятаган,
Как древесный простой чурбан;
Не починишь и не срастишь
То, чего он коснётся лишь,
А к концу же больших боёв
Сам краснеет он, словно кровь,
Что пролил он, впитал в себя.
У хозяина с ним судьба
Так сплетается, как резьба,
Словно вмешана ворожба;
В ножнах, кажется, – мал совсем:
Весь сожмётся на пядей семь;
А вытаскиваешь – глядишь:
Ровно в сорок длинней *арыш*[252],
Этот меч. Он растёт на звук:
Словно пламя в нём вспыхнет вдруг,
Ствол чинары он как курдюк
Полный жира разрубит, друг!
Если камень как печень враз
Его лезвие напоказ
Рассекает. Скажи, Манас,
А не твой ли он *Ачалбарс*?
Называют его волхвы
Так, но тайно, – из-за молвы.

Алмабаш, – и такой знаком,
Он под тот же идёт закон:
Много разных ему имён
В мире дадено, чтобы он.
А скорее – оно, ружьё, –
Не притягивало ворьё,
Хитро спрятавшись за враньё.
В нём главнее всего – сырьё:
Из Китая – *кызыл кырым*[253],
Урумчанским[254], не горновым, –
Нет, – железом совсем иным
Мы начало работ снабдим:
Чтобы вышел *баранг*[255], как сон,
Тот, которым Манас пленён,
Мы добавим чугун – слегка
Чтоб проварен до кипятка;
Из железа лишь сделать всё –
В крайность сразу нас занесёт:
Очень длинный ствол не спасёт,
Нужен сильный нам огнемёт,
Да, – сверкающий *Аккелте*,
Чтоб заряд, как птенец в гнезде
В нём уютно лежал, но бдел:
В нужный миг чтобы он взлетел,
Попадая мгновенно в цель!
С этим долгая канитель:
Середину сточить, откель
Вылетает заряд. Прицел
С дулом выверить до крупиц.
Для точнейших таких вещиц

---

250 Наркескен – хорошая сабля, булатный меч.
251 Испан – меч, который изготовливали в Персии в городе Исфахан.
252 Арыш – шаг, размах.
253 Кызыл кырым - хорошо сделанный, отличного качества.
254 Урум – происходящий из страны Урум.
255 Бараң – пистонное ружьё. Отличие от кремнёвого фитильного; встречается различными определениями: ак бараң, көк бараң, кара бараң, сыр бараң – такие определения, видимо, объясняются внешней отделкой ружья.

Занимаю уменье птиц –
Весь я ввинчиваюсь в винтаж:
Всё возьмёшь, если всё – отдашь.
Сивогривый, учуял суть?
Чугуна я сварю чуть-чуть,
Вверх *урум* положу, вторым –
В дуло – красный *китай-кырым;*
Вся основа – из трёх желез,
С громким голосом – до небес
Будет ствол, и огонь, и дым:
Хочешь – в пушку тот ствол клади,
И с *уркёр боо*[256] впереди
Будешь вовсе непобедим.
Койчагыр[257] или *очогор*[258], –
Назови хоть вершиной гор,
Переделай хоть в *замбирек*[259], –
Ствол прослужит тебе весь век.
Но учти: может сам собой
Ствол, услышав, к примеру, вой
Или громкий ещё какой,
Но тревожащий звук, – покой
Он прервёт и, стреляя сам,
Вдруг устроит такой бедлам!
Даже тополь, хоть тугодум,
Вряд ли выдержит этот шум.
Как же: бронзу, чугун, свинец,
Если сплавит в одно кузнец,
Да железом покроет верх,
Чтобы дыму не дать прорех,
В щели все забивая медь.
Грянет выстрел, несущий смерть:
Вздрогнет даже земная твердь,
Мир качнётся, и круговерть
Всех времён, всех устоев, вер
Пошатнется, качнув моря,
Горы, долы, вовсю дуря:
Вслед закату взойдёт заря,
Загорятся дожди, искря,
Петухом будут куры петь
И осёл затрубит как медь,
И завоет в лесах медведь,
И, как будто попали в сеть,
Все забьются в бешиках вдруг
Детки, выстрела слыша звук.

Разве это нам надо, друг?
Доверяя уменью рук,
Буду мушку сверять на глаз,
Коль понадобится, сто раз;
Дуло так отшлифую, чтоб
Если надо, то пулю в лоб
Хоть взлетевшему в ночь сычу
Мог влепить бы, коль захочу.
Чтобы выстрел искал врага,
Научить его недолга́ [260]
На живое тепло слегка
Разворачивать и стрелка,
Чтоб он в цель попадал всегда,
И другим бы не нёс вреда.
Дуло круглое *Алмабаш*
За которое всё отдашь,
Без приклада оно – багаж,
Нужен к дулу хороший страж.
Долго буду бродить в лесу,
Но оттуда я принесу
Гладкий, крепкий и прочный ствол:
Есть деревья – и лань, и вол,
Есть деревья – и тигр, и лев,
Есть деревья – ручьёв напев,
Есть – как нежные руки дев,
Есть – как скал монолитный гнев,
Есть деревья – железо, медь.
Как научен на них смотреть
Каждый мастер – такая впредь
Им и выпадет доля: смерть
Или жизнь, но в другой судьбе.
Всё на свете, скажу тебе,
Подпадает под чей-то взгляд,
Рад ты этому иль не рад, –
Это к слову. Я на приклад,

256 Үркөр боо – большая пушка. Ходили с ней в бой, навьючив на вола.
257 Койчагыр – название старинного ружья.
258 Очогор – род богатырского ружья.
259 Замбирек – переносная пушка.
260 Недолга́ – только и всего.

Отшлифованный как агат,
Чёрной стали прилажу кант,
Разверну во всю мощь талант,
Чтобы даже попасть в копьё
Мог, имея моё ружьё,
Богатырь сивогривый наш.
Вот тогда это – *Алмабаш*!

А теперь о копье. Опять
Буду дерево выбирать,
Чтобы гладкая рукоять
Могла руку бойца ласкать,
Чтоб не мог её ни сломать,
Ни согнуть, ни отнять бы тать;
Синей сталью я укреплю
Всё копьё, как я сам люблю;
Наконечник сточу на нет,
Сталью чёрной закалки вслед
Укреплю я – комар, и тот,
Жалом будет потолще, – вот;
А ещё говорит народ:
Коль свиную мочу попьёт
Наконечник копья, то он
Будет бешенством заражён.
Рукоятку копья смогу
Разнотравьями на лугу
Расписать – на двенадцать лун,
Как меня научил ведун:
Тридцать две будет древних рун
Там записано, и в канун
Полнолуний копьё всегда
Будет раны лечить, – нужда
Вдруг в безлунье придёт, тогда
Заморозит не хуже льда.
Будут сказочники слагать
Свои песни – мол, исполать
Приумножила благодать,
Что с оружием вместе дать
Я герою могу. Ну, что ж,
Сказка – это не только ложь,
Но ещё и намёк: возьмёшь
Если с верой обычный нож, –
Лишь бы мастером сделан был, –
Все сомненья уйдут в распыл:
Столь в себе ты почуешь сил!
Впрочем, я – о копье пока.
Чтобы не потела рука,
Когда жизнь стоит на кону,
Древко бронзою оберну –
Если летом вступать в войну.
А настанет зима – сниму:
В тонкий бархат, в тончайший сорт
Я копьё оберну, – расход
Просто мелочь, поверь, когда
Подступает, грозя, беда,
И замёрзшая в лёд рука –
Просто гнутая кочерга.
Кстати, бархат не даст копью
Поломаться в любом бою:
Будет гнуться, но суть свою
Не откроет небытию!
Когда тигр мой пойдёт, грозя
На противника, то нельзя
Выдать имя копья. Друзья,
Назовём его *Сырнайза*[261]!
Пока есть на земле *алаш* –
Род любимый кыргызский наш,
Будет имя звучать всегда:
Не меняет же ведь звезда
Своё имя – идут года
И века, – а она всё та.
Пусть прославит же *Сырнайза*
Наше время, наш род. Нельзя,
Чтоб травой заросла стезя,
Нас в забвение унеся.
Каждый знак ведь – ружьё, копьё,
Меч ли, имя, – и бытиё
Раскрывается как цветок
Для того, кто заметить смог
Этот маленький пустячок:
Знак ли, звук ли, шитья клочок.

Эк, заносит меня всегда,
Понимаю, что – не туда,
Это, видно, уже года.
Перейдём-ка мы к *Айбалта*[262]*!*

[261] Сыр – тайна, секрет; найза – копьё, пика.
[262] Айбалта – бердыш.

Чтоб сработать простой бердыш,
Надо быть бы здоровым лишь,
Ясно: там мастерство, сырьё,
Я б добавил ещё – чутьё.
Но решают здесь всё меха,
Это вовсе не чепуха –
Бычьи крепкие кожуха:
Мастер слаб если как блоха,
Лишь раздует меха – умрёт:
Не умеет дышать народ!
Из-за шкур этих вновь пойдёт
Сколько новых быков в расход,
Сколько леса еще сожжёт
В своей кузнице мастер в год!
Без лесов этих сколь озёр
Ветер высушит в прах! Топор –
Если вникнуть, – железа кус,
Да из дерева крепкий брус.
Что тут хитрого, мол? Обуз
Так боится Манас в нагруз,
Что вот тут-то зарыт секрет:
Коль сырьё тяжело – запрет.
Лёгкость, прочность, удобство. Нет
У железа таких примет!
Можно лёгкое древо взять,
Бронзой тонкою обмотать –
Рукоятки упрочив стан,
Будет лекарем и для ран:
В бронзу быстро уходит яд:
Стрелы с ядом всегда летят.
Укрепить рукоять могу
Грубой шкурой – слонов, *бугу*[263],
Сил прибавят, когда к врагу
Ты приблизишься на бегу.
Он твой друг, твой *чоро*[264]*:* бердыш
Повернёшь рукояткой лишь –
В *чокморчо*[265] превратится он,
Повернёшь вперёд остриём –
Айбалта он. Как два в одном:
Может быть топором, дубьём,
Даже тростью – коль станешь хром.
И топорик я небольшой
Тоже сделать могу с душой:
Ты заткнёшь его за ремень:
Он не слон, а скорей – олень:
Быстрый, лёгкий, удобный он,
Будешь просто в него влюблён.

Да, о шлеме чтоб не забыть:
Буду девять слоёв я лить,
Богатырская *туулга*
Чтоб сияла, слепя врага,
И прочна чтоб была, легка,
Не мала и не велика;
Бадана же – кольчугу, я
Из колечек сплету, тая
Тот же древний секрет: прочна,
А полегче ведь чапана,
Она – панцырь, *соот,* и есть:
Что же лишнюю тяжесть несть
В поле боя богатырю?
Латы тонкие смастерю –
Как нагрудный лишь щит от стрел.
Весь в железе – такой удел
Пожелаю я лишь врагу.
Но Манаса уберегу
По-другому: пусть *Буудайык*[266]
Акбалта свой пришлёт, чтоб лик,
Горло, шею и плечи встык
Враг в бою не задел бы в вмиг.
Залатаю его, где связь
Между нитями прервалась:
Шёлком, золотом лишь чинить,
Я начну, буду сталь пилить
Тоньше листика – чтоб вложить.
Кюрёёкё надо так же шить:
Слой один – волокно, второй –
Белый хлопок, и шерсть – другой,
Между ними – тончайший слой
Из железа, и золотой

[263] Бугу – самец оленя или марала.
[264] Чоро – ближайший сподвижник эпического богатыря.
[265] Чокмор – дубинка утолщением на конце (орудие рукопашного боя); Чокморчо – маленький чокмор.
[266] Буудайык – сетка из-под шлема, закрывающая шею, лицо; (от Буудай – портновская нарезка, ветошь).

Пылью словно набросить сеть.
Ни мечом тогда не рассечь,
Ни копьём не проткнуть никак.
От огня начерчу я знак:
Волшебство – это мастерство
Привнесённое в естество
Сотворённых с умом вещей.
Вряд ли пулей пробьётся чьей
Или холодом злых ночей
Тот тулуп, что с руки моей
Носят много богатырей.

Сыновей я возьму с собой,
Мы отыщем чутьём забой
Рудника, что наш предок рыл,
А захватчик о нём забыл.
На волшебных стоят ручьях
Рудники, их охрана – страх;
Знаю также, где есть в горах
Для железа сырьё: как прах
Есть зелёная глина – в ней
Лёгкость пуха, но дух камней:
Не разрушить, не разрубить.
Будем склон на Кебезе рыть,
С этой глины очаг лепить
И железо в нём плавить, лить.
В Кермее-тоо найдём *кырым*,
В Ала-Тоо – *урум*. Глядим:
За огнём-то повалит дым,
Не проклюнулся б господин.
И его коль мы победим,
Есть вопрос, да и не один:
Где ковать это – в небесах?
В Самарканских сквозных лесах?
Хватит этих деревьев, нет?
Где возьмём мы, коль не секрет,
Столько золота, серебра
Да и прочего к ним добра?
Кстати: с собственного двора
Как свой скот увести?.. Пора
Вспомнить мудрость: богатство тронь –
С ним уйдёт молодец и конь,
А за ними – верблюд с седлом,
За арканом – мешок с добром.
В общем, снова я не о том.
Обеспечите всё – трудом
Я воздам во сто крат, притом
За два года создам запас
Снаряженья. Пока Манас
Молод, – девять ему сейчас,
Пара лет, значит, есть у нас,
И к одиннадцати годам
Я готовое всё отдам!»

Тут замолк Бёлёкбай, и дух
Перевёл, обратив свой слух
К возраженьям, поправкам, но
Все с ним думали заодно:
Вроде, всё уж обсуждено.
Иноходец всхрапнул – *ойноо*[267].
Белый ус покрутив, Бакай
Так ответил: «Богат наш край.
Много золота под землёй,
Много воздуха над землёй,
Много солнца, озёр с водой,
И немыслимый травостой –
Много есть скота на земле.
Всё, что ты найти нам велел,
Бёлёкбай, – на себя беру
И не будем мы в *кёкбёру*
На бахвальство своё играть,
Друг у друга долг отбирать.
Всё могу на себя я взять:
Прежде – дело, не исполать[268]!»

Тут закашлялся вдруг Кошой:
«Эй, не спорьте, друзья! Большой
Я поведать хочу секрет,
Пока рядом шпионов нет.
Орозду, наш великий дед,
Только белый покинул свет,
Как *калмак* налетел на клан:
Алооке, Банускан, Дёёкан,
К ним добавился Оронгу.
Ваши уши поберегу:

[267] Ойноо – резвый, шаловливый.
[268] Исполáть – слава (*старорусск.*)

Что творили они с людьми!
На словах-то между детьми
Поделили они края,
Этой сделки изъян тая:
Изначально с далёких пор
Был *калмаком* захвачен *тёр*
И войны не зарыт топор.
Разгорелся такой сыр-бор!
Там никто победить не мог.
Чтоб на страсти надеть *оймок*[269],
Имя дал нам *калмак*: *калдык*[270],
И Кошой-великан привык –
Мой предшественник, – звать народ,
Что упрочил его же род.
Только имя *калдыкыргыз*
Стало вянуть, как жёлтый лист,
И как будто тянуло вниз:
С ним мы попросту разошлись,
От него лишь *каракыргыз*
Оставалось – *калмакский* лис
Так с высот своего ума
Принижал: мол, темны вы. Тьма! –
Вот нас сколько: *кара*[271]! – в тиши
Края дивного – Атбаши,
Мы живём; в глубине души
Носим всё, чем *калмак* решил
Уязвить нас. Арпа, Жазы
И просторнейший наш Аксай –
Вот он, щедрый кыргызский край,
Здесь земля – настоящий *май*,
Скот на травах жиреет, знай –
Отгоняй лишь на выпас; нет
Недостатков у наших мест.
Для сырья на любой заезд,
Чтоб забрать за один присест,
По четыре мешка я дам,
И, конечно же, к ним – аркан,
Чтоб мешки прикрепить к горбам.
Да, – верблюдов я тоже дам:
Холощёного, что двугорб,
Одногорбого – больше торб
Можно вьючить, не так он горд,
И на шаг он поболе скор;
Дам и скот, на троих – седло,
Чтобы не было тяжело,
Надо будет менять в пути;
Для верблюдов седло найти
Я смогу, не для всех, но есть:
Ведь двугорбых-то тысяч шесть,
Одногорбых же – меньшинство:
Лишь одна. Тысяч семь всего.
Да… Аркан – чтоб тянуть. Мешок.
Без мешка кто б осилить мог
Самый малый сыпучий груз?
Не найдётся такой, боюсь.
Бёлёкбай, загляни в мой сон:
Об одном лишь в любой сезон
Вижу сны, что кыргыз спасён
От насилья, и счастлив он
На земле, где в любви рождён.
После этого сможешь ты
Мне не дать исполнять мечты?»

Отвечал Бёлёкбай: «Кошой,
Всё приемлю со всей душой,
Но, послушай, я Тюлёёкё
За сырьём пошлю своего.
Хватит выделить одного
Лишь верблюда – зато его
Не увидит наш враг, заметь.
Если хочешь ты скот иметь,
То сплети себе прежде плеть, –
Так народ говорит. Хотеть –
Первый шаг на пути к "иметь".
Тюлёёкё, можешь сей же час
Отправляться ты в путь. Горазд
Ты семь тысяч голов скота
В Самаркана леса, сюда,
С грузом, сам нагрузив, пригнать?»
Жамгырчы их прервал опять:

[269] Оймок – напёрсток.
[270] Калдык – остаток, пережиток, потомок.
[271] Кара – 1. чёрный, тёмный, вороной; 2. множество ч.-либо; 3. силуэт, очертания; 4. без примесей; 5. опора; 6. грамотность; 7. печаль, траур; 8. злой дух;. 9. простой, безыскусный.

«А *калмак* ведь всегда с трудом
Верит нашим кыргызам в том,
Что они, ему строя дом,
Не воруют сырьё притом.
Ах, как мучаются! – ворьё
Видит в каждом нутро своё:
Кто кирпич, мол, кладёт, – кирпич
Украдёт, если камень. Притч
Очень много у них, а дичь
Сами тащат у нас, опричь
Тех, кто любит охоту сам.
Я к чему. Доверяй словам,
Что дают наши люди. Нам
Дал Манаса святой *асман*,
И его не предаст наш род.
Пусть два хана с тобой идёт:
Жамгырчы и Шыгай – других
Добавлять мы не будем, лих
И не дремлющ наш враг, чужих
Нам не надо, полно своих:
Десять тысяч простых людей
С провиантом и жаждой дел,
С ними буду я сам – удел
Мой: следить, чтоб народ был цел.
А то я, как валун, замшел.
Если враг нападёт, то он
Пожалеет, что был рождён.
Бёлёкбай мой, секрет открой:
Где наш клад, под какой горой?»

Бёлёкбай рассмеялся так,
Что морщинки все на щеках
В ямки спрятались. Торопясь
Он сказал: «Несомненна связь
Намерений твоих и слов;
Что ж, пожалуй, что будь готов:
Из людей, что идут с тобой,
Человек пятьдесят с лихвой
Хватит; золото-серебро
Дай с собой, дай ещё добро,
Пусть идут в Чонопол – на склон,
Много прячет, что нужно, он;
На низине же Кебез-Тоо
Есть кыргызы, бог знает кто,
Но умеют они зато
Быстро землю копать – никто
Не сравнится с уменьем тем;
Их найми дня на три, затем
К Керме-Тоо иди: вон там,
Если верить моим глазам
(Рыл в четыре шага я твердь!) –
Кызыл-золото, *кызыл*[272]-медь.
На верблюдах Кошоя в путь
Твои люди пойдут, и пусть
Десять тысяч их будет – будь
С ними сам ты, но не забудь:
Сил оставь для всего чуть-чуть, –
Обещая, ведь бил ты в грудь,
Что валун ты! На Ала-Тоо,
Где ещё не бывал никто,
Есть металл там *урум*, мой сын –
Тюлёёкё – поведёт с низин
Тоже тысячу человек
На верблюдах. И мой Тёлёк
Так устал от моих опек,
Что с тобою, Жамгыр, в набег
Тоже хочет, гляжу, идти.
Что ж, поможет скорей найти.
Собирался и сам Кошой
Ехать с вами. Но за душой
У людей остаётся кто ж?
Кто с Кошоем великим схож,
Чтоб его предъявить вот так,
Если явится вдруг *калмак*?
Он заметен. Конечно, с ним,
Два-три рейса вы лишь одним
Заменили бы, но гоним
Без огня всяким ветром дым.
Вот вопрос. Но суть дела в том:
Быть помощником иль щитом?
Если зараз сюда свезём
Всё сырьё – что нам лай вдогон?
На пять тысяч верблюдов груз
Разделить, да к тому же пусть
Десять тысяч скота к ним встык
Припахать – привезём рудник!
Чем два раза туда-сюда,
Лучше мучиться раз – беда

[272] Кызыл – красный; крепкий; румяный.

Не должна прилипать тогда,
Когда жаждет душа труда!»
Согласился Кошой, засим
Всех сомнений тревожный дым
Вмиг рассеялся; как один
Делом занялся всяк своим.
Бёлёкбай лишь сказал вдогон:
«Пусть Бакай остаётся – он
Здесь поможет: и весь народ,
Что давал Жамгырчы, ведёт
Вдоль горы: мы растянем всех,
Пусть копают, нас ждёт успех.
После дров наберём в лесу.
Богатырскую кузню всю
Мы затопим. Не хватит дров –
На болотах нарежем торф
И просушим, да, – как помёт.
Нас родная земля поймёт:
Даст нам уголь – и не в горсти,
Кучу выше горы взрастит,
Надо лишь силача найти,
Пусть колодец в её груди
Он копает. И загудит
Пламя жаркое, раскалит
Всю поверхность. Как молоко
Закипает над очагом,
Так польётся железо вмиг:
Красно-синий живой язык.
В снаряженье для льва, клянусь,
И ещё стократ повторюсь:
Я вложу всё уменье – пусть
Сам сгорю от кипенья чувств!»

Претворились слова в дела.
Докрасна, потом добела
Раскалились и камни. Мгла
По ущельям вниз поползла.
Глядя в пламя, сказал кузнец:
«Наблюдай, *ал* Бакай, – конец
Проворонить нельзя: венец
Всей задумки – чтоб наконец
Верх огня стал бы не кровав,
И не синь, как изнанка трав,
И не жёлт, и не златоглав.
Как *каймак*, побелеет сплав –
Он готов! – и трудов не жаль:
Потечёт не железо – сталь.
Нужно сплавов три вида, здесь
Нам поможет упрочить смесь
Три стихии: огонь, вода,
И земля – то есть глина. Да,
Эту сталь можно без вреда
Гнуть как хочешь – она всегда
Будет гибче чем десять змей.
Если в глине на сорок дней
Сталь оставить – тогда на ней
Ржи не будет вовек. С камней
Соскользнёт, не прилипнет кровь.
Весь секрет мой: к труду любовь.
Вот огонь наш погас. Но жар –
Трёх стихий драгоценный дар, –
От четвёртой должны сберечь:
Закопали. Закрыта печь.
Что ж, четвёртой стихии течь
Можно вольно: пусть ветер с плеч
Горных склонов сметёт следы
И огня, и его среды.
Сорок дней подождём, потом
Ачалбарс мы в земле найдём!»
И добавил кузнец, тая
Под усами усмешку: «Я
В своём деле стал *олуя*!
Небо даст мне и даст земля
Сталь чтоб выковать меч, ружьё,
И бердыш, и ещё – копьё, –
Даст всё это лишь верхний слой;
Даст мне латы и шлем – второй;
О металлах таких с мольбой
Мастер в ад бы пошёл и в бой.
Третий слой мне даст, наконец,
Бронзу, чёрный чугун, свинец,
Пули точные с *алмабаш*
Тигр Манас заимеет наш.
Мой наперсник, Бакай, мой друг
Получил ты их первых рук
Все секреты мои – не вдруг
Получается из потуг
Настоящее – вот закон.
Для врагов обернётся он
Той тоской – на века, не дни, –

Чем нас потчевали они!
А теперь на число взгляни:
Ведь пятнадцатое! Огни
Всей *кулжи* потекли на спад.
Понедельник – он день-заклад:
Для начала всех дел он дан.
Пусть Жамгыр, объявив *азан*[273],
Масло льёт, раскалив казан,
Да зарежёт кобылу нам».

Свою кузницу Бёлёкбай
Оборудовал как *Сарай*:
Этажей было целых пять,
Мог табун бы там погулять,
Но не жаждущий исполать
Сам кузнец не пускал на пядь
Заглянуть никаких гостям:
Лишь подручные и он сам
Заходили туда. Слегка
Мы заглянем, но вполглазка:
На ноге кузнеца – доска,
И верёвка в руке; с броска
Бьёт он молотом. Грохот, звон.
Подмастерья же вчетвером
Держат будущий меч, и пот
С них как ливень ручьями льёт.
В этом дымном чаду они –
Приглядишься лишь, – не одни:
Восемь трудятся кузнецов,
Восемь молотом бьют, юнцов
По четыре у них опять;
Тот *барскан*[274] не дано поднять
Человеку со стороны.
Всюду искры летят, они
Словно вечного пекла дни
Так малы по сравненью с тем,
Что в плавильнях кипит. Не всем
Удаётся стереть свой пот –
Льётся оземь, стоит народ
По колено уж в лужах тех,
Что с людей натекли. Успех:
Это, прежде отдачи, пот,
А потом уж и бог даёт.
Понедельник – он день-зачин?
У не знающих сна мужчин
Он – венец завершенья дел,
Для которых семь дней потел,
А для мастера – тот предел,
За который уйти хотел.
Меч к ручью принёс Бёлёкбай,
Смазал тщательно – конский *май*
Для него он давно припас;
Заслоняя от солнца, в грязь
Закопал он его, делясь
Самым ценным с землёю: связь
Мастеров и земли – секрет,
Для которого слова нет.
Желчь змеиную, рыбий жир
За неделю собрав для *сыр*[275],
Меч отрыли, в душно́й кошме
Принесли; он лежал во тьме
Ещё ровно неделю, зрел;
А когда он в жиру «доспел»,
Сам кузнец, всех прогнав, его
Развернул: чтобы волшебство
Не спугнуло ни хвастовство,
Ни, тем более, озорство.
Позолотою меч облив,
Сам – внимателен, терпелив, –
Бёлёкбай на златой цепи
В шесть слоёв замотав – «Терпи!» –
Меч повесил на солнцепёк;
Сам взял лук да ещё чеснок,
Чтобы выжать их едкий сок;
С молоком размешал; клинок
Окунул в состав, подогрев.
Меч на миг зарычал как лев,
Пламя красное с острия
Полыхнуло, но как змея
Внутрь втянулось. К мечу кузнец
Сделал ножны – почти ларец,
Где короны царей хранят:
В красном золоте весь оклад,
В серебре же – кольцо внаклад,

[273] Азан – призыв к молитве мусульман.
[274] Барскан – кузнечный молот.
[275] Сыр – полировка, покраска; тайна.

Чтоб удобнее брать булат,
Что был пядей семи внутри,
Ну а вытащишь – посмотри:
Целых сорок шагов-*аршын*!..
Солнце, вдруг соскользнув с вершин,
Заиграло на острие,
Пламя вспыхнуло. Бытие
Заиграло для кузнеца:
Ведь свершенье – триумф творца!

Чонжинди с *Ачалбарс* в руке
Огляделся вокруг – в леске
Был в четыре обхвата ствол, –
И подумал: а если, мол,
Так представить, что ствол – мой враг,
Сам-хозяин; он для атак
Всю листву, свой народ, собрал.
«Хватит сил моих за удар
Отразить нападенья шквал?
Если нет – для войны я мал».
Вынул меч он из ножен вмиг,
Рубанул. Ствол стоял. Мажик
Лишь потрогал его: настиг
Словно вихрь чинару: сник
Весь огромный могучий ствол,
Рухнул он, сотрясая дол:
Был он срублен, но чисто так,
Что стоять продолжал, бедняк.
Дал Мажику свой меч Жинды:
Мол, попробуй теперь и ты!
Тот согнул как зелёный прут
Ачалбарс, захотел свернуть,
Гнул, как мог, целых пять минут,
Отпустил – словно гибкий кнут
Распрямился, как не был гнут,
Утолив любопытства зуд.
«Да, кузнец Бёлёкбай – *уста*[276]!
Его ценят все неспроста:
Как сказал – так и сделал он!», –
Был Манас удовлетворён
И поверил: вооружён
Для сражений грядущих он!

В это время копьё кузнец
Дорабатывал: на конец
Сталь острил, что он звал «кара» –
Тоньше жала у комара;
Он в свиную мочу с утра
Погрузил, чтоб была остра,
Чтоб разила врага под дых,
Но излечивала своих;
Белой сталью литой вокруг
Обернул для удобства рук,
А на древко пустил он ель –
Голубую её метель
Заприметив в лесу давно:
Было, видно, так суждено,
Что её белотелый ствол
Для Манаса в копьё пошел.
Ровно дюжина граней: в них
Руны древние – то ли стих,
То ль молитвы. Их тридцать две,
Словно вышиты по канве.
Бронзой тоненькой рукоять
Обмотал – чтоб удобней брать,
И держать, и колоть, метать.
Что случится в бою, как знать?
Сверху бронзы же – бархат: он
Руки греет зимой – спасён
Этой мелочью может друг,
Коль метель закружилась вдруг.

Ну, а дольше всего *уста*
Провозился с ружьём: проста
Вся подгонка, но лишь на взгляд:
Ладно ль пули в стволе скользят?
Точен, нет ли, прицел? Приклад
Отдаёт ли в стрельбе назад?..
Их сто тысяч – вопросов всех,
В их решенье зарыт успех.
Алмабаш с чародейством слит:
Пуля в тело врага летит,
Не сбиваясь с пути – магнит
Словно в плоти живой манит.
Мушка – чёткий наводчик пуль,
Пули – смерть, как ни карауль –
Не услышишь и звук щелчка:
Пуля молча разит врага.

[276] Уста – мастер.

В волшебстве надо чуять суть:
Чугуна в в *Алмабаше* чуть,
Наверху в нём *урум*, вторым –
Красный лёг в нём *кытай-кырым;*
Вся основа – из трёх желез,
С громким голосом – до небес
Этот ствол: и огонь, и дым,
Богатырь с ним непобедим.
Алмабаш может сам собой –
Шум услышав, рычанье, вой,
Сделать выстрел, несущий смерть:
Вздрогнет даже земная твердь,
Мир качнётся, и круговерть
Всех времён, всех устоев, вер
Пошатнется, качнув моря,
Горы, долы, вовсю дуря:
Вслед закату взойдёт заря,
Загорятся дожди, искря,
Петухом будут куры петь
И осёл затрубит как медь,
И завоет в лесах медведь,
И, как будто попали в сеть,
Все забьются в бешиках вдруг
Дети, выстрела слыша звук.

Бёлёкбай попугал опять
Всех, кто в руки хотел бы взять
Для забавы его ружьё,
Место выбрал ему своё:
Пусть висит, мол, ведь не дубьё,
И опять он завёл нытьё:
«Здесь основа – из трёх желез,
Ствол достанет и до небес:
Хочешь – в пушку его клади,
Уркёр боо непобедим
Будет с этим стволом средь гор;
Переделаешь в *замбирек,* –
Тоже будет служить весь век,
А навьючишь на плечи – что ж,
Верный страж за спиною тож».
Он припомнил ещё: Балте
Как-то делали *Аккелте:*
Были сплавы совсем не те –
Не догрели их в суете,
Не хватило угля и дров,
Мех кузнечный был не готов,
Шкуры целых восьми волов
Просто лопнули между швов,
Также множество кузнецов
Умерло от таких мехов,
Задохнулись. Как смерть слепа,
Выбирая себе раба!
Да, огонь погасили. Лес
Вполовину почти исчез,
Скот порезан – и всё быки,
Перекрыта вода реки,
Много высохло там озёр.
Может быть, оттого с тех пор
Нет волшебных мечей, ружей?
Проще: нет и таких мужей,
Что сумели б как наш кузнец –
Даром, что он седой хромец,
Снаряжение сковать хоть раз,
О котором слагают сказ,
И с которым герой Манас
Супостата сразит не раз.

Впереди было много дел,
Ведь два года – такой предел
Бёлёкбай для себя радел.
Он для *Айбалта* углядел
Топорище – к сухой ирге
Бронзу тонкую, как к ноге,
Ткань мотают, чтоб в сапоге,
Было мягко, тепло в пурге –
Так же он обмотал, затем
Взял слоновью он шкуру – с тем,
Чтобы сверху ещё крепить
Топорище. Таким убить
Можно было б без стали той,
Что была как бы головой.
Так работал он день-деньской,
А порой – и ночной порой.
Дольше б складывал сказ певец.
Торопился хромой кузнец:
Он зарезал с полста овец,
Чтоб из шерсти их, наконец,
Смог, отпарив, верёвку он
Для нагайки сплести – урон
От неё мог сильнее быть,

Чем вблизи из ружья палить:
Сам готовил за рядом ряд,
Получился такой расклад:
Синих нитей – по шестьдесят,
В середине – свинцовый вклад,
В каждый узел по пуле – той,
Что готовил он сам, – литой;
Сам на пробу взмахнул слегка –
Оглушил он ученика;
Рукоятку нагайки он
Сделал крепкой, легко в ладонь
Чтоб ложилась, ведь лишь тогда
Будет рядом она всегда.
Стариковский бычок – телок,
У двух маток сосать он мог, –
Волхвовать старику помог,
Всяк зажёвывая узелок.
День за днём перечислить смог
Разве только всесильный бог:
На надежду работал край:
Весь народ, Жамгырчы, Шыгай –
Днём, а также в глуши ночей
Все трудились там. Силачей
Было целых пять тысяч! В бой
Шёл как будто народ. Кошой
На верблюдах возил металл,
И Бакай ведь не отставал:
Уголь, торф завозил, дрова,
Успевали плавить едва
Медь и олово, серебро,
Также золото. Всё добро
Для грядущей войны копя,
Не жалели порой себя.
Не закрыт был ведь главный счёт:
Для Манаса тулуп ещё
Не соткали, и *Буудайык,*
Что прислал Акбалта, велик
Был и продран к тому же весь, –
Всё решалось. И надо весть
Нам узнать бы и про Балту:
Как лелеет Алтай мечту?
Чует, не ли, *калмак* беду?
Не берёт ли за воздух мзду?
Или так же, как все века,
Лишь отлёживает бока?
Сивогривый Манас пока
Набирается для броска
Новых сил: впереди, увы,
Столько страшных сражений. Вы
Всё узнаете в свой черёд,
Когда Сказ и до битв дойдёт,
И Великий большой поход
За свободу начнёт народ!

КОРОНОВАНИЕ МАНАСА
СРАЖЕНИЕ С КЁНТЕЕМ И ШООРУКОМ

«Э… э… э… эй!
Все кыргызы на юге пусть
Для борьбы создадут союз
И, сомнений прогнав искус,
Подготовки разделят груз:
На мужей, на родню, на род –
Кто кыргызом себя зовёт!»

Клич такой возвестил Балта
Только год начался – когда
Лишь отхлынули холода
И взлелеянная мечта,
Та, что с осени сердце жгла,
Воплощенье в делах нашла.
В берегах Аралкёля жил
На отшибе Балта, но был

Главным в главном: он сам забил
Шесть десятков своих кобыл
И к богатым кыргызам, в тыл,
Что врастали камнями в пыль,
Шесть десятков гонцов послал
С вестью радостной аксакал:
«Светлый близится ритуал:
Богатырь наш уже не мал,
На коня посадить пора,
В знак признанья, богатыря!
Всяк из вас, кто с умом рождён,
Знает, кто – богатырь, как он
Под защитою двух имён
От *калмаков* спасён с пелён
И, неведомый им, возрос.
И чтоб ныне свой длинный нос
Враг не сунул в чужой вопрос,
Знаю, чем я его уем.
Объясните, но тайно, всем:
Больше водки, *кара кесек*[277] –
Разум в брюхо уйдёт совсем».
Щедро начатый Акбалтой
Дней на шесть растянулся *той*:
То игрою, а то борьбой
Наслаждался народ родной,
На две группы: «кыргыз – *калмак*»
Разделился достигший всяк
Лет, в каких не зовут «малыш»;
Эр кореш и *оодарыш*,
Кёкбёру – без азарта лишь
В них ты зрителя насмешишь.

Праздник вскоре пошёл на спад.
Он, по сути, был лишь фасад
Дел, в которые посвящён
Круг мудрейших был всех сторон:
Акбалта всё продумал – он,
Ритуалу создав заслон,
Всех собрал, превозмогших страх:
Хан Жакып, Айдаркан-казах,
Из Керкёля был Кыпчакбай,
Кулетен. Чуть не каждый край
Был друзьями представлен здесь:
Все, кого всколыхнула весть,
Поспешили скорей сюда,
Элеман лишь не смог с сырта
К ним добраться из-за хребта.
Первым слово держал Балта:
«Жив пока Орозду был, хан,
То не мог никакой обман
Подточить и разрушить клан
Иль прийти кто-нибудь незван:
Девяносто, я помню, юрт
И овечий бескрайний гурт
Тот имел, кто без лени жил;
Табуны племенных кобыл
Шли – до неба вставала пыль.
Всё богатство ушло в распыл.
Как ушёл Орозду – село
Словно мороком занесло:
Расселилось повсюду Зло.
Здешним кланам не повезло:
Ведь поганец-*калмак* сумел
Среди мелких поганых дел
И большое свершить: детей
Нерождённых из матерей
Вырывали: за пару дней
Наше древо без всех ветвей
Враг оставил – лишь голый ствол.
Безысходней не знаю зол!
Сколько ныне скитальцев нас!
Род кыргызский почти угас,
Забывая уже подчас,
Что спасенье грядёт – Манас!
Мы мечтали – и грянул час.
Пусть с вершины сорвётся пласт,
Пусть лавина несётся к нам,
Пусть замолкнут самцы, свой срам
Потеряют – верблюд ли, конь,
Бык, козёл ли, баран – огонь
Не охватит пусть самок их,
Пыл продленья родов чтоб стих:
Всё в грядущем, мол, – подожди.
Поволхвую, чтоб шли дожди
От Алая и до Иле,
Чтоб зимою на всей земле,

[277] Кара кесек – здесь: побольше мяса (жилистого, нежирного); Кесек – 1. кусок, комок; 2. – исключительно; 3. – мерзавец.

Где живём мы – Кюнёс, Текес, –
Снег стеною стоял, как лес,
Чтобы чёрной земли в обрез
Всюду стало, и мир белес
Был от снега и ото льда.
И *калмаков*, и нас нужда
Просто вынудит сняться с мест.
Только скот всю траву подъест,
Соберёмся на переезд:
Гурт овечий сперва окрест
Перегоним, и – вдаль от вьюг:
К Ала-Тоо, на север-юг,
В Байсоорун, Балыкат. И крюк
Если сделать, то вдоль речуг
Можно выйти и к Атбаши,
Где все пастбища – от души,
Где родной нам кара-кыргыз –
От родимого древа лист, –
Нас приветит с приютом близ,
Хлеб поделит, шорпо, кумыс.
Там умножим родимый клан.
Цель ясна вам? На Самаркан
Будут взгляды обращены
Вплоть до часа большой войны.
Сам я много изъездил мест.
Вот Жакып: он Кюнёс, Текес –
Всё объехал, – с охотой, без;
Актокойский зеленый лес
Им был назвал Буурултокой;
Он и там не обрёл покой,
Переехал в Баркёл, потом
Смог у хана Чынгыша дом –
Свой, исконный, – перекупить,
Чтобы род Орозду продлить.
Этот дом будет вечно жить,
Если сможешь, Жакып, служить
Делу сына, его пути, –
Будет здрав если Чонжинди
И как кеклик игрив. Взрасти
Ты его воробьём в горсти:
С губ пои и корми со рта.
Он – святая для всех мечта.
Прежде чем разойдёмся мы,
Надо всё же напрячь умы
И подумать нам: чьи сыны
Нашу честь отстоять должны?
Возглавляем мы все роды.
Можем мы супротив беды
Кровь родную послать на бой?
Легче жертвовать – да, – собой,
Но не нам, старикам, такой
Жребий нынче вручён судьбой.
Сыновей все имеем, – так?
Мой единственный сын Чубак,
Мой наследник, потомок мой,
Он отправится первым в бой.
Если б каждый из вас сынков
Дали ханской крови – готов
Я набрать бы из бедняков
Под начало их пареньков;
Чубаку – по его мечтам, –
Двадцать крепких мальчишек дам,
Двадцать первым он будет сам.
Из Керкёла ты, Кыпчакбай,
Своего Абдылду отдай
Покомандовать также – он
В один год с Чубаком рождён,
Да и рос он ему в обгон:
С детства знаю его – умён,
Изворотлив, силён как слон.
Прав, – скажи, – я со всех сторон?»

«Да, – сказал Кыпчакбай, – глава
Он с рожденья качать права!
Под начало десятка два
Соберу я ему парней –
Попроворней да поверней:
С ними лишь Абдылду отдам».
А Балта продолжал: «Не нам
Нынче прятаться по углам,
По ущельям да по сыртам;
"В рабстве ходит *алаш*!" – привык,
Чтоб отсох у него язык,
Так *калмак* говорить. И встык
Наши беды: вот *Буудайык* –
Рассыпается он, позор!
За одиннадцать лет ковёр
Не истреплется так. Забор
Крепче делают, чтобы вор
Не проник на хозяйский двор.

А защита от смерти – вздор!
Я надеялся на успех:
В Самаркане, мол, без помех
Снаряжение соберём.
*Ал*п Бакай и Кошой вдвоём
Помогают скотом, сырьём,
Мои братья, оставив дом,
Люд с собой привели внаём.
Ведь безделица: ткань под шлем!
Но в бою очень плохо тем,
Кто всю шею с лицом совсем
Не сумел защитить ничем;
Я с *олпоком* послал сынка:
Для Манаса, мол, ткань легка,
И плоха для него – пока
Не починят её слегка;
Не наденет её Чубак –
Он силён, но как все слабак
Для таких богатырских лат.
К ним родил нам батыра брат:
Жакыпхан наш – он с нами в лад
Ритуалу святому рад!»

Был Балта в своей речи скуп:
Он, едва лишь сорвалось с губ
Имя, спрятать чтоб знак «Манас»,
Чем ребёнка он, в общем, спас,
В мыслях делал уже запас
Снаряженья: чтоб конь – саврас,
Шлем с защитой – чтоб был как раз,
И седло, и ружьё, и меч, –
Амуниция вся сиречь[278].
Он письмо написал *уста*
Будайыку: мол, есть мечта
Сделать всё для батыра впрок,
Хоть в какой, но разумный, срок.
Тот ответил, что *Аколпок*
Для Манаса – поможет бог
Сотворить: побросав дела,
Все Букарские мастера
Будут рады соткать *була*[279],
Хоть работа весьма мудра.

Что ж, по правде сказать, *олпок*
Если кто смастерить и смог,
Не хвалёные мастера,
А по разуму им сестра, –
Темиркана жена: мудра,
А ещё – как придёт пора,
То родит Каныкей она.
Сказ твердит, как она скромна
Оставалась все времена!
Трое братьев: сам Темиркан,
Шаатемир и Каракан –
Одним словом, родная *кан*, –
Собирая свой караван,
Каракана *олпок* в тюки
Уложили, но не с руки
Было в груз уложить второй,
Хоть хотелось того, – такой
У двух братьев возник настрой;
Темиркан был совсем другой:
Аколпок он сложил в *бокчо*[280],
Чтоб Чубак его на плечо
Мог, взвалив, унести с собой,
И сказал ему: «Мальчик мой!
Отвечаешь ты головой
За сохранность узла. Чужой
Не узнает пусть, что несёшь;
Не подглядывай сам: как ложь,
Любопытство – такой же грех.
Ты Манасу несёшь успех:
Здесь в *бокчо* для него *олпок*,
Он в бою бы и мне помог,
Но велел всемогущий бог,
Чтоб к батыру пришёл он в срок».

Кёктеке оседлав, Чубак,
Приторочил свой груз кой-как
И поплёлся. В пути, бедняк,
Тюк поправить не мог никак:
Будайыковский вёз *олпок*,
И отделаться всё не мог
От неловкости: так мешок
То валился куда-то вбок,

[278] Сиречь – одним словом, то есть, иными словами (*старорусск.*)
[279] Була – 1. волокно; 2. шелк; 3. дорогое убранство юрты.
[280] Бокчо – чемодан, мешок; узел ценными вещами (который обычно хранят старухи).

То грозил соскользнуть вослед.
Было мальчику девять лет:
В этом возрасте всяк – щенок,
Говорят, – о шести, мол, ног:
Только бегать в пыли дорог!
А Чубак и дышать не мог:
Опоясан металлом был.
Остужали щенячий пыл
Сразу несколько штук кольчуг.
Словно прячась от сильных вьюг,
На коне он сидел горой.
Конь, прогнувшись, вздыхал порой:
Хвост узлом завязал герой,
Не развлечься его игрой.
По пути в их неспешный ход
Влилось двое ребят: Умёт
И братишка – Уйшюн, они
В Балыкат поспешали, дни
Отмечая от Алматы;
И стараньями Абдылды,
Что догнал их, прочтя следы,
С ополчением бедноты
Стало их теперь двадцать два.
Так событий ткалась канва.
Унижающий всех *калмак*
Смог бы разве помыслить так,
Что кыргызский народ не сник
И к свободе шёл напрямик?
Да, Манас волновал владык,
Но что дух его в жизнь проник,
Не разнюхав наверняка,
Не догадывались пока.
Мы к ребятам вернём рассказ.
Ал Бакай, богатырь Манас,
Лишь почуя благую весть,
Что Чубак с Абдылдою в лес
С остальными вступает, где
Было сказано Абдылде
С великанами встречи ждать, –
Поспешили ребят встречать.
Дух один, но родов – не счесть:
Был отряд разномастным весь:
Но, признаться, каракалпак –
Тоже тюрский народ, и так
Каждый, кто составлял костяк:
И *журжут*, и *жуда*-степняк,
И *баранг*, и *шанкай* – ребят
Разных было в отряде – всяк
Знал одно про *калмаков*: враг!
От Калча и Кыйба – *тажик*
И *сыйа*, – ведь один язык,
Был меж ними и Ыраман,
В предсказаньях достигший сан,
Ырчуул – богатей-амбал,
Младший брат его Кыргылчал –
С ястребиным размахом крыл;
Ыраман у небес спросил
Про расклад богатырских сил,
А как только он всё раскрыл –
Двадцать сильных парней собрал,
И возглавил их Кыргылчал;
Были все ребята из тех,
Кто лишь трусость считал за грех,
Кто на вкус распознал успех
И врага поднимал на смех.
Шли к Манасу они гурьбой,
Развлекаясь в пути стрельбой,
Добывая себе обед,
Чтоб до цели дойти без бед.
Как к вопросу спешит ответ,
Как летят мотыльки на свет –
Все отряды сближались так.
Вмиг пришпорил коня Чубак,
Лишь увидел: в лучах зари
Показались богатыри:
Чонжинди и Бакай рядком
Чинно ехали встречь верхом.
Абдылда скорей с Чубаком
Соскочили с коней – пешком
Чтоб приблизиться им к тому,
Кто кумиром царил в уму.
Познакомились. Подоспел
Кыргылчал: он почти успел
Перед встречей догнать ребят,
Чтоб представить и свой отряд.
Два отряда в один слились.
Как пророчила неба высь,
О Манасе рождая мысль:
Ровно сорок *чоро* нашлись!
Двадцать было у Чубака;

Кроме юного вожака
Провожающих шла река –
По десятку на паренька;
Вместе стало всех под пятьсот!
Просто войско собрал народ.
Жамгырчы поспешил: на сход
Все собрались – наперечёт
Великаны, богатыри
Соль народа и соль земли:
Перечтём всех ещё мы раз:
Жамгырчы и Бакай, Манас,
Кыргылчал, Абдылда – подчас
Ажы-*бий*[281] его звали, Сказ
Назовёт его Ажыбай,
Когда знать его будет край,
Прославляя как бунтаря,
Как героя-богатыря.

Лишь в горах занялась заря,
Не теряя минуты зря,
Шесть десятков кобыл Жамгыр
Приготовил на общий пир.
Без десятка пятьсот гостей –
В основном молодых людей,
Да к тому же богатырей, –
Не оставили и костей
От огромного табуна.
Над долиной плыла луна,
Когда кончился пир горой.
В этот вечер кузнец хромой –
Бёлёкбай – уходил домой.
Всё закончил кузнец с лихвой,
Только плату не взял ничем,
Попросил о другом совсем:
«Пусть Бакай-*олуя бата*
Даст хромому – и будет мзда».
Сам он руку Манаса взял,
«Сивогривым» опять назвал
И сказал: «Я, мой птенчик, стар,
Ты сегодня вождём нам стал,
Не ржавеют пусть меч, копьё,
Оправдав мастерство моё;
Пусть топор, защищая нас,
Не расколет вовек Манас;

Пусть народ, что сплочён сейчас,
В единенье своём не гас,
Не разрушь их мечту, герой!
Встало много героев в строй
Под знамена твои, сынок,
Ты сплотить их собою смог,
Ну, и я тебе чуть помог.
Всё свершается в мире в срок.
Будь здоров!» – и своих быков
Он хлестнул, сыновья тишком,
Попрощавшись, пошли пешком:
Тюлёёкё и Тёлен всегда
Доверяли отцу: вода
Так струится меж берегов,
Не считая их злом оков.

Весь народ, что привёл Балта
Здесь остался жить навсегда:
Байсоорун и Атбашы,
Ала-Тоо – колпак *бакшы*
Так же остр и так же бел.
Все нашли себе много дел:
Овчары, пастухи свой скот
Выпасали, вели окот.
В общем, жил, как всегда, народ,
Древний, словно солнцеворот.
А Жакып, Кыпчакбай, Балта,
Тысяч шесть человек с сырта
Повели вновь на Самаркан
Исполнять изначальный план.
За два дня Чонжинди, Бакай,
Жамгырчы весь зелёный край
Кровью выкрасив жертв *тюлее,*
Обещание дав земле,
Её сделать свободной впредь,
Чужеродного гнёта клеть
Разбивая, чтоб даже смерть
Не могла раньше них успеть.
Жамгырчы приказал затем,
Чтоб поехали в Наманкен,
Говоря: «С Наманкена в Ош
Мы отправимся – там хорош
Для скота будет наш посев,
И родных попрошу я всех:

[281] Бий – властитель, правитель.

Поживите там без помех,
Лишь в хозяйстве снискав успех;
Здесь мятеж назревает, вам
Я совет драгоценный дам:
Отсидитесь-ка по домам,
Чёрных дней переждав дурман!»
Был совет его тем хорош,
Что к нему не мешалась ложь.
Наманган, Самаркан и Ош
Заселили кыргызы сплошь,
Кыргылчал стал их *бием* там,
Расселились все по домам,
Кто в Белсаз перешёл, к горам,
Кто, напротив, пошёл к сыртам.
Акбалта и Жакып смогли
На просторах другой земли
Знамя красное Орозду
И мечту его, и звезду
И поднять их, и в жизнь внедрить
И по этим законам жить.
Прикрепив золотой *айчык*[282]
На отцовское знамя вмиг,
Написали на нём «Манас»,
Тридцать тысяч народа враз
Это знамя собрало здесь.

Передали Кёнтею весть,
Он от злости раздулся весь,
Стал прикидывать – как насесть,
Чтоб в бою не попасть впросак? –
Раза в два превзошёл *калмак*
Войск кыргызов числом, к тому ж
Он направил шпионов в глушь,
Чтоб собрать силачей – таких,
Что сбивают быка поддых,
Всех: непризнанных, молодых,
Лишь бы стало побольше их.
Тысяч целых десятков шесть
Свёл Кёнтей из родимых мест
К месту битвы: на Кёкёйдун,
За Белсазом, где рос валун,
Склон, где ветер как конь-скакун
По просторам летал, шалун,
Всё заполнил народ: толпа!
Привела, наконец, судьба
Два народа в открытый бой.
Становился кыргыз собой,
А *калмак*, хоть и шёл гурьбой,
Но впервые почуял сбой
В «правоте» своей, что была
Из насилия, лжи и зла
Над другими водружена
Словно глинянная стена.
Час сраженья настал! Кыргыз,
Устремляя надежды ввысь,
Хлынул селем в *калмакский* строй,
Всё сминая в пути собой.
Крики, вопли сраженья, шум!
Отключился и слух, и ум,
В грозной схватке лишь наобум
Можно биться – вот так самум
Что захватит – то унесёт.
Как в едином котле народ,
Перепутавшись весь, кипел:
Аксакал ли, юнец-пострел –
Были все в том бою равны.
В этом месиве не видны
Были те, кто судьбу войны
В равной схватке решить должны:
Силачи, – иноходцев шаг
Не давал им смешаться так,
Как с врагом может слиться враг
В диком ритме сплошных атак.
Все – с размахом широких плеч,
Грудь – не всякий пронзает меч
И запутается картечь,
Если бороду двинет встречь
Стопудовый *калмак-балбан*[283]
С белой грудью, как *балобан*[284]*:*
В бороде – седины туман,
Голова как большой казан!
Приготовили толмачей,
Ждут: кто выставит силачей
От врагов, и во власти чьей

[282] Айчык – *уменьш.* от Ай: узор в виде полумесяца.
[283] Балбан – силач.
[284] Балобан – крупная хищная птица серовато-бурой окраски с белой грудью.

Станет гнать кто не свой взашей.
Жамгырчы и Бакай с Балта,
Прежде чем выходить сюда,
Спор вели на четыре рта:
Кем освоится маята
Управленья народом всем? –
Оголятся роды совсем,
Если план их потерпит крах,
Что вынашивался в умах.
Спор затеял сам Жакыпхан –
Старше всех был и богом зван
Быть над всеми, хоть не *балбан,*
Но отцом был Манасу дан
И сказать поговоркой смог,
Не скрывая своих тревог:
«Если есть в голове мозги –
Не отнимут еду враги;
Хочешь жить всему вопреки,
То правителя береги,
Что и в радости, и в беде
Не покой предпочтёт бразде,
А народную лишь нужду
Одолеет, и не за мзду,
А за совесть свою и честь.
И такой среди нас ведь есть!»
Зашумели тут все: «Молчи!
Знаем, знаем, кому ключи
Мы от власти должны вручить
И за кем хорошо *ээрчи*[285]:
Это будет Бакай! Сейчас
Стал он ханом, пока Манас
Юн настолько, что нужен глаз,
Чтоб он в шалостях не увяз;
Годы быстро теперь пойдут.
В злобе, в распрях, в разгаре смут
Кто посеял – того пожнут,
Среди войн на законы – *джут*[286].
Знаем выходца из *манжу*:
Перешёл он судьбой межу
Перемирия. Тот *калмак*
Сам решил разобраться так
В разногласьях: *калмак*-кыргыз,
Чтоб подняться во мненьях ввысь;
Имя было ему Татай,
Был огромен он как *Сарай*
И кичлив как весной бугай;
Кырмызы[287] одевался; край
Чтобы видел издалека
Устрашающего быка.
Сел верхом он – согнулся конь;
Взял копьё – и легло в ладонь
Как соломинка то копьё,
Хоть весомо весьма литьё.
Сам помчался – один – Татай
Покорять весь кыргызский край;
Жамгырчы не пустил Бакай:
«Лопнет сам он от спеси, знай!»
Был ещё богатырь Семет:
И восьмидесяти он лет
Побеждал, – не припомнит враг
Чтоб пощады просил казак
Рвался в бой и Семет – опять
Хан Бакай не хотел пускать
В этот бой казака – мол, тать
Сам устанет себя пугать;
Но зато озорник Чубак
Не боялся попасть впросак,
В девять лет – горячей огня,
«Отпустите, – просил, – меня!»
«Будь дорога твоя чиста!» –
Так сказал великан Балта,
Сердце ныло, но есть черта,
Где отцовская доброта
Переходит уж в баловство –
Это наше ведь естество.
И тигрёнок Чубак в броске
На коне своём Кёктеке
При оружьи в доспехах весь
Полетел как благая весть.
Девять лет! Времена те шли
В такт Манасу как взлёт земли,
Что рождала богатырей,
И они самых юных дней
Шли, уверенные, по ней,

[285] Ээрчи – следовать, идти за кем-чем-л.
[286] Джут – массовый падёж (скота).
[287] Кырмызы – во все красное.

С каждой битвою всё сильней!
Вот и юный батыр Чубак:
Дерзкой доблести гордый флаг
Он поднял в свои девять лет,
Первым в список своих побед
Захотел, чтоб героем стать,
Он Татая-*манжу* вписать.

Был не рад тому хан Бакай:
На слуху был у всех Татай,
Говорил про *манжу* весь край,
Что бесчувственный он бугай:
Порешил, мол, героев тьму.
В общем, равного нет ему.
Всяк, что с запада шёл монгол
Нёс кыргызам раззор, раскол,
Смерть, насилие, кровь и боль –
И Татай, и другой любой.
Был спесивец ещё Кёнтей,
Он Татая из всех людей
Выбрал – тоже, видать, злодей, –
Сделал стражем своих идей.
К ним Чубак поскакал на бой.
Показался едва герой,
Ал Татай повернул коня,
Чтоб Кёнтея спросить: «Меня
В битву вызвала малышня?!
В чём тут хитрая западня?
Повелитель ты мой, Кёнтей,
Истребил я толпу людей,
Я, Татай, хоть зовусь злодей,
Но ещё не рубил детей!
У кыргыза силёнок нет!
Жерёбенок, и тот, – двух лет!
Ведь народ засмеёт меня,
Коль направлю я встречь коня!
Подбери-ка того на бой,
Кто такой же, как он, герой!»
Всё, что хану Татай кричал,
Было слышно кыргызам: знал
Подлый говор, пожалуй, всяк,
На котором болтал *калмак*:
Скот кыргыз ведь пасти привык
По указке чужих владык.
Рассердился Чубак, стрелой
Полетел он скорей на бой,
И Татай не успел моргнуть,
Как воткнулось с размаху в грудь
Ошалевшего бугая
Смертоноснейший клюв копья;
Толстой задницей он с коня
Чуть не сверзился, но шлея
Тут попала под хвост ему,
С воплем диким: «Сейчас уйму,
Навсегда я тебя, *бурут*[288]!
Та коза, что погибнет в *джут*,
Трётся шкурой сама об кнут!
Ты не знаешь ещё, как мрут!»
Много всяких обидных слов
Он выкрикивал и готов
Был он бранью смешать с землёй
Паренька; но стоял горой
Перед ним, не смутясь, герой,
Размечая грядущий бой;
Быстро двигаясь, он вонзил
Изо всех своих юных сил,
Повернув вкруг оси, копьё,
В расфуфыренное гнильё –
Прямо в горло Татаю; он
Проглотил свой предсмертный стон,
Продолжая в уме твердить,
Что мальчишку легко убить.
Тут *манжу* Кёбеген отмстить
Захотел за Татая – прыть
Проявил он, как смерть сама –
От большого, видать, ума:
Он кричал всё: «Татай, Татай!»
Как озлобленный пёсий лай
Вопль так взбудоражил край –
По пригоркам полёг курай!
Но Чубак не смутился: в рост
В стременах он поднялся – прост
Словно правда, силён как честь,
У того, в ком с рожденья есть –

[288] Бурут (*согласно легенде*: от слова бөрү и ит) – кыргыз. Под этим названием кыргызы были известны у калмаков; сами себя кыргызы так называют только тогда, когда речь ведут от лица калмаков.

Что сравнимо и с Чубуком;
Пику с огненным бунчуком
Он вонзил между рёбер влёт
Кёбегену, удвоив счёт
Своих первых больших побед:
Разве выживёт кто-то? – нет!
Слишком крепкой была рука
У сердитого Чубака!
Так не стало уже двоих.
Между прочих *балбанов* стих
Подогретый сраженьем шум:
Всё не мог вопринять их ум,
Что ребёнок *балбанам* двум
Путь под землю устроил, *шум*[289]!
Тут не выдержал сам Кёнтей:
Он с холма, торопясь, скорей
Побежал. На спине *калкан*[290]
Прыгал с грохотом, словно жбан;
Спотыкаясь, бежал – тушкан
Так, прыжками, летит в капкан,
От испуга спасаясь так.
С длинным чёрным копьём *калмак*
Неуклюже бежал; живот
Колыхался не в такт, и рот
Извергал только брань. Урод
Столько крови попил! – народ
Про него говорил, что вброд
Реку крови не перейдёт
Ни верблюд и ни вьючный слон –
Кровь кыргызов невинных он
Проливал просто так, глумясь.
Ростом в гору, в ногах увяз
Этот чёрно-*калмакский* хан,
Был он всем в наказанье дан,
С головой – как большой казан,
Неопрятный как балобан.
Он оскалился, словно кровь
Собирался сосать он вновь,
И кровавым копьём слегка
Оцарапал он Чубака,
Повернул и вонзил опять,
Отскочил, чтоб удобней взять
Было древко из раны – тать
Сам шайтан был, – ни дать, ни взять.
Тут Семет подоспел, казак,
Между новых успел атак
Он погнать Кёктеке на склон –
За мальца заступился он,
Вышел вместо него, как слон, –
Так широк был и так силён.
Но, в Семета вонзив копьё,
Поднял в небо на острие
Словно сохнущее бельё
Толстых мускулов громадьё
Этот сильный *калмак* – Кёнтей!
«Забирайте героя, – эй!», –
Крикнул он, чтоб из бунтарей
Кто-то вышел на бой скорей.

Чонжинди потемнев стоял.
Словно этой минуты ждал,
Взял скорее он *Сырнайза*,
Медлить больше – поняв, – нельзя;
Нет, не застила взор слеза,
Вспоминал, что Балта сказал
И могла подтвердить молва
Его пламенные слова –
Их расслышать могли Бакай,
Жакыпхан, Жамгырчы и бай
Кыргылчал – ведь при них Балта
Говорил про сынка, когда
Сам Чубак напросился в бой:
«Мой сынок, я горжусь тобой.
Сам хотел я идти с тобой,
Но не я, это ты – герой;
Хан Бакай не пустил меня –
Строг властитель, хоть нам родня;
Я тебя отпускаю в бой,
Но запомни одно: судьбой
Ты, пока не придёт твой час,
Должен брату служить, – у нас
Голос неба один – Манас;
Береги свою жизнь сейчас:
Будешь нужен ему не раз!»
Для Жинди у него в ходу
Шло наказом: «Уважь Балту!

[289] Шум – хитрец, плут; диковина.
[290] Калкан – щит; шлем; защита.

Как отец ушёл – Орозду,
Мы познали сполна беду:
Десять братьев, его сынов,
Весь *алашский* народ готов
Был отстаивать край отцов,
Быть единым, в конце концов;
Но *манжу* и *кара-калмак*
Смог использовать горе так:
Крючкотворством судей-сквалыг
По веленью своих владык
Стали всяко теснить наш род,
Подрывая его оплот:
То единство, чем жили мы,
Чем питали сердца, умы.
Ложь законов страшней чумы.
Стали жить мы взаймы, внаймы.
От *калмака* во всем таясь,
Имя я поменял, боясь:
Чонжинди ты, а не Манас, –
Так всевышнего вещий глас
Повелел, потому сейчас
Жив ты, больше – готов за нас,
За кыргызов, идти в поход,
Чтоб рассеять навеки гнёт,
Пусть узнает теперь народ,
Кто к свободе его ведёт:
Кликнув гордый *ураан*[291] «Манас»,
Ты проложишь тот путь для нас,
Славен, прям и победен пусть
Будет праведный этот путь!
Ты свободен от прежних пут!
Ты – Манас, будь велик твой *кут*[292]!»
Дал *бата* дорогой *ага*[293]
И сказал: «Победи врага!»

Тут уводит нас вечный Сказ
В отступленье – и пусть Манас
В бой готовится, – вам сейчас
Я поведаю без прикрас
Только правду – оглохнет пусть
Тот, кто правды не ценит вкус,
У кого не разбудят чувств
Те слова, что стремятся с уст!
О тигрёнке Манасе так
Земляку говорил земляк:
Мол, сидел на коне – босой,
С непокрытою головой,
С яркой родинкою на лбу,
Выделяющей, мол, судьбу:
Был нагим он, ещё малыш –
Лет семи ли, восьми был лишь, –
Ножки в стремени, и, глядишь,
Два зайчонка с ним скачут – ишь! –
Ушки выпрямив, хвост поджав,
Скачут, путаясь в стеблях трав;
Уважаемый люд не раз
Утверждал: это был Манас,
И не зайцы, а тигра два
С ним бежали, и не трава –
Перелесок стелился ниц,
Растревожив гнездовья птиц.
Нет, не птицы – то был дракон,
Он по небу летел вдогон,
Очень длинен и толст, как слон.
Кто увидит – теряет сон,
Начинает мочить штаны
Или воет на диск луны.
А ещё говорит молва
Очень правильные слова:
Под Манасом – саврасый конь,
Уши – свечки, в глазах – огонь,
Сам он быстр и силён, как смерч,
Шёрстка – цвета небес оплечь,
А на крупе звездою знак:
Пятерня: это гладил так
Жеребёнка Камбар-ата,
Чтоб сошла с него маята,
Чтоб на шёлк поменялась шерсть.
Говорили – на крупе есть,
Коль вглядеться: сидит краса,
Дева дивная – шёлк-коса,
Губы – ягоды, а глаза –
Предрассветные небеса;
Шекуле на девчонке той:

[291] Ураан – 1. клич, лозунг; 2. племя, род.
[292] Кут – 1. жизненная сила, дух, душа; 2. счастье, удача, благодать.
[293] Ага – дядя, старший брат, старший близкий родственник.

Вышит жемчугом золотой
Драгоценной парчи кусок;
От макушки до самых ног
Эта дева в каменьях – тех,
Что приносят царям успех
Если жёны в разгар утех
Драгоценности носят, мех;
Туулга же под *шекуле* –
Словно изморозь по скале
Серебрится, и на скуле
Отсвет неба, как на крыле.
Ангел? Пэри? Народ не знал,
Как Всевышний её назвал.
Показалась – и нет её,
Образ канул в небытиё.
«Вот бы деву увидеть вновь!», –
У народа кипела кровь,
Словно в души вошла любовь,
Словно тридцать июней вновь
В шестьдесят возвратились лет
И в груди заклубился свет
Для которого ночи нет.
А саврасый же конь в ответ
В такт смятенью шагал, и вслед
Серебристый ложился след.
И заплакали старики.
Кому плакать же не с руки,
Загалдели скорей, шумя:
Мол, узнает пускай семья:
Хан Бакай – он ведь *олуя*,
Хан Жакып и родня-друзья –
Жамгырчы, Акбалта, – должны,
Пока духи воскрешены,
Проследить – неверны, верны
Предсказания старины?
Аксакалам Жамгыр, Балта,
Что от них получить *бата*,
Привели *комузчы*, затем,
Только слух усладили всем,
Взяв верблюда, коня с седлом,
Взяв тулупы, деньжат как лом,
Под личиною пастухов
Пробрались до лихих холмов,
И притихли, – хорош улов
Лишь у тех, кто молчать готов.
Сивогривый на полпути
Шаг ускорил – скорей дойти!
Пояс весь в серебре на нём,
А лицо – как светило днём,
Лучезарно, горит огнём;
Глянуть сзади – таким бедром,
Полным мускулов, мощи, сил,
Белый тигр бы сам форсил!
Грозен словно дракон и быстр –
Если глянуть бы с неба вниз, –
Вот такой был он весь, кыргыз,
Сорок *шеров* в одном слились;
Он как *алпкаракуш*[294], что взлёт
Уже начал: взлетит вот-вот;
Если он закричит – с высот
Гор окрестных вершинный лёд
От волны звуковой сойдёт…
Для смотрящих в затее той
В честь *тюлее* закатили *той*:
С мясом жертвенной молодой
Кобылицы – как снег седой.
Аксакалы же на *тюлее*
Все остались. В молочной мгле
На серебряном Аккуле
Лев промчался. Лишь не скале
Промелькнула большая тень –
В Ала-Тоо закрылся день.

Как грохочет обвал в горах –
Так герой, презирая страх,
Встречь Кёнтею возник впотьмах,
Словно чёрной грозы размах.
Тут Кёнтей закричал: «*Кангай*[295]».
А народ удивлялся, знай:
Богатырь, что напал, был юн,
И велик, но и быстр, как вьюн,
А саврасый его скакун
Так летел – как с горы валун,
Набирая как ветер мощь, –
Тоже юный и даже тощ,
Если глянуть со стороны;

[294] Алп – великан; кара – черный; куш – ловчая птица, сокол.
[295] Каңгай – боевой клич калмаков.

Мышцы – крепче стальной струны,
Только вихри под ним видны –
Пыль как водные буруны.
Разъярённый *калмак* Кёнтей,
В грудь Манасу копьё скорей,
Не жалея души, вонзил
Изо всех богатырских сил;
Но мальчишка-кыргыз Манас
Увернулся на этот раз
И направил в него копьё,
Вздеть пытаясь на остриё;
Гул тяжёлый стоял вокруг:
Грохот, скрежет, мельканье рук,
То *калканы* ломались вдруг,
То от панциря гулкий звук
Словно пушка по нервам бил;
Враг взликует едва: убил! –
Как опять на него сквозь пыль
Смерть несётся что было сил.
Было страшно смотреть на них.
Всяк, кто был в окруженье, стих,
Удивляясь, что крови нет,
Хоть удар на удар в ответ
Каждый враг выдавал вослед,
Нанося, как казалось, вред.
Думал злобно Кёнтей: «Металл,
Что в копейку мне, в общем, стал,
С заклинаньем да в сто слоёв
Не позволит пустить мне кровь;
Коль не сладит копьё, тогда
Я достану и *айбалта*,
Что на поясе часа ждёт,
От него и скала падёт:
По горе лишь ударю – в ход
Глыба каменная пойдёт;
В ножнах меч заскучал, поди,
Его игрища впереди;
Есть и конь, что слона сильней,
Да и сам я герой Кёнтей!
Как не справиться мне с мальцом –
Лет одиннадцати, лицом
С жеребёнком своим он схож:
У обоих атласность кож.
Буду мучить его, чтоб дрожь
Пробрала до печёнок сплошь,
Вырву сердце, желудок – пусть
Труп мальчишки вернётся пуст!» –
Так он думал, Кёнтей, злобясь,
Он и биться привык, глумясь,
Так свинья выбирает грязь,
Назови её даже – «князь».
Он себя заводил: «Не я –
Не Кёнтей, коли, злость тая,
Не расправлюсь, на всё плюя,
Коль не как скорпион, змея
Или даже отшельник-рак, –
Я сразить не сумею так!»
Тёмной злобы нечистый мрак
Излучал, подбираясь, враг,
Не боясь, что узрит *арбак*[296]
Что замысливать он мастак;
У Манаса душа чиста
И невинна – он как с листа
Всё прочёл, удивясь: проста
У *калмака*, увы, мечта,
И низка, и, увы, грязна.
Он направил вперёд коня,
Словно лев, и одним прыжком,
Подимая всю пыль столбом,
Грозным смерчем понёсся, враз
Клич озвучив для всех: «Манас!»
Это имя Кёнтею в мозг
Так вонзилось, что он не смог
На мгновенье отсрочить рок –
Остриё между рёбер в бок
Вмиг вонзилось ему, и он
Был немедленно побеждён;
А Манас, словно тигр, вокруг
На саврасом кружился – вдруг
Будет мало копья, то меч –
Ачалбарс – сам просился встречь!
Бой, что длился лицом к лицу,
В этот миг подошёл к концу;
Был народ потрясён: юнцу
Посчастливилось – храбрецу –
Победить, хоть силён *балбан*,

[296] Арбак – дух, призраки умерших; духи святых или чтимых предков, которые должны помогать призывающим их или карать врагов.

Да остаться почти без ран.
И Кёнтея народ, дрожа
Как в предверие падежа,
Онемели и чуть дыша
Ждали тяжкого правежа;
Рядом спешились силачи:
Тугодумые усачи,
Мыслей двигали кирпичи:
Нет Кёнтея – они ничьи;
У чванливых *калмаков* вид
Был такой, словно всяк побит
И уже разорён, не сыт,
И от страха давно не спит.
Что ж, был выход у них один:
Отказаться от всех гордынь,
Званья веского «господин»
И привычек лихих годин:
Урывать через наглость власть
И чужим упиваться всласть!

Жакыпхана сынок Сыргак
Для отца был неведом так,
Как неграмотным людям – знак
Из случайных чужих бумаг.
Нет, Жакып к ним не жаден был:
Резал сразу по пять кобыл,
И не ныл, что идёт в распыл –
В две семьи, – нажитого тыл.
Сын, рождённый в разгаре ссор,
Брат Серека – меж них зазор
Лишь в полдня; был умён, хитёр –
Не вступал ни в союз, ни в спор
Он с отцом, опуская взор,
С самых юных невинных пор;
На два года с Манасом рознь
Не смущала его: ведь врозь
Вырастали они, но он
Был вниманьем не обделён:
Чыйырды-то его с пелён
Опекала: здоров ли он,
Сыт ли, весел, обут, одет.
«По прошествию детских лет, –
Говорила она, – Сыргак,
Став Манасу опорой, флаг
Наш поднимет; он сам – вожак,
От него будет плакать враг!»
Эта вера её, любовь
Так запали ребёнку в кровь,
Что, хоть маток сосал двоих,
Предпочтенье давал из них
Чыйырды; с ней послушен, тих,
Он с другими был часто лих.
Было девять ему почти
И одиннадцать – Чонжинди,
Им расти бы ещё, расти;
Но по выбранному пути
Начинали они идти,
Зная, что у них впереди.
Когда справил семь лет Сыргак,
Тёмно-красный конёк-третьяк –
Телкызыл – стал его конём,
Оставался тот конь при нём
Вплоть до смерти; он родом был
От *калмакских* степных кобыл:
Из Кюнёса Жакып добыл
Это чудо: сплетенье жил,
Мышц стальных, неустанных ног.
Край озёр и степных дорог
Был к живущим с рожденья строг:
Хочешь выжить? – будь ветроног!
Звать кыргызским конём не мог
Сам Жакып его, лишь помог
Быть кыргызским по духу; он
Стал для сына своим конём.
Как-то раз Чонжинди, Сыргак
И сподвижник всех игр Чубак –
Сын Балты, победитель драк
И наследник отцовских благ, –
Пошептались, и лошадей
Повернули в обход полей
На широкий раздольный склон
В перелесках со всех сторон –
От *калмаков* отряд-заслон.
В детстве каждый игрой пленён.
Так Сыргак: во всю глотку он
Закричал свой *ураан*: «Ма-а-анас!»
И помчался по склону, – глас,
Приумноженный эхом, враз
Столько вдруг любопытных глаз
Из окрестностей к ним стянул, –

Безопасней крик: «Караул!»
Впрочем, надо сказать, Балта
Был весь в курсе их игр, когда
Отпускал их верхами, он
Сам слегка намекнул на склон:
Чтоб на схватку склонить гулён
Да узнать: кто и в чём силён.
Сам себе он сказал: «Молчи!
Пусть Шыгай, Жакып, Жамгырчы
Не узнают, как крут *кичи*[297],
Не от всех же им тайн ключи!
От всего ограждать детей –
Это ждать, как любой злодей
Полонит их. Иль их запал
Сам собою угас, пропал;
Не увидев ни разу скал,
Как узнаешь про гор оскал?
Не увидев в лицо врага,
Проваляешь век дурака».
Сам верхами пойдя вдогон,
Акбалта помертвел: на склон
Где игра ребятишек шла,
Как убийца из-за угла
Поспешали *калмаки*: мгла
Жирной пыли им вслед текла,
И гортанный их крик «*та-та!*[298]»,
И движений их быстрота
Говорили, что неспроста
Потянуло их в те места.
Набежал и народ: желты
Стали лица, у всех черты
Словно дымом разъел испуг,
Стихли звуки, мельканье рук,
Все оглохли, оспепли вдруг:
Страх – мгновенный , увы, недуг.
Даже солнца слепящий диск
Потемнел, потускнел и сник.
Звук *доолбаса* раздался. Вмиг
Залп ружейный в тиши возник,
Как собаки со всех сторон,
Разделившись по тридцать, склон
Облепили бородачи –
Все отборные силачи,
В тридцать копий отряд – един.
Все вгляделись: ещё один
К ним навстречу – гора горой –
Поскакал богатырь-герой:
Сивогривый Манас не стал
Убегать по тропе меж скал,
Он, коня повернув, напал
На *калмакский* оплот *кабал*[299],
Размахнувшись, *кюрзу*[300] свою,
Не испытанную в бою,
Он на первого ж силача
Опустил что есть сил сплеча!
Но врагов было всех – не счесть,
Шли ещё с другой стороны
И храпели как кабаны,
Были лица у них черны,
Были копья у них длинны.
Весь алашский народ вокруг
В предвкушенье грядущих мук
Застонал, загрустил, – незван
«Гость» хозяйничать рвётся в стан.
Вдруг, казалось, взревел туман
И огромнейший *кабылан*
На вопящих *калмаков* вмиг
Свой свирепый обрушил рык.
Все передние пали ниц
С быстротою замёрзших птиц,
Девять-десять иль больше лиц
Лезли в норы сурков, лисиц,
Извиваясь, как черви, в грязь
Закопаться всем телом тщась.
Побежали другие, но
Выжить было не суждено:
Сын Жакыпа, что вольным рос,
Разозлён был на них всерьёз:
Десять сразу зарезал – встречь
Они мчались к нему на меч,
Десять – кто разбежался с гор, –
С ходу, влёт, доставал топор,

---

297 Кичи – маленький, младший, малый; а ну-ка.
298 «Та-та» – неразборчивый клич нападающих издалека калмаков.
299 Кабала – полная, крайне тяжёлая экономическая зависимость).
300 Күрзү – палица (старинное оружие – тяжёлая дубинка с утолщённым концом).

На копьё, словно на забор,
Чтоб не мчались во весь опор,
Он хотел посадить пяток;
Но вмешался его браток –
Да, опомнившийся Сыргак, –
И, конечно же, друг Чубак:
Голося, словно *чымыроон*[301],
Одаряя *урааном* склон –
Да, «Манас!» – он со всех сторон
Длился эхом врагу вдогон,
Оттого-то отход врага
Полновесным был как река!
Кто остался ещё – на бой
Нарывался, но не гурьбой,
А по правде – лицом к лицу,
Что не нравится подлецу.
Вот Чубак, чтоб польстить отцу,
Вышел первый на бой: юнцу
Подвернулся большой *калмак*:
Был привычен, как видно, враг
Биться насмерть; его слезой
Вмиг пробил предстоящий бой:
«Ох, тяжёлый!» – кричит Чубак,
Сделав выпад, другой – зигзаг,
Слишком вёрткий, уловишь как?
А с другой стороны – Сыргак
Налетает как балобан,
Глянешь – вроде, простой пацан,
А копьё, мол, само собой
Грудь врага поразило в бой.
Под копыта коня летя,
Понял враг, это чьё дитя,
И вскричал из последних сил:
«То – Жакыпа сыны!» Верзил
Крик предсмертный не отрезвил:
Так же тупо бородачи –
Как же, как же! – ведь силачи,
Продолжали идти толпой
С пацанятами в смертный бой.
Запыхавшийся Кыргылчал
В это время на склон примчал,
Сорок воинов – *кырк чоро* –
Вместе с ним на сырты пришло,
Акборчук[302] был под ним; в руках
Развевался кыргызский флаг –
Красный фон, и на нём – *айчык*[303];
Супостат испугался вмиг:
Двадцать шло с Абдылдой в главе,
Двадцать – юные в большинстве,
Вёл на схватку их Ырчуул, –
Строем шли, поднимая гул;
И по десять на каждый ряд
Шёл помощников их отряд;
Акбалта сосчитать был рад:
Ну, почти что пятьсот ребят!
Сорок львов – это был костяк.
Окружили они бедняг –
Силачей, что, расстратив пыл,
Были рады сбежать в аил.
Кыргылчал, Акбалта, Чубак,
Чонжинди и его Сыргак –
Все взялись за них враз, вразнос:
Словно начался сенокос;
Кто порублен, кто сдался в плен.
Враг – он враг, хоть глядит с колен.
Враг хорош, лишь когда он – тлен.
Мир приходит врагов взамен.
Потому *олуя* Бакай
Так сказал, обозрев весь край:
«Возвращайтесь домой, *алаш:*
Дом покуда остался наш.
Но, Жакып, Акбалта, Шыгай,
Текечи, – я прошу, Бакай, –
Вы останьтесь со мною здесь.
Что случилось – оно уж есть.
Но *калмаки* затеют месть,
Беглецы понесли к ним весть,
Как разбили мы их толпу.
Жамгырчы, не пытай судьбу,
К Ачмойноку и Будургу,
Поспешай-ка, я помогу
И людьми, и оружьем. Там
Ты расставь людей по местам:
Кто сбежал среди бела дня,

[301] Чымыроон или чыңыроон – древний народный музыкальный инструмент.
[302] Акборчук – имя коня. Ак – белый, святой; борчук – скала (на гребне горы).
[303] Айчык –«ай»- месяц. Флаг с изображением полумесяца.

К перевалу спешат, гоня, –
У *калмаков* за ним родня.
Пусть захлопнется западня!
Не заметил наш молодняк,
Отбиваясь в пылу атак,
Кто затеял весь кавардак,
Кто, откуда, пришёл наш враг
Близко жил ли он, вдалеке.
Близ Жанупа – Алооке,
Если запад – Шооруку,
Дёлёсу – на большом лугу
В южных выпасах держит скот.
Так кому из них донесёт
Убежавший чужой народ?
Если масса *калмаков* вдруг
На конях посетят наш луг,
Да селенье обложат вкруг,
Избежим ли позора, друг?
И Манас, и герой Чубак,
Знаю, не попадут впросак:
Крепкий корень в них как-никак.
Но не знаю, каков Сыргак.
Да, Жакыпа сынок и он,
Но, увы, без любви рождён,
Вдруг полезет он на рожон,
Растерявшись, помчится вон?»

Жамгырчы же, Бакаю вняв,
В путь отправился: пылкий нрав
Заставлял его кровь пылать,
И на буйном коне скакать.
Ачмойнока взнуздав, Сыргак, –
Ведь племянничек как-никак, –
Хвост коню завязав узлом,
Сам пылая, как он, огнём,
В путь отправился тем же днём,
Раньше дяди примчал туда –
Быстроногим он был всегда!
Жамгырчы всем отдал наказ
Как рачительный зоркий глаз,
И помчался скорей вперёд:
До Мойнока он гнал и скот:
Жирных девять кобыл к *тюлее*
У себя забрал на селе.
Вспоминал в пути великан:
«Когда ездил я в Самаркан,
По хозяйским своим делам,
Помню, озеро было там:
Словно море иль океан;
По его бродя берегам,
Говорил я ему: отдам
Чудеса твои сыновьям:
Ширь с простором Манасу – он
Раньше всех сыновей рождён;
Чуткость дам Чубаку – владей,
Мол, на благо своих людей!
А Сыргаку скажу: дождись.
Потекут как поток дожди,
Поселяя тоску в груди;
Вот тогда на своём пути
Сможешь радость другим нести.
Говорил я: себя блюди,
Береги себя, море-быль!
Дам тебе я девять кобыл».
Зло в душе не копил народ
Тех времён, а наоборот:
Жамгырчы всех своих кобыл
Трём батырам лишь посвятил? –
Нет, – желая здоровья им,
Помянул и *калмаков*: сил
Чтоб хватило у тех, кто жив,
Победить в себе страсть нажив,
Ложь и спесь, и без тяжб и бед
Жить как добрый живёт сосед.

Те, кого *кабылан* прогнал,
Разбрелись меж окрестных скал,
Побросали коней – сигнал
Тот, кто спешился первым, дал
И по тропкам помчал пешком:
Ведь по козьей тропе верхом
Не проехать, не проскакать.
Побросал свои копья тать,
И знамена не спас – в камнях
Гнить им, брошенным там,
впотьмах:
Говорят – не советчик страх,
Но в погонщиках – прямо шах!
Силачи-то все на лугу
Полегли, и до Будургу

Мчались, словно отара, те,
Кто остался как в наготе:
Без оружия, без знамён,
Без коней. Если кто спасён,
То не знает об этом Сказ:
Ни *арбак*[304] их, ни лев не спас:
Кто в долину спешил, как раз
Их Сыргак в полдороге пас;
Кто бежал, чтоб в Кара-шоро
Рассказать, как не повезло,
Их разбил Чубак наголо,
Не оставил ни одного.
Впрочем, может быть, между скал
Кто-то скрылся и там пропал;
Их никто уже не искал.
Стан Кёнтея, по сути, пал.
Кто куда с обжитой земли
Разбегались и скот вели:
Шли отары в густой пыли,
Кобылицы с конями шли –
На аркане гуськом, как цепь,
Богачи их вели, хоть цель
Вся в тумане была пока.
Лица жёлты, в глазах – тоска,
И глаза-то почти слепы.
Тяжек маятник злой судьбы:
До отмаха ведь всё, как есть,
Им, *калмакам,* по чести честь –
Так казалось; за что невесть
Им подобное вышло съесть.
Горько плакали старики,
Оказалось вдруг – не с руки
Называть им «*бурутом*» тех,
Кто в раздоре снискал успех.
Все собрались на Кёкойдун:
Лица сморщенные от дум,
Грязны бороды, в них – колтун,
Все трясутся как в колотун.
Как проснулся Манас – прозрел:
По-иному вдруг посмотрел, –
Побеждает лишь тот, кто смел
Заглянуть за иной предел, –
Ведь охват у души другой,
Дорог взгляду её любой.
«Что за шум? Кто так плачет здесь?» –
Так спросил, взволновавшись весь,
Богатырь, – его сердце вдруг,
Словно птахой скользнув из рук,
Стало биться о клеть груди.
И ответил Балта: «Гляди –
Плачут псы, кто изгрыз наш род,
Кто измучил весь наш народ,
Набивая тугой живот;
Проклинают сегодня свод,
Что в рабы идут из господ.
Милый мой, свет моих очей!
Дух велик твой: во тьме ночей,
Где гнездился твой род *алаш*,
Ты родился, спаситель наш!
Для кыргызов ты – как свеча:
Дарит свет она, горяча,
Отдавая свой жар другим,
Она тает, уходит в дым;
Так подумай: кому светить,
Чтоб опять во тьму уходить?
Желтолиций *сарыбашыл*[305]
Участь горькую заслужил,
Пусть он плачет – его черёд.
Месть исполнил родной народ.
Этим дали, что нужно им:
Воду, хлеб. И *керме*[306] дадим,
Чтобы в степь не бежали зря,
Чёрным жиром вокруг соря».

Сивогривый батыр смешок
Подавил, приподнял мешок,
Помолчал и сказал, как смог:
«Нет, *тага*[307], перестань, – душок
Очень скверный идёт от слов,
Где людей по цене ослов
Или даже мешка с добром
Держат, вмиг позабыв о том,
Что не эти бедняги – трон

[304] Арбак – 1. духи святых или чтимых предков; 2. слава; 3. блаженство.
[305] Сары – жёлтый, баш – голова (*здесь*: желтоголовый).
[306] Керме – верёвочная коновязь (протянутая между двумя юртами).
[307] Тага – то же что тайаке: дядя по материнской линии.

Унижал, наносил урон,
Просто грабил, и бил, и жёг.
Посмотри: вот простой мешок:
Кто виной, что наполнен он
Старым хламом, а не зерном?
У людей этих нет вины.
Что они нам, скажи, должны?
Скот потребуешь – будет скот,
Нет скота, то пойдут в расход
Иль детей отдадут своих.
Их правители так же с них
Драли шкуры – по семь в сезон.
Унижать их – какой резон?
Не *калмаки*, кыргызы вы,
Отличайте плод от ботвы,
И зерно, увы, от плевы,
Или тело от головы.
Как могли вы забыть тот гнёт
Под которым дрожал народ?
То, что сам пережил, даёт
Только опыт – не яд, а мёд!
Жамгырчы и Балта, дядья,
Благодарен безмерно я,
Что смогли молодым помочь,
Когда было в бою невмочь;
Но еще не настала ночь,
Как вы словно решили прочь
Отойти от насущных дел,
Не очерчивая предел,
Заходить за который – стыд!
А душа у вас не болит?
Состязаясь, вы гнали скот
И, как скот, вместе с ним – народ?
Проливали в усердье пот,
Чтобы совесть пустить в расход?
Ваши бороды уж седы,
Что оставите за следы?
Слава прошлого – это дым.
Не потворствуйте молодым!
Скинуть с трона глупца – почёт,
Но не дело гнобить народ,
За добычей пусть мчится тот,
Кто последний свой день живёт!
Придержи свою прыть, кыргыз,
Чтоб с вершины спуститься вниз».
Так Манас своё слово рёк.
Подытожил Бакай урок:
«Жёстко сказано – значит, толк
Кто услышал, уже извлёк».
Усмехнувшись, умолк Бакай.
Акбалта, Жамгырчы, Шыгай,
Жакыпхан, Текечи-богач
Кисло сморщились, словно плач
Их душил от сердитых слов.
Изо всех мало кто готов
Был к такому «разгрому» грёз
И не в шутку – вполне всерьёз.
Безбородых терзал вопрос:
Почему натянул им нос
Их вожак, коль победа – их?
Победителей – да под дых?!
Повернулись – и прочь уже
Поскакали, тая в душе
Семя будущих всех «*ыза*»[308],
Чтоб не высказать их в глаза, –
Так таится в норе гюрза;
Но Сыргак их вернул: нельзя
Разводить, мол, обиды зря
На Манаса-богатыря.
Взял он крепких своих ребят
И повёл на рысях отряд,
Он сказать поскорей хотел,
Что *калмакам* Манас велел:
Оставайтесь, мол, на земле,
Где родились, в своём селе,
Хлеб сажали, растили скот.
Мол, живи, как и жил, народ!
Сам Сыргак был, пожалуй, горд
Эту радость нести в народ:
«Возвращайся, *калмак*, домой!
Хвост не волен над головой!
Жить спокойно велел Манас,
Не гордясь, но и не боясь;
Вновь пасите своих кобыл,
Пейте водку, пусть ваш аил
Верит больше соседям, нам,
Не правителям-болтунам».
Лишь закончил – раздался стук:

[308] Ыза – досада, обида, злоба, тайный гнев.

Грохот, всплеск изумлённых рук,
Ввысь *уук, кереге-уук*[309]
Словно флаги взвились вокруг.
Стал *калмакский* народ опять
От волнения причитать, –
Видно, слов не смогли сыскать,
А могли только повторять:
«Правда, что он – Манас? Манас!
Сын Манаса иль сам – Манас?
Правда – он не обидит нас?
Правда – это его приказ?
Ах, да проклята будет власть,
Что измором по нам прошлась!
Наш правитель теперь – Манас,
Только он пожалел ведь нас!
Настоящий правитель тот,
Кто поддерживает народ!
Показал он, нам жизнь даря,
Душу истинного царя!
Букара унижала нас,
За приказом летел приказ,
Чтоб поганец – наш хан – на нас
Наживался в который раз;
Но прогнал его прочь Манас,
Ну, а нас от изгнанья спас!
С чистым сердцем он будет хан,
Вот такой лишь и нужен нам!», –
Рассуждая вот так, притом
Возвращаясь в родимый дом,
Поражались опять: живём!
Кёк иркит[310] выпивали в нём,
Пили водку, чтоб снять испуг,
Всё болтая о том, как вдруг
Из врага получился друг
Как по взмаху волшебных рук.

А Манас сивогривый наш
Обратился к своим *алаш*,
Сорок крепких родов созвал,
Где главенствовал Кыргылчал,
На три группы разбил и дал
Им заданье, чтоб изучал
Каждый посланный им отряд
Жизнь на месте, как говорят:
«Вы, к горе Эгизги дойдя,
Местным жителям не вредя,
Посмотрите – сбежали, нет;
Весть скажите, и что в ответ
Вы получите? Не секрет:
У *калмаков* авторитет
Тот имеет, в ком чуют власть.
Соберутся бежать – не влазь;
Не пугайте, мол, – «я сейчас!»
Насмотритесь тихонько всласть;
Будут водку давать – мол, пей,
Вы не пейте: дурман – злодей,
До печёнок познать людей
Трудно, будь вы в числе гостей.
Наблюдайте, как свору псов:
Кто насколько на что готов?
Знает палку лишь иль добро?
Копит золото? Серебро?
Или только обиду, зло?
Если так – нам не повезло.»
Говоря так, без лести, в лоб,
Разослал в три дороги, чтоб
Неохваченных вестью мест
Не осталось совсем окрест.
В это время Жакып сюда
Доскакал чтоб урвать скота,
Да получше взять лошадей,
Как заслуженный свой трофей.
Но, как вы догадались, он
Пуст остался. Каков урон!
Он вернулся в своё село,
Но привёз лишь обиду, зло;
Дома бедного прорвало:
«Вот вам новое ремесло
Для кыргыза – просить: мол, дай!
Опозорил на весь Алтай!
До чего я дожил, *кудай*!
Сын, и нате вам! – скупердяй;
Поводка, мол, не дам, *ата*!
А зачем я спешил туда?
А зачем его, пса, растил
Из последних, бывало, сил?

[309] Важные части разобранного жилища кочевника.
[310] Көк иркит – перебродивший (вонючий) айран.

То транжирил вовсю мой скот,
То уехал наоборот,
Дёодура убил в пути,
За него, мол, отец, плати!
Ишь! – ведь с детства привык он так!
За него всё село *калмак*
Растоптал, уничтожил вмиг.
Получилось, что я – должник!
А теперь? Ни один кыргыз
В службе с ним не вознёсся ввысь:
Кыргылчала-тюркмена он
Сделал главным родных племён!
Сорок воинов есть при нём
Даже ночью, не только днём!
Что ж, Серек и Сыргак – юнцы,
Тем не менее – молодцы
Мои мальчики-близнецы:
Не обидит Сыргак овцы;
Был главой пастухов Сыргак
И всегда управлялся так,
Как не всякий бы смог мастак:
Ни волчица, ни прочий враг
Ни ягнёнка не мог украсть,
В ненасытную бросить пасть!
Слава богу, он в нашу масть:
Крепкий мальчик, совсем не в мать!
А Серек наш, *боору таш*[311]:
Что ж, животных ему не дашь,
Но зато шестьдесят домов
Наш Серек опекать готов.
Все ребята – его улов:
Все – его *жасоол*[312]. Здоров
Мучить он и гонять других,
А меня? Отличит от них?», –
Так Жакып бормотал весь день.
Чыйырды, что за ним как тень
Шла, не все поняла слова,
Поняла же когда едва,
Рассказала Багдёолет,
Та – Магдым рассказала вслед.
Если вслух прозвучал секрет,
То секрета по сути нет.

Только вникнув в Жакыпов бред,
Рассердилась Бакдёолет, –
Ей, свободной от прежних бед,
Был неважен любой запрет
И смолчать не смогла она
Как покорнейшая жена:
«Эй, Жакып, перестань болтать!
Ты несёшь ерунду, как тать!
Впору псам только так брехать,
И помои словес вкушать!
Что ты думаешь, сын – *тентек*[313]?
Он умней тебя человек!
Ты хотел ведь богатыря;
Думал, бог, его нам даря,
Поскупился на ум ему?
Богатырь он и по уму!
Ты кичился: «Мой озорник!»
Пусть отсохнет гнилой язык! –
«Ах, расходы», «Ах, ел мой скот».
Зря возвысил тебя народ:
Мол, родился для всех оплот!
Ты – отец, но – наоборот!
Ты забыл, как сестру мою
В лес отвёз, чтобы честь твою
Смогла сыном она вознесть?
Ты забыл, как благую весть
Ты к монаху понёс, дрожа?
Эх, душонка твоя, душа!
Не Балта бы, я и гроша
Не дала бы за малыша.
Просто так и барана ты
Не разделал бы без мечты!
Соткан весь ты из пустоты,
И бахвальства, и суеты!
«Хорошо», как и «плохо», ты
Отличишь ли без маяты?
Дочь и трое мальчишек бог
Заиметь ведь тебе помог:
Сын Манас, наш источник благ,
Он – огонь, и Серек, Сыргак –
Братья будто бы на подбор!
Ты клевещешь на них, как вор!

311 Боору таш – жестокосердный, с каменным сердцем.
312 Жасоол – исполнитель поручений, рассыльный, слуга на побегушках.
313 Тентек – озорной; шалун, озорник.

Скряга ты, мой Жакып! Позор
На тебе с этих самых пор!
На опору свою крича,
Рубишь сам ты свой ствол сплеча!
Стань бродягой из богача,
Мчи в Баркёл проводить *мурча*[314] –
Там *калмаки* твои живут,
Их люби, ты такой же плут!
Тёр ты вытер у *байбиче*,
Возлегая на нём. Зачем
Ты, зовущийся хан Жакып,
Вдруг к трофеям чужим прилип?
Ты блаженствуешь, словно гриб,
А глядишь на детей, как сип!
Трудный нрав у Манаса, да;
И с Сыргаком порой беда –
Своеволен он как вода,
И Серек наш – один из ста:
Лидер, умница, но упрям;
Ты же – просто богач-болван,
Пустомеля и горлопан –
То ли глуп, то ли просто пьян.
Шесть десятков родов *алаш*
Называют Манаса «наш»!
Будь ты лучшим из всех папаш,
Ты опоры такой не дашь!»
Словно птица вскочив, она
Отряхнулась, прошла волна
От распахнутых пол одежд.
Бакдёолет из своих надежд
Образ мужа смогла создать, –
Ей пришлось его долго ждать;
Защищая детей как мать,
Образ тот ей пришлось сломать.
А Магдым, промолчав, взяла
Чашку с чистой водой, ушла,
И на улице шепотком
Провела ритуал тишком,
Приговаривая: «Вода,
Пусть с тобою уйдёт беда,
Братьям малым здоровья дай
И Манаса не забывай:
Пусть он будет всегда здоров,
И на подвиг для нас готов!» –
Покропила водой вокруг
И .заплакала горько вдруг:
«Будь ты проклят, *каапыр*[315] Жакып!»
Подождала, покуда вид
Станет снова смиренен, тих,
В дом вернулась. Жакып двоих –
И Магдым, и Бакдёолет, –
Так избил, что как маков цвет
Стали лица, увы, у них.
Женский плач до утра не стих.

Сам Жакып к Чыйырды ушёл,
Успокоен, но так же зол.
Не успел он присесть за стол,
Как Манас молодой пришёл:
Весел, счастлив, глаза блестят, –
В общем, вовсе отцу не в лад.
Рассмеялся и начал речь:
«Ты, отец, не умел беречь
Всё, что нажил – ты скот дарил
Сам *калмакам*, ведь был бескрыл:
Переехать из края в край
Сам не мог ты, не мог сарай
Ты воздвигнуть, какой хотел,
Обозначен был твой предел
Разрешеньем – от сих до сих.
Ты нуждался в советах их?
Нет, советник иной тебе
Был бы нужен в твоей судьбе;
Быть богатым – не твой удел:
Был доход, но не ты владел;
Знаешь притчу: одна нога
У скупца, но два сапога
Носит он на одной, кишка,
Говорят, у скупцов тонка,
Чтоб излишек отдать тому,
Кто помог бы впредь по уму
Приумножить достаток – так,
Как, из зернышка выйдя, злак
Много зёрен просыпет в длань.
Чем *олжо*, так уж лучше – дань,
Понимаешь? Дневная брань

[314] Мурча – досуг, праздное время.
[315] Каапыр – нечестивый, нечестивец, иноверец (немусульманин).

Сковырнула Кёнтея, – глянь:
Где селяне найдут приют,
Если просто разграбить люд?
Под защиту к тем побегут,
Кто хозяйничал ране тут,
Вновь вернутся, собрав войска.
Всё опять повторять? Тоска.
Жамгырчы с Акбалта другой
План придумали: нужен *той*,
Чтоб отметить, что земли здесь
Охранять мы имеем честь:
Мол, *калмакско*-кыргызский съезд
Узаконит владенье мест.
Мало времени справить *той*,
Но Балта, Жамгырчы с тобой
Всё успеют за день-другой,
Ты проворный у нас такой!
Я прошу – я, твой сын Манас!
Подводить же не будешь нас?»

В Жакыпхане бродила желчь,
Начинала печёнку жечь.
«Это ж надо! – пропала речь,
Только мысль продолжала течь, –
Жеребёнка не дал отцу!
Откажу ему, подлецу!
Всё б транжирить ему мой скот!
Приумножил бы наперёд!»
Нет, не мог он промолвить вслух –
Мол, не дам, – только взор потух,
Словно вышел из тела дух,
И язык как чужой распух.
Дальше – больше: его Сыргак,
Что *калмакам* отдал *ардак*[316],
Сорок яловых взял кобыл
У отца, но спросить «забыл», –
Что сказать о баловнике?
Уже вырыли *кемеге*[317],
И зарезали скот; в виске
У Жакыпа на волоске
Мысль висела, но он никак
Не оформил её; Сыргак
Подмигнул тем, кто был вокруг:
«Когда брат у тебя – твой друг,
То несложно творить *тобо*[318]», –
«Сын смеётся в лицо? Слабо
Мне устроить обоим шум? –
Жакыпхан побледнел от дум, –
Оба действуют наобум!
Где же такт и великий ум
У Манаса? – я ждал его
Как наследника своего,
Он же лишь для чужих велик», –
Так шептал про себя старик, –
«Все надежды прошли сейчас,
Он замучил меня, не спас!
Чыйырды я оставлю – пусть
Её кормит Манас, ведь чувств
У меня к ней отныне нет!
Родила бы Бакдёолет.
И Магдым я оставлю – бед
Не видала десятки лет,
Но любила ль меня в ответ?
Сыновья – в её окнах свет.
Пусть же с ними живёт она.
Третья есть у меня жена,
Есть и скот, есть ещё казна,
Будет новый сын у меня,
Никому не скажу о нём,
Заведу я спокойный дом,
Словно золота веский ком
Спрячу сына, живя молчком».
Так печально он думал. Двор
Наполнялся людьми. Как вор
Он угрюмо смотрел на них.
Впрочем, гнев потихоньку стих.
Жакыпхан, Текечи, Шыгай,
Жамгырчы, Акбалта, Бакай,
Все старейшины, Кыпчакбай,
Попивали неспешно чай,
Обсуждая в который раз,
Что воистину царь – Манас,
Что *калмаки* свой звёздный час
Пережили уже сейчас;

[316] Ардак – почёт, уважение.
[317] Кемеге – очаг (продолговатой формы, вырытый в земле; устраивается вне юрты, вне помещения).
[318] Тобо – раскаяние, покаяние.

Правда, словно сурки в нору,
Вновь попрятались и к костру
Единицы пришли – к добру
Привыкают не на миру.

Всю неделю шёл пир – *тюлее*
На добытой в бою земле
Разрастался, на девять дней
Поприбавилось вновь людей,
Собирался народ толпой:
Бадахшан и Балык на *той*
Самый цвет к ним прислал людской,
Из еврейских земель гурьбой
Прибывали, из Тарка шли,
Из тюркменской степной дали,
Шли *журжуты*, *жуда*, *калча*.
Натерпелись от палача –
От *калмакского* богача,
От Кёнтея, что стрекача
Никогда не давал в бою,
Где и жизнь потерял свою.
Все герои – Манас, Сыргак
И, конечно же, друг Чубак
Были в центре. *Каракалпак*
Пел им славу, *шанкай*-бедняк
И *баранг* – все пришли на той
Объявить , что Манас – герой!
Ведь веками *калмак* их стриг.
Иго сбросили люди вмиг.
Повернётся ли чей язык
Не приветствовать горемык? –
Ведь кыргызы они, но рок
Разбросать их по свету смог:
Девяносто их тысяч здесь
Вдруг собрала благая весть.
Отличился опять Сыргак,
Он собрал молодёжь, и так
Речь повёл: «Посмотри, Чубак,
Старший брат постарел мой как!
Средний возраст уже, увы!
Надо ль ждать нам чужой молвы? –
Мол, старается он один.
Нет, пока у нас нет седин,
Быть подспорьем богатыря,
Постараемся, и не зря!

Посмотрите, старик Кыргыл,
Не жалеет последних сил:
Целых сорок собрал верзил
Чтоб с охраной Манас наш был;
И Серек, да и я – Сыргак,
Тоже встали в ряды их – так
Мы поддержим кыргызский флаг,
Да поможет нам всем *арбак*!
Сын Жакыпа я, как Манас,
Рядом с ним я хожу сейчас,
Повторяя: «Наш род – один»,
Брат мне, друг он и господин;
Не хочу оставлять на миг
Я его, так я жить привык,
И хочу, чтобы всяк из вас
Жить пытался, как наш Манас:
Он идёт – так и ты иди,
Словно тень, по его пути;
Он сидит, то садись и ты,
Мы – сподвижники, мы – щиты;
Пусть азарт помогает вам
Всё делить с ним напополам.
Брат мой, вот он: Серек, всегда
Вам подскажет, как быть, – зуда
Он такой, но в делах – звезда,
Кыргылчал вам поможет. Да,
Вам забота сейчас – вода:
В рукомойники для гостей,
В самовары – бегом, скорей,
От товарищей что за толк,
Коль накрыть не помогут стол?»
Настроение Акбалты
Поднялось: все его мечты
На глазах исполнялись, – так
Оказалось: мудрец Сыргак
Закрутил в делах молодняк;
А малыш, его сын, Чубак
Стал героем, с Манасом в ряд, –
Сердце радовал каждый взгляд,
Что бросал Балта на ребят:
Сорок с лишним отважных львят!

Девять дней продолжался *той*.
Девяносто ведь тысяч! – в строй
Коль поставить, то войско – тьма!

И для сердца, и для ума
Да и просто – для живота
Напридумали яств: еда,
Песни, множество игр, бесед.
Рад общенью всегда сосед,
Ну, а если из разных мест
Все певцы, музыканты? – блеск
Исполненья, азарт и пыл.
Кто на съездах подобных был,
Тот представит как праздник плыл
Над толпой разноцветьем крыл.
Состязались вовсю *ырчы*,
Подменяли их скрипачи,
Громкий хохот венчал игру –
Скачки конников, *кёкбёру*,
Прятки, камешки, *акчёлмёк*.
Спать никто не хотел, не мог:
Разве вырвешься из игры?
Были лошади все мокры,
Дымом сладким полны дворы,
Как в заоблачные миры
Устремлялись качели ввысь,
Где стоял непрерывный визг:
Девы, женщины. Страх и риск
Лишь увенчивали каприз.
Целых сорок родов сошлись! –
Всех кыргызов об этом мысль
Волновала, рождая вновь
Чувство общности, суть – любовь!
Насладились, взбодрили кровь,
Так сказать, они в глаз, не в бровь,
Удивили сполна других:
«О, как много же игр у них,
У кыргызов! Такой досуг
Услаждает и плоть, и дух», –
Приходящий твердил народ.
Чай, а с ним и кумыс, и мёд,
Мясо трижды на день, *казы*,
Боорсоков несли тазы, –
В общем, плоть услаждалась так,
Что наелся на год бедняк.

Завершения грянул час.
Всё продумал вперёд Манас.
Подогнали коней: к трёхстам
Тридцать лишь не хватало там;
Ранним утром начался гон.
Впереди – богатырский конь
Аккула, – быстроног как вихрь;
Только вопль одобренья стих,
Как пригнали ещё двоих
Кёктеке, Телкызыл: у них
Кони шли на четвёртый год,
Но трёхлетки на переход
Трёх часов не потратив, влёт
Друг за другом пришли в намёт.
Остальные пришли потом,
Пот, замёрзнув, стянул их льдом,
Всех обтёрли – и под навес;
Главный приз доставался весь
Только первому; для других –
Семь десятков нашлось таких, –
Чуть попроще призы, но их
Не объедешь на ездовых –
Как, присвистнув, сказал народ,
А ему не закроешь рот.
Сто верблюдов, пятьсот коней –
Первый приз, и к нему – камней
Драгоценнейших шло, перстней,
Денег, вышитых чекменей,
Слитков чистого серебра
И парчи, и ещё добра:
Мех куницы и рыси мех,
Выдры, соболя, прочих всех.
Так оплачивается успех.
А бесценен один лишь смех.
Речь Манас говорил пока,
То в подарок от Сыргака
В жертву он получил бычка,
А к тому же Сыргак дичка-
Кийика – дал для *садага*[319],
Посвящённому Аккуле;
Поручили Жакыпу мех
Выдры, соболя, рыси – всех,
Что составило приз, вещей,
И верблюдов, и лошадей

[319] Садага – искупительная или благодарственная жертва.

Разделить между *соогатчы*[320] –
Как к победам иным ключи;
Акбалта все свои призы,
Что принёс Кёктеке, в часы
Сам раздал под такой призыв:
Прирастает добро в разы,
Коль его раздаешь другим,
А иначе уйдёт как дым;
Приговаривая, мол, здесь
Цвет кыргызского корня весь –
Наши дети – собрала весть,
Что-то надо с собой увезть:
Мол, любой из детей – мой сын,
Пусть подарок возьмёт один,
Лучший дар для моих седин –
Что родной мой народ един!
Конь по имени Аксары,
Тоже выделенный в дары,
Поделился лишь кое-чем:
Он от гривы и чёлки всем
Дал по волосу – Тезкызыл
Целых семь у него просил:
И братишкам, и сыновьям.
Мир общения – *аалам*[321]!

Шесть десятков родов в букет
Собрались: всех *алашей* цвет,
Переживших немало бед,
На прощальный пришли обед,
Чтобы он перетёк в совет;
Всё готовил Сыргак: не вдруг,
Всех он загодя звал на круг,
Стар и млад – все к нему с хвальбой
Потекли на обед гурьбой.
На траву, где не ходит скот,
Дастархан расстелили, вход
Обозначили, чтоб *тёрго,*
Было истинно высоко;
Старикам принесли ковёр:
Хоть привычны к прохладе гор,
Но уж если ты сел на *тёр*,
В уваженье живи с тех пор;
Молодым на траве места,
Не грозит зато теснота,
Кругом сорок *чоро* Кыргыл
Порасставил подобьем крыл,
Чтоб кумыс подливали, чай,
Появляясь как невзначай.
Слово взял великан Бакай:
«На исходе наш *курултай*.
Что народ мне подскажет мой?
Что вам дал этот щедрый *той*,
Что устроил богач Жакып –
Между нами он здесь сидит, –
Накормил он досыта вас?
Расскажите мне без прикрас:
Все ль довольны дарами, нет?
Что оставило в сердце след?
Кто приехал издалека, –
Знаю сам и моя рука, –
Без подарков ни стар, ни млад
Не уехал домой назад.
Здесь, на *тое*, *калмак* любой,
Хоть и жаден был сам собой,
Но к еде, и к игре приник,
Наслаждаясь с кыргызом встык:
Бились в скачках и в *кёкбёру*,
В бой на пиках шли поутру,
В *чатыраш* ли, в *коргол*, в *ордо* –
Не отвиливал ведь никто;
Приз достался не всем, зато
Без даров и малыш-*бото*[322]
Не ушел, и за десять дней
Стало многое всем видней:
Львёнок наш богатырь Манас
Всеми назван святым сейчас:
От Кёнтея спасая нас,
Их, бедняг, он ведь тоже спас:
Вырвал спину монгулу он,
И Кёнтею – тот был силён
Высшей властью, чем наделён
Не за то, что он так умён,
Нет, скорее – наоборот.
Что ж, *калмакский* узнал народ,

[320] Соогатчы – имеющий право на подарок из трофеев.
[321] Аалам – Вселенная, мир.
[322] Бото – верблюжонок (синоним нежности).

Что кыргызы щедры, добры,
Что по нормам любой игры
Любим меряться силой мы;
Нам и храбрость не брать взаймы,
Коль приспешники вечной тьмы
Бой навяжут, – тюрьмы, сумы
Им придётся хлебнуть самим;
Враг, я знаю, неутомим
Вечной злобой дышать нам в хвост:
Алооке, Сотой, Дёолёс,
Шоорук, Дёокан, Соксе
И Араника *ханы* все.
Кто им верит, идите к ним –
Всем *калмакам* мы так велим, –
Кто не может верхами, тот
Пусть пешком через степь идёт,
Кто ушам только верит, он
Слеп, и словом давно пленён,
Пусть идёт! Среди всех племён
Много есть погружённых в сон,
Только видимость в них одна,
Что живут, как и все, сполна.
Пусть идут и расскажут пусть,
Что увидели – не боюсь,
Что скупой и на взгляд *калмак*,
У которого мир – *курак*[323],
Пусть он слышать не всё привык –
Глохнет слух, как в грязи родник,
Но глаза – они часть души,
Правду смогут отъять от лжи.
Впрочем, хватит об этом. Здесь
Суждена нам такая честь:
Выбрать надо главу для тех,
Кто остался крепить успех
Поселеньем кыргызским тут;
Дело требует не минут,
А скорее часов иль дней.
Вы – старейшины, вам видней,
Кто из лучших умов главней? –
Акбалта, Жамгырчы? Верней
Всех назвать, если кто забыл:
Есть Жакып, Текечи, Кыргыл –
Да, глава сорока *чоро*, –
Есть Шыгай и Кыпчак. Добро
Может каждый из них творить,
Вы подумайте! Вам с ним жить!
Чтоб родов не прервалась нить,
Надо очень народ любить,
Чтоб держать в нём единый дух.
Кто сумеет? Скажите вслух!»
Так, с вопросом, Бакай умолк.
Речь его возымела толк:
Жарких споров пошёл поток,
Как гроза, что копилась впрок;
Но, закончившись в нужный срок,
Неожиданный внёс итог:
«Главным будет всегда у нас
Наш герой – богатырь Манас!»
Все устроили шум и гам –
Словно почва разверзлась там,
Словно день был последний дан,
Чтоб спасти свой родимый клан;
Лишь герой-*олуя* Бакай
Наблюдал, – мол, бузят пускай,
Лишь бы пламенный этот спор,
Вмиг подхваченный эхом гор,
Не принёс старикам раздор.
Впрочем, молодь вершит надзор.
Всё закончилось славно: шквал
Превратился в поток похвал,
И в единый весёлый глас:
«Наш герой – богатырь Манас!
Мы на белой кошме сейчас
Поднимать его будем, – раз
Внук Мамая батыр, то пусть
По-мамаевски примет Путь!»
Постелили *кийиз*[324][325] – как снег,
Сразу семьдесят человек,
Льва-батыра заставив сесть,
Вместе подняли разом – есть!
Посадили потом на *тёр*.
Трижды эхо ближайших гор
Повторило: «Наш хан – Манас!»
Да, – кыргыз выбирать горазд! –

[323] Составленный из старых лоскутков.
[324] Ритуал возглашения ханом – поднятие на белом ковре.
[325] Кийиз – войлочный ковёр.

Пошутил Акбалта, но сам
Был так счастлив, что по усам
Даже слезы стекали в рот;
И Жакып, как и весь народ
Веселился, смеялся – ввысь
Ловчих птиц отпустил – мол, мысль
Так сегодня взлетела вверх,
Осенив, словно небо, всех, –
Пусть закрепится, мол, успех:
Ритуал не исполнить – грех!
Птицы взмыли под небеса,
Застилая слезой глаза
Всех, кто к солнцу их легкий взлёт
Захотел проследить. Народ
Был доволен: он наперёд
Просчитал всей судьбы восход.
И Жакып так сказал: «Наш род
Выбрал правильно свой оплот –
Сыну власти поводья дал,
Незирая на то, что мал
Он по меркам людей простых,
Ведь не знали они таких,
Кто, согнув вековую ель,
Может сделать себе постель;
Родом он из родных земель,
Но воистину – колыбель
Его в небе: таков Манас.
И советников мы сейчас
Вместе выберем: шестьдесят
Нас, родов; если кто предвзят,
Пусть свой голос отдаст тому,
Кто свободнее по уму;
Сорока управлял Кыргыл.
Этот клан не ушёл в распыл
И почти что пятьсот людей
Подчинялись творцу идей.
Он хороший властитель, но
Два властителя заодно –
Не бывает, для казана
Лишь одна голова нужна.
Кто же главный? – Кыргыл? Манас?
Всё решить надо нам сейчас.
А иначе потом не раз
Кривотолки пойдут, увяз
В злопыхательстве не один
Спешно выбранный господин.
Не спешите в ущерб себе –
Речь о нашей одной судьбе!»

Старики зашумели вновь:
«Прав Жакып!», «Прямо в глаз,
не в бровь!»
«Вот что значит родная кровь!»
Да, умён. И не прекословь –
Главный ум здесь, а не любовь.»
Пошептались, и встал Жамгыр:
«Да, глава сорока – Кыргыл,
Но свободу для них добыл
Сам Манас, если кто забыл;
Два крыла надо дать главе –
Два советника, – в удальстве,
Если верить людской молве,
Сотни выявлены, но пыл
Их удержит в узде Кыргыл;
Он – советник, надёжный тыл,
С ним не будет Манас бескрыл.
Вот ещё бы одно крыло
И, считаем, всем повезло!»
И Балта поддержал, хоть гул
Долго длился. Тут Ырчуул,
Ырамана сынок, сказал:
«Богатырь нам надежду дал.
Говорю я не для похвал:
Я приехал, лишь он позвал.
Кыргылчала любой совет –
Всех родов сорока ответ! –
Это, в общем, моё «добро».
Слово вовремя – серебро.
Но про сорок скажу *чоро:*
Это молоди всей ядро,
Хорошо бы, чтоб Абдылда,
Что приехал со мной сюда,
Всех моложе и всех скромней,
Весь – из мышц стальных и костей,
Стать опорой богатырю
Мог бы – я вам то говорю,
Прав я, лопни мои глаза,
Вот мой камушек первый – за».
Спора не было – весь народ
Взял по камушку и – вперёд,

Словно это была игра;
Поднялась из камней гора,
Подсчитали их, и – ура:
Абдылда, что ходил с утра
Как подсказывал Ырчуул,
За день в *бии* и сам вспорхнул.
Взял поводья Манас-батыр.
Подытожил их сход Жамгыр:
«Эй, народ мой, и стар, и млад,
Ходу нет нам теперь назад,
Мы – по крови родня, уклад
И обычаи так твердят;
Шесть родов слил в одно алаш,
Край Кёнтея отныне наш,
Как мы дальше хотели б жить,
Надо нам вот сейчас решить.
Пить кумыс да лежать, пока
Верховодит в делах рука,
Что мы выбрали на века?
Только жизнь ведь не так легка.
Всё ли в жизни решает власть?
Разъезжаемся, торопясь;
Если снова жить, разбредясь,
То ослабнет, как прежде, связь».

Он закончил, и вновь народ
Стал выкрикивать в свой черёд:
«У Манаса поводья! Впредь
Должен он за других смотреть;
Скажет он нам идти – пойдём,
Там, где он, там наш общий дом;
Ведь на западе – Дёолес,
На Шымале – Шоорук, он бес,
Его кличут свиньёй не зря.
В стороне, где встаёт заря,
На Аранике – Дёокан,
Кровосос и палач дехкан;
На Нарыне – Алооке,
Старый лис с топором в руке;
Порешат нас по одному
Потихоньку в своём дому».
И сказал богатырь Манас:
«Отвечаю теперь за вас.
Чтоб познали вы лад и мир,
Хан Жакып, мой отец, Жамгыр,
Акбалта, Текечи, Шыгай
Охранять будут этот край;
С сорока же *чоро* я сам
Поохочусь по тем местам:
На могулов, на всех заик,
Кто не помнит родной язык
И кого превратил *калмак*
Не в наёмников, так в сутяг;
Сделав узкой дорогу им,
Мы в Сарарку пойдём, к другим:
К Дёолесу и Алооке –
Погуляем на ветерке.
Ханом подняли вы меня,
Дорогая моя родня,
Моё имя Манас, и я
Хлебом, жаром клянусь огня:
Вам пропасть я не дам в боях,
От кыргызов чтоб только прах
Вечный ветер носил в веках,
Сея всюду былого страх;
Нет, живите себе в дому
По обычаям, по уму,
Поколеньям другим канву
Выстилайте вы по родству;
Молодёжь, старики, мужи
Жёны, девушки, малыши,
Жизни радости хороши,
Наслаждайтесь же от души!
Коль я хан, то моя стезя:
В войнах, что избежать нельзя,
Биться, чтоб ни одна слеза
Не застлала бы вам глаза!
Только дружбою славен род.
Пригоню вам и слуг, и скот.
Благодатно лишь тот живёт,
Кто раззора в судьбе не ждёт.
Молодежь, кто со мной, – вперёд!
Кто верхом, кто пешком идёт,
Старикам теперь мы – оплот,
Не дадим же родной народ
Словно сбитый до срока плод
Повыбрасывать весь в отход.
Вон Кёнтей был спесив, как лис,
Он-то думал: взобрался ввысь,
А раз так – трепещи, кыргыз,

Мой любой исполняй каприз;
Я вогнал в его бок копьё
С наслаждением, и вранье,
Что является в забытьё
Тот, чьё кончил ты бытиё;
Небеса покарали зло,
Мне, пожалуй, лишь повезло
Быть карающим тем копьём!
Небеса нас берут внаём
Чтоб беречь от насилья дом,
Ведь для счастия мы живём!
Нападать я не буду, нет!
Но всегда я смогу в ответ
Как Кёнтея сразить врага,
Если ступит хоть вполшага
На родимые берега,
На ухоженные луга.
Я сказал это вам, Манас!
Пусть исходит молва от вас,
Что отныне падёт любой
Кто кыргызам навяжет бой!»

Эта речь всполошила всех.
Почесать свой язык за грех
Не считает бедняк, пусть он
Хоть кыргызом, хоть кем рождён.
Полетели во все концы
С пересказом тех слов гонцы,
Лошадей загоняя, так
Торопился иной бедняк,
Будь кыргыз он, тюркмен, степняк,
Попадая порой впросак,
Потому что другой шустряк
Напугал уже всех людей,
Напридумав своих страстей,
Страх, тревогу нагнав, тоску.
Прискакав в Белсаз на *кыркуу*[326],
Удивился Манас: Кырчын
Словно вымер весь без причин,
И ни женщин, и ни мужчин
Не осталось и на *ырым*[327],
Все *калмаки* Кёкойдуна
Вдруг исчезли. Чума? Война?
Или происки колдуна?
Вот овца во дворе видна,
Жеребёнок копытом бьёт,
Сам на привязи он живёт?
И телята мычат. Одни?
Нет, *инеки*[328] в глуби видны,
Козы точат об столб рога,
Вымя, полное молока,
До земли не достав слегка,
Уж взорваться грозит. Бока
У верблюда опали так,
Словно в яме лежит, бедняк.
Без людей неприятен вид
Всех подворий, и ядовит
Словно воздух вокруг – разлит
В нём как будто бы плач навзрыд.
В котловину спустились лишь,
Мужичонка, слепой как мышь,
Приняв, видимо, за своих
Рассказал – разогнал, мол, их
Очень страшный рассказ о том,
Что придёт людоед к ним в дом,
И с собой приведёт причём
Суд небесный с их палачом.
Гневно крикнул Манас: «Ну, что ж!
Людям хочется верить в ложь?
Все, что ищешь, то и найдешь».
Кыргылчала позвал, – он тож
По деревне пустой бродил,
Удивляясь, кто весь аил
В одночасье опустошил.
Всех созвали *чоро* опять.
На подворье Жакыпа встать
Им с конями пришлось: Манас
Речь держал, как и в прошлый раз:
«Акбалта, Жамгырчы, беда:
Стая псов набежит сюда,
Все *калмаки*, что снялись с мест,
Разбежались созвать окрест
Самых сильных свирепых псов,
Всех, кто наймитом быть готов,

[326] Кыркуу – ряд горных хребтов, расположенных один за другим.
[327] Ырым – примета, почин и т. п. (*здесь*: на развод, на показ).
[328] Инек – корова старше трех лет.

Чтоб людей убивать без слов,
Без разборок и без судов.
Текечи и Шыгай, парней
Наберите что посильней,
Там *калмакских* полно коней –
Побросали их средь степей,
Соберите их всех, они
Службу нам сослужить должны:
Есть такие ведь бедняки,
Кочевать кому не с руки –
Нет коней, нет у них скота,
Во дворе у них пустота –
Ни овец, ни кров, и жён.
Нищетою кто поражён –
Как болезнью, – не сможет он
И жениться: кто пустит в дом,
Пуст который, невесту, дочь?
Вот таким мы должны помочь.
Чтоб для гостя всегда баран
На подворье был у мирян,
Конь пусть будет – чтоб кочевать,
И, чтоб дому не пустовать,
Мог невесту бы каждый взять
И чтоб тестя уважил зять.
Наш народ до того привык
Жить под гнётом чужих владык,
Что хозяйствовать стал впритык:
Всё, что нажил – растратил вмиг.
Кто богатый, кто бедный? Нет
Разделенья теперь; без бед
Надо долго нам жить, тогда
Поубавится беднота.
Кто богат, тот гребёт к себе,
Всё, что выпало всем в судьбе –
Мол, зачем раздавать толпе
Да заведомой голытьбе
Ту добычу, что вдруг настиг?..
Так ограбили горемык.
Нынче враг наш как жадный сип
В ситуацию ту же влип:
Переел да попал в ощип!
Даст совет вам богач Жакып:
Кто бездомен – пусть дом возьмёт;
Двор пустует? – берите скот;
И запомните: вор не тот,
Кто заброшенное берёт,
А, скорее, наверно, вор –
Кто приходит тайком во двор
И отложенное в запас
Тащит, спрятанное, у вас;
Злато-серебро потому
Не берите в чужом дому,
Хлопочите лишь о живом,
Позаботьтесь с лихвой о нём.
Драгоценные вещи пусть
Как ненужный в хозяйстве груз
Приберут в казну старики,
Им такое беречь с руки:
Жакыпхан – мой отец, Шыгай,
Акбалта наш и Кыпчакбай,
И, конечно же, Жамгырчы
И всевидящий Текечи:
Драгоценности сдайте им –
Уважаемым шестерым.
Жамгырчы и Балта со мной,
Я надеюсь, поедут – *той*
Нам не светит, скорее бой
С Шооруком, – я слышал, злой
Он на нас, и казахов он
Смог нанять или взять в полон;
Так что некогда спать, увы!
Не наелись ещё травы
Наши кони, как снова в путь
Их торопим – не отдохнуть».
Всем Манас приказал: «Скорей!»
Оседлали вмиг лошадей,
«Провиант, – как сказал Манас, –
Ждёт в степи, расторопных, нас!»
И отправились в путь, спеша,
Чтоб отныне край *алаша́*
Оградить от вторжений всех –
Будь *калмак* ли, *манжу*, – успех
Приграничных оград и вех,
Чтобы не было в них прорех:
Лишь охрана: отвага тех,
Кто порой не спит без доспех,
Кто готов до конца стоять,
Как бы ни был опасен тать,
Кто недели готов не спать,
Но покой и мир отстоять.

Вдоль реки помчался отряд
Стариков и юношей-львят;
Десять дней весёлых подряд
Обмывали ханство – свой вклад
В мир и счастье вольных *алаш*
Без поборов, гнёта и тяжб,
Без *калмакских* тяжких вериг,
Без кровавой власти сквалыг.

Те *калмаки*, что выгнал страх,
Что сбежали из сёл впотьмах,
Те, что видя Кёнтея крах,
Еле-еле спаслись в горах,
К Дёолесу пошли с мольбой,
Чтоб с Манасом затеял бой;
Известил Шоорука тот,
Побоявшись идти в поход;
Весть дошла и до Алооке,
Что расслабился в затишке
На гремучей Нарын-реке;
Вспомнил он о своём дружке:
Мол, дружище Ыранкудук,
Дух твой зрит на сто миль вокруг,
Что ты скажешь? Сказал мулла:
«Очень плохи у нас дела.
Вам не хватит ни сил, ни зла,
Чтоб герою урон несла
Ваша глупая копошня.
Лучше слушайтесь вы меня:
Подберите подол! – дразня,
Отдадите Нарын, друзья!
Поднял голову раз Манас,
Значит, близок последний час
Нашей власти и наших дел;
Где бы схрон нам найти для тел?!
Те *калмаки*, что подо мной,
Чтоб не кончить свой путь земной,
Пусть бегут по тропе ночной,
Чтобы их не узрел Кошой:
Догадаться чтоб он не смог,
Кто, откуда в пыли дорог
Пробирается налегке.
Знаешь, друг мой Алооке!
Если с шумом пойдёшь к реке,
То окажешься весь в силке –
Вместе с домом, людьми, землёй.
Весть услышит, увы, Кошой!
Великан на Тооттору
Выйдет встречь вам – на *кёкбёру*
Будешь вскоре летать в миру
Иль в Нарыне метать икру.
Сон забудьте, бегите прочь,
Пусть подспорьем вам будет ночь!»
Так сказав, все богатства в тюк,
Паникуя, Ыранкудук
Уложил на верблюда вмиг
И, властительный друг владык,
Поспешая, сбежал вперёд,
Чем собрался его народ.
Впрочем, имя Манаса в пот
Всех вгоняло не первый год,
Не седлая коней, в поход
Отправлялся *калмакский* сброд,
Так, намётом, летели вдаль,
И задов было им не жаль,
У кого варил котелок,
К Дёолесу на Кётёлёк
Мчались, как селевой поток,
Уповая, чтоб он помог.
Дёолес же седлал коня,
Чтоб в Сарарк на восходе дня
К Шооруку скакать, ценя
Что у хана сильна родня.
Шоорук был и храбр, и зол.
Осуждённых сажал на кол,
Говорили, что кровь он пьёт,
Оттого-то всегда цветёт.
А ещё говорил народ:
«С шапкой голову оторвёт[329]!»
Про Манаса узнав, не вдруг
Раззодорился Шоорук,
Облизался как волк сперва
И приветственные слова
Произнёс сквозь губу едва;
Но созвал все войска – трава
Так же густо растёт в лугах,
Разве что не наводит страх.
Вот теперь из Кангая он

[329] Пословица: «Бөрк ал десе баш кескен».

Был готов выступать; вдогон
Дёолес своё войско вёл;
Впереди Шоорука шёл
Страж дозором – разведать путь
Да и стрелам подставить грудь.
Мурадил сын Кырмусшаа
Рвался стражем идти сперва,
Но помедлил; ему молва
Дар приписывала волхва.
Каткалановский зубоскал
Плёл, что чёрт к ним прибил Сайкал,
Из *калмаков* же Уушан
Шооруком был с войском зван.
Не нашли только Нескару –
Он забился как крот в нору,
Остальных же собрали всех,
Обеспечив в бою успех.
Шоорук уже грезил вслух:
«Из кыргызов мы выбьем дух,
Вряд ли дважды споёт петух,
Как останется прах и пух
От хвалёных богатырей!
Нашинкуем мы сухарей
Из кыргызов, как прежде, вновь!
Чай не нужен – мы выпьем кровь!
Водку сменим теперь на яд.
Хан Чынгыш-то и виноват,
Он ведь запад с востоком, кат,
Дал монгулу, как говорят.
Гнев свой пью по утрам теперь!
Приоткрыл он кыргызам дверь,
Пол-Алтая Жакыпу дав.
Говорил ему: обезглавь!
Нет, Чынгыш, как тупой удав,
Переевший богатств и прав,
Всё не смог удержать в горсти:
Дал *бурутам* в Алтай вползти!
Что случилось потом? – авгур
Разве знает, где Дёодур:
С караваном верблюдов он
В неизвестности погребён:
Больше тысячи ведь голов
Нам он был привести готов,
Но взошёл лишь на перевал –
Растворился, исчез, пропал!
Кто виновен?.. Кёнтея кто
Продырявил как решето?!
Коль оставлю его в живых –
Да, кыргыза, – то всех святых
Призываю лишить меня
Ханства, войска, жены, коня!»

Так вот, буйствуя на словах,
Словно дым разгоняя страх
В молчаливых своих войсках,
Хан теперь уж не впопыхах
Сосчитал, сколько взял с собой
Он *аскеров* в грядущий бой:
Тысяч вышло аж шестьдесят!
У Кёнтеевских шакалят,
Что врагу показали зад,
С поля боя сбежав назад
И примкнувших теперь к войскам,
Разбежались глаза к вискам:
Вот теперь, мол, мы всех сильней!
Шоорук взял их как гостей,
Надоели они ему
Страхом – мощным не по уму,
Всеми жалобами, нытьём
И порочащим их враньём:
Ведь Кёнтея сразив, Манас
Их не гнал никуда, не пас,
И не брал ни в наём, ни в плен –
Мёртвым счёл кто не встал с колен.
А теперь они напоказ
Вспоминали тот страшный час:
«О-о! Большой как гора Манас!
Нас Кёнтей от него не спас,
Он полвойска разбил один
И пытался как *илбээсин*[330]
Расклевать до кишок живот –
Плоть живую он, видно, жрёт!
О-о! Теперь он увидит нас,
Раздерёт животы тотчас,
Чтоб насытиться про запас!
Жён у нас отберёт Манас!
Вниз потащит в подземный лаз
И кыргызам раздаст подруг».

[330] Илбээсин – общее название птиц, пернатая дичь.

Если б сделало время круг,
Мы услышать могли бы вдруг:
«О-о, проклятый хан Шоорук!» –
Эти ж люди-шакалы так
Проклинали *калмакский* флаг,
Власть клеймили – мол, первый враг,
«О-о, проклятый тиран-*калмак*!
Нас гоняя, убил бы он,
Уничтожил бы, взял в полон,
Коль внезапно бы нас не спас
Лучезарный батыр Манас!»

Так и двигались. Лунный диск
По ночам увеличив риск
Строй палаток явить врагу,
Всё чертил в небесах дугу,
Уступая высь очагу –
Солнцу – с первым «кукареку».
День настал. Богатырь Манас
Под внимательным взглядом масс –
Шооруковских войск, – сошёл
С перевала в Сараркский дол.
Акбалта, Жамгырчы, Бакай
Шли с Манасом в *калмакский* край,
И все сорок *чоро* – оплот,
С окруженьем – почти пятьсот.
И, конечно же, шёл Чубак,
Тенью быть он умел, мастак:
Рядом с другом не только день,
Но и ночью светилась тень!
Время сумерек, вечер был.
От заката желтела пыль.
Лунный диск желтел в вышине.
Был Манас спокоен вполне,
Словно дома спал в тишине;
Как влитой, сидел на коне,
Вдаль, прищурясь, глядел: внизу,
В котловине, как топь в грозу,
Пузырились войска – в тазу
Так размешивают азу.
Ханы там же стояли все.
Не боялся Манас совсем,
В грош не ставил он их, ведь бог
Выше всех ему стать помог.
Не учёл одного Манас:
Лишь двенадцатый год сейчас
Шёл ему, и в который раз
Он отвагой ребячьей тряс,
Мир желая перевернуть;
Но пока бородою грудь
Не заденет мужчина – он
Лишь башку повернуть силён.
Но была в нём одна черта,
Что присуща мужам, когда
Поседеет их борода
И угаснет дурь навсегда:
В нём тигриной породы стать
Проявлялась уменьем ждать:
Будет словно скала стоять,
Пока сам свою шкуру тать
Не приблизит вплотную – так
Уязвимей намного враг.
Был уверен герой в себе:
Это ценный настрой в борьбе,
Да и как сомневаться – он
Для победы на свет рождён:
Сердце словно свинец, рука
Точным взмахом разит врага,
Ноги – ветер, и конь, и сам –
Надо, – взмоют и к небесам.
Рядом с ним – великаны сплошь,
На которых он сам похож,
Друг Чубак вызывает дрожь
У врагов, и другие тож
За себя, за него стоять
Могут сутками, – не понять
Этой преданности врагу,
Чьи войска если что бегут
И бросают всё на бегу,
Чтоб зарыться иглой в стогу.
Вот Сыргак – дорогой *бёбёк*[331],
Сколько пройдено с ним дорог!
Вот гадальщик и волхв Тёлёк,
Он предскажет событья в срок,
Чтоб извлечь, не пройдя, урок
Из событий, что знаешь впрок.

[331] Бөбөк – младший брат.

Алекен из *алымов*[332], с ним
Хорошо вечерять одним:
Вмиг развеет сомнений дым
Здравомыслием он своим.
Шууту – *мергенчи*[333], стрелок:
Всех на свете следов знаток,
Если ночью идёт *алаш* –
Путь возглавит охотник наш:
Волчий, рысий заметит след
Под мерцающий звёздный свет.
Сорок крепких джигитов в бой
Абдылда, как *бий*, за собой
Вёл: за каждого был горой,
Отбирал ведь он сам, – порой
В глухомани, где рос герой,
Находил его: той искрой,
Что с рожденья вложил творец.
Отличался такой юнец.
Было много талантов здесь:
Кто-то быстро доставит весть,
Кто-то сам, как гадальщик, влезть
Может в завтра и всё прочесть;
У кого-то отменный слух,
У кого-то – собачий нюх,
Кто-то ловкий развездчик; тот
Всё, что ищет, всегда найдёт.
Сын Бёгё, что прозвали Волк –
В тайных тропах он ведал толк,
Бозуул да ещё Ырчы –
Небывалые ловкачи, –
Охраняли кыргызский стан,
Чтобы гость, если он незван,
Не врывался в ночной покой,
Ведь спросонья кыргыз на бой
Может выскочить словно чёрт,
Напугав даже свой народ,
Словно пьян иль младенец он,
Крик поднимет, со всех сторон
Все проснутся – вот так бизон
Всё снеся, начинает гон;
Коль не всё им удастся снесть,
То вернутся и стопчут – месть
Чтут кыргызы как будто честь,
Так что лучше пусть спят как есть.
Это шутки, конечно, – их
Запускали меж молодых,
Чтоб боялся сильней *калмак*,
Пусть привыкнет, мол, думать так,
Что кыргыз – как огромный бык,
Рот похож на большой арык,
Сине-пегий свисает ус,
Слышен только зубовный хруст;
Если выйдет из добрых чувств,
То в окрестностях будет пуст
Край, в котором он лёг поспать,
Вот поэтому охранять
Сон приходится стражам – тот,
Кто проснулся, в дозор идёт,
Его сменит другой в черёд.
Так *калмакский* считал народ.
Мурадил, что с Китая шёл,
Уушан и Сайкал – орёл
Был любой из троих, – в гульбе,
В лени, в праздности, в похвальбе, –
Так сложился расклад в судьбе,
Что полеживали в избе
Да поглядывали на дев,
Но, тулупы теперь надев,
На конях поскакали в дол.
Вдруг ударил Кыргыл в *доол*[334]!
Богатеи, услышав звук,
И поводья сронили с рук,
Закричав: «Шоорук – подлец!
Зазывал когда во дворец,
Обещал лишь прогулку нам
По угодьям и по полям,
Мол, попутно моим парням,
Застоявшимся их коням,
Поручу прогуляться встречь,
Чтоб срубить головёнку с плеч
У зарвавшегося юнца –
У кыргызского стервеца.

[332] Алым или аалым – учёный (сведущий главным образом в богословии).
[333] Мергенчи – охотник.
[334] Доол – (встречаются ещё формы: доол, добулбас, доолбарс, доолбаш; первая часть доол – *инд.*) небольшой барабан (с одним дном, обтянутый верблюжьей кожей; употреблялся при соколиной охоте и в походах).

Шоорука проклянет род:
На войну затащил, урод!»
Кыргылчала *доол* сумел
Всех *калмаков* сорвать с их дел:
Кое-кто петухом запел,
Кое-кто убежать успел,
Кто-то в давке аж полспины
Снёс – был меч не такой длины,
Кое-кто наложил в штаны.

В лучших правилах старины
Бой начался с больших страстей.
В бой кыргызы пошли скорей:
Сели первыми на коней,
Обнажая клинки мечей;
Алп Бакай поднял знамя ввысь.
Жамгычы, как большая рысь,
Грозно щерился – он в седле
Был страшнее, чем на земле.
Сын Жакыпа батыр Манас
Хан *алаша*, он в первый раз
В этом званье пошёл в поход,
Шесть десятков родов – оплот
Всех стоял за его спиной;
Богатырь сидел, молодой,
На своём Аккуле – герой
Возвышался над ним горой,
Он изящным копьём играл,
В ножнах меч, затаившись, ждал,
За кушак заткнут *Айбалта*,
Чтобы был под рукой всегда;
И висел китайский *доолбас* –
Красный цветом любил Манас,
Что звенит, хоть слегка затронь,
И пылает, словно огонь.
Всадник сам, а под ним и конь,
Как и водится испокон,
Слились в целое – как дракон
Издалёка смотрелся он
И подобным дракону был –
Жар от юноши исходил.
Рядом флаг наподобье крыл
Развевался – его вонзил
В землю старый мудрец Бакай,
Обозначив кыргызский край.

От *калмакского* войска мгла
На долину как пыль легла,
И, казалось, она была
Преисполнена только зла,
И долина была мала,
Чтоб вместить это море зла.
Если б в душу *калмакам* влезть –
То не доблесть, не совесть – честь,
Можно было бы там прочесть,
А желание спать и есть;
Не о жёнах, не о семье,
Не о долге родной земле:
Похоронная грусть, печаль,
И прощальное чувство: жаль.
Но кричали они сильней,
Чем весной секачи свиней,
С гор помчалась река камней
И куски валунов за ней.
Тут, размахивая копьём,
Вышел плотный *калмак*: на нём
Амулеты висели – знак,
Что его охранял *арбак*;
Были брови его густы,
Глазки злобою налиты,
Весил каждый кулак пуды;
Звали злобного Талапты.
О себе говоря, мол, – «он»,
Стал рассказывать, как силён:
«Талапты – он со всех сторон,
Что он сделает! – знает он;
Он разрушит кыргызов вмиг –
Молодой, середняк, старик,
Хоть ребёнок, а хоть мужик –
Он любого крошить привык.
Будет некуда вам бежать.
Талапты – повторю опять, –
Что сказал, то и сделал он,
Для того Талапты силён».
Утомила *балбана* речь,
Был не прочь бы он и прилечь,
Но *калмаки*, крича: «та-та!»,
Подзадоривали скота
И стояли за ним стеной,
И захлёбывались слюной.
«Небылицы к лицу плуту, –

Закричал в ответ Шууту, –
Чем прикрыть твою пустоту?
Я такой калпак не найду.
О, могила скроет беду!
Потерпи, я уже иду».
Так шутить он всегда любил.
Конь задиры Темиркызыл
Был хозяину весь подстать:
Если надо, умел лягать,
Так настроен был на борьбу.
Хоть и есть у коней табу:
Человека, что встрял в табун,
Приравняет табун к столбу.
Повелела природа-мать:
Человека не убивать.
Но пока Шууту шутил,
Задираясь, что было сил,
Талапты, что и *тон* носил
Из железных сплетённых жил,
И любил ещё на копьё
Вздеть врага, словно тот – тряпьё,
И, не дав зацепиться, так
Выворачивал, что бедняк
Извивался, как тот червяк,
Что в насадку пустил рыбак;
А в борьбе он любил на грудь
Человеку вскочить и пнуть
Стопудовой ножищей в рот,
Что от боли большой орёт.
Вот такой богатырь-*калмак*
С Шууту поравнялся: так,
Разворачиваясь, хотел
Вмиг свалить, но слегка задел:
Ускользнул Шууту, как лис, –
Был он родом *дёрбён кыргыз,*
Ловок, жилист, но невысок, –
Увернувшись, копьём в висок
Он калмака ударил враз,
И с *урааном* своим: «Манас!»
Снова бросился, метя в глаз;
Талапты и на этот раз,
Потрясая копьём, вперёд
Надвигался; а весь народ
Замер в ужасе: две злобы́
Повстречались, как две судьбы,
И одной из них быть нельзя.
Оба прямо глаза в глаза
Мчались с криком. Кыргыз – *калмак*.
Лишь к победе привыкший враг
Тренированным был бойцом
И не думал, сойдясь с юнцом,
Что продержится тот хоть чуть.
Умудрился, ударил в грудь
Изворотливого Шууту,
Ловко вывернув на ходу
Остриё своего копья.
Тут на помощь пришли друзья:
Встрял Уйшюна Умёт в борьбу.
Талапты, закусив губу,
И его завалил; в толпу
Бросив вызов опять – в судьбу
Он поверил свою, и вновь
Из кыргыза пустил он кровь:
Сын Бёгё был умел и смел,
Но свалился и он – успел
Его с ходу достать *калмак*,
Весь разлапистый словно рак.
Оставались в живых *чоро.*

Абдылда порешил хитро́:
Рана – битвы, считай, тавро,
Лишь бы воин сберёг нутро
И к своим отступил, – взамен
Выйдет новый; а без подмен
Будет биться *калмак*-силач,
Пока сможет крутиться вскачь.
Был по возрасту как Чубак
Абдылда Кыпчагая – так
Девять было ему, смельчак
К Талапты свой направил шаг;
Ещё больше беснуясь, враг
Жаждал крови, ревя как хряк.
Абдылда своего коня
Чуть пришпорил – была видна
Слабость маленькая, изъян
У *калмака*: он как баран
Шёл неистово на таран,
От победы всё больше пьян.
Талапты обозлён был тем,
Что не видел он мёртвых тел

И не смог он убить совсем
Никого, хоть весьма хотел.
Абдылдая увидев, в рёв
Он ударился: был готов
Кыпчакбаевского сынка
Он убить уж наверняка,
О котором немало знал
И, конечно, на взгляд узнал.
«Эй, несчастный ребёнок, хлыщ!
На гнедом жеребце сидишь,
Как на детской качалке, – ишь!
Вышел к взрослым и здесь
шалишь!», –
Талапты оскорблял как мог
Абдылду, только тот берёг
И настрой, и азарт, и пыл,
Понимая, что хватит сил
Победить, коль не в брань вложил
Всю энергию, что скопил;
Ведь у всех поединков есть
Своя форма, закон и честь:
Побеждает-то чаще ум,
А не спешка без всяких дум.
Разъярённый большой Талап
Был на разум немножко слаб
И, хлестая коня, сатрап
Предвкушал, как пронзённый раб,
На копье извиваясь, в плач
Умоляет: «Прости, палач!»
Абдылда же стоял скалой,
Словно вовсе не рвался в бой,
И, на ласку всегда скупой,
Тихо гладил коня рукой,
Призывая быть начеку.
И когда Талап на бегу
Попытался вонзить копьё
В то, что думал уже: «Моё!»,
Абдылда увильнул с конём,
Талапты же за остриём
Потянулся, и толстый зад
Из седла соскользнул; назад
Не успел человек-гора
Подобрать даже часть «добра»,
В задней луке застрял, вопя:
«Смерть, я ждал не такой тебя!»
По седлу лишь скользнув копьём,
Абдылда весь повис на нём,
Продырявив врага насквозь;
Кровь, как деготь, как чёрный воск
Проливалась на круп коня,
Конь рванулся в бега, звеня;
Дав свободу рывком копью,
Абдылда отскочил. «Убью!», –
Умирающий взвыл Талап,
Хоть и был уж настолько слаб,
Что оглядывался – глаза
Звали вечные небеса;
Пока щурился в небо он,
Был ударом копья сражён:
Абдылда смог вонзить копьё
Прямо в горло – отжив своё,
Враг горою с коня упал,
Тебетей потерял амбал,
Грязной кучей тряпья лежал,
Только лысиною сверкал.
Тут не выдержал Шоорук
И, пришпорив коня, он в круг
Выйти сам захотел, как вдруг
Абдылда повернул на луг,
Где у флага стоял Бакай,
И спросил у него: «*Агай*,
Кто там в золоте и парче,
С лентой шёлковой на плече
Скачет? – вижу в бородаче
Много важности. Я, *кече*[335],
Сам не знаю: достоин я
Вперерез ему гнать коня?
Сил не хватит вдруг у меня,
Опозорюсь средь бела дня».
«Молодец, Абдылда, ты прав:
Хан имеет прескверный нрав, –
Шоорук, – это он в парче,
С цветом знамени на плече,
Стал он ханом, хоть сам – *кече*,
На насилии, на мече
Во дворец он забрался, трон
В кровь испачкан со всех сторон;
Он силён и ещё не стар.

[335] Кече – бестолковый, косноязычный.

Во дворце он привык как *мар*[336]
Слушать речи своих льстецов,
Что назвали его отцом
Всех *калмаков* – тех подлецов,
Кто захапал в конце концов
Наш исконный кыргызский край:
Несравненный родной Алтай!
Молодец, что не принял бой:
Должен хана убить герой!»
О герое услышав, вмиг
Жамгырчы в разговор их вник,
Разобрался во всём когда,
Стал Бакая просить *бата*
Сделать, – то, мол, моя мечта,
Что лелею в себе всегда:
Шоорука убить в бою,
Отомстить за родню свою!
«Сколько лет мы, Бакай, в сетях
Бились рыбами. Вечный страх
Отложился уже в костях,
Дома жили мы как в гостях,
По краям разрушая плен,
Превращая надежды в тлен!
Я хочу не щадя себя
Сделать то, что давно судьба
Уготовила мне: Бакай
Дай *бата* мне! Благословляй!
Я убью его или – он,
Тьмой насыщенный с тех времён
Когда кровь он людскую пил,
И с тех пор, не старея, жил;
Буду рваться я сам из жил,
Чтобы голову он сложил!
Если вдруг упаду с коня –
Пусть заменит Балта меня;
Но Манасу не дай пути –
Ему лет бы хоть семь расти,
Пока их не удвоит он;
Впереди ещё много войн,
Лезть не надо бы на рожон,
Не для битвы одной рождён
Наш защитник на времена.
Срежь сейчас ему стремена!»

Если трое имели честь
Обсудить по секрету весть,
Значит, вкоре ее прочесть
Сможет всякий, кто в мире есть.
Лишь на этом стоит молва.
И не стихли ещё слова,
А шпионы вдруг как трава
Прибежали качать права:
Из Кангая, мол, мы втроём
Мчались, в спешке покинув дом,
Чтоб увидеть, как храбр кыргыз,
Как его охраняет высь,
Что Манас он – для нас сюрприз,
И, поверьте, не наш каприз
Повидать его в деле: люд
Хочет видеть, насколько лют
В схватке лев, что послал *асман,* –
Защитит ли он отчий клан.
Как при этих троих сказать,
Что Манасу нельзя принять
Бой, в котором матёрый тать
Постарается растоптать
Ум, не знавший увёрток лжи,
Плюнуть в чистый родник души,
Искалечить дух клеветой,
А потом уж начать и бой.
Жамгырчы был готов с мольбой
За Манаса платить собой:
«Эти трое – с Кангая, нет? –
Шооруковских тень тенет:
Он плетёт их, послав во след
Первой нашей из всех побед;
Нам придётся по одному
Отправляться на бой к тому,
Кто как старый паук плетёт
Новый свой хитроумный ход;
Про засаду его народ
Вмиг доложит ему; поймёт
Шоорук, что и нам видна
Его хитрость; и *буудана*[337]

[336] Мар – змея.

[337] Буудан – 1. скакун (эпитет выносливой и быстроходной лошади); 2. эпитет богатыря, молодца.

Он возьмёт. Молодого льва
Надо вырастить нам сперва,
Пусть ещё погудит молва,
Что пока не смогли права
Мы свои отстоять, и тать
Удостоился исполать;
Пусть сейчас нас не Шоорук
Беспокоит, не сплетни слуг,
А Манас – чтоб не вышел вдруг,
Нас не слушая, он на круг;
В одиночестве ни на миг
Не оставьте его, – привык
Он, чтоб рядом все были мы,
Так придётся напрячь умы,
Как уйти нам по одному,
К Шооруковскому холму.
Кстати, если падёт вдруг хан –
Эти трое «с Кангая» в стан
К шооруковским людям вмиг
Улизнут, как слуга-блудник;
Их Манасу дадим, чтоб он
Поиграть бы успел мечом.
Впрочем, что же я говорю?
Не пристало богатырю
Резать – трое их пусть, – свиней,
Сталь ржавеет от их кровей!
Шоорук ведь хитрей, чем лис.
Он решил, что любой кыргыз
Хоть Манас он, – конечно, б скис,
Коль сперва бы свинячий визг
Ему уши забил хвалой,
А потом бы в борьбе тройной
Со шпионами хана он
Был бы вымотан, угнетён,
И, в конце-то концов сражён.
Ну уж нет! – просчитался он!
Из *кангаев* шпионов трёх
Он нашёл, каждый, пусть, неплох,
Но попробую выбить дух
Я из чёртовых этих слуг!
Выбор бог нам даёт из двух:
Иль Манаса сберечь, иль слух
Поддержать, как он славен весь.
А расчёт-то на нашу спесь!», –
Жамгырчы, распалившись, смолк.

В знойном мареве, щедром впрок,
Конь его серо-пегий смог
Стать незримым в пыли дорог;
Повернуть захотел старик,
Росший всюду густой тальник
На мгновенье чинары ствол
Приоткрыл: из него бы стол
Можно вытесать, так был толст;
Жамгырчы, обернувши в холст
Руку, дёрнул за ствол – как хвост.
Да, такой во дворе бы рос –
Места не было бы жаре
На тенистом таком дворе!
Вместе с комом тугих корней,
С места вывернув склад камней;
Оказался весь ствол в руках
Великана, что вмиг пропах
Ароматом листвы, земли.
Показался и хан вдали:
На караковом шёл *калмак*,
Чёрен, жирен был словно хряк,
Прогибалась под ним земля,
Космы чёрных волос, пыля,
Задевали, свисая вниз,
За поросший травой карниз,
Что, скалы оттеняя высь,
Над дорогой слегка навис;
Вид *калмака* любого в дрожь
Мог бы бросить: волосья сплошь
Подбородок закрыв и рот,
Создавали водоворот
Маслом смазанных чёрных косм;
Если сзади бы, в полный рост,
Шоорука увидеть – хвост
Словно тёк по спине: для кос,
Что свалялись как хвост змеи,
Дни ухода давно прошли.
Иногда Шоорук, скрутив
Обе косы, как дьявол-див,
Вокруг пояса их пускал,
В них вставляя ножей оскал,
И, обвёрнутый в свой улов,
Так порой устрашал врагов
Что трусливый бывал готов
Сдаться сразу и без боёв.

Глазом чёрным, где тлел огонь,
Хан засёк Жамгырчы, и конь
Даже взвился на миг под ним,
Так был яростью хан палим.
И, не медля, он из реки
Ствол чинары рванул, с руки
Ствол, вихляясь, свисал; тальник,
Что к стволу как родной приник,
Был ещё от воды сырой
С перепутанной бахромой.
Только топот и храп коней
Нарушал тишину, и в ней
Мысль весомей больших камней
Лишь крутилась: так кто сильней?
Как копьё, ствол чинары взяв
В бой пошёл Жамгырчы – удав
Так не смог бы взметнуться ввысь;
Но ударил и хан. Взвились
Клубы пыли, земля как столб
Дыбом встала, как будто шёл
Чёрный дождь из горячих зол,
Дымом схватки закрыло дол.
В том дыму не видать не зги –
Живы, нет ли, ещё враги –
Все хотели бы видеть, но...
В чёрном мареве вдруг окно
Распахнулось: герой, другой! –
Продолжался всё так же бой;
Без чинары Жамгыр уже
Нож метнул, но настороже
Был вильнувший с конём *калмак*,
Увернулся, ответив так:
Пику, формою как язык
С остриём, словно волчий клык,
Шоорук попытался в зад
Великану вонзить, – назад
Тот отпрянул, но с силой зла
Пика ниже, в бедро, вошла,
Кровь, тягучая как смола,
Тут же струями потекла.
Акбалта это видел, вмиг
Он взметнулся в седло, приник
Низко к гриве коня, и крик
Он издал, или даже – рык;
Враг взметнулся, аж почернев,
Клокотал в нём безумный гнев
И от гнева он, опьянев,
В схватку бросился словно лев;
Но Балта был совсем не лань:
Не впервые вступая в брань,
Отскочил и ударил в тыл,
И копьём он бедро пронзил,
Чем, *калмака* лишая сил,
Погасил и напор, и пыл;
Шоорук растерялся: кровь
Так хлестнула! Вернуться вновь
Шооруку пришлось, чтоб желчь
Приложить и края прижечь
Рваной раны, не то истечь
Кровью мог он до новых встреч.
Крепко перевязав бедро,
В бой пошёл Шоорук – нутро
Злобной горечью яро жгло,
И оскалился: повезло! –
Лошадь верная Акбалты,
В схватке выполнив все ходы,
Охромела, да как! – о бог:
Бабка сломана как сучок,
Да на полном ещё скаку!
Не готовый, увы, к броску,
Великан, не замедлив ход,
Без коня полетел вперёд,
Кувыркаясь вокруг себя.
Как зловредна порой судьба!
Сотни глоток вскричали: «Ах!»
Тут сыновний безумный страх
Чубака подстегнул: герой
Сильный, крепкий и молодой,
Возвышаясь в седле горой,
Поскакал, чтоб вмешаться в бой.
Среди всех молодёжных сил
Был такой *сынчы*[338] – Мурадил,
Он немного глядел вперёд
И предвидел событий ход;

[338] Сынчы – 1. составитель плана боя и расстановки сил перед боем; 2. предсказатель судьбы человека гаданием; 3. знаток боевых качеств людей и скаковых качеств коней; по другим сведениям, были сынчы, определявшие качества беркутов и борзых собак.

Покачал *сынчы* головой:
Это будет неравный бой,
Пусть, бесспорно, Чубак герой,
Только встал он недавно в строй,
И с матёрым врагом не след
За отца, мол, держать ответ:
«Да, у парня, что скачет, есть,
Несомненно, отвага, честь,
Но сейчас-то им движет месть,
Может он головы не снесть.
Недостаток вижу я в нём:
Молод! Хоть и горит огнём,
Вышел ростом и сам умён,
Да плечами широкий он,
И обычный боец-драчун
В схватке парню повысит *кун*[339],
Но немного Чубак хвастун,
Потому что уж очень юн!»

Призадумался тут Манас:
«Чтобы сын да отца не спас?!» –
С видом льва, что давно не сыт,
С Аккулой своим словно слит,
Повернулся, взглянул, – джигит
Мест достиг, где отец лежит
И пытается встать, хотя
Видно – слаб ещё как дитя.
Наклонился Чубак, вздохнул,
Мигом за руки потянул, –
Шоорук к ним скакал спеша,
Предвкушала его душа,
Как беспомощного врага
Он, помучав его слегка,
Как барана или быка
Будет резать, пинать в бока,
Напрочь голову оторвёт,
Дыней взрежет тугой живот.
Эти мысли как чёрный дым
Стлались, будто бы хвост, за ним;
На караковом мчал своём,
Приготовившись бить копьём,
Тёмно-синим пропитан злом,
Как осенняя хмарь дождём;
Сивогривый навстречу вдруг.
Сбился с помыслов Шоорук,
Сжалось сердце – как у пичуг,
Смерть почуявших в хватке рук:
То ль предвиденье – хан был стар,
И почуял судьбы нагар, –
То ли сила – тот божий дар,
Что *асман* при рожденье дал
Сивогривому храбрецу, –
Полоснул, как луч, по лицу
Шоорука – *калмак* притих.
Конь Чубака унёс двоих
С поля боя в отряд, к своим,
Живы оба – отец и сын.
Лев Манас и *калмакский* хан,
Что *Прославленным*[340] с детства зван,
Два самума, солончака,
Что вздымаются на века,
Близко, тесно сошлись – рука
Не промажет наверняка!
Но, копьё не настроив, хан
Сам себя же загнал в капкан:
Развернуться не мог *балбан*,
И спросил, словно к речи зван:
«Нет народа, чтоб я не знал!
Жамгырчы и Балту считал
Я сильнейшими из бойцов;
И с Кошоем – святым отцом,
В поединке сходился я.
Мне знакома вся их семья,
Мы, конечно же, не друзья,
Только в схватках всегда ничья
Нам светила. А кто же ты?
Мне лица твоего черты
Так напомнили что-то. Вдруг
Стал сильнее сердечный стук,
Грудь стеснило. Кто ты, ответь?»
С губ Манаса рвалось: «Я – смерть:
Смерть твоя, Шоорук!» Но он
Так ответил: «Из тьмы времён,
Из *тунжуров*[341] ты вышел, хан.

[339] Кун – цена, стоимость.
[340] От Шоорат – слава, известность; Рух – духовность, духовный.
[341] Тунжур – ястреб-тетеревятник.

Впрочем, так ты назвался сам,
Хан ли ты иль *кара*[342]*-балбан,*
И прославлен иль самозван –
Я не знаю, но ты не лгал,
Что Балту и Жамгыра знал
Как кыргызских героев, тех,
С кем тебе изменил успех;
Да, ты прав, что крепки, сильны
И в семье одной рождены
Два батыра те, и Кошой
Счастлив звать их своей семьёй;
Прибыл вместе с Кошоем я.
Все кыргызы – моя семья,
О себе я, не утая
Всё скажу, – из небытия
Скоро будешь проклятья слать
И, конечно, ты должен знать,
Кто сорвал с тебя твой *чапан*,
Усомнившись – ты раб иль хан?
Скорпионий заряд свой, яд,
В твою глотку воткну назад;
Хорошо, что ты так патлат –
Попадёшь безголовым в ад:
Вместе с гривою голова
Пусть качает в мешке права,
И чертям не расскажешь ты,
Чьи увидел во мне черты:
Сын Жакыпа: он был богач,
Нынче хан, – то не он ловкач,
Это просто Всевышний зряч:
Ханство жертве вернул палач.
Он – *алаш*, для которых вы
Всё жалели – земли, травы,
Даже доброй простой молвы –
Звали псами. А мы-то львы!
Моё имя, вникай, – Манас!
Вы, *калмаки*, хотели нас
Погубить в поколеньях всех,
Взяв на душу тяжёлый грех –
Нерождённых губить. Но бог
Выжить мне и другим помог,
Мы – как стрелы его теперь,
Вместе с богом мы – верь, не верь, –
Но поймёт неразумный зверь:
Хочешь выскочить без потерь,
То всем войском беги от нас! –
Это я говорю, Манас.
Задираться начнёшь в ответ –
Я сломаю тогда хребет
И тебе, и твоей родне,
И народу, и всей стране,
Не оставлю я на развод
Ни ребра, чтобы твой народ
Не воспрял никогда в веках;
Все те муки, и боль, и страх,
Что *алашам калмак* принёс,
К вам вернётся стократ – возрос
Этот счёт: поколений шесть
Нас *калмак* угнетал, почесть;
В языке вашем вряд ли есть
Слово *правда*, и слово *честь*:
Нашим женщинам на сносях
Животы разбивая в прах,
Были разве людьми вы?! – страх,
Вот что двигало вами: так
Вы хотели назло богам
Навредить безответным нам!
Вы боялись Манаса – он
Перед вами! Ответ времён
На все происки ваши: вон
Вы и весь ваш прогнивший трон!
Звали нас вы «*кара-кыргыз*»,
Это «*тьма*», значит – вширь и ввысь
Мы рассеялись, разрослись,
И в единый народ слились;
Род *алаш* мой – один из всех;
Сводит накрепко не успех,
А большая одна беда –
На века, а не на года!
Я – Манас, я пришёл сюда,
Чтоб кыргызов взошла звезда!»

Весь скривился от злобы хан:
Всё, что высказал *кабылан*,

[342] Кара – черный. Кыргызы еще говорят о простом народе «кара калк», «Кара дыйкан» – крестьянин-бедняк. И слово «кара» встречается как распространенный эпитет раба, как «кара кул», «кара күң» и т. п.

Не по вкусу ему пришлось,
Понял он, что Кошоя гость –
То не гость, а скорее гвоздь
Всех сражений, земная ось
Перемен эпохальных всех,
Что стяжал совершённый грех.
Разволнованный Шоорук
Выдал бранью слепой испуг:
«Выпью кровь твою!» – он сказал,
Под усами зубов оскал
Выдал суть его: хан-шакал,
Лжи и подлости аксакал;
Он Манаса отвлечь хотел
Болтовнёй, и о том радел,
Но над речью пока потел,
Положенье меняя тел,
Выбил просто Манас копьё
Как крестьянское батожьё
Так, что опытный Шоорук
Словно выпустил сам из рук
И победу, и свой удел.
Был и ловок Манас, и смел,
Хоть и опытом не успел
Он разжиться средь многих дел,
Но Манас – он и есть Манас,
Сил немеренных в нём запас:
Что-то делал с нова́ легко,
Что-то – будто бы молоко
На губах не обсохло. Что ж,
Забывается только ложь,
Правду в памяти не сотрёшь,
Рано, поздно – в себе найдёшь.
Ложь исчезнет, как стёртый грош.

Ближе всех Мурадил стоял,
Видел он, как Манас орал
Что-то хану в лицо, затем
Сделал выпад обманный с тем,
Чтобы выбить копьё из рук
У *калмака*; как Шоорук
Взвыл от гнева и, синий весь,
Как в предгрозье накал небес,
Воплем всех напугав окрест,
Подскочил, как взъярённый бес,
На караковом скакуне,
Пыль взбивая, как дым в огне,
И к Манасу рванул, ревя,
Напугать его норовя:
Разобиделся за копьё,
Ведь уже предвкушал «жнивьё» –
Как он голову наглеца
Сбросит оземь у стен дворца,
Но сначала как мертвеца
На глазах у его отца
Грязной ветошью пронесёт
Мимо всех, чтобы весь народ
Видел – вот он, мол, ваш герой!
А Манас как сидел горой
На своём Аккуле, что лев,
Так остался, горячий гнев
Лишь внутри полыхал, согрев
Щёк овал как у юных дев.
Эта поза и внешний вид
Обманули врага, – гневит
Равнодушие больше слов;
Шоорук был уже готов
И зубами загрызть щенка.
Приготовилась бить рука,
Взгляд собой потянув. Нельзя
От врага отвердить глаза! –
Вмиг кыргызская *Сырнайза*
В хана просто впилась, скользя
В мышцах бёдер к лопаткам, вверх.
Пёс-*калмак* предвкушал успех,
Не заметив, как умер сам,
В путь отправленный к небесам,
Он всё так же скакал с копьём,
Чтоб врага нанизать живьём.
В это время же *Сырнайза*,
В сердце хана вползла, грозя
Меж лопаток закончить бег.
Ведь ковал её человек,
Легендарный хромой кузнец,
Всех волшебных вещей творец,
Тот, чья кузница, как дворец,
Словно божьих хором близнец,
Внутрь, как рай, пропускала тех,
Чьей души не коснулся грех.
А тем временем остриё
Меж лопаток взойдя, своё

Действо сделало, и копьё
Парень выдернул. Колотьё
Началось у *калмака* – кровь
Ручейками хлестнула вновь;
Шоорук растерялся – он,
Думал, *Шаем*[343] уберёжён,
Но, слабея, не сбавил гон:
Замахнувшись своим копьём
На Манаса, как смерч, летел,
Но Манаса он не задел:
Тот в последний момент сумел
Ловко вывернуть за предел
Досягаемости копья,
Низко к гриве прильнув коня;
Шоорук, в этот раз опять
Уронивший копьё, скакать
Продолжал, чтоб схватить своё
Окровавленное копьё;
Сам в крови, взор почти угас,
Но бросался в который раз
В схватку вновь; то, что враг – Манас,
И держало его сейчас.
Но караковый, чуя смерть,
Бился, словно попал он в клеть,
И не слушал приказов – плеть
Не могла уж его огреть.
А юнца *кабылана* дух
Распирал и, одно из двух:
Самому ли взорваться вдруг,
То ль не ждать, пока Шоорук,
Осознав, что он мёртв, из рук
Меч уронит с копьём. На круг
Снова вылетел *кабылан*,
Сырнайза был от крови пьян,
Он вертелся и так сверкал,
Словно чем-то живым он стал,
Иль Манаса всех чувств накал
В этой пляске передавал;
Шоорука коснулся он,
И *калмак*, как гора, как слон,
С тяжким стоном упал с коня,
Снаряженьем своим звеня.
Весь *калмакский* народ, родня,
Растерялись и, гомоня,
Теребить стали с плачем тех,
Кто сраженью сулил успех.
А тем временем сам Манас
С удивленьем – в который раз! –
Труп врага оглядел: не спас,
Бог, житья отпустив в запас:
Сырнайза сам прошёл весь путь
От бедра, рассекая грудь,
К сердцу, чтобы его кольнуть –
Жизни всей становую суть.
Шоорук угасал, хрипя.
Не жалея и не скорбя
На своём Аккуле Манас,
Миловиден и ясноглаз,
Бросив взгляд свой в последний раз
На врага, поскакал тотчас,
Словно лев, в стан своих бойцов.

А *калмаки* к лицу лицом
Побоялись с ним выйти в бой,
Препираясь всё меж собой:
«Ты, Уушан, выходи сейчас!»
«Мурадил и Сайкал! – за нас,
За *калмаков*, ну хоть бы раз
Заступитесь не напоказ:
Коль наш доблестный хан угас,
Невозможен уже отказ!»
Мурадил и Сайкал,увы,
Рассуждали в две головы
Как бы спрятаться от молвы,
От сраженья – почти мертвы
Стали вдруг от душевных мук:
«Это ж надо! – сам Шоорук
Пал в сраженье. Кёнтея друг –
Талапты – лишь удобрил луг.
Да и сам-то Кёнтей пропал!
Путь наш в сети беды попал,
Как бы выбраться? – кто другой
Пусть за нас бы закончил бой, –
Кто там сильный у нас?! – и впредь
Надо юным вперёд не лезть:
Чем геройствуя умереть,

[343] Шай – Шаймерден: незримый покровитель богатырей; Шай колдогон – всегда сопутствуемый удачей, победой; знаменитый (богатырь).

Лучше в старости встретить смерть».
Видя – мнутся друзья, Уушан –
Богатырь и силач-*балбан*,
Так подумал: «Чем осмеян
Буду жить я, уж лучше стан
Свой спасу от *бурутов* – так
Разозлил меня их смельчак,
Что готов я лицом к лицу
Это высказать стервецу!»
От толпы отделился он:
На своём скакуне гнедом,
Весь в железных доспехах – льдом
Словно скован и серебром,
Потрясая копьём, спешит.
Слыл Уушан силачом большим,
В битвах многих несокрушим,
Был одним из пяти – Бейджин
Хвастал ими повсюду, мол,
И кыргыз, и *калмак*-монгол
Не имеют таких в роду
Ни на счастье, ни на беду.
Сивогривый герой-кыргыз
Вновь коня повернул, и ввысь,
К перевалу, быстрей, чем мысль,
Встречь врагу поскакал. «Вглядись, –
Сам себе Уушан сказал, –
Коль противник – большой амбал,
Надо ноги давать отсель
И плевать, что потом. Хоть сель!»
Но за ним Мурадил, Сайкал
Тоже вслед поскакали; стал
Стыд их есть, или зависть – мал
В мелких душах и чувств накал.
Рассуждали они вдвоём:
«У кыргызов ведь мал объём
И народа, да и ума.
Подсказала судьба сама:
Пусть Уушан их побъёт, потом
В победители мы войдём,
Это будет нетрудный бой,
Но прославимся мы с тобой!»
Так и шли они все – гуськом,
Словно воры крались тайком,
Но Чубак с Ырчуулом в рёв
Стали тут же стыдить их кровь:
«Псы-*калмаки* пришли втроём
Чтоб сражаться с одним! – внаём,
Видно, совесть и стыд ваш дом
Ненадолго берут, притом
Для того, чтобы чистить двор,
Вот их, видно, похитил вор!
Говорите не по-людски
И вопите как *канюки*[344],
Жить по правде вам не с руки, –
В общем, полные .дундуки!
Встречи жаждете? Не вовне –
Сразу пятеро здесь, во мне,
Для двоих я силён вдвойне,
И особенно на войне!»
За Чубаком Шууту спешил,
Тот не ведал о том, шутил,
Над врагом потешаясь всласть,
Предвкушая победы власть;
К ним добавился Ырчуул:
Доскакал и к Шууту примкнул;
Перетрусивший Мурадил
Повернул и что было сил,
Пыль вздымая, скорей в аил
Поскакал и Сайкал забыл.
Та на чалом своём коне
Вдруг застыла, и как во сне
Всё глядела на Шууту
Невзирая на суету,
Что вокруг набирала ход:
Жамгырчы вновь рванул вперёд,
А за ним Акбалта – в полёт
Так срывается с ветки плод,
Понимая, что миг настал
Самый главный, и капитал
От победы получит тот,
Кто точь-в-точь в этот миг войдёт;
И советчик двоих – двойной –
Ум и мудрость, твердил, что бой
Он – последний, и лишь гурьбой
Он осилится, став судьбой.
И *калмак* Уушан-*балбан*,
Понимая, что вражий клан
Замыкает его в кольцо,

[344] Канюк – хищная птица семейства ястребиных, крик которой напоминает тоскливый плач.

Но боясь потерять лицо,
На Манаса-богатыря
Направлял своего коня,
Рассуждая, мол, тот устал
И зазор меж боями мал,
И победу уже алкал,
Пряча в жидких усах оскал,
Так направив копьё к врагу,
Чтобы вонзилось бы на бегу
В печень, разворотив живот:
Воля в печени, мол, живёт.
Но Манас-*кабылан* не стал
Ждать – куда же вонзится сталь,
На Уушана он *сырнайза*
Пожалел: мол, и за глаза
Хватит этому топора;
Айбалта трепетал: пора!
Для оружия бой – игра,
Ведь великие мастера
Душу вкладывали не зря:
Не подвёл он богатыря!
Лишь коснулся топор копья –
Не найдёшь от него щепья,
И рука Уушана вся
Развалилась бы, но, вися
На кости лучевой, она
Рядом с телом была видна;
Свою тушку скорей унёс
Уушан, как побитый пёс:
Он удачей считал всерьёз,
Что скакун его прочь унёс.

А Манас в стременах привстал:
В степь теснила Шууту Сайкал,
Этой девы мужской запал
Для джигита загадкой стал
И чуть-чуть – проиграл бы он,
Но Манас поспешил; вдогон
Поскакал Жамгырчы; тогда
Дева, не причинив вреда,
Ускакала, и с ней – беда,
Шууту же лишь от стыда
Весь горел, как в ночи звезда.
К Мурадилу спеша, Чубак
Не догнал беглеца никак:
Ведь китаец любой – мастак
Бегать словно степной сайгак.
Уушан, Мурадил, Сайкал,
Показав боевой запал,
Только поняли – не судьба,
Ну, – скорее спасать себя!
Пусть *калмаков* ревёт толпа,
Легче спрятаться в ней, вопя,
Ведь зачем проливать им кровь,
Раз тщеславие, не любовь
Верховодит в походе том?
Поднебесная – щит и дом,
До неё не дойдёт Манас –
Ну, хотя бы на этот раз.
Сивогривый и сам «Мана-ас!»
На скаку закричал, сейчас
Это имя, *урааном* став,
Все надежды в себя впитав,
Устремленья собрав в кулак,
Рея, словно победный флаг,
Помогало кыргызам так,
Что бежал, его слыша, враг.
Поспешили калмаки прочь,
Со слезами припомнив ночь,
Когда шли к Шооруку вдаль
О Кёнтее несли печаль,
Страх и боль, что нести невмочь.
Обещал Шоорук помочь.
А теперь он и сам разбит
И друзей его клан бежит;
Что там армия! – ханы, те,
Позабыли ведь в суете
О достоинстве и стыде
И о божьем большом суде, –
Где защиты искать? – нигде!
Постыдились бы хоть врага!
Шкура каждому дорога.
Шёл закат, и в его лучах
Блики алые на мечах
И на лицах, и на руках
У кыргызов сверкали так,
Словно были они в крови;
О, Всевышний, благослови
На спокойствие, мир, любовь.
Но повсюду лишь кровь и кровь:

Льётся с неба и с пальцев рук.
И Кёнтей, да и Шоорук
Много пролили крови! Долг
Не оплачен, – твердит поток
Алой крови заката, он
Этой кровью не утолён.

Царь Манас и герой Чубак
Так отметили этот знак.
Кыргылчал и батыр Сыргак
Всех собрали *чоро* под флаг,
К ним примкнули Балта, Жамгыр,
Чтоб покинуть кровавый пир.
Молчаливо, как стая львов,
Шли неспешно, но был готов
Каждый, встретившись вдруг
с врагом,
Вновь отстаивать новый дом.
Мягкий сумрак окутал край.
Здесь остался один Бакай.
Сильный мудрый Бакай – ведь он
Знамя здесь водрузил на склон,
Видно было со всех сторон:
Степь под знамя легла в поклон.
Без шестнадцати душ пятьсот
Смог кыргызский собрать народ;
Шестьдесят целых тысяч враг
Двинул войском навстречу – флаг
Перебил их накал атак?
Так бездарно попасть впросак!
Мурадил и Сайкал спеша
Мчались в сумраке чуть дыша,
Впереди них бежал народ.
Не народ, а *калмакский* сброд:
С разных собран он был земель;
На Кангай торопились. Сель
Так несётся, в пустую мель
Превратив, что росло досель.
Перевал Кызылкийский влёт
Взял почти что уже народ,
Но попадал, к земле припав
И дыша ароматом трав.
Но расслабился рано враг
И напрасно прилёг, обмяк:
Сын Жакыпа герой Сыргак
Раньше взял перевал; в *абак*[345]
Превратились уступы скал
И вершин ледяных оскал, –
Только птицами ввысь вспорхнуть.
Беглецам преградил их путь
Как голодный всегда дракон
Победителей злой закон,
Что придумался так давно,
Что менять его не дано.
Врассыпную бежали, но
Было круто, остро, темно.
Так вот сорок *чоро* смогли
Часть кыргызской вернуть земли,
И угодья, и тьму скота,
Всей границы закрыть врата,
Взять *олжо*, и не меньше ста,
Недовольным сомкнуть уста,
Чтоб не шли за подмогой вновь
И напрасно не лили кровь.
У сбежавших врагов, увы,
Нет ни имени, ни молвы,
Как у сложенной в стог травы
Не найдёте названий вы;
И неважно – кто хан, кто раб,
Одинаково дух ослаб,
У поверженных в душах кляп:
Обернулся былой нахрап
Низкопробным смиреньем, честь –
Тайной верой, что грянет месть,
Почитанье сложилось в лесть.
А в глазах только страх и есть.
И неважно – кто хан, кто раб,
Одинаково дух ослаб,
У поверженных в душах кляп:
Обернулся былой нахрап
Низкопробным смиреньем, честь –
Тайной верой, что грянет месть,
Почитанье сложилось в лесть;
Только в душу, мол, враг, не лезь
И в глаза не гляди – вполне
Смерть поймаешь свою на дне.

Дал Кыргыл сорока *чоро*

[345] Абак – тюрьма, место заключения.

На поживу своё «добро»;
Кто-то десять *олжо* себе
Взял для дома, хвала судьбе,
Кто-то в воющей голытьбе
Не нашёл никого в толпе.
Сходу взяли чуть больше ста;
На пиру же размеры рта
Расширяются как врата:
Взяли тысячу. А куда
Размещать всех *олжо* теперь?
Жадность – это бездумный зверь.
Часть в мечети закрыть смогли,
Остальных же гонять в пыли
Взад-вперёд как овец пришлось,
Разжигая всё больше злость.
Как собакам бросает кость,
Чтоб унять их, нежданный гость,
Так порой верховые речь
Затевали – толпу развлечь;
Впрочем, свойство дано молве:
Посудачить наготове
Она в каждый момент сполна, –
Что же – этим жива она;
А закваска была дана
И совсем не молвы вина,
Что сынок Акбалты Чубак
Вдруг влюбился в *олжо*, да как!
На блокаде Сарарки он
Отличился со всех сторон,
Вклад его был велик в полон
Всех, кто жил испокон времён
Во дворце. Не о слугах речь!
Сам Чубак позабыл про меч,
Когда дочь Шоорука вдруг
Вышла в стайке своих подруг.
Лунной Мудростью Шоорук –
Накылай – её звал, вокруг
Сорок девушек знатных шли,
Словно *пери* родной земли;
А сама Накылай была
Лучезарна, бледна, светла,
Лишь глаза – души зеркала –
Были чёрными, как смола,
Но наполнены тем теплом,
Что несовместимо со злом;
Все, кто видел хоть раз её,
Всё последующее бытьё
Восхищенье несли своё –
Будь хоть юноша, хоть старьё.
Шёлком платья шурша, она
И кокетлива, и стройна,
Шла, как песня, и сорок дев
Выплывали вслед как припев.
Было ей тринадцать годков.
Став *олжо*, без всяких оков,
Без запретов, дел и забот
Ещё краше из году в год
Становилась дева-раба,
Чубака любовь и судьба.
Ему десять с лишним тогда
Было лет; он брал города,
Помогал в сраженье отцу,
И во всём везло молодцу.
Ырчуулу он поручил
Дев везти домой без личин –
Всех в покровах, – не без причин:
Чтоб сберечь от взоров мужчин.
Сам остался грузить добро –
Слитки золота, серебро –
Сто одиннадцать коробо́в
Уместил посреди горбов
Бактрианов-верблюдов он;
Впрочем, каждый верблюд гружён
Был не им самолично – люд
Всё грузил, но любой верблюд
Был осмотрен им: без помех
Дело сделано – ждёт успех.
Был намерен он в Самаркан
Всё отправить, и этот план
Был непрост и имел подвох:
Много узких плохих дорог.
Ровно сорок верблюдов впрок
Загрузить провиантом смог:
Рис с мукою, другая снедь
С караваном пошла, – смотреть
Путь, чтоб всех не завёл в беду,
Поручил Чубак Шууту:
На верблюде он впереди
Должен был во главе идти.
Да и сам он рванул вперёд,

А за ним уже шёл народ –
И *олжо*, да и те, кто скот
Охраняет и бережёт.
Мерно двигался караван.
Снежных гор голубой айран,
Да ущелий ночной туман.

Быстрый, зоркий, как *кырaан*[346],
Догоняя Сыргака, лев –
Сивогривый, везде успев,
С Жамгырчы и Балта скакал
Узкой тропкою между скал;
Он Сыргаку сказал: *чоро*
Собери, – пусть везут добро
Слуги, челядь. Не то нутро
У *аскера,* хоть бес в ребро
После славного боя всех
И шпыняет – на то успех,
Но уменье сдержать свой пыл –
Важно; многих, увы, сгубил
Бес наживы: ведь он без сил
Тех оставит, кто закусил
Удила и летит вперёд,
Проливая не кровь, а пот.
Акбалта возразил ему:
«Лев мой юный, я по уму
Подсказал бы, как дядя твой,
Что негоже со спешкой в бой
Гнать ребят: пусть сперва домой
Все заглянут и, мудрый мой,
Тот трофей, что в бою добыт,
Дома только *тёргё* лежит;
Тот, кто выпил вперёд, заест
Вкус пшеницей, не будет мест
Тем, кто в спешке блуждал окрест;
Тот, кто ест понемногу – есть
Будет много и долго, но
Кто торопится – заодно
С мором, джутом, немудрено:
У таких не взойдёт зерно,
Скот приплода не даст. Не зря
Я пугаю богатыря,
Оглядись-ка: встаёт заря,
Небо мирное нам даря,
Живы спутники все, друзья,
И соратники, и семья;
Ты подумай и оглядись,
И, прошу я, не мелочись,
Не гонись за бедой, она
В срок проявит себя сполна;
Если будем вовнутрь спешить,
Там, в Аранике, нам не жить:
Дёокан там, Банус-*бааша*[347].
Ты подумай, и не спеша:
Мы раздразним их нынче лишь,
Оттого, что ты, лев, спешишь;
Озвереют, возьмут бакшиш
И насильно, с кыргызов, ты ж
С Шоорука, с Кёнтея сам
Виру взял свою, – небесам
Ты спасибо скажи за то;
Но *калмаки* теперь зато
За Жакыпа возьмутся влёт,
За кыргызский народ, за род,
Что взрастил запрещённый плод,
За который разбил живот
Каждой женщине нашей хан,
Что был *Вымерзшей Правдой*[348] зван.
Уничтожат кыргызов вновь.
У тебя закипает кровь
Ищет выхода, но готовь
Месть неспешно – вот так любовь
Не показывают спеша,
Хоть горит и болит душа;
И Бакаю, и Жамгырчы,
И Кыргылу с *чоро*, – мечи
Прикажи опустить; ворчи,
Рот закрыв, – жар тая в печи;
Место встречи назначь – увал,
Тот, где флаг наш победный встал!»
Так закончил Балта наказ.
Пререкаться не смел Манас,
Поскакал он туда тотчас,
И над ним, как небесный глаз,

[346] Кырaан – эпитет орла. Ловкий, зоркий, хваткий.
[347] Бааша – то же что пааша, падыша – падишах, царь.
[348] Чын – правда, истина; кыш – зима, зимний (*имеется в виду* – Чынгыш).

Солнце щурилось лаской, – он
Был приглядом не обделён.

Жамгырчы и Бакай вдвоём
Рассуждали – как крепок дом,
Если старших наказы в нём
Чтутся в лоне любых времён:
«Молодец, хорошо, хвала!
Значит, будут идти дела».
Рассказал ведь Манас двоим,
Что послал его дядя к ним, –
От огня я, мол, только дым,
Льву непросто быть молодым!
Хан Бакай был растроган; вмиг
Тоже речи завёл старик:
«В шесть десятков родов *алаш*
Растерялся, как умер наш
Мудрый хан, наш отец Ороз;
Сколько горя тот год принёс,
И разлук, и горючих слёз.
Смерть та крахом была всерьёз:
Жизнь кыргызов пошла вразнос!
Не успел зарасти погост,
Как незваный и алчный гость –
То *калмак*, то мунгальский пёс, –
Стали гнать нас с родной земли,
И, понурившись, мы ушли
Кто куда; но в любой дали
Мы себя забыть не могли:
И на запад, и на восток
Враг нас гнал,так он был жесток,
Мы ж обычаи чтили, дом,
Небо, помощью чьей живём,
И мечтали все об одном:
Ты придёшь, чтобы стать щитом,
Снова нас соберёшь, как встарь,
Сивогривый наш государь.
Плакал я, когда все роды
Вновь пошли поперёк беды,
Снова сжавшись в один кулак,
Снова стал нас бояться враг.
Раб вчерашний, он встал с колен,
Страх отринув, как жалкий тлен, –
Ты печаль на печаль в обмен
Запустил в этот клан гиен.
Мой Манас, ты ведь сел в седло
Лишь три года назад! – назло
Тем, кто думал богатыря
Извести до рожденья, – зря
Столько женщин кыргызских враг
Погубил, унижая так,
Как ни зверь, ни упырь-ведьмак,
И ни адский грядущий мрак
Не придумают: с чревом плод
Вырывали живьём. Народ
Поколений лишился влёт,
А за что? – разве кто поймёт.
То на запад, то на восток
Бродит хан Алооке, – оброк
Взять ещё бы с кого глядит,
Всё не впрок ему, троглодит!
У него бо-ольшой аппетит,
Не смотрите на чахлый вид:
Сам он вспарывал животы
Матерям в тот разгул беды;
И Кёнтей, да и Шоорук
С ним общались; он не был «друг»,
Просто: подлость какую вдруг
Надо было затеять, рук
Не запачкав своих, – тогда
Алооке приходил – стыда
Не имел он и отродясь.
Вот такая была их связь.
Впрочем, нет их уже, и нас
Спас от них навсегда Манас!
Правду высказал Акбалта:
Надо взвесить все «нет» и «да»,
Ведь не сердце, а ум всегда –
На поспешности дел узда;
Пыл ребяческий свой отставь,
Ум на благо людей направь;
Гонит вдаль тебя ветер чувств,
Но, сынок, намотай на ус:
Лишь умчишься, на твой улус
Нападёт супостат Банус:
Этот хан – он известный гнус,
Но, поверь, не слабак, не трус,
Он за кровь всей своей родни
Будет мстить – и года, не дни;
Между севером-югом он

Средоточие с тех времён,
Когда был и *калмак* смирён,
И соседи с других сторон
Грабить ближнего не рвались
И без трепета жил кыргыз.
Нет, Банус был тогда не хан,
И к соседям не шёл незван,
Он потом, как взрастил свой клан,
Сам себя и возвёл в свой сан;
А визирь его – Дёокан –
Очень крупный мужик, *балбан*,
Его конь не поднимт, – он
На верблюда лишь сесть верхом
Может с детских своих годов;
За Бануса порвать готов
Он любого: хан даст приказ,
Он с землёю смешает нас.
Говорят, у Бануса войск –
Тысяч сто верховых. Как воск
Вся людская молва: вопрос
Только в том, что шутя ль, всерьёз
Весть расходится: без огня
Дым не встанет, к себе маня.
То, что конница есть – то есть,
Ну, а сколько их, можно счесть,
Только с ними ввязавшись в бой;
Посмотри на войну, герой,
Прежде мысленным взором: строй
Ты не с крыши *сарай*, а рой
Прежде крепкий подвал под ним,
Помня: суть – лишь огонь, не дым.
Говорили, что хан хитёр.
Под него заложи костёр!
Говорили, такой, мол, ор
У него – что вершины гор
Могут встать наперекосяк
Коль ударится в крик *калмак*.
Говорят ещё, хан привык
Есть на золоте, и родник,
Где он моёт свой чёрный лик,
Устлан золотом весь впритык.
Говорят ещё, он готов,
Правда, пару спустя годов,
Всех подмять под себя и трон,
И уж, верно, наслышан он
Про тебя и про твой поход.
Значит, скоро он к нам придёт.
Вспомни предков наказ простой:
«Сам не рвись беспричинно в бой,
Но в ответ на любой разбой
Заслони свой народ собой!»
Это древний наказ и я,
И родная твоя семья
Свято чтим уже много лет, –
Вот на всё тебе мой ответ.
Дай своим отдохнуть, Манас.
Подбодри, накорми в запас,
И готовься – не напоказ –
К тем боям, что прославят нас,
Как великий большой народ.
Жив пока я и жив мой род –
Это твой навсегда оплот,
С тем воюй лишь, кто нападёт».

«Что-то сути я не пойму:
Что, лежать на боку в дому,
Люд кормить да и ждать – кому
Стукнет в бóшку нас слить во тьму?
Бить придут, мол, мы скажем – зря.
Это ль признак богатыря?!»
«Знаешь, милый мой юный друг!
Значит, если бродить вокруг,
Всех пугать, всё, что есть, беря –
Это признак богатыря?!
Станешь тем же, чем был *калмак*:
Даже хуже: язык твой всяк
Речь чужую вобрал в себя:
Ненавидя – почти любя!
Знаешь, кто пострашней волков? –
Пёс, кто дом свой имел и кров:
Одичавший, тот пёс готов
Всех загрызть как своих врагов».
Справедливых, но жёстких слов
Олуя не жалел, – узлов
Поразвязывал в жизни он
Всяких-разных со всех сторон.
Лишь про отдых узнав, народ
Как в студёную реку вброд
В удовольствий круговорот
Прыгнул, – молодость так живёт.

А, тем более, в Самаркан
Приближался и караван:
Накылай, весь девичий клан,
И верблюжий большой кукан:
Друг за другом идут гуськом,
Каждый с плотным большим
тюком –
И на взгляд тяжелы они,
Столько золота в эти дни
Шло по городу, сколь за век
Не увидел бы человек.
Впрочем, что там лежит в тюках,
Знали трое лишь: сам Чубак,
Да Шууту с Ырчыуулом – прах
Бессловесен, а также страх
Тех, кто жив и остался там –
Во дворце, – не его устам
Рассказать. Во дворце, увы,
Было тайн, как в стогу травы,
И не стало лишь головы,
Как разверзлись секретов рвы.
Хан из дочкиной свиты дев
Взял насильно одну, задев
Этим сильно высокий род:
Урумкан – Эрназара плод –
Его жертва; шептал народ,
И молва потекла вперёд:
Мол, избили отца, отняв
Его дочку, мольбам не вняв,
Полумёртвого где-то там
Просто бросили – сдохни сам;
В Алматы по чужим лесам
Он скитался, угрюм и *чал*[349],
Но однажды и он узнал,
Что Манас уже возмужал:
Сел верхом на коня батыр,
И победы кровавой пир
Над насильником совершил.
Эрназар в тот же час решил
Ехать с жалобой во дворец:
Дочь увидеть хотел отец.
Он приехал, и наконец
Дочь увидел и, как мудрец,
Рассудив, что, мол, власть – что кнут:
Ты не держишь – тебя дерут,
Дочь жива, весела. А суд? –
Зайца коршуны не спасут, –
Так Манаса сравнявший он
С Шооруком, стал, словно сон,
Наблюдать, как живут вокруг,
Кто тут враг, кто – никак, кто – друг.
Не осмелившись так права
Объявить на дитя, сперва
Удивлялся, что жизнь идёт:
Умножается тучный скот,
Хлеб в полях, как всегда, растёт,
И торговли не сбавлен ход;
Так бродил он дней шесть окрест,
Нёс неверия тяжкий крест;
Как чумных опасаясь мест,
Где старейшин собрался съезд, –
Молодые его никак
Не могли бы узнать: не враг
И не друг, а прохожий – так,
Обветшавший ничей чудак.
Пустоты не приемлет жизнь
И, однажды сказав «держись»,
Не преминет она опять
Всю изменчивость показать;

Наш знакомый герой Мажик –
Друг Манаса, что так привык
И сражаться, и жить с ним встык,
Вдруг увидел: его старик –
Друг Жакыпа, Караногой,
А Мажику отец родной, –
Обнимается с чудаком
Так, как будто давно знаком,
Восклицая: «Каков архар!»
А до встречи их Эрназар,
Обходя по тени базар,
Где торговля была в разгар,
Слышал окрик: «Караногой!
Неужели ты, дорогой?!» –
Трижды слышал, и думал так:
«Знал бы этот богач-шустряк,
Друга юности всей моей –
Так же звали его, ей-ей!

[349] Чал – седой, сед; старик, стар.

Я охотником был, а он
Мчался возле моих стремён».
Звал Ногоя Жакып, но тот
К Эрназару направил ход:
Бед и лет не смутил налёт,
Ведь у сердца и взгляд, и счёт
Свой, и он не похож на тот,
Что людской календарь ведёт.
В общем, так старики сошлись,
Как решила свести их жизнь.
Ал Балта, Жамгырчы, Бакай,
Текечи, Шыгай, Кыпчакбай –
Всех собрал Жакыпхан в дому
Кто по сердцу и по уму
Были равными; на кошму
Все садились рядком, лишь *тёр*
За Бакаем был с давних пор.
Прежде чем Эрназар попал
В этот круг, что велик, хоть мал,
У базара с Ногоем он
Был расспрошен со всех сторон –
Где, да как, да зачем, да кто.
Но при этом узнал зато
Всё про друга – как жил и где,
Как сумел не пропасть в беде,
Что сынок-то – Манаса друг.

Но *канкор*[350] самый главный вдруг
Услыхав, что в заветный круг
Скоро может войти *сельджук* –
Так был смугл Эрназар, забит, –
Вмиг поставить решил на вид
Сыну Караногоя – мол,
Можно ль нищих пускать за стол:
«Эй, Мажик, мой батыр, взгляни:
Твой отец и бедняк – они,
Видно, знались в былые дни? –
Оторви их от болтовни,
Позови бедняка ко мне!
Что в душе он таит, на дне?»
Льву перечить не вырос клык.
Ырчуула позвал Мажик,
И они побрели вдвоём
К Жакыпхану в богатый дом.

Впрочем, к пиру спешить послом,
Право, разве кому-то в лом?
Но покуда их длился путь
Не успели и разомкнуть
Ни объятий друзья, ни душ;
Шли в обнимку они, к тому ж
Вспоминали родную глушь,
Где брались за тяжёлый гуж.
Поприветствовал их Мажик.
Тут же хвастаться стал старик:
«Вот мой сын, я о нём тебе
Говорил и, хвала судьбе,
Сам он встретить решил меня,
А Манасу он как родня,
Лет с семи ведь он с ним един!
Эрназар – мой товарищ, сын».
Не успел рассказать отец
Кто, откуда и как, – юнец
Попросил их: «Батыр зовёт!»,
Пропуская друзей вперёд.
Эрназар и Караногой
Поспешили – ведь кто другой
Их позвал бы, расклад иной,
А Манас – он один такой!
Лишь к шатру подошли, Ногой
Видит, стал Эрназар другой,
Словно страхом охвачен так,
Что не может идти, бедняк,
Раскорячился, словно в печь
Попросили беднягу лечь,
Растопырилась даже речь,
В полпути забывая течь.
Так Ногою сказал старик:
«С повелителем не привык
Я беседовать. Шоорук
Так избил меня, знаешь, друг!».

Удивился Караногой:
«Не пойму я. Да что с тобой?
Ну-ка, ну-ка, пошли со мной,
Да быстрее, – как пень не стой!», –
Так, крича, и зашёл в шатёр;
Эрназар же как на костёр
Восходил, не спеша; – *чоро*

[350] Канкор – 1. кровожадный, жестокий, хищник; 2. молодец, храбрец, герой.

Гостю выразили «добро»:
Сразу сорок все встали с мест,
Даже ветер подняв окрест.
И Ногой, не присев, начал:
«Вот такая моя печаль:
Друг мой давний нашёлся, но
Не встречал я его давно,
Эрназаром зовут – звено
Моей юности он, окно
В дни далекие, те, когда
Их с Жакыпом, меня беда
Разбросала по всем краям,
Не давая свиданий нам;
И, наверно, он скажет сам,
Как его разобидел хан;
Он с Жакыпом, отцом твоим,
С Балыкарта уехав с ним,
Разошлись: твой отец в Кунёс
Отбыл, он же повёл обоз
В Таракай. Никакой вопрос
Не сводил нас, пока нос в нос
Бог вот здесь не столкнул всерьёз.
Он – как камень в душе моей,
Что носил я всегда, ей-ей!
Шоорук его напугал
Так, что, право, огромный шквал
Мне обрушить пришлось похвал
Про тебя, – вспомнил всё, что знал.
Мой тигрёнок, зачем ты звал?
«Что же, камень твоей души,
Ценный груз, при себе держи
Абаке[351] мой, его и впредь,
Твой он – надо тебе и греть;
В дом веди его, дай еды,
И одежду пусть Чыйырды
Подбирает для лепоты
И, конечно же, чистоты;
В этом виде ему не след
К добрым людям идти на свет,
Сам сходи-ка домой, – обед
Чтоб готовили без сует».
Прослезился Ногой: «Сынок!
Ты – Манас! Я и знать не мог,
Кто мне поле копал, арык.
Если б знал я, как ты велик!»
Но Манас от смущенья сник,
К похвалам герой не привык:
«Абаке, торопись, иди,
Дел-то сколько ведь впереди,
А твой друг – он побудет здесь:
Разговор у нас долгий есть».

И Ногой заспешил, чтоб весть
Поскорее домой принесть,
Что из юности давней гость
Будет ужина главный гвоздь.
Эрназар, всё ещё трясясь,
Стал рассказывать, только связь
Всех событий в душе срослась
С новым страхом: поверит князь?
И в какой-то несчастный миг
Слёз своих не сдержал старик;
Слушать молча Манас привык,
Лишь мрачнел всё сильнее лик.
«Нет, я плакать ему не дам!» –
С детства – помните? – он к слезам
Относился как к тряпке бык,
Кто б ни плакал – дитя, старик.
«Ну-ка, пей!» – приказал Манас,
Чашку водки подал тотчас, –
Им принёс её Ырчуул,
Да и сам он чуть-чуть глотнул.
Успокоились, и рассказ
Смог прослушать теперь Манас.
«Дочка бедная здесь, у вас!» –
Гость закончил и вновь погас.
«Что ж, почтеннейший наш *канкор*,
Я о деве до этих пор
И не слышал. Я не в укор:
Вам я верю, не лжёт Ваш взор!
Будем дочь Вашу все искать».
В дом украшенный пировать
Пригласили, где Чыйырды
Расстаралась насчёт еды,
И одежды, да и воды –
Чтоб не кутался в лохмоты.
Прослезился вновь Эрназар,
Но, робея, он принял дар,

[351] Абаке – почтительное обращение к старшему мужчине. От аба – старший брат, аке.

Погасил в животе пожар –
Был для водки, увы, он стар,
Да и голоден, и к тому ж
Неопрятен и неуклюж.
Царь увидел породу в нём.
Вот теперь без стесненья в дом
К старшим рода пошли вдвоём
Оба друга как на приём.
И Ногой сам робел чуть-чуть,
Но своих он не выдал чувств,
Он к Жакыпу в богатый дом
Шёл, их дружбой былой ведом.

А старейшины чередом
Говорили как раз о том,
Что среди всех *олжо* есть дочь
Шоорука – нельзя ль помочь
Выдать замуж её за льва?
И Бакай сам, как всех глава
Так сказал: «Дочь врага жива,
Кровь в ней ханская; как трава
Ей негоже расти в пыли.
Детки славные бы пошли
От Манаса – с годами, да».
«Что ж, красою она – звезда, –
Отвечал Жакып, – ерунда,
Что она ещё молода,
Наш Манас-то и сам безус!»
Так сплеталась из мудрых уст
Сеть, готовая по рукам,
Да уж, что таить, – и ногам
Гордость рода связать навек
Лишь за то, что он – человек.
Тьма ночная уж пала ниц.
Аксакалы, как стая птиц,
Разгалделись: «Позвать девиц!» –
Повелительный взмах десниц.
Поздним утром вошли во двор
Все девицы – до этих пор
Их в светёлке держали всех:
Оглушительный их успех
Был огромнейшей из помех,
Войско скопом вводившим в грех.
У старейшин, и то, их взгляд
Стал замасленным, видя ряд
Застеснявших чуть девчат,
Теребивших слегка наряд.
За Манасом гонца послав,
Помолчали – старейшин нрав
Проявлялся в кругу своём,
Иль в беседе вдвоём-втроём.
Хан Жакып и Караногой,
Гость, конечно, их дорогой,
Да старик *олуя* Бакай –
Все примолкли. Меж птичьих стай
Оперенья такого нет,
Чтоб затмить им весь белый свет.
Ярких платьев большой букет
Так блистал, что и млад, и сед
Онемели, не смея глаз
Оторвать от всей стайки враз;
Сивогривый успел как раз,
Чтобы вспомнили все: Манас!
Эрназар растерялся тож:
Всяк наряд был с другими схож
И на фоне цветов, камней,
Что светились как сто огней,
Затмевая сверканьем мысль,
Лица девушек все слились,
Так же пудра, румяна там
Ввергнуть вгляды могли в обман;
Платья так облегали стан,
Словно их обтекал туман,
Драгоценные *онуру*[352] в сноске
Были близкими к серебру,
Но и золото ко двору
Там пришлось, расцветив игру;
Были вышиты рукава,
Жемчуг сыпался с них, трава
Побелела как от росы.
От такой неземной красы
Все как будто ослепли вмиг;
Каждой девушки светлый лик
Излучали за бликом блик.
Впрочем, опыт был невелик
У старейшин и молодых,
Вот и била краса под дых.
Алп Бакай пожалел девиц,

[352] Өңүр – вышивка на груди женской рубахи.

Не назвал их *олжо*, ведь ниц
Надо падать рабам всегда,
Коль их вызвали господа.
Целый месяц прошёл, когда
Во дворец к ним пришла беда,
Но не портили нервы им,
От огня не родился дым,
Встав над ними, Багдёолет
Не косила им взглядом вслед:
Подавался им в срок обед,
Как привыкли за много лет.
И сейчас она с ними шла
И служанок вослед вела.
Было целых пятнадцать их.
Во дворе даже шепот стих:
Не видали давно таких
Вертихвосток и щеголих!
Все – и молодь, и старики –
Покусали бы локотки,
Но гоняли лишь желваки:
Любоваться, мол, не с руки.
Накылай была всех светлей.
Лишь четырнадцать было ей,
Мастерица, певунья – все
Говорили: к такой красе
Бог талантов дал егозе,
Сколь волос у неё в косе.
В её свите плохих девиц
Не заметил никто; ресниц
Не подняли они на люд,
Не представились, как зовут.

Дочь заметил сам Эрназар,
Разгорелся в груди пожар,
Слёзы хлынули – божий дар:
Дочь нашлась! Пусть он нищ и стар,
Но таким он от горя стал,
Всё наладится, всё пройдёт.
Расступившись, молчал народ.
И Бакай, и весь мудрый круг
Знали правду из первых рук:
Сколь телесных, душевных мук
Он, Жакыпа, Ногоя друг,
Этот бедный старик вкусил
Лишь за то, что красу взрастил.
Пока дочь обнимал отец,
Все старейшины, наконец,
Снова речь обрели – конец
Ведь историй любых венец;
Эрназар заслужил покой
И счастливую жизнь с семьёй,
Как судьбы обыграть каприз?
Кыпчакбай, коренной Кыргыз,
Вспомнил: сын, мол, разборчив так,
Словно зреет в нём холостяк;
Урумкан – Эрназара дочь –
Может этой беде помочь:
Всяк до яркой красы охоч,
Лишь бы дева была непрочь,
Да отец бы сказал добро.
Надо спорить с судьбой хитро,
Растеряется пусть: втроём
Приведём, мол, невесток в дом:
«Что Жакып, что Караногой,
Да и я, Кыпчакбай, такой –
Старики, пусть *келины*[353] нас
Ублажают в предсмертный час», –
Он, конечно, лукавил, но
Все старейшины заодно
Порешили женить детей,
Своих славных богатырей:
Накылай пусть возьмёт Манас,
С ним на-равных она как раз;
Вот красавица – Кёрпёке –
Шооруковский друг, *байке*,
Был девице отец – Татай;
Своей смертью ушёл он в край
Из которого не уйти,
Хоть он всех нас ждёт впереди.
Накылай с Кёрпёке всегда
Чуть соперничали: звезда
Спорит так красотой с другой,
Освещая весь свод ночной.
Порешили, что Кёрпёке
Дом украсит Балты-*байке*,
И Чубак, богатырь, герой,
Станет мужем звезды второй;
Урумкан же для Абдылды

[353] Келин – невестка (жена сына, брата).

Будет ярче, чем две звезды:
К ней впридачу такой отец,
Круг старейшин, и под венец
Поведёт Урумкан Бакай:
Эрназар да и Кыпчакбай
Попросили, чтоб весь Алтай
Знал: детей поженил Бакай!
Так просватали трёх девиц.
Остальных же, как стайку птиц,
В страхе прячущих в тень ресниц
Глазки-яхонты, взмах десниц
Всех старейшин, простор даря,
Обязал: не болтаться зря:
Выбрать каждой богатыря,
Не в мужья, так хотя б в друзья.
И *чоро* наказали так:
«Выбирайте, кто холостяк,
По душе себе здесь жену,
Вы ведь выиграли войну,
Выбирайте из всех одну, –
Ненаглядную, как луну,
По согласию только лишь,
Чтоб была благодать и тишь;
К уважению чтоб готов
Был бы каждый к жене с азов:
Этих дев ведь со всех краёв
Собирали, перемолов
Столько слухов – когда, да где
Кто, мол, вырос подстать звезде;
Красота, говорят, к беде –
Подтвердились преданья те,
Когда хан Шоорук, велев
Всех красивых и умных дев
Привести в свой дворец, пленив
И свободы навек лишив.
Шоорук был всегда тиран.
На Сарарку приехав, хан
Из родительских гнёзд дехкан
Забирал без согласья сам
Всех искусниц и мастериц,
Вышивальщиц и швей, певиц,
Всех красивых, как сон, девиц,
Их родных повергая ниц,
Упекая во мглу темниц
Только взмахом одним ресниц.
Вот поэтому как себе
Дайте выбор им в их судьбе –
Бедным девочкам, что уже
Настрадались до ран в душе.»
А девчата, потупив взор,
Удивлялись: с которых пор
Победители уговор
Применяют к *олжо*: на сбор
Приглашали, не гнали их,
И, сосватав себе троих,
Предлагают самим искать
Кто им мужем достоин стать;
Вот, кыргызы, мол, каковы –
Понаслушались зря молвы,
Так и перья, глядишь, совы
Не осыпятся с головы[354].
Юность взбалмошна, и нет-нет
Всем девчонкам, хлебнувшим бед,
О свободе мечталось – вдруг
Их спасёт неизвестный друг,
И сольётся сердечек стук,
И любовных признаний звук
Вознесёт их на райский луг,
Где властительный Шоорук
Не достанет ни влёт, ни вплавь.
Их мечты претворились в явь:
Вышли замуж они за тех,
Кто в их душах снискал успех,
Кто для каждой был лучше всех,
Счастье, радость даря и смех.

Люд счастливый всегда игрив.
Так, тирана навек свалив,
Восхваляя Манаса, все
Развернулись во всей красе
Кто в охоте, кто в играх, – тот,
Смотришь, сбросивший груз забот,
Окунулся в июнь – *кулжу*,
Что выводит всех к рубежу
Лета раннего и весны;
Смотришь, – этому не нужны
Даже ласки младой жены:
Манят всплески тугой блесны,

[354] Перья совы украшали шапочки богатых и знатных девушек.

Рёв звериный, архаров бег.
Как азартен ты, человек:
Наслаждаясь игрою, ты
Чист, как дети, ручьи, цветы.
Сорок юных *чоро* зады
Отбивали – зверья следы
Звали ввысь их, они верхом
Мчались в горы, бросая дом;
То стреляли козла, то лис
Загоняя, стрелой неслись,
Добывали куницу, рысь,
Уток гнали с болота ввысь,
То за зайцем спускались в лог,
Балобана пуская в срок;
Сети ставили, рыбы впрок
Наловить для своих дорог –
И навялить, и насолить.
Благо, было легко ловить
В озерцах, что с весны набег
Оставлял загулявших рек.
В дни прохлады игрой в *ордо*
Ублажали себя, никто
Не пропустит наверняка
Кёкбёру или *кёл бука*[355],
Или, скажем, *теке тырмыш*.
С проигравшего был бакшиш:
Жеребёнок ли *на шерне*[356],
Дичь, что тоже была в цене,
Да кумыс, да ещё чаёк.
Над дворами стоял дымок:
Кемеге были там и сям
В ряд по улицам, и нельзя
Было мимо пройти дворов:
Чай у каждого был готов,
Словно не было неладов
И последних лихих годов;
Самовары кипели так,
Будто к сбору всеобщий знак,
Мёд, *нават, боорсоки, нан* –
Каждый житель был в гости зван,
Коль *джарма* – значит, целый жбан,
Коли мясо – так весь баран;
Всё, что в доме нашлось – на стол.
Над деревнею ореол
Словно плыл – доброты, тепла.
Глядь – и песня уж потекла!
Вместе с нею запел комуз,
Бозторгой с ним запел – союз
Этих звуков из многих чувств
Больше всех вызывает грусть.
У мелодии «*Чие жол*»
Привкус близких утрат тяжёл,
Даже хмель из голов ушёл,
Отлетевшим жужжаньем пчёл;
Парни, девы – вдруг молодь вся,
Здесь собрались, до слёз грустя,
И напев про любовь и честь
Попросили сыграть раз шесть;
Жались к юным мужьям своим
Их невесты – печаль как дым
Вдруг окутала словно всех:
Грустным может быть и успех.
Тут вступил и *ооз комуз*.
Потихоньку печали груз
Растворялся в словах, речах.
Дым печали ушёл, зачах.
Долгий ужин в таких ночах
Кто не помнит? Весь мир в лучах
Серебристой луны притих,
Только шёпот, смех молодых,
Да мелодий негромкий звук
Нарушали молчанье вдруг.
У старейшин не видно рук –
Все в тулупах внакидку, круг
Затянулся, свежо слегка,
Легкий мех барсука, сурка –
Он для старых костей бальзам:
Лишь накинь – он обнимет сам;
В лунном свете горят огни –
Это камни, в серьгах они,
Что у женщин блестят в ушах,
В кольцах, в вышитых поясах;
И короны блестят – смотри:
Сразу видно, сидят цари!

---

[355] Көкбөрү, көл бука, теке тырмыш – народные игры.

[356] Шерне – компания, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясом, мясной пищей (так же называется и само угощение).

Шапки девушек как в снегу:
В лунном свете горят *уку*[357],
На ближайшем к селу лугу
Скот пасётся по горчаку –
Ароматы цветущих трав
Льются, запах еды поправ.
Дух кочевий – он суть *кулжи*,
Он – отрада любой души,
Учит мудрости, – ешь, дыши.
Наслаждайся семьёй в тиши.
Тебетей набекрень надев,
Тихо тянет певец напев,
И соперник, напротив сев,
Повторяет за ним припев;
А девицы свой *акыйнек*[358]
Как за шиворот мокрый снег
Сыпят, горло дерут – не зря:
Видно, делят богатыря,
Неженатого бунтаря
Пока не занялась заря
И народ не свалился в сон.
Плавно двигаясь на *азоо*[359],
Молодые джигиты стать
Им стараются показать.
Древность, памяти благодать!
Так и тянет повспоминать:
И заоблачный *селкинчек*[360],
И на женщинах *элечек*[361],
Как играли в *тенге энмей*,
Как женили в срок сыновей
И как сватали дочерей.
Обрезанья обряд, *тюлее*,
Сотни праздников на земле,
Где рождались, взрослели, где
Не бывало чужих людей,
Где все жили друг другу в лад,
Где сосед был почти что брат,
Где на скачках трёхлетков трат
Не считали, чтоб призу рад
Победитель был, а другим
Этой славы небесный дым
Стлался, путь указуя – как
Победил бы и твой третьяк.
Приходила и смерть порой.
Поминальный красивый *той*
Долго помнил аил родной,
Как и помнил – кто был герой;
Через год поминали: *аш* –
Это свято, коня отдашь,
Но помянешь как хан родню,
А иначе сто раз на дню
Будешь видеть в глазах укор
И семьи, и знакомых – штор
Нет в домах, даже скотный двор
Всем открыт был, и до сих пор
Свежий ветер, летящий с гор,
По старинке приносит весть
О погоде, о том, кто есть
Рядом с этим двором в пути
И решил ли он к вам зайти.
На поминках гостей по пять
Разделяли, чтоб их отдать
Самым главным домам, а к ним
Предпочтительно молодым
Полагалось в составе слуг
Услаждать и настрой, и слух;
Чтоб поднять приглашённым дух
И азарт чтобы в них не тух,
Приглашали их, говоря,
Что ещё не сойдёт заря,
Как начнётся игра, даря
Приз и статус богатыря!
Это скачки! И *саяпкер*[362]
Иноходца гонял сверх мер,
Заставляя его потеть –
Любо-дорого поглядеть!

[357] Үкү – украшение из перьев филина или совы (на шапке девушки).
[358] Акыйнек – особый вид состязания девушек в пении (когда поющая старается унизить свою противницу; при этом поющая бьёт себя ребром ладони по горлу, от чего звук получается прерывистым и неприятным).
[359] Азоо – о лошади: необъезженный, строгий.
[360] Селкинчек – качели.
[361] Элечек – головной убор замужних женщин в виде белого тюрбана.
[362] Саяпкер – берейтор, жокей.

Ничего, что причиной смерть
Этим сборам – народа треть
Под конец начинает петь.
Жизнь живой остаётся впредь.
Отовсюду спешит народ,
Чем дружней и славнее род,
Тем и больше гостей идёт –
Рода честь и к нему почёт.
Аксакалам – лежать *тёрго*,
Молодёжи – скакать легко,
Словно белки, по всем делам,
Каждый знает, что делать, сам:
Взять на привязь всех жеребят,
Самовары пускай кипят,
Разных блюд прибывает ряд,
К месту каждое – не подряд.
Вспомнить есть что, с душой,
с теплом:
Кочевали, обжитый дом
На верблюдах везли в тюках,
Каждый – домом, уютом пах;
Всё, что хрупкое – то в мехах
Увозили, и на местах
День-другой – и всё тот же дом
Вновь стоял, и всё так же в нём
Было всё, что родным зовут:
Красота, чистота, уют.
Пожелания от души
Для себя хоть садись пиши:
Всё слагалось в веках, *бакши*
Закрепляли их мощь в тиши;
Шалунов и озорников
Был воспитывать всяк готов,
Тем, кто жил безо всех оков
Попадало от стариков,
Говорили: «Прижми-ка хвост
И не будь как приблудный пёс!»
Было праздников хоть не счесть,
Только знали и такт, и честь
Люди, выросшие в селе,
Не на небе, а на земле;
За провинность, за жизнь во зле
В этом общем людском котле
Полагался суровый суд,
От которого не спасут
Ни родня, ни грызня, ни мзда.
Надевалась всегда узда
На смутьяна – мол, не греши!
И, бывало, *айылбашы*[363]
Всё, что нажил смутьян, и скот
Отбирал насегда в доход
Всем обиженным, и народ
Одобрял этот жёсткий ход.
Часто странники, заходя
В наши сёла, могли шутя
Оставлять на виду товар –
Не притронется млад и стар;
А зайдёт этот странник в дом,
Малой жаждой своей ведом,
Будет к чаю и *нан*, и мёд,
И *курут*, да и *май* найдёт
К *достархану* хозяйка влёт,
И с собой запас завернёт.
Времена те не вспомнить как?
Нан макали в густой *каймак*
И *келин*, и работник всяк,
И старушки не злились так,
Молодёжь одевалась в лад
С представленьем, что тот богат,
Кто без дырок и без заплат
Носит платье, какому рад
Был и дед, и отец, и брат.
Мир ценился в семье как клад,
Скот плодился. Вернуть назад,
К сожаленью, тот мир нельзя,
И, увы, такова стезя
У живущих: всегда в своём
Мире, времени мы живём.
Было так, что богач Жакып
Жил в спокойствии; недосып
Знал, когда лишь котился скот,
Что поделать! – таков окот;
В остальном – благодать и тишь,
Хочешь – бодрствуешь, хочешь –
спишь,
Мясо кушай, да пей кумыс.
Так и жил-поживал кыргыз.
Но от этих простых времён

[363] Айылбашы – глава деревни.

Сказ уводит совсем не в сон:
Вновь – сраженья под всплеск знамён,
Новый свиток чужих имён.
Да, о новых сраженьях весть –
Всё, как было, так в Сказе есть:
Бадыкёл, из *мангытов* враг, –
Род *калмаков* зовётся так, –
Поднял лживый свой чёрный флаг
Над землёй, где каракалпак –
Карманап, жил, – Жакыпа зять,
Чтоб себе его земли взять.
О сраженьях их речь пойдёт,
Как об этом сложил народ.

НАПАДЕНИЕ БАДЫКЁЛА НА КАРМАНАПА
ПОМОЩЬ МАНАСА КАРМАНАПУ

Э… э… э… эй!
Всех *мангытов* своих главарь
Бадыкёл – хоть и божья тварь,
Был прохвостом и подлецом,
И спесивейшим наглецом.
Жил с монголами он как свой.
Неслучайно его главой
Посчитали *мангыты*: злой
И глухой он к чужой мольбе –
То, что нужно любой толпе,
Ведь ревнива она, себе
Всё присвоит, что есть в судьбе.
Когда с флагом скакал Чынгыш
Запад грабить наметив лишь,
Бадыкёл, словно к тигру мышь,
Влез в дела его и – глядишь –
Управляющим вскоре стал,
Уже сам на других напал,
Руша всё подчистую так,
Словно в сёлах прошёл сквозняк:
Всяк зажиточный стал бедняк,
А бедняк и совсем на так
Изошёл, кто внаём, кто в клеть,
Кто нашёл милосердье – смерть.
Был Чынгыш раззадорен тож,
Он с *мангытом* был сутью схож:
Оба лезли вдвоём из кож,
Чтоб грабительский острый нож
В горло прочих владык воткнуть:
Вот Барана, Шанкая путь,
Путь тажиков, туркмен, *калча*:
Под пятою у палача
Подписать, что земля – ничья,
Весь народ погубив сплеча.
Но остался каракалпак –
Он сумел откупиться так,
Что степей его знойных соль
Не подпала под ту юдоль.
Хочешь денег – ну, что ж, изволь:
И мешками грузили, столь,
Что и вывоз был не за раз –
Каждый год. Хоть наделы спас
Хан земель этих Карманап,
Но с годами и он ослаб:
Угонялся и скот, и люд,
Бадыкёл был хитёр и лют,

И помощников он имёл,
Каждый жаден и так умел,
Что не знал ни границ, ни мер –
Коросон был и Жедигер;
В курджунах увозили сбор –
Сколько денег любой упёр,
Что, пожалуй, и крупный вор
Столько стырить не смог на спор.
Ни одной, чтоб блестела, вещь
Не осталось в домах; как клещ
Впился вдруг Бадыкёл в красу:
Деву юную, что косу
Нарастила на зависть всем:
Косу толстую – до колен,
Завернув её, как калач,
Шла, прямее чем карагач,
С пышной кроной, легка как грач;
Звали девушку *Кардыгач*[364]:
Да, она, – стриж Жакыпа, дочь,
Лоб высокий, а брови – ночь;
Карманап её в жёны взял
И своей ненаглядной звал.

Бадыкёл был влюблён и зол:
Меж кыргызов любовь нашёл,
Да к тому же она – жена,
Да и к мужу, видать, нежна,
Для *калмака* она – блесна:
Зацепила его сполна.
Просто так отобрать нельзя.
Как же пыль напустить в глаза,
Чтоб сама повела стезя
На сраженье, не тормозя?
И какую найти напасть,
Чтоб в отместку на клан напасть?
Если к подлости дух готов,
Дело будет быстрее слов.
Сорок буйных сорвиголов
Он послал на преступный лов:
Лошадей у соседей красть,
Погулять разрешая всласть.
Всяк по сорок позвал с собой,
Сотня буйных, как сор в прибой,
К ним прибилась; из них любой
Главным в жизни считал разбой;
Бадыкёла послушав, столь
Табунов прихватила голь,
Под девизом – «Кыргызам – шиш,
Всё добро их – для нас бакшиш!»;
Было двести воров – едва
Не хватало десятка два:
Бурой массой, как лава, шли
По пределам чужой земли,
На *отор*[365] табуны вели,
Выбирая те, что вдали.

Карманап был не зол – взбешён:
Земли здешние испокон
Были роду его даны,
Хоть пришлось ему в оны дни
Дань выплачивать за покой,
И немалый, и дорогой,
Но какой тут покой, когда
Хоть и отдана в сроки мзда,
Банда дерзких воров коней
Угоняет из их степей!?
К Бадыкёлу послав гонца
Наказал ему: «До конца
Всё разведай, возьми ответ,
Мол, откуда у этих бед
Ноги выросли, почему?
По-соседски и по уму
Расспроси: кто наслал чуму?
Для кого мне копать тюрьму?
Кто, зачем табуны обтряс?
Несогласие в чём у нас?
Ты решил перейти за грань?
Каждый год налагаешь дань.
Если хочешь еще собрать,
Так подумай, откуда взять,
Обворованный, я смогу
Столько денег? Лишь на лугу
Разве что наберу травы.
Не с больной моей головы

[364] Кардыгач – стриж.
[365] Отор – отдалённое зимнее пастбище, где снега выпадает мало (ныне перегоны на такие пастбища уже отживают).

Все ответы искать, увы, –
Батыкёл пусть ответит нам,
Кто устроил весь тарарам!»

К Бадыкёлу тот прискакал,
Слово в слово всё передал,
Но услышал в ответ лишь брань:
«Как явиться посмел ты, дрянь,
Разбудить нас в такую рань?
Наплевать мне, какую дань
Соберёт Карманап и как!
Проклятущий каракалпак!
Кто нарушил мой ханский сон?!
Жедигер? Или Коросон?
Не встречал я от них посла
Никогда – и не видел зла!»
Бадыкёл так орал, что дом
Сотрясался, и люд притом
Собирался вокруг, ведом
Любопытством, тревогой – гром
Или что-нибудь вроде вдруг
Летних гроз собралось вокруг.
Бадыкёл продолжал орать:
«Вот на западе – благодать,
Кто мне смеет хоть что сказать?
А вот ваш Карманап, как тать,
Всё стремится на нас напасть,
Только зря разевает пасть!
Сын Жакыпа, юнец Манас,
Говорят, мол, обнищит нас,
Потому что Кёнтея он
Победил и разрушил трон
Шоорука. При чём здесь я?
Да, *калча* мне слегка родня,
И, конечно, задел меня
Тот грабёж среди бела дня:
Это ж надо так! Сорок дев
Взял в *олжо* и попортил лев!
Шурин мне говорил, что он
Для погибели нам рождён,
Вот и голову, поднял. что ж,
В каждой сказке не только ложь,
Раз пошёл уж такой делёж,
Не отдам я с халата вошь
Распроклятому молодцу,
И зятьку его, и отцу!
И посол-то совсем сопляк!
Заигрался каракалпак, –
Мол, гонец мой – юнец, слабак;
Понимать это надо как?
Бадыкёл – ты, мол, не в цене,
Бадыкёл, ты не на коне!» –
Он гримасничал, сам не свой,
Окликая уже конвой:
«Эй, отряд мой, немедля в путь!
Хвост коням все в узлы свернуть!
Надо армию притянуть
К нам поближе, сюда, – икнуть
Не успеем, как кто-нибудь
Меч воткнёт или пулю в грудь!
Ишь, заважничал Карманап!
Разобраться с ворами слаб,
Счёт решил предъявить мне, раб,
Словно он надо мной сатрап!»
А *мангытам* всё хорошо,
Лишь бы где-нибудь взять *олжо*,
Да награбить добра сполна –
У соседей туга мошна;
Было так во все времена:
Кто сильней, тому мать – война.
А гонцу Бадыкёл велел:
«Поспеши-ка назад, пострел,
Карманапу скажи, что хан
Сам приедет, пусть ждёт, болван,
Пусть готовится он и люд,
Что я буду особо лют:
Карманапа зарежу сам,
Выпью кровь, перебью весь клан,
От свершившейся мести пьян
Буду долго я, как сапсан;
Да, я мщу – ведь *калмак* Кёнтей,
Не прошло и полсотни дней,
Как кыргызским юнцом убит,
Моё сердце о нём болит!
Он всегда был мне верный друг,
Как и добрый хан Шоорук;
Они оба погибли вдруг,
Знаю, чьих это дело рук,
Я Манаса убью, клянусь».
И замолк – словно в лаве чувств

Захлебнулся, подумав: «Трус –
Этот юный гонец, и пусть
Передаст, как я страшно злюсь,
Ведь молчанье страшней порой,
Если это молчит герой!»

Бадыкёл ведь считал себя
Всех умней и, сложись судьба,
Стал бы ханом он всей земли.
Впрочем, так же считать могли
Всяк, кто в золоте был рождён
И как пуп всей земли взращён;
Бадыкёл был один из тех,
Кто рожденьем стяжал успех,
Кто же сам ни ума, ни сил
Даже к жизни не приложил.
Он мечтал, проводив гонца:
«Я теперь пойду до конца,
Я Манаса убью, потом
Род кыргызов своим рабом
Навсегда засчитаю; злом
Дух смогу их связать узлом:
Станут войском моим, оно
Всё живое снести должно,
Чтоб Нарын и степная даль
Тоже стали моими. Жаль,
Что без дела доселе я
Всё сидел, а свои края
Алооке ведь покинул, трус,
Надо было занять улус!
В мыслях был у меня искус,
Но подумал, мол, нет обуз,
Значит, жизненный легче груз.
Прогадал я тогда, боюсь!
Вот и армия под рукой,
И в дому у меня покой,
И подстилка мягка из шкур.
Но не спится. На Боздёктур
Надо будет вести войска,
Ведь победа легка, близка,
У кыргызского паренька
Раньше только стешу бока.
Банусхан, Дёокан – они
Подустали в былые дни,
И народ не пришёл в себя.
Значит, первым мне стать – судьба.
Как *уркёр*[366] буду двигать ввысь,
Словно беркут. Держись, кыргыз!
Шалуна, что зовут Манас,
Обтешу словно ветку враз,
Кровь обильную напоказ
Я пролью, будет меч не раз
По чужим головам гулять.
Но не буду я убивать
Шоорука красотку-дочь:
Сам с вдовой переспать непрочь,
Я оставлю её живой,
Хоть Манасу была женой;
Скот и утварь себе возьму,
Да и золотом по уму
Я как надо распоряжусь,
И Кёнтей с Шооруком пусть
Мне с небес ниспошлют *бата*:
Мне верблюдов не хватит ста,
Чтобы вывести всё добро,
Ткани, золото, серебро,
И *олжо* всех забрать, и скот.
Будет множество всех хлопот.
Их кыргызский свезёт народ,
Ведь Манас проливал свой пот,
Вот пусть клан его пашет впредь,
Или каторга или смерть!
Ну а мне же – в Кангай лететь,
За *алашами* присмотреть,
Говорят, там красоток – тьма».
Не большого, видать, ума
Был, увы, Бадыкёл – мечты
Вслух он стал выдавать: коты
По весне так орут почти.
А гонец, не успев уйти,
Половину прослушав, вон
Поспешил, а ему вдогон
Эти вопли ещё неслись.
Он летел, как шальная мысль,
И камчою хлестал коня,
Вскользь увидев: средь бела дня

[366] Үркөр – 1. Плеяды (созвездие); 2. үркөрдөй (о людях) немного: небольшая, но тесная группа.

Собирались войска, пыля,
И дрожала уже земля;
Он скакал, на ходу дремля,
Но без отдыха, чрез поля
Он махнул, сокращая путь –
Карманапу успеть шепнуть,
Что там сзади идёт за муть.
Сердца стук не порвал бы грудь!
Прибыл, выпал он из седла,
Горлом кровь у него пошла,
И глаза из орбит вот-вот
Повыскакивают. Но рот
Про *калмака* скорей твердить
Начал всё, чтобы не забыть!
Все слова передал, и то,
Что подслушал и понял что,
Как *калмак* о войне мечтал
И о чём как в бреду кричал,
Об увиденном не смолчал,
Как от войска по полю мчал.

Потемнев, Карманап изрёк:
«Что ж, ты всё разузнал, что мог,
Ты увидел глаза врага,
Ты услышал слова врага,
Ты его посчитал войска.
И минута нам дорога!
Собирать буду я народ,
Пусть узнает он, что наш ждёт,
Соберу наших сил оплот –
Все герои пойдут вперёд,
Ведь в сраженье их нет храбрей;
Ты иди в Самаркан скорей,
Там мой шурин и тесть Жакып,
Их найди, расскажи, как влип
С Бадыкёлом их бедный зять,
Как решился *мангыт* нас взять,
Наплевав на Указ, печать,
Что земли нашей даже пядь
Мздой оплачена, и отнять
Чужеземный не может тать.
Так не тать, а он сам, мангыт,
Нас обнищить войскам велит! –
Всё вот так расскажи про нас.
Сын Жакыпа герой Манас
Всех *алашей* от рабства спас,
Пусть поможет он нам сейчас.
Мол, твой зять, твой *жезде* в беде!
Кто поможет ещё *жезде*?
И Манасу ещё скажи,
Что решился на грабежи
Бадыкёл, чтобы мстить за тех,
Кто Манасом убит. Успех,
Что возвысил Манаса, в грех
Вводит нас, невиновных, всех;
Скажи, зять Карманап скорбит,
Не о тех, кто им был убит,
А о тех, кого враг спешит
Убивать, потому что мстит;
Ты скажи: мол, обида – дым,
Каждый был из нас молодым,
Пока ты, мол, пиры справлял:
В честь победы своей гулял,
Мы терпели угон коней
И дождались войны, и в ней
Все погибнем: твоя сестра,
Наши дети – в них есть искра
И твоя. Весь наш мирный род
Жертвой мести тебе падёт.
Не забудь же ещё сказать
Ты Манасу о том, что зять
Будет насмерть с мечом стоять,
Пока помощи будет ждать,
От Манаса, от всей родни,
Что когда-то в былые дни,
Кардыгач отдавая мне,
Хлебом, солью клялись – в родне
Стал я числиться. В глубине
Я у вас или, пусть, на дне,
Только помощи час пришёл:
Не поможете – Бадыкёл
С грязью всех нас смешает, – он
Злобой яростной опалён
И мечтает всех взять в полон,
Словно мы дикари племён,
Что живут без корней везде,
Рады только еде, воде.
Ты скажи, мой гонец, о том,
Что пока ещё жив мой дом,
Что жива ещё Кардыгач,

И уж если Жакып-богач,
Как и сын его, не готов,
Пребывая в хмелю пиров,
К нам на помощь идти, – то пусть;
Но, скажи, я тогда боюсь,
Что кыргызское *туз урсун*[367]
Снять, увы, никакой колдун
Не сумеет с семи колен
Поколений грядущих; тлен
Будет общим уделом тех,
Кого так ослепил успех,
Что меж игр и своих утех
Он воспринял как писк помех
Нашу просьбу помочь, спасти,
Встать у смерти на полпути!
Ты Манасу скажи, что зять
Стал бледнее соломы – тать
В сотни раз ведь его сильней,
Надо сотни богатырей
Слать на помощь, и поскорей!
Чтобы дух поднимать людей
Надо знамя с *бунчу*, *ураан* –
Мощный, сильный, как ураган
Или сель, что сметает стан,
Весь выглаживая *майдан*[368]!
Ты скажи ещё: Бадыкёл –
Потому лишь войной пошёл,
Что он думает – он как сель,
Диктовать, мол, он может всем,
Раз Кёнтей, Шоорук легли
В землю, духом уйдя с земли,
Значит он – самый страшный зверь!
Ты Манасу скажи: теперь
Ты – герой, и в себя, мол, верь,
Нашей верой себя измерь!»

Карманап иссяк, наконец,
И гонца проводил; гонец –
Это был его младший брат
Алтыке, был и горд, и рад:
Его с вестью слал Карманап
Во второй уже раз подряд;
Меньше рад был его скакун –
Конурсур[369] – он хотел в табун,
Но хозяина бросишь как?
Только шумно вздохнул третьяк;
Он скакал, обогнув Бетпак,
И узорчатый солончак
Под копытами так блестел,
Словно лунная накипь, мел;
Ночь плыла; Алтыке дремал;
Конурсур его плавно мчал,
Он хозяину был подстать:
Тоже мог на скаку дремать.
Вверх поднялись – Букар уже,
И Акчий, и простор в душе
Он такой красоты тех мест;
Огляделся гонец окрест,
Видит: встречь по тропе народ –
Не свернуть, – на него идёт;
Он сдержал Конурсура ход,
Незнакомцы; зато – не сброд;
Сам спросил Алтыке: «Вы кто?»
Если прёт на тебя *додо*[370],
И приблизилась прямо встык,
Первым в ход запускай язык.
Самый крепкий из всех задир
И, скорей всего, командир,
Из ответа не сделал *сыр*[371]:
«Моё имя – Шаатемир!
Мы живём здесь, наш край – Букар.
Ты что скачешь в ночи, архар?
Загоняешь коня к чему?
Ты по сердцу здесь, по уму?
Чей ты родом? Спешишь к кому?
Кто ваш *бек*[372] и зачем во тьму
Он послал тебя? – расскажи,
Без утайки всё, от души!»

[367] Туз урсун – это проклятие. Туз – соль. Тузум урсун, тузум, наным урсун! Пусть ему (этому неблагодарному) поперёк горла встанут мои хлеб-соль!
[368] Майдан – поле битвы.
[369] Составное имя: кон – ночлег; ур – нарост, срослось; сур – дух, душа.
[370] Додо – куча, груда, скопление народа.
[371] Сыр – тайна, секрет.
[372] Бек – феодальный властитель, ниже хана.

Алтыке не спешил начать,
Понуждая коня шагать,
Размышлял – не умчаться ль вспять?
Но, подумав, решил не лгать:
«Я устал как больной сайгак,
Не архар – ни в речах, ни так;
Я из рода *каракалпак*;
Край родной мой – гора Бетбак;
Бек наш добр, умён, не слаб,
А зовут его Карманап,
И при нём наш народ живёт
Очень вольно, пасёт свой скот
На горах и в низинах – край
Не скажу, что похож на рай,
Но мы любим здесь жить всегда;
Вдруг нежданно пришла беда:
Бадыкёл – из *мангытов* он, –
С давних нас притеснял времён,
Но за мзду отставал на год,
А теперь же – наоборот:
Взял и мзду, и коней угнал.
А когда к нему *бек* послал,
Чтобы выяснить всё, гонца,
Тот ругаться стал без конца
И потом заявил в сердцах
Так, что я испытал и страх
(Я посредником бека был):
«Взял я дань вашу, нет, – забыл;
Весь ваш род я пущу в распыл,
Превращу вашу землю в пыль,
Надо путь мне освободить:
Я пойду за Кёнтея мстить,
Есть ещё один давний друг
Неотмщённый – хан Шоорук;
Сын Жакыпа кыргыз Манас –
Вот виновник, что я на вас
С грозным войском иду сейчас,
Вы – никто, под ногами грязь,
Но попались мне на пути
И мешаете мне пройти;
Я за вирой иду двойной.
Вам Жакып, говорят, роднёй
Как-то где-то пришёлся, что ж,
Я его раздавлю, как вошь,
А потом за сынка возьмусь:
Он беснуется слишком, пусть
Впредь он выучит наизусть:
Что исходит из ханских уст,
Для кыргыза приказ навек,
Раб презренный – не человек!
Я хочу испытать восторг:
Чтобы враг мой из уст исторг
О пощаде мольбы, чтоб торг
Дал надежду, чтоб он умолк
Лишь с последним толчком крови,
Что лилась бы из ран. Живи! –
В этот миг я скажу ему,
Этим словом вплетя в кайму
Своей жизни тот самый край,
Что сулит за пределом рай;
Созову я со всех сторон
Всех кыргызов – принять закон,
А потом разобью их трон,
Все хозяйства пойдут в урон,
Поломаю любой *чарбак*[373],
До Кангая дойти – пустяк:
Не помеха – каракалпак,
Он – окраина, не костяк,
Его выгоню первым прочь,
Всем устрою та-акую ночь!
Накылай – Шоорука дочь, –
Знаю, стать бы вдовой непрочь,
Первым делом её возьму,
А потом уж юнца казню,
Что ввязался не по уму
Совместить со светилом тьму!
Я красавицу отниму,
Будет жить у меня в дому.
Карманап и батыр Манас –
Они сваты, слыхал, сейчас,
Смерть снимает оковы пут,
В небесах у них разный путь».
Алтыке замолчал – устал,
Но продолжил: «Я всё не стал
Вам рассказывать – бранных слов
Там хватило б на сто ослов!

[373] Чарбак – 1. крепость; населённый пункт, обнесённый крепостной стеной; 2. ограда вокруг сада, огорода, приусадебного участка; 3. фруктовый сад.

Бадыкёл – он всегда готов
Сквернословить; среди коров
И свиней ему жить бы век.
Мы в беде! И послал наш *бек*
С этой вестью меня сюда,
Чтоб Манасу сказать: беда –
Ваших родичей сгубит суд,
Что затеял *калмак*-мангут:
Нас зарезав, дойдёт до вас.
Ну, а то, что решит Манас,
Должен я рассказать своим;
Говорят, он непобедим?»
От вестей таких Шаатемир
То бледнел, то краснел; кумир –
Так в глазах у юнцов Манас
Представал; но на этот раз
Новый враг был страшней двоих,
Чей и запах в долине стих.
Оглянувшись на всех своих,
Так сказал Шаатемир: «Он лих –
Бадыкёл, как его не знать!
Ведь *калмаков* спесивых знать
Растрезвонила – он силён
Как огромный и злобный слон!
Да, – Кёнтей, Шоорук – не он.
Но поставлено ведь на кон
Слишком много! И что до нас –
Проезжай! Тебя ждёт Манас.
Не жалей своего коня,
Побыстрее скачи! Ведь дня
Разве хватит? Скачи и ночь,
И другую. Тебе помочь
Может только Манас и бог!
Поскорее скачи, дружок!»

Алтыке день и ночь скакал.
Конурсур изнемог, устал,
Лунный диск вслед за ними мчал,
Пропадая меж чёрных скал;
Наконец-то собачий брёх
Услыхали – переполох
Все собаки села в ночи
Вмиг затеяли, стукачи!
В дом к Манасу в те дни всегда
Гость за гостем спешил – нужда
Или как с Алтыке – беда
В дом стекались, как с гор вода.
Вмиг джигиты в уздцы коня,
Взяли, чтоб доглядеть, тесня
Гостя в дом; кто б узнал – родня? –
Будь он даже в разгаре дня;
Алтыке оробел совсем,
Тихо дверь отворил, присел:
Сорок воинов, стоя в ряд,
Хором вперили в гостя взгляд!
Как всегда, его спас язык,
Что с разгону молоть привык:
«О, откуда пришёл я к вам,
Не видал я такого там!
Ах, джигиты! Подстать хребтам
С шапкой снежных вершин! Богам...»
Тут Манас показался. Вмиг
У бедняги отсох язык,
Лишь глазами он – луп да луп,
То ль испуган, то ль просто глуп,
Только хрип и срывался с губ,
Посинел – ну, почти что труп.
Богатырь лишь повёл плечом:
«Отведите к Жакыпу в дом,
Так боится бедняга! Пусть
От лишенья ума и чувств
Его как-то спасает хан».
Отведённый к Жакыпу в стан,
Без сознанья был Алтыке,
В это время с камчой в руке
Вдруг пришёл великан Бакай,
Удивился: мол, что за бай,
Кто, мол, шлёт вот таких гонцов?
Брызнул чистой водой в лицо,
Алтыке тут очнулся вмиг
И опять развязал язык.
Лишь Жакып в эти вести вник,
Головою, скорбя, поник,
Зарычал на весь дом, жена
Тут же всё поняла сполна,
«Кырдыгач!» – Чыйырды, визжа,
Побежала во двор, – вожжа
Всем попала под хвост в тот миг,
Этот слух в каждый дом проник,
Все кыргызы, крича: «*Калмак*!»,

По селу заметались; так
Понят визг тот; Бакай, как хан,
Сам решил успокоить стан,
И его ручной кабылан
К ним примчался, едва был зван;
Слугам хан приказал: «Коня
Оседлайте вмиг для меня!»
Три десятка *нукеров:* страх! –
Все в доспехах златых, в шелках,
И при копьях, и при мечах, –
Чем орду наградил аллах,
Тут же мигом явились в стан,
Столь же злые, как кабылан.
А Жакып своего коня
Оседлать повелел, – возня
Утешала, но как огня
Он боялся начала дня:
Так страдал он за Кардыгач,
Что срывался то в крик, то в плач,
Позабыв, что он хан, богач,
Туучунака пуская вскачь,
Он сорвался один было́
К дочке, бросив своё село, –
Измотался, мол, Карманап,
Он как муж оказался слаб,
Он назвал бы – головотяп,
Или хуже – мангытский раб,
Да стеснялся Манаса: он
Шумом странным их привлечён,
К ним примчался, чтоб всё узнать;
Всю в слезах он увидел мать,
Да отца, что хотел скакать
В ночь – мол, ждут его дочка, зять.

У Бакая спросил Манас:
«Что такое на этот раз?
Что с отцом? Сил, гляжу, запас,
Если вздумал он в ночь от нас
В даль такую спешить, в тот край,
Куда о́тдал он дочь. Бакай,
А зачем тогда на Алтай
Он уехал? Как в ссылку? Дай
И такой мне, прошу, ответ:
«Встреча сватов» прошла ли? Нет?
Опозорится Кардыгач
Коль незваными в гости вскачь
Мать с отцом привезут свой плач:
Разорился, поймут, богач
И, обычай поправ, к зятьку,
Унижаясь, принёс башку.
Коль сама бы за лаской вдруг
Дочь явилась бы, рой подруг
Привела, и верблюдов строй,
Я не стал бы перечить – «стой».
Ты скажи «перестань» отцу,
Не пристало ведь мне, юнцу,
Разговаривать так с отцом,
Убеждая вернуться в дом;
Мамин плач, крик отца – как ком
Прямо в сердце стоят моём.
Успокоятся пусть вдвоём.
Я без них разберусь во всём.
Пусть приедут они, когда
Вновь в лугах побредут стада,
Чтобы праздновать, как сюда,
Будут люди спешить туда,
Чтобы мать и отца встречать
Вышли дочь и весёлый зять,
Вот тогда пусть у них они
Спросят: «Счастливы ль ваши дни?»
Будут радостных глаз огни
Повесомее болтовни».

Улыбнулся Бакай в ответ,
В умном взоре зажёгся свет,
Жакыпхана позвал к себе
И сказал он: «Хвала судьбе,
Твои дети сильней тебя,
Успокойся же, их любя,
Вырос твой, наконец, Манас,
Он мудрее обоих нас;
Потихоньку, не напоказ
Всё он делает лишь для нас:
Он судьбу оседлал теперь,
И *калмак* – укрощённый зверь –
Прячет злобу свою в норе:
Потеряли себя в игре
Хан Кёнтей, Шоорук-силач.
При Манасе, мой друг, не плачь,
Все тревоги, сомненья спрячь;

Знаю, да: Бадыкёл – палач,
Но уж лучше б как Алооке
Убежал бы в степь налегке,
От Нарына тот вдалеке
Жив, однако, не на курке
Ни у гибели, ни у смут.
На востоке живущий люд
Чтит Манаса как высший суд,
Ты же, плачущий старый плут,
Позабыв, как тебя зовут,
Словно мальчик, бежишь в петлю.
Успокойся, тебя молю!
Мы дождёмся, давай, зарю,
До зари я тебе вдолблю,
Как держаться в беде, и как
Сделать, чтобы каракалпак
Из разрозненных всех ватаг
Слился в армию, чтобы враг
Видел общую с нами мощь.
Кстати, вопли золовок, тёщ
Не спасут ни зятька, ни дочь:
Успокой иль пошли их прочь.
Не смеши дураков, Жакып!
Да, конечно, зятёк твой влип,
Если хочешь ты дочь спасти,
Нам с Манасом открой пути
Всё прикинем: вдвоём найти
Легче истину, и, прости,
Пусть решает, в конце концов,
Царь Манас: он мудрей отцов;
Ты же только благослови!
Твой по роду он, по крови,
Но по духу он – сын небес,
Так что небу наперерез
Не скачи, словно мелкий бес,
Хочешь дочку спасти? – не лезь;
Алтыке, что привёз нам весть,
Говорил – я не счёл за лесть, –
Мол, *мангыт* Бадыкёл – *балбан*,
Что выходит из битв без ран,
За спиной оставляя смерть.
Дай *бата*! Мы должны успеть».

И смирился Жакып-богач:
«Прав во всём ты, и, плачь, не плачь,
Силача победит силач.
Моя милая Кардыгач
Пусть узнает: я рвался к ней,
Но обычай ведь чувств сильней;
Пусть в дорогу спешат скорей
Сын и сорок его парней.
Как работа твоя трудна:
Защищает уклад она,
Я же только *арбак* гневлю.
Пойду сына благословлю!»
Успокоился Жакыпхан.
А Манас же покинул стан
Вместе с сорок *чоро*, и с ним
Как обычно, невозмутим,
Шёл со знаменем хан Бакай,
Алым шёлком встревожив край.
Кардыгач и Караманап
Мысли путали, словно кляп
Их заткнул, и Бакай был рад,
Что гонца отослал назад
С вестью: помощь идёт уже;
Но тревога росла в душе.
И покуда, глотая пыль,
Подминая десятки миль,
Мчатся наши батыры, быль
Речь уводит в степной ковыль.

В Букаре, где земля как стол
Или глиняный гладкий пол,
Где в Акчи лишь простор не гол,
Было озеро Алакёл,
Много лет Букарою хан
Правил, звался он Каракан;
У отца Адыбая их
Было трое: ещё двоих
Звали – среднего Темиркан,
Мол, с железной душою хан,
Самый младший Шаатемир,
Красотою спасавший мир, –
Все родные, и мать одна;
В стародавние времена
К Орозду восходил их род,
И простой называл народ
Их просторный родимый кров,
Где с пупка их упала кровь:

«Съезд богатых троих дворов», –
Счёт нажитого, не даров.
Темиркана все звали «хан»,
Хоть он был ещё мальчуган,
Был талант ему богом дан:
Помогать – кем бы ни был зван,
И за это молвой дехкан
В долгой памяти изваян;
Каракан же прославлен был
Тем как вёл он дела, как жил,
Как он правил, людей любил,
И каким семьянином слыл;
Его дочь Акерчеч-краса,
Как безлунная ночь – коса,
Губы – вишенки, нос точён;
Айдархановский сын Кёкчё
Был влюблён в неё горячо,
Ей подставил своё плечо –
Мужем, другом ей стал, и стан
Величал его тоже – «хан».

Канықей – Каракана дочь –
Из отцовского дома прочь
Не спешила – она слыла
За пределами их села
Мастерицей, и слава шла
Вслед за нею как тень крыла;
Рукодельница – так о ней
Говорили в краю степей,
И в краю снежно-белых гор,
И в краю, где царил простор;
Канықей же, как ни при чём,
И не думала ни о чём,
Что судачили ей вослед:
Было ей лишь тринадцать лет.
В её девичий близкий круг
Сорок лучших девиц-подруг
С детства, как повелось, вошли:
Длинноноги, как журавли,
Голосисты и озорны,
И румяны, как снег весны;
Алакёл их манило всех,
Берега оглашал их смех,
И травы изумрудный мех –
Веский довод простых утех, –
Стлался под ноги, звал упасть,
И грозил у забот украсть;
Когда девы сминали шёлк
Трав прибрежных, к *мангыту* шёл
Сын Жакыпа Манас с *чоро;*
Вод заманчивых серебро
Поманило к привалу их;
Смех девичий в момент утих,
Лишь заметили, что вдали
Чьи-то воины скопом шли:
Пыль вставала, гудя, столбом.
Впрочем, воины шли гуськом:
Этот край был им незнаком,
Был Манасом отряд ведом.
Девы замерли: кто таков?
Про таких «с молоком, мол, кровь» –
Говорят, – а глаза горят!
Сердце дрогнуло у девчат:
Двадцать лет молодцу, пригож,
Да в одеждах из тонких кож,
Вышит золотом весь наряд,
А доспехи-то! – целый клад.
Канықей словно впала в сон:
Подошёл незаметно он,
С голубого сходя коня,
Он совсем не сошёл, дразня,
Гриву попридержав ногой,
Он скрутил табак дорогой,
Закурил, аромат дымка
Отогнал от неё слегка,
Выделяя наверняка
Канықей из её кружка,
И табак Анжыянский свой
Смял, нахмурился и стрелой,
Прыгнув, слился с седлом – опять
В путь: скорее сестру спасать.
Но в виске всё звенела мысль:
«На такой, как она, женись!»
Эта девушка Канықей
В память врезалась всех сильней,
Хоть четыре десятка дев
Все сливались в один напев
Красотою движений, лиц, –
Но одна изо всех девиц
Сердце тронула молодца.

Ну, а девушки без конца
Говорили про стать юнца,
Про мужскую красу лица,
Изумляясь на разный лад
Обсуждали его наряд,
Поразило их, что отряд
Всех, в доспехах литых, ребят
В рот красавцу смотрели так,
Словно был он у них вожак,
Что мог миловать и казнить,
Взяв навеки их судеб нить.

Канықей, Каракана дочь
Тоже видела всё точь в точь,
Но молчала; её душа
Балансировала, дрожа,
Между явью и той мечтой,
Что возникла сама собой
И томила её: «Герой! –
Он родился уже такой:
Совершенен и взгляд, и вид,
То, как он на коне сидит,
Он – особенный, он батыр;
Он, должно быть, спешил на пир,
Жаль. Вот счастье кому-то в дом
С ним надёжным придёт щитом;
Я попробую угадать
Как батыра такого звать.
На земле да и на воде
Не встречался такой нигде;
Он бесспорный вожак, и он
У кыргызов в орде рождён;
Сильный, умный; и – как не знать:
Так детей одевает знать;
Слух ходил, что *калмаки* вновь
Попытались набрать рабов,
Но при том наломали дров
И свою потеряли кровь,
А к тому же – и скот, и кров.
Победитель их кто таков?
О, я вспомнила: звать Манас!
Может, он и дошёл до нас?
Но ушёл, повернувшись, прочь.
Может, шёл он кому помочь?
Ведь народ никогда не лжёт,
А о нём говорит народ,
Для кыргызов, мол, он – оплот,
Что сбирает он к роду род
И, конечно же, соберёт
Кланы, семьи в один народ;
Он – потомок безгрешный тех,
Кто кыргызам стяжал успех
В те далёкие времена,
Где с *калмаком* не шла война;
Он – как *тёр* на родной земле;
Он – как озеро, что во мгле
Воды выпестовало в тепле;
Он – гора, что любой скале
Тень подарит, и коль враги
Пики, ружья возьмут, клинки –
Обратить против них всегда
Он сумеет всё без труда;
Если даже нагрянет смерть –
Будет он как пожар гореть,
Но собой заслонит народ;
Если бурные волны вод
Мир накроют в несчастный год –
Он один против них пойдёт,
Чтобы грудью закрыть свой род;
Он – умеющий всё прощать;
Он – умеющий боль скрывать,
Если кровь он свою прольёт,
То не сразу-то кто поймёт:
Он умеет скрывать в себе
Боль и радость; ему в судьбе
Уготована ипостась,
Покрупнее, чем просто власть,
Где-то в небе она плелась,
Я с природою чую связь:
Коль с азартом в игру войдёт –
Победит, скажу наперёд;
Разозлится когда – убьёт,
Кто со злом же к нему придёт –
Повезёт, если с головой
Он вернётся к себе домой.
О, ему бы хватило рук
Столько тысяч миров вокруг
И объять, и вершить в них власть.
Восемнадцать бы тысяч! – всласть
Применил бы свои дары,

Ни в одном не сойдя с игры;
И подземные бы миры
Он бы вывел из-под горы:
Волосами пророс бы сквозь
Толщи горных пород и – гость, –
Стал хозяином бы и там:
Селем мощным по тем местам
Он прошёлся бы, в свой оплот
Вмиг прибавив миры пустот».

Канықей застыдилась вдруг,
Оглянулась и на подруг –
Вдруг услышали сердца стук
И похвал молчаливых звук? –
Но подружки болтали вслух,
Болтовня замыкает слух.
Но смущённая Канықей
Стала думать теперь смирней:
«Этот парень опасен – он
Очень сильный со всех сторон:
Не разбудит в нём жалость стон,
Если даже враг покорён;
Будет кровь с него течь – воды
Он плеснёт, чтоб скорей сады
Враг увидел за той чертой,
Куда не попадёт живой;
Совершенство, вселенной пуп,
Всяк, его лишь задевший, – труп;
Он – *анткор*[374], он жесток и груб,
Вкусишь яд – коль коснёшься губ.
Что ж влечёт к нему так, аллах?! –
Гнев ли? Злость? Восхищенье?
Страх?»
Так осталась в своих мечтах
Канықей, – даже берег пах
Конским потом и табаком;
Этот запах был так знаком,
Словно прошлую жизнь вдвоём
Канықей с ним делила дом –
С этим парнем, что незнаком.
Сивогривый же тёплый ком
Очень странный унёс в груди,
Размышляя, что впереди
Ждёт его и его отряд,
Примеряя сто раз подряд
План за планом в уме, но в лад
Не попал ни один расклад.
Молчаливо скакали так
Вдоль горы, что зовут Бетбак:
Погружённый в себя вожак,
Сорок воинов, алый флаг.

Но вернёмся опять туда,
Где назрела сама беда:
Зависть, алчность – вот та бразда,
На которой взошла вражда.
С Бадыкёловских цепких лап
Вряд ли выскочит Карманап.
Бадыкёл три кольчуги враз
Нацепил – даже пусть Манас
Карманапу решит помочь,
Будет биться хоть день, и ночь,
Все слои разрубить невмочь,
И Жакыпа гордячку-дочь
Прямо за косу уволочь
Он сумеет, покуда враг
Будет кровью поить овраг.
Он загнал свой большой отряд
На соседские земли – ад
Там начался, ведь всех подряд
Убивать был наёмник рад.
И крестьянин-каракалпак,
Не поняв, в чём виновен так,
Почему этот подлый враг
Вдруг разрушил его очаг,
Умирал на своей земле,
На горячей ещё золе,
Что осталась вдруг от двора
От скота, от всего добра,
От жены и детей. О, бог!
Почему ты им не помог?!
От селений больших дымок
Ненадолго остаться смог.
Против вторгшейся силы слаб
Был, конечно же, Карманап:
Ни снарядов, ни пуль вовек

[374] Анткор – 1. клятвопреступник; лгун, клеветник; (анткор сөз – хула, клевета); 2. лживый, притворный.

Не видал этот человек,
Сколько грозный сосед припас
И растрачивать дал приказ:
Приграничье развеять в пыль,
Чтоб и память ушла в распыл!
Землю рыл Карманап и выл,
Только тысячами могил
Вся земля его обросла,
А цветущей, живой была.
Бадыкёл же спешил вперёд:
Всех *алашей* решив народ
Уничтожить – переворот
Совершив, – возвеличить сброд
Из далёких чужих земель,
Что на падаль спешат, как сель,
Все остатки сметая так,
Чтоб *алаш* и *каракалпак*
Стерлись, чтобы их жизнь и быль
Превратились в сухую пыль.
Бадыкёл понимал: Манас
Из кыргызских народных масс
Силу черпает и запас
Обновляет он каждый раз;
И его победит дотла
Смертью выжженная земля,
Чтоб кыргызский народ не смел
Никогда даже встать с колен;
Чтоб осталось его чуть-чуть –
Так, для трепета ханских чувств:
Ведь девицы *алаш* милы,
И нежны они, и белы;
Это жёны родные злы,
И крикливы, и так смуглы,
Что не сразу в ночи поймёшь,
Чей в постели звучит скулёж;
У *алашей* же косы – шёлк.
Негодяй, так мечтая, шёл
Грабить, мучить и убивать,
На безвинных науськав рать.

Карманап же в своём ордо
Всех, кто жив, стал сзывать – в гнездо
Так сзывают цыплят; зато
Богатырь его – Карадоо –
Жив был, к счастью, но вот коня
Не сумела ему родня
Сохранить, и, врага кляня,
Он коня выбирал три дня.
Тут примчался и Алтыке
С вестью радостной, налегке:
«Едет! – он закричал, – Манас,
На подмогу! Спасёт он нас!»
Карманап ожидал отказ
И воспрял – до слезы из глаз!
Весь народ был оповещён.
Обе армии с двух сторон –
И *мангыт*, и каракалпак, –
Вышли встречь; хоть коварный враг
По окраинам выжег люд,
Он немало плохих минут
Пережил, когда Карадоо,
Оседлав Конурсура, – кто
Сомневался бы, что за конь
Найден был и закован в бронь, –
Появился вдруг как огонь:
Кто бы ждал от таких тихонь? –
С Карманапом вдвоём неслись,
Несгибаемые, как мысль.
Карадоо двуострый меч
Нёс наотмашь – чтоб сразу с плеч
Бадыкёлу снести башку
И отпрянуть на всём скаку:
Доверял он всегда броску,
Долгий бой наводил тоску.
Бадыкёл разгадал тот ход
И замедлил, наоборот,
Своего скакуна разбег,
И, примерившись из-под век,
Сквернословя на весь *майдан*
И железом гремя, как жбан,
Всем напором, что небом дан,
Вдруг ударил копьём; удар
Карадоо задел, скользя,
Издалёка судить нельзя –
Сильно, нет ли задел сатрап;
Поспешил вступить Карманап
В эту схватку, и Бадыкёл
Дважды пику вонзил, как кол,
В Карадоо, вокруг крутясь;
В Карманапа летела грязь

Так он близко к ним был, боясь
За героя – сердец их связь
Говорила, что жив герой;
Бадыкёл как узнал – второй
Враг в их схватку вступает, в рёв
Словно бешеных сто коров
Вдруг ударился, распоров
Полдоспеха врагу, паров
Не спуская, ударил в грудь
Карманапа – а тот чуть-чуть
Не успел защитить её,
И вот-вот бы уж остриё
Грудь пронзило ему, как вдруг
Окровавленный схваткой луг
Огласил непонятный звук,
Как рычанье больших зверюг,
Бадыкёла затмивший крик;
Этот звук всех отвлёк на миг,
И *мангут*, что теснил врагов,
Стал достоин своих же слов –
Так в момент почернел палач,
Захрипел, словно в горле квач
Перекрыл его вопль-плач:
Он увидел, как Кардыгач,
Косы вверх завязав узлом,
Лихо сидя в седле мужском,
Мчит навстречу, грозя копьём
И рыча разъярённым львом.
Серый конь её Жалманкёк
Был подарен отцом, и в срок
Пригодился – он ей помог
Сделать яростный свой наскок.
Она думала: «Карманап
Вмиг погибнет – он слишком слаб,
Срубит голову враг-мангыт,
Будет шурин потом убит». –
Жалманкёка хлеща камчой,
Без доспехов, блеща парчой
Под наброшенной епанчой,
Жалманкёка подняв свечой,
На *мангыта* напала вмиг.
У того отказал язык –
Растерялся, а Кардыгач,
Отвлекая от мужа, вскачь
Закружилась, копьё метнув,
И тулпару *мангыта* в круп
Так удачно попала – тот
На колени упал, в полёт
Чуть не вытряхнув седока;
Карманап с Карадоо слегка
Испугавшись сперва, теперь –
Видя, что это был за зверь,
Приосанившись, снова в бой
Поспешили, закрыв собой
Разъярённую Кардыгач.

Отбиваясь, *мангыт*-палач
Удивлялся: «Она силач!
Хочешь смейся, а хочешь – плачь,
Из волос её хоть канат
Можно вить, я схватить бы рад
За него, чтоб опутать так,
Как не смог её муж-слабак!
Проиграет каракалпак,
Эту сладенькую *акак*[375]
Как *олжо* заберу, клянусь,
Шквал во мне она будит чувств,
С ней забуду тоску и грусть,
Мне рожает мальчишек пусть,
Чтоб предплечья как у слона, –
Львица-женщина ведь она,
Я её объявлю женой,
Слёз хлебнёт уж она со мной:
В клетке буду её держать,
Ей останется лишь рожать;
Как потомство забрать смогу,
То пошлю её Балыку;
Карманапа и Карадоо
Разыщу для неё зато,
Мне подвластный каракалпак
Пусть её стережёт за так;
Ну, а я же кыргызов всех,
С их Манасом подняв на смех,
Разгромлю до конца – успех
Мне положен как часть утех». –
Шею выгнув от сладких грёз,
Потянулся к венцу из кос,
Чтоб схватить их внезапно, пёс,

[375] Акак – драгоценный камень.

С бабой драться решив всерьёз!

В этот самый ужасный миг
Вдруг раздался знакомый крик:
Клич «Манас» словно пушек гром
Раскатился по-над хребтом;
В сорок глоток звуча, *ураан*
Мог бы выплеснуть океан,
Да и сам Сивогривый хан
Показался, за ним туман
Словно плыл – то *чоро*, крича,
Мчались следом и сгоряча
Пыль клубилась из-под копыт,
Нарастив их число на вид.
Клич услышала Кардыгач,
Повернула коня и вскачь
Поспешила исчезнуть прочь:
«Засмеют же! – сражалась дочь;
Мы ведь всё же одна семья,
И на младшего брата я
Тень набрасывать не могу».
А сражение на лугу
Стало страшным: рассвирепев
Как обманутый ланью лев, –
Ведь *олжо* ускользнула вдруг,
Бадыкёл словно сорок рук
Отрастил – лишь копья размах
Нагонял своей мощью страх,
Страшен лик был, и в волосах
Ветер, словно в сухих кустах,
Погулял, разметав как мех.
Вопль вызвал бы только смех,
Если б не был он так тосклив:
«Я, *олжо* свою упустив,
Разнесу тебя в клочья, див!
Сам тебя я искал, спеша,
Так гуляй же, моя душа!» –
Стиснув зубы, их в пыль круша,
Замахнулся на крепыша
И гигантским копьём своим
Так ударил он – даже дым
Меж саврасым и меж гнедым
Заметался, неодолим;
Но, коснувшись Манаса, вдруг
Поломалось копьё, и стук
Этот вызвал нездешний дым
Отчего стал весь луг седым.
Сивогривый был недвижим,
Лишь саврасый плясал под ним,
Исподлобья глядел Манас,
Что затеет на этот раз
Враг, вопящий как напоказ,
Скособочившись от гримас;
Но когда Бадыкёл опять
Начал новым копьём махать,
Кабылан его ждать не стал;
Сам ударил в него, попал,
Как в свинью, повернул копьё,
Чтоб вогнать его остриё
Глубже в тело свиньи, древко
Не сломалось, – оно легко
Гнулось, если была нужда,
Выпрямляясь, чтоб как всегда
Быть длиною наготове;
Ветер в липкой умолк траве,
Кровь лилась, но вторым копьём
Враг пытался, ещё живьём,
Расквитаться за кровь, за страх;
Чёрный – словно скала впотьмах,
Как могила в глухих горах,
Разбухал он, и хоть пропах
Свежей кровью, от этих ран
Он не умер, как тот баран,
Печень-лёгкие чьи жирок
От ножа уберечь помог, –
Нет, не скажем, конечно, – бог,
А скорее – кормёжка впрок.
Снова вздыбилась вся земля.
У *мангыта* как два угля
Оба глаза горели: тля
Так живуча, придя в поля.
Клочья мокрые бороды
Словно после сырой еды
Врозь торчали, как знак беды, –
Так в морозы стоят кусты,
Что успели расцвесть, но с гор
Вновь вернулась зима во двор;
Пораженья принять позор
Не хотел полумёртвый вор.
А Манас лишь прищурил взор:

Взял он в руки большой *чокмор*[376]
И примерился – если он
Будет бить им со всех сторон,
То когда-нибудь и гора
Станет грудой, не серебра,
А скорее песка, трухи.
Есть ли время для чепухи?
С Аккулою обманный круг
Он проделал, пройдясь вокруг,
И вплотную подъехал вдруг
К Бадыкёлу, как близкий друг –
«Вот прореха, сюда и бить!»
Чтоб свинью до конца убить,
Он ударил подмышку – там
Переход к лучевым костям
Без защиты совсем, – рука
Уязвимее стебелька
Сникла, вислая, без кости,
Не сдержав и копья в горсти.
Как вода из *чорго*[377], лилась
Кровь, разжижив донельзя грязь;
Лев встряхнул Бадыкёла – всласть
Чтобы он испытал напасть;
Может даже гора упасть.
С каждой частью у тела связь:
Боль свалила мангыта вмиг.
Погасив непрерывный крик,
Целых сорок *чоро*, держа
Бадыкёла, чтоб вдруг душа
Не вернулась в свой крепкий дом,
Печень вырезали, притом
Не забыли они про желчь,
Чтобы жизнь не смогли разжечь
В этом теле ни чёрт, ни бес –
Так преданье велит небес,
Если есть в глубине телес
Преисподней самой замес.

Алп Бакай-*олуя* собрал
Аксакалов и так сказал:
«Вы в изгнанье собрались. Что ж,
Правду я вам скажу, не ложь,
Выбирайте – мудры вы сплошь, –
Путь, какой будет вам хорош.
Мой Манас – он велик душой.
Понимаю, он вам чужой,
Но не сам же он к вам пришёл –
Его вынудил Бадыкёл,
На соседей своих напав,
Всех наёмников здесь собрав:
На границах от их потрав
Жертв бессчётно, как в поле трав.
Но Манас победил врага.
Умер ваш Бадыкёл – рога
Обломал на чужом лугу,
Сам травинкой пропал в стогу.
Без хозяина нынче вы.
Как вершить теперь без канвы
Жизнь, судьбу своих жён и чад?
Как меж вами тут говорят? –
Хан-хозяин и хан-герой.
Бадыкёл ли стоял горой
За любого из вас? Налог
Вы платили кто сколько мог?
Управлял он, людей любя?
Или всё-таки для себя
Жил, жирел, богател, грешил.
Жаль вам чёрной его души?
В вас осталась хоть тень межи,
Отделяющей явь от лжи?
Может, всё же найдётся хан,
Чтобы смог ваш упрочить стан,
Чтоб и дань, да и сам налог
Рушить судьбы у вас не мог,
И выдавливать за порог
Если на день нарушен срок?
Есть у вас ли визирь иль *бек*,
Чтоб сказали: «Вот человек!»?
Из Барана, Шанкая кто?
Вон вас сколько вокруг! – *додо*,
Так скажите сейчас без лжи,
А по чести и от души:
Как хотите вы жить теперь?
Размышляет ведь даже зверь,
Как бы выжить, мол, без потерь;
Вам открыта любая дверь;

[376] Чокмор – дубинка с утолщением на конце (орудие рукопашного боя).
[377] Чорго – носик чайника, самовара, краник.

Как *мангыты*, *баран*, *шанкай*
Делят этот единый край?
Кто к каким попривык местам?
Где спокойно пастись стадам?
Ну-ка, на три все, по родам
Разделитесь! Совет вам дам».

На три части народ тотчас
Разделился, и вот те раз:
Все *мангыты* – начальство сплошь,
Просто так их никто не трожь,
Ни солдат, ни крестьянских рож:
Шёлк, парча, верх из тонких кож.
А простые – *баран*, *шанкай*,
Да немного кыргызов – край,
Явно, ад перекрасил в рай.
Наблюдал великан Бакай
Это всё с холодком в глазах:
Вот что значит – извечный страх,
Этим страхом кыргыз пропах,
Оскорбленный в любви, в мечтах,
Вечно голоден, бос и сир.
«О, превратный текучий мир!
Бренный мир – для богатых пир.
Победитель всегда – кумир!»
Но Бакай подобрался весь:
«Вы, *мангыты*, останьтесь здесь,
Вы, *баран* и *шанкай*, вперёд:
Ханский весь соберите скот,
И не только живой, а весь!
Расскажите народу весть.
Детям, женщинам – то, что есть,
Без кровавых картин донесть!..»
И *баран*, и *шанкай* ушли,
Скот собрали, какой нашли,
И живой, и уже костьми;
Пошептались, и меж людьми
Сговор тайный тогда возник:
«Лишь молчание – наш язык.
Коль вмешаемся, враг-*сарлык*[378]
Будет кровь нашу пить – привык!»
По холмам, по лугам, полям
Всё собрали, что было там,
Для живого скота клеймо
Отыскали – мол, чьё дерьмо,
Тот и нюхает пусть за так;
На подворье каракалпак
Карманаповским скот признал
И гуртом к нему всё погнал.
Край шумел, волновался, жил
Только новостью – край сложил
Много сказок про новый день,
Было женщинам всем не лень,
Да и девам – болтать о том,
Как былое пойдёт на слом,
Как их к ногтю прижмёт кыргыз,
Будут каждый его каприз
Исполнять, раз уж к власти низ
Вверх прорвался, другие вниз
Полетят все: *баран*, *шанкай*
И *мангыт*, – так и будет, знай.
Пока гнали весь скот, поблек
Образ хана, как вешний снег;
Мимо озера, мимо рек,
Перешли гору Баселек,
Гнали узкой тропой гуськом;
То раззор, то сожжённый дом
По дороге встречался им,
Над селеньями вился дым,
Был он мёртвым, таким седым,
Горьким ужасом завитым.
Находили порой живых –
То *баран*, то *шанкай*, но их
Разорил не кыргыз – *мангыт*;
И *мангыты* встречались – вид
Был потрёпан у них весьма,
От чужого, увы, ума
На пиру не своём они
От похмелья болеть должны;
Всех спасали – *баран*, *шанкай*,
Иль *мангыт*, уж такой их край,
А тем паче сказал Бакай:
Как им дальше жить – выбирай!

Лечит раны времён река.
Распрямился *шанкай* слегка,
Вспомнил близких, кто у врага
Оказался в *олжо*, – пока

[378] Помесь дикого яка и коровы.

Есть надежда его вернуть,
Надо просто собраться в путь,
Пока ждёт тебя кто-нибудь,
Пока сердце стучится в грудь.
Бадыкёл был охоч до жён.
Он женился на всех *олжо*,
Кто ему приглянулся, – раб
И покорен во всём, и слаб.
И теперь у него в ордо
Жён-рабынь собралась *додо*,
И девица одна была,
Что джигиту всю грудь сожгла
Чувством, старым, как этот мир;
Звали парня Шаатемир, –
Младший брат из троих – кумир
Всех невест, был доселе сир.
Никому не сказав, джигит
Сделав очень серьёзный вид,
К Бадыкёлу в гнездо спеша,
И надеждой своей дыша,
Постарался до дележа
Жён-рабынь доскакать, дрожа,
Что девица-его-душа
Станет чьей-то опять, служа.
Шаатемир смог и цель, и смысл
Всей поездки упрятать в мысль, –
Мол, отбив у чужих вояк,
Взял девицу-*олжо*, пустяк.
Каракану сказал он так,
Умолчав, что погибший враг
Мужем числился девы той,
Беззащитной и молодой.
Канықей лишь сказал одной
Всё про девушку он; сестрой
Назвала ей Канықей,
Ободрила, пеняя ей:
«Что ты слезки всё льёшь, дитя!
Ведь судьба твоя не шутя
Обернулась удачей вдруг:
Ты – сестрёнка моя, твой друг –
Милый дядя Шаатемир.
Ну, не плачь, а не то до дыр
Плач твой щечки проточит в сыр;
Ты богата теперь, знатна,
И красива ты как луна –
Бог богатством таким сполна
Одарил тебя; рождена
Ты для счастья, любви и ласк».
Нарядила её в атлас,
Бархат, нежный и мягкий шёлк.
Быстро месяц, другой прошел.
Карманап обижался: вот
Равным сделали весь народ,
Мол, *шанкая, барана* так
Возвеличив, каракалпак
Потеряет весь статус свой.
А Манас заспешил домой.
И сестру свою Кардыгач
Он забрал – ведь Жакып-богач
Вместе с мамой их ждут-пождут,
Веря: кончилось время смут,
И теперь они проживут
Свой заслуженный честно *кут*[379].
Только чёрная весть опять
Смела вторгнуться в благодать,
Вновь завистливый грезит тать
У кыргызов их *кут* отнять;
Вновь спешит Манас во главе
Своих войск по степной траве,
Снова страшно самой молве.
Но об этом – в другой главе.

[379] Кут – счастье, удача, благодать.

НАПАДЕНИЕ ЧЕТЫРЁХ БАТЫРОВ АРАНИКА НА КЁКЧЁ ИЗГНАНИЕ ИХ МАНАСОМ

Э… э… э… эй!
Успокоив народ, Манас
Сил набраться решил в запас:
Просто выспаться хоть бы раз,
Чтоб никто его сон не пас;
Но не тут-то и было: вдруг
Его мыслей спокойный круг
Весть прервала: старинный друг
Погибает в гнезде гадюк;
Старый друг – богатырь Кёкчё,
Сын казаха, к плечу плечо
С Дёодуром они дрались,
На Аранике, но кыргыз
Налегке, без *олжо*, ушёл;
А Кёкчё караван и шёлк, –
Всё, что было в тюках ещё,
Продал оптом, и хорошо;
Там, в Аранике, он осел,
Там женился он на красе –
Звали девушку Акеркеч.
Сам Кёкчё разучился меч
Поднимать и себя беречь,
Хоть и был он широкоплеч
И огромен как будто слон,
Но от жизни хорошей он
Разомлел и слегка размяк.
Вестник, правда, сказал не так,
Издалёка начав *даттан*[380]:

«Хан Араники Банускан
И дружок его Дёокан
Разорить Кёкчёбая стан
Вознамерились… Колесо
Закрутилось вовсю: Соксо
И Сотой – великаны их
Очень-очень храбры: двоих
Хватит выбить из тигра дых;
Это первое, во-вторых

[380] Даттан – принесение жалобы, мольба о помощи.

У них войско такое! – тьма,
Клич их сводит людей с ума:
Завывает в ушах зима,
Слепнут люди – сама чума
Флаг раскрасила их в тона,
От которых вся жизнь черна.
Муравьями они ползут
И клешнями живое жрут;
Селем грозным за пять минут
Под себя они подомнут
Джеты-Огуз и Кёктёбе,
И Великий Кемин – тебе
Ведь известно, что на тропе
Поселенья – хвала судьбе, –
От купцов набрались добра:
Шелка, золота, серебра.
А родная Учкаркыра!
Поднялась она не вчера,
Погибая, осиротит
Род кыргызов она навскид!
У героев, что там живут,
Табуны как подчистил *джут*:
Воровской был запущен люд,
Чтоб коней угонять, и лют
Был за ними пришедший тать:
Шёл он с запада воевать –
Север наш под себя подмять,
Чтобы соки из нас сосать.
Он сначала почти сравнял
Всё с землёю: и стар, и мал –
Мы, в пещерах живя, в кустах,
Прежили огромный страх!
Мы в *бешиках* несли детей,
Чтоб по плачу не мог злодей
Нас найти; стариков, старух,
Наших предков умерших дух
Заставлял ковылять и жить,
Чтоб собой молодых сплотить
И надежду в сердца вселить,
Что крепка поколений нить.
Так скитается наш народ.
Только дух его и живёт.
Но стараньями варнака
Нет ни дома, ни очага
У безвинного бедняка;
Жизнь скитальца так нелегка!»

С каждым словом наш лев мрачнел.
На себе он познал удел
Бесприютного бедняка,
Что бездомнее ветерка
Дни влачит, что длиной в века;
Он припомнил и хруст песка
На покрытых корой губах,
Вспомнил ночи зимой в горах,
Вспомнил мрак и животный страх –
Им, казалось, весь мир пропах.
А гонец продолжал: «Наш лев!
Коль пойдёшь на врага, то гнев
Твой великий вольётся в наш,
Мы сольёмся душой с *алаш*,
В бой пойдём, как велит *машташ*[381] –
Лишь сигнал к наступленью дашь.
О, кыргызов великий хан!
От Кёкчё я привёз *даттан*,
Старики ваши так мудры –
Для походов хранят шатры,
Флагов воинских кумачи;
А плечистые силачи,
В изголовье держа мечи,
Стоят каждый – как тысячи».

Сивогривый забыл про сон,
Вестью горестной был смущён
И встревожен изрядно он;
Всё обдумав со всех сторон,
Так сказал: «Поезжай, джигит,
Ты обратно домой. Сулит
Твоя горькая весть войну.
Только надо ль на быстрину,
Брод не видя, соваться всем?
Не отказываю совсем,
Но сначала поеду сам –
Лучше верить своим глазам;
На казахов взгляну – они
На Аранике в оны дни
Были в разных делах видны,
Руки были у них длинны.

[381] Машташ – тайно сговориться, действовать сообща.

Банускан, Дёокан. Сотой,
С ним Соксо, говоришь? – простой
Люд прозвал их, поди, «герой».
Но герой-то стоит горой
Не за ханов, а за народ.
Посмотрю я, кто больше врёт.
Если плачет народ – то я
Заступлюсь за него: семья
Мы одна, хоть живём вразброс;
Чтоб семью защищать, я рос.
А теперь оправляйся в путь,
И слова мои не забудь;
Да, не стой, отправляйся – пусть
Весть горячей сорвётся с уст!»
Лишь гонец ускакал в свой край,
Сам Манас, Кыргылча, Бакай
И братишка герой Чубак
Поспешили собраться, – враг,
Если впрямь там лютует так,
То пора поднимать и флаг!
Порешили – и в путь. Четверг
Шёл неспешно. И мир отверг
Лишний шум – суеты слугу.
Через ельник – к березняку,
На хребет взошли Будургу,
Где вершины всегда в снегу;
До Араники – день пути,
Но не стали спешить идти,
На три дня задержались здесь,
Хоть вперёд их летела весть, –
Впрочем, даже и тень, не честь,
Может тоже успех принесть
Но, конечно, тому, в ком есть:
Здесь огня не раздует лесть.
Поохотились – шёл олень,
Но без страсти: не то, чтоб лень,
Просто ждали особый день,
Что их славы назначит тень:
Ведь гонец от Кёкчё летел
Побыстрей оперённых стрел,
И, конечно, Манас хотел,
Чтоб собраться народ успел,
Чтоб узнал он, что в помощь к ним
Он идёт как огонь, не дым:
И ни ветер, ни ураган
Ни *мангыт*, ни *калмакский* хан,
Не погасит порыв дехкан,
Не успеет загнать в капкан
Их свободолюбивый дух,
Ведь врагов он имеет двух:
Справедливость и Гнев людской –
Из нарыва Терпенья гной,
Прорываясь, язвит собой
Участь, ставшую злой судьбой.

А гонец, что Кёкчё послал,
Словно ветер пройдя меж скал,
Наконец-то пришёл домой.
Ждал народ его сам не свой,
Он надежду принёс с собой:
На победный, на правый бой!
О Манасе узнали все,
О победной его стезе;
Чтоб подставить ему плечо
От казахов –Урбу, Кёкчё
Столь густую собрали рать,
Впору всех вокруг покорять!
Плавно двигались, к ряду ряд;
За отрядом спешил отряд,
После множества мук, утрат
С угнетателем драться рад
Был, пожалуй, любой казах,
Переживший и боль, и страх,
И, тем более, шли они
За грядущие биться дни
Вместе с братьями – не одни,
Ведь казах и кыргыз сродни, –
К кабылану, к Манасу шли:
Их Урбу и Кёкчё вели,
Десять тысяч! Все – соль земли,
Длинноноги как журавли,
Молодые, огонь в глазах.
В общем, дух сохранил казах.
С Сивогривым у Будурги
Повстречались бунтовщики,
Меж народами вмиг мостки
Проложили их языки –
Говор схожий и схожий нрав:
Расшумелись, устав поправ,
Как огонь на сухих дровах

Загудели кыргыз, казах,
Торопили друг друга вслух,
Выбивали с *доолбаса* дух;
Гомон их, наконец, затух
Лишь копыт равномерный стук
Взбудоражил земную твердь:
Степь как будто хлестала плеть,
Травы никли, впадая в смерть –
Кони мчались по ним как смерч,
Шеи вытянув на лету,
Животы подтянув к хребту, –
Как одна – много тысяч душ.
Так домчали до Бурулуш.
Знаменосцы подняли ввысь
Шёлк знамен как благую мысль:
Мол, невинный – поберегись,
А виновный – с собой простись.
А в Аранике стража вся,
Преждевременно голося –
Взбунтовавшихся понося, –
Собиралась на бой, грозя
Всех кыргызов, казахов всех
Уничтожить за их набег
На привычный уклад, на тех,
Кто за счёт их стяжал успех.
Силачи собирались в бой:
Два *калдая*[382] – Соксо, Сотой,
И два хана, гиганта два:
Дёокан и Банус – едва
Про Манаса промчался слух,
Оба тут же подняли слуг,
Чтоб из всех городов шести
К ним *балбанов* скорей вести,
Чтоб не менее десяти
В каждом городе наскрести.
Были ханы готовы в бой,
С ними шли и Соксо, Сотой,
С городов всех собрали дань
И хотели пуститься вдаль,
Как ворвались к ним стражи вдруг,
Позабыв про обычный стук,
Был на лицах у них испуг:
«О, взгляните скорей вокруг! –
Закричали, – о, Дёокан!
О, Бануш – наш великий хан,
Вы взгляните на Будургу!
Пыль такая, как снег в пургу,
А из пыли, вздымая флаг,
Вышла первая из ватаг,
А за нею. Сказал *айгак*[383],
Что в подзорной трубе он так
Всё увидел: в короне царь
Вышел первым, одет – как встарь
Одевались богатыри;
А за ним – как поток зари
Или даже гигантский сель, –
Шли вояки чужих земель,
Все в доспехах, глядеть в упор
Вряд ли сможет обычный взор:
Блеск слепит. Да, ещё – топор
Был в руках у царя: раззор
Может быть от него велик,
Больше дома топор! А лик
У царя – как дракон свиреп,
Очи – звёзды, и лунный серп
Между ними горит во лбу;
Приподнимет он лишь губу –
Блещут саблями два клыка.
Приотстав же на полшага
Тигр идёт, а за ним и страж –
Больше тигра, – богам воздашь,
Если сможешь, сразившись с ним,
Ты остаться хоть чуть живым:
И батыр, и силач – на нём
Латы синие с серебром,
За плечами ружьё и лук:
Лук волшебный – такой из рук
Может выйти лишь у *бакшы*[384],
Говорят о нём торгаши –
Он единственный, *Аленгир,*
И, быть может, один на мир,
Стрелы гладкие, словно жир,
И по точности – ювелир.
Впрочем, речь идёт о другом:

[382] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.
[383] Айгак – доносчик, шпион, сыщик.
[384] Бакшы – шаман, колдун.

За царём, как сель, им влеком
Там народ чужой прямиком
К нам в Аранику прёт молчком.
Беден красками наш рассказ:
Словно горы идут на нас!
День от пыли почти погас –
Кони – тучей, от конских масс
Трав не видно. *Желек*, *байрак*[385] –
Явный знак – окружает враг:
Где ни глянешь – то синий флаг,
То – багряный, как вешний мак.
О, вы слышите топот, гул? –
Словно черти пошли в разгул!
Будем даже сражаться год,
Лишь положим родной народ,
Даже хуже – наоборот,
Нас народ, увы, не поймёт;
Вон, шевелится как земля,
К небу вспучились все поля.
Ох, жестокий к нам враг спешит,
Если даже земля дрожит!
Посмотрите, каков наш вид:
Сердце просто у всех болит,
Уши глохнут и слепнет взгляд.
Вы ведь ханы, и, говорят,
Вы затеяли свой расклад,
Два *калдая*, *балбанов* ряд.
Мы надеемся все на вас.
Лишь бы бог и самих вас спас!»
И *калдаям*, и ханам двум
Словно что-то отшибло ум:
Молча выслушав весь рассказ,
Молча стражей прогнали с глаз.

Оба хана, *калдаи*, вняв,
Что не терпит война раззяв,
Войско собранное вперёд
Быстро выдвинули в поход;
Барабанный истошный звон
Раздавался со всех сторон,
Тьму палаток, шатров, попон
Вёз обозом конвой вдогон.
Был в смятении весь Кангай:
О Манасе прослышал край
И, не встретившись с ним, уже
Страх растили в своей душе:
Правда с ложью на рубеже –
Явь, что спрятана в мираже,
Проще, право, она стократ,
Чем покажется всем на взгляд.
Словно туча *кангаи* шли,
Смерть предвидя свою вдали,
Говорили: «Умрём в беде!»
Было боязно бедноте
Умирать за своих царей,
За *калдаев*-богатырей,
За наёмников-силачей.
Страшно было ей стать – ничьей:
Раб – не званье людское, суть:
За владельца подставить грудь
Хоть под стрелы, хоть под ружьё –
Учат плётка да батожьё.
Силачи же, как вороньё
Налетевшие на жнивьё,
Лишь зубами скрипели так,
Чтобы слышал незримый враг.
А один из них – Калдалан,
Неотёсанный великан,
Смуглый, чёрный, как сам шайтан, –
Стал выкрикивать брань, горлан,
От кангаев, других верзил,
На коне своём Тарткызыл
Он рванул побыстрей вперёд,
Чтоб увидел его народ,
И бахвалиться стал: «Мой род
От батыров больших идёт!
Я казаха Семета сам
Быстро выпихну к небесам!»

А Семет ведь героем был
И казахов своих любил;
А ещё он любил, чтоб пыль
Тот глотал бы, кого он бил.
Карасуром он звал коня.
И сейчас, на восходе дня,
Он копьё-*карагай*[386] свой взял,

[385] Желек – синий флаг; байрак – красный флаг.
[386] Карагай – ель, сосна.

Калдалана на бой позвал.
Тот кричал ещё: «Я – герой:
За себя постою горой!
Калдалану хороший бой –
Это словно богатый *той*!»
Вмиг на копьях схватились влёт.
Расступился вокруг народ,
Флаги подняли – чтобы знать,
За кого, мол, воюет знать –
Калдалан и Семет-казах.
В дальнем детстве оставив страх,
Оба числились в мастерах
Боя, частого на пирах,
И борьбы, и подобных игр.
Да, Семет был свиреп как тигр,
И второй ведь не лыком шит:
Оба силой вошли в зенит.
В чистом поле, где всё звенит,
Бились так, как им честь велит.
Вышли с копьями – не *куреш*,
В той борьбе наживают плешь,
А с копьём перейдёшь рубеж –
Ляжешь стоптанных трав промеж.
Так, удар за ударом, – вдрызг
Все тулупы, все щёки. Визг
То и дело среди людей,
Море крови! Каков злодей –
Сквернословящий Калдалан! –
Весь от вражеской крови пьян,
С бранью десять кругов пройдя,
Причитающий, как дитя:
«Я от боли зверею так,
Что, узнал бы про это враг, –
Он бы гладил меня, ласкал,
Только боли б не причинял!»
«Больно» сделал ему Семет:
Всё копьё он всадил в ответ
В сердце, лёгкие сплошь пробив.
Калдалан был самолюбив,
Попытался браниться вновь,
Только хлынула горлом кровь,
А Семет подскочив, сплеча
Снёс и голову. Как парча
Ярко-красная седока
И коня обвила слегка:
Кровь – тяжелая как душа,
Что ушла в небеса, – шурша,
В землю, медленная, лилась,
Словно ярких *ширдаков* вязь,
Чтоб Урбу, как казахский князь,
Видел этой победы связь
С тоном красных своих одежд
И кангайских былых надежд.
А Семет, как довольный тигр,
Всласть вкусивший азарта игр,
Разве что не мурлыча вслух,
Тешил свой возбуждённый дух.

Из кангаевских силачей
Был, возросший из палачей,
Богом проклятый сын ночей,
И по сути своей – ничей,
Кем-то названный вдруг *Мунар*[387]:
До того, мол, ненужный дар –
Так, затменье нашло вчера,
Вдруг развеют его ветра?..
Звался конь его Темиркёк,
Даже с ним был Мунар жесток,
И не зря обзывал «*Саяк*[388]» –
Тот, наверно, пытался так
Убежать от него, бедняк:
Друг бывает страшней, чем враг.
Как гора восседал Мунар
На коне, про его удар
На Кангае легенды шли,
Мол, врагов его всех несли
После боя как ком земли,
Части тела собрав в пыли.
Его знали с давнишних пор.
Не вступали с ним люди в спор.
И увидев, что он попёр
На Семета, набычив взор,
Зашептались *кангайцы*: «Ой,
Посмотрите – наш дорогой,
Несравненный Мунар какой:
Туча чёрная над горой!

[387] Мунар – лёгкая мгла, дымка, марево.
[388] Саяк – бродяга.

Зря маячит казах пред ним,
Наш проглотит его как дым,
Не сбежит – умрёт молодым,
Ведь Мунар наш непобедим!
Смерть, что принял наш Калдалан
От тяжёлых казахских ран,
Много легче, чем будет та,
Что Мунар создаёт всегда:
Очень долгая маята –
Будет трижды им смерть сыта,
У казаха ни ног, ни рук
Не оставит Мунар, но мук
Не прервёт – будет мясо рвать,
К голове подберётся – снять,
Лишь насытившись болью всласть,
Испытав с наслажденьем власть».

Так шептались *кангаи* вслух,
А внутри затаили дух:
Также овцы смыкают круг,
Когда видят, как зол пастух.
К бою был их Мунар готов.
Никогда он не тратил слов,
В ход пуская копьё да меч,
А не брань или просто речь;
Наслажденье сулила сечь:
Вырвать печень врага и желчь,
Распустить по земле кишки.
Для чего, мол, ещё враги? –
«Жизнью виру мне даст казах,
Кандалана отмщу я прах!»
А *кангайцы* молчали, страх
Лишь плескался у них в глазах:
Все Мунара боялись – он
Проклят богом ведь был с пелён,
Даже имя его – *Мунар* –
Как ночной воровской пожар,
Что, живое слизнув, навар
Только ветру вручает в дар.
Одолел вдруг Мунара смех:
«Лишь с казахом расправлюсь – всех,
Кто с ним вместе пошёл на грех,
Уничтожу я без помех!»
Как гора на коне сидит,
Волос крепче аркана свит,
Бровь как вьючный баран, как щит;
Темиркёка печален вид:
Всадник толст, животом богат,
И огромен, и волосат;
Взял копьё – шесть десятков рук
Размахнутся таким не вдруг;
Закричал – как обвал в горах,
С дикой яростью на губах,
И помчался к Семету – тот,
Клич «Манас!» запуская в ход,
Карасура-коня вперёд
Тоже выдвинул в свой черёд.
Карасур был волшебный конь:
Не давая стянуть супонь,
Чтобы воли хоть на ладонь
Он имел бы в пылу погонь,
Увернуться всегда он мог,
Сделать сложный такой виток,
Что сроднившийся с ним седок
Думал: «Бог нам спастись помог!»
И теперь Карасур, поджав
Оба уха, решил свой нрав
Показать толстяку-врагу –
Вместе с богом, мол, помогу!
Рядом враг уже – на лугу
Так же травы стоят в стогу.
Был батыром Семет рождён,
Ход с запасом прикинул он:
«О, какая длина копья! –
Нет, не дам развернуться я
С этим страшным копьём врагу,
И своё-то поберегу,
Не затем, чтоб его сберечь –
Не достать мне врага им. Меч!»
Он оставил копьё, и меч
Быстро выхватил с ножен – сечь
Началась, и Мунар копьём
Размахнулся; Семет мечом
Расщепил его тут же вдрызг;
Враг издал от досады визг
И, покуда в его башке
Мысли стукались, как в мешке,
Девять-десять – не меньше – раз
Врезал враг ему, и припас
Пару-тройку ещё в запас.

Карасур исполнял как пляс
Их наскоки, отскоки. Но
Был убийцей палач давно
И уже надвигался вновь,
Взяв *чокмор*, на котором кровь
Прежних жертв словно въелась так,
Что *чокмор* стал и сам мастак
Бить и резать – вот так вампир
Кровососов рождает в мир.
Ужаснулся Семет: чокмор
Был огромен, как глыбы гор,
С *жолум юй*[389] был величиной,
Топорище же – с ель длиной,
Если бросить в свинарник – вмиг
Всех зарубит такой мясник.
Но казах только в то и вник,
Что для боя топор велик:
«Годен лишь для разделки туш! –
Так подумал Семет, – досуж
Враг мой видом своим пугать!»
Размахнулся *чокмором* тать,
Но Семет не дремал: всю злость
Внёс в удар по врагу, чтоб кость
Лучевую копьём пришлось
Поломать, как *сансары* ось –
Всю судьбу обломать врагу.
Бить пытался на всем скаку,
Только правым плечом удар
Принял – мыщцей тугой – Мунар,
Замер, дёрнулся. вмиг копьё
Улетело, как батожьё;
Но *чокмор* свой схватил казах,
Со свирепой тоской в глазах
Тигром в схватку метнулся. Ах! –
Прямо в темя ударил враг,
И на тысячи красных брызг
Разлетелось всё тело вдрызг.
«Эй! Кто там ещё любит риск?
Есть казах? Или, пусть, кыргыз?
Вас там тысячи. Сыпьтесь с гор,
Чтоб вот так же окончить спор!..» –
И Мунар приподнял чокмор,
Чтоб врага показать позор:
Ведь противник Мунара весь,
Безымянный, навек исчез –
Ни могилы, ни тела нет.
А Мунар издевался вслед:
«Что молчите? Чем смущены?
Наложили, небось, в штаны?!»
По уставу любой войны
Победитель – он вне вины.

Распалившись, впадая в раж,
Окорбления и шантаж
Нёс Мунар; и один *алаш*
Не сдержался: уж коли блажь
Охватила *кангая* так,
Пусть заткнётся навек дурак!
Звался этот *алаш* Татай.
Знал его как героя край –
В славу рода он внёс свой пай,
Не с такими, как *алп кангай*,
Бился он, но и в ад, и в рай
Мог послать, если кто-то лез,
Если дёргал кого-то бес;
Так подумал, вспылив, Татай:
«Если этот *балбан-кангай*
Не узнает, что значит месть
За своих у кыргызов, счесть
Сможет каждый – понятье «честь»
У *алашей* в речах лишь есть».
Так Татаю пришло на ум,
(С ветром мусор несёт самум),
Он коня хлестнул, разозлён,
Конь по имени Ташкюрён
Тут же взвился – горяч, силён
И к битью непривычен он;
В полминуты он седока
К месту боя принёс, – пока
Изрыгал свою ложь Мунар,
Приготовил Татай удар –
Метил в почку, прицельно бил;
Разъярённый Мунар завыл;
И *алаш*, и *кангай* свой пыл
Берегли как источник сил,
Злость из глаз хлестала так –

[389] Жолум үй – небольшая юрта без кереге, которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов.

Скорпион и отшельник-рак
Так дерутся, сперва кружа,
Чтоб клешнёй, что острей ножа,
Жало срезать и вылить яд.
То вперёд, то опять назад
Уворачиваясь, Татай,
Ждал момента; ревя, *кангай*
Размахнувшись *чокмором* – тем,
Что Семета разнёс совсем,
Он пытался *алаша* сбить
И ударом одним убить;
Но Татай половчее был,
Увернулся – и вдруг забил
Остриё своего копья
Прямо в почку врагу. Свинья
Не смогла бы так завизжать!
Не успев на ходу понять
То, что смерти пришла пора,
Покачнулся силач-гора,
Вздёрнул зад свой от боли – зря,
Усидишь ли в седле, паря? –
Головою упал как плод
Оземь, так же скача вперёд.
А кангайский простой народ,
Видя это, раззявил рот:
Бой не принял, мол, наш оплот,
И куда его конь несёт?
Что за поза и что за вид?
На скаку он как будто спит.
Силачи-то, поняв тотчас,
Что Мунара их бог не спас,
Сил прикинув своих запас,
Взволновались: их пробил час.

Не успел ускакать Татай,
Как из строя вперёд *кангай*
Тут же выступил – Адырай
Звался этот *балбан*-бугай.
Больше прежнего был *аскер*,
Даже конь его – Жылбаскер,
Низкобрюхий тяжеловоз –
Эту гору с натугой нёс.
Весь в железо закован был
Адырай этот, не забыл
Ни копья он, ни топора,
Ни другого того добра,
Что защитой своей, щитом
Тот считает, кто в бой ведом
Толщиною и силой рук,
А не знанием тех наук,
Что даруют в бою успех,
Лишь тому, кто умнее всех.
Впрочем, здесь неуместен смех:
Не соломинка ведь доспех.
В ножнах меч и копьё в руке,
И чокмор на *такым*[390]– в броске
Разобраться бы что и где,
А иначе ведь быть беде!
Может, страшно глядеть извне,
И уютно бойцу вполне? –
Щит на бёдрах и на спине,
Сеть железная на коне.
Да, – ещё *туулгу*, шишак;
Хорошо, что не пеш он – шаг
Невозможен: ведь на ногах
Кандалами, внушая страх,
Тоже блещет, увы, металл.
Завершая портрет: оскал
Желтозубый из-под щита,
Туша яростью налита.
Первым начал Татай, смеясь,
Задираться – такая связь
Меж врагами в бою нужна,
Ведь не просто же так война
Начинается: всем видна
Суть – с чего началась она.
Все *алаши* и сам Татай
Закипели, и Адырай
Злобой чёрной налился вмиг
И пустил впереди язык:
«Буду жрать я тебя!» – твердя,
И, слюною весь изойдя
Как балованное дитя,
В руки взял он топор, хотя
Передумал и взял копьё,
Оглянулся и на ружьё.
Но Татай не стоял без дел:
Он по кругу шесть раз успел

[390] Такым – место сгиба ноги у колена.

Обойти великана: вдруг
С ним такой же удастся трюк
Как с Мансуром за раз провесть,
Отстояв без урону честь.
Он наметил ударить так,
Чтоб на горле пробить желвак:
Он единственный без щита,
Остальное пробить – тщета.
Но ударил Татай когда,
Враг набычился: суета
Надоела ему, видать,
Он *чокмор* ухватил опять,
Рубанул. У Татая мозг
Тот удар по траве разнёс,
Знанья, ловкость и ум, увы,
Не спасли его головы!

Силачи из *алашей*, львы,
Словно выбились из канвы:
Перед очередью утрат
Тут же биться не каждый рад.
Адырай же, устроив шум,
Обнаружил глумливый ум,
От его оскорблений люд
Становился всё больше лют:
Сквернословье – словесный блуд,
Блуд в ответ вызывает суд,
Богом создан так человек.
Из казахов вдруг Татыбек
Адыраю отмстить решил.
Не был он столь гигантских сил –
Нет, опора Урбу-царя,
Был прекрасен он, как заря,
Молод, гибок и даже худ –
Взгляд решал так за пять минут:
Мол, огромная голова,
Но на узких плечах. Молва
Говорила, что он силён:
Ну, конечно, не так как слон,
А скорее как лев иль тигр.
Победитель военных игр –
Мало в мире таких имён, –
Из ружья ли, из лука он
Удивлял знатоков времён,
И на пиках не побеждён
Был ни разу ещё в бою.
С детства честь он берёг свою,
Чернобровый, девиц мечта,
Уважителен, мудр всегда,
Среди всех придворных – звезда.
Хан Урбу хотел бы года
Татыбека совет иметь.
Ну, как он найдёт свою смерть!? –
Здесь, с топорным *кангаям* тем,
Перебравшим так много тем
В сквернословье своём, и вновь
Повторяющим: «Выпью кровь!
Печень съем! Жилы все порву!
Покидаю кишки в траву».
Растерялся хан: наяву
И во сне он привык в канву
Размышлений своих вплетать
Всё, что хану нашепчет знать –
А иначе-то как узнать,
Кто из знати советов кладь?
Лучшим был из них – Татыбек.
На *кангая* он взял разбег:
Хлещёт плетью коня, летит.
У *кангая* нелепый вид:
Поднял к небу свой плоский нос,
Воздух нюхает, словно пёс,
Видно жжёт его мозг вопрос:
В чём подвох? И кого принёс
Бог войны – слишком тощ на вид,
Чем опасен, мол, сей джигит?
Если глянуть со стороны –
Шутку выдумал бог войны:
Против каменной гладь-стены
Запустил воевать вьюны,
Иль медведя с сурком стравил,
Не учтя расстановку сил.
Жылбаскер как лошак пыхтит,
Адырая на битву мчит,
Прогибаясь, тяжеловоз
Тоже, нюхая, тянет нос
И, врага не приняв всерьёз,
Лишь коня его словно пёс
Укусил – как хозяин, зол:
Если надо, могу я, мол,
Похрустеть, победив, костьми –

Так, как водится меж людьми,
Ведь животные – суть лучи,
Мы же – солнце для них в ночи.
Адырай не жалел камчи
И, набросивши *белдемчи*[391],
Так хлестал лошака, что тот
Не на бег перешёл – в полёт;
С толстой палицею *кангай*
Подскочил к Татыбеку – знай
Тот, оружьё какое враг
Предпочтёт для него, не так
Красовался бы перед ним;
Ястреб наш увильнул, как дым,
Лишь земля за конём гнедым
Полетела комьём густым.
Все *кангаи*, *алаши* вслед
Так смотрели, как будто свет
В месте боя сошёл на клин;
Татыбек был людьми любим
И для взглядов сейчас незрим –
Так скользил меж ударов он;
Адырай же пыхтел, как слон,
Богом проклят, со всех сторон
Подбирался к казаху, склон
В отдаленье дрожал, и стон
Испускала земля вдогон.
Татыбеку один удар
Удался: у *кангая* пар
Повалил из ушей, но тот,
Сделав вид, что с пращи швырнёт
Острый камень, предвидя ход –
Как от камня казах уйдёт,
Стукнул палицей так, что звон
Полетел вдруг со всех сторон.
Обуял оба войска страх:
Словно труп превратился в прах
И, развеянный на ветрах,
За мгновенье исчез в полях.
Правда, вскоре *кангаев* хор
Взвился к небу – мол, вам позор,
Где ваш воин, герой-позёр?
Адырай наш – сильнее гор!

Айдаркана Кёкчё не ждал,
Сам помчался на перевал,
На коне Кёкала скакал
Мимо рощ, и лугов, и скал.
Он у дервиша-богача
Кёкалу купил, лихача,
Шесть десятков и девять *кун*[392]
Отдал он за него – табун
Можно было купить коней!
А другого б скота – пятьсот,
Да и сорок хвостов в доход
Мог прибавить бы от щедрот
Продавец, если он не жмот.
Но не этот скакун, о нет!
Кун его – это звон монет,
Что катятся из-под копыт,
Когда люд на него глядит,
Перед всадником егозит.
Был Кёкчё этой славой сыт.
Доскакал он до Будурги.
На полях не видать ни зги –
Столько разом сошлось людей,
Местных воинов и гостей;
К Адыраю батыр Кёкчё
Поскакал, чтоб ему в плечо
Дать копьём, лучевую кость
Поломать – всех ударов ось;
Адырая сгубила злость:
Он, увидев, что близок гость,
Думал палицей сбить вразмах,
Чтобы скорее погиб казах;
Торопливость в делах – змея:
Яд незримый в себе тая,
Выступает как судия
Наших замыслов бытия.
Ведь Кёкчё-то издалека
Напружинен был для броска,
Думал: «Если ударить дам,
То уже не успею сам –
Надо первым ударить мне!»
Уязвимых же мест в броне
Знал он, зоркий, наперечёт;

[391] Белдемчи – боевое одеяние (металлический панцирь, прикрывавший талию и часть рёбер).
[392] Кун – цена, стоимость.

Молча, даже не сбавив ход,
Он ударил копьём, вперёд
Сам помчался, копьём из-под
Всех железок достав ту кость.
Однорукий *кангай*, как лось
Стал ломиться ему вослед,
Сам поводья пустив на нет,
Левой дланью держа *чокмор*,
Жылбаскером – конём – попёр;
Конь, не чуя вожжей упор,
Головою тряхнул в укор,
И поводья как путы вдруг
В ноги пали коню, и круг
Резко сузил он на лугу
И подставил свой груз врагу.
А Кёкчё то не прозевал:
В обе руки топор он взял,
Прямо в темя врагу вогнал,
Убивать, мол, – так наповал!
Человек-гора Адырай
Оземь пал как сухой курай,
Покатился, и голова,
Что держалась ещё сперва,
Отломилась от плеч и в грязь
Полетела, как шар крутясь.

В это время за гребни гор
Солнце село, закат простёр
Над помятой травой крыла.
Часть повстанцев под сень села
Удалилась; другие здесь
Оставались – поспать, поесть,
Стражу выставили окрест,
Ведь спокойных и мирных мест
Не водилось отныне здесь.
Стража глаз не сомкнула ночь.
Тьма ушла наконец-то прочь,
Солнце глянуло с высоты
На вчерашних боёв следы:
Всюду, алые как цветы,
Тел порубленных лоскуты;
Ужаснулось, за тучу лик
Убрало – так раззор велик.
Два отряда друг другу встречь
Снова двигались плавно – течь
Так умеет толпа, река:
У толпы и реки брега
Там поуже, где цель близка,
А когда она далека,
Как река толпа широка.
Айдаркана герой Кёкчё,
На майдан поспешал – парчов
Был наряд у него, и сам
Так блистал он – гроза глазам!
Ростом был он – гора-горой,
Силой был он налит земной,
Но богатство, любовь, покой,
Отпечаток оставив свой,
Словно смазав черты лица,
Выдавали в Кёкчё купца.

На майдан из *кангаев* встречь
Вышел новый силач на сечь:
Самой первой десятки меч,
Что позвал Банускан стеречь
Своё право на свой разбой;
Звали прихвостня Отогой;
Был он рад обобрать до дна
Всех, наметит кого казна,
Чтоб слегка подоить; одна
Предъявлялась для всех цена –
Всё до капли! Как людоед
Ел *кангаев* кыргызам вслед,
Наслаждался и был согрет
Если слышал он плач в ответ.
Ни *калдаи*, ни даже царь
Обуздать эту злую тварь
Не хотели, иль не могли –
Мало ль пакости у земли?
Словно баловню лишь «*Бали*[393]!»
Говорили и дальше шли;
Кстати, конь его звался так:
Быстрый Пакостник – *Тарпылдак*.
В общем полный его портрет –
Это перечень многих бед.
Даже внешность его была
Отраженьем земного зла:
Рожа в оспинах вся, смугла,

[393] Бали – правильно, здорово, так и надо!

Пахла, словно кобель дела
Здесь справлял по нужде своей,
Брови – этого пса черней;
А зевнет Отогой, ей-ей,
Там собачьи клыки – длинней,
Чем положено у людей.
В общем, тот ещё асмодей!
До Кёкчё Айдархана он
Доскакал, огибая склон,
Подобраться хотел тишком,
Но, натурой своей влеком,
Закричал *таа-таа*[394]; броском
Быстрый Пакостник с седоком
Подлетел, захрипев, к Кёкчё.
Отогоя одно плечо
Шириной, как у многих – два,
Смеришь взглядом за раз едва:
Шесть саженей, а голова –
Как гигантская булава:
Щёки толстые – шесть борзых
Были б сыты, наверно, с них;
С криком пеной летел придых
Изо рта – как с пещер гнилых;
Кто сражался с ним – умер вмиг:
Вонь убила троих иль крик –
Разобраться никто не смог:
Столь вонючий стоял там смог.
Вот такой вот напал герой
На Кёкчё, тот – гора-горой,
Но отпрянуть в момент сумел:
Кёкала, его конь, был смел,
Как стрела, отскочить успел –
Так волна обнажает мель,
Слава богу, что был он быстр:
Увернулся – и сотни искр
Выбил страшный *чокмор* врага
В месте том, что за полшага
Отскочить лишь успел Кёкчё,
Даже ветер задел плечо;
В затвердевшей земле сухой
От удара того большой
Получился колодец – в нём
Можно звёзды увидеть днем,
Столько чёрной воды из недр
Поднялось в этом месте бед:
На жестокость и зло ответ
Так земля принесла в момент.
Что ж, не зря Отогой-батыр
Хану верной опорой был:
Зло ко злу прилипает, ил
В чистых водах идёт в распыл.
Но Кёкчё был рождён как *шер.*
Пусть и ел он, и спал без мер,
Не проспишь свой природный дар!
Был выносли он, как архар,
У него был силён удар,
И в крови не кончался жар,
Да и ловок был как сапсан,
Всё решая мгновенно сам;
И пока Отогой с трудом
Разворачивался, как дом,
Да настраивал свой *чокмор*,
Чтоб ударить Кёкчё в упор,
Богатырь был казахский скор
И решил по-другому спор:
Он ударил его, да так,
Что и щит его, и шишак
Разлетелись на сто кусков;
И опять был Кёкчё готов
К новым вылазкам. Отогой
Разъярился, разок-другой
Грозной палицей лишь взмахнул –
Не удар, а всего посул, –
Цель ловя, он ревел как мул;
Мельтешеньем своим надул
Его враг и, лишая сил,
В правый бок вдруг копьё вонзил,
Да ещё и встряхнул копьё,
Чтоб трёхгранное остриё
Печень взрезав, до лёгких сплошь
Всё кромсало внутри, как нож.
Кровь из печени так черна,
Словно злобы полна она,
Потекла по ногам коня,
Тарпыгдак как хлебнув вина
Неуклюже замедлил ход,

[394] Таа – бей! – когда речь ведётся от лица китайского чиновника, отдающего какой-либо приказ.

Чем конечный предрёк исход:
Вновь ударил Кёкчё врага.
Кровь залила вокруг луга,
Так хлестала из ран она.

Повернулся Кёкчё – видна
Всем победа его, и он
Поскакал на огонь знамён,
Что манили его с вершин,
Где соратников властелин,
Друг из детских былых годин,
Ждал Кёкчё, с ним душой един.
Торопливость – плохой шутник.
Очень много решает миг.
Оглянулся Кёкчё и сник:
Мчал вдогон силач Кетелик
Впереди всей десятки – той,
Что два хана вели на бой,
Чтоб казахских бунтовщиков
И кыргызов угнать в рабов.
Разъярился Кёкчё как зверь,
Айбалту шириною в дверь
Он вращал, чтобы без потерь
Все враги не ушли теперь.
И шишак и, конечно, щит
С Кетелика слетел за миг,
Только щепья летели вдаль;
Но Кёкчё было очень жаль
Траты времени новой здесь,
Он себя показал как есть,
А теперь торопился весть
До Манаса скорей донесть.
Но «десятка» рвалась насесть!
По макушкам прошёл Кёкчё
Самым рьяным, чтоб горячо
Было в адском огне гореть;
Он секиру держал как плеть –
В двух ладонях, – чтоб всех успеть
Подоспевших к нему огреть.
Он двоих погубил за раз,
Да и третьего бог не спас,
Словно сил у Кёкчё запас
Пополнялся, иссякнув, враз.
До крови закусив губу
Кетелик попытать судьбу
Вновь решился: дыра во лбу,
Сам что пьяный, и как в трубу
Громыхает, «бу-бу!..» – крича:
Хоть с него и течёт моча,
Замахнулся опять сплеча;
Сам страшнее он секача:
Не усы – а два колтуна,
Борода как чулок длинна,
На зрачках бельмом – пелена,
Словно он в объятиях сна;
На ресницах и кровь, и грязь,
С глазом спорит, похоже, глаз:
Словно два жеребца гнедых
Норовят наподдать поддых;
Цвет обугленный у лица,
Как у старого кузнеца,
На макушке как строй осин –
Дыбом несколько волосин,
Веки – словно пещеры, лоб –
Холм, где стадо прошло в галоп,
Сам он хрюкает как свинья,
Не одна, а скорей семья,
Доберётся лишь до жранья –
Всё сожрёт – до щепья, тряпья;
Враскоряку в седле сидит,
Пень изящней его на вид, –
Коль приснится он вдруг кому,
Поседеешь во сне, в дому!
Вот «красавец» такой к Кёкчё
Подобрался – к плечу плечо,
А Кёкчё обернулся, чтоб
Пику взять да ударить в лоб,
Но *кангай* на него с конём
Так попёр, словно грязный холм,
Что Кёкчё, на своём гнедом
Уворачиваясь с трудом,
Потерял равновесье вдруг
И удар из его потуг
Получился и слаб, и крив,
Сам качнулся и как в обрыв
Канул, словно во тьму уплыв.

Видя это, в один порыв
Вниз с холма поскакал Сыргак,
Телкызыл как степной сайгак

Нёс Сыргака, и словно флаг
Клич «Мана-ас!» разносился так,
Что вдали от майдана враг
Встрепенулся, почуя страх,
Пригляделся – а на сыртах
Юный тигр с копьём в руках
Мчится, чтоб защитить Кёкчё,
И разносится горячо
Клич кыргызов святой: «Манас!»,
Клич, что многих от рабства спас;
Конь летит, и земля за ним
Поднимается, словно дым.
Полукровка-каракалпак,
Двух народов родных вожак,
Сын Жакыпа герой Сыргак
Не искал ни боёв, ни драк,
Но из боя он не бежал,
От опасности не дрожал:
Молодая его душа
Жизнью, в общем-то, дорожа,
Не боялась и смерти – люд
Говорил: мол, хоть юн, но лют.
И сейчас к Кетелику он
Устремился, как тигр взбешён,
И ударил его копьём,
Но мерзавец ушёл живьём,
И унюхал за миг чутьём,
Что юнец-то – кремень-кремнём;
И, забыв о Кёкчё, к юнцу
Как к опаснейшему бойцу,
Обернулся и, сморщив лик,
Закричал ему Кетелик:
«Когда мстить я хочу за кровь,
Бью туда, где живёт любовь.
Кто таков ты, что мой улов
Отнимать у меня готов?!
Ты выкрикивал клич «Манас»?
Понял я: ты – кыргыз, у нас
Неприлично его кричать,
Ведь на нём сатаны печать!
О, как яблоко ты красив,
Но ещё недозрел в налив.
Перед боем я не болтлив,
Но с тобою пока учтив:
Возвращайся к богам своим!
Коли ты не уйдёшь живым,
Вслед мне скажет любой язык:
Фрукт зелёный сгрыз Кетелик!
Посрамишь меня! Не привык
Я детей убивать, – старик,
Ну, зачем мне укор молвы?
Злой мальчишка без головы!
Ты бесстрашен, поскольку юн.
Вот и пляшешь вокруг, как вьюн,
Понимаю, мой ангелок,
Пусть посмотрят – ты что-то смог:
Можешь пику вонзить разок –
Мол, я выучил свой урок;
Я укус комариный твой
Не замечу – уйди живой!»

Улыбаясь, герой Сыргак,
Свою пику настроил так,
Чтобы вдруг не попасть впросак –
Слишком сладко поёт вахлак,
И ответил: «Спасай себя,
Кетелик, как велит судьба,
Или просто душа слаба?»
У *кангайца* уже губа
Раскаталась – мол, я двоих
Побеждаю в единый дых!
Облизав и губу, и нос,
Он ответил: «Но есть вопрос:
Коль умрёшь ты, кого винить
Будешь сам и кто будет мстить?»
И ответил Сыргак: «Язвить
Я не буду тебе, но нить
Разговора не оборву:
Заговаривать зубы льву,
Разрешаю по старшинству!
Хочешь знать, кто я по родству?
Не гора я, как ты, старик,
Но другим я, поверь, велик,
За меня не волнуйся – есть
Кому жизнь моя, да и честь
Так близка, что плохая весть
Бед прибавит – числа им несть!
Хан Жакып – мой отец, а брат –
Тот, чьё имя кричать я рад
Как *ураан*: это хан Манас!

И скажу тебе без прикрас,
Для Араники он припас
Столько сил, сколько нет у вас».
Кетелик потрясён был: «Брат?!
Не боишься на душу брать
Утвержденье такое ты?!
Я-то слышал от бедноты:
Бадыкёл, Шоорук, Кёнтей
Все погибли в Орде своей,
И народом, мол, правит тот,
Кто Манасом себя зовёт.
Значит, всё под себя гребя,
Говорите вы – мол, судьба,
Чтобы всякая голытьба
Позабыла удел раба?!
Я удара тебе не дам!
Разрублю тебя пополам!» –
Тут же в руки топор он взял,
Но на пику его сменял,
Силы взвешивая юнца –
Что убьёт его до конца?
Но на каждого мудреца
Есть незримая хитреца:
Смог отбить эту пику так
Рассчитавший удар Сыргак,
Что она улетела вдаль
Да исчезла. А чья печаль?
Зашумели *кангайцы* враз:
Шли сражения напоказ;
Кетелик поменял окрас
На багровый, из злобных глаз
Бил огонь, опаляя бровь,
Губы сам искусал он в кровь
И хрипел: «Не убью – умру!»
Уподобил он комару,
Помрачившись умом, юнца,
Не увидев в нём храбреца,
Напролом на него попёр
Разъярённым быком в костёр;
Но Сыргак был к тому ж хитёр:
Своё место он словно *тёр*
Кетелику освободил
Так внезапно, что тот вонзил
В пустоту свой большой топор,
А Сыргак, завершая спор,
С Телкызылом пройдясь вьюном,
Обогнул как огромный дом
Кетелика, *кангай* пока
Свой чокмор доставал, с витка
В эту гору копьё вонзил,
Десять раз повторил. Без сил,
Позвоночника вмиг лишась,
Кетелик покатился в грязь;
Но не сразу: сначала он
Сдвинул зад из седла, сражён
Тем, что стал неуклюж как слон;
Очи вспучил и тяжкий стон
Он издал и, как будто пьян,
Ноги выпростал из стремян,
Всё пытаясь взглянуть назад,
Но уже пеленою взгляд
Был подёрнут. Тогда Сыргак
В рёбра пику вонзил, да так,
Чтобы дух испустил подлец;
Тот стал падать, и тут юнец
Снёс ударом одним башку,
Уподобив врага мешку.
С головою врага он в стан
Поскакал: «Мой дар, *кабылан*!»
Умилился Манас: «Ценю!
По обычаю всё. На дню
Отдарю, так что дар за мной:
Отдаю тебе стол резной,
Тот, для писем, с начинкой всей».

В это время на полосе,
Где ведутся сраженья все,
Показался в своей красе
Из *кангайцев* силач – Адик:
Очень мерзкий *калмак-бийик*[395],
Он людей убивать привык –
Хоть дитя перед ним, старик,
Лишь бы кровь из него лилась;
Если надо – и снега в грязь
Он достанет, и отродясь
Уж свою-то накормит пасть;
Кровь он пил вместо чая – так
Говорил про него свояк,

[395] Бийик – высокий, властный.

Простолюдин, но пёрла в нём
Жажда быть для других царём;
Мог на друга надеть ярём, –
Мол, всего только раз живём,
Рад был дракам, где кровь была
Лишь мерилом чужого зла;
Не боялся греха, молвы,
Сколько жизней сожрал, увы! –
Столько нет на лугу травы,
Коль сравнить захотите вы.
О таких говорит народ,
Кто, как он, во грехе живёт:
«Вот Адик на *керке*[396] спешит –
Убирайте где что лежит».
Этот самый Адик теперь
Как огромный и злобный зверь
Мчал не то что к майдану – в стан,
Ведь почти миновал майдан:
Так хлестал скакуна *балбан*,
Словно был неприлично пьян;
Так же бешеный пёс порой
Забегает во двор чужой
И кусает вдруг всех подряд.
Вмиг Сыргака он, невпопад
Бормоча что-то вроде «рад»,
Так копьём «приголубил», гад,
Что бедро разорвал за раз;
Кровь толчками на круп лилась
Тезкызылу, что встал свечой,
Лишь почувствовав – горячо!
В такт биению сердца ток
Алой крови хлестал, поток
Лился оземь с седла и с ног,
И, конечно, не сразу смог
Обернуться к врагу Сыргак.
Только сын Акбалты Чубак
Даром времени не терял –
Брата вмиг заслонив, напал
На Адика – как бури шквал!

Бог с любовью его создал:
Был высок он, широкоплеч,
Взглядом мог он врага прожечь,
Но зато его ум и речь
Друга быстро могли увлечь;
Был силач он эпохи той,
Как отец – великан, герой,
И, рискуя не раз порой,
За своих он стоял горой.
Враг, столкнувшись с ним встречь в бою,
Редко шкуру спасал свою:
С громким криком и воем он
Погибал, Чубаком сражён.
На коне своём Кёктеке,
Пику крепко держа в руке,
Мчал Чубак: не скакал – летел:
У коня даже глаз горел,
Хвост подвязанный бил бока,
Изогнулась спина слегка,
Словно ложе ствола ружья,
Бёдра, круглые как бадья,
И упругая, как змея,
Грива плещет – реки струя
Рассыпается так с горы;
Рядом с ним скакуны – одры,
Натолкнётся на яму он,
Перепрыгнет, не сбавив гон,
Если ямы со всех сторон –
Он, как будто предупреждён,
Челноком между ними влёт
Чуя каждую, сам снуёт.
И сейчас он летел стрелой.
Приближался Чубак-герой
С занесённою булавой
К месту боя, чтоб плод гнилой –
Супостата – снести долой.
Получилось, что сам аллах
Сделал в этом бою замах:
Пикой первый удар Чубак
Вздумал сделать, но пика так
Вдруг сломалась в пылу атак,
Что Адика копьё внатяг
Разорвалось как на заказ,
И осколок острейший в глаз
Так *кангаю* влетел, что он

[396] Керк – млекопитающее, большое однокопытное животное, у которого есть рог на носу. В эпосе на нем ездили громадные силачи, великаны врагов.

И не понял, – мол, кем казнён:
Глаз разбрызгав, воткнулся в мозг
Тот осколок, пройдя как воск
Весь его, отыскал там воз
Мыслей, хуже жужжанья ос;
Тут Адик завизжал и вспять
Попытался, визжа, скакать,
Но Чубак раз пятнадцать вмиг
Вскрыл разящим копьём «осник»,
Чтоб мерзавец такой, Адик,
Больше в мире и не возник:
Проломил он ему хребет
И *чыкый*[397] раздробил на нет,
Одну руку срубил сплеча,
Чтобы в ад он ушел, крича,
И культяпкой махал чертям.
Впрочем, многим его частям
Вряд ли выпало видеть ад:
Одноглаз, и безмозгл был гад,
Кровь из вены ярёмной вся
Разлилась по траве, грозя
Место битв затопить, – нельзя
Пробираться здесь не скользя;
Сам Адик словно кур в ощип –
Даже шея скривилась, – влип,
И маячит меж армий двух,
Опуская *кангайцев* дух.

И не вытерпел вражий стан:
Словно камни вдруг в барабан
Кто-то начал бросать с высот:
Так *кангайский* пошёл народ
Грохотать из ружей вразброд:
Чуя скорый переворот,
Чубака подстрелить спеша –
Так от страха порой душа
Грудь бросает на частокол.
Тёмной массой народ пошёл:
Сотни? Тысяча!.. Так мосол,
Что на дёснах натёр мозоль,
Попытайся отнять у пса,
Миску мяса ему неся –
Зарычит и рванётся в бой
За огрызок несчастный свой.
Выделялся в толпе Батак:
Был велик и тяжёл он так,
Что слона под седло припах.
Дымом пороха мир пропах,
Воздух принял ту густоту,
Что присуща скорей гурту.
В это время там, на сырту,
Появился вдруг Шууту:
Мастер боя, храбрец, горлан
И двужильный, как бактриан,
Знаменитый свой *Акбаран*[398] –
В шесть нарезок! – один на клан,
В бой пустил поскорей: Чубак
Как от тысячи злых собак,
Что поставлены под ружьё
Отбивался, ружьё своё
Отстрелялось, ну а копьё
Против пули, увы, – щепьё.
Шууту был стрелять мастак.
Слон, на коем сидел Батак,
Наповал был застрелен им,
И ещё не растаял дым,
Как Батак помахал своим –
Мол, в атаку, – и лишь двоим
Было ясно, как ложен знак:
Ведь к Батаку примчал Чубак
И отсёк ему руку – враг
На неё опирался так,
Чтобы с мёртвого слезть слона.
Но Батака отряд сполна
Строем двинул в свою беду;

Группы первые Шууту
Расстрелял из ружья в упор –
Шесть десятков как на подбор:
Самых сильных Батак вперёд
Ставил: щит свой, тылы, оплот.
Шууту же охотник был.
Тот, кто пулю его словил, –
Акбарана витой плевок, –
Выжить, ясно, уже не мог,
Весь народ головной полёг,

[397] Чыкый – место соединения затылочной и височной костей.
[398] Бараң – (в эпосе) пистонное ружьё.

Обнимая земли кусок –
Всё, что дарит навеки бог,
Чем становится каждый в срок.
Шууту же, сменив заряд,
Ускакал, чтоб другой отряд,
Что шагал за погибшим вряд,
Не сподобился вдругоряд
На него, одного, напасть –
Пусть не знают, что вся напасть –
Лишь охотник один с ружьём.
Зычно – так вот кричат «Подъём!»,
Он, меняя – то альт, то бас, –
С разных мест прокричал:
«Ма-а-а-нас!»
В замешательстве, в шуме том
Повернули *кангайцы* в дом,
Повторяя: «О, мы с трудом
Прорвались! Мы с таким врагом
Не встречались: его там – тьма;
Положили мы без ума
Лучших воинов больше ста;
Там убитыми вся верста
Позасеяна, а с куста
Вновь стреляют кыргызы – мзда
Смерти, отданная за час,
Слишком щедрая в этот раз!»
Оба хана в ответ приказ
Тут же отдали без прикрас:
«Уничтожить кыргызов! Всех!
Окружайте их без прорех,
В цепи встаньте все как один!
Чтоб никто не ушёл живым!»
Пусть *кангайцы* рычали, но
Все вернулись до одного
На майдан, и немудрено:
Страх ослушаться – вот зерно;
Рабство взращивают давно
На земле, где заведено
Чтоб один угнетал других.
Впрочем, хватит уже о них!

Кыргылчал – сорока глава,
Акборчека хлестал – трава
Загоралась из-под копыт;
Надвигались войска: *мангыт*,
И *мангул*, и *кара-кытай*,
И всё те же *манжу*, *кангай* –
Все, кем полон *калмакский* край,
Все, над кем и стоит *калдай*,
Кто зависим, порабощён,
Несвободою развращён –
Всё решают за них всегда, –
Эта армия шла сюда;
Два *калдая* – Соксо, Сотой,
Хана два возглавляли строй:
Слишком вспыльчивый Банускан
И озлобленный Дёокан,
С ними дочь Дёокана шла –
Карабёрк, что везде слыла
Богатыршей – в десятке тех
Силачей, что несли успех
Всем *кангаям* – когда война,
Также числилась и она.
Был Корун, Карабёрк, Шакур –
Трое тех, кто могли семь шкур
Снять с барана почём за зря;
Два *калдая* и два царя
Шли за этой охраной в бой
Остальных вдохновлять со-
бой. Злость вела их как на пожар –
С силачами такой удар!
Надо выпустить было пар,
Пораженья убрать нагар.
По лугам, по лицу земли
Бесконечные кони шли,
Дымом пыхали фитили –
Задыхался огонь в пыли,
Грохот выстрелов, словно град
Бесконечно стучал, и смрад
Шёл от войска, где конский пот,
С тем мешался, что каждый рот
Изрыгал, – разномастный сброд
Невозможно назвать «народ», –
Запах страха, немытых тел,
Неоконченых грязных дел,
Злобы, рвущейся за предел.
Треск *доолбасов* и звон мечей,
Посвист плёток, тугих *камчей*, –
С тарахтением шла орда,
С тяжким лязгом, – *калмак* всегда

Любит тяжесть таскать с собой:
Щит, шишак и кольчуга – в бой
Лезть без них, мол, как на убой:
Может сразу сразить любой.

Этот сброд, словно грозный шквал
До *алашей* добравшись, встал.
С грозной палицей с целый дом,
Сам Бакай их встречал, притом
Всем казалось извне: с трудом
Он, как будто бы став щитом,
Еле сдерживал все войска,
Что клубились за ним: река
Шла как будто издалека,
Размывая все берега;
Миг – и вот прорвалась она.
И *кангаев*-вояк стена,
Дрогнув, вся расползлась: волна
Сивогривых – мощна, грозна, –
В плоть их войска легко вошла,
Разрушая весь строй дотла:
Кто-то пикою вмиг сражён
И лишён головы мечом;
Айбалта поднялся. Ого! –
Стало двое из одного;
Кто-то оземь кишкам вдогон
Рухнул; слышен со всех сторон
Лязг железа, в него вплетён
Сотен глоток предсмертный стон.
Растерялся *кангаев* строй,
Все дрожали, кто был живой,
Вид Манаса и Сыргака,
И сурового Чубака
Повергали их в ужас так,
Что на них нападал столбняк,
А Кыргыл когда сорок львов
Вывел, каждый *кангай* готов
Был бежать уже в белый свет –
Лишь туда, где *алашей* нет.
Айдаркана Кёкчё-казах
Тоже смог, нагоняя страх,
В строй ворваться на всех парах,
Словно сил он запас в горах
Так восполнил, что перебрал.
Бой разлился на весь увал.

Все герои, те, кто в бою
Показали всю мощь свою,
И, слегка отдохнув, опять
Вышли, храбрые, воевать,
Славу воина, исполать
Были рады не растерять.
Молодой богатырь Сыргак,
Крепкий, словно степной сайгак,
Смерть заставив попасть впросак,
На майдане носился так,
Словно конь его Телкызыл
Лишь казалось, что был бескрыл,
А на самом-то деле он
Легкокрылым конём рождён:
Ведь с пяти-четырёх сторон
Вдруг Сыргак налетал в разгон,
И с налёту он был готов
И теснить, и разить врагов.
Шли *монгулы, манжу, кытай* –
Кем наполнен *калмакский* край,
Лишь при взгляде на Чубака
Трепетала душа врага:
Все стремились уйти в бега,
Словно видели ведьмака;
Он же, сидя на Кёктеке,
Пику твёрдо держа в руке,
Шёл без страха, как говорят –
Не оглядываясь назад;
Кто попался – тому не жить:
Целой группою уложить
Мог он быстрой своей стрельбой
Или пикою боевой;
Трус бежит, покидая бой,
Кто храбрее чуть-чуть, собой
Кормит землю, её растит.
Мёртвый враг никому не мстит.
Впрочем, всякая жизнь – в кредит,
Страх лишиться её – вредит.
Вот, взглянуть на *кангайцев* хоть:
Скачут, что-то бормочут; ход
Рассуждениий таков: поход –
Это селя слепого сход,
А бежит-то, наоборот,
В одиночку, прозрев, народ!

А кыргызы-герои все
По очищенной полосе
Едут вместе; во всех сторон
Видят трупы, пиры ворон,
Видят остовы лошадей,
Горы мёртвых больших людей:
Их по весям сбирал злодей.
Чтоб сгубить их за крах идей;
Там клыки, там торчат усы.
Сотни, тысячи тел. Весы
Накренились не в пользу тех,
Кто пытался стяжать успех
Не рискуя самим собой,
А торгуя чужой судьбой;
И теперь, не ввязавшись в бой,
Заслонившись людской гурьбой,
Убегают, свой щит живой
Оставляя весь на забой.
Акбалты Чубак-*кабылан*,
Игнорируя *аламан*[399],
Мчится мимо – ведь Дёокан
И его дружок Банускан,
Столько крови людской пролив,
Но оружья не замочив,
От возмездья уйдут змеёй,
И *калдаи* Соксо, Сотой
Тоже сгинут в свою нору
Или спрячутся на юру,
Чтобы снова вертеть людьми –
Пусть, мол, гибнут они, не мы,
Всё равно – не свои, свои.
С точки зренья любой свиньи
Больше трупов – обильней стол,
Нам же, свиньям, спокойней, мол,
Только с теми вершить дела,
Кого смерть, и та, не взяла!

Гнали всех, замесив в одно.
Мир узнал, что такое дно,
Обезумевший мир войны,
Как объевшийся белены:
Все, виновные без вины –
Правдолюбцы, как и лгуны,
И тихони, и ворчуны,
Краснобаи и молчуны,
Бессеребрянники, рвачи,
И *байкуши*, и богачи,
И любимые, и ничьи,
Слабаки или силачи,
Знаменитые или так, –
Всех их продали за пятак:
Оказался сильнее враг,
Не дал хану нахапать благ.
Умирали с одной тоской,
Понимая, что путь земной
Их окончен бесславно, зло:
Просто хану не повезло:
На чужое добро польстясь,
Свой народ лишь втоптал он в грязь:
Стар ты, молод, силён иль нет,
Все едины пред властью бед,
Перед смертью держа ответ,
Забываешь – ты сив иль сед,
Одноглаз ли иль ты глазаст,
Плох, хорош ли – всем смерть воздаст
Бесконечным небытием, –
Жил один ты иль с кем вдвоём,
Скот завёл ли, построил дом,
Не своим ли, своим трудом, –
Смерть снимает башку с тебя
Не вникая и не скорбя,
Косит, словно сухой курай,
Очищая бездумно край.

У батыра Манаса дни
Стали словно и не видны:
Лишь один бесконечный день,
То он светлый, то словно тень
Наползает, и вновь – огонь.
Меч до крови натёр ладонь,
Он на сорок шагов в бою
Удлиняется, а свою
Цель достигнув и поразив,
В ножны входит, укоротив
На семь пядей стальной клинок.
Бёлёкбай несравненный смог
В Ачалбарса, как в амулет,
Чародейство вложить – вослед

[399] Аламан – *здесь*: военная добыча, трофей; (другие значения: толпа, масса, беспорядок).

И уменью, и мастерству,
И отменному естеству
Матерьялов, и их родству
С тайной, вверенной божеству.
И кого уж тот меч сразил,
Нет и чёрту подвластных сил,
Чтоб оставить его живым:
Меч волшебный неодолим.
Скачет быстро Манас, как миг,
Свой же опережая крик,
С глаз прищуренных бьёт огонь,
Словно в кузне – вприглядь не тронь;
Аккула, его верный конь,
Стал крылатым в чаду погонь,
Изо рта у обоих – пар,
Словно дым из костра идёт.
Спешно – время-то, чай, не ждёт, –
Косит царь-*кабылан* врагов,
Как траву на лугу; готов
Всех *кангайцев* пустить в расход,
Отомстить за родной народ;
Шумно, будто гоня овец,
Гонит их ко дворцу, мудрец,
Заставляя кричать «таа-таа»,
Чтобы сборная беднота
Не рассеялась кто куда,
А подмяла собой врата.
Крепкой палицею вертя,
Никого вокруг не щадя,
На своём Аккуле летит,
Лишь сверкает волшебный щит,
Отражая легко картечь,
Стрел уколы и всякий меч.

И в разгаре таких боёв
В самой гуще своих врагов,
Лев почуял чужой восторг
И какой-то невнятный торг:
Двое спорили: Карабёрк
И Корун, а Шакур – как вор
Подобравшись к Манасу вдруг,
Попытался из крепких рук
Выбить палицу, но увяз
В жарком отсвете львиных глаз:
Запримetил его тотчас,
Спутав планы, батыр Манас,
Так подумав: «Коль на беду
От меча его смерть найду
Так случайно и напоказ,
То напрасно зовусь Манас».
В ножны бросил он меч-грозу,
В руки взял свою *Сырнайзу*
И, спеша словно юный *нар*,
На Шакура навёл удар,
Преградив ему путь, на что
Булавою в *батманов*[400] сто
На него замахнулся тот,
Чтобы льва поразить в живот,
Злобно думая: «Даст аллах,
Вслед Манасу потерпят крах
Все *алаши* – убью их род».
Карабёрк и Корун вперёд
Чуть проехав, остались ждать,
Честь имея, чтоб нападать
Как ведётся, по одному.
«Если вместе – не по уму,
Слава будет опять – ему,
Всякий скажет: нечестен бой!
Осрамимся мы лишь с тобой!» –
Свято веря – мол, булава,
В сто *батманов* что не едва ль,
Даже гору сразит, а льва
Вмиг прикончит, задев едва.
На Шакура надеясь так,
Не желая попасть впросак,
Схоронились, чтоб бой чужой
Не попал им под хвост вожжой.
А Шакур подошёл с душой
К делу: он булавой большой
Выступ камня ударом снёс,
Чтоб врага напугать всерьёз;
А Манас замышлял своё:
В булаву он вонзил копьё,
Словно в плод, что уже гнильё;

[400] Батман – 1. батман (мера веса от 4 до 16 пудов в Ферганской долине, 12 пудов в долине реки Талас); 2. батман (неопределённое, большое по весу количество чего-л.); баатыр табат, батман жейт (поговорка: Много добывает, (зато) батманами (много) поедает; 3. батман (мера земли – около двух десятин в долине реки Талас).

Сырнайзы вошло остриё
В эту палицу-булаву
Как во вражескую главу;
Да ещё бы! – ведь *Сырнайза*
Камень может дробить – нельзя
Забывать, кто копьё ковал,
Где сырьё он к ней добывал,
Сколько вкладывал мастерства,
Чародейства и волшебства!
Булаву нанизав, как дар,
На копьё, поспешил удар
Кабылан нанести врагу –
Словно походя, на скаку;
Но подобен он был броску
Тигра, скажем, по барсуку:
Сырнайза с булавой в нагруз
Так, вращаясь, вломила! – хруст
Позвоночника, всех костей
Слышен был по округе всей;
И Шакур как гора – ей-ей, –
Вниз упал, изо рта, ушей
Кровь хлестала, и голова
Заскользила в арык – трава
Слишком скользкой была, увы,
Для поверженной головы.

Тут Корун уж стерпеть не мог
И оставил вмиг бугорок,
Где они наблюдали бой;
У Коруна секрет был свой.
Об оружье его сперва
Расскажу, как гласит молва,
Из чего его булава:
Семь камней он взял – жернова,
Прикрепил к рукояти все –
На железной на полосе;
Рукоять, говорит народ,
Из крепчайших лесных пород;
Клинья вбил, чтобы жернова
Все вращались – задень едва,
Попадётся же голова –
Всё понятно, зачем слова.
Злоумышленник он, Корун,
И к тому же ещё – колдун;
А его заводной скакун
Звался так же, как опекун,
Или так же почти – Конур.
Сам Корун был свиреп и хмур;
В дни войны и в любом бою
Славу он прибавлял свою:
От него не ушёл живым
Ни один, кто встречался с ним:
Он, как мельница, жернова
В поле боя вертел сперва,
Становилась красна трава –
Как подкошенная братва
Ряд за рядом ложилась ниц:
Не оставив убитым лиц,
Размозжив черепа в муку
Жернова на большом лугу
Своё дело вершили так,
Что не только ближайший враг,
Но и конь его, вешний мак
И случайно возросший злак
Обмолочен и смелен был
В обагрённую кровью пыль.
Когда шёл он – тряслась земля,
Чуя тяжесть большого зла,
Странный ветер был – как метла
Всё живое он мёл дотла.
С грозным видом, как людоед,
Приближался Корун, и вслед
Словно мерк поднебесный свет
И темнела земля в ответ.
Раскрутив своих семь камней,
Приближаться он стал – верней
Чтоб ударить Манаса; лев
Ждал, в ладонях топор согрев
И внимательно глядя встречь;
Выждав миг, он легко, как меч,
Прямо в локоть врага топор
Так вонзил, что до самых гор
Треск костей прозвучал и крик;
Обессилел *калмак*, поник,
Покачнулся, и в тот же миг
Ачалбарс в его плоть проник;
Завертелся Корун, назад
Оглянулся, широкий зад
Соскользнул невзначай с седла,
Туша вбок его поползла,

Кровь, тягучая, что смола,
По ногам его потекла,
Ноги выпали из стремян,
И гора-человек, как пьян,
Зашатался и канул вниз.
Победил его лев, кыргыз,
Слава рухнула как карниз,
На котором сугроб завис:
Сивогривый на всём скаку
Снёс, нагнувшись, ему башку.
Весь майдан отступавших стих,
Лишь дымился от взглядов злых:
Получилось, Манас двоих
Смог за раз приложить под дых
И отправить обоих в ад.
Вслух такое не говорят.

Дёокан, помолчав, изрёк:
«У юнца на лице – восторг.
Моя доченька, Карабёрк,
Слишком страшен кровавый торг,
Не иди на кыргызов, дочь,
Пусть Манас уберётся прочь.
Это счастье, что ты жива.
Посмотри: вся в крови трава,
И твою словно воду кровь
Тоже выпьют, не прекословь! –
У кыргызов обычай есть:
Жизнь за жизнь, или честь за честь;
И для них это свято – месть.
Словно спелую дыню съесть –
Так для них отрубить башку.
Дам приказ я, чтоб на скаку
Растоптали их всех слоны,
Не прибавь им собой вины!»
Дёокан Карабёрк свою
Рядом смог удержать в строю,
Ведь она уже много раз
Утверждала, и без прикрас:
«Кто меня победит в бою –
Жизнь и руку отдам свою –
Выйду замуж; кто рухнет враз –
Я ему помочусь на глаз!»
И боялся отец как раз:
Станет зятем кыргыз Манас!

Он растил и кормил дитя
Для сражений; и всё ж, щадя,
Ограждал от беды, как мог,
Ведь единственный был росток!
Только дочь-богатырь, увы,
Прежних мыслей из головы
Не подумала гнать: она,
Нажимая на стремена,
В то же время узду коня
Притянула к себе, дразня;
Мысли были двояки: «Что ж,
Я с отцом соглашусь – не ложь,
А скорей – расстановка сил;
Он ведь в бой не вступать просил,
Мол, две жизни враг загасил.
Но герой этот очень мил.
С ним не в бой бы вступить –
в борьбу,
Не испытывая судьбу.
Впрочем, я посмотрю: слоны
Поработают, топтуны,
Будет жив – ему нет цены,
А погибнет – моей вины,
Что я в бой не вступила, нет.
В общем, небо мне шлёт ответ:
Жив останется – будет бой,
Победит же – тогда с собой
Как жену увезёт меня!» –
Перестала терзать коня,
Ожидая развязки дня:
Для кого она – западня?

Дёокан тридцать два слона
Содержал: мол, а вдруг война?
Снарядил он слонов сполна:
Даже дал иным имена;
А на хоботы – надо ж! – их
Наконечники пик стальных
Ловкий мастер надел чехлом:
Сильный хобот – да с остриём,
Вот оружье – всегда при нём!
Отпускали слонов, они
Нападали. Бывали дни,
Когда слон за один набег
Сотни, тысячи человек

Убивал, хоть и ранен был:
Боль от ран прибавляла пыл
И, покуда хватало сил,
Он топтал, и колол, и бил.
Те слоны, что без пики шли,
Просто войско стоптать могли
Или, хоботом взяв с земли,
Человека, валять в пыли
И забросить потом в овраг.
Убегал с поля боя враг
Лишь завидев слонов вдали;
Даже гору снести могли
Эти звери, идя толпой,
А уж если пошли на бой!
Слон один – его звали Ном –
Самый сильный и ростом с дом,
Вся спина его под ковром
Так ходила вся ходуном,
Что никто б не смог усидеть,
Даже главная в жизни – Смерть!
Прочный сам, как земная твердь,
Ном при беге любил дудеть
Топотанью в лад: «Дук-дук-дук!»,
Как гигантский и злой индюк,
Шёл, мотая хвостом, копьё –
То, на хоботе, остриё, –
Всё размахом на десять рук
Издавало тот странный звук.
Зайчик солнечный на цевьё
Всё семейство привёл своё,
Ном и сам весь блестел в поту,
Шёл, дудел лишь в свою дуду,
Мышцы встряхивал на ходу,
Первым грудью встречал беду:
Сам Манас на его пути
Тоже грудью стоял: уйти
Было некуда им теперь,
Человек и огромный зверь
Стали биться, и – верь, не верь, –
Человек без больших потерь
На куски изрубил слона,
Только взмокла в поту спина!
Разве скажет величина:
Велика ли, низка цена?
Но за Номом спешили два
Темно-серых слона – едва
Сивогривый покончил с тем,
Как удвоился всплеск проблем:
Злобой дышащих две горы
Оба хобота как буры
Протянули, в живот дыша,
Пробурить в нём дыру спеша;
Что ж, отваги не занимать! –
Айбалтой он взмахнул опять,
Отступая за пядью пядь,
Сырнайзу чтобы в ход пускать;
С *айбалтою* одна гора
Познакомилась – и дыра
Как пещера в ней пролегла,
Тут же оземь гора стекла;
Сырнайза же, волчком юля,
Во второго слона вошла
И проткнула его насквозь,
Как большой, не по доскам, гвоздь:
Нанизался он, как на ось,
Как на вертел, – вот так пеклось
Угощенье в пирах порой,
Правда, бык был, не слон, герой,
Да и повод, увы, другой.
Все слоны, что большой толпой
Шли за первыми, встали вмиг:
Умный зверь, лишь не дан язык,
Сразу поняли – недруг лих,
Коль один порешил троих;
Развернули скорее лбы,
Ноги толстые, как столбы,
Повернув, побежали прочь,
Неуклюже, но во всю мочь,
Всех готовы в пути столочь,
Кому было уйти невмочь.
Преградил им погонщик путь,
Бил дубиной и в нос, и в грудь,
Не послушались – все в загон
Схоронились, окончив гон.
За слонами Соксо вдогон
Шёл, но ход свой замедлил он,
Подождал, пока схлынет гурт,
Сам весь в чёрном, как каракурт,
Жёлтый конь – Желжетпес, и то:
Голова так черна зато,

Словно в гари и саже вся;
Сам *калдай*, высоко неся
Свою голову – мол, герой,
Я остался один такой! –
Собираясь на этот бой,
Все доспехи забрал с собой,
Издавая в движеньях звон:
Щит слоями навьючил он,
Обмотался железом так,
Что для взглядов он стал толстяк;
Меч, копьё и чокмор он взял,
На груди ружьё привязал,
Шлем надел. В общем, всё, что смог,
Взял, включая и котелок.
Впрочем, распорядился рок
Или сам сатана помог,
Только слава за ним всегда
Шла высокая, как звезда:
Что он сотню врагов за раз
Уничтожить мог напоказ,
Да и сам он не из глупцов,
А заслуженных молодцов,
Из десятков семи бойцов
Самых лучших, в конце концов:
Среди них великаны есть,
Есть такие, чья доблесть, честь
Формируют лицо землян
Перед взглядом всей *аалам*.
Вот железный такой боец
В бой отправился наконец:
Бородою на взгляд – мудрец,
Но усы – словно шерсть овец,
Недоеденных, изо рта
Пеной светится изжелта;
Злоба портит надменный лик;
Да, *калдай* он, и, пусть, велик,
Но зачем как *кирген буура*[401]
Носит ярость в лице с утра,
Или сделал он на-гора
Эту маску ещё вчера?
Ярость духа, в зрачках горя,
Выжигая их все зазря,
Гной – не слёзы из янтаря, –
Источала из глаз хмыря:
Нелюдим был Соксо, угрюм.
Покривившись от чёрных дум,
С Желжетпесом своим дойдя
До Манаса, он загодя
Стал браниться, беснуясь так,
Словно шершень влетел в шишак;
Замахнулся копьём, но гнев
Помешал: от удара лев
Сам ушёл и копьё отбил,
Изо всех богатырских сил;
Эта пика, взлетев из рук
Описала огромный круг
До *кангаев*, упав, да так! –
Целых десять убив бедняг.
Красно-чёрный весь как буряк,
Разозлился Соксо – впросак
Попадать не привык *калдай*,
А глазел на него весь край;
Он чокмор ухватил, потом
Передумал, хоть был как дом
Тот огромный его топор;
Он схватил булаву – на спор
Словно делал её: она
Вся из стали и чугуна
Столько весила, что могла б
Холм снести за удар, не слаб,
Должен быть и хозяин, тот,
Кто с такой на врага пойдёт.
Весь скукожившийся Соксо,
Веки в щёлки смежив, лицо
Так скривив, – мол, испортил всё
Враг никчёмнейший, *келесоо*[402],
Сам взъерошенный, как петух,
Попытался бойцовский дух
Бранью грубою поддержать,
Чтоб свою булаву поднять;
Но ударить Манас не дал:
Так за руку схватил, – удав
Не сумел бы сильнее сжать;
С силой львиною совладать

[401] Буура – верблюд-производитель (старше пяти лет). *Здесь*: кирген буура – верблюд-производитель в ярости.

[402] Келесоо – дурак.

Попытался *калдай*. Опять
Стал теперь уж *чокмор* летать.

Лев шутил над Соксо в глаза:
«В состоянье таком нельзя
Брать оружие, им грозя,
Злость – плохая для встреч стезя».
Это слышал и тот, второй:
Самый хитрый *калдай* Сотой,
В ярость впал он, оставшись трезв,
И со злобой своей вразрез,
Стал он действовать, так сказав:
«Да, Манас – ещё тот удав!
Всех удушит, никто живым
От него не уйдёт. Засим
Мы другое сообразим:
Не бои – один на один,
А пошлём мы к нему отряд».
Выбрал сорок лихих ребят,
Им сказал: «Подождём теперь,
Разозлится Манас, как зверь,
На Соксо налетит в бою.
Хитрость выполните мою,
Чтоб Соксо не коснулась смерть.
Вы – герои, должны суметь:
Не жалейте коней, успеть
Надо вам, и набросить сеть
На батыра-кыргыза: с ним
Я хочу поиграть с живым».
Уловив хитроумца мысль,
Сорок лучших подкрались близ,
Приготовились ждать, чтоб миг
Поудобней для них возник.
Они думали: злость Соксо
Пересилит другое всё,
И он кинет врагу в лицо,
Чтоб того разъярить, словцо.
Злобы стыд посильнее был.
Жить без славы – как жить без крыл.
Вместо брани Соксо заныл:
«Я – великий Соксо! Убил
Столько в жизни своей врагов –
Сосчитать, и то, не готов;
Моё имя превыше гор!
Как смогу пережить позор?!
Коль бесславно умру, тогда
Я в аду сгорю от стыда,
И проклянет меня мой род,
И забудет меня народ».
Чёрной стали он *бёру тил*[403]
В руки быстренько ухватил,
Но когда наносил удар,
Звук раздался – как будто пар
Из-под крышки закрытой – щёлк:
У Соксо из обеих щёк
Шерсть скакнула – на пять чулок! –
Это злостью он так истёк.
За проделкой его с копьём
Сивогривый следил: с жульём, –
А враги все такие сплошь, –
Был он зорок и чуял ложь,
За нытьём он предвидел нож,
Не поверив в стыд ни на грош;
Лев схватил остриё, а враг
Рукотку лишь дёргал так,
Чтобы высвободить копьё,
Продолжая своё нытьё.
Смехотворная схватка шла.
В это время свои дела,
Измышления силы Зла,
Банда сделать, увы, смогла:
Из засады рванул отряд,
Целых сорок лихих ребят,
Что с заданьем послал Сотой,
К *шеру*[404] бросившись всей толпой,
Сорок кинули *боолук*[405],
Все верёвки запутав вдруг,
Сетью сделав крепчайшей – рук
Им хватило сомкнуть их круг.
Сильный, мощный, большой
Манас! –
Он попался на этот раз.

[403] Бөрү тил – узкая стальная полоска, заострённая в форме волчьего языка; *Здесь:* бөрү тил болот сыр найза – пика в виде волчьего языка и с крашеным древком.

[404] Шер – лев (эпитет богатыря).

[405] Боолук – (тоже что укурук или чалма: верёвка с петлей для ловли лошадей (на шею лошади набрасывается с помощью длинного шеста, потом шест убирается).

Не хватило вниманья глаз,
Чтоб заметить нежданный пас.
Сорок крепкий богатырей
В кровь хлестали своих коней,
Тем не менее – ни на пядь
Даже сдвинуть а не поднять,
Не смогли Аккулу, – видать,
Надо всё начинать опять.

«Опрокинуть коня бы – враз
Обездвижен был сам Манас», –
Суетились вот так, пока
Сам Соксо поразмять бока
Захотел – мол, смогу без вас,
Раз в руках у меня Манас!
Но, увидев Соксо, к тому ж
Услыхав, что лепечет муж,
Луг заливший слезами весь,
Рассердился Манас, и честь
Так взыграла! – себя почесть
Он сильнее решил, чем есть:
Мышцы все посильней напряг,
Напрягаясь, как реет стяг,
Злобно двинулся на растяг,
Раскачав донельзя костяк.
Шелк верёвок, как бязь-гнильё,
Вдруг полопались, и копьё
Заиграло в руках у льва.
Говорила потом молва,
Что из тех сорока ребят,
Что Сотой подобрал в отряд –
Брал героев, а не подряд, –
Ни один не пришёл назад:
Всех на месте убил Манас,
Никого из них чёрт не спас.
А Банус, Дёокан, Сотой,
Не преминув напасть гурьбой,
Окружили богатыря,
Чёрной злобой к нему горя,
Не по чести, а с трёх сторон
Стали бить его топором:
Так хотели ему разгром
Учредить, а уже потом,
Кровь пустив ему, скрыть – втроём
Что боролись нечестно так.

Только всё углядел Сыргак,
Наблюдатель с горы – мастак:
Три *калмака* – один земляк.
Брат, однако, попал впросак!
На своём Телкызыле вмиг,
Быстрый, ловкий, как солнца блик,
Очутился он возле них,
С пикой, всех поострее пик,
Видит он: Дёокан, Банус
И Сотой – самый мерзкий гнус,
Посреди между них герой,
Защищается, но порой
Пропускает удар, другой.
Шер как раз с Дёоканом бой
Вёл, а, в общем-то, был убой:
К ним подкрался уже Сотой
С занесённою булавой;
Хорошо, что Сыргак как раз
Скакуна его – Кажыбас –
Пикой ранил; Сотой тотчас
Оземь грохнулся, а Манас,
Обернувшись, его мечом
На две части рассёк, причём
Кровь с меча не стекла, как трус –
Да, напыщенный хан Банус, –
Поспешил повернуть коня,
Чтоб сбежать, лишь себя ценя,
Побоявшись лицом к лицу,
Как обычай велит бойцу,
В славе либо прийти к концу,
Либо к праздничному венцу.
И никто его не догнал.
Дёокан вслед за ним сбежал
На Качпасе своём – коне,
Ускакал он, трясясь вдвойне:
На войне ведь как на войне –
Там Манас, здесь, глядишь, Сыргак,
К ним уже поспешал Чубак,
Отбиваясь как от собак
От *кангаев*, что гнал Сыргак,
Но в пути совершил зигзаг;
Получилось с Сыргаком так:
Карабёрк на него свой гнев
Расплескала, преодолев
Тот, что шёл от отца, наказ;

Целью был у неё Манас,
Но Сыргак мог отцу слегка
Помешать бы уйти в бега –
Мог поранить, пленить, убить.
Размышлений простая нить
И заставила Карабёрк,
Прекращая с сердечком торг,
Нападать на того, кто есть
Рядом с нею; девичья честь
Здесь играла вторую роль:
Не девичья, пожалуй, боль
Доставалась в бою ведь ей,
И дралась она! – сто зверей
Переплюнула бы она;
Богатырь! Не её вина
Что девчонкою рождена:
Самка – дома, а здесь – война;
Так что самка с самцом вполне
Были равными на войне.
Для тулпаров их тот вопрос
Был не главным: дрались всерьёз;
Телкызыл, да и Жалманбоз
Были в чём-то похожи – звёзд
Не хватали с небес, зато
Не заставил бы их никто
Их хозяев на миг предать;
Карабёрк не смогла б сбежать,
Если б вдруг захотела, – конь
Был любитель лихих погонь,
Не трусливых побегов вспять;
Насмерть оба могли стоять –
И Сыргаку ведь отступать
Не позволила рода стать.
Видя схватки их смертный пыл
К ним спешили уже Кыргыл,
Шууту, Тазбаймат – они
Лишь окрепли за эти дни,
И в четвёрке их, как в кольце,
Оказавшись, то об отце
Карабёрк позабыла вмиг;
Жалманбоз, хоть и не привык
Убегать, но, почуя плеть,
Стал не то, что бежать, – лететь.
Уходили *кангайцы*: смерть
Всех коснулась их – поглядеть,
То не люди, – обломки, рвань.
Много разных открытых ран,
У того голова – как чан
Или красный большой тюльпан,
У того – вместо рук культи,
Этот – хром, а другой ползти
Только может без ног. В пути
Кто-то тщится своих найти:
Мол, куда ты пропал, родной? –
Помоги, я теперь слепой.
Кровь глотая, бредут. Куда?
Впереди, позади – беда.
Кровь, рыданья, потоки слёз;
У кого-то отрублен нос,
Или уши, иль борода.
Ну куда вы, куда, куда!?
У кого-то из ран кишки
Оземь льются на башмаки;
А другие как бурдюки
Или брошенные мешки
По обочинам мрут – у них
Переломлен хребет. Затих
Только что чей-то горький стон,
И несётся со всех сторон:
«Где же ты?!» – от чужих имён
В голове не смолкает звон;
Есть другие: кто выжил сам
Прибавляет к тем голосам
Чуть ли даже не смех, так рад,
Что идёт, невредим, назад:
Руки-ноги целы, живот,
Все погибли – а он живёт!
Кто-то яростно всех клеймит,
Кто охрип или бранью сыт:
Вздох его тяжелее плит,
Под которой мертвец лежит.
Есть и те, кто как лис молчком
Пробирается тайно в дом
И заботится об одном:
Как бы кто не узнал о нём
И его не признал. Бурнус
На лицо он надвинул, трус,
Виден только лишь вислый ус.
Ну, конечно же, хан Банус!

Сивогривый на Аккуле
Ищёт хана, ведь на земле
Им обоим теперь не жить
Или просто собой не быть.
Но заметил вдруг Банусхан,
Что герой Манас, *кабылан*,
Догоняет его в пути,
Стал прикидывать, как уйти;
В этой чёрной степи река
Протекала, и берега
Были так высоки, круты,
Что не ладили здесь мосты,
А искали какой-то брод.
Хан себе приказал: «Вперёд!»
Развернулся и поскакал
Прямо к броду – места он знал
И надеялся, что Манас
Не заметит на этот раз
Куда делся его должник,
Что скользить как змея привык.
Сивогривый окинул даль
Зорким взглядом своим, но, жаль,
Прямо вмиг испарился хан,
Словно к дьяволу влез в карман.
Что же, прятаться был мастак
Банусхан, но герой Чубак,
Что скакал за Манасом вслед,
Заприметил на травах след,
Понял, кто повернул к реке,
Поскакал. А хан в затишке,
В тень укрывшись вдвоём с конём,
Ждал Манаса за валуном,
Что стоял на пути у льва;
И Манас лишь достиг едва
Схрона хана, как тот копьём
В рёбра ранил его; в подъём
Бить пришлось, потому живьём
Богатырь на коне своём
Покачнулся, но не упал,
Сполз с седла лишь, но доскакал
В это миг до него Чубак,
И скакал он не просто так,
А крича во всю мощь: «Манас!» –
Этим криком он брата спас:
Опираясь на руку, лев
Встать пытался, неловко сев,
Конь Бануса в то время, злой,
Рвался подло закончить бой:
Закусив удила, вперёд
Мчал, копыта пуская в ход,
Только клич Чубака исход
Изменил: испугался скот,
Да и сам Банусхан скорей
Дал горячему шенкелей,
Оперённой стрелою хан
Полетел, дрожа, в Бадакшан,
Чтоб спрятаться, видно, там,
У таджиков: таджикский стан,
Там расширившись, был велик,
Что скрывал и *калмакский* лик:
Облик схож, а другой язык
Сам приходит при жизни встык.
И, нахлёстывая коня,
Сам себе он твердил, браня
И кыргызов, и весь поход, –
Мол, в Аранике весь народ
Ненадёжен, и зря живёт
Он в глуши той из года в год;
«Город мой Бадакшан!» – Банус,
Не признав, что он просто трус,
Представлял Бадакшан как рай,
Уповая на то, что в край
Этот вряд ли Манас придёт,
И не пустит его народ,
А придёт – так не в этот год:
Дальше он не глядел вперёд.
Встал Манас там же, где упал.
Аккула рядом, верный, ждал,
Сел обратно он на коня,
Рану жгло горячей огня
И набухла в крови броня,
Но сидел он не как квашня –
Был всё так же подтянут, прям,
Как и должно богатырям.
А Чубак Дёокана дочь,
Что бежала с майдана прочь,
Догонял; но она с трёх раз,
Углядев, что упал Манас,
Поскорей с Кёктеке врага
Опрокинула – Чубака,

И к Манасу помчалась влёт –
Добивать, если повезёт.
Но, покуда домчалась, лев,
На коня уже прочно сев,
Размахнуться копьём не дал,
За полу её крепко взял
На себя рванул хорошо;
Так, с конём, Карабёрк в *олжо*
Превратилась без слёз тотчас.
Понял и Жалманбоз – не спас
Бог *калмакский* на этот раз,
Их хозяин теперь – Манас.
Карабёрк не от страха, нет,
Не брыкалась в тот миг в ответ, –
Вспоминала ли свой обет,
Выжидала ль она момент, –
Умолчала молва о том.
До того, как приехать в дом, –
Говорили, – что по пути
Попыталась она спасти
И себя, и коня – схватив
За одежду врага, стрясти
Так хотела его с седла,
Но свалить его не смогла;
Но рассказ этот, может, глуп,
А вцепилась она в тулуп
Убоявшись дорожных ям,
И об этом судить не нам –
Тем, кто был с Карабёрк знаком,
А не слушал молву потом.
В общем, кони пришли рядком
В ожидавший Манаса дом.
С ними вместе почти Кыргыл
Вместе с сорок *чоро* прибы́л,
Ырчуул Ырамана с ним,
И дружина его засим.
Шум, галдёж: словно сотни птиц
Разом вылупились с яиц
И кричат, разевая рты.
Ырчуул среди суеты
Выбрал маленькое окно
И Манасу сказал: «Чудно́!
О, великий мой лев! Привёз
Не *олжо* ты, а целый воз
Тех проблем, что терзают мозг
Всех мужей, кто до них дорос:
Карабёрк – Дёокана дочь –
Говорила, что, мол, непрочь
Выйти замуж хоть за ворьё,
Только пусть победит её:
«Тот, кто свалит меня, сразит –
Пусть последний он паразит,
Стану верной ему женой,
Лишь бы справился он со мной!»
Карабёрк, что, скажи, с тобой?
Где твой ум? Ведь Манас – герой,
Как могла ты вступить с ним в бой?
Ты должна ему стать женой».
Когда так Ырчуул сказал –
Глупо выбрана, мол, стезя,
Карабёрк, опустив глаза,
Где застыла ещё слеза,
Молча слезла с коня и в пол
Поклонилась Манасу – мол,
Буду верной женой теперь.
Ырчуул поспешил за дверь,
Ускакал, словно в чём-то был
Уязвлён его гордый пыл.
Из Араника – Карабёрк,
Из *калча* – Накылай. Восторг
Не испытывал сам Манас,
А тем более напоказ
Не выказывал радость он,
Что второй женой награждён.
Излечившись от новых ран,
Вновь уехал он – в Самаркан,
И закаты, рассветы там
Встретил многие *кабылан*:
Были подвиги вновь, бои,
Укрепляя края свои,
Подчинил Сынчыбека он.
Впрочем, это других времён
И грядущей главы разгон –
Не спеша подберём *обон*[406].

[406] Обон – напев, мелодия.

ПОХОД МАНАСА В КОКОН
ПОДЧИНЕНИЕ СЫНЧЫБЕКА

Э… э… э… эй!
Банускан, что сумел сбежать,
Потеряв и дворец, и рать,
По дорогам не стал блуждать,
А решил в Чон Ташкене встать:
Там правитель – не то, чтоб зять,
Но похожа их прыть и стать:
«Прав лишь я» – их девиз, закон,
И к тому же давно знаком.
К Насара Карилипу он
Заявился, изнеможён,
Но, отъевшись и отдохнув,
Он, о власти былой взгрустнув,
Так однажды затеял речь:
«Карилип, ты сумел отвлечь
Бедный дух мой от дум про сечь:
В ней я ханство не смог сберечь;
И хочу я предостеречь,
Чтоб законный свой трон и меч
Не отдал проходимцу ты:
Мы не можем жить как цветы,
Нежась в ласке лучей, ленясь,
Пока жив на земле Манас:
Он кыргыз, и пойдёт на нас,
Твои земли забрать в запас,
Как Сарарку и Кёкойдун,
Как Аранику… Жирный *кун*[407]
Заплатил я за свой побег:
Трон, казна, – что копил весь век,
А теперь этот человек
В Самаркане живёт – сусек
Там построить решил он свой,
Люд глядит ему в рот: герой!
Если надо, пойдут за ним,
Как за факелом ярким – дым;
Вот, подумай, что будет вдруг,
Как узнает он – чей ты друг?
Ведь, увы, Банускан, твой гость,
Для него – словно в горле кость:

[407] Кун – цена, стоимость.

А, ты прятал врага, кормил,
Он тебе как соратник мил?!
Повод может найти любой,
Чтоб пойти на тебя войной.
А затеет войну герой.
Он, поверь мне, – гора-горой,
Весь наполненный только злом;
Я давно ведь слыхал о нём,
А теперь уж, как стал знаком,
То могу и судить о том,
Сколь опасен он и силён:
Был змеёныш, а стал дракон!»
Эта речь была тем подла,
Что лишь алчность её вела;
Банускан, сам исчадье зла,
Кость горячую из котла
Брать любил не своей рукой,
И мечтал, чтоб не он, другой,
Трон вернул ему и казну,
Взяв на плечи свои войну:
На форель вот так в быстрину
Запускает рыбак блесну.
Впрочем, больше, конечно, здесь
Поживиться пыталась месть:
Жажда мести людишек всех
Непременно введёт во грех.
Правда, чаще всего успех
Поднимает таких на смех.
Карилип размечтался сам:
«Как не верить твоим устам!
Я стеснялся тебе сказать,
Что готов и войска собрать –
За Аранику в бой пойти,
Всех кыргызов навек снести;
От Манаса приняв удар,
Ты души моей гневный жар
Мог бы счесть не за чистый дар,
А за то, что хочу навар
Получить от твоих земель;
Нет, не так это, ты поверь!
Всё твоё я тебе верну –
Трон, и земли, и всю казну!
Всё устроим мы по уму:
Зверя легче загнать в дыму,
Вот поэтому начадим,
А потом уже учудим:
В Намангане, да и в Оше
Есть кыргызы из торгашей,
Их поймаем на барыше,
На обиде да на гроше:
Лошадей мы угоним их,
Я найду, кто на это лих;
Пусть Манасу-то бьют челом,
Он примчится, оставив дом,
Вот тогда-то и мы вдвоём
Оскорбимся: пошто ворьём
Обзывают наш бедный люд?!
Защищая своих, я лют.
В Анжияне есть сотник, план
Он поддержит, и Маргалан –
Там есть тысяцкий, верен тож:
Он поддержит любую ложь,
Лишь бы – наша. Ещё – Сынчы;
Его крепость Бозбел – ключи
К тем дорогам, что есть, – они
Приведут к нам Манаса в дни,
Когда будем готовы мы;
Посему напрягать умы
Надо ныне; должны мы тьмы
Войск собрать для живой тюрьмы,
Чтоб кыргызов загнать в тупик;
Как бы ни был Манас велик,
Нам сподручней переиграть
Поредевшую в битвах рать:
Сынчыбек к нам примкнёт, видать,
Надо также ещё позвать
Дёокана с Алооке:
Чать, Нарын они на замке
Ныне держат – мол, вдалеке
Бед *калмакских* кипит котёл;
Надо их пригласить за стол!»
Так и сделали: стало пять
Их, соратников, – воевать
Все хотели с Манасом, – план
Разработали: Банускан,
Алооке, с ним и Дёокан,
И Сынчы, что был срочно зван,
Да и сам Карилип – *обон*[408]

[408] Обон – напев, мелодия.

Был его, а слова вдогон
Сочиняла четвёрка тех,
Кого предал былой успех:
Так застрявший в грязи орех
Жаждет выпустить свой побег.
В Намангане, в Оше народ –
Самых южных кыргызов род, –
Не однажды, а трижды вдруг
В травостое родных яруг
Табунов не нашли своих;
Враг ударил народ поддых:
Пока в поиски был впряжён
Каждый добрый хозяин, жён
И детей увели в *олжо,*
Даже дом был, и то, сожжён.
Пострадавший кыргыз не мог
С тем смириться, что тяжкий рок
Взял всё счастье его в оброк:
Кто-то року, увы, помог?
Лишь с великой душой Манас
Узел бед мог распутать враз,
Но... Батыр не жил напоказ,
Чтобы всяк в неурочный час
В дом являлся бы, тормоша:
Выручай, мол, скорей, душа!
Чашу мудрости не спеша
Пьют – и тем она хороша.
Что осталось? – самим тянуть
Все телеги. В последний путь
Взять, уйти бы – земля жестка,
Умереть бы – душа сладка,
На себя самого рука
Не поднимется – ведь века
Быть в позоре душе. Тоска! –
Только биться в её в сетях
Остаётся на риск и страх.
Так, а может почти что так
Думал каждый простой бедняк,
Боль клубилась в груди – сквозняк
Вымел всё в его жизни. Враг
Не дремал, собирал кулак:
Карилип, Сынчыбек, Банус,
Дёокан, Мурадил и трус –
Всем известный нам Алооке;
Ну, а те, кто жил вдалеке,
Вести слали – поддержат бой,
Привезут силачей с собой:
Их цари Нескара, Уушан
Из прославленных заволжан
Выбирали – чтоб не любой
Ехал с ними *балбан-жолжой*[409],
А, к примеру, как *Чон Жолой*[410] –
Страж удачи, сам *ак жолтой*[411].
Прибывал от царей народ
И отборный, и просто сброд:
Молодцы, храбрецы, юнцы,
Удальцы, хитрецы, льстецы,
Анжу, манжу, калмак-апсай[412],
Куш[413]-тангыт и кара-кытай...
Управлял ими Конурбай –
Командир разномастных стай.
Был над ними и выше хан –
Разленившийся Эсенкан,
Он на троне уже как слон
Возлегал, и со всех сторон
Был придворными окружён;
Город звался его – Кантон.
Жил здесь злобный мудрец один,
Назывался он Бешбейжин,
Карилипу и всем, кто с ним,
Письма слал как прельститель-джин,
Уговаривая: «Беда,
Коль кыргызы придут сюда»,
Мол, должны все вы хоть пешком
Преградить им дорогу в дом,
«Изнуряйте разбоем их,
И каурых, и вороных,
И саврасых, и всех гнедых
Угоняйте! *Бурутов* злых
Накажите другим скотом,
Пусть поплачут о нажитом».
Карилип, Сынчыбек, Банус

[409] Балбан – силач; жолжой – толстомордый.
[410] Чоң – великий; жолой – порядок.
[411] Ак жолтой – приносящий удачу.
[412] Апсай – заросший усами, бородой, косматый.
[413] Куш – хищная ловчая птица.

Без подсказок вошли во вкус
И разбоев, и грабежей,
Но с поддержкой такой бодрей
Было грабить простых людей:
Злоба ищет поводырей.

В тех краях жил один старик –
Не прославлен и не велик,
Абылтай – его звали так,
Семь десятков прожил бедняк,
Не нажив ни казны, ни слуг;
Изогнулась спина, как лук,
У огня он любил сидеть,
В пламя молча весь день глядеть:
Руки свесив, как будто плеть,
Прямо в бороду, словно в сеть,
Время сплёвывал, почитай.
Раз шесть месяцев Абылтай
Так сидел, не меняя поз,
В космы пегие спрятав нос;
Все решили уже всерьёз:
Смерти слушает он *обоз*[414].
Даже жадный *калмак* оброк
Старику назначать не мог,
В мыслях ставил ему пробел:
Счёл, что кончен его удел.
Так остался он не у дел.
Может, этого и хотел,
Пораскинув умом, *бабай*?
Спозаранку вдруг Абылтай,
До зари ещё, досветла,
Во дворе своего вола,
Пестрошкурого, как зола,
Несмотря на упрямый нрав,
Начал в путь снаряжать, поймав:
Сам с *чалапом*[415] большой бурдюк
Погрузил, прикрепив на крюк
С одеялом и снедью вьюк –
Голод, холод в пути – не друг;
И в свои семь десятков лет
В путь отправился старый дед,
Не куда-нибудь – в Самаркан,
Где народный защитник-хан
Сын Жакыпа по слухам жил.
Дед с Жакыпом давно дружил –
С лет далёких, когда они
Прожигали младые дни.
Ехал ночь не одну. Видны
Стали первых домов огни,
Тут и ожил старик вдвойне:
«Слава богу, волу и мне!»
Но, немного лишь погодя,
Он, к Жакыпу во двор войдя,
Стал бранить его не шутя:
«Знаешь что, богатей Жакып:
Я в дороге чуть не погиб,
Мне ведь семьдесят лет уже,
Жизнь, сдаётся, на рубеже
Между миром живых и нет;
Так зачем же тащился, дед,
К другу, хоть и простыл твой след
В моём доме с далёких лет?
Ты былое забыл один.
Счастьем в дом твой явился сын,
Стал батыром, твоих седин
Он – защита с младых годин.
И полеживаешь в тиши,
Не тебе на воле спешить,
Умирая, тащиться вдаль,
Чтобы с другом делить печаль!
Что, лежит и Манас, как ты,
Переваривая мечты?»
Засмеялся Жакып, вола
В двор завёл, говоря: «Дела-а!
О, проклятый мой Абылтай!
В дом иди-ка и не болтай!
Ты голодный, поешь сперва,
И другие найдёшь слова!»
Был на крыше Манас, и он
Спор, шутливый со всех сторон,
Слышал с нотой тревоги в нём –
Как далёкий, но грозный гром,
Оттого и подумал: «Здесь
Всё непросто: плохая весть,
И не маленькие дела,
Видно, к людям беда пришла», –

[414] Обоз – голос.
[415] Чалап – национальный напиток: айран, разбавленный водой.

Вниз спустился он, как стрела.
Хан Жакып привязал вола
Абылтая повёл к себе,
Как соратника по судьбе.
Чыйырды поднялась им встречь,
Словно сбросила годы с плеч:
«Абылтай! – ты сумел сберечь
Нрав, и взгляд свой, и даже речь!
Разделились мы. Много лет
Друг без друга мы топчем свет;
Ты здоров ли? А как жена?
Жив ли скот и полна ль казна?
Полон двор ли кобыл, ягнят?
Режешь их для своих ребят?
Сколько деток в семье? Иль ты
Вместо деток растил мечты?
В Оогане живёшь? Ты рад?
Дом построил? Взрастил ли сад?
Или как одинокий пень
Без потомства живёшь? Лишь тень
Верный спутник твой все года?
Есть корова ли, и всегда ль
Льётся в чай молоко? Вода?
Жизни ловчие невода
Спеленали тебя, небось?
С чем пожаловал, добрый гость?»
По обычаю обо всём
Надо спрашивать, только в дом
Гость приходит; для Чыйырды
Были правила не чужды:
Приходилось совать свой нос –
Хочешь, нет ли, – в чужой вопрос;
Но Жакып был и в этом прост:
«Чыйырды, прекрати допрос!
Хочет пить Абыке, скорей
Кумыса́ пиалу налей!
Да на стол побыстрей неси
Мясо – ежели есть, *казы*[416],
Масло сливочное, *курут*[417],
Экчеме[418], – всё, что сыщешь тут;
Стол чтоб был через пять минут,
А потом и устроишь суд:
Всё расскажет, коль будет сыт.
Впрочем, больше расскажет вид:
На корове поедешь в путь,
Если конь есть какой-нибудь?
Разве щёки вот так впадут
От бульона и вкусных блюд?
И пестрел бы, скажи, халат
От обилия всех заплат,
Был бы в доме покой и лад,
А в курджуне хранился клад?»
Чыйырды и Бакдёолет
Стали вместе творить обед:
Тридцать разных прекрасных блюд
Сочинили за пять минут.
Появился Манас в тот миг,
Когда занявший *тёр* старик
К пиале с кумысо́м приник;
Поздоровались – как привык
Старших чествовать молодой
Хан Манас, богатырь, герой;
Дастархан всех отвлёк, увлёк.
Но беседа, как ручеёк,
Всё текла, но о главном впрок
Поделиться не вышел срок.
Потому ли, что Жакыпхан
Попросил, чтоб Бакай был зван?
Вскоре прибыл Бакай-батыр:
Как всегда, величав, *шайыр*[419],
Даже запахом, как аир,
Излучая покой и мир,
Рядом с гостем он сел за стол,
Без расспросов – успеем, мол;
В тишине до *бата́-дуба́*[420]
Молча ели, хотя борьба

---

[416] Казы – брюшной и рёберный конский жир; колбаса из брюшной и рёберной частей.
[417] Курут – шарики или лепёшечки из отжатого и засушенного айрана.
[418] Экчеме – бессолодовый (не хмельной) хлебный напиток.
[419] Шайыр – бодрый, жизнерадостный.
[420] Бата́-дуба́ – молитвенное напутствие, благословение (совершалось после угощения, при окончании или начале сговора, какого-л. дела; выражало удовлетворение результатами или пожелание успеха; складывали ладони в виде не до конца раскрытой книги, а затем проводили каждой из них от висков вниз по лицу и до конца бороды, произнося молитву-благословение).

Любопытства и тех основ,
Что велели – мол, ешь без слов,
Напрягали, конечно, всех,
Но нарушить устои – грех.
Дастархан лишь убрали, вмиг
Вдруг расплакался гость-старик:
«Ах, сынок мой, батыр Манас!
Я слыхал о тебе рассказ,
А увидел лишь в первый раз,
Но рассказ тот меня и спас:
Я не умер в тот день, хотя
Издевался враг, не щадя;
Бессловесным став как дитя,
На корове, едва кряхтя,
Я отправился ночью в путь –
В Наманган, не куда-нибудь;
Ехал только ночами – днём
Я отлеживался, причём
Даже ночью я шёл путём,
Что *калмакам* был незнаком.
А спешил я к тебе, мой сын.
Сможешь только лишь ты один
Отомстить за несчастный клан:
Из Араники Банускан
От тебя убежал в Ташкен,
Там, в укрытье дворцовых стен,
Стал придумывать сплетни, с тем,
Чтобы хан Карилип в обмен,
За правдивость приняв обман,
Притеснять стал кыргызский клан.
Карилип же, Ташкена хан,
Хоть и был Банускан не зван,
Хорошо его принял – он
Был таким же, видать, рождён;
Он за сотником в Анжиян
И за тысяцким в Маргелан
Разослал своих слуг – обман,
Видно, корни пустил, и хан
Стал с Банусом, с Сынчы – такой
Есть с раздвоенной бородой, –
Строить планы, как мстить за рать:
Три свиньи, что с нечистых взять?
В Намангане, в Оше и близ –
Где хозяйствует сплошь кыргыз,
Стали скот угонять, а с ним,
Не довольствуясь им одним,
Угоняли девчонок, жён
В рабство, в гиблую жизнь, в *олжо*.
Всё в душе посейчас свежо –
Прямо в сердце удар ножом,
Не единожды, – раза три,
После заперли всех внутри –
Не проехать и не пройти,
Кто попался же на пути –
Парень шёл в батраки навек:
Скот рабочий, не человек.
Разве эти кыргызы, сын,
Не народ наш, что весь един?
Разве мы не родня, скажи?
Вот зачем я сквозь все межи
На корове скакал сюда:
Чтоб сказать вам: у нас беда!» –
И заплакал навзрыд *бабай*,
Тут же, глядя, как Абылтай
Слёзы пьёт из усов седых,
Зарыдала и Чыйырды,
Встала, не отирая слёз,
И сказала: «Что весть донёс
Ты до нас, Абылтай, тебе
Будет радость ещё в судьбе,
Труд твой дорог, он выше гор:
На корове во весь опор
В путь умчал ты, хоть знал: дозор
Враг расставил с недавних пор.
Свой народ не отдать в раззор,
Не обречь на позор и мор –
Вот что сделал ты, хоть и стар!
Ты, конечно, увы, устал.
О-о, не стой же, Багдёолет!
Обнови для друзей обед.
Ведь Жакып через столько лет
Встретил друга! На весть ответ,
Что привёз старик Абылтай,
Даст Манас пусть и хан Бакай».
С белозубой улыбкой сын
Отвечал ей: «Не будь морщин,
Абылтая я стариком
Не назвал бы: ведь я знаком
С тем, что он прискакал верхом
На корове своей в наш дом!

Его ненависть в путь вела
И уменье вести дела
Без посредников. Сколько зла
Эта старость превозмогла!
Кровный брат наш! Его народ
Не забудет, пока живёт.
Человек этот – наш герой,
За него я пойду горой,
Так продлите для гостя *той*,
Не скучает пусть день-другой,
И беседою за едой
Развлеките его с душой;
Весть его непроста, увы,
Догадались, наверно, вы,
Что придётся нам с головы
Тех лечить, что весьма резвы;
Говорят, трёхголов подлец?
Вы простите меня, отец!
Погостите здесь день-другой,
Пока я возвращусь домой:
Чтоб огульный пресечь разбой,
Надо там мне пройтись с братвой.
Имя сына скажите мне –
Можем встретиться с ним вполне».
Зарыдал Абылтай сильней:
«Был бы сын, разве б надо мне
На корове да при луне
В этом драном тряпье скакать?
Семь десятков мне лет. И мать –
Чыйырды – задала вопрос:
Если ли дочь или сын подрос;
Отшутиться хотел – мол, *дос*[421]
Половину мою увёз;
Промолчал я. В суставах дрожь
Не даёт говорить мне ложь.
Был Жакып хоть и очень юн
В те года – им несчётно лун, –
Чыйырды опекал как вьюн;
Абылтай же. Я был шалун,
Молодец и герой! Жены
Не нашёл я. Мои сыны
Не родились, и дочки – нет.
Мог ли дать я такой ответ?!
Нет старухи – позвать к столу,
Дать с *чалапом* мне пиалу,
Да хотя б поругать! Умру –
И засохну один в углу.
Впрочем, нет! Мои дети – весь
Мой народ, потому и весть
Я спешил донести до вас,
Что всесильный пришёл Манас
И детей от насилья спас.
В животе моём – без прикрас, –
Полыхает огонь, и глас
Словно слышу с небес: сейчас
Перекраивается судьба,
И я начал её – с себя:
О-о, сынок мой, ведь знаю – ты
Похоронишь без маяты
Бренный прах мой как надо, в срок;
Только знаю – свидетель бог:
Нет земли, где вмещусь я весь.
То, поверь мне, совсем не спесь:
Всего клана родного весть
Я вместил, чтоб раскрыться здесь;
У Великой Души учась,
Я, как ты, – лишь народа часть!»

Подивился Манас речам
И двоим своим матерям,
И отцу наказал, чтоб гость
Жил, как будто он дома ось;
Снаряженьем занялся впрок,
Чтобы в сутолоке дорог
Не жалеть, что, мол, за порог
Вывел их ненадёжный рок.
Все джигиты готовы; всяк
Снаряжён, их коней косяк
Ждёт, привязанный, у двора,
Всё оружие мастера
Осмотрели ещё вчера,
Снедь и прочее – на ура
Уложили, собрали всё.
Вновь запущено колесо!
Сам Манас всё проверил, он
Поначалу решил в Кокон
Заглянуть, этот город взять,
А потом уже наступать

[421] Дос – друг.

На Ташкен; в этом был резон:
На аорте дорог Кокон
Перекрестком дорог стоял;
Сивогривый так размышлял:
«Взять Кокон бы как в *кёкбёру*,
Чтоб дорогу на Кашкару
Перекрыть и на ней стоять;
А не то супостатов пять
Из Кангая на нас попрут,
Не сочтя свой поход за труд,
Окружая нас, словно спрут,
И те трое на нас пойдут,
О которых нам Абылтай
Рассказал. Уж они-то, чай,
Ждут скорее в Ташкене нас,
Глуп и молод, мол, царь Манас!
Ну, а главное – если сечь
Так начнётся, то крови течь
Будет – море без берегов.
Нет, к такому я не готов!»
Он не тратил высоких слов,
Очень сжато для двух голов –
Самых близких, – озвучил мысль;
И Бакай, и Чубак прошлись
Взглядом внутренним по всему:
Да, Манас решил по уму.
Согласились – и тут же в путь.
Самаркан покидая, грусть
Никого не глодала – груз
Намекал, сколько новых чувств
Ждут в походе их всех. И пусть!
По дороге на Наманген,
Вырываясь из тесных стен,
Покидая домашний клан,
Всяк *чоро* был как будто пьян:
Каждый весел был и румян –
Заскучали среди селян:
«Поле боя, а не жнивьё –
Скажет воин любой, – моё!»
Хоть и мирная жизнь в речах
Прорывалась: с огнём в очах
Обсуждали не битвы страх,
Не поверженный вражий прах,
А девчонок, молодок, жён,
Кто когда и в кого влюблён,
Кто был первым на *кёкбёру*,
Кто другую вершил игру.
Как на скачках порой они
Словно дома, в былые дни,
Состязались. И снова – трёп
Да солёные шутки в лоб.
Так прошло много дней. Поход
Лишь слегка утомил народ:
Отвлекался от тягот он.
Наманген миновав, в Кокон
Намечали войти, но страж,
Лишь увидев кыргызов, в раж
Впал, решив известить царя,
Только зоркий Бозуул не зря
Тратил время богатыря –
Смог похитить он втихаря
Одного из всех стражей: тот
В яму сел – прихватил живот,
Только выйти хотел, Бозуул,
Лишь рукой один раз взмахнул –
Тот, не вымолвив «караул!»,
Весь обмяк, словно вдруг уснул,
И Бозуул его как мешок
Вмиг в расщелину уволок.
От начала и до конца
Сам Сыргак расспросил юнца,
Тот немногое рассказал:
«Сынчыбек, царь Кокона, ждал,
Что кыргызы придут сюда,
И просил известить, когда
Хоть один силуэт вдали
Вдруг покажется. Мы – нули,
Мы не знаем, с какой щели
Вдруг кыргызы бы забрели,
Охраняем со всех сторон,
Чтобы щели заткнуть, Кокон;
Мы подумали: дань, небось,
Собирает кыргызский гость,
Мы не встрянем как в горле кость –
Только путь преграждает пост».
Поразмыслив, герой Сыргак
Объяснил бедолаге так:
«Возращайся к народу, что ж,
Да затми своей правдой ложь:
Ты увидел, как много нас,

Так скажи им: пришёл Манас!
Беку[422] тоже скажи: Манас,
Что немало народу спас
От правителей-кровопийц,
От кровавых царей-убийц,
Сильный он и с большой душой.
Всем скажи, что Манас пришёл
В приуроченный к мщенью час,
Чтоб очистить от гнёта вас.
Так народу скажи: Ташкен
Будет весь под Манасом, тем,
Не по нраву кому расклад,
Пусть сбегает куда он рад.
На развилке стоит Кокон,
Потому-то нам нужен он,
Пусть Кокона царёк – Сынчы? –
Зря не точит свои мечи,
Ты скажи ему, не молчи,
Пусть для бегства берёт харчи».
Стража лишь отпустил Сыргак,
Шууту его сдал: «Чубак! –
Начал кляузу он, – а как
Смог возвыситься так Сыргак?
Сумасбродом он стал большим,
Вас, Манаса мы все спешим
Слушать, прежде чем делать, – он
Сам решает со всех сторон:
Что сказать, отпустить кого.
Это разве не баловство?
Почему он о вас забыл?
Что за странный командный пыл?
Караульного взял Бозуул,
Из Кокона его тянул
На себе, оглушив слегка;
Дотянул аж до Сыргака,
Ну, а тот, расспросив врага,
Отпустил, не намяв бока,
Потихоньку, спокойно так».
В это время пришёл Сыргак.
«Где твой стражник? – спросил
Чубак, –
Ты командовать стал мастак?»
Засмеялся Сыргак в ответ:
«Бесполезен был для бесед
Наш ровесник – не видел свет
Столь забитых от всяких бед;
Приводить его к вам не стал –
Хватит, сам от него устал;
Напугав, отпустил в Кокон,
Пусть других попугает он.
У тебя-то дела к нему?
Только равного по уму
К вам я шлю, чтоб держать отчёт
Да врагу оказать почёт!»
Прав Сыргак, посмеялись чуть:
Надо было, мол, всё же вздуть
Для острастки врага, чтоб путь
Мог он вдвое быстрей махнуть.

Стражник сам, ускоряя ход,
Гнал в Кокон – поскорей вперёд,
Веря, что не сейчас умрёт,
Он, не зная, что дома ждёт,
Мчался с мыслью одной: отчёт
Очень важный в себе несёт.
До ворот добежал; коня
Взял скорей – до исхода дня
Доскакать до дворца, чтоб *бек*
Мог успеть отразить набег.
Двух тулпаров загнал в пути!
Лишь на третьем сумел прийти
К Сынчыбеку, чтоб донести
Весть, что жаром горит в груди.
К Сынчыбеку ворвался он
Как в посудную лавку слон –
С этикетом был незнаком,
Да и слово сказать с трудом
Мог вначале он, так устал;
Сынчыбек же терпеть не стал:
«Эй! На дыбу его! – вскричал, –
Прям за палец, чтоб не молчал!»
Палачи налетели вмиг,
Развязали ему язык:
Он на пальце висел одном
И рассказывал обо всём:
Как он в яму пошёл, потом,
Как тащили его пластом,
Как допрашивали... притом,

[422] Бек – феодальный властитель, ниже хана.

Отпуская назад, в Кокон,
Не побили его вдогон,
А велели, чтоб дома он
Всем рассказывал, мол, Манас
С целым войском идёт на нас.
Сынчыбек помрачнел: рассказ
Был, быть может, не без прикрас,
Но... ведь дым – он не без огня,
Если это не западня.
Вслух процедил он: «Болтовня!
«Что ж... Смотри-ка ты у меня! –
Ложь ведь я распозна́ю враз.
Расскажи мне – каков Манас?
Как он с виду? Высок ли, толст?
Сколько в жизни ты видел войск?
Так ли войско его страшно?
Сколько воинов в нём видно?
Об оружии заодно
Расскажи, как заведено».
Стражник рад был бы дать ответ,
Хоть ответов в запасе нет,
И от страха начал опять
О плененье своём болтать:
«Всё, что знаю, я расскажу!
Я не видел Манас-*баашу*,
Страшный он человек, видать, –
Побоялись его позвать,
И меня он не видел сам,
А расспрашивал... *кабылан*! –
Да, один его воин, там
Представлял он кыргызский клан,
Он сказал: «Тебе жизнь дарю,
Чтоб сказал своему царю,
Что приехал в Кокон Манас:
Навсегда за один лишь раз
Завоевывает он тех,
Кто свершает великий грех:
Обижает кыргызов всех,
Чтоб стяжать на крови успех.
И добавил ещё: пускай,
Мол, твой царь покидает край!
Лучше беглым быть львом – живым,
Чем лишь шкурой для долгих зим.
Не Манас, а его боец
Запугал меня так вконец,
Куропаткой я сник в сети,
Только думая – как уйти,
Весь принижен, унижен, слаб.
Что бы мог разглядеть я – раб?»
Захрипел, не окончив речь,
Слёзы стали сильнее течь,
Выворачивая глаза,
Все конечности как лоза
Вниз обвисли, упал бедняк,
Встать пытался он кое-как,
Задыхаться стал, чуть дыша,
И... из тела ушла душа.
Сынчыбек лишь смотрел, молчал.
Он давно уж не замечал
Ни страданий людских, ни мук:
Жертвы крик был всего лишь звук,
Смерть – уборка для чьих-то рук.
Выпив муху, вот так паук,
Ждёт: она, как засохший плод,
Упадёт из его тенёт.
Ночью думал он лишь о том,
Как сберечь свой богатый дом,
Как победу не упустить,
А потом удержать бы нить
Полной власти над краем всем,
Пусть и *беков* у края – семь.
Он всю ночь воевал в уме:
То был ханом на *ак*-кошме,
То в шатре на большом холме
Счёт войскам своим вёл во тьме.
Повернётся на левый бок –
Враг берёт его вдруг в залог;
Повернётся на правый бок –
Смерть врагами заполнит лог.
Так и утро настало. Он
Вдруг прозрел, как спасти Кокон:
Ведь советчиков целых шесть
Или пять-то уж точно есть!
Есть такие, кто слушать рад
Всё, что сильные говорят.
До рассвета созвал он в ряд
Верноподданных пятьдесят:
Все с поклоном к нему стоят,
Головами кивают в лад
Речи *бека*, ведь главный – он.

Так, с согласия всех сторон,
Порешили нести урон
С тем, чтоб только спасти Кокон:
Город должен был в дань принесть
Супостату повозок шесть:
Золотого одна добра,
Две же – белого серебра,
Сто коней-*аргамаков*[423] в дар,
Караван в сто, не меньше, *нар*[424]. –
«Если откуп возьмёт кыргыз,
Не затеет в ответ каприз,
Значит, будем как прежде жить
И былое не ворошить:
Мы напали – не скроешь ложь;
Почитай, Ташкен ни за грош
Нас подставил, а сам хорош –
В стороне ведь, ему-то что ж!
Зря послушались! А теперь,
Когда враг подошёл под дверь,
Откупаться нам за разбой
Надо, не принимая бой!», –
Так народ рассуждал в ночи,
Выполняя приказ Сынчы,
Только бека одна *чайчы*[425],
Подбирая к ларям ключи,
Чтобы мзду по тюкам вязать,
Не смогла болтовню сдержать;
Слуги старые – часть семьи,
В них терпенье и ум змеи,
Справедливые судии,
Лишь послушай: «Цари мои,
Вы неправы! – всё видит бог:
Как мириться – вам невдомёк,
Мол, разбоям-то вышел срок,
Повинимся, дадим зарок.
Мол, хорошие мы теперь,
Нам на слово, наш враг, поверь!
Не пойдёт так, увы, мой *бек*!
Пусть и десять пошлёшь телег
Злата-се́ребра, и коней –
Двести, и караван длинней.
Не обманете бога, нет!
Скот украденный весь в ответ
Возвернули бы от греха
Да и речь была б неплоха,
Вот такая примерно: «Вам,
Всем кыргызам, навек отдам
Скот ваш, ваши поля, сады –
Землю, где ваших рук труды
Превратили ее в Эдем».
И добавила бы затем,
Зная ценность сердечных чувств:
«Без кыргызов ведь мир наш пуст,
Так растите своих овец,
Злато-серебро, наконец,
На телегах мы вам везём,
Обустраивать снова дом».
И продолжила речь *чайчы*:
«Всех оставив, ты сам, Сынчы,
Должен это сказать, придя
В стан кыргызов, в шатёр вождя,
Чтобы позже, чуть погодя,
Своё воинство отводя,
Поручил этот вождь чужой
Стать твоих же краёв главой.
Анжиянских шесть городов
Ты возглавить уж будь готов:
Без акима-то город вдов;
В результате твоих ходов
Будет ханство, глядишь, твоим», –
Речь, достойная лишь *айым*[426],
Беку в душу запала вся,
Жар сомнений его гася.
«Пища плавит и камень» – в лад
Старым заповедям твердят
Люди, знающие расклад
Отношений и нужных трат.
Был Сынчы в этом деле крут.
Раскошелив на взятку люд,
Разжигать в них затеял пыл,
Чтоб себе обеспечить тыл.
Но правитель, увы, забыл:
Тот, кто в страхе живёт – бескрыл.
Нет, прямого отказа он

[423] Аргымак – породистая, чистокровная лошадь.
[424] Нар – одногорбый верблюд.
[425] Чайчы – домашняя работница, служанка в богатой юрте.
[426] Айым – госпожа.

Не услышал, со всех сторон
От бывалых своих вояк
Только стоны: «Я болен так»,
Эту армию в бивуак
Не загонишь – мол, вдруг сквозняк?
Ружья в горку собрали, флаг
Развернули, и кое-как
Частоколом все копья в ряд
Повтыкали вблизи оград,
Да решили – сперва обед.
С этим войском не надо бед,
Ведь оно и само – беда,
А пошлёшь-то его куда?
Накормили себя, коней,
Сбор доспехов на много дней
Затянуться грозил. Мулла,
Хоть башка как кулак мала,
Штуку ткани скрутил в чалму:
Мол, погибну, так по уму
Похороните – саван есть.
Эти речи не доблесть-честь
Возрождали, а страх, болезнь,
Жёны плакали: муж, не лезь,
Мол, слыхал? – говорят, *чайчы*
Убедила главу Сынчы
Чтоб с врагом был он мил и щедр,
За разбой возместил ущерб,
Одарил бы кыргызских глав,
Чтоб умаслить их дикий нрав;
А тебя, мол, с мечом зовёт
На тот случай, коль отворот
От врага он получит, вот –
Пусть погибнет не он, народ!..
Не сумев заслонить пути,
Вместе с мужем, с детьми идти
Порешили; все в белом шли,
Словно близилась смерть земли.
Вышли все на дорогу. Страх
Вздыбил волосы все в платках,
Малышню несли на руках,
Даже воздух тревогой пах.
Удивились кыргызы: сон?
В белом, праздничном весь Кокон
Вышел встретить чужих *чоро*,
Захватив всё своё добро.

Зашумели *чоро*: «Они
Переждать боевые дни
Порешили у нас в тылу?
Что воздать им? Хулу? Хвалу?»
Между жён и детей мужья
И подросшие сыновья
Тоже в белом, но при щитах;
Что их гонит навстречу? Страх?
Жажда крови? Но – малыши? –
Да, загадка чужой души.
А с разбоя-то барыши
Разве были нехороши?
Есть, за что их громить, ей-ей!
Только жалко, увы, детей.
Зашумели *чоро*, коней
На толпу направляя, к ней
Приближались, сломав ряды;
Флаги синие с высоты
На доспехи роняли блик,
Воздух весь шелестел от пик,
Вздетых кверху друг с другом встык.
Видно, к глоткам присох язык –
Замолчали *калмаки* все.
И чем ближе во всей красе
Приближались *чоро*, пыля,
Тем звенела сильней земля,
В сизых всполохах ковыля
Птицы вспархивали, юля:
Словно стягивалась петля,
Нервы каждого оголя.
Хоть и замерла вся толпа,
Видно было: любой себя
Подготавливал к бою: тот
Гладил пику, что взял в поход,
Тот – щитом ограждал детей,
Этот перехватил плотней
Свой *чокмор*, приготовил меч,
Чтоб не просто под ноги лечь
Налетевшим врагам... Но – сечь
Чтоб при жёнах, при детях! С плеч
Страшно голову потерять,
Зная: дети, жена и мать
Будут долго, не веря, ждать.
А когда при тебе в щепу
Вдруг порубят твою судьбу:

Все грядущие семь колен?!
Разве лучше – с семьёю в плен
Вдруг попасть, и при жизни тлен
Пережить? Ничего взамен,
Видно, бог не сулит. Мужи
Защищать свои рубежи
Вознамерились: с ножен меч
Каждый выхватил: будет сечь!
И *чоро* напряглись: своя
Ближе к сердцу всегда семья,
Жизнь ведь на острие копья
Притаилась порой своя,
Так что каждому петуху
Надо выпустить требуху!
В тот момент *олуя* Бакай
Между вклинился: «Не замай!
Охолонь-ка, ребята, чуть,
Не спешите по воле чувств!
Вы горячие пареньки,
Но и вам, скажу, не с руки
Драться с теми, кто всей семьей
Вышел встретить последний бой.
Озубек, что чинил разбой,
Он у них заклеймён молвой,
И жалеют они теперь,
Что попутал их этот зверь,
И кыргызам они, поверь,
Вновь в Кокон открывают дверь
Не для сечи, не для вражды, –
Видно сразу, без ворожбы:
Вышли в белом, чтоб смерть принять,
Если ж всё повернётся вспять,
Так я думаю, договор
Будет лучше, чем детский мор:
Малышам и смотреть нельзя,
Как семью вдруг на их глазах
Крошат, будто на *бешбармак*.
Нам нельзя опускаться так!
Бек у них, видно, тот Сынчы,
Что польстился забрать ключи
От кыргызских наделов, – план
Разрабатывал Банускан
С Карилипом вдвоём. Гляди –
Едет он один впереди,
А народ за его спиной
В ножны спрятал мечи долой,
Даже ружья собрали... Ой –
Копья оземь воткнули... В бой
И не рвутся. Умерьте свой
Жеребячий ненужный смех!
Над бессильем смеяться – грех.
Не смотрите по-волчьи! Мех
Отрастёт на щеках у всех!
Кто бы к вам не пришёл сейчас,
Будьте сдержаны, чтоб Манас
Мог гордиться, увидев вас!
И ещё, повторю не раз:
Даже взглядом недобрых глаз
Малышей и подростков вы
Не пугайте! В сердцах детвы
Страх с кыргызом быть должен врозь,
Ведь ребёнок – он в мире гость,
На гостей не излейте злость,
В поколеньях чтоб воздалось
Нам хорошей людской молвой,
Ведь живём на земле одной.
Так, – нагайки на шею – все.
На нейтральной, здесь, полосе
Мы послушаем: кто неправ,
Кто зачинщиком всех потрав
Выступал и втравил в разбой,
Поступившись чужой судьбой;
Пусть приветствуют нас гурьбой,
Как привыкли – наперебой,
Пусть расскажет нам их Сынчы,
Что такое *таа*[427], *алчы*[428] –
В общем, есть, что узнать сейчас,
До беседы, что ждёт Манас».

Так закончил герой Бакай,
Дав понять, чтобы через край
Не плеснула их ярость, – чай,
Ведь отыщется негодяй

[427] Таа – сторона альчика (противоположенная алчы).
[428] Алчы – сторона альчика, противоположная таа (считается самой выигрышной).

Иль упрямец в толпе, *такай*[429], –
Бросить искру в сухой курай.
Подобрались поближе; люд
На колени упал. Верблюд
Так завьючить его даёт.
Что ж, – к ярму был готов народ.
Весь Кокон смотрел, не дыша,
Не приблизившись ни на шаг,
Как в врагам идёт падишах,
Словно спутанный конь-лошак.
Не подходит к нему никто.
Взглядов злобных полно зато.
Спешно кланяясь, как *келин*[430],
Оробевшая от смотрин,
И сгибаясь, как будто клин
Вбили в брюхо, а то и дрын,
Как на казнь, шёл Сынчы к врагам,
Щёлкал каждый сустав, к ногам
Приливала заметно дрожь,
И болела спина. Как ёж
Он хотел бы свернуться в шар
И судьбы переждать удар.
Сынчыбек хоть и был нестар,
Да шатра он древнее мар
По-пластунски почти дошёл:
Словно чашки глаза, и шёлк
В тихом голосе шелестит;
Благонравный и постный вид,
Скользкий весь, как мёдком полит:
Думал он – кто Манасу льстит,
Тот желанен ему и мил;
Всех дворцовых интриг посыл –
Лебезить, сколько хватит сил,
Чтобы сильный благоволил.
У Манасовского шатра,
Словно кроткий посол добра,
Вытер он не спеша лицо,
О погоде ввернул словцо,
Ухмыльнулся и вновь затих,
Выжидая удобный миг.
В чувствах сдержанный Ажыбай,
И философ, и краснобай,
Всё ж не выдержал и сказал:
«Кто приниженно, как шакал,
Весь сгибаясь, приходит так –
Тот проныра, а не простак.
Ты как будто вершишь *ажы*[431].
Кто ты? Имя своё скажи!»
Поклонившись ещё разок,
Сынчыбек еле-еле смог
Что-то вымолвить в первый миг,
Словно к нёбу присох язык,
Но собрался, хоть как старик
И с лица и с фигуры сник,
Но к знакомству начал разбег:
«Сынчыбек я, Кокона *бек*.
Это я на кыргызский клан
Нападал... Меня ввёл в обман
Хитроумнейший Банускан:
Он на всех напустил дурман;
Сделал пакость я без ума,
Мучит совесть меня – тюрьма
Справедливой моей души:
Говорит, мол, теперь держи
Перед всеми ответ, вложи
Часть казны своей, что нажил,
В дело чести: покрыть ущерб
Тем, кто чахнет во тьме пещер
И без дома, и без скота,
Мол, не их, а твоя беда, –
Совесть так говорит, зуда,–
Маята их и нищета.
Вот, жалея их, я стою
Жду я милость теперь твою;
Сивогривый надежду даст –
То просить буду жизнь у вас;
Меч достанет – паду я ниц
Смерть принять от его десниц,
Я с повинной принёс главу,
Жизнь свою я доверил льву,
Если надо – умру, весь груз
Бед свершившихся канет пусть
На меня, хоть виной – Банус,
Но виновен и я, боюсь:

[429] Такай – ослёнок.
[430] Келин – невестка.
[431] Ажы – хадж (паломничество в Мекку).

Не препятствовал, потакал,
Вот поэтому я попал
Как ответчик на этот суд;
Заклеймён, как грехов сосуд,
Мне – и плаха, и первый кнут,
Коль казните – вас все поймут:
Смерть очистит... но прежде есть
Дело – повелевает честь –
Извиненья свои принесть
И ущерб возместить вам весь,
С подношеньем к тому же, дар –
От несбывшихся дел навар,
Что могли бы своим трудом
Получить те, кто скот и дом
Потеряли в набеге злом, –
Всё восполню своим добром,
Чтоб Манас-богатырь теперь
Лишь поверил, что я – не зверь,
Не проныра, не лживый плут:
Честь и совесть во мне живут;
И, прервав ненадолго суд,
В луг отправимся, где пасут
Табуны все и те стада,
Что, признаюсь не без стыда,
У кыргызов забрали мы,
Доведя их всех до сумы.
Вы поможете, чаю, нам
Разобрать весь скот по таврам,
А не хватит – я оплачу,
Пока мне это по плечу;
И ещё я сказать хочу,
Чтобы честь не задеть ничью,
Без базара плоды у нас
Пусть берёт ваш народ, – Манас,
Мол, велел, подтвердил Сынчы;
И овец – невзирая, чьи,
Пусть возьмут, не тайком в ночи:
От загонов им даст ключи
Сам хозяин-*калмак* любой;
Сколько смогут снести с собой
Пусть *кымкап*[432] забирают... иль
Чтоб не мыть бесконечно ил,
Намывая златой песок,
Я бы им поделиться мог,
На верблюдов, на их горбы
Нагрузил бы ещё *жамбы*[433],
Да отдал бы с телегой – что ж,
На верблюдах не всё свезёшь;
Аргамаков могу я дать,
Пусть покроет лишь благодать
Тот ущерб их и тот урон,
Что нанёс вашим братьям трон;
Подарил бы и трон я вам,
Отдал даже бы Анжиян –
Шесть прекраснейших городов,
Полных парков, ручьёв, садов –
Это фруктов земля, на ней,
Столько щедрых на злак полей,
Сколько веточек у чинар.
Всё возьмите за глупость в дар!
Пусть народ ваш меня простит.
Может, дружба вдруг осенит
Позже наших простых людей.
Кто предскажет? Судьбе видней.
Я для этого каждый год
Рад с народом делить доход,
Не понравлюсь – царя пускай
Выбирает другого край;
Коль свободу дадут рабам –
С ними я бы ушел и сам.
Если жизнь оставляют мне,
Все посулы свершу вдвойне;
Да, – и если не быть войне,
Можно людям Кокона, мне
В город молча уйти сейчас,
Если хан разрешит, Манас».
И умолк Сынчыбек. Платком
Вытер лоб, отошёл бочком,
Слёзы чтоб утереть тайком
Да и выжать платок потом.

Ажыбай его слушал так,
Словно друг он ему, не враг,
На его пересказ Чубак

[432] Кымкап – название шёлковой материи.

[433] Жамбы – 1. слитки серебра (различной формы и различного веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег); 2. общее название благородных металлов; 3. жамбы атмай (национальная игра, состязания в стрельбе) слиток серебра или какая-либо другая драгоценность.

Головой покачал: «Мастак!»,
А Бакай улыбнулся: «Что ж,
Пусть в речах половина – ложь,
Но и правды взойдёт росток,
Кто б взойти ему лишь помог! –
В бороде белоснежной длань
Задержалась его... – А дань,
Что обещана им, близка:
Ажыбай, отпусти царька!
Мы поедем за ним – пока
Наблюдая издалека:
Коль награбленное и впрямь
Он вернёт, то богатырям
Можно ехать домой без битв,
И ребятам сказать: побит
Враг без боя, но на корню,
И не надо вершить резню!
Сто погод у земли на дню.
Всем делить нам её, одну».
Ажыбай подошёл к Сынчы:
«Что же, *бек*, на закат лучи
Скоро склонятся; пусть народ
В город семьями весь идёт.
Да и сам ты к нему иди,
И народу скажи: в пути
Там, за вами, идет Манас,
Скоро будет, скажи, у вас;
Ты же в городе весь запас, –
Да, – которым пред нами тряс,
И награбленное готовь
Возвращать; а иначе кровь
Смоет только всю подлость ту,
Что достойно спустить скоту!
Коль в речах твоих просто гон –
Уничтожим мы весь Кокон;
И не нужен речей нам мёд,
Каждый воду в кумыс нальёт,
Чтобы смыть обещаний сласть,
Слов сиропных твоих напасть!
И пока ты в Коконе – власть,
Постарайся-ка не пропасть!»
Был Сынчы несказанно рад,
Он вспотел, распахнул халат,
Сел и сделал скорей *бата*[434] –
Так он делал почти всегда,
Закрепляя восторга пыл,
Если сделкой доволен был.
Встал, к народу помчался он
С громким возгласом: «Наш Кокон,
Слава богу, теперь спасён!
Согласился на дань батыр!»
Люд был рад как победе: «*Пир!*»[435] –
Называли они Сынчы,
В ножны спрятали все мечи,
Словно с праздника, шли домой:
Каждый житель со всей семьёй,
Каждый духом воспрял сейчас,
Каждый вслух говорил: «Манас –
Пусть живёт богатырь сто лет!»
И хвалили Сынчы: «От бед
Спас глава наш Кокон, простить
Смог врагов он уговорить
За грабёж, за разбой, набег, –
Вот какой он, наш мудрый *бек*!
Хорошо, что поехал он
Как посол между двух сторон!»

Речи мирно текли теперь,
Словно реки, минуя мель,
Были в ужасе все досель,
Что вину не простит им зверь –
Ведь батыра не зря зовёт
Кабыланом и львом народ;
В небо глядя, и стар и млад,
Все молились – и так же рад
Каждый был, уходя назад
В город, в дом свой родимый, сад.
Кто-то плакал, а кто скорей
Загоняя домой детей,
Торопился свой двор подместь,
Сынчыбека запомнив весть,
Что сегодня придёт Манас,
Город радовать должен глаз.
Ждал с надеждой на мир Кокон.

[434] Бата – молитвенное напутствие, благословение.
[435] Пир – духовный наставник, патрон (духовный), глава дервишского ордена или части его; используется при обращении к богу.

И дождался, и замер он:
Дос Чубак, великан Бакай,
Шер Манас, о котором край,
Замирая, рассказы вёл,
Сотворив ему ореол,
И Кыргыл, и его отряд –
Сорок крепких джигитов в ряд,
Приближались, и стук копыт
Был в ритмичном узоре слит.
Горожане шептались: «Блеск!
Благоволит к ним ширь небес;
Шестьдесят ведь родов! Замес –
Все *алаши*, богатый срез:
Орозду сыновей-то мест –
Весь десяток, – *калмак* лишил,
Только все они больше сил –
С братом брат, – обретают вновь,
Те места, где впервые кровь
Из пупка пролилась у них...
Мир превратен, нестоек, лих!
Ведь когда-то бежали все.
А сегодня во всей красе!
Вон Манас – он красив и смел,
Он прославить себя успел:
Он на *тёре* бока не грел,
А в сраженьях крутых взрослел,
Чтоб возвысить над всеми род.
Посмотри на *олпок*, народ!
На коней, на старейшин стать,
А *чоро*! – хоть юнцы, но глядь.
А какие богатыри! –
На доспехах огонь зари,
Мощь снаружи и мощь внутри –
Только взглянет – горьмя гори!
Вон Бакай – он седобород,
И о нём говорит народ,
Что он ловок и мудр, как бог,
Скольким в жизни помочь он смог!
Рядом с ним батыр Ажыбай –
Правдолюбец и краснобай,
Его славы щедр урожай:
Перехлёстывает через край
И за ним по дорогам мчит;
Впрочем, к месту и он молчит.
Ну, а сорок *чоро* – краса:
Молодые стоят леса
Так же ровно – чтоб ствол к стволу,
Щит надёжный любому злу.
Управляющий их – Каргыл –
Приложил, видно, много сил,
Чтоб храбры были и сильны,
И, как прежде, блюли они
Все обычаи старины:
Перед смертью мы лишь равны,
А по жизни ведь не вольны
Соразмерно величины
В общем деле быть поперёк,
Каждый миг на войне – урок,
И *чоро* это знают, вид
Весь об этом их говорит;
А как любят они играть!
Остановятся лишь – опять
Слышен тут же напев и смех.
Любит, видно, таких успех!
Говорят, что за те три дня,
Что стояли они, дразня
Своей мощью весь наш Кокон,
Каждый день у них, как закон,
Жеребёнок-двухлеток был
На обед, молоко кобыл,
Ну, а старшим ещё – *курдюк*
Подносился из добрых рук,
Да от чёрных баранов лишь,
Не от белых, от чёрных! – слышь?
Вместо чая им лили мёд.
Богатырский такой народ!»

А тем временем, всё, что смог
Из богатств собрать городок,
Соблюдая данный зарок,
Всё на площадь люд приволок;
Да весь угнанный скот, коней –
Всё пригнали, и тем сльней
Видно стало: большой урон
Был кыргызами понесён.
По таврам разобрали, впредь
Чтоб никто бы не смог спереть,
Записали всех и печать
Закрепила тот список, – чать,
Побоится отныне тать

На бумагу руку поднять!
Сынчыбек на коленях выл,
Что, мол, слов своих не забыл
И готов даже смерть принять,
Лишь бы городу благодать
С покаянья его была;
Мол, вовек не затею зла,
Буду другом кыргызам я,
Коль оставят живым меня.
И тогда Ажыбай от всех
Так сказал ему: «Что же, грех
Попытался исправить ты,
Возмещая ущерб беды:
Закрома все раскрыл, сады,
Злато, белое серебро
И другое отдал добро,
Весь награбленный скот, коней,
И верблюдов... Мы трое дней
Наблюдали, как твой народ
Всё, что ты им велел, несёт,
Отдавая не только скот,
Что угнали, а весь доход,
Заработанный за всю жизнь.
Знаешь, *бек,* ты за власть держись,
Раз в почёте и в силе ты,
Значит, ты от любой беды
Сможешь Кокон сберечь и впредь.
Будем мы за тобой смотреть,
Чтоб кыргызов, живущих здесь,
Не касалась ни злость, ни месть;
Аргамаки, верблюды, ткань,
Утварь всякая – что там, глянь, –
Ты раздай-ка назад: не след
Нам навариваться от бед;
Ведь отныне ты – наш сосед,
Жить нам в мире немало лет.
Поздравляем тебя: главой
Стал Кокона ты; город – твой!
Для народа свой пыл удвой,
Процветает пусть он – живой.
А чтоб больше ты в дурь не влип,
Банускан твой и Карилип
Будет нами наказан так,
Что вовек не поднимут флаг:
Сам Манас ведь на них идёт,
Наступил их последний год!»
Но не будем мы наперёд
Забегать – и пускай пойдёт
Речь об этом в другой главе,
Хоть по той же, что есть, канве.
Но, учтём, по одной траве
Не пройдёшь: каждый раз – внове.

СМЕРТЬ БАНУСКАНА. БЕГСТВО КАРИЛИПА ЗАНЯТИЕ СЫНЧЫБЕКОМ ТАШКЕНСКОГО ТРОНА

Э... э... э... эй!
Конным строем *сарбазы*[436] шли,
То коней в поводу вели,
То скакали верхом – в пыли
Где промчались, где пробрели;
Где с прискоком, где чуть дыша,
Все – как будто она душа:
Молодые, совсем юнцы,
Сребровласые мудрецы,
Все по духу – как близнецы:
Сыновья среди них, отцы,
Рода будущего творцы,
Краснобаи и гордецы.
Гордо дышит любая грудь,
Если правильно выбран путь.
Скачут, скачут уж сколько дней.
Повернули опять коней,
С картой сверившись только чуть;
В жизни главное – выбрать путь.
Сильно радовались они –
Дни дорогою их полны,
Все здоровы и все сильны,
Всё на свете свершить вольны,
Лишь бы цели не меркла суть,
С целью – правильный в жизни путь.
В ногу стремя вложив, они
Из Кокона без болтовни
Вышли. Утренних звёзд огни
Улыбались им с вышины;
Вдоль хребта каменистых гор
Шли – то яма, а то бугор,
По безлюдной земле зато
Шли, чтоб их не видал никто,
Не встревожить чтоб никого;
Шли к Ташкену, но не в него:
В стороне от столичных дел

[436] Сарбаз – воин-кавалерист.

По пути в Самаркан шумел
Буйный лес, что зверьём кишел,
В нём стоял городок Бозбел.
Может, слышали, может, нет:
В тех местах уже сотни лет
Добывает народ руду;
Есть местечко там – Кырчындуу,
До того благодатный край! –
Говорят, мол, фруктовый рай:
Зреют яблоки – каждый плод
Весит фунтов, поди, пятьсот –
Как барана башка, ей-ей;
Всё там как для богатырей:
Травы горные – в рост людей,
А леса-то! – полно зверей
В тех лесах: есть и тигр, *шер*,
Там медведи во тьме пещер,
Львы живут, и волков – не счесть,
И копытных немало есть;
Человека там могут съесть,
Коли вздумает ночью лезть
В гущу леса, и даже днём
Там бродить – как играть с огнём:
Там под ветром поёт листва
Как струна или тетива,
Шелестит и шуршит трава,
Кочки ухают как сова,
Там как дёготь вода черна,
А по запаху лишь весна
Вечно царствует в тех лесах;
Зверь без леса давно б исчах,
В лес с равнины повыгнал страх
Лис, косуль, русаков-бродяг,
Даже страус-танцор, и тот,
На полянках лесных живёт,
Кабаны – те лесной народ,
Вот *куланы*[437] – наоборот,
Но забрались в лесную сень;
Вдоль болота живёт олень,
На озёрах и островках
Гуси, утки... А на ветвях –
Птичье царство, во тьме ночей
Несмолкаемый соловей,
Выворачивая нутро,
Сыпет звонкое серебро;
Там, к озёрам склонясь листвой,
Ветви шепчутся меж собой,
Словно девы, в их зелень кос
Вновь вплетает *зейнеп*[438] вопрос –
Где, мол, дети мои, ку-ку? –
Лишь нагонит на лес тоску,
Глядь – милуется на лугу
С пёстрым парнем своим – «Куку!»,
И милуется на виду.
Так стояла Кырчындуу.

От земли поднимался пар –
Небесам отдавала дар
От росистой травы земля;
Пахла пряная конопля,
Одурманивая поля,
Сплошь седые от ковыля.
Встали лагерем на два дня.
Каждый воин пустил коня
Попастись, отдохнуть, попить,
Самому хоть чуть-чуть вкусить
Благодати окрестных мест –
Просто райский ведь здесь замес.
Отдохнули. Батыр Манас
Отдал вскоре уже приказ:
Торопиться на перевал.
Как разведчик давно узнал,
Там охранник всегда стоял,
Вот поэтому перевал
Опасения вызывал.
Той тропой, где разведка шла,
Пробирались: скала, скала,
Между ними – проход как щель;
Как в реке перешейком – мель,
Так в отроге тот перевал,
Узкий путь, он для войска мал,
На глубокий похож канал,
Для охраны же – идеал!
Всё же первый прошёл отряд.
Зоркий страж, что от скуки рад
Был считать облака, ворон,

[437] Кулан – дикий осел, онагр.
[438] Зейнеп – кукушка.

На передних нарвался он:
Ырчуула увидев, смог
Изо всех своих бедных ног
В бег пуститься – был без коня, –
Да грозить, чужаков кляня,
Им приказывая: «Стоять!
Кто приблизится, вашу мать,
Застрелю, загрызу, убью!»
Ырчуул был силён в бою,
А в таких перепалках слаб,
Но сказал: «Одинок ты, раб,
От себя убежишь куда?
Как грязна твоих слов вода!
Коль приближусь я, то беда
Будет лишь для тебя, балда!» –
И нахмурился так, что вид
За себя говорил: бандит.
Задрожал этот страж, а те –
Шесть ли, семь, – что в камнях ли, где,
Видно, спали до шума, – вверх
Вдруг полезли, завидев всех,
Что текли по тропе как сель,
Перекрыв перевала щель.
Но куда уползёшь? – скала,
А тропа без того мала,
Да заполнена войском вся...
Стража бедная, голося,
Ырчуулу сдалась – нельзя
Ждать от пешек настрой ферзя.
Привели их. Потупив взор,
В смирной позе стоял дозор,
Не допрос даже – разговор
Не пошёл: доконал измор.

И сказал Ажыбай тогда:
«Кровь невинная – не вода,
Что ж, служивые, без вреда
Отпускаем, но вам в уста
Мы хотели б вложить донос,
Чтобы каждый из вас донёс
Весть – чтоб хан Карилип и гость,
Банускан, вот уж в горле кость! –
Услыхали от вас: идёт
Сам Манас, и пускай народ
Эту весть везде разнесёт
Про начавшийся наш поход
Против лжи и поборов всех,
Против кровососущих – тех,
Кто стяжал себе свой успех,
Вовлекая народ свой в грех:
Унижая кыргызов, скот
Угоняя из их ворот,
Дочерей забирая, жён
В плен и в рабство, в свои *олжо*!
Вы униженным вами всем
Сообщите: пора с колен
Вам вставать: *кабылан* Манас
К вам идёт, чтобы мстить за вас!
Здесь, в Бозбеле, мы десять дней
Будет ждать; ну а вы скорей
К мирным людям своим спеша,
Расскажите: мол, чья душа
Не причастна к разбоям, что ж,
Пусть умерят в коленях дрожь,
Разберёмся: где правда, ложь,
Что ведь ищешь – всегда найдёшь!
Коль не будет вас десять дней,
То уж ваших всех лошадей
Будем брать мы, входя в Ташкен,
Не оставив вам даже стен! –
Разобьём всё и в пух, и в прах,
За душой вам оставив страх,
Чтоб ваш род в нищете зачах,
Коль возрос на чужих костях.
Там, в Аранике, нынче всяк
Сник навеки веков *калмак*:
Подучил его хан Банус
Оторвать у кыргызов кус:
Скот, хозяйство, любимых жён,
Брали даже детей в *олжо*!
Получили своё сполна,
Банускан же сбежал; вина
Вся легла на его людей!
Он в Ташкене теперь, злодей,
По всё той же канве идей
Надоумил всю знать властей
Скот, имущество, всё что есть
Отобрать у кыргызов – честь,
Радость, счастье семьи, любовь.
Отмывается кровью кровь.

Если ваш Карилип умён,
Пусть пример с Сынчыбека он
Взяв, всей массою на поклон
Сам приходит сюда, на склон;
Пусть к Манасу *кол куушуруп*[439]
Подойдёт он с одной из групп,
С извиненьем, с улыбкой губ,
Пусть наточенный спрячет зуб,
Обещая кыргызов впредь
Даже в мыслях не слать на смерть,
Всё награбленное – вернуть,
Жёнам, детям облегчить путь
Возвращенья к себе, домой,
Да и дом чтоб стоял живой.
Но уж если он будет лгать,
Скот иль деньги не станем брать,
Постараемся вашу власть
Мы убрать как гнилую снасть;
Наш батыр *кабылан* Манас
Карилипа, Бануса, вас,
Никогда не простит за ложь!
Что посеешь – то и пожнёшь.
Что стоите? – стрелой вперёд!
Великанов своих народ
Пусть скорей известит: идёт
Сам Манас разрушать их род;
Банускан, Карилип – цари,
До тех пор, пока им «умри»
Не прикажут богатыри…»
Ажыбая дослушав речь,
Постарались быстрей утечь
Стражи, радуясь: в ходе встреч
Голова не слетела с плеч.

Время близилось уж к зиме.
Было холодно на холме.
Но олений кострец[440], в костре
Испечённый, в любой поре
Грел желудок и души грел;
И, *кийиков* ведя отстрел,
Каждый воин, охотясь, знал:
Тренировочный сей запал
Их накормит, согреет в ночь,
Потому был любой непрочь
Пострелять среди диких скал,
Где – то горный баран скакал,
То хозяин высот ильбирс;
Чтобы званье своё – кыргыз –
Поддержать, все *аскеры* вдруг
С криком бросив *кийика* в круг,
Мчат за дичью, начав игру –
Вечно юную *кёкбёру*, –
Смех и шутки как на пиру...
Есть что лучше прогнать хандру?
Так назначенный минул срок –
Десять раз отпылал восток.
Те же стражники, что к царю
Поскакали в одну зарю –
Ту, с которой пошёл отсчёт,
По дороге взвинтив народ,
Да и слухи потешив всласть,
Известили уже и власть –
Словно к зверю залезли в пасть
С мыслью: снова бы не пропасть...
Обошлось или нет – о том
Сказ умалчивает, зато
Во дворец, словно в змей гнездо,
Заглянул: во дворце никто
Спать не мог уж который день:
Карилип и, конечно, тень
Карилипа – Банус, – собрав
Всех начальников, глав управ,
Городов и краёв на круг:
Из мыслительных их потуг
План какой-то придумать – вдруг
И помиримся? – всех испуг
Вмиг заставил забыть грабёж,
Что свершили они – мол, что ж,
Всё бывает на свете. Ложь
В души въелась давно, как вошь.
Но – Манас! «Он за свой народ
В жажде мести всех нас убьёт,
Как в Аранике будет – вот,
Что Ташкен с ним без мира ждёт!
Мы попали в беду, и пусть
Кто виновен – теперь не трусь,

[439] Куушур – с почтительным поклоном скрестить руки на груди.
[440] Кострец – жая; часть мясной туши, чаще конской, – считается лакомым куском.

А с поклоном иди и с мздой,
Может быть, нас простит герой!»
Карилип не согласен был.
Скука в нём разбудила пыл
И азарт воевать – про тыл,
Он и думать в тот миг забыл.
Начал армию он сбирать,
А, построив рядами рать,
В барабаны сказал стучать,
Добровольцев сзывать, сбирать;
На верблюдов и *наров* он,
Пули, порох навьючив, *тон*[441]
Выдал каждому из бойцов
Против пуль – ведь, в конце концов,
Как сказал один из гонцов,
Вражье войско сплошь из юнцов,
Да, пожалуй, двух-трёх отцов;
Даже если из молодцов,
Всё равно – можно массой их
Задавить, наподдать поддых, –
О победах взгрустнув былых,
Хан в мечтах был, как прежде, лих.
Провиант загрузил, котлы,
Кашеварам за те узлы
Приказал отвечать башкой,
И отправил всё войско в бой,
Вслух беседуя сам с собой:
«Я кыргызам устрою *той*!»,
Своё пегое знамя ввысь
Поднимая, – вот так бы рысь
Шла на тигра, шипя и злясь,
Лишь по ярости не боясь
Глупой мордой ударить в грязь.
Впрочем, с рысью – внатяжку связь.
На окраину вышли. В ряд –
Карилип и Банус, и взгляд
У обоих: мол, мы сейчас
Всем покажем, как слаб Манас!
У того и другого мысль
Не мелькает в уме – что смысл
Этой схватки весьма двояк:
Справедливости реет флаг
С полумесяцем золотым
У Манаса; у них – как дым,
Что вина породила, ложь.
Что положишь – то и возьмёшь.
Им о вечности думать бы,
Не надеясь на куш судьбы,
А не морщить в подсчётах лбы
О трофеях в конце борьбы.

Ну, а в ставке Манаса ход
Был замечен на шаг вперёд:
Карилип и Банус народ
В грош не ставили, и в поход,
Снарядив как попало люд –
Знали в ставке, – увы, попрут.
Сивогривый свой яркий флаг
Древком в землю воткнул, чтоб враг,
Ослеплённый своей алчбой,
Видел место, где будет бой,
Где поспорить *калмак* с судьбой
Сам затеял, хоть за собой
Знал он свой непрощённый грех,
Но... надеялся на успех:
Спесь вот так и подводит всех,
И умелых, и неумех.
Рядом с флагом, поодаль чуть,
Ряд палаток, где отдохнуть
Мог израненный богатырь,
Мигом выставили, – пустырь
На глазах превратился в стан,
Ладный, ровный – как песнь-*дастан*,
Среди хаоса серых скал.
Карилип в это время встал
Пёстрым войском своим вдали,
Где подмёрзшие ковыли
Стали воинам и ковром,
И палаткою, и шатром.

От *калмаков* один батыр
Вышел первым: *балбал* Темир:
В Бадакшане, в Ташкене он
Слыл изрядным озорником,
Хоть и знатен был, и богат,
И один за другим подряд
Он выигрывал все бои:
Стопудовые бугаи

[441] Тон – овечий тулуп.

От его кулака навек
Уходили, беря разбег
Кто в обещанный рай, кто в ад, –
Безвозвратно, как говорят.
Разомлев от похвал людских,
Он поверил, что крут и лих,
И не ставил ни в грош других;
Говорил он: «За раз поддых
Дам Манасу я, сорванцу,
Если встречусь лицом к лицу!»
Карилипу, Банусу – мёд
Был в словах его, словно в рот
Бог вложил ему много сот,
Обновляя их каждый год...
В общем, вышел батыр на бой.
Актуяк – его конь гнедой,
Выдувал из ноздрей огонь:
Злобны были седок и конь.
Конь, колючку схватив с ладонь,
Захрустел её, – мол, не тронь:
Вон какие, мол, есть клыки!
Сам Темир же лишь вполруки
Щит удерживая, вперёд
Пёр, как буйвол, свой грозный ход
Уснащая рычаньем так,
Что не всякий бы с ним смельчак
В бой ввязался, не будь нужды:
Чёрный лик его – лик беды –
Лил на встречных туман с дождём,
Словно молвил: мы все уйдём;
Впрочем, сам же Темир не мог
Допустить, что настанет срок
Уходить и ему навек –
Демон словно, не человек.
Из манасовских всех *чоро*
Был один богатырь – добро
В нём жило, как души ядро,
Парень – золото-серебро,
Звали парня того – Затай;
В бой послал его сам Бакай:
Слышал как-то он: тот коню
Говорил, – мол, сто раз на дню
Остальных направляют в бой,
Не пускают лишь нас с тобой.
Конь Саргыл лишь вздыхал в ответ –
Мол, узнаем ли вкус побед?!
Вспомнил это Бакай, иль нет,
Это, в общем, его секрет,
Но как царь приказал: «Вперёд
На Саргыле Затай пойдёт!»
Для Затая души как мёд
Стал приказ долгожданный тот,
Словно в небе взошла луна
И как будто бы не одна!
Тут же, уши прижав, Саргыл
Вскачь пустился, и жар, и пыл
С седоком охватил их вмиг;
Пику – *волчий стальной язык*[442] –
Напружинил Затай в руке
И на первом своём витке,
Словно тигр повернувшись, так
Эту пику вонзил в *курсак*[443],
Прямо в печень Темиру, что
Тот не понял сперва. Зато
Это видел таджик Тотой,
Он немедля вмешался в бой,
На Затая напав с копьём,
Повалил, но Затай живьём
Вновь вскочил – он героем был,
Не утратив нисколько пыл,
На Тотоя напал теперь,
И таджик, что рычал как зверь,
И пытался вонзить копьё,
Скоро сам, как с ветвей гнильё,
Повалился, и бытиё
На земле закончил своё:
В бок вонзился «волчий язык»,
Сквозь овечий *тон* он проник
Прямо к сердцу; упал таджик,
Конь таджика отпрянул вмиг:
Разъярённый вконец Саргыл
Обеспечил Затаю тыл –
Заслонил от зубов, копыт
Аргамака, чей *ээ*[444] убит.

[442] Бөрү тил – узкая заострённая полоска в форме волчьего языка.
[443] Курсак – брюхо, утроба, чрево.
[444] Ээ – 1. хозяин; 2. бог; 3. дух-покровитель.

В те мгновения на майдан
Из *калмаков* другой *балбан*
Чёртом выскочил – Таталан,
Но разбит был он вдрабадан
Не успевшим остыть *чоро*:
Да, Затай был ещё здоров
Драться, хоть был изранен весь,
Ведь с троих уже сбил он спесь,
Уж четвёртый тяжеловес
Торопился, как злая весть.
Это был Кетиркей – о нём
Говорили, мол, взят внаём
Из *калча*, но зловреден так,
Как взошедший на трон батрак;
Кровопийца – *калмакам* он
Фору даст, и ещё вдогон
Сверху может навешать плюх.
Впрочем, это, конечно, слух,
И какой он головорез
Бой решит... Он наперерез
Мчал к Затаю, вопя: «Банус!»
Нет, не так: «Бануска-а-ан!» – на вкус
Словно пробуя сладкий кус,
Что швырнёт ему властный трус!
Конь Затая успел вильнуть,
Смог спасти седоку он грудь –
В ягодицы копьё вошло;
Опустело в момент седло –
Пал от боли Затай с седла,
Пика так глубоко вошла,
Что подняться не мог герой.
Вмиг Атай из *алжанов* в бой
Так рванул – только хвост трубой!
Он Затая закрыл собой,
Отделив от врага, чтоб тот
Не добил бы Затая влёт;
Но под пику он сам попал:
Кетиркей хотел наповал
Молодого *чоро* добить,
Но Атая сумел сшибить,
И теперь уж двоих решил,
Пока нет у обоих сил,
Добивать: мол, второй – в досыл,
Хоть о нём, мол, и не просил.
Но, когда лишь упал Атай,
Не успел приказать Бакай –
На защиту двоих вперёд
Вмиг помчался Уйшун Умёт,
Но, увы, – увеличил счёт,
Хоть и сбил Кетиркею ход.
Нет, свинья Кетиркей не прост:
Смог Умёт отрубить лишь хвост
Скакуну силача, но тот,
Сделав выпад *чокмором*, в ход
Снова пику пустил, – Умёт
Был внезапно поранен влёт,
Лишь успел оттолкнуть врага,
Но на пику, как на рога,
Натолкнулся, упал. Пока
Кетиркей поправлял бока,
Доскакал до него Жайсан,
Но и он угодил в капкан –
Снова выпад обманный, и...
Вновь *калча*[445] победил! Бои
Завершились для четверых –
Покалеченных, но живых, –
Поражением напоказ;
Пятый к ним прискакал тотчас –
Из *аргынов* Каракожо,
Конь был сед, как его *кожо*[446],
Всадник яростью был зажжён,
Но ни пикою, ни ножом,
Что пытался метнуть, достать
Кетиркея не смог он: тать,
Как и тех четверых, за раз
Смог свалить, хоть и сил запас
Иссякал, но запал не гас:
Его опыт огромный спас.
Пять героев свалил *калча*!
Не герои уже... Ничья
Засчиталась бы им, а так
Явно выиграл только враг:
И одежда в крови, и флаг,
Сами движутся кое-как.

[445] Калча – 1. (о горбоносом человеке) грозный на вид; 2. горный таджик (*гл. обр.*: каратегинец); 3. (в эпосе) телохранитель; страж при казне; 4. раб.

[446] Кожо – *здесь*: хозяин; также употребляется в смысле – старец, ходжа.

Кетиркей же светился весь,
В нём сильнее играла спесь,
Ведь его обошла беда.
Вышел биться с ним Абдылда:
Черноус и высок был он,
На коне своём Дёнкюрён
Рядом с толстым большим *калча*
Он смотрелся как каланча.
Кетиркей его сгоряча
Мигом думал сразить сплеча,
Великаном признав себя
Рядом с тем, кого вдруг судьба
Словно в шутку послала в бой –
Сопоставив змею с горой.
Приближаясь, *калча* орал
Всё, что гнусного в жизни знал,
Думал мигом смутить юнца,
А копьём добить до конца.
Только хватка нехороша
У того, кто сразить спеша
Силы тратит на брань – душа
Отвлекается ведь, греша.
Пику он протянул едва,
Словно тонкая тетива
Разлетелась она – топор
Абдылдая сумел в упор
Эту пику перерубить;
Кетиркей продолжал вопить,
Когда тот же большой топор,
Разрубив головной убор,
Кетиркею разнёс мозги.
Не увидел *калча* ни зги –
Как с коня он упал, как сдох.
Абдылда же – свидетель бог, –
Не успел с топора смахнуть
Кровь врага, как пустились в путь
Сразу десять врагов – вздохнуть
Абдылде и не дали: в грудь
Десять пик полетели враз.
Зря в *чоро* его брал Манас? –
Абдылда был силён и смел:
Десять всех он сразить сумел,
Хоть пришлось с десяти сторон
Отбиваться, а Дёнкюрён
Стал вьюном иль змеёю – он
Был быстрее, чем копий звон!
Битва длилась почти всю ночь,
Лишь под утро пустился прочь
Не слезавший с коня *чоро*,
Над губой горит серебро:
Там где вороново крыло –
Чёрный ус пламенел тепло, –
Снег просыпало густо зло.
Но ведь выжить-то повезло!
Потому он под вечер вновь,
Оттерев от оружья кровь,
Вышел снова – готовый в бой,
Чтоб других заслонить собой.
Весь народ по местам стоял,
Самым сильным и ловким дал
Впереди встать вокруг рядов;
Каждый в общем-то был готов
Биться, пусть умереть в бою,
Лишь бы честь отстоять свою.
Жизнь со смертью как на краю
Ждали: пасть куда бытию.
Вечерело. Но клан врагов,
Не выстраивая рядов,
Всё стоял в тишине, без слов:
В сером все, словно стая сов,
Ждали ночи? И день был сер,
Словно ночи на спину сел;
Дождь не лил – моросил, висел,
Словно выплакаться хотел.

Ждали долго. Не все могли
Так стоять. От сырой земли
Словно холод могильный шёл
И, липучей варёных смол,
Грязь мешала движеньям. Вдруг
Разомкнулся *калмаков* круг
И четыре гонца на луг
Вышли важно, – какой-то трюк?
Карилип и Банус никак
Шлют послов, опуская флаг?
Плохо знавший устав Сыргак
К *олуя* поспешил: впросак
Не попали кыргызы, – весть
Принимали по чести честь,
Ведь Бакай-*олуя* учесть

Всё заставил: как встать, как сесть.
Он сказал: «Выходите встречь!
В духе самых высоких встреч –
С уваженьем, – заставьте слезть
Их с коней, и ни в брань, ни в лесть
Постарайтесь притом не влезть;
Предложите гонцам поесть,
Да с почётом оденьте – так,
Чтоб как хан выступал бедняк,
А потом уж ведите к нам:
Сивогривый, мол, примет сам;
Справедливости нашей вслед
Пусть посланник любой в ответ
Без утайки расскажет всё:
Ввысь вдруг поднятый – *келесоо*[447]!»
На лету всё схватил Сыргак
И гонцов ублажил он так,
Что до ханского шли шатра
Как послушная детвора;
Им в мозги напустили дым,
Втолковав по дороге им,
Про обычаи все царя,
Великана-богатыря:
«Языком не мелите зря,
Лишь по правде всё говоря»;
А вещей драгоценных груз
Им прибавил высоких чувств.
А в шатре уж взялись читать
То письмо, что прислал им тать:
«Мы напали на вас, увы;
Не послушались злой молвы,
Наша армия к вам пришла,
Но плачевны теперь дела:
Вся удача от нас ушла,
Тают наши войска, и мгла
Забирает людей навек;
Льют дожди, налетает снег.
Дай полгода нам сроку! – мы
Не умеем в разгар зимы
Воевать, а не то холмы
Все устелим телами мы;
Старики, молодые здесь
Не выдерживают, и есть
Желторотые сорванцы, –
Пощади их! – совсем юнцы;
Есть больные уж среди них,
Снег и морось нас бьют поддых,
Дай без горя до лета жить,
Чтоб народ весь не загубить!
Чтоб за мир отблагодарить,
Все шесть месяцев вас кормить
Будем – дней в них почти пятьсот,
Но готов всё равно народ
Ублажать и кормить врага,
Пока с гор не сойдут снега!
Перемирия! – просим вас,
Сивогривый батыр Манас!»
Прочитали письмо когда,
Сердце дрогнуло, как всегда,
У Манаса – его душа
Велика была, хороша;
Он велел написать ответ:
«Вы – источники ваших бед.
Но нам жаль стариков, юнцов,
Желторотых совсем птенцов;
Да, погибнут они, ты прав.
Вы с Банусом, права поправ
Наших братьев и всех других,
Вы задумайтесь хоть на миг,
Чем вас вспомнят потомки тех,
Кого вы и ввели во грех –
Если будут потомки, да.
Для простых бы людей вреда
Не хотел я принесть: беда –
Бессердечная если власть,
Жизнь невинных негоже красть.
Если слово твоё не ложь,
И крепко оно будет, – что ж,
На полгода дадим покой,
Передвинемся в Чон токой;
Мы Бозбел через день-другой
Перейдём, чтоб с большой луной
Через скалы идти, – твой люд
Пусть поверит: ему не врут,
Пусть живут как хотят они;
Да, – и на перемирья дни
Пусть откроют базар для нас:
Не едим мы чужой запас,

[447] Келесоо – глупец, дурак.

Задарма нам не нужен скот,
И не мучай ты свой народ,
Чтоб утягивал он живот,
Я-то знаю, как он живёт.
И не надо дешевизны́,
Деньги всем беднякам нужны!
Пусть торгуют. А снег сойдёт –
То начнётся другой отсчёт:
Срок назначен. И кто солжёт –
Опоздает, иль не придёт, –
Побеждённым себя считать
Должен он. Я приду опять.
Буду здесь твой народ встречать!»
И поставил в конце печать.

Проводили послов – и в путь.
Ветер снегом швырялся в грудь,
Мир вокруг был искрист и бел.
Перешли перевал Бозбел.
Все считали, что путь в Кокон
Их ведёт, и со всех сторон
Смаковали: согреет дом,
Не палатка, что крыта льдом,
И не жёсткая дичь с углём
Всех насытит – мол, лишь придём.
Но Манас, что решал за всех,
Не хотел отпугнуть успех
Даже малою ложью, – он
Приказал: «Нам не в Чон Кокон
Нынче надо идти, увы,
На глазах у людской молвы
Мы сказали, что в лес идём;
Стыдно будет, коль мы солжём.
Раз уж слово сорвалось с уст –
Жизнь в лесу предстоит нам пусть».
Сделав то, что велел им лев,
Чтоб его не ввести во гнев,
Встали станом среди дерев,
Зиму прожили, потерпев.
Всё проходит, и вот зима
Собралась уходить сама:
Снег стал влажным, и толстый наст
Под ногами захлюпал враз,
Но всё падал, и был горазд
С лап еловых обрушить пласт,
Да такой – что под ним не стой;
Месяц третий прошёл. Весной
Так запахло! Зелёный пух
На ветвях трепетал, и слух
Поражали шаги: стоял
Шум такой, словно кто-то мял
Мокрый войлок и бил вальком.
Зеленела земля тайком,
Под сугробами пряча ком –
Вспухший, словно покрытый мхом.
С Сивогривым и Чубаком
*Ал*п Бакай говорил о том,
Как совсем без насущных дел
Истомились бойцы: «Предел
Очень близок: герой хоть смел,
Но за зиму устать успел
От безделья: без дела дух,
Как бы вовсе бы не потух.
Потеплело, пришла весна.
Время – сеять поля без сна,
Так давайте героев мы,
Залежавшихся в дни зимы,
В труд впряжём: и в лесу ведь, здесь,
Много славных полянок есть,
Пусть распашут, засеют. Честь –
То, что вырастил сам, поесть,
И помянут добром всегда,
Кто потом попадёт сюда.
Есть сельчане же среди нас,
Кто не только баранов пас,
Но и сеять и жать умел:
Пусть припомнит секреты дел –
Есть, наверно, такой ведун, –
Клинья вбить, чтобы *буурусун*[448]
В землю взрызся как острый нож;
Из коней мы составим *кош*[449],
А из веток сухих – *мала́*[450];
Чтоб вода на поля текла
Пусть проложат арык *чоро*:

[448] Буурусун – буурсун – соха.

[449] Кош – соха или плуг вместе с упряжкой и животными (их обычно было два); часто использовали волов.

[450] Мала́ – пук колючек или хвороста, употреблявшихся в качестве бороны.

Красит душу не лень, добро».

Так и сделали. Только лёд
Стаял, землю вспахал народ:
Поначалу спасал омёт,
Так вода затрудняла ход,
Но лишь воды ушли с земли,
Семена в чернозём легли.
И за каждой делянкой там,
Куда целый мешок семян
Был посеян, был закреплён
Как хозяин какой-то дом.
За уход заплатили так,
Что был счастлив вдвойне бедняк:
Надо ж – золото-серебро
И впридачу зерно, добро.
Все посевы взошли, дружней
Не припомнит знаток полей,
И росли они всё полней.
Но в один из погожих дней
В путь *чоро* засбирались: так
Сивогривый велел вожак:
«Минул срок, поднимайте флаг!
Урожай соберёт бедняк».
Миновали Бозбел, коней
Притомили за много дней,
Направляясь опять в Ташкен.
Ожидаючи перемен,
Бедняки, что поля как дар
Получили, да плюс базар,
Что всю зиму давал доход,
Опечалились вслед: поход,
Что кыргызов увёл на бой,
Мог сгубить их. Наперебой
Костерили своих царей:
Мол, приедут в один из дней
Карилип и беглец Банус,
Как увидят столь жирный кус –
Отберут! Лишь смутив, искус
Распечатает много уст.
Беззаботнейший Букара
Удивился, когда с утра
Все дехкане собрали круг:
Что затеяли, право, вдруг?
А затеяли пир ...словес:
Всех лишений былых замес
Сделал выпечку всех речей
И острее, и горячей;
Злились сильно, но как-то враз
Загалдели: «А вот Манас!»
Продолжая словесный *той*,
Изрекали: «Манас – герой!
А кыргызы – народ-добряк:
Среди них не бывает скряг,
Щедро платят, без споров – так,
Словно каждый тебе земляк;
В то же время – скажи, кто вник:
Каждый, словно в горах рудник,
И глубок, и богат душой;
А ещё и шутник большой;
За всю зиму в Бозбеле дань
С нас не брал, что *«козленок дрянь»*[451]
Не сказал никому, заметь!
Из Кокона, что сам под плеть
Лечь хотел, скот не взял он ведь,
Хоть бесплатно тот шёл в повéть, –
В степь обратно его он гнал,
Для еды же он покупал
То, что мы на базар вели.
Жаль, что месяцы быстро шли! –
За полгода любой из нас
Сделал денежный свой запас
Лишь на том, что нам всем за скот
Вдвое больше платил народ, –
Вот какой он, кыргызский люд!
А в работе он, право, лют:
Распахал, засадил поля,
Урожай нам собрать веля,
И ещё приплатил, деля –
Чтоб ухаживали, – поля,
Злато выдал всем опосля.
А как любит его земля!
Как растёт, посмотрите, злак!
Это мудрости доброй знак», –

[451] Чычкак улак – фразеологизм – ничего хорошего нет; чычкак улагы жок – нет даже дрянненького козленка.

Так хвалили, гудели все,
Что, пожалуй, на *Ыр кесе*[452]
Не услышишь подобных од!
О плохом не сумел народ
Что-то вспомнить. Круговорот
Разговоров вернулся в тот,
Начинался которым сход:
«Карилип и Банус-урод
Грабят нас уж который год;
Карилип наш из Насары –
Мастер только одной игры:
Выжать досуха всех как тлен.
С той поры, как он взял Ташкен,
Всё разрушив для перемен,
Ничего он не дал взамен:
Каждый день взимает дань,
И к нему ещё эта дрянь
Присосалась – Банус, и вот
Во второй уж теперь живот,
Как и в первый, кладём свой скот,
Время жизни, труды и пот.
День-деньской слышим мы: «Отдай!»
Кто одобрит такой раздрай?
Мы собрали наш *курултай*,
Чтоб спасти и себя, и край:
Втайне надо придумать нам,
Как мы можем помочь делам
Наших братьев-кыргызов? Там,
Где заждался бойцов майдан,
Два ли, три будут дня они
Выяснять, сколь враги сильны.
Если ныне мы выйдем в путь,
То уж с богом да как-нибудь
До Манаса дойдём. Но нам
Осторожничать надо: хлам
Не тащить за собой в узлах,
Не показывать встречным страх –
Донесут Карилипу вдруг,
Что уходит народ с порук,
С Банусканом своим он враз
Уничтожит, несчастных, нас!»
Так закончился этот сход,
В одночасье решил народ
Свой назревший большой исход –
Мол, под сенью Манаса род
Отогреется, расцветёт.
Букара поддержал их: раз
Будет ханом у них Манас,
То, считайте уже хребет
Карилипу сломали: нет
Властелина без тех людей,
Исполнителей всех затей,
Что питают его, детей,
И наложниц, и всех гостей.

В это время же на майдан
Карилип, с ним и Банускан,
Вместе прибыли, в этот раз
Хан палатки к боям припас
И повыставил их уже
На ничейной пока меже.
Как и в прошлом году, опять
Карилип не стал выбирать
Лишь отборных бойцов – в войсках
И отцы, и юнцы: размах
Был в числе, но, увы, – впотьмах
Нанимаешь всегда за страх
И не армию, в толпу.
Впрочем, каждый свою судьбу
Выбирает за шагом шаг;
У бойцов до сих пор в ушах
Посвист плётки стоял: ведь их –
Старых, юных, косых, кривых, –
Забирали из дома в бой
Словно скот и, пригнав гурьбой,
В это поле, одной бурдой
Накормили... Молчи и стой!
Откупались, да зря; в бега
Ударялись, но власть строга:
Ноги-руки – в оковы, плеть
И – в войска, а иначе смерть.
Даже в яму сажали тех,
Кто продлил на недели бег:
Всюду стражники, как на грех,
Навсегда не сбежишь от всех.
Так, измучив совсем народ,

[452] Ыр кесе – *досл.*: поющая пиала: состязание певцов, акынов, краснобаев, когда тот, кому в руки передается пиала с напитком, должен удивить присутствующих своими талантами.

Свой кровавый начав поход,
Карилипу твердил Банус:
Сам умру, мол, но этот груз –
Жажду мести кыргызам – пусть
Утолю из последних чувств!
Банускан обозлён был так,
Что ему уж казался враг
Лишь помехой к триумфу; вновь
Дармовую людскую кровь –
Не свою! – проливать был рад:
Отыграть свою власть назад,
Свой *Сарай*, свой гарем, свой сад
И на трон водрузить свой зад.
Он рычал: «О, умри, кыргыз!».
Повторял это как девиз
И от ярости ус свой грыз;
На трусливых служивых крыс,
Не страдающих от ума,
Это действовало весьма.
Сивогривый Манас всегда
Перед боем был изо льда
Словно высечен; череда
Мыслей только в его глазах
Проносилась: не злость, не страх,
А скорее расчёт – в руках
Сотни жизней! – немыслим крах.
На Аранике, в тех краях,
Опыт он приобрёл в боях,
Цену вызнал героям всем
И решал: кто достоин с кем
За победою в бой идти.
Шер, великий душой, вести
Бой с Банусом решился сам,
Зная – в бой выходить верхам
Надо, если противник – хан:
Не соперник скале бархан.
Лишь увидев, что сам Манас
С ним сражается в этот раз,
Так возрадовался Банус,
Что почти что отгрыз свой ус,
Искры даже пустил из глаз,
Подбоченился напоказ,
Весь раздулся. Такой показ
У трусливых вдруг перепляс
Вызвал всех челюстей, иной
И штаны намочил – ой-бой!
Под Банусом земля, и та,
Задрожала: пудов-то ста
Был отъевшийся хан-герой,
На коне он сидел горой.
А навстречу совсем другой
Богатырь торопился в бой:
На сияющем Аккуле
С думой светлою на челе,
С *Сырнайзою* наперевес,
Миловиден, поменьше вес –
Не гора, а, скорей, скала, –
Оба, всадник и Аккула,
Шли как свет против тьмы и зла.
В *кёк жеке*[453] был Манас обут,
Обязательный атрибут –
Бючюлуки[454], – блестели так,
Что могли бы развеять мрак
В самой тёмной глухой ночи;
От доспехов его лучи
Рассыпались, как свет зари.
С тем же криком «Кыргыз, умри!»
Приближался Банус; но крик
Жалок был – так бы мог *кийик*
Перед тигром вскричать, поняв,
Что запутался в сети трав;
Белый тигр, скорей дракон –
Так смотрелся Манас, и он
Молча шёл, но уже копьём –
От него не уйти живьём, –
Был нацелен прийти к концу.
Повстречались лицом к лицу,
Оба пики воздели встречь,
Началась двух героев сечь.
Был не промах Банус, хоть хан:
Знать, полгода старался сам
Отточить мастерство боев;
И Манас был всегда готов
Равнозначно, хотя без слов,

[453] Көк жеке – дорогая мужская обувь (которую носили только правители; иногда высокие каблуки делали полыми и вкладывали в них бубенчики).

[454] Бүчүлүк – большая круглая металлическая пуговица, украшенная серебром.

Отвечать на удар врагов.
Лев своей *Сырнайзой* стальной
Начал этот смертельный бой,
Но Банус своей пикой путь
Преградил *Сырнайзе*, хоть в грудь
Та почти что впилась, увы –
Были оба бойца резвы,
И сильны, хоть в глазах молвы
Перевес был не в Тьму, а в Свет,
Жаль, что власти у слухов нет.
Бились копьями; топоры
Не пуская в ход до поры,
Но потом уже и они
Оказались в ходу; в тени
Друг у друга сражались – так
Близко вышло сойтись; шишак
У Бануса был смят уже,
Словно звёзды на рубеже
Дня и ночи другим видны
Были оба из пелены
Пыли, быстрых движений, – сны
Так расплывчаты и хмельны,
Тех же звуков порой полны:
Стуки, звон, переплеск волны.
Оба стали кричать уже,
Видно, ярости столь в душе
Битва вызвала – крик стоял
Словно к богу весь мир взывал.
Смерть все ближе и ближе – шаг
Её слышали оба – враг
Каждый думал: не мне, ему!
В ходе битвы, увы, уму
Роль отводится – наблюдать.
Но когда, наконец-то, тать
Вдруг с размаху Манасу в грудь
Попытался копьё воткнуть,
И, вложив слишком много сил,
Промахнувшись, в металл вонзил
И сломал его, – *кабылан*,
Видя, что озадачен хан,
С Аккулой развернувшись, вмиг
Слева «волчий» вонзил «язык»
Банускану в плечо и вглубь;
Каждый раненый, скажем, глуп:
Хан взглянул на своё плечо –
Слишком стало вдруг горячо, –
Повернувшись, упал; горé
Не подняться – как в янтаре
Муха может застыть навек,
Так в грязи – гора-человек.
Но проснувшийся Карилип,
Лишь поняв, что соратник влип,
В кабылана вонзить копьё
Попытался, но как гнильё
Он с седла свой огромный зад
Уронил, и не смог назад
Отступить, тут настиг Чубак
Насары Карилипа – так
В этот зад он воткнул копьё,
Что минувшее бытиё
Карилип вспоминал в грязи.
Кёктеке был готов вонзить
Свои зубы в коня врага,
Взяв разбег свой издалека,
Потому Карилип летел
От удара аж за предел
Места боя – так в *кёкбёру*
Туша крутится на ветру.
Посмотрел Сивогривый: враг
Далеко улетел, бедняк;
Повернулся он с Аккулой –
Банускан ещё дышит, злой,
И пытается встать с земли;
Но в затылок удар в пыли
Упокоил его навек:
В крике рот раскрыл человек,
А язык не его во рту:
Остриё торчит на виду,
Так и к богу пошёл, вопя,
Мордой в грязь, сам себя любя.
Упокоив Бануса враз,
Карилипа искал Манас,
Тот исчез – значит, встал с земли,
Лишь колышется пыль вдали.
Вот по этому следу лев
Поскакал, Аккулу огрев,
Чтоб не дать ускользнуть врагу.
Тот, оглядываясь на бегу,
Не Манаса, а Чубака
Вдруг заметил, вонзил в бока

Шенкеля своему коню;
Но Чубак на его возню
Ускореньем ответил лишь:
Кёктеке словно вольный стриж
Не сбиваясь с дыханья шёл,
И Чубак был не так тяжёл,
Как с израненным задом хан.
Но... Война есть война. Хирман
На пути им попался. Хан
Смог свалить, проезжая, столб.
Чубака он почти что в лоб
Встретил, в яме в засаду сев,
И добил бы его, но лев
Был уж близко, и стук копыт
Вдруг услышал хан Карилип,
Распознал Аккулы он хрип
Понял, что в свою гибель влип,
Храбрым быть упустил свой срок.
И пустился он наутёк!
Не стесняясь бежал, лилась
Кровь из задницы прямо в грязь,
Добежал до своих людей
Он, шатра своего белей,
Закричал он на них: «Скорей!
Умирай, но врага разбей!»
А в ответ ему – тишина:
Доолбаса дробь не слышна,
Ружья тоже молчат, и меч
Ни один не поднялся встречь
Сивогривому – весь отряд
Был кыргызов разбавить рад.
Войско стало большим, как лес.
Даже солнце, взглянув с небес,
Засмеялось, лучи пустив
На народной реки разлив.
«Если я попадусь – умру!» –
Так вскричал Карилип, нутру
Доверяя, что поздно рать
Упрекать и куда-то звать, –
Дёру дал краснозадый хан,
Выбрав путь прямиком в *Казан*[455].
Хоть и в ранах, герой Чубак
Не хотел, чтобы спасся враг,
И пустился за ним, но тут
Сам Бакай-*олуя* за труд
Не почёл помешать ему:
«Дай-ка волю, Чубак, уму,
Успокойся: коль весь народ
Дал властителю отворот,
Он уже, ты поверь мне, мёртв,
Как бы ни был спесив и горд!»

Карилип – уже бывший хан –
Ухитрился сбежать в Казан.
Ну, а те, остальные, как?
Сынчыбек просто каждый шаг
Узнавал от своих гонцов,
И когда же, в конце концов,
Убежал Карилип в Казан,
Сынчыбек был к Бакаю зван.
О батыре спросил, входя, –
Мол, тревога жгла за вождя,
Рассказал, как дела идут,
Что обиженных нет, и ждут
Все решенья: кто будет хан –
Сам Манас ли возглавит клан? –
Про доносы гонцов смолчал,
Что о многом заране знал.
Так и вышло: ему Бакай
Рассказал, что решили край –
С Анжияном, Ташкеном, – весь
Дать Сынчы, – оказали честь,
Мол, за то, что он смог привнесть
В жизнь кыргызских семей покой
И возвратом покрыл разбой.
Мол, теперь у Сынчы – Кокон,
И в Ташкене законный трон,
Лишь бы правил он, чтобы люд
Наравне получал за труд.
У Сынчы словно горы с плеч
Снял Всевышний; весь край стеречь
От разбоев он слово дал
И вдогонку ещё сказал:
«Когда кончился весь разлад –
Сразу дело пошло на лад,
К нам приехав, Манас как брат
Всё исправил, чему я рад,
Рад, что мы подружились с ним,

[455] Казан – видимо, имеется в виду город Казань.

Что вражда унеслась, как дым,
И вернулись мечты в сердца,
По велению мудреца!»
Улыбнулся и лев в ответ:
«Хорошо, что проблемы нет.
Отправляемся в Самаркан,
Девять месяцев весь мой клан
Без меня как-то там живёт,
Ждёт, когда завершу поход!»
В Самаркан вскоре прибыл он.
Радость внёс в свой родимый дом,
Абылтая же в Наманген –
В дом родной – проводил он с тем,
Что с бесплодной женой своей,
Хоть расстался доселе с ней,
Он помирится и детей
Заведёт с истеченьем дней.
Так и вышло. В любом дому
Абылтая все по уму
Привечали: садясь на *тёр*,
Он теперь был в речах остёр,
Разгораясь сам, как костёр,
Он жену свою в дом привёл,
Словно с юности взяв разбег,
Сына смог он родить! – Кесек –
Так назвал его человек,
Обессмертив свой род навек:
Род *Кесек*[456] процветал в веках
И до сей поры не зачах,
Ведь и ныне кыргыз любой,
Если спросишь – мол, есть такой? –
Скажет – да, это древний род,
Он всегда среди нас живёт.

Столько тайн открывает Сказ!
Только дальше пойдём сейчас:
О любви и о встрече двух
Нам расскажет Великий Дух –
О любви ведь молчал Манас,
О любви промолчал и Сказ.
Что ж, терпенье – ума запас,
И грядущих побед каркас.
Гимн Манасу и Каныше
Пусть как праздник придёт к душе.

[456] Кесек – название племени.

ЖЕНИТЬБА МАНАСА НА КАНЫКЕЙ

Э... э... э... эй!
Долго дома Манас не мог
Усидеть – вечный зов дорог
В кровь вошёл, и родной порог
Намекал: я ведь лишь – исток.
Он томился, искал дела.
Мысль одна вдруг к нему пришла.
Абдылду он к отцу послал,
Чтоб Жакыпу тот рассказал,
Что в одну из случайных встреч
Голова его сына с плеч,
Хоть незримо, слетела вмиг:
«Всё тебе объясню, связник!
По дороге в Мангыт родник –
Помнишь, рыскали? – горы встык,
Ни речушки, ни родника.
У Букара до озерка
Как добрались – до Алакёл –
Пробираясь сквозь чий, укол
Прямо в сердце почуял я:
Там девица, печаль тая,
Так глядела мне в душу! Боль
Этой встречи ношу с собой.
Расскажи всё отцу: пусть он
Сам узнает – каких племён,
Чья она, кто её родня
И достойна ль она меня
По рожденью и по уму?
Да, – так в жёны её возьму!»

Абдылда отвечал, хитрец:
«Знаю, знаю... Её отец –
Каракан – богатырь, купец,
Был отец у него мудрец,
Да и дочка – в округе всей
Мастерицей слывёт, за ней
Ходит слава как будто тень,
Незнакомы ей ложь и лень.
Каракан – самый старший брат.
Про него ещё говорят,
Что, мол, младший брат – Темиркан –
Был отцом этой деве дан,
Но забрал её старший брат.
Только мало ль что говорят!

Я пойду к богачу-отцу
Вижу по твоему лицу,
Что любовь пришла к молодцу,
Надо дело вести к венцу!
Коль по нраву Жакыпу весть –
То нескоро я буду здесь:
Сразу, в полдень, рвану туда,
Где сияет твоя звезда».
Абдылда к Жакыпхану в дом
Вхож был словно родня; притом
Шёл он, вестью такой ведом,
Что от важности вырос он.
Поздоровался и воды
Выпил – чтобы без суеты
Весть озвучить; ещё смолчал
И потом уже речь начал:
«Хан-ата, *олуя*... Манас
Попросил потревожить Вас
И просил передать рассказ,
Чтоб отец его сердце спас.
Говорит, что в Букаре он
Встретил девушку. С тех времён
Он не может не спать, ни есть –
Вот такая-сякая весть.
Просит он, чтоб по чести честь
Всё узнали Вы: кто, мол, есть
Мать-отец у неё, каков
Дом, доход, из каких слоёв
Дева – в свете хороших слов
Он жениться на ней готов.
Накылай из *калча* – жена
Никакая ему она,
Из *калмаков* же Карабёрк –
Как от воина – есть там толк,
Но о муже заботы в ней
Нет ни капли, ей конь родней!
Пусть узнает отец – просил
Сын, – «достанет ли в деве сил
Быть хорошей, мол, мне женой,
Если ровня она со мной...»
Говорил он ещё, чтоб Вы
Поспрашали бы у молвы,
Но не веря советам злым:
Как посватать, каков *калым*,
Если вдруг не хватает средств,
Не побрезгует пусть отец
Взять у сына коней, овец, –
Пусть забудет, что он – гордец:
Слишком миссия, мол, важна,
Ведь решает судьбу она:
Если, мол, по душе жена –
Век ведь будет мила, умна.
А ещё твой сын говорит:
Пусть отец красивый *кийит*[457]
Сам подыщет для сватовства.
Вот такие свои слова
Попросил передать Манас.
Что ему передать от Вас?»

Покачал головой Жакып.
Видно, новый судьбы изгиб
Он не ждал уже много лет.
Тотчас кликнул Бакдёолет,
Повелел Абдылде кумыс
Принести, и слегка завис
В своих мыслях; успев сперва
По хозяйству сронить слова:
Чтобы чай с родниковых вод
Был у гостя, *казы* и мёд,
И *арак*... – в общем, весь почёт
Обеспечили гостю влёт.
Посидели. Беседа шла
Очень вяло, лишь пиала
Не ленилась у Абдылды.
Но Жакып, не вкусив еды,
Но напившись зато воды,
В руки взял, наконец, бразды
Их беседы: «Сыскать следы
Этой девушки сможешь ты!
Ну, подумай сам, Абдылда!
Ты ведь с сыном ходил туда,
Только ты можешь мне помочь
И узнать – чья же дева дочь;
Ты – почтителен, храбр и быстр,
И умён как лесная рысь:
Об огне узнаёшь от искр,

[457] Кийит – подарки от родственников жениха (или невесты) родственникам невесты (или жениха) после помолвки.

И не носишь в душе корысть;
Кто же, кроме тебя, ответь,
Мне поможет везде успеть?»
«Не поеду, обижу ведь», –
Абдылда только мог краснеть
От похвал *хан-ата*, ведь впредь
Быть другим он не мог посметь.

Вскоре выехал он в Букар.
От Белсаза – верхом. Без пар
Редко ездили все *чоро*,
И тревога вползла в нутро.
Аргамак его – Карткурён –
Шёл легко, не смущался он,
Что *кийики* со всех сторон
Так и брызжут, пятная склон.
Ну, а всадник на них косил
И терзался что было сил,
Даже бил иногда коня,
Лишь прибавив в ходу огня.
Мимо сёл он спешил, и в них
Не заглядывал – ждал жених.
Кто ещё был бы эдак лих?
Мимо всех ложбин заливных,
Через тёмный заросший лес,
Через горы, что до небес
Гордо взносят свои снега,
Сквозь пустыни и сквозь луга,
Мимо синих озёр – мирка
Птиц, что селятся здесь века,
Мимо доблестных битв *бугу*[458],
Что теряют жизнь на бегу,
Мимо селей, крутых плато.
Кто ещё мог бы эдак, кто?
Абдылда был в поту и конь.
Даже прежде, в пылу погонь,
Так не мчались они, – и то
Столько длится погоня? – кто,
Кто ещё мог бы эдак, кто!?

Человеческое гнездо
Распознаешь издалека,
Ведь стараньями ветерка
До коня и до седока
Вдруг доносится вкус дымка:
Где-то варится мясо, *нан*
Возложили на *дастархан*.
Абдылда это место сам
Вспомнил: доблестный Каракан
Меж горами и степью, здесь,
Где двух рек голубая смесь
Кормит озеро, – клан свой весь
Поселил с давних пор доднесь.
Вечер сил набирался, креп.
Остывал на *тандырах* хлеб.
Каракан, как и весь народ,
Жайнамаз[459] постелив, исход
Дня молитвой венчал, чтоб свод
Завтра вновь подарил восход, –
День заканчивался светло.
Иноходью вошёл в село
Абдылда; среди всех сельчан,
Был им выделен Каракан:
В жизни кто его ни встречал,
Взглядом сразу же отмечал
Гордость, силу души и мощь –
Что положено, то возьмёшь.
Абдылда привязал коня,
Поздоровался, как родня –
Дружелюбно и не спеша,
Мол, открыта моя душа;
Каракан отвечал подстать,
Страже тут же кивнув: принять,
В дом с почётом вести, – как знать,
Кем прибывший нам может стать.
Стража мига не стала ждать:
Целой дюжиной исполнять
Тут же бросились нарасхват:
Стол накрыли, и жеребят
Самых жирных свалив, в котёл
Мясо бросили; щедрый стол
Без того был заставлен сплошь:
И еды, и питья! – солжёшь,
Если скажешь – размах царя,

[458] Бугу – 1. самцы оленя или марала; 2. месяц май.
[459] Жайнамаз – молитвенный коврик (кусок материи или вывернутая наизнанку чистая верхняя одежда, подстилаемые под ноги во время намаза, совершаемого не в мечети).

Ведь корыстны цари, даря,
Здесь же чувствовалось родство:
Душ, что сутью близки, сродство, –
Так что, видимо, сватовство
Обещалось быть таково,
Как замысливали умы.
Пусть пирует же гость, а мы
Вспомним милую Каныкей,
Карақановский свет очей,
Обернувшись на время к ней,
Вкусим духа её страстей.

Только мчал, торопясь, сюда
С поручением Абдылда,
Как уже Каныкей, в шатре
Сидя, – шелковом, но в хандре, –
Вдруг услышала стук копыт:
Явно ехал сюда джигит –
Иноходью бежал скакун.
«Благородных кровей, бегун.
Здесь, в Букаре, один табун
Мог *тулпаром* похвастать, – *кун*
У таких лошадей высок;
Бозжорго бы отцовский мог
Так скакать... он сейчас далёк».
Резво на ноги встала вмиг,
Подбежала к дверям; возник
В голове у неё тотчас
Образ только один: Манас.
«Ах, Манас, молодой джигит,
Сердце девичье так болит,
Может, эту расслышав боль,
Ты вернулся на Алакёл?»
«Когда деве пятнадцать лет,
Жаждет мужа, но взглядам вслед,
Возражая, ответит «нет!»,
Чувств своих растерзав букет[460]».
Так народ говорит всегда.
Заметалась она: «Беда!
Скажут люди: вот это да:
Хочет мужа она, бежит
В белый свет, позабыв про стыд!» –
Так подумалось ей, увы:
Много горестей от молвы,
Если умный увидит, что ж,
Промолчит; а неумный – ложь
Разнесёт по округе всей.
Удалось только в щёлку ей
Подглядеть, кто же тот герой,
Что вечерней уже порой
К ним приехал: скакун был сед,
Туго хвост был завязан – след
Битв привычных, больших дорог.
Привязал коня паренёк
И к отцу её на порог
Так спокойно взошёл – высок,
Строен, крепок, богатый *тон*.
Каракану отдал поклон,
В дом вошёл с ним степенно он;
Слуги шустро со всех сторон
Суетились в дому, вокруг.
Каныкей наблюдала; стук
Её сердца – казалось ей, –
Заглушал голоса людей,
Но беззвучно текли из глаз
Слёзы, чистые как алмаз,
И в груди светлячок угас:
«Видный парень... Но не Манас».

Абдылда отдохнул два дня.
Пока спал он, *азан*[461], звеня,
Дважды звал весь народ – мулла
Пёкся так о душе села.
А на третий *азан* сурна
Вслед запела; и не до сна
Стало тут Абдылде: вскочив,
Потянулся, как змей почти –
Гибок был он и спал клубком;
Вмиг умылся и кушаком
Подпоясавшись, бодряком
Поспешил к Каракану в дом.
Проводил его сонный страж.
Утро только входило в раж.
И навстречу, зари алей,
Бусы трогая, Каныкей
Проплыла вдруг: ресницы вниз,

[460] Кыз он бешке чыкканда, Эстегени эр болот, Сүйлөгөнү кер болот – старинная пословица.
[461] Азан – призыв к молитве у мусульман.

Шея белая как кумыс,
Шёлк одежды струится вниз;
У палатки застыла близ,
Словно чем-то смутил кыргыз;
Напряглась, как на ветке рысь,
Чётки стала перебирать:
«Как подслушать бы... всё узнать».
Ну, а наш Абдылда-герой
Не сумел восхищенный свой
Спрятать взгляд, и с таким лицом
К Каракану вошёл он в дом.
Поздоровались. *Жайнамаз*
Не свернув, Каракан тотчас
Слуг созвал и отдал приказ
Стол накрыть, как и в прошлый раз.
За столом уже сидя, он
Расспросил Абдылду – про сон,
Отдохнул ли за эти дни,
Про здоровье – его, родни,
Подойдя, наконец, к тому,
С чем приехал гонец к нему:
«Издалёка, гляжу, сынок,
К нам пожаловал: пыль дорог
На твоём скакуне лихом,
На богатой одежде… В дом
К нам оделся ты как на *той*.
Я спрошу – человек прямой,
С чем пожаловал, дорогой?», –
Ждал ответ на вопрос простой
С напряжением Каракан.
Абдылда никогда в карман
За словами не лез, туман
Подпускал, лишь когда был пьян,
А сейчас он сказал, как есть:
Сватом стать ему вышла честь:
«Сокол есть у меня, мой хан!
Птенчик лебедя богом дан
Очагу твоему, мой хан!
Если птенчика, о мой хан,
На свободу отпустишь сам –
Буду сокола отпускать,
О, мой хан, чтоб двоим летать!
У меня чёрный сокол есть,
О мой хан, и по чести честь –
Гуся-птенчика прячешь здесь,
О, мой хан, вот такая весть:
Чёрный сокол готов лететь,
Но лететь одному – как смерть,
О, мой хан, отворяя клеть
Отпускаешь двоих взлететь!»
Чин по чину в загадку смысл
Весь вложил Абдылда, но мысль
Уловил Каракан тотчас,
Понял: свата послал Манас –
Знаменитый, с большой душой,
На слуху у молвы герой:
Сам посланник небес, батыр,
Что готов подчинить весь мир.
Разве мог Каракан в ответ
Взять и сразу промолвить «нет»?
Не осмелился, лишь усы
Гладил, словно из них весы
Сделать думал, да взвесить всё,
Чтоб не выглядеть *келесоо*;
Облизав свои губы, он
Поддержать в разговоре тон,
Гостем заданный, порешил
И такое в ответ сложил:
«Птенчик гуся чтоб не погиб,
Раз из рук моих хан Жакып
Хочеть взять его, пусть джайлоо,
Где летую с семьёй, мало
Станет трижды, коль новый скот
От Жакыпа туда придёт;
А зимовку, где я зимой
Провожу свои дни с семьёй,
Тоже трижды наполнит скот –
Всё подворье вплоть до ворот;
А ещё... подарил бы хан
Скакунов без отбора ...*сан*[462],
Да овец бы черней ночи –
И не меньше бы тысячи;
Да верблюдов... двугорбых... нет! –
Одногорбых, но следом в след
На верёвке из шелка шли
Ровно десять по сто; несли

[462] Сан – несметное количество, (иногда) десять тысяч.

По *жагдану*[463] они бы, в них –
Не положено слать пустых, –
Пусть лежал бы канаус-ткань,
А не бязь иль другая дрянь;
Да ещё, чтоб златой покров
Был на них... И хочу коров:
Светло-рыжих, молочных – тех,
Что по слухам сулят успех
И здоровье хозяевам,
Что известно, наверно, вам;
Хорошо бы – их было сто.
Да, пожалуй, ещё вот что:
Поднялись на моём дворе
Две чинары бы – в серебре,
А вторая бы – в злате, пусть,
Лишь во двор к себе доберусь,
Соловей и кукушка грусть
Из моих бы прогнали чувств;
Да ещё бы от молодца
Я имел бы два озерца:
Чтоб плескались в них без конца
Май да *сют*[464]... И за мать-отца
Не болели б тогда сердца
И у сокола, и птенца.
Мой свидетель – вот, достархан.
Пусть готовится Жакыпхан!»

С тем гонец поспешил назад,
Свой Жакыпу повёз доклад:
«О-о, калым, что был назван, – он
Неприемлем со всех сторон,
Но смолчал я на этот раз:
Гость хозяину не указ.
Даже больше – я, наугад
Соглашаясь, спросил: мол, сват
Если выплатит всё, то рад
Будет он, коль поженит чад?
Вот, мой хан-*олуя* Жакып!
Я с вопросом и этим влип,
За «согласие как бы» мне
Дать подарки пришлось вчерне:
Отдарил он, чтоб мог я взять
И, покуда Манас не зять,
Лишь отдачей – один в один, –
Чтоб не верилось мне в почин.
Счастья мне пожелав в пути,
Дал с сомненьями мне уйти.
«Время терпит», мол, – наконец
Так сказал он ещё, хитрец, –
«Жакыпхан всё поймёт – мудрец».
Что я сделал не так, отец?
От тебя, не помедлив, я
До Букара скакал, тая
И лелея одну мечту:
Что, мол в «яблочко» попаду –
Вот единственый мой грешок.
Что неверно я сделать смог?!»

«То, что не́ дал подарков хан
Человеку, хоть достархан
Перед ним расстелил с душой –
Это, в общем-то хорошо» –
Так, Жакып отвечал, хоть он
Опечален был и смущён;
Повернулся – и правый бок
Заскрипел, завизжал, умолк –
Словно пуля туда вошла;
Повернулся на левый – мгла
Запуржила в глазах, хоть плачь,
И как будто тряпичный мяч
Вместо сердца запрыгнул в грудь.
Помолчал он, и смог вздохнуть,
И в глазах посветлела муть.
Он сказал: «Абдылда, твой путь
Был не зряшен, и как-нибудь
Мы распутаем всё, сынок,
Ты старался как только мог.
Не печалься, доверься мне,
Поседеешь а то во сне.
А калыме скажу я так:
В каждом слове здесь тайный знак,
Что ударить сватов поддых:
У народа возьмём гнедых,
Попугая-то где возьмём?
Мы и чалых всегда найдём,
А поймать соловья живьём

[463] Жагдан – кованый сундук.
[464] Сүт – молоко.

Да с кукушкой чтоб пел вдвоём?!
Даст народ нам и пёстрых, что ж;
Ну, а золото где возьмёшь?!
Скакунов отдадут *чоро*;
Ну, а где возьмём серебро?!
Даже если мы всё добро
И отыщем, но – озеро.
Масло так же, как молоко,
По земле-то разлить легко,
Но впитается всё, увы,
Чтобы корни питать травы;
У народа найдем *сюрёк*[465],
Но найдём ли того, кто б смог
Сделать озеро молока,
Да слепить ему берега?
Вот загадка – для дурака.
Зачесалась моя рука
Кой-кому бы дать батога,
Чтоб не мучил он старика;
Нет, жениться хочу! – каприз,
Попыхти, мол, теперь, кыргыз!»
Когда всё Жакыпхан сказал, –
Видно: выдохся аксакал,
Абдылда не колеблясь встал,
Из даров Каракана взял
Он один небольшой *алек*[466]
И к Манасу направил бег.
Думал так он: «Подарок льву
Отнесу и ему главу
Успокою – без хвастовства,
Без сомнений найду слова,
Чтобы он исход сватовства,
В чём я смыслю уже едва,
Сам распутал с ухваткой льва.
И в седло он взлетел едва,
Умный конь поскакал туда,
Где гостей ублажат всегда,
Где дадут отдохнуть и – да:
Где уход, тишина, еда.

В странном виде он был сейчас –
Молодой сумасброд Манас,
Хан шестидесяти родов,
Всех *алашей* опора – кровь
В нём играла и жгла любовь,
Только вспомнит о деве вновь –
Канықей, – и уйдёт в туман.
Хан Манас был как будто пьян.
Абдылда лишь уехал, он
Потерял и покой, и сон,
Дни и ночи считал. Когда
Он услышал, что Абдылда
Прибыл, тут же к отцу уйдя,
Чтоб к нему прийти погодя,
Хоть и знал он, как ждёт жених –
Так в мечтах *кабылан* своих
Звал себя, положась на них, –
Не стерпел, и собак борзых
Свистнул с псарни и птицу взял,
Сорок верных ребят позвал
И встречать Абдылду пошёл –
Лев кипел, хоть и не был зол,
Все надежды его вперёд
Вырывались, и так же ход
Ускорялся – с джигитов пот
Лил ручьями уже: вот-вот
Рухнут... Лев же, наоборот,
Как в азарте больших охот:
Ближе к цели – быстрей шаги,
Мчит с борзыми вперегонки...
Да, Манас – он батыр во всём.
Абдылда же, покинув дом
Жакыпхана, спешил уже
К другу с грустью большой в душе.
Так столкнулись они в пути.
У Манаса пожар в груди
Так и вспыхнул: к седлу, глядит,
Приторочен *алек* – везти
Дар положено сватам тем,
Кто распутал узлы проблем.
Улыбнулся Манас, усы
Распушил и, сдержав борзых,
К Абдылде обратился он,
Предвкушая победный звон:
«О, батыр молодой, мой тигр!
Пусть твой путь будет полон игр,

[465] Сүрөк – общее название крупного рогатого скота и лошадей.
[466] Алек – сорт полушёлковой полосатой материи.

И свершений: открыт и быстр!
Я в глазах вижу много искр,
Приторочен к седлу *алек* –
Знак, которому человек
Доверяет догадки, – мол,
Всё прошло в лучшем виде: стол,
Сговор, свадьбы назначен срок.
Не подарок несёт *торок*,
Это ангел ведёт тебя
К другу с вестью: сбылась судьба!
Не томи же меня, батыр,
Оживи мой поникший мир!
Расскажи, как там мой кумир –
Сердца бедного эликсир;
Видел дочь Каракана ты? –
Стан, походку, лица черты.
Правда, краше она мечты?
Всё рассказывай без нуды!»

Абдылда заспешил; слова
Подчинялись ему едва:
«Да... оттуда приехал я.
Расскажу всё, не утая.
Не приехал без ничего,
Обещания своего
Не нарушил ничем, мой свет:
Пять девяток я вёз... В ответ
Ждал согласья... Не то, чтоб «нет».
У отца попроси совет.
Да, *алек*... Я не мог пустым
В дом к Манасу идти... Прости.
Каныкей, Каракана дочь,
Видно, очень грустит... точь в точь,
Как известно кто... человек:
Попросила она *алек*
Передать тебе... оберег», –
Абдылда еле-еле смог
Из кармана достать платок,
Так упрятал его, – берёг,
Чтоб отдать кому надо в срок.
Удивился герой Манас:
Всё, о чём он мечтал, сейчас
Проявилось: любой отказ
Во взаимной любви увяз;
Оберег от удара спас
И его, и гонца: теперь,
Когда в душах улёгся зверь,
Абдылда рассказал про всё:
Что был принят он как посол,
Каракан к нему не был злым,
А напротив... Но вот калым...
Перечислил весь нужный скот,
Злато-серебро... прочий вздор;
Как добрался он до озёр,
Посоветовал разговор
Повести с Жакыпханом: спор
Передал, что кипел у них.
В общем, дал жениху под дых,
Правда мягко, насколько мог.

А Манас прижимал платок
К богатырской своей груди
И молчал – словно впереди
Видел счастье своё уже,
Даже ревность, что вдруг в душе
Шевельнулась: а вдруг Чубак
Дать попросит платок: ну как
Отказать? – больше он чем брат,
«Но *алек* не отдам назад!», –
Так подумал Манас, теперь,
От возможных любых потерь
Отказавшись под флагом «верь»,
Он спокойно сказал: «Замерь
Сколько ходит у нас скота,
Сколько гнать от отца сюда;
И давай, батыр Абдылда,
В путь готовиться – ерунда
Эти счеты – калым-малым.
Всё, поверь мне, пройдёт как дым;
К Каракану теперь двоим
Надо ехать, чтоб спорить с ним,
И смугляночку Каныкей
По обычаям брать людей;
Разве можно жалеть нам скот,
Если речь о судьбе идёт?
И нормален ли, скажем, тот
Кто расставшись с мечтой живёт?
Жакыпхан – он, конечно, жмот,
Но попросим мы наш народ
Посоветовать нам, помочь:

Как забрать Каракана дочь;
Этот месяц идёт к концу,
Значит, в новом пора отцу
В жёны дочь отдать молодцу:
Ровня ровне всегда к лицу.
Станет мне Каныкей женой,
В душу мне привнесёт покой,
Это значит, никто уже
Злом его не смутит в душе,
Поражений не буду знать,
Буду править и побеждать!»

Клич пустили во всём *ордо*,
Не услышать не мог никто,
Все собрались – *чоро*, друзья,
Как большая одна семья:
Старики Жамгырчы, Балта,
Текечи и Жакып-ата,
И, конечно, *аба* Бакай,
И – куда ж без него? – Шыгай,
Оба брата, герой Чубак –
Великаны, всех сил костяк,
Сорок тигров Кыргыла, он.
Все собрались со всех сторон.
Чтоб на споры хватило сил,
Мясо яловых лишь кобыл
Приготовили; дастархан
Полон был: *куурдак* и *нан*,
Мёд в кумыс добавляли, жир,
Что всегда украшает пир,
В разных видах был подан всем;
Говорят: есть я то, что ем;
Кроме «что» ещё есть и «как» –
Воспитания тайный знак,
Чем владеет, увы, не всяк
Набивая скорей *курсак*.
В золотой пиале всегда
Чай пил тот, кто свершал *бата*,
А закончив еду, народ
Перенёс на равнину сход,
Сели кру́гом; Манас нача́л
Речь свою: «Я вас всех собрал,
О, отец мой Жакып, Жамгыр,
Вы – Шыгай, Текечи, – мой мир
Вы составили – кровный круг,
Что сильнее любых порук:
По отцу все вы мне родня,
Мой *тага*[467] Акбалта меня,
Я сказал бы, явил на свет,
У меня вас дороже нет;
Байжигит, Кыпчакбай, друзья,
Вся большая моя семья,
Вам скажу со всей прямотой:
Назревает семейный *той*,
Будет праздник у нас святой –
Я женюсь! Пока молодой!
Стал Манасом Манас, и мне
Небо сунуло по жене,
Хоть ни разу не рёк отец –
Мол, женись, Манас-молодец!
Из *калча* Накылай я взял,
Хоть и был я по сути мал
И любви не познал восторг;
Из *калмаков* взял Карабёрк,
Потому что, мол, надо взять:
Завсегда победитель – зять.
Ни отец и ни братья, нет,
Не давали на то совет,
Мама – вот она здесь, жива,
Не нашла в этом миг слова,
Даже *тай* мой Балта, и тот,
Промолчал: мол, пускай живёт
Как он хочет, ведь он Манас;
А влюбился я лишь сейчас!
Я в Букаре увидел вдруг
Эту девушку; сердца стук
Выдал радость и с ней испуг:
В шумной стайке своих подруг
Эта дева ушла... Навек?
Один верный мой человек
Всё о ней разузнал: она
Мастерица, добра, умна,
По рождению мне ровна
И... запомнила ведь меня!
Я к отцу Абдылду послал.
Мой богатый отец узнал
Всё о девушке, и в Букар
Попросил его съездить – стар

[467] Тага – то же, что таяке. Тай – родство по материнской линии. Аке – брат.

Стал, мол, я для таких дорог.
Абдылда всё устроить смог:
И посвататься бог помог,
И назначить почти что срок.
Вот одна только есть беда:
Говорит батыр Абдылда,
Что наш сват непростой старик
И что очень *калым* велик:
В нём несчётно, увы, скота,
И загадка есть – непроста.
Мой отец Жакыпхан-богач
Весь измучился: мысли вскачь:
Жизнь ведь даром, считай, пройдёт,
Если сын не продолжит род,
Только где же отец найдёт
Столь добра – совершить расчёт?
Каждый, сын у кого, поймёт:
Так ли, эдак – везде просчёт.
Каныкей же, невесте, дан –
Весь Букар говорит, – талант:
Мастерица! А стройный стан?
Ум и нежность? Сам Каракан –
Царь Букара, её отец, –
Говорит, что таких сердец
Больше нет... И – жалеть овец?
Кобылиц, коров, наконец?!
Я жениться хочу на ней,
На единственной – Каныкей!»

Абдылда лишь собрался в путь,
Как народ уж прознал чуть-чуть –
Что и как, и зачем, за кем.
Ждали: он, возвернувшись, всем
Всё расскажет, и миром люд
Посмакует молву... Не труд,
Удовольствие – дать совет,
Ведь ответственности-то нет;
А когда тебе в лоб твердят,
Дай совет, мол, – никто не рад,
Если что, будешь виноват:
Вот такой вот, увы, расклад.
Все молчали. Нашлись слова,
Чтоб упрятать под спуд, едва
Шевельнулись, – вот так трава
Под камнями молчит, жива;

В общем, замер весь *курултай*.
И поднялся тогда Бакай
И погладил неспешно ус,
И слова заскользили с уст:
«Жеребёнок, Манас мой, прав.
О, Жакып, испытал ты нрав
Злых *калмаков*, сосущих кровь
Из людей, лошадей, коров;
Сын родился твой – повезло
Нам, кыргызским родам, зело́:
Наш Манас только сел в седло,
Как пошёл истреблять всё зло!
Он *калмака* прогнал, а нас,
Всех кыргызов, – собрал Манас,
В шесть десятков, не меньше, раз
Мы сильнее других сейчас;
Юный сын твой ведь шёл на риск
Каждый раз, чтобы мог кыргыз
Богатеть и растить детей;
Без корысти он для людей
Сделал столько! Таких вождей
Мы, старейшины сам-третéй,
Не встречали за долгий век!
В то же время как человек
Он почтителен к старшим, добр:
Старцы злятся почище кобр,
Ну, а он со всех ног спешит
Ублажить их пожар души.
Кто так может ещё, скажи?
Этой мудростью лишь мужи
В полной мере наделены,
Значит, время пришло жены:
Мудрой, доброй – такой, как он,
А таких не возьмёшь в полон,
Не прихватишь их как *олжо*,
Вдруг находят их – как ожог
Просто чувствуют всей душой,
И, скажу я, как хорошо, –
Здесь он тоже всех превзошёл,
Кабылан, и её нашел –
Эту девушку... Человек
Может мучиться весь свой век,
Но не встретить её, увы!
Так давайте из головы
Жадность, алчность изгоним прочь

И подумаем: как нам дочь
Всех кыргызов забрать к себе? –
Это новый наш путь в судьбе.
О, Жакып, старина, у нас
Есть в запасе твои шесть ханств:
Весь народ будет рад помочь,
Чтоб богаче ты стал на дочь;
Пусть немного скота уйдёт –
Это нынче, а через год
Всё покроет опять приплод,
Был бы счастлив и жив народ.
Шевелитесь, давайте, все!
Пир закатим во всей красе –
Кабылана Манаса той,
Это праздник для всех святой!»

Так сказал богатырь Бакай.
Всполошился огромный край:
В дом Жакыпа туда-сюда
Люд сновал – так весной вода
Всё к плотине с собой несёт:
На подворье Жакыпа скот
Уместиться уже не мог –
Курултая такой итог
Удивлял, восхищал, смешил:
Люди лезли порой из жил,
Чтоб доставить своё добро:
Скот и золото-серебро –
Каждый всё был отдать готов.
Анжияна шесть городов,
Сам Сынчы – бек *айры сакал*[468] –
В формах золото отливал,
На *ата́нах*[469] всё в ставку слал;
Уж на склоны Белсаза скот
Гнали; сам Жакыпхан вперёд
В шесть десятков верблюдов лот
Напоказ перегнал: на них
Седла красочней золотых –
С медью жёлтой; попоны – шерсть,
В сундуках же по чести честь:
Ткань канаус, а чтобы груз
Не болтался в пути, то плюс
К той поклаже ещё ковры
Положили наверх; бугры
От горбов словно стёрлись вдруг,
Хоть ещё один ставь сундук;
Всех верблюдов связал аркан,
Драгоценный чтоб караван
Шёл единою цепью: в нём
Груз был с золотом, серебром:
С белым грузом шестнадцать шло,
С жёлтым – дюжина; тяжело
Охранять было весь поток,
Что с долины всё тёк и тёк:
Ржали лошади, жеребят
В том потоке теряя; в лад
Верещали и стригунки,
Овцы блеяли... Не с руки
Человеку такой объём
Переправить одним гуртом;
Тысяч больше чем шестьдесят
Было в стражниках там ребят,
Гомонили, чтоб скот гуськом
Между скал направлять шажком,
И казалось, что вся земля
В небо бросилась вдруг, пыля.

Сам Манас, *ал* Бакай, за ним
Сорок львов и Чубак-*иним*[470],
Кыргылчал... Если взять и счесть
Всех, кто счёл за большую честь
Для Манаса сватами стать –
Всех, кому позволяла стать,
Вся семья, – то почти пятьсот
Будет родичей; весь поход –
Ну, конечно, – венчал Жакып:
В Туучунака он словно влип –
Конь легко иноходью шёл;
Бозжорго, конь Бакая, зол
Был на то, что не первый, мол,
Уши вместе от злости свёл;
Акбалта, Шыгай, Жамгырчы,
Байжигит, Жакып, Текечи –
Едут вместе – отцов отряд,

[468] Айры сакал – раздвоенная борода, человек с раздвоенной бородой.
[469] Атан – холощёный верблюд, верблюд-мерин.
[470] Иним – братишка.

Каждый быть самым главным рад;
Лев Манас был доволен всем:
Скот здоров, никаких проблем,
Разве *áнги*[471] дерутся – что ж,
Выясняют – мол, кто хорош
Для такого числа невест:
Все ведь разные с разных мест;
Третьяки рвались в бег, плуты;
Жеребята, задрав хвосты,
Тоже бегали – кто резвей,
Лишь нервируя матерей;
Овцы блеяли, а быки
Как *балбаны* шли, старики;
Шли *бууры*[472], друг друга вскользь
Задевая, как гостя гость;
Шли архары, *кулжа*, – их с гор
Скот сманил – и почти *кочкор*[473]
Внешне выглядел каждый; их
Стражи лишь отличали, злых.
Меж холмами порой привал
Люди делали – скот гулял,
С гор к нему прибивался, шёл
И джейран, и самец-козёл,
Коротышка-онагр, кулан,
И олень, чей высокий сан
Был в рогах: как *ала бакан*[474]
Разветвлялись, хотя *жапан*[475];
Шли косули, их робкий ход
Тормозил беспокойством скот;
Шли, качаясь в ходу, слоны –
Так же катятся валуны;
Шёл и тигр, и снежный барс,
Шёл и лев – он как будто пас
Эти волны живых существ;
Шли медведи, хотя протест
В толстых мордах был виден их;
Волки шли; и совсем уж тих

Шаг был рысей, лисиц, куниц;
Прибавлялось и разных птиц;
Из-за этих *карсáков*[476] хорь,
Словно огненный лучик зорь,
Влево-вправо метался – он
В гурт, как в клетку, был заключён,
Но не мог он найти просвет,
Чтобы выскочить в белый свет;
Змеи путались между ног,
Черепахи, ежи в клубок
Посбивались, и в порошок
Растирал их живой поток;
Даже ящирицы, увы,
Ни дыры, ни любой травы
Не нашли, чтобы скрыться прочь.
Сотни маленьких жертв, чтоб дочь
Каракана в семью вошла!
Не бывает добра без зла.
Люди рядом с потоком шли
Не простые – богатыри,
Даже многие как цари
Шли в коронах, в руках несли
Кто булавы, а кто мечи;
Все великие силачи,
Кто и с тысячей шли на бой;
Пояс многие золотой
Затянули, и то был знак:
Во владениях не *кишлак* –
Целый край или округ был;
Шли, до неба взбивая пыль,
Словно сказка – такая быль:
Шли спокойно за сотни миль,
Зная: надо Манасу так;
Шли. Над ними как пёстрый флаг
Птицы реяли: беркут, гриф,
Поживиться надеясь; с грив
Пропотевших в пути кобыл
Мелочь птичья слетала; плыл
Над колонною аромат
Пыли, пота, навоза – ад
Пахнёт так же, как говорят;
Жара тоже хватало – вклад

[471] Аңги – о самцах однокопытных: жеребце, осле, кулане без косяка.
[472] Буура – верблюд-производитель старше пяти лет.
[473] Кочкор – самец овцы, баран-производитель.
[474] Ала бакан – сучковатый шест, служащий вешалкой в юрте.
[475] Жапан – дикие.
[476] Карсак – общее название рыскающих зверей: волка, лисицы и т. п.

Сделал зной, в вонь включив угар.
Птицы падали с неба – жар
Доставал их; уже «кар-кар»
Соловьи издавали, пар
От баранов валил – отар
Столько мог ли вместить *шаар*[477]?
Весь «калым» как ночной кошмар
Заходил неспеша в Букар.

Горожане хотели скот
Посмотреть, но увидев ход,
Что скорей походил на сход
Всех зверей, кто вокруг живёт,
Испугались; пронзал им слух
Рёв больших жеребцов: испуг
Был и зверю доступен, визг
Жеребят и кобылий сыск,
Что, своих жеребят ища,
Тоже ржали все сообща;
Лошадей было всех не счесть,
Даже если на тучу влезть
И оттуда затеять счёт;
Впрочем, весь вновь прибывший скот
Был бессчётен; слоны, поход
Завершая, трубили так,
Словно ждал здесь заклятый враг;
Шли *инек*[478] и волы, мыча,
Шли *кочкоры*, *ирик*[479] – моча
По колено уже была,
А колонна всё шла и шла;
Шли душные козлы с *эркеч*[480],
Шли верблюды, плевались встречь:
Любопытство зевак всегда
Раздражало их как вражда;
Отплевавшись, ревели в лад,
Звали брошенных верблюжат,
И *атаны*[481], и *буура*,
Шли за ними, ярясь с утра;
Все архары, козлы, *кулжа*,
Рвались прочь убежать, дрожа,
Вместе с важенками самцы,
Вскинув к небу рога-венцы,
Были биться готовы в кровь
За свободу, покой, любовь;
Все косули, сайгаки все,
Звери, птицы во всей красе,
Даже грифы и журавли
Уж лететь не могли, а шли,
Словно страусы; впрочем, тот
Рядом с ними вершил свой ход;
Соловьи же и ястребки –
Все, кто были на вес легки,
На баранах въезжали – пыл
В них сожрали и зной, и пыль;
А вороны, кукушки – те,
Хоть устали, но в полноте
Крик такой закатили! – дар
Весь вернуть захотел Букар.

Каракан побледнел: «Ого!
«Я сказал лишь свое *тёлгё*[482],
Пошутил... ускакал гонец,
Чтоб прийти вот так наконец!
Это море животных... сель!
Нам самим бы сбежать отсель:
Город мал стал, как будто щель.
Счесть? – несбыточна эта цель,
Легче счесть на лугах траву...
Может, вижу сон наяву?
Прокормить их нельзя, забить –
Век не съесть их... Ну как же быть?!»
Так, в печали, в раздумьях весь
Пребывал Каракан. А весть
До старейшин дошла уже,
Все собрались, тая в душе
Страх и даже, пожалуй, злость:
«Каракан, захотел ты в горсть
Взять богатства земли за раз;

---

[477] Шаар – город.
[478] Инек – корова старше трех лет.
[479] Ирик – трёхлетний валух.
[480] Эркеч – кастрированный козёл.
[481] Атан – холощёный верблюд, верблюд-мерин.
[482] Төлгө – гадание. Здесь имеется в виду, что просто так сказал (не считал, пошутил, поиздевался: думал, что не смогут такое отдать).

Ты калым запросил – Манас
Скот привёл, сколь просил ты, в дар;
Скот растопчет теперь Букар.
Двести наров, овец гурты –
Есть предел у твоей мечты?
Злато-серебро для *чачыл*[483]
Двести наров несут без сил –
Это тоже ведь ты просил?
От такого, прости, «*чачыл*»
Нас откапывать будет мир!
Груды золота – вот кумир
Для пройдох и для простодыр;
Наши души другим полны,
Пока все не погребены...»
Пререкался старейшин круг,
До костей их пробрал испуг,
А тем временем важно так
Подошёл к ним Туучунак,
Жакыпхан восседал на нём:
Борода и усы огнём
Полыхали – закатный луч
Падал вовремя из-за туч;
Следом, сидя на *Бозжорго*[484] –
В *элечеках*, как молоко –
Белых-белых, аж слепит взгляд,
Как царевны – пятнадцать в ряд,
Уважаемых *аялзат*[485],
В город прибыли; вслед отряд
Силачей поспешал, и флаг
Вился, пики сверкали так,
Словно в город ворвался враг;
Все, кого лишь позвал Жакып,
Шли в отряде бескрайнем – влип
Как казалось букарцам, – град
В что-то страшное: все подряд
Шли с оружием, *боз кисе*[486],
Приторочив на пояс, все
Не забыли, идя в поход,
Словно долгий поход их ждёт.
Шли размеренно, и тряслась
Вся земля, превратившись в грязь;
В головах у букарцев связь
Потерялась: кто нынче власть?
Появились и силачи,
Алп Балта, да и Жамгырчы,
Кыргылчала все сорок львов.
У букарцев не стало слов,
Обмочились иные вдруг,
Кто-то, струсив, сбежал; испуг
Поразил даже тех, кто знал,
Что их всех Каракан позвал,
Что прибудет жених сейчас –
Сивогривый батыр Манас;
Только топот коней не гас,
Растравляя волненье масс.

Когда прибыл лишь Жакыпхан,
То сказал ему Каракан:
«Пыль вздымая, земля сама
Зашагала, сойдя с ума!
Скот пригнали вы, словно сель,
Взять девицу мою отсель?
Или – пики и синий флаг,
Что я вижу в руках вояк,
Для того, чтобы взять нас так,
Как бессовестный любит враг?
Мою дочь-мастерицу вы
Сватать ехали иль, увы,
Всех решили без головы
Вдруг оставить, как злые львы?
Моё сердце в испуге: вдруг
Враг закрылся личиной «друг»?
От испуга померк весь свет.
Жду я с трепетом ваш ответ».
Жакыпхан на своём коне
Руку к сердцу прижал: вдвойне
Он расстроился – о войне
Он не думал и в страшном сне;
Он приблизился и сказал:
«О, почтеннейший сват! – назвал

[483] Чачыл – рассыпать, разбрызгивать; (в свадебном обряде кто-л. из старших женщин из родни жениха обсыпал сластями новобрачных; в эпосе – деньгами, драгоценностями).
[484] Боз жорго – светло-серый иноходец.
[485] Аялзат – женщины.
[486] Боз – серый. Кисе – мешочек из кожи на поясе (который служил для ношения кремня, огнива и т. п.).

Так тебя я, поскольку сын
Мой затее всей господин;
Это ты, Каракан, звезду
В доме прячешь свою, да ту,
Что зажгла в моём сыне жар:
Это ты, Каракан, пожар
Хочешь спрятать в дому; поверь
Что любовь – это хитрый зверь,
Ведь найдёт, как уйти к тому
Кто по сердцу ей, по уму;
Это ты, Каракан, в воде
Прячешь выдру, хотя нигде
Воздух там не найти; звезде
Можно быть лишь на высоте;
Поклянусь я тебе, молве
Волосами на голове
И зубами во рту своём –
Свою дочь коль отдашь в мой дом,
То Манаса, сынка, возьмёшь.
Я, мой сват, не приемлю ложь,
Как тебе, дорога мне честь,
Это – главное в жизни есть,
Не баранов гурты, коров.
Если буду я жив-здоров,
Буду дочь я, как ты беречь,
Чтоб ни взгляд, ни чужая речь
Не могли её осквернить;
Дай-то бог, чтобы мог любить
Ты Манаса как Канықей –
Как мы любим своих детей».

Жакыпхан лишь закончил, сват
Тут же выразил, как он рад,
И словами, и видом всем:
Он казался другим совсем,
Чем минутами был назад,
Пригласил всех войти в свой град;
Там две сотни старушек, в лад
Напевая, расселись в ряд
И пороли мешки: мол, жир
Разложить бы куда-то – пир
Намечается, и большой.
В общем, принял народ с душой
Сватовство, и прошёл испуг,
Не хватало лишь только рук:
Были женщины все в жиру,
А ведь девять пока (в жару!)
Лишь зарезали жеребят,
Накормить – хоть не всех подряд,
А почётных... «Манас», «батыр» –
На устах кочевало, – «пир»
И, конечно же, «Канықей»...
Всех тревожней, пожалуй, ей
Было в эти часы – увы:
Ей и спрятаться от молвы,
Но и знать в то же время всё –
Так хотелось! А ведь лицо
Жениху показать нельзя,
У невесты одна стезя:
Молча ждать в закутке, пока
Её старшей *джене*[487] рука
Приведёт к жениху, к родне.
Только где она, та *джене*?!
В суете, охватившей всех,
Позабыли про всё: успех –
Он порою как крепкий хмель
Превращает мозги в кисель,
Да и дел бесконечный сель
Заполняет любую щель.
Дева, день весь прождав, в постель
Одиноко, как в колыбель,
Вся в слезах улеглась – мол, что ж,
Но с собой под подушку нож
Положила – в дому одна,
И во тьму погрузилась сна.
А батыр, лишь взошла луна,
Стал искать: где же, мол, она –
Та, что станет женою мне?
Двух позвал он с собой *джене,*
Чтоб к невесте войти втроём;
В нетерпенье ворвался в дом,
Смотрит: спит Канықей уже.
Нежность вспыхнула так в душе,
Что не выдержал он и лоб
Ей погладил – присниться чтоб;
Испугавшись, проснулась вмиг
Канықей, но сдержала вскрик,
Нож схватила и как в ворьё

[487] Жеңе – жена старшего брата по отношению ко всем родственникам мужа.

В руку, гладившую её,
Так направила остриё,
Что пронзила предплечье всё.
Как в обиде ушёл батыр,
Не взглянув на невесту. Мир
Покачнулся, померк в глазах;
Проклиная себя, свой страх,
Сон, надежд своих нежных крах,
Поскорее она впотьмах
Как попало оделась, вслед
Поспешила батыру; свет
Лунный падал как цвет весной;
Уходящему лишь «Постой!» –
Так промолвила Каныкей,
Тут же он обернулся к ней.
Словно хлопок, нежна, мягка
Речь была её, но века
Всю оставили в вечной мгле,
Словно высеченную в скале:
«О, Манас, ты велик душой!
Ты с любовью ко мне пришёл,
Но осудит тебя народ:
Оскорбится и не поймёт:
Не в обычаях брать жену,
Взяв в свидетели лишь луну,
Тёмной ночью, застав одну,
Отошедшую уж ко сну.
Я, батыр мой, ведь не вдова,
Расцвела для любви едва,
А бутон – это не трава,
Чтобы мяли из баловства!
Ведь зовёшься героем ты,
Управляешь людьми... Чисты
Чувства, помыслы быть должны.
Коль уедешь ты без жены –
Это будешь, поверь, не ты.
Коль и я, зачеркнув мечты,
«Пусть уходит» – скажу, тогда
Это буду не я, о да!
Злой обидой во тьму гоним,
Словно маленький мой *иним*,
Ты уходишь, шумя, иным –
Над собою не господин;
Но не поздно прийти в себя:
Это я говорю – судьба.
Завтра утром тебе меня
По обычаю, как коня,
Дженелер отдадут уж в дар;
Вот тогда мы сердечный жар,
Если даст нам Аллах, – сольём,
Чтоб по жизни идти вдвоём.
А сейчас... Не сдержалась я,
Сивогривый, прости меня!» –
И улыбкой светлей огня
Одарила богатыря:
Так могла бы сиять заря,
Всю любовь одному даря.
Обернулся герой Манас,
Не сводя восхищённых глаз
С Каныкей, он ответил так:
«Да, батыр кабылан – бедняк,
Ведь пронзён навсегда – ей-ей,
Лишь одной тобой, Каныкей!»
Вот такие слова дошли
Из заветных глубин земли,
Над которой века текли,
Растворяясь навек вдали.

Вот уж целых шесть дней, ночей
Длится праздник: от силачей,
От борьбы их и *эр сайыш*,
Все на скачки бегут, – глядишь
Там, затеяв *жамбы атуу*,
Двое суток на суету
Все потратили снова – что ж,
Свадьбу пёхом не обойдёшь:
В общем тридцать весёлых дней
Не гасили в домах огней,
Хоть и ждали гостей притом
Дом – для сна, для одежды дом,
Дом для кухни, для смены блюд.
Было столько подарков тут! –
Не сочтёшь, а посмотришь лишь –
Удивишься: *кийит салыш*[488]
Не вмещались и в пять домов!
А для мужней родни даров

[488] Кийит – подарки одеждой от родственников жениха родственникам невесты после помолвки.

Было столько! – пожалуй, пять,
И не меньше, домов опять
Нагрузили на наров – кладь
Их двенадцать смогло поднять.
Описать же богатства все –
Созывать надо *Ыр кесе:*
Пересохнут одни уста,
Надо уст ну не меньше ста!
Из Букара наш Жакыпхан
Вёз невестку в свой Самаркан:
Весь народ был от счастья пьян –
Радость хана бодрила стан,
Удовольствия вкус всегда –
Лишь вино он, а не вода.
В Самаркане продлился *той*.
Там оставим его. Другой
Ждёт рассказ: как юнец один –
Бокмурун, Кёкётоя сын, –
Приглашал на поминки рать,
Чтобы почесть отцу воздать.

ПРИГЛАШЕНИЕ НАРОДА НА ПОМИНКИ ПО КЁКЁТЁЮ

Э... э... э... эй!
Средь кыргызов, казахов свой,
Из *албанов* сам, Кёкётёй
Ханом был и *айылбашы*,
И не то, чтоб считал гроши, –
Нет, куда девать барыши,
Он порою не знал; ханжи
Говорили – что, скот, как вши,
У него, мол, плодится – счёт
Не ведёт он который год:
Если только считать приплод:
У коровы шерстинки, вот,
Сосчитать будет легче... Но –
Гнёт *калмакский* уже давно
Кёкётёя гнобил; одно:
Если бедный унижен, дно –
То, что знать ему век дано,
А богатому всё ль равно? –
Вот для му́ки души зерно.
Когда умер хан Орозду
И *калмак* провёл борозду
Между «до» и «теперь», – увы
Вот уж точно: без головы
Люд безгласней простой травы:
Разделились кыргызы вдрызг –
Кто куда – на авось, на риск
Разошлись по земле; кыргыз
Из народа на сотни брызг
Расплескался: родов, племён.
В похвалу Кёкётёя – он
Ведь не сгинул же с глаз времён,
Как сто тысяч других имён;
Закалившись в беде, как сталь,
На Ташкен он подался, вдаль,
Рассуждая: былого жаль,
Но не кормит людей печаль.
С чем ушёл – то умножил: скот
Дал сторицей ему приплод,
Были пастбища все полны:
И верблюды, и скакуны,
Дромадеров по сотен пять
Он и в городе мог держать;
Для себя, для гостей всегда
Лишь мясная была еда;
Где-то тайный в горах рудник,
Видно, был у него: велик
Был запас золотых брусков
И *жамбы*[489]: серебра кусков, –
В общем, был Кёкётёй богат,
Но богатству, увы, не рад,
Дом детьми не украсив свой.
От своей тоски Кёкётёй

[489] Жамбы – слитки серебра.

Пожелтел как трава, поник,
Стал он выглядеть, как старик,
Сам себе кредитор-должник,
И пристя́жный, и коренник.
Как-то раз он не мог в дому
Усидеть: словно кто ему
Нашептал, погулять позвал;
Он решил пойти на увал –
Поохотиться, пострелять,
Настроенье себе поднять.
Взял огниво с собой, камчу,
Кликнул тридцать своих *котчу*
И к увалу Кара-Урчук
Всей толпою пошли. Пичуг
Было много, но чей-то писк
Птичий гвалт перекрыл и свист,
Посмотрели: а за холмом,
Чуть поодаль, лежит бочком,
Еле-еле пища, малыш,
А вокруг – лишь осот, камыш,
Мухи, оводы... Кайыпчы –
Назывался увал; ничьи
Те холмы, и ничей чужой
Был ребёнок, и Кёкётёй
Так сказал: «Кайыпчы мне дал
Сына в дар!» – словно мог увал
Человека родить, но кто
Стал бы спорить тогда? – никто.
Хан забрал малыша домой,
Закатив для народа *той* –
Даже позже народ порой
Вспоминал: «Бокмуруна *той*!» –
Символ роскоши, щедрый взнос
Людям, богу – за то, что внёс
В жизнь богатого хана смысл;
Лился щедрой рекой кумыс,
По корове, козлёнку в день
Резал хан, и ему не лень
Было в день вершить *садага*[490]
И раздаривать вороха
Чапанов и халатов тем,
Кто три дня поздравлял, затем
Одевал он других гостей
Да, по сути, и всех людей.
А ещё позвал Кёкётёй
Шесть молодок – сманил их мздой
Да набрал их из разных мест;
Их одел, как своих невест,
Дал оплату по-ханski, чтоб
Целовали младенца в лоб,
Чтобы нянчить, кормить, играть
Так могли, как родная мать,
Чтоб на землю его нога
Не ступала без *садага,*
Чтоб одежда едва ли раз
Одевалась младенцу – сглаз,
Он такой ведь, он липнет враз,
Надо, чтобы в старье он гас.

В девять лет Бокмурун уже
Сел в седло, но в его душе
К Мааникеру, коню, тепла
Было больше, чем к людям; зла
Он к отцу не питал, но мог
Не встречаться с ним долгий срок,
Не скучать, не тянуться вслед;
А с двенадцати полных лет
Он уж с беркутом ловчим мог
На охоту уйти. Сынок
Был как раз на охоте; бог
Кёкётёя не уберёг:
Тот внезапно так занемог,
Что с постели уж встать не смог.
Дело было к зиме. Ледок
Появился на лужах; лог
Белым инеем был покрыт.
Не вернулся к ночи́ джигит.
Кёкётёй попросил слугу
Встретить парня: мол, не смогу
Я, боюсь, и проститься с ним;
Тот помчался, и «Господин, –
Так сказал, отыскав сынка, –
Ваш отец… Надо *садага*», –
Побоялся сказать, что хан

[490] Садага – искупительная или благодарственная жертва (для изгнания духа болезни, от сглаза и т. п.); милостыня, подаяние.

Умирает, сказал: «*Атан*[491]
Чёрный… умер уже, поди!»
У джигита азарт в груди
Полыхал, вызывая дрожь,
Он ответил: «Пусть режут, что ж!»
Тут поближе к нему слуга
Подобрался, кричит: «*Ага*!
Умирает отец, наш царь!»
Но охотник, как тот глухарь,
Что не слышит в току себя,
Так ответил: «Ну что ж, судьба:
Если умер *атан* – забьют;
Царь умрёт – похоронит люд;
А коль стает пороша с гор,
Где найдете вы *кан*[492] *сонор*[493]?»
Бокмуруна слова народ
Поговоркою сделал влёт,
А его самого не в счёт
Стали брать, как прогнивший плод.

До него лишь дошёл удар,
Когда спутник его, Айдар –
С лошадиною чёлкой друг, –
Напросился: мол, всех вокруг
Известит, что навек в покой
Удалился хан Кёкётёй.
На своём Мааникере сын,
Хоть у хана и был один,
Но задумался: кто бы мог
Взять на плечи такой оброк –
И поминки, и прочий труд.
Так сказал Бокмурун: «Умрут
Все когда-то... В любой семье
Есть такой, кто предать земле,
Может всех – одного ль, гурьбу, –
Обойдя все, что есть, табу,
По обычаям. В похвальбу
Говорю всё *байке* Урбу:
Известим мы его сперва,
Он из близких всех – голова,
А потом уж и остальных,
Сам он выберёт, мол, каких».
К похоронам собрал он сам
Всё, что нужно, не дав слезам
Заслонить весь порядок дел:
Он за копкой *чары*[494] глядел –
Так ли выбрали землю всю,
Утоптали ли полосу,
Чтоб пройти до могилы – снег
Не прервал бесконечный бег,
И замерзла земля как сталь –
Было небу как будто жаль,
Что ушёл Кёкётёй навек,
Недолюбленный человек.
Сын палатку привёз – помочь
Десяти землекопам: в ночь,
Как и днём, шёл подкоп – невмочь
Было выкопать враз, и прочь
Лишь закончив они ушли;
После этого привезли
Целых десять *асыев*[495] – их
Подобрали всех вороных;
Горожан и сельчан-дехкан
Известили, что умер хан:
Наманган, Кокон, Маргалан,
Весь Букар, Балык, Бадакшан, –
Были в сроки извещены,
На поминки приглашены,
Лишь один был на *аш* не зван –
Получилось так, – Самаркан!
На святой для всех *дооран*[496]
Тем не менее доступ дан
Был толпе: девяносто слуг
Ритуальных простых услуг,

[491] Атан – холощёный верблюд, верблюд-мерин.
[492] Кан – кровь; здесь – полнокровная, настоящая.
[493] Сонор – охота по пороше с ловчими птицами или с борзыми (Кара атан өлсө сойулар, Кан атам өлсө койулар, Кан сонор кайдан табылар! – *посл.*).
[494] Чара – то же, что казнак – могильная яма, где будет лежать покойник.
[495] Асый – по пятому году (т. е. уже взрослый – о лошадях).
[496] Дооран – отпущение грехов (религиозный обряд, совершающийся до выноса тела и сопровождающийся раздачей подарков на помин души).

Не считая ещё муллу,
Совершили *жууную*[497]:
Все они, получив *ыскат*[498],
Жаназа[499] прочитали в лад,
Тело в саван, как в кокон, всё
Завернули, закрыв лицо,
Спеленав белизной в яйцо,
Положили в конце концов
На земле, наказав родне:
Здесь ночуйте, а не извне.
Десять родичей и Урбу
Возносили всю ночь мольбу
Небу – приняло чтоб судьбу,
Что оставила скорлупу,
Воспарив к тем высотам, где
Места счастью нет и беде.
Сорочину ждал весь народ,
Даже дальних родных приход,
Тех, кто хоть бы однажды в год
Вспоминал, где, мол, хан живёт;
Силачей пригласили всех,
Мудрецов, кто стяжал успех
Прозорливостью и умом,
Тех знакомых, что просто в дом
Были вхожи к родне друзей.
Раструбили округе всей:
На поминки, мол, звали вас.
Не был зван лишь один Манас.
Без возврата гонец ушёл –
Дальний люд созывал он, мол,
Да и где-то застрял в пути;
Шукурлуу его мог найти,
Но он сам на охоте был,
А потом распылился пыл.
Сорочину провёл Урбу
И, закончив, всех слуг гурьбу
С Бокмуруном увёз в Кемин,
Где доселе он жил один.

Вот прошла и зима. Земля
Нарядила холмы, поля,
Перелески в зелёный шёлк
Под лихой соловьиный щёлк –
Гимн любимой своей земле.
Жеребят уже на *джеле*[500]
На день стали вязать; жара
Начиналась уже с утра –
Миновало немало лун.
В юрту, где лежал Бокмурун
Как-то раз как лихой тайфун
Залетела *аял,* – табун
Столько шуму бы внесть не смог
В сонный сумрак: всех чувств клубок,
Где досады пылал накал,
На лице её был; Суйкал –
Звали женщину так, была
На беспечного парня зла.
Бокмурун же в обьятьях сна
Развалился и храпуна
Так давал, что текла слюна
На постель из шелков и льна.
Он и глаз не успел раскрыть,
Как Суйкал – и откуда прыть? –
Закричала: «Ах ты, глупец!
Да проснёшься ль ты, наконец!?
Где-то спал ты, пока отец
Умирал без тебя; гонец
Был отправлен тобой назад,
Не поднял ты свой подлый зад!
Ты – из кожи мешок с дерьмом,
Развалился и дремлешь днём,
Ты бы вспомнил хоть раз о том,
Кто и жизнь тебе дал, и дом!
Люди шепчутся: *садага*
Каждый день делал хан, пока
Ты, бездельник, взрослел и рос,
Он-то думал: ты – сын всерьёз,
От беспочвенных этих грёз
Нахлебался он только слёз!
И сейчас, когда он ушёл,
Ты пускаешь слюну на шёлк,
Сновиденьями тешишь блажь,
В годовщину не сделав *аш*!
Твой Урбу будет прав, когда

[497] Жуунуу – омовение.
[498] Ыскат – подарки из вещей умершего, раздаваемые на помин души.
[499] Жаназа – молитва по покойнику, совершаемая перед погребением, заупокойная молитва.
[500] Желе – привязь для жеребят.

Вдруг однажды твоим *ата*,
Но двоюродным станет вдруг:
Мать возьмёт твою, скот, *укук*[501],
Ты же станешь никто тогда
Без наследства и без скота!
Ты приёмыш, и простота –
От незнанья, она – беда:
Вот Агыш для сестры твоей
Сватом стал; но скажи скорей:
Кто-то спрашивал у тебя
Иль решалась семьи судьба
Пока пил ты *арак* и спал?
Кем, скажи, для семьи ты стал?
У приёмных детей, увы,
Совесть ниже, чем рост травы!
Мысли – только вокруг жратвы,
Мог бы жить ты без головы,
Кабы рот был на брюхе твой!
Мы не видим тебя – слепой,
Видно, стал весь народ вокруг,
Или ты – как без ног, без рук
Можешь только лежать без дел,
Словно в этом весь твой удел –
Для смуглянки твоей, жены,
Твои чресла заражены:
Равнодушием прокажён
Ты, несчастьем заворожён,
Из Коконских чтоб ты снабжён
Был одной бы из местных жён –
Волосатее обезьян,
Выбрав домом одну из ям,
Чтобы стал *садага* ты сам
Для отца своего, *адам*!», –
Так кричала Суйкал, смеясь,
Издеваясь, и словно в грязь
Вмиг втоптав все, что Бокмурун
Честью, в общем, считал; всех струн
Потаённых его души
Так коснулась – хоть не дыши,
Бабы в гневе нехороши:
Облик женский, а суть – *бакшы*!

Раскрасневшаяся Суйкал
Только вышла – он вновь упал,
Гнев душил его, словно он
В землю заживо погребён,
Словно умер без смерти: вон
Улетела душа, а он
Дочерна был внутри сожжён,
Пулей меткой навек сражён.
Двое суток лежал *байкуш*[502],
Посинел и такую чушь
Бормотал! – проклинал судьбу.
Трижды в день приезжал Урбу,
Жеребёнка зарезал, но
Есть не мог Бокмурун: зерно
Злобных слов прорастало так,
Что в душе бушевал сквозняк,
Выдув грёзы, мечты и сны,
Словно вместе с собой они,
Как ненужные миражи,
Унесли и кусок души.
Жезбилек навестила, взяв
И ребёнка с собой, вогнав
Ещё в большую грусть: дитя
На руках он держал, грустя,
И Урбу, порешив, что сдвиг
Появился к поправке, вмиг
Стал расспрашивать без конца,
Что в печаль вовлекло юнца.
«Мой бедняжка, отрада глаз,
Почему напугал ты нас?
Что случилось, почто душа
Покидала тебя, спеша?
Брата ты напугал, мой лев,
Чем же вызван, скажи, твой гнев?»

Но не мог Бокмурун сказать,
Что Суйкал его мысли вспять
Повернула от жизни всей,
Что текла себе как ручей –
Беззаботна, в брегах затей;
И что истина – он ничей, –
Подкосила, повергла в страх,
Не сказать если больше – в крах,
Словно жил он в других мирах,

[501] Укук – право.
[502] Байкуш – бедняжка, никчёмный, никудышний.

От которых остался прах.
Он другое сказал, как смог:
Словно с горла сорвав замок:
«Брат мой старший, я звал тебя
В чёрный час, когда вдруг судьба
Отняла у меня отца.
Ты помог мне... не до конца:
Я с Ташкена уехал... здесь
Оказал ты мне, право, честь,
Предоставив и кров, и стол.
Но отцу, что зимой ушёл,
Я поминки не справил... что ж,
Надо мною смеются, – нож
Острый в сердце воткнув, молва
И за сына отца едва
Принимает, – мол, голова
У меня не того родства.
Я уеду опять в Ташкен,
На привычной земле с колен
Снова встану; отцовский род
В том поддержит, и весь народ
Что привычно зову я «наш»,
Мне поможет устроить *аш*.
Брат мой старший, мой дядя, зря
Звал тебя я: покой даря,
Ты меня упокоил здесь,
Как уснувшую в сердце весть;
Я приехал – в надежде весь,
Что с тобою вдвоём мы честь
Кёкётёя поднимем ввысь.
Я ошибся. А ты: «не злись»;
Я не злюсь, я погас, потух,
Из меня словно вышел дух,
Ну, а вместо – пришёл позор,
На всю жизнь мою тень простёр
И своей головы с тех пор
Я поднять не могу, как вор;
Я из жизни готов уйти,
Коль не будет назад пути;
Я в печали уйду, и ложь
В спину всадит, прощаясь, нож»,

От таких безысходных слов
Брат Урбу побледнел, прочёв
В них печали предсмертный зов,
Сам заплакать он был готов:
«Бокмурун, ты прости меня!
Оттого ты лежал три дня
Без еды, без воды, огня?
Братик мой, прокляни меня,
Если сделал я что не так!
Мой хороший, родной, чудак,
Не печалься, исправим всё!
Вновь закрутится колесо:
Я народ приглашу письмом
И гонца подберу с умом,
Чтоб доставил Кошою в дом
Приглашение, а потом
Сам Кошой приглашенью ход
Даст, чтоб весь охватить народ.
У кыргызов – Кошой глава;
У казахов – Кёкчё в правах;
Для узбеков хан – Сынчыбек,
В Бадакшане же – Малабек,
В Балыке сидит Алабек,
В Дуйшёмбу же есть Козубек;
А в Букаре – там Каракан,
В Жети-Огузе – Агышхан,
А в Кебез Тоо – великан
Эр Тёштук, – знаменитый хан;
Всех на первый лишь взгляд беру.
В Бетбакты ещё – Кёкбёру,
Ну, а если взглянуть вокруг,
То расширится этот круг,
Ну-ка вспомню я всех подряд:
В Коросоне есть Мырзакмат,
На Кыйбе – Дабутай там хан,
А в Ургенче же – Акункан,
У кыргызов он не внизу;
Багышхан есть на Жети Суу;
Лопмурда, Таабалды, Котен,
Карача и Нура, Жеркен –
Это те, что придут гурьбой,
Вместе связанные судьбой;
Кен Токой очень близок нам:
Кетмен Тёбё, ты знаешь сам,
Лучший был по всем временам,
Кендирбай его строил, хан
Сын такой же, не скажешь – нуль.
Позовём ещё Кёркёкуль –

Он оратор и краснобай,
Он с собой приведёт весь край.
Впрочем, может, не весь. У нас
Кровопийца ведь есть – Манас,
Сын Жакыпа, он – *капсалаз*[503],
Зло наверно нашло в нём лаз:
Управляет народом так,
Чтобы жил словно хан бедняк,
Богачам он грубит, порой
Может голову снесть долой;
На святых он в запасе брань
Держит в злобных устах и длань
Не целует, молокосос,
А скорей задирает нос;
Он унизил соседей всех,
В его злобе его успех,
А ещё он готов на смех
Вдруг поднять беспричинно всех,
Кто живёт, как велит мулла.
Вот такие, мой брат, дела!
Коль его пригласить на *аш*,
Станет склокой и битвой наш
По традиции мирный *той*;
Он испортит его собой;
Мягких слов ведь не знает он,
Громче всех он всегда на тон,
Сам себе он всегда закон
И достатку других – заслон:
На пороге былой зимы
На Аранике бились мы –
Брат Урбу твой и *алп* Кёкчё, –
Подставляли своё плечо
Мы Манасу, и что потом?
Голяком мы вернулись в дом:
Он добычи не дал, притом
Всё о люде радел простом.
В общем, пусть он не будет зван,
Не такой уж он важный хан!
Вот Кошой, да и *алп* Тёштук
Коль помогут советом вдруг,
То старейшин созвать на круг
Смогут как бы из первых рук;
Кёркёкул да и Музбурчак
Посоветуют – где и как
Расставлять надо юрты здесь,
Ведь приедет из разных мест
Очень разный, хоть свой народ,
Надо вымерить наперёд,
Обозначив места, чтоб все
Были вместе, как соль в *кесе*.
Мы с тобою решим вдвоём,
Кто какой занимает дом:
По соседству так подберём,
Чтоб их дружбу связать узлом!»

Так слуга на царя глядит,
Как племянник на дядю: вид
Бокмуруна уже бы мог
На любой бы роток платок
Вмиг набросить, когда б молва
Повторила б его слова –
Те, что вызвали речь Урбу
И пинали вовсю судьбу.
Кёкётёя сынок, светясь,
Так ответил: «Любая связь,
Хоть с роднёй, хоть с друзьями, брат,
На тебе; я же буду рад
Помогать, ведь рудник ума
Жизнь тебе отдала сама,
Ты исполнишь мою мечту
Лучше прочих, и пустоту
Ты заполнишь в моей душе,
Слышу радость я в ней уже,
Чую – весь испарился страх,
Слышу силу в своих руках –
Как в кузнечных больших мехах;
Без тебя бы я весь зачах.
В самый трудный из первых дней
Поручи мне встречать гостей!» –
Так сказал Бокмурун, Урбу
Его радость прочёл на лбу:
Старший брат на своём горбу
Должен вывезти в рай судьбу
Молодца, что пройдя урок
Из него зерна не извлёк.
Но Урбу ничего не ждал
И перечить юнцу не стал.

[503] Капсалаз – беда, бедствие; буран.

Объявил он тотчас аврал
И людей на совет созвал,
Чтоб они за пятнадцать дней
До поминок – когда, видней
Им самим, собрались на круг,
Все вопросы решить не вдруг,
Но уважить запрос юнца.
Сам Урбу отряжал гонца,
Сам давал каждый раз наказ,
Чтоб про сбор не узнал Манас,
Чтоб испортить его не смог.
Пыль клубилась в тиши дорог.
Вскоре прибыли: *алп* Кошой,
Кёркёкул, Музбурчак-*бойтой*[504],
Великаны Тёштук, Агыш –
Все, известие только лишь
Получили, собрались в путь:
В Кёкётёе была вся суть.
Сам Урбу с Бокмуруном в дом,
Их встречая, вели вдвоём,
Или просто в беседку, в тень;
Отдохнуть им давали день,
Гулайым Кёкётёя стол
Накрывала, и даже столь
Уважаема так была,
Что беседы вдова вела
С каждым гостем; хотя на круг
Первым вышел Урбу: из рук
Вожжи власти вдове отдать –
Подкаблучником сразу стать.

Вот как начал Урбу совет:
«Мы собрались, друзья, чуть свет,
Чтобы вспомнить, что было, нет,
Чтоб к вопросам найти ответ.
У народа *Алаш* давно
Кёкётёй был царём; одно
Отличало его от всех:
Человек был, но мог успех
Словно птицу схватить за хвост
И в хозяйстве он был непрост:
Скот сторицей давал прирост!
Не хватал он, конечно, звёзд
Прямо с неба, но был богат,
И помочь был другому рад,
Хоть кочевником был, как мы,
Но не все мы смогли умы
Приложить, чтоб возглавить стан,
Как умел Кёкётёй, наш хан!
Умер хан Кёкётёй зимой.
Все обряды, само собой,
Провели как один обряд –
Чтимый всеми большой *зыйнат*[505];
А теперь мы призвали всех,
Чтобы *аш* совершить – успех
Ритуалов печальных, знать,
Чтоб всем миром их совершать.
Посоветуйте: где стоять
Надо юртам, кого позвать?
Брат Кошой, просветил бы нас!
Шесть царей: мы стоим сейчас –
Все – родня мы, как напоказ;
Но не зван был сюда Манас:
По отцовской крови родня
Тоже он, но понять меня
Я прошу, предъявив рассказ,
Кто такой он, батыр Манас.
Ему было двенадцать лет,
Когда он взял *олжо* в ответ
Нападенью Кёнтея, – тот
На Манаса пошёл в поход,
Но нашел только смерть в бою,
Потеряв даже дочь свою.
Здесь сегодня вы, вся родня.
Хоть бы кто удивил меня,
Что его Манас известил
И добычу с ним разделил.
На Сарарке был Шоорук.
И куда он девался вдруг?
Город пал всё от тех же рук,
С ним погиб и хан Шоорук;
Его дочь Накылай в *олжо*
Взял Манас – уже сколько жён?
Это, в общем, нехорошо.

[504] Бойтой – быть, выглядеть скромником.

[505] Зыйнатка тур, или зыйнатта тур, или зыйнатка олтур, или зыйнатта олтур – оплакивать покойника и чтить его, принимая участие в заботах о похоронах и поминках.

А как вырастет он ужó?
Была сватана дочь-душа
Кулетеном за Агыша.
Да, об этом Манас не знал,
Но и знать-то ведь не желал!
Он Агышу и не сказал,
Что невесту его забрал,
Хоть сказали ему уже:
Мол, дорожку к её душе
Проложил сам Агыш-богач;
«Уже поздно, – сказал, – хоть плачь».
Он Араник во весь опор
Захватил, и его топор
Дёокана сразил в упор,
Чьё дитя Карабёрк с тех пор
То ль *олжо*, то ль жена... Манас
Жён, и тех, нахватал в запас.

Я-то помню ещё года,
Кендирбай был живой тогда,
Керкёкул не родился... да;
Я к чему? – просто мы всегда
Знали свято: за дочь – калым,
И наличными, отдадим,
Сыновьям же поможем в долг.
Голос совести в том умолк,
Кто в обрядах не видит толк
Или думает просто – мол,
Пусть старейшины бдят, не мы,
Опыт жизни замкнув в умы.
Думал, нет ли, Манас о том,
Мы не знаем, – о прожитом
Нашем только мы знаем: и вот
Ну-ка вспомним, как мы в поход
На Араник пошли за ним?
Все пошли: Кетелик, Кёкчё –
Все, подставить спеша плечо,
Ну и что? Ни трофеев, ни.
Ни «спасибо», ни «извини»!
А в Сарарку, в Ташкен когда
Он пошёл – нас позвал тогда?
В Анжияна шесть городов?
Всё отдать он зато готов
На поддержку сирот и вдов.
Он для голи – герой, а нас
Разве ценит батыр Манас?!»

«Правду высказал нам Урбу!» –
Шум в момент всколыхнул толпу,
Все старейшины голытьбу,
Что Манас под
держал, к столбу
Так и вывели бы на суд!
Лишь Кошой попытался люд
Успокоить, да Бокмурун
Словно вновь ощутив валун
На сиротской своей душе,
Сжался молча, настороже –
Всё забудут, мол, в кураже, –
Даже ноги сложил уже,
Где сидел он с Урбу, – на *тёр*,
Без стесненья вмешавшись в спор:
«Мёртв отец мой, его глаза
Видят то, что живым нельзя
Ни увидеть, ни оценить;
Сын его – я хотел бы нить
Разговора свернуть на *аш*,
Уважая весь опыт ваш,
Я напомню вам: деньги есть,
Их под землю, увы, не снесть,
Пожалеем их часть на честь,
Так сгниют же сквалыгам в месть;
Есть несчетно у нас скота,
И – послушайте все сюда! –
На верблюдов навьючить всё,
Что имею, весьма борзó:
Только злата десятков семь
Я *курджунов* пакую – всем
Не под силу везти коням,
Как я мучаюсь! – так бы вам;
А канаусы, сундуки!
В дни кочевья мои броски
Десять сотен *атанов* – так,
Малость, мелочь, увы, пустяк.
Все из вас это знают? – нет.
Богачом был отец мой, свет,
Я, наследник, его труды
Растранжирю туды-сюды.
Пожалейте ж меня, юнца:
Не уважу *арбак* отца –

Не смогу я свободным быть,
По течению жизни плыть;
Так позвольте же мне судить,
Кто же должен на *аш* прибыть!
Я хочу, чтоб весь мир узнал:
Кёкётёя, мол, сын не стал
Мелочиться – позвал он всех,
Чтоб богатства его успех
Не лежал на нём, словно грех,
Что герой он, хоть без доспех!»

Слово взял *олуя* Кошой:
«И Урбу, Бокмурун, герой.
Всех повяжет нас *аш* «виной» –
Кто провёл поминальный *той*.
Раз «виновники» мы, тогда
Надо нам обсудить места,
Где удачней гостей встречать,
Ставить юрты, и есть, и спать.
Если горы – так пусть ковыль
Устилает их склон: не вы ль
Говорили, что камень, пыль –
Летних гор горевая быль.
Русла рек пусть полны воды,
И леса в берегах густы.
На Алае – все помним мы,
Как печальны луга зимы:
Хоть и тьма по весне травы,
Всё под снегом мертво, увы.
Родники без деревьев тож –
Как глаза без ресниц, и вхож
В эту воду любой зверёк
И нечист потому исток.
Нет, Алай не годится, *жок*[506],
Мы поищем с дубравой лог;
Кёкдёбё иль Учкаркыра, –
Там такого полно добра,
Там зима полна серебра
Из-за крон, куда снег ветра
С гор наносят всегда с утра.
Летом травы пестрей ковра, –
Счастлив, кто там живёт всегда
В руслах там *карасу*[507] вода,
Где совсем не бывает льда;
И леса там густы, и дол
Сам похож на огромный стол.
Надо ваше согласье лишь,
Чтоб громадный наш друг Агыш,
Кёкётёя любивший столь,
Что в душе теперь носит боль,
Сделать *аш* всех позвал туда,
Где леса и вода без льда,
Где тенисто всегда в жару,
Где зимою тепло в бору:
В Жети Огуз и Каркыру.
Рядом есть там большой хребет,
За которым – казах, сосед,
Алматы там стоит внизу
У высоких гор на весу;
Музбурчак, Бокмурун, Урбу,
Повторить вам пора судьбу
Этой смежной земли царей:
Трёх соседей, ведь их сильней
Не бывало тогда в горах;
Дом поставьте и вы на страх
Всем врагам и на радость нам –
Близким родичам и друзьям.
Будет правильным *аш* провесть
Только там и, конечно, весть
О поминках и там, и здесь
Охватила бы край наш весь.
Вы готовьтесь пока, а мы
Напряжём-ка свои умы,
Растрясём-ка свою мошну,
Чтоб как в добрую старину
И подарки, и все призы
На поминках души *мырзы*[508]
Не скупее пришли на *той*», –
Так сказал *олуя* Кошой.

Тот, кто взялся созвать гостей, –
Бокмурун, – он из новостей
Понял только, что есть земля,
Где и он, и его семья

[506] Жок – нет, не годится; неимущий, бедный.
[507] Карасу – речка, питающаяся подпочвенными водами.
[508] Мырза – 1. господин; 2. щедрый.

Справят *аш* Кёкётёю так,
Что поднимут над миром флаг.
Он сказал: «*Олуя* Кошой,
Остальные, я к вам с душой
Говорю: приглашу всех я,
Раз уж место наш *олуя*
Для поминок нашёл; ей-ей,
Есть куда приглашать гостей!
Эй, Айдар! Подойди скорей,
Надо всех записать людей,
Кого мы пригласим на *аш*,
Чтоб учесть нам любую *баш*[509];
Так... вот город Жамбыл – земля
Бетбактуу, но не помню я,
Там ли, нет он, – узнай к утру;
Сын Айкана есть Кёкбёру –
Говорят, что он лучший здесь,
Вот ему и пошлём мы весть;
От Букара и Бадахшан –
Малабек-хан и Каракан;
На Балыке есть Алабек,
В Анжияне же – Сынчыбек,
Занеси этих двух царей,
В список званых на *аш* гостей;
Дабытай – он Кыйбы глава,
Мырзакмат – Коросона, два
Давних друга, их надо звать
Вместе, рядом за стол сажать;
Запиши ещё: Козубек,
Дуйшёмбу он хороший бек,
Акункана он близкий друг,
Значит, звать его тоже – вдруг
Весть услышит про *аш*, незван,
И обидится Акункан.
Покидая Ооганстан,
Надо помнить, что рядом там
Если ехать вдоль Кызыл Суу,
Келечи, Нишапур... Красу
Хвалят многие этих мест,
Говорят, на Кешмире есть
Очень много кыргызов, но
Не общались они давно
С нами, жителями долин:
Горы все там в снегу, один
Перевал к ним всего ведёт,
Говорят, что он круглый год
Полон снега, закован в лёд...
Не пройдёшь – то вернись; взамен
Лучше в город зайти Котен:
Царь Нура там; пойдёшь затем
В близкий – рядом почти, – Жеркен;
Таабалды – он Лопнура царь,
Карача ещё есть – главарь,
Тоже царь, – впрочем, все они
Так зовутся там оны дни;
Каждый должен быть нами зван.
Карашаар, Камбыл, Турпан,
Бешбалык и Баркёл – их клан
Близок к нам, как к коню – *кулан*[510].
Извести их, бахвалов, пусть
Аш запомнят навек, чтоб грусть
После *аша* в сердцах жила,
О несбыточном душу жгла;
Ты скажи им: «Кто не придёт,
Удивит весь честной народ,
Перед ним потеряет вес,
Не увидит таких чудес!»
Ты скажи: хоть в петлю, мол, лезь,
Коль оставишь без действа весть!
Ты скажи: будь готовы: мол,
Всяк, кто пятится, будет гол;
Кёкётёя, мол, синий флаг
Пусть развесят на крышах – так
Повелел, скажи, Бокмурун!
И что *аша* уже канун –
Ты скажи им, и вновь спеши,
Порученье моё верши:
На востоке, где снег вершин
Утром алый, как кровь души,
Пусть узнают об *аше* все;
Там, на северной полосе,
Перевал стоит Кумсары,
Где не тают снегов шатры,
Там герой Бозкертик – дары
От небес словно часть игры
Принимает: там без забот

[509] Баш – голова.
[510] Кулан – дикая лошадь.

Жизнь народа его течёт.
Есть Жолоя земля – большой
Он правитель с лихой душой.
Всех зови, чем я хуже их?
Не дойдёт коль до тех двоих,
Что нельзя не почтить мой *аш*,
То припомню им эту блажь –
Не какой-то я им торгаш, –
Коли зван уж, тогда уважь!
Да, ещё вот что я скажу:
Рядом с ними живут *манжу*,
Правит ими царь Нескара –
Богатырь, человек-гора;
Реже встретишь там и *анжу*.
Чтобы не было галдежу,
Их царя Мурадила тож
Пригласи – он к соседу вхож;
Есть в соседях *кара-калмак*,
Уушан, он привык за так,
Что почётный он всюду гость,
С ним не вздумай общаться вскользь,
Иноходью... Хотя послу,
Как и вестнику, лишь хвалу,
А не смерть, обещает путь.
Да, пожалуйста, не забудь,
Из Кырыма там, я слыхал,
Гостья ханская – Кыз Сайкал –
Есть; ещё Борончу-герой
И *мерген*[511] Жойгара – утрой
Все старанья: они на *той*
Привезут боевой настрой.
Всех зови! Эсенкан-кытай,
Отдал всё, что он на́жил, знай;
Алооке сынок – Конурбай, –
Пошустрил и прибрал весь край.
Пусть из перьев корона, но
В закромах у него полно;
У царя Эсенкана он
Даже грамоте был учён,
Что дороже любых корон.
Вот письмо – прочитает он,
Ведь *калчой* он рождён не зря.
Да не спутай – не для царя,
Для него лишь письмо – лови!
Коль не встретишь *калчу* – порви.
Впрочем, всех их на *аш* зови.
Им скажи и вернись. Любви
Нам не надо от них, но пусть
Нашу силу покажет грусть,
Коль случилось так; шесть царей
Остальных позовут гостей».

Тут вспылил *олуя* Кошой:
«Что ты делаешь?! Грех большой –
Звать, кичась, что богат, беду,
Зависть подлую, клевету.
Ты послушай меня, сынок!
Нам *кытай* и *манжу* урок
Не один уже дали, – ишь,
Так врагов ты всех пригласишь:
Солону и *анжу*, *шибе*, –
Ну, зачем они здесь тебе?
Не зови их! Сверни крыла.
Знать свободу тебе дала,
Чтоб по силам ты вёл дела,
Но свобода ведь завела
В даль такую, что ой-ё-ёй:
Ну зачем нам *сасык*[512]-Жолой?
Подсказать я тебе хочу,
Что не нужен и Борончу;
Про Жойгара я промолчу –
Нам охотник не по плечу,
Если всех позовешь ты их –
То получишь ты сам под дых:
Униженье, поверь, сынок,
Ждёт от них твой родной порог.
Шесть десятков родов *алаш* –
Вот кого бы позвал на *аш*!
И Манас, сын Жакыпа, – наш
Богатырь, ты его уважь!
Он опора родов – Манас.
Коль отделим его от нас,
То растопчем надежд гумно,
Не воспрянет уже оно».

Бокмурун не упел сказать,

[511] Мерген – охотник, стрелок.
[512] Сасык – вонючий, зловонный.

Как поднялся галдёж опять:
Хан Агыш, Эркёкул, Тёштук –
Всех собравшихся, в общем, круг, –
Закричали, беснуясь: «Нет!
Коль приедет Манас – в ответ
Не приедет никто из нас!»
Скис Кошой, только мысль: «Манас
Управляет людской судьбой,
Всю равно, для людей он свой!» –
Успокоила мудреца,
Он Урбу подозвал, юнца
Бокмуруна, сказав: «Тогда
Нам пора начинать *бата*».
Из гнедых выбран был гнедой,
Самый белый – из белых: *кой*[513]
Только в жертву приносят так:
Напрочь голову сносят, в такт
Разбивая живот, как плод.
«Если глянет кто и уйдет,
Не придя на поминки, – тот
Точно так же потом умрёт!»
И старейшины, и цари,
Повторив: «Не придёшь – умри!»,
Нарубив свежих прутьев пук,
Засучив рукава, на круг
Вышли вместе, ведя обряд,
Обещая, что все подряд
На поминки прибудут в срок,
Бородой подтвердив зарок,
И пошли восвояси. Так
Каждый тайный Манаса враг
Победил в этот раз, свой мрак
Отпустив из души-*абак*[514].

Бокмурун и Урбу с утра
Переехали в Каркыра,
И Айдар – молодой посол –
Оседлав Мааникера, шёл
Днём и ночью по адресам,
Что писал под диктовку сам.
Всех нашёл, известил, и вот
Он письмом завершил поход:
Сын известного Алооке –
Сам *калдай*[515] Конурбай в руке
Только миг подержал письмо:
Развернул лишь, прочлось само –
Пара строк, – но *калдая* гнев
Страшен был, как голодный лев:
«О-о, могила отца! *Алаш*
Осмелел и позвал на *аш*! –
Так рычал он, – ещё «уважь»
Он посмел и «*татуулаш*[516]»
Предложить мне, приблудный пёс!
Может, этот *бурут* и звезд
Захотел нахватать с небес?
Пусть узнает, куда он влез!
Мой народ – и *анжу-манжу*,
И *кытай*, – если я скажу,
Уничтожит *бурутов* всех,
Я ручаюсь за свой успех!
Ишь, зазнались! Я без помех
На поминках их под орех
Так разделать смогу! Весь люд
Пусть узнает, каков я лют!» –
Долго злился ещё *калча*,
Челядь спряталась от бича:
Покалечить мог сгоряча
Кто попался бы, но камча
Никого не нашла в тот час.
Там оставим их... А рассказ
О поминках продлится наш:
По отцу Кёкётёю *аш*
Как справлял его сын, чей род
Путь, и тот, выбирал вразброд:
Там, где сухо, искался брод,
По оврагам – наоборот.

[513] Кой – овца.
[514] Абак – тюрьма, место заключения.
[515] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.
[516] Татуулаш – помириться, сдружиться.

РАЗБОЙ КОНУРБАЯ НА ПОМИНКАХ
ГОНЕЦ КОШОЯ К МАНАСУ

Э… э… э… эй!
Весь *Кангай* как один на *аш*
Собирался: увы, не блажь,
Словно выстрелом уток вдаль
Направляла их, не печаль
По усопшему: злость гнала
Вместе с алчностью: тяга зла
К ограбленью и дележу
Исходила от всех *манжу*,
И *шибе*, и *солон* – мастак
И *кара-кытай*, и *калмак*,
И народ любой в их тени
Провлачивший веками дни,
Брать, хватать, если чуют вдруг
Слабину дал – хоть враг, хоть друг, –
Расторопных и жадных рук
Хватит тут же на весь округ.
Управляющий люд большой –
Нескара, Мурадил, Жолой,
Да, тот самый, кого Кошой
Знал по запаху – мол, чужой;
Борончу и Уушан – все те,
Кто готовы лисой в гнезде
Поживиться яйцом хотя б;
Великаны – поднять их слаб
Был иной скакун-скороход, –
Кара-куртами шли в поход,
Жадной кучей – такой народ,
Что и камни в пути сожрёт;
Можно было бы в брюхе рот
Сразу сделать – зачем расход
И на череп, и на лицо? –
Нет, потрачены зря Творцом
Время, силы, надежды, мысль.
Горы следом взмывали ввысь,
Чтоб стряхнуть с себя пыль и грязь.
И таких вот гостей, кичась,
Бокмурун пригласил на *аш*,
Предлагая им *татуулаш*.
Сам Кошой, Кёкётёя друг,

Хан Агыш, великан Тёштук,
Кёркёкул, Музбурчак – весь круг,
Как к огню очага – *оттук*[517],
Прилагали усилья все,
Чтобы встреча во всей красе
Развернулась, чтоб хана дух
В доброй памяти не потух,
Оставаясь как пик щедрот;
«Нынче ль, завтра придёт народ!» –
То и дело, взглянув вперёд,
Говорили среди хлопот.
Собрались и певцы уже.
Царь Урбу был настороже –
Что за песни польются, мол;
Приказанья его *жасоол*[518]
Исполнял, аж сбиваясь с ног,
Исполнителей рос поток –
Каждый, кто что-то делать мог,
Рад был, если в нём видел толк
Строгий царь. Хвастунов, увы,
Было много – так у молвы
Рядом с правдой гнездится ложь;
Вся реальность такая, что ж:
Труд кому-то – как к сердцу нож,
Только хочется славы тож.
Ну, а сами-то – грязен, мят,
Нараспашку порой халат,
Ноги в драных портках торчат,
И реченья – ни в склад, ни в лад!
Много было, конечно, тех,
С кем сроднился давно успех,
Кёкётёй просто был для всех
В жизни – лучшей из многих вех;
Оттого и стремился всяк
Помогать – хоть какой пустяк
Сделать, чтобы его *бата*
В общем хоре звучал всегда.
Подавая еду, они
Говорили от всей родни:
«На царя Кёкётёя *аш*,
Если надо, то всё отдашь», –
Все мы, мол, сыновья ему,
Надо справить *аш* по уму.

Ночью ветер прервал всем сон –
Так рычал, бесновался он,
Очень скоро ближайший склон
Словно в тучу был погружён:
Серый холод, он до костей
Вмиг пробрал всех подряд – гостей
И хозяев, и даже скот;
Стар и млад – в общем, весь народ
Засморкался, закашлял. Вдруг
Из-за тучи прорвался звук –
Звук сурная, копытный стук,
Топот ног, – как большой паук
Показалась вдали толпа,
Что гнала впереди себя
Холод, мрак и туман – судьба
Знак беды подала, скорбя.
Многорук был и многоног
Как большой грязевой поток
Этот монстр, что назвать толпой
Вряд ли издали смог любой;
Ближе, ближе... Сурнай, карнай
Так визжали, что горный край
Камнепадом готов в ответ
Весь излиться; бредовый цвет
Был у флагов – сплошная синь,
Мало красного, цвет низин,
Мглой охваченных, главным был,
Полосат или сер, как пыль.
Вёл толпу эту Нескара:
Сам собой человек-гора,
Он толпу великанов вёл,
Словно страшных легенд посол.
Пёстро-желтый с рыжиной флаг
Вслед за ними болтался так,
Словно конь был булано-пег,
Но из шкуры свершил побег, –
То отряд Мурадиля мчал,
Опоздав, он пока молчал,
Слившись с первыми, словно чал
К великаньим вязал плечам;
Вместе спешились, встав впритык.
Хан-*калмак* Уушан возник,
Из *солонов* же Бозкертик

[517] Оттук – огниво, кресало.
[518] Жасоол – исполнитель поручений при должностном лице.

Скучковался за ними вмиг, –
Было страшно глядеть на них:
Вся долина в пришельцах злых;
Борончу подошёл грозой
Или – селем; за ним – Жолой,
Сын Кедена, – большой, смурной,
Переполненный весь враждой,
Весь *тангытский* народ собрав.
У *тангытов* известный нрав:
Нет законов у них и прав,
Выживают, других поправ.
Все, кто встречу готовил, так
Испугались! – пришёл *калмак*
Не с добром, хоть и был он зван,
Но пришёл-то не гость – *душман*[519].
Нескара и Жолой вперёд
Вышли, криком взвинтив народ:
Так на жертву дракон идёт
В громком рыке ощерив рот:
«Мирный, тихий наш добрый люд
Раззадорен – на *аш*, мол, ждут,
Весь пришёл он, и что же? – плут,
Видно, нас пригласил на *джут:*
Нас не встретил никто, дары
Не вручил, – мол, для Нескары
И Жолоя почёта нет!
Что – дары: не готов обед!
Шли мы к вам ведь немало лун.
С красным золотом где скакун?
Или тигр с *уртуком*[520] ваш
Должен встретить гостей на *аш*?
Царь, небось, ваш лежит бревном,
Позабыв уж давным-давно,
Что кого-то он в гости звал.
Возвращаться на перевал
Нам, не встреченным им, гостям?
Мол, не спешившись, надо нам
Убираться, откуда шли?!
Я простором клянусь земли,
На которой стоит мой дом:
Уничтожим всех и уйдем,
Чтобы шли мы сюда не зря!
Разбудите скорей царя!»

Великан Нескара, Жолой,
Мурадил и Ушан игрой
Увлеклись, целый ряд улик
Бранью выложив на язык;
Борончу, да и Бозкертик
Четверых поддержали вмиг,
Шестерых теперь громкий крик
Всех хозяев вводил в тупик,
А войска крикунов, толпой
Растянувшись за их спиной,
Приводили в такой испуг,
Что молчал и старейшин круг.
Впрочем, тот, кто назвал гостей,
Понял, что не сберёт костей,
И своих, и семьи своей,
Начал мзду собирать скорей:
Взял отборнейших шесть коней,
Шесть *атанов,* позвал друзей
Злато-серебро всё в узлах
На *атанов* навьючить – страх
Гнал подобно кнуту, бичу.
А Жолой, да и Борончу
Заприметили, как Урбу
С Бокмуруном грузил в арбу,
Пригибаясь, в шести мешках
И тулупы, и *тон* – пропах
Их стараньями воздух близ.
Тут Жолой прогремел: «Кыргыз
Убегает!? О, Нескара,
Скоро помощь придёт – пора:
Конурбай ведь, наш *тёрё* Кон,
Скачет с армией нам вдогон.
Будем с ним мы держать совет.
У кыргызов лазейки нет.
И к тому же, заметил я,
Здесь *алашей* не вся семья:
Нет Манаса-богатыря,
Он сейчас у них за царя;
Я наслышан о нём, друзья,
Но не видел ни разу я,
Он каков? – то ли *олуя*,
Сын *калмакского* холуя,
То ли то и другое – смесь,

[519] Душман – враг.
[520] Үртүк – дорогая попона с украшениями.

То ли парня надула спесь.
В общем, склонен я думать – он
Сам обманом своим пленён,
Возомнивший, что человек,
Кем *алаш* не бывал вовек.
Доберёмся и до него!
Не оставив здесь ничего,
Скот забрав, лошадей, добро,
Всяко золото-серебро,
И тайганов, и ловчих птиц,
Дочерей, молодых вдовиц –
Всё забрав, опозорив всех,
Мы вернёмся скрепить успех:
Доберёмся и до *алаш*,
Вот такой мы устроим *аш*!
Коль не сделаю, что сказал,
Я согласен, чтоб наказал
Сам Всевышний меня тогда,
Это будет моя беда!»

Эти шестеро, взяв коней,
И верблюдов с поклажей – в ней
Было золото-серебро,
Ткани, *тоны*, меха, – добро,
Что готовили в дар гостям;
Пошустрили и по дворам:
На десяток людей – овца
Полагалась; и для мясца
(Великаны ведь шли гурьбой),
Самых жирных коров в забой
Отобрали, и что с собой
Взяли, даже не встрянув в бой, –
Всё, что можно украсть и съесть,
И на этом они, все шесть,
Успокоились, вроде, но
В небесах словно кто окно
Растворил: шум и гул возник,
Да такой, что всеобщий крик,
Рты распялив, раздался вмиг –
У смятенья един язык.
Небо всё раскололось вдруг,
Хлынул ливень – как розги, туг:
Ветер струи крутил, швырял,
Даже с ног лошадей сбивал,
Шёл за валом всё круче вал,
Как тотальный лесоповал;
Мгла спустилась с вершины вниз.
Человек человека близ
Хоть и видел, узнать не мог:
Мгла совсем затянула лог.
В этой мгле, разрастаясь, сель
Хлынул с гор, как в свою постель
Подминая строенья, лес;
Треск и шум возрастал окрест,
Грохотало внутри небес,
Словно с бесом сражался бес.
Растерялась толпа – и те,
Кто пытался встречать гостей,
Аш устроив в недобрый час,
И пришедших аллах не спас –
Мир стал тесен и мал – с ладонь;
Страх, как будто слепой огонь,
Разрастался – кого ни тронь
Весь трясётся, дрожит народ:
Слёзы, вопли, вонючий пот.

Вдруг из мглы как большой дракон
Вышло войско; стрельба и звон,
Флаги, ружья гремят, мечи –
Мглу пронзающие лучи:
Это сын Алооке Конур,
Как предсказывал друг-авгур,
На Алгаре своём скача
К ним добрался и сгоряча
Приказал обнажить мечи
И палить из ружей – в ночи,
Чем ему показалась мгла, –
Было трудно узреть дела:
Кто сражается, с кем, куда
Тащит чёрная всех вода.
С Конурбаем пришедший люд
Шёл – безмолвен, устал и лют:
Шли и пеши, и на конях,
Общей мощью внушая страх,
Растянувши на мили шаг,
А *калча* Конурбай как шах
Впереди их скакал, в пути
Думу думая, как найти
Птицу счастья, зажать в руке.
Ведь отец его Алооке

Потерял весь Нарын, когда
Лишь коснулась его беда –
От Манаса сбежал, тогда
Власть утратив всю навсегда:
Закатилась его звезда
На дальнейшие все года.
С чем смирился отец, не смог
Примириться на миг сынок:
Ждал *калча* Конурбай момент,
Чтоб героем людских легенд
Стать однажды – и повод есть:
На поминки почёл за честь
Пригласить его вдруг *алаш*,
Понадеявшись, видно, – *аш*
Уравняет их как друзей;
«Вот уж, – думал он, – ротозей,
Как *бурутов* глупа семья!»
Стал готовить войска, свинья –
В злобе выросший Конурбай,
Честолюбец и негодяй, –
Чтобы вторгнуться в мирный край,
На поминках свершить раздрай.
У шестёрки лихих задир,
Для которых он был кумир,
Цель была – чтоб кыргызов мир
Расшатать до прорех, до дыр;
Конурбай им спешил вослед,
Под знамёна собрав букет:
Целых шесть ещё флагов – цвет
Каждый значил как друг-сосед:
Вот, к примеру, хотя бы Кон –
Он ведь не был и приглашён,
Но, однако, сей господин
Тоже прибыл и не один:
Многочисленные войска
Вёл сюда он, и как мошкá
Налетела его братва
На еду, на котлы, едва
Закипевшие в этот час,
Всё хватая как про запас:
Мясо, дичь, май-боорсок, кумыс
С *дастарханов* сметая вдрызг.
С изумленьем глядел кыргыз
На такое бесчинство – крыс
Или даже, скорей, свиней
Всем напомнила прыть «гостей»;
Не людской, а звериный нрав:
Каждый *шиш*[521] как дубину взяв,
Рвались к мясу, чтоб только дым
На поминках глотать другим;
После бешеного броска
Не оставили ни куска,
И не мог им сказать *алаш*:
Мол, не троньте, оно – для *аш*:
Всё же гости они, ой-бой!
Нескара, Конурбай, Жолой
Лишь посмеивались, а люд,
Не нарвавшись нигде на суд,
С криком: «Это Конура дар!» –
Торопились, как на пожар,
Всё подчистить, забрать, унесть.
Тут *алаши*, поняв, что честь
Не рождалась в них сроду, лесть –
Про их души сказать: мол, есть;
Впору только бежать... Куда?!
Вдруг обидятся – вот беда,
Гнев *кангаев*, увы, тяжёл,
Пожалеешь накрытый стол –
Завтра будешь и бос, и гол,
В рабский труд запряжён как вол,
Хорошо, если будешь жив.
Впрочем, тихий пошёл отлив:
И старейшины, и юнцы,
Настоящие мудрецы,
Торопились убраться прочь.
Хорошо, что стояла ночь
И не видел кому не лень
Страх в их лицах и дрожь колен.
Да ещё бы! – иначе плен
Рабство, заживо долгий тлен;
Лишь шептались: «Какая блажь –
Пригласить их на этот *аш*!
Коль *кангайца* пробьёт на гнев,
Всяк спасайся, будь трижды лев:
Он увёртлив и кровь врагов
Просто тоннами пить готов!», –
Добавляя в сердцах потом:
«Ну, а мы-то здесь все причём?!»

[521] Шиш – всякий колющий предмет.

Да, нагнал Конурбай тоску!
Сам Урбу, превратясь в слугу,
С Бокмуруном вдвоём, дрожа,
Всё грузили в обоз, спеша,
За *курджуном курджун* гостям,
Яства снова несли к столам,
Не закончив одни дела,
Мчались к новым – то пиала
У кого-то была мала,
То пора ввести *каймала*[522] –
Верблюдицу черней ночи,
Нагрузив на неё парчи,
Злата-серебра и мехов –
Всё, что ценится, был готов
Бокмурун подарить гостям,
Лишь бы цел он остался сам.
Но *калча* и не глянул – мол,
По сравнению с нами гол
У *бурутов* богач любой,
И дары его все – отстой.
Он сказал, словно рыкнул: «Ты,
Как осмелился вдруг мечты
Исполнять, словно ровня нам?
Звал на *аш*, и в письме, как хан,
Звал дружить, – ну, какой болван!
Чем отплатишь ты нам? Собой?
Или нищей своей роднёй?
Голодранцев в *олжо* гурьбой
К нам пошлёшь во главе с женой?
«Синий флаг Кёкётёя»... Ишь!
Зря храбришься, *бурут*, – глядишь,
Станет траурным этот цвет,
С ним покинете белый свет!
Похвалиться хотел скотом?
Только ты, Бокмурун, причём?
Всё богатство, чем важен ты,
Уничтожу в момент! Мечты?
Я открою тебе глаза,
Что кичиться добром нельзя,
Всех, кого ты собрал на *аш*,
Уничтожу, спесивый наш,
Что скажу тебе – ты отдашь,
Опозорю тебя за блажь!
Ради этого мы пришли
Из далёкой своей земли.
Ты внимательно слушай речь
И ни в чём, смотри, не перечь:
Кёкётёя возьму коня –
Мааникера, пойми меня,
Для такого коня слюнтяй –
Вон, как ты, – не годится, знай;
Для дороги Кёкё Тенир
Пригодится, а чтобы пир
В честь победы узнал весь мир,
Чтоб упрочился я, кумир,
Скот возьму весь, что нажил твой
Упокоенный Кёкётёй;
Да, и вот ещё что, болван:
Я так думаю, – Эсенкан
Должен лучшего из коней
Здесь найти себе поскорей;
Всяка нежить нам не нужна,
А иначе твоя жена
Под попоной поскачет вдаль.
Где возьмёшь – не моя печаль,
Но особенный нужен конь,
Чтоб из пасти валил огонь,
Быстроногий был как олень,
И бессмертный почти как тень;
Кочевать когда будет люд,
Чтобы конь тот, как высший суд,
Стал примером породы всей
И любимцем моих людей.
Нужен нам Мааникер – такой,
Только сам, и никто другой!
Мааникера печален вид –
По хозяину он грустит,
Никого не приемлет он,
Нужен сильный ему – закон
Всех народов и всех времён:
У сильнейшего друг силён,
Как, к примеру, хан Эсенкан:
Он как царь опекал Какан,
И *Кангая* держал вожжу,
Был защитой для всех *манжу*,
И ещё я тебе скажу:
Кутежу ли там, мятежу–
Был заслоном всегда – мол, грех,

[522] Каймал – верблюдица по пятому году.

И у прочих стяжал успех;
Для народов востока всех,
Очень любящих хмель утех,
Малых, как и больших, племён, –
Стал закрытою дверью он.
Вот, я думаю, Эсенкан
Мааникеру как небом дан
В седоки и в цари, сей скот
И оплатит его поход!
Вот унижу я чем тебя,
Чтобы жил ты, *бурут*, скорбя,
Что и друга отца судьба
Не дала сберечь для себя!
Отдавай Мааникера, голь!
А не то ты узнаешь боль,
Если вдруг не отдашь... Тогда
Жди, достанет тебя беда!
Ночь и утро – твои, *бурут*,
Но как только они пройдут!»

Говоря так, большой *калча*,
Тон накинув на два плеча,
Знак *калдая* навесив вверх,
Злобно глянул, как тигр, на всех,
Замолчал, но народ вокруг
Тут же понял: такой из рук
Ничего не отпустит, нет,
Как не примет отказ в ответ.
Впрочем, поняли все секрет,
Что хранил он так много лет:
Зависть съела его дотла
К тем, кто людям не сея зла
Уваженье имел, и власть
Насладиться давала всласть
Этим досыта, наконец –
Что ему недодал отец.
Спешно, зло, как хомяк в овсе,
Оглядел он подарки все,
Буркнув только: «Все деньги, скот –
Только мой, и ничей, доход!
Завтра все вы прийти должны!» –
И на отдых ушёл. Полны
Слёз и гнева все были, сны
Из-за чувства большой вины
К Бокмуруну, к Урбу не шли:
Долго в лунной ночной пыли,
Побелившей все ковыли,
До ночлега они брели.
И другие не спали: страх
Поселился в людских сердцах.
Шепоток по ночи бродил:
«Да, Урбу наш... Он возомнил,
Что он сам голова, батыр!»
«Он Кошоя, Тёштука звал,
Кёркёкула, Агыша, – мал
Показался ему сей круг,
Огляделся ещё вокруг:
Кёкбёру, сын Айкана мил,
И Тынай, да и Жанадил...
Их позвал он и не забыл
Кто друзьями нам сроду был:
И *алашей*-богатырей,
И старейшин – таких людей,
Кто действительно мог помочь!»
«Так зачем же он в ту же ночь,
Не послушав сих мудрецов,
Дал поводья в конце концов
Бокмуруну – он из юнцов,
Что готовы дела отцов
Из бахвальства спустить на нет.
Тот и начал сзывать весь свет –
Кроме женщин, ведь всех позвал:
Враг, не враг, кто велик, кто мал».
«Получился, увы, скандал!
Наш почтеннейший аксакал
Кёкётёй – заслужил ли он,
Чтоб враги с четырёх сторон
На его поминальный *аш*
Налетели и раскардаш
Учинили его добру?!»
Всех людей его поутру
Что, скажите, сельчане, ждёт?
Кёкётёя родной народ
От Конура-*калчи* умрёт!?»
«Сам *кангай*, Алооке сынок,
До сих пор ведь себе не смог
Свой Нарын возвратить. Жесток
Стал стократ потому, и рок
К нам привёл его на порог.
И весь круг его столь же злой,

Как он сам: Нескара, Жолой...»
«Эсенкан у них, что, хромой?
Безлошадный? Подняли вой:
Мааникера хотят!» «Нишкни!
Постыдились бы в эти дни
Так разбойничать – не одни
На поминки пришли они,
Нет, с собой привели войска.
Значит, с ними война близка».
«Очень! – завтра начнётся бой».
«Что же делать теперь, ой-бой?!»
Про войну подсказал Урбу,
Просто сетуя на судьбу,
От его безысходных слов
Каждый в обморок пасть готов,
Онемел от испуга люд,
Весь в преддверие страшных смут.

Осознав всю свою вину,
Лишь услышал он про войну,
Бокмурун непутёвый так
Начал слово, красней, чем мак:
«Брат мой старший, Кошой-старик,
Все цари, кто на этот миг
К нашей боли душой приник,
Я же властвовать не привык,
Вы – народам своим отцы,
Вы сегодня и мне истцы,
Зря схватился я за уздцы
Управленья. Мои гонцы
Пригласили совсем не тех,
Кто сосватал бы нам успех,
И помог провести бы *аш*.
Что пропало – то не продашь.
Все вы – умники, силачи.
Каждый взял ведь до тысячи
Самых лучших бойцов своих.
Враг, который поддал под дых
Мне, что *аш* по отцу, и тот,
Не провёл и подвёл наш род,
Он отпора совсем не ждёт.
Как всё сделать наоборот?
Кёкётёй мне оставил скот,
Злато-се́ребро – весь народ
Понимает: отдам *калче* –
Значит, станет наш род ничем,
Потеряет и честь, и стать.
А ведь наш беспощадный тать
Не оценит, посмотрит вкось,
Как не видевший мяса гость,
Или пёс, накопивший злость,
Из котла утащивший кость, –
Только ненависть через край.
Когда речь говорил *кангай*,
Я не мог на него смотреть:
На лице его видел видел смерть!
Злейший враг – он у нас внутри.
Я спросил же у вас: «Цари,
Можно я приглашу гостей!»
Я ведь многих не знал вещей,
Пригласил я чужой народ,
Но никто ведь мне наперёд
Не посмел возразить. Они
Появились, и не одни,
Все войска притащив с собой.
Разве сможем принять их бой?
Вот нагрузка пришла судьбе!
Весь *Кангай,* да *манжу*, *шибе*,
Как и прочий средь них народ –
Все не наших, чужих пород:
Скорпионом исподтишка
Каждый жалить готов дружка,
А уж что говорить про нас! –
Не спасёмся мы в этот раз,
Будем рабство всю жизнь влачить.
Сколько может нас бог учить?!
«Завтра все приходите», – он
Так сказал, – мол, вопрос решён.
Нас разделят должно быть. Как
Всё узнать бы, что хочет враг,
Что готовит взамен судьбы?

Сыновей всех забрать в рабы
И в рабыни – всех дочерей?
Да отдать палачам царей,
Стали вдовами ханьши чтоб?
Всем старейшинам – бранью в лоб,
Чтоб последний мудрец усоп, –
После нас, мол, пусть хоть потоп?!
Нас они унижают так,

Называя всех *томаяк*[523],
Словно выросли без отца
Под прикрытием деревца,
Ели только траву да сор,
Без имён, мол, мы все – *топор*[524].
Ну, скажите, до коих пор
Нам терпеть этот весь позор?!
Мы росли в баловстве с пелён,
Даже старцам своим вдогон
Поминальный обед всегда
Мы привыкли справлять, нужда –
Лишь в засушливые года
Или враг нападал когда, –
Лик показывала на миг,
Да и то уходила вмиг.
Ханы, нужен мне ваш совет:
Сможем что-то мы сделать, нет,
Как вернуть нам ушедший свет?
Кроме вас кто мне даст ответ?
Не останьтесь же в стороне,
Вы же старшие братья мне!»

И ...заплакал тут Бокмурун.
Тот спесивый бахвал-болтун,
Что вещал во главе стола,
Словно умер, сгорел дотла.
Все молчали. Вины зола
Вся рассыпалась в прах без зла.
Долго-долго стояли все,
Глядя в землю, своей стезе,
Что свернула так круто вдруг,
Удивляясь; но слабый звук
Ни один не слетел в тиши –
Здесь как не было ни души.
Начал ручь *олуя* Кошой:
«Акункан – он товарищ мой,
Остальные – моя семья:
Все братишки мне, сыновья.
Я, наверное, старше всех,
Мне молчать, я считаю, – грех.
Этот наш Бокмурун – юнец:
Первый вылет свершил птенец
Неудачно, но, наконец,
Рано плакать: гнезду – конец!
Все сегодня удручены,
Что войска у *калчи* сильны,
Бокмуруном возмущены,
Что поставил на грань войны
Весь наш род, только где же вы
Были все?! Ведь из уст молвы
Каждый знал про *калчу* давно!
Промолчавший – он заодно
С притеснителем этим злым!
Без огня не бывает дым!
Мы, старейшины, молодым
Помогаем чутьём своим,
Нашим опытом, – вот добро,
Что не купишь за серебро,
Ни за злато, ни за стада.
Вы смолчали. Теперь, когда
К нам, ко всем, подошла беда,
Замолчали вы, как всегда!
Это ж надо, какой позор!
Мааникера разбойник, вор,
Конурбай хочет взять себе,
Словно плюнуть в лицо судьбе,
Что связала коня и род,
Наш, кыргызский... *Калча*, урод,
Не отстанет, пока возьмёт
Всё, что нужным себе сочтёт,
Поговорку придумал: «Скот
У плохого вослед умрёт!» –
Оскорбляя намёком тем
Кёкётёя, а сам затем
Отдаёт скакуна тому,
Кто по статусу и уму
Самый низкий в их стае, – мол,
Лишь такому он подошёл.
Бокмурун и Урбу, вина
Ваша в том, что вы без вина
Опьянели от тех богатств,
Что свалились как снег на вас,
И, бахвалясь, как мелкий бес,
Этим вызвали гнев небес.
Что нам делать теперь? Совет
Мой таков: пусть цари чуть свет –

[523] Томаяк (жетим) – голь перекатная; используеться в паре со словом жетим – сирота.
[524] Топор – то же, что томаяк – голь перекатная, бедняк.

Те, кто струсил, – бегут домой,
Не рискуют здесь головой.
Ещё лучше – бегите прочь,
Пока длится вот эта ночь;
Путь пройдёте лишь за день вы,
Ведь Кону́ра бойцы – что львы:
Коль догонят, то землю вам
Обнимать придорожных ям,
Расставаясь с душой навек.
Впрочем, здесь любой человек,
Кто не трусит, так нужен нам!
Мы – теплее дорожных ям.
Кто сражаться готов, то пусть
Страх и трусость, и гнев, и грусть –
Весь букет этих ярких чувств,
Что затвержены наизусть,
Оставляет вот здесь, в ночи,
Как к минувшей судьбе ключи.
Кто достоин себя теперь
Мы узнаем – раскрыта дверь
В неизведанное – каков
Будет завтрашних дней улов,
К поражению кто готов,
Кто к победе склонит богов.
Господин наш Кону́р-*калмак*
Всё к рукам прибирать мастак,
Любит он устрашать – велик
На болоте своём кулик:
Великаны его на вид
Напугали вас; страх сидит
В уголках наших душ с тех лет,
Когда сказок глупейших бред
Заставлял нас дрожать: ой-бой,
Великан поднялся горой!
Надо нам уж давно понять:
Гору жира и мышц поднять –
Вот к усталости верный путь,
Остаётся ведь сил чуть-чуть;
Испугались вы – ой-ё-ёй,
Великан к нам пришёл Жолой!
А когда Мурадил, Уушан
К нам придут? Тут же по степям
Вы ударитесь все в бега,
Что рассеяться на века,
Раствориться, пропасть как род?
Нет уж, надо наоборот!
Дам, друзья, вам такой совет:
Бокмурун и Урбу, не след
Перед ликом великих бед
Свой негласный держать запрет:
Сын Жакыпа батыр Манас –
Он спасти только может нас.
Ведь не поздно ещё донесть
До него про поминки весть,
Попросите, отринув лесть,
Оказать Кёкётёю честь!
Не придёт кабылан Манас –
Не останется, право, нас:
Коль он знамя своё не даст,
Нас *кангай* растерзает враз,
И *каканские*[525] вслед потом
Всё разрушат – наш род, наш дом,
Даже память сотрут в веках.
Разрушитель великий – страх.
Аш наш страхом уже пропах,
Мы беседу ведём впотьмах.
Завтра будет на нас кричать –
Мол, «*бурутов* убью!» наш тать,
И друг другу – «*бурут*? – убей»,
Не считая нас за людей.
Посылайте гонца скорей!
Кто составит письмо верней?
А гонец на каком коне
В путь отправится в тишине?» –

Говоря так, старик Кошой
Стал невольно для всех главой,
Даже вид стал иметь вождя,
Серебром бороды блестя;
Видно, пробил тот самый час,
Чтоб спасти их бы мог Манас, –
Эта мысль у старейшин всех,
Промелькнув, дала без помех
Воспринять старика совет,
Как манящий в тоннеле свет.
С Бокмуруном Урбу, спеша,

[525] Какан – хакан, китайский император (иногда так же именуется Китай, хотя в этом смысле обычно Какан-Чын, Каканчын, Каканчы).

Подозвав к себе Агыша,
Написали текст сообща,
Как просила того душа:
Без обмана, но слёзно – так,
Как случилось, что прибыл враг,
Попросили прощенья – шаг
В общем, верный, прибавив благ
К поздней просьбе почтить их дом
Появлением на приём:
В дар, мол, девять дадим коней,
Да прекрасную деву, с ней
Вкупе – золото, серебро,
Да и всяко ещё добро;
Из *олжо* – мастериц найдём,
Что искусно украсят дом, –
Мол, все девять родов за честь
Почитают Вам в дар принесть
Всё, что могут, – совсем не в лесть,
А поскольку желанье есть.
«Он простит!» – поспешив с концом,
Вмиг Айдара-юнца гонцом
Отрядили к Кошою – пусть,
Мол, к письму он прибавит чувств.
Мааникер был осёдлан – он
Быстрым отроду был рождён,
И пока ещё длилась ночь,
Мог своим землякам помочь.

Хан Кошой лишь письмо раскрыл,
Возмутился что было сил:
«По-людски не могли вы, что ль –
Про тревоги все ваши, боль?
Эдак кто надоумил вас?! –
За красотку, коня Манас
Выручать не помчится вас.
Как вам видится всё легко! –
Разве твой тулуп из *торко*[526]
Вдруг заставит богатыря
Поспешить, свою жизнь даря
Вам за ваши ошибки? Нет!
Разозлится письму в ответ!
Скажет, пусть, мол, их дурь *кангай*
Приуменьшит, а после край
Их возьму под свою пяту,
На поминки же – не пойду!
Для великих и сильных душ
Оскорблению равен куш,
Что в письме расписали уж,
Словно наш кабылан – *байкуш;*
Да полно у него коней
И тулупов, и красивей
Ваших девок его жена,
Переполнена и казна.
Сам письмо сочиню добром.
Позовите писца с пером!»
Пригласили муллу и вмиг
Диктовать ему стал старик:
«Я, *аба* твой Кошой, пишу
И с поклоном тебя прошу,
Мой великий батыр Манас,
От руды отделить алмаз,
И от лжи то, что есть сейчас,
И от сплетен – мой честный сказ;
Вот печаль моя, мой секрет:
Кёкётёя забрал тот свет,
Друг давнишний ведь был он наш.
Мы, старейшины, справить *аш*
Собирались, как у людей,
Но родня позвала гостей –
Как сказать бы, – не тех мастей:
Густо прибыл на *аш* Кангай,
Прибыл сам *калча* Конурбай,
И *манжу*, и *кара-кытай*,
И *шибе*, и *солон* – весь край
Вдруг поднялся и, к нам придя,
Все пустились в разбой, ведя
Так себя, словно в стан врагов
Ворвались: всяк из них готов
Убивать, воровать, грубить.
Мы уже потеряли нить
Управления этим *аш!*
Вся надежда, защитник наш,
Что с народом своим ты связь
Не прервёшь и не дашь, чтоб в грязь
Нас втоптали в святые дни!
Обещали с утра они,
Когда Солнце с Луной сойдясь
Вместе делят над миром власть,

[526] Торко – сорт шёлковой ткани.

Нас унизить совсем дотла:
Чтоб рабами исчадьям зла
Мы служили им, весь народ,
Всё забрать обещали: скот,
Всё добро, дочерей и жён.
Враг огромен, вооружён.
Приезжай поскорей, с зарёй,
Просит старший твой брат Кошой,
Не опаздывай – на счету
Честь кыргызов; подвесть черту
И разрушить меж нами связь –
Подточить свою славу, власть:
Скажут – вот, мол, *калчи* боясь,
Дал ему издеваться всласть
Над своими... За твой *кесир*[527]
Должен будет платить твой мир, –
Поговорка такая есть
У алашей: мол, долг и честь –
Это выше всего, пойми!
Меж родными тебе людьми
Есть кто глуп, кто же – мудр, умён;
Он – твой брат, и страдает он,
Очень плохи уже дела:
Будут грабить нас со светла,
Кучно, грозно стоит *Кангай*...
Нам погибнуть, Манас, не дай!» –
Так закончил письмо Кошой
И, тревогой объят большой,
Молодого Айдара сам
В путь послал, – и на *чай кайнам*[528],
Он промедлить не дал, – мол, нет
Ни мгновенья: забрезжил свет.

Ханы, слуги, их стражи – все
Вновь собрались на полосе
Меж ночёвкой своей и той,
Где войска разместил чужой
Пришлый люд, что чинить разбой
Начал, в корне поправ устой.
Чтоб поправить творимый грех,
Целых восемь десятков тех
Из алашей, кто похрабрей,
Вышли, чтоб защитить людей –
Жён своих, дочерей, детей, –
От насилья и грабежей.
Оглядевший батыров ряд,
Нескара поглумиться рад
Был над ними, и начал, гад,
Их высмеивать всех подряд:
«О, Кошой! – ваш старик-гигант,
В куче мусора – бриллиант,
Как на рубище дряхлом – бант,
Поученья – его талант.
Сколько нынче ему? Под сто?
В бороденке седой – гнездо
Изречений, которым век.
Жив в полсилы ведь человек.
Вот ещё есть герой Тёштук:
Великанов угробил – штук
Семь десятков, – твердит молва,
Правда, выжил и сам едва,
Побывал он на дне земли –
Еле-еле достать смогли,
Все семь месяцев жил в пыли,
Дни без солнца и света шли,
Исхудал, побелел герой,
Вышел к свету он сам не свой,
Тоже где-то полсилы есть
У Тёштука... когда поест.
Полной силы Агыш-герой.
Только шаг у него такой,
Как у сытого комара,
Что пускает, взлетев, ветра.
Табылды, Карача, Нура –
Имя хана не от добра
Им присвоил народ-чудак:
На безрыбье ведь рыба – рак.
Вот Айкана сын – Кёкбёру,
Мог бы славу стяжать в миру,
Но стеснительный очень он,
Как не вышедший из пелён.
Есть тут некий Акбай-атлет,

[527] Кесир – пренебрежительное отношение; несчастье как следствие пренебрежительного, надменного отношения к чему-л.; тамакты кесир кылба – не относись пренебрежительно к пище.

[528] Чай кайнам – чай кайнам время, необходимое, чтобы вскипел чай, небольшой отрезок времени (20–30 минут).

Но ему лишь семнадцать лет,
Вот когда повзрослеет он,
То бедой для других сторон,
Может, станет; он лишь пока
Превращается в мужика:
У *капыра*, у шустряка,
Взял жену, чтоб наверняка
По себя всё разведать – муж
Или нет? А ещё, к тому ж,
Есть Кёкчё, Айдаркана сын,
Недоверчивый господин:
Любит быть среди всех один,
Так, пожалуй, и до седин
Доживёт, но зато – силач,
Очень тёртый в делах калач».
Нескара так по одному
Всех почти перебрал. Ему
Злую радость изьян любой
Доставлял, что раздут молвой.

«Ты закончил? – батыр Кошой
Так прервал его злобный вой, –
Ну-ка, милый Кёкчё, иди,
Эту брань нам переведи!»
А прослушав, решил, как тать,
В остроумие поиграть.
«Так и я перебрать могу
Ваших ханов: вот Оронгу –
Эсенкана-лентяя тень,
Да, ему управлять не лень
Всем богатством, себе в карман
Отправляя его, – изьян
Невелик, и, конечно, хан
Покрывает его обман:
Семь десятков минуло лет
Хитрецу, и уже ответ
Перед богом держать пора;
Вот ещё один – Нескара:
Рыхлый – снежная так гора
Растекается, лишь ветра
Начинают играть с утра;
Из *манжу* толстячок, и он
Как *котуром*[529] подзаражён:
Всё елозится, дёрг да дёрг,
Затевает повсюду торг,
А сноровист! – своё дерьмо
Выдаст запросто за *сюзьмо*!
Если смог бы – надел ярмо
Да поставил своё клеймо
На весь мир, чтоб его гнобить,
Обирать да и соки пить.
Борода не растет – рогов
Дать бодливым бог не готов,
И боится толстяк препон,
И всегда недоволен он,
Нападает со всех сторон
Коль противник уже сражён,
Ну, а кто его посильней, –
В щель забьётся толстяк скорей.
Говорят, шестьдесят, мол, дней
Шёл пешком, позагнав коней,
Дурно пахнущий потом, злой
Тоже очень большой Жолой.
Шестьдесят великанов враз
Он зарезал, – считал на глаз;
Как с дороги за стол он сел,
Шесть батманов[530] пшеницы съел,
Говорят, за один присест.
Кто ещё столько *пашен* съест?
Кровью пахнет Жолой с тех пор,
Кровь сочится, как пот, из пор,
На жаре протухая вмиг –
Чем прославлен он и велик.
Вот ещё рассказать хочу
Про *капыра* я – Борончу:
Кровопиец, он чёрен весь –
Изнутри и снаружи, месть –
То, что движет им в жизни, нет
И *арбака* ему, и след
Пишет кровью по мере сил.
Кырмусшаа сын Мурадил:
Слаб по воле и по уму,
Только слава отца ему
Помогает вести народ

[529] Котур – чесотка, парша.

[530] *Здесь игра слов*: батман – мера веса (от 4 до 16 пудов в Ферганской долине, 12 пудов в долине реки Талас), и в то же время – мера земли (около двух десятин в долине реки Талас).

Проторённой тропой вперёд.
Уушан – скандалист-*калмак*,
Люд унизить ему пустяк,
По рождению ниже всех,
Но стяжал он себе успех
Понося всех царей вокруг –
За глаза! – и любому – друг.
Сын *калчи* Алооке – Конур.
Свой Нарын потеряв, понур,
Он по жизни ползёт змеёй,
Оставляя смерть за собой.
Хитрый, злобный – он тем кумир,
Что, как он, ненавидя мир,
Протирают язык до дыр,
Чтоб, его осквернив, свой пир
На обломках затеять. Что ж,
И победу приносит ложь,
Но надолго ли? Правды свет
Тьму развеет, придя вослед.
Все – не пядей семи во лбу,
Но испытывают судьбу
И друг друга – собрав толпу,
Восклицая «*жабу, жабу!*[531]»,
Мчатся в бой; только на виду
Вдруг заметят они еду,
Клич меняют вмиг на ходу,
Восклицая: «*монду, монду!*[532]».
Вот вчера вы так из котлов
Мясо стали хватать – готов
Или нет был обед? – увы,
Похватали не глядя вы,
Сам Уушан направлял разбой,
Попирая святой устой,
Как последний дикарь-злодей,
Поражая вокруг людей,
Что готовили вам обед
Как приличным гостям. Не след
Нам, конечно, пенять, что глуп
Гость, на нас наточивший зуб;
Но хозяин бывает груб,
Если видит, что душегуб
Влез обманом к нему на *тёр* –
Как бы ни был подлец хитёр,
Но довольно и простоты
Оградиться нам от беды».

Так вот время тянул Кошой,
Хоть в тревоге и был большой:
Он боялся – случился сбой,
Без Манаса начнётся бой,
Потому продолжал вещать –
Чем любой отличился тать.
Так оставим всё это здесь.
К Сивогривому мчится весть.
Поглядим мы, когда придёт,
Как, событий меняя ход,
По-хозяйски весь *аш* святой
Проведёт наш батыр-герой.

---

[531] Жабу – (в эпосе) боевой клич монголов и калмаков.

[532] Мөнду – (в эпосе) слово, употребляемое калмаками и китайцами в качестве боевого клича.

Прибытие Манаса и управление поминками

Э... э... э... эй!
У Кошоя письмо забрав,
Мааникера скорей взнуздав,
Поскакал молодой Айдар
В сильной спешке, как на пожар,
Поскорее минуя яр,
Всё оглядываясь – удар
Ожидая в ночной тиши.
Но не встретил он ни души:
Спал и вражеский стан, и тот,
Что, решив эту часть забот –
Весть Манасу послав, – теперь
Затаился в ночи, как зверь.
Путь неблизок, ему пришлось
Без привалов скакать, как лось
Убегающий от огня;
К Самаркану при свете дня
Доскакал он; с раскрытым ртом
Огляделся: на доме дом,
Впечатляющее *ордо*!
Как Манаса найти зато?
Сивогривого где гнездо?
Ставку хана покажет кто?
Мааникер гарцевал под ним:
Конь, привычный к полям пустым,
Да к чащобам лесным густым,
Да к домишкам сельчан простым,
Мостовую копытом бил
Из последних остатков сил;
Вестник тоже уже грустил.
«Где дом льва?» – в сотый раз спросил
Он у зданий, высоких стен,
У деревьев, дающих тень,
У фонтанов, что целый день
Истекали водой из вен.
Слава небу, хотя б один
Оглянулся вдруг господин:
Сарытаз, Адылбека сын,
Вдруг заметил, что как *акын*
Что-то шепчет, кричит юнец.
Подошёл к нему, наконец.
Сарытаз был как раз главой
Стражи, ставленной над *ордой*
Охранять и беречь покой:
Целых сорок джигитов в бой
Мог отправить он вмиг, когда

Замаячит хоть чуть беда;
Эти сорок его ребят –
Боевой огневой отряд,
Так сказать, золотой запас,
В войнах битый по многу раз.
Мигом опытный Сарытаз
Понял суть из немногих фраз,
Что промолвить сумел Айдар:
«У меня вестового дар.
Прислан к вам я из Каркыры
Не для отдыха иль игры,
Вести наших везу царей,
Их доставить спешу скорей.
Вы слыхали, Сары-аба,
Что закончилась вдруг судьба
Кёкётёя, отца всех нас?
Срочно зван к нам на *аш* Манас».
«Если так, ты, джигит, скорей
Повидайся-ка с Каныкей:
Заходи прямо в этот дом,
Поздоровайся и потом
Излагай, с чем пришёл, при том
Расспроси-ка сперва, мол, кто
Заходил на его порог,
Как настроил его ходок –
Зол ли, весел, иль утомлён
Визитёром сегодня он;
Ведь к порядку наш лев привык.
Если будешь переть как бык,
Полный спеси зайдёшь, то весть
Будет некому льву донесть:
Если зол он или устал,
То напорешься на скандал!»

Понял бедный Айдар с тех слов,
Что батыр Манас не готов
Сей же миг принимать гостей
И не ждёт никаких вестей.
Постучался он к Каныкей,
Поздоровался робко с ней,
Каныкей свой орлиный взгляд
Быстро бросила: гибок, млад,
Сам из сельских, видать, ребят,
И ответила взгляду в лад:
«Проходите сюда, *бала*!» –
И на *тёр* его провела!
Там *манат*[533] – тёмно-красный ворс,
Жук[534] на *жу́ке* – богатый форс,
Да и место – всей юрты ось,
Словно прибыл почётный гость.
«Каныкей! О-о, Каныш-*джене*, –
Начал юноша в тишине, –
Роль гонца поручили мне,
Я надеюсь, смогу вполне
Кабылану Манасу весть
В первозданности всей донесть.
Кёкётёю справляем *аш*,
И мечтаем, чтоб *тёрё* наш –
Кабылан-богатырь Манас –
Удостоил бы чести нас
Вместе с Вами прибыть сейчас –
Вот об этом в письме рассказ».
И добавил, краснея: «Мне
Не поверят, что я с *джене* –
С Вами вместе, – вдруг сел на *тёр*,
Тёр Манаса, – все скажут: «вздор!»
Каныкей улыбнулась: «Что ж,
Люди чувствуют правду, ложь.
Хоть не сразу порой поймёшь,
Что не то, что искал, найдёшь.
Вас узнала я: божий дар –
Ваша ловкость, ведь так, Айдар?
Впрочем, это со слов молвы.
Кёкётёю племянник Вы.
Не имеющий головы
Род – он ниже простой травы:
Тон готовы на *тон* надеть,
Выход к воле считать за смерть,
И в делах об одном радеть –
Мол, *канкор* как посмотрит ведь.
Вы сидите... Налить воды?
Аш устроили для беды:
Не подумав, не рассчитав;
Гость к вам прибыл, тысячеглав,

[533] Манат – ворсистая ткань кустарного производства типа фланели, бумазеи, но дорогая, чаще красного цвета; привозилась из Бухары.
[534] Жук – одеяла, подушки и т. п. (сложенные стопкой в юрте против входа).

С ним – заклятый ваш друг – *кангай*,
Удивительный негодяй;
Ваши силы прикинув, знать,
Тут же начал бранить, ругать.
Мясо съели у вас, видать.
Что ещё пригрозили взять?
Видно, золото, серебро,
Скот... Какое ещё добро?
Потому вы пришли сюда,
Что приперла, увы, беда?
С Бокмуруном Урбу, небось,
Написали письмо, насквозь
Фальши полное, потому
Непригодное никому;
Дальше, думаю, по уму
Абаке мой в своём дому
Сам составил письмо, и весть
Вам, Айдар, поручил донесть.
Я права? Или всё не так?»
Вестник рот приоткрыл, бедняк, –
Был Айдар поражён: она
Словно видела всё сполна,
Будто сверху, как та луна,
Наблюдала с небес без сна.
Удивительно! Вещий дар!
Тут же вынул письмо Айдар
И отдал его Канықей,
Доверяя безмерно ей.
Та тем временем *дасторкон*
Так роскошно накрыла – он
Этой лучшей из лучших жён,
Окончательно был пленён.
«Угощайтесь!», – сказав, *каныш*[535],
Вышла; в доме сгустилась тишь.

Канықей же пошла, спеша,
В дом, где муж её, лев, душа,
Даже больше сказать – судьба,
Вёл беседу с Бакай-*аба*;
Лев Манас был взволнован – знать,
У Бакая успел узнать
Весть не лучшую для ушей.
Тут вошла к ним и Канықей.
Начала говорить про *аш*:
«О, Бакай, дорогой *аяш*[536]!
Разговор прерываю ваш,
Но, простите, оправдан *шаш*[537],
Опоздаю, коль не скажу:
Честью рода я дорожу,
И по-моему, в Каркыре
Близкий род наш сидит в дыре, –
Аш по хану затеян был,
Но сейчас-то пошёл в распыл:
Там несметно гостей, их пыл –
После *аша* оставить пыль;
Будет он по народу *аш*,
Если волю *Кангаю* дашь!
К нам с бумагой – мол, будь, уважь, –
Прискакал молодой *алаш*,
Он стесняется сам зайти,
Слишком грязен, устал с пути,
Дал письмо мне он отнести.
За вторженье меня прости.
Вот письмо – его мой *аба*
Написал, видно, для тебя,
Сзади имя, наверно, есть», –
Отдала Канықей прочесть
Не Манасу, Сыргаку – тот
Первым письма всегда берёт.
Вмиг печати сорвал Сыргак,
Вслух прочёл... Рассердился так
От плохих новостей Манас –
Был бы бедный Айдар сейчас
Где-то рядом, не выжил бы.
Но разящий топор судьбы
Всё равно поднавис над ним, –
Лев взревел: «Пусть хотя б одним
Станет дурнем поменьше. Где
Ваш посланник Айдар?! Балде
Отрублю я сейчас башку!
Разве видывал на веку
Мир подлунный несчастный наш,
Чтобы звали врагов на *аш*?!
А меня ведь не стали звать:

[535] Каныш – ханша, жена хана.
[536] Аяш –1. батюшка, папаша (форма обращения к старшему мужчине); 2. друг мужа или жена друга (в нашем случае 1).
[537] Шаш – 1. торопиться, суетиться; 2. растеряться.

Всё спокойно, мол, благодать
Без того снизошла на нас,
И не помним – кто есть Манас!
Но прорезалась память вмиг
Под напором простых улик,
Развязался теперь язык –
На полмира подняли крик!
Пусть, наверно, *калча* Конур
Спустит с них, сколько сможет, шкур,
Пусть разделает под орех,
Никого не оставив, всех!
Мы как будто не знаем, – что ж,
Ложь – ответ на любую ложь.
Ведь цена приглашенью – грош,
Нет, не грош, а, скорее, – вошь!
После *аша* такого кто
К ним захочет идти? – никто!
Приведите гонца... раба!
Как его там назвал *аба*?»
Видя в гневе богатыря,
Все боялись хоть что-то зря
Подсказать, возразить, спросить.
Но желанье гонца убить
Вызывало, конечно, дрожь;
Но куда от себя уйдёшь?!
Успокоиться лев не смог,
Грозно глянул он за порог –
Мол, идёт или нет Айдар,
Снова рявкнул: «Где красный *нар*?»
Бозуула с Ырчы Сыргак
За верблюдом отправил – мрак,
Что плескался в глазах у льва,
В мир не хлынул едва-едва:
Силы тёмные колдовства
Натянулись как тетива.
Два батыра вернулись вмиг,
Красный *нар* шёл – космат, велик,
В нём сгустилась жара сама.
Чёрный свой *булат жойкума*[538]
Лев, не глядя почти схватив,
Поднял! – хлынувший негатив
Без усилий и без потуг
Развалил великана вдруг
На две равные части – так
Рубят сходу лесной сушняк.

Вместе с кровью сошла и злость.
Повернув разговора ось
К Каркыре и к её беде,
Так сказал всем Бакай: «Везде
Есть глупцы, мир с изъяном наш.
А поедем ли мы на *аш*?
Или мысли другие есть,
Как сберечь нам и жизнь, и честь?
Кабылан! Нас Кошой зовёт.
Знает многое наперёд
Этот мудрый старик, оплот
В нём всегда ощущает род.
Перечти-ка, не торопясь,
Его строки в письме, мой князь:
«Когда Солнце с Луной сойдясь,
Вместе делят над миром власть», –
Ну-ка, сделай расклад в уме:
Тайный смысл сокрыт в письме,
Он читается между строк:
Наступил, видно, нужный срок,
Чтобы прежних побед итог
Подвести нам Творец помог.
Если ты не поедешь – что ж,
Этот день уже не найдёшь,
Этот путь уже не пройдёшь,
Не узнаешь – плох ли, хорош.
Если всё-таки едем – спех
В этот раз нам сулит успех,
Поднимай побыстрее всех,
Самый грозный надень доспех.
А не едем – то пусть гонец
Возвращается, наконец,
Мы проводим его, и вновь
Окунёмся в совет-любовь», –
Дольше века прожив, *ага*,
Олуя-великан, слегка
Лишь лукавить и мог – совет
Слишком явный нанёс бы вред
И решенье Манаса вкось
Мог направить, как лишний гвоздь.
По нужде приглашённый гость
Должен сам свою сгладить злость.

[538] Жойкума – шомпол.

Но *джене* Канықей смогла
Оба мненья, как два крыла,
Развернуть и помочь вперёд
Лучшим чувствам войти в полёт.
«Бокмурун, – так сказала, – он
Просто баловнем был с пелён,
Жизнь не знал он с плохих сторон
И, богатствами опьянён,
Что оставил отец, уйдя,
Он решил, что на роль вождя
Он годится теперь, богач;
Управляющим он, хоть плачь,
Вряд ли сможет когда-то стать.
На поминках проныра-тать
Простодушие паренька
Смог направить исподтишка.
Бокмурун и хвастлив, и прост,
Столько в жертву скота принёс,
Что, обни́щив стада отца,
Вызвал зависть у подлеца,
Хоть он всё и пожрал, увы,
Не добрался лишь до травы,
Ему надо ещё и всласть
Ощутить над народом власть.
Прав *аба*, *олуя* Кошой,
Выход поздно искать другой:
Лишь сражаться, и до конца!
Из отчаянья, да, гонца
К нам кыргызский народ послал
И к защите твоей воззвал:
Слишком мало своих-то сил,
А иначе бы не просил
Этой помощи нашей – горд
Весь кыргызский родной народ.
Ты подумай сам наперёд:
Если снова *калмакский* гнёт
На сородичей ляжет – как
Это вынесет твой *арбак*[539]?!
Пусть на *аше* узнает враг,
Кто здесь сильный, а кто слабак:
Там, на *аше*, полно сейчас
И врагов, и друзей как раз.
Все одежды твои целы
И богаты – им нет цены,
Царский вид у тебя... Но дух –
Ни на ощупь, на взгляд, на слух
Не оценишь, невидим он,
Проявляясь во тьме времён
Лишь поступками, силой дел, –
С чем уходим мы за предел!»

Канықей и герой Бакай,
Дали волю – мол, выбирай,
Кабылан, свой дальнейший путь
И Кошоя весть не забудь.
Лев задумался. Зашагал
К дому, где *буудан*[540] стоял,
Он всегда был готов в поход,
И не он лишь один: народ
Всех коней боевых своих
Наготове держал: на них
Лишь серебрянный был доспех,
Чтоб от пули беречь их всех,
От копья или от меча;
Чтоб защита не горяча
Им была – *кандагай* под низ,
Под серебрянный тонкий лист,
Подшивали; коньки неслись,
Разве что не взлетали ввысь.
Тренированы все они:
Настоящие скакуны
В тренировках проводят дни,
Так поджары и так сильны,
Как любой бы чоро был рад;
Торба каждого – из *манат*[541],
Конь в походе ведь – первый друг,
Жир дают ему и курдюк,
А во время родов кобыл,
Поят их молоком, чтоб пыл
В жеребёнке с утробы был,
Чтобы сразу он жизнь любил.
Обдирая *сары*[542] ячмень,

[539] Арбак – святой дух предков.
[540] Буудан – скакун (эпитет выносливой и быстроходной лошади).
[541] Манат – ворсистая ткань кустарного производства типа фланели, бумазеи, но дорогая, чаще красного цвета; привозилась из Бухары.
[542] Сары – жёлтый, оранжевый, красный.

Доставляли им каждый день,
Нагрузив до отказа воз, –
Сильный конь его еле вёз.

Всё проверив, Манас кинжал
С *жойболотом*[543] любимым взял,
Сарытазу же приказал
От пистолей и до кресал
На верблюда навьючить всё, –
Завертелось, знать, колесо;
Бросив воинам: «Скорый сбор!» –
Сам пошёл к Канықей во двор,
Сунул голову в дверь, – Айдар
Испугался: как будто жар
Из глазниц полыхнул... «Ты кто?» –
Лев спросил; как птенец в гнездо
За подушки Айдар упал,
Но, опомнясь, скорее встал,
В струнку вытянувшись; ногой
Задрожал, стал он сам не свой –
Понял, кто сей батыр... Манас
Вновь спросил, повышая глас:
«Кто тут прыгает, наконец?»
«Это я... Я Айдар, гонец», –
Испугавшись, сказал юнец.
Лев вскричал: «Это ты, наглец?!
Эй, держите его, раба!
Я поджарю сейчас тебя,
В уголь ставьте его и в жар!
Это глупый гонец Айдар!
Ему шапку велели взять –
С головой сумел её снять,
Богом прокляты все глупцы,
Будь хоть зрелые, хоть юнцы».
Набежало полно ребят.
Жар принёс из печи Баймат,
Уголёк из хороших шахт
Так горел, что Айдар зачах:
По угольям сперва скакал,
Подкосилась нога – упал,
Жир и пот по груди текли,
Всё сильнее уголья жгли.
Тут пришла Канықей, она
Рассердилась, и как струна
Зазвенел её голос: «Псы!
Вам самим подпалю усы!
Отпустите гонца!» А тот
Распахнул обожжёный рот –
Дым оттуда валит, ой-бой!
Разобравшись с лихой гурьбой,
Покачала вновь головой
Канықей, и ко льву: «Ге-ерой...
Что сказать тебе по уму?
Притесненье ты одному,
Всю ватагу созвав, свершил,
И за это немало сил
Может небо забрать: мол, он
Только слабых гнобить рождён.
Ты у матери сын один,
И Айдар – долгожданный сын,
Вы – единственные, и вас
Я хочу накормить сейчас», –
Говоря это, щедрый стол
Вновь накрыла она. Укол
Её слов ощутил Манас,
И укол тот Айдара спас.
Накормив, напоив сполна
Двух джигитов, скорей она
Двух помощников позвала –
Ырчыула, Бозуула, –
Принесли они ей сундук,
Полный всяких занятных штук,
Разновидность казны, – *укук*
Там, захочешь, отыщешь вдруг,
Есть такой у любой из жён
С самых древних седых времён.
Канықей в сундуке своём,
На мгновенье зарывшись в нём,
Целых сорок курджунов вдруг
Отыскала проворством рук
И сказала: «О-о, *чоролор*[544],
Вам трубят уже общий сбор;
Вам дарю по курджуну я,
Их секреты не утая –
Ровно сорок, и вы мой дар,
Как поедете под удар,

[543] Жон болот (или жойболот) – в эпосе название меча; разящий булат.
[544] Чоролор – множественное число от «чоро» – воин.

Привяжите к себе. За льва,
За *аба*, за его слова,
Отдаю их я вам. Едва
Подберёте доспех, коня,
Сразу вспомните про меня:
Красота скакуна – *жалдык*[545] –
Кто, конечно, к какой привык:
И размер, и узор, и цвет –
Здесь, в курджунах, двух схожих нет,
Свой для каждого в них букет,
Свой для каждого амулет!
Я всех сорок вас, *чоролор*,
Разглядела с тех самых пор,
Как впервые вошла в ваш двор,
Ваш послушала разговор;
Долго глядя на вас, давно
Всем примерила, как руно, –
Что кому подойдёт длиной.
И одеждой велик герой.
И для красных, и белых здесь
Украшенья в курджунах есть.
Вы украсьте коней, ведь честь
Начинается с вида – лесть
Прорывается в речи тех,
Кто одеждой поплоше всех
В праздник втешился сгоряча.
А поминки-то богача,
Значит, будет и выпендрёж:
Эр сайыш и *жёо курёш* –
Развлечений там всех не счесть,
Даже видом держите честь:
Так украсьте своих коней,
Чтобы видно: вы всех сильней!
Да, ещё: для *жёо курёш*
Брюки будут нужны... Возьмёшь? –
Ажыбаю под *кёрпёчё*[546]
Свёрток сунула, – вот о чём
Хлопотала я много дней,
Хоть и думала про коней!
Ты возьми их, батыр, с собой!
Их натянет, поверь, любой,
Могут сжаться, коль рост другой, –
Засмеялась она, – ведь в бой
Только так я могу пойти.
Что ж, счастливого вам пути!
Кабылану же передай
Дар отдельный мой – *кандагай*[547]:
Шкура сверху, внутри же – шелк,
Чтобы он как по небу шёл!»

Лев же отдал уже приказ:
«Отправляемся!» Слёз из глаз
Не роняла его жена,
Помогла оседлать коня:
Аргамак был *кара кашка*[548]–
Злой, кусался исподтишка,
Но дороге был долгой рад;
Грива, хвост – на один обхват;
Золотой *кёрпёчё-манат*
Отличался от всех ребят.
В путь отправились в этот раз
Сам Бакай, кабылан Манас,
И, конечно, герой Чубак,
И братишка – ловкач Сыргак;
Кыргылчал вёл своих *чоро*,
Разнаряженных так хитро́,
Что не сорок, казалось, их,
А побольше в разы. Притих
Провожающий Самаркан,
Словно полностью снялся клан:
Воздух порохом весь пропах,
У коней все хвосты в узлах,
Да и гривы – в косичках. Флаг
Трепетал на семи ветрах;
Взяли воины всё в запас,
Как велел богатырь Манас:
Порох, пули и фитили,
Копья с ядом, чтоб издали
Убивали, задев хоть раз,
Взяли грозные *курч албарс*,
Взяли чёрные топоры,
Взяли многое, и дары,
Что вручила им Каныкей,
Торопясь в Каркыру скорей.

[545] Жалдык – узорная с украшениями сбруя.
[546] Көрпөчө – узкое одеяльце на седло (вместо подушки).
[547] Кандагай – мужские штаны из кожи горного козла (для эпического богатыря обязательны).
[548] Кара – черный. Кашка – (о животных) лысый, с белой отметиной на лбу.

Чуть пораньше гонец Айдар,
Быстрой скачкой уняв свой жар,
Известил свой народ о том,
Что Манасом сюда ведом
Смертоносный отряд большой,
Как в письме попросил Кошой.
«Завтра будут!», – сказал, про злость,
Что явил их защитник-гость,
Промолчал, и все ханы вновь
Распрямились – взыграла кровь.

Конурбай, Нескара, Жолой,
Борончу, Уушан-большой,
Мурадил, – в общем, шесть свиней
Стали думать, как поскорей
Обобрать простаков совсем.
Впрочем, их было всё же семь:
Бес наживы, вонючий бес,
В их душонки гнилые влез.
Их беседа вот так велась:
«Мясо – то, что на этот раз
Снова варят народу, мы
Всё отнимем ещё до тьмы –
Днём, у всех на виду; потом
Мы с оружием каждый дом,
Чтоб ограбить их, обойдём;
Там приезжих полно, как гром
Грянем сверху, а кто рискнёт
Нам перечить – его в расход:
Срубим голову, как арбуз!
Впрочем, каждый приезжий – трус,
Хоть наполнен *ёруш* людьми,
С ними справимся, как с детьми!»
Вот такой проведя «совет»,
Взгромоздившись на *тёр* чуть свет,
Пили чай дармовой, кумыс,
И смеялись: мол, глуп кыргыз!
Таш Мойнок уже в этот час
Перешёл богатырь Манас,
В стременах он слегка привстал,
Огляделся за перевал,
Где просторная Каркыра
Голубела из-за бугра,
Словно там собрались ветра,
Не проснувшись ещё с утра.

Рядом *алп олуя* Бакай
Зорким взглядом окинул край:
Там народа полно, и всяк
Свой отличный вздымает флаг,
Черно-жёлтого цвета – впрок:
Скорпионий сплошной садок!
Издалёка народ-*алаш*
Заприметил, что к ним на *аш*
Приближается новый гость,
Он *кангаям* – как в горло кость
Нужен именно здесь, сейчас.
Тихий шёпот пошёл: «Манас!»
Зашептался едва народ,
Ханы все подались вперёд.
Хан Бакай усмехнулся: «Вот,
Ханша видела наперёд,
Пусть подарки скорей берёт
Каждый воин, пуская в ход!
Станьте все словно братья – чтоб
Различать вас могли лишь в лоб!»
Значит, тайны не все *джене*
Рассказала, ведь в глубине
Всех курджунов красным-красны
Были праздничны и пышны
Украшения, но они
Были схожи все, как огни.
Вскрыв *курджуны*, своих коней
Разукрасили посильней,
Чем невесток на первый *той*,
Даже спутав коней – где свой? –
Сами в красной одежде все,
Словно маки весной в овсе,
Алой огненной полосой
Вниз помчались, затмив собой
Блики алой зари, что с гор
Растекаясь, ткала узор.
«Да, – сказал *олуя* Бакай, –
Небо щедрый вложило пай
В *шера* – с самкою повезло:
Друга небо ему дало!»

Заезжали когда в село,
Где клубилось так явно зло,
Шеру выдал Бакай совет:
«Щедросердый мой *шер*, не след

Относиться ко всем с душой;
Нас по сути позвал Кошой,
Вот ему поклонись, а тем,
Кто навстречу рванёт затем,
Даже взглядов, и то, жалей –
Осознают вину сильней.
Бокмурун – он на ум хромой,
Но Урбу – он хитрец такой,
Говори с ним ты в лоб, не в бровь.
Нам, конечно, родную кровь
Надо выделить бы из всех,
А иначе наш враг успех
Сможет быстро стяжать от тех,
Кто впадает в обиды грех.
Помни, главное: враг наш лих,
Обещаний ты никаких
Не давай, помолчи, чудак,
Пусть побольше сболтнёт *калмак*;
Пусть свои удивятся – что ж,
Пусть и слёзы прольют, – ведь ложь
Изначально они плели
И сердца загрязнить смогли.
Лик бесстрастным держи – пускай
Выдаст тайны свои *кангай*,
Сердце вынет пусть из груди,
Ты своим лишь путём иди.
Сорок львов твоих знают, как
За тобою идти, – вожак
Должен думать лишь о себе:
Он ведь главная ось в судьбе».
Весь закованный в панцырь, лев,
На Саврасого пересев,
Мчался лихо, ведь Аккула
Был как пущенная стрела:
Уши даже прижал, и ход
Лучше было б назвать – полёт:
Хвост распластан, сам конь поджар,
Скорость – будто бы на пожар,
Сам изящен, как ангел, чист,
Вся душа как весенний лист, –
Да, батыра *арбак*, видать,
Подарил свою благодать
В виде сказочного коня,
Чашу щедрости накреня.

Все смотрели на этот ход:
Каркыринский стоял народ,
Нескара, Конурбай-*калча*,
Позавидовав сгоряча
И ещё не поняв, что тигр
К ним пожаловал не для игр.
Конурбай, да и Нескара
Подрасслабились ведь с утра,
Не случалось к тому же, чтоб
Повстречаться с Манасом в лоб,
Но тревога у них в душе
Свой захват начала уже.

Нескара прошептал: «Вдвоём
Мы обедали, Юрустём
Рассказал о Манасе – мол,
Он огромен, силён как вол,
Очень въедливый склад ума,
А в глазах-то клубится тьма,
И лоснится его лицо,
Словно дьявольское яйцо;
Обозлится – в накале сил
Страшен, будто *Азырейил*[549],
Даже уши его – как щит,
Надо – ими он шевелит.
Это он! Как большой верблюд
Мчится! Черти его несут!
Это ж просто стихий удар!
Волны озера, град, пожар,
Ураган или сель... И как
С ним сражаться, скажи, земляк?
У народа *Кангая* нет
Сил таких, да и вам не след
С ним бороться... Зачем на свет
Он явился, источник бед?
У *кангаев*, у нас, в веках
Не рождался подобный страх», –
Так сказав, Нескара умолк,
Только молча глядел, как волк.
Великаны, что вместе с ним
Наприехали, чуя дым,
Стали тут же искать огонь,
Изрыгая и брань, и вонь.
Конурбай, осознав беду,

[549] Азырейил – Азреил или Азиреил – ангел смерти.

Стал придумывать на ходу
Хитрость, подлость – всё то, чем мог
Он ответить на сей урок.

В этот миг *олуя* Кошой
Льву навстречу уже пошёл,
Словно к брату спеша – большой,
С распахнувшейся встречь душой,
Со словами: «Велик Манас,
Знал я: ты не оставишь нас,
От безвыходности пришлось
Звать тебя мне! Я только гость,
Но весь век, сколько я Кошой,
Право, подлости вот такой
Не встречал я, поверь: *кангай*,
Ненасытный душной бугай,
Аш разграбив, пугает край,
Что устроит ещё раздрай!
Невиновен простой народ.
Это мы виноваты: скот
Выделяли для *аша* мы,
Это наши, увы, умы
Утвердили состав гостей,
Что покойного сын со всей
Юной глупостью составлял, –
Он ведь много и не знал.
Вот – *калча* налетели, стол
Разгромили, втоптали в пол,
Всё разграбили, а теперь
Невзирая на тьму потерь
В нашем клане, кричат: убьём!
Мааникера хотят вдвоём:
Эсенкан да и Конурбай, –
В общем, всё им скорей отдай!
Потому я письмо писал
И Айдара к тебе послал».
У Кошоя в глазах слеза
Налилась, как весной гроза,
Смолк *аба*, чтоб не плакать вслух,
Взгляд, и тот, его вмиг потух.

«*Абаке*, это просто ад!
Мааникера они хотят?!» –
Возмутился тотчас Манас,
Специально повысив глас:
У *калмаков* у всех сейчас
Шея кривится, скошен глаз;
Зная, слушает их *калмак*,
Лев продолжил – как на язык
Просто сами слова легли:
«Скот с собой они привезли?
Или дома дерьмо с земли
Жрать привыкли да спать в пыли?
Мааникера прося у нас,
Может, девушку про запас
На обмен привезли с собой?
Иль хотят совершить разбой?
Конурбаю какой доход
Если вдруг Эсенкан возьмёт
Скакуна? Его мыслей ход
Непонятен: подходит скот
Эсенкану, ему, другим,
Бокмурун же не пара им?
Или просто хотят коня,
Чтобы память свою родня
Потеряла, ведь грозен как
Распоясавшийся дурак?»
Обозлился Манас, из глаз
Полыхнуло огнём; тотчас
Подошёл к нему сам Урбу,
Словно с ношею на горбу –
Вполуприсед, вполупоклон,
Обратился к Манасу он:
«Я приветствую Вас, батыр!»
Но какой-то вдруг дебошир
За спиною начал скандал:
Что-то кто-то ему не дал.
«Что за шум?» – *кабылан* спросил.
«Это мясо не поделил
Меж грабителями *калмак*,
Грабить каждый из них мастак!»
Взбеленился Манас: «А ты –
Хан, не хан?! Постыдись! Бунты
У гостей из-за мяса?! Тьфу!
Провались ты, герой-фуфу!»
Булдурсун возле них ходил,
Он нагайку в руках крутил,
Тоже вспыхнув от глупых слов,
Полоснул он Урбу – готов:
Разорвалось лицо, синяк

От нагайки вскочил... Бедняк
Поскорей повернул назад,
Где творился голимый ад:
Там набросились на еду
Все *калмаки*, крича «*монду*!»,
В руки взяв свой китайский шиш[550],
Мясо грабили. Там, глядишь,
Шли войной друг на друга – кус
Самый лучший на чей-то вкус
И другому по вкусу был.
Омерзение вызвал пыл
Этих странных «гостей», увы,
У Манаса – на счёт молвы
Относил он рассказов часть
О *калмаках*, чтоб им пропасть!
Мрачно, злобно у одного
Он спросил: «Ты пришёл чего? –
На поминки иль от того,
Что голодным был до того,
Что почти умирал уже?
Совесть есть у тебя в душе?
Поговорка твердит, что «Дом
Плох, коль гостем всегда ведом»,
В ней открылся мне смысл второй:
Коль приходят лишь за жратвой
Гости в дом, то ему конец:
Он – лачуга, будь хоть дворец,
И хозяин в нём – просто раб:
Слишком глуп или просто слаб.
Коль позвали тебя на *аш*,
Что ж почтение не отдашь
Ты усопшему? Твой кураж –
Это зависти чёрной блажь!
Нет, ответь! У меня нет сил
Чтоб сдержаться! Раз я спросил –
Лучше быстренько отвечай,
А не то ведь прибью, *кангай*!»
Голос льва поднимался в крик,
Даже камень крошился вмиг,
Кому в голову крик проник,
Череп лопался, и срамник
Разбегался, роняя груз –
Не один самый вкусный кус,
А нагайка Манаса вхлёст
Догоняла его, до звёзд
Заставляя подпрыгнуть, – прост
Был ответ на его вопрос.
Сорок верных его *чоро*
Крик заслышав, как знак «добро»
Восприняв, налетели вмиг,
Разбежался, скуля, *калмак*,
Так бараны от волка в бег
Врассыпную летят, как снег.

«Эй, *алаш*, разделись скорей!
Кто с востока – веди людей
К нам поближе!» – батыр вскричал,
От сумятицы он устал,
Как скотину он тех хлестал,
Кто ему на пути попал.
Аж за яр кривой Кетечи
Разбежался народ *калчи*,
На коня он скорей вскочил,
Чтоб назад их вернуть в ночи;
Тут возник и хан Нескара́:
«Разобраться бы нам пора!
Подожди-ка, батыр, ведь нас
Пригласили на *аш*, для масс –
Это повод поесть, попить,
Так за что ты их начал бить?
Мы виновными стали, съев
Мясо все, но ваш странный гнев
На щеках у Урбу крови́т.
Так о чём это говорит?!
Ведь лицо ему сам Манас
Разорвал, обвиняя нас
И в насилье, и в грабеже.
У *алашей* сквозняк в душе,
Нас на яр Кетечи загнав,
Показали вы скверный нрав,
Дали право на вас напасть,
Раз такая пошла напасть!
Вы в глазах наших низко пасть
Умудрились, являя власть!»
Так сказав, Нескара, вперёд
Начиная как будто ход,
Но, взглянув на Манаса, вдруг
Испугался своих потуг,

[550] Балгын шиши – китайские палочки для еды.

Еле-еле сдержал коня,
Вспомнив с грустью начало дня,
Но в душе погасил пожар
И потру́сил себе за яр.

В это время несчастный сын
Кёкётёя совсем один
На отцовском коне в слезах
Прискакал, пересилив страх.
Поклонившись Манасу, он
Тоже начал со всех сторон,
На *калмаках* срывая злость,
Объяснять, почему пришлось
Им увязнуть в таких делах,
Вызывающих стыд и страх:
«Всяко в жизни идут дела,
Заблудиться в чащобе зла
Может каждый, покуда юн;
Я вертелся в делах, как вьюн,
И, увы, не заметил, как
Начал просто борзеть *калмак*!
Выбор мой был, конечно, плох:
И ворон я считал, и блох,
Когда думал, кого позвать.
Я не знал, что давнишний тать
Для кыргызов *калмак*, увы,
И когда б не явились Вы,
То *калмаки*, *калча*, *манжу*,
Все другие, я так скажу,
Что хотел я привлечь добром,
Вдруг решили разрушить дом,
Все устои попрать и *аш*
Превратить в непотребство наш.
Конурбай и Жолой – грешу
Я на них, и ещё *манжу*
Нескара этот – я же им
Столько отдал даров троим:
Шесть коней скаковых, добро –
Ткани, золото, серебро, –
Шесть атанов везли его!
Захотели же моего
Мааникера – а мне отец
Завещал его, наконец!
Как позорили! – Гулайым,
Мол, поскачет, дрожа, под ним,
Если я не отдам коня
На рассвете второго дня!
Говорил, что, мол, я – *бурут*,
Даже скот не сочтёт за труд
Уважать и любить меня.
А ещё он хотел отнять
Всё богатство, что Кёкётёй
Нажил в жизни своей лихой.
О-о, не знают Урбу, Кошой,
Я ведь грешник теперь большой:
Испугавшись, сундук отца
Я открыл ведь для подлеца!
Еле-еле поднял атан
Золотой наш запас, и клан
Без него будет жить теперь.
Я боюсь, что вернётся зверь,
Чтоб забрать Мааникера. Ох!
Да помилуй *алашей* бог!
Наш великий душой Манас!
Ты своим появленьем спас
От разгрома на этот раз
Оскорблённых, дрожащих нас.
Но вернётся же он, боюсь,
Не щадя ни сыновних чувств,
Ни обычаев старины
Нам обьявит кошмар войны,
Уничтожит *алашей* всех,
Здесь живущих и даже тех,
Кто приехал на *аш*, чтоб честь
Кёкётёю отдать, не есть!
Конурбай – он ведь жаден так,
Что последний забрать медяк
Не побрезгует, он непрост,
Он как ящер, теряя хвост,
Возвращается, – глянь, отрос
У него уже новый. Ось
В нём – лишь жадность, а также власть,
Он вкусил её в детстве всласть,
Но потом потерял, и век
Ищет к власти опять разбег.
Слишком поздно я всё узнал,
Понял... Сам я ущербным стал!»

«Успокойся, – сказал Манас, –

Что о глупости каждый раз
Говорить, лишь себя терзать.
Надо заново всё начать:
Проведи-ка поминки вновь,
Докажи-ка свою любовь
К Кёкётёю, к отцу, ведь ты –
Исполненье его мечты.
Кто уж прибыл сюда, на *аш*,
Всем возможность ты в играх дашь
Показать свою мощь – но так,
Чтоб опять не попасть впросак.
Я – Манас, ведь и я непрост,
Не теряю, конечно, хвост,
Не хватаю и с неба звёзд,
Но закрою я твой вопрос.
Не отдам я *калче* коня –
Слишком злит Конурбай меня,
Чтоб доверить ему на миг
Скакуна, что к тебе привык!» –
Так сказал богатырь Манас.
Всё сначала на этот раз
Вместе начали – *кемеге*
Разобрали рука к руке,
Сделав заново *кемеге*,
Но на новом уже витке,
Скот зарезали снова, *нан*
Испекли, и за ханом хан
Потянулись из всех шатров,
Чтоб почётных вкусить даров.

И Манас им сказал тогда:
«Вот народ: он хорош всегда,
Хоть составлен из разных – злых,
Добрых, умных, из молодых,
Старых, малых, из жён, мужчин...
Больше тысячи есть причин
Всем сплотиться сильней – пора.
Во все стороны Каркыра
Так раскинулась широко!
Уберечь её – нелегко;
Табунам так вольготно здесь!
Раскорячишься даже весь,
Усидишь ли на всех конях?
Одного, своего за страх
Отдавать не спеши: *калдай*
Даже если придёт в ваш край,
Пусть не слёзы увидит он,
А сплочённость со всех сторон;
И не жалобы, и не страх,
Не смиренье, а гнев в глазах!
Драться надо учить ребят
И сколачивать свой отряд,
Молодые пусть все подряд
Лишь к отпору имеют склад.
Нападать вам не надо, нет,
Как бы ни был вам чужд сосед,
Оборона – вот ваш девиз,
Не потянет он совесть вниз.
Пули, порох – всегда запас
Должен быть в закромах у вас,
Клан ваш должен глядеть в сто глаз
Во все стороны сотни раз!
Даже ночью не все пусть спят,
Чтобы в душах был мир и лад!»

Так сказал богатырь Манас
Без излишних бравад, прикрас,
Дав совет, а, скорей, наказ:
Ожиданье голодных масс
Утолить, да вдвойне, сейчас.
За ночь мясо сварив для всех,
Щедро сгладив вчерашний грех,
Стол накрыли уж без помех;
Стало легче крепить успех
И терпения, и добра.
Здесь оставим всё так. Пора
О поминках, про пышность их
Рассказать без проблем былых.

ВЕЛИКОЛЕПИЕ ПОМИНОК

Э... э... э... эй!
Ырчуул Ырамана сын
В тюбетее, как снег вершин,
С пышной кисточкою в аршин,
Сделать *ашу* спешил почин;
Бокмурун Кёкётёя сын,
Ставший вновь себе господин,
Перенервничав до седин,
Спорил робко, вопрос один
Утрясая: так огнь и дым
Затмевают друг друга, но
Вместе дело вершат одно.
Начиная с верблюдов, скот
В приз по девять дал в оборот
Бокмурун, и халатов столь,
Чтоб не просто оделась голь –
А ценнейших материй тьма
На пошив их, сойти с ума,
Вся пошла – вот такой *сарпай*[551]
Выделялся на память в пай
Победителям игр на *аш*:
Как увидишь – весь пыл отдашь:
Кроме ценных одежд – *шаншуур*[552],
Одеяла из тонких шкур
И *жамбы*[553], – всё по девять всем.
«Чтобы впредь избежать проблем, –
Посоветовал Ырчуул, –
Пока люд ещё не уснул,
По обычаям все дела
Мы озвучим, чтоб вдруг хула
Никому не взбрела на ум».
Вышел с вестью сам Ырчуул:
На своем аргамаке он,
Что был так же красив, силён,
Вышел в круг и отдал поклон
Всем, со всех четырёх сторон;
Вместе с ним молодой Айдар
Вышел тоже верхом – как дар
Сам сверкал, да и конь; небось

[551] Сарпай – одежда, которой одаривают почётных гостей на свадьбе или на пирах.
[552] Шаңшуур – слиток золота.
[553] Жамбы – слиток серебра.

Скакуны их росли не врозь:
Ырчууловский – Кыланбоз,
У Айдара же – Куланбоз.
Ырчуул и затеял речь,
Для него ведь в слова облечь
Всё, что хочешь, – как плюнуть раз:
«Кёкётёю мы *аш* сейчас
Открываем, вот всем наказ,
Кто участвует в этот раз:
Собираемся в ранний час
Завтра утром для игр, *арбак*
Нам велит это сделать так:
Вы на игры своих коней,
Аргамаков прямых кровей,
Приготовьте: кто всех сильней
И хозяину кто верней
Кёкётёя заглавный приз
Тот получит! Дерзай, кыргыз:
Злата красного он возьмёт
Сорок тысяч! Дерзай, народ!
Лишь бы вышел твой конь вперёд,
Вот и весь он – простой расчёт!
Первый конь заберёт весь приз,
Вот единственный наш девиз.
Сто двухлеток помчатся враз.
Так велел *кабылан* Манас!»
Известили народ как есть:
Что, кому и за что вся честь,
Ханы слушали, слушал род,
Волновался, ведь прост расчёт:
Вмиг богатым вдруг станет тот,
Чей скакун других обойдёт!
Подготовили всех коней.
Посмотрели: ведь их сильней
Несравненнейший Аккула,
А ещё – Мааникер... Дела!
Но пока ещё не дан старт.

Некий был *саяпкер*[554] Нармарт,
Из Кошоевских сам людей,
Многих видывал он коней
И готовил не раз к бегам.
Аккулу лишь увидев, сам
Заплясал, словно в доме сын
Появился, и не один,
Над Саврасым затрясся так,
Словно ангел, не аргамак,
Средоточьем грядущих благ
Появился как добрый знак.
Саяпкер дал такой совет:
«Тут не день бы, а пару лет
Погонять всех других, чтоб с ним
Хоть чуть-чуть бы сравняться им!
Лёгок, быстр и текуч как ртуть!
Высоко так несёт он грудь,
Что устанет совсем чуть-чуть,
Как бы ни был неровен путь;
Ни *эниш*[555] ему, ни *байга*
Не заставят опасть бока,
Грудь, смотрите, как широка,
Горб высокий... Наверняка
Он отлично пройдёт байгу,
Это всё, что сказать могу
И добавить, что конь не зря –
К счастью, – выбрал богатыря!
Перед скачками не давать
Корма вовсе, а погонять
Надо так, чтобы вышел пот,
Напоить за один заход
И попонкой затем накрыть,
Придержав аргамака прыть –
Чтоб свежий в ночь ветерок
Простудить бы его не смог;
И – уловка такая есть:
На рассвете его раз шесть
Отпустить бы в том месте, где
Начинают *байгу* – звезде
Попривыкнуть бы дать к среде,
Как пришлось привыкать к узде.
Я уверен, что всем другим
Пыль глотать как успеха дым
От коня, что быстрей огня!
Хоть убейте, скажу, меня,
Знаю: кто заберёт один

[554] Сайыпкер – саяпкер – заяпкер – берейторы, тренирующие коней (при подготовке к скачкам).

[555] Эңиш – состязание всадников, состоящее в сталкивании друг друга с коня, выбивании из седла; 2. джигитовка, состоящая в том, что всадник должен схватить с земли монету.

Сорок тысяч *кызыл алтын!*[556]» –
Так сказал *саяпкер* Нармат.
Канықей опустила взгляд
И, подумав, сказала в лад:
«Что же, муж будет очень рад.
Очень ценен нам Ваш пригляд;
Ну, а я попрошу ребят:
Бозуул, вместе с ним – Баймат,
Вам помогут – герой и в ночь,
Сон отринув, спешит помочь!»
Так, Нармата назвав главой,
Не колеблясь, своей рукой
В руки повод ему дала,
Чтоб готовился Аккула
Быть первейшим; но до утра
Трижды за ночь – мол, как дела, –
Всё ж волнуясь, она пришла,
Так до солнца и не спала.

Вновь над миром взошла заря.
Ырчуула-богатыря
Тоже бодрым она нашла:
Не сходил он, видать, с седла.
Проводил всех коней народ,
Чуть не дуя двухлеткам в рот,
Шалунишку Коёналы
С хваткой крепче иной скалы, –
Кёкбёру это был сынок:
Крепкий мальчик, его лишь бог
Дал, но силу и ловкость в нём
Можно было б иметь вдвоём!
Оглядела всех не спеша
Взглядом сокола Каныша –
Зрячей ханши была душа, –
И сказала, свой суд верша:
«Странно очень: есть хитрость – фон,
На котором хитрец рождён,
Не хитрить ведь не может он,
Глаз затянут его бельмом,
Чёрным-чёрным, хоть взор остёр.
Нескара вот... с пелён хитёр,
Из *манжу* он, но с давних пор
Он безроден, собака, вор, –
Канықей вдруг Манасу вслух
Прошептала, – гляди, мой друг:
Кыз Сайкал – дочь Карача, вон
На саврасой кобыле, *тон*
Ярко-жёлтый надет на ней,
Её лошадь других сильней,
Выдающийся ведь тулпар,
И она – среди первых пар:
«Раз девица, мол, – первой будь
Волос долог, короче путь»;
А за ней Ачбуудан! Жолой
С Ачбууданом прибыл на *той*;
Дальше, видишь? – наш хан Кошой
Тоотору снарядил как в бой;
А за ними – конь Нескары,
Нет, не выбыл он из игры,
А остался, гляди, в *байге:*
Курёнкер-то невдалеке –
Конь его, по ночи бродил;
Своего коня Мурадил –
Кылжээрде – тоже в первый ряд
Выставляет. За ним подряд
Бозкертика конь – Кыйынбоз,
Как в сурьме – подбородок, хвост;
А за ним – Кёкала Кёкчё:
С яркой вышивкой *кёрпёчё*;
Борончу привёл Чонбуурул –
Кёкбёру – гляди, Карасур,
И десятый лишь – Аккула.
Вот такие, мой друг, дела».

Не одна Канықей уже
Разглядела, что в дележе
Первых мест преуспел *Кангай*,
Отодвинув других в курай, –
Им не дали свершить раздрай,
И вчера не прошёл их лай,
Но... в другом отомстят теперь,
Хоть в окно их гони, хоть в дверь,
Играм свой навязав расклад –
Мол, обычаи так велят.
Люди бают: на кой, мол, ляд
Вновь к смутьянам благоволят?
«Что же Великодушный наш
Аккулу своего на *аш*,

[556] Кызыл – красный; алтын – золото.

На байгу, отпускает – вдруг
Просто ловкостью подлых рук
Да погубит конька *калча?*»
Конурбай, мол, сказал – ничья,
Это то, чему будет рад
Со своим вороным он – в лад
Лишь бы шёл с Мааникером, тот
Не собьёт и не понесёт –
У него равномерный ход,
Конь, что рядом в *байге* пойдёт,
В нужный миг лишь подаст вперёд –
И тогда уже приз возьмёт.
«Мааникером гонять коня? –
Вот уж новость в начале дня! –
Ырчуул рассердился, – нет,
Если вздорный двухлеток вслед
Понесёт иль задержит ход,
И своих, и чужих в расход
Всех пуская по склонам вниз, –
Мы дадим Мааникеру приз,
Не тому, кто скакал в тени,
Пусть и вместе придут они!»
Все, кто к скачкам готовил скот –
И свои, и чужой народ:
От китайцев – их *кызыл чок*[557],
От *калмаков* – их *кара чок*,
От манжу с флагом цвета *бок*[558],
От *шибе*, от *солон* – от всех,
Кто решил попытать успех, –
Все услышали эту речь,
И, решив скакунов сберечь
От возможных провалов, вмиг
Развязали, бурля, язык
И к Манасу пришли толпой,
Во главе с самим Нескарой:
«Неравны наши силы, хан!
В состязанья проник обман:
Разве выпадет нам успех? –
Мааникер ведь сильнее всех!
Значит, загодя нас на смех
Поднимаете, неумех!
Отдавайте назад коней!
Мааникер даже птиц быстрей,
И любой, кто четвероног,
Состязаться бы с ним не смог!»
Принял к сведенью хан протест
И сказал, что из первых мест
Мааникер – исключенье, приз
Тот возьмёт, кто силён и быстр.

В это время вдруг Ырчуул
Снова вестью всех всколыхнул:
«Сосчитали: шесть тысяч их –
И буланых, и вороных,
И караковых, и гнедых, –
Все двухлетки, и каждый лих!
Состязаются вдоль Иле.
А на Шабере, на скале,
Где кончается перевал,
Будет стража смотреть: кто пал,
Кто взобрался на Илебин,
Как добрался – гурьбой, один.
Дней шестнадцать гонять табун
Будет стража и столько ж лун;
Дня четыре на отдых всем,
А когда же сочтут совсем,
Мол, окончена вся *байга*,
Просто скажут: «*Алла акбар*»,
Самых лучших из первых пар
В путь обратный пошлют, чтоб дар
Присудил весь народ коню,
Кто вернётся на пятом дню,
Обойдя всех других коней:
Путь обратный – всего пять дней.
От Шибера приметив ход,
Пусть *изчи*[559] бы послал народ:
Поддержите своих коней,
Что в разлуке так много дней
Тосковали по вас, спеша,
Да и ваша уже душа
Исстрадалась по скакунам –
Всем присуще такое нам.
Без *изчи* может сбой в пути
У любого произойти,

[557] Чок – шишечка на шапке китайского или калмыцкого начальника, чиновника.
[558] Бок – кал, дерьмо, отбросы.
[559] Из – след. Изчи – ходящий за следом, следопыт, следак, шпион.

Надо много *изчи* найти,
Чтоб шесть тысяч коней вести!»
Отыскали шестьсот *изчи*,
Засвистели в руках бичи,
Словно тысячи птиц в ночи
Передразнивали *ырчы*.
Пересчитывать на ходу
Всех прибывших стал Шууту,
А Кадыр и Жайнак ему
Помогали, чтоб по уму
Всех направить, распределить,
Да к тому же кормить-поить.
Ведь сто сорок четыре аж
Насчитали родов – на *аш*
И прибывших, и тех, кто здесь,
Хоть и в смуты решил не лезть,
Но остался радеть за честь
Кёкётёя и всех, кто есть.
Выбрать тысячу и пятьсот
Человек для *байги* народ
Сам помог, а главою стал
Не какой-то там аксакал,
А совсем молодой Айдар –
В этом деле ведь лучший дар
Ловкость, скорость, сноровка – всё,
Что лишь юность в себе несёт.
Так Айдар и погнал коней.
Пыль рассеялась. Столько дней
Всех тревожит *байга*, – трудней
С каждым днём говорить о ней.

Но *алаши* в трудах уже,
Хоть тревога сквозит в душе:
Ведь не выпросить у судьбы,
Хоть разбейте в молитвах лбы,
Что не даст она... Для *жамбы*
Глянь, возводят уже столбы:
Ствол обтёсанный, вслед – второй,
Вместе крепко скрепив дугой –
В кузне скованною скобой,
В землю врыв на аршин, другой,
Заострённый конец *мамы*[560],–
Рассчитали давно умы
Давних прадедов-силачей:
Больше тысячи *кулачей*[561]
Ствол – огромной такой длины, –
Чтоб стоял не часы, а дни,
Сколько надобно с ним возни,
Сил, и рвенья, и суетни,
Чтоб он был, наконец, готов;
Семь десятков витых шнуров,
Все жамбы закрепив на них,
Вверх подняли. Народ притих.
Лишь стрелки по *жамбы* уже
Похохатывали, в душе
Успокаивая мандраж:
За такие *жамбы* отдашь
Мощь, и время, и пыл, и страсть:
Краткий путь в богачи попасть.
Из села, ускоряя шаг,
Люди двинулись – добрый знак:
Кёкётёевский синий флаг
Развевался по ветру так,
Что поверил любой бедняк:
Сила – с нами, не страшен враг.
Ханы все подтянулись вмиг
На *майдане*[562] уже впритык
Все стояли: *калмак*, *алаш*,
И *манжу*, и китаец... Раж
Сам собой уравнял людей:
В играх праведник и злодей
Превращаются вдруг в детей:
Риск, азарт и накал страстей.

Не случайно пылали лбы:
Тот, кто смог бы попасть в *жамбы*,
Кроме золота-серебра
Получал целый двор добра:
Девять наров – и не в отлов,
А под сёдлами с тьмой узлов;
Девять пламенных скакунов,
Десять шуб из таких мехов,

[560] Мамы – 1. столб (раньше ставился перед юртой) для привязывания коней, коновязь в виде высокого прикола; 2. вышка.

[561] Кулач – размах рук.

[562] Майдан – 1. поле боя, 2. возделанная площадь, обработанная земля; площадь, покрытая зеленью; 3. площадь.

Что дарует царям земля:
Из куницы, из соболя;
Сто халатов – парча и шёлк.
Раздавался голодный щёлк
В разномастной большой толпе –
Всяк примеривал на себе
Клад, что выигранный в борьбе,
Поворот совершит в судьбе.
Все давно превратились в слух
И никто не остался глух
К оглашённому списку благ;
Тут как тут и вчерашний враг –
Конурбай, среди ханов всех
Затесался, и свой успех
Предвкушает уже; а с ним
Вновь – клубами так вьётся дым, –
Ровно тысяча силачей,
Ненасытных бородачей,
Подтянулись; один меж тем
Прибыл сам Жойгара-*мерген*.
Остальные, узнав стрелка,
Растревожились – не слегка,
Не на шутку, подняли вой:
«Жойгара если вступит в бой,
То без промаху все призы
Он нащёлкает за разы!
На стрельбу его не пускай,
Сам выигрывай, Конурбай!»
Конурбай растерялся: как
Это сделать? Вчерашний враг,
Он, однако, сумел как лис
Повлиять на *байгу*, чтоб приз
Мааникеру не был вручён;
А *жамбы*... Здесь он ни при чём:
Здесь удача иль есть, иль нет;
Наложить бы суметь запрет,
Чтоб не вышел бы Алмамбет.
«Нет, Жойгар – не вершина бед!
Если ждать от кого удар –
Есть удачливей: Шыпшайдар.
Вон *алашей* народ притих,
Сын Соорандика между них
Есть, он друг Алмамбета, – вихрь
Держит парень в руках своих.
Обучались и тот, и тот
Вместе, – так говорит народ;
И соперники, и друзья.
Их обоих пускать нельзя
В состязанья, где нечет, чёт
По желанью им дар несёт.
Вот уж вред мастерства: народ
Весь азарт потеряет влёт!»
Да, удобный возник момент:
Конурбай из клочков легенд
Целый сказ сочинил о том,
Как удача порой хвостом
Тем виляет, кого и в дом
Лучше в гости не звать, – притом
Не себя имел он в виду,
Воплощённую «доброту».
И покуда, раскрывши рот,
Этим сказкам внимал народ,
Очогор зарядил он свой,
И за лукою золотой –
За *калмакским* седлом своим,
Возлежа, взял прицел он. Дым
Вслед за треском над ним возник;
Танапа[563] разлохматив вмиг
У десятков семи шнуров,
Обвивающих верх столбов,
Вполовину отсёк сплеча
Похохатывающий *калча*.
И вся тысяча силачей
Стали тоже стрелять – ничей
Выстрел цели их не достиг.
Вышел тут и Кошой-старик,
За собою *аба* привёл
Из своих подопечных сёл
Тоже тысячу ружей; толк,
Правда, был и у них – как в долг:
Каждый мимо *жамбы* лепил,
Из последних стараясь сил.
С группой прибыл и Нескара.
Луки, ружья уже с утра
И заряжены, и в ходу;
Стрел бесчисленных череду
В небо выпустили; так дождь
Бьёт не целясь – куда пришлось;

[563] Танап – верёвка, привязь, связующая нить; бечёвка, шнур.

Междометия, вскрики, злость.
Приз не взял даже этот гость,
Хоть за стрелами ружья в ход,
Зря стараясь, пустил народ.
Небо словно горело, сель
Так сдирает пласты земель
Вместе с почвою и травой.
Хан за ханом, придя с толпой,
Друг за другом пытались сбить
Основную тугую нить,
Что придерживала *жамбу,*
Притороченную к столбу.
И не дым уже, а туман
Всех, столпившихся вместе, там
Обволок – не видать не зги
И стрелять уже не с руки.
Силачи, что как индюки
Надували сусал мешки,
Строя образ богатырей,
Попритихли среди людей,
Покривив раздражённо рот.
Разошёлся почти народ.
И тогда Сивогривый сам
К неподдавшимся всем столбам
Аккелте своё взяв, пришёл,
Улыбнулся – сыграем, мол:
«Попытаю тебя, судьба.
Аккелте мой Бакай-*аба*
Заказал для меня, юнца,
У прекрасного кузнеца –
Есть такой Болекбай-хромец,
Он от бога, клянусь, кузнец,
А к тому же ещё – мудрец,
И философ, и молодец!
Рассказал он не для хвалы:
«Вот подарок для *ай далы*[564],
Если просто его носить,
А стрелять будешь, так и быть –
Душу тешить свою начнёшь».

«Душу надо потешить, что ж», –
Так сказал Сивогривый, он
Для охоты пошитый *тон*
Специально надел: на кон
Ставят славу в игре, вдогон
Лишь победе она сильней,
Рисковать надо умно с ней.
С *аккелте* подошёл к столбу,
Оглядел чуть вприщур *жамбу*, –
Словно лев, что одним прыжком
Разобраться решил с врагом,
Айманбозу свободу дав,
Извернулся весь как удав,
Раз – и выстрелил! Сам стремглав
Клубам дыма уйти не дав,
Хоть и эхо ещё плыло,
Встал соколиком на крыло,
С Айманбозом пустился в степь,
Чтоб *жамбу* подхватить успеть:
Те шнуры, что десятков семь
Отстрелил Конурбай, совсем
Отвалились, и остальным,
Хоть мешал разглядеть их дым,
Тоже скорый пришёл конец:
Все *жамбы*, словно ветр-гонец,
Разлетелись куда-то влёт,
Но Манас упредил их ход:
Даже оземь не дал упасть –
Подхватил, как когда-то власть!
Сила вырастет, если страсть
С нею в нужный момент срослась!
Толпам зрителей праздник глаз
Подарил *кабылан* Манас,
«О-о, *соогат*»[565] – говорил народ,
Подаваясь к столбам вперёд,
Кто-то рад был, забыв расчёт,
Кто-то злился наоборот,
Кто завидовал, кто хвалил.
В общем, шум здесь до неба был.
Не дразня этот миг судьбы,
Победитель от всех *жамбы*
Разделил меж людьми призы,

[564] Ай далы – плечо, верхняя часть спины, заплечье, нижняя часть лопаток.
[565] Соогат или соога – подарок из военной или охотничьей добычи.

Всё вниманье к игре в *тазы*[566],
Переправив: её азы
Начинали, видать, низы,
Но она прижилась в верхах:
Полуголые игроки
В быстрой пляске, как мотыльки,
Окровавленными *обкё* –
Свежим лёгким овцы, – легко
Бьют друг друга, и кто устал,
Тот позиции сразу сдал.
Игроков называет люд:
Мол, паршивцы друг друга бьют!
В той «паршивой» игре Баймат
Победил, но тому не рад:
Конурбай, Алооке сынок,
Даже здесь победить не смог,
Разозлился, надулся вдрызг –
Мол, опять обошёл кыргыз.

Ырчуул прискакал верхом,
Во всю глотку он пел о том,
Что земля – наш родимый дом, –
Любит тех, кто живёт трудом:
«Кто в работу всегда влюблён,
Не боится ее с пелён,
Кто как прут стальной закалён
Перепадами всех времён,
Тот батыр настоящий – он
И *тамызом*[567] не утомлён,
И морозом согрет – везде:
Хоть в пустыне будь, хоть в гнезде
Горных бурь, ледяных снегов
Жизни радоваться готов!
Из таких силачей народ
Выбирает себе оплот.
Вот таких называйте влёт:
Начал времени я отсчёт!»
Хан Конур, да и Нескара,
Раздосадованный с утра,
Весть услышав, а ну орать –
Силачей средь своих искать,
Чтоб *алашам* всем доказать,
Что *кангайцев* им не догнать.
Великан Оронгу[568], *кангай*,
Был по духу *кара-кытай*;
Эсенкан ему целый край
В управление дал, *сарай;*
Лёжа правил он, на боку,
Преогромнейший Оронгу;
Но когда сказал Нескара:
«Показать нам себя пора,
Эсенкан не пришёл, ты здесь
Ходишь, важничая; поесть
Что ли, только явился? Снесть
Как яйцо золотое весть
Должен ты о победе – честь
Отстоять и свой вклад привнесть
В наше дело: мол, каждый знай:
Всех сильней *кангай* и *кытай*!
Так геройство своё яви,
Докажи свою мощь любви!»
Конурбай, Нескара, Жолой
Были мысли верны одной:
Оправдать должен Оронгу,
Что не зря Эсенкан башку
Эту сделал главой – в мозгу
Мысль развив лишь одну: врагу
Не спускать, защищая край
И *калча*, и *кара-кытай*.
Оронгу выбор не был дан:
Победишь – и, как прежде, хан,
Проиграешь – увы, карман
Будет с дыркой и пуст казан.
Латы тотчас надел батыр –
Ни прорех не найдёшь, ни дыр,
Весь в железе, внизу – *буулум*[569],

---

566 Таз – паршивый. Таз чабыш или таз салыш – ист. состязание паршивых (два паршивых с завязанными глазами и оголёнными корпусами били друг друга свежими лёгкими овцы – одно из диких развлечений прежней знати на пирах).

567 Тамыз – летняя жара (время года, примерно соответствующее июлю).

568 Ороңгу – во всех вариантах сказителей “Манаса” встречается как женщина и выходит на игру “төө чечмей”. А Жусуп Мамай описывает Ороңгу как мужчину, силача, который выходит на борьбу и состязается с Кошоем.

569 Буулум – 1. название дорогой материи; 2. одежда из дорогой материи.

Так надут, что не важен ум;
Руки-ноги – стволы чинар,
Сам огромен, горбат как *нар*,
Из ноздрей его валит пар,
Губы – словно держа удар, –
Вверх и вниз раздались мешком,
Куда сунули тряпок ком;
Словно чёрный *аман* на свет
Сонно смотрит; дыханью вслед
Словно женские две груди
Так колышутся впереди,
Что не сразу заметишь щёк
В такт движенье – вперёд и вбок,
Как у *тана*[570], что маток двух
Всё сосал, пока был в них дух.
Страшен был человек-гора,
Весь народ на него с утра
Удивлялся, когда же он
Вдруг поднялся, так даже звон
Померещился всем в ушах,
Вызывая внезапный страх:
Рук огромных его размах
Повалил шатёр вгорячах;
Всех батыров, что здесь толклись,
Не сравнить с Оронгу, мол, – мысль
Всю толпу обошла в момент,
Как грядущий росток легенд.

Лев Манас, силачей крича,
Тоже чуть не разнёс сплеча
И шатры, и столбы, – пока
Кой-кому не намял бока;
Тут же все силачи нашлись.
Сам *аба*, одобряя мысль –
Не вступать с Оронгу в бои
Не явились пока свои
Силачи, торопил их сбор.
Кабылан, разглядев в упор
Всех своих силачей, изрёк:
«*Абаке*, кто из них бы смог
В бой с горою вступить? Жесток
Наш противник, и видит бог,
Кто уверен в себе, лишь тот
В поединке с ним верх возьмёт.

Да, не мясо решает спор:
Силачи есть, что с детских пор
Наедают лишь вес. Позор
С ним приходит, когда в упор
С тренированным силачём
В бой вступают... Я вот о чём:
Абаке, присмотрись ко всем,
Кто из них явно станет тем,
Что сразится с такой горой
И потешит народ игрой,
А не с первых минут собой
Лишь пожертвует на убой.
Кто годится – держи, зови,
Обольщай его как в любви!»
Когда так *кабылан* сказал,
Воедино Кошой связал
Свои мысли и льва наказ,
И решил он на этот раз
Выбрать сам силача из всех,
Что своим принесёт успех.
Толкумана, его коня,
Что со скачек сего лишь дня
Возвернулся, призвал старик –
Он на нём управлять привык;
Величав и седобород
Подпирая небесный свод,
Важно сел на своём гнедом,
Мыслью только одной ведом:
Кто победой прославит род,
Кто *алашей* не подведёт?
Шесть десятков борцов с лихвой
Строем встали перед *абой*,
Каждый был молодец, герой,
Но... Увы, не сравним с горой,
Что пуская слюну и пар
Ждал, кому отпустить удар.
Нескара со смешком вещал,
Что *бурут*, мол, так отощал,
Что героев не видит он;
Оскорбляя со всех сторон,
Так, с издёвкой, спросил он вдруг:
«Вижу, вижу – и Эр Тёштук
Уж готов показать себя!
Да, наверно, и ваш *аба*

[570] Тана – бычок (телка) по второму году.

Тебя выберет. Ты пойдёшь?
За тебя не поставлю грош!»

«Если скажет *аба* – пойду.
Я семь лет воевал в аду,
Под землёй, день и ночь – без сна,
Честь свою отстояв сполна:
Семь десятков сразил врагов,
Великанов, и вновь готов
Без опоры, один, как есть,
Защитить всех кыргызов честь!
Лишь полгода тому назад
Я покинул подземный ад,
Крови в жилах моих – впритык
Взять единожды на язык,
Моё мясо всё – *кёк жашык*[571],
Помясистей *калмак*-мужик.
Я пойду! Но скажи: смогу
Победить в бою Оронгу?»
Покачал головой *аба*:
«Да, натура твоя слаба,
Я так думаю: не судьба –
В этот раз для тебя борьба!»
Сам отправился к Кёкбёру.
Сын Айкана хотел в игру
Поначалу вступить, но лишь
Великана узрел, как мышь
Затаился, притих. Крепыш
Трусом не был – не за барыш
Был отважен, но только он
Был недавно в плечо сражён.
У него и спросил Кошой:
«Выйдешь драться, сынок? Большой
И жестокий противник, но...»
Кёкбёру отвечал смурно:
«Ты не гневайся, *карыя*[572],
О, конечно бы, вышел я
И боролся бы горячо,
Да вот сломанное плечо.
Говорят, этот свин жесток,
В том, как мучить, он знает толк.
Не взыщи, я бы вряд ли смог
Дать *кангайской* свинье урок!
Опозорю лишь весь наш род,
Что мне скажет тогда народ?»
Что ж, расстроился вновь *аба*,
Но сказал ему: «Не судьба!
Не тебе Кыркындуу-хребет
Перейти без огранки[573] лет.
Ты, сынок мой, лечи плечо.
К Айдаркановскому Кёкчё
Мне придётся идти теперь,
В нём, быть может, проснётся
зверь», –
И коня он пришпорил: «Чу!»,
Поспешил к Кёкчё-силачу,
В ход пуская уже камчу –
Слишком тихо, мол, я скачу.
Прискакал *карыя* к Кёкчё,
Уговаривал горячо:
«Ты, сынок, ведь один такой,
Сам ты ростом гора-горой,
Видишь, даже старик Кошой
Прискакал скорей за тобой;
С Оронгу ты сразись, сынок,
Перевал этот, да, высок,
Но и чести высок порог,
Защитить её ты бы смог!»
Но Кёкчё лишь потупил взор:
«Я болею ведь с давних пор,
Мои лёгкие все хрипят,
Я при жизни изведал ад.
О, прости, *олуязаада*[574],
Зря ты ехал ко мне сюда,
Гнал камчой своего коня,
Не пойду, осторожен я, –
Так желает моя семья,
Ты прости меня, *олуя*!
Оронгу, говорили мне,
Страшен так, что в кошмарном сне
Не привидится даже, – он
С полувзгляда возьмёт в полон!

[571] Кёк – зелёный, незрелый. Жашык – нежирный (о мясе); тощий, исхудалый.
[572] Карыя – старый, старейшина.
[573] Игра слов: кыр – хребет, перевал; кырдуу – имеющий грани, огранённый.
[574] Олуя – провидец, святой. Заада – этого происхождения. Падышазаада – человек царского происхождения.

О, Кошой-*абаке*, увы,
Разве гнева моей вдовы
Ты достоен? – больного, мол,
Бросил в бой, как овцу в котёл».
Помрачнел *олуя*: прокол.
«Я не знал, что ты болен столь,
Ты прости, я спешу, пойду», –
Сам задумался на ходу:
«И Кёкчё ослаб на беду;
Неужели я не найду
И доставить в стан не смогу
Силача сильней Оронгу?
Вот Айбай – богатырь, но он
Лет семнадцати. В бой – с пелён?»
Но к Акбаю пошёл; силач
Был не тёртый, увы, калач,
Как противник его, но он
Ловок, быстр и к тому ж умён.
«Выйдешь, сын?» – у него спросил.
«Скажешь – выйду; достанет сил –
То свалю Оронгу, а нет.
Ну, на «нет» никакой ответ.
Молодая я слишком ветвь.
Коль сломаюсь, то белый свет
Без меня будет тем же, – след
Не успел я оставить, дед!
Два *тюлёка*[575] не прожил я,
За меня – лишь моя семья».
Так ответил Кошой-старик:
«Будешь, время придёт, велик,
Ты, Акбай, уже крепок так,
Как в лесу молодой дубняк.
Подождёт ещё злобный враг.
Подрастает пусть молодняк!»
Думой горькой своей объят,
Возвращался Кошой назад,
Страсти, думая, там кипят,
Что и пышности *аша* рад
Только тот, кто попить-поесть
Вознамерился сытно здесь.

Страсти были: они, молвой
Подогретые, этот бой
Превратили в словесный, злой
Поединок; над Нескарой
Потешались почти что в лоб,
Он ведь хвастался сам взахлёб,
Что в гареме жену завёл
Молодую, как серну, – мол,
Её косточки так мягки,
Что ломать её не с руки:
Гнётся, будто бы стебелёк.
Тут народ и схохмил: не смог
Хан где надо быть жёстким, – бог
Всё смягчил, и теперь не впрок
Весь гарем – хоть стары, юны
Претендентки на роль жены!
Как ни злился «негодный хан»,
Путь был шуточкам сальным дан.
По́том весь обливаясь, он
Подбежал к Оронгу; как слон
Тот топтался и ждал боёв;
Хан вскричал: «Оронгу готов!
Среди вас, зубоскалов, есть
Хоть один, что готов за честь
Своих гнусных *бурутов* в бой
Выйти, жертвуя лишь собой?!»
«Да-а, внимание всех за миг
Куда надо увёл старик! –
Так подумал, смеясь, Манас, –
Ну и что же, ведь есть у нас
Наш *аба*: и Кошой в запас
Много всяких даров припас,
Удивит он народ не раз!» –
Тут и прибыл Кошой, тотчас
Обратился к нем у Манас:
«*Абаке*, дорогой, полдня
Ты выгуливаешь коня;
Где силач, что готов на бой?
Или ты порешил собой
Брешь на этом заткнуть кругу,
Всех отвергнув как мелюзгу?
Спорить, право, я не могу:
Вы ровесники с Оронгу.
Я уж думал: мол, мне пойти?
Пешим бой не смогу вести:
Никогда не сражался так,
Не готов я для пеших драк.

[575] Түлөк – (о ловчих птицах) уже линявший; в возрасте старше года.

Ты же, мой *абаке* родной,
Этот – сотый иль больше, – бой
Сможешь так, как всегда, провесть,
Отстояв всех *алашей* честь!»
После слов *кабылана* дед
Мог подумать лишь: «Не одет
Я для боя такого, бед
Лишь прибавлю текущим вслед».
Но сказать «не пойду» не смел,
Долго мялся, бледнел, краснел,
Наконец-то признался: «Тигр!
Я одет не для этих игр, –
Сивогривый мой, – *булгары*[576]
На штанах-то не для игры:
Шиты верной женой, она
И стара, и уже больна,
Слабый шов у неё, мездру
Мнёт, и брюки из *кюдёру*[577]
Шьёт она мне. Согнусь – в дыру
Всё ведь вывалю... я умру
От стыда, а честной народ
Весь от хохота тож умрёт.
И ещё: моя кожа вся,
С чем живу я, всю жизнь нося,
Так скрипит при движеньях! Треск
Распугает людей окрест;
Может, кто-нибудь из *чоро*
Сможет сделать *аба* добро:
Помассирует да помнёт,
Вдруг пугающий скрип пройдёт!
Заодно и прострел они
Разомнут – как в былые дни
Разминала меня жена,
Только выдохлась вся она.
Вот проблемы мои, сынок,
Если б кто-нибудь в них помог,
Я тогда бы, наверно, смог
Преподать Оронгу урок.
Если он мне промнёт прострел,
Ты гляди, чтобы я успел
Уложить его, чтобы он
Не вогнал меня в сладкий сон:
Кости старые если мнут –
Сон приходит за пять минут,
Удовольствие коль *калмак*
Мне доставит, гляди: я так
Засоплю, что ногами вверх
Он взметнёт на глазах у всех
Старика, что забыв про страх
Спать затеял с дырой в штанах.
Разбуди! Но твой крик, увы,
Не дойдёт ведь до головы,
Коль воткнёт её в землю враг;
А, давай, сговоримся так:
Если вдруг я впаду в столбняк,
Как набитый трухой тюфяк,
Ты возьми-ка, сынок, копьё
И в достоинство ткни моё,
Я очнусь... Да, моим копьём
Ты разбудишь меня живьём,
При ударе учти мой вес, –
Вот *аба* твоего *керээз*[578]».

В этот миг как виденье вдруг
В ярких жёлтых штанах их друг –
Сам Кёкчё – показался, он
Был как будто бы удручён
Или просто стеснялся. «Вот, –
Он сказал, – говорит народ,
Акеркеч услыхала, – вам
Нужен крепкий наряд, я дам
Вот такие штаны, – они,
Я попробовал, – той длины
И такой всегда ширины,
Что хозяину их нужны!» –
И разделся Кёкчё, штаны
Великану отдал, они
С виду были не для борьбы –
Неудобны, малы, грубы;
Разглядел их Кошой, вздохнул,
Осторожно в руках встряхнул
И промолвил: «Разок-другой
Можно встряхивать их порой,
Только в третий, боюсь я, раз

[576] Булгары – выделанная шкура животного, натуральная кожа.
[577] Күдөрү – замша, кожа очень мягкой выделки.
[578] Керээз – завещание, предсмертное наставление.

Расползутся штаны у нас:
Шкура долго хранилась, в ней
Крепость спала, они нежней,
Чем мои, ...поглядим, хотя», –
Стал натягивать их, кряхтя,
Через икры прошли, в бедре
Натянулись, как на ведре,
Затрещали, как на дворе
Дров поленница в декабре;
Вмиг застряла нога в штанах,
Шкура только вздохнула: «А-ах!»
И распалась на два куска
Так, что вышла на свет нога.
Опозорившийся Кёкчё
Иноходца огрел камчой
Да убрался скорее с глаз.

Призадумался тут Манас,
О *жаргаке*[579] вдруг вспомнил тигр,
Что пошила жена для игр.
Приказал он Ажы: «Найди
Те штаны, что жена в пути
Нам велела переодеть,
Чтобы в игрищах преуспеть!»
Одну пару принёс Ажы
И Манасу отдал: «Держи!»
Кабылан посмотрел на них –
Хороши! Даже сам притих,
Отдавая *аба* штаны, –
Лишь бы впору пришлись они!
И Кошою они на взгляд
Приглянулись: и цвет, и лад,
И на ощупь крепки, и шов,
Видно, выдержать всё готов;
Надевать их он начал... Ух! –
Снова радостный взор потух:
Не пустило бедро штаны,
Хоть хватало внизу длины.
Повернулся Манас к своим:
«Позовите ко мне *айым*!»
Поскакали *чоро* к шатру,
Где прекрасная поутру
Вместе с челядью всей своей
Отдыхала их Канықей.
Взгляд бросая из-под бровей,
Ждал Манас, становясь всё злей.
Канықей же как пава шла:
Словно белые два крыла
Рукава колыхались в такт
Величавому шагу, – так
Только лебедь в воде плывёт.
Любовался вокруг народ.
Чтоб не сглазили – белый плат
Прикрывал ей лицо и взгляд:
Ведь мужчина любой не свят,
Облизнуться на женщин рад.
Не пришла бы она сюда,
Но примчались *чоро*: «Беда!
Мы исполнить должны приказ:
Зол Манас и послал он нас,
Привести побыстрее Вас!»
Лишь пришла она, лев вскричал:
«Кто-то, помнится, обещал
В дар такие нам сшить штаны,
Что герою в бою годны!
А на деле? – какой позор!
Не одет *аба* до сих пор!»
Канықей не дала ему
Досказать: мол, не по уму
Говорить о штанах тому,
Кто главнее других в дому.
Речь сама начала она:
«В том, конечно, моя вина,
Что всё зная вперёд про *аш*
И про то, что штаны отдашь
Великану Кошою ты,
Не сказала от суеты
То, что в швы у штанов запас
Я оставила; если вас
Рядом ставить с *аба*, поверь,
В бёдрах у́же ведь ты... Теперь
Надо выдернуть только нить,
Что скрепляет края, – явить
Мой подарок во всей красе.
Так бы споры решались все!
Он под вышивкой спрятан, шов.

[579] Жаргак – выделанная и очищенная от шерсти шкура животного; жаргак шым – кожаные штаны.

Ну-ка, мой *кабылан*, готов? –
Растяни да встряхни штаны,
Сделай нужной их ширины!»

Как бизон *кабылан* был зол,
Но поскольку Кошой был гол,
То пришлось за штаны опять
Ему браться, а не ругать.
И, о чудо! – без треска вдруг
Растянулись штаны! Вокруг
Столько охов возникло, рук,
Чтоб пощупать. От всех потуг
Сам Кошой защитил штаны,
Сам надел их – и ширины,
И длины были в самый раз!
Удивлялся стоял Манас,
И Бакай подошёл – глазаст
Олуя был, и в этот раз
Первым смог разглядеть слезу
На глазах Каныкей... Грозу
Он решил разрядить: быстрей
Улыбнулся он Каныкей,
Подошёл, поклонился ей.
«Сколько жён у тебя, Манас? –
Он спросил, не спуская глаз
С молодого лица Каныш. –
Отвечай, почему молчишь?»
«Как сказать... Из *калчи* одна,
Из *калмаков* ещё жена,
Из Букара – Каныш, она.
Три! Но в общем, одна жена:
Та, что сшила штаны *аба*;
Половинка моя, судьба».

Подал голос довольный свой
Сам *аба олуя* Кошой:
«Дочь Букара! Там род ведь – мой,
Корень мой и прирост родной.
Когда дед мой Ороз ушёл,
Три зажиточных бая в дол
Перебрались, забрав без слов
Двадцать тысяч семей-домов.
Эта ветвь там живёт с тех пор
Рядом с озером между гор.
Своим выбором, о мой лев,
Душу старую мне согрев,
Ободрил ты меня, поверь,
Полон пыла и я теперь!
Светик мой, убери платок,
Чтобы я насладиться мог
Чистым отсветом добрых чувств.
Я смотрю, твой животик пуст?
До сих пор не рожала ты?
Ведь цветут для семян цветы».
Так сказать это нежно смог
Старый *ал*, что сняла платок
Каныкей, лучезарный взгляд
Подняла на него; глядят
Так лишь дети иль мудрецы, –
Взгляд без жертвенности овцы,
Сплошь доверие и покой.
И сказал ей *аба* Кошой:
«Наш Творец от избытка чувств
В совершенстве изьяна чуть
Допускает, – от сглаза, что ль?
Красота твоя даже боль
Причиняет глазам, Каныш,
Хоть бесхитростно ты глядишь,
О смуглянка! Твой стан – камыш,
Волос долог, и с ним сравнишь
Разве шерсть на загривках жён?
Ты царица средь них; сражён
Лев не зря красотой твоей,
Несравненная Каныкей!
Целомудрие, страсть к труду –
Всё дано ей! Но на беду
Может статься, бесплодной ей
Век прожить свой весь – Каныкей!
Этой муки великой грудь
Благородной печали пусть
Дал Творец бы другой *жене*,
Чтобы ей не бывать *эне*;
Мастерица искусней всех,
Дочь царя! – никакой успех
Не затмит эту ясность лба,
Не заманит в туман судьба,
Много бед от неё уйдёт,
Будет деву любить народ,
Но останется лишь без льва –
Отыграется вмиг молва

И враги. О, несчастный год,
Хоть далёкий, но страшный, тот.
Но длинна ещё жизнь, длинна.
Этот мелкий изьян сполна
Мастерица перекроит:
Всё в руках её ведь горит:
Ангел явится меж людей –
Будет мать ему Каныкей».
В сон как будто бы впал Кошой:
Взор сомкнул, но за ним большой –
Можно чувствовать, – скол времён:
Там узрел очень много он.

Каныкей же пустилась в плач:
Поняла, что сейчас незряч
Стал к тому он, что есть, зато
Видит всё, что придёт потом.
Со слезами его молить
Стала ханша: пусть он бы в нить,
Что связует с грядущим днём,
Вплёл прекрасную весть о том,
Как дитя – ну, хотя б одно, –
Было ей бы родить дано:
«Одного лишь прошу сынка –
Мне свидетели все века!
На ребёнка мне дай *бата*,
Пока в небе душа, *ата:*
Лишь узрей тот счастливый миг,
Когда буду рожать, старик!»
Все рыдали вокруг. Кошой
Вдруг очнулся; со всей душой
Он сказал Каныкей: «О, да,
На дитя тебе дам *бата*,
Повяжи поскорей платок,
Моя бедная! Дай-то бог:
Пусть, услышав Кошоя, он
Сам восполнит былой урон!»
Пояс свой на неё сложив,
Начал древних молитв мотив,
Глядя в сторону Мекки, он
Все *алаши* за ним вдогон
Руки подняли для *бата*,
Чтобы просьба была свята,
Чтоб небесная доброта
Явь заполнила, где пуста.
Хоть молитва совсем проста,
В общем хоре сильней уста.
Этим слаженным хором *алп*
Управлял; как единый залп
Руки, взгляды и все сердца
Поворачивались – с торца
Сам Кошой направлял их всех,
Чтоб молитва несла успех.
Знал *аба*, как других вести
В даль, где нет для живых пути,
Знал, как свет удержать в горсти,
Что в душе и к кому нести.
Без оглядки он видел, как
От Каныш отступает мрак,
Словно пыль впереди, клубясь,
Собирает с собою грязь
И уносит куда-то вдаль –
Так уходит из душ печаль;
Почва плавится, словно сталь,
Красным углём пылает даль.
Улыбаясь, сказал аба:
«*Сүйүнчү*[580] мне! – дала судьба
Знак, – скажу, хоть и не авгур:
Птица сядет на твой *туур*[581],
Лев мой, будет всего один,
Но любимый хороший сын,
Назовешь его Семетей;
Поздно ро́жденный – век длинней,
Будет дольше он жить, мудрей
Всех, ровесников с ним, детей!» –
Так сказал *олуя* Кошой,
Хор молящихся дружный свой
Повернул еще пару раз,
Каныкей, подхватив тотчас
Завершающий жест *бата*,
Засияла – ну, как звезда.

Улыбнулся и лев Манас,
И ребятам отдал приказ:
«Алыбай сын Кулду́ра, брат –
Да, Серек, – Кутунай, стократ

[580] Сүйүнчү – подарок за сообщение радостной вести.
[581] Туур – подставка, насест для ловчей птицы, соколиный постамент.

Помассируйте все втроём
Вы *аба*; чтобы он живьём
Вышел в бой с этим бугаём –
Как его? – Оронгу? – ну да,
Чтоб Кошою ни ломота,
Ни какая ещё тщета
Не сломали бы вдруг хребта!»
«О, ребята, пришли помять?» –
Рад доне́льзя был *алп*, лежать
Только мог он от болей всех,
Уж какой тут в борьбе успех!
Лёг ничком на живот скорей:
«О, ломайте меня сильней!»
Шесть ладоней больших парней
Стали мять его, но – «Сильней!
Ах, да вашу туды́ть сюда,
Мните крепче, ногами, да!»
Друг на друга взглянув, *чоро*,
Крепче мять стали, коль добро́
Дал *аба*, своим весом всем
Налегли они, и совсем
Стали просто его топтать –
Мол, с прострелом не совладать,
Застарелый уже, видать,
И спина – словно степь да гать.
«Не батыры, а комары!
Вас позвали не для игры,
Что порхаете? – у горы
Разве может её бугры
Насекомых разгладить пляс?
Ну, кого мне прислал Манас?!» –
Так ругался, кряхтя, старик.
Ажыбай подошёл, Мажик,
Впятером его стали мять,
И простукивать, и топтать.
Нескара это видел, он
Был злоречием одарён,
Поспешил он к Манасу, чтоб
Посмеяться над старцем в лоб:
«Ах, Манас, про тебя – мол, жлоб, –
Говорила молва взахлёб,
Я не верил, но вижу вдруг:
Хоть Кошой тебе, вроде, друг,
Ты послал молодцов аж пять
Старика поломать, стоптать,
Чтобы ветошью нам отдать
То, что было батыром вспять».

С места встал, услыхав, Кошой,
Злостью дышащий весь, большой,
Смело двинулся к Оронгу,
Подпоясываясь на бегу.
Тот встречал его бранью: «Что ж,
Долечил ты коленей дрожь?
Ты с утра, богатырь Кошой,
Тратишь время со всей душой,
Всё отлыниваешь, боясь;
Что за хитрость затеял, мчась
На коне ты туда-сюда?
Царь послал тебя, вот беда,
Не спасает и борода,
Не сбежишь ты уж никуда,
А былинкой готов в стогу
Потеряться на всём бегу,
Как узнал, что на Оронгу
Выпускают тебя, слугу».
Яд сочился из языка
У бранящегося врага,
Но Кошой не любил долгов
И ответить он был готов:
«Ты, пугая, испуган сам!
Как героем ты стал, пацан?
Вспомни, сколько, мол, лет назад
Ты защите моей был рад?
Были равными в тридцать лет
Мы с тобой, никаких побед,
Правда, я не видал твоих:
Толст ты был, неуклюж и тих.
Где отвага твоя была,
Взор орлиный и мощь крыла?
Главный козырь ведь твой, *калмак*, –
Да, поганый язык-дурак!
Я – Кошой, я так много лет
Не видал тебя, даже след
Твой не видел в победах я,
Не враги мы и не друзья;
Помню, – шесть или меньше раз
Небо в схватках сводило нас,
Разве мог ты быть равным мне?
Я смеялся вослед спине –

Да, твоей, убегал ты так,
Что от хохота падал враг.
А в Нарыне в былые дни
Ты забыл, как наклал в штаны?
Как вопил ты, упав с конём?
Мы боролись с тобой вдвоём,
Я тебя уронил! И что ж,
Ты пытаешься бранью ложь
Навязать всем вокруг, как явь?
Ты, скотина, забыл, как вплавь
Выбирался из грязи ты:
В князи метил. И лишь мечты
Вдруг сбылись твои, ханом став,
Честь *калмакам* свою отдав,
Ты, с пелён неуклюжий, всё
Забываешь, как *келесоо*!»
Оронгу тут стерпеть не смог:
Очи выпучив, жабой вскок
Резко выпрыгнул к *олуя*, –
Видно, прямо под хвост шлея
Залетела ему; схватил
Он Кошоя, тот не спустил:
Изо всех богатырских сил
Руки этих больших верзил
Так друг друга давили! Грудь
С грудью тоже схватились – муть
Поднималась вокруг с земли,
У обоих в неё ушли
Ноги, словно стволы дерев;
Великаны, сперва присев,
В грозном рыке распялив зев,
Ввысь друг друга броском витым
Так бросали! – *бута атым*[582]
Пролетать приходилось им,
Пар валил из ноздрей, и дым
Окружал ореолом их;
Рвали, встряхивали, под дых
Норовили заехать так,
Что всех рёбер трещал костяк;
Поясницы скрипели, в них
Словно клещи ручищи их
Впились намертво, замерев:
Так, с бизоном схватившись, лев
Застывает в той схватке злой.

День уж съеден ночною мглой,
А борцы всё стоят скалой
Как стреноженные землёй,
Только пот, что ручьями тёк,
Говорил, как их бой жесток,
Просто силы равны – не смог
Ни один победить игрок.
Старость, даже когда храбра,
К тем, в ком есть она, не добра,
Хоть и россыпи серебра
Щедро сыпет, – её пора:
Пламя свечки, что до утра
Разворачивало веера,
Чтобы за ночь сгореть дотла:
Жертва натиску тьмы и зла.
Впрочем, храбрый *аба* Кошой
Не сгорел до конца, и бой
Для него был не кончен – он
Очень крепко держал заслон
Злобным натискам Оронгу,
Хоть упорством сродни быку
Оказался ленивый хан:
Не гора, а уже бархан –
Так растёкся в борьбе *балбан*,
Алчной злобою обуян, –
Обнимал он Кошоя так,
Что и пукнуть не мог бедняк!
Всё же голос Кошоя люд,
Слышал изредка, тяжкий спуд
Он пытался с себя стряхнуть,
Чтоб могла хоть немного грудь
Отдохнуть и хотя б чуть-чуть
Невонючей ночи вдохнуть.

Были люди потрясены
Долгим боем – смогли б они
Так бороться – не день, а дни
Нескончаемой западни?
Лишь при взгляде на этих двух
Очевидцев томился дух,
Выступала в глазах слеза,
Но прервать-то, увы, нельзя:
Поединков таких стезя –
Биться насмерть, не тормозя.

[582] Бута атым – расстояние полёта стрелы.

Тело к телу – плотней, больней.
Мышцы рвутся, но злость сильней
Лишь взбухает в верёвках вен,
Грохот связок из-под колен –
Словно ружей смертельный залп.
Не сдаётся всё ж *алпу алп*:
Сдёрнул каждый с врага бы скальп,
Только руки как сколы скал
Влипли в пояс, в костяк хребта.
Показалась уже вода
Из-под рытвин земли, что вдрызг
Раздробилась до чёрных брызг,
То ль от пота, а то ль от зла
На болото, на нет сошла,
Травы стали трухою вдруг,
Обозначен был гиблый круг
Этой страшной большой борьбы –
Знак провала одной судьбы,
И победы – судьбы другой.

Тряс серебряной бородой,
Чтобы сон разогнать Кошой:
Застарелый его прострел
Так *калмак* Оронгу сумел
Сжать ручищами, что хрустеть
Перестал он уже на треть
И покой снизошёл к *аба*,
И сонливость пришла. Судьба
Испытанье покоем вдруг
Привнесла ему в чёртов круг;
Он таращил глаза, но сон,
Подступая со всех сторон,
Взял за глотку, и *абаке*
Поздним утром затих в рывке
И в покое уснул... *Калмак*,
Лишь почувствовав, что обмяк
Враг в обьятьях его, рывком
Поднял кверху его, как ком
Заскорузлой сырой земли.
Это видел Жолой – вдали
Наблюдал он исход борьбы,
Смерть желая узреть *абы*,
Нескара с Конурбаем тож
Наблюдали, мечтая нож
Против правил воткнуть в *абу*,
Чтоб ускорить самим судьбу;
Нож не нож, но валун, как дом,
Поднял быстро Жолой, притом
Нескара и Конур с земли
Приподнять его помогли,
В круг вкатили, чтоб им *абу*
Вмиг прикончить, и с ним – борьбу.
Им навстречу и Оронгу
Потащил старика: губу
Раскатали все трое вмиг –
Нет героя и нет улик.

Вспомнил в этот момент Манас,
Как просил *олуя*, чтоб спас
Он *абу* своего, коль в сон
Уплывёт поразмятый он.
Чёрный конь Калкаман под ним
Взвился, высек огонь и дым –
Так его *кабылан* хлестнул,
Весь в тревоге: а вдруг уснул!?
Доскакал, закричал: «Ко-о-шой!»
Алп, расставшись почти с душой,
Спал как маленькое дитя –
С удовольствием спал, кряхтя;
Чтоб его разбудить, батыр
Взяв его же копьё, как в сыр
В ляжку старца вонзил, в ту часть,
Что для розог растят, учась;
Мускул даже рассёк, но вмиг
Оба глаза раскрыл старик,
И валун, что к нему катил
Нескара, он что было сил
Оттолкнул; и от боли смог
В раж войти и в один рывок
Встал на ноги, стряхнув с себя
Оронгу и, его губя,
Поднял к небу и бросил вниз.
Хоть и в возрасте был кыргыз –
Уж за семьдесят с гаком лет,
Но, стряхнувший десятки лет
За короткий спокойный сон,
Стал сильнее *калмака* он, –
О треклятый валун башкой
Так ударил врага Кошой,
Что всего изломал, ногой

Он заехал в *чыкый*[583] тугой:
Перепрыгнув, спешил он прочь,
Чтобы ране своей помочь:
Кровь хлестала ведь из бедра,
Словно ливень – как из ведра.

Начал ссору Конур скорей:
«До увечья ль меж силачей
Длится эта борьба? – зачем
Кости было ему ломать
Через голову вдруг шагать,
Перепрыгивая её?
У *бурутов* борьба – битьё
Прямо насмерть?! Где ваша честь?
Рады голову, видно, снесть
Вы сопернику! Ну и ну!
Впору здесь объявлять войну!»
Конурбай лишь умолк, Манас
Объяснил, не повысив глас:
«Два *балбана* в борьбе не раз
До увечий сражались в час,
Когда злоба их через край
Перехлёстывала, и, знай,
Ноги-руки ломая, честь
Не теряется, если есть.
Обвиняя невинных, ты
Исполняешь свои мечты:
Бой затеять кровавый здесь,
Злость толкает тебя на месть!
Оронгу и Кошой – деды,
От усталости до беды
Шаг один, и его Кошой
Сделал случаем, не душой:
Кто-то камень вкатил большой
В круг борьбы, чтоб ему паршой
Век за это, козлу, страдать!
Обессилевший *алп* и встать
Толком немощен был, задел
Вражью голову. Не у дел
Был уже Оронгу-боец,
Его силам пришёл конец.
Если хочешь начать дебош,
Сделав доводом к драке ложь,
Ты вниманье моё найдешь,
Как чесалку находит вошь;
Ты уж лучше, *калча*, зови
Всех: *алашей, манжу*, – в любви
И в согласии вновь игру
Мы продолжим, очистив круг;
И не надо метать икру:
Здесь скандалы не ко двору!»

Конурбай на коне застыл,
Словно сыч, и что было сил
Тот огонь, что его сжигал,
Сбить пытался – огонь толкал
Вслух озвучить всех чувств накал:
«Ты, *бурут*, – мол, – большой нахал!»
Но боялся ответа он,
Был *калча* на словах силён,
Поискал – мол, на ком бы злость
Всю сорвать, но, увы, – ни гость,
Ни хозяин шатров, котлов
Не попались для бранных слов.
Так, нахмурившись, и пошёл,
На людей и на бога зол,
Что «паршивым козлом» Манас
Обозвал их троих за раз.
Приз достался Кошою, он
Так глаголил борьбе вдогон:
«Мне ведь семьдесят... чуть не пять,
А сумел Оронгу опять
Я свалить – как не раз уже;
Даже жалость к нему в душе
Нынче чувствую, и призы.
Взял их несколько – за часы
До борьбы: подарил штаны
Мне Манас, хороши они –
И крепки, и такой длины,
Как мне были всегда нужны!
Приз второй получил в бою:
Мой прострел, всю болезнь мою,
Так прекрасно *калмак* промял,
Что теперь не старик я стал,
А совсем молодой герой,
И хожу-то теперь прямой,
Вызывай-ка меня любой,
Кто захочет опять, на бой,

[583] Чыкый – место соединения затылочной и височной костей.

Всех смогу победить! А приз.
Всё, что любит и чтит кыргыз», –
Так шутил и смеялся он.
Здесь оставим его, на трон
Пусть сажает *абу* народ.
Сказ же дальше идёт, вперёд.

На борьбу с Нескарой Агыш
Рвался – мал да удал, крепыш,
Если сравнивать с Нескарой,
То совсем невелик герой:
Шея, вон, у *манжу* с *кулач*[584],
От натуги лицо – кумач:
Как говяжье *обкё* оно,
Что пора бы сварить давно;
Взгляд совиный, красным-красно
В глубине этих глаз, их дно
Полыхает таким огнём,
Что видать его даже днём.
Не сгибалась давно спина –
Жиром вся заросла она,
Чёрных сальных волос волна
Словно грива у скакуна;
Нос картошкой, плебейский вид,
Но начальством большим глядит;
Посредине майдана сел
Под бесчисленных глаз обстрел
Так спокойно – громадный, злой,
С круглой каменной головой,
Словно образ самой беды,
Взявшей в руки свои бразды;
Если сзади смотреть – пуды
Мышц и жира, на них сады
Впору высадить, скачки там
Запустить бы, как по степям.
Глянуть спереди – мяса кус,
Брови, – каждая, словно в куст
По собаке легло большой,
Если с доброй глядеть душой;
А не с доброй – за сорок лет
Этой жирной свинье, но нет
В нём ни мудрости, ни ума,
Спесь зато велика весьма.
Зол он был – не попал в *жамбы*,
Эр кureш – не его судьбы
Оказалась игра, увы,
Самолюбие до травы
Опустилось его, и он
Завернувшись в свой чёрный *тон*,
Только гневно сопел, готов
Гнев излить на любого, кто
Попадётся под руку вдруг
Или вступит в борцовский круг.
Так, с готовностью насмерть бить,
Он стоял посредине – нить
Всех причин потеряв в мозгу,
Только помня, что Оронгу
Здесь погиб, хоть и был горой, –
Значит, ведает смерть игрой,
Хоть какой ты ни будь герой,
Насмерть бей – вот такой настрой,
Потому как бревно сидел,
Ожидая великих дел.
Посмотрел на него Манас
И сказал: «Он, пожалуй, враз
Нам Агыша убьёт... Большой!
В о́ны годы *аба* Кошой
Выходил на таких; старик –
Вот бы кто перед ним не сник,
Отстоял бы и жизнь, и честь.
О-о, Бакай, это Вы и есть!
Не упрямьтесь, и стариной
Вы тряхните, идя на бой!»
Но Бакай покачал главой:
«Сивогривый, нет, дорогой!
Наш Агыш – он, поверь, герой.
Лишь на вид Нескара большой,
Посмотри на его настрой:
Он убит, не вступая в бой.
У Агыша пусть мал росток,
В устремлениях он высок,
Кёкётёя дочь Кёкмончок
Хочет в жены. Но ты – молчок!
Рвётся он потому в игру,
И в противники Нескару
Сам он выбрал... Пусть кость мелка,
Но рука у него крепка,
Он упорен и ловок, – глянь!» –

[584] Кулач – размах рук; мера длины.

Указующе поднял длань
Алп Бакай, и Манас взглянул
Новым взглядом из-за посул
На героя: «Агыш – вон тот?»
Шесть-семь конных *чоро* обход
Совершали вокруг шатра:
Красовались отнюдь не зря –
Кёкмончок в том шатре жила,
Черноброва, смугла, мила;
Кружит так над цветком пчела,
Как Агыш распростёр крыла,
Раскатав на любовь губу,
Собираясь вступить в борьбу
С беспощадным врагом-*манжу*,
Он души своей госпожу
Охмурял, как индюк, – свой хвост
Распускал он до самых звёзд,
Рядом с нею как будто рос,
Выпрямляя свой малый рост;
Ястребком налетая, слов
Не жалел он, и был готов
Ради девы и жизнь отдать,
Лишь бы мужем ей, милой, стать.
Целых сорок служанок-дев
Кёкмончок охраняли. Лев
За героем следил в упор.
Тот зашёл к Кёкмончок в шатёр,
С ним зашли и *чоро* – шесть-семь,
По невесте нашлось им всем,
По пиалке с *араком*[585] – тож,
Чтоб взбодриться: у горла нож
Держит случай судьбы слепой,
Вдруг последний свой час герой
Наслаждается жизнью здесь.
Тут с Бозуулом явилась весть:

«Эй, послушай, герой Агыш,
Пока ты за столом сидишь,
Твой противник к борьбе готов!
Лев отрезал без лишних слов:
Пусть выходит Агыш на бой,
Пусть покажет, какой герой!
Нескара не дождётся-ждёт,
Удивляется весь народ:
Рядом с ханом Агыша нет,
Храбреца, мол, простыл и след!
Опозоришься, милый мой,
Если тут же не примешь бой!»
Растерялся Агыш слегка,
По доспехам прошлась рука –
Всё ль в порядке? Он Кёкмончок
Поклониться лишь только смог,
И сказать не могла она
«Не иди», мол, – ведь не жена.
Весь смущённый пришёл Агыш
К *кабылану*: хотел, мол, лишь
Попрощаться с невестой – вдруг
Не покинет живым он круг:
«Я в коротком бою – мастак,
Ну, а в долгом бывает так,
От щекотки берёт вдруг смех,
А тогда уж – какой успех?! –
Так ослабнуть могу, смеясь,
Что противник затопчет в грязь.
Потому я прошу, Манас,
Чтоб меня, наблюдая, спас
Как спасаешь других всегда,
Ты увидишь: стряслась беда,
Если зубы блестят во рту
И от смеха трясусь. Беду
Отведёшь, коль три раза вмах
Плетью просто хлестнёшь – в руках
И лекарством бывает плеть,
Если вовремя ей огреть!», –
Так, смущаясь, сказал Агыш;
Вышел в круг – как с горою мышь
С Нескарой он смотрелся, но,
С быстрой мыслею заодно,
Так кружил и вертелся он,
Подбираясь со всех сторон
К великану, что тот, как слон,
Успевал только выдать стон,
Поворачиваясь к врагу,
Чтобы выловить мелюзгу,
Поломать, сокрушить, распять.
И не мог даже тень поймать:
Неуклюжим, большим был тать,
Да ещё он любил болтать

[585] Арак – алкоголь, хмельной напиток.

И браниться: за залпом залп
Выдавал сквернословье *алп*.
Поумнее он будь, то знал б:
Брань с усилий снимает скальп.
Он Агыша схватил, но тот,
Как намазанный маслом кот,
Тут же выскользнул, а народ
Уж подумал: *манжу* возьмёт
В этой схватке, конечно, верх!
На Алыша напал вдруг смех:
Извиваясь и корчась, он
Всем нападкам *манжу* вдогон
Выдавал – взрыв за взрывом – смех,
В изумленье повергнув всех:
Что за бой? Тот – от смеха пьян,
Этот – лезет уже в карман,
Словно кончились все слова
Или кружится голова
От метаний туда-сюда.
Уж остыла давно еда,
Что варилась с утра в котлах,
А борцы, нагоняя страх,
Всё кружились, и дикий смех
Плыл над полем, смущая всех.
Лев Манас закричал в сердцах:
«Разве это борьба?! В *сыртах*
Так случаются лишь сурки,
Двум мужчинам же не с руки
Щекотаться, как в час утех,
Превращая обычай в грех!
Выбирайте: борьба иль смех!
Кто сумел ухватить успех,
Пусть скорее получит приз;
Эй, давай-ка, борись, кыргыз!
Нашу честь поддержи, Агыш,
Перестань хохотать, крепыш!» –
С этим криком своим он плеть
Взял, чтоб с ходу *чоро* огреть,
Приговаривая: «Чем смерть,
Боль – она поправимей ведь!
Взял Кошой наш три дня, и день
Скоро канет в ночную тень!»
К ним приблизившись, лев огрел
Общий скользкий клубок из тел,
Раз, другой – наконец, достал,
И смеяться вдруг перестал
Обожжённый ударом тем
Обозлённый Агыш, и всем
Доказал он в момент: силён
Хитрый мышь, а не глупый слон, –
Дёрнув за ногу в нужный миг,
Повалил Нескару; старик
Завалился всей тушей так,
Что и встать не сумел бедняк:
Как бревно, как могучий дуб
С корнем вырванный словно зуб,
Он лежал – то ли жив, то ль труп, –
Не слетало ни вздоха с губ.
Пнул Агыш его – чуть, слегка,
Перепрыгнул через врага,
Через голову старика,
Он шагнул, как и *абака*, –
Не нарочно, уж так пошло́:
Ведь не встанешь же на крыло,
Чтобы взмыть над горой мясца
В храм небесный, в чертог Творца.
Так подумав, Агыш сказал:
«Я жену ведь ещё не взял!
Он щекоткой хотел убить,
Оборвать моей жизни, нить,
Чтоб не мог я дышать, любить,
Каждый миг свой живой ценить.
Жив остался я – главный приз.
Рода честь поддержал кыргыз.
Ну, а деньги, добро и скот –
В общем, весь за успех доход –
Пусть поделит на всех народ,
Но скажу лишь я наперёд,
Кабылану: меня ты спас,
Драгоценный наш хан Манас,
Коль не ты, не твоя бы плеть,
То сейчас уж меня бы смерть
Приласкала, в мужья взяла...
Справедливость чтоб здесь была,
Лев возьмёт, раз вложил свой пай,
Приза львиную часть пускай!»
Согласился честно́й народ,
Поделили ладком доход –
Шёл в толпе добродушный гул;
Перекрыл его Ырчуул –

Воздух в грудь, как в меха, вдохнул,
Снова песнь свою затянул:
«Пеший бой подошёл к концу!
Воздадим почёт молодцу
И, конечно, его Творцу,
Что героя зачать отцу
В нужный час, в нужный миг помог!
Что ж, борьбе этой минул срок.
Начинаем мы *эр сайыш*!
Вот где мог бы блеснуть Агыш!
Но теперь уж борцов других
Дожидается приз – под дых
Всех ударит о нём лишь весть –
Так бесценен и щедр он весь!
Не спасут здесь ни злость, ни лесть,
Лишь умение, если есть!
Выбирайте батыров, эй!
Поскорее, люд! Веселей!»
Конурбай, лишь услышав весть,
Встрепенулся, велел принесть
Камень свой – амулет, *юкю*[586],
Хоть *юкю* не идёт быку,
А тем паче – свинье такой;
Подпоясал *чапан* он свой
Ярким праздничным кушаком –
Пояс лёг на огромный ком
Мяса, жира, его кишок,
Чтобы талию видеть мог,
Кто хотел бы её найти,
Но устал бы на полпути;
На лице, что луны круглей,
Он приклеил улыбку, к ней
Полагался бы взгляд добрей
Иль хотя бы чуть-чуть мудрей,
Но – увы, из-под злых бровей,
Тёмный взгляд был еще темней:
Если б как поперёк седла
Туша мёртвая вдруг легла, –
Онёргён[587]– над глазами, мгла,
Взгляд как будто бы из дупла.
В голове самоцвет он нёс.
Что за камень? – смешной вопрос:
Нар, что злобным во зле возрос!
Властен в судьбах *Уроборос*[588].
Голова у *калчи* – казан,
Брови – дохлый душной баран,
Сзади будто бы хвост – коса,
С гривой конской сравнить нельзя:
Чёрно-рыжая как гюрза;
Словно омута два – глаза,
Нос – извилист, как сколы скал,
А усы – как кривой *дувал*
Из растрёпанных камышей;
Борода из самих ушей
Израстает – уж так пышна,
Словно многое скрыть должна,
Вот на гриву коня она
Походила на взгляд сполна.
Хан, за пазуху взяв ружьё,
Планов пестуя громадьё,
Стал подхлёстывать Алгару –
Этот конь не в одну игру
Смог победу ему принесть;
Снаряженье: по чести честь:
Лук из злата сверкает весь,
На *кисе*[589] что угодно есть:
На деталях застрянет взгляд,
Так красиво они висят;
И скакун разодет подстать –
Видно сразу, что едет знать,
Даже если совсем не знать,
Кто таков этот важный тать.
Лихо скачет на Алгаре
Конурбай, чтоб занять в игре
Роль лишь первого, версий нет;
Целых сорок *жайсанов*[590] вслед

[586] Үкү – украшение из перьев филина.
[587] Өңөр – везти кого-что-л. впереди себя на верховом животном; посадить кого-л. или положить что-л. перед собой на седло.
[588] Уроборос – архаический образ, представляющий собой змею, заглатывающую свой хвост.
[589] Кисе – ремённый пояс и нанизанные на него разного рода мешочки; ножны для ножа, мешочек для огнива и т. п.
[590] Жайсаң – калмакский начальник, зайсан.

Скачут, к небу вздымая пыль
Так, что оземь полёг ковыль.

Сивогривому донесли:
Там, мол, в облаке той пыли,
Что в полнеба стоит вдали,
Мчат *кангайские мезгили*[591]
С Конурбаем во всей красе,
И победы алкают все.
У Кошоя спросил Манас:
«Что за кони, скажи, у нас
И каков у них сил запас?
Аккула ведь на этот раз
В гонки общие мною дан».
Ал ответил: «Есть Калкаман –
Чёрный конь, щит в бою, титан;
И гнедой есть – наш Толкуман:
Мягкий ход, как речной туман,
Но на деле он конь-буян».
Обернулся Манас к коням:
«Стар дружище мой Калкаман:
Все суставы скрипят, упрям –
Ищет к бедам дорогу сам.
Толкуман же, гнедой проглот,
Полноватый для игр скот,
В *эр сайыш*, я боюсь, как плод,
Что поспел, на ходу падёт».
Критикуя Кошоя, он
Сожалел, что послал на гон
Аккулу, хоть и был силён
В скачках именно конь: в обгон
Шёл без страха в дорогах всех
И всегда приносил успех.
Но Манас причитал теперь:
«К чёрту приз, но *кангайский* зверь
Должен мне проиграть, а я,
Получается, без коня!
Пропадает впустую пыл:
Я Саврасого отпустил!»
Ажыбай вдруг сказал: «Вчера,
Объявилась когда игра,
Я коня приглядел для Вас:
Красный, будто бы рак, в окрас,
Под *калмакским* седлом, высок,
Строен, сложен как юный бог, –
Был поставлен на коновязь.
Создан будто бы он для Вас –
Так хорош. Но не знаю – чей.
Алмамбета? Среди ночей
Разговоры я слышал – конь
Алмамбета – пожар, огонь».
Эта весть погасила спор:
Был Манас в своих чувствах скор:
Ажыбая услышав, взор
Устремил на большой шатёр,
Где народ Айдаркана спал,
И тотчас подниматься стал,
Калкамана камчой гоня,
К ним, увидеть скорей коня,
Чей окрас – как начало дня,
Отсвет сути его – огня.
Лев Манас чуть шатра достиг,
Как увидел он в тот же миг:
Рыжий-рыжий огромный конь,
Точно сказано – конь-огонь,
К коновязи привязан был,
Злился, землю копытом бил.
Очарованный им Манас
Не спросив, мол, а чей он? – враз
Отвязал и, любуясь им,
Понял: будет скакун любим,
Будет верен в игре, в бою,
Оправдает и масть свою.

Что ж, причину пора назвать,
Почему в состязанья гнать
Кылжейрена – коня так звать, –
Алмамбет не хотел давать.
Из Китая придя, батыр,
Хоть и был он не из задир,
Униженья Конура все
Твердо помнил: в его стезе
Тот зловещую роль сыграл,
Полсудьбы у него украл.
Размышлл же так Алмамбет:
«Кылжейрену здесь равных нет,
Скачки только пойдут во вред.
Эр сайыш здесь объявят вслед,

[591] *Здесь:* временщики (мезгил – время, сезон, момент).

Конурбай не утерпит, нет,
Выйдет! Выйду и я в ответ –
От *огузов* пойду! Коня
Придержу для такого дня!»
Правда, мысль приходила в ум:
«Если в скачки пойдёт скакун
Конурбаевский, вороной,
То и рыжий помчится мой!» –
Вроде, небо расчёт такой
Поощряло, даря покой.
Конурбай к Алмамбету сам
Соглядатаев слал – к бегам
Допускает ли тот коня
Цвета пляшущего огня;
И когда он узнал, что нет,
Вороного отставил вслед:
Годен, мол, для другой игры,
Отдыхает пусть до поры.
Рыжий ждал, набирался сил.
Алмамбет же не егозил:
Три шатра он воздвиг и в них –
То в одном, то в другом, – притих.
Шыпшайдара боясь, былых
Обещаний, что выбьют дых
Из него, на его судьбу
Навсегда наложив табу.
При себе он держал всегда
Лук и стрелы – мол, вдруг беда
Подкрадётся к нему, как вор,
Будет с ней крутой разговор.
И когда развязал коня
Сивогривый средь бела дня
И хотел увести, Алма
Был напуган таким весьма
И решил, что момент настал:
«Развязавший коня скандал
Затевать на показ не стал –
Спящим, думает, мол, застал,
Можно тихо послать в астрал», –
Лук и стрелы скорей достал,
Натянул тетиву... как вдруг
Из *кайыпа*[592] незримых рук
Ощутимый пришёл толчок!

Он понять в то мгновенье смог:
Развязавший коня непрост,
Он живёт под охраной звёзд,
Это слишком, увы, всерьёз,
Надо молча закрыть вопрос.
Был умён Алмамбет, не раз
Доходил до него рассказ,
Что Манас у кыргызов есть –
Неба щедрого божья весть;
Здесь он впитывал каждый слух –
Верен, нет ли, рассказам дух
Молодого богатыря,
Что явился, спокой даря:
«Аккулу своего на гон
Он послал, хоть и знал: на кон
Ставит выигрыш прочих игр, –
Как уверен в себе он, тигр!
Молодой, тридцати ведь нет,
А глядит как орёл на свет –
Не прищурившись, *Ак Таала*[593]
Направляет его дела,
Дав *арбак*, он его главой
Сделал многим родам, он свой
Для *алашей*, *бугу*, *ногой*.
Остановлен и я рукой
Снизошедшего в мир Творца,
Всех свершений земных Отца».
Как бы ввысь ни взлетала мысль,
Сам себе приказав «очнись!» –
Мол, уводят твоё добро, –
Закричал он скорей *чоро*,
Что спешил за Манасом вслед:
«Эй, *чоро*, ты не дашь ответ –
Кто уводит, скажи, коня
Моего среди бела дня?»
Ажыбей отвечал тотчас:
«Сын Жакыпа герой Манас!
Знает ценность коня герой.
Знает ценность героя мой
Благодарный ему народ.
Нашу честь отстоять ведёт
Он коня; иль настал черёд
Конурбая пустить вперёд?

[592] Кайып – скрытый, незримый; из ниоткуда (наверное, из потустороннего мира).
[593] Ак таала – ак-белый; таала – Всевышний, эпитет Бога.

Он ведь вышел на *эр сайыш*
Со своим вороным, – глядишь
Все призы заберёт, пока
Ты отлеживаешь бока».
Когда так Ажыке сказал,
Алмамбет, что иного ждал,
Растерявшись на миг, решил,
Что Всевышнего то посыл
И совет бы неплохо дать,
Как с конём своим совладать;
Глупо спорить с Манасом – он
Будет разве что огорчён,
Мол, расстрою его, дразня,
Проиграет из-за меня,
Опозорит себя, коня.
И сказал, лишь *чоро* виня:
«Ловкий парень ты, твой язык
Вмиг ответы давать привык,
Но совета ты в нужный миг
Дать не смог ведь, увы, поник.
Ну, зачем Аккулу на гон
Взял и выставил твой патрон?
Что ли, в играх не искушён?
Что как вдруг проиграет он?
Я ведь тоже, считай, народ.
Чтоб сынок Алооке вперёд
Не прорвался на *эр сайыш*
Я коня приберёг, и тишь,
Что ты видел в моём шатре –
Лишь уловка в моей игре.
Бог с моим Кылжейреном, пусть
Хоть издохнет, не стоит чувств,
Целых сорок *асыев*[594] он
Пережил, и уже урон
Я предвижу порою в нём:
Кости старые, скрип да стон
Слышу, только затею гон.
Впрочем, рано его в загон:
Тренировку такую б дать,
Чтобы мог он летать опять,
Достигая былых высот,
Ты запомни, джигит, подход:
Сев верхом, так гони, чтоб пот
Лил ручьями с него, вперёд
Направляй, и хоть целых шесть
Попадётся обрывов – есть
У него искушённость здесь,
Для него это тоже честь –
Через ямы себя пронесть;
Не ищи ты в пути обход,
Только прямо скачи лишь – вот
Путь к победе на *эр сайыш;*
Яр длиною в *аркан*[595], глядишь,
Перепрыгнешь на нём шутя,
Но внимательно лишь следя,
Чтобы, вверх от холма летя,
В гриву конскую как дитя
Не вцепился бы ты, – седло
Крепко держится, повезло
Со спиною его – крепка,
Крепкой будет пусть и рука!
Только прямо, а не в обход!
Коль копыта он не вобьёт
В грунт, отталкиваясь в прыжке,
То победа, считай, в руке!
Я плохому не научу.
И ещё пару слов хочу
О Конуре добавить – тот,
Кого проклял родной народ,
Говоря про него: «*Комур*[596]!»,
Он сдерёт даже восемь шкур,
Как отец его – Алооке,
Чтобы приз удержать в руке.
Всем поведать давно пора:
Конурбая конь Алгара –
Скот особенный, конь-летун,
Акаяр – был такой колдун, –
С ним работал немало лун,
Когда он был податлив, юн.
И Конура колдун учил.
В шесть слоёв он аркан ссучил,
Нить из шелка он вдел в штаны,
Подбирая такой длины,
Чтоб прошла она между ног,

[594] Асый – по пятому году (т. е. уже взрослый – о лошадях).
[595] Аркан – мера длины, равная 4–5 метрам.
[596] Комур бол! – (*фольк.*) пропади ты пропадом!

И с арканом срастил – урок
Заключался лишь в том, что снасть
Не давала с коня упасть,
Как бы конь ни резвился всласть,
Всадник срощен с ним был, –
пропасть
Только вместе могли они;
От седла хоть на щель штаны
Оторвутся – к паденью то
Маг приравнивал, но зато
Хоть кривился от Алгары
Конурбай, только с той поры
Стали целым одним они
На любые, сколь есть их, дни.
Если лев сам поскачет, пусть
Напрягает все пять из чувств,
Чтоб не дать обойти себя,
Пять по «если» сулит судьба:
Если бел аккалпак как снег,
Если путь будет без помех,
Если мужество без прорех,
Если небо сулит успех,
Если всё, что сказал Алма
Доберётся до недр ума
И загонит врага в дыру,
Чтоб упал он, то Алгару
Пусть не ищет, не ловит, нет!
Бог, конечно, хранит от бед,
Но *жайсанов* прошу учесть –
Целых сорок! Десятков шесть
Или семь великанов – честь
Для любого: Манаса съесть.
Пусть от них сторонится он,
Лучше выбить, но грянет стон
От народа – мол, ведь игра.
От китайцев там Жойгара,
Коль возникнет – то от меня
Передайте привет, тесня:
Вполовину я – их огня,
Вполовину я – вам родня».
Так сказал Алмамбет Ажы
И добавил: «Ещё скажи,
Что желаю от всей души
Победить! Передать спеши!»
Ажыке ускакал и льву
Все слова передал, молву
Прошерстил – что гутарит люд
Про Алма – молодец иль плут?
Поразмыслив, в теченье дня
Всё испытывали коня:
То Манас, то, сменив, Ажы
Так закладывал виражи
Меж холмами вдоль-поперёк,
Что изрядно потел конёк,
Но показывал всё, что мог,
Победить словно дал зарок;
Через ямы почти летать
Заставляли раз шесть иль пять;
Конь горел как огонь; *бута*[597]
Шестикратно была взята,
На холмах было много ям,
Лев скакал специально там,
Чтоб заранее всё учесть –
Где какая заминка есть,
Отчего он бы мог понесть,
Что, мол, действенней – окрик, лесть?
Конь пришёлся им по душе.
Друг у друга с Ажы уже
Отнимали поводья, – мол
Хватит ям, поскакали в дол:
«На равнине, давай, мой тигр,
Я проверю, готов для игр
Кылжейрен, если путь – стекло,
Если солнце уже зашло».
Тигр, не слыша, твердил: «Хорош!
С каждым разом всё лучше! Что ж,
Он совсем ведь неутомим,
Мы скорее устанем с ним.
Да, особенный он скакун:
У него запредельный *кун*[598].
В шаге – лебедь, и всё ж бегун,
И к тому же ещё – прыгун!
Нам бы пару в запасе лун,
Да ночное, да свой табун –
Чтоб привыкнуть друг к другу. Но
Бег объявлен уже давно,

[597] Бута – мишень, цель. Бута атым – расстояние полета стрелы.
[598] Кун – цена, стоимость.

К месту игр поспешим, Ажы,
Ты за мною, дружок, спеши!», –
Подхлестнул Кылжейрена лев,
На него по-хозяйски сев.

Суетился народ: «Манас!» –
Раздавалось в бурленье масс:
Как-то вызнали, что сейчас
Сам он выйдет на этот раз.
«Два батыра здесь – два врага,
Честь обоим им дорога,
Кто победу из них возьмёт?!» –
Волновался вокруг народ,
Словно птицы на все лады,
Шеи вытянув вверх, ходы
Обсуждали, но лишь беды
Не предвидели их ряды.
Из-за сёдел шёл громкий спор:
Не решили ведь до сих пор,
Кто какое седло себе
Выбирает подстать судьбе.
«*Ак канкы*[599] принесите мне,» –
Так Манас приказал родне,
Как влитой сидел на коне,
На блестящем живом огне;
Сивогрив – словно Ала-Тоо.
Кылжейрен хоть и рыж, зато
Белоснежной попоной он
Был покрыт, словно ханский *тон*
Он надел для грядущих игр –
Белоснежный, с подбоем, тигр.
Сам Манас как гора суров,
Глянет в душу – из носа кровь
Тут же хлынет, коль не готов
Взглядом выразить смерд любовь.
Пламя плещёт в его глазах.
Рядом сорок *чоро* – не страх,
Честь связует их, долг и флаг.
У Манаса копьё в руках.
От *алашей* он взял *бата*,
Лишь утихла вся суета.
Потрясли всех *чоро*, когда
Сам Кыргыл их привёл сюда.

Конурбаевских силачей
Сдуло, словно огонь свечей,
Да и сорок *жайсанов* к ним
Притулились, как будто дым.
Так что вышел Конур один
Из толпы – как тюлень из льдин.
И подумал Манас: «Пускай
Выйдет в первый черёд *кангай*!
Не жалеет пусть Конурбай,
Что явился он в этот край;
Сын хитрюги Алооке
Пусть попробует налегке
Флаг поднять свой: в его руке
Пусть он плещет на ветерке.
У великих душой расчёт
По себе: мол, хоть слаб народ,
Но хорошего больше в нём,
Всё исправим, пока живём!
Лев сказал: «Конурбай, вперёд!
Первым будет пусть твой черёд».
Тот ответил: «Возьму, коль ты
Свалишь вдруг меня с высоты,
А не свалишь – мои следы
Собирать будешь, как цветы».
В ярость тут же пришёл Манас.
Конурбаевский пыл погас,
Озирался вокруг, стоял,
Словно ярости тёмной вал
Должен быть накатить. Не стал
Лев выплескивать ярость, ждал,
Наблюдая за Алгарой:
Тот бежал так легко, герой,
Хоть *калмак* восседал горой,
Так, что конь проседал порой,
Но однако был легок, быстр,
И бежал по каменьям, искр
Оставляя веселый рой,
Увлечённый вовсю игрой.
Был, в отличье, седок понур.
Пику тоже держал Конур,
Остриё её *бёру тил*[600]
Страшным ядом он напоил,
Чтоб уж если в кого вонзил –

[599] Ак каңгы – каңкы-ээр – монгольское седло (с широкой передней лукой).
[600] Бөрү тил – узкой полоской и заострённый, в форме волчьего языка.

Тот навек бы упал без сил.
Сам булат из Китая был,
Красный этот металл в распыл
Столько жизней послал в веках,
Превратив в безымянный прах.
С голубым бунчуком копьё
Нёс Конур словно флаг – своё
Нетерпенье являя так,
Что гремел без конца, вахлак;
Чёрной дымкой за ним в полях
Пыль текла – многослойный страх:
Страхом пышный бунчук пропах,
Многих душ повидавший крах.
Конурбай уловил момент:
Смертоносный свой инструмент,
Что оружьем звать невпопад,
Раз внедрён в него тайно яд,
В Сивогривого он вонзил
Изо всех своих подлых сил.
Заложило всем уши: звон
Разлетелся; со всех сторон
Эхо звону отозвалось,
Ветер взвизгнул – как будто злость
Злого замысла в явь вошла,
Плоть зловещую обрела.
Сивогривый же вздрогнул чуть:
Звон и визг лишь коснулись чувств,
Пика в щепки распалась вмиг,
Даже «волчий её язык»,
Словно в камень, попал в броню,
Что подобна была кремню,
Весь расплющился, оземь пал;
Яд смертельный кому попал? –
Травам, почве, камням – как знать.
Сивогривый теперь сказать
Мог по праву: мол, мой черёд,
Что и ждал от него народ,
Но отвлёкся Манас: куда
Чёрный холм поспешил, когда
Его пика в щепьё ушла,
Что он делает? – вот дела!
На коне вороном, большой,
Он за пазухой вдруг нашёл
Что искал: амулет иль нет?
Золочёной иконы свет
Вдруг блеснул; Конурбай в руках
Поднял эту икону; страх
Виден был на его лице,
Стал вещать о своём Творце:
Мол, всё видит *Кёкё Тенир*[601],
Кто его сбережёт, коль мир
Под пятою *бурутов* сир,
Что у них лишь Манас – кумир!
Набежало *калмаков* тьма,
Словно все вдруг сошли с ума,
Кувыркались, чтоб пасть, молясь,
Пред иконой Конура в грязь;
И кричали: «Кёкё Тенир,
Береги нас, мы этот мир
От *бурутов* очистим так,
Что воспрянет опять *калмак*!
На руках Конурбая бог,
Пусть врага он свалить не смог –
Жив покуда Манас, но он
Будет всё-таки покорён;
Будет этот *бурут* ползти
На коленях, шепча «прости»,
Конурбай же его, юнца,
Сломит прутиком до конца!»
Вторил им и Конур-гора,
А в подмогу хан Нескара
Всех *кечилов*[602] скорей созвал
И монахам своим сказал:
«Совершайте *дуба*, *бата* –
Я затем вас позвал сюда,
Если что-то не так пойдёт,
Всяк от рук моих вмиг умрёт!» –
Так кричал Нескара, мол, степь
Стала тесной, нельзя терпеть,
Здесь *калмаки*, *кытай*, *манжу*,
И *шибе, солону, анжу*, –
Столько всяческих тварей! – бог
Разобраться бы всем помог:
«Береги нас, бог, береги!
Конурбаю ты помоги –
Меткость, силу его руки

[601] Көкө Теңир – в эпосе, когда речь ведётся от лица калмаков – бог.
[602] Кечил – калмакский монах. Калмак.

Сам направь, как полёт реки!»
Так гудели, рыдали так,
Словно выдул умы сквозняк,
Словно в поле овса сорняк
Уничтожил, разросшись, злак.

Надоело Манасу ждать,
Он продолжить игру опять
Вознамерился, и коня
Он направил вперёд, гоня;
Кылжейрен, как язык огня,
Вмиг рванулся вперёд, – полдня
Кровь играла в коне, дразня,
В путь нелёгкий его маня.
И Манасу столь ждать нельзя:
Даже верная *Сырнайза*,
Что разит, не оставив дыр,
Если держит её батыр,
Не ломается и в камнях,
И быстрее, чем мысль и страх, –
И она погрустнела: ждать
Хуже нет, но плутует тать.
Кылжейрен подо львом играл:
Был как мак под лучами – ал,
А глаза словно у *бото*[603],
Красивей не видал никто, –
Круп крутой, горделивый ход.
Возбуждённый красивый скот.
Восхищенный умолк народ.
Конурбай попытался брод
Среди зрительских толп сыскать,
Но остался один стоять
Посредине майдана, – знать,
Понял: поздно уже бежать.
В бок ударил его Манас
Лишь один, но смертельный раз:
Панцирь лопнул – за слоем слой
Весь порвался, как *тон* гнилой.
Кровь струилась черней ночи
По седлу, по ногам *калчи*:
Желчь была в ней да часть мочи –
Это смерти так бьют ключи.

Но пытался бежать Конур,
Неуклюже, коня аллюр
Отзывался в нём болью так,
Что готов был кричать, бедняк.
Кылжейрену не по плечу
Было всё же догнать *калчу*,
Хоть один бы ещё удар,
Конурбай бы совсем упал,
Но... И вправду скакун был стар,
Хоть азарта хмельной угар
Позволяли ему лететь,
Алгара был быстрей, чем смерть:
Он Конура сумел унесть
От погони, спасая честь,
Вдаль, туда, где *жайсанов* сеть
Встала, словно живая клеть.
Был погони решён успех:
Вороной взял над рыжим верх,
Алмамбет оказался прав.
И Манас, свой порыв поправ,
Сбавил ход среди пышных трав,
В Кылжейрена вгляделся: нрав
Не давал ему в старость впасть,
Но – покрытая пеной пасть
И суставов безводных скрип,
Кожа чёрствая, в рёбрах хрип.
Ажыбая послушав бы,
В степь пустили пастись. Судьбы
Не изменишь, жалея шаг,
Что свершить ты не мог никак.
Развернулся обратно тигр.
Взяв свой приз в окончанье игр,
Вспоминая *байги* исход,
Он ругал свой неумный ход:
«Ах, как жаль! Если б знал – *калча*
Выйдет, я б не рубил сплеча:
Аккулу не пустил в бега,
Ведь стихия его – *байга*;
Победил бы навеки зло.
Вот уж вправду – не повезло!»
Но, ругай себя, не ругай,
Задний ум не вернёт *абай*[604].

[603] Бото – верблюжонок-сосунок.
[604] Абай – осторожность, осмотрительность.

Алмамбет тут пришёл, как бай,
Белоснежный был *кементай*[605]
На плечах у него, – узнать
Алмамбета могла б лишь мать.
Цель была его – Конурбай,
А за ним Шыпшайдар. За край
Достиженья Алмы они
Оба скрылись на оны дни.

Мааникер – сбережённый дар,
На котором сидел Айдар,
Хвост и гриву нёс как мечту,
Удила свои грыз во рту
И кокетливо бил ногой,
Горячился – мол, я такой,
Всех пугал он, входя в толпу,
Пышной чёлкой блестя на лбу.
Говорил молодой Айдар:
«Управление – редкий дар,
Волю дать, то Манас пожар,
Управляя, заставит жар
Отдавать лишь туда, где ждут;
Великаны собрались тут,
Им скажу я за пять минут
Те слова, что в себе несут
Много дней и огромный труд:
Двое суток я ждал, когда
Скакуны повернут сюда;
А на третьи в рассветной мгле
Я по берегу вдоль Иле
Шёл; низиною Илебин,
Скакунов я настиг один,
Вдоль прошёлся их, Мааникер
Мне помог придержаться мер:
Обойдя, не спугнуть коней,
Не запутать их бег, камней
Ненароком не стронуть с гор.
Не об этом весь разговор.
Я одиннадцать скакунов
Насчитал впереди; готов
Я поклясться, что остальных,
Видно, гон поразил под дых.
Этим, первым, сам бог помог,
Вышли все они на отрог,
И осталось совсем чуть-чуть
Встретить здесь их. Окончен путь!»
Речь Айдара услышав, люд
Зашумел, начиная суд:
Кто за кем, мол, сейчас придёт.
А покуда шумел народ,
На Сыргака свой взгляд Айдар
Бросил так, что внезапный жар
Ощутил на щеках Сыргак;
«Почему посмотрел он так?
Может, первым шёл Аккула,
Да какие-то вдруг дела
Помешали ему в пути?
Может, надо помочь пойти?
Может, просто хотел сказать,
Что пора Аккулу встречать?»
Мааникера хлестнув, Айдар
Ускакал, но удар иль дар
Предрекал он? – Сыргак не знал,
Размышлять он поглубже стал:
«Что же взглядом Айдар сказал?
Может просто назреть скандал?
На восток если весь народ
Хлынет шумной толпой, то ход
Аккуле этот шум собьёт.
Как очистить ему проход?
Кто из наших здесь держит край?
Сын Кюлдура есть – Алыбай,
Шууту, Куту, Ажыбай,
Ырчыуул, Бозуул-*агай*».
Самых шустрых позвав юнцов,
Шестерых он повёл бойцов,
Чтоб, расставив их, коридор
Сделать рядом с подножьем гор;
Кабылану сказал Сыргак:
«Знамя наше, что дал *арбак*,
Наш священный военный флаг
Вы достаньте, держите так,
Чтобы был под рукой он здесь;
Сядьте на Айманбоза, – весть,
Я так думаю, к Вам близка,
Пусть же будет рука крепка.
Уходя, дал Айдар нам знак.
Я подумал и понял так:

[605] Кементай – верхняя одежда из войлока.

Пусть наденет наш лев доспех,
Многих злит ведь чужой успех,
Пулю-дуру за просто так
Может в ход ведь пустить *калмак*,
Нужен конь, что в боях привык
Избегать даже пули вмиг.
Я встречать Аккулу пойду,
Если что – отведу беду!»
Так сказав, поскакал Сыргак
К Илебин, торопился так,
Что в момент проскочил большак,
В бездорожье смиряя шаг.
До отрога дошёл, до гор.
Там стоял силачей дозор:
Всяк с подзорной трубой глядел
За порядком текущих дел.
Вдруг увидел Сыргак: как мел
От потерянной крови бел,
Не похож на себя, понур,
Вдаль уходит спеша Конур –
Хоть мрачнее осенних туч,
Но, однако, не мёртв. Живуч!
Вслед за ним проскакал Чубак.
Под отрогом узрел Сыргак
Кёктеке: у красы-коня,
Словно листья под зноем дня,
Уши виснут – устал, видать.
Стал Сыргак рассуждать опять:
«Конурбай, сын Алооке,
Алгару повернул к реке,
Чубаку-то спешить за кем? –
За Конуром... Но – налегке!?
Тезкызыла загнал, небось.
Да, Конур – беспокойный гость,
Для седалища – острый гвоздь,
Для несчастного горла – кость.
Ну-ка, ну-ка! Чубак достиг
Конурбая; и что – *калмак*?
Ветер, дунув, донёс слова:
«О, догнал Вас, Конур, едва!
Конь батыра – саврасый конь –
Не свернул ли от всех погонь?
Не видали его в пути?» –
Он успел лишь произнести
Эти фразы, как гром с небес
Словно грянул: крутой замес
Из различнейших звуков: храп,
Конский топот, шуршанье трав,
Ржанье, шорох камней, дубрав.
Оглянулся когда Чубак,
Аккула проскакал, да так,
Что увлёк за собой туман;
Конь Жолоя шёл – Ачбуудан –
Вслед за ним словно с парой крыл;
Поворот их от взглядов скрыл.
Конурбай, что попал к ним в тыл,
Не успел разглядеть, кто был
Самым первым; взглянул назад –
Кони, словно орлы, летят,
И Жолоевский Ачбуудан,
Распластав, как в полёте, стан,
Ход ускорил, стремясь вперёд;
Конурбаю такой исход
Был любезен, и Алгару
Он скорее вовлёк в игру:
«Ачбуудан будет первым. Что ж,
Поддержать бы его. Хорош,
Как и мой, у Жолоя конь,
Лишь бы выдержал ритм погонь!»
Пока думал он, Чалкуйрук –
Конь Тёштука – промчался вдруг;
У Конура сердечный стук
Стал неровным – все чувства в пук
Собрались; бормотал он вслух:
«Конь *бурута*... Ему б испуг –
И свернёт; но пойдёт скандал,
Кто ему доскакать не дал? –
Ну, конечно, *калмаки*... Что ж,
Помешать бы! В коленях дрожь».

Но вернёмся к Сыргаку – тот
Понял, что Аккула идёт
Самым первым, его не ждёт
Проглядевший его народ:
Конурбай его не засёк,
Потому помешать не смог.
Взяли восемь батыров след,
За Саврасым помчались вслед,
Но на целый, пожалуй, свет
Ведь умнее скотины нет:

Топот слыша, бежал сильней,
По наносам скакал камней,
Чтобы спрятать свой след верней,
С толку сбить всех других коней.
Через яр был он прыгать рад –
Так летел, словно стал крылат,
Был он бегом своим распят –
Гриве хвост развевался в лад,
У ребёнка вверху халат,
Распахнувшись, летел назад
Тоже будто бы два крыла.
Удивительный Аккула!
Крикнул всем восьмерым Сыргак:
«Эй, батыры, скачите так –
Без *ураанов* – донёс сквозняк,
Что «Манас» – запрещённый знак
Меж *калмакских* дурных ушей:
Лишь услышат – то гнать взашей
Попытаются стражей, нас.
Запрещаю кричать «Манас»!
Спустит добрый десяток шкур
С вас, спешащий вослед Конур:
Пусть не знает он, кто вперёд
Нынче вырвался – пусть дойдёт
Аккула – заключите в круг
Победителя, чтобы вдруг
Не заметил его *калча*,
Он-то думает, что ничья
Назревает на скачках – пусть,
Не лишайте до срока чувств!
Пусть попоны других коней
Будут ярче, светлей, видней;
Как пройдём перевал Шибер,
Предпринять надо больше мер,
Чтоб прошёл Аккула, – большак
Пусть минует и скачет так,
Как сейчас; из холмов когда
Выйдет конь, чтоб его беда
Не настигла, его вести
Нам придётся самим в пути,
Станем все ему *сүрөёнчү*[606],
Пусть мухлюет Конур ничью».
Окружив Аккулу, *чоро*,
На обход ему дав «добро»,
Вшестером поскакали вслед,
А Сыргак и Чубак на свет
Появились пред всеми; шли
Дружно кони в сплошной пыли:
Телкызыл, Кёктеке. А там,
Где вольготно лежать снегам,
Вместе с ветром Саврасый плыл,
Словно беркут, вверху парил.
В это время дошёл Конур
До хребета, его прищур
Ачбуудана ловил – мол, вот,
Побеждает ведь прочих скот:
«Чист скакун, чист его успех,
Позади он оставил всех,
Вышел первым один, другим –
Пыль глотать да от славы дым!»
Взял он в руки свою *канжу*[607],–
Трубку выкурить от *манжу*
Приобрёл он привычку; стал
Высекать из холодных скал
Искру огнивом: этот дар
От китайцев; взглянул – Айдар
Вдоль холма проскакал. «Наглец! –
Мааникера прибрал юнец,
У *бурутов* коня отнять
Попытаюсь теперь опять,
Негодяя Айдара так
Накажу: засажу в *абак*[608]!»
Вороного хлестнув сплеча,
Вниз без спешки пошёл *калча*.
И подумал Айдар: «Конур
Мог бы – семь или больше шкур
За коня бы с меня спустил,
Хорошо, что *калча* бескрыл!» –
С этой мыслью Айдар исчез.
Конурбай неуклюже слез
С вороного и стал в трубу
Состязанья смотреть судьбу.
Ни души! И Айдар исчез.
«И куда он девался, бес?» –

606 Сүрөөнчү – тот, кто помогает скачущей лошади дойти до финиша.
607 Канжа – трубка; канжа тартуу – курить трубку.
608 Абак – тюрьма, яма, место заключения.

Так, ворча, Конурбай окрест
Стал разглядывать карту мест.
Чу! – поймал его хитрый глаз
Аккулу, что бежал как раз
Обходною тропой вперёд,
А за ним поспешал народ.
Кто? – догадка пришла не вдруг,
Огляделся Конур вокруг,
Едут восемь! Средь них Сыргак
И Чубак, – догадался враг.
«Я б Саврасого мог догнать,
Только восемь *чоро*. Не дать
Им пройти не смогу, увы:
Нету сил... да и суд молвы.
Ачбуудана бы здесь вести –
По предгорью, – ведь полпути
Сократили они!» –в сердцах
Про раненье забыл, про страх,
Злился, словно теряя всё:
Жизни быстрое колесо,
И богатство, и трон, и власть.
«Чтоб Саврасому вдруг пропасть!» –
Так в бессилье своём кричал,
К Аккуле торопясь, *калча*,
Вороного хлестал сплеча,
Гром и молнии вслед меча,
На тропинках опасных слез,
Взял поводья и вверх полез.
Намеренья свиньи ясны:
Помешать! – не узнав цены.
Заскорузлые от мочи
И от крови, штаны *калчи*
Вниз, с пригорков, его несли,
Словно сани, но по пыли;
Поднимаясь, за удила
Он держался. Его взяла!
В мелкой впадине возле гор
Аккулу он достиг; как вор
Появился внезапно так,
Что не сразу узрел Чубак,
Как к уздечке рванул *калча*,
Как вцепился в коня, крича.
Аккулу Чубака камча,
Взлёту словно его уча,
Так огрела – рванулся конь,
Обжигая *калче* ладонь;
На *калчу* закричал Чубак:
«Отпусти удила, вахлак!»
И ребёнок-седок тут в такт
Клич «Манас!» запустил, как знак,
Что насилье хотят свершить
Над *алашами*; словно нить,
Что сшивает куски парчи,
Так над степью под вой *калчи*
Загремел этот клич: «Ма-анас!»,
И Саврасого клич тот спас:
Полетел, словно птица, он,
Слыша имя со всех сторон
Нареченного брата, пьян
Сам от счастья: его *ураан*
С *кабыланом* связал навек –
Конь умён ведь как человек.
Грива, хвост – всё летело так,
Как звезда разрывает мрак;
На дорогу влетел конёк.
Ачбуудан в те мгновенья смог
Добежать к нему, рядом встать.
За уздечку Сыргак опять
Дёрнул: что ты, мол, друг, беги!
Тот как будто не с той ноги
На дорогу ступил, никак
Не торопится; рядом – враг,
Ну, не враг, а соперник, – как
Разбирать, кто добился благ?
Тезкызыл их догнал бы в шаг,
Но ему помешал *калмак*:
Ведь *калча*, как всегда привык
Явь заглатывать всю впритык,
Со своим вороным занять
Всю дорогу – а как же, знать:
Не уступит другому пядь!
Вся толпа, как от пряди прядь,
Разделилась, чтоб круг был пуст.
От избытка кипящих чувств
Шум стоял над ложбиной всей,
Словно стаи больших гусей
Драться начали здесь, крича.
Сивогривый мрачнел: *калча*
Вдруг оживший мешал как мог,
Скачки не завершились в срок,

Аккула словно сам решил
Не потратить последних сил –
Отдыхая бежал. Манас
Айманбоза погнал: сейчас
Всё решится! Айдара он
Увлекая в безумный гон
Попросил: «Мааникер с тобой
Для Саврасого стать судьбой
Благодатною может вмиг:
Догони и кольни! – мол, тик
В ягодицах начался, дрожь, –
Что поделать? – святая ложь!»
Не переча Айдар догнал
Аккулу, за поводья взял,
В зад кольнул его с силой так,
Чтобы взвился он как сайгак,
«Вздулись ягодицы!» – крича.
Не успел досмотреть *калча*
Так ли это, не так, но конь
Вмиг рванул; не одна ладонь
Меж соперниками легла:
Как стрела летел Аккула.
Рядом с ним Мааникер легко
Шёл, как будто бы звал его
К славе, к почестям и к призам,
Не алкая такого сам.
«Эй, поводья держи, седок!
Инвалидом не стань, сынок!» –
Всяк подбадривал, кто как мог,
Тех, кто флага достиг в свой срок.

Здесь оставим всё так. Жолой,
Не расправившись с Аккулой,
Препираться решил, увы.
Этот спор – для другой главы,
Что слагалась в устах молвы
Как узоры земной канвы.

ВЫСТРЕЛ КЁКЧЁКЁЗА В МАНАСА

Э… э… э… эй!
Лев к победе лишь только шёл,
Не достигнув её ещё,
А Конуру зубовный щёлк
Прокусил уже кожу щёк,
Он кричал, что, мол, Мааникер
Аккуле одолеть барьер
И усталости, и манер
Так помог, что конёк в карьер
С места взял и попёр вперед!
Мол, ратуйте за то, народ,
Что какой-никакой подлог
Здесь свершил, безусловно, бог:
Мааникер победить помог
И к тому же нашёл предлог,
Чтоб кольнуть Аккулу, Айдар.
В общем, начал большой базар.
Посильнее, чем сам Жолой,
Разозлился *калча* – ой-бой!
Сын Кедена большой Жолой,
Приз навьючил себе как свой:
И со златом курджун, и ткань –
Всё, что этой победе дань;
Запустил он, не чванясь, длань,
Перейдя призовую грань,
В снедь, едой запастись непрочь,
И уже навострился прочь,
Как к нему подошёл Манас
И с надеждой, что тот отдаст,
Попросил его приз вернуть,
А потом оправляться в путь.
Сам себя тут ударил в грудь
Ачбуудана хозяин: «Пусть
Нас рассудит хоть кто-нибудь! –
Кто, конечно, вникает в суть:
Ачбуудан мой – он первым шёл,
Аккула же твой – как осёл:
Хоть догнал, но упёрся так,
Чтобы самый последний шаг
Они сделали свой вдвоём,
Как порою заходят в дом
Двое важных гостей на *тёр*,
Не вступая в ненужный спор
И не ставя себе в укор,
Если на ногу был не скор.
Мааникер – он сильнее всех, –
Сделал так, чтобы вдруг успех
В миг последний свернул с пути,
Ачбуудану не дал дойти
До победы тот главный шаг,
Чтобы выиграл твой лошак!
Ты Айдара послал, греша

Против правил игры, – душа
Не болит, что ударил так
Аккулу твой гонец-дурак?
Говоришь, что твой конь быстрей?
Ложь, но ты уже свыкся с ней,
Псам рассказывай сказки дней,
Что в сравненьях прошли коней.
Ачбуудана я, что ли, зря
Отпускал на бега, дразня
Всех, кого тут свела грызня,
Кто решил обмануть меня!
Хватит сил, то давай, кыргыз,
Отними у меня мой приз!
Но вокруг ещё оглянись,
Чтоб ушла о победе мысль,
И язык подбери-ка свой,
Ты как хочешь, а я – домой!» –
Повернуть Булдурсуна он
Захотел, но упрямый конь
Вдруг замялся, нагайкой тут
Так Жолой замахнулся – крут
В злости был он, – конец, как жгут,
По его же щеке в закрут
Вдруг ушёл – до костú рассёк
Пол-лица: божий суд жесток. Тут
калмаки толпой, скорбя,
Рану взглядами теребя,
Облепили его, вопя:
«Что такое? За что тебя?!»
Он ответил: «Да пёс-Манас
Прёт скандалом большим на нас!
Претендует вовсю на приз,
Обнаглел до конца кыргыз!»
Конь другой – Барчабуудан –
Был немедля Жолою дан:
Кровь течёт, мол, за воротник,
А врагов добивать привык
Тот, кто любит обман и ложь.
По себе судит всякий, что ж.
Как Жолой убежал, Манас
Мааникера забрал тотчас,
Сам взнуздал его в этот раз,
Взял оружие про запас,
Ажыбаю сказав: «Пойдём,
Побеседуем с ним вдвоём».

А Барчабуудана след
Путь указывал им; рассвет
Даль окрасил в прозрачный цвет –
Цвет лишь истины и побед.

Место есть, что Кара-Каншаар
Называется: чары *мар*
Здесь таятся, и, скажем, шар
Свои свойства дал месту в дар:
Путь здесь кругом идёт, ведёт
То в глубокие поймы вод,
То в кустарник, то в березняк,
То в камыш – да заводит так,
Что, с трудом продираясь в лог,
Попадаешь как будто в стог –
Травостой так колюч, высок, –
И выводит опять в лесок,
Что всё гуще и всё темней.
След Барчи, становясь бледней,
Вот такою тропой кружил
Из последних, как видно, жил.
Улыбнулся Манас: «Ажы!
Ты удачу принёс! Скажи,
Как сумел ты Жолою путь
Так запутать?!.. Ещё чуть-чуть –
Заплутали б и мы за ним.
Хорошо, что дано двоим
Нам идти в этом царстве чар
Бестелесных незримых мар!
Та гора, что вдали видна,
Крутовата на взгляд она,
Я пойду к ней, чтоб хмарь стряхнуть
И прямой отыскать нам путь;
Ты – по следу иди, и будь
Наготове: ведь кто-нибудь
Из двоих должен вдруг настичь
Убежавшую нашу дичь;
Ты настигнешь Жолоя – клич
Вмиг издай бития опричь;
Алп Жолой попадётся мне –
Я управлюсь с ним сам вполне;
Ну, а ты же – зови, кричи,
Ни мгновения не молчи,
Не шарахайся, вдаль не мчи,
Знай: спокойствие – те ключи,

Что победы любой сундук
Открывают... хотя не вдруг.
В общем, кликнешь, и Мааникер
Вмиг домчит меня – полумер
Он не знает, летит всегда
Как сорвавшаяся звезда».
В общем, порознь вдаль пошли,
Чтоб круженье лихой земли –
Тропы в виде сплошной петли,
Как они уже засекли, –
Пересилить своим путём.
Хорошо, что пошли вдвоём!

Было сумерек время, тьма
Потихоньку ползла, с ума
Всех стремясь, кто застрял в пути,
Здесь, в Каншааре, совсем свести.
Сивогривого крепкий ум
Развенчал непонятный шум,
Что стелился, из леса полз:
«Вепрь!» – Манас так подумал вскользь,
Заблудился, мол, хряк в лесу,
Ищет свинку свою, красу.
И помчался вдаль, на весу
Всё же вздев свою *Сырнайзу*.
Мааникер вдруг замедлил бег –
Показался встречь человек
И никто иной, как Жолой –
Заблудившийся, грязный, злой;
Разглядеть лишь Манаса смог,
Неуклюже вильнул он вбок,
Устремился было в просвет,
Но навстречу вдруг Алмамбет
На горящем огнём коне.
«О, не смерть ли спешит ко мне?
Алмамбет и Манас – вдвоём,
Каждый наготове с копьём».
Конь его Барчабуудан,
Что *калмаками* в путь был дан,
Шёл за ним в поводу, и он,
Бросив быстро добро с конём,
Побежал, огибая склон,
Издавая невольный стон –
В горле чувствуя странный вкус,
Словно лёгких изрядный кус,
Оторвавшись, полез в гортань,
Как измученной плоти дань.
Жёлтолицый бежал Жолой,
Конь остался врагам – не свой,
И не жаль его, – верховой
Вряд ли тропкой пройдёт такой;
Сам в пещерке укрылся – мол,
Ночь настанет, ночи помол
Перемелет беду: кыргыз
Повернёт на ночёвку вниз;
Ну а он заберёт свой приз
И – в Кангай: всё продумал лис.
Не продумал, увы, одно:
Если ты уж залёг на дно,
О богатствах скорей забудь,
Особли́во таких, с чем в путь
Ты пустился, ограбив тех,
Кто по правде снискал успех.

Лев сказал Ажыбаю: «Он
Где-то рядом, обшарь-ка склон, –
Жадность держит ворюгу близ,
Он надеется выкрасть приз
И тихонько сбежать в ночи;
Пусть надеется, ты молчи!»
Сам же свой *Аккелте* с плеча
Снял, прицелился в тень луча,
Что невнятно мигал в скале,
Копошась, словно червь в земле;
И Жолой – это он и был,
Вмиг теряя надежды пыл,
Встал, чтоб дальше бежать, – увы:
Красный всполох в сетях травы
Вспыхнул, вмиг осветив все рвы,
Тропки, ямки, узор листвы;
Тень всклокоченной головы
Промелькнула, но словно швы
Мигом лопнули вдруг у тьмы!
«Ну-ка, ну-ка, посмотрим мы, –
Улыбнулся Манас, – мой друг
Приглядись-ка скорей вокруг:
Мне сдаётся, *сасык*-Жолой
Обнимается там с сосной
И с курджуном: любить двоих –

Как с *чучуком* жевать и жмых.
Разлучи-ка его с башкой
Навсегда – он и с ней такой,
Несмышлёный, – башку неси
Мне сюда, и курджун спаси».
Ажыбай поскакал вперёд,
Ожидая, что он найдёт
Труп Жолоя, но выстрел тот
Лишь коня его ранил влёт,
Барчабуудана: он
Под поклажей стоял, пленён
И поводьями, и седлом,
Да и раной, что на излом
Шею бедного развела;
А хозяина нет! – дела.
Деньги здесь, а Жолоя нет.
Где он? Конь ведь не даст ответ.
Наклонился Ажы и взял
И курджун, и поклажи вал,
Что свисала с боков коня;
Поразмыслил: к началу дня
Конь издохнет, так он поник,
Пусть расстанется с жизнью вмиг,
И на мясо *олжо* пойдёт:
Хоть насытится им народ.
И, схватив скакуна за хвост,
Он к Манасу его понёс –
Поволок, волоча, – тяжёл
Всякий скот по пути в котёл.
Только заднюю взяли часть,
Заколов его, дальше мчась
Налегке, коль не счесть приза,
Что пришлось возвращать назад.

Мааникера Манас погнал
К ставке, вниз. Над землёй вставал
Диск светила, ночную муть
Загоняя, как кашель в грудь,
В сотни всяких пещер, щелей,
Чтобы жить было всем светлей.
Заприметив вдали двоих
Все *алаши*, встречая их,
Были рады: свалил под дых
Наш Манас, мол, Жолоя – лих
Был и конь, и наездник-тать;
Мол, заметную эту кладь
С конской шкурой откуда б взять
Мог батыр, коль не смог догнать
Он ворюгу чужих призов?
А *кангаевский* клан готов
Был от злости метать и рвать;
Конурбай затянул опять:
«Мы теряем за пядью пядь!
Нам теперь не даст ночевать
Победивший везде *бурут*!
Оставаться нельзя вам тут,
Ноги пусть вас в *Кангай* несут!
Хотя, может быть, слухи врут?
Может, жив наш Жолой, ведь враг
В избежание всяких врак
С головою Жолоя так
Возвернулся бы... Аргамак
Мог и пасть посреди пути,
Своей шкуры не смог спасти,
А Жолой... Ты иди, *тангыт*,
Да внимательным будь, – велит
Твёрдо верить чутьё: Жолой
Где-то пешим бредёт, живой.
Так не стойте, *манжу, шибе*,
Рано бога винить в судьбе,
Выбирайтесь отсюда, я
Вслед за вами рвану, тая,
Наши замыслы; вслед за мной
Мои сорок *жайсанов* в бой,
Если надо, пойдут, – они
Обеспечат покой в те дни,
Когда будем мы отступать
И Жолоя в горах искать».

Так он молвил, его народ
Без вопросов пошёл вперёд;
Скрасить смог их унылый ход
Слабый отсвет былых охот:
По пути обобрав Капал,
Где казахский народ стоял
Вдоль реки Курпулдёк, они
Как в былые шальные дни
Взяли много *олжо*, рабов, –
Отыграться был всяк готов
За пустой их поход на *аш:*

Взяли двести семейств аж,
Скот несметно и всё добро,
Что нашли в глубине дворов, –
Взяв, остались на отдых тут,
Не боясь, что нагрянет суд,
Не предвидя ни ссор, ни смут,
Утолив своей мести зуд.
Конурбай на своей земле
Злость лелеял вовсю во мгле
Злобной, жадной своей души:
Ведь «не злись», как и «не дыши»
Невозможно внушить тому,
Кто умом устремлён во тьму,
Сам себя заперев в тюрьму
Алчной зависти ко всему.
Жил такой Кёзкаман-герой,
Кёкчёкёз, его сын родной,
Жил с ним вместе; в былые дни
Обретались не здесь они:
С Жакыпханом в одном дворе
На Алтае, – о той поре
Лишь вздыхал Кёзкаман порой.
Конурбай вдруг к себе домой
Кёзкамана позвал: «Герой!
Был ты умный всегда такой,
Докажи, что сейчас, уже
Лет преклонных на рубеже,
Ум и мудрость твои вдвойне
Возросли... Помоги-ка мне!
Говорят, с Жакыпханом вы
Словно стебли одной травы
Жили рядом; в устах молвы
Были в юности оба – львы;
А сегодня? – ты сможешь, нет,
Я немедля прошу ответ:
Коль придёшь ты к нему, сосед
Примет вас через столько лет?
Ты киваешь главой – мол, да;
Что ж, почти решена беда:
Привези его в клетке мне,
А не сможешь живьём, вполне
Мне достанет лишь головы:
Жакыпхана ль, его детвы –
Да, Манаса! – его башкой
Ты оплатишь сыновний *той*
На его возвышенье ввысь:
Всё, что смог захватить кыргыз,
Шесть десятков его родов
Кёкчёкёзу отдать готов
Я за голову лишь царя!
Отвечай, не тушуйся зря!
И *алашей*, и весь *Кангай*
Завещаю я вам, дерзай!..»
Старика уломал Конур.
Хоть вернулся он в дом понур –
Словно десять, не меньше, шкур
Сняли с бедного, на шампур
Совесть с честью так нанизав,
Столько дыма пустив в глаза,
Всякой всячиной пригрозя,
Что забыл он, увы, – нельзя
Предавать самого себя,
Пусть прельщает вовсю судьба.

Всей семьёй своей Кёзкаман
Переехал к Жакыпу в стан,
Кёкчёкёза он взял с собой.
В дом к Жакыпу пришёл с мольбой
Он о помощи, – мол, больной,
Старый, нищий, и сын такой.
Плакал бывший сосед навзрыд.
Прослезился и сам Жакып,
Кёзкаману внимая: «Жил
Я в Алтае и счастлив был;
Мы в соседстве с тобой всегда
Проживали в трудах года:
Скот пасли, и в теченье дней
Словно были вдвоём сильней,
Разрешали проблемы, бед
Не видали больших; сосед
Был соседу помочь готов,
Не роняя ненужных слов,
Не желая за помощь мзды;
Называли мы Чонжинди
Малыша твоего, сынка,
Вместе прятали сосунка
От монахов, чтоб их рука
Не коснулась и волоска
С драгоценной его главы –
Льва Манаса. Мы от молвы

Охраняли его тогда,
Чтобы мимо прошла беда.
Все мы знали о нём, сосед,
От него исходящий свет
Все мы видели – хочешь, нет,
Не заметить небесный след,
Заходя к тебе в дом, нельзя.
Вместе выпала нам стезя
Кочевать... Разошлись пути,
Но не выдал я Чонжинди!
Говорят, хан Чынгыш тебе
Óтдал твой же надел – в судьбе
У тебя столько счастья есть,
И богатство – числа ведь несть,
И достоинство рода, честь, –
Всё по праву имеешь здесь.
Я искал тебя. Я в *Кангай*
Переехал, *калмакский* край
Сделать вотчиной нé дал рок:
Нажитое сожрал налог,
Скот, добро, что копил... Итог –
До тебя лишь добраться смог.
Царь Калдай наш готов семь шкур
Даже с мёртвого драть... Конур –
Бек, ты слышал о нём, небось, –
Он и близким – как в *тёре* гвоздь:
Как ни сядет почтенный гость,
В рот не лезет ни *май,* ни кость,
Ну, а что говорить о тех,
Кто с чужбины пришёл успех
Свой стяжать, да нарвался вдруг
На гнездо, где главой – паук.» –
Так приезд объяснил он свой –
Кёзкаман, – мол, едва живой
Я добрался сюда, сосед,
Помоги, мол, спастись от бед!

Хоть Жакып уже был и сед,
Лести всей непомерной вслед
Он растаял, и речь повёл,
Что отныне берётся, мол,
Обеспечить и дом, и кров,
И сердечную дружбу вновь:
«Что надеть, что попить-поесть,
Где поспать – всё отныне есть
У тебя, мой сосед, – за честь
Я почту вас уважить здесь
Вместе с сыном; я знаю, как
Под *калмаком* живёт бедняк:
Все поборы, налоги все
Испытал я во всей красе!
Здесь, с тех пор как мой сын Манас
Стал Манасом, – поверь, у нас
Про налоги забыли мы
И надежды полны умы,
Что пребудет всё так всегда,
Для кыргызов взошла звезда,
Нищеты мы забыли страх:
Умножается скот в лугах,
Масло в наших кипит котлах,
И кумысом весь стан пропах,
К чаю есть непременно мёд,
А ещё, говорит народ,
Наши девушки – маков цвет,
Красивее на свете нет;
Это тоже достатка след,
Явный отблеск больших побед.
Шёлк канаусом стал у нас.
Перечислишь ли всё за раз!
Всё увидишь ты сам! Пока
Отдохни, отлежи бока,
Я ребятам скажу – пускай
Всё для вас приготовят. В край, –
Я скажу им, – явился ты
Мерой чести и доброты».

Поражался богач Жакып,
Но без зла, – мол, сосед наш влип:
У *калмаков* искал судьбы,
А попал только к ним в рабы.
Рассказал он Манасу всё,
Что ему чудак-*келесоо,*
О себе рассказал с трудом.
«Ох, отец, ты так редко в дом
К нам приходишь... Лишь гость, прости,
Вдохновил тебя к нам прийти».
Разговор их потёк теплей.
К ним прислушалась Канықей –
В сердце что-то кольнуло вдруг:

А не враг ли под маской «друг»
С лестью втёрся к Жакыпу в дом?
Злу бывает добро щитом, –
Так решив, поутру она
Орулук[609] собрала сполна,
К Кёзкаману пришла – свой суд
Незаметно вершить меж блюд;
Приведён с нею был верблюд,
Яловая кобыла, – люд
Был доволен: *келин* ловка,
И *челпек*[610] её, и *жупка*[611]
Были выше любых похвал,
И количеством как увал –
В вёдрах их принесли; *арак*
С кумысом был поженен так,
Что был бел и заборист – знак,
Что смешались они для благ;
Чёрный чай принесла *келин*,
Чапаны и халаты – чин
Обозначила шелком: мол,
Вас посадят *тёргё* за стол;
Шестерых молодух-*жолтой*[612]
Каныкей позвала с собой,
Семикратной своей красой
Затмевая и свет дневной,
Обласкала, дала дары,
Не испортив ничем игры.
Сивогривому же в дому
Разложила всё по уму:
«Твоего *абу* не пойму:
Не похоже, что нёс суму
По судьбе он. А также – сын.
Муж мой, будь осторожен с ним!
Кёкчёкёзом его зовут,
Чую сердцем, какой он плут, –
Вороватый и хитрый взгляд,
Я знавала таких ребят:
Не поймёшь – то ли стар, то ль млад, –
Постный вид, а в реченьях – яд,
Но под мёдом, на самом дне...»

Верил так *кабылан* жене,
Что задумался он вдвойне,
Раж отца не поняв вполне.
Но смолчал. Разговор угас.
Был в сомненьях больших Манас
И надолго он в них увяз.
Каныкей же на этот раз
Назолять не решилась: пусть
Сам толкует смятенье чувств.

Целый месяц прошёл уже.
Хоть сомненье скребло в душе,
Уважая отца, Манас
Был с прибывшими щедр: в запас
Отправлял им еду, дрова,
Каныкей к ним послал, едва
Показалось лишь, что у них
Над *тюндюком* дымок притих.
В этот день Каныкей пошла
К ним с работницей – мол, дела,
Если есть, то поможет всяк;
Какелей – её звали так, –
В кухне просто была мастак,
В остальном же, увы, – простак:
Громогласная, как осёл:
Глас её на десятки сёл
Мог звучать, и в какой-то миг,
Попросив придержать язык,
Похвалой её умягчив,
Иноходцев ей двух вручив,
Каныкей попросила: «Жди
Здесь, и ближе не подходи!».
А сама же, серёжек звон
Пригасить чтобы, сняв, в полон
На груди уместила их,
И *чачпак*[613] – чтобы он притих:
Серебра было много в нём, –
Драгоценным серьгам вдогон
Тоже спрятала, и как рысь
Так бесшумно ступила вблизь

[609] Өрлүк, өрүлүк – угощение для вновь прикочевавшего от тех, кто уже прежде был на этом месте.
[610] Челпек – большая тонкая лепёшка, испечённая в жире.
[611] Жупка – кушанье из слоёных лепёшек (сваренных в молоке и сдобренных маслом).
[612] Жолтой, ак жолтой – приносящий удачу.
[613] Чачпак – кисти из ниток, вплетённые в косу.

К дому, где Кёкчёкёз с женой
И со всей остальной семьёй
Вчетвером проживали: там
Было слышно, как Кёзкаман
Обсуждают с сынком дела,
От которых вдруг дрожь пошла
По всей коже у Канықей:
«Ты потребуй, отец, смелей
Уваженья: пусть сам Манас
В гости явится хоть бы раз,
Ну хотя бы на пять минут!
Яд подмешанный киснет тут,
Выпил с маху б одну *кесе*.
Шлёт жену лишь! В её красе
Толку нет нам, её глава
Не нужна, как её слова».
Ужаснулась Каныш, но всё ж
К ним вернулась верхом, и что ж? –
К ней обрывок беседы той
Вновь донёс ветерок шальной,
По-*калмакски* шипел с женой
Кёкчёкёз словно сам с собой:
«Слышишь? – скачет *келин*! Давай
Побыстрее стол накрывай,
Да *казан* пусть кипит – она
Обожжётся, – я ей сполна
Помогу; а без льва жена
Доберётся ль домой одна? –
Позовёт его к нам, глядишь».
Сердце всыхнуло у Каныш, –
Был *калмакский* и ей знаком, –
И в сердцах, лишь зайдя к ним в дом,
Так сказала она: «Мой муж
Водку вовсе не пьёт, к тому ж
С подозрительным вкусом чай
Он не выпьет и невзначай,
А попотчует им того,
Кем затеяно колдовство.
Не придёт никогда он к вам –
Своё слово я в этом дам,
Хоть не верите вы словам,
Мы не ходим к таким гостям –
Ни Манас и ни я; казан
Убирайте теперь с огня
И прощайте! Прошу меня
Не задерживать, я – домой!»
С гордо поднятой головой
Канықей удалилась прочь
Разъярённая вся – точь-в-точь
Громовержца родная дочь.

«Что нам делать?! Уж в эту ночь
Оставаться опасно нам», –
Перепуганный Кёзкаман
Задрожал, бормоча: «*Келин*
Между мной и Жакыпом клин
Вбить сумеет; а господин,
Да, Манас, и моих седин
Пощадит или нет... О, сын!
Как, скажи мне, теперь сбежим?
Отпустили коней, увы,
Не хватало им здесь травы!
Вон Манас Аккулу совсем
От себя не пускает... Всем
Он, конечно, бы дал коней,
Но не знаем, что Канықей
Рассказала ему... Ну как
Мы сумели попасть впросак?!»
Подозренья меня гнели,
Когда мы разговор вели:
Тихий шелест шёл от земли,
Словно ветер шумел вдали,
Это кралась она, *келин*.
Выход нынче у нас один:
Ведь рабам не дают коня,
Значит, надо к исходу дня
Подглядеть, где пасут табун,
Подманить коней за валун,
Схоронившись заране там,
И отдаться на них бегам!
Аккулу хорошо бы взять:
Сам за ним устремится тать,
Даже ночью пойдёт искать!
Ты охотник, во тьме стрелять
Ты умеешь: заляг в траву –
И стреляй, добывай главу;
Как добудешь – скорей в *Кангай*!
Нас укроет родимый край».
Так сказал Кёзкаман. Жена,
Что была ему век верна,

Не решилась с ним спорить; сын
С этим замыслом был един,
А покорная всем *келин*
Не оспаривала седин.

Хан Бакай, с ним и все *чоро*,
Отвели табун на *джайлоо*,
И по очереди добро
Охраняли, – мол, скот нутро
Пока балует соком трав,
Не боясь никаких потрав,
Отдохнут пусть и люди, – враг
Не достанет табун никак.
Кто дежурил, тот их поил
И ласкал скакунов, – любил
Каждый конь этой ласки шелк,
Им казалось – их конский бог
Направляет мужскую длань,
Чтоб смахнуть с них и пыль, и дрянь,
Что летает в лугах, киша.
Что ж, от ласки поёт душа,
У любых на земле существ,
Хоть живое живого ест.
Всё доподлинно вызнав, план
Свой составил вмиг Кёзкаман,
Всё, мерзавец, учёл, – багор
Приготовил, нашёл бугор,
За которым залёг как вор,
Всё шепча про себя: «*Канкор*[614]
Ваш узнает, как мне дерзить –
Головы ему не сносить!»
Лишь Каныш до села дошла,
Как старик к исполненью зла
Приступил – применил *жайла*[615]*:*
Непогода чтоб в стан пришла,
Перепутала все дела.
Дело к ночи пошло. Дожди
Поразмыли в лугах пути,
Кто хотел к табуну пойти –
Тот раздумал на полпути.
Но старик и его сынок
Копошились там без дорог,
Скакунов изловить не смог
Ни один, не помог крючок,
И когда стал светлеть восток,
Испугались, и весь табун
Вдаль погнали – один, мол, *кун*.

В доме у Карабёрк Манас
Был в ту ночь; не спуская глаз
С Аккулы, его пять *чоро*
Сторожили дом и добро,
И саму Канык ей в дому;
Злоумышленникам потому
Удалось с табуном сбежать:
Конских стражей и было пять.
Утром надо б у дома гать,
Чтобы выйти всем, настилать:
Страшный ливень всю ночь хлестал,
Да и утром не перестал,
Целый день изливал он злость –
Пса не выманишь и за кость,
А застигнутый ливнем гость
Оставался гостить, – авось
В небе кончится слёз поток,
Чтоб домой он добраться смог.
Только вечером дождь умолк.
На ночь глядя, какой там толк
Что-то где-то искать... Мокреть
Мир как будто замкнула в клеть,
Только льва в ней – не запереть.
Кабылан решил посмотреть,
Как дела на *джайлоо*, с тем
Сырнайзу взяв и *Аккелте*,
Хоть собаку, мол, так сказать,
В непогоду нельзя бы гнать,
Попросил Аккулу взнуздать –
Мол, не дремлет и в ливень тать,
И верхом полетел, спеша,
За село – как звала душа.
Вот так чудо! – ведь за селом,
Он увидел, что как крылом

[614] Канкор – 1. кровожадный, жестокий; кровопийца, хищник; 2. молодец, храбрый, герой.

[615] Жайла – вызывать изменение погоды при помощи жай таш. Жай таш или кара таш (поверье) – камень яда (камешек, якобы находимый в желудке овцы и обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его соответствующим образом заговорить и опустить в воду).

Понакрыта вся даль – дождя
Не бывало там: золотя
Ковыли, день спускался в сон –
Солнцепёком прогрет был он.
Как ни всматривался *Айкол*[616],
Был пустынен зелёный дол,
Ближе он подошёл к Кенкол –
Там табун заплутался, мол, –
Нет коней, и следы трава
Стёрла, росы пришли едва;
Он вгляделся, его кураж
Дам ему разглядеть: в Тараш
Вёл почти незаметный след,
То ли есть он, а то ли нет.
Не пугаясь, подумал лев:
Ни в чему, мол, впадать мне в гнев,
Нет бурана, и мой табун
Будет жив: не прошло двух лун,
Как его своровал колдун,
Гость отцовский, шпион и лгун.
Только вышел на перевал,
То увидел: вдали скакал,
Поднимая до неба пыль,
Весь табун; лишь десяток миль
Отделял его от добра,
Что вернуть бы назад пора.
«Ждать подмогу? Ну, нет!» – Манас
Как всегда и на этот раз
Сам решил наказать врага:
Что ж, минута ведь дорога
В быстротечных делах… Слегка
Аккулы он сдавил бока,
Тронул уши его камчой,
Встал Саврасый на миг свечой
А потом полетел вперёд,
Словно шаг перевёл в полёт:
Путь – другим на шестнадцать
дней, –
Он сумел бы покрыть, ей-ей,
Втрое, вчетверо побыстрей,
Не оставив им козырей!

Перевал уж Койташ прошли.
Кёзкаман, Кёкчёкёз вдали
Увидали, как из пыли
Словно белые журавли
Всадник с лошадью, серебрясь,
Появляются; сразу связь
Уловили воришки с тем,
Что и конь серебрист совсем
У Манаса, и сам таков...
Всё понятно уже без слов.
Заметались: куда «улов»
Можно спрятать о ста голов?
Что же делать? У баб своих
Посрывали одежды, в них
Нарядившись, легли в камнях,
Под платками скрывая страх:
Сын остался лежать в горах
В раскалившихся валунах –
Солнце скрылось, их всласть нагрев, –
В эту сторону мчался лев;
А отец же пополз коней
Дальше гнать, за холмы, – верней
Чтобы их не нашёл кыргыз,
Да *келин* со старухой вниз
За дорожный спустить карниз, –
Дабы тоже не вдруг нашлись.

Кёкчёкёз зарядил ружьё –
Кётён ооз[617], а не то ржавьё,
С чем охотился дома он:
Был Конуром ведь снаряжён.
Молча ждал он, со всех сторон
Кладкой каменной защищён,
К Иссыккулю лишь ближе дол
Разнотравьём пахучим цвёл.
Лев скакал мимо валунов.
Кёкчёкёз был почти готов:
Дуло он закрепил, фитиль
Подожжён был, огонь усиль –
Жахнет выстрел тотчас; пока
Торопливо его рука
Порох мяла, чтоб без комков
Был он... в общем, уже готов!
Расстоянья в *бута атым*

[616] Айкол – великодушный, благородный.
[617] Көтөн ооз – (в эпосе) ружьё, заряжающееся с казённой части (не шомпольное).

Он дождался... Ему седым
Сивогривый, что снял калпак,
Показался; и был он так
Беззаботно распахнут, что
Кёкчёкёз прошептал: «*Додо*
Не сумеет его спасти
В безнадёжном его пути!
Продырявлю его как сыр,
Мне помог сам *Кёкё Тенир* –
Всех делишек расклад неплох:
Самый главный *алаш* врасплох
Мной застигнут, одет навскид,
Лишь мишень он, а не джигит!»
Кёкчёкёза прицельный взгляд
Выбирал уж, куда заряд
Лучше выпустить: в сердце? В мозг?
Или печень пробить насквозь?
Или в лёгкие?.. Аккула
Шёл стремительно, как стрела,
Горделиво подвздёрнув нос.
Вновь прицелился Кёкчёкёз,
Под ключицу в *айбалку*[618] он
Метил прямо; ружье *кётён*
Громыхнуло, да так, что звон
Эхо сразу со всех сторон
Подхватило, учетверив;
Смертоносный его мотив
По вершинам всем прокатив
Камнепадом вернулось. Гриф
Так же падали, видно, ждёт,
Как стрелок его ждал, но ход
Аккулы был всё так же быстр:
Высекая фонтаны искр,
Он летел к перевалу; лев –
Не скривившись и не осев, –
Так же прямо сидел в седле,
Как орёл об одном крыле –
То подол *чапана* вослед
На ветру развивался, – мет
Никаких не увидел тот,
Кто в засаде сидел, как крот,
А теперь погонял коня,
Чтоб сбежать, свой позор кляня –
Мол, промазал с пяти шагов!

Что ж, не знал он повадки львов:
Выстрел, лёгких весь верх смолов,
Смерти всё же не дал улов.
Кёкчёкёз же отца готов
Был в слезах утопить без слов,
Землю грызть. Но сказал: «Увы!
Нам теперь не снесть головы!
Криво выстрелил я. Манас
Жив-здоров, и теперь до нас

Доберётся, конечно, он,
Хоть не видел, с каких сторон
Выстрел грянул и кто – стрелок.
Ох, отец! Я почти что смог!
Рядом был он... Но не пришлось!
Брось табун, все богатства брось!
Догадался уж он небось:
Конокрад, мол, – сбежавший гость.
Всё пускай заберёт Манас,
Но живыми оставит нас!..»
И работники, и семья
Побросали коней, браня
И себя, и свою судьбу,
Что их жизнь, как с добром арбу
Запустила вдруг под откос:
Лишь вчера как почётный гость
Кёзкаман восседал *тёрго*,
А сегодня уже его,
Коль догонят, убьют без слов.
Кто к такому когда готов?
Потому-то бежали все,
Как в горящем сухом овсе
Убегает зверьё стремглав...
А табун среди мягких трав
Отдохнул, да и сам собой
Повернувшись, пошёл домой.

Разбежавшись за перевал,
Аккула, притомившись, встал
На лугу, что манил и звал
Разнотравьем; он словно знал
Отчего это повод вдруг
Из ослабших хозяйских рук
Тихо выпал, и сам Манас

[618] Айбалка – мечевидный отросток грудной кости у человека.

Сполз с седла и упал как раз
На ковёр этих трав густых,
Развалился без сил на них
И почти не дыша затих.
Аккула, отгоняя мух,
Всё прислушивался, но дух
Не покинул Манаса – он
Только странный немолчный звон
Ясно слышал в ушах – лилась
Кровь из раны и, пузырясь,
Уходила она в траву.
Сивогривый, как наяву
Двух миров ощущая связь,
Слушал жизнь, что уже неслась
Без него, хоть и был он жив.
В тихой жизни простой мотив
Вплёлся топот коней – он шёл
Издалёка, вплетаясь в шёлк
Молчаливых пахучих трав, –
Это, гнёт воровской поправ,
Шёл табун, путь ища в Талас,
Шёл сюда, где лежал Манас,
Бозжорго во главе летел,
Только пот на боках блестел;
Кёктеке – Чубака скакун,
Некастрированный шалун,
Зубы скалил, кусая тех,
Кто пытался отстать, утех
Не давая вкусить в тиши, –
Торопитесь, мол, глупыши,
Будет вдоволь ещё травы,
Лишь бы здесь не остались вы.

Карткюрён – Ажыке скакун –
Не попал в этот раз в табун:
Ажыбай в Анжияне был,
И вернулся как раз в аил
В этот день, когда *кабылан*
Исполнять свой безумный план
В дождь умчался один, в туман,
Не поставив в известность клан.
Но об этом не знал пока
Ажыбай, подустав слегка.
Телкызыл, конь Сыргака, вдруг
Потихоньку свернул на луг,
А оттуда – в предгорье, стук
Не услышал никто вокруг,
Кёктеке не заметил, – был
Телкызыл так умён, что плыл
Над дорогой, летел, спеша:
Так болела его душа:
Он по запаху Аккулу
Чуял издали, и в пылу
Этих чувств торопился он
Охранять *кабылана* сон.
Аккула, Телкызыл – они
Были небом самим даны
Двум батырам, и вот теперь
Охраняли Манаса: зверь
Подойти бы не смел, жучок
Незамеченным бы не смог
Подползти; чтобы крови ток
Из зияющей раны смолк,
Чтобы кровью лев не истёк, –
Аккула приложил листок,
Истеченья найдя исток.

Ажыбай поспешил с пути
Кабылана скорей найти;
Он зашёл к Каныкей, она
Была чем-то огорчена:
Так темнеет порой луна,
Если тучей окружена.
«Где наш лев, *женеке?*» – Ажы
Вмиг почуял настрой души
Каныкей и, встревожась сам,
Утешений не лил бальзам.
И сказала Каныш: «Ажы,
Что нам делать, ты подскажи:
Дня четыре уже назад
Я к *кангайцам* пошла – пригляд
За гостями вершить Манас
Посоветовал; в этот раз
Незаметно я к ним пришла,
В разговоре их столько зла
Я услышала невзначай;
Что не стала пить даже чай,
Всё сказала им и ушла.
Только льву я не донесла
Эту весть, чтобы взял он в толк:

Ночевал он у Карабёрк,
А, быть может, у Накылай –
Где он, лучше уж ты узнай;
Ливень шёл, потому не смог
Лев вернуться на мой порог,
И теперь я боюсь, что срок
Этой вести уже истёк».
Всё рассказывая, Каныш
Стол накрыла – для чая лишь:
Заварила душистых трав,
Маслом сдобрив курут, размяв,
Чтобы в чай положить сполна, –
И закончила речь она.
Выпил чай не спеша Ажы,
Благодарность от всей души
Ханше высказал, и скорей
Дом покинул он Канукей,
Торопясь к Карабёрк; в тот миг
Взгляд батыра к степи приник:
Кони двигались там гуськом,
Пыль вздымая под ветерком,
В изумленье вводя его:
Управляемый Бозжорго,
Шёл с джайлоо домой табун,
Каждый жался к другим скакун,
Подгоняя их, Кёктеке
Замыкал этот ход, в башке
Словно жил у него пастух
Или божий пастуший дух.
Появился на шум Чубак.
Кёктеке к нему тут же так
Нежно, радостно весь прильнул,
Даже мордой слегка боднул,
Что понятно всем стало: он
Был в правах своих ущемлён,
Оттого-то затеял гон –
Кто-то брал их коней в полон.

Всех *чоро* тут созвал Чубак, –
Так он понял коня, не так,
Но ребята своих коней
Не видали уж много дней,
И теперь, приласкав их, вмиг
Оседлали, и древки пик
Были в каждой руке уже;
Ажыбай сохранял в душе
Лишь осколки покоя: толк
Разговор его с Карабёрк
Не принёс: «У тебя Манас?! –
Он спросил, и на этот раз
Вновь услышал: его, мол, нет,
У *токол*[619] он – вот весь ответ.
К Накылай поспешил батыр,
Всё темней ему мнился мир,
Превращались луга в *такыр*:
Ведь из мира исчез кумир.
Накылай, как заря светла,
Ажыбаю навстречу шла,
Носик сморщила: «Ажыбай!
Как забрёл ты в мой дальний край?
Что за дело ко мне, скажи?
Ведь всегда лишь к Каныш, Ажы,
Путь всех сорок *чоро* ведом,
Как и твой, и Батыра... Дом
Мой заброшен, давно притом
Как хозяина нет в дому.
Что вам надо? Я не пойму!»
Ажыбай стал ещё мрачней:
«Лев не здесь?!» «Он уж столь ночей
Лишь у крали младой своей –
Избалованной Канукей –
Отдаёт своё время ей.
Ты придумал ведь, как больней
Ущипнуть меня. Что ж, сумел!
Лишь со мной ты, наверно, смел».
Ажыке лишь махнул рукой,
Спорить с бабой – не быть собой.
Он к Бакаю, не чуя ног,
Поспешил на его порог;
Верховые *чоро* – за ним,
Как за пламенем вьётся дым.

Поприветствовал всех Бакай.
Поклонившись, речь Ажыбай
Начал сбивчиво: «*Абаке*!
Край весь держишь ты в кулаке,
Клад ума у тебя, твой взор
По-орлиному так остёр,

[619] Токол – младшая жена (при живой старшей жене).

Что ты видишь в степи костёр,
Видишь снег на вершинах гор,
Может, знаешь, где лев наш, ты?
Может, видишь его следы?
В трёх домах его три звезды
Не видали его... Горды,
Друг на дружку кивают, – мол,
У другой ночевал Айкол».
Пока он распинался так,
Вдруг примчался как вихрь Сыргак:
«Нет коня моего, друзья!
Весь табун прошерстил уж я,
Телкызыл мой исчез... Беда!
Я скорей прибежал сюда:
Может, знает Бакай? – всегда
Правду знает он без суда».
Кыргылчала позвав, Бакай
Так ответил: «Пора за край!
Я хожу себе, как всегда,
А ведь в стан пробралась беда!
Не спасёт меня борода!
Не мудрец, а глупец я, да.
Пусть простит меня мой народ:
Не всегда я гляжу вперёд;
Но сейчас, мой Кыргыл, скажу:
Приготовьтесь без дележу –
Все, кто есть! – поскорей в поход,
Так тревога мне сердце жжёт!
Но сначала гадальщик пусть –
Да, Тёлёк, – приоткроет чуть
Тайн завесу: где нам искать
Кабылана, и что за тать
Заманил его в западню.
Пусть гадает, не то казню!
Алакен из *аалымов*[620] тож
Пусть покажет, на что он гож!»
Вскоре делал Тёлёк *тёлгё*[621],–
Ажыбай приволок его
В две минуты; и он сказал:
«На коня садись, *аксакал*!
Надо всем поспешать в Койташ,
Там лежит Сивогривый наш
На перине из ковыля
И под ним – вся в крови земля».
Алакен ему вторил: «В сон
Погружённый, слабеет он,
Аккула, Телкызыл при нём –
Караулят его вдвоём...
Горе нам, *абаке*! Скорей
Собирайте богатырей,
Надо мчаться, неровен час –
Не дождётся своих Манас».
Слёзы хлынули тут из глаз
У гадальщиков, их рассказ
Совпадал, не рознясь ничуть.
Стало ясно: скорее в путь!

На Койташ, где ковыль цветёт,
Где вершины белы весь год
И за ними всегда поёт
Иссыккульская люлька вод,
Все помчались; Сыргак коня
У Жакыпа забрал: полдня
Ждать не мог он, а Туучунак
Был уже под седлом, – Сыргак
Знал, что он *кёйкашка*[622]-скакун:
Не устанет хоть сколько лун
Находиться ему в пути, –
Где такого ещё найти?
Канык ей о лекарства всех
Позаботилась, чтоб успех
В излеченье батыра был,
В эти сборы вложив весь пыл:
Там *апы* и *сапы*[623], *кырма*[624] –
Чистит рану она сама;
Снимет боль *кайнатма кара*[625],

[620] Аалым – ученый.
[621] Төлгө – гадание на камешках или на альчике косули.
[622] Көйкашка (или көйгашка или көйкашка) – отличающийся от других своими хорошими качествами; выделяющийся среди многих (напр. силач, хороший оратор).
[623] Апы, сапы – названия снадобий.
[624] Кырма дары или кырма кызыл дары или кытайдын кырма кызыл дарысы (в эпосе) – род китайского снадобья, которое употреблялось для прижигания ран.
[625] Кайнатма кара дары – (в эпосе) целительное снадобье (видимо, опиум).

Сил прибавит дубов кора, –
Чем природа к живым добра,
Что таит в себе лес, гора,
Чем и птиц и животных мир
Лечит, – барс ли, медведь, *кажыр*[626],
Или *сары барпы*[627], иль гриф, –
У природы любой калиф,
Человек лишь один меж них,
Чем он лучше среди других? –
Он не чует всех свойств травы,
Всех не знает лекарств, увы.
Канык ей не из головы
И не из болтовни молвы
Знала много – ей дар был дан,
Верил в это сам *кабылан*.
«Если будет батыр здоров,
Пусть *чоро* мне хоть пару слов
С кем-нибудь да передадут.
Я встречать его буду тут:
Подготовлюсь не в пять минут,
А чтоб знал, как его здесь ждут».
В мыслях сотни почти что дел,
Её дух расписать успел,
Но металась туда-сюда
Вся в тревоге она: беда
Забирает себе всегда
Все желания без следа.

Сам Бакай, Кыргылчал-батыр,
И Тюмён с Шууту, Кадыр,
Брат Чубак и все сорок львов –
Каждый к подвигу был готов, –
Две недели с лихвой след в след
До Койташа летели; свет
Незаметно вливался в ночь,
Сутки вновь прогоняя прочь,
Но Луна, словно Солнца дочь
Выходила, чтоб им помочь.
К перевалу дошли Койташ.
Был с бараном и вправду *таш*[628]
Каждый очень похож, меж них
Шли следы Телкызыла – вихрь
Словно мчался, вовсю спеша,
Так болела его душа:
Зовом верности скакуна
Оторвавшись от табуна,
К Аккуле он спешил, и все
Вмиг помчались по полосе,
Что оставил в сырых песках
Телкызыл, превозмогший страх.
Аккула, лишь услышав стук
Многих конских копыт, то вдруг
Волноваться стал: враг ли? друг?
Телкызыл побежал – вокруг
Осмотреться; узрев отряд
Был он как жеребёнок рад,
Начал ржать, говоря: «Мы здесь!»,
К Аккуле побежал, чтоб весть
Поскорее ему донесть;
Тот и сам уже понял – есть
Меж животными мыслесвязь,
Что не чувствуем мы, боясь.
Крикнул тут Аккула, пронзив
Этим криком весь мир, – мотив
Страшен был: лишь кобыла-мать
Может горестно так кричать,
Начиная дитя терять.
Крик раздался когда опять,
Кони все повторили зов
В сотни горестных голосов;
Всех страшней кричал Кёктеке,
Обгоняя других в броске;
Все спешили вперёд, страшась,
Опоздания. Наклонясь
Над Манасом столпились вмиг.
Как страдал *кабылан*! Приник,
Обессиленный, он к земле,
Взгляд незрячий блуждал во мгле,
Слёзы с кровью текли из глаз,
Был, казалось, не здесь Манас.

Брат Чубак, торопясь, с седла

[626] Кажыр – сип белоголовый (хищная птица).
[627] Сары барпы – название певчей птицы.
[628] Таш – камень; кой – баран: отсюда – Койташ. (Есть и другие, весьма зловещие, внутренние значения этих слов: Кой – 1. овца; 2. год овцы; 3. класть; 4. оставлять, прекращать, 5. освобождать; 6. допускать; 7. ударять; 8. хоронить. Таш – 1. камень; 2. пешка; фигура.)

Просто выпал, как два крыла
Тень раскрыл над Манасом, плач
Проглотив, и скорей – силач, –
Взяв с земли *кабылана*, он
Окружившим со всех сторон
Приказал постелить постель:
Под матрас наломали ель,
Положили, по каплям в рот
Лили снадобья все, и вот,
Когда влили числом в ведро,
Шевельнулось слегка бедро
И глаза заморгали. Лев
Встать как будто пытался, гнев
В нём проснулся и голос вслед:
«Где Серек, где Сыргак? Их нет? –
Так спросил он, – *Аба* Бакай?
Есть средь вас ли здесь Ажыбай?
Кёзкамана поймали вы? –
Оказался вором, увы.
Это он мне нанёс ущерб». –
И умолк. Так в глуби пещер
Гаснет, чуть пометавшись, свет,
И ему возвращенья нет.
Но Бакай успокоил всех:
«Нас, так думаю, ждёт успех:
Раз о деле его слова,
Сердцевина, считай, жива:
Это дух – он силён у льва,
Хоть он сам-то живой едва;
Конь – ищите, кто побыстрей, –
Нужен нам, чтоб сюда скорей
Привезти саму Канык ей –
Нет в запасе у жизни дней,
Лишь она его нам спасёт!»
Он ещё говорил, – в поход
Тазбаймат уж собрался вмиг –
От любви отстаёт язык!
«Всё, *аба*, я пошёл!» – сказав,
К лошадям побежал стремглав.
Ажыбай закричал вослед:
«Бурый конь там... Не этот, нет, –
Тот! Его для Каныш возьми!»
Между близкими лишь людьми
Пониманье такое есть:
Экивоки, намёки, лесть
Не нужны никакие здесь,
Всё связуют лишь долг и честь.
Не закончил ещё Бакай,
Тазбаймат уже снова край
Запылил, торопясь в село;
Кёктеке его вёз; седло
Нёс для женщины-седока
Бурый конь без неё пока.

Наконец-то пришли домой!
От дорожной пыли седой,
Но довольный весьма собой
По-щенячьи, Баймат-герой,
Гладя бороду и усы,
Как настраивают весы,
Поскакал к Канык ей скорей,
Чтоб не стало ещё темней –
Вечер близился, и народ
Шёл ко сну, но у всех ворот
Подсобралось полно зевак:
Что, мол, где, мол, и с кем, и как?!
Тазбаймат рассказал, что знал,
Но сперва Канык ей позвал:
«Надо к раненому скорей!»
Приготовила Канык ей
Всё заранее: сердце ей
Подсказало за столько дней,
Что с любимым, и чем верней
К жизни снова его вернуть.
В полминуты собралась в путь.
Прихватила *чанач* с собой –
Полный был молока, – герой,
Раз очнулся, раз воду пил, –
Сердцевину он не отбил,
Лишь бы только *аба*, Чубак,
Абдылда да браток Сыргак
Не давали ему бы *нан* –
Рано! Долго лежал он, *кан*
Застоялась, и жидкость даст
Тот, что нужен ему, балласт,
Чтобы внутренности могли
Отозваться на ток земли.
Размышляя, она к седлу
Грузом в противовес к узлу
Прикрепила курджун лекарств,

Молоко же, чтоб без мытáрств
Добираться, на Кёктеке
Нагрузила, держа в руке
Драгоценнейший узелок –
Чем *бакшы*[629] поделиться смог.

Хоть не сведущ был хан Бакай
В излеченье, не знал всех тайн,
Но не дал ничего поесть
Он Манасу, лишь – пить, но весть
О приезде Каныш он ждал
Как юнец, а не аксакал.
«О, когда ж Канукей придёт!?» –
Волновался вокруг народ,
Проглядели глаза; отрог
Был по-прежнему чист и строг;
Над Манасом всю ночь без сна
Проводили. «Ну, где ж она?!»
А бедняжка Каныш сполна
Хоть в пути была не одна,
Тягот всех путевых хлебнуть
Умудрилась: болела грудь –
Ей в мужском чапане чуть-чуть
Оставалось слегка вздохнуть;
Косы, стянутые в пучок,
Жгли затылок; но мужичок
Получился неплох весьма,
И большого, к тому ж, ума.
Правда силы поменьше. Конь,
На вершине, когда огонь
Самых первых лучей зажёг
В каждом камушке огонёк,
Вдруг вбрыкнул – Карткурён-шалун
Звался этот большой скакун, –
И понёс бы он Канукей,
Оказался Сыргак быстрей:
Встретить их он на гору мчал
И к началу успел начал,
Поднажал он, вовсю крича:
«Я поймаю!» – и вмиг сплеча
Ухватил его повод, чтоб
Телкызыл не схватился в лоб
С непослушным конём; а к ним
Ажыбай поспешал... *Айым*
Чуть не вылетела с седла;
У Сыргака рука была
Как чужая – хитрющий скот
Так рванул её в свой черёд:
Он змеюкой вертелся; пот
Сделал скользким коня; восход
Его в красный окрасил цвет;
Там, где он оставлял свой след,
Даже камень дробился; сноп
Ярких искр он пустил, без троп
Попытавшись уйти в галоп,
Наклонив, словно хищник, лоб.
Карткурён этот – словно чёрт,
Так решил, подоспев, народ,
И Сыргак, Канукей ссадив,
Тоже слово совсем не «див»
Вслед коняке пустил – рука
Чуть живая у Сыргака
Вся повисла; и мог ведь скот
Канукей унести в полёт.

А Манас-то расслышал звук:
Лишь одна из его подруг
Говорила так нежно. Вдруг
Повернулся герой, вокруг
Огляделся: о да, она,
Лишь беззвучно шепнул: «Жена!»
И ушёл в забытьё опять.
Было некогда ей стоять:
Подсластив молоко, Каныш
Стала мужа кормить, но лишь
Капля к капле. Затем она
Рану вычистила сполна,
Щедро снадобье наложив,
Завязала и, напоив
Мужа желчью *бородача*[630],
Чуть помедлила и, ворча,
Желчь *кажыра* добавив в мазь,
Вновь на ране сменила бязь,
А лекарство *эбеп-себеп*[631],

[629] Бакшы – шаман, знахарь, колдун.
[630] Бородач-ягнятник – хищная птица.
[631] Эбеп-себеп дары – разные снадобья, лекарства.

В рот влила ему. Так нелеп
Был внезапно возникший гнев:
Умирал ведь, слабея, лев,
Все лекарства *апы-сапы*
Не умаслят, увы, судьбы.
Снова, рану раскрыв, она
Так сказала: «*Калмак* сполна
Пулю ядом поил – всю ночь,
Чтоб никто, мол, не смог помочь
Кабылану, задеть бы лишь».
И сказала ещё Каныш:
«Слава богу, бельмо врага
И кривая его рука
Эту пулю пустили вкось,
А иначе ему б пришлось
Не пускаться в бега, спеша,
А добить бы тебя, душа.
Ах, мой милый, мой господин,
Ну зачем ты совсем один
Вдруг пустился ловить воров?
Ты ошибку признать готов?
Я на рану гляжу твою –
Чашка с мясом, чтоб всю семью
Накормить, но всего лишь раз,
Боль оставив всем про запас;
Господин мой, теперь гляжу
Я на сердце, чем дорожу,
Словно жернов оно большой,
Может мельник смолоть с душой
Столько зёрен, сколь в небе звёзд.
Ты, герой мой, ведь на вопрос
Не ответил: зачем, *тёрё*[632],
Ты помчался один, добро
Стало жальче, чем жизнь, ответь?
Путь прямил свой зачем ты в смерть?
Растеряха, мой господин!
Аколпок свой, что от седин
Вышивала я, ты забыл.
Ты героем с рожденья был,
Это больше ведь, чем силач,
Господин мой, не спи, поплачь,
Что расстался на миг с умом
И сроднился теперь с холмом:
Поишь-кормишь ты землю здесь
Силой, кровью, какая есть;
Кёзкамана ты так кормил,
Он, наевшись, тебя убил.
Нет, неправда, мой господин!
Не умрёшь ты, со мной един
Будешь жить ты, поможет бог,
Как не раз он уже помог;
Господин мой, о мой *тёрё*!
Моё злато и серебро!
Всё отдам я, чтоб был ты жив,
Воля бога, а мой – пошив:
На живую сметаю нить
Всё, что есть ты, чтоб мог ты жить!»
После плача как будто ей
Стало легче, и Каныкей
Дни и ночи лечила льва,
Ела-спа́ла сама едва.
Трижды месяц, новорождён,
Эту пару встречая, он
Удивлялся, что смех, не стон
Эхом быстрым был разнесён,
Восхваляя со всех сторон
Радость жизни, а не урон.

Айдаркана Кёкчё был смел,
Но с ворами он не успел
Разобраться: весь Кюйрёктуу
Перекрыл он, но на беду
Оба вора прошли орду
У охранников на виду
Притворившись: идёт бабьё,
Как, не знают, держать ружьё.
На чужбину сбежав, жульё,
В нору спряталось, как зверьё.
Это всё рассказал Кёкчё,
Что к Манасу примчал – плечо,
Как всегда, предложить в беде;
Сам Манас и спросил: «Нигде
Не встречал Кёкчёкёза ты?»
«Нет, – ответил Кёкчё, – следы
Кёкчёкёза нашёл колдун:
Приютил его Айжанжун –
Он китаец, и он велик
На земле своей Бешбалык;

[632] Төрө – господин.

Хвастал он – донесли мне так, –
Что народы *кыргыз, казак*
Не оставит в покое он:
Будет каждый им покорён,
Всех растопчет, пока силён
Чем себя укрепи́т, мол, он.»
В размышленья ушёл Манас.
То, что выдал Кёкчё сейчас,
Он и раньше слыхал не раз, –
Айжанжуна хвастливый сказ
Доносила молва, – но здесь
Прилепилась вторая весть,
Что подлец Кёкчёкёз как бес
К Айжанжуну в доверье влез.
Сивогривый позвал: «Чубак!
Где Бакай? Позови! Напряг
Появился в делах: наш враг
Обнаглел от безделья так,
Что пора разгонять нам гнус.
Велианы Соксо, Банус –
Сколько вытерпел я от них,
Не забыть. Но сейчас под дых
Весть ударила: Айжанжун
Поднял наших воришек *кун:*
Защищает как опекун
И грозит ещё нам, болтун!
Я отправлюсь к нему, чтоб он
Их нам выдал: таков закон,
А преступит его *кытай*,
Будем насмерть сражаться, знай!»

Разомкнув совещанья круг,
Срочный вестник ворвался вдруг,
Чтоб Манасу поведать: «Хан!
Лишь Кёкчё отлучился к Вам,
Вмиг на берег Иле в набег
Пятьдесят пришло человек:
Айжанжун их послал, они
Разгромили за эти дни
Больше тысячи всех домов,
Посносили людских голов –
У кыргызов, казахов – тьмы,
Ну, а выживших до сумы
Довели, отобрав и скот,
И добро, и любой доход;
Плачет горько простой народ,
Помощь лишь от Манаса ждёт, –
Два Кемина, Сарарк в огне,
Каркыре тяжело вдвойне –
Нет покоя на той земле:
Там, на теплой ещё золе
После *аша*, умы во мгле;
Разбрелись по брегам Иле,
Его жители, – навсегда
Обездолила их беда».
Лишь услышав такое, лев
Впал воистину в царский гнев:
Даже вид изменился вмиг,
Потемнел от волненья лик,
Вместо слов только львиный рык
Смог исторгнуть его язык;
Встал он, полон великих сил.
Здесь оставим всё так. Могил
Не раскрыть, не вернуть живых.
Кёкчёкёза и остальных
Шумдуктар[633] мы раскроем – Сказ
Ненадолго уводит нас
К тем интригам, что лев Манас
В бытие пока не растряс.

[633] Шумдук – 1. хитрость, жульничество, бесстыдство; интриги, проделки; 2. диковина, диво, небылица.

ИНТРИГИ КЁКЧЁКЁЗА

Э... э... э... эй!
Мрачный был Сивогривый, злой.
«Возвращайся, Каныш, домой! –
Приказал он. – А вы, Балта,
Жамгырчы и Жакып, – сюда,
Ближе, сядьте и суть вещей
Расскажите мне поскорей!
Надо порох, патроны нам
На верблюдов грузить, *агам;*
Хватит тысячи, нет?.. Богам
Нашим, их ли, я в жертву дам
Все победы, что были, коль
Айжанжуну прощу я боль,
Что нанёс он моей родне
И, – пригрев Кёкчёкёза, – мне».
Так сказал *кабылан*, и всем
Стало ясно, что он ярем
Новых, полных интриг, проблем
На себя водрузил совсем;
Незажившая рана, боль,
Увенчавшая их юдóль,
Всем принесшая горя столь –
За мгновение просто в ноль
Оценил он, и рвался в бой,
Чтобы жертвовать вновь собой.
И никто бы теперь не смог
Упросить отложить на срок
Смертоносный поход – сам бог
В этом близким бы не помог.
Даже не заглянув в село,
Что его так давно ждало,
К Иссык-Кулю повёл людей,
Полный яростных злых идей.

Перешли перевал Текес.
Айжанжун уже мог протест
Заявить: по его земле
Войско двигалось в смутной мгле.
Лев не думал о смерти, нет,
Честь и доблесть рождали свет
В справедливой его душе,
Где желание мстить уже
Разрослось в смертоносный вал.
Только вышли на перевал,
Лев разведку вперёд послал,
Но немного не рассчитал:
Стражей где-то десятков шесть,
Или больше – в пылу не счесть,
Так обрушились на ребят,
Словно сотенный вдруг отряд
Лад нарушил их мест святых, –
Испугались девятерых:

Шли Ырчы, Бозуул, Атай,
Шууту, Бёкёуул, Затай,
Алакен и Баймат, Серек;
Алыбай замыкал пробег,
Охраняя надёжно тыл;
Но когда сквозь туман и пыль
Замаячила драка, здесь
Не до тыла уж было – весь
Их отряд подсомкнул ряды,
Чтобы вырваться из беды.
Первый стражник-*кангаец* им
Был не страшен: стоял один,
Словно в дрёме был на посту;
Понадеялись на беду –
Так и есть, мол, – не по уму
Поскакали скорей к нему,
Бесноватый Серек, Шууту,
Не скрываясь, а на виду;
Говорил Шууту – мол, мзду,
Первым дам ему и пройду.
Но Серек порешил напасть:
Если мзду, мол, не примет власть,
То нашлёт на отряд напасть,
Можем все ни за что пропасть.
И напал... Тут со всех сторон
Стражи высыпали – ворон
Не считали они, лишь вид
Стражник делал, что, вроде, спит,
Чтобы дурней ловить на ложь.
Все с мечами, батыры сплошь
Повылазили, и в кольцо
Одураченных молодцов
Окружили... В конце концов
Речь Затая, смутив бойцов,
Остудила их пыл слегка;
Вот как речь донесли века:
«Эй, ребята, вас сколько здесь?
В головах у вас что-то есть?
Вас к батырам чтоб мне отнесть,
Надо высмотреть в каждом честь!
Всякий может, зажав копьё,
Как дехканин своё дубьё,
Закричать: я батыр, *калас*[634]!
Бить при этом и в *доолбас*,
И устраивать прочий шум;
Но не доблесть, не честь, не ум
Не докажете этим, нет!
Можно, дам вам один совет?
В потасовке с толпой атлет
Отличится без личных мет:
То ли он победил, а то ль
За другого терпел он боль;
Лучше сделаем так: отряд
Разделите на всех ребят,
Сколько есть нас – по семь, по шесть
На любого из нас; не лезть
К тем, кто группою взят другой;
Будет виден отлично бой –
Кто способен на что... Мешать
Мы не будем друг другу: мчать
Каждый будем своей тропой.
Догоняйте! Поймав же – в бой!»

Всем понравилось. Не внапряг
Разделился по шесть *калмак*,
При делёжке у них возник
Лишь один несогласный крик.
Словно лопнул стручок бобов –
Девять юношей, умных лбов
В девять разных сторон скорей
Разлетелись, чтоб козырей
Взять побольше: успеть найти –
Где засадой залечь в пути;
Лишь Затая метался глас
Между скал: «Сивогривый в нас
Верит, слышите! – сил запас
Весь вложите вы в этот час!
Докажите, *чоро*, что вы
Хоть и юные, всё же – львы!»
Неуклюже *кара-кытай*
После выкрика «Догоняй!»
Заспешили, наметив цель
Попадая то в ров, то в щель,
Победительный сделав вид:
Как от нас, мол, *бурут* бежит!
Каждый, криком «таа-таа» даря,
Споря – кто, мол, за главаря,
Строил образ богатыря.

[634] Калас – вот и всё; кончено; конец.

Но кыргызы совсем не зря
Торопились уйти вперёд –
Хитроумный такой народ,
Ровно девять засад они,
Что похожи на западни,
Умудрились создать: ремни,
Ветки, камни и даже пни –
Всё пошло у кыргызов в ход,
И *калмакский* теперь налёт
Отражать из-за валунов
Был любой из *чоро* готов.
Шууту, например, без слов
Два десятка без трёх врагов
Обезвредил; Жакыпа сын –
Да, Серек, заведясь, как джин,
Два десятка и плюс один
Свергнул в ад из родных вершин;
Тот – тринадцать, глядишь, тот –
шесть...
Ног *кытай* не сумел унесть,
По камням разбросав нутро;
Верь, не верь: вчетвером *чоро,*
К полусотне добавив пять,
Спесь смогли с головой их снять.
В общем, что их теперь считать? –
Подчистую разгромлен тать.
Но заслуженной исполать
Не случилось *чоро* вкушать:
В спину выйдя через увал
Кёкчёкёз на отряд напал;
И хотя подтянулись к ним
Остальные, невосполним
Был утерянный миг, когда
С спины подползла беда.

Кёкчёкёз был непрост всегда,
Кто и рос с ним, те никогда
Не могли угадать, о чём
Молча думает их Кёкчё,
Что за пакость замыслил он,
Что взяло его ум в полон?
И *чоро* разгадать едва
Кёкчёкёза смогли б, – слова
Говорил он одни, а сам
Делал всё супротив словам.

И сейчас он поднял вопёж –
Криков больше, чем войска, – ложь
Возымела успех, смутив
Подуставших *чоро* – отлив
Сил и так начинался: бой
Измотал их, потом с собой
Пленных много вели они,
Да гуськом: если две свиньи
Вдруг попарно связать, – возни
Будет с ними полно: одни
Будут виснуть, а то верхом
Взгромоздятся на том, другом, –
Визг, упрёки, попытки драк...
Враг пленённый – собратьям враг.
Кёкчёкёза увидев вдруг,
Вмиг *чоро* разорвали круг:
Кто-то из сорока погиб,
Кто меж каменных острых глыб
Заплутал, защищая тыл,
И, прислушиваясь, застыл;
Кто-то недруга колотил,
Злостью лишь взбудоражив пыл:
Крики, выстрелов едкий дым.
Самым храбрым, девятерым,
Перекличку начал Серек,
Чтобы вновь отразить набег:
«Шууту, Ырчыуул, Бозуул!
Оставайтесь со мной, – отгул
Будем брать мы под взглядом дул
Кёкчёкёза, что нас надул!
Остальные же пять *чоро*
Пленных – всё же они добро, –
Пусть ведут к *кабылану*, там
Всё расставится по местам:
Пусть обходом – по тем сыртам –
Войско движется в помощь к нам,
Мы же будем себе верны –
Продержаться два дня должны,
А Чубак и Сыргак пускай
Пошустрее утюжат край,
Не к концу чтоб сюда поспеть –
Нашу только оплакать смерть.
Не шучу я, то Шууту
Дразнит шуткой всегда беду,
Это он – весельчак и бес,

Я же высказал свой *керээз*[635]!»
Так сказав, поспешил Серек
К Кёкчёкёзу направить бег.
Кёкчёкёз Кёзкамана вмиг
Пикой ткнул в него и проник,
Видно, в ткани, в нутро, – Серек,
Продолжая летящий бег,
Завалился чуть вбок с седла,
Животина же понесла
С поля боя его скорей.

Ырчуул был ещё шустрей:
Чтоб Серека прикрыть отход,
Он рванул поскорей вперёд
С пикой верною на весу –
Для неё в о́ны дни в лесу
Целой ели он срубил ствол,
И с еловою пикой шёл
Он сейчас на врага, рыча:
Мол, пришла твоя смерть, *калча*!
Но, увы, Кёкчёкёз опять
Смог победу в сраженье взять:
Бился так, словно исполать –
Для него и отец, и мать,
Злобу вкладывал всю в удар
Так, что даже из носа пар
Вырывался как смрадный дым;
Был он словно непобедим,
И когда Ырчуул упал,
Кувыркнувшись меж острых скал,
Кёкчёкёз вдруг звериный вой
Выдал, словно венчая бой.
На него налетел Бозуул:
Так ударил, что даже гул
Пролетел, словно вдруг задул
Шквальный ветер, метелей *кул*[636];
А Бозуул, не теряя темп,
Подобрался поближе, с тем,
Чтобы руки схватить врага,
За подмышки встряхнуть, бока
Стиснуть так, чтобы рёбер хруст
Выгнал стон из ракрытых уст,
А глаза – из орбит... *Калмак*
Был и в этом бою мастак:
Эт бышым[637] шла борьба, и всё ж,
Хоть и был Бозуул хорош,
Победил Кёкчёкёз. И ложь
Слугам силы дарует тож.

Длилось всё это на виду
У проказника Шууту –
Богатырь, великан, герой,
Что опасность равнял с игрой,
Впал сейчас не на шутку в гнев:
Трое братьев, не одолев
Одного подлеца, легли –
Хоть бы выжили! – в пух земли.
Так же кружатся журавли,
Начиная бой издали,
Так свирепые кобели,
Чтоб друг друга убить, в пыли
Приседают, чтоб прыгнуть вмиг,
Издавая утробный рык,
Так, кружа, но уже спеша,
Потому что рвалась душа
Впереди Шууту, сама,
Чем сводила его с ума,
Он, чинарой качаясь, вдруг
Сделал выпад – и всё вокруг
Завертелось вокруг двоих:
Кёкчёкёз получил под дых
Крепкой пикою Шууту,
Упустив свою; на лету
Шууту подхватил её;
Кёкчёкёз, потеряв копьё,
Равновесье держать не мог
И затеял вдруг монолог, –
Многих он в бою обволок
Ложью, льющейся как поток:
«О-о, прости, победитель мой!
Ты успех свой стяжал, герой!
Я, конечно б, стоял горой,
Если б вдруг не досадный сбой:
Без копья – это разве бой?

[635] Керээз – завещание, предсмертное наставление.
[636] Кул – раб.
[637] Эт бышым – время около двух-трех часов.

Ты гордиться бы мог собой,
Если б дал мне сменить копьё
И сразиться опять – твоё
Не уйдёт от тебя, но чтоб
Славой мог увенчать ты лоб,
Отпусти за копьём меня,
Я вернусь до скончанья дня,
И победу свою тогда
Ты закрепишь уж навсегда».
Лесть – страшнее оружья нет.
Разрешил Шууту в ответ
За копьём побежать врагу:
Я, мол, место постерегу.

Обманули богатыря.
Не теряя минуты зря,
Он помчался к своим – сказать,
Что его им не нужно ждать,
Он, мол, занят пока, а им,
Получается – лишь троим,
Надо всех остальных догнать,
Чтоб помочь к *кабылану* гнать
Шесть десятков *калмаков* в плен
Без ненужных опасных сцен.
Но сначала про свой «успех»
Рассказал четверым; на смех
Те подняли его: «Даёшь!
Сколько лет ты уже живёшь,
А повёлся, увы, на ложь!
Что, не знаешь *калмаков* ты?
Остолопы, лжецы, плуты:
Шапку, скажешь, возьми, халдей,
Срубит голову вместе с ней, –
Вот ответ доброте твоей,
Никогда врага не жалей!
Кровь, не воду, он пьёт, *калмак*,
Лжив язык, словно сорный злак;
Например, пусть Чубак, Сыргак,
Эту дрянь приведут в *абак*,
Он ведь скажет Манасу так:
Не причём я, а ваш вахлак
Обозвал меня словом «враг»,
Чтобы выместить злобу – мрак
В нём гнездо своё свил, поди,
Кровожадный ведь он, гляди, –
Так и съел бы, зажарив, тех,
У кого пощедрей успех.
В общем, наговорят всего.
Расспросил бы хоть одного,
Как толкуют про нас в плену:
Мол, удастся, то обману;
А разжиться хотя б ножом,
Можно взять четверых в *олжо.*
Ох, и ушлый у них народ,
Ждут: настанет, мол, их черёд!
Обсмеяли б тебя у них:
«Ну, хитрец Кёкчёкёз! – под дых
Получил – и трусцой ушёл.
Вот бы взять Шууту в *олжо*:
Глуп, силён и к тому же добр,
Жаль, что внешне как тощий одр».
Шууту огорчился: «Да!
Доброта – вот моя беда,
С ней дела мои – просто дрянь:
Отвечать на смешки и брань».
В самом деле: Ырчуул, Серек
И Бозуул, что белей, чем снег,
Был от раны своей, и тот,
Не преминул открыть свой рот:
«Ах, Шууту, надо знать, что бой,
Побеждает когда герой,
По законам нельзя продлить
Иль оружье врагу сменить:
Пусть поверженный просит враг
Хоть о чём, но ты должен так
Отнестить к его просьбам: благ
Поздно ждать, впереди – *абак*!
Абаке, ты подумай сам,
Ну, зачем он вернётся к нам?
Ведь разгромлен его отряд.
Он сбежал – и безумно рад,
Что нашёл дурака... прости!
Возвращать его с полпути –
Не резон, то не твой *обон*:
Пусть вступает в сраженье он
Хоть с Манасом, хоть с Чубаком,
Хоть с Сыргаком – ведь он иском
Лично ими, как Конурбай,
Мурадил, Нескаре-*бабай*.
Нам ведь лезть не годится встречь

Дел великих. И не перечь!»
Трое грызли его полдня,
Занудили его, коня,
Отдохнув, продолжали брань:
«Ты ещё бы врагу и дань
Предложил за его урон!
Надо было бежать вдогон!
Он, небось, поспешая в схрон,
Умирает от смеха: вон
Выгнал с боя его кыргыз,
Чтобы жизнь даровать как приз.
Если хочешь, об этом мы
Промолчим до поры – умы
Догадаются, нет, про срам.
Мы – *чоро*, всем неловко нам».
Став преступником, Шууту
Не сумел пересечь черту
Меж обидой и шуткой; он
Лишь рычание в унисон
Издавал этим все речам;
Понимал он, конечно, сам,
Что его Кёкчёкёз надул,
Даже раненый Бозуул
Мог и должен его ругать:
Безнаказан остался тать!
Получилось, что вчетвером
Оставались все не при чём,
Хоть и бились к плечу плечо:
Ускользнул ведь подлец Кёкчё!

Те же четверо, кто вперёд
Направляли пленённых ход,
В страхе их содержа, как скот,
Завершили уже поход:
До Манаса дошли, ему
Рассказали всё по уму:
Как с засадой сошлись, как в хвост
Вдруг ударил им Кёкчёкёз,
Как троих победил он вдруг,
Как за ним увязался друг.
Что потом, они не смогли
Рассказать, потому что шли
Вниз и пленных с собой вели,
Подослепнув в сплошной пыли.
Взволновался Чубак, слуге
Грозно крикнул: «Где Кёктёке?
Отыщите и – под седло!
Я поеду, пока светло.
Шууту мне опорой был,
Я-то знаю, каков в нём пыл,
Он особенный был герой!
Победив, Кёкчёкёз с собой
Увезёт его, повязав,
Хоть у парня и стойкий нрав,
Вряд ли сдюжит, коль костоправ
Вмиг и силы лишит, и прав.
Все четыре *чоро*, увы,
Не сносили ведь головы
Оттого, чо слабей Кёкчё
Оказались; он палачом
Сам работал, а, может, всех
Он посвязывал без помех
И к себе уволок, глумясь,
Нашей помощи не боясь.
Кёкчёкёз Кёзкамана – гад,
Коль оставим ему ребят,
То без крыльев, считай, отряд
Стал – подобные не летят,
Приземлиться не сможет тож:
Без хвоста ни на что не гож!» –
Так бесился, страдал Чубак,
Взад-вперёд колесил толстяк,
Усё казалось ему – не так:
Под седлом, мол, не тот чепрак,
Почему не завязан хвост?
Лев от слова лишь «Кёкчёкёз»
Тоже в бешенство впал, и враз
Аккулу оседлал Манас –
Сам, и ждать никого не стал.
Тут Сыргак в разговоры встрял,
Понимая, что миг настал
За которым – пустой провал;
Он сказал: «Лев Манас, мой брат!
За тобою, увы, стоят
Род, всё ханство и весь народ,
Ты подумал бы наперёд
Прежде, чем отправляться в путь:
Есть подобный хоть кто-нибудь,
На кого ты оставишь всё?
Имя «храбрый Манас» несёт

Груз надежды и славы – свет,
Без которых народа нет.
Айжанжун покорил весь край,
Он народу *кара-кытай*
Стал опорой на много лет.
Я предвижу его ответ
На слова Кёкчёкёза, мол,
Шайка злобных кыргызов в дол
К нам ворвалась, хватая в плен
Тех, кто с Вами восстал с колен.
Здесь отгадка совсем близка:
Царь поднимет на нас войска,
Разве нет? А каков итог?
Кое-что я придумать смог:
К нам гадальщик пришёл Тёлёк,
Я его расспросил чуток,
Вот, что он рассказал: троих
Только ранил *калмак* – в живых
Он увидел в гаданье их;
А четвёртый из них под дых
Дал *калмаку*, сломал копьё,
И... поверил в его враньё:
Мол, за пикой сходив, вернусь
И как следует поборюсь!
Это, верно, был Шууту,
Он доверился на беду
Кёкчёкёзу – вруну, шуту,
Свёл в пустую всё суету
И за это втроём друзья
Злятся, громко его браня...
Вот такой я узнал расклад.
Надо ль ехать тебе, мой брат?
Пусть поскачет Чубак, за ним
Я пойду, но тишком, как дым
Тихо тянется за огнём;
Бой начнётся – тогда вдвоём
Будем биться к плечу плечо,
Не уйдёт в этот раз Кёкчё!
Я придумаю, как подать
Знак вам верный, что исполать
Под угрозою наша вновь;
Не вода, мол, в ключе, а кровь,
Из которого пил бы конь,
Но в природе его – не тронь
Кровь живого – людей, скота.
Нам, кыргызам, его черта
Ведь присуща... Не кони мы,
Только так же чисты умы.
На горе я блесну огнём –
Значит, влипли мы в кровь с конём,
Если тихо всё и темно –
Наблюдаем и заодно
Отрезаем Кёкчё пути,
Куда мог бы он вновь уйти», –
Так Сыргак рассудил, и он
Прав был просто со всех сторон.
Согласился Манас, смущён
Даже был, что не так умён
Оказался под гнётом чувств;
И отправил двоих – мол, пусть
Будет так, как решил Сыргак;
Брат-герой, *кабылан* Чубак
Мигом в сёдла взлетели: риск –
То, в чём черпает мощь кыргыз.
Пыль вздымая, помчались ввысь,
Где ребята с врагом дрались
Прилетели – и что за чёрт? –
След давно уже простыл Кёкчё,
Только вонь от него слегка
Нос почуял у Сыргака,
И сказал он тогда: «Чубак!
Порешим это дело так:
Раз *калмака* один чудак
Упустил, и уполз червяк,
Всё равно избежать *абак*
Не удастся ему никак,
Пёс не спрячется меж скотин!
Я за ним погонюсь один,
Чтоб как птица летел скакун,
Знаю средство: мой бич-колдун;
Догоню – пока Айжанжун
Щит не даст Кёкчёкёзу, – лун
Хватит пары, смогу, схвачу,
Загашу его как свечу,
Даже если придётся в град
С ним войти мне, его отряд
Весь связать и доставить в плен –
Я сумею! Мне нет замен,
Потому что мой кровный брат
Жизни даже уже не рад,

Много дней он не ест, не пьёт, –
Наша гордость и наш оплот.
Рухнет мир, если он уйдёт.
Я смогу: ведь за мной – народ.
С глазу на́ глаз хочу я льву
Встречу сделать с врагом; молву
Напоить, как дождём траву, –
Сон мой сбудется наяву!
Ты же всех четверых *чоро*
На разведку настрой: старо
Утвержденье, что чуткий взгляд
Может вмиг поменять расклад, –
Это верно; *кангай,* небось,
Встретит злобно меня – не гость:
Поперёк его глотки кость,
Или – в троне под задом гвоздь;
Так что, бдите меня, друзья,
Без подмоги мне быть нельзя!»

Телкызыла вгоняя в пот,
Быстро мчался Сыргак, исход
Скорой встречи крутил в уму,
И не то, чтобы смерть, – тюрьму
Не пророчил себе, лишь бой,
Где, рискуя не раз собой,
Победит он – ведь он герой:
«Очи выколю – пусть слепой
Перед львом Кёкчёкёз стоит,
Заслужил он такой лишь вид!»
Долго ль, коротко шли – на склон
Вскоре вышли – как слабый стон
Слышал запах врага Сыргак,
И коня не жалел; бедняк
Телкызыл! – он старался так,
Перепрыгивал буерак,
По камням он печатал шаг,
И копыто, как булава,
Рассекало валун; трава
Полегла, отмечая след
Телкызыла... Апологет
Мог сказать бы: прошёл здесь бог,
Оттого, мол, весь луг полёг,
А осколки от тех камней,
Что нога рассекла, верней
Означают: мол, в небе звёзд
Хоть бессчётно, но виден рост.
Но не знал о том Кёкчёкёз:
Ведь следы заметая, хвост
Видит только лишь пыль и грязь –
Кёкчёкёз летел, торопясь.
И Сыргак ведь настиг врага!
Обернулся *калмак* слегка,
Не поверил глазам: долга
Ведь дорога была; тоска
Близкой смерти сдавила грудь:
Он Сыргака ведь знал чуть-чуть
И в момент оценил, что путь
Здесь теряет и смысл, и суть:
И обратно нельзя бежать,
И сражаться нет сил опять,
Незаметным бы, что ли, стать –
Заметался в испуге тать, –
Нет опоры! И он в бега
Неклюже ушёл в луга:
Со стремян сорвалась нога,
Распахнулись глаза – снега
В них клубились с туманом сплошь.
Ненадолго от смерти ложь
Увела Кёкчёкёза. Что ж,
Миг прожитый, и тот, хорош.
Быстро мчался *калмак*. Пока
Телкызыл домчал седока,
И за круп укусил слегка
Боевого коня врага,
В город оба влетели; вмиг
Кёкчёкёз развязал язык:
«Помогите! – вскричал *калмак*, –
Съест меня он!» – взревел бедняк,
Лепетал по-китайски он,
По-*калмакски* ещё вдогон
Повторял, что кыргыз сейчас
Съест его, ибо он – Манас.
И *калмак*, и *кытай* с пелён
Знали имя Манаса – он
Был лишь с дьяволом сопряжён,
И одним из его имён
Было это. Испуг и злость
Вызывало оно, а гость
Айжанжуна вопил сильней:
«Ой, спасите меня скорей!»

Был *капыр* Кёкчёкёз согрет
Ханской властью, и все в ответ
На его комариный писк,
На просительный птичий иск
Тут же ринулись помогать:
Вмиг явилась большая рать,
Город лязгом оружья весь
Вдруг наполнился, словно весть
Разбудила пчелиный рой,
Только пчёлы, само собой,
Все бескрыли, двуноги, злы,
И не мёда творцы – хулы.

Огляделся Сыргак – вокруг
Тьма китайцев смыкает круг,
И *калмаки* там есть – как сель
Войско движется, как кисель
Колыхаясь, цвета смешав,
Восемь флагов восьми держав
Над толпой – не поймёшь где чей;
И десятков шесть силачей
Наступают, как будто враз
Мир разрушить им дан приказ;
Копья вздыблены вверх, их блеск
Мог бы только железный лес
Вдруг оспорить, и топоры,
Тоже чистые до поры,
Солнце ловят на лезвиё,
Словно точены на бритьё.
Были многие на конях,
И они-то на всех парах
Мчались всех впереди, в сердцах
У зевак порождая страх.
Пыль клубилась, и сквозь неё,
Как всегда выводя нытьё:
«Таа-та!», этот конный строй
На Сыргака напал. Герой
Был готов, он сидел как бог
На своём скакуне: дубок
Молодой так же прям, могуч,
Взором сокол вот так меж туч
Видит солнце; его рука,
Пику стиснув, гибка, крепка,
Красным всполохом *бунчука*
Ослепляла глаза врага.

Он, выкрикивая «Манас»,
Сам помчал на толпу, тотчас
Строй сломался, как пуля в плоть
В строй ворвался Сыргак, как плод
Отлетела башка, за ней,
Словно кто-то стряхнул с ветвей –
Оземь головы как плоды
Полетели, разинув рты.
И чокмором, и пикой он
Так работал: со всех сторон,
Расчищая герою путь,
Что увёртлив был, словно ртуть,
Разлетались враги; и вот,
Обеспечив себе отход,
Смог он из городских ворот
В степь умчаться, за ним народ,
Кто остался в живых, – вдогон.
Телкызыла пришпорив, он
Думал: «Буду бежать – они
Вслед помчатся, как мне огни
На горе бы зажечь – видны
Вряд ли будут в степи они».
Тело, радуясь, вдаль рвалось,
Телкызылу опять пришлось,
Высекая огонь в камнях,
Словно птица на всех парах
Вдаль лететь, обгоняя страх;
Вслед, уже потерпевший крах
Мчал *калмакско*-китайский враг:
Целью мести ведь стал Сыргак.

Звук доолбасов герой Чубак
Вдруг услышал, приняв за знак,
Четверых он призвал под флаг,
К Айжанжуну направив шаг.
Кёктеке погоняя, он
Шумом сбивчивым был смущён:
Словно армии две дрались –
Вот такая мелькнула мысль.
Лишь четыре батыра с ним –
Вот и весь их отряд, храним,
Правда, небом и дружбой – что ж,
Надо мчаться на тот галдёж.
Вышли лишь на степную гладь,
Стало всем хорошо видать:

Восемь флагов венчают рать,
Но нестройно, не к исполать
Войско движется кое-как,
Посреди же толпы – Сыргак,
Отбивается и вьюном
Вьётся, словно в лесу густом,
Где ожили деревья вдруг
И смыкают свирепый круг,
Человеченки чтоб вкусить.
Лев Чубак тут во всю уж прыть,
Закричав, полетел вперёд,
Так *урааном* распялив рот,
В сотне глоток как будто враз
Загремел этот клич: «Ма-а-на-ас!»
Растерялись *калмаки* – глас,
Отовсюду гремевший, спас
От удара Сыргака – тот
Чуть замедлил на йоту ход,
Не нарваться чтоб на копьё,
Только вскинутое ружьё
Не заметил – к нему спиной
Повернулся, – *ураан* родной
По местам всё расставил так:
Свой успех упустил *калмак*.

Два героя – Чубак, Сыргак
И четыре *чоро,* никак
Не надеялись, что впросак
Как попал, так и сдался враг:
Свой озлобленный втрое нрав
Вновь проявят враги, поняв,
Что лишь шестеро против них.
И, пока их *ураан* не стих,
Надо было врагов крушить,
А потом уж как быть решить.
Многих, впрочем, уже Сыргак
Сокрушил, и ещё – не всяк
Был обученным к бою враг:
Кто-то пику держал не так,
Кто-то вовсе махал дубьём,
Кто-то мучился лишь с ружьём,
Тот – в железе своём увяз,
Тот – своим же заехал в глаз
Слишком длинною булавой;
И как будто бы с головой
Здесь дружили не все с пелён;
Но такие, кто был силён,
Составляли полвойска... Слон,
Коль к тому же обучен он,
Заменяет коней пяток –
Скажет боя любой знаток.
И Сереку, и Шууту
Приходилось ведь на ходу
Перестраиваться – Чубак
Не сказал им – мол, что, да как;
За Сыргаком и Чубаком
Поспешили они, броском
Одолев расстоянье вмиг;
Ырчуул в их задумку вник,
С Бозуулом они вдвоём
Обеспечили тыл, приём
Применив: в десяти местах
Там и сям помелькали, страх
Нагоняя, не тратя слов,
Но до сотни снеся голов,
Не считая, каков улов,
Лишь с тревогой косясь на львов:
В тех местах, где героя два,
Путь друг к другу пробив едва,
Бились рядом, царил разгром:
Смерть накрыла своим крылом
Тьму *калмаков*, китайцев. Звон
Доносился со всех сторон,
Заглушая предсмертный стон
Тех, кто был навсегда сражён.
С чёрной армией тысяч в шесть
Шесть батыров, борясь за честь,
Бились суток уж двое – им
Пыль глаза выедала, дым
Горло рвал, заливал их пот,
Кровоточили раны, рот
Сам был раною, спёкся так,
Что для речи он стал *абак*;
Кони, люди устали; мрак
Души словно объял. Чубак
Дал пример из толпы уйти;
Скоро шестеро все в пути
Поспешали к вершинам гор,
Оставляя внизу разор.
Взвинчен был *олуя* Бакай:

Двух бойцов в Айжанжуна край,
Растревожась, послал старик:
Сын Ногоя пошёл – Мажик,
С ним умчался Каракожо –
Сын Аргына, его дружок,
Оба друга храбры, быстры,
На язык и на глаз остры.
Возвратились, но весть была
Столь страшна их, что пиала,
Что ко рту подносил старик,
Оземь грохнулась в этот миг.
К Сивогривому все пошли
И поведали, как смогли,
Что увидели бойню там,
Твёрдо следуя по следам,
Что *чоро* оставляли шесть,
Хоть просили их в бой не лезть.
Тут Бакай закричал с мольбой,
Бородою затряс седой:
«Время дорого! Быстро в путь!
Вдруг спасём мы кого-нибудь?!»
Кыргылчала позвал, *чоро*,
Привели коней под седло,
Знамя взяли, и сам Бакай
Всех повёл в Айжанжуна край.
Алый флаг, золотой *айчык*
Лишь *калмак* заприметил, сник:
Страх объял его в тот же миг,
Дух его боевой поник:
Войско бросилось наутёк.
Кыргылчал высоко, как смог,
Флаг поставил, и солнцепёк
Вдвое ярче его зажёг.
Айжанжуна бойцы вразброс
Мчались в город; на свой вопрос –
С кем дерутся, с кого, мол, спрос,–
Получили ответ всерьёз.
Дело в том, что чоро – все шесть,
Умудрились оставить здесь
Смертоносную схватку тех,
Кто рубил без разбору всех, –
Сами горной тропой ушли,
Наблюдая бой издали.
Войско в город вошло, спеша,
Перепуганные, дрожа,
Разбежаться бы по домам
Были рады бойцы, но сам
Главный в армии первый чин
Стал искать среди всех причин
Их разгрома тот узелок,
Завязаться на коем смог
Неожиданный их позор.
К Айжанжуну пришёл и, взор
Свой потупив, признался он,
Что разгромом ошеломлён.
Айжанжун аж затрясся: «Плут!
Твои вздохи нас не спасут!
Кёкчёкёза пусть позовут!»
Не прошло и пяти минут,
А *калмак* был уж тут как тут:
Хан ведь скор не на пряник – кнут.
Хмур был хан, оттого гундос:
«Я скажу тебе, Кёкчёкёз,
Айжанжуном когда я стал,
Хоть годами ещё был мал,
Но лишь сел на златой свой трон,
То никто ни с каких сторон
Землю нашу топтать не смел,
Всех держать я в узде сумел!»

В это время, его прервав,
Кто-то в залу вошёл, поправ
Этикет, да и ханский нрав –
Чёрный вестник всегда неправ.
То Лойда́ был – высокий чин.
Оглядев не спеша мужчин
Начал он, поклонившись, речь:
«Я пришёл вас предостеречь.
Двое суток назад сюда
Я на крики спешил – «беда!»:
Прибыл ваш Кёкчёкёз, крича,
Как под пытками палача,
Что его, – а ведь он *калча*, –
Пожирает, мол, нечисть. Чья?
Только камни крошатся так.
Я, опешив, решил: *калмак*
Заручился приказом; хан,
Вы права ему дали, сан?
Или всё он присвоил сам?
Иль не верить своим глазам?

В восемь флагов собрав войска,
Их привёл, чтоб наверняка
Вам помочь я, и вот теперь
Счёт веду я сплошных потерь:
Тысяч – вслушайтесь, – шестьдесят
Я привёл! – ничего отряд?
Но какой-то нездешний гад
Из кыргызских, видать, ребят –
К сивогривым коням они
Благоволят все оны дни, –
Он на сивом своём коньке
С Кендемена вдруг налегке
Прямо в войско, ломая строй,
Залетел и начал разбой:
Кровь текла, как вода, голов
Послетало – я не готов
Счёт представить, но лишь скажу,
Что могу прочертить межу
Между прошлым и этим днём:
Я сражением разорён!
Войска нет, разбежался люд,
Те, кто выжил, – уж так был лют
Этот враг, как большой дракон,
Смерти был неподвластен он,
Ловок, словно сапсан. Один
Как с шайтаном самим един,
Смог разбить он всё войско так,
Что не восемь – один-то флаг
Невостребован стал. Дракон –
Разглядели со всех сторон, –
Великан с алым цветом глаз,
Выше всех, его клич «Манас»!»

Айжанжун подскочил: «Манас?!
Под конец ты, гляжу, припас
Неприятную весть для нас?
Это правда иль просто сказ
Для детишек?» – его рука
Задрожала, сперва слегка,
А потом как пустилась в пляс.
Он шептал в забытьи: «Манас...»
А ходок продолжал рассказ,
Не сводя с Айжанжуна глаз:
«Мы поставили даже сеть,
Ускользнул он, и не задеть
Умудрился её, потом
Он вернулся, но впятером
Или даже он был шестым.
Даль завесил треклятый дым,
Кроме смерти вокруг ни зги:
Звон мечей да её шаги,
Да ещё этот страшный клич.
Нападавший совсем как сыч:
Явно видел и в темноте,
С ним пришедшие – тоже, те
Силачи, да и рост у них –
Издалёка дают под дых,
Каждый – грозный такой урод.
И не вытерпел наш народ,
Побежал он от них, спеша,
Как от страшного миража,
У меня самого душа
Прилепилась к спине, дрожа.
Я скорее гонца послал,
Тысяч тридцать чтоб он собрал –
Необученных пусть, но чтоб
Свой могли бы подставить лоб
Да умели махать копьём;
Шесть делились на два: втроём
Так размахивали мечом,
Что остался вновь не при чём
Я, ведущий на бой войска.
И развязка была близка:
Эти дважды по трое ведь
Вновь наслали на войско смерть,
Столько жизней смели, как снедь,
Страшно вдовам в глаза глядеть.
Подустали когда те шесть,
Я гляжу – умудрились влезть
На вершину по тропам лис,
И пока не спустились вниз,
Я засаду придумал, но
Не взошло моих дум зерно:
Знамя с красным *айчыком* вдруг
Осветило весь дол и луг,
Рать на нас надвигалась, сед
Был вожак, излучавший свет, –
Я в подзорной трубе узрел,
Как огромен он, грозен, бел;
Показался лишь первый ряд –

Под пятьсот человек отряд.
Мой народ побежал назад –
Нервы сдали у всх подряд.
С чёрной вестью пришёл я, хан;
Продвигается к нам *душман*[638]».

Айжанжун закричал в сердцах:
«Ты, в бою проявивший страх,
Перед очи пришёл мои
С чёрной вестью, с лицом змеи!
Ну, а ты, Кёкчёкёз, скажи:
По велению чьей души
Эта рать поднялась на нас?
На поминках я был: Манас –
Тот юнец, что срубил *жамбы*
По везенью слепой судьбы;
Для кыргызской своей толпы,
Что готовы разбить и лбы
За Манаса, он хан и бог.
Ты сбежал от него, урок
Получив неплохой. Стрелок
Он удачливый: многих смог
Обогнать он в уменье, но
Хоть со мною все заодно:
И *калмак*, и *кара-кытай*,
Буду думать я, так и знай,
Подвергать ли мне риску край?
Два героя я знал, чей пыл
Был подобен тому, кто был
Первым в этом бою пустом;
Алмамбет Соорандика – он,
Так я думал, ворвался к нам,
Чтоб затеять такой бедлам.
Оказалось – совсем другой
Появился у нас герой.
Чем обидели мы его?
Просто так ведь ни на кого
Не ведут боевую рать:
Нужен повод, чтоб нападать.
Ты коней угонял, мой гость,
Ты у них – словно в горле кость,
За тобою все эти дни
Шли и к нам ворвались они.
Если спросят, отдам тебя,
Пусть – немало в душе скорбя,
Проливать ведь напрасно кровь
Мне к народу не даст любовь.
Ты пришёл к Алооке, ища
Ту защиту, что плеть плюща
Ищет в каждой стене; увы –
С обещаньями головы
Что с Манаса, мол, снимешь ты.
Это были всего мечты.
У Манаса табун украв,
Ты метнулся ко мне, мой нрав
Мягкий к странникам уломав.
Но, источник чужих потрав,
Упустив главаря, теперь
Ты мечтаешь, чтоб этот зверь
Мною был укрощён? Поверь,
Легче мне указать на дверь
Гостю, что не предупредил
О такой расстановке сил:
Что, мол, армия вслед за ним
К нам ворвётся – за ним одним!»

Кёкчёкез заюлил: «Жанжун!
Двух не минуло даже лун,
Как от Вас я принял приказ
Стражей быть неусыпной, – глаз
Не смыкал я, и перевал
Так стерёг, что когда в увал
Враг пробрался, щитом я стал,
От руки моей не упал
Лишь один, что погнался вслед.
Я не знал, что причиной бед
Стану, кровью еду-питьё
Здесь оправдывая своё.
Там, в горах, я сразил двоих.
Но Сыргак мне сумел под дых
Сунуть пику свою, увы,
Не лишиться чтоб головы,
В город я поскакал, ему
Мозг туманил я по уму:
Мол, вернусь, ты останься здесь.
Нет, – решил до конца изве́сть
Этот пылкий юнец меня,
Лишь пришпорил вослед коня

[638] Душман – враг.

И ворвался со мной в *ордо*[639].
Я хотел рассказать о том,
К Вам пришёл – почивали Вы,
Сон разрушив, без головы
Мог остаться я. От молвы
Потому всё узнали Вы.

Уважаем мы Вас, Жанжун!»
Хан уже отошёл: «Болтун!
Помолчи! Буду думать я».
Здесь оставим всё, не тая
Правды, как *кабылан* Манас
Победил и на этот раз.

[639] Ордо – ханская ставка, ханский дворец, ханская юрта; богатая юрта феодала.

КОРОНОВАНИЕ КУТУНАЯ

Э… э… э… эй!
Успокоился Кёкчёкёз,
Начал людям кричать: мол, пёс
К нам явился, его принёс
К нам шайтан, – мол, с него и спрос:
«Он ничтожен – народ *бурут*,
Не сочтите, прошу, за труд
Барабанить, *керней, сурнай*
Пусть звучат, пробуждая край!
Бейте громче все в *доолбас*,
Чтоб *бурут* испугался вас,
Да седлайте своих коней,
Торопитесь на бой скорей!
Окружите вы их войска,
Пусть победа придёт, легка,
Пусть шайтана возьмёт тоска,
Что намяли мы им бока –
Всем *бурутам*, что мнили власть
Взять, чтоб поиздеваться всласть
Над народом честным, святым!
Пусть рассеятся, словно дым!
Отомстите *бурутам*! Пусть
Ханы все – Дёокан, Банус,
И *калдаи* Соксо, Сотой
Видят подвиг людей святой:
Победит Айжанжун пускай,
Чем прославит навеки край!» –
Так гремел Кёкчёкёз – кабан,
Синий свой напустив туман[640],
Снова тысяч под шесть войска
Собирались – вот так река,
Начинаясь от ручейка,
Размывает все берега.
Барабаны гремели, пыль,
Сразу сделав седою быль,
Колыхалась, и от неё
Полз, весь мир затопив, *жёё*[641];
Жёлто-белый и синий флаг
Наступали на алый мак:
Всем с *айчыком* горящим стяг
В море пыли был как маяк.
Грозно двигалось войско: блеск
От кольчуг и от пик – как лес
К небу вздетых, от топоров
От убранства коней, хвостов
Перевитых тесьмой, от стрел
Позолоченных мир блестел;
Словно студень земля тряслась;
За спиной у аскеров, в грязь
Окунаясь порой, власа́ –
То ль верёвка, а то ль коса, –
Волочились, хлеща коней,
Погоняя бежать быстрей.
Малочисленный наш кыргыз

[640] Көк – зеленый, синий; чочко – свинья; көз – 1. глаз; 2. глазок; 3. сглаз.
[641] Жөө – туман, туча, медленно ползущая по горам.

Лишь смотрел, удивляясь, вниз:
Надо ж, сколько *калмаков* враз
Собрались, чтоб напасть на нас!
«Наступил мой черёд!» – Чубак,
Как дитя, был доволен так,
Что сразиться с кем есть теперь,
Предвкушая число потерь,
Что *калмак* понесёт опять:
Не умеет же воевать!

Флаги в землю вонзили – хан
Обозначить велел майдан,
И батыр Айжанжуна в круг
Тут же вышел – *манжу* был, друг
Самого властелина, – яд
Накопил Малуна и рад
Был сразиться хоть с кем, подряд
Друг за другом гнобя ребят.
Он в народе *кара-кытай*
Был героем – гордился край
Мощью, силой его и тем,
В чём признаться зазорно всем:
Что слюной ядовитой он
Как змея или скорпион
Может, плюнув, отправить в ад
Или в рай – как, мол, говорят;
На груди, на спине – щиты
У свиньи той, захочешь ты
Докопаться – мол, сам-то где,
Ан – случиться пора беде.
Малуна, свою пику вздев,
Начал брани сплошной запев:
«Я *бурута*, что мягче дев,
На копьё как шашлык надев,
Вверх тормашками сброшу в ад,
Чтоб уже не пришёл назад!
Ведь с тех пор, как я Малуна,
Пусть слова подтвердит луна,
Не нашёлся ещё борец,
Чтоб свалить меня наконец!
Я на *аш* Кёкётёя шёл,
Чтоб пощупать *бурутов* – шёлк
Или бязь шкурка этих лис,
Айжанжун приказал: вернись,
Присмотри, чтоб сюда кыргыз,
Не принёс бы *ураан*-девиз.
Коль пошёл бы и я на *аш*,
Был *бурут* бы, конечно, наш,
Стал бы жалким рабом навек –
Вт такой уж я человек!»
Много разных бахвальных слов
Говорил Малуна; готов
Всех был злить, выпуская пар,
И скакун его Куучаптар
Прогибался под ним, оскал
Адресуя вершинам скал.

На злокозненный этот лай
Вдруг откликнулся Кутунай,
Из отряда Манаса он
Был природой бойцом рождён:
И отважен был, и силён,
А к тому же был раздражён
Бранью глупого силача,
Что словами рубил сплеча.
У Бакая *бата* спросив,
Кутунай, *бёру тил* схватив,
Сел в седло, Камбылкера вскачь
Посылая вперёд; силач –
Он коня выбирал под стать,
Тот умел как никто скакать,
И на скачках, он шёл когда,
Всех зевак собирал всегда.
Ниже пятого места он
Брать совсем не умел, с пелён:
Шёл в пятёрке сильнейших – склон,
Как и ямы все, нипочём.
О коне расскажи слегка –
Всё узнаешь про седока.
Скажем просто, что Кутуке,
«Волчью» пику держа в руке,
Вышел в круг; Малуна-стервец
Рассмеялся: «Куда, юнец?!
Я на кончик копья тебя
Посажу просто так, любя,
Чтобы, выкинув, ждать бойцов.
Есть такие в конце концов?
Про Сыргака и Чубака
Слышал я, но они пока,
Видно, выставив дурака,

Гладят, лёжа, свои бока.
И Манас, говорят, ваш храбр.
Как добраться до ханских жабр?
Только с ними готов я в бой.
Нет, – юнца мне шлют на убой!»
Кутунай разозлился: «Эй!
Лай по-пёсьи да не борзей:
Львы – Манас ли, Сыргак, Чубак, –
Высоки для тебя, чудак!» –
Так сказав, он поднял копьё
И, не слушая вновь враньё,
Камбылкера на Малуну
Он направил, чтоб болтуну
Махом глотку заткнуть, но тот
Встал скалою, ощерив рот;
Кутунай его в бок копьём
Посильнее ударил – ком
Тряпок, глины – кто с чем знаком, –
Был недвижен бы так при том:
Словно муха, присев кой-как,
Укусила его. *Калмак*
Засмеялся что было сил:
Он заметил, как *бёру тил*
Кутуная ушло в щепьё –
Разлетелось как сор копьё.
Кутунай поскорей топор
Взял и, тут же во весь опор
К Малуне подлетев, вонзил
В силача, не жалея сил,
По макушке он метил, но,
Слово с пикою заодно,
Топорище слетело... Тут
Малуна показал, как крут:
Кутуная на пику он
Насадил, покрутил и вон
С круга вышвырнул – мол, живи,
На конфетку и не реви!
Кутунай, возвращаясь в строй,
Поражался, что, мол, живой,
Хоть обида его и жгла,
Всё равно была жизнь мила.
Абдылду Кыпчакбая злость
Так взяла, что, поводья в горсть
Взяв и пику зажав в другой,
Карткурёна направил в бой;
Но, его обогнав в броске,
Как взбесившийся, Ажыке
Быстро бросился к Малуне́
На горячем своём коне.
Весь народ зашумел извне,
Но волненья *манжу* пресёк:
«Дам и этому я урок!
Чтоб собой он гордиться смог,
Дам я форы ему чуток...»
Он не знал Ажыбая, – тот,
Не осилив врага, умрёт,
И когда на него идёт,
Знает многое наперёд.
Малуна́ это всё не знал.
Щит свой он высоко поднял,
Щеки в смехе надул... Подол
Чуть задрался; туда вошёл
Клюв копья Ажыбая – мол,
Как там почки твои, осёл?
Малыбай, не присев, упал –
Неожиданным был удар,
И второго он ждал едва –
Отлетела вдруг голова
У *манжу*... Ажыбай её
Вздел скорей на своё копьё –
Унести да и сбросить вниз
Чтобы с флагом оставить близ.
Смерть внезапная Малуны́
Стала шоком для всей родни.
И *калмак* Дордоно залезть
В круг решился – нужна, мол, месть.
На коне Дёнмандай, визжа,
Словно мучилась в нём душа,
Он помчался вослед Ажы,
Не взирая на все межи.
Принял бой Ажыбай опять.
Посмотрел на копьё: понять
Почему остриё черно –
В яде выдержано оно,
Значит, надо не дать кольнуть.
Увернулся он, только в грудь
Вдруг нацелился Дордоно:
Сердце, лёгкие заодно
Поразить, пусть укол – с зерно:
Яд найдёт глубину и дно

В теле, как в болтовне – вино.
Опыт был у Ажы – вильнул
К боку он скакуна прильнул,
Наклонившись, и остриё
В пустоту увлекло копьё.
Промахнувшись разить не смог
Дордонол, не пройдя урок,
Вновь и вновь он пытался бить,
Но опять в пустоту вонзить
Только мог остриё, подряд
Много раз – не помог и яд.
Был волнующ и ярок бой.
Ажыке был хорош собой,
Раскрасневшийся как заря,
Он удары дарил не зря;
Конь его Карткурён подстать
Был хозяину – норов, стать,
Ажыбая умел понять:
Улучил он момент, и тать,
Что на буром своём горой
Возвышался, как ком сырой,
Был подрезан скачком коня;
Дордонол тормознул, кляня,
А его Дёнмандай, – видать,
Застоялся: ему бы спать,
А не бегать с горой в седле, –
Попритих, словно жар в золе,
Тут Ажы за подол схватил
Дордоно и, что было сил
На себя потянул, и тот
Вкруг себя обернулся, пот
Сделал скользкими удила,
Вниз башкою *калмак* с седла
Оземь пал, словно узел зла,
Голова его пыль мела,
На камнях разлетаясь вдрызг,
Сея сотни кровавых брызг;
Конь его волочил как тюк,
Плоть, кишок непонятных пук,
Почки, лёгкие – ливер весь
Разлетался как сор окрест.
Завоняло когда дерьмом,
То Ажы этот грязный ком,
Бывший некогда силачом,
Отцепил от коня, причём
Не касаясь, лишь ткнул копьём,
Бросив рядом с его конём.
На дорогу помчался, но
Не заметил он как говно
Прицепилось к нему одно:
Братец-по́годок Дордоно
Увязался и вдруг схватил
За одежду что было сил,
Стал тянуть, волочась за ним,
Как огромный пленённый свин;
Отуке – его звали так, –
Хваткой крепче, чем у собак,
Был прославлен, и он решил,
Что отмстить ему хватит сил.
Ажыке как прилип к коню,
Понимая – его ко дну
Жизни тянет, *калмак*, визжа,
Как попала под хвост вожжа;
Всё Ажы это понял вмиг,
Но сражаться он не привык
С безоружным, и лишь в седло
Он вцепился судьбе назло.
Алыбай, сын Кюлдура, суть
Понял этой борьбы, и в путь
С криком бросился, как стрела,
К Отуке его злость гнала,
Он копьё с бунчуком вертел,
Но оставил его без дел:
Айбалта поработал всласть,
Получив над *калмаком* власть:
На загривок упал топор,
Все мозги размозжив в упор.
Как и брат, Отуке вокруг
Кровью, плотью забрызгал луг.
Алыбай же летел вперёд,
Он ведь знал, что чужой народ –
И *калмак*, и *кара-кытай*, –
Захотят отомстить за край,
За батыров своих позор,
И за братьев двоих позор.
Точно! Вражий батыр Кежи
Приближался по-вдоль межи,
Чтобы выбрать удачный миг,
Когда солнца последний блик
Пав с вершины, ослепит вдруг

Алыбая, что держит круг.
Но батыр Алыбай уже
Заприметил его; в душе
Рассчитал расстоянье, ход,
И напал на него вперёд.
От *чокмора* рванул Кежи
Далеко от черты-межи,
Там Ажы был – он не успел
С поля боя уйти: удел
Слишком смелых и храбрых в том,
Что в небесный высокий дом
Дверь распахнута им всегда:
Липнет к храбрым, увы, беда.
Замахнулся Кежи копьём –
Для Ажы распахнулся дом:
Повернулось копьё врага,
Тут бы жизни его река
В мир иной бы ушла, но скот
Вдруг *калмака* подвёл: в поход
Взял он беглого скакуна,
В нём порода была видна,
Но уменья, увы, ума
Не хватало ему весьма.
Повернуться не смог скакун
Так как надо, когда на шум
Подскочил Шууту скорей,
Защищая двоих друзей.
Ажыбай с Алыбаем в стан
Ускакали – от свежих ран
Утоленья искать, а друг,
Спасший их, заступил на круг.
Много видел боёв Шууту,
Пережил не одну беду,
Но вот этот *кара-кытай* –
Да, Кежи, – заступил за край:
Так Шууту он ударил – тот
Кувыркнулся с седла и влёт
Распластался в грязи, упав,
Перекрученный как удав.
Лишь узрев это, Кыргылчал
Зверем раненым закричал,
И с *урааном* «Манас» помчал
Он к Кежи, рубанув сплеча,
Тут же вынул копьё и в бок
Так ударил! – ему помог,
Видно, сам всемогущий бог:
Вопль Кежи, захлебнувшись, смолк
И на землю батыр упал,
Предпоследний приняв удар.
А последний ему нанёс
Ырчуул Ырамана – пост
Принял он Кыргыла вмиг,
Попросив, чтоб Бакай-старик
Дал на схватку ему *бата*.
Был он крепче других всегда –
Ырчуул, потому и в бой
Он спешил заслонить собой
Сорок верных своих друзей –
Все *чоро*, и сейчас скорей
Он ударил копьём Кежи,
Что подняться хотел – «Лежи!»
А потом он за разом раз
Побеждал: его клич «Манас!»,
Оглашая весь край, летел
Над поверженной грудой тел,
Заставлял он слезать с коня
Всех, кто вышел, себя кляня,
И иссяк уж батыров строй,
Что хотели идти на бой.
И *калмак*, и *кара-кытай*
Говорили: «Каков бугай!
И другие такие ж – как
Наших тот же рубил Сыргак?!
Каждый, можно сказать, герой,
Друг за друга стоят горой;
Вон Кежи зазнавался всяк,
А не сдюжил ведь бой, бедняк,
Захотел уползти змеёй,
Но окончил свой путь земной.
Потемнело. Майдан затих.
Айжанжуна народ в простых
Разговорах искал, в чём суть
Смерти многих, и что за суд
Шлёт Всевышний на этот край,
Где *калмак* и *кара-кытай*
Вместе мучаются, увы,
Тише вод и смирней травы.
Зазвучали *керней*. Звук
Как овец собирал их в круг:
Съев похлёбку, вповалку спать.

Завтра в бой им идти опять.
У Манаса охрана стан
Окружала; из всех полян
Выбирали такую, где
Незаметной не быть беде;
Можно было следить отсель,
Чтобы враг не пошёл, как сель;
И всю ночь, не смыкая глаз,
Страж за тьмою следил; не раз
Их порядок привычный спас –
Тот, что ввёл в обиход Манас.

Трижды стража сменялась. Ночь,
Наконец-то, слиняла прочь,
Солнце вышло, а вслед за ним,
Айжанжун, сотней пик храним,
Вышел, грозный, из стен шатра,
Преогромный весь, как гора,
Злой, как дьявол, уже с утра,
Огляделся вокруг: «Дыра...»
От *алашей* тотчас Сыргак
Вышел тоже, подумав так:
«Если выйдет он на майдан,
Разыграться ему не дам:
Пусть как слон, но изнежен хан,
Вряд ли выйдет... Земля Сазан
Тоже, видно, под ним – весь край
Подобрал под себя *кытай*;
Там, в Сазане, богатыри,
Говорят, что со всей земли
К ним съезжаются на бои
Все *балбаны* и бугаи.
Да любого из силачей
Спросишь здесь: ты откуда? Чей? –
Сразу скажет, мол, из Сазан.
Почему этот дар им дан?
Из Сазана *балбан* всегда
Побеждает, и без труда,
Выходя на бои один
Десять... Больше! И сотни им –
Из Сазана кто, – по плечу.
Да, померяться я хочу
Силой с кем-то из них – *манжу*,
И *калмаки*, *шибе*, *анжу*,
Солону и *кара-кытай* –
Всех я знаю, им фору дай –
Вот тогда будет равным бой,
Если б я их сравнил с собой».
Пока мысли Сыргак гонял
И за ханом следил – амбал,
Отделившись от всех, стоял
И начала сраженья ждал.
Был *калмак* как медведь велик!
Звали просто его – Майтык:
Палец был у него кривой,
Вот и имя, само собой,
Из-за пальца его нашлось;
Мог бы, видно, земную ось
Он бы сдвинуть, не скакуна,
Подавали ему слона! –
Эсенкан подарил, сказав:
Пеший ходишь, мол, как удав,
Вот тебе, мол, скакун твой – слон.
Все батыры решили: он
Самый сильный меж всех времён!
Вправду: глянешь – исторгнешь стон:
На слоне, да с таким копьём –
Ствол сосновый в руках при нём,
Не поднимешь, небось, вдвоём;
Был он больше, чем крупный дом,
Или даже гора. Притом
Опоясан щитами так,
Что почти не дышал, бедняк!
Думал, нет ли о нём Сыргак,
Мы не знаем о том. Итак,
О Майтыке пойдёт рассказ,
Как его даже слон не спас.
Взяв чугунную булаву,
Прибыл он на слоне; главу
Нёс, задрав: подбородков семь
Не давали кивать совсем.
Так представился: «Я – Майтык,
Драться с многими я привык,
Да, один, и со всей толпой;
Выходите со мной на бой!»
Всех Майтык напугал, да так,
Что явился один Сыргак,
На своём Телкызыле он
Рядом с толстым богатырём
Был совсем как подросток хил

И, казалось, почти без сил.
Бой начался. Глядят – Сыргак
Нападает на «гору» так,
Словно это лишь сена стог.
Очень скоро безумец смог
Исколоть силача копьём;
Тот был грузен, щиты при нём
Не давали манёврам путь,
Слон и вовсе-то как-нибудь
Шевелился, несчастный весь,
Еле-еле таща свой вес;
Да и бедный Майтык с трудом
Свой живот, как огромный ком,
Сам держась раскорякой, нёс.
Растерялся народ: всерьёз
За Сыргака взялся Майтык,
Рассердился, видать, мужик:
Замахнулся своим копьём –
Сто с полсотней *кулачей* в нём,
Звук – как топот больших погонь,
На конце же горит огонь.
Крякнув, поднял копьё Майтык,
Протянул, но Сыргак впритык
Рядом с ним был, мечом взмахнул –
И от древка пошёл лишь гул –
Щепья долго летели, ствол
Был огромен, на целый дол
Их хватило покрыть траву;
Дальше будто не наяву
Всё случилось: Сыргака меч
Шею смог вдруг слону отсечь:
Вместе с хоботом голова
Пала, как под косой ботва;
Ничего не понявший слон
Смерть увидев, издал лишь стон,
Наступив на Майтыка, он
Ногу всю заключил в полон;
А покуда Майтык вставал,
И Сыргак не сидел, не ждал:
Взял он верную *Айбалту,*
Что нередко была в ходу:
Рукоять у ней из ирги,
И, казалось, язык руки,
Понимает она; Сыргак
К великану ускорил шаг
И, выкрикивая «Манас!»,
По макушке ударил раз,
Перед этим взглянув – шишак
Не носил его гордый враг,
Потому-то его топор
Мощный череп разбил, в зазор
Тут же хлынули прочь мозги –
Словно взбитый айран, легки,
Под напором их пенных струй
Голова, словно *жолум уй*[642] ,
Разлетелась на части – мир
Пошатнулся: ушёл кумир.

В этот день столько шло боёв,
Столько пало в боях голов,
Столько распрей к концу пришло,
Столь добра погубило зло.
А во время *бешима*[643] вдруг
Сто с полсотней пришли на круг
Бесноватых *кытаев* – так
Разозлил их герой Сыргак,
Что Майтыка убил – теперь
Ждали новых они потерь;
Жаждой мести, как псы, горя,
Отыскали богатыря
И напали всем скопом. Он
Был тщеславья совсем лишён,
Потому-то сумел уйти
С Телкызылом, – скользя в пути
Словно белый прозрачный тигр, –
Так ушёл от их грязных игр,
Словно ртуть ускользнул сквозь сеть,
Что *кытаи* смогли надеть
На скользнувшую мимо тень –
Уж такой был тяжёлый день.
Сто батыров держали сеть,
Пятьдесят их смогли задеть,
Вслед за тенью спеша, коня,
Седока от души кляня;

[642] Жолум үй – джуламейка (небольшая юрта без кереге, которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов).

[643] Бешим – 1. время, следующее сразу за полуднем; 2. полуденная молитва.

Сто еще набежало – нет
Безнадёжней разгара бед;
Сто собрали ещё совет,
Сеть за сетью бросая вслед,
На своём языке крича
С растревоженностью грача.
Шесть десятков сетей! – и вот
Как искомый заветный плод,
Вдруг забились в сети одной
Умный конь и седок-герой.
Всполошились все: суета
С громким криком их «Та-та-та!»
Привлекли Чубака к ним взор,
Он в трубу помотрел в упор,
Меч схватил и хлестнул коня,
Всех *кытаев* в сердцах кляня.
Еле-еле успел – Сыргак
Задыхался под сетью – так
В очень много слоев тугих
Завернув, потащили их.
Лев Чубак поработал всласть,
Чтоб Сыргаку не дать пропасть:
Пятьдесят он срубил голов,
И ещё был рубить готов –
Так за утками кречет лов
Разворачивает, ходов
Не считая: за кругом круг,
Устилая добычей луг.
Но народ Айжанжуна был
Не из тех, кто теряет пыл
Вместе с численностью своей:
Приготовив ещё сетей,
Набежало людей шестьсот,
И, стреножив героя ход, –
Удивительнейший народ! –
Повязали обоих влёт.
Кыргылчал, его сорок львов
Заприметив нечестный лов,
Тоже бросились в стан врага,
Словно к дьяволу на рога;
Мчались с криком «Манас!» вперёд,
В сети падая в свой черёд,
Что расставил повсюду враг,
Маскируя любой овраг.

Лев Манас ни о чём не знал.
В час затишья его не звал
Ни один из его *чоро*.
Беззащитно порой добро.
Бог любимым своим всегда
Испытанья даёт тогда,
Когда кажется, что беда
Успокоилась навсегда.
Ныла рана богатыря,
Или сердце? Порою, зря
Не прислушиваясь к себе,
Упускаем мы шанс в судьбе.
Разнаряженный как каплун
В стан ворвался вдруг Айжанжун,
Что-то громко крича, за ним
Как за пламенем вьётся дым,
Вся охрана его, толпа.
В общем, резко свернув, судьба
Вдруг решила пойти путём,
Что Манасу был незнаком.
На *калмаков*, *кытаев* он
Молча глянул, стряхнув как сон
Всё спокойствие, мысли все,
И восстал вдруг во всей красе:
Мигом поняв, что сорок львов –
Все в ловушке, – он был готов
Рвать и сети, и души тех,
Кто обманом снискал успех.
Весь затрясся Жанжун, когда
Крик издал *кабылан* – вода
Разом выплеснулась из рек:
Сорок тигров, не человек,
Рык такой издавать могли,
Эхо вышло из уст земли
Прямо в небо, а горы вдруг
Затряслись, неумолчный стук
Издавая – то валуны
Вниз катились, и полстраны
Уж подмяли, катясь, они;
Не минуты, казалось, – дни.
Крик как туча стоял вокруг.
Сил из крика набравшись вдруг
И Сыргак, и Чубак смогли
Сети сбросить. Из недр земли
Воды вышли, смывая пыль,

Стал зелёным седой ковыль,
Крепость пала, как будто штырь
Извлекли из неё. Упырь
Айжанжун без сознанья пал,
Стариком за мгновенье стал;
Все беременные, увы,
Разом скинулы плод. Детвы
Можно было не ждать в тот год;
Кровь текла из ушей; народ
Разбегался: большой поход
Вышел боком – таков исход.

Впрочем, чашу не до конца
Все испили; хоть спал с лица
Растерявшийся Айжанжун,
Но, в сознанье придя, каплун
Стал скорее смекать – как быть:
«У *бурута* и в крике прыть,
Нет, не зря Алооке, Дёокан
Так боялись его – обман
Он сметает в мгновенье: хан,
А кричит, как простой *балбан*,
Или, скажем, *балбанов* тьма.
Впрочем, это не от ума.
Поступлю-ка я с ним хитро:
Повоюю ещё; *чоро*
Из сетей, видно, вышли все.
Будем биться во всей красе
Мы до сумерек. Грянет ночь
Я гонцов разошлю – помочь
Попрошу. Не один ведь хан
Обещал нам помочь, – *Какан*:
Шестьдесят своих врат, небось,
Нам откроет; сказал ведь, гость –
И *калмак*, и *кара-кытай*, –
Нам желанен всегда... *Калдай*,
Алооке сынок, Конурбай,
Нескара и Жолой, Уушан.
Кто ещё из соседских стран? –
Мурадил, ещё Борончу.
Ах, как видеть их здесь хочу!
Каткалана Сайкал – она
Ведь какая-то нам родня,
Ведь не бросит в беде меня!
К ним пойду я, чтоб отомстить
И величие возродить».
Кёкчёкёза призвав к себе,
Помолился в душе судьбе
И сказал ему: «Рядом будь.
Вместе выживем как-нибудь.
Для *кытая* везде есть путь:
Корни многих родов мы, суть.
Ты хороший боец, тебя
Мне в защиту дала судьба».
Кёкчёкёз же подумал: «Он
Взвесил выход со всех сторон,
И пожертвует мною вмиг,
Если общий найдёт язык
Он с *бурутами*». Вслух сказал:
«О, в глазах Ваших я не пал!
Буду верен Вам до конца,
Буду чтить Вас я как отца!»
В заблужденье его введя,
Сам рванул он, чуть погодя,
В дальний путь: мол, Конур меня
Защищал и давал коня,
Расскажу о событьях дня,
О Жанжуне – каков свинья».
Так подумал, смахнул печаль
И ушёл без оглядки вдаль.

Встал Манас, отдохнув, глаза
Лишь раскрыл: а вокруг гроза
Всё шумит, не смолкая, – бой
Так шумит, как речной прибой.
Огляделся. Чубак, Сыргак
Где-то бьются. Вечерний мрак
Наползает тихонько с гор.
Что ж, заканчивать надо спор.
Сел на верного Аккулу,
Рану крепче стянул. В углу
Разыскал всё оружье, взял
И не мешкая поскакал.
На майдане *чоро*, вопя
Клич «Манас!», не дают себя
Всем *калмако-кытаям* вновь
Обмануть – проливают кровь:
Рубят головы, пикой бьют,
Расчищая за пять минут
Путь себе среди сотен тел,

Устилающих беспредел.
Лев обрадовался: Чубак
И братишка второй – Сыргак
Оба живы-здоровы, враг
Не успел искалечить так,
Как хотел бы их: лишь пустяк –
Крик, – и прежний взметнулся флаг!
Братья, смертную сеть сметя,
Стали вдвое сильней: дитя
Так растёт, набираясь сил.
Без опастностей мир бескрыл.
Бой всё длился. Со всех сторон
Всюду слышался крик и стон.
Львов твердил весь усталый вид:
Дух войны был давно уж сыт.
Грозен встал и могуч Манас.
Меч он вынул – свой *акалбарс*,
Что ковал сам Хромой Кузнец,
Поднял он его, наконец;
Лишь из ножен пошёл, – ей-ей, –
Стал на сорок аршин длинней,
На конце он пылал огнём,
Столько силы таилось в нём,
Что срубил за один лишь раз
Сразу двести голов Манас!
Скоро войско всё как траву
Порубил он – так наяву
Не бывает, но было, – все
Бой узрели во всей красе.
Кровь текла. Незаметно ночь
Опустилась на луг. Невмочь
Описать, что творилось здесь.
Звёзды вышли, но снова весь
Как зажмурился небосвод:
Было страшно смотреть. Народ
Кто остался в живых, ушёл.
Айжанжун огласил весь дол
Тяжким воем: *керней, сурнай*
Отпевали весь урожай,
Что собрала столь алчно Смерть.
Постарался Жанжун успеть
Так исчезнуть, чтоб даже слуг
Не тревожить – не до услуг.

Утро ярко взошло. В майдан
Опустился сырой туман,
Чтобы скрыть всё бесчинство. Хан
В бой не вывел войска. Обман
Вскрылся позже, уже в *бешим*:
Прибежали гонцы, двоим
Разрешили войти в шатёр,
Где Манас отдыхал; на *тёр*
Их не звали; едва зайдя
Два *кытая* в слезах, галдя,
Рассказали исход потерь:
«О-о, великий Манас! Теперь
Мы без хана остались: он
Не попал ли к тебе в полон?
Обыскались его с утра,
Нет нигде, хоть давно пора
Нам приказывать – или в бой,
Или скопом идти домой.
Может, в яме у вас он, здесь?
Дайте нам хоть какую весть!
Говорят, что герой Манас
Очень много народу спас:
Когда ханы бросают люд,
Он к дехканам простым не лют:
Без хозяина прозябать
Не даёт им. Наш город взять
Ты не мог бы? В бою опять
Нам не хочется умирать».
Рассердился Манас: «Жанжун,
Будь ты проклят на сотни лун!
В придорожной грязи тебе
Спать да выпадет пусть в судьбе!
Бросил в горе народ свой весь –
До чего неприятна весть!»
Айжанжуна орду вручить
Он решил Кутунаю: жить
Пусть он селится здесь навек,
А чтоб честь имел человек,
Чтобы город им был спасён,
Будет именем наречён
«Кутубий», – чтобы весь народ
Знал, кто в жизни его ведёт.
Приказал Кутунаю он
Повелителем стать племён,
Что собрались во тьме времён
И живут здесь все испокон.

И добавил Манас: «Вчера
Показала мираж жара
Когда ехали мы на бой:
Чудный город стоял степной,
Окружённый вокруг водой;
Я хочу, чтоб построен мной
Этот город был, чтоб возник
Он в степи, и любой язык
Называл бы его «Манас»,
Вспоминая невольно нас.
Пусть бы жил здесь кыргыз, казах,
Позабыв про раздоры, страх,
Пусть бы жил на своих хлебах,
Пас бы скот на лугах, в степях».
Всем понравилась эта речь,
Предложенья представив встречь,
Айжанжуна войска к трудам
Приобщили; и вскоре там
Вырос город. Людей окрест
Пригласили: Баркёл, Теекес
Переехали в этот край,
Даже милый сердцам Алтай
В этот город послал жильцов –
Не каких-нибудь там юнцов,
А серьёзных, с семьёй, отцов;
Старожилы в конце концов,
Что в краях бедовали тех,
Подтянулись сюда, успех
Начинаний Манаса всех
Не принять – почиталось: грех.
Это имя с тех пор живёт.
Город издавна свой зовёт
Лишь Манасом простой народ,
Хлеб растит и стада пасёт.
И Кутубий стоит в веках,
Айжанжуна исчез и прах –
Забывается быстро страх.
Кутунай живёт на устах!
Пусть не помнит сейчас никто:
От Туз Кёля до Каратоо
Пас *чоро* Бёгёнё коней,
Но об этом твердит верней
Имя самой большой горы:
Звать «Бёгё» её с той поры.
Карасуу и тогда текла,
Сплошь полями была земля,
Город, вставший в полях у скал,
Пепелищем Баймата стал,
Бьёт родник там теперь, *булак*,
Кто «Баймак» – называет так,
Кто ещё *Май булактуу*[644],–
С вечной древностью все в ладу.
В перевал, что в Турпан ведёт,
Охраняют бессменно вход
Горы – ровно четыре их,
Голы все они, а меж них
Словно неба лежит кусок;
Это озеро люд нарёк:
Асман кёл, – и оно живёт
Бирюзовой игрою вод
В этих голых горах века,
Отдыхают в нём облака,
Небо смотрится в гладь воды,
И не тают здесь вечно льды.
Говорил *олуя* Бакай
Про тот дальний холодный край:
«О, Турпан и Бычан воды
Добывают из *сарканды*[645]».
А Манас говорил не раз:
«Я построил свой град Манас,
Взяв сначала Бейджин-*орто*[646],
Имя дал Кутубий – гнездо
Всех родов, а не сбор *додо*[647];
Айжанжуна народ за то
Должен помнить меня всегда,
Не меня, так хоть города:
Кутубий и Манас. Звезда
Если вспыхнет – то навсегда.
Я же, коль пощадит беда –
Если я не умру, – тогда
Где бы ни был Конур – найду,
Дам гнилому упасть плоду;

[644] Май булак: май – масло, жир; булак – родник, ключ.
[645] Саркынды – 1. остаток жидкости в сосуде; небольшая струйка воды; 2. *перен. пренебр.* охвостье.
[646] Орто – средний, серединный.
[647] Додо – скопление народа.

Кёкчёкёзу, что он послал,
Отомщу, чтобы мир узнал:
Вероломство, измена, ложь –
То, что жизнь не прощает. Что ж,
Буду верным я небесам,
Что посею – пожну я сам».

Так сказал богатырь, герой,
И к народу пошёл, домой,
Здесь оставив, что смог создать.
Оставляем и мы. Узнать
Много надо ещё, в веках
Чтоб беспамятным не был прах.

ШЕСТЬ ХАНОВ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ УРБУ ПИШУТ ПИСЬМО МАНАСУ МАНАС ПРИНОСИТ ВЕЛИКУЮ БЕДУ КАЛДАЮ

Э... э... э... эй!
В поднебесном Тоюне вдруг
Закрепляя своё *укук*,
Той устроил герой Тёштук,
Всех кыргызов созвав на круг.
Лето было в разгаре. Шёл
Лучший месяц *кулжа*, и шёлк
Мягких трав, украшая дол,
Небесам возвращал свой долг.
И Кошой, и другие все
Летний праздник в его красе
Оценили, но не спеша,
Собирались, фасон держа.
Получилось, что хан Манас
Весь в делах до того погряз,
Что вздохнул лишь: «На этот раз
Праздник будет идти без нас:
Хлопотливая должность – хан.
Где Тоюн, а где – Самаркан?»
Пир большой закатил Тёштук.
Стало тесно в Тоюне вдруг,
Столько всяческой суетни,
Нету места и для ступни.
Не в обиде, хоть в тесноте,
Той прошёл, и остались те,
Ясно – ханы, кто шёл на той
Не желудок потешить свой,
А скорей пообщаться – тем
Было много, понятных всем.
Хан Урбу свою речь завёл

Лишь слегка разгрузили стол,
Он сказал, что хотел бы, мол,
Рассказать, как юнец Айкол
К старцам, нам, относиться стал:
«Вот Кошой: он, конечно, стар,
Но однако еще не сдал –
Он намедни в борцы попал:
Сын Жакыпа, неладен будь,
Тридцать лет ему, только путь
Начинает, кыргызов всех
Он собрал, – это да, успех;
Но просчёты его видны,
Это видим лишь мы одни –
Да, старейшины: наш Кошой
Главным был много лет; большой
На земле он оставил след,
А сейчас он на склоне лет
Должен в бой с великаном – дед! –
По приказу идти – в ответ
Молодому Манасу. Он,
Забывая отцов закон,
Попирает свою родню
Сотни, тысячи раз на дню!
Этим он и зловреден всем.
Распоясался он совсем:
Вот Агыш с Керкёкюлом жён
Взять хотели других племён –
От *калчи* и *калмака*, – он
Их забрал как *олжо*, пленён
Неземной красотой одной,
Силой, мощью, умом другой.
Все мы видели – как их взял:
Ни *калыма*, увы, не дал,
Не посватался – коновал,
Хоть годами был зело мал.
А вернёмся к тебе, Кошой:
Ты десяток прошёл восьмой,
Видел, видел народ честной,
Как раздели пред всей толпой,
Силачом объявив тебя.
И, скажу я тебе любя,
Что в борьбе ты уже не дюж:
Ты медлителен, неуклюж,
Ты свободу десяткам душ
Мог от тел ты давать, но гуж
Нынче ты удержал с трудом.
Всем напомнить хочу о том,
Как *кытаи*, *калмаки* в *аш*
Мясо грабя, входили в раж;
Когда вдруг приказал *калча*
Мааникера отдать сплеча, –
Все вы были, напомню, там.
Как Манас прекратил бедлам? –
Да никак, допустив барыг
До святая святых – до игр!
Да, у нас не хватило сил.
Да, Манаса наш сход просил
Защитить от разбоя нас.
Согласитесь: взамен Манас
Все призы на поминках взял,
Крохи с них он другим раздал,
Ну и что?! Кто богаче стал?
Кабылана на пьедестал
Мы зато вознесли в речах.
Он без этого б не зачах.
Так раскроем глаза, слепцы,
Полноводных родов отцы,
Аксакалы и мудрецы:
Путь, куда нас ведут юнцы,
Он двояк, уж поверьте мне!
Да, кыргызы теперь вполне
Могут зваться народом здесь,
В Средней Азии, – эта весть
Хороша, но другая есть, –
Сам подумай любой и взвесь:
Равноправие, что Манас
Сделал главной идеей масс,
Недостатком старейшин, нас,
Выставляет всех напоказ:
Те устои, что мы храним,
Он развеял как будто дым, –
Ни *олжо*, ни трофеев нам
Не даёт от победы хан.
Всё считать лишь начну – из глаз
Льются слёзы, как жемчуг, враз;
Эти мысли ночами впляс
В голове моей скачут: нас
Ими так наделил Манас –
В мир иной возьмём про запас.
Этот вот – на *тёрё* – Тёштук,

Под землёй ведь семь лет *укук*
Своей доблести он искал,
Высох, будто бы камни скал,
Солнца ясного не видал,
А вернулся сюда – созвал
Он единожды лишь на *той*.
Разве жили мы так, Кошой?
Я, неравным считаясь, что ж,
Но приплёлся сюда, – хорош
Получился наш пир, и всё ж
Разориться ещё на грош
Мог бы этот Тёштук – письмом
Всех старейшин позвать бы в дом, –
Поленился, и сбит настрой:
Ханов так ли зовут на *той*?
Стал обычай теперь другой:
Всё Манас заслонил собой;
Мы могли б ему стать стеной,
Будь уклад его не такой.
Музбурчак, старина седой!
Вспомни, как обошлись с тобой:
Ты хотел получить тулуп,
Что носил богатырь; но туп
Оказался он – *Аколпок*
Взять с его головы ты смог.
Сын Жакыпа Манас – он всем
Насолил, разойдясь совсем».

Раскатавший на брань губу,
Много слов говорил Урбу,
Горделивый казахский пыл
В его речи подспорьем был.
Мутит воду так донный ил,
Если камень ты уронил.
Ну а ханы. У них в душе
Накопилось за жизнь уже
Столько старых обид и бед,
Что для прочего места нет.
Лишь Кошой-*олуя* в ответ
Мог сказать бы: «Неправда, нет!»,
Но задумался он, старик,
Не успел развязать язык;
Вот что думал он в этот миг:
«Ох, как дьявол, увы, велик!
Тот, кого подпирает бог,
Занят праведным делом – прок
Для людей ищет он в делах,
На великое в нём размах;
Ну, а дьявол рождает страх
В мелких душах, его замах
На другое: на зависть, злость,
Чтоб хорошее словно кость
Застревало в людских сердцах,
Чтобы злобою мир пропах.
Ну, а люди-то – как скоты,
Соглашаются, кривят рты.
Если спорить начну – увы, –
Пламя вспыхнет в стогу молвы,
Дым дойдёт и до головы,
А ведь вспыльчивы очень львы.
С кем сражаться Манасу здесь?
С *аксакалов* снимая спесь,
Он удвоит лихую весть
О себе – мол, таков он есть.
Лучше я промолчу сейчас,
Лишь из уст моих пусть Манас
Кривотолков узнает ход,
Не понервничав наперёд.
Предложу старикам обход:
Пусть не кровь проливают – пот:
Пусть напишут со слов Урбу,
Прежде чем вовлекать толпу
В непонятную ей борьбу,
И укор свой и похвальбу,
А с письмом пусть пошлют гонца –
Не какого-то там юнца,
А чтоб честью по чести был
И письмо не пустил в распыл!
Так и сделал храбрец *аба*.
Веско высказал всё; судьба
Помогла, чтобы шесть голов
Заглотили наживку слов;
Вместе шестеро, как один,
Написали письмо – един
Оказался у них порыв,
Ну, а вестников шестерых
Всё же выбрали в спорах: мол,
Чтоб письмо получил Айкол.
Перед тем, как отправить их –
Этих вестников шестерых, –

Клятву дали, кобылу съев:
Кровь пускали ей под припев:
«Если клятве изменит кто –
Будет это же с ним за то!»

От Тоюна шли вдоль воды
До Кашгара; с лихой езды
Вновь пришлось подковать коней;
К Эркетаму за много дней
Доскакали; про Самаркан,
Где живёт знаменитый хан,
Им помог разузнать язык –
Замечательный проводник.
Вход в *ордо* был всегда храним:
Борончу из казахов, с ним
Ровно дюжина шли *чоро* –
Не охрана, её ядро,
Как замок на вратах орды,
Первый щит на пути беды.
Встретив конных гонцов, насесть
Поспешили, не дав им слезть,
Окружили тугим кольцом;
Борончу с одним молодцом
Поскакали к Манасу, – весть
Надо было скорей донесть;
Борончу начал в спешке: «К нам,
Уважаемый *кабылан*,
Снова гости», – но серебро
Глаз Манаса, блеснув зело́,
Речь сменило: «О, наш *тёрё*,
Как всегда говорят *чоро* –
Ты нахмуришься – снег идёт;
Разозлишься – то весь народ
Ощущает, как души их
Отлетают: удар под дых
Настроенье твоё для них;
Улыбнёшься – и солнце вновь
Будоражит и греет кровь;
Если скажешь идти на смерть –
Нам ослушаться не посметь:
Все пойдём без оглядки мы,
Как велят нам сердца, умы!
Про гостей. На ворота к нам
Много душ прискакало; в хлам
Сбиты ноги у их коней,
Я не знал скакунов странней:
Ноги как у архаров, но
Как верблюжьи ступни – чудно́;
И джигиты чудны́е – рот
Так велик, словно их народ
Много ест и всегда поёт,
И глаза – хоть глядят вперёд,
Но из ям... – разглядев их, так
Мы решили, что прибыл враг.
Мы таких не встречали здесь,
Говорят – привезли, мол, весть,
Весть одна от врагов – лишь месть,
Мы не дали в орду им влезть».
У Манаса усы торчком
Тут же встали: он был знаком
С этим людом; и словно ком
В горле встал у него притом.
Ухмыльнулся лишь, по плечу
Чуть похлопал он Борончу
И сказал ему: «Что ж, впусти,
Дай лишь знать, что начальник – ты!
Даже пальцем ты их не тронь,
Но – под каждым дрожит пусть конь,
Как и всадник; ты сердце, взор –
Всё замкни: пред тобою – вор;
Весть их – новая нам напасть:
Великаны хотят напасть
На ордо и, смыкая круг,
Знать дают нам: мол, мы не вдруг
Нападаем, а лишь решив,
Что, пока Сивогривый жив,
Нет покоя им, потому
Что по силе и по уму
Выше их он, за что ему
Надо снять поскорей главу.
Я уверен: они к письму
Подложили ещё в суму
Яд иль что там ещё. Гонцы –
Все шпионы и подлецы;
В общем ты их прими, как я,
Все ведь мы – как одна семья».

Борончу в потрясенье был,
Отступая ушёл, но пыл
Их беседы развил в нём прыть:

Поспешил он *чоро* открыть
Суть их действий; отдал приказ
Все войска в одночасье враз
Собирать; барабанный треск
Весть такую разнёс окрест, –
Был такой барабан в *ордо*:
Сам с корову размером, кто
В первый раз его видит, тот
Раскрывает в восторге рот.
Не об этом сейчас. Народ
Весь поднялся в единый сход,
Вышла армия, тысяч столь –
Не вместила и степь, изволь
Если сможешь, пересчитать –
Эти в красном, их тысяч пять;
Эти – в белом, наверно – знать,
Эти в жёлтом: за пядью пядь
Заполняют луга, а вслед
Льётся синий небесный цвет;
Самаркандская степь в рядно
Превратилась, где заодно
Все узоры и все цвета;
Как закончилась суета
И отряды слились в одно,
Показалось теперь: черно
От народу в степи; в обон
Слился шум голосов; *тюмён*[648]
До двенадцати, кто умён
Насчитал бы, и к ним знамён
Тоже дюжину; ближе коль
Пригляделся, кто зо́рок столь,
То увидел бы: впопыхах
Все собрались: рубах запах,
Нахлобученных наспех, крив,
Да и волосы хуже грив,
Топоры на плечах – кушак
Завязать не успели, так
Поскакали, лишь пики вздев;
А глаза – как у юных дев,
Вдруг узнавших, что сватовство
Их затеяло божество,
Приходившее только в снах.

Лишь сверкали мечи в руках,
Воздух потом людским пропах,
Да углями, что в фитилях
Уж дымились – малейший взмах
И ружьё загремит. Вовек
Не встречал ещё человек,
Чтоб в какие-то миги вдруг
Все войска собрались округ
Из-за дюжины лишь гонцов,
Пусть бы даже и молодцов,
Ведь негоже, в конце концов,
Промолчать про наряд бойцов:
К шишакам кое-кто кошмар
Прицепил – так сказать, *тумар*[649]*:*
Уши, скальпы, носы людей,
Что погибли давно, – злодей
Мог такое придумать лишь,
Чтобы недруг бежал как мышь.
Это – к слову, чтоб общий фон
Обозначить со всех сторон.
Лопнул чей-то *доолбас* и вон
Пуля вылетела – урон
Лишь такой понесли войска,
Когда вражьих гонцов, слегка
Потрепав, повели пешком
Для допроса в отдельный дом.
Мудрый хваткий батыр Манас,
Проводивший суды не раз,
Дом для сих бесконечных дел
Сам поставить и захотел,
Чтоб собранья кыргызов всех
Проходили бы без помех
В виде ливней, снегов, ветров –
Да всего, на что мир готов.
Что же, век потихоньку шёл,
Продолжался годов помол,
И застрять в жерновах времён –
Это жизни прервать *обон*.

Звали льва за глаза «дракон»:
И за то, что сумел Закон
Возвести во главу угла

[648] Түмөн – несметное количество, тьма (много); десять тысяч.

[649] Тумар – амулет, талисман (*обычно* – заклинание, написанное на бумажке, которая складывается треугольником и зашивается в материю).

Сивогривый, и все дела
Биев сто – если вместе с ним, –
Разбирали; незаменим,
Впрочем, был его зоркий взгляд,
Слов своих он не брал назад.
Задирали кыргызы нос,
Полагая, что раз всерьёз
Даже мелкие тяжбы все –
О потоптанном в ночь овсе
Или что там случится вдруг, –
Всё пускалось на судный круг,
Значит, корень берёт их стан
Из глубин, и Манас – султан.
Это было то время, как
Проговаривался бедняк:
«Плодоносит и конь, и пень;
Стал бы ханом – да только лень».
Так и в этот приметный день,
Отодвинув заботы в тень,
Угостили честной народ,
Что собрался на этот сход,
Раз по пять – ну, и что, слабо? –
Сделав мясо, как Чечдёбё,
А *шорпо* словно Лоп сварив –
Это озеро, речек слив.
На неделю хватило сил
Есть и пить. Ветерок сносил
Дым и запах в долину – пыл
Всех страстей он не загасил.
Шесть гонцов натерпелись так,
Что их души телам *талак*[650]
Много раз собирались дать,
Но небесная благодать
К счастью, вдруг снизошла на них
И оставила всех в живых.
А всё дело-то было в том,
Что два входа вели в тот дом:
Главный был для людей открыт
И парадный являл всем вид;
А второй – незаметный: он
Был утыкан со всех сторон
Остриями железных пик,
«Волчий», как говорят, «язык» –
Настоящий *бёру тилме*,
В ядах выдержанный, в дерьме,
Царапнёт лишь – и сразу тьме
Может враг, если он в уме,
Говорить: я, мол, твой навек;
В этом входе, где человек
Помещался бочком, мечи
Все свои лезвия-лучи,
Напоённые ядом тож,
Все встречали того, кто вхож,
И прикреплены были так,
Чтобы мог их задеть бедняк,
Если был виноват он в чём –
Как бы богу ни бил челом;
Бог невинных берёг от ран,
И тогда отпускал их хан.
И уже он отдал указ:
Пропустить шестерых сейчас
Через пыточный чёрный вход,
Чтобы видел честной народ.
Вот настал этот судный час.
Борончу их привёл. Манас
Разрешил им сказать: сейчас
Жизнь их судит лишь божий глаз.
Словно овцы, они тряслись
И, зажмурившись, все прошлись,
Кто бочком, ну, а кто – ползком,
Но живыми ввалились в дом,
Продолжая вслепую ход.
Зашумел, зароптал народ,
Пока признанный краснобай
Речь не выдал всем – Ажыбай:
«Эй! Чего вы трясётесь так,
Что зажмурились, словно мрак
Вам милее, чем солнце, – так
Всех боится лишь подлый враг!
Так же в яме слепа трава.
Расскажите свои слова –
С чем вы мчались сюда, снова́
Всем представив гонцов права!»
Ажыке этой речью их
Как шарахнул ногой под дых:
Все схватились за грудь скорей,
Каждый вынул тряпицу – в ней
Всяк всех ханов своих наказ

[650] Талак – 1. развод; 2. отрешение.

Вёз, чтоб смог прочитать Манас.
Только пауза в *аш кайнам*[651]
Растянулась – хоть вес рукам
Был весьма невелик, но всё ж,
У гонцов начиналась дрожь,
Когда к ним подошёл Сыргак;
Он одет был по-царски так:
На одежде – каменья, медь,
И ещё не забыл надеть
Золотую корону; с ним
Как за пламенем вьётся дым
Целых восемь десятков слуг
Шли с оружием: на испуг
Взял пришельцев Сыргак – из рук
Взял один вариант письма,
На других только зло весьма
Поглядел – и сомлели те.
«Уведи их!», – велел; в гнезде
Не живут в такой тесноте
Даже птицы, увы, нигде!
Подмигнул Борончу, и тот
Через красный парадный вход
Вывел их, шестерых, а там
Прикрепил ко всем ходокам
По три ловких слуги, к тому
По обычаю, по уму,
Молодухи-кокетки им
Слили на руки, как *иним*,
Из красивого кувшина –
Шея как у гуся длинна,
Да и сами все – как из сна,
Хороши, что сама весна;
Дали вытереться, с плеча
Сняв по вышитой *алача*[652],
И, покачиваясь слегка
Словно веточки тальника,
Стирку пыльной одежды их
Вдруг затеяли; всяк притих,
Когда тёплое, с ветерка
Подала им бельё рука
Молодухи: от их одежд
Запах солнца, снегов, надежд,
И каких-то простых цветов
Долго шёл ещё. Не готов
Я рассказывать чувства их –
Непонятных во всём чужих,
Хорошо, хоть всех шестерых
Рок оставил тогда в живых.
Дали им отдохнуть шесть дней,
Накормили притом сытней,
Чем бы дома кормить могли;
И тогда они вслух учли:
«У Манаса широк размах:
Дать блаженство вкусившим страх!»
Когда шесть пролетели дней,
Дали шесть скаковых коней,
Дали им *торко тон*[653] с лихвой –
Шесть десятков, – да с золотой
Прочной нитью, вплетённой в шов;
Когда каждый уж был готов
В путь отправиться – по письму
Дали каждому, по уму
Запечатанными: печать
Так стояла, что прочитать
Мог бы тот, кто её сломал;
«Возвращайтесь домой!» – сказал,
Провожая их, Борончу,
И добавил ещё: «Хочу
Вам сказать, что в любом письме
Всё написано, что в уме
Вы несёте, и пусть язык
Не болтает, хоть врать привык».

Все пожитки сложив и *кош*[654],
Поспешили домой – найдёшь,
Говорят, лишь прострел в костях,
Коль задержишься сам в гостях.
«От батыра Манаса мы
Хоть избавились!» – их умы
Представляли Сыргака – мол,

[651] Аш кайнам – время, достаточное, чтобы сварилось мясо (около полутора часов).
[652] Алача – полосатая бумажная материя кустарного, а позднее и фабричного производства.
[653] Торко тон – халат из ткани торко (сорт шелковой ткани).
[654] Кош – временная юрта (маленькая юрта, в которой временно живут рабочие, или юрта, используемая во время дальних перекочёвок или (раньше) во время походов).

То пугал, то накрыл им стол
Этот быстрый в движеньях хан,
Хищный, гибкий, как *кабылан*:
Что ж, сработал Манаса план,
И неверный был образ дан.
Мчались в спешке и день, и ночь,
Как неделю назад точь в точь.
К ханам прибыли; ритуал
Всех приветствий когда опал,
Рассказали гонцы: «Манас –
Пропади он, – так мучил нас!
Сорок воинов-львов, *чоро*,
Окружили нас и хитро́
Всех пленили. Мы ждали смерть,
Вот такая вот круговерть.
Бог нас миловал, а потом
Провели нас в огромный дом,
Люд друг другу там был знаком,
Мяса сделали целый холм,
Больше озера Лоп – бульон;
Целых шесть бесконечных дён
Есть всё это пришлось. Имён
Не назвали *чоро* своих,
Но азарт нас учить не стих:
Через узкий опасный лаз
Всех пролезть заставляли нас,
Бить поклоны, испачкав лбы
Жёлтым, словно в конце судьбы,
Отчего на глазах толпы,
От испуга сорвав пупы,
Виноватые без вины,
Кое-кто обмочил штаны.
Власть Манаса жестока: он
Ввёл в свободную жизнь Закон,
Биев[655] сто там без одного,
Столько судей им для чего?!
Да, сумел укрепить он власть,
Верховодит сегодня всласть,
Шесть десятков родов ведь он
Свёл в народ, вот такой дракон –
Их Манас, – словно два крыла
На спине у него: мала
Та земля, что его народ
Занимает сейчас, – поход
За походом вершит кыргыз,
Земли все завоюет, высь
Будет, видно, хватать. Но мысль
Не об этом, мы отвлеклись.
В дом-судилище мы пришли
Чуть живые, в грязи, в пыли,
Дали всем нам по трое слуг,
Молодух – для таких услуг
Как помывка да стирка. Мы
После прожитой кутерьмы
Вдруг попали как в райский сад,
Всевозможных вкусив услад
И обедов пять раз на дню;
После дали нам по коню
Да по девять златых одежд,
С воплощением в жизнь надежд,
Что домой отпускают нас;
Дали нам по письму для вас
И сказали – мол, в письмах есть
Всё, что надо бы вам прочесть.
Скакуны на дворе, дары
Там, в *курджунах*, все до поры,
Письма – вот они, с нами, здесь, –
Самаркана живая весть».

Ханы, с писем сорвав печать,
Стали в спешке их все читать,
Прочитали и все опять
Повернули к началу вспять,
Смотрят: имя Творца, за ним
Список предков, и лишь засим
После памятных тех имён,
Своё имя поставил он –
Сам великий Манас, батыр.
Тон письма не сказать *шайыр*[656] –
Нет, такой же пророчит пир
В мышеловке пахучий сыр;
За словами таится мощь
Побогаче казны вельмож,
Коли вникнешь, то назовёшь

[655] Бий – кыргызский судья, разбиравший тяжбы между кыргызами по обычному праву.
[656] Шайыр – жизнерадостный, жизнеутверждающий, весёлый.

Ценность в тысячу *тилла*[657]! Что ж,
Попытаемся вникнуть мы,
Для чего нам даны умы? –

«Сель, потоком приди, – не жаль,
Ветер, дом уносящий вдаль,
Приходи в этот мир – печаль
Словно ржа, что съедает сталь;
Как расщепленный шест, негож
К жизни мир, что разъела ложь,
И творцы этой лжи пускай
Пожинают свой урожай:
Если селем пойдёте вы,
Я возьму лишь *кетмень*, и рвы
Так пророю я вмиг, чтоб сель
Разбежался в ручьи отсель;
Сверху, снизу придёте, хмель
Чувств, что зависть питает, цель
Затуманит ваш путь, а я
Постою до поры, тая
Всё, что думаю я о вас.
Ох, шесть ханов! Вы напоказ
Наболтали так много лжи,
Что железу хватило ржи:
Чтилось дальним и так родство,
Худосочное кумовство –
Тай[658] с племянником, общность мест,
Совмещенье охот окрест,
Вместе раз проведённый съезд –
Кто кого, мол, быстрее съест.
Обещаю: я первым съем
Вас и власть вашу, а затем
Всё разрушив – от дум до стен,
Чтоб крючком стал *уук*, и с тем
Уничтожу всех вас: таким,
Совесть чья, мол, не то, что дым:
Глаз не выест, давать нельзя
Капли власти! Не егозя,
Ждите, что я решу: ферзя
Сделать пешкой легко, но вся
В этот миг полетит игра.
Как решенью придёт пора,
Вы узнаете. Что ещё?

Краток буду и вам общо
Все посулы скажу вперёд:
Я Калдаю великий счёт
Предъявлю – я слыхал о нём
Много жалоб со всех сторон:
В Чон Ополе кыргызам он
Разных бед натворил мильон,
Только в этом году Какан
Он разграбил, был град-*балбан*,
От напастей громоотвод –
Страж других городов, и вот
Он в руинах; его народ
Где попало теперь живёт.
Конурбай со своих земель
Всех кыргызов согнал – так сель
Дом, очаг, сундуки, постель,
Не щадя даже колыбель,
Сносит в злобе, и счастлив тот,
Кто хоть голым, но из ворот
Смог сбежать, и детей, не скот,
Ухватить ухитрился влёт.
Так вот, яков забрав, Конур
И с *алашей* содрав семь шкур,
Овладел Сарыголом. Что ж:
Что посеешь, то и пожнёшь!
Так что думайте. Злость и ложь,
Завелись коль, – сосут, как вошь;
Сорок дней вам даю на то,
Чтобы очистили ум, не то
Через эти же сорок дней
Уничтожу вас всех, ей-ей!»

Кабылана ответ сто раз
Перечли, словно про запас
В души страху набрать решив,
Все шесть ханов такой мотив
С угрожающей нотой счесть
Лишь ответом могли – на лесть
Поскупились, мол, в строчках тех,
Что снискать не смогли успех.
Все молчали. Огромный *тёр*
Всех вместил, но обширней спор
Намечался: в посланье льва

[657] Тилла или дилде – 1. золотая монета пятирублёвого достоинства; 2. золото.
[658] Тай – родственник по материнской линии.

Были образны все слова,
Безошибочны – били в цель,
Вплоть до мыслей про гнёт и сель.
Что тут скажешь? Богач Тёштук,
Весь нахмурившись, выдал вдруг:
«Зря писали мы то письмо.
Разве бедствие шло само? –
Нет накли́кали мы беду,
В смерть забросили мы уду,
Нашим вдовам кто даст еду?
Нашим сиротам лебеду
Есть придётся, и сами мы
Смерть призвали к себе, умы
Не на то навострив, увы,
Словно были без головы».
Смолк Тёштук, но как рыба рот
Открывал, и решил народ,
Спор продолжить – мол, отойдёт
И другие слова найдёт.
Слово взял *олуя* Кошой:
«Обращаюсь со всей душой:
На востоке один из вас
Крепким сделал судьбы каркас,
А на западе – там другой,
Тоже прочно стоит ногой
На подвластной ему земле;
Что скорбеть о возможном зле,
О ненужной нам кабале?
Наше будущее во мгле.
Разве думал о нас дракон?
Жил заботами рода он,
Для своих создавал Закон,
На него же со всех сторон
Враг стремился подняться в рост.
Наступили ему на хвост,
Прямо в глотку вцепился всяк.
Должен был он ответить как?
Мы – со злом к нему, вся гурьба,
Он же должен сказать: «*Аба*»,
«Мой братишка» – сказать Урбу,
Покатать на своём горбу,
Кёкулу приласкать – *иним*,
Про Агыша – «незаменим»
Всем сказать; Музбурчака рад
За ехидство назвать, мол, брат;
На Тёштука сказать «мой *алп*»,
На Кокона тогда – «мой сарт».
Так хотели бы вы, видать?
Что вложили, то можно взять.
У Манаса ведь взгляд другой,
Ценит дружбу он, лад, покой.
Одиноким весь мир – чужой.
Лев в единство зовёт с собой.
Как хотите, а я – к нему,
К Сивогривому моему!
Кто со мною?», – Кошой умолк.
Речь его возымела толк:
Ханы все, разрывая круг,
Собираться решили вдруг,
Чтоб за сорок летящих дней
Все отряды свои людей,
Снарядив, отогнать туда,
Где могуща дозреть беда.
Все забыли по зависть, злость,
И про честь. Все привычки в горсть
Страх сжимает; а спесь – вода,
Коль за глотку взяла беда.

Месяц быстро прошёл и дни
Промелькнули в его тени,
Ровно сорок промчалось их.
Гнев Манаса почти утих,
Но сигнал к отправленью он
Дал отрядам своим – заслон
Злу поставишь, коль чтишь закон,
А не катишься под уклон.
Ранним утром сказал Манас:
«Эх, ударьте-ка в *доолбас* –
В тот, лежачей коровы брат».
Барабан, как большой набат,
Загремел, и земля в ответ
Загудела, и солнца свет
Вспыхнул тут же, как будто взрыв.
И батыры все на разрыв
Заспешили, равняя строй:
«Что случилось?! Мы снова в бой?!»
Первым прибыл Чубак-герой
На своём Кёктеке; второй –
Ну, конечно же, сам Бакай
На своём Уларбозе. Край

Всполошился, и барс Сыргак
Телкызыла пришпорил так,
Словно рушилось всё в судьбе.
Сивогривый на Боздёбе
Ждал, Саврасого придержав,
Сузив взор свой и зубы сжав –
Желваки лишь ходили так,
Что, взглянув бы, сомлел слабак,
Кровь бы хлынула вдруг из глаз:
С чёрной гривой стоял Манас,
Словно лев был, и напоказ
Взгляд, как пламя, горел сейчас,
Сам недвижной стоял горой.
Видно было – замёрз герой.
И сказал *олуя* Бакай:
«Грозный лев мой, огромный край
Чтит героем тебя своим.
Но сегодня событий дым
Мы увидели без огня.
Я вскочил на рассвете дня:
От удара в большой *доолбас*
Вся земля вдруг пустилась в пляс.
Это ты повелел, Манас,
Разбудить непутёвых нас?
Спать не смог я, пришёл спеша.
Что случилось, моя душа?
Иль *аба* твой сошёл с ума,
Иль напала на нас зима
И сражаться мы будем с ней?
Ты в течение многих дней
Ни намёком не дал нам знать,
С кем собрались мы воевать.
Иногда бы спросил совет
Прежде, чем поднимать чуть свет
И куда-то бежать гуртом,
Побросав и семью, и дом.
Нет, я помню, мой лев, о том,
Что шесть ханов – глупцов притом, –
Завтра были должны припасть
К стопам властным твоим – иль
в пасть
Тьме самой отправляться все.
Сорок дней, как хорьки в овсе,
Пролежали они, таясь.
Завтра срок их выходит, князь!
Завтра эта гнилая мразь
К нам в *ордо* приползёт, трясясь.
Что за спешка? Иль всех чуть свет
Ты поднял, чтоб вот здесь совет
Дали стар да и млад в ответ?
Ты об этом подумал, нет?»

У Манаса нашлось сполна
Слов ясней, чем сама луна:
«Виноватить других ты хват!
Без вины я стал виноват!
Сам сказал ты: шесть ханов, мол,
К нам придут. А куда? За стол?
Кто-то встретить их должен, нет?
Завтра двинемся встречь чуть свет,
Остальным же расскажем, как
Основной наш стоит костяк:
Ырчуула, Бозуула – двух
Поддержать мы поставим дух
Остальным шестерым *чоро*,
Им оставленным, чтоб «добро»
Говорили для тех лишь дел,
Обозначим каким предел:
Если ханы, к примеру, вдруг
Вразнобой поползут – вокруг
Не давайте шнырять; коней
Не берите и ячменей
Им не сыпьте, а для гостей
Даже чай, что мочи теплей,
Не давайте! – за нами вслед
Отправляйте их – мой совет!»
Поразмыслив, Бакай в ответ
Так сказал ему: «Спору нет,
Только, лев мой, письмо пошли,
Чтоб Кошой не страдал вдали,
Извести его! Те нули,
Что бредут вслед за ним в пыли,
Пусть не знают, боятся пусть.
Музбурчака, Урбу – их чувств
Я нисколько щадить не тщусь,
Для Агыша словарь мой пуст;
За Кошоя-*аба* боюсь:
Правда льётся с его лишь уст,
Как бы ханы за свой конфуз
Не удвоили тяжкий груз

Прегрешений за счёт *абы*,
Взяв в заложники их судьбы.
Сынчыбек Керкёкула – он
Должен быть бы уберёжён
От насилия их; Кашкар
Уберечь бы, как светлый дар
Миру – творчество мудрых рук.
Им бы править сумел Тёштук,
Он известный для всех герой,
А присмотр обеспечим свой.
Сарыкол захватил *калча*,
Сколько яков нагнал! Сплеча
Этот узел не разрубить,
Но и около нам ходить
Не к лицу: говорит молва,
Он в Алтае чудил сперва –
Так сказали казаки, – там
Он прошёлся по всем сыртам,
Словно виру забрал весь скот
За позорнейший свой поход, –
Нам, считай, предъявил он счёт,
Хоть обидел другой народ.
Он, *калча*, Алооке сынок,
Нам бы пакостил, если б мог,
И, наверное, грянул срок
Преподать ему наш урок!» –
Так Бакай рассказал. А львы,
Все с опущенной головы
Чуть калпак не роняя, слов
Не оспорили – всяк готов
Хоть сейчас был рвануться в бой:
Сам Манас, и Чубак-герой –
Все решили: *калча* – бельмо
На глазах бытия. Письмо
Написал сам Сыргак, и весть
Поручил Ырчуулу несть:
Мол, Кошою его отдаст –
И вернётся, догонит нас,
Лишь бы, мол, не прошли Кокон –
Там нас вряд ли нагонит он.
Бозуулу ещё пяток
Дал *чоро* он и свой зарок:
Ханам, прибывшим на порог,
Не давать и воды глоток:
«Пусть расставленный караул
Возвращает их, чтобы дул
Ветер в спину им; Керкёкул
Да Тёштук к нам придут. Урбу
Любит в рай на чужом горбу
Заезжать, – Музбурчак, Агыш,
Для такого прикрытье лишь!
В общем, стойте пять дён!», – и с тем
Ускакал от родимых стен:
Он Манаса спешил догнать.
Тот, совсем не желая знать –
Ночь ли, день, – продолжать скакать,
Дум своих подгоняя рать:
«Трижды с жалобою *кыпчак*
Приходил ведь ко мне, бедняк;
Всё проверю, и коли так,
Коль повержен кыргыз во мрак,
Всё, что взял у него Калдай,
Всё вернёт – и покинет край;
Если спрячется от меня –
То найду, но нельзя, кляня,
Попадая не в глаз, а в бровь,
Проливать без проверки кровь».

Мысли так продолжали течь,
Когда вышли батыру встречь
Аксакалы – их было пять,
Перекрыли весь путь, стоять
Продолжая, хотя отряд
Приближался, ломая ряд.
Было лет им по шестьдесят,
Все верхами, молчком стоят,
Но батыра увидев, вмиг
Слезли с сёдел, сложили встык
Руки чинно на животе –
Мол, оружия нет, не те
Мы, кто грабит проезжий люд,
И, покорность явив на суд,
Каждый молча склонил главу –
Словно ветер качнул траву.
На приветствие их Бакай
Как испытанный краснобай
Отвечал, ритуал соблюл
И своей бородой блеснул,
А расспросы потом повёл:
Аксакалы, куда вы, мол,

Собрались, и каков ваш род,
Называется как народ,
Кто властитель, кто вас ведёт,
И откуда, мол, ваш поход?
Так ответил ему один:
«Я из Лопа, тот господин –
Из Котена, а этот вот
Из Жеркена уже идёт;
Три гонца мы, двоих бедняг
Из Опола послал *кыпчак.*
На поминках мы были все
И Манаса во всей красе
Мы видали, каков он есть,
Оттого-то послали весть
С нами – пусть мы немолоды,
В этом, в общем-то, нет беды:
Для белеющей бороды
Ложь, фантазии все чужды;
А беда-то не первый год
В нашем крае живёт, растёт, –
На *Кангае* сам Конурбай
Гнев Калдая привёл в наш в край:
«Лоп, а дальше Жеркен, Кокон, –
Расписал так Калдаю он, –
Сплошь *алашей* одно гнездо,
Разгромить бы всё их *Ордо*,
Да разграбить, а если кто
Головою качнёт, за то
Отрубить бы, чтоб не качал», –
Вот истоки лихих начал.
Он Кашкару отдал войска,
А Калдая исподтишка
Научил он зачину ссор:
Потихонку, мол, с этих пор
Порть посевы, не дай пасти
Скот в *керюу*[659], – на полпути
Виру как бы бери скотом,
Виноватя самих притом.
Он взимает такую дань.
Опустели дворы все – глянь,
Нас три года так грабит он,
Кто поспорит – идёт в полон;
Что там выпас! – уже в загон
Не поставишь овец – силён
Отобрать их в единый миг.
Хуже волка Калдай! – привык
Утолять свою жадность, спесь.
Им народ наш унижен весь.
Вот, несём тебе нашу весть:
Лоп восстал в этот год, а он
Был восстанием разозлён
И устроил резню он нам.
Хан Карача, Котена хан
И Жеркена – сидят, таясь,
Словно их не втоптали в грязь,
Словно камни в пещере – так
Запугал ненасытный враг –
Этот алчный *капыр калдай*[660].
А к тому ж ещё Конурбай
Столько войска нагнал в Кашкар,
Что дрожит там и млад, и стар:
Акинек, Жуукун, Алай –
Все разграблены, так и знай,
Опустел благодатный край,
Каждый день берёт Конурбай
Табуны для прокорма войск,
Тают наши стада, как воск,
И терпение тает тож.
Говорят, ты – народный вождь,
Мы решили, что ты найдёшь
Выход – как обезвредить вошь
Иль испугом, иль как-нибудь;
И отправились в этот путь».

Так закончил рассказ старик
И заплакал, и вновь поник.
Сивогривый был зол и хмур,
Как прозревший беду *авгур*,
Вспомнил жалоб былых сумбур
И воскликнул: «Подлец Конур!
Значит, правду несёт молва!
Видно, лишняя голова
У Конура – *алашам* он
Вечно портит и жизнь, и сон,

[659] Керүү – верх горы или склон высокой горы, покрытый травой.
[660] Капыр калдай – *русский аналог:* шишка на ровном месте (*уничижит.*), чиряк не там, где надо.

Из Кашкара Калдая тож
Он настроил – сетями ложь
Мир опутала где он вхож:
Кто поверил, тот с ним и схож
И орудует заодно;
Лоп, Котен и Жеркен давно
Обнищали, сошли на дно
Прошлой жизни – скандалы сплошь,
И сосёт, и сосёт, как вошь
Эта парочка весь народ.
Но пришёл теперь их черёд
Унижений, насилий. Пусть
Эти пятеро слёзы, грусть
Спрячут ныне – от слёз я злюсь,
Возвращайтесь домой! Сочтусь –
Всем скажите своим, – со злом,
Я молвою давно ведом
К наказанью злодеев двух,
В правде нынче окреп мой дух,
С чистой совестью я готов
К укрощению жадных ртов.
Уговор наш пока таков:
Вы не тратите лишних слов,
Чтоб в Кашкаре Конур, Калдай
Пребывали в незнанье; край
Пусть готовится исподволь
Виру взять за былую боль».

Их отправив, пошли в Кокон.
Вдруг навстречу Тёштук, – поклон
Отдал им великан, смущён,
Что-то вызнать пытался он,
От ответа Манас ушёл –
Так же хмур и всё так же зол,
Продолжал он свой путь; Тёштук
Лишь удвоил в душе испуг.
Но в Коконе же Сынчыбек
Смог замедлить Манаса бег:
Преградил ему путь, с коня
Слезть заставил, отряд маня
И мытьём, и обедом. Вдруг
Керкёкул, великан Тёштук
Появились, летя вдогон,
Свой испуг принесли в Кокон.
Сынчыбекова хитреца
Всё распутала до конца:
Эр Тёштука до Алаца
Вмиг отправили как гонца,
Керкёкул был отправлен с ним –
Так за пламенем вьётся дым;
Поручили нести двоим
Весть, что лев наш непобедим.

Сам Айкол поскакал в Кашкар.
Там Калдай и царил; угар
Воровства и победы жар
У Калдая не отнял дар
Осторожности через край:
Себялюбец и скупердяй,
Опоясал себя Калдай,
Весь Кашкар и почти весь край
Зоркой стражей – его доход
Рос несметно: богатства, скот,
Умножались раз в день, а в год –
Не придуман столь крупный счёт.
Так что стража его вперёд
Известила: в Кашкар идёт
Очень дальний пока отряд,
Но копыта коней пылят,
И бликуют верхушки пик.
Кто бы ни был – отряд велик.
В это время Калдай, в мечтах
Пребывая, как в облаках,
Не ответил на весть никак,
Сам уже представляя, как
Сам Кошой, Сынчыбек, Тёштук
С преклонённой главою вдруг
Отдадут ему земли, власть,
Чтобы ими он правил всласть.
Всех бы их уничтожил он
И ещё бы забрал в полон
Самого бы Манаса! – зоб
Раздувал он от злости, – кто б
Мог помочь? Конурбай? – силён,
Ввёл немалые силы он
В подчиненье Калдаю, но
Мало! Надо бы заодно
Кыз Сайкал, Мурадила – всех
Поднапрячь, и тогда успех
К ним, конечно, придёт. На смех

Он готов был поднять бы всех,
Кто затеял его пугать:
«О-о! – беспечно воскликнул, – рать?!
Мне помог сам Кёкё Тенир:
Чтобы смог я возглавить мир,
Мне Манаса привёл кумир,
Скоро грянет победный пир!», –
Помолившись за этот дар,
Всех призвать он велел в Кашкар.
Встречь отряду пошли войска:
Сгруппированы для броска
Вместе, вкупе: *калмак*, *кытай*,
Среди них и большой Калдай,
И Сайкал, что на зов пришла
И с собой сюда привела
Тысяч в восемьдесят войска –
Так была на подъём легка,
Да обиды её пока
Были шире, чем все войска.
Шли отряды, земля в ответ
Так гудела, что мочи нет
Даже вспомнить тот тяжкий гул;
По обочинам саксаул
Начинал возгораться сам,
Было больно глядеть глазам –
Пыль как мгла растеклась вокруг;
Флаги в тесном захвате рук
Норовили взлететь, и пыль
Серебрила их как ковыль.
Остановок не дал Калдай.
Войско шло, как огромный *сай*[661],
Мерно двигаясь в Эркечтам:
Ведь Манас был замечен там.
А Калдай размышлял: «Не дам
Даже в город войти скотам,
Вмиг уловку найду, чтоб взять
И батыров всех повязать,
А Манаса потом гонять.
У Кошоя за пядью пядь
Бородёнку хочу я драть,
Чтобы знал он, за кем скакать!
Уничтожу Кокон, Ташкен,
Самаркан, и возьму я в плен
Жамгырчы, Акбалту, Теке,
А Жакыпа я налегке
Просто вздёрну в несчастный день –
Он ведь сына всего лишь тень.
Ну, а дальше идти пора
В Сары-Арку и Каркыра,
В Алматы и в Кемин, в Иле, –
Столько мест ещё на земле
Надо мне охватить, объять,
Всех *алашей* в три шеи гнать
Или переименовать –
Вот идея! Ведь имя – знак:
Нет названья – повержен флаг.
Эсенкану то будет дар.
Я дойду до Бейжина. Стар
Там правитель уже давно.
Буду *беком*[662] при нём: окно
Превратиться ведь может в дверь.
Но об этом молчок теперь!
Для Конура я буду – власть».
Эту мысль обсосал он всласть,
В вожделенье почти рыча,
Изо рта, как у секача,
Пена шла, а огонь – из глаз.

Только вдруг *кабылан* Манас,
И все сорок *чоро*, Кыргыл,
И Бакай *олуя*, в распыл
Все мечтанья смели в *агыл*[663]:
Так внезапно Бакай возник,
Знамя нёс он, златой *айчык*
Бил Калдаю в глаза лучом.
Все батыры – к плечу плечо, –
Надвигались, сверкала степь,
Растекалась батыров цепь,
Войско хана беря в кольцо,
Все – как будто одно лицо:
Белозубы, глазасты все
И румяны, как плод в росе;
Вышли в поле – гигантский серп
Охватил полукружьем степь.

[661] Сай – русло реки.
[662] Бек – феодальный властитель ниже хана.
[663] Агыл – скотный двор.

Середина была мягка –
Здесь и встали, сойдясь, войска.
У Калдая герой был, он
Выступал от любых знамён –
Было б только убить кого:
Жылмалан ведь ни одного
Не оставил в живых из тех,
С кем свой страшный добыл успех.
Жылмалан был высок, велик;
Конь по имени Шангерик,
Говорят, был его конём, –
Всё, что знаем ещё о нём.
Есть обычай идти на бой,
Всех сначала смутив собой,
Утрашить, уязвить – батыр
Должен был поразить весь мир;
Знал о том Жылмалан-*капыр*,
Нарядился он как на пир
И, красуясь, стоял и ждал:
Мол, кого запустить в астрал?
Сын Балты богатырь Чубак
Взял *бата* у Бакая – так
Раздразнил его Жылмалан
Славой – если из жертв курган
Из его, мол, сложить, – вулкан
Жизней вырубил Жылмалан.
Что ж, Чубак новичком не был,
Правда, стольких не загубил,
Но сейчас Кёктеке своим
Он поклялся уйти живым:
Слава – мало того, что дым,
Чаще клонится к молодым.

Жылмалан и Чубак за миг
Только сблизились, общий крик
Прокатился в цепи людей:
Был наёмник юнца крупней,
Мало этого – люди вдруг
Увидали копьё – *уук*
Покороче: размахом рук
Если мерить – их шестьдесят;
Жылмалан, отведя назад,
Руку с чудищем этим, влёт
В грудь нацелил Чубáку; тот
Увернулся, своим копьём
Так отбил тот удар – лишь звон!
Жылмалана копьё в щепы
Разлетелось в пылу борьбы.
Тот не медля схватил *чокмор*,
Что покруче был многих гор,
Снова ахнули все – велик!
Но издать не успели крик:
Ведь большой свой топор кабан
Так удерживал – даже стан
Весь скривился, и смог Чубак
Прямо в руку ударить так,
Что разнёс лучевую кость
Да и мясо с кости снеслось
И немало: с корову вес.
Жылмалан покосился весь:
Неживая одна рука,
И ружьё он наверняка
Зарядить бы не мог; *чокмор*
Рухнул оземь – такой позор.
Правда, левой рукой позёр
Попытался схватить *чокмор*,
Но откуда бы силы взять?
Соскользнула вниз рукоять.
А Чубак, что ли, станет ждать?
Этот хваткий батыр опять
Новый чёткий нанёс удар:
Даже в детстве имел он дар
Бить по слабым местам, и вот
Метил разве он в грудь, в живот? –
Нет, в кадык, двух ярёмных вен
Путь прервал, дав другой взамен:
Кровь хлестнула аж в два ручья
Из огромного бугая,
Сам *капыр* как столетний дуб
Рухнул замертво, душегуб,
Пал огромной горою, скот, –
Возвышеньем из нечистот.

Проклял, видно, Калдая бог.
Но спокойно сказать он смог:
«Жылмалан мой погиб, увы,
Но ведь воинов как травы
Тысяч восемьдесят у нас,
И четыреста – весь Манас:
Ровно двести – на одного!

Ну-ка, скопом – все на него,
Повалите, свяжите всех,
Предвкушаю уже успех!
А к Манасу я сам пойду –
Чёрным флагом вручу беду!»
Дав приказ, поскакал Калдай.
Словно кости, хрустел *курай*,
Пыль вздымалась, затмив весь край –
Важно, веско скакал Калдай:
Позу гордую принял он.
Звук *сурнаев* со всех сторон
Плыл над полем, и каждый стон
В песню смерти вплывал, как сон.
Все батыры, все сорок львов,
В бой ввязались – любой готов
Невзирая на сонм врагов
Всех лишить их тупых голов:
Массой душат, гурьбой, толпой,
Но над каждым чоро – «Ты мой!»,
Издеваясь, скользит ужом,
Друг на друга они ужо
Град ударов обрушив, строй
Весь ломают: где свой, не свой?
Словно палкой, простым дубьём,
Бьют не глядя своим копьём;
«Та-а, та-а!» – они вопят,
От *калмаков* своих ребят
Отличая по крику так,
В плотной дымке, в пылу атак,
Сорок тигров то здесь, то там
Увеличивая бедлам,
То нагайкой, а то копьём
Бьют по цели, и кровь ручьём
Льётся в травы, в крови – вся степь,
Каждый третий *калмак* ослеп,
Тычет пикой в своих давно –
С неприятелем заодно,
Выпускает кишки, говно.
Кто-то жизни увидел дно,
Кто-то ку́лем свалился вдруг,
Сам давно лишь с обрубком рук
Суетился, давил конём,
Не давая махнуть копьём
Тем, кто рядом, а враг ли, друг –
Отличишь ли в пылу потуг?
Дан приказ ведь, – мол, атакуй!
Кто-то громко вопит: «Кокуй»[664]!
Кто-то стонет: «О, пощади!»
У кого-то копьё в груди,
У кого-то рука-нога
Виснет плетью, а кто слегка
Ум свихнув свой, хохочет так,
Словно смерти вкусил сквозняк.
В этой каше Чубак, Сыргак
Нарезая на *бешбармак*
Эту мелочь, пробились к тем,
Кто отличен от этих тел
И уменьем, и видом всем,
Говорящим: «Любого съем!» –
К тем, кто славу в своей судьбе
Брал лишь с бою – *манжу, шибе,*
Чон-калмаки, кара-кытай, –
Кто ты ни был, – *балбан, бабай,* –
Обезвредить старались их,
Много тысяч свалив под дых.
С чёрным флагом Калдай спешил:
Мол, Манаса лишу я сил,
Чёрных стражей его отряд
Следом стлался, ровняя ряд,
Чёрной плетью он бил коня,
Чёрной местью в душе горя.
От желанья, как говорят,
До свершенья – длиною в ад
Путь, с какого свернуть назад
Не сумеет и чёрту брат.
С ходу, с лёту хотел Калдай
Сбить Манаса: крича «*Кангай*!»,
В бок батыру вонзил копьё,
Наготове держа ружьё;
Конь, однако, – Жылынгара –
Лишь заметил, что как гора
Сивогривый идёт на них,
Завертелся, как уж, притих,
Даже уши, и те, прижал.
А ведь там, где тот конь скакал,
Пыль стояла столбом за ним
И от вмятин копытных дым
Шёл, как будто разверзлась твердь.

[664] Кокуй – (крик отчаяния) Ой-ой!, спасите!, караул! Кокуйла – издавать крики отчаяния.

Чёрной масти, и сам как смерть,
Конь таращил вовсю глаза,
Словно видел, что зреть нельзя.
Бой начался. Одна стезя
В смертной битве – крича, грозя,
Двое видят: уж мёртв один,
Но не знают, кто будет им.
Злобно выступив с двух сторон
Двухголовый на вид дракон
Бился, в небо плевал огнём;
Сталь звенела, и с бунчуком
Пика словно плясала. *Шер*
Как не знающий полумер
Метил в слабое место – в цель,
Где для смерти он видел щель;
Но не так воевал Калдай:
С пикой длинною, как *шыргый*[665],
Пёр не глядя вперёд, бугай,
Словно был на закладке свай;
И атаку Манаса он
Пропустил, лишь исторгнул стон,
Когда пика его в щепьё
Разлетелась и вслед – ружьё,
Сырнайза же Манаса вся
В спину вражью вошла – нельзя
Так же ветер остановить
Иль судьбы становую нить.
Аккула продолжал бежать,
А на пике батыра тать
Извивался большой горой,
Превратившись в пчелиный рой –
Так качался, гудел, стонал.
Наконец-то Калдай упал,
Как колода, в крови затих.
У народа начался тик.
Аккулу повернуть хотел
Сивогривый, но не успел:
На него, как пантера, влёт
Та, кого не зовёт народ
Ни девицей, ни мужиком, –
Каткалана Сайкал, – зверьком
Налетела, и в бок копьём
Льва ударила. Как огнём
Бок ожгло *кабылану*, он
Повернувшись, увы, с седлом
Улетел с Аккулы. Чубак,
Не разглядывая – кто враг,
Пока думала Кыз Сайкал,
Как ударить, уже скакал
К ней на взводе с копьём и вмиг
Сбил с коня её, женский вскрик
Не дал парню добить Сайкал;
С Аккулою он поскакал
К *шеру*; тот уж поднялся – глядь,
И Калдай попытался встать:
Шатко-валко решил бежать,
Ногу в стремя занёс уж тать.
Но за фалды его Манас
Поднял в воздух, слегка потряс –
Из одежды он выпал, наг,
Обмочился, упал *калмак*.
Жалость вызвал, конечно, враг,
Но Манас, памятуя как
Мстят оставшиеся в живых,
Врезал тут же ему под дых,
Отсекая башку мечом,
Знал: покончил он с палачом.
Вмиг сбежала Сайкал. Народ
Обомлев и раскрывши рот
Молча в поле стоял. *Орда*
Обезглавленная – всегда
Эту партию тишины
Исполняет в финал войны.
Сивогривый вошёл в Кашкар.
Этот город решил он в дар
Дать Тёштуку – чтоб управлял.
Ханов всех остальных созвал:
От Жеркена, Котена, Лоп,
И сказал, не виляя, в лоб:
«Клятву даст мне мне Тёштук сейчас,
Что ни словом, ни мыслью нас
Не обидит вовек – приказ
И для вас отдаёт Манас!
А тебе я скажу, Тёштук:
Ты надёжный и верный друг,
Богатырь, каких нет вокруг,
Так прими же из добрых рук
Этот город и этот край,

[665] Шыргый – тонкая и длинная сухая ель.

Пусть лелеет тебя Алай,
От Лопнура до этих мест
Властвуй, правь и владей окрест!» –
Так сказал Сивогривый. Он
С Аккулою начал свой гон
На Чымкен, Сарыкол. Сперва
Делом все закрепив слова
И отправив своих *чоро*
К Конурбаю – забрать добро:
Яков было там тысяч шесть,
Их не смог, уничтожив, съесть
Даже этот проглот, что *таш*
Мог бы слопать, коль он «не наш»;
Обогнули весь Дандунбаш,
Чтобы для яков собрать фураж,
Повернули на Самаркан,
Где Манаса родимый стан
Ждал, тревожась, о нём молясь.
С тем оставим их. С *шером* связь,
Хоть другой и пойдёт рассказ,
Неразрывна уже для нас.

УХОД АЛМАМБЕТА ОТ КЁКЧЁ

Э… э… э… эй!
В поле разных немало ям,
Как зверья – по глухим лесам.
Да взгляни на ладонь – и там
Сопоставь свои пальцы сам:
Друг на друга похожи? – нет.
Так и люди: один лишь вред
Всем несёт, а другой – как свет,
От напастей тьмы амулет.
На эпохи посмотришь – так
Плод источит один червяк,
Как, бывает, среди людей
Попадётся один злодей:
Равновесие дел, идей –
Рушит смутою всё своей.
И в душе не отыщешь чувств
Двух похожих – тревога, грусть,
Безысходность – тупое «пусть»,
Гнев, срывающий путы уз.
Алмамбет, что родной Китай
Сам оставил и чуждый край,
Путеводной звездой храним,
Попытался назвать своим,
К Айдархана Кёкчё примкнув,
Не разинул голодный клюв,
А опорой казахам став,
Смог украсить собой анклав,
Защищая от всех облав
Завидущих соседских глав.
Так промчалось уж десять лет.
Стал почти своим Алмамбет:
И Кёкчё был доволен им,
И народом простым любим
Богатырь молчаливый был:
На поборы не тратил пыл,
Землю носом для них не рыл
И не тряс из остатков пыль.
Жить да жить бы. Но знать *ордо*
Как разбуженных змей гнездо
Перешептывалась: «*Додо*[666]

[666] Додо – толпа, скопление народа.

Его любит, видать, за то,
Что поблажки даёт он им,
А главою он так любим,
Что пускает в глаза он дым
И ему, и его родным».
Зависть ближних – страшней войны:
Руки зависти так длинны,
Мысли зависти так черны –
Для безвинных есть тьма вины,
Совесть ей не нужна и честь:
В ход идут клевета и лесть.

У Кёкчё было две жены.
Но доподлинно все вруны
Знали: любит он Акеркеч –
Свою старшую, что сберечь
Чувства к ней сквозь года сумел,
Вместе с нею ведь он взрослел,
С нею стал и богат, и смел,
С ней богатства скопил задел.
К Буудайбек же – второй жене –
Зная, что в душе, в глубине,
К старшей зависти та полна,
Знать подход нашла: мол она
Стать единственной сможет, коль
Приложить им поможет соль
К свежей ревности – ране той,
Что терзает весь род мужской.
И её обманули – мол,
Акеркеч – эта язва, моль, –
С Алмамбетом ведь спит давно:
В дверь лишь муж, как Алма – в окно.
На собрании та к Кёкчё
Вся приникла – лицом в плечо
Всё ластилась, – то так, то сяк,
Подливая щедрей *арак*;
Было там шестьдесят гостей.
Когда схлынул поток вестей,
Перебором людских страстей
Занялся язык без костей –
То один, то другие вдруг,
Сделав нужный в беседе круг,
К Алмамбету вернутся – туг
Он на выбор себе подруг;
Отчего же, – какой-то гость,
Ухмыльнувшись, закинул кость, –
Неужели в его душе
Место занято всё уже?
Слово за слово – к Акеркеч
Повернули хмельную речь,
Мол, уж сколько ручью не течь,
От реки его не сберечь;
Напрямую дошло до слов:
Плод, мол, падает, как готов,
К Алмамбету уже давно
Акеркеч упасть суждено.
Говоривший умолк, испуг
Очертило дрожанье рук,
Он за губы схватился – вдруг
Имена, мол, слетели, друг.

Все молчали и на Кёкчё
Так глядели, что горячо
Стало пьяному силачу,
Обозлившись, он взвыл: «Стопчу!
И его, и её! Но как?!
Он ведь лучший мне друг, не враг!
Проклял бог его, что ли, так?
Вот ведь чирей во лбу, дурак!
Акеркеч я могу понять:
Соблазнилась по-женски, глядь,
Ну, а он-то?! Его позвать!
Если правда – то убивать
Буду сам! Или нет, не я.
Грелась ведь на груди змея!
Шестьдесят вас сегодня здесь:
Двадцать *биев*, и сорок есть
Тех, кому богатеть помог.
Так убейте его! В свой срок,
Алмамбета убив, жену
Со двора уведя одну,
Чтоб не верить её красе,
Косы ей остригите все.
Кементай[667] я бы драный дал,
Посадил на *карюю байтал*[668],
Расцарапал бы ей и лоб,

[667] Кементай – верхняя одежда из войлока.
[668] Байтал – кобылица (ещё не жеребившаяся).

К Каракану чесала чтоб
Как последняя дрянь! Позор
Запятнала законы гор
И мою родовую честь».
Долго так он кричал. Поесть
Он не смог, лишь, пьянея, пил,
И фонтан его брани бил.

А Сорандика Алмамбет,
Знать не зная про тот навет,
Был в обычных делах чуть свет,
Как привык он за много лет.
Но, работая, думал он
О Манасе: как тот пленён
Кылжейреном, его конём,
Был и как он без спроса днём
Взял его Кылжейрена вдруг –
Словно сверстник какой иль друг.
Кёкётёя сумбурный *аш*
Всё из мыслей не шёл: шабáш
Приглашённых гостей, их блажь,
Конурбаевской спеси раж.
Возвращалась к Манасу мысль:
Кто он – этот большой кыргыз:
Плох, хорош ли как человек?

Мыслей тёк беспокойный бег,
Руки делали же дела:
Там, в ущелье, *ирга* росла,
Веток он нарубил, сушить
Разложил их в тени; и нить
Рассуждений не потеряв,
Чистил их от коры: «Я прав, –
Думал он, – что не нáчал спор,
Жив поэтому до сих пор».
Прочность высушенной *ирги*
Не проверит нажим руки –
Столько силы таят дички,
Знают лучшие знатоки;
И железом простым *уста*[669]
Не обтешит её – проста,
Но прочна она, словно сталь;
И трудов на неё не жаль:

Словно змейка, хитра стрела,
Хоть мала, но прочна и зла,
Лишь бы трещинки все дотла
Мастер клеем залил, крыла
Сделал шелковые, а клюв,
Сталь Китая слегка согнув,
Сделал в форме *бёру тилме*[670], –
Так *уста* говорил Алме, –
Тайны эти держа в уме,
В яд он их окунул, в кошме
Дал отлёживаться потом,
Сам доволен своим трудом:
Алмамбет целых триста стрел
Наготовил, в тесьму их вдел,
И, довольный, решил: пойду
Я к Манасу, чтоб на ходу
Разобраться – кто он такой:
Человек или демон злой.
Кылжейрен, что с Китая шёл
Вместе с ним, возбуждён и зол
Был всегда – наготове, мол,
К скачкам, к бегу, – и ореол
Нёс, как пламя – прозрачный дым;
Был кокетливым он таким,
Что молодкам-*келин* иным
Не угнаться порой за ним.
Алмамбет удивлялся: «Конь –
Душу греющий мне огонь»,
Потому у казахов он
Не просил скакуна – не тронь
Лишней просьбой того, кто даст,
Чтоб в ответ своих дел балласт
Нагрузить на тебя стократ,
Коль дающий – не сват, не брат.
Сам себя Алмамбет лишь знал,
Верил только себе, не ждал
Тёплых чувств он ни от кого,
От коня разве своего.
Скот пастись он гонял густой.
Иногда бедноте простой
Отдавал – мол, *олжо* возьми,
И любим был за то людьми.
Шестьдесят богачей не зря

669 Уста – мастер.
670 Бөрү тилме – волчий язык.

Злились: лошадь порой даря
Тем, над кем они взяли власть,
Он был чтим ими будто князь;
Им почёт приходилось красть,
Возвышаться, топча их в грязь.
И один лишь Кёкчё Алму
Чтил по чести и по уму.
Ранним утром, когда трава
Отходила от рос едва,
Кылжейрена на зелень он
Отпускал, и *торгоев* звон
Слушал, лежа среди цветов.
Конь отъелся и был готов
Как *кулан*[671] покорять снега
Или первым пройти бега.
Дней пятнадцать откорма он
Жил как вольная птица – гон
Начинал по приказу, склон,
Как архары, со всех сторон
Оглядев, находил тропу,
Брюхо втягивал и ходьбу
Он показывал «на ура».

Тренируя коня с утра,
Словно чувствуя – в путь пора,
Думал молча Алма: «*Кара*[672] –
Называют кыргызов, тьма
Их повсюду, и склад ума,
Отторгающий плен ярма,
Схож с китайским у них весьма».
Под *калмакским* седлом своим,
Что оковано золотым,
Кылжейрен на лугу один
Важно шествовал – господин!
«Всяк – из люда ли, из скотин, –
Лишь со взглядом твоим един», –
Думал так Алмамбет, себя
Уличив, что коня любя,
Ум вознёс его до небес,
Хоть скотина лишь скот и есть.
«Буду думать, что, мол, кыргыз
И правитель его – как лис:
Ыймансыз[673] кровопийца, плут, –
Он и станет им с тех минут,
Как к нему обращу свой гнев;
Ну, а если сменю напев? –
Стану думать, что, мол, кыргыз –
Воплощение *ар-намыс*[674]?
Не получится ль: мой *кылтыз*[675]
Могут счесть за мою корысть –
В лучшем случае? В худшем – бог
Примет жизни моей итог».
Алмамбет уж сидел в седле,
Мысли, как угольки в золе,
Лишь мерцали, но жгли огнём:
«Как же думать теперь о нём? –
Мол, Жакыпа он сын, Манас,
Он *алашей* от рабства спас,
Направляя к нему коня,
Я надеюсь, что и меня
Примет он – справедливость в нём
Даст мне дружбу, надежду, дом;
Если так – то готов поклон
Взяв верблюда за эталон,
Класть к ногам его каждый день;
Если ж он – Конурбая тень,
С ним начну я тогда борьбу,
Испытаю опять судьбу,
А осилю когда его,
Рёбра или же самого
Притащу я Кёкчё, скажу:
«О, мой брат, за тобой спешу
Закрепить всё, что нажил тот,
В ком ошибся, увы, народ!»
Буду с братом Кёкчё всегда
Жить как тень его – не беда,
И одна на двоих душа
Тоже, в общем-то, хороша!
А пока еще жив кумир,
Я успею увидеть мир!» –

---

671 Кулан – дикая лошадь (названная позже «лошадью Пржевальского»).

672 Кара – чаще всего: чёрный, вороной; в данном случае используется другое значение – тьма, множество.

673 Ымансыз – бессовестный, бесстыдный.

674 Ар-намыс – честь, достоинство, справедливость.

675 Кылтыз – увёртка.

Думал так Алмамбет, но рок
По-другому решить помог.

Поздним утром, когда порог
Отпустил его в даль дорог,
Два гонца – Чаяны, Токтор –
Вдруг примчались как камни с гор,
Зачастили вдвоём: «*Байке*!
Мы спешили так, налегке,
Чтоб сказать побыстрей о том,
Что Кёкчё вас зовёт в свой дом!
Там собранье прошло – назад
Два уж дня как, все шестьдесят
Наши *бии* и богачи,
Свои острые секачи
И *чокморы* поставив в ряд,
Совещаются, пьют, едят;
А ещё они говорят,
Чтобы шли вы скорей – откат
Чтоб не делали без причин,
Не искали бы дел почин, –
Властелины сказали так
И послали нас, молодняк,
Всё заставив нас повторить,
Чтобы слов не теряли нить».
Лишь двоих он увидел – вдруг
Вызвал сердца тревожный стук
Память давних событий: так
Сердце выдало тот же знак,
Когда словно заклятый враг
Для него стал отец-добряк.
На востоке Китая, там,
Где впервые пошёл он сам,
Где он рос и взрослел, и где
Клевета как змея в гнезде
Отравила весь мир и лад.
Исподволь всё разрушил гад:
В Алмамбета попал заряд
И народ его весь подряд
Ненавидеть стал и клеймить;
Говорят, чтоб его убить,
Даже памяти снять *укук*,
Знаменитый Кызылуйук,
В сорок тысяч собрал войска.
«Может, вспыхнула вдруг тоска
Оттого, что в Карыме он
Начал поиск, спеша вдогон?» –
У Алма промелькнула мысль,
Что напрасно искал он смысл
В испытаньях судьбы и зря,
Бросив край, где встаёт заря,
Шёл на запад, – не наугад,
Рыскал озеро Макабат:
Нубаскан – приозёрный град,
Был китайским и, говорят,
Много там и его родни.
«Видно, были напрасны дни,
Что в пути протекли, они –
Просто мо́рок, обман-огни.
Есть убийцы там – сердце жжёт,
А оно никогда не лжёт,
Может, сам отец Айдаркан
Бросил клич, всколыхнув весь стан,
Как в тот вечер – суров и зол:
Алмамбета поймайте, мол,
А отдать не хотите нам –
Вызываю вас на майдан...
Может быть, от *кытаев* весть,
Иль угроза, иль даже лесть
И заставила вдруг Кёкчё
Звать настойчиво, горячо
На собрание *биев* вдруг
Алмамбета, – растерян друг;
Может, *бии* Эгей, Шыгай –
Кто ещё опекает край? –
Собрались, чтоб Кёкчё-герой
Сам придумал, как быть со мной?» –
Так решил Алмамбет: поган
Был, он чуял, тот зов-капкан,
Но, поскольку он спешно зван,
Надо мчаться, раз просит клан.

Алмамбет торопился в путь.
Хоть тревога теснила грудь,
Но не ждал ни с каких сторон
От казахов подвоха он,
Даже думал «*Калмак* придёт
С намереньем плохим – народ
Защитит; а придёт *кытай* –
То казах между хищных стай

Не застрянет – столкнёт послов
Лишь друг с другом, как двух ослов;
Род казахов ведь юн, считай,
И не любит менять он край,
И не водится в нём глупцов;
От испуга, в конце концов,
Может мудрым и заяц стать
И стяжать себе исполать:
Юных зорь не поглотит тьма», –
Так игрой своего ума
Путь себе скоротал Алма.
Прискакал он к Кёкчё – нема
Вся округа, – коня, и то,
Не принял у него никто;
Слез и сам привязал; гонцы –
Чайаны и Токтор, юнцы,
Испарились как будто вдруг;
«Видно, занят мой добрый друг», –
Так подумал Алма и в дом
Поспешил, постучав кнутом.
Лишь зашел Алмамбет туда,
Встали с мест все и суета
Началась: растерялись все,
Тишь, предтеча любой грозе,
Съев приветствия ритуал,
Увеличила чувств накал:
Каждый в рот как воды набрал
Иль в столбняк скоротечный впал.
Тёр заняв, возлежал Кёкчё
Как огромной горы *борчо*[676],
Поднял голову: «Эй вы, псы!
То сидели все как тузы,
То запрыгали с мест блохой,
Ну-ка сели! Почин плохой!
Мест здесь всех шестьдесят, как вас.
Или лишние есть, балласт?»
Сели все. Суета прошла.
Алмамбет лишь стоял – ни зла,
Ни обиды, что у стола,
Где беседы вся знать вела,
Не нашлось ему места; он
К *кереге* прислонился, *тон*
Лишь немного спустил с плеча,
Ждал, вопросами не мельча.
И Кёкчё, развалившись, ждал,
Даже ногу на *тёр* задрал,
Эта пауза в *аш кайнам*[677]
Затянулась, покуда сам,
Рассердившись, спросил Алма –
Может, тронулись все с ума?
Тут Кёкчё развязал язык,
Столько брани сумев за миг
Изрыгнуть, словно рвотных масс:
«...Козырь, – думал он, – пёс, для нас?
А откуда пришёл он, раб? –
Вниз ногой показал, – он слаб,
Раб испорченный он притом,
Так – подстилка при входе в дом..!»
Алмамбет потрясённый смог
Этой брани гнилой поток
На мгновенье прервать: «Браток!
Что с тобою?! Ведь видит бог,
Я с душою к тебе, а ты –
Ненавидишь... За что? Еды
Слишком много твоей я съел?
Но ворочаю столько дел
За тебя, мой Кёкчё, очнись!
Кто внушил тебе злую мысль?
Это я, твой Алма, – вернись
К нашей дружбе, мой брат, не злись!»

Руку он протянул к Кёкчё,
Тот ударил его в плечо,
Оттолкнул, не пожав руки,
Встал, хотел схватить за грудки,
Но продолжил Алма: «Постой!
Ах, Кёкчё, повелитель мой!
Я, приблудный, решил: домой
Бог привёл меня в рай земной –
В этот край благодатный твой.
Был когда-то я груб с тобой?
Твоё ложе попрал ногой?
Иль в делах допустил застой?
Твоей дружбою дорожа,
Я решил, что одна душа
Нам с тобою дана двоим;

[676] Борчо – крупный кусок чего-либо.
[677] Аш кайнам – достаточно, чтобы сварилось мясо (около полутора часов).

Что ты – мой дорогой *иним*[678].
Ты «беспутным» назвал меня.
Дым, конечно, не без огня:
Я беспутен – мой путь пролёг
Далеко от родных дорог;
Только выбрал я путь другой –
Быть с тобою, мой дорогой!
Ты – мой тигр, мы с тобой клялись
Вместе быть всю, что будет, жизнь!
Лучше смерть, чем блуждать во мгле
Заблуждений в своём уме...
О, послушай, мой лев Кёкчё!
Ты подставил своё плечо
Мне – богатым ты сделал голь,
Но, однако, вернул я столь,
Умножая твоё добро!
Раб беспутный – когда зеро
От усилий его в делах;
Ты без смысла увяз в словах:
Сам подумай: ни капли зла
В жизнь «беспутность» не принесла,
А напротив – когда пришёл
Я, оставив родной свой дол,
Был табун твой голов в шестьсот,
А сейчас – подтвердит народ, –
Стал он тысяч в шестьсот уже!
Разве мало твоей душе?
Или чёрные нары – звон
Колокольцев со всех сторон
Нынче слышен: умножен он,
Не вмещает теперь загон
Эту тысячу наров, – всяк
Сто́ит тысячи, иль не так?»

Слушал пьяный Кёкчё, *арак*
Попивая, свой мутный зрак
В пиале утопив уже,
Злость как накипь копя в душе,
Разум хмелем совсем изгнав,
Подогрев свой горячий нрав
До кипения, он взревел:
«Что ты перечнем тычешь дел?!
Что ты дал, то возьми назад,
Унося свой паршивый зад,
Возвращаясь, откуда шёл,
Мне не нужен чужой обмол!
Что молчите вы все вокруг?
Из Кангая припёрся вдруг
Этот... Кто он? – *калмак*? *Кытай*?
Пусть обратно идёт в свой край
К нам прибившийся негодяй!
Нам, казахам, не нужен пай,
Что исходит из рук чужих!
Что он хочет?» – едва затих
Опьяневший Кёкчё, Алма,
Понимая, что тот с ума
От *арака* сошёл, решил
Успокоить, и так спросил:
«Лев мой, если уж ты сказал –
Значит, сделал, считай; устал
Препираться я здесь, давай
Я покину казахский край,
Но в дорогу, прошу я, дай
Синий панцирь свой, малахай
И, конечно, ещё коня,
Чтоб к врагу, что изгнал меня,
Я вернулся, вооружён,
Чтоб узнал напоследок он,
Про Кёкчё, его щедрый нрав,
Чтоб, достоинства не поправ,
Отстоял твой авторитет
Брат твой названный Алмамбет;
А когда я вернусь – тогда
Конь твой, панцирь назад, сюда, –
Всё вернется к тебе: нужда
Возвращает долги всегда».

Но затрясся Кёкчё от зла:
«Нет коней – чтобы *кёк ала*[679]
Были сроду, вот лысых – тьма,
От большого, видать, ума;
Рыже-пегих немало есть,
Пегих – тысяча, всяк за честь
Взять почёл бы их, ведь узды
Не видали, как и езды;
Много ходит в горах коней.

[678] Иним – братишка, братец.
[679] Кек ала – масть (сиво-пегий).

На какого укажешь мне?
Может, хочешь гнедого? Эй,
Не тяни, говори быстрей!
Вы скажите *калмаку*: мол,
Привередлив он, хоть и гол;
Он обманщик – *калмак-кытай*,
Вот, что он говорил, внимай:
Говорил, что мечтает пёс
О еде, коль в нужде возрос;
Говорил – мол, с верблюдом волк
Дружат если, то будет толк;
Мол, на грушах – бывает год,
Что шиповник на них растёт, –
Так бывает?.. *Калмак* коня
Просит выдать ему – меня?! –
Бьёт меня им за что-то бог,
Чтоб за всё ему я помог!»
Но в неведенье Алмамбет
Так ответил: «Урона нет –
Пусть народ подтвердит в ответ:
Жеребёнка, что я, мой свет,
С пальца выкормил – как *иним*
Жеребёнок был мной храним,
Дал его нам Байдарбешим, –
Вспомнил? – как я носился с ним!
Был он стойкостью наделён,
Словно важенка – быстр, силён,
На низинах Ташкена он,
На пиру Бокмуруна в гон
Так промчался на *кунанды*[680],
Что, его продавая, ты
С Кутманбая взял щедрый куш:
Взял раба Текечи, к тому ж
С ним впридачу десятков семь,
Или меньше чуток, совсем
Необъезженных жеребят,
Как свидетели говорят;
Среди них есть и Кёкала,
Вот его я прошу...» «*Ала*?![681] –
Рассердился Кёкчё, – итак,
Если вышел навстречу враг,
Тот не барс, кто сбежит средь дня:
Должен он отдавать коня,
И оружие, и шишак,
И кольчугу – бери, мол, враг!
Что ли, так? – соглашусь когда,
Ты на шею совсем тогда
Сядешь, шире раскроешь пасть.
Не хочу ещё ниже пасть!
Одеянье, коня *кытай*,
Может, просит, чтоб с боем край
Мой забрать, поменять судьбу?
Акбаран ему дать? Стрельбу
По болотным обман-огням
Пусть ведёт, коль настолько пьян!..»

Тут не выдержал Алмамбет,
Обозлившись на сей навет:
«Пьяный трезвому дал совет,
Как выслушивать сущий бред!
Значит ты – это груша; я –
Тот шиповник, что рос, тая
Все шипы свои, на ветвях
Бедной груши на риск и страх?
Значит, жить я не смог один
И пришёл к тебе, господин,
Мой Кёкчё, словно бедный раб,
От скитаний когда ослаб?
Ум и сила моя, скажи,
Разве хуже твоих? Души
Разве вкладывал меньше я
В те дела, что твоя семья
Тоже тратила на дела?
Ты, в могилу ложась, «*мала*»! –
Закричишь, а помрёшь со зла,
Что природа другим дала
Чуть побольше скота, богатств,
Или утвари, или яств.
Ты, могилой отца клянясь,
Топчешь близкого друга в грязь!
Был бы ты человеком, князь,
Ты не делал бы так, стыдясь!
Эх, Кёкчё, уходи в тот мир!
Сам разрушил ты свой кумир:

[680] Кунанды – скачки среди кунанов. Кунан – жеребёнок по третьему году, жеребёнок-третьяк.

[681] Ала – (*здесь игра слов*) 1. пёстрый, пегий; 2. рознь; несогласие, разлад, раздор; 3. проказа; 4. нечестность.

Я-то думал – нашёл родню,
Сотни раз о тебе на дню
Лишь хорошее думал я!
Оказалось – и ты свинья:
В грязной яме навозной ты
Ядовитые жрёшь плоды
Чьей-то подленькой клеветы,
Значит, также ведь подл и ты!» –
Лишь взмахнул Алмамбет слегка,
Но тяжелой была рука:
Рысью шапку у дурака
Сбил он оземь, как *жумуртка*[682]
Чуть не треснула голова...
Но в себя он пришёл едва –
Обозлённый вконец Кёкчё,
Выпил водки, и нипочём
Стало всё ему снова, – он
Заревел, как огромный слон,
Изо всех своих сил крича:
«Бейте, режьте раба! *Курча*[683]!»

Не заметил Кёкчё в бреду,
Как рабыня жены Куйту,
Что несла им питьё, еду,
Молча зыркнув на суету,
Опустила поднос – и вон
Побежала скорей; вдогон
Шум и брань за спиною креп:
Непонятен был спор, нелеп,
Пьян Кёкчё был и как ослеп,
Алмамбета кляня за хлеб,
За подмогу его в делах,
Проклинал его предков прах.
Задержалась Куйту в сенях,
С любопытством боролся страх,
Но решила: хозяйке всё
Что узнает, то донесёт:
Что кричит за дверьми народ,
Кто кого и за что там бьёт.
Акеркеч, лишь узнав о том,
Поспешила скорее в дом
К Буудайбеку, где сходка шла;
А прислушалась: ну, дела!
Против всех был один Алма,
А Кёкчё как сошёл с ума:
Так бранился, науськав всех,
Словно дьявол ему успех
Посулил на всю жизнь в судьбе,
Если он победит в борьбе,
Да неравной ещё какой! –
Навалилась большой толпой
На Алму одного, причём
Призывал их к тому Кёкчё!
Поразилась его жена,
Поспешила войти она.
Отвечая на быстрый шаг,
Платья шёлк развивался так,
Словно в драку вмешался флаг,
Развеваясь, ронял *акак*[684],
И при этом имел язык
И разгневанный женский лик;
Отрезвил на минуту крик
Тех, от правды кто не отвык:

«Что с тобой, мой Кёкчё-батыр?!
Где твой разум? Взбесился жир?
Изо всех незаметных дыр
Драки шум проникает в мир!
Что же скажет теперь народ?
Алмамбет среди всех слывёт
Рассудительным, добрым к нам,
На тебя ведь падёт весь срам!
Алмамбета дела чисты,
На него ополчился ты
Позабыв, сколь привёл скота
Алмамбет – не тебе чета!
Не жалея ведь живота
Он трудился для нас всегда!
Как отец твой, он нам помог!
Ты в Сарарке бродил, а прок?
Возвратился в Алтай, и бог
К нам привёл Алмамбета в срок;
От своих он сбежал, ну что ж?
Многих зависть чужая, ложь

[682] Жумуртка – яйцо.
[683] Курча! – окружай!
[684] Акак – самоцветы.

Прогоняет из отчих мест.
Ну, а твой отчего наезд?
Ты забыл, что пока Алмы
Мы не знали, среди зимы
Не хватало нам сена, дров;
Раб не видел муки – готов
Был у кошки отнять улов.
А теперь-то! Тучней коров
Не найдёшь, молоко щенки
И не пьют уж, а старики
Все пресытились *маем*, снох
Не ругают – *каймак*, мол, плох,
Сливок, мол, не хватает в них.
Что, Кёкчё дорогой, притих?!
А казахи когда в горах
Скот растили на выпасах?
Жир совсем по-другому пах
У скота, что в подворьях чах;
Алмамбет научил! – казах
На летовках живёт как шах!
Прежде *тана*[685] не мог взрастить,
Скакуна не мог прокормить,
А сегодня – гляди-ка, все
При конях и во всей красе:
Молодухи теперь, и те,
Щеголяют всегда в *кете*,
И лентяям-*калмакам* он
Смог прервать их привычный сон:
Кто точил на казахов зуб –
Иноходцем смягчал их зуд,
А султану их *тулуп суп*[686]
Подарил, чтобы не был скуп,
Показав нашу щедрость так,
Что и слово забылось – «враг».
Ты забыл, муженёк, что он –
Наш Алма, – вместо тех попон,
Что нельзя и назвать седлом,
Ввёл монгольское, и притом
Иноходцев, что лишь монах
Мог иметь, как велел аллах,
Алмамбет молодухам смог
Разрешить их иметь – дорог
Не боятся теперь они,
Как в былые иные дни.
В чём, скажи мне, его вина?
С ним судьба ведь у нас одна,
Унижали *калмаки* нас,
И от этого он ведь спас;
Ты забыл, как гуляла плеть
У тебя по плечам, чтоб впредь
Ты не пас скакуна в лугах?
Сколько раз, вызывая страх,
Наезжали *калмаки* так,
Что сырело в твоих портках?
Пресмыкался пред ними ты!
Ну, а друг, что свои мечты
Смог с твоими соединить,
Должен рвать отношений нить
Оттого, что тебе моча
Пала в голову сгоряча!»

Разошлась Акеркеч – она
Побраниться была сильна:
Также баржу несёт волна,
И она, от руля вольна,
Мчится в бурю, не видя цель,
А вода уж в любую щель
Устремилась в её нутро.
Злом выходит порой добро.
Алмамбет попытался встречь
Вставить слово хотя бы в речь,
Но не слышала Акеркеч.
Баржа судеб давала течь.
И Кёкчё – разъярённый бык –
Молча слушал, ведь он привык,
А сейчас он поверил вмиг,
Что не просто болтал язык
О связующих чувствах двух:
Защищать ведь пришла! Потух
Для Кёкчё иллюзорный свет,
Понял он, что надежды нет
И взревел: «А с которых пор
Обнародовать свой позор –
Чтоб любовника, мол, спасти, –
У неверной жены в чести
Стало, а? И с которых пор

[685] Тана – тёлка по второму году.
[686] Суп – дорогая материя из белого шёлка или из белой верблюжьей шерсти.

Баба может вмешаться в спор?
Может, сядет она на *тёр*
И народ поведёт в разор?
Алмамбета пришла спасать!
Я козлину хотел прогнать,
Тумаков насовав слегка;
А теперь уж наверняка
Будем шкуру с него спускать!
И тебе я хочу сказать,
Что за этот позор тебя
Накажу, уже не любя;
Ты любовью моей была,
Ты со мною по жизни шла,
Только червь в животе твоём
Подточил наш счастливый дом!
Когда в месте твоём плохом
Похозяйствует нож, потом
Когда ты, без седла скача
На лихом скакуне, ничья,
В никуда, вся от слёз дрожа,
Ты поймёшь, как болит душа
У меня, потеряв навек
Всё, чем жив любой человек!
Это ж надо! До этих пор
Я не верил ещё в позор,
Ты спасать мужика пришла!
Ах, старуха, рабыня зла», –
Отмахнулся Кёкчё, лицом
На подушку упал – юнцом
Он так делал, чтоб спрятать плач.

Акеркеч поняла: палач
Их семьи – Буудайбек, она,
Напоив его допьяна,
Эту сплетню придумав, всем
Нашептала, и вслед затем
Поддержал её всяк сосед:
Зависть вызвал в них Алмамбет
Даже тем, что оставил след
Каждый добрый его совет.
Незаслуженных слов картечь
В сердце ранила Акеркеч,
Убежала она на двор
И ходила там словно вор,
Вслух ругаясь – ведь до сих пор
Не остыл её чувств костёр:
«На кочёвку верблюды так
Друг за другом идут – *абак*
В головах у верблюдов: шаг
Скован мыслью у бедолаг;
Обобрала я гниды – но
Вшей ведь в мыслях у всех полно,
Злоба так и кишит в мозгах,
Ведь убьют же *кытая* – страх
Победило желанье мстить.
Как должна я Кёкчё любить,
Коль душа у него слепа?
Коль *кытаю* продлит судьба
Его жизни простые дни,
Значит, где-то в душе огни
У Кёкчё ещё есть, они
Мозг очистить от гнид вольны,
Будет он властелином вновь,
В дом вернётся опять любовь.
Говорят, на миру красна
Даже смерть, но кому нужна
Эта красная смерть? Она
Тем, кто выживет, лишь видна.
Совесть пóпил Кёкчё – как с плеч
Сбросил *тон*, что не смог сберечь», –
Под окном не смолкает речь:
На весь двор ворчит Акеркеч.

Слыша голос, не слыша слов,
Зареветь был Кёкчё готов,
Поднял голову: пьяный хмель
Бил кувалдой в виски теперь.
Алмамбета увидел – зверь
Вновь проснулся в Кёкчё: потерь
Слишком страшным казался счёт,
Слишком много в душе пустот!
Он закашлял и поднял грудь:
«Рысью шапку хоть кто-нибудь
Видел? Иль как прообраз зла
Вся сгорела она дотла?
Кто-то видел ли здесь раба –
Алмамбета?.. Судьба слепа!»
То приказ был – убить Алму,
Знак, ведь молвить нельзя в дому
Те слова, что звучат в уму

Обвинением самому.
Тут казахи вскочили вмиг.
Хоть не всё произнёс язык,
За кинжалы схватились. Гнев
Охватил Алмамбета: лев
Был растерян, пока слова
Удивляли его сперва,
Позже – ранили, но сейчас
Свет надежды на мир угас.
День стал ночью теперь ему.
Окружившие все Алму
Растерялись: в его глазах
Как у тигра, лишь гнев, не страх,
Страшным светом горел: впотьмах
Было видно в его лучах
Как, кусая губу, Алма
Напружинился; абрис тьма
Увеличивала – стоял
Перед ними боец-амбал,
Злой как будто голодный тигр –
Тигр, которому не до игр.

Испугались казахи – взгляд
Алмамбета сулил им ад,
Отступили слегка назад,
Их решимость пошла на спад.
Алмамбет ощущал подъём
Сил – когда покидал он дом,
Меч наставив на Алооке,
Стал он также силён в броске:
Как пружина в ружье он был
Весь на взводе зажатых сил.
О, в Китае тогда в распыл
Всё пустил он, пока остыл:
Он героев отправил рать,
Опозоренных, умирать,
Красной кровью забрызгал год;
Так запомнил его народ:
Взгляд, от гнева безумный, рот
В лук изогнутый, тяжкий пот
От безудержной рубки с плеч;
Круг сверкающий – быстрый меч,
Успевающий там и сям
Укорачивать рост врагам;
Алмамбета кипящий крик
Даже в плоть проникал: старик,
Всех суставов услышав дрожь,
Рассыпался, а молодежь
Застывала, как валуны.
И сейчас, как в былые дни,
Гневом полон был Алмамбет,
И померк для него весь свет,
Кроме цели – остаться жить,
И мишени – точнее бить!
Весь охвачен он был огнём,
Мысль одна шевельнулась в нём:
«Коль прикончу Кёкчё сейчас,
Чтобы в доме очаг погас
Да испачкан в крови был *тёр*, –
Разрешу ли я этот спор?
Эти *бии*, что так горды,
И, сомкнув предо мной ряды,
Жаждут крови, но трусят лишь,
Вмиг скошу я всех, как камыш,
Только польза моя тут в чём
Коль погибнут они, Кёкчё?
Ведь не скажут казахи, нет, –
Мол, какой герой Алмамбет!
Скажут – клятву нарушил: мол,
Друг Кёкчё его звал за стол,
С ним якшались, впускали в дом,
Отплатил за добро он злом.
Будут деток своих пугать:
Не шалите, придёт, мол, тать
С топором своим – Алмамбет.
Не хочу я такого, нет!
С пьяным ханом тягаться мне –
С мусульманином, – зло вдвойне:
Скажут – ясно, таков *капыр*,
Разве можно иметь с ним мир?
Если стану я всем врагом,
Где же буду я жить потом?
Юный прут с молодым листком,
Я сломаюсь, живя тайком.
Буду сдержанным – пусть они
От собачьей своей слюны
Захлебнутся, изранят пусть,
Я их ярости не боюсь.
И Кёкчё я прощу, забыв.
Вскрылся лживой души нарыв.

Только трупы казахов нам
Не помогут всё тот же храм
Нашей дружбы построить вновь:
И доверие, и любовь
Лишь однажды приходят... Что ж,
Съела всё это чья-то ложь.
Я уйду – мир везде хорош,
В спину где не втыкают нож».

Мысль мелькнула, а ссора шла,
На накале всех чувств была,
Голосов непрерывный гул
Превращался в страстей разгул.
Кёкчё-хана сын Карыгул
В это время внутрь заглянул:
Нёс в *кёнёках*[687]он молоко –
Удержать было нелегко
Все четыре ведёрка, – он
Шёл, как будто бы клал поклон.
Сын взглянул на отца, а хан
Был уже безобразно пьян,
Растерялись вдруг оба: план
И приказ, что был ханом дан,
Понял сын и решил помочь,
Раз у хана от водки ночь
Наступила в мозгах, и сын
Что с отцом был всегда един,
Стать решился мечом, чтоб всласть
На затравленного напасть:
Сын ведь сила и меч отца –
Остановит что молодца,
Если гордости сотни игл
Жгут огнём, словно сердце – тигль?
Но парнишка не знал, что тигр
Не боится огненных игр,
Что орёл будет век летать,
Коль волков догоняет рать.

Голосов перекрыв разгул,
Закрычал в сердцах Карагул:
«Эй, скорей! Перекрыл я дверь!
Бейте! Выйти не сможет зверь!»
Дверь закрыл он, подпёр собой.
Все казахи вступили в бой:
Разом бросили все ножи,
Канжары и кинжалы, – вши
Так же сыпятся вдруг с волос,
Если меч их опору снёс.
Только в панцире был Алма.
Озадачил он всех весьма,
Когда оземь вдруг все ножи
Вновь посыпались, точно вши,
Ни вреда, ни порезов нет:
Невредим стоял Алмамбет.
Повернулся, пошёл к дверям;
Так же тигр из ловчих ям
Выбирается без потерь;
Каблуком он ударил дверь –
Та слетела в момент с петель,
Так же дверь выбивает сель;
Карагул-коротышка вмиг
Отлетел, распластался, сник,
Рёбра хрустнули, и язык
Выпал, кляпом заткнул он крик,
Кровь лилась изо рта, дерьмо
Из несчастного шло само.
Все собрались вокруг, но как
Здесь поможешь? – погиб бедняк;
Кто-то, правда, ещё кричал,
Кто-то голову приподнял.
Разве есть у кого-то дар
Алмамбета снести удар?
Тут поднялся и сам Кёкчё,
Чтобы выяснить – спор о чём,
И зачем, мол, шумит толпа,
И девали куда раба?
Бии так отвечали: «Раб
Оказался весьма не слаб,
Дна достиг он, взбесившись вдруг,
От его разъярённых рук
Твой наследник погиб – *аба!*
А *кытаю* дала судьба
Шанс сбежать в суете, и он
В путь рванул как степной дракон».
Тугодум был Кёкчё, как слон,
Да похмелье клонило в сон,
Он сказал, словно о чужом:
«Труп пока отнесите в дом.

[687] Көнөк – кожаное ведёрко с носиком.

Вечерком, как спадёт жара,
Рыть могилу придёт пора».
В горе люд на расспросы скуп:
Принакрыв Карагула труп
Белой бязью, стоят молчком.
Да о чём говорить, о ком?

Кылжейрена взнуздав, Алма,
Удручённый и злой весьма,
Выбрал к западу путь – сума
Лучше всё-таки, чем тюрьма.
Силуэт его, как гора,
Замаячил вдали: жара
Как мерцающая кора
Вкруг темнеющего ядра
Увеличила силуэт.
А казахи, взглянув вослед,
Позлорадствовали: чужак,
Что старался прижиться так
И работал, как раб, на всех
Убегает, лишь вызвав смех:
У него ведь нет ни шиша:
Нет ни дома, ни шалаша,
Ни пещеры, чтоб от дождя,
И себя, и коня щадя,
Отсидеться, поесть, поспать;
В одиночестве куковать
В чёрный день, мол, ему пришлось, –
Что ж, чужой он, незваный гость.

Алмамбет был ещё угрюм
Оттого, что в разгаре дум
О потерянной дружбе, вдруг
Посторонний вмешался звук
В эти думы: то мчалась встречь
Разнесчастная Акеркеч.
От невыплаканных слёз
Видел плохо он, на вопрос –
«Ну, куда ты, *аяш*[688]», – не смог
Слова молвить, – мол, за порог
Пьяный муж твой меня изгнал;
Нет, – смолчал, хоть её узнал;
Акеркеч же сказала так:
«Подожди!» Её пыл иссяк,

Платье так же, как белый флаг,
Развевал ветерок-сквозняк,
Торопясь, она будто лань
Шла навстречу ему и длань
Подняла, чтобы задержать...
Ей не всё довелось узнать,
Но на сердце была тоска;
Запыхалась она слегка
И сказала с трудом Алме:
«Ты уносишь печаль в уме,
И обиду... Лишь тигр иль лев,
Жертвы даже куска не съев,
Так уходят – голодный рык
Взгляд туманит тебе... Привык
Уходить навсегда один...
Обижается часто сын
На отца, чтоб потом простить...
Знаешь, с гордостью трудно жить.
Разве к нам ты пришёл затем,
Что уйти навсегда ни с чем?
Муж с женой даже глотки рвут,
Чтобы вдруг через пять минут
Помириться и все слова,
Что сказались, забыть, едва
Лишь помирятся; с братом брат
Подерутся, а утром рад
Каждый видеть другого вновь.
А погибнет другой, то кровь
Горевать заставляет их,
Пусть враждующих, но родных.
Злость проходит, родство же – нет.
С нами прожил ты столько лет,
У Кёкчё ты любой секрет
Узнавал, и не как сосед,
А скорей как любимый брат.
Не решишься вернуть назад
Отношенья, слова, дела?
На Кёкчё не держи ты зла –
Протрезвеет, и будет вновь
Между вами совет-любовь;
Ты же знаешь его: он добр.
Это кто-то из *биев*-кобр
Наридумывал клеветы.
Может, всё же вернёшься ты?

[688] Аяш – друг мужа или жена друга.

Вспомни, раньше, бывало, он,
Когда слышал со всех сторон
Обвиненья в твой адрес – муж
Защищал тебя, и к тому ж
Одобрял всё, что делал ты,
И поддерживал все мечты;
Ведь такое, как у Кёкчё,
Где ты сможешь найти плечо?
Разве я неправа, скажи?
Ты уйдёшь и кусок души
Оторвёшь у него, меня.
Не геройство – взнуздать коня
И умчаться от всех навек.
Ты же близкий нам человек,
Протрезвеет Кёкчё, и с ним
Всё уладите, выбив клин,
Что меж вами злодейски вбит.
А уедешь вот так, джигит, –
Узы душ на разрыв пустив,
Не прощаясь и не простив,
В сердце горечь обиды скрыв, –
Будет вечно болеть нарыв».

Посмотрел Алмамбет, грустя,
На неё, словно на дитя,
Понимая, она права,
Опоздали лишь все слова,
И ответил: «Прости, *джене*,
Возвращаться нельзя уж мне,
Возвращение – это смерть,
А немного пожить успеть
Я хотел бы... Пусть Искендер
Сам даст золота мне сверх мер,
Пусть предложит испить *замзам*[689]
В мире том, приласкавшись сам,
Пусть *Азрети Али*[690] свой меч
Мне подарит и даст прилечь
На святой *Сулаймана*[691] трон,
Величайшую из корон
Пусть наденет мне мир иной –
Не приму я, – аллах со мной!
Пусть аллах и откроет путь,
Чтоб его лишь вместил я в грудь:
Стороной Китай обойду
И к арабам теперь пойду,
Через шесть неизвестных стран
Поведу надежд караван,
Может быть, мне народ Урум
Мимолётно подправит ум,
А угодно коль небесам,
Хадж свершить я сумею сам
В речке Шор я омоюсь весь,
Чтоб грехов своих тяжкий вес
В Мекку мне не тащить с собой;
До Медины дойду, изгой,
Сын *капыра*, поплачу там,
Хоть однажды чтоб по плодам –
Не по замыслам, по делам,
Бог единый мне дал *салам*[692], –
Вот мечта моя; ты, *аяш*,
В том поможешь, коль путь мне
дашь!»

Акеркеч говорит в ответ:
«Шариат, что дал Мухаммед,
О котором вещал с душой
В своей белой *чалме* большой, –
Там, *акыны* твердят, что дел
Столь, что жизни любой предел
Наступает скорей плодов...
Мусульманином стать готов
Ты, – великая то мечта,
Но и многая маята;
Ты Алма, мой *аяш*, пойми:
Мало жил ты ещё с людьми,
Вот теперь покидаешь нас...
Если хочешь, верши свой *парз*[693],
Надевай на себя *чалму*,
Только помни: *шайтан* уму
То и дело подносит злость...

689 Замзам – священный колодец в Мекке.
690 Али – зять пророка Мухаммеда.
691 Сулайман – пророк Соломон.
692 Салам – приветствие.
693 Парз – долг, который должен сделать каждый мусульманин.

В мире святости тоже гость
Будешь, вечный ища *соон*[694].
Добрых дел не отыщет лоб,
Коль былых обещаний сонм –
Неисполненных, – портят сон.
Ты иди, *кабылан*, мой лев.
Из Китая принёс ты гнев,
А обиду несёшь от нас:
Пьяный друг, что когда-то спас
От тебя же – тебя, увы,
Пал от козней чужой молвы.
Уходя от него, ты прав.
Укротишь ли природный нрав?
Знай лишь: тысяча мёртвых львов
Сложат силы свои – улов
Будет меньше, чем у кота,
Если будет улов когда;
Даже тысяч *шейитов*[695] дух
Послабей, чем живой пастух,
Даже тысяча райских дней
Краткой жизни одной бледней!
Что ж, джигита корить не след,
Коль без сил он и места нет,
Чтоб пристроить камчу, и он
Сдался злости своей в полон, –
Недостатки, мол, есть у всех;
У меня вызывает смех
Хоть смеяться над слабым – грех,
Когда кто-то твердит: «Успех –
Путь мужчины», иль «Слово дал –
Значит, пулю пустил,» – бахвал
Вместо чести растит бельмо.
Нет надежды. Вся жизнь – дерьмо».
Даже конь Кылжейрен, и тот,
Покраснел от таких острот,
И Алма опустил главу,
Оземь взгляд уронив, в траву,
Но смолчал он, и Акеркеч
Поспешила закончить речь,
Ей позволив как масло течь,
Чтоб тревогу в совет облечь:

«Мекка Меккой, батыр, но есть
На земле этой много мест,
Где былое тебя не съест,
Где свою приумножишь честь;
И одно назову тебе.
Поворотным ключом в судьбе
Станет встреча с героем – он
В Жакыпхана семье рождён:
Неустанный в боях, в делах,
Он, на многих нагнавший страх,
Вящей славой отмстив за прах,
Что посеял их враг в полях;
Он похож на тебя душой,
Этот сильный батыр большой.
В девять лет он впервые бой
Принял, став навсегда собой;
В десять он закрепил успех;
Стал в одиннадцать он для всех
Образцом подражанья; враг
Ненавидит его, да как! –
Шлёт проклятья со всех сторон;
В день рожденья свой – в *мючёгён*[696]–
Как огонь, поднабравший сил,
Шестьдесят он родов сплотил,
Стал кыргызским родáм главой;
С места сдвинуть валун такой
Не под силу *орде* любой,
Да и вряд ли сосед какой
Не боится начать с ним бой:
Убивает без слов герой.
В тридцать лет – он таков сейчас, –
Стал он ханом; народ сто раз
Уж сказал: справедливый хан,
Словно небом самим он дан.
Он помог и Кёкчё – давно,
И Кёкчё с тех пор заодно
С ним душою и телом, так:
Злопыхатель его – наш враг.
Хан такого, как ты, поймёт:
И тебя ведь простой народ,
Знаешь сам, уважает, чтит,
О народе душа болит

[694] Сооп – доброе, душеспасительное дело, благодеяние; награда за богоугодное дело.
[695] Шейит – павший за мусульманскую веру.
[696] Мүчө, мүчөл, мүчөгөн – двенадцатилетний животный цикл (первый цикл кончается тринадцатилетним возрастом, а затем каждые двенадцать лет составляют цикл).

У него, как и у тебя.
Может, хан тот – твоя судьба?
Бии, принцы, *бекзаады*[697],– все
Рядом с ним наравне, *мырзе*
Рядом сесть он предложит вдруг
С простолю́дином, коли друг.
Да, о нём говорят: жесток,
Мол, убить очень многих смог.
Интересно живёт молва:
Возле смерти пасёт слова,
О спасённых стараньем льва –
Вспомнит только едва-едва.
Лев не хвастает – сколько сил
Он в спасенье людей вложил,
Скольких он ободрил, простил,
Скольким в бедах стелил настил...
О, добро неприметней зла!
Было б время, то я смогла
Рассказать о делах Кёкчё –
Скольким он подставлял плечо,
Как и друг его, этот хан...
Шесть десятков лжецов *дастан*
Спели свой, чтоб рассорить вас,
Преуспев за какой-то час».

Акеркеч ещё много слов
Рассказать бы могла, готов
Был заплакать Алма, но он
Подавил в себе горький стон
И сказал, чтобы скрыть свой плач:
«Я-то слышал: Манас – палач
Кровожадный, жестокий, злой;
Что разгромом *дехкан* любой
Он венчает прошедший бой,
Кровь, мол, пьёт, размешав с водой;
Я к Манасу хотел пойти,
Но услышал на полпути,
Что он лжив и что ссоры сам
Выбирает как злой *сапсан*;
Говорили, что он игрив
Как большая вода в прилив,
Как голодный весенний тигр,
До кровавых охочий игр;
Убивает, сказали, всех
Он, коль видит – его успех
Может кто-то затмить собой.
Я ведь тоже, как есть, герой,
Потому не пошёл к нему,
Хоть нескладно жить одному.
От наставника, от Кёкчё,
Что любил меня горячо,
Им обиженный, я пойду
К его другу – нести беду,
Виноват хоть в ней без вины.
Знал Кёкчё он в былые дни.
Как к нему я пойду, скажи?
Твои речи все от души,
Я ведь знаю, *аяш*, тебя.
От советов твоих судьба
Вся моя вдруг решится вмиг», –
Так сказав, Алмамбет поник.

Акеркеч было очень жаль:
То смятение, боль, печаль
Что горели в нём всё сильней,
Она чувствовала, и ей
Так хотелось помочь Алме.
Что вертелось в её уме –
То и выплеснула она:
«Сеть на ястреба я сполна
Натянула на небесах,
Белый шёлк мой былым пропах;
Не послушаешься, *аяш*,
Нашей дружбе мы справим *аш*.
Силу золота знает тот,
Кто его на огне куёт;
Знает силу огня, кто в нём
Сам горел, но ушёл живьём;
Если держишь ты меч не так –
Прозорливый поймёт: слабак!
Где б ты ни был, пожни успех.
О тебе не расспросишь всех;
Буду спрашивать я у тех,
Кто живёт не среди утех:
Караванщики, люд труда –
Мой источник вестей всегда;
Пусть минует тебя беда!
Расстаёмся мы навсегда».

[697] Бекзаада, бекзат – рождённый от бека, высокородный, благородного происхождения.

Слёзы хлынули всё же вдруг
У Алмы – задушевный друг
С ним прощался от всей души,
Не сказав ни словечка лжи.
Он ответил: «Чтоб ястреб вдаль
Смог лететь, не нужна печаль;
Крылья ястреба в серебре,
Хоть не холодно на дворе, –
Это иней чужих высот,
Это холодом сердце жжёт
Расставанье со всем, что есть.
Никакая, возможно, весть
Не придёт обо мне вовек:
Незаметный я человек.
Ястреб будет лететь, пока
Не увидит березняка;
На берёзу присяду – коль
Не согнёт ту берёзу боль,
Что несу, как тяжёлый груз, –
Там останусь, не поднимусь.
Буду кречетом коль лететь,
То на тополе посидеть,
Покружившись, спущусь, на миг,
Гляну – тополь коль не поник,
То останусь я там... Велик
И по духу, мол, мой двойник
По рассказам твоим Манас;
Твой правдивый грудной *абаз*[698],
Как судьбы моей тихий глас,
Убедил меня – в этот раз
Я к нему и отправлюсь, пусть
Путеводной звездою грусть
Будет мне... Одного боюсь:
Мой ровесник не примет груз
Всех невзгод моих, и, скорбя,
Я бродягой умру, себя
Не найдя уж тогда ни в чём,
В искупленье перед Кёкчё».
Он охрип, покраснел, глаза
Плохо видели – все в слезах,
Слишком многое он сказал,
Пока понял, что так нельзя.
Акеркеч же слезам сполна
Волю молча дала – она
Знала, как высока цена
У него, и была честна
С ним, с собой, что не их вина –
Расставания быстрина.

Тихо молвил Алма: «Прощай!».
Отправляясь в далёкий край,
Мысль одну он держал в уме:
«Обижаться не нужно мне;
И, прощаясь, в прощенье толк
Нахожу; лишь голодный волк
Злым из сёл убегает пусть...»
Кылжейрена погнал он в путь.
Двух прохожих сельчан Алма
Разозлил, хоть не их ума
Был и он, и его отъезд;
Заполошно сорвались с мест,
Побежали к Кёкчё, крича:
«Упустили мы палача!
Раб-*кытай* очень близко – меч
Он несёт и готовит сечь
Нам, сельчанам простым, скорей
Поднимайся, зови людей!
О, Кёкчё, пропадём зазря!
Не успеет взойти заря,
Порешит нас он всех, скорей!
Ведь *калмако-кытай*, злодей,
Задержался зачем-то здесь,
Он затеял, наверно, месть;
О, Кёкчё, догони Алму
И в село не давай ему
Повернуть и башку коня,
Пусть уходит, себя виня!
Он чужой, он иной, чем мы,
Жили прежде же без Алмы.
Ну, Кёкчё, наш батыр, вставай,
Синий панцырь свой надевай,
Свой народ защищай, свой край,
Пока всех не убил *кытай*!»
Но Кёкчё, успокоить чтоб,
Говорит: «Повяжите лоб
Мокрой тряпкой – испуг пройдёт;
До чего шебутной народ!
К *кабылану* навстречу вдруг

[698] Абаз – голос.

Кто пойдёт – наш клыкастый друг
Непременно сожрёт его,
Не оставит ни одного;
Надо тихо идти домой.
А боишься – то здесь и стой:
Вы похожи на *албарсты*[699] –
Все приметы её, черты:
Зенки выпучены, власа –
Словно пакля, а голоса!
В общем, здесь вас достать нельзя,
И не лезьте к нему в глаза.
Берегите сердца – испуг
Останавливает их вдруг,
В дом войдите, там есть постель –
Вот спокойствия колыбель;
Лягте, вытянувшись, – отсель
Вас не вынет не враг, не сель;
Только лягте, прошу я, так –
Чтоб макушкою на очаг
Вы смотрели, и чтобы храп
Слышал в ужасе беглый раб.
Коль сражаться ты не начнёшь –
То и он не достанет нож».

Люд не понял, на лицах чуть
Отраженье сменилось чувств,
Неуклюже ложились спать,
Храпом ветер смогли поднять –
Пепел кончился в очаге,
Весь осел он на *кереге*[700].
Засыпая, шептались – мол,
Задирались мы зря, ушёл
Без оглядки бы так *калмак*,
Правда, в спину он бить привык,
Вдруг ударит... А как душа –
Изо рта полетит, дрожа?
И шептались ещё о том,
Что какой-никакой, но дом
Нужен каждому, что теперь
Будет выгнанный раб, как зверь,
До скончания дней бежать,
Без надежды, без исполать.
В лживом мире коль есть душа,
Не обманная, не ханжа,
Что стремится к тебе, спеша, –
Значит, царь ты, хоть шалаша
Мир не дал тебе, – мол, Алме
Надо было держать в уме
Эту истину, но, увы,
Не приставишь своей главы.
В то же время и Алмамбет,
Погружённый в разборку бед,
Иноходью летел вперёд,
Скакуна подгоняя ход;
Думал, бедный: «Кёкчё с утра
Протрезвеет, поймёт – пора
Догонять меня, но, увы,
Даже след мой в ковре травы
Не отыщет; всплакнёт, как я:
Всё же были мы с ним друзья;
Будет жить, свою боль тая,
Это участь его, моя...»
Он проехал уж *шашкелик*[701].
Когда солнца горячий лик
Слишком мучил его, коня,
То, спасаясь от жара дня,
Он в ореховые леса
Углублялся, там выпасал
Он коня, и подолгу сам,
Лёжа, вглядывался в небеса,
Дум гоняя всё ту же муть,
Заполняя печалью грудь,
Хмурясь, словно весенний день,
Снежной тучи поймавший тень.
Здесь оставим его. Весна
В летнем полдне и нам видна.
Но Манасом душа полна.
И начнём от его мы сна.

---

699 Албарсты – демоническое существо, чаще в образе женщины.

700 Кереге – стены юрты.

701 Шашкелик – расстояние, которое можно проехать с восхода солнца до позднего утра (шашке).

СОН МАНАСА
ПРИХОД АЛМАМБЕТА

Э… э… э… эй!
В ночь на пятницу, в день-зенит,
Вполовину когда избыт
Полный месяц, пятнадцать дней
Отсчитавший свой рост с корней,
В эту ночь может вещий сон
Снизойти, словно скол времён.
Сивогривый герой Манас
В ночь такого числа как раз
Сон увидел: на Аккуле
Он в доспехах сидел в седле,
Плавно двигаясь в смутной мгле
По знакомой своей земле.
Меч нашёл на дороге он;
Острый, нет ли? – со всех сторон
Оглядев, испытать решил:
Изо всех богатырских сил
По скале, что как ночь черна,
Как поверженный бык мрачна,
Он ударил: на две скалы
Развалилась, как от пилы.
Меч по-прежнему был остёр,
И светился он как костёр,
Освещая двух скал-сестёр
Ровно взрезанный им зазор,
Даже в землю слегка войдя...
Меч достойный главы, вождя –
Сивогривый, подумав так,
Поднял меч, словно он – *байрак*[702]:
Чуть наотмашь его держа,
Как хотела его душа,
Слева лишь прихватив петлёй.
Поскакали. Но, над землёй
Нависая, стал меч расти,
Вес набрал он на полпути
Так, что землю он стал скребсти,
Рарезать её на ломти,
А верёвочная петля
Удлинилась, и опосля –

[702] Байрак – 1. флаг; 2. пика с бунчуком.

Вмиг, Манас не заметил, как, –
Небо в сон ниспослало знак:
В тигра вдруг превратился меч!
Тигр огромен был, крутоплеч,
Шерсть – в сплошной седине оплечь,
В шрамах многих минувших сеч;
Рядом с мчащимся Аккулой
Тигр помчался и сам стрелой,
Так привычно, как будто он
К Сивогривому прикреплён,
Словно вечно бежал вдогон
Грозный спутник лихих времён.
На равнину они пришли.
Холм высокий стоял в пыли,
Словно поднятый перст земли,
Знак, что главное – в той дали.
Сивогривый взошёл на холм:
Надо всё ведь изведать, мол.
Тигр – крадучись, вслед за ним
Потянулся: большим, борзым,
Дичь учуявшим близко, псом,
Сам себя отхлестав хостом,
И у тигра глаза притом
Мрачным красным зажглись огнём;
Полз – и вдруг он внезапно встал
Величавее вечных скал,
Говорил лишь клыков оскал:
Мол, нашёл он, что здесь искал.
Камни падали, всё тряслось,
Словно вторгшийся в землю гость
Неугоден был ей – плыла,
Надвигаясь, сплошная мгла.
Только эхо неслось в камнях,
Сея громом повсюду страх.
Тигр, что молча стоял в камнях,
Взвился ястребом в небо – ах! –
На белейших, как снег, крылах,
Звонким голосом в небесах
Провожающим крыльев взмах;
И на голос его тотчас
Столько птиц налетело враз,
И кричали на все лады,
И, как будто боясь беды,
Вместе кланялись как один;
Шум раскалывал глыбы льдин,
Даже сходом грозил лавин;
Только ястреб, слепяще-бел,
Сам на руку батыру сел,
С ним и двигался дальше тот
И ...проснулся, прервав поход.
А проснувшись, созвать народ
Он решил, чтобы в свой черёд
Сон бы вещий поведать всем:
Чтобы сон не принёс проблем
Истолкованный абы кем,
Абы как, ведь не зря тотем –
Белый ястреб – сошёл с небес
И на руку как свой залез.
Долго думать Манас не стал:
Известил все вокруг места –
И Кашкар, да и Анжиян,
И Ташкен, да и Самаркан;
Богачей посчитал своих:
Пятьдесят было тысяч их,
Кто богаче – пятьсот кобыл
Дали к *тою*, кто мельче был –
Те по триста; а лошадей
Без узды оседлав, скорей
Гнали в ставку, чтоб раньше всех
Всё про сон разузнать – успех
Сон навскидку сулил, но все
Словно первыми по росе
След оставить в том вещем сне
Попытались, чтоб сон вдвойне
Дал отмашку и в их судьбе –
Как расписано в ворожбе.
Да и то – чтоб не зря рассказ
О волшебном том сне угас,
Шесть десятков гонцов Манас
Разослал, но его приказ
Вдаль понёс шестьдесят один –
За отцом увязался сын.
Богатырь им велел, чтоб в срок
Уложились, чтоб день в денёк
Ровно сорок вложили в путь.
«Пусть народ мой, не кто-нибудь,
А кыргызский мой кровный род
Даже с дальних краёв придёт:
Вещий сон – это неба плод,
Небо – наших людей оплот,

Наша общность звездой плывёт,
Осеняя весь небосвод;
Мы ведь корни своей звезды,
Поверяя ей все мечты,
Ждём ответа, и вещий сон –
Путеводной звезды поклон».
Так сказал он, добавив: «Пусть
Дома хлопоты все и грусть
Оставляют, спеша на пир –
Чем прекрасен наш общий мир.
Будет жирных коров – не счесть,
И верблюдов – почтут за честь
Богатеи вложить свой пай
В пир, стократ охвативший край!
Кто кобылу, а кто *казы*
В *дастархан* привнесёт – в разы
Увеличит их дань молва;
Будут фрукты, изюм, халва –
Приготовтесь гостей встречать
Словно каждый – отец и мать;
Словно свадьбу их отмечать
Приготовились с исполать;
Бадакшан, Самаркан в *бугу*[703] –
Как зелёная Кыркуу
Тонут в травах, и едоку
Бог не даст нам нагнать тоску
Тощим мясом: овце, быку
Есть с чего нагулять жирку,
И кобылам, коровам бог
Округлиться за май помог,
Так что вряд ли народ потом
Скажет – скуден Манаса дом:
Мол, жадюга, жалел кобыл –
Сухожилиями кормил!
Пусть любой, что прибудет, гость,
Нагуляет восторг, не злость!»
Шесть десятков один гонец
Разлетелись все, наконец,
Им поведал Манас, куда
Направляет их сон-звезда:
«Надо Север позвать и Юг,
И Шанкай, и края вокруг –
Индистан и Испан нам друг,
Бадакшан и Балык; *сельджук*
Тоже будет пусть зван; *таджик*
С нами радость встречать привык
И приехать сочтёт за честь;
Там кыргызов немало есть,
Как в Ургенче... Пусть знает мир
Что Манас затевает пир,
Пусть потешит молва умы!
С перевалов Ламá, Кыймы́ –
Там, где в юртах, как мы, живёт
Близкий нам по всему народ, –
Пусть спускаются гости вниз
Из Кыйбы, где живёт кыргыз,
Коросон и Букар, Чамбыл –
Я там тоже когда-то был,
И туркмен, и каракалпак –
Верховодит у них свояк, –
И *журжут*, и *калча-калмак*,
И *андам*, и *канчам*-чудак,
Жедигер и *багыш* – роды,
С нашим сходные, их мечты
И обычаи как у нас;
И, – добавил ещё Манас, –
Пусть приходит на пир манчжур:
Айдынкёль, и Бабыл, и Нур,
И Барскоон, и Сарыкан,
И Мунар, и Суус, Даркан.
И получит пусть Айдаркан
Приглашенье на *дастархан*,
А потом уж решает сам –
С кем прибудет он, коли зван!
Он – последний ваш адресат.
Всех путей у вас – шестьдесят,
Известите всех, и назад».

Разбежались гонцы. Летят
Дни, сплошные, как водопад,
Лишь забот прибавляя ряд.
Вот и время гостей пришло.
Хорошо, что с небес тепло
Изливалось на землю: люд,
Лошадей в тесноту закут
И не вёл: коновязей ряд
Шёл вдоль улиц, и каждый рад
Был, кошму прихватив с собой,

[703] Бугу – месяц май (в другом значении – олень, самка оленя).

На *джайлоо* сам с ночевой
Под небесный шатёр уйти...
Отдыхали так все с пути,
Но особенно – молодёжь:
Без ворчаний чужих галдёж
Шёл полночи, с щенячьим схож,
Даже звёзд вызывая дрожь.
Впрочем, к вечеру млад и стар,
Был под звёзды свалиться рад.
Как котёл накрутив чалму, –
Мол, достойно сие уму, –
Сам ходжа снизошёл к тому,
Чтобы той посетить в дому,
О котором молва идёт
И не первый к тому же год.
Хан, и бек, и простой народ
Прибывал, умножая сход,
С булавою как дом силач
Пузо нёс как большой *чанач*[704];
Комузисты, певцы-ырчы,
Шли с комузами и *сынчы*[705]
С хитрым видом за ними шли,
Деловые, как мизгири;
И *чечены*[706] как соловьи
Прочищали уже свои
Глотки, лёгкие и уста.
Богатеи шли, беднота,
Обсуждая, что тьму скота
Здесь забили, и не проста
И затея, и суета.
Весь *джайлоо* заполнил люд.
Дальний друг иль завистник-плут –
Разглядишь ли в толпе, кто есть?
Тысяч семьдесят было здесь
Приглашённых на той гостей
Всех народностей и мастей:
Брат-кыргыз ли, кыпчак, казах
На верблюдах, на скакунах –
Все спешили собраться в срок.
Пахло пылью чужих дорог,
Только дух тот мясной парок,
От котлов поднимаясь, смог
Перекрыть ароматом. Жир
Столь обилен был, что ножи
Не могли его резать; стол
Обновлялся всечасно – мол,
Новый гость раз – ему почёт;
Игры начал водить народ,
Все гудели на сто ладов,
Отдышавшихся скакунов
Вдаль гоняли, деля призы,
Ведь толпился не для красы
Приз в полтысячи лошадей,
И отара овец, а к ней –
Мало тысячи, мол, голов, –
Главный приз приложить готов
Был хозяин: и *кара мал*[707]
По полсотни к ним добавлял.
Тут шныряли и ловкачи –
Вездесущие, как *сынчы*:
Уменьшая призы, дробя –
Пусть, мол, больше людей судьба
Подбодрит и обогатит,
Счастлив каждый, мол, будь джигит.
И в один из тех шумных дней,
Скакуны, что других сильней –
Не догонишь, не утомишь, –
На джайлоо пришли: Багыш
Суркийика пригнал – скакун
Лёгким шагом немало лун
Может мчаться, он как джейран,
Ему дар словно свыше дан
Свое знамя больших побед
Не роняя нести, без бед;
«Честь кыргызов – мой конь!» –
Багыш
Похвалялся, явившись лишь
И не взяв еще ни приза;
Сын Шыгая Чубак в глаза
Стал браниться: «Ах, ты, бахвал!
Ты могилу отца стоптал,
Зазнаваясь, что конь силён,
Честь кыргызов со всех сторон
Под копыта ему постлал!

[704] Чанач – бурдюк.
[705] Сынчы – 1. разведчик, лазутчик; 2. критик.
[706] Чечен – красноречивый оратор.
[707] Кара мал – крупный рогатый скот и верблюды.

А давно ль ты дерьмо едал?
Тюрк, назвался *алашем* вдруг,
Мол, хозяину *тоя* – друг,
Кровопийце, что кормит всех,
На кровище снискав успех!»
Тут Манас психанул, и меч
Вмиг достал, чтоб башку отсечь
За крамольную эту речь,
Но сдержался – начнётся сечь,
Потемнел, покусал губу:
Мол, не будем дразнить судьбу:
«Сам на той ведь позвал – и что ж? –
Гость не каждый, увы, хорош,
Но цена будет хану грош,
Если сердца не сдержит дрожь –
Приглашённого в дом убъёт,
Напугает честной народ».
Но глядел исподлобья всё ж,
Так задела Манаса ложь:
Ложь от близких – как в спину нож,
Пережить её невтерпёж.
Кабылан как смерч потемнел,
Но молчал, свою боль терпел,
Не порушить чтоб всё в сердцах,
Лишь вздохнул: «*Астагфируллах*[708]!»
Помолчав же, ответил так:
«Верещащий шакал Чабак,
В этот раз я простил тебя,
Хоть желанье, мой мозг губя,
Бьётся болью в моём виске;
Ты висел ведь на волоске –
Смерть грозила твоей башке,
Удержался едва в броске
Я – за тот свой весенний сон:
Пощадил тебя, гада, он,
Лишь хорошее всем суля.
Что ж, выделывай кренделя,
Пока носит тебя земля!
Пьёшь без меры кумыс, ты пьян
И своим же словам – не хан,
Лишь скандалишь... А вот в беду
Влипнешь, – вряд ли тогда найду
Состраданье в душе к тебе:
Непутёвой помочь судьбе
Не возьмусь, о таком рабе
Не услышит и бог в мольбе.
Коль не будешь ты злить меня,
Жеребёнком в тени коня
Будешь тихо скакать, тогда
Обойдёт стороной беда;
Задираться же будешь вновь –
К смерти тушку свою готовь!»
Грозно это сказал Манас,
Злой улыбкой блеснув; тотчас
Убежал от него Чубак,
Разогнался от страха так,
Что до дома бежал, видать,
Чтобы спрятала в юбках мать.

Среди суетных этих дней
Вспомнить надо бы здесь о ней –
О блистательной Канықей,
Без неё даже Сказ бледней.
Благородного льва жена,
Каракана дитя, она
Словно белых священных птиц
Выпускала из-под ресниц:
Каждый взгляд, что роняла ниц,
Собирал из простых крупиц
Всю картину добра и зла,
Что судьба в эту явь несла;
Злоба чья-то ей сердце жгла,
Зависть чёрная как игла
В грудь вонзалась, но Канықей
Всё, что в жизни встречалось ей,
Разбирала – добро у добру,
Зло – плевелами на ветру
Так отсеять она могла,
Что и не было словно зла.
«Очагу своему, огню
Верь – не мужу, сто раз на дню
Поменявшему вдруг настрой:
На очаг его дух настрой», –
Иногда в неувязках дней
Говорила так Канықей,
Добавляя: «Бывает жизнь

[708] Астагфируллах – воззвание к Аллаху с просьбой о прощении; аналог русскому: «Господи, прости и помилуй!».

Столь опасна, что лишь держись:
То в оковах живешь, то вновь
Мир сияет и греет кровь».
Когда раненный тяжело
Превозмог Сивогривый зло,
Когда верной жены тепло
Вновь поставили на крыло
Дорогого её орла,
Молча сумку собрав, ушла
Вниз, в селение Канықей –
Муж велел, а ему видней.

Накылай с Карабёрк в селе,
Затаившись огнём в золе,
Столько всяческого вранья
Припасли для неё, браня:
«Когда *аш* Кёкётёя шёл,
Эта выскочка словно шёлк
Всех объяла речами, да,
От Кошоя взяла *бата*,
Аккулу оседлав, она
Как подросток, не как жена,
Гарцевала на нём одна:
Её жадность, видать, без дна –
Только б лишних стяжать похвал,
Лишь её чтоб люд восхвалял!
А провидец Кошой сказал,
Что родилку ей бог не дал,
Одного, мол, родит – и всё,
Остановится колесо!
Одного ей сынка натряс
Сам Кошой, дав *бата́* как раз;
Он её этим, может, спас...
О, достанется ль нам Манас?!» –
Так печалились дуры две,
Потакая плохой молве;
Что у глупого в голове –
Не нуждается в колдовстве,
Претворяется в жизнь само:
Формируется как дерьмо
И случается в нужный миг,
Иногда и с ненужным встык.
Так двух жён нелюбимых ум
Сам родил из затишья шум:
Тазбаймата нашли, узнав,
Что поборник он всяких прав,
В основном-то своих забав,
Но винить в ущемленье глав –
То, что надо, чтоб на виду
Сеять людям простым беду,
Возмущая мирской покой.
Женщин слушает лишь такой.
Дали жёны, Каныш браня,
Чтоб добавить ему огня,
Тазбаймату на склоне дня
Одеяние и коня,
И подстилку, и мяса кус –
Пусть, мол, парень войдёт во вкус
Белым ханшам служить, – ведь он
Костью чёрною был рождён
И на службе влачил все дни.
Наплели ему столь они,
И подарками, похвалой,
Подкупили *чоро* с лихвой,
Чтоб Манасу он свой донос
Не от них от двоих донёс,
А сослался б на Чубака:
Пусть поверит наверняка
Кабылан, что его Каныш
Перед ним добронравна лишь,
И её благодать и тишь
Весь народ раскусил, – глядишь
С Канықей Ордо весь свой сход
Лев к другим-то перенесёт.
Так и вышло. Без Канықей
Сход провёл на земле своей,
В Карабёрковской Ак-Орде
Кабылан, что в любой беде
Не вершил без разбора суд,
Только было ведь недосуг
Разбираться в наветах – *той*
Начинался, и не простой.

Карабёрк – хоть она слыла
Нелюбимою, – так вела
В своей Белой Орде дела,
Что просторна, чиста, светла
Ставка эта всегда была:
Войлок белый, как молоко,
Дом просторный, очаг с дымком;

Шестьдесят человек легко
Помещались, и далеко
Взгляд просматривал всё вокруг:
Не ступил ли чужак на луг.
Аксакалы на *тёр* взошли –
Суть народа и соль земли,
Стерегущие зорко край:
Акбалта, Бердике, Шыгай,
Байжигит, рядом Жамгырчы,
Замыкающий Текечи;
Сорок верных *чоро* Кыргыл
Как положено пригласил
В белой юрте занять места,
Приготовить для яств уста:
Ханский подан был им обед,
Что бывает раз в десять лет,
Праздник вкуса и живота –
Одного не хватало рта:
Грива, печень, *казы-карта*,
Сахар-мёд – как вершин гряда;
И бедро, и как снег – курдюк,
И кумыса большой бурдюк, –
Перед каждым готов в поклон
Многократно пускаться он;
Бурдюков было сорок – лишь
Опадали, слуга как мышь
Промелькнув, их менял, притом
Восстанавливал тот объём,
С чем снова их вносили в дом,
Поднимая с большим трудом.
Были чаши так велики –
Надо в две было брать руки,
Захмелевшие мужики
Рассупонили языки,
Шутки, шум, перебранки, гвалт:
Кто-то вспомнил, что он бахвал,
Кто-то в сотый уж раз жевал
Шутку, в ней потеряв запал.
В это время раскрылась дверь,
Что вела к Накылай; как зверь
Так бесшумно вошёл Манас,
Что иллюзией пьяных глаз
Появленье его сочлось, –
Мол, привиделся лев, небось:
Многий, если не каждый гость
Продолжал веселиться. Злость,
Что в Манасе была, как ось,
Тут же вспыхнула, и пришлось
Вновь себя укрощать ему
И по рангу, и по уму.
Меч нечаянно тронул он:
Очень острый со всех сторон,
Удлиняясь в бою, огонь
Высекал, хоть случайно тронь
Камень, дерево или сталь;
Он железо как будто тал
Мог срубить, и любой амбал
Перед тем мечом трепетал.
С *ачалбарсом* своим в руках
И в тулупе внакидку страх
Вмиг нагнал на гостей Манас:
Протрезвели пьянчужки враз.
Жёлтой тканью повязан лоб,
Кареглазый, он словно столб
Посредине стоял, глядел,
Словно тигр, на мельканье тел.
Игры кончились, болтовня
Растворилась в остатках дня,
И казалось, что свет огня
Лижет стены, как лёд звеня.

Пока длится молчанье, мы
Просветим-ка свои умы
В отношенье тулупа, что
Лев набросил, идя в гнездо:
Он бесшовным был, тот тулуп,
Лишь на взгляд посторонний – груб,
Сам же лёгок, а пыль и грязь
Он не впитывал отродясь –
Был всегда первозданно чист,
Как раскрытый из почки лист.
И была у него цена
Велика – не увидишь дна:
Тысяч, может, в четыре-три
Гурт отдать за него, – *ирик*[709]
Был бы только в гурте том сплошь,
Но такого ведь не найдешь!
Впрочем, эта цена мала,

[709] Ирик – трёхлетний валух.

За нее разве что пола
Продалась бы, и то внаклад:
Покупатель-то был бы рад!
У тулупа среди примет
Был меняющий краски цвет:
То как выдра он блещёт, то
Вдруг становится так желто,
Словно солнце взошло опять.
Вот и всё, что дано нам знать.
И, конечно, что надевать
Начал лев его – исполать
На бездушную вещь легла
В бренном мире добра и зла.
Начал слово своё Айкол,
Хоть ещё был немного зол:
«За советом я к вам пришёл.
Ваших слов не дождался коль,
Буду сам я вести расспрос,
Может, скажет какой-то гость,
Как мой вещий весенний сон
Истолковывать? Снился он,
Как сказал я уже, – весной,
И с тех пор он всегда со мной,
Истолкуйте его! Тогда
Буду знать я: а вдруг беда
Через образы рвётся к нам,
Рубит судьбы напополам;
Или, может, наоборот
Счастье светлое к нам идёт?
Пусть ликует тогда народ
И на радости ест и пьёт!
Всех собрал к себе в эти дни,
Чтобы не было болтовни
Или шуток пустых – за них
Задавлю я двоих-троих...
Я надеюсь, здесь нет глухих,
А тем более и немых!?..»
Тут Жакып не преминул встать,
Чтоб торжественно речь начать,
Обернувшись к Манасу: «Сон
Точно вещий, глаголит он,
Что супруга родит сынка
Очень скоро наверняка, –
Вот он, правильный наш ответ!»
Лик Манаса сменил свой цвет,
Пламя красное вдруг из глаз
Полыхнуло, а сам Манас,
Покачнувшись, стошнил не раз –
Словно выпитый весь кумыс
Отовсюду рванулся вниз,
Кислым озером разлилось
Всё, что влил в себя каждый гость –
Хоть хозяин за них блевал,
Но дыханье у всех прервал
Этот странный припадок льва...
Отдышались тут все едва
И к порогу рванули – *той*
Показался напастью злой.
У порога столпились, – мол,
Приступ, вроде, уже прошёл,
Но что будет потом? В уме
Страх рождался как в полной тьме.
«Байжигит, да и Саламат,
Бердике, Ошур, Тамамат
Слишком пичкали кумысóм,
А закуска цела при том;
Лучше б мясо мы ели – хмель
Всех беду нас завлёк теперь,
Сивогривый свиреп как зверь,
Нас не пустит живьём за дверь!»
Абдылда, Кыпчака сынок,
В руки взять себя всё же смог
И Манасу сказал: «Мой бог!
Пригласили на свой порог
Вы затем, чтоб захлопнуть дверь
И не выпустить нас теперь?
Если так, мы достигли дна.
Чья и в чём здесь, увы, вина,
Чо готовы убить друзей
И священных везде гостей?
Отчего Вы напряжены?
Мы свалились почти с луны:
Сорок верных *чоро* с весны
Не слыхали, увы, про сны,
И не понял никто о том
Для чего нас позвали в дом,
Напоили всех кумысóм.
Расскажите, прошу, про сон!
Как, не зная, что снилось Вам,
Свой совет и отгадку дам?

Сути дела не видя, мы
Будем зря напрягать умы!
Вот послушаем, и тогда,
Может быть, и уйдёт беда», –
Так сказал Абдылда-*чоро*.
Нет, молчание – серебро,
А слова, что в заветный миг
Смог промолвить с умом язык –
Это золото. Все *чоро*
Ободрились, – вот так добро
Побеждает без схватки зло.
Стало снова в дому светло.
Гнев с лица *кабылана* спал,
Потихоньку утих скандал.
Упокоившись, снова встал
Кабылан и рассказ начал:

«На предгорье дорога есть.
Ягод множество зреет здесь.
Сев в доспехах на Аккулу,
Я один, обогнув скалу,
Вдруг отправился в те места,
Чуя сердцем, что неспроста.
Не об этом, конечно, речь.
Плавно двигаясь, вижу – меч
На дороге лежит, блестит,
Очень прочный, гляжу, на вид.
Я его испытать решил.
Черный камень большой там был –
Словно туша лежал быка;
Полоснул я его слегка –
Меч блеснул лишь, раздался звук,
Словно коротко пискнул жук, –
На две равные части вдруг
Развалился тот камень – плуг
Так разрезать не сможет ком,
Сель вот так не развалит дом:
Словно печень разрезал меч
Этот камень со мхом оплечь.
Был изогнут конец меча,
А основа же – как свеча
Вся прямая. Его я взял
И верёвкою привязал.
Еду дальше, но чую: меч
Тяжелее, чем был предтеч,
А верёвка к земле затем
Дотянулась под весом тем,
Вот и кончик меча уже
Режет почву – как по меже
Между «после» и «до» скачу;
Приподнять я его хочу,
Глянь – а то уж не меч, а тигр!
Как *чоро* иль сподвижник игр,
Мчится рядом со мною он,
Не взволнован и не смущён –
Словно век мы друзья уже.
Подивившись тому в душе,
На равнину я вышел. Холм
Встал пред нами как *алпа* дом –
И велик, и округл был...
Обо мне словно тигр забыл:
Нюхал воздух в тревоге так,
Словно рядом таился враг.
Затряслась тут земля; зверьё
Закишело вокруг, жильё
Покидая своё скорей –
Столько было вокруг зверей –
Век не видывал белый свет!
Тигр стоял величаво – бед
Словно он не увидел в том,
Что трясётся наш общий дом;
А зверьё, увидав меня,
И ни тигра, и ни коня
Не пугаясь, столпились близ,
Стали кланяться, больше вниз
Ни один не пошёл из них.
Тут и смерч под землёй затих.
Ну, а тигр мой в какой-то миг
Белым ястребом вдруг возник:
Громкий клёкот, глазницы – ночь!
Облик весь передать невмочь,
Лишь скажу: его ног размах,
Сталь когтей вызывает страх!
Перья золотом крыты, но
Серебро на крылах – давно,
Видно, был он рождён на свет
И от возраста только сед:
Серебрист, как младой кумыс.
Крикнул громко он – этот визг
Всех ударил как меч, кто близ,

Даже камни сорвались вниз.
Рвался ввысь он, в обитель стуж,
Грозный, словно *алп кара куш*[710],
Потому и кричал, визжа,
Что, наверно, его душа,
Там живущая, ввысь звала
В даль, где нет ни добра, ни зла.
Ввысь взлетел он. Вся птичья рать
Устремилась за ним взлетать,
Поклонившись сначала мне;
Онемев, на своём коне
Я сидел, недвижим и глух,
Клокотал во мне только дух:
Я и сам бы взлетел за ним,
Как с огнём сопряжённый дым.
Но в какой-то прекрасный миг
Ястреб, в небе кружась, поник,
Канув вниз, мне на руку сел,
Жаркой тяжестью длань согрел.
Я проснулся. Но то тепло
С отлетевшим сном не ушло,
Долго грело, в теченье дня.
Объясните, зачем меня
Обнадёжил вдруг меч, маня,
Тигр прикинулся, что родня,
Ястреб на руку сел, как свой.
Сон, как видите, не простой.
Долго думал над ним я сам.
Разгадать его вам я дам», –
И закончил на том рассказ,
Озадачив гостей, Манас.

Все задумались. Вещий сон
Столь был образен и мудрён,
Что не каждый решил облечь
Свои мысли об этом в речь.
Но на взгляд Абдылды тот сон
Был прозрачен, и лишь имён
Не назвал, намекнув едва.
«В нём немерено волшебства, –
Так подумал Абды, – стекло
Так же может добро и зло
Отразить, их в себя вобрав;
Вряд ли я в этот раз неправ.
И Манасу известен нрав
Тьмы приснившейся – проще трав
Будет стоптана жизнь людей –
Где-то замысел ткёт злодей;
Кто недавно к нам прибыл в край?
Алмамбет. У Кёкчё – не рай,
И завистников и лжецов
Есть там много, в конце концов;
Он один меж них молодец:
Тигр, ястреб среди овец;
Кто же, если не он, придёт?»
Обратился к Манасу: «Вот:
В путь надел ты свой *Аколпок*,
Выбрал сам одну из дорог,
Плавно двигался, Аккулу
Направляя в ночную мглу:
Управленье ты многим дашь
Так, как принял его *алаш*,
И другим ты ещё воздашь;
Меч, что найден, – хороший страж,
И подарит его судьба
С клятвой верности; за тебя
Будет страж твой всю жизнь стоять,
Умножать твою исполать,
Чтобы знал о тебе весь свет.
Это спутник твой – Алмамбет:
Он и тигр, и острый меч,
И к тебе он спешит навстречь,
И рычать будет тигр, когда
Замахнётся на край беда.
Холм же снится к величью мест,
Что раскинулись все окрест,
Что твоя охраняет честь.
Холм – высокая также весть.
Холм – народ твой, что так могуч,
Что главой достаёт до туч.
Даже звери все на поклон
Пред тобою склонялись – сон
Дал заметить поклоны трав:
Это значит, врагов поправ,
Будешь властвовать в мире ты,
Исполняя родных мечты.

[710] Алп кара куш – название огромной сказочной птицы, которая помогает спасению положительных персонажей.

Люди дальних краёв с тобой
Захотят породниться – стой
Лишь всегда на своём: во сне
Стыл скалою ты на коне,
Так и будь непоколебим.
Жизнь – огонь, ну а сон – лишь дым,
Отражение всех времён,
Взгляд души нашей мудрой – сон.
Белый ястреб, что взмыл в эфир,
Но вернулся к тебе – не *сыр*[711]:
Значит, рядом с тобой *Кызыр*[712]–
Покровитель, несущий мир.
Белый ястреб меж облаков –
Солнца жар и вселенский зов;
Белый ястреб на стан врагов
Свой обрушить удар готов
И на помощь всегда прийти,
Где б ты ни был – в дому, в пути.
То был очень хороший сон!
Много счастья пророчит он,
Древо наших родов опять
Вдруг замыслило расцветать,
Будет крепок Айкола трон,
Даже маленькой ветки он
Отломить никому не даст!
Алмамбет же поддержит нас,
Станешь вдвое сильней, Манас,
И, в веках чтобы род не гас,
Ваша дружба пусть крепнет так,
Чтоб любой вас боялся враг!»

И добавил ещё Абды:
«Весть удачи, а не беды –
Этот сон, он как свет звезды,
Отражённой в тиши воды.
Алмамбет, что придет на днях,
Он широкий в спине, в костях,
Потому-то такой размах
Белый ястреб явил: в когтях
Сможет он удержать твой трон
Пока мелется рожь времён.
Он эпохи своей силач.
Род *солаб* его. Неудач
Мало видел он на веку.
Но Соорандику-старику –
То отец его, – столько лжи
Понавешали! Весь Бейджин,
Где правителем Соорандик,
Был свидетелем, как старик
Выгнал сына; хотел убить,
Чтоб прервалась их связи нить,
Алмамбет ускользнул. Ведь он
Полукровкою был рождён,
Рос отчаянным шалуном
И, взрослея, играл с огнём:
Быстроногий, как тигр иль барс,
Он над властью смеялся: «Фарс!»,
В восемнадцать неполных лет
Пролил подданных кровь атлет –
Жизнь бурлила в нём как буран.
Он считал, что отец – тиран,
Сделать вольным пытался стан,
Но родной его предал клан.
Но успел он героем стать:
Впереди него исполать
Шла: китаец, мол, Алмамбет
Красным углем своих побед
Многим путь начертал во тьму.
И мечу его, и уму
Позавидуешь остроте, –
Впрочем, так говорили те,
Кто сочувствовал удальцу;
Те, кто кляузничал отцу,
Говорили: «О, наш *калмак* –
Алмамбет, – убивать привык!
Чёрным углем он жизнь свою
Пишет набело, как в бою».
Да, действительно, много душ
В ад отправил сей храбрый муж;
Конурбай и Жолой в свой срок
От него надрожались впрок:
Убегали, как будто рок
Гнал правителей в даль дорог.
Он заставить умел песок
Подниматься как плеть и мог
Этот плетью догнать, связать,

[711] Сыр – тайна, секрет, загадка.
[712] Кызыр или Кыдыр-пророк Хизр (якобы нашедший источник живой воды).

Чтоб врагов беззащитных взять.
В свое время он целый луг
С войском вражеским словно плуг
Мог вспахать, кровь с землёй смешав;
Там с бойцами простыми шах
Или хан, или мандарин
Плотью смешан быть мог, един
Как и должно, с народом – но
Как грядущих веков зерно.
Все народности заодно
Словно в дьявольское гумно
Были ввергнуты: и *калмак,*
И *кытай*, и *манжу* с ним встык,
И *тангыт*, и *шибе*, *солон*, –
Всех смешать мог, сражаясь, он,
Алмамбет, ну а сам притом
Невредим возвращался в дом.
За какой-то подобный бой
И прогнали его долой
Из отчизны и из семьи.
Хуже – словно из полыньи,
Из-под смертных льдов Алмамбет
Еле выбрался в белый свет,
До казахов добравшись, стал
Им опорой покрепче скал,
Но Кёкчё Айдархана вдруг,
Видно, дружбы прервал их круг,
А иначе зачем тому,
Кто согрелся в чужом дому,
Коль оценен он по уму,
Снова тигром идти во тьму,
Снова длани чужие греть,
Белым ястребом вдаль лететь?
Из коней лишь из шестисот
Для Кёкчё Алмамбет в доход
Тысяч в шесть нарастил табун
За какую-то сотню лун!
Был опорой ему как брат,
Отчего же их мир и лад
Был нарушен? Я поручусь,
Что из всех человечьих чувств
Нет губительней и скверней
Чёрной зависти у людей!
Краем уха я слышал, что
Алмамбета прогнав за то,
Что он слишком хорош для них,
Да прогнав аж пинком под дых, –
В злости брат наш казах ведь лих! –
Сразу зайцев поймав двоих:
Разлучили друзей, к тому ж
Без жены своей верной муж
Сам Кёкчё по словам молвы
Горьким пьяницей стал, увы!
Алмамбет же к тебе идёт –
Сон, я думаю, нам не врёт!
Пусть несёт нам он эту весть,
Счастье сядет пусть на насест
И окажет нам эту честь
Пусть не где-нибудь – только здесь!
Я, как мог, разъяснил твой сон,
Пусть удачу несёт нам он,
Я сейчас *Азрети Жусуп*[713],
И готов я отдать свой зуб,
Что всё правда, что я сказал,
Всё, что в узел один связал,
Чарыяр[714] пусть хранит тебя,
Пусть твой путь осенит судьба,
Пусть умножится скот в лугах,
Злато – в недрах, зерно – в полях!
Пусть от зависти у врагов
Вместо слёз вытекает кровь,
Пусть ослепнут! А твой же кров
Будет лишь богатеть готов,
Жизнь щедра будет на плоды,
Оомийин[715]!» — заключил Абды.

Поднял руку он, все тогда
Поспешили свершить *бата;*
Получилось само собой –
Хан Жакып управлял гурьбой
Верных спутников, всех гостей,
Окрылённых от тех вестей,

[713] Жусуп – пророк Юсуф.

[714] Чарыяр – чаще говориться «төрт чарыяр» – четыре первых халифа (ближайшие сподвижники пророка Мухаммеда).

[715] Оомийн – аминь! – да сбудется! (возглас по окончании молитвы, молитвенного напутствия и т. п.).

Что поведал им Абдылда.
Лев притих, улеглась гряда
Ярых чувств *кабылана* – он
Тоже был умиротворён,
Испытавший своих друзей,
Подобревший от новостей,
Был он верить Абды готов,
Но добавил немного слов:
«Ну, силён ты в речах, *ажы*[716]!
Чем тебя отдарить, скажи?
Счастье ищет таких, как ты,
Исполняя подчас мечты,
О которых и сам не знал...
Вот тулуп – он тебя искал,
Стань же *бием*, Ажы, носи!
Воротник из хвоста лисы –
Красный он, как твой дар в речах,
Кто другой бы давно зачах
От таких оборотов слов
И к тулупу он не готов.
Чёрный пояс, вглядись, не прост:
Он из бархата, ярче звёзд
Блещет вышивка в уголках…
У тулупа большой запáх! –
Обернёшься хоть вдвое, пах
Весь закроешь, чтоб род не чах!..» –
И со смехом Манас ему
Протянул свой тулуп; в дому
Все смеялись, веселье шло,
Поздравляли Ажы тепло:
Мол, и должность, и чудо-*тон* –
Путь открылся, прекрасен он!
Ажыке весь сиял, в тулуп
Облачившись, стоял как дуб
В мощном золоте всей листвы
Под хвалебную песнь молвы.
Успокоившись, стал Манас
Равным с каждым, не напоказ,
Словно в детство вернулся тигр,
Вереницу затеяв игр.
Всю неделю веселье шло.
А в четверг же, когда взошло
Солнце, звук *аккелте* возник:
Это тайный такой язык
У *чоро* и Манаса был:
Львиным рыком умел батыр
Всколыхнуть на мгновенье мир,
Разбудить чтоб *чоро*-задир
Всех, причислил кого к селу,
А для дальних он слал *тёлюю*[717],
Через вестников сбор трубя,
Повелением торопя.
Сам Бакай и герой Чубак,
Молодь вся прискакала – так
Все встревожены были, мол,
Лишь вчера ещё праздник шёл
И какие дела вдруг в рань?
Дисциплине ненужной дань?

Но ответил Манас: «Друзья,
Вас собрал не напрасно я,
Вы пять месяцев целых все
Отдыхали во всей красе,
Дал вам отдых хоть пять *тенге*[718]*?*
Дело, в общем-то, не в деньге,
Добывая едва еду,
Засыпаете на ходу,
От безделья уже толсты,
Шаг остался до нищеты:
Ни стремления, ни тщеты
Сделать явью свои мечты,
Лишь на *тёре* лежать всегда
Не позволит вам нищета.
С *тёра* к небу огромный шаг,
Вам не сделать его никак,
Коль, как в эти шесть лет, впросак
Вас заставит попасть *курсак*[719];
Из села ни ногой, молвы
Вы наслушались все, увы,
Сплетень всяческих, головы
Не подняли от мисок вы,
Пили водку, – что вам Айкол? –
Лишь бы кто-то накрыл вам стол,
Разжирели, как тот осёл,

[716] Ажы – хадж; человек, свершивший поход в священную Мекку.
[717] Төлүү – пожелание.
[718] Теңге – деньги. Серебряная монета достоинством в один рубль или в пятьдесят копеек.
[719] Курсак – брюхо, утроба, чрево.

Что и в дверь уже не прошёл,
И такие же скакуны
Стали ваши – не до войны
Им отныне – лишь спать да жрать,
Да на мягких лугах гулять.
Проржавели и ружья все.
Цель – увидеть лишь дно в *кесе*
Или даже в котле... Небось,
Жён навешав на шею гроздь,
Каждый дома живёт как гость –
Что прикажет бабьё – то ось.
Всё, достаточно! Нас весна
Ждёт в предгорьях, где жизнь полна
Приключений, где не до сна,
Где *кийиков*[720] и кабана
Столько – взглядом, и то, не съешь.
Протирать на подушках плешь
Хватит, други, пойдём на Чуй:
Там, в долине, хрустальных струй
Реки есть, говорят, – земля
Серебриста от ковыля
И цветущих весенних трав
В буйном выплеске без потрав.
Мы посмотрим – и слух коль прав,
В русло дел мы вернём ваш нрав.
Новых пастбищ найдём надел, –
Тот хозяин, кто в жизни смел!
Моим братьям для жизни там
Мест, где путь не торил *адам*[721],
Мы немало найдём, – мечтам
Я основу земную дам
На века, что ещё грядут.
Ну, а если для вражьих смут
Там лазейки какие есть,
Их отучим к кыргызам лезть, –
Наша доблесть и наша честь
Не должна износиться здесь.
Так седлайте же, львы, коней,
В путь! – тем действенней, чем
быстрей!»

Лет с одиннадцати любой
Из *чоро* был готовым в бой
На своём скакуне пойти,
Каждый жил как на полпути:
Аргамака на коновязь
Каждый ставил из них, но связь
С верным другом была такой,
Словно в ложе одно покой
Свой делили; и вещмешок
Каждый тотчас собрать бы мог,
Ну а торба с овсом всегда –
Не недели, не дни, – года
Аргамаку была дана;
Чтоб скотина была стройна,
Жир курдючный весь год сполна
Ела с кормом своим она.
А во время родов весной
Лишь отборный и золотой
Кобылице несли ячмень,
К ожеребу поближе в день
Соль давали и молоко,
Чтоб рожала она легко,
Чтоб её Воронко, Гнедко
Сильным, крепким бы как древко
В свет рождался и так же рос.
Тот скакун, что уже всерьёз
В бой готовился, был покрыт
Серебром до своих копыт,
Чтобы не был в бою убит:
Пуля если и прилетит,
Не пробьёт этот тонкий щит,
А стрела и тем паче; слит
С седоком своим конь: джигит
От меча, от копья летит
Как на крыльях на скакуне;
И одежда ведь на войне
Для обоих весьма важна:
Быть удобной всегда должна,
И материя чтоб прочна,
И под панцирем чтоб она
Не сбивалась бы в складки так,
Чтоб не думал о ней бедняк,
А почти что не замечал:
Чтоб наряд не держал, как чал,
Дух бойца на цепи телес,

[720] Кийик-киик – все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи.
[721] Адам – человек.

Чтобы пикой своей не влез
В уязвимое место враг, –
Создавалась защита так,
Чтобы в панцире и с пятак
Не нашёл бы прорех чужак.
Сорок грозных батыров! – всех
Поимённо назвать не грех,
Каждый – в схватках стяжал успех,
Каждый – ме́тина в смене вех:
Сын Ногоя – батыр Мажик,
Сын Камбара – батыр Чалик,
Бёгёуул, Торолчу, Кайгуул –
Хоть в гонцы их, хоть в караул;
Сын Шынгы молодец Кербен,
Лысый умник батыр Дюрбен,
На Саргыле своём Затай,
Из *алжанов* батыр Атай,
Из *уйшунов* – Умёт; Шаабек,
Друг Шукур с ним и Бообек,
Из *аргынов* – Каракожо,
Сын Умёта Жайсан ещё
И народный вождь Калкаман,
Совесть племени – Эламан,
Токоной, толпы атаман –
Полон слов и речей карман,
Очень острых, подстать мечу;
И казах-*ырчи* Борончу:
Голос чистый – почти *зурна*;
Из *каракалпаков* – Турна,
Его друг Кутунай-батыр,
Что горластым явился в мир;
И отряда глава – Алдаш,
И Кыргыл – самый главный *баш*[722];
И гадальщик Кара Тёлёк,
Что не раз предсказать им смог
Где опасность сильней, где враг,
Что им надо бы сделать, как:
В общем, ясно он видел всё
Мироздания колесо;
Алакен из Алымов, *уул*[723];
Друга два: Ырчуул, Бозуул –
И талантливые *ырчи*,
И завзятые ловкачи;
Что готовы рискнуть собой,
Лишь бы первыми выйти в бой;
И прославленный Тазбаймат,
Что не раз выручал ребят,
Говорят – мол, он чёрту брат,
Но совсем не бахвал, не фат;
Сын Кюлдюра *алп* Алыбай,
По советам зубр Алымбай –
В сердце каждого вхож, как в рай;
Всех событий *бий* Ажыбай:
Даже если пойти во тьме
Всем придётся, в той кутерьме
Сможет вывести всех он в свет,
И другого такого нет;
А Жайнак и герой Шууту
И во тьме, как и на свету,
Смогут в волчьих следах найти
Путь, которым дано пройти
Невредимыми сквозь туман,
Сквозь наветы, молву, обман,
И за словом не лезть в карман,
И шутя провести весь стан, –
Вот такие уж хитрецы,
И провидцы, и удальцы!
Сыновья Жакыпхана так
Тоже славились – и Сыргак,
И Серек: были так храбры,
Повзрослевшие до поры,
Что поверят ли, нет, века:
Им ведь не было сорока,
Но могли уж намять бока
Самым мощным бойцам врага.
Есть *аба* – сам старик Бакай,
Силой воли его весь край
Превратился в отчизну львов,
Да и сам он всегда готов
В бой пойти, чтоб сирот и вдов
Не плодила земля отцов.
Есть Чубак – как алмаз душа:
Так тверда она, хороша,
Что молва о нём, чуть дыша,

[722] Баш – 1. голова; 2. верхняя часть чего-л., головка, верхушка, вершина; 3. колос; 4. человек; душа; 5. изголовье; 6. начало; 7. конец, кончик; 8. глава, начальник, предводитель, старший; 9. главный; 10. первый, высший.

[723] Уул – 1. сын; 2. ребёнок, дитя; 3. молодец.

Пришепётывает, спеша;
Есть Айкол – великан Манас,
Вождь, сплотивший народом нас.
Есть и пули, и порох – всё,
Чтоб истории колесо
Мерно двигалось по пути,
Где кыргызам дано расти.
Есть обслуга: гуртовщики,
И погонщики-ямщики –
Все умельцы кыргызских сёл:
Бык, верблюд ли, да пусть осёл –
Всем хозяйский догляд и труд
Нужен вовремя, всех ведут
Чуть не целых пятьсот сельчан.
Весь хозяйственный караван
К месту вёл *Бадамдын башы*[724] –
Зоркий, будто бы сам *бакшы*.
В полдень прибыли, и два дня,
Лишь успев накормить коня,
Каждый временно в *мергенчи*[725]
Превратился, взглянув: ничьи
Скачут *кийиков* табуны,
Стаи, своры... За эти дни
Только *кийиков* под пятьсот
Уложив, сберегли свой скот,
Били барсов, шакалов влёт.
В этой лучшей из всех охот
Только бурых медведей семь
Застрелили – больших совсем,
Их народ называл «Мастан»;
Тигров – восемь; больших *бугу*[726]
Настигали и на бегу
Били; лакомились *жая*[727].
Благодатнейшие края!
По хребтам Ала-Тоо ввысь
Скакуны посильней неслись,
Как по плато; но страховать
Седокам приходилось – падь
Бушевала внизу рекой,
Каждый шаг был похож на бой –
Зазеваешься, и конец;
Но спустились все, наконец,
И в предгорьях наткнулись вдруг
Все на горных баранов: стук
Их копыт был как камнепад;
Шесть десятков почти что – клад
Для походных котлов, – смогли
Взять от щедрых даров земли.
Сотни, впрочем, от них ушли
В серебристые ковыли.
Догоняли их всех гурьбой,
Развлекаясь вовсю стрельбой,
Чистой радости в душах тёк
Очищающий дух поток,
И к нему причаститься смог
Каждый, двигаясь в Кётёлёк.
Управляя, Айкол Манас
Понимал, как важны для масс
Этот праздничный залп хлопот,
Общность взглядов, душевный взлёт.

Миновало пятнадцать дней.
Волновало уже людей:
На Нарын, мол, направим след?
Город был разорён на нет:
От *бурутов* сбежал народ.
У распахнутых вдрызг ворот
Только выли безумно псы.
Не осталось следа красы
От разрушенных стен, дорог.
На Алтай весь народ утёк.
Алмамбет и Кёкчё в свой срок
Преподали большой урок
Всем *калмакам*, что жили здесь.
О жестоком уроке весть
Каждый камень и каждый двор
Здесь хранил с тех недавних пор.
От крови до сих пор земля
Красной глиной была; поля
Все повытоптаны в *такыр*,
Продырявлены, словно сыр;
Отобрали всё злато, скот
У *калмаков* в тот страшный год.
В свой *Кангай* убежал вперёд

[724] Бадам – миндаль. Баш – голова, начало.
[725] Мергенчи – охотник.
[726] Бугу – самец оленя или марала.
[727] Жая – кострец (часть мясной туши, чаще конской – считается лакомым куском).

Алооке, потом – народ.
Гору вкруг обойдя, *такыр*,
Вскоре вышли на Сарыкыр:
Он – предтеча большой реки,
Струи тонки его, легки,
Брод нашли бы в нём мотыльки,
Весь в кустах молодой ирги,
Мчался, пенясь; названье – Чуй
Он получит, когда из струй
Превратится в разливы вод,
Чтоб долинный кормить народ.
Здесь же сотни четыре лишь
Бедных домиков было: с крыш
Полусгнивший свисал камыш,
На амбары не льстилась мышь.
Жил здесь старый *калмак* Кошой –
Сам почти уже не живой,
С ним соседи – *калмаки* тож,
Также еле живые сплошь.
Над мазарами на горé
Словно озимь на богаре
Жил кыргызский богач Кошой,
Обустроился он с душой:
Скот выгуливал на земле,
Май кипел у него в котле,
Был не добрый он и не злой,
В сплетнях звался Кошой-второй.
Хан Кошой был кара-кыргыз –
Третий он; и забрался ввысь
Неслучайно совсем, не вдруг:
Хан Кошой Катагана рук
Не жалел и в достатке жил,
Но однажды он затужил:
«Как живу я? Иль вóды Нур
Путь закрыли, и дни в сумбур
Превратили навек? Иль дур –
Баб своих, что глупее кур,
Стал я слушаться, одичав?
Как животное – чав да чав.
К *кабылану* хочу! Пойду –
Не стреноженный я в ходу!»
Рис навьючил, верблюдов шесть
Снарядил, чтоб припасы несть,
И красиво, как горный пан –
Белый, словно валун, баран,
Расфуфыренный весь зелó
Прибыл важно он на село.
Про охоту услышал там:
Что *чоро*, Сивогривый сам
На охоту ушли с утра,
Поразмыслил: «И мне пора».
Скот, который привёл, в селе,
Он оставил, а сам в седле,
Двух людей только взяв с собой,
Вслед отправился за гурьбой.
Шесть кобылок повёл Кошой –
Жирных, годных на царский *той*,
Взял кумыс и, конечно, он
Очень скоро взошёл на склон,
Где терялась в траве тропа
И охотилась вся гурьба.
Речь Кошоя в конце концов
Прояснила для молодцов
Все вопросы: мол, как давно,
Кто и с целью какой смешно
Так назвал эти все места:
«Три Кошоя», – то три пласта
Лет, времён, проистёкших здесь:
Род калмакский *тыргоот* сперва
Обживал этот край снова́:
Первым прибыл старик Кошой
Со своею семьёй большой,
И четыреста тех домов
Стали первыми из основ
Человеческого бытья
Здесь, у ласковых струй ручья.
У *калмаков* – старик Кошой.
У кыргызов – богач Кошой,
У кара же кыргызов – свой:
Этот самый наш хан Кошой.
Так предгорье Кошоев трёх
Обозначил не пустобрёх,
А внимательная молва,
Совмещая дела-слова.

Сам Манас с высоты хребта
Оглядел от души места
Уч Кошой, вся их красота
В душу врезалась на года:
В сочных травах лежат луга,

На болотах же – как снега
Гуси, утки белеют; лес –
Как узор на краю небес;
На песчаных отрогах гор
Ткут *кийики* другой узор –
Столько их! – как ручьи текут,
Так, сплотившись, они бегут.
На уступах высоких скал
То баран, то большой марал
Останавливались на миг,
То архар, то опять *кийик*.
И откуда сюда пришли
Дети дикой большой земли?
Травы буйные, родники,
Там, в долине, хоть не с руки
С горной местностью их сравнить,
Но ручей серебром, как нить,
Вышивает большой простор,
Где не встретишь ни рек, ни гор,
Лишь ковыль серебрится, мак
Ярко-алый полощет флаг.
Жетитёр – Ашмуры исток.
Ароматами весь истёк
Еле дышащий ветерок,
Сладкий запах несущий впрок:
Мятлик луга и волосец,
Мак, душица, степной чабрец,
И ромашки, белей чем снег,
И горлец, и *бээ эмчек*[728].
Столько трав – что не различишь!
Одному удивлялся лишь,
Восхищясь красой, Манас:
Почему, мол, никто до нас
Не заметил красы земли
Что, бесхозная, вся в дали
Проживает себе в тиши,
Не пленив ни одной души.
На вопрос, что задал Манас,
Хан Кошой свой ответ припас,
Но ссылаясь на старика,
Что живёт здесь почти века:
«Так старик говорит Кошой:
Это место, что мы с семьёй
Называем своим, наш род
Заселил его – *тыргоот*.
Если вдруг когда нападет
Наш герой Дёолес – народ
Будет каждый раздавлен им,
Вот на чём мы века стоим.
Как и слава, названья – дым.
Что привычней сказать двоим,
То и третьему будет в масть.
Кётёлёк – так назвали часть
Этих наших исконных мест».
«Почему? Ведь холмов[729] окрест
Нет, – Манас тут с вопросом влез, –
Уж назвали бы Дёолес!»
И один из *чоро* тотчас
Поддержал его: «Прав Манас!
Раз уж первый здесь житель – род
Под названием *тыргоот*,
Что всю славу свою ведёт
С Дёолеса, так пусть народ
Дёолесом места зовёт!»
Но Бакай, прекращая спор,
Так сказал: «Если с давних пор
Сам *калмак* не сумел назвать
Место жизни по исполать,
Мы не бросимся исправлять:
Время наше пришло сейчас.
Этот край, что охватит глаз,
Мы теперь назовём – Талас[730],
Будет править здесь сам Манас!
За Таласом долину – Чуй
Назовём, где река из струй
Выплетает цветы, траву.
Успокоим красой молву!»

Так названья сменил тот край.
То, что веско сказал Бакай,
Чуть по-своему лишь молва
Исказила его слова:
Мол, на пепле былой судьбы
Жертву приняли от *абы*[731]

[728] Бээ эмчек – 1. название болотного луковичного растения; 2. дикая малина.
[729] Игра слов: көт – зад; төлөк – величиной с верблюда.
[730] Талаа – долина.
[731] Аба – 1. дядя; 2. старший брат; 3. воздух, атмосфера; 4. климат; аба ырайы – погода.

Земли, словно благую весть, –
Он зарезал кобылу здесь,
Аккулу за узду держал,
И архаров в лугах гонял;
Этот холм, что стоит сейчас,
Вырос, чтобы сидел Манас,
Чтобы здесь он построил трон
Чтоб главою был только он!
У людей до скончанья лет
Кроме этих свидетельств нет,
Если только не брать в расчёт,
Что всегда уж который год
И кумыс здесь послаще, где
Аккулу принуждал к узде
Сам Бакай; где коснулся нож
Кобылицы – там гуще рожь,
Там и в воздухе хмель найдёшь
И отвеешь от правды ложь;
Что от праздничной кутерьмы
Очищаются здесь умы,
Что пышнее нет *каттамы*[732]
В мире света и в мире тьмы,
Про оладьи ж и *баурсак*
Кто смолчит – попадёт впросак;
Что в том месте, где сам батыр
Ел, с конины срезая жир,
Лишь покушать присев, – *такыр*,
Что заплатой печалил мир,
С этих пор от травы пушист
И златой прилетает лист,
Чтобы в космах травы вздремнуть,
Отправляясь в далёкий в путь.
И действительно, где Манас
Отдохнуть приседал хоть раз,
Где *аба* старина Кошой,
Как в кыргызском роду старшой,
Ставил флаг Орозду, чтоб он
Развевался как знак времён –
Мол, сверкающий шёлк знамён
Осеняет права племён,
Что навечно здесь будут жить,
Как народ, и земле служить, –
Там с тех пор зеленей трава,
А цветы – отцветут едва,
Как роняют уж семена,
Чтоб вторая пришла весна.
В Трёх Кошоях на высоте
Флаг поставили, чтоб везде
Был он виден – здесь воздух чист,
А мятущийся шёлк лучист.
Здесь продлили на пару дней
Свой привал, а потом людей
Сивогривый своих повёл
Вдаль – посмотрим другие, мол,
Земли, чтоб к возвращенью их
Зуд открытий в душе утих.

В эти самые дни Алма
От Кёкчё уходил. Сума
За плечами тоща была,
Только жажда, и та, спала́,
Так был занят обидой ум,
Словно в чувствах гулял самум.
Шашкелик[733] он осилил лишь,
Но с дороги свернул: глядишь,
Отдохнув, и скакун, и он,
Не попасть бы смогли в полон,
Да и лучше скакать в ночи:
Могут выдать их дня лучи.
Там ореховый рос лесок.
Алмамбет на сырой песок
Лёг, коня отпустив пастись;
Так лежал, всё гоняя мысль:
Кто за что оболгать, мол, смог?
Горе, словно сухой песок,
Так и сыпалось, и нельзя
Защитить от него глаза,
Горло, грудь, даже крови ток...
До чего этот мир жесток!
Слёзы капали, в бороде
Растворяясь, как соль в воде.
А Кёкчё словно проклял бог:
Он наутро и встать не мог,
Прохрипел лишь: «Неси пожрать!»

[732] Каттама – сдобные слоёные лепёшки.
[733] Шашкелик – расстояние, которое можно проехать с восхода солнца до шашке. Шашке – позднее утро.

Всех гостей испарилась рать,
Вместо скатерти – глядь, – халат:
Вперемешку на нём лежат
Масло с мёдом, *курдюк*, *казы*,
Грива – что не вошло в тазы,
И не убрано было – здесь
Громоздилась, как чья-то месть.
«Я не буду такое есть!» –
Закричал он, но эта весть
И в него же ушла назад.
«Тут, наверное, в мёде яд! –
Закричал он, – Мне ждать доколь?!»
Только в рёбрах от крика боль
Появилась. Ответа нет.
«Где, скажите мне, Алмамбет?
Позовите его сюда!»
Вновь молчание – вот беда.
В душу даже закрался страх.
Он опять закричал: «Казах
Так себя не ведёт вовек!
Алмамбет мой – вот человек!
Но и он рассердил меня:
На собранье уже три дня
Не является он... Забыл?
Сколь баранов и сколь кобыл
Мы зарезали... Где он был?
О, мой гнев разгорелся в пыл!
Сырттана[734], не позвал на пир
Алмамбета, и мой батыр
Где-то ходит... В каком чаду
Без него поглощать еду
Вы сумели?! В любом ряду
Я управу на вас найду!
Вы от зависти не позвать
Алмамбета сумели, знать,
Да и тот, кто сумел смолчать,
Для меня равнозначно – тать!»
Некий *бий* Азмунке в тот миг
Не смолчал, развязал язык,
Из шестидесяти лисиц
Был он тем, кто не падал ниц
От начальственной брани; он
Алмамбету со всех сторон
И во всём уступал всегда,
Зависть жгла его – вот беда!
Рядом с ним сидел Козубай –
Бий-богач, лишь молчаньем пай
В склоку внёсший, и нынче он
Был в раздумья весь погружён.
Вот что высказал Азмунке:
«Ложь и правду в одной руке,
Не испачкавшись, удержать
Не сумею... Вчера опять
Вы, погрязнувший в пьянстве весь,
Столько грязи сумели внесть
К нам в собранье! Отброшу лесть
И скажу Вам всё так, как есть:
Видя пьяным Вас, Ваш же раб,
Честь и совесть совсем поправ,
Похвалялся, мол, Акеркеч
Заберу я, а также встречь
С ней возьму я и Кёкалу,
А Кёкчё пусть лежит в углу,
Одеянье с него сниму –
Я достоин их по уму,
А казаха в рабы возьму,
Пусть как ветошь лежит в дому.
А развяжет он коль язык –
Уничтожу пьянчужку вмиг.
А казахи восстанут коль,
То познают и страх, и боль:
По кусочкам разрежу, пусть
Наслаждаются взрывом чувств!
В общем, много чего вещал,
Много всякого обещал,
Пальцем тыкал в лицо Вам, в глаз,
Говорил, – захочу, сейчас
На без всякой главы орду
Я не мешкая нападу!
Не смолчали джигиты, нет,
С луков выстрелили в ответ,
Кровь не дали пролить рабу,
Исковеркав орде судьбу.
Не горюйте, – народ живой.
Бесноватый же раб с собой
Только злость и забрал свою,

[734] Сырттан – 1. сказочная собака, отличающаяся свирепостью и осторожностью; 2. *перен.* (эпитет богатыря) храбрый, неустрашимый, мужественный.

Жаль, что в этом не пал бою.
Мог проклясть бы казахов бог,
Если б кровью главы порог
Испятнал бы *кытай* со зла,
Что затея, мол, не прошла:
Ты на *тёре* был, он кинжал
Взял наотмашь, тебя зажал
И по брюху хотел пройтись
Этим острым кинжалом; мысль
Поменялась в его мозгах:
К горлу поднял оружье... Страх!
На спасение Вас казах
Как один поспешил... В сенях,
Жаль, что твой Карагул стоял,
Принял он на себя кинжал:
Умер он за отца, герой,
Встать за Вас поспешив горой!
Проклят будь *кытай* от души!
Не иначе – в нём дух *бакши*».

Так сказал Азмунке, Кёкчё
Уверяя так горячо,
Что сомненье к Кёкчё пришло:
Не бывает столь явным зло.
Неуверенно он молчал.
И тогда Козубай начал
Вновь рассказывать, как всё шло:
«Поздно ночью, когда село
Всё заснуло, лишь пьянству мы
Предавались, затмив умы,
Твоя ханша пришла, и речь
Трезво начала Акеркеч,
Много умных сказала слов,
Был ты выслушать не готов
Если б даже и сам аллах
Пристыдил бы тебя, казах!
Ты обидел жену; она
Эту боль приняла сполна
И ушла, не стерпев обид,
За которые мог джигит
Вызвать в бой...Алмамбет пришёл,
Видит: пьян ты, и груб, и зол,
Попытался твой гнев унять
И в чём корни его понять;
Да куда там! Он лишь коня
Попросил, чтобы, не дразня,
Край покинуть; но лишь огня
В гнев подбросил: пошла возня!
Ты одно лишь твердил: «Убью,
Кёкалу же не дам рабу!»,
Но чуть позже сказал: «Садись
На любого, но лишь вернись!»
Весь народ это слышал, да.
Чья-то злобная клевета
Вас с Алмою столкнула так,
Что он стал тебе словно враг,
Хоть плохого не сделал он
Ничего ни с каких сторон!
Он собрался уйти в слезах.
Но приказ твой застал в сенцах
Алмамбета, он встретил бой
Сам с огромной такой гурьбой.
Кто мечом, кто кинжалом бил...
Алмамбет осторожным был,
Он про свой Ачалбарс забыл,
Если он и кого убил –
То случайно, прорвавшись в дверь
Из засады, что точно зверь
Он попался на друга зов.
Он герой, и не сыщешь слов
По-другому его назвать:
Заслужил он лишь исполать,
А не кличку раба... Прости,
Хан, держи свою злость в горсти:
Честь случайно не упусти,
Совесть ложью не угости!»

А Кёкчё после жёстких слов,
К коим был совсем не готов,
Как луна между облаков
Побледнел, потускнел... Врагов
Среди близких своих нажил
И презрение заслужил
Он в глазах очевидцев – тех,
Кто стяжать с ним успел успех,
Но уже позабыл о том...
Слёзно плача, велел он в дом
Звать обратно всех тех, кто был,
Кто Алму его скопом бил.
Так Алымсейит, Жууту,

И Тынымсеит с Шууту,
Подошли к нему в *аш кайнам*[735],
Начал речь он, волнуясь, сам:
«Разве хан Алмамбет нам враг?
Кто из вас всё обстряпал так,
Чтоб ему убегать от нас,
Даже снеди не взяв в запас?
Я догадывался давно,
Что змеюки все заодно!
Целых сорок джигитов в бой
Хоть я даже и брал с собой,
Без Алма был бы я разбит:
Всех он стоил – один джигит!
Моё небо, где воздух чист,
Мой капкан из булата – быстр
Был он в схватке, почти дракон.
Лев же – только Алма, лишь он!
Он мой тигр, мой верный страж!
Он мой спутник, рука и *баш*!
Я расслабил свой узел чувств,
И теперь, когда дом мой пуст,
Знаю, что полоса удач
Миновала, и – плачь, не плачь, –
Крылья, хвост отрубил палач,
Сам судьбе своей стал я рвач.
Когда был знаменитым я,
Мной гордилась моя семья,
Мной гордились мои друзья,
Мной гордилась моя родня, –
Крылья выросли у меня,
Вырос хвост, словно сноп огня,
Все приказы вовсю ведь прыть
Исполнялись... Так как же быть?
Чашка сломана, крыльев нет,
И копыта болят вослед,
Числом возраст мой стал велик,
Мне как будто *мурдарчылык*[736]
Все свершают, и день за днём
Понимаю: впустил я в дом
Ненавистников и лжецов,
В спину гадящих подлецов!
Дух сбежал мой, разрушен сад.
Разве счастье вернуть назад?
Ведь в народе как говорят:
«Тот, кто птицу упустит, рад
Только в небо глядеть весь день;
А коня упустивший – в тень,
В закоулки, на землю взгляд
Опускает все дни подряд».
Специально просил меня
Алмамбет моего коня,
Как бы часть одного огня, –
Мол, пройдёт эта вся возня,
Будем вместе опять... Боюсь,
Обрубив нашу связку уз,
Я обидел его... Прошу,
Догоните, Алма! Спрошу,
Что он хочет – коня, тулуп? –
Синий бархатный дам, не груб,
Как касанье любимых губ.
Всё отдам, без него я – труп,
Близко, рядом со мною смерть,
Пусть не даст он мне умереть!
Догоните! И сладких слов
Не жалейте, прошу! Узлов
Мы навяжем вдвоём опять,
Чтобы узы не разорвать!
Вы скажите, мол, ждёт Кёкчё,
Что подставить готов плечо,
Возвращается пусть домой,
Дом совсем без него пустой».

Всполошились все *бии* враз,
Что пошёл не такой раскрас
У событий: не тот расклад,
Как мечтали все шестьдесят
Пару-тройку часов назад.
Растерялись: был враг – стал брат.
Буудайбека позвали в дом,
Известили других потом,
Сели снова гурьбой за стол,
И, подмигивая, опять
Стали водку всем разливать, –
Мол, по малой возьмём на грудь,

[735] Аш кайнам – время, достаточное, чтобы сварилось мясо (около полутора часов).
[736] Мурдарчылык. Мурдар – мертвец, падаль. Мурдарчылы – дела мертвеца, грязные выходки.

А потом уж скорее в путь!
Опасаясь, что не возьмёт
Эта доза Кёкчё, в «поход»
Подмешали к *араку* яд –
Станет крепче, мол, говорят.
Уговаривали: «Чуть-чуть
Примем, чтобы кипенье чувств
Попритихло, расслабим ум,
Успокоим души самум!»
Подливали два раза, и
Стали глазки как у свиньи
У Кёкчё лишь, – словесный яд
В ход пустили: «Вернём назад
Алмамбета, *алашей* всех
Приведём закрепить успех
Этой дружбы, а чтоб сберечь,
Женим срочно на Акеркеч
Мы раба и *кытая*...» Речь,
Как блеснувший внезапно меч,
Поразила Кёкчё, и он
Побледнел, покраснел вдогон,
Хрипло выкрикнул: «Водки дай!»
Быстро был им забыт «*кытай*»,
Буудайбек не скупясь налил,
И Кёкчё как в туман уплыл:
После жажды вернулся сон,
Снова смерти подобный, он
Уложил на топчан Кёкчё,
Как последнее дурачьё,
Словно проклял беднягу бог –
Тяжкий сон он прогнать не смог.
Все на цыпочках разошлись.
Никого не терзала мысль,
Кто виновен, что проклят тот,
Что себя уже не спасёт.

Ну, а что же батыр Алма?
«Отдохну, раз пуста сума.
Конь пасётся. Хоть одного
Бог накормит. Я пас его
Там, во впадине, где архар
Вышел к нам, словно божий дар...
Ох, Кёкчё, Айдаркана сын.
Своей жизни – не господин.
Где поступки его, дела?
Ни добра от него, ни зла.
Как знакомы места! Вон там
Были важенки – по следам
Их выслеживал я, когда
Пас табун... Отчего беда
Вновь подкралась ко мне, увы?
Пользу видел я от травы,
Что съедалась чужим скотом?
От Кёкчё я видал притом
Пользы меньше, чем от травы,
Хоть и верил в него, увы...»
Ел он белый ревень, сорвав,
Много зная о свойствах трав,
Заглушал ими голод, но
Думал горестно лишь одно –
Что отец его друга смог
Опустить его в даль дорог,
Зная всё – как неправ сынок,
Хоть Алма ему так помог
Приумножить богатства так,
Что прославил на весь *аймак*[737].
Он-то думал: Кёкчё не даст
Сбросить дружбу их как балласт,
И не даст он ему уйти:
Остановит на полпути...
Путь, что на три рассчитан дня,
Он прошел за один, гоня
Словно в спешке большой коня,
Этой спешкой себя дразня.
Он от горя устал. И вежд,
За которыми сто надежд
Он, бывало, скрывал, теперь
Не смыкал, как на *аше* – дверь.
«Что здесь делать? Достиг я дна,
И дорога теперь одна:
Только в Мекку, на запад, вдаль,
Утолить там свою печаль
Только Мекки святой водой», –
Так беседовал сам с собой
Алмамбет, в глубине души
Понимая, что миражи
Эти мысли о Мекке, план;
Он пути не знал в Самаркан,

[737] Аймак – страна, край, территория.

Тем не менее прямо шёл
Он к Манасу, как будто шёлк
Кабылана знамён в пути
Алмамбету уже светил.

На казахов обида жгла.
В сердце словно была игла.
Онемели уста, язык
Словно высох во рту, поник.
Не присев, не вздремнув, Алма
Шёл и шёл, сам себе – тюрьма,
И не ел, и не пил – с ума
Боль сводила его сама.
Даже конь голодал – траву
Если ел, то не наяву,
Разве что задремав слегка, –
Заразившись от седока,
Что с усердием вожака,
Уводящего в тыл войска,
Не меняя рубах, одежд,
Убегал от былых надежд.
Печень ныла, в глазах – туман,
Взгляд – как в доме купца стакан,
Привезённый из дальних стран;
Позой – вылитый истукан:
Словно сросся с седлом, застыл,
Сам себе до того постыл,
Словно умер уже давно,
Но казаться живым дано.
Мысль терзала одна Алма:
«Еду в Мекку, сошёл с ума,
Смерть зову, хоть она как тьма
В мир приходит всегда сама.
О, казах мой, что был со мной
Словно преданный брат родной,
Что устроил мне вдруг беду,
От которого вдаль бреду,
Подскажи мне – куда идти.
Одинокому нет пути.
В стае даже вороны здесь
Выживают; воронья честь
Существует, видать, у них.
Только я лишь один. Под дых
Друг ударил меня в тот миг,
Когда к счастью я лишь приник.
Даже струи в один родник
Собираются; бунтовщик –
Я, – покинув родной народ,
Попытался найти оплот
На чужбине, но ядом мёд
Бог отверженным всем даёт:
Бог – для всех, но таким, как я,
Недоступны любовь, семья,
Коль исчену – то навсегда,
Не оставив нигде следа,
Даже если казахов всех
Уничтожу, то этот грех
Не отметит меня в веках,
Род, мол, сам по себе зачах,
Мимо бросит всевышний взгляд
Не заметив и мой закат.
Дай вниманья, о бог, и мне!
В небе, в бездне ли, в вышине,
В недрах горных ли, в глубине,
Иль в пучине морской на дне,
Где Ты есть, лишь заметь меня,
Руку мне протяни, с коня
Дай сойти, чтоб к ногам припасть,
Прояви надо мною власть,
Накажи, издевайся всласть –
Безымянным не дай пропасть!
Дай же сбыться мне, подожди!
Сквозь меня даже льют дожди,
Я – твой раб, без ветвей, корней,
Где душа моя? – разве с ней
Ты не станешь хоть чуть сильней,
Дашь коль каплю вниманья ей?
Даже горе моё, и то,
Протекает сквозь решето
Невнимания всех и вся,
Суть мою навсегда гася.
Помоги мне, всесильный бог!
Дай взойти хоть на твой порог», –
Так печалился Алмамбет
От свалившихся свыше бед.
Как хромающий дряхлый конь,
Как погасший в печи огонь,
Высыхая в степи, он шёл.
Вышел к озеру Аралкёл.
Даже кожа свисала так,

Словно ссохся внутри бедняк.
Был на вид он не человек:
Из глазниц словно сыпал снег,
Коркой лёд на усах стоял,
А живот до спины запал,
А желудок прилип к хребту
И терзал его на ходу.
К Ала-Тоо пришёл Алма.
Там в пещерах клубилась тьма,
К ним направился он, себя
Вопрошая: «Не здесь судьба
Уготовила мне конец?
Кто я? Турок? Кыргыз? Сырец
Безымянного праха иль
Сгусток чьих-то незримых сил?»

Место, где Алмамбет привал
Всё же сделал, там вод овал,
Омывающих краснотал –
Тёмных, словно во тьму портал, –
Колыхались как забытьё:
Коль захочешь воткнуть копьё,
Вряд ли им ты достигнешь дна.
Но вокруг как сама весна
Всевозможных собрала птиц:
Как садится на взмах ресниц
На мгновенья, взлетая, снег,
Так кулики – *илек-илек*,
Мелочь всякая – человек
Не запомнит имён вовек;
Цапля серая, длинный нос,
Что суётся в любой вопрос, –
Всяк крылатая тварь болот,
Что живёт у стоячих вод.
Шумный чибис чуть было влёт
Не ударил Алму; полёт
Свой прервал он и рядом сел,
Словно что-то сказать хотел;
То и дело срываясь ввысь,
Шумный чибис над над завис,
Приставая, вертелся близ,
Глаз, лиловый, как барбарис,
С интересом таким глядел,
Словно главных коснулся дел.
Алмамбет раздражённый сел
Чуть поодаль, но беспредел
Продолжался: подлец гудел,
Верещал и хвостом вертел.
Одинокий, бездомный, злой
Алмамбет закричал: «Не ной!
Что ты, чибис, во мне нашёл?
Не к тебе я, несчастный, шёл.
Что ты просишь, кричишь о чём?
Я ворвался в родной твой дом –
Нежеланный ненужный гость?
Замолчи же, уменьши злость!
Мне на рану, что точит гной,
Соль ты сыпешь, какой ты злой!
В птичьей стае, в свой семье,
Ты не знаешь, что бытие
Может тяжкой обузой стать.
Да, я грязен, как страшный тать,
Не осталось во мне стыда:
Умирать я пришёл сюда.
Не заплачет никто по мне:
Нет собаки, чтоб в тишине
Хоть повыла бы при луне –
За *кошок* бы сошло вполне.
Ни ребёнка, ни близких нет.
И когда я покину свет,
Не оставлю свой след, нигде.
Я – как птица в чужом гнезде.
Так замолкни же, чибис, стой!
К смерти путь преградил собой,
Айдаркана Кёкчё вот так
Спас от смерти меня, чудак,
Обогрел и пустил в свой дом,
Чтобы выгнать меня потом.
Так не надо меня спасать,
Чтоб спасённого оскорблять!
Замолчи же, безмозглый птах,
Глуп, назойлив ты, как казах!»

Обессилев от этих слов,
Алмамбет опустился вновь
На прибрежной травы ковёр,
Ощущая себя как вор:
Все суставы дрожали так,
Рук не чуял и ног бедняк,
Как стеклянный стал взгляд, без сил

Покачнувшись, он угодил
Чуть не мордой в прибрежный ил.
Чибис снова заголосил:
«Когда жил ты в своей земле,
Власти жаждал, как огнь в золе;
А прибывший к Кёкчё один
Сам себе был ты господин,
Но зачем-то пошёл в рабы.
Что ты ищешь? Своей судьбы?
Вот зачем ты пришёл сюда?
Власти, рабства ты ищешь, да?»

Через силу, но встал Алма,
Лишь хватило ещё ума
Прислониться к коню, держась,
Чтобы снова не рухнуть в грязь.
Капли пота на скакуна
Он, роняя, сумел сполна
Лук настроить, достал стрелу,
Прислонился плотней к седлу,
Чтоб вернее её пустить.
Громкой птице не мог простить
Он прозренья, и коль с мечом
На отца он пошёл, – о чём
Сожалеть мог сейчас, когда
Надломила его беда?
«Станет камнем судьба твоя!» –
Так воскликнул он, не тая
Злобной радости: бедный птах
Камнем рухнул, упал в камнях, –
Перебила стрела крыло.
Так прозренье рождает зло.
Поднял птичку Алма, сказав:
«Так подводит порою нрав.
К богу мчится твоя душа.
В смерть попал ты, попасть спеша
То ль в пророки, то ль в сторожа,
А не стоишь ведь ни гроша!» –
Пригляделся к нему – тепло
Он несчастного тельца шло,
Только сломаны крылья, нет
Ни движенья словам в ответ.

С наставлением Алмамбет
Обратился к нему – мол, бед
Избежать бы ты мог, когда
Сам бы не был ты как беда:
«Крылья славные были, но
Ты хвалился... Заведено
В этом мире того лишать,
Чем бахвалишься... Исполать –
Это свет, по какому тать
В мраке времени распознать
Может каждого, чтоб его
За ненужное хвастовство
Наказать и лишить того,
Что дороже ему всего.
Зная силу свою, ведь ты
Обозлил меня, с высоты
Накричал , нашумел, браня,
Хоть не знал ты совсем меня.
Оттого и убит ты, брат.
Ничего не вернут назад!
Умер, землю кусая, ты!
Я в пустыне искал цветы –
Лев обиженный, я бродил
Столько, сколь достало сил;
Обессиленный тигр теперь,
Словно загнанный в клетку зверь,
Я приплёлся, чтоб умереть.
Ты напал, ты разрушил клеть;
Больно мне на тебя смотреть:
Не мою ли забрал ты смерть?
Если бог мне поможет – в грудь
Жизни просто вдохнёт чуть-чуть, –
Я облегчу земной твой путь,
Подлечу твои крылья – пусть
Бог, лишивший меня игры,
Даст *кайнатма кара дары*[738]*!*
Рану смазав, он из коры
Сделал тонкий лубок, с горы
Глины взял, а алтайский шёлк
На повязку поверх пошел,
И кырмою кызыл дары[739],
Он помазал края дыры,

[738] Кайнатма кара дары – целительное снадобье (видимо, опиум).

[739] Кырма кызыл дары – род китайского снадобья, которое употреблялось для прижигания ран.

Что зияла в крыле – верней
Чтоб она заживала с ней.
Нитью шелковой он хотел
Привязать, чтоб не улетел
Чибис в небо, покуда слаб, –
Как законом повязан раб.
Но потом отпустил – вспорхнул
Чибис в небо и улизнул.
Взглядом птицу ловя, Алма
Вновь решил, что сошёл с ума:
Он увидел вдруг силуэт
Великана, что застил свет:
На вершине горы он был,
Словно облаком в небе плыл
На своём голубом коне
Лев-герой, как в далёком сне:
На своём Аккуле Манас
Наблюдал за Алмой сейчас,
Видел с птицей его возню,
Сам же словно навстречу дню
Торопился – и вдруг застыл.
Алмамбет из последних сил
Слепо вглядывался – увы:
В этом мареве синевы
Ни коня, ни Манаса он
Не успел разглядеть вдогон.

Не ошибся Алма: Манас
В самом деле в тот ранний час
Все вокруг обозреть места
Вздумал с сверху, с высот хребта.
Стоя там, наблюдал, как вдруг
Алмамбет натянул свой лук,
Только-только сюда придя –
Мокрый, будто бы из дождя
Он пришёл, и сейчас, чудя,
Птицу малую сбил стрелой,
А потом с нею, как с родной,
Он возился, чтоб оживить,
Словно с жизнью прервал он нить.
У болота на мху сыром
В сером месте, скорей он – дом,
Что ли, выстроить думал здесь
Или небу готовил весть?..
Край Ашмура лежал вокруг.
И сегодня он есть, мой друг,
Есть и впадина – Акарман;
Там и ныне живёт кулан
На пустынных местах, в песке;
Там и лебеди вдалеке
Возле тёмных своих озёр
Ублажают лишь небу взор;
Там архаров и нет почти,
И верблюдов, что по пути
Заблудились и, одичав,
Поменяли домашний нрав
На дремучий как космы трав;
Да и сам человек орав
Не водил сюда, и один
Не совался уж столь годин,
Что не встретишь здесь скакунов,
Кобылиц, жеребят, коров...
Только травы блестят, как лёд,
Только птицы толкутся, влёт
Комаров и мошку ловя
И друг друга на пир зовя.
К этой впадине чуть живой
Тихо шёл Алмамбет-герой,
Был засален тулуп простой,
Что казалось – он золотой;
Шёл один – без дорог, без троп,
Шёл – как чёрный большой сугроб,
Словно падала с неба тьма
И сгустилась в скалу сама.

И подумал Манас тогда:
«С ним большая стряслась беда,
Тем не менее он могуч
И покряжистей горных круч;
На него указует луч,
Рядит в золото... Вот он, ключ
К сну – то знак подаёт Алла:
Меч – беда его не взяла,
Тигр, что рядом со мной трусúл –
Алмамбета запасы сил;
Духа мощь, его ловкость, ум –
Белый ястреб, что как самум
Может в небо взвиваться вмиг;
С ним я буду всегда велик.
От двоих нас спасётся ль враг?

До чего же отличный знак! –
На охоту я вышел, чтоб
Вещий сон мой сбывался в лоб!
Богатырь и силач когда
Одарён и умом – звезда
Держит свечку над ним в пути,
Чтоб прямее ему пройти.
С умным жить – как с драконом спать:
То ли смерть, то ли исполать
Ждёт тебя рядом с ним: джигит
С хищным зверём в нём крепко слит,
Словно разные люди в нём.
Гость, надолго пришедший в дом,
Верховодить горазд порой:
Как хозяин и он – живой.
Что же, пусть. Заблудился коль
Богатырь этот, если боль
Выход в нём не нашла себе,
Подождём. Этот знак в судьбе
Повлияет на нас, когда
Длань протянет он мне: звезда
Коль в открытых глазах горит, –
Значит, бог со мной говорит.
Называют меня «Айкол» –
Что велик я душою, мол,
Только с низкими наравне
Быть уж очень неловко мне;
Я пророков не жду, волхвов,
Только с равными лишь готов
Разделить я и хлеб, и кров,
И пролить за подобных кровь.
Издалека Алма так прост:
Плечи буйвола, средний рост,
Но глаза... Даже видно мне,
Что глазницы его – в огне!
Испугается взгляда враг.
Мне же огнь милей, чем мрак.
Двадцать восемь примерно лет
Молодцу, как и мне. От бед
Он избавится пусть, тогда
Станет другом мне навсегда».
Так Манас обозначил *сыз*[740],
По-охотничьи глянул вниз:
Алмамбет был велик, а конь,
Ярко-красный скакун-огонь,
И которого помнил он,
Был как с огненной шерстью слон:
Ягодицы в разводах вен
Были плотные – Кылжейрен
Весь был сбит, как округлый холм,
Или средних размеров дом.
Да, в бою он опора, щит,
С ним стяжает успех джигит,
Он с хозяином, видно, слит,
Разве только не говорит.
И хозяин-герой ему
И по силе, и по уму
Подошел, они – как одно,
Да и вместе они давно.
Всё сумел разглядеть Манас,
И подумал он: «Вот сейчас,
Если б вдруг завязался бой,
Стал бы он закрывать собой
Изможденного ходока
Или пыл свой сдержал пока?
Ведь заметно, что он храбрец
И отчаянный молодец,
Просто голоден и устал,
Одиноко бродя меж скал.
Отдохнёт – и сумеет вновь
За себя и за друга кровь
Проливать, не трясясь за жизнь.
Вот ответ... Алмамбет, держись,
Я с тобою вдвоём врагов
С одеяньем глотать готов!»

Так подумал мудрец-кыргыз
И неспешно спускаться вниз
На своём Аккуле он стал,
Пробираясь тропой меж скал.
Мягко, плавно, к своим скакал,
А, вернувшись, он так сказал:
«Слово слушайте все моё!
Как целебное мумиё
Я сейчас вам скажу слова:
Чтобы радостью голова
Наполнялась у всех *аба*,

[740] Сыз – чертить, проводить черту.

У советников, – та судьба,
Что пророчил мой вещий сон,
Вплетена уже в ход времён.
Хоть в сраженьях я закалён,
Тоже рад: для моих знамён,
Что развёрнуты на века,
Скоро будет ещё рука,
Что надёжна она, крепка,
И не раз победит врага.
Да, – кукушка была умна:
Нагадала не зря она
Тигра, ястреба... Видел я
Алмамбета, и не тая
Вам скажу: это грозный лев!
Когда, горе преодолев.
К нам придёт Алмамбет, прошу:
Встретьте вежливо, как ходжу,
Пригласите не к шалашу,
А к шатру его; не прощу
Коль услышу вдруг слово «раб»:
Путь он грязен и худ, ослаб
Он от голода, горя, лжи.
Но поводья его души
Всяк из вас посильней держи:
Не попало б под хвост вожжи, –
Не отправьте его назад!
Разве сели, что с гор летят,
Русла рек обошли хоть раз?
На болотах кто скот не пас?
Если рухнет весь мир у нас,
Будет весел хоть кто из масс?
Алмамбет – он большой батыр.
Он сегодня бездомен, сир,
Не гнобите его за то,
Что лицо у него желто,
Исполняйте все просьбы враз –
Вот единственный мой приказ.
Те, кто в поле стреляет лис,
Кто на пастбищах пьёт кумыс
Или просто шныряет близ,
Пусть увидят, как щедр кыргыз.
Сотни две человек пускай
Здесь возводят Орду – ведь край
Нам понравился всем, как рай;
А десятка четыре-пять
Пусть пасут табуны; играть
Можно между делами – знать
Может жребий уже кидать:
В группы слившись, вы в *чатыраш*
Начинайте играть, и ваш
Этот первый почин толпу
Привлечёт попытать судьбу.
Можно в *тогуз коргоол*, в *кеште*[741],
И в *топ таш*, и в *чакмак*, – беде
Даже щели, чтоб к нам скользнуть,
Не давайте хоть как-нибудь.
Больше пышности дайте, чувств!
Слышать смех я давно хочу.
Пусть поют *ырчы*, *комузчу*...
В общем, ждите. Прошу я вас
Чтоб с почётом пришёл к нам барс.
Встретьте так, будто он султан!
Будет путь ему лучший дан –
Синий, с крышей тройной, – шатёр,
Он не ставлен ведь до сих пор.
И, добавлю я ко всему:
И по силе, и по уму
Многих вас превзойдёт Алма,
Пусть же хватит у вас ума
Не завидовать, не плести
Сеть интриг на его пути!
Но, встречаясь, не льстите тож,
Не угодничайте – хорош
Спутник, с кем вы на равных, но
Лишь со временем нам дано
Уравняться друг с другом, пусть
Не изменит вам мера чувств!
Сохраняйся себя – гора
Не приходит ведь к вам с утра,
Чтоб сказать, что уже восход;
Пусть так каждый себя ведёт.
Алыбай – сын Кулдура, брат,
Ажыбай, с кем часы подряд
От души я смеяться рад;
Храбрецы Кутунай, Сыргак,
И мой брат – Акбалты Чубак:
Пять батыров – вы стержень мой,
И опора судьбы земной.

[741] Кеште в переводе означает «вышитый узор». Но здесь речь идёт об игре.

Надо барса слегка встряхнуть
Вы, все пять, отправляйтесь в путь,
По долине пройдите так,
Чтобы вас не заметил «враг»;
Он не враг – Алмамбет, – но пусть
Распрямится и сбросит груз
Всех минувших своих невзгод –
Ведь герою лишь бой даёт
Стать собою... Подкравшись, вы
Встаньте дружно как сноп травы
И кричите: «О, Азирет!»,
В барабан ударяя вслед;
Нападите – пусть Алмамбет
Отряхнётся от старых бед,
Из ружья постреляйте – звук
Живность всю всколыхнёт вокруг,
Живность – ладно, а вот Алму
Заставляйте бежать к тому,
Кто поближе стоит к Ордо –
Всё равно это будет кто.
Пусть к отряду бежит он, к нам,
Пусть он думает – выбрал сам
Направление и тропу,
Намерение и судьбу.
Вы, гоня Алмамбета в дом,
Продолжайте кричать: «Убьём!»
Чтоб испуган был даже конь,
Пусть бежит и в камнях огонь
Высекает из-под копыт.
Пусть у вас будет грозным вид.
Перевал же Бото пройдя,
Чуть, конечно же, погодя
Пусть бы спешился он – верхом
Не могу приглашать я в дом
И здороваться хоть с послом,
Хоть с героем-богатырём.
Хоть не злюсь я, и хоть он лев,
Только дом мой, скажу – не хлев,
Пусть здоровается пешком,
Не с ухмылкой, не со смешком, –
Честь по чести! – узнаю вмиг
Как он жить меж людей привык». –
Пятерым так сказал Манас.
В путь пустились они тотчас.
Алмамбету дорогу вдруг
Преградили, как банда слуг
То ль разбойников, то ль чертей.

С думой шёл Алмамбет своей.
В луговинах ушла вода.
Горы коркой покрылись льда.
И когда он смотрел на юг –
Видел только начало вьюг.
Опечален другим он был:
Шёл и шёл он, глотая пыль,
Но не встретил еще души,
Попросить чтобы: «Подскажи,
Где деревня здесь есть, село?
Был голодным герой зело,
Притомились и конь, и он,
Но пустынен был горный склон.
Он у бога спросил: куда
Направляться ему? – вода
Прожурчала ему ответ,
Он налево направил след.
Правда, вспомнил советы вдруг
Тех шестидесяти подлюг,
Что пророчили смерть и тлен,
Говорили – не встать с колен
Если выпало быть рабом.
Он задумался о другом:
«О, господь, одинок и ты.
Твои заповеди-мечты
Слышал я, и всегда жалел,
Что без матери ты взрослел,
Тело, имя теряя, жизнь.
Вот кому бы сказать: «Держись!»,
Ты бы мог мне опорой стать.
Столько душ ты сумел создать,
Столько сил у тебя и власть,
Разве ты наигрался вслать?
Сколько раз я просил тебя,
Унижения чтоб судьба
Не испытывала бы впредь,
Чтоб не мучила круговерть.
Но тебя милосердней смерть.
Создавал ты земную твердь
Тридцать семь нарастив частей,
Только просьбы простой моей
Не услышал и не узнал.

Ты богатства большие дал
Пусть и многим, но больше тех
Кто достоин иметь успех,
Кто работает без утех,
Голодая... Не твой ли грех –
Так неровно делить добро?
Или слуги твои, *чоро*,
Понаделали этих дел?
Тридцать семь – и один надел:
Мой – без родины, без земли,
Без семьи, от людей вдали.
Тот, кто возле воды живёт,
Тот не знает, как солнце жжёт
По пустыням, как сух песок,
Как сжигает жара висок.
Что за жизнь у тебя, Алла?
Видно, вечность тебе мала,
Раз подобья свои везде
Рассылаешь, забыв в беде.
Дашь опору ты мне, скажи?
Или новые миражи
На меня ты нашлёшь опять,
Чтоб зайчонком во тьме скакать,
Верблюжонком ронять слезу?
Вряд ли что-то ещё снесу.
Все места, что тобой даны,
Люди заняли в о́ны дни,
Великаны и джины, семь
Взяли горы... Другим совсем
Не осталось свободных мест», –
Думал так Алмамбет, окрест
Не оглядываясь в пути.
Не заметил он и пяти
Шумных воинов, что сперва
Прокричали свои слова,
Постреляли из ру́жей всласть,
В барабаны побили – страсть! –
И надумали вдруг напасть.
Но беседовал с богом тот,
Для кого был затеян сход:
Одинокая жизнь Аллы
Вырисовывалась из мглы,
И на крики, на шум, на гром,
На страшилки – что, мол, убьём,
Даже ухом Алма не вёл
И своею дорогой шёл.
Куропатки вспорхнувшей так
Не заметил бы он, бедняк,
Даже взгляд бы не бросил, нет:
Богу плакался Алмамбет;
Вспомнил он разговор с с отцом,
Сердце вдруг налилось свинцом,
Руки стали как камень, – он
Стал огромнее, чем дракон:
Огнедышащий рот, глаза.
Что там чьи-нибудь голоса!
Пять букашек снуют, скользя,
Их заметить и то нельзя;
На своём Кылжейрене он
Обошёл, не заметив, склон,
Дорогое копьё держа,
Не тушуясь и не дрожа,
В ножнах – меч, в небесах – душа,
Шёл скалою он, чуть дыша;
Луч резвился на *айбалте*,
Как орлёнок в родном гнезде;
Шёл Алма как голодный тигр,
Шёл как волк, что далёк от игр,
Шёл как царь, как свирепый зверь,
Презирающий боль и смерть.

Пять батыров на перевал
Вслед поднялись, уже увал
Перед ними открылся... Бой
Алмамбет и на крики «Стой!»
Не спешил начинать. Любой,
Не нацеленный на убой,
Растерялся бы в этот час.
Но *чоро*, как велел Манас,
Продолжали идти вослед
Удивляясь, что Алмамбет
Излучает как будто свет,
И костяк его, силуэт
С *кабыланом* сравним – силён
Как и хан их, наверно, он,
И вполне их сразить бы смог.
Перешли перевал Мойнок.
За дорогой следил Сыргак.
Всё сложилось совсем не так,
Как представить они могли.

Алмамбета они нашли
И за ним, как и должно, шли,
Но терялась тропа вдали.
Как героя вогнать им в страх?
В камнепад спеленать в горах?
Воздух порохом весь пропах,
Шум и грохот стоял в ушах.
Алмамбет же как прежде шёл,
И рванье его, словно шёлк,
Развевалось на ветерке;
Да и конь – словно налегке
Нёс по тропам богатыря.

Всё задумано было зря:
Разве видит орёл, паря,
Устремилась куда заря?
Эти пятеро уж без сил
Шли вдогонку – Манас просил.
Всех оставим их здесь. Потом
Мы узнаем ещё о том,
Как очнулся, кем был ведом
Алмамбет, в чей попал он дом,
Чьею волей он был спасён,
Как с Манасом остался он.

АЛМАМБЕТ ОСТАЁТСЯ У МАНАСА

Э… э… э… эй!
Алмамбет – словно слит с конём, –
Так верхом и ворвался в дом,
В дверь открытую, и притом
Словно свыше он был ведом –
Не к кому-то, к Манасу вдруг
Он спешил, как давнишний друг.
Войско он разметал в пути,
Что мешало ему идти,
Два аскера, джейрана два
Умудрились, догнав едва,
Ухватить за узду коня;
Легче было б вихор огня
Ухватить; Алмамбет к тому ж,
Как ревнивый и грозный муж
И касанья не смог стерпеть,
Локоть воину сжал, и смерть
Грозно глянула из зрачков;
Локоть хрустнул – и был готов.
Подоспел Ажыке тотчас,
Как всегда – положенье спас,
Он-то помнил, какой Манас
Дал, встречаясь с *чоро*, наказ,
Потому-то он начал речь
Так, чтоб добрый настрой сберечь:
«Ой, смотрю, богатырь, – ведь ты
Воплощаешь в себе черты,
Что присущи лишь мудрецам
И безу́держным храбрецам,
Словно ты – золотой рудник,
Куда божий лишь взгляд проник,
Быстроходный Буудайык,
Хвост которого так велик,
Что как смерч его, верно, гнев;
Ты – с клыками стальными лев;
По веленью Алла искал
Ты религию крепче скал,
И, пройдя весь Алтай, устал,
Только чувств не остыл накал;
Ты – *дастан*, что сложить бы мог
Только сам всемогущий бог;
Хоть в печали сейчас твой дух
И с казахом союз потух,
Наш небесный святой пастух

За тебя бы не взял и двух;
Перевал Ашмура, где лев
Видел, как ты, преодолев
И усталость, и боль, сумел
От погони уйти, как смел
Ты в своих устремленьях, как
Слабость тела – души *абак* –
Превратил ты, считай, в камчу,
Чтоб в «могу» обернуть «хочу»,
Наш властитель решил, что ты –
Тот, которому дал мечты,
Смелость, дерзость и прочий пыл
Бог, как тем, кого не забыл
Среди слуг своих верных чтить
И вниманьем своим дарить.
Наш властитель лишь в корень зрит.
Его разве что лживость злит,
А вот в дерзость, в отвагу он
Всей душою своей влюблён,
И, пожалуй, во мгле времён,
Даже будущих, зорок он,
Как орёл, что доглядом жив
И ни в чём не бывает лжив,
Зоркость сердца, души порыв,
Высшей цели благой мотив, –
Вот он, божий приказ таким,
Сильным, дерзостным, молодым.
Наш властитель не близорук.
У властителя крепкий лук.
Ты иди к нему лишь как друг,
Как в священный вступая круг;
Если в кровь подмешаешь ты
Черной желчи, шайтан-воды,
То умрёшь: он упрям, наш хан,
Мир качает он, как вулкан,
Даже ночью, видать, не спит,
На все стороны он глядит –
На четыре? – о, нет, на пять! –
Всё на свете он хочет знать.
Кровопийцем считает тать
Хана нашего. Исполать –
Да, – добыл он в бою, но он
Под такою звездой рождён,
Что победа к нему идёт
Как в удачливый год – приплод,
Он в делах и в словах – не мот,
Только речь его лёд пробьёт!
Он у нас самый первый! Вдруг
На коне коль войдёшь ты, друг,
Разорвав наших стражей круг,
Не ценя наших всех потуг,
Будем кровь твою проливать:
Ты силён, только нас-то – пять!
Нам-то есть за что умирать,
Руки-ноги в бою терять,
Да и жизнь… Все умрём, батыр!
Обеднеет немного мир,
В мыслях каждый себе – кумир,
Но пока он живёт без дыр.
Лучше слезть Вам, аке, с коня!»
Улещая, грозя, дразня,
Заливался Ажы как дрозд,
Встав во весь богатырский рост
Перед всадником – миг, и вот
За поводья коня берёт!

Тут расплакался Алмамбет:
«Я не жив уже много лет,
Хоть ворочал делами, но
С неудачами заодно:
Мой единственный друг, и тот,
Предал – так нежеланный плод
Древо сбрасывает с ветвей…
Стал я словно себя старей,
Так несчастна моя душа,
Словно в пропасть лечу, спеша.
Я ведь тоже властитель был,
Но об этом давно забыл,
С трона слез я назло толпе.
Кто виновен в моей судьбе?
Ваш властитель герой Манас
Как любимый отец для вас,
Птица счастья его, видать,
Увенчала, как исполать.
Ну, а я… Разве нужен здесь?
И отвага моя, и честь –
Как и плач мой, с которым лезть
В ваши души – тупая весть».
Говоря так, бедняк с коня
Слез, себя и судьбу кляня,

Торопясь всех сердечных смут
Груз облегчить за пять минут,
И к Манасу прийти без слёз;
Исхудавшее тело нёс
Он с достоинством, словно барс,
Что добычу напрасно пас,
Но не голод его смутил,
А пустое вложенье сил.
Разрешенья войти спросил,
Поприветствовал – ровен, мил,
Не какой-нибудь пустобай;
И Манас, и герой Бакай
Отвечали по чести честь,
Словно добрую нёс он весть.
В полумраке как свет луны
Были лица озарены
Ровным светом хороших чувств;
С каждым словом, слетевшим с уст,
С каждым жестом крепчал союз
Вроде родственных давних уз
Меж батырами; и к тому ж,
Хоть не каждый отважный муж
Мог пожать без натуги длань
Алп Бакая, – Алма же, глянь,
Так в ладонь свою взял легко
Богатырскую длань – *соко*[742]
Пахарь так же берёт без дум:
Для привычки не нужен ум.
Так, в ладони своей держа
Длань Бакая, он не спеша
Продвигался за ним на *тёр*
Так, как будто бы с давних пор
Это место его ждало,
Что отметил Манас тепло
И глазами велел слуге
Всё, что грелось на очаге,
Перед гостем поставить вмиг;
Ну, а верный *чоро* Мажик
Мёд с кумысом принёс в *кесе:*
В злате-се́ребре та *кесе*
Вся, налитая до краёв,
В круг батыров пошла, – готов
Был пригубить любой слегка,
Как обычай велит века:
В двух ладонях *кесе* держа,
Словно юрты она – душа,
Алп Бакаю дал Алаке
Со словами: «Вам, абаке!»
Прикоснулся сперва Бакай,
Вслед за ним, склонясь, – Ажыбай,
И к Алме, наконец, кумыс
Перешёл. Хоть и не кыргыз,
Но обычаи знал батыр,
На которых взращён сей мир:
Взял с поклоном, хлебнул едва –
Мол, не голоден.. Голова
Закружилась у гостя... Знак –
Что пустой он, – подал *курсак*[743]:
Забурлил, зарычал... Увы, –
У желудка нет головы!
И глаза, затаясь, как львы
Под прикрытьем ресниц-травы,
Так притихли – их словно нет.
Тут Манас ему дал совет:
«Не чинитесь, поешьте, друг!»
Видя тёплый настрой вокруг,
Так поел Алмамбет, что пот
На лице проступил; живот
Не рычал, а мурчал как кот,
Не пугая честно́й народ.

Вот тогда лишь спросил Манас:
«О, батыр, знать, не в добрый час
Вы пустились в далёкий путь,
Не запасшись, а как-нибудь!
Шли голодным немало дней.
Но богата земля: на ней
Бродит столько архаров! – их
Можно палкой сшибать под дых!
Почему ни один архар
Жизнь свою вам не отдал в дар?
Почему вам в тени чинар
Иль в лугах не вкушать нектар
После ужина, и коня
Не пустить бы дождаться дня
В разнотравье ночных *джайлоо*?

[742] Соко – плуг.
[743] Курсак – брюхо, утроба, чрево.

На архаров коль не везло,
Здесь баранов есть горных тьма,
И *кийиков*… Коль кутерьма
С дичью этой претит весьма,
Почему б не пойти в дома,
Что разбросаны там и сям?
Рады в сёлах всегда гостям,
Коновязь у дворов везде,
И язык у селян в узде –
Всё, что надо, поймут, смолчат.
Кстати, много в горах козлят,
И косуль, и джейранов – столь,
Что, наверно, не в этом соль,
Что неловкий охотник вы;
Весь расклад-то – от головы:
Видит глаз, чего жаждет дух;
Так небесный велел пастух.
Да, о чём мы? Среди болот,
Острова – мимо них пройдёт
Не заметив богатств их, тот
Кто с собою лишь спор ведёт,
В думы так погружён, что мир
Только внутренний – их кумир.
Бродят важенки там – их вкус
Восхитителен так для уст!
В их защите самцы: рога
Все нацелены на врага,
И ветвистые, как ирга,
И основа их так крепка.
Так ответьте мне – почему
Дичи выследив по уму,
Запасясь, не лежать в дому,
Подстелив под бока кошму?
Лук и стрелы, я видел, есть
В снаряжении, как и честь,
И огонь не погас в очах,
Но домашний потух очаг.
Словно морок висит печаль,
Затмевая батыру даль.
Но решение у всего
Есть, поверьте, и то мертво,
Что, надеясь на божество,
Ждёт в бездействии – кто кого.
Жизнь – великий священный долг.
Жизнь даётся, чтоб души толк
Находили во всём, что есть,
Что даёт нам Всевышний снесть,
Чтобы жизненный путь был свят.
Человеку даёт *аят*[744]
Бог – ухаживать за собой,
Тело так же снабжать едой
Как духовною пищей ум;
Грешен тот, кто, устав от дум
И земных не решив проблем
В смерть сбегает от них совсем.
Конь ваш, вижу я, Кылжейрен
Не из тех, кто приемлет плен,
Алмабаш[745] на плече богат,
Он, конечно, из отчих врат
Вышел с вами; одежды вид
Очень многое говорит:
Непростой вы совсем джигит,
Да и верой с отчизной слит.
Лук шелкóвым шнуром обвит,
Он в бою, видно, с дланью слит,
Так китайцы умеют лишь –
Попадут и в орла, и в мышь.
Кто отец ваш, как вас зовут?
Любопытства законный зуд
Утолите, прошу я вас!» –
Так сказав богатырь Манас,
Вмиг умолк, чтобы сытый гость
Мог собрать свои мысли в горсть.

Алмамбет был весьма умён,
Начал слово не медля он:
«Здесь, в аулах твоих простор,
Тьма архаров под сенью гор,
В этих щедрых краях твоих
Можно пробовать мясо их,
Можно между берёз бродить,
Из студёных речушек пить,
Лошадь в сочных лугах водить.
Можно в сытом достатке жить.
Говорят, что и плоть отца
Насыщает и молодца,

[744] Аят – стих Корана; глава Корана.
[745] Алмабаш – название богатырского ружья.

И коня, и амбиций рать;
Лучше с голоду помирать!
Круторогих баранов здесь
В твоих тучных краях не счесть,
Постреляю их, на огне
Ужин спечь ведь нетрудно мне,
Позабочусь и о коне –
Жизнь безбедна уже вдвойне.
На скалу загоню я дичь,
Мы с конём да и лень опричь:
Можно брюхо на солнце греть
И себя славословить ведь.
Мясо матери, говорят,
Вот такие, увы, едят!
Оценил я твои слова:
Там, в болотах, есть острова,
Сколько важенок там! – едва
Чаще разве растёт трава;
Буду важенок ваших бить,
Чтобы зубы в их плоть вонзить.
Чем так душу свою кормить,
Мясо прадедов грызть и выть
Лучше бедной моей душе,
Подзастрявшей на рубеже
Между явью и небытьём,
Где у нежити только дом.
Да, олени хранят углы,
Где их детки – нежны, малы –
Лишь на ножки ещё встают.
Убивать их несложно тут.
Есть и стрелы, есть крепкий лук,
Но зачем это мясо, друг?
Оно грязное – жизнь берём,
Чтобы свой прокормить нам дом,
Дома нет если, сам себя
Забиваю, живот любя,
От шести до семи колен
Род ввергая в разор и тлен.
Если б прибыл я для еды,
То не знал бы иной беды
Кроме брюха, что каждый час
На еду подвигает нас.
Алмамбет не такой совсем.
Поколений не шесть, а семь,
Восседали на золотом
Царском троне – вот он, мой дом.
Имена их хранит судьба:
Первый предок – Сылааба,
От Сылаабы – Солаба,
Солалу родил Солаба,
От него рождён Сорандик.
Солали я зваться привык,
Была жизнь моя хороша,
Рос я баловнем, не спеша
В службу впрячься: родня моя
Стала звать меня Сошойа.
Счастье было недолгим. Мир
Рос с годами и рос кумир.
С Конурбаем сражался я.
Отреклась от меня семья,
В одиночестве тигром став,
Стал расчетливым как удав,
Но расчёты мои, увы,
Не от сердца – от головы –
Разлетелись и в пух, и в прах.
Кровью, гневом, землёй пропах
Я, бродя без корней везде,
Со своею тоской в узде.
В Айдархана чужом гнезде
Стал я как бы для всех *джезде*[746]
Без невесты и без жены –
Чтоб в золе находить огни,
Ими греться, чужими, жар
Отдавая другим как дар.
У души моей даже цвет
Стал подобен земле, ведь нет
В этом имени – Алмамбет –
Схожих с прошлым моих примет.
Как гора по степи бродя,
Слёзы лил я сильней дождя,
Словно выпавший из гнезда
Птах, бескрылая маята:
Крылья сломаны, счастья нет,
Не душа, только бледный след,
Нету места, куда идти,
Нет народу, к кому пойти,
Нет надежды и нет пути,
Сердце, замкнутое в клети;

[746] Жезде – зять.

Нет – кому передать свой меч,
Нет богатств, чтобы их беречь,
Нет друзей, их надёжных плеч,
Нет врагов, чтоб бояться встреч, –
Ничего: не берёт и сель
Бесполезных таких земель,
И кетмень не коснётся их,
И душе этой дать под дых
Ни одно из известных чувств
Не сумеет уже ничуть,
Да и вряд ли хоть кто-нибудь
Не жалея всадил бы в грудь
Хоть одну бы свою стрелу:
Ни добру не служу, ни злу.
Я – душа, что бежит от всех,
Я – ненужный ни в чём успех,
Наблюдатель, холодный взгляд,
Шаг вперёд и другой – назад;
Я – душа, что летит стрелой,
Не владея уже собой,
Как огонь, что запущен вдруг
Всё готовый спалить вокруг.
Думал Мекку увидеть я.
Опоздала мечта моя».
И ответил на то Манас:
«Не заставим мы в этот раз
Делать то, что душе претит:
Слава богу, гость жив и сыт.
Хан Какана пусть в свой черёд
Всё для почестей пустит в ход:
Пусть затеет сейчас народ
Скачки, игры… Пусть в оборот
К скакунам Аккулу берёт,
И немедленно к нам ведёт!» –
Так сказал *кабылан*, – «Судьбе
Захотелось, чтоб винт в резьбе
Подходил нам… *Тон ак кёбё*[747] –
Алмамбету найти! В борьбе
Наш пусть он защищает флаг,
По обычаю будет так!
И козлёнка – путь будет рыж –
В жертву надо принесть; глядишь –
С уваженьем придёт покой,
Гость останется дорогой
С нами много других времён,
И себя здесь отыщет он!
Пусть же почести через край
Перехлёстывают, и – знай:
Многодневный наш этот гость,
Он для праздника – словно ось!»

Ак кёбё был надет тулуп,
Флаг поставлен, как крепкий дуб,
Аккелте – на спине, и меч
Золотился восходу встречь,
Айбалта за *торок* заткнут,
Рядом с ним – вездесущий кнут,
Впереди – Акула, за ним
Несравненные, как один,
Девять лучших, любой – огонь:
Калкамана, как уголь, конь,
Толкумана – гнедой: холён
Избалованный Карткурён,
Вслед – Сыргаковский Телкызыл,
Рядом – посланный как в досыл,
Прямо к крупу его приник
И Серека Кууказык;
Вслед послал своего Мажик –
Тоотору, что всегда привык
Задавать, нагоняя, жар;
Вслед – Кокоповский Койчаптар,
Карасур Койчумана – вслед,
С Аккулой ему равных нет, –
Все летели, как сноп огня,
Вряд ли выделишь здесь коня
Лучше всех или хуже всех –
Всё удача решит, успех:
Кто сноровистей и сильней.
Девять дьяволов, не коней!
Из подарков Алмы – один
Ветра будто бы господин:
Грива даже длинней хвоста,
Как у важенки – грудь крута,
Словно бархатные – уста,
Несравненная красота! –
Шёрстка как у архара вся,
Морда длинная – у гуся
Так бывает лишь на лету;

[747] Имеется в виду белый праздничный тулуп.

Эту дивную красоту
С Аккулою сравнишь порой,
Зная – крови они одной.
С Саралой восемнадцать всех
Поскакали стяжать успех,
Гривы собраны, и хвосты
Все завязаны, как цветы,
Что сбирают пучком в букет:
Пацанят самых нежных лет
Перед скачкой загнав в кусты,
Заставляют отлить… Пусты
У наездников животы
Все должны быть! Платками лоб
Повязав – не мешали чтоб
Пот и волосы вдаль глядеть,
Заставляли ещё надеть
Что полегче, покрепче – так
Все готовили молодняк
К жаркой схватке – и рай, и ад
Впереди ведь им предстоят,
Не попросишься ведь назад,
Когда мили внизу летят!
Мальчик, выбравший Аккулу,
Так припал к нему! – на стрелу
Был похож он – так тонок был;
Алмамбет, разделяя пыл
Всех участников скачек, всё ж
Кылжейрена оставил – кто ж
Козырь самый последний свой
Отправляет не глядя в бой?
Саралу он на скачки дал,
Что среди скакунов – *балбал:*
И силён, и изящен так,
Хоть по возрату – молодняк.
Ырчуул гонял лошадей.
Но сперва джигит-казначей,
Что Манасом наначен был,
Красным золотом окропил
Праздник так, как велел сам лев,
Сорок тысяч не пожалев:
Из огромного курджуна
Разбросал всё, что есть, сполна!
Алмамбет был сражён: казна
Опустела, небось, до дна!

Сам Манас же, в узорах *тон*
Натянув, чтоб со всех сторон
Было видно, что хан фасон
Соответственно держит, гон
Объявлять не спешил, сперва
Обошёл всех с терпеньем льва,
Топнул оземь: ушёл каблук
В камень, словно в размягший луг,
Тут уж каждый заметил вдруг –
Даже тот, кто был близорук, –
Из каких разноцветных кож
Была сшита обувка… Что ж,
Всё прекрасно: одежда, дух,
И дорога – нежнейших пух.
Алмамбет обратился в слух:
Что там люди бормочут вслух?
А народ бормотал о том,
Что на праздник он был ведом
Ожиданьем: «Каков же приз?!
Чтоб победу стяжать, кыргыз
Не преминет войти в азарт,
Только с чем он придёт назад?
Где подарки? А деньги? Все
Поразбросаны по росе,
Всяк, кто смог, подобрал, и что ж?
Получился из денег дождь.
Где же скот, где *канаус*-ткань?
Пусто всё впереди, ты глянь.
Коль подарков не даст Манас,
Опозорит он, бедных, нас».
Так шептался народ вокруг.
Каждый ждал, что ответит друг,
Тот, другой же, ответ и сам
Ждал, доверившись небесам.
Наконец, добрались гурьбой
К *кабылану* и вразнобой
Стали спрашивать – что да как.
Алмамбет навострил *кулак*[748]:
Мол, каков его будет шаг,
Сколько надобно всяких благ,
Чтоб возрадовался бедняк
Да и хан не попал впросак?

И батыр размышлял о том:

[748] Кулак – ухо.

«Приз не выдашь ведь скакуном,
Если первый придёт – других
Коль отдашь, не заменишь их,
Будут ссоры: «Отдай коня!» –
Скажет каждый, – мол, для меня
Мой прекрасен; так в стог огня
Лишь подбрось на исходе дня.
Ссорить конников как волков
Я, конечно же, не готов,
Не хватало лишь ссор и драк!
Что нам скажут Серек, Сыргак?»
Алмамбет наблюдал молчком,
Оставляя за вожаком
Право рушить вопросов ком:
Был он с братьями незнаком.
Но не медля сказал Серек:
«Что ж, устроили мы забег,
Сами выдумали, теперь
На попятную в ту же дверь
Не прорвёшься ведь без потерь.
Всяк в азарте – что лютый зверь.
Сорок пламенных скакунов!
Каждый выиграть бег готов,
В этот раз ли, в другой… Поверь,
Что главнейшая из потерь –
Свой готовый к бегам скакун!
Сколько надо трудов и лун,
Чтоб такого ещё взрастить?
Ты же хочешь на приз пустить
Тех, кто выиграть в этот раз
Не сумел, но зато припас
Он на будущее и злость,
И уменье: кому пришлось
На ошибках учиться – тот
Он, конечно, своё возьмёт!
Возверните же всех коней
Их владельцам, а приз верней
Приготовим мы …из людей:
Молодых холостых парней!
Алмамбету, что, вон, поник,
Настроенье поднимем вмиг!» –
Так сказал богатырь Серек,
Новым смыслом наполнив бег:
Каждый маленький человек
Был бы счастлив назваться «*бек*[749]»!
Даже сам *кабылан* Манас
Оценил эту мысль тотчас:
«О-о, Серек мой! Ты праздник спас!
Ты полезен всегда для нас!»
Оживились и парни все:
Каждый выйти во всей красе
Перед людом готов, хвалясь:
Мол, такой я, смотрите, князь!
Завоюйте меня! – смеясь, –
Кто лицом не ударит в грязь?
Первым выскочил Бозуул,
С ним – шестнадцать парней:
в разгул
Все готовы тотчас пойти:
Каждый – лучший из всех, гляди!
Главный приз – это семь парней:
Сразу видно, кто всех сильней;
Кто приходит вторым – троих
Получает *чоро* своих;
Ну, а третий получит двух:
Тоже властью потешит дух,
Остальные – по одному:
Так решили все по уму,
Не хватило лишь одного,
Стали думать: кого? Его?
Только сам прибежал Мажик:
«Призом стать я готов!» – язык
Не тянул ведь никто, и он
Тоже втянут был в этот гон.

Вот и прибыли скакуны,
Каждый – будто бы звон струны,
Чьих-то чаяний всех гонец,
Что сбываются наконец!
Смотрят: что за прекрасный вид! –
Сарала Алмамбета мчит
Впереди, и малыш-джигит
Словно клещ в его гриву влит;
Каждый след от копыт коня
Вглубь уходит, как след огня,
Сзади пыль как туман висит –
Так уж быстро скакун летит.
Когда рядом он был совсем,

[749] Бек – *здесь*: начальник.

Все джигиты, которых – семь,
С криком бросились к гостю вдруг,
Восклицая: «С победой, друг!»
«Алмамбет, Алмамбет!» – крича
Целых сорок *чоро* сплеча
Налетели поздравить, – мол,
Главный приз к нему сам пришёл!
Семь джигитов, к нему прильнув,
Как птенцы разевая клюв,
Загалдели? «Хозяин наш!
Ты над нами над всеми – *баш*!
Повезло вам, батыр, сам бог
К вам в *чоро* нам попасть помог,
Отказаться нельзя вам, – рок
Сам отмеряет нужный срок!
Всё разделим – и пыль дорог,
И домашний простой мирок,
Лишь бы ты не оставил нас,
Не ушёл бы в глухой отказ», –
Так гудели *чоро* – все семь,
Алмамбета смутив совсем,
Так их дружба из ручейка
В рост из шутки пошла – река
Набирает вот так же мощь
Из прохлады прибрежных рощ.
Когда все пришли, наконец,
И пригнал Тоотору юнец
Лишь девятым – Мажик-хитрец,
И ответчик сам, и истец,
Сам стал призом себе, гордясь,
Над собою принявший власть!
И Кыргыл, и старик Бакай
Все смеялись: каков *абай*[750]*!* –
Сам себе и отец, и сын,
И прислуга, и господин;
Хохотали: « А конь тебе –
Переводчик в твоей судьбе:
Чтобы в добро отводил всё зло,
Вот врагам уж не повезло!»
Так понравились скачки всем!
И троим, и двоим, и тем,
Веселящимся семерым,
Победительно-призовым.
А Манас, как простой *алаш*,
Так сказал Алмамбету: «*Баш*
Вы над этими над семью:
Обрели, почитай, семью.
С вами мы, Алмамбет, в степи
Просто встретились, в той глуби,
Где равны перед богом все.
Вы предстали во всей красе:
И с конем, и в одежде, но,
Не встречаясь ни с кем давно,
Одичали, и если вновь
Будет звать вас в дорогу кровь,
Не отталкивайте *чоро* –
Это бог вам даёт добро
И не просит его назад:
Ты для воинов – старший брат,
Получился такой расклад.
Сам ведь выиграл, потому
Не обязаны никому
Вы в своём возвышенье – честь
Как была, так при вас и есть.
Притеснять я не буду вас,
Слёз не надо вам лить из глаз.
Вы с востока пришли, и пусть
Ваш на запад продлится путь,
Но запомните – тюрков край
Не для Вас – иноверца – рай,
Эти семеро будут Вам
Лишь опорой, присущей львам:
Чтоб на честь покусившись, враг
В тот же миг попадал впросак.
Уезжайте на Аккуле –
Нет такого на всей земле,
Белый праздничный мой наряд
Надевайте, я буду рад:
Вы – герой, мне почти что брат;
Он вам сгладит души разлад;
Вот и мой *Аккелте*: приклад
Золотой; вот и мой булат –
Меч мой верный, мой *Ачалбарс*,
Защитить он сумеет вас;
Я не буду для вас жалеть
Сырнайзу: наконечник – медь,
В сталь оплавлен он как звезда;
Отдаю топор – *Айбалта*,

[750] Абай – осторожность, осмотрительность, мудрое предвидение.

Сам он в схватку спешит всегда,
Как навязчивая халда;
Сырнайзу привяжи к себе,
Она – спутник такой в судьбе:
Не предаст и не укорит,
Если даже в бою слетит
Из неловких хозяйских рук.
Из *алашей* я – первый друг.
Коли вам загорится вдруг
Продвигаться на дальний Юг,
Где Испан и где Индистан,
Там кыргызская наша *кан*[751]
Вряд ли встретится вам – пройдёт
Месяц с лишним в пути, не год.
Если в Мекку к арабам путь
Свой проложите, кто-нибудь
Пусть поможет в чужих краях
Выжить в данных судьбой боях.
Здесь, в Какане, родной Ваш край.
Коль желание есть без стай
В одиночку всю жизнь брести,
Уносите Какан в груди:
Что-то надо в душе нести.
Нет отца, чтоб держать в чести
Его имя для уст молвы;
Даже матери нет, увы,
Чтоб желать ей здоровья… Вы –
Сам себе и порог, и путь.
Пожелайте же что-нибудь,
Чтоб исполнить я мог для Вас
В чём нуждаетесь Вы сейчас.
И за гробом ведь есть дела.
А пока голова светла,
Есть и лоб, и язык пока –
Просьбы нет ведь без языка, –
Вы просите всё, Алмамбет,
Всё отдам Вам – вот мой ответ!»
Тут задумался Алмамбет:
«Есть подвох здесь какой или нет?
Может, жаден я или глуп?
Отдают мне коня, тулуп, –
Этой щедрости нет конца.
О-о, такие равны сердца
Всей Вселенной, – у молодца
Разум словно у мудреца:
Так теченье реки большой
Сопрягают с такой душой!
Очень редко такой батыр
С неба в грешный приходит мир,
Он для всех силачей – кумир,
Он для грешников – вещий *пир*[752],
У такого попросишь трон –
Трон отдаст, как оплот времён,
Где лишь дружбе и братству век
Подчиняется человек;
Говорит: забирай коня
И одежду, а для меня
Оставляй лишь тепло души,
За своею мечтой спеши!
Человек этот – великан,
Он на свой великаний стан
Судит всех, волоском связав
Им подаренный ворох прав.
Праздник шёл на Какане… Где
Айт[753] я видел такой? Нигде!
Уходя от отца навек,
У казахов влача свой век,
Износившись душою весь,
Я пришёл сюда, словно весть,
Что состарилась век назад;
Жил, питаясь я невпопад,
Невпопад и дремал, и шёл.
Этих щедрых объятий шёлк
Размягчил моё сердце так,
Что, последний я будь дурак,
Всё равно бы я понял: здесь
Моё место отныне есть!
Как об этом сказать, чтоб честь
Не страдала… Всё, разум, взвесь!»

Призадумался Алмамбет.
И случайно ли в тот момент
Ажыбай, краснобай, шутник,
Начал речь – так журчит родник:

[751] Кан – кровь (род).
[752] Пир – *здесь*: руководитель тариката (братства), святой.
[753] Айт – праздник (мусульманский).

«Двое суток как мы в селе.
Кто готов продолжать в седле
Свой намеченный сердцем путь,
Мы проводим… Скажу я суть:
Кто остаться решит, тому
Честь и слава – и по уму,
И по сердцу! И хлеб, и соль,
Как надежду, удачу, боль
Мы разделим, батыр, с тобой –
Люди делятся так судьбой.
Скажешь «встаньте!» – покинем дом,
Если скажешь идти – пойдём,
Меч поднимешь – мы каждый свой
Меч поднимем и вступим в бой
На твоей стороне всегда;
Если в труд окунёт нужда,
Будем вместе трудиться так,
Чтоб никто не попал впросак;
И тебе, и Манасу-льву
От души и по существу
Будем счастья и долгих лет
Мы всегда желать, Алмамбет!» –
Так сказав, Ажыбай умолк.
Возымела речь его толк –
Понял правильно Алмамбет
И молчанье прервал в ответ:
«На козла, что стремится ввысь,
Зря ружьё наставлять не тщись:
Коль положено, он уйдёт,
Вряд ли снять его можно влёт.
Мысль, не скрою, такую нёс
Я, до Мекки держа свой пост,
Днём и ночью спеша в пути,
Чтоб со всей чистотой прийти;
Шёл на запад, и жизнь ничью
Я не тронул; но колею
Подменил мне Всевышний вдруг:
Угасал мой сердечный стук,
Напоследок взглянув вокруг,
Я увидел, как важен друг,
В единении счастье! – мысль
Подняла мою душу ввысь,
Одарила надеждой вновь,
Обновила биеньем кровь.
Это счастье нельзя прогнать,
Его можно душой познать,
Как познал я – почти что труп,
От несчастий минувших туп;
Так оставьте меня с собой!
С вами слиться хочу судьбой.
Старики, молодые – все
Жду *бата* на моей стезе;
Не хочу вам нести беду –
Только счастье. С надеждой жду» –
Застеснялся, хотел уйти,
Только все на его пути
Совершили *бата*, подняв
Разом руки, сомненья сняв
С Алмамбета, – мол, будь здоров,
Счастлив будь твой очаг и кров!
Управлял всем Бакай-*аба*
И Манас, и сама судьба:
С мигов, речь о каких идёт,
В судьбах многих другой отсчёт
Начинался; и речь о том
Мы, конечно же, поведём.
Все вернуться решили в дом –
В Самаркан, ну и вчетвером
Повели Алмамбета – зван
Был к Жакыпу он жить сперва.
Там, где шли она – всё трава
Оплела, как порой молва
Оплетает людскую жизнь
От рождений до самых тризн.
Как огромный цветной *кийиз*
Был расстелен вдали и близ:
Всё цвело; Тузбулака склон
Был цветами со всех сторон
Так покрыт, что копытный стук
Заглушал, лишь вздыхая, луг.
К Сивогривому Алмамбет
Прибыл так, словно клином свет
Сам сошёлся на встрече их,
Чтобы сделать сильней двоих.

На Белсазе держал кобыл –
На Кырчыне, – Жакып: он был
Как и в молодости, умён
И рачительней многих: он
Звался «хан», но из всех имён,

Как сложилось среди времён,
Звался всеми как есть – «богач»:
Мастер жизненных всех удач.
Отдыхал на джайлоо он,
Как явились вдруг вчетвером
От Манаса гонцы – *чоро*,
Возвестили своё «добро»:
«*Сюйюнчю*[754], о, Жакып ата!
Алмамбет к Вам спешит сюда –
Сын Ваш: ловкий как тигр иль барс!
Скоро он уж обнимет Вас!»
Выдал сорок голов им в дар
И ещё одну – как навар –
Удивлённый Жакып, и вмиг
Скакуна своего старик –
Туучунака – велел привесть,
Чтоб не пешим приветить весть;
Всех старейшин, живущих здесь,
Он, немедленно сдёрнул с мест:
Шесть десятков подняв друзей,
Он помчался встречать гостей.
На коня Бозжорго воссев,
Чыйырды вслед за ним как лев
Тоже двинулась: прежний дух
Был силён в ней; с собой старух
В элечеках – пятнадцать штук! –
Позвала она в вешний луг.
Не отстала Багдеолёт:
Та с собою взяла в поход
Ровно дюжину женщин – все
В элечеках, во всей красе
Плавно двигались вслед за ней;
Был убор головной белей
И пышней у Багдёолет:
Ей ведь было побольше лет.
Плавно едет богач Жакып,
Как влитой он в седле сидит,
Его белая борода
Блещет, как на свету слюда.
А тем временем Ажыбай
Алмамбету шепнул: «Бабай –
Сам Жакып, ваш отец, – вперёд
К нам навстречу отряд ведёт,
Чтобы встретить по чину чин:
Вы теперь ему – тоже сын!»
Алмамбет покраснел, и страх
Сердце сжал ему как в тисках,
Слёзы светлые на глазах
Появились и на щеках
Проложили дорожки вниз;
Слез с коня Алмамбет, вся жизнь
Промелькнула в душе за миг;
А навстречу уже старик
Торопливо идёт, крича
Неразборчиво сгоряча.
Вот и встретились, обнялись,
В их объятьях сомкнулась высь,
С поцелуем к сынку прилип,
В шею только достав, Жакып,
Обмочил бородой своей
Чуть не выронил тюбетей,
Мало видя из-за плеча,
Что-то ласковое шепча.
Тут нагнала их *байбиче*[755];
Нет всплакнуть на другом плече,
Нет, – умерив пыл Бозжорго,
Что не так-то всегда легко, –
Голос был у него такой, –
Придержала его рукой
И, набухшую грудь достав
Словно в знак материнских прав,
Каплю белого молока
Вдруг сцедила, прижав слегка
Между пальцами свой сосок,
И сказала: «А ну, сынок,
Мой Манас, подойди сперва,
У тебя посильней права,
Первым ты начинай сосать,
Как вначале сосал ты мать!»
Молча правую грудь Манас
Стал сосать словно в первый раз;
Ну, а левую – Алмамбет,
Балагуря: «И в тридцать лет
Может маленьким стать сынок!»

---

[754] Сүйүнчү – подарок за сообщение радостной вести.

[755] Байбиче – 1. старшая жена (при наличии другой жены или других жён); 2. хозяйка в доме, жена.

Все смеялись – кто сколько мог,
И Жакып, и кто с ним пришёл.
В общем, было всем хорошо.
Байбиче рассказала сон,
Ей давненько приснился он,
Когда маленьким был Манас –
Года справили два как раз:
«Сон был странным: клубился свет,
Проявился в нём Алмамбет.
Стало, будто бы днём, светло.
В грудь мою молоко пришло,
И осталось до этих дней.
Помню я, что среди теней,
Белый конь Алмамбета был,
Гривой тряс и копытом бил.
Вот, смотрите: до этих дней
Молоко не ушло, – белей
И сытнее, наверно, став:
Двух насытила, не устав!»
Алмамбет всех спешил обнять:
«О-о, отец мой Жакып, о мать!
Мама! Было ведь нелегко
Сохранить в груди молоко
Столько лет! Столько долгих лет».
Так растрогался Алмамбет,
Что бедняжка Багдёолёт,
Завершившая свой поход,
Тоже слёзы пустила в ход,
Сзаду сбившийся наперёд
Элечек её грозный пал
На лицо как большой дувал.
Абыке – молодой джигит –
Ловко сгладил плачевный вид,
На своём Актелки верхом
Повернул всех обратно в дом.
А навстречу уже скакал
Всей родни океанский вал,
Хоть невиданный, но на слух
Столь же мощно несущий дух:
Сорок пять скакунов вперёд
Перед строем пустил народ,
На трёхлетках, и тех, скача,
Что-то радостное крича,
Люди встретили сгоряча
Предводителя-богача
Словно гостя, а, впрочем, вслед
Был привечен и Алмамбет,
И Манас, и Жакыпа клан,
И все жёны его, и хан,
Что так гордо меж двух сынов
Ехал, свой показать им кров
Их приветить среди ковров,
Пир устроить как сто пиров!
Не жалея кололи скот,
Отовсюду спешил народ
Не на день, а на много дней –
Так положено меж людей
Той справлять, если есть настрой,
А иначе ведь он не *той*!
Лишь за сутки одни пять раз
Мясо подано без подсказ
С возлияньем большим подчас;
Скачки шли уже; напоказ
Целых триста голов овец,
Триста к ним – лошадей, в торец
Было выставлено; скачи –
Станешь вмиг богачом; *ырчи*
Под комуз из святой арчи
Пели песни, и хохмачи
Проводили, смеясь, *айтыш*;
Силачи же, схватившись лишь,
Торопились опять к столам.
Смех, веселье, сплошной бедлам!
Был ещё один – главный приз:
Двадцать пять скакунов! Кыргыз
Очень ценит подобный дар;
Байжигита скакун Малгар
Вышел первым средь всех других,
Знамя вскачь повалив под дых,
Но сказал Байжигит: «Друзья!
Этот выигрыш главный я
Алмамбету решил отдать,
Рода нашего стала мать
Ему матерью тоже; пусть
Много добрых хороших чувств
Этот праздник дарует нам:
Счастье делится пополам!»
Дали знать Алмамбету. Он
Был растроган и сам вдогон
Всё раздал старикам и тем,

Кто недужен был, болен чем;
Все *ырчи* столько новых тем
Почерпнули, что спеть затем.

Праздник шёл. В дом к Жакыпу
вдруг
Всех старейшин собрался круг:
Сам Жакып и *аба* Бакай,
Акбалта, Байжигит, Шыгай,
Бердике и старик Жамгыр,
Саламат и Ошпур-батыр,
Ну, конечно же, и Кыргыл
Вместе с воинами прибы́л,
Все к орде Чыйырды придя, –
Так же мамкин подол дитя
Теребит, захотев поесть, –
За столы торопились сесть;
Было двести без двадцати
Тех, кто в дом поспешил зайти.
С ними и Алмамбет зашёл,
Все, конечно, ему *ак жол*[756]
Поспешили открыть – ведь сын,
Самый новый, хоть не один!
Начал слово Бакай умно:
«Все сидящие – заодно
Словом, помыслом, делом… Но
Знаю вас я уже давно,
Имя общее всем вам есть:
«Алты хан» – шесть ведь ханов здесь;
Вот пословица: «Делом друг
На три дня лишь поможет вдруг;
А словами же – на всю жизнь» –
Вот наш главный желанный приз.
Для Айкола важнее нет
Той опоры от всяких бед,
Какой станет сын Алмамбет,
Что родился, считай, на свет
В этот день у шести отцов!
Нет других таких молодцов –
Лев с руками умельца, он
Тот герой среди всех времён,
Что удачу несёт для нас,
Он силён как наш край Талас,
Он таков, как герой Манас,
Он земли нашей щедрой глас!
О, с опорой такой земля
И под пение ковыля
Будет стлаться периной нам
И в озёрах сбивать айран!
Стал столицею Самаркан.
Трон златой укрепил наш хан,
Хлеб с *каймаком* для бедняков
Наш Талас нам дарить готов;
В семьях множатся дети пусть,
Приезжай, выбирай на вкус
И джайлоо, и зимний стан, –
В силу входит отныне хан!
Без скандалов из года в год
Выбирает луга народ:
Жайылма Жамгырчы возьмёт,
Текечи – Кентескей… Вперёд
В Жакаташ хан Жакып пойдёт,
В Кен Артуу – хан Шыгай, оплот
Будет Карабуура, Чаткал.
Прежний дом пепелищем стал
У Балты, пусть же новый дом
Станет счастием лишь ведом;
Я отправлюсь на Майбулак –
Прямо в душу запал мне так
Этот край – золотой алмаз,
Незабвенный вовек Талас.
Здесь три тысячи есть домов,
Сарыталаа – прекрасный кров
Для твоих, о Жакып, сынов:
Алмамбет, я гляжу, готов
Взять сей край под своё крыло».

И сказал Акбалта: «Село
Я поставить и здесь бы смог,
Но пленил меня Кётёлёк:
Я всё думал, ну, кто же здесь
Дом поставить окажет честь
Этим дивным краям земным,
Чей поднимется к небу дым?
Получилось всё ладно так:
Алмамбет появился, – флаг
Наш, считайте, поставлен здесь,
Край становится нашим весь,

[756] Ак жол – свободный путь, добрый путь.

И чисты перед всеми мы,
И не надо терзать умы».
Все тут высказались: Манас,
И старейшины, каждый глас
Шёл в копилку их общих дел,
Говорили – как кто хотел,
Все довольны, как будто бог
Им узлы разрубить помог.
Слово взял Алмамбет в конце:
«Не пристало мне об отце
И о матери помнить той,
Что ушла от меня младой;
Грудь сосал я всего одну.
Никому не вменив в вину,
Я скажу, что семьи другой
Я не знаю теперь, и свой
Путь земной начинаю здесь;
Нет деревни другой, где честь
Возродилась бы так моя:
Здесь земля моя и семья:
Я теперь, как и вы, *алаш*,
Брат молочный, Манас, я ваш,
Самый преданный и родной,
Я теперь назовусь «герой» –
Но не тот, что как степь-*такыр*
Жил бесплодно, – теперь батыр
Настоящий я стал, крыла
Ваша дружба мне вдруг дала!
Аккулу возвращаю вам:
С Аккулою напополам
Вы сроднились, без Аккулы
Дни не будут у вас светлы;
Без его голоска село
Онемеет, – неужто зло
Я такое могу принесть
Брату? – вы для меня и честь,
И надежды, и все мечты!
Путеводной земной звезды
Не смогу я у вас забрать!
И удача, и исполать,
И земли нашей благодать –
Вот, что счастье нам может дать!
Сарала мой всё так же пусть,
Служит честно, не зная пут:
Потерять его не боюсь –
Он – любовь моя, трепет чувств,
Он – и совесть моя, и суд.
Станет тюрком бродячий люд,
Станут горы лугами, луг
Станет озером… Только, друг,
Буду вечно я чтить отца –
Седовласого мудреца,
Буду мать горячо любить,
Чувства эти мне не избыть», –
Очень многое Алмамбет
Торопился поведать; свет
Так и лился из ясных глаз.
Здесь оставим мы всех сейчас.
О другом поведём рассказ
Без утайки и без прикрас:
Как в доверие Каныкей
Вновь вошла; отчего же к ней
Ненадолго остыл Манас.
С этой тайны продолжим Сказ.

КАНЫКЕЙ СНОВА ВХОДИТ В ДОВЕРИЕ
ЖЕНИТЬБА АЛМАМБЕТА НА АРУУКЕ

Э… э… э… эй!
Успокоилось всё когда,
Все разъехались кто куда,
Алмамбет оседлал коня,
Чтоб развлечься, его гоня
По горам, по лугам в село,
Где Манас преклонил чело.
Обогнув ожерелье гор,
К Накылай прискакал во двор,
Свой простуженный бас согрев,
Он спросил у неё: «Где лев?»
В доме, слышал он, странный шум,
Потому и пришло на ум,
Что, мол, названный брат за стол
Своих близких друзей привёл.
Накылай снизошла: во двор
Вышла, глянула за забор
И сказала, как будто спор
Продолжая: «С каких уж пор
Лев не может от *байбиче*
Отойти: на её плече
Спит и ест, и дела вершит, –
Я забыла его на вид».
Продолжать сей словесный торг
Алмамбет не хотел, умолк:
Будет тот же, увы, итог;
Он отправился к Карабёрк.
Подошёл он к её ордо:
Что-то, слышит, и там не то:
Словно ссорятся торгаши
Или больше пяти *бакши*
Громко молятся нараспев;
Алмамбета вопрос «Где лев?»
Прогремел по подворью впрок:
Вышла сонная Карабёрк
И, громадный разинрув рот,
Так сказала: «Да кто найдёт?
На носу у своей Каныш,
Видно, лев твой засел в камыш».

Но, услышав такой ответ,
Гневом вспыхнувший Алмамбет,
Задал новый вопрос: «Шалишь?
Кто такая, скажи, Каныш?!»
Сам же думал, свой гнев тая:
«У Манаса, гляжу, семья –
Лишь название; две жены –
Обе злостью заражены,
И бесстыжи, и так грубы,
Словно сплюнул их чёрт с губы;
Что нахальная Накылай,
Что и эта – шалтай-болтай,
А по сути ведь холостой
Брат мой названный, наш герой!
И чем выше он в жизни есть,
Тем ответственней надо честь
Мужа жёнам его беречь;
Ведь геройство и сила встречь
К чести мужа растут всегда;
Жёны вспыльчивые – беда!
Заблудился Айкол, увы,
Не сносить ему головы,
От таких неразумных жён» –
Опечалясь, уехал он.
Оказался когда в селе,
То увидел: на Аккуле
В белоснежном тулупе хан,
Словно горный большой баран
Сам встречает его как брат –
Видно, встрече нежданой рад:
«О-о, батыр, где ты был, скажи?
Я обрадован от души,
Столько дней – никаких вестей.
Отдохнул ли ты от гостей?»
Обнимаясь по много раз,
Так добавил ещё Манас:
«Я жену тут тебе искал,
Ты как чувствовал – прискакал,
Я уж всё обошёл село.
Встретить деву не повезло:
То – состарилось, то – мало,
То – по виду не подошло.
У кыпчаков – сказали мне, –
Есть девица в большой цене;
Сорок всадников я послал
По деревням, чтоб отыскал
Хоть один её для тебя,
Мол, для брата она – судьба».

Прямодушный же Алмамбет
Так Манасу сказал в ответ:
«Я приехал сюда вчера,
И жениться мне не пора:
Ведь сегодня едва пришло.
А пока я искал село,
Где нам втретиться повезло,
Двух твоих я увидел жён
И, по совести, поражён:
Про тебя уж с каких времён
Говорят: мол, женатый он;
Карабёрк да и Накылай
Засорили собой Сарай,
Холост ты, *кабылан*, и знай:
Лучше ад, чем с такими рай!»
Не поднял на Алму и глаз,
Промолчал *кабылан* Манас,
Не пошёл ни к одной жене.
Поразмысливши в тишине,
Не сговариваясь, вдвоём
С ночевою к Жусупу в дом
Поспешили, как брата два,
Спор увял, стартовав едва.
Встал пораньше Алма с утра,
Вышел к берегу со двора,
Смотрит: сын Акбалты Чубак
Тоже рано проснулся так,
Ходит, бродит, скучает он.
У него расспросить про жён
Кабылана решил Алма,
Раздосадованный весьма.
Озорным балагуром был
Сын Балты, его юный пыл
Заставлял нараспашку *тон,*
Как и душу, держать, притом
Тема жён и ему давно
Била в голову, как вино.
И когда Алмамбет спросил:
«Сколько жён у Манаса?» – сил
За зубами держать язык
Он не смог и ответил вмиг:

«Накылай с Карабёрк привык
Звать супругами наш мужик, –
Мол, у льва две жены; сравнить –
Так не дёргает пряха нить,
Как они друг у друга власть
Отобрали бы, чтобы спрясть;
Не разделят и волос – всласть
Наругаются, вот напасть!
Но ещё есть одна жена:
Словно лебедь, бела, нежна,
И чужому как луч она,
Ясноглазая как луна,
Каракана дочь – Канықей:
Шея – лани нежней, длинней,
И слова на устах – как мёд.
Уважает её народ.
И заботлива, и умна,
В мастерстве до того сильна,
Что известна везде она.
В общем, ангел – не человек.
Ей сиять над землёй бы век
Не вникая в людской мирок.
На поминках её ты мог
Заприметить: старик Кошой
Дал с *бата* ей посыл большой;
А когда *кабылану* пёс
Полгруди из ружья разнёс –
Помнишь? – гаденький Кёкчёкёз,
Смерти льву он желал всерьёз;
Так смогла ж Канықей тогда
Подлечить *кабылана*… Да,
Вот такая жена-звезда!
Но задела её беда:
Две соперницы, две жены
Были, в общем-то, не нужны
Кабылану, и две змеи,
Планы вы́носили свои
Как запачкать бы Канықей,
Раз не могут сравниться с ней.
Тазбаймата – он от земли
Стал *чоро*; вот его смогли
Заманить они – парень глуп,
Дали мяса, коня, тулуп.
Каттама и *казы-карта*,
Напоили, чтоб изо рта
Выливался *кумыс-арак*,
Своим ядом змеиным так
Накачали, что он, простак,
Им поверил, мол, брат Чубак
Льва обманывает с Каныш.
Сплетня глупая, но – глядишь,
Разошлась, отравив других,
Да и брату дала под дых.
Канықей и Манас с тех пор
Не общаются; их костёр
Этим ядом залит дотла,
Их не греет, увы, зола.
Две змеи, два исчадья зла
Обломали любви крыла:
Как чужие теперь Манас
И Каныш – их господь не спас.
Неужели таков я гад,
Что святое понятье – брат
Предал, сев на его насест,
Словно нету свободных мест?
Лев – непрост, это блюдо «месть»
Любит только холодным есть;
Без вины я виновен, но
Жду удара я заодно,
О плохом не помыслив век,
Но такой Манас человек:
Он посадит сперва на трон,
Приглядится со всех сторон,
Чтоб прикинуть, как дальше быть
И кого головы лишить.
Он, свой гнев затаив в душе,
Канықей отослал уже
В Карасуу Самаркана – там
Он страдать её бросил, сам
Ни намёком, уверен, ей
В чём винит не сказал, злодей.
Канықей уже шесть годков
Слёзы льёт, без вины, без слов.
Вот каков у змеюк улов!
Я, пожалуй, уже готов
Сам с Манасом поспорить, но:
Нас не слушает он давно.
В чёрном теле свою Каныш
Он решил подержать: камыш
На жилище её дрянном:

Только рваный он дал ей дом,
Яловую корову дал;
Чтобы тени творец не дал,
Заставляет её в жару
На *кунгей*[757] раскрывать нору,
Наступает зима – у ней
Дверь раскрыта лишь на *тескей*[758]».

Смолк Чубак, но его рассказ
Алмамбета до слёз потряс:
Акеркеч он припомнил враз,
Что от сплетни её не спас,
Хоть была она другом лишь,
Как, наверное, и Каныш.
«Дверь захлопнул в душе наш лев,
У героя из стали гнев –
Не расплавить и не разбить,
Можно только, живя, избыть,
Заменив на бессилье то,
Что превыше, чем Ала-Тоо.
Льву с Каныш помириться бы,
Справедливость вернуть судьбы!
Может, я? Если бы, кабы́…
Не такие ломались лбы.
Только всё же молчком, один
Я попробую лёд годин
Растопить… Не скажусь и льву,
Сам поправить судьбы канву
Попытаюсь, лишь встречусь с ней –
С оклеветанной Каныкей,
Посмотрю, что там с нею есть,
Чтоб доверье вернуть и честь!»
Тем же вечером Алмамбет
В путь готовился: ни совет,
Ни напутствия не просил
У всевышних и прочих сил,
Просто ехать готов был он,
Но сначала среди времён
Дня и вечера выбрал миг,
Чтоб *жайла*[759] совершить: он вник
В колдовство о погоде в дни,
Когда детские видел сны
И везде и во всё вникал.
Вскоре снег над землёй порхал,
Все желтеющие луга
До утра замела пурга.
У отца ночевал Манас.
Рано утром белейший наст
Вдохновил на охоту стан:
И *чоро* все, и *кабылан*
Оседлали своих коней
И пустились в поля скорей,
Не забыв про собак, орлов, –
Каждый с лета джигит готов
В самый первый осенний лов
Мчаться в путь без суéт и слов.
Впереди – Алмамбет, за ним,
Как за пламенем вьётся дым, –
Оживлённо скакал отряд,
Каждый был несказанно рад,
Да и как не сходить с ума:
Было птиц на озёрах – тьма,
Дрофы группами шли, фазан
То и дело цветной кафтан
Меж деревьями вдруг являл;
Гуси, утки – как снежный шквал
Налетали, крича, галдя;
Как играющее дитя
Дичь резвилась, и не щадя
Влёт стреляли её шутя.
Все, кто с кречетами на лов
Вышли – сорок Кыргыла львов,
Вся весёлая их гурьба,
Сам Манас и Бакай-*аба*,
Алмамбет и герой Чубак
И, конечно, храбрец Сыргак, –
Все пошли они вдоль воды;
Те, кто псарне травил следы,
Вдоль холмов продолжали путь;
Всюду было на что взглянуть!

[757] Күңгөй – сторона, обращённая к солнцу; солнечная сторона; южный склон горы.
[758] Тескей – несолнечная, теневая сторона; северный склон горы.
[759] Жайла – вызывать изменение погоды при помощи жай таш. Жай таш или кара таш – поверье: камень яда (камешек, якобы находимый в желудке овцы и обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его соответствующим образом заговорить и опустить в воду).

Акшумкар *кабылана* был
Больше года, но он забыл,
Без охоты живя давно,
Как с хозяином заодно
Восторгаться, гореть, спешить –
В общем, полною грудью жить!
И, отпущенный, он сейчас
То стрелою скрывался с глаз,
Уходя в облака, в туман,
То, оглядывая курган,
Круг закладывал в вираже
Так, что струны рвались в душе.
Птицы, вспугнутые волной
Над сверкающею водой
Шли, безумолчно гогоча;
Акшумкар, подскочив с плеча,
Где присел было сгоряча,
В небо снова взлетел, крича,
На равнину рванул и дроф
Раскидал, как вязанку дров,
И немедленно был готов
Растерзать журавлей, чирков,
Галок, кекликов и гусей,
Диких уток в красе их всей –
Желтошеих, с двойной каймой –
Изумрудной и золотой;
Даже аистов Акшумкар
Всех по отмелям расшукал.
В общем, скоро в подсумках всех
Трепыхался дневной успех,
Что из сумок уже ползло –
Низкой вешали на седло,
А кому-то уж так везло –
На подхвостник как помело
Низку вешали – и вперёд!
Дотемна всё стрелял народ
Куропаток и прочих птиц,
И зверушек – куниц, лисиц,
Всяких-разных *кийиков* – тех,
Кто весомей простых утех;
На оленей-самцов в лесу
Шли, где тропы доступны псу,
Продираясь сквозь бурелом,
Слыша шорох со всех сторон.
Был сверх меры доволен люд.
Труд с азартом – уже не труд:
Развлечение, торжество –
Вот такое вот волшебство.

Но во время *бешима* вдруг,
Когда все собрались на круг
И прощался уж Ырчуул,
Уходил с ним и Бозуул,
Алмамбет им не дал уйти:
Мол, негоже на полпути
На лежанку спешить, домой,
Мол, чуть выше, где водостой
Самых лучших из стайных птиц
Собирает вокруг криниц,
Можно ловчих *шумкаров* всем
Испытать без лесных проблем:
И простор там, и тишина,
И долина с высот видна.
Там, мол, важенки все – они
Подустали от беготни
Можно брать их теперь, ручных,
Возле отмелей тех речных.
Два батыра пошли, и вслед,
Саралу взбодрив, Алмамбет,
Поскакал на Сазданский дол.
Путь на берег их всех привёл.
Ырчуул, Бозуул глядят:
Юрты чёрные там стоят:
Там была ведь всего одна –
Неказиста и так бедна,
Что при мысли о ней слеза
Наворачивалась на глаза;
Нынче, словно холмы, видны
Аж четыре, и не бедны!
«Раньше видеть их не пришлось.
Ветер, что ли, дома принёс?
Мастерица она, глядишь, –
Несдающаяся Каныш,
Побывал, что ли, ангел здесь,
Чтоб её не страдала честь?», –
Так джигиты шептались, им
Словно в душу пробрался дым:
Был, кизячный, не золотым,
А обычным, земным, седым.
Так стояли втроём без слов.

Вдруг за ними из-за холмов
Показались Манас, Бакай
И Чубак – он через *тугай*
Продирался скорее в дол;
Лишь последний из них дошёл,
Хана дочь, Канымей, поклон
Сделав общий, взошла на склон
Подошла – не к Бакаю, нет,
Ырчуул, Бозуул, Алмамбет,
Да и смелый герой Чубак –
Не смутили её никак,
Лишь к Айколу она, спеша,
Подошла, как сама душа,
И поводья его коня
Приняла, как пучок огня.
Все тут спешились сами. В дом
Пригласила она, притом
Обнесла ключевой водой,
Чтоб умылись, и на льняной
Чистой скатерти *дастархан*
Вмиг собрала: *боорсоки*, *нан*,
Май, разбитый *нават*, *курут* –
Что за пару сберёшь минут.
Алмамбет покосился зло
Словно беркут – мол, как, дошло? –
На спокойного внешне льва,
Лишь притрагиваясь едва
К *дастархану*, как будто снедь
Здесь поставлена, чтоб смотреть.
Он стеснялся как будто, ком
В горле встал: словно солнцем дом
Освещался надеждой: мол,
Муж к жене, наконец, пришёл
И теперь, мол, в единстве двух
Вновь воспрянет счастливый дух,
И богатство, и благодать.
«Как же брату мне знак подать?»
«Эй, храбрец мой, ты чай-то пей! –
Он Манасу сказал, – Смелей!»
Пожалел Алмамбета лев,
Он и сам притушил свой гнев
Этой радостной добротой,
Вспомнив свой без хозяйки *той*,
Что недавно провёл в селе,
Сам себя упрекнув во зле,
Сунул руку он в чашу – мол,
Надо, братцы, почтить нам стол.
Стол накрыв, Канымей ушла
В кухню – дальше вершить дела,
Но сначала гостям она
Жекендоз[760] раздала сполна,
И подушки нашлись: под бок
И под голову – чтобы смог
Кто устал, прямо здесь прилечь,
И умчалась варить и печь.
Голова у Манаса чуть
Прикоснулась к подушке – чувств
Утомил хоровод его,
Вмиг уснул он: как волшебство
Унесло его в детство вдруг,
Словно жизненный главный круг
Здесь замкнулся, и каждый звук
Убаюкивал сердца стук.
Когда в дом Канымей зашла,
Видит лев её спит, мала
Жекендоз для него – сползла
Вся фигура, и вдоль стола
Ноги вытянул *кабылан*,
В сон уплыв, словно мальчуган.
Посмотрев на Алма, Каныш –
Он один не дремал здесь лишь,
Без стесненья, мол, – «вот еда», –
Словно зная его всегда
Так спокойно сказала, он
Был сильней, чем она, смущён,
И тотчас разбудил других,
Даже льва подтолкнув под дых.
Целых сорок четыре всех
Здесь собралось – и вскоре смех
Огласил одинокий дом:
Смех смущенью служил щитом,
И еда была так вкусна,
Что понравилась всем она.
Пока длился большой обед,
Всё прикидывал Алмамбет,
Как, мол, сделать, чтоб свой запрет
Или – как там, – дурной обет
Снял с безвинной души Манас,

[760] Жекендоз – жекендос – маленькая узкая стёганая подстилка для сидения.

И себя этим, в общем, спас.
Обратился к батырам он:
«Ырчуул, Бозуул, вдогон –
Вы спешили же по домам, –
Дать хочу порученье вам:
Подготовьте верблюдов: их
В связку каждую четверых
Заарканить гуськом, связав,
Шесть десятков двугорбых взяв,
Да таких, чтоб на них казну
Можно вывезти на луну,
Приведите на зорьке их…
Хватит выполнить вас двоих?
Если да, попрошу других –
Всех собравшихся остальных, –
Не мешаться в одном углу
И к другому уйти столу –
В общем, место себе найти
И не путаться на пути!»
Так Алма повелел, и люд
Понял главное в пять минут:
Сорока молодцам-*чоро*
Дал на отдых Кыргыл «добро»,
Все ушли они в дом другой,
Чтобы сон обрести, покой,
В одеяла зарыться так,
Как умеет лишь молодняк.
Что-то ценное если там
Даже было, то по углам
Вряд ли шарить начал народ:
Все – элита, не просто сброд.
В доме, где проходил обед,
Лев остался и Алмамбет,
И Бакай, и храбрец Сыргак,
И, конечно, герой Чубак.
Извинился Алма вперёд,
Прежде чем разговору ход
Дал, коснувших минувших дел,
Перешедших за свой предел.
Чубаку, чья вина молвой
Рисовалась, допрос большой
Учинили, запечатлев,
Что, поверив, ошибся лев.
Три свидетеля: сам Чубак,
Алмамбет и батыр Сыргак
Этой истине чистой в знак
Перемирия белый флаг
Льву с женою поднять вдвоём
Поручили, покинув дом.
Лишь за ними закрылась дверь,
Сивогривый с Каныш теперь
Без душевных уже потерь
Уяснить, что за дикий зверь –
Ревность вкупе с сплетней – вдруг
На года разомкнула круг
И доверия, и любви.
Вновь запели как соловьи
Их сердца: через столько лет
В счастье вывел их Алмамбет.
Утром встал раньше всех Алма,
Всем доволен он был весьма,
Наблюдая, как Каныкей,
Лишь проснувшись, взялась быстрей
Собирать свой домашний скарб:
Не хватало коней и арб,
Не хватало, конечно, рук.
Вереница верблюдов вдруг
Показалась из-за холмов;
Тут же выпали все из снов:
Каждый был из *чоро* готов
Паковать одеяла, кров,
Утварь всякую, казаны –
Всё, включительно до жены
Кабылана, который сам
Не поверил своим глазам.
На пятнадцать верблюдов бог
Все дома погрузить помог;
Алмамбет их послал вперёд,
Чтоб всю ночь продолжать поход,
«Перевалы Томо, Долон
Перейдёте», – сказал им он.
Шесть десятков верблюдов – всех
Нагрузили, и без помех
В путь отправились; Тазбаймат
Весь тянул на себе отряд, –
Так велел ему Алмамбет,
Памятуя: начало бед
Положил Тазбаймат, и он
Пусть исходит за склоном склон
Искупая свой грех; главой

Каравана стал брат родной
Кабылана – ну, да, Сыргак,
Он в начальники рвался так,
Словно путь на Белсаз один
Знал к Жакыпу, как главный сын.
Только прибыли на село,
Карабёрк с Накылай зело
Испугались и по углам
Отсиделись, молясь богам.
Алп Бакай, Жамгырчы, Балта,
Все к Жакыпу пришли; сюда
Чыйырды и Багдёолет
Поспешили прийти чуть свет,
И, конечно, пришёл Кошой
С необъятной своей душой, –
В общем, все собрались, и вот
Хан Жакып, оглядев народ
И бородку огладив чуть,
Так сказал, не скрывая чувств:
«К Айдархану наш Алмамбет
Привыкал целых десять лет,
Отдавал своё время, труд.
Целых десять годков! А тут
Он не прожил ещё годка.
Но, бывает, что за века
Драгоценный алмаз рука
Камнем держит простым, пока
Не обронит его в навоз.
Сколько людям добра принёс
Сын мой названный Алмамбет
За минувшие десять лет!
Но хлебнул он, увы, в ответ,
Оклеветанный, столько бед!
Не привязан ничем он был,
Ноги знали лишь путь да пыль.
Как такие дела прошли?
Не рассудишь – тот край вдали.
Слава богу, моей земли
Мне хватает, чтоб здесь росли
Бриллианты в земле, чтоб цвёл
Даже старой чинары ствол:
Соловей на её ветвях
Нам поёт, и неведом страх
Всем, живущим в согласье здесь;
С Алмамбетом окрепла весть,
Что *алаши* пойдут в Талас,
Где места ожидают нас
С изобильем цветов и трав,
И на них у нас больше прав,
Чем хотелось бы всем врагам.
Приживёмся мы славно там.
Ждёт хозяина наш Талас.
Со своей Канькей Манас,
Я гляжу, кочевать готов;
Где глава наша – там и кров.
Пусть не сразу – и пусть пройдёт
В суете но без спешки год,
Ведь у белых у всех бород
Дело важное есть – вперёд
До кочевья его свершить
Надо всем нам: Алму женить!
Надо ноги ему связать,
Чтобы он не ушёл опять!»
Пока речь свою вёл отец,
Сам Манас пришёл, наконец,
С ненаглядной женой своей,
Расставаться не мысля с ней.
Старики же шумели: «Хан,
Ты прославишь кыргызский стан!
Ой, спасибо, Жакып, тебе,
Как ты прав, ты – пророк в судьбе,
Словно масло, ты льёшь слова,
Даже кружится голова!
Будем вместе решать с женой
Алмамбету, он наш, родной!»
Предлагать уже вразнобой
Стали род свой – один, другой:
«Наши девы из Каканчын –
Счастье выбравших их мужчин,
Всё кипит в их руках, баклуш
Бить не будет ни в чём их муж!»
Кто-то вспомнил: «А ведь Алма
С Бакбурчунов; их род – эх ма! –
Царский род; это гордость, спесь!»
«Алмамбетом-то движет месть:
Рану носит он в голове,
И, наверное, в большинстве
Будут те, кто отвергнут им».
«Ты забыл, как быть молодым!
Что там рана, и что там месть,

Если девушки в мире есть!»
«Всё рассудит наш лев Манас:
Он, наверно, уже припас
Столь красвиц для брата – ух!
Может, даже и сразу двух!»
Не нашлось никого вокруг,
Кто не высказался бы вдруг,
Каждый «за» был и всяк кивал
На другого: мол, кто бы знал.
Тогда встала и Каныкей,
Поклонилась рядам гостей,
Выделяя из всех свекровь –
Чыйырды – поклонилась вновь
И сказала, прищурив глаз,
Словно тайну при всех сейчас
Приготовилась вдруг сказать:
«Дорогая родная мать!
Ум твой светлый – нам благодать,
Обе матери – исполать!
Я начну свой рассказ о том,
Как с Какана пришёл в наш дом
Опечаленный Алмамбет,
Весь иссохший от многих бед.
Чтоб его подбодрить, отец
Сразу в жертву принёс овец
И другой драгоценный скот
И подзуживать стал народ
Непременно Алму женить.
Вот рассказа златая нить.
Где мы будем искать жену?
Просто девушку иль родню?
С кем сродниться мечтает род?
Нам каракалпак подойдёт?
Или, может, туркмен? *Калча*?
Может девушка быть ничья?
Или, может, *баран, шанкай*
Новой кровью украсит край?
Иль *мангыты, журжут, жуда*
Породниться придут сюда?
Когда радостных шесть родов
Известили: мол, в мир готов
Сын с великой душой прийти,
Много вынесли мы в пути
К этой сбывшейся вдруг мечте.
Бадыкёла уняв в гнезде,
Наш народ отстоял свой мир;
Вот тогда-то Шаатемир
Из орды Бадыкёла в дом
Деву молча привёз; потом
Объявил – мол, кыргыза дочь,
Мне – сестрёнка, она точь в точь
Повторяла разрезом глаз
И повадкой меня; сейчас
Ей уж двадцать один, она
И красива, и так умна,
И с характером! – ястребок
С ней бы соревноваться мог:
Схватит всё на лету сполна,
Вот кому-то растёт жена!
Шёлк, что славят, – Букарский шёлк,
Не нежней её кожи щёк,
Кстати, дело её же рук
Шёлк, что ценится так вокруг!
У неё волшебство в руке:
Коль возьмётся Аруке
За какое-то дело – вмиг
Как с живою водой родник
Всё свершается и поёт…
Голосок у ней – чистый мёд!
Я могла бы еще облечь
Сто хвалебных примеров в речь,
Но стесняюсь: она – сестра,
И замолкнуть уж мне пора.
Никогда я ведь, *атаке*,
Не хвалила Аруке,
В первый раз, потому что нет
Дев таких, чтобы Алмамбет
Счастлив был, хоть его кумир
Выбирал ведь не он, а мир.
Восемь лет – как я к вам пришла.
На шесть лет меня развела
С нею жизнь: я была *салбар*[761]
Шесть несчастных годов… И дар
У сестры, говорят, возрос,
И уже женихи всерьёз
Помышляли о ней, моя

[761] Салбар – жена, не пользующаяся вниманием своего мужа, или девушка, которой пренебрегают женихи.

Опозорена вся семья.
В захудалой деревне жить
Мне безвинно пришлось, служить
Неизвестно кому-чему,
Управляться одной в дому,
Но страшнее всех этих мук
Мысль, что бедная, без подруг,
Под надзором отца сестра
Не выходит и со двора:
Знает бедный отец – меня,
Непонятно в чём обвиня,
Муж в *салбары* низвёл, и что ж –
Зная: мне не присуща ложь,
Мой отец и Аруке
Побоится вести к *нике́*:
Мол, обидят и эту дочь!
Я не знаю, как ей помочь.
Я искала – ошиблась в чём,
Что прогнал меня мужнин дом,
И найти не могла, увы,
Чем прогневала глас молвы.
Восемь лет мы с моей сестрой
Не видались… Ведь я – изгой
Стала – мир не без «добрых» уст,
Не щадящих отцовских чувств
И сестрёнкиной чести… Нет,
Я не буду винить в ответ
Криворотый *Узункулак*[762],
Я сама заблудилась так.
Лишь великий мой муж Манас
И богатый мой свёкор нас
Осчастливят, коль вот сейчас
Связь наладят с отцом, – не раз
Отплачу за добро добром;
А тем более если в дом
Алмамбет Аруке возьмёт –
Будет самый счастливый год
У меня, у неё, у всех!
Мой отец Каракан за грех,
Я надеюсь, не примет весть,
Что собой искупает честь
Алмамбет – Аруке, мою,
Принимая её в семью?»

Тут расплакалась Чыйырды,
Попросила глотнуть воды
У невестки своей скорей.
Ну, а бедная Канымей
Молча ей подала воды,
Опуская речей бразды.
«Не тебе – *кереге*[763] – скажу:
Ты, сноха же, без дележу
С этим деревом – о себе,
Слушай, что, мол, не так в судьбе;
Не тебе, а коню скажу,
Слушай, сын, без нетерпежу», –
На свекровь поглядев, *келин*,
Улыбнулась; отец и сын,
Все, кто в юрте, нашли ответ
В поговорке, припомним: свет
Это счастье с замесом бед;
И решили, что Алмамбет,
В жёны взяв Аруке, двукрат
Станет сразу Манасу – брат.
Одобрением голоса
Зазвучали, ведь здесь нельзя
Лезть с советом к семье чужой,
Где уклад и порядок – свой.
Рано утром Жакып-богач,
Чтоб сберечься от неудач,
Ждал гадальщика на порог
И дождался: пришёл Тёлёк.
Посоветовавшись с судьбой,
Двух друзей прихватив с собой
И ещё Алакена – в путь
Поспешили; тревоги суть
Заключалась не в днях пути,
Что не так уж легко пройти,
А в другом: как Букар их ждёт,
Как их встретит его народ,
И какая молва дошла
До их города из села.
А гудело село всю ночь,
Каждый, в общем, хотел помочь
Богачу: чтоб сосватать дочь,
Не уехать пустыми прочь,
Надо много даров принесть,

[762] Узун кулак – *дословно*: длинное ухо; т. е. сплетни, молва.
[763] Кереге – деревянная решётка цилиндрической части юрты.

И обычай по чести честь
Соблюсти, да ещё притом
Доказать, что в хороший дом
Дочь хозяйкой хотят ввести,
И что жить она лишь в чести
Будет в новом семействе впредь –
Вот как надо на всё смотреть.
Жеребёнка, кобылу… Нет –
Верблюжонка зарежем! – свет
На подворье не гас всю ночь,
Как тут было не изнемочь?
Но приходит всему конец.
Вот Манаса седой отец
Прибыл снова в Букар, как сват.
Его встретил большой отряд:
Каракана джигиты в дом
Проводили Жакыпа: он
Должен был отдохнуть сперва
Хоть денёк, ну, а лучше – два.
Хоть и осень, тепло ещё
Шелестело как легкий шёлк,
Но к Жакыпу и сон не шёл,
Хоть их встретили хорошо.
Пролетело два дня, и он,
Погрузившись в здоровый сон,
Отдохнув, и без всех тревог
К Каракану явиться смог.
Поздоровался, видит: сват,
Хоть учтив, но совсем не рад,
Но куда уж деваться? – в речь
Он решил свой вопрос облечь:
«Специально издалека
Я приехал, и старика
Ты, прошу, Каракан, уважь:
Ты ведь родственник близкий наш.
Дело вот в чём: недавно к нам
Прибыл, бросив родной Какан,
Алмамбет – его братом хан
Наш Манас называет сам.
Так он стал моим сыном. Нас
С Чыйырды уважает барс –
Он и вправду, как барс, силён,
Лишь с Манасом сравнится он.
Каракан, мой любимый сват!
Породниться вдвойне бы рад
Через сына Алму и дочь
Дочь твою – Аруке… Помочь
Только ты можешь в этом мне.
Вижу я, что в душе на дне
Ты несёшь, словно грязь, молву.
Я готов преклонить главу –
Мол, секи её, острый меч!
Но, повинную, можно ль сечь?»
Лишь нахмурился Каракан:
«Ты бесстыжий, Жакып, хоть хан!
Мою неженку Каныкей
Дал Манасу, и от людей
Узнаю, что она – *салбар*!
Ты разводишь опять базар.
Аруке разве я отдам,
И кому?! – ты сказал ведь сам,
Как бы сын твой – китаец, раб!
Всё равно мне: силён он, слаб», –
И с такими словами сват
Вышел, хлопнув калиткой врат.
И Жакып поспешил уйти,
Но на улице, в полпути
К гостевому жилью, застыл:
Слишком бок, там, где сердце, ныл.
«Допустили ошибку мы,
Не сумели напрячь умы.
Вдруг ответа не даст мне сват?
С чем поедем тогда назад?»
Прибыл в дом гостевой, порог
Миновав лишь, вскричал: «Тёлёк!
Расскажи мне скорей, сынок,
Что увидеть ты в завтра смог?
Алыке, ты возьми *далы*[764],
Что ты видишь? Как люди злы
На меня, на моих сынов?»
Алакен ещё не готов,
Дать ответ был, как и Тёлёк,
Но раздался вдруг голосок
Рядом с домом – как колосок,
Что под ветром звенит, высок:
Аруке, Каракана дочь,
Им решила сама помочь
Лишь узнав, что богач Жакып

[764] Далы – лопатка овна. Использовали для гадания.

Из-за сплетен в немилость влип:
Лодка дружбы пустила течь.
Отношенья решив сберечь,
Повела о погоде речь,
Не признавшись, что Акеркеч
Кое-что рассказала ей;
Только дева была мудрей,
Так подумав: «Смолчу о том,
Что Жакыпа я знаю дом,
Коль понравлюсь ему – потом
Пусть узнает, что был ведóм
Интересом моим к тому,
Кто живёт у него в дому.
Алмамбет ведь по роду – хан,
Сам красивый, высокий стан,
Храбр и славен он, как Манас,
Двадцать восемь ему сейчас:
Самый возраст любви, побед,
А не старческих склок и бед!»
Но хитруша Аруке,
Плавно двигаясь налегке,
Взяв с собою подружек двух,
Разговаривала, как дух,
Что в неведенье также чист,
Как впервые раскрытый лист.
Жакыпхан, приглядевшись к ней,
Очаровываясь сильней,
Отмечал и сиянье глаз
И её красоту, не раз
Оперение фазана
Вспоминая, когда она
Чуть раскачиваясь в ходьбе
Рассуждала с ним о судьбе,
Ворожбе, как о волшебстве,
О здоровье и о себе.
«И заботлива, и умна –
Вот такая нужна жена:
Все проблемы решит всегда,
Лишь одна у неё беда:
В ягодицах узка она,
Как былинка тонка, длинна, –
Плохо будет ведь ей рожать,
Слишком хрупкая будет мать».
Впрочем, он недостаток сей
Разглядел, чтоб потом быстрей
Отойти от отказа – сват,
Вряд ли слово возьмёт назад.
Уловив этот грустный взгляд,
Аруке, завернувшись в плат,
Повернувшись, зашла в *ордо*,
Словно взять захотела что;
Лишь взошла она на порог,
Обернувшись, сказал Тёлёк:
«Сюйюнчу! Мои камни нам
Обещают, что Каракан
Дочь отдаст свою, ясен день!»
Вторил радостно Алакен:
«И *далы* предсказали так,
Очень благоприятный знак!»
Встал Тёлёк: «Каракан не вдруг
Скажет «Да», для его потуг
Лик держать надо много дней.
Чтобы новый заход верней
Обернулся согласьем, вам,
Не доверившись лишь словам,
Взяв старейшин, вести сюда,
Да верблюдов бы череда
С грузом золота на горбах
Помогла бы – не на словах.
И к старейшинам, и к дарам,
Чтоб обиды уменьшить шрам,
Канықей свою взял бы, хан,
Путь проведает отчий клан:
Если с нею пойдёт и лев,
Свата праведный схлынет гнев;
Алмамбет соберётся в путь –
То, пожалуйста, не забудь,
Чтобы огненный Кылжейрен
С белой ватой бы шёл, и крен
Не давала б его чалма –
Пусть придержит её тесьма
Иль незримое что для глаз.
Вот тогда не пройдёт отказ!», –
Это так он шутил всегда.
Алакен же решил тогда
Сделать полный расклад всерьёз:
«Атаке, Вы – почетный гость.
Ведь *далы* посильней камней,
И гаданье у них ясней,
Вот они говорят, что Вам

Вопреки бодрячкам-камням
К Каракану прийти с утра
И сказать, что уже пора
Вам на время с его двора
Съехать, чтобы вернуться вновь
С Каныкей, чтоб она любовь
Подтвердила, Манаса взяв;
Что доносит молва-удав,
Мол, не стоит и обсуждать,
Успокоит пусть тестя зять.
И добавьте еще, ата:
В прошлый раз, мол, пригнал сюда
Вам за дочь я полно скота,
Вы его растеряли, да,
Не сумев обиходить так
Как положено, – это знак,
Что теперь уж не скот для Вас
Привезу – золотой запас!
Не кормить его, не пасти
Не придётся, мол, сват, прости.
Вы же храбрый, ата, ему
Расскажите Вы по уму,
Что состарится если он,
Не посмеют его в полон
Взять враги, если зять Манас
С Алмамбетом вдвоём как раз
Встанут рядом – они вдвоём
Защитят от напастей дом!
И скажите ещё, *ата*,
Что душа у вас так чиста,
И на свадебный пир всегда
Вы найдёте, как встарь, скота».
От советов Жакып слегка
Подустал, но решил – пока
Не расширилась щель обид,
К Каракану поехать – вид
Слишком хмурый у свата был,
Надо сплетен разветь пыль:
Результат ворожбы избыл
Все тревоги, добавив пыл
Жакыпхану в его борьбе
С неурядицами в судьбе.
Алакен и Тёлёк в орде –
Поселили гостить их где, –
Оставались коней пасти,
А Жакып, закрутив в горсти
Клин своей бороды, герой,
Чтоб в ладу быть с самим собой,
К Каракану помчал домой
На беседу – почти на бой.
Аруке же опять пришла
С приживалками в край села,
Где ребята пасли коней,
Чтобы их расспросить полней;
Алакен посмотрел: она
Любопытства была полна,
В золотых украшеньях, с уст
Льётся речь – как поёт комуз:
«Ах, и ты из героев, да?
А приехал зачем сюда?
Незнакомый в Букаре ты,
Ты по делу иль так – мечты
Привели к нам богатыря?
Ты с тех мест, где встаёт заря?
Расскажи о себе! Прошу!
Я с подругами прохожу –
Вижу гости пасут коней.
Любопытство меня сильней!
Кто ваш хан, кто у вас герой?
Где живёте вы? За горой?
Из какого же рода вы?
Я слыхала из уст молвы,
Что Манас за горой живёт,
Вы, наверно, его народ?
Может, даже его *чоро*?
Улыбаешься так хитро,
Значит, я угадала, – да?
Ну, раскрой же свои уста!»
Алакен, хоть и был смущён,
Рассказать попытался он
Всё как есть и со всех сторон:
«Да, скрывает тот дальний склон
Нашу вотчину – Самаркан,
Мы – *ногои*, великий хан
Нами правит, зовут Манас,
Он всегда защищает нас,
Его любит простой народ,
Он чугун словно тесто мнёт;
Есть Чубак – его брат, как барс,
Тоже он защищает нас;

Мастер дел всех старик Бакай
В равновесии держит край;
Ажыбай, Алмамбет – они
Наши *беки*[765] на о́ны дни.
Алмамбета женить решив,
Хан Жакып, мол, покуда жив,
К Каракану поехал, к вам;
Но, поверив чужим словам,
Ваш отец отказал сперва;
Мы вернёмся в Букар снова́
И тогда привезём *сёйкё*[766],
Ведь пока что мы налегке
Без сестры Вашей – Канькей,
Мы вернемся теперь за ней,
Вы нам тоже теперь – *джене*,
Уж поверьте на слово мне!..
Алакен – так меня зовут.
Только правду сказал я тут,
Хан Какана – Манаса брат –
Алмамбет, и его хулят
Лишь враги его, не друзья;
Он с Манасом одна семья,
Будь попроще жених, тогда
Не посмели бы мы сюда
К Каракану-отцу прийти;
Вас ведь тоже – не провести,
Не простушка ведь вы, не зря
Разрумянились, как заря».
Аруукe, всё теперь узнав,
Успокоилась: добрый нрав
Дал ей бог наравне с умом;
Радость вспыхнула в ней огнём:
Алмамбет! – это точно он,
Значит – правда, не глупый сон.
Но показывать свой восторг
Не хотела она: ведь торг,
Что затеял её отец,
Мог печальный иметь конец.
Подобрала она слова,
Чтобы радость её едва
В них бы брезжила: мол, увы,
Очень многое из молвы
Ты сумел мне пересказать;
А вообще-то Манас – наш зять,
То, что ты рассказал о нём –
К нам молва приносила в дом
До того, как моя сестра
Из родного ушла двора.
Мало слов Аруукe нашла,
Лишь стояла и так цвела,
Что румянец девичьих щёк
Яхонт алых ее серёг
И такого ж кольца затмил.
Ах, как юный прекрасен пыл!
Как невинный румянец мил!
Сколько в юности бродит сил!..
Но вернёмся к Жакыпу: он
Был изрядно ещё смущён,
К Каракану в *ордо* спеша –
Так болела его душа! –
Он к отказам ведь не привык:
Словно жиром оброс старик
Почитаньем и похвалой,
И на свата был даже злой.
К Каракану собрался сход.
Ждали все, что Жакып придёт,
И шушукался лишь народ,
Зная хана ответный ход.
И Жакып, и его Тёлёк
Не без трепета на порог
К Каракану зашли едва,
Жакыпхан про себя слова
Повторил, что продумал, чтоб
Всё повысказать свату в лоб.
Каракан был угрюм и хмур,
Исподлобья глядел, как тур,
Кому шкура недорога
Кто уже наточил рога.
Поздоровавшись, Жакыпхан
За словами не лез в карман,
Подошёл к Каракану близ
И немедленно выдал мысль:
«Каракан, как и ты – я хан,
Ненадолго я прибыл к вам,

[765] Бек – феодальный властитель, ниже хана.
[766] Сөйкө – серьги. Сөйкө сал – привешивать девушке сөйкө в знак успешного завершения сватовства.

Есть свои у меня дела,
Мне неделя всегда мала;
Потому не держу я зла,
Что кольнула тебя игла
Неоконченных дел в тот миг,
Как к тебе я пришёл, старик.
Что ж, пришёл я к тебе опять,
Чтоб два слова своих сказать.
На капризы лишь только мать
Может дитятке отвечать.
Так спешил ты, что бросил дом.
Удалился и я молчком,
Говорят: «Коль спина торчком –
То ли горб, то ль сокровищ ком».
Впрочем, баит ещё народ,
Тот в капризах всегда живёт,
Кто не сына растит, а дочь;
Потому я решил помочь
Разобраться тебе во всём,
Чтоб родство не пошло на слом.
И терпеть я готов, и в дом
Приходить, лишь добром ведом.
Алмамбета назвав рабом,
Не меня оскорбил – потом
Будешь грызть ты себя за то
Перед зятем винясь, – никто
Не пинает вот так судьбу!
Впрочем, грабли-то бьют по лбу.
Близорукий ты очень тесть.
Каныкей у Манаса есть,
Не она бы – так разве я
Как и, вобщем, моя семья
Не пришли бы к тебе, пойми, –
Так не водится меж людьми.
Веришь детям ты иль молве?
Носишь шапку на голове –
Мол, для этого лишь нужна.
У Манаса жена умна,
И послала меня она –
Догадаться бы мог сполна.
Каракан, ты всегда был злым.
Заломил ты такой *калым*,
Что не смог разобраться с ним,
Весь развеял его, как дым.
Ты-то думал, мол, сват сбежит
Но другое сказал мой вид:
Согласился ведь я на всё,
И судьбы моей колесо
Закрутилось, как я хотел.
У меня очень много дел!
По обычаям, по душе
Я веду их всегда – уже
Скоро будет почти что век.
Вот такой уж я человек.
Как обычай велел, луга
Я заполнил скотом, врага
Заподозрив во мне, слегка
Испугались вы все… Рога
И сейчас отрастив себе
Ты их выставил встречь судьбе!
В прошлый раз я ведь сел на *тёр*,
Хоть престраннейший разговор
Ты затеял при сватовстве:
Речь ведь шла и о колдовстве,
Об озёрах, где *май* и *сют*[767].
Но у жизни свой высший суд:
У Манаса семья крепка
Без волшебного молока!
Сын – опора отцу, крыла,
Что судьба ему в путь дала;
Коль *келин* хороша, то, знай:
Наступил для свекрови рай.
Тестю с тёщею урожай:
Чтоб уважили – уважай!
Буду ждать от тебя ответ.
Столько, сколько ты хочешь лет,
Но, затягивая года,
Помни, юность – не навсегда,
Свадьба дочери юной – пир,
О котором мечтает мир,
Старой деве с каких-то пор
Мир пророчит не пир, а мор.
Выход девочки юной в свет –
Красивее явленья нет,
Ну, а если ровесник-муж,
Да и любит её к тому ж,
Вечный праздник, душевный свет.
Азизхана сын Алмамбет

[767] Масло и молоко.

Мне сегодня стал сыном – он
Очень знатным на свет рождён,
Породниться с ним – это честь;
У тебя же – дочурка есть
Несравненная Аруукe;
Я сказал бы тебе, Каке,
Ей пророчен отличный муж –
Молод, знатен, богат к тому ж,
В восемнадцать наш Алмамбет
Трон покинул, чтоб белый свет
Повидать, испытать себя;
Он с родными порвал – судьба
Испытанье дала ему;
И по сердцу, и по уму
Выше многих он, и враги
Все боятся его руки:
Там, где вёл он сраженье, след
Остаётся на много лет:
Не боится он смерти, нет, –
Вот таков мой сын Алмамбет!
Кон, Уушан, Нескара, Жолой,
Борончу, Мурадил – порой
С ним сражались по многу лет,
Побеждал всегда Алмамбет!
Сын Манас мой увидел сон:
Что с Алма породнится он,
Ради этого целый *той*
Закатил мой сынок родной,
Я родному не отказал,
Так мне сыном Алма и стал.
Ты Манасу отец, как я,
Очень близкая мы родня,
Неужель помешаешь ты
Льву исполнить свои мечты?
Я хочу твой собрать народ
И спросить у него вперёд –
Пока ты мне не дал ответ:
Плох в защитниках Алмамбет?
Девяностый ведь день придёт,
Соберётся тогда народ
Чтоб встречать Каныкей, *келин*;
И, конечно же, господин –
Муж её и твой зять Манас
Сам прибудет сюда , чтоб нас
Поздравлять с молодой семьёй;
Всех властителей я на той
Приглашу, и, само собой,
Скот для праздника будет мой;
И верблюдов я шестьдесят
Приведу в твой Букар: вместят
Сколько золото меж горбов –
Столько дать я тебе готов
За твоё золотое «да»;
Жамгырчы, великан Балта,
И Кошой, и герой Тёштюк –
Соберу всех батыров круг,
Сынчыбек с ними, *сарт*, придёт,
И Багыш-*жедигер*, и тот,
Где Ургенч на себе везёт, –
Хан Акун; ну, а к ним примкнёт,
Лишь услышит он о тебе,
Керкёкюл из Кетментёбё,
А прознает о свадьбе лишь
Иссыккульский герой Агыш –
Будет всех впереди, смельчак,
Как с Алмааты Музбурчак,
Кылжейрен из Китая – всяк,
Чтоб поздравить наш молодняк,
Бросят, знаю, свои дела
Ради свадебного стола.
Да, ещё, чтоб ты знал, мой сват:
Алмамбет мастерством богат:
У казахов умножить мог
Табуны за недолгий срок,
Так что не на одном коне
К нам казахи прибудут – мне
Так сдаётся, что этот счёт
Ближе к тысяче лишь пойдёт,
И верблюдов почти что сто
Надо нам нагрузить, а то
Для *чачыла*[768] везти *нават*
Лучше загодя, говорят;
Девять, думаю, жеребят
Прихвачу, и такой расклад
Я наметил, послушай, сват:
Должен быть у нас в этом лад:

[768] Чачыла – свадебный обряд: кто-л. из старших женщин из родни жениха обсыпал сластями.

Чтобы тысячу бурдюков
Сделать водки, то я готов
Столь пшеницы доставить, чтоб
Каждый гость бы прочистил зоб;
Лишь бы зёрнам не дать сгореть,
Чтоб с кураем смешали впредь,
Чтобы знающий человек
Был в ответе – ведь долгий век
Будет помнить народ, какой
Щедрый был и обильный *той*;
Будь готов, Каракан, к тому,
Если будет всё по уму,
То останешься для людей
Ты как праведник, не злодей.
Обещанья мои – закон.
Пусть же прочно стоит твой трон,
Только вот Каныкей на *тёр*
Мой садится с недавних пор,
Остальное всё – просто ложь.
И куда ты, скажи, уйдёшь?..»
Речь закончив, Жакып привстал
И, погладив седой *сакал*[769],
Сделал вид, что уходит прочь.
Каракан испугался: дочь
Растревожила жизнь сполна:
Он услышал лишь имена
Ханов, тех, семерых, что вдруг
Здесь появятся! – сердца стук
Повторял имена их лишь,
А когда Акунхан, Багыш –
Как Жакып обещал, – на той
Соберутся сюда, бедой
Он почти подавился: «О-ох», –
С губ слетел его тяжкий вздох,
И подумал он: «Видит бог,
Откажу если – буду плох
Я не только для Каныкей,
Но для властных больших людей,
И дела все пойдут вразброд,
И поймёт ли меня народ?
Поскользнуться не может ствол:
Птица сядет на крону, мол;
Чашу выльешь когда до дна,
Не наполнится вновь она;
Коль обижу я ханов тех,
Мне уже не снискать упех
Ни у бога, ни у людей,
Я обижу и Каныкей,
И Манаса – тогда уж он
Вряд ли будет опорой; трон
Мой и так уж стоит внаклон,
Словно съеденный селем склон;
Если ханы придут на *той* –
Будет сразу другой настрой,
А к тому же Бакай, Кошой
Защитят мой земной покой», –
Так подумав, он всё ж смолчал.
Жакыпхан торопливо встал
И пошёл, тишиной гоним.
Шаатемир поспешил за ним.
Алакена Жакып послал
За конями, – тот рядом ждал,
Оседлать же коней Тёлёк
И попонки постлать помог.
Шаатемир, запыхавшись весь,
Еле-еле успел успел, чтоб весть
Жакыпхану скорей донесть:
«В разговоры не стал я лезть,
Но почтёт Каракан за честь
Арууке вам отдать, поверь;
Я хотел бы уже теперь
Уточнить – сколько ждать людей
Через те девяносто дней,
Что ты дал на раздумья нам;
Посчитай, – весь не весь *аалам*[770]
К нам приедет; ещё вопрос:
У казахов особый спрос,
Я так думаю, к жениху,
И прошу вас как на духу,
Пригласите их вы! Ваш клан
Уважает род Айдархан,
Отношения чтоб сберечь
Разрешит Кёкчё Акеркеч
Арууке проводить: они
Ведь подруги – года, не дни!»
Был доволен Жакып, но вид

[769] Сакал – борода.
[770] Аалам – мир, Вселенная.

Сделал хмурым хотел, – глядит
Так волнуется Шаатемир!
Он обнял его крепко: «Мир!
И спасибо тебе, батыр,
По характеру я – *шайыр*[771],
Притворяться мне трудно злым!
Все расходы, включив *калым*,
Я уже посчитал, как есть.
Пусть тревоги не знает тесть.
Сам Кёкчё отошлю я весть,
Любит он и почёт, и лесть,
И красавицу Акеркеч
Должен он отпустить: беречь –
Ведь не значит держать в плену!
Знаю: любит он так жену,
Что её отпустить одну
Он не сможет; свою вину
Пусть он сам изживёт!» – и он,
Шаатемира обняв, вдогон
Вновь «спасибо» сказав, на чай
Пригласил как бы невзначай,
И, оставив пастись коней,
Чай попили, и тем верней
Закрепили взаимосвязь
И расстались, собой гордясь.
«Я лицом не ударил в грязь!» –
Важен был Жакыпхан как князь,
Так доволен! – мол, мой Манас
Не ошибся на этот раз,
Что отправил в Букар отца –
Не какого-нибудь глупца.
«Дело выгорит до конца!» –
И улыбка с его лица
Не сходила весь долгий путь.
Ветер бил им навстречу в грудь,
Даже ночью скакали. Тишь
В сон клонила, но только лишь
Показались дымки села,
Словно выросли вдруг крыла,
И без отдыха все дела,
Разве только сошёл с седла,
Жакыпхан провернул: кобыл
Четырёх он тотчас забил,
И до сумерек сделал стол:
Голод думать мешает, мол;
Всех позвал он, кого нашёл:
И, конечно, к нему пришёл
Самым первым батыр Балта:
Он, волнуясь за всё всегда,
Что с Манасом сопряжено,
Ждал посланников уж давно;
Текечи и Ошпур, Шыгай,
Байжигит и мудрец Бакай,
Сам Манас, Бердике, Канаат,
Все *чоро*, Кыргыл, Саламат,
Алмамбет и герой Чубак, –
Кто болел за посольство, – всяк
Поспешил, чтоб послушать весть
И хорошего мяса съесть.
Совершили *бата*, и хан,
Рассадив всех за *достархан*,
Горло кашлем продрав сперва,
Начал речь, подобрав слова:
«Наш Бакай-олуя, и все!
Как вот эта моя *кесе*,
Полон всяких я новостей
Потому и созвал гостей:
С вами я поделиться рад
Всем, что вытерпел я как сват,
Но о главном скажу вперёд:
Каракан и его народ
Через дней девяносто нас
Ждёт к себе; я сказал – Манас
И моя *келин* Канькей
Тоже едут к родне своей.
Обещал я к тому же всем:
Приглашу к ним я ханов семь,
К ним добавится хан Багыш
И Акун, а ещё, глядишь,
Кто-то с ними ещё придёт.
Сын, прошу, разошли народ
В семь сторон известить гостей –
Представителей тех властей,
С кем соседствуем мы в ладу;
Алмамбет, мой сынок, беду
Отведёт, если что не так,
Он теперь – как Серек, Сыргак,
Как Манас, – мне родной, и он,

[771] Шайыр – жизнерадостный, весёлый, весельчак; бодрый.

От напасти любой заслон,
Жеребёнок, кормилец мой!
Издалёка пришел домой,
Чтобы старость мою беречь;
Если некому будет меч
За Жакыпа поднять – сынок
Защитит наш родной порог;
Если вдруг заболеет мать
Или некому оседлать
Будет лошадь – гонца послать,
Есть всегда мне кого позвать.
Но зато у него, сынка,
Нет жены до сих пор пока,
Коль падёт на него беда,
Кто поплачет над ним тогда?
Кто его будет с боя ждать?
Престарелый отец да мать,
Если только до той поры
Мы не выпадем из игры.
Но судьбе я ответил: «Нет!
Будет счастлив сын Алмамбет!»
Девяносто верблюдов в дар
Направляю уже в Букар:
На шестидесяти – *алтын*[772],
Сих сокровищ достоин сын
И, конечно, моя *келин*:
Оговорен таком *калым*;
Кылжейрена пустив вперёд,
Белой ватой как у господ
Шапку выложим меж ушей,
Чтобы рыжий был всех белей,
И похожих других коней –
Тем прекраснее, чем красней,
Ровно тысячу мы найдём,
Пусть пылают, горят огнём;
Жеребят отберём в поход
Самых жирных, чтоб как живот
Был хребет у них, – как у рыб,
Что спокойней прибрежных глыб;
Знает, сын мой, отец Жакып
Как даётся сей перегиб:
У двухлеток такой жирок
Нарастить не однажды смог
Я в долинах, и дай-то бог,
Чтобы он и теперь помог.
Алмамбету в дружки не всяк
Подойдёт для *ники́* – Сыргак,
Да, быть может, ещё Чубак, –
Не какой-нибудь молодняк.
Канықей как пришла сюда,
Не услышал я никогда –
Десять лет ведь прошло уже! –
Жалоб, просьб… И пускай в душе
Затаилась какая боль,
Но владела она собой.
Десять лет не была в гостях
У родни своей! Даже прах
Льнёт к родимой земле, а дочь
Не одну, может быть, и ночь
Слёзы молча лила… Помочь
Ей в печали я был невмочь,
Но теперь изменилось всё,
И судьбы её колесо
Закрутилось как надо ей;
Запах матери! – что сильней
Нас привязывает к себе?
Мы виновны в её судьбе,
Нам досталась она такой –
Лучше нет на земле другой.
Если ты, Канықей, теперь
Нас простишь, то откроешь дверь
В мир желаний своих – они
Все исполнятся в эти дни.
Коль поедешь ты в дом родной,
То и твой властелин с тобой –
Лев Манас, – твой любимый муж
И защитник отца к тому ж,
Тоже вместе с тобой в Букар,
Вмиг отправится – брату в дар
Сватать в жёны твою сестру,
К нам везти её ко двору»…
Вот о чем волновался хан.
В этой речи посыл был дан
К новой свадьбе; ликуя, клан
Дружным гулом одобрил план.
И соседи, к кому гонцов
Лев отправил, в конце концов
Не смогли отказать себе

[772] Алтын – золото.

Поучаствовать в той судьбе,
Что вершилась на их глазах:
Алмамбет ведь, казалось, крах
Потерпел в начинаньях всех,
Но пришёл и к нему успех.
Шесть десятков верблюдов груз
Золотой – в курджунах, как *туз*[773], –
Неспеша повлекли в *улус*,
К Каракану, в Букар, – искус
Всех отказов сведя на нет.
Каракан же созвал совет –
Как уехал Жакып, с тех пор
Не стихал у старейшин спор.
Наконец-то сошлись в одном:
Надо каждому гостю дом
Срочно выставить; к девяти
Ханам вестники в полпути
Были, только умолк раздор
И к чему-то склонился спор.
Юрты белые в ровный ряд
Стали ставить, во всех подряд
Был для солнца раскрыт *тюндюк*,
Подводилась вода: не вдруг
Из реки побежит она,
А гостям она всем нужна.
Каждый вкладывал то, что мог:
Кто советы, кто шепоток,
Мол, тягаться с Манасом – рок
Даст отмашку в недолгий срок,
Этот мощный кара-кыргыз
Он скорее ведь лев, не рысь,
Он кругами не ходит близ,
Бьёт в открытую – лишь держись!
Нет таких силачей сейчас,
Чтобы силою как Манас
Был от бога бы награждён, –
В общем, непобедимый он!
Его спутники – брат Сыргак
И двоюродный брат Чубак,
И жених Аруuке – Алма –
Все сильны, говорят, весьма,
Мол, в сражении как чума,
И не надо иметь ума,
Чтоб ссориться с ними, нет!

А *чоро*! Им числа ведь нет,
Все – обученные бойцы,
Очень преданные юнцы:
По приказу во все концы
Вмиг пойдут разрушать дворцы,
Чтобы ставить свои дома,
Когда кончится кутерьма.
Вон Жолой с Конурбаем – кто
Мог подумать, – ведь ни во что
Превратили его *ордо*,
Яков вновь отобрали… Кто
Со стихией такой с тех пор
Захотел бы пойти на спор?
Конурбая не жаль – упырь.
Покорять же Манасу мир
Помогает, небось, Хызыр
Или, может, другой кумир.
Препирались шесть ханов с ним.
Где сегодня они? Как дым
Их развеялись имена.
Эй, Букарские, мы сполна
Все порадоваться должны,
Что теперь уже две жены
Свяжут род наш с Манасом. Пусть
Этих родственных добрых чувств
Хватит, чтоб защитить и честь,
И всё то, что в Букаре есть!
Так судачили все вокруг.
Не хватало порою рук,
Но готовили этот *той*,
Памятуя про тот, былой;
Старожили вели рассказ:
«Канкей чтоб забрать, в тот раз
Скот несметный пригнал Манас,
Не хватало лугов у нас,
Были заняты все дворы,
Разгромили пол-Букары
Табуны и стада; они
Травы дочиста в эти дни
Обглодали на сотни вёрст;
Каравана тянулся хвост
По горам, когда голова
Затопила нас, как молва;
Неужели и в этот раз

[773] Туз – соль.

Гонит столько скота Манас?
Наш ещё не иссяк запас:
Всяк из нас после свадьбы пас
Жеребят и телят… Увы,
Не осталось в степи травы
И прирезать пришлось приплод –
Так закончился щедрый год.
Целых десять племён тогда
Так наелись!... Да что еда!
Столько всяческого добра
Было также; ведь три двора
Заняла лишь *канаус*-ткань,
А ковры и меха-то! Дань
Так платили царям края.
Злато-серебро, не тая,
На верблюдах везли в тюках.
Интересно, а нынче как?
Каракан наш мудрее стал,
С Каныкей он не прогадал
И на младшей Арууке
Уж наварится наш Каке».
Так шептался-гудел народ,
И когда уже у ворот
Показался богач Жакып,
Он не крик уже вызвал – всхлип.
У Жакыпа приняв коня
Все джигиты, с начала дня
Ожидающие гостей
Рангов всяких и всех мастей,
Жакыпхана встречали так,
Будто хан, как священный флаг,
На руках надо лишь нести –
До того он у всех в чести.
Великанов позвали вмиг –
Показать, как, мол, гость велик;
Был растроган до слёз старик,
Хоть к подобному он привык.
Сам верблюдов ввести помог
Он в ворота; за поводок
Страшно браться – ведь золотой,
Буйла[774] с шелком, верблюд любой
Был красивым ковром покрыт,
Колокольчик на всех звенит,
Получается слитный звон;
И *курджуны* со всех сторон
Перевязанные стократ
Тоже – тронешь их чуть, – звенят:
Ведь они не с простым добром –
С чистым золотом, серебром.
Кылжейрен вёл большой табун
Ровно тысячу; и, шалун,
Белой шапкой из ваты тряс,
Что скрывала его окрас;
Взгляд едва застревал на нём:
Жеребята вослед огнём
Шли, сверкая, блестя, горя,
Как занявшаяся заря.
Люди просто раскрыли рты:
Были кони все как цветы,
Каждый лучше другого шёл
Каждый маковым цветом цвёл.
Сынчыбек из Кокона вёл
Три десятка верблюдов: мол,
Не останем и мы – дары
Собирали ведь все дворы.
От Манаса подарков тьму
Привезли, все тюки в дому
Разбирали не день, не два
Слуг пятнадцать, всё счесть едва
Им хватило на всех ума:
Всё сложили, как три холма,
Дом забили аж под *тюндюк*,
Словно это не дом – сундук.
Каракан утонул в дарах.
Помогать ему – не за страх,
А за совесть спешил народ:
Бууржунов[775] вели вперёд
К Каракану в *ордо* – белы,
Как берёзовые стволы,
Все под грузом своим златым
Стлались по двору словно дым;
Слуги тут же спешили вслед
Завести валухов трёх лет:
За рога их возьмёшь – песок

[774] Буйла – деревянный костылёк (продевавшийся в носовой хрящ быка или верблюда и служивший для прикрепления поводка).

[775] Бууржун – верблюд-производитель по пятому году.

Золотой источает рог.
Да, открыта была казна.
Беднякам и в заветных снах
Век не снилось так много благ;
Так что каждый второй бедняк
Приобщился к богатству: вор –
Это тот, кто залез во двор;
Ну, а если же вдруг слуга
Поднабил свой карман слегка –
Взял излишки, причём здесь вор?
Так считается до сих пор.
Длился *той* целых тридцать дней.
Не видали пиров пышней
Старожилы Букара; всем
Той запомнился насовсем.
Споров не было, драк и склок,
Бог, наверно, и в том помог,
Были песни и шли пиры,
И для самой простой игры
Находились всегда призы.
Каракан нагрузил возы –
Всё приданое Арууке:
Словно в маленьком городке
Всё собрали, что лишь нашли:
Целых двести верблюдов шли,
Груз тяжёлый они несли,
Увязая в густой пыли.
Помирились совсем сваты.
Молодухи все как цветы
Жениха обступили; цвёл
И жених, что с друзьями шёл:
И Чубак, и герой Сыргак
Гарцевали с ним рядом – так
Эти трое богатырей
Взгляды радовали людей,
Как, бывает, чинары в зной
Взгляд ласкают своей листвой,
Высотой и полётом крон.

Алмамбет был в жену влюблён,
Арууке с ним нашла себя,
Осчастливила их судьба
Как, конечно, не всех могла.
Женщин города зависть жгла.
А мужчин Кылжейрен потряс:
Стать, и сила его, и масть;
Сорок ханов и их народ
Вопрошали: откуда скот?
Из Урума хан Орускан
Вспомнил: некогда Каракан
Чтоб своё подчеркнуть родство
Темиркану на сватовство
Сына – пять ему было лишь,
Ысмайылом звался малыш, –
Не скупясь преподнёс дары,
Чтоб остались у детворы:
Орусканову дочь Юрпёк
Темиркановский паренёк
Сватал в жёны; она была,
Равно, как и жених, мала;
Серьги ей одевая, хан –
Да, заботливый Каракан, –
Орускану отдал коня –
Кылжейрена – под цвет огня.
До чего же он тесен, мир!
Этот огненный конь, кумир,
Двум девицам в единый час
Пригодился как счастья часть.
Аруукe мастерства зенит
Обнаружила: *на кийит*[776]
Смастерила тулупа два,
Ырапыс[777] назвала, едва
Лишь решила, кому дарить,
И обмолвилась: в них, мол, нить
Есть волшебная, уяснить –
В чём, мол, – надо тулуп носить.
Отдала Чубаку один,
Мол, герой будет с ним един,
Стоит больше он, чем *олпок*,
И служить будет долгий срок.
Айдаркана *аяш ата*[778]
Алмамбет повстречал; тогда
Он сказал: «Шестьдесят бы раз
Я за ханов простил бы Вас,

[776] Кийит – подарок одеждой.
[777] Ырапыс – репс (материя).
[778] Аяш ата – отец друга или друг отца.

Как они ни делили нас, –
От обиды Всевышний спас».
И добавил, что, мол, Кёкчё
Примет пусть на своё плечо
То, что сделала Аруке,
Слава щедрой её руке.
И Кёкчё он отдал тулуп.
Был жених далеко не глуп,
Он увидел: Кёкчё, Чубак
Оба схожи друг с другом так, –
И характер, и злость, и честь, –
Что их надо принять как есть.
КАныкей же вела весь той.
Называли её святой
Муж, родные, Жакып, свекровь;
Весь Букар убедился вновь,
Что в семье их царит любовь,
Зря молва только портит кровь
Каракану, что думать стар:
«Говорили, она – *салбар*,
Врали, надо же!» – шепотком
Говорили кто был знаком
С этой сплетней про Каныкей.
Сколько сложностей у людей!
Удивлялся народ: Манас
К ним приехал ведь в первый раз
И впервые привёз Каныш,
Хоть в семье у них гладь и тишь.

В этот раз Каныкей взяла
Сто верблюдов – чтоб для седла,
Двести к ним – мол, сестрёнкин груз
На горбах приторочат пусть;
Целых двести вели в запас:
Их пригнал от себя Манас,
Придержал он их до поры,
Погрузили на них дары;
Всех пятьсот повели гуськом,
Но не в свой самарканский дом,
А направили на Талас:
Так решил *кабылан* Манас.
Каныкей и Аруке,
Две сестры, на другом витке
Стали строить всю жизнь снова́,
И не так, как растёт трава,
А направив сноровку, ум
Направленье и дел, и дум
На устройство семейных гнёзд,
Крепость выстроив аж до звёзд
Лучших выискав мастеров:
За два года он был готов –
Статный терем, в зелёный цвет
Был покрашен на много лет.
Правда, выцвел с веками он,
Лишь название – *Сыр коргон*[779] –
Сохранилось до наших дней.
Здесь оставим мы всё. Ясней
Станет много из тех проблем
Что Чынаачи устроил всем,
Всё на откуп отдав молве.
Но об этом – в другой главе.

[779] Сыр – краска; коргон – крепость.

НАПАДЕНИЕ МАНАСА НА ООГАН
ПОРАЖЕНИЕ ЧЫНААЧИ

Э… э… э… эй!
В *Орто Асыя*[780] много мест
Выше прочих земель окрест.
Вот, к примеру, гора Кебез –
Вечный символ земных невест:
Снег, блистающий как фата,
На вершине лежит всегда;
Точно так же гора Памир
Освещает, белея, мир,
Есть ещё гора Бадакшан,
Был за нею *кыпчаков* стан,
А на ней жил народ *ооган*,
Непредвиден, как ураган:
Всё любил он решать сплеча;
Был герой у них – Чынаача,
Просыпаясь, уже был зол,
Очень часто твердил он, – мол,
Есть народ, что *кыргызом* звать,
Может всюду кочевьем встать,
Воспевает он исполать
Великана Манаса: стать,
И победы его, и власть,
Что вкусил он повсюду всласть;
Чтоб ему навсегда пропасть,
Чтоб поклоны ему не класть,
Не позориться на весь мир –
Уничтожу его! – кумир
В пыль забвенья падёт навек:
Смертный всё же ведь человек.
Чынаачу, видно, проклял бог.
Конурбай ещё так помог
Укрепиться в желаньях тех:
Он пророчил ему успех,
Льстил – надул его как *бурдюк*:
«Гнев твой праведен, милый друг!
Ты сильней его, так и знай!
Точно так, как гора *Кангай*
К Амалаю, вращаясь, льнёт,
Так вдвоём мы начнём поход:
Я с одной стороны, с другой
Ты начнёшь свой победный бой,
Ты ударишь – ударю я;
Весь народ *Орто Асыя*
К нам на помощь придёт, поверь:

[780] Орто Асыя – Средняя Азия.

Всех измучил кыргызский зверь,
Весь народ устал от потерь,
Ты – спаситель его теперь!
Чынаача, что молчишь? Гляди:
Коль от страха свернёшь с пути,
Опозорюсь на весь я свет,
Не приму я ответа «нет».
Говорят, что Багышу, мол,
Дал подняться кыргыз: взошёл
Он на войлок как прыщ на лоб.
Чынаача, неповадно чтоб
Подниматься кыргызу ввысь,
Ты в него, словно клещ, вцепись,
Словно гнус перед ним роись,
Жить нормально не дай, чтоб мысль
Лишь одна оставалась: как
Убежать бы, топча свой флаг.
А иначе он словно клещ
Обескровит тебя, как вещь,
Иль вонзится вдруг, как стрела,
Прямо в сердце исчадьем зла!
Знаю: яков несметно взяв,
Девяносто родов – не глав,
А народов собрал кыргыз
Тюрков, что поднагнул он вниз, –
Собираются все сюда,
Соберутся они когда,
Кто им путь преградит? Беда!
Подгреби под себя места
Жедигер и Кыйба, затем
На казахов надень ярем:
Сразу будет наука всем
И *акимам*, и прочим тем,
Кто себя возомнил царьком
Под *бурутовским* башмаком!
Ты не думаешь ни о ком.
Власть *бурутов* как снежный ком
Прокатилась, и север весь
Стал кыргызским уже почесть,
Скоро *Орто Асыю* всю
Будет взять очень просто псу!
Он *калмаков* прогнал в *Кангай*
А когда-то весь этот край
Чынаача, ты считал своим;
Всё проходит, как с ветром дым».
Так подзуживал Конурбай.
Чынаача же под этот лай
Ум последний терял и в бой
Рвался броситься с головой,
Всё под корень вокруг губя;
И подставила же судьба
Самый слабый народ Кыйба
Под прицел дуболом-лба –
На пути лишь одна из вех, –
В злобе грабил и бил он всех:
Чынаачу возбуждал успех –
Подлеца возбуждает грех.
Кто успел из Кыйба сбежать,
Те спасенья себе искать
Все к Манасу помчались, тот
Успокоил скорей народ,
Из загонов отдал им скот –
Так уж плакались, до икот!
Успокоившись, осмелев
Рот раскрыли как волчий зев:
Из Чаткала угнали скот –
Вот непрокий какой народ!
Потому-то Манас, увы,
Не поверил речам молвы,
Что на них Чынаача напал
Просто так – как народ сказал.
Кабылан лишь махнул рукой:
Мелочь, мол! Но прервать покой
Вдруг пришлось до принятья мер:
Весть примчалась от *жедигер* –
Мол, кыргызам не след в Ооган
Кочевать – потеряют стан,
Мол, вмешайся сам, *кабылан*,
Мир клокочет там, как вулкан,
Отдели, мол, своих скорей
От живущих в Ооган людей!
Там, чуть западней Амалай
На Ызаре кыргызский край
На границе с Ооганом есть;
Жили мирно, лелея честь
И свою, и соседей, но
С Кыйба, видимо, заодно
И на них понеслась беда;
Акунхан с них взимал всегда
Дань, живя на Ургенче сам,

Разграничив по месяцам –
Что скотом, ну а что – зерном;
Чынаача же пришёл со злом:
На краю Коросона он
Скот забрал и угнал в полон
Многих из *жедигер* – домов
Сжёг под тысячу; был готов
Всё разрушить, но люд в бега
Устремился, ведь дорога
Больше рухляди жизнь детей,
Что слезами с младых ногтей
Все умылись в тот страшный час.

Тут от гнева вскочил Манас.
Ну, а вестники свой рассказ
Продолжали – мол, в этот раз
Не наёмники – Чынаача
Сам с умением палача
Раз за разом он сносил башку
Непокорному бедняку,
Кто сражаться пытался сам.
Он трофеи угнал за Лам –
Перевал, что всегда в снегах.
Жедигер пережили крах.
На Манаса надеясь лишь,
С тем гонца и прислал Багыш:
Самый старший пришёл визирь
С чёткой просьбой: утихомирь,
Дорогой наш защитник, пса
Что сорвался с цепи, неся
Горе, смерть, нищету и мрак.
Кабылан был разгневан так
От вторженья лихого зла,
Что земля ходуном пошла,
Да и сам взволновался хан
И сказал, что на Ооган
Он немедля идёт в поход,
Пули, порох с лихвой берёт,
Всё другое оружье, снедь –
Мол, поход будет долгим ведь,
Если эта правдива весть, –
И верблюдов велел привесть
Ровно тысячу – груз тяжёл,
Чтобы скот не шатался, мол.
Весь народ он поднял: *калча*,
И *каракалпак*, и *барча*,
И *жуда*, да и брат-*таджик*, –
Был для всех них Манас велик,
А у дружбы один язык,
Как у горя людского – лик.

К месту прибыли Куйтунут.
Перед тем, как свершить свой суд
И вернуть *жедигеру кут*,
Барс велел размещаться тут:
В Ооган он отправил весть,
Чтоб нахрапом к врагу не лезть,
А сберечь боевую честь,
Справедливо свершая месть.
Все шпионы, что в тех местах,
В придорожных засев кустах,
Наблюденье вели – чей страх
Как отбросы гнилые пах, –
Удивлялись: на Ооган,
Что как будто кипящий чан
Был заполнен народом, лев
Войско вёл, словно пожалев
Зря растратить – и пятисот
Насчитать не сумел сексот,
И скорей побежал к своим:
Рассказать всё, что видел, им.
Чынаача засмеялся: «Что ж,
Не посеешь – и не пожнёшь,
Я Манасу воткну кинжал
Прямо в грудь, чтобы он дрожал,
Сердце выну и задушу,
Шкуру с жиром с него спущу
И растапливать буду жир –
Вёз ко мне его сам батыр,
Кости тоже сожгу в огне,
Чтоб навар поиметь вдвойне!» –
Сам себя рассмешив, сказал
И вскочил так, что прямо в зал
Золотой его трон упал –
Бог насмешника наказал.
В страшной спешке войска собрав –
Тысяч сто пятьдесят, – удав
По дорогам как будто полз
И палаточный город рос,
Так синея, как моря ширь,

Заливая долин пустырь.

Чынаачу распирала спесь
От всего, что творилось здесь,
Где, казалось ему, он – бог;
Надуваясь от спеси впрок,
Он, как будто всесильный рок,
Преподнёсший другим урок,
Речи вёл как святой пророк:
«Смерть кыргыза веду сюда.
Я счастливей других всегда
И удачливей в жизни всех:
Я не помню в судьбе прорех,
Путь мой – это сплошной успех;
Я не маялся никогда,
Меня словно вела звезда
И пустынь, и лесов в обход,
Острых скал и глухих болот;
За всю жизнь не загнал коня,
Не обидел никто меня
И к тому же не победил;
И сегодня мне хватит сил
Триста – с чем там ещё? – могил
Вдоль дороги расставить... Раз
Сам пришёл к нам герой Манас,
Сетью словим его тотчас,
А потом я пойду в Талас –
Там четырнадцать ханов есть,
Сам о смерти Манаса весть
Повезу – всё, как было здесь,
Расскажу им по чести честь
И устрою им тоже сечь,
Чтоб могли под меня бы лечь!» –
Так куражился Чынаача.
Люди, слушая силача,
Предвкушали, что в том огне
Порезвятся они вполне;
И приказ был им тут же дан:
«К нам, в большой котёл Ооган,
Не пять сотен, а меньше чуть
Супостатов вершат свой путь.
Говорили – силён кыргыз,
Говорили – велик он близ:
Рост у них, мол, гора горой.
Что же, – может, кыргыз такой.
Только вы, мои силачи,
Вы – волшебники Чынаачи,
Великаны мои, от вас
Не уйдёт богатырь Манас.
Только слушайтесь: дам сигнал –
Скопом мчитесь вперёд, как вал,
Чтоб враги легли наповал
Все в могиле одной; нахал –
Сам Манас, – опозорен чтоб
Был на все времена как жлоб:
Войско всё пожалел вести!
Пусть же сгинут на полпути
Все кыргызы, под снегом пусть
Замерзают – не ошибусь
И насчёт убежавших в степь:
Надо только разбить их цепь!..» –
Дал приказ Чынаача; с губы
Слюни капали похвальбы;
Два шамана – Апы, Напы, –
Наклонили в поклоне лбы:
Прибежали, чтоб с ворожбы
Начался этот взлёт судьбы:
«Коли надо, – сказали, – что ж,
Наколдуем и снег, и дождь!»
Взяли камни свои *жай таш*,
Окропили водой из чаш,
В воду бросили их туда ж,
Закрутили, впадая в раж, –
В самом деле, громады туч
Ветер, словно отары с круч,
Вскоре в небо пригнал, – не бог,
Дьявол, видимо, им помог!

Хлынул ливень, кыргызам путь
Затруднил он покрепче пут;
Следом град всем идущим в грудь
Полетел, ядовит, как ртуть;
А за градом пришёл и снег,
Столь густой, что его набег
Ослеплял непроглядной тьмой,
Монолитной вставал стеной.
Барс задумался: вник герой,
Мол, никак колдовство виной,
Что сбесилась погода вдруг
И замкнула их словно в круг;

Он позвал: «Эй, Мыйтык, Чыйпы,
Вы умельцы ведь ворожбы,
Кто-то вторгся в дела судьбы:
Мол, *буруты* собьют пусть лбы
В круговерти всех зол земных, –
Оганы нас бьют под дых,
Видно, каждый шаман там лих;
Переспорить смогли б вы их?»
И Чыйпы, Мыйтык, крича,
Что, мол, надо рубить сплеча
Этот узёл – пока он хил,
Изо всех побежали сил
Волхвовать: взяли ком земли,
Пошептали – и вдруг смогли
Снег ослабить, очистить свод
От дождя и других невзгод.
И, проя́снилось лишь когда,
Не свершившись ушла беда,
И Апы, и Напы чуть-чуть
Обозначить смогли ей путь:
Все, кто шёл с Чынаачи вперёд
Да и весь остальной народ,
Зенки вылупив, рты раскрыв,
В небо пялились, где разрыв
Чёрных туч расширялся вмиг,
Словно чей-то большой язык
Небо вылизал дочиста
Или бог распахнул врата,
Чтоб свет пропустить сюда.
Волхвовали Чыйпы, Мыйтык
Лишь с землёю, сойдясь с ней встык,
Наклонившись, – увидеть их
Сложно было, а во-вторых
Разговор мастеров двоих
Был с землею настолько тих,
Что она лишь внимала им,
Зло сгоняя с себя как дым,
Но в ответ разозлясь сама:
Ветер словно сошёл с ума
И с порывом он каждым креп:
Вихрем начал терзать он степь,
Чёрных туч отлетевших цепь
Он назад потянул, в прицеп
Грому, молниям – словно бой
Огнестрельный повёл с собой,
Из галопа срываясь в рысь;
Вдруг чинары рванули ввысь,
Мигом выросли, ветви с них
Ветер рвал и ломал под дых,
Расщепляя порою ствол;
Весь народ растерялся – мол,
Это небо решило всех
Наказать за волхву, за грех!
Оогана народ вопил –
Кто молился, а кто просил
Колдовство повернуть назад;
Но дела не стряхнёшь как плат
И грехи ведь не сдашь на склад –
Как лежали, мол, пусть лежат.
И Апы, и Напы с трудом
На ногах удержались – в дом
Ветер их не пускал, трепля
И пытаясь снести в поля,
Чтобы жертвой пустить им кровь;
Колдовать они стали вновь,
Но противилась им земля,
Дымный морок вокруг стеля,
Только ветер гулял, пыля,
Да чинары и тополя
Всё росли, улетая ввысь
Словно с ветром они срослись…

Дал приказ Чынаача: «Вперёд!
В бой!» – и флаг перебросил влёт
Знаменосцу – и вмиг народ
Начал двигаться: мерный ход
Силачей, их тяжёлый шаг
Звук *доолбаса* смягчал, но враг
Слышать мог, как тряслась земля,
Как вздыхали вокруг поля.
Тысяч сто пятьдесят за раз
Вышло: мол, трепещи, Манас!
Целых пять силачей вели
Трёх слонов в облаках пыли,
Те, от гнева дыша огнём,
Так трубили, что судным днём
Рядом с ними казался день;
Рядом, словно величья тень,
Ровно тысяча злых собак
Рвалась с медных цепей, чтоб враг

Трепетал ещё больше, – так
Чынаача устрашал; *абак*[781]
И для сильного духа – страх,
Он нередко приносит крах
Поселяясь в сердцах, умах
Чтоб низвергнуть живое в прах.
В страхе всех Чынаача держал,
Урожай свой с пугливых жал –
Поклоненье, восторг, успех, –
Как божок на устах у всех,
Всё несли ему люди в дом,
Умоляя принять притом:
Одеянья, оружье, снедь, –
Страх окутал людей, как сеть,
Разве кто-то бы мог посметь
Не отдать накоплений треть?
Топоры шириною с дверь,
Булавы – как дома, поверь,
Копья – словно чинары ствол, –
Всё он брал с оговоркой – мол,
Ваш защитник я, ваш герой;
Сам как башня он был большой,
Руки – будто бы *тюркюку*[782]
Брови черные – ведьмаку
Бог дает, помечая тип:
Сам как белоголовый сип,
А вот брови, усы – черны…
Но вернёмся к делам войны.
Шли войска Чынаачи – сильны,
Под пронзительный звук *зурны,*
Доолбаса – как будто шквал
Сил природных в момент восстал.

И Манас не стоял, не ждал:
Он навстречу своё поднял
Знамя красное, где *айчык*
Как дразнящий пылал язык;
Нёс его, развернув, Бакай,
И на весь он светился край,
Красным всполохом бил в глаза –
Не заметить никак нельзя!
Вдруг один *ооганец* крик
На всё поле поднял – велик
Был он, в общем, среди своих,
Анкатай его звали – лих
Был в бою он: мог враз под дых
Великанов свалить двоих,
Да и сам великаном был;
Он кричал, чтоб явить свой пыл:
Мол, идите ко мне сюда,
Чтоб узнать, какова беда
И на ощупь, мол, и на вкус,
И подкручивал хищно ус,
Как пещеру раззявив рот,
Чтоб клыками пугать народ,
Даже ветры пускал, урод,
И огонь из зрачков, как кот;
Вышел в поле – гора-горой,
Весь обзор заслонив собой.
Не сдержался тут как всегда
Сам Чубак: испросив *бата*
У Бакая, на Кёктеке
С легендарным копьём в руке
В середину майдана он
Словно сокол влетел с конём.
Каждый, имя назвав сперва,
Напряглись, будто тетива,
Закружились: кыргыз Чубак –
Волк войны, что был ловок так,
Как и конь его Кёктеке,
Не в каком-то там армяке,
Нет, – тулуп на нём *ырапыс*,
Что лишь знатный носил кыргыз,
С красной кистью на пике – вниз
Нити будто бы кровь лились;
Сам красив он, широкоплеч, –
Столько раз выходил из сеч
Без ранений и без потерь,
Что готов повторить теперь;
Вид орла и драконья стать,
И рычание льву подстать –
Многих он на клочки порвал
С той поры как батыром стал;
И сейчас шесть десятков львов
Был собой заменить готов,
Чтобы славу умножить вновь,

[781] Абак – тюрьма, место заключения.
[782] Түркүк – средняя подпорка в юрте; подпорка, шест.

Проливая чужую кровь.

Но силач Оогана тож
Был со зверем могучим схож
И в открытом бою хорош,
Да и видом мог вызвать дрожь:
Пику выставив в грудь врагу,
Вмиг помчался, и на бегу
Успевал он вопить, как впредь,
Призывая в собратья смерть;
Да и звуки двух копий встречь
Слух могли бы навеки сжечь:
Так, наверно, озвучен ад –
Гром и молнии, дождь и град,
Если всех их свести подряд,
Сотни им возведя преград, –
Так могли бы греметь тогда,
Так взрывается лишь звезда
Или падает с гор вода, –
В этом грохоте, криках бой
Сам был слитным, как общий вой.
Только всё же увидел люд:
Был Чубак в перевесе – *кут*[783]
Доставался уже ему,
И по силе, и по уму:
Ооганóвский же силач
Неуклюжим был: как *жыгач*[784]
Он наскакивал – много лет,
Видно, он просидел без бед,
Без сражений и без сует,
Прежней славой своей согрет:
Один раз своей пикой он
Размахнулся – Чубак в уклон
Вмиг ушёл и отбил удар;
Гибкий, ловкий как ягуар,
В клич «Манас!» добавляя жар,
Умножая бойцовский дар;
Анкатай потянул топор
Из-за пояса – но напор
Чубака был силён и скор:
Он ударил копьём в зазор
Меж плетеньем кольчуги в грудь
Ооганцу, облегчив путь
Злобе, рвущейся из груди
С кровью, с пеною – из клети́
Вырывается пленник так,
Покидая навек *абак;*
Так на падаль летят сычи;
Так из чрева горы ключи
Фонтанируют, горячи,
Так же брызжут из туч лучи…

Злобой вспыхнувший Чынаача,
Лишь увидев – победа чья,
Тут же нового силача
В бой послал к Чубаку, крича.
Тот с готовностью палача
Мчал, направив удар сплеча,
И, пришпорив коня, влетел
Прямо в гущу кровавых дел:
Камыткан его звали, он
Был в боях закалён, силён,
Толстокож, как огромный слон,
Никого он не брал в полон –
Добивал хладнокровно всех,
Закреплял боевой успех.
Он с налёту ударил – вес
Прилагая к копью свой весь,
И удар тот силён был так,
Что, качнувшись, герой Чубак
Вдруг с седла соскользнул слегка,
Стремя выпустила нога,
Вот чуть-чуть бы – и рухнул вниз,
Жизнь теряя свою, кыргыз.

Но свершиться не дал тому
Сын Жакыпа Сыргак – ему
Полсекунды хватило, чтоб
В бой рвануться, ударить в лоб
Грозной пикой врага; коня –
Телкызыла – хлестал, кляня,
Так, что тот не скакал – летел
Чтобы вклиниться между тел;
С грозной пикой своей в руке
Он ворвался, и Кёктеке
Умудрился хлестнуть, и тот

[783] Кут – (*здесь*) счастье, удача.
[784] Жыгач – дерево.

Мигом выправил рваный ход,
Чтоб возможность дать Чубаку
Сесть, поправившись на скаку.
Вновь взбодрились батыр и конь –
Им Сыргак словно свой огонь
Передал, и Чубак копьё
Смог направить, чтоб остриё
В грудь *ооганцу* вонзилось так,
Что, подкошенный словно злак,
Камыткан был отброшен, сбит:
Прямо навзничь упал бандит.
Чтоб Камыта спасти, Боркош
Быстро – в масло так входит нож,
Так вершится во тьме грабёж,
Так впивается в разум ложь,–
В круг влетел, и пока Чубак
Делал круг, и герой Сыргак
Поворачивал снова в стан,
Этот новый из *ооган,*
На Сыргака помчал с копьём,
Чтобы тот не ушёл живьём.

У Сыргака секретов тьма
Для сражений была: ума
Если полные закрома,
То не будет пустой сума.
И копьё от Боркоша в путь
Лишь пустилось, чтоб прямо в грудь
Поразить молодца, Сыргак
Мигом спешился, спрыгнув так,
Потеснив Телкызыла вбок,
Чтобы сам бы обратно смог
Снова впрыгнуть в седло – урок
Отработан был ими в срок,
Потому стремена Сыргак
Как мальчишка-пастух, босяк,
Не грузил – хоть в уменье *кош*[785]
Он и сызмальства был хорош.
Развернулся пока Боркош,
Весь закованный в латы сплошь,
Да пока повернул коня,
Вновь огромным копьём звеня,
Сбоку вёрткий Сыргак, дразня,
Промелькнул лепестком огня
В рёбра – прямо меж тяжких лат,
Щель нащупав в короткий взгляд, –
Так ударил копьём, что враг
Весь поник, словно мокрый флаг,
И не мешкая тут Сыргак,
Влёт, ослабив скорей кушак,
Вырвав свой *айбалта,* башку
На осколки разнёс врагу.
Оземь рухнул Боркош, обняв
Свою землю в заплатках трав,
Как уснувший навек чабан.

В это время и Камыткан
Чубаком был сражён. Ооган
Этой первой из многих ран
Потрясён был, но Чынаача
Всех подбадривать стал, крича:
«Тысяч сто пятьдесят вас! Чья
Больше армия есть? Ничья!
Все сражайтесь, сменяясь, пусть,
Но майдан чтобы не был пуст!
Пусть не струсит никто из вас,
Напрягитесь! Чтоб сам Манас,
Что огромен, силён как барс,
И велик, как гора, – не раз
Пожалел, что пришёл сюда;
Будет связан он навсегда,
В клеть посажен он будет… Да:
Враг от вас побежит когда,
Чубака мне и Сыргака,
Разве что придушив слегка,
Но доставьте живьём – крыла
Обломав им… На Сарала
Вижу всадника – он не прост,
И его бы поймать за хвост,
Силуэт его так уж прям,
Словно он из высоких лам –
Есть буддистское что-то в нём…
Их втроём, – что я?! – вчетвером! –
Есть ещё и Манас, – живьём
Повязав, привезёте в дом;
Также сорок *чоро* – тюрьма
Всех их с этими четырьмя
Приютит – лишь бы вам ума

[785] Кош – *здесь*: запрягать.

Не убавила кутерьма!..» –

Так крича, Чынаача, хоть сам
Упорядочил общий гам,
По взволнованным голосам
Догадался, что колдунам
Предстоит поработать впредь,
Чтоб умов не коснулась смерть,
Чтобы не поглотила твердь
Всех, затеявших круговерть.
Но пока лишь его приказ
Двинул войско как напоказ,
Чтоб глядел, трепеща, Манас,
Сколь собралось *ооганцев* враз:
Ооган под знамёна здесь
Безотказно собрался весь,
Как большое лицо земли
Толпы, явно волнуясь, шли,
Силачей пропустив вперёд,
Серой массою шёл народ,
Губы свесив, раззявив рот,
Уши выставив и живот,
Мужики шли, и без детей
Жёны шли, словно в наготе,
Одинаковые в беде,
С пухлой грудью – и те, и те;
Как у пьяных верблюдов шаг
Был неровен, и каждый так
Норовил то сместиться вбок,
То запутать весь ряд в клубок,
Пыль и вонь превращая в смог…
О, пусть это не видит бог!

Алмамбет, разглядев войска,
Что послал к ним приказ врага,
Оогана всю мощь, изрёк:
«Будешь старшим, Кыргыл, на срок –
Абаке передышку дай,
Пусть советы даёт Бакай.
Десять будут *чоро* с тобой,
Тридцать – ты снаряжаешь в бой.
А себе намотай на ус:
Провиант и палатки пусть
Охраняют твои *чоро*,
День и ночь стерегут добро:
И тулупы, и порох… Сам
Ты же знаешь: что может хлам
Зачастую войны судьбу
На гнилую свернуть тропу:
Без еды, без одежды кто
Побеждает? Силён зато
Тот, кто смог свою мощь сберечь,
Храбрый дух и разящий меч,
Не растратив ни капли сил –
Да! – на свой защищённый тыл!
Я сказал, ты услышал. Стан –
Твой теперь, ты и бог, и хан;
Будьте бдительны: Ооган
Свой имеет коварный план,
Как бы вам не попасть в их сеть,
В западню, за которой – смерть;
Постарайтесь без сна смотреть:
Не сбивают ли где-то клеть;
Есть у них колдуны, и вы
Лишь услышав намёк молвы,
Постарайтесь, чтоб ваши львы
Не теряли бы головы:
Пусть дежурят по пять, чтоб мир
Весь на мушке был, словно тир.
Чёндёкё, Кюрёёкё, Кылжыр,
И Чыйпы, и Мыйтык – ранжир
Пусть и не колдунов у них,
Но, скажу, у джигитов сих
Получается волхвовать,
Когда их раззадорит тать.
Не давай им помногу спать,
Пусть дежурят, чтоб исполать
Ооганским Апы, Напы
Не досталась вдруг от судьбы!
Эти два колдуна сильны
Особливо в делах войны;
Пострадает коль наш Бакай,
Если пустят *чоро* в раздрай
Провиант и палатки, – знай,
О Кыргыл, и на ус мотай:
Это будет конечный крах!
Даже птица в твоих краях
Вдруг закружится – стражей пять
Пусть не лéнятся пострелять:
Пусть глаза ваши видят свет,

Когда света на свете нет!» –
Так напутствовал Алмамбет,
Чтобы снизить возможный вред
От стеченья внезапных бед –
Ведь умел колдовать сосед!
Он кыргызских своих волхвов –
Юных храбрых и чутких львов, –
К наблюденью приставил, чтоб
Был кыргыз ко всему готов!

Ооган, как казан кипя,
Превзошёл самого себя:
Толпы все подошли – размах
Был огромен, и дол пропах
Кожей, потом, мочой… В дымах
Даль клубилась, как на дыбах
Всё стояло: бахвальство, страх,
И надежды, а к ним – отмах:
Путь отчаянья, путь впотьмах…
Силачей было столько там –
Сам не верю своим устам!
Трёх слонов отпустили – им
Ел глаза ядовитый дым,
Свесив хоботы, молча шли,
Словно рыбины на мели,
Уши тряпками до земли
Колыхались, столбы пыли
Поднимая ещё сильней
И уже задыхаясь в ней;
Толпы злобных людей, коней
Шли колонной немало дней,
Колыхалась она, как змей;
Чынаача словно бог над ней
Возвышался, тянулся ввысь,
Думал молча: «Ну что ж, держись,
Ох, задам я тебе, кыргыз!
Ты в Оогане искал *ырыс*[786]?
Только горе всей *аалам*[787],
Обещаю, отыщешь там!»
Был силач убеждён в душе:
У победы он на меже, –
Сорок тысяч сетей уже
Сплетено, и при дележе
Малочисленным всем врагам
Так достанется по рогам!
Кто не впишется если в сеть,
Для таких есть литая цепь, –
На руке эту цепь крутя,
Он приказ отдаёт шутя:
«Десять тысяч людей подряд
Пусть сойдутся в один отряд,
Чтоб четыре их было; к ним
По батыру пришлю, засим
Пусть возьмут по слону и сеть –
Тут момент надо углядеть:
Так набросить её, тик в тик,
Чтоб бросок тот врасплох застиг
Сотни вражьих бойцов – как крик
Накрывает пространство вмиг;
Дальше дело Апы, Напы:
Управляющие судьбы –
Только я, Чынаача, их бек, –
Шестьдесят ещё человек
Им помочь колдовать даю –
Вон стоят они, на краю…
Вот уж людям Манаса ад
Здесь устроят – и шестьдесят,
И мои колдуны – назад
Ни один не вернётся гад:
Будет глупый кыргыз не рад,
Что покинув свой каганат,
Расхрабрился в Ооган прийти!
Нет обратного им пути!
Настоящее колдовство –
Это близость к богам, родство
С мощью вечной природы – пусть
Все кыргызы лишатся чувств,
Лишь узрев нашу мощь и дар!
Подтвердите же сей удар,
Всё забрав у врагов: шатры,
Порох, ружья и топоры,
Провиант и запас скота,
Чтоб иссякла у них еда,
Чтобы нечего было съесть,
Чтобы некуда было сесть,
Чтоб истаяла гордость, честь…

[786] Ырыс – счастье, доля.
[787] Аалам – мир, Вселенная.

Да исполнится наша месть!»
Чынаача, эту речь держа,
Раскраснелся от куража,
Сидя сам на таком коне –
И в дурном не увидишь сне:
Хвост облезший, глаза мокры,
Вместо гривы одни вихры,
Нет зубов, светло-пёстрый цвет –
Лошаков для сравненья нет;
И копыта остры, и грудь,
Ноги, правда, стройны чуть-чуть,
Уши – в шёрстке, росточком мал…
Чынаача же на нём скакал,
Словно лучший скакун под ним,
Даже флаг не отдал другим.

Впереди шли Чубак, Сыргак.
Только сблизились – сеть-*абак*
В десять тысяч отряд один
Вмиг метнул; но непобедим,
В сеть попав, был Сыргак – рассечь
Смог её легендарный меч:
Им лишь раз и взмахнул Сыргак –
Сеть распалась в мгновенье так,
Словно было сплошным гнильём
Двести нитей почти… Копьём
Два *ооганца* достать взялись
Молодца, но шутя кыргыз
Ускользнул от дурных потуг,
Обошёл тех героев вкруг
И покуда они коней –
Как и сами, богатырей, –
Разворачивали, Сыргак
Изловчился ударить так
Одного силача копьём –
Прямо в спину, что словно ком
Тот свалился, и с тех минут
Отлетела душа без пут –
У Сыргака удар был крут,
И силён, и как будто гнут:
Шло с секретом копьё в закрут,
Совершая последний суд.
Но откуда вдруг ни возьмись
Столь врагов оказалось близь:
Так идут муравьи на слизь,
Не стряхнёшь их – хоть как возись;
Копошатся, за сетью сеть –
Но железных теперь, заметь, –
Издалёка кидают… Враг
Очень странен на вид, – Сыргак
Ужаснулся: убитый вновь
Словно вышел из недр: кровь
Облепила его с землёй,
Взгляд безумный и вид шальной,
Зубы клацают, и язык
Чёрен, страшен, и рот велик,
Словно голоден сей мертвец,
Хоть и принял он свой конец;
Взглядом шаря вокруг себя,
Камни мощной ступнёй дробя,
Булаву взял – огромный вес,
Вес был с тыщу *батманов*[788] весь, –
Издавая тигриный рык,
Зашагал он – как холм, как бык.

Нет, Сыргак не сбежал, хоть страх
На мгновенье мелькнул в глазах;
Пику взяв, он на всех рысях
Поскакал на оживший прах,
Что, стократ умножаясь, пёр,
Словно черви на скотный двор.
Многих смог размозжить батыр
Булавой, но из разных дыр
Всё ползли они вновь и вновь.
Землю в грязь превратила кровь,
И коростою булава
Вся покрылась, и с ней едва
Управлялся уже Сыргак:
Полз один за другим червяк;
Колдовская вся эта рать
Вся пыталась с седла сорвать
Чтобы в грязь утянуть его;
Но Сыргаку то колдовство
Не пугало уже – в ответ
Знай месил булавою вслед,
Грязью стряхивая тела,

[788] Батман – мера веса от 4 до 16 пудов в Ферганской долине, 12 пудов в долине реки Талас.

Порождённые силой зла.
Вот почти предпоследний враг
Напоследок ударил так,
Что едва устоял Сыргак,
Подуставший от всех атак;
В две руки подоспевший тать
Булаву размахнул – их пядь
Разделяла, тонка, как дым,
Но сумел на *бута атым*[789]
Отскочить от врага Сыргак:
Телкызыл был натаскан так,
Что поводья лишь только тронь –
Станет ветром послушным конь.
Но вернулся батыр тотчас:
Промахнувшийся враг увяз
В конной упряжи: он хотел
Подобрать булаву – успел
Лишь увидеть, как ловкий враг –
Сивогривый батыр Сыргак, –
Пику взяв, остриё вогнал
Силачу, куда тот не ждал:
Вмиг в подмышку оно ушло,
Пробираясь вовнутрь зело:
Сердце, лёгкие, даже кость –
Всё пробил нежеланный гость,
Тело смог он пройти насквозь,
Словно вбитый по шляпку гвоздь:
Из подмышки другой, остёр,
Наконечник копья попёр,
Это видели все в упор,
Что в итоге решило спор:
Кто хотел нападать – теперь
Убегать стал, как дикий зверь,
Понесённых страшась потерь...
В поражение лишь поверь –
От себя будешь мчаться в тень,
Как от тигра бежит олень.

А Сыргак свой не сбавил пыл,
И отвагу не загасил –
Закрепить он успех решил,
Чтоб враги не набрались сил,
Вслед за ними пустился... Те
В тесноте да и в суете
Развернули слона скорей:
Задави, мол, стопчи, забей!
Чтоб удар был сильней, ему
Прямо к хоботу как чалму
Нахлобучили *чоюн баш*[790] –
Со свинцом был и с бронзой аж, –
Дорог, остр и так тяжёл,
Что, мотая им, слон их шёл,
Неуклюже, стремясь стряхнуть
Груз, что бил его больно в грудь.
Лишь увидев слона, Сыргак
Так подумал: «Коль я, смельчак,
От скота побегу – позор!»
Тут же выхватил он топор, –
По башке, мол, ударю – он
Вряд ли выдержит, хоть и слон;
Телкызыл, мол, мой ловок, быстр,
Слон же медленен как министр,
Неуклюж в повороте он…
Пока мысли вертелись – слон
Тут как тут был, и хобот ввысь,
Чтоб ударить, поднял – и мысль,
Как его обмануть, ушла,
Но уловка у льва была:
Наклониться и вниз скользнуть,
В никуда направляя путь
Хоть бы хобота, хоть меча…
Ускользнул наш герой; сплеча
Слон ударил – но в пустоту,
А Сыргак за секунду ту
Булавой по макушке так
Припечатал слона – бедняк
Заревел, закачался… Вновь
Попытался ударить – кровь
Заливала ему глаза,
Разглядеть ничего нельзя.
И покуда топтался слон,
Смог Сыргак с десяти сторон
Булавою влепить ему
По башке – из крови чалму
И ошмётков мозгов слепив,
Всю охоту к борьбе отбив;

[789] Бута атым – 1. расстояние полёта стрелы; 2. одна из дистанций на скачках.
[790] Чоюн баш – дубина с чугунным или железным набалдашником.

Слон взревел и помчался прочь.
Но Сыргаку остыть невмочь:
Превозмочь не сумел себя,
Вслед за ним он рванул, кипя.

Ооганский народ-хитрец
Вмиг смекнул, что другой конец
У сражения может быть:
Снова с сетью включил он прыть,
Да с железною – не простой,
А с анафемой колдовской;
Слон сумел проскочить, он свой,
Но поймался Сыргак-герой
Вместе с верным конём, увы!
Под ударами булавы
Конь и всадник затихли; слон
Пойман был и привязан он
Был к концу этой сети, чтоб
Мог тянуть сей железный гроб.
Но помедлили: пусть теперь
Душу каждый потешит… Зверь
Не глумится над жертвой так:
Столь ударов принял Сыргак –
И нагайками, и кнутом!
Но прознал Алмамбет о том –
То ль почуял, то ль углядел, –
В гущу он на коне влетел,
И подаренный белый меч –
Великана Жюйрена меч, –
В миг короткий сумел отсечь
То́лпы, что попадались встречь,
Сети, путы, башку слону…
Не погибший едва в плену
На свободу рванул Сыргак –
Разъярённый, гляделся так,
Словно грозным драконом стал,
Словно силой своей астрал
Напитал его и послал
Побеждать – и теперь запал
Успокоиться не давал:
Его пика мелькала так,
Что увидеть, где шёл Сыргак,
Было просто: за ним сквозняк
Шёл по просеке – валят злак
Так же летом косцы в полях:
Не в снопах, а в людских телах
След тянулся за ним; визжа
Отзывалась на сечь межа:
Уцелевший народ бежал
Кто куда, словно шёл пожар.

Сын Балты богатырь Чубак,
Волк войны, не попал впросак,
Хоть пытались *ооганцы* сеть
На него и коня надеть:
Десять тысяч собралось их,
Каждый был расторопен, лих,
Силачи были с ними, слон,
Окружили со всех сторон
Чубака, – мол, пленить пора;
Их задумка была хитра:
Слон весь путь преградил врагу,
Как тут вырваться Чубаку? –
С трёх сторон – три холма-бугра,
Сети выставлены вчера.
Но стоял богатырь-гора
Так незыблемо, что ветра
Заклубились, найдя оплот;
Меч волшебный свой Жойболот,
Взял из ножен Чубак, взмахнул,
На мгновенье в толпу воткнул –
Кровь фонтаном взметнулась ввысь;
Тут откуда бы ни возьмись
Два озлобленных силача
Подлетели к нему, – с меча
Кровь стряхнуть не успел Чубак,
С ними биться он начал так,
А тем часом за сетью сеть
Люд набрасывал, чтоб успеть
Им батыра пленить, – пока
Отвлекают, мол, Чубака;
Силачей уничтожил он.
На него напустился слон.
Тут пришлось ему в *кёкбёру*
Поиграться, хоть на игру
Не тянул этот страшный бой:
Слон ревел – разъярённый, злой,
Всё пытался стоптать врага,
Со сноровкой у Чубака
Было с детства в порядке – он

Ухватился за хобот; слон
Головою не мог мотнуть,
Лишь топтался, подставив грудь,
И кинжал Чубака в неё
Словно в овощ вошёл, в гнильё,
Тут вступило в дела копьё:
В сердце клюнуло остриё, –
Слон упал, только пять сетей
Прилетело тут от людей:
Не заметил Чубак «гостей»,
Не забывших своих «затей»,
Что подкрались к нему в тот миг,
Когда слон перед ним возник.
Чубака спеленав в сетях.
Не забыли людишки страх,
Так вопили на все лады,
Словно шли на краю беды:
«Ой, тяни его, ой, тяни!»
Только дальше их суетни
Дело, в общем-то, и не шло:
Богатырь был тяжёл зело.
Сам Чубак этот глупый фарс
Прекратил, когда *Ачалбарс*
Свой достал и все пять сетей
Раскромсал на пятьсот частей,
Вмиг стряхнув с себя, как клещей,
Оогановских силачей!

Сам Манас наш Айкол, Чубак,
Алмамбет и герой Сыргак
Собрались обсудить зачин
Грозной сечи, где ни один
Не погиб из команды их,
Хоть и в сеть завлекли двоих.
Начал речь Алмамбет: «Меня
Не волнуют их сети – дня
Не прошло, как у них подряд
За отрядом пропал отряд,
Их герои, их силачи,
И слоны все, не знаю чьи,
Уничтожены; в их ряды
Мы внесли холодок беды
И съедающий души страх,
Предваряющий каждый крах;
Хорошо погуляв в степи,
Надо нам, не дразня судьбы,
В горы снова вернуться бы:
Как источник там жив волжбы?
Что с Бакаем-*аба*? Туман
Заслоняет от нас наш стан,
Не шустрит ли там Ооган, –
Обозлил их, небось, майдан!..»
Из тумана лишь вышли, мрак
Чуть рассеялся, смотрят – флаг
Развевается свой, родной;
Но, однако, здесь страшный бой
Был: потоки крови лились
И забрызгали даже высь,
И повсюду – следы борьбы.

Чёндёкё, Кюрёёкё, Чыйпы,
И Кылжыр, и батыр Мыйтык –
Устояли с врагами встык:
Ооганских шакалов здесь
Тридцать тысяч явилось: снесть
Приказали им стан, унесть
Всё, что можно надеть иль съесть,
Всё оружие, порох, скот
Чтоб себе разобрал народ, –
С тем *ооганцы*, рванув вперёд,
На чужое разинув рот,
Так посыпались – ого-го!
С появленьем их Кюрёёке
Ветер сильный навстречу им
Запустил, с ним и едкий дым;
Вся земля поднялась, пыля́,
Пузырями пошли поля,
Пыль слепила врагов, в глаза
Так летела – открыть нельзя;
Шапки прочь улетали, *тон*,
Раздуваясь со всех сторон,
Норовил в небеса умчать, –
Много тел кувыркалось, чать.
Тут Апы-*ооганец* дождь
Наведьмачил: на правду ложь
Так ложится порою встречь,
Трудно правде себя сберечь.
Пыль прибилась, тогда опять
На защитников стана тать
Весь попёр, но и здесь прогар, –

У *чоро кабылана* дар
Был с рождения: Чёндёкё
Силу мысли пускал к руке
И – достаточно лишь взмахнуть, –
Устилался камнями путь,
Что секунды назад, вопя,
Слала воинами судьба.
Мигом сотни врагов теперь
Приумножили счёт потерь:
Стали грудой простых камней,
Бог не спас даже их коней.
Но волшебник Напы успел
Вызвать сильный пожар: горел
Даже камень, песок, земля,
Словно огненная змея
Поползла на шатры, шипя,
На пути у себя губя
Всё, что только задеть могла
Негасимою жаждой зла;
Провианты, палатки, скот,
Чуть огонь не пустил в расход,
Оплавляя весь склон как сыр;
Но волшебник-кыргыз Кылжыр
Вмиг навстречу сумел пустить
Сильный ветер, чтоб пламя сбить
И к *ооганцам* вернуть пожар
В наивысший его разгар:
Этот силу набравший жар
Сотни воинов просто в пар
Превращал, уходя отсель
Как теряющий мощность сель.

Чтоб унять огневой буран,
Оогановский Тайталан –
Тоже сильный колдун, талант,
Вызвал град, загустив туман:
Оземь бил он как в барабан,
Каждый был оглушён, как пьян;
Вслед за градом вдруг камнепад
Рухнул с неба – и даже град
Стал казаться простой игрой;
Но волшебник Мыйтык-герой
Заклинание произнёс –
И земли миротворный плёс
Камнепад захватил, унёс
За далёкий крутой утёс;
Тайталана задел он – вмиг
Превратился колдун в тальник;
Вырвать корни Чыйпы-кыргыз
Двух парнишек отправил вниз.
Но Ёткюр, Тайталана друг
Колдовать стал, и парни вдруг
Стали утками оба – тать,
Чтоб обоих скорей убрать,
Ястребком полетел им вслед;
Но Чыйпы рассердился: «Нет!» –
Мощным беркутом стал он вмиг
И Ёткюра шутя настиг.
Заклинанья летели встык,
Разным был разве что язык.

От великого колдовства
Вся окрестность была едва
Чуть жива уже, чуть мертва:
Даже горы тряслись, трава
Мигом высохла; камнепад
Вновь начался, и водопад
С камнепадом рванул с горы;
Шум стоял, словно все миры –
И подземный, и рай небес, –
Вдруг смешались в одно окрест.
Без сознанья обычный люд
Уже падал – то там, то тут;
Кюрёёкё, Чёндёкё, Мыйтык
У природных своих владык
Испросили *бата*, – их крик
Поднял сотни больших булыг –
Что скопили часы войны:
Камни острые, валуны, –
Всё свистя полетело с гор.
На врага, что с упорством пёр
На кыргызский шатровый стан –
Выполнял приказ Оган.
Успокоилась лишь земля,
Доказав, что учён не зря,
Ооганцев своих в зверей
Злой колдун превратил скорей:
Сотни барсов рванули ввысь
Встал, опешив, стеной кыргыз –
Чтоб к Бакаю не добрались,

Вот была бы беда: свершись –
Обесточен, считай, народ
Дух народа в *аба* живёт!
Но Кылжыр был тотчас готов:
Вмиг четыреста мощных львов,
Ооганский пятнистый прайд
Отправляя в кошачий рай,
Стали горло им рвать, рыча.
Получилась опять ничья:
Барсы вдруг голубями ввысь
Белой стаей большой взвились;
Вслед, волхвуя, послал кыргыз
Стаю соколов хищных – риск
Обострив до предела вновь,
Словно дождь рассыпая кровь.
Волшебство, с колдовством сойдясь
В жаркой схватке, теряло связь
С изначальным добром, во зло
Превращаясь… Темно ль, светло –
Различает не ремесло,
И не мастер, что лишь веслом
Направляет трудов парóм,
А теченье, что на излом
Явь завязывает узлом,
Завтра выпестовав в былом.

Пока длилось сраженье, ночь
Всех с майдана прогнала прочь,
Темнотой прекратила бой,
Заменила страсть на покой.
Лишь разведка в глухой ночи,
Опираясь на звёзд лучи,
В темень вглядывалась без сна –
Не взошла в этот раз луна.
От разведчиков знали всё:
Кем запущено колесо,
Кто и где, преграждая путь,
Смог куда и зачем свернуть;
Кто умеет поддать под дых
Так, что свалит девятерых;
Кто искусный такой стрелок,
Что и жаворонку в зрачок
Попадёт, лишь натянет лук;
Кто кому закадычный друг.
Стражей быстро менялся круг,

Ведь усталость – такой недуг,
Что снижает вниманье, слух,
Превращая господ во слуг.
Стал главою для всех Кыргыл:
Он как будто двужильным был:
Все ночные не спал часы,
И созвездие лишь Весы
Накренилось, впустив зарю,
Дел прибавив богатырю,
Вкруг *чоро* хлопотал Кыргыл –
Свеж, как будто его умыл
Пресловутый живой ручей,
Скрытый богом во мгле ночей.

Был угрюм Чынаача – без сна
Тоже ночь он провёл; *зурна*
Возвестила начало дня,
И привычная беготня
Начиналась вокруг уже;
Горевал Чынаача в душе:
Пораженье предвидел он,
Страх его забирал в полон;
Чтоб не выдать страх невзначай,
В чашку глядя, он выпил чай,
Всех отчаянно торопя,
Словно вышедший из себя, –
Так свинья, притворившись львом,
С грозным видом вбегает в дом,
Выгоняя народ, рыча,
Всюду слюни свои меча.
Он со злостью хлестал коня:
Тот, беззубый, при свете дня
Вовсе пёстреньким был, и хвост
Он как будто метёлку нёс.
А с лица седока мороз
Не сходил, он уже всерьёз
Пораженья предвидел час.

В то же время Айкол Манас
Своё войско навстречу вёл:
Был спокоен как барс Айкол,
Восседая на Аккуле,
Был подобен герой горе;
Его люди с улыбкой все
Гарцевали во всей красе,

Златом вышитый алый флаг
На ветру развевался так,
Как победы весомый знак,
Знаменуя огонь атак.
Когда трус представляет бой,
Смерть он видит перед собой;
Храбрый, споря с самой судьбой,
Жизнью жертвует – не собой.
Шёл с Манасом Бакай: *аба*
Светел был, как его судьба:
Белоснежный лицом, в душе;
А Манас загорел уже:
Был как жареный *нан* Айкол –
Так румянец на скулах цвёл;
Словно солнце он был красив,
Гривой, солнцем сожжённой, сив,
Весь – живой легендарный миф,
Горд, отважен, самолюбив –
Волк войны! – на лице его
Словно некое волшебство
Проступала природы мощь:
Золотая прохлада рощ,
Отсвет зорь на вершинах гор,
Ветер, вольный степной простор;
На лице его мог прочесть
Каждый силу, отвагу, честь –
Отраженье поступков всех,
Что снискали ему успех:
Облик весь отпечаток нёс
Добрых дел и внезапных гроз –
Гнев его доставал до звёзд,
Всё он делал всегда всерьёз;
Враг в такие моменты мог
Выраженья лица – жесток! –
Испугаться навек: так рок,
Запустив селевой поток,
Мраком весь покрывает лог,
Чтобы выжить никто не смог.
Правда, тем легендарным днём
Сам Манас со своим конём,
Право, выглядел королём:
Был тулуп *ак кёбё* на нём,
Пика, меч, булава, топор,
Неразлучные с давних пор,
Украшали его доспех,
Предвещая в бою успех;
Тонкой царской короны блеск,
Затмевая лучи небес,
Оттенял золотой огонь
Его глаз, когда он ладонь
Поднимал к ним: из-под неё
Войско чтоб оглядеть своё.

Чынаача, что напротив встал,
Неказист был в сравненье, мал,
Как валун среди мощных скал,
Что к подножию их упал.
Он завистливый вперил взгляд
В неприятелей: их отряд
По сравненью с его толпой
Был одетым не вразнобой,
Хоть и меньше в разы числом,
Только каждый глядел орлом:
Этот справа, к примеру, он
На буланом коне как слон
Возвышается, хоть Манас
Видно, ценит его как раз;
Лоб широк, лучезарен взор,
На тулупе его – узор,
Видно, сильный волшебник он:
Может быть, до того умён –
Мертвецов оживит… Шпион
Говорил: невелик урон
У Манаса, хоть шли бои;
А потери уже свои
Чынаача подсчитал: сильны.
А Манасу-то хоть бы хны!
«Вот мерзавец! – находит где,
На какой на такой звезде,
Он умелых таких людей,
Что поддержат всегда в беде?!»
От Манаса же слева там,
Очень грозный не по годам, –
Чынаачи посмотрел, – юнец,
То ли воин, а то ль гонец,
Весь в движении, на юру,
Вьётся пламенем на ветру,
Зорко смотрит вокруг: игру
Словно выиграть – *кёкбёру* –
Хочет так, что горит ладонь;

А под ним – сине-пегий конь –
Очень сильный, порода в нём
Издалёка заметна днём,
Ночью с мраком сольётся он –
Конь отличный со всех сторон!

Сразу рядом с юнцом – другой:
Рост высокий, хорош собой,
Не юнец уже, бородач,
Плечи так широки – силач,
Вес, небось, на прогиб земли,
Десять тысяч бойцов смогли б
Погубить его? Вряд ли, нет:
Всех сразит, улучив момент;
Конь под ним – в красно-синий цвет,
Сам в богатый тулуп одет,
Шапка чёрная, синь бунчук,
Пику он не спускает с рук,
В семидневном бою, небось,
Он хозяин всегда, не гость;
Рядом – с флагом большой старик,
К уваженью, видать, привык:
Мудрый взгляд, непростая речь,
На златой перевязи – меч;
Все внимают с поклоном. «Что ж,
Та кыргызская молодёжь,
Что Манас здесь собрал – она
Стариковским умом сильна,
Хоть любой из юнцов – огонь,
Обожгут ведь, едва лишь тронь.
Вон в сторонке стоят волхвы:
Байки слышались от молвы
Мол, гадальщики лишь, увы,
Тише вод, не умней травы,
Все, мол, жертвеннее овцы.
Оказалось – они бойцы
И разведчики-молодцы,
Хоть и с виду совсем юнцы!»

Мир от зависти Чынаачи
Изнывал, но к врагу ключи
Подбирал он исподтишка,
Чтоб ударить наверняка,
Только зависти чёрной яд
Разъедал его мозг: «Богат
На волшебников этот гад,
С ним непросто нащупать слад;
Ничего – *какану*, *калмак*, –
С кем Манас воевать привык,
Да и *каракытай* с *манжу* –
С кем я крепкую связь держу,
Все на помощь ко мне придут,
Сколько их проживает тут! –
Столь на шкуре коров шерсти, –
Всех сумеет их в бой вести
Управляющий властный Кон,
Вот к нему и пошлю в поклон
Поскорей своего посла,
Чтоб властитель добра и зла
На защиту мою вставал, –
Пусть Манаса он не знавал,
Но и друга не выдавал –
Конурбая, что там бывал,
Покидая отцовский край;
Проиграю коль – Конурбай
Отомстит за меня стократ:
Он по духу мне словно брат!»
Конурбая любил он, что ж,
Ложь и подлость другую ложь
И приветит, и даст совет.
Чынаача улыбнулся: «Бед
Бесконечных на свете нет:
Кто-то держит всегда ответ!»

Чынаача оглядел войска,
Что привёл, подсчитав слегка:
Было тысяч сто пятьдесят,
Но вчера не пришло назад
Девятнадцать из них – увы,
Словно волосы с головы
Просто выпали – в ямы, в рвы
Уложили их всех волхвы,
Если верить словам молвы.
А живые собрались тут.
Недовольства и прочих смут
Ни в ночи, ни в пылу атак
Не заметил шпионский зрак, –
В твёрдых дланях держался флаг:
Самым сильным был Шапырак:
Хан, батыр, предводитель тех,

Кто нередко имел успех
В разных войнах, набегах всех;
Он вчерашний урон за грех
Посчитав, отомстить хотел
И за камни, что вместо тел
На майдане валялись сплошь,
И за пыльную бурю, дождь,
И за ветер и страшный сель,
Что прошёлся отсель досель;
Он в наперсники смерть призвал,
Лошака, не коня, взнуздал,
Взял не пику, а булаву,
Неподвластную колдовству –
Из осины была, видать, –
И отправился убивать,
Разъярённый такой, что дым
Чёрным облаком шёл густым
Изо рта, из больших ноздрей –
Как у дивов, не у людей,
И плевался к тому ж, злодей,
Вместе с ором своих идей,
Просвещая кыргызов так:
«Моё имя хан Шапырак!
Обращаюсь к тебе я, враг!
Кто со мною готов на бой
Выйти, жертвуя сам собой?
Кто сразиться готов с судьбой?
Знаю: выйдет на бой со мной
Этот – с чёрною головой,
В шапке чёрной, как мрак ночной,
На железном коне, что сив,
Словно цвет переспевших слив;
Ишь ты, синий тулуп надел,
Чтоб во тьме я не разглядел –
Кто ты, где ты, – такой шутник! –
Так ли силами ты велик?
На коне своём Кёкала
Мчись, не стой, словно ты – скала!
Если сердце несёшь в груди,
А не тряпку – ко мне иди!
Волохвостого Сарала,
Видно, сглазил пастух-*бала*[791]:
В шёрстке бархатной этот скот
На майдан ко мне не идёт;
А на нём, я гляжу, сидит
Статный молодец – лишь на вид,
Даже если он падишах,
Пусть ко мне бы он сделал шаг,
А за ним бы тогда – другой,
Вот, глядишь бы, и принял бой
Ты – красавец, талант, герой!
Правда, после борьбы со мной
Ты уже не придёшь домой,
Ведь не дам я тебе уйти,
Встанет смерть поперёк пути!
Так решайся и приходи
Всяк, кто хочет ко мне идти,
Будь хоть с тысячью ты голов,
Приходи, если ты готов!
Будь хоть барсом, героем будь,
Продырявлю тебе я грудь,
Разорву твой живот, и желчь
Раздавлю, чтобы печень сжечь,
Отрублю я тебе башку,
Выпью кровь твою – я смогу
Только так отомстить за тех,
Кто вчера был введён во грех –
В поражение, в гибель, в ад.
Приходи! Буду очень рад
Показать тебе, как ты слаб,
Своего самомненья раб,
Показать тебе – как ты глуп!
После смерти я твой тулуп
Сам надену – да будет так», –
Богохульствовал Шапырак:
Оскорблял он *чоро*, родню,
Всех грозился он на корню
Уничтожить, как злых собак.

Лишь *бата* испросив, Сыргак
Перепрыгнул, взлетев, овраг:
Телкызыл его взвился так,
Что от страха присёл лошак,
На котором хан Шапырак
Восседал, как на кочке рак.
Бой нача́лся мгновенно: хан,
Умудрился свой грузный стан
Распрямить, лошаку поддать

[791] Бала – мальчик, юноша.

И навстречу скорей скакать
Неуклюже – на речи хан
Пыл растратил, и хоть в карман
За словцом не лез *ооган*,
Но бахвальства самообман
Чуть ослабил его; Сыргак
Пикой в бешенстве двинул так,
Что едва не пал Шапырак,
Как косою задетый злак.
Бились яростно, бились так,
Словно свет на весах и мрак
Перед ними качались; сил
Было поровну, их бесил
Этот равный в бою расклад;
Отступая на миг назад,
Так удар направлял любой,
Словно это – последний бой,
Бились насмерть, терзая плоть,
Словно новую даст господь,
По *туулге* топором вразмах
Били оба, – на сотый взмах
Топоры поразбили вдрызг,
И кричали, и вновь дрались –
Вздыбив волнами даже высь;
Волны и по земле неслись,
Словно вдруг ожила земля,
Распрямила свои крыла,
И попробовала взлететь.
От сражающихся и смерть
Отступила – заденут ведь:
Лев – один, а второй – медведь.
Целый день эта битва шла:
Силы равные – вот дела!
Ночь, сгустившись, их развела,
Ни добра не уняв, ни зла.
Разошлись по своим войскам,
Объясняя с досадой там –
Как и что; *кабылан* Сыргак,
Например, подытожил так:
«Он силач среди всех людей,
Богатырь он, а не злодей,
Сразу видно, что он герой:
Бился честно мой враг со мной!
Я со многими помню бой:
Без усталости, чуть хмельной
От кипенья в крови, всегда
Возвращался я… Здесь – беда:
Сил осталось во мне чуть-чуть,
Еле-еле осилил путь
Я, увы, к своему шатру,
Всё казалось: вот-вот умру;
Накоплю ли я сил к утру?
Я-то думал, что нос утру
В этой битве врагу, – увы:
Не снесу своей головы:
Впереди вижу только мрак,
Коль опять придёт Шапырак!»

Ночь прошла, наступил рассвет,
Солнце начало лишь разбег,
А майдан не пустой ведь, глянь:
Шапырак-то до солнца в рань
Вышел – с новым копьём в руке;
А навстречу на Кёктеке
С синей пикой летит Чубак:
Коль надеть на скалу шишак
И доспехи – портрет точняк!
Злобным хохотом Шапырак
Разразился: «Не торопясь,
О себе возомнивши, грязь
На сраженье идёт, как князь?
А вчерашний залёг, боясь?
Я злопамятный человек:
Опозорился он навек!
А тебе, коль уж ты пришёл,
Взрежу брюхо я хорошо!» –
Из себя весь лез Шапырак,
Злился он, издеваясь так,
Но спокойно внимал Чубак –
Здоровяк, богатырь-*кыпчак*;
Был в железных он латах весь –
Не внапряг ему лишний вес,
Всё себе он позволить мог;
Он слоями надел *олпок*,
Взял копьё, булаву, топор;
Чтоб закончить ненужный спор
И уже надоевший ор,
Рыкнул – камни скатились с гор:
«Тебя слушать устал скакун:
Надоел Шапырак-болтун!

Ты сказал своё слово? – всё!
Не кривляйся, как *келесоо*,
Кровь кипит и терпенья нет,
Мой получишь в бою ответ!» –
Чубака возмущала спесь
Даже больше, чем ложь и лесть,
Потемнел он от злости весь,
На лице проступила шерсть,
Он пришпорил коня – вперёд!
Под копытами, сходу, влёт,
Обозначили ямы ход
Оземь бьющих копыт– так лёд
Тает там, где горел очаг
И раскинут был бивуак.
Пыль вздымая, летел Чубак
Барс охотится натощак,
Так и он на врага как барс
Вмиг напал, и на этот раз
Ритуал – о себе рассказ –
Отменился в пылу, угас.
Клич выкрикивая «Манас!»
Так, что слёзы катились с глаз,
С острой пикой наперевес
Он летел, как орёл с небес;
Право первым ударить всё ж
Дал Чубак Шапыраку, – ложь
Не терпел он почти как спесь,
Сам собрался в комок он весь,
Чтобы встретить удар врага
Уклонившись за полшага,
Чтоб его только вскользь принять,
Чтоб впустую старался тать.
Шапырак в свой удар вложил
Столько, сколько имел он сил,
Оказался копья сильней –
И на восемьдесят частей
Развалилось копьё в щепья;
И вот тут Шапырак, свинья,
Уступать Чубаку черёд
Не решился, пуская в ход,
Быстро выхватив, острый меч,
Чтобы голову вмиг отсечь.
А Чубак, как огромный холм
Возвышаясь над ним, умом
Пораскинув мгновенно, – мол,
И ловкач он, и балабол,
С ним по совести бой вести, –
Сам останешься не в чести;
И с презрением глянул – смерть
Может так на лжецов смотреть
Перед тем, как забрать их в ад;
Шапырак отступил назад,
Закрутился как уж, скользя,
Чтоб врагу не смотреть в глаза,
Понимая: его стезя
Оборвалась – уже нельзя
Повернуть всё, замять шутя;
Кости словно в канун дождя
Заболели, заныли вдруг;
Не сошла ему подлость с рук:
За мгновение это он
Из героев переведён
Был в разряд негодяев – так
Не преминул сказать Чубак:
«…Да пошёл бы ты, Шапырак,
В землю, в яму – коль ты слизняк!
Ты подставил весь Оган,
Иль законы у вас – туман?
И обычаи – зов кишок?
В ваших душах живёт ли бог?
Я под богом ходить привык.
Ты схватился за меч в тот миг,
Когда мой наступил черёд
Бить: свидетель тому – народ;
Ты о чести кричал, а сам
Честь свою положил в карман?»

Опозоренный Шапырак
Заметался; его лошак
Повинуясь ему, зигзаг
Стал выписывать, как сайгак,
Влево, вправо скача, вперёд…
Страх зевотой распялил рот,
Шапырак понимал: народ
Не простит его, не поймёт,
Если бросится наутёк…
Он на месте остаться смог,
Когда в пику Чубак вложил
Всё презрение кроме сил.
Пика в пояс попала – медь

Оттеснила на время смерть,
Шапырак же начал реветь,
Как от боли ревёт медведь;
Покосившись в седле сперва,
Понял: смерти избёг едва,
Потерял хоть немало сил,
Всё же жизни не погасил;
Сел ровнее в седле, топор
Взял скорее, лошак попёр,
Повинуясь поводьям, в круг,
Где был битвой утоптан луг.
Первым выступил Шапырак:
Топором он ударил так,
Что на миг онемел Чубак, –
Словно хрустнул ледок – вот так
Сверху махом ударил враг;
Только спас Чубака шишак.
В хруст не вслушиваясь, Чубак
Сам в одну из своих атак
Смог на миг оглушить врага.
Бились насмерть – недорога
Жизнь, когда в ней попрали честь;
Задавала здесь тон не месть,
Не обиды – числа им несть,
Но они не считались здесь;
Бились разные две страны:
Всё – обычаи старины,
Нормы, правила, – чем полны,
Хоть снаружи и не видны,
Жизни, души, умы людей.
Бой друг другу чужих идей
Только насмерть всегда ведут,
Чтобы не было шор и пут,
Разных взглядов и разных вер.
Бились, не соблюдая мер.
Шапырака топор – увы, –
Вдруг стрелою из тетивы
Или птицей взметнулся ввысь;
В это время успел кыргыз
Ооганца ударить так,
Что несчастнейший Шапырак,
По колено ноги лишась,
Смог ногой не ударить в грязь:
Сухожилие, словно нить,
Не дало ему уронить
Эту важную часть себя;
Глянул вниз он, запал губя:
Кость белеет и хлещет кровь.
Вот и вся у судьбы любовь.
Помутилось сознанье, он
Рухнул оземь, во тьму времён.

Ооганцы про колдовство
Позабыли скорей всего:
Неволшебных простых собак –
Правда, злобных, чей дом – *абак*,
Всех спустили, чтоб вмиг Чубак
Был растерзан в пылу атак.
Стая быстро – ведь налегке –
Вмиг примчалась, на Кёктеке
Навалились все псы сперва,
Вскоре красной была трава
И как будто из крови той
Псы рождались наперебой,
Умножаясь при свете дня
Псы кружились вокруг коня;
Штук пятнадцать он их стоптал,
Всадник тоже не отставал:
Лишь очистит от них он круг –
Сотни новых являлись вдруг!
Ооган был на всё готов!
Заклинания колдунов
Несомненно вели «игру»:
Псы затеяли *кёкбёру*
С Шапыраком, что был уж мёртв.
Через миг он раззявил рот,
Глянул бельмами и ползком
Стал гоняться за Чубаком,
Кровь повсюду свою меча;
Псы лакали её, рыча,
Размножаясь, как слух молвы,
Жертв терзая своих, увы.
Алмамбет устоять не смог,
Видя боя такой итог,
Закричал он *чоро*: «Скорей!
Надо всех умертвить зверей!
В помощь десять из сорока
К Чубаку! Ну, а я пока
Разберусь с мертвецом: никак
Убежать решил Шапырак!»

Десять лучших *чоро* тотчас,
Взяв коней и боезапас,
Словно волки пустились в бег:
Пропадал родной человек!
Вместе с ними на Сарале
Алаке поскакал: в земле
Копошился мертвяк: непрочь
Уползти бы, ввинтится в ночь,
Чтоб потом донимать живых,
Кровью, мясом питаться их.
Алаке обозлился, он
Видел: псы разделились, в гон
Шли за каждым *чоро* – слегка
Отрезая от Чубака;
Взял он в руки ружьё тотчас
И по двадцать собак за раз
Каждой пулей сумел одной
Уложить, и Чубак – живой! –
За *оогонцем*, за мертвяком,
Уползающим червяком,
Смог помчаться теперь вдогон,
Сам разгневанный как дракон;
И догнал, *Айбалту* поднял,
По макушке с размаху дал –
Мозг остался на топоре.
Праху место в земле, в норе, –
Так подумал Чубак. Топор
Он землёй и травой протёр;
Похромали с майдана прочь –
Он и конь – чтоб себе помочь.
Ооганцев десятка три –
Силачей, – на майдан пришли,
Долго бились, но Шууту
И *чоро* его, все в поту,
Разобрались со всеми так;
Ни один не ушёл бедняк.

Так пристыжен был Чынаача! –
Даже думал он сгоряча
Помереть, но рубить с плеча
Не решился; на всех крича
Он метался, был бледен так,
Словно яда глотнул, бедняк,
Или про́лил всю кровь в бою;
Свиту в страхе держа свою,
Обозлившись, наметил план:
«Что ж, – сказал он, – любой *балбан*,
Защищающий Оган,
Смазал кровью своей майдан;
Пусть теперь за кыргызский клан
Сам Манас выступает, хан!
Вызываю тебя я сам!»
Стих мгновенно и шум, и гам.
Белый новый тулуп надев,
К месту боя как белый лев
Первым прибыл Манас, горя
Словно утренняя заря;
Как всегда на копье сверкал
В наконечнике тот металл,
Что булатом зовут – сей сорт
Как алмаз, только чёрный, твёрд,
Им прославленный мастер горд:
Он не нов, но ничуть не стёрт,
Хоть волшебный металл не раз
В битвах хана Манаса спас.
Он намерен был и сейчас
В ход железный пустить алмаз.
Вот он едет на Аккуле,
Прямо держит себя в седле –
Глаз не сможет отвесть никто:
Образ белого Ала-Тоо
Перед взором встаёт тотчас;
До чего же красив Манас!
Ооганский герой когда
Лишь увидел его – вражда
Полыхнула стократно в нём,
Обожгла всё внутри огнём,
Пламя билось в глазах, во рту,
Слюни шваркая на ходу,
За клыками огонь тая,
С визгом двигался как свинья
Ооганский властитель: он
Злобой собственной был сожжён,
Чёрный уголь своих тревог
Спрятав будто бы в уголок,
Чынаача еле-еле смог
Дрожь сдержать своих рук и ног.
К месту боя он, бормоча,
Вышел, крикнул: «Я – Чынаача!
Ты – Манас, ты пришёл... Увы –

Приуменьшил язык молвы
Всю громадность твою... Таких
Я ещё не встречал больших!
Говорят, ты умён и смел,
Ты во многих местах шумел,
А такого, как я, ты знал?
Когда я Чынаачою стал,
Ни один от меня батыр,
Уж прости, не ушёл без дыр;
Приходило их много, но
Возвращаться назад давно
Перестали они, поверь:
Попадая лишь в сеть, не в дверь.
Я же счёт не веду потерь.
Чтоб его не открыть теперь,
Жизнь развею твою как дым –
Нам не жить на земле двоим;
Покрасуйся как *эт бышым*[792],
Зная, что мы тебя съедим –
Я и давний мой друг Конур,
Что невесел и так понур
Отого, что ты жив, Манас;
Не смогу подвести я нас
И оставить тебя в живых:
Мир не вынесет нас двоих...» –
Непонятное бормоча,
Так настраивал Чынаача,
Истекающий спесью злой,
И себя, и врага на бой.

Лев Манас же ему сказал:
«Соберись и открой глаза,
Чынаача, не герой ты, пшют!
Знаешь ты, как меня зовут –
Вот и всё; и пяти минут
Не общался со мною, плут,
А дерзишь мне уже, свинья.
Ты – никто, когда рядом я.
Только вышибу дух я твой,
Все слова твои просто в вой
Превратятся, уйдёт их смысл,
И рассеется даже мысль –
Она соткана вся из зла.
С ней ли к богу пошлёшь посла?»

Чынаача рассердился: в глаз,
А не в бровь угодил Манас;
Пику в бешенстве взяв, рыча,
В битву бросился Чынаача.
Кончик пики горел огнём.
Хвост коня, что тугим узлом
Бил по крупу его и злил,
Придавал им обоим сил,
Гром эмоций гремел в душе,
Откликаясь в горах уже
Так весомо, что тру́сы все
Обоссались – мол, быть грозе;
Он ударить копьём хотел,
Но Манаса и не задел:
Увернулся Айкол, своё
Тоже выставил вмиг копьё,
Попытался вонзить, но враг
Был увертлив: его лошак
Так метнулся, что сам седок
Лишь с трудом удержаться смог.
Закружились они юлой,
Был отчаянно дерзок бой:
Словно вырастил два крыла
Скорый на ногу Аккула:
Так порой уносил он льва,
Что не мялась под ним трава,
А сближались бойцы когда,
Кровь лилась уже как вода:
В ход кинжалы пошли у них,
Бились насмерть они; под дых
Ударяя копьём, блюли
Всё же очередь: берегли
Честь сначала, а жизнь – потом;
На саврасом и на гнедом
Пыль ложилась, уже слоясь:
Кровь её превращала в грязь;
Кровь была и на седоках,
Ею луг уже весь пропах,
С каждой новою раной мак
Расцветал на одежде… Мрак
Полз тихонько с горы, – закат
Прекратить этот бой был рад,
Но не мог он смутить собой
Двух врагов: продолжался бой.

[792] Эт – мясо, тело; бышым – созревание.

Люди все, что в войсках пришли,
Ждать исхода изнемогли,
Молча стоя в густой пыли:
Без приказа ведь не могли
Ни помочь они, не уйти.

Злобный рык свой прервав в груди,
Чынаача прокричал: «Гляди,
Ночь безлунная впереди,
Завтра утром давай опять
Исполать свою искупать».
Согласился с врагом Манас,
Трудно даже для зорких глаз
Биться в сумерках. Разошлись.
Чынаача же лелеял мысль,
Колдовством затуманить высь:
Мимо бьёт пусть всегда кыргыз.
Колдунов он своих позвал.
И Апы, и Напы – он знал,
Могут сделать, чтоб лишь Манас
Потерял свою зоркость глаз.
Он сказал им: «Я утром вновь
Проливать свою буду кровь;
Уготовит мне смерть Манас.
Столько лет ведь кормил я вас,
Одевал, охранял, берёг,
Был тулупом вам сам… Не в срок
Вас покинуть могу: урок
Преподал мне всевышний бог;
Так придумайте что-нибудь,
Чтоб продолжил земной я путь!
Видел я, как собаки мрут:
Тридцать пулей одной *бурут*
Уложил, – волшебство! Наш враг
Им владеть научился так,
Обогнав, и намного, нас;
А герой *кабылан* Манас?!
В Оогане таких сейчас
Нет героев … Мой пыл угас.
Затупился о камень нож.
Взгляд не видит: где правда, ложь?
Даже скулы уже свело,
Силы временем унесло.

Где, не знаю, они теперь;
Я когда-то как дикий зверь
Шесть десятков героев мог
Всех за раз растерзать… Наш бог
Отвернулся, видать, от нас.
Завтра утром меня Манас
Также сможет прикончить – враз.
Чую: сил у него запас,
До победы его – лишь ночь.
Неужели нельзя помочь?!» –
Так сказал Чынаача, собрав
Колдунов и отрядных глав,
Упрекая в бессилье их;
Зажиревших в делах мирских,
Тем ослабленных силачей
Отругал ещё горячей,
Нетерпимее, с бранью, зло:
Быть им крайними повезло.
От недобрых слов Чынаачи,
Согласившись с ним, силачи
Закручинились – лишь в ночи
Нынче с ханом они, но чьи,
Будут, если погибнет хан?
Всё порушит кыргызский клан,
Всех зарежет, как будто скот…
Выход стал тут искать народ.
Все смотрели на колдунов:
Было ясно уже без слов,
Что не сможет без колдовства
Победить Ооган; едва
Десять слабеньких колдунов
Наскребли, но зато готов
Был Апы, ну, а с ним – Напы,
Изменить поворот судьбы,
Маги, слабые даже, им
Были кстати, как краже – дым.
На совете решил Ооган
Изменить колдовством майдан:
Сель пустить, чтобы котлован
Краем тронул кыргызский стан,
Чтоб они не могли пройти,
Встретив яму на полпути.
Сели вместе Апы, Напы

И десяток «господ судьбы» –
И начали творить *жайлу*[793],
Чтобы ночь, повинуюсь злу,
Стала снежной, холодной вдруг,
Отовсюду сбивая в круг
Тучи, будто бы их испуг
Гонит по небу иль недуг.

Снегу выпало – в женский рост.
Этот снег все шатры занёс.
А ударил когда мороз,
Стало страшно уже всерьёз.
Весь кыргызский народ продрог,
Только было им невдомёк,
Почему наказал их рок,
Кто природе сподлить помог.
Догадался лишь Алмамбет:
Колдовской он увидел след
В этой смене крутой времён,
Объяснить всем пытался он:
«Ай, Мыйтык, Кюрёёкё, Чыйпы,
Кто-то ход изменил судьбы,
Этот кто-то – Апы, Напы,
Чынаачи колдуны-рабы.
Вы послушайте: надо нам
Чтобы дать ответ колдунам,
Что на нас насылают мор,
Всем волшебникам кликнуть сбор;
Приведите, найдите всех!..»
Речь имела большой успех.
Несмотря на заносы, снег
Всё ж одиннадцать человек
Собралось – молодых волхвов,
Каждый был от души готов
Без сомнений и лишних слов
Проучить чужих колдунов.

Дал напутствие им Алма:
«Дело хлопотное весьма,
Но, волшебники вы мои,
Звал я вас не гонять чаи,
А на мóрок начать набег:
Снег, что выпал – совсем не снег,
Напустил его человек,
Колдовской он, короткий век
У него – только солнца свет
Выйдет нá небо – снега нет:
Превратится он в водоток,
В сель невиданный, чтобы смог
Весь шатровый наш городок
Захлестнуть грязевой поток.
Мы мгновенно утонем в нём.
Но подумаем вот о чём:
Чтобы твёрдой была вода,
Превратим её в глыбы льда
До того, как она на нас
Хлынет сверху; и в тот же час –
Если сможете, – пусть зима
В Оогане зайдёт в дома,
В соболей превращая всех,
Кто хотел колдовством успех
Свой стяжать, убивая нас;
Люд простой пощадит Манас,
А властителям в самый раз
Отомстим – пусть запомнят нас.
Пусть не сдюжат с постели встать,
Пусть мочиться не смогут – вспять
Вверх сосулькой пойдёт моча,
Пусть покрутиться Чынаача:
В Оогане зима – что дым;
Настоящую зиму им
На бесшёрстных их лошадей,
На слонов, молодёжь, навей!
Пусть их скот замерзает, пусть
Джут коснётся их подлых чувств,
Пусть снегов настоящих хруст
Слышен в мире, который пуст!
Только вот что: и пусть они
Не узнают, что эти дни
Не они сотворили – вы,
Им – быть притчей в устах молвы!»

Алмамбета услышав, люд
Удивился – мол, как он лют,
Растерялись: «Властитель наш!
Ты ответ нам, быть может, дашь:

[793] Жайла – пребывать, располагаться; приводить в порядок, переделывать, перекраивать; убивать.

Как нам сделать *жайлу* тайком?
Ведь колдуют не языком,
Кто хоть чуть с колдовством знаком,
Всяк узнает – кем слеплен ком.
И хотелось бы знать потом,
Как кыргызский народ? О нём
Вы подумали – как в мороз
Сможет выжить незваный гость?
Вот проблем становая ось:
Как бы всем страдать не пришлось?!»
Возраженья узнав, Алма
Разозлился, притом весьма:
«Неужели и вам ума
Не хватает? Придёт зима
Колдовская – как этот снег;
Опасения ваши – смех,
Так бояться работы – грех,
Мол, страдаю, боюсь за всех.
Делать стирку в мороз, рожать,
Пуповину ведь обрезать
Не зовут вас, а волхвовать,
Это значит – творить, ваять;
Вот, к примеру: вы стойте здесь,
Пусть ваш конь не сочтёт за месть,
Что покроется ухо льдом,
А в другом будет жар притом –
Солнце летнее шпарит там,
На другой стороне же – льдам
Вы дадите такой простор
Как дают им вершины гор, –
Вот оно, волшебство! А вы –
Так, поганцы, рабы молвы,
Из ячеек слепой детвы
Вам не высунуть головы!»

Так сказав, Алмамбет без слов
Взял одиннадцать всех волхвов
И с мечом, бородой своей –
Алых маков, и тех, красней, –
В путь повёл их, водил полдня,
Заклинаньями заслоня
Колдовских заклинаний ход,
Ровно семьдесят два в поход
Взяв своих заклинаний – тем
Всех волхвов удивив, затем
Сверху новые, бормоча,
Наложил – мол, была ничья
После наших заслонов всех,
А теперь только к нам успех
Собирается в гости… Он
Помнил с юных своих времён
Тайных знаний уроки – с ним
Маг-учитель делил *илим*[794];
Он таил их в душе, но им
Полусон стал невыносим.
Пока ладили свой задел,
То в теченье волшебных дел
Умудрились в погоду влезть:
Небо раз где-то целых шесть
Поменялось: холодный шквал
К Оогану направил вал –
То ли тучи, а то ль туман
Навалился на Ооган;
На кыргызской же стороне
Ветер вроде бы дул вдвойне,
Но, свистя как кипящий чай,
Вниз, в долину как невзначай
Улетел и пропал, а здесь
Звёзды вышли на небо – весть
Летней неги, минувших гроз.

В Ооган же пришёл мороз:
Снег смерзался в звенящий лёд,
Ямы, рытвины, реки вброд
Мог уже пересечь народ –
Всех деревьев застыл полёт –
После ветра сковало их,
Обожжённых зимой, нагих.
Так Алма всё устроил – снег
По колено встречал всех тех,
Кто его вызывал вчера;
Только солнце, взойдя с утра,
Вместо жарких своих лучей
Глянув из-под седых бровей
Взглядом смерило ледяным
Снег и тех, кто стоит за ним.
Перед самой зарей Алма
Заклинанье на их дома

[794] Илим – знание.

Развернул, развязав его;
Заработало колдовство.

Ооганские колдуны
Загордились: плоды видны
Всех нелёгких ночных затей;
Только глянули – у «гостей»,
У кыргызов, тепло, светло,
Небо синее как стекло,
Ни мороза, ни снега нет,
Лишь чернеет полей просвет
Меж зелёных холмов и рощ.
Колдуны ощутили мощь,
Исходящую от врагов;
Каждый в общем-то был готов
Чтоб загладить свою вину
Взять и выступить на войну,
Но коней, чтоб пойти на бой,
Вечный хладный покрыл покой,
Конь остался у Чынаачи –
То ли грел его хвост камчи,
То ль у тёплой заснул плечи,
То ль в попонке бродил в ночи.
Остальных уничтожил всех
Колдовской их большой успех,
Что прошёлся как мор по ним
Злым дыханием ледяным.
Но туман не спеша как дым
Расходился; уже пустым
Небо стало, и снизу снег
Вдруг захлюпал, и вóды бег
Устремили на Ооган,
Заливая ооганский стан;
Ждали селя, но сель к холмам
Подниматься не мог; обман
С колдовством выходил бедой:
Дол наполнился весь водой,
До подмышек вода дошла,
Никуда она не текла,
Лишь гоняла волну к волне,
Лёд покачивая в глубине.

Чынаача на коне своём
Попытался покинуть дом,
Только озера глубина,
Где порой не достанешь дна,
Не давала уйти ему;
Он давно намочил кошму,
Что служила попоной, *тон*,
Про коня и не думал он,
Тот же фыркал на водный путь
И старался не утонуть,
Как корова он брёл, дрожа,
В чём держалась, спроси, душа.
Время минуло *ат башым* –
Вечность! – как показалось им:
Силы высосал этот ход.
Вдруг вода превратилась в лёд!
Всех людей полонил исход:
В белом озере мёрз народ.
Трижды мир изменился весь:
Снег, потоп, а за ними здесь
Ледниковый период вдруг
Ооган заточил в свой круг.
Без сражений и без боёв,
Не пуская друг другу кровь,
Топором не рубя голов,
Без мечей и без бранных слов
Погубила Ооган война,
Лишь за сутки достигла дна
Процветающая страна,
Стала озером льда она.
Чынаача горевал один
Над сверкающим миром льдин,
Злость, обида теснили грудь,
Но закрыт был отсюда путь.

День прошёл, словно месяц. Лев
Знать не знал про небесный гнев,
Колдовство, волшебство, мороз;
Он в просторном Таласе рос
И душой был умён и прост,
У него был один вопрос:
«Почему Чынаача с утра
Не явился? Ведь он вчера
Обещал мне продолжить бой,
Чтоб помериться нам судьбой;
Испугался, наверно? Что ж,
Лучше б правду сказал, не ложь».
Но Кыргыл успокоил льва:

«Иногда не нужны слова,
Лучше глянуть на небо – там
Всё расставлено по местам:
Гуще ели, чем глубже лес;
Много произошло чудес.
Взгляд орлиный зачем Вам дан?
Не глядите Вы на майдан,
Вы покиньте шатровый стан,
Посмотрите на Ооган!»
«Ты, всевидящий мой Кыргыл,
Ты должно быть слегка забыл,
Что я спал, набираясь сил,
Чынаача чтоб не загасил
Мой уставший огонь внутри;
Ты же – выйди, да посмотри!»
Вышел он из шатра – кругом
Пашни чёрные, птичий гон,
Синева с золотым небес.
Изменения? Вроде – без.
Но Кыргыл: «Волшебства дела,
Кость хорошая нам легла –
Всё в начале… Помог Аллá
Мир избавить от власти зла».
Рассердился герой Манас:
«Что творится, скажи, у вас,
Где волшебники? Позови,
Ты молчи уж и не гневи!»
Кыргылчал их привел тотчас,
Грозный вид напустил Манас,
На волшебников глядя так,
Словно каждый – коварный враг,
Начал речь: «Скандалисты вы!
Всё творите без головы:
С колдунами равняясь, вы
Им подобны в глазах молвы;
Волшебство или колдовство –
Нарушается естество
И природы привычный ход;
Кто виновнее? Кто поймёт?
Летом снег вызывая, лёд,
А зимою – наоборот,
Все виновны – и вы, и те,
Кто от жадности в суете
Затевают свои дела,
Губят люд весь во славу зла.
Что вы сделали? В чём вина
Ваша – что на свету видна?
Кто науськивал вас на люд?
Просто люди ни в чём не врут:
Ценят правду, и честь, и труд –
Ради этого и живут.
Говорят: коль погиб твой конь,
Ты других не бросай в огонь;
Дети, старцы, калеки – кто
Смеет их осудить – никто!
А когда ещё без суда
Напускается к ним беда.
В мире много народа – он
Будет, думаю, потрясён,
Коль узнает в молве времён,
Как Манасом был люд пленён –
Не в сражении напоказ:
Колдовством промышлял Манас!
Нет уж, если пришла война,
Пусть достойные имена
Омывает она в крови
Морем ненависти-любви!»
Так, волнуясь, Манас сказал.

Но Бакай, что побольше знал,
Пропустил бородý сквозь длань:
«С точки зренья другой ты глянь.
Да, не дело менять закон –
Ведь природой заложен он;
Но на выпад найти ответ
Посоветовал Алмамбет.
Было так: за дождём вдруг снег
Так пошёл, что померк весь свет;
Колдовской – он ведь нёс нам смерть:
Сель, сметающий нашу твердь.
Всех волшебников вмиг собрав,
Алаке, твой вернейший брат,
Так сказал им: «Ооган не прав,
Он нам кажет свой скверный нрав:
Колдовские идут дела,
От великого только зла.
Надо как-то закрыть им путь.
Выпал снег уже нам по грудь,
Селем смоет к утру наш стан,
Коль не вышлем всё в Ооган:

Снег, и сель, и потоп, и лёд.
А кыргыз пусть в тепле живёт,
Никому не желая зла,
Но свои не сложив крыла», –
Так сказал Алмамбет. Волхвы –
Да, одиннадцать, эти, вы, –
Колебались сначала, – мол,
В глотку селю не вставишь кол,
И со смертью тягаться – страх,
Превратишься в неё впотьмах;
Опустили все взгляды, но
Алаке заронил зерно
В их неверье, оно взошло,
Победить колдунов смогло:
Хоть и с тенью, но честный бой
Алмамбет наш провёл, герой:
Алаке наш кыргызов спас.
И ещё я скажу, Манас:
Не бывает волков, чтоб скот
Не едали в голодный год;
И винить ли нам тигра в том,
Что душою его ведóм
Богатырь на земном пути?
Враг есть враг. Ты меня прости,
Но спросил ли совета тот,
Кто начал колдовство вперёд?»

Он Манаса не убедил,
Только душу разбередил.
Лев позвал Алмамбета – мол,
Вроде, тот мимо окон шёл.
Разговор, а скорее ор,
Слышал каждый соседний двор
И, конечно же, Алмамбет;
Он как раз-то и шёл на свет,
Догадавшись – не спит Айкол;
Он спокойно к нему зашёл.
Попросил Алмамбета брат:
«Просьбе будешь ты вряд ли рад,
Ты ведь из торопливых львов:
Ты все беды вернуть готов
Слабым, тем, кто наслал их нам;
Но спаси *ооганцев*! Сам
Посуди ты: погибнут зря,
До того, как взойдёт заря!
Лучше в честном бою прямом
Победим мы их всех потом!»
Алмамбет усмехнулся: «Нет!
Их спасенье несёт нам вред.
Ооган колдовство начал.
Если я бы в ответ смолчал,
Нынче не было б вовсе нам.
Ты подумай, мой брат Манас:
Коль беду с Оогана снять,
Будет снова он колдовать,
Снегом всю он покроет степь,
Стан кыргызский поймает в сеть,
И тогда будет он смотреть:
Жить нам в рабстве иль умереть.
Стан кыргызский – моя семья.
Чтоб от смерти спасти нас, я
Всех волхвов собирал – и зря?
Жизнь Оогану опять даря,
Нам ты в смерть открываешь дверь.
Так волхвам я сказал: «Теперь
Надо выбрать нам жизнь иль
смерть;
Если – жизнь, надо нам суметь
Все силёнки собрав, схитрить
И посыл этих бед отбить:
Кто послал их нам – пусть возьмёт».
От потопа придуман лёд,
Чтобы сель нас не снёс, как хлам, –
Расчертили напополам
Местность, лето оставив нам;
Сель подняться не смог к холмам.
Как смогли мы, свели на нет
От *ооганцев* идущий вред.
Знал, что скажешь ты, боль тая,
И на нитку живую я
Закрепил заклинанья, – что ж:
Дёрнешь узел – и всё вернёшь».
Говоря так, герой Алма,
Раздосадован был весьма:
Брат большого ведь был ума,
Что же мягок он так? – эх-ма!
«Ладно, ладно, мой друг! – Манас
Оценил, что Алма их спас, –
Но, прошу я тебя, чтоб впредь
Ты невинных людей на смерть

Слать вот так же не мог посметь».
Алмамбет отвечал: «Айкол,
Ты до истины не дошёл:
Не спеши вызывать на бой
Всех обиженных злой судьбой:
Люд простой тебя не поймёт,
Не геройства искал народ:
Жизни, сытой и без злобы;
Ну, зачем разбивать им лбы?»

Замолчал Алмамбет, встряхнул
Полы *тона*; румянец скул
Обозначил, что шло волхвство,
А в Оогане всё потекло:
Лёд исчез, и вода, бурля
Вся бесследно ушла в поля,
Почернела опять земля,
Солнце вышло, вовсю паля…
Ооганцы, смеясь, шутя,
Веселились все как дитя,
Что, проснувшись, не помнит сна,
Хоть была его суть страшна.
Чынаача теребил супóнь
И грустил, что не выжил конь,
Злясь на смерть его, глянул ввысь:
Полдень – в центре лучи сошлись.
Он слова свои не забыл,
Как властитель он честен был;
Всех собрав, Чынаача сказал:
«Скакуна! – или я пропал:
Не хочу опоздать туда,
Где к кыргызу грядёт беда, –
В опозданье есть привкус «да»;
Не скажу я «да» никогда!
Взрезать брюхо ему хочу,
Может, ноги укорочу
Иль подвешу за пятку ввысь.
Скакуна мне! Держись, кыргыз!»
Но, услышав приказ такой,
Покачал Мётё головой –
Был оратор у них крутой,
Речь тотчас полилась рекой:
«Человек, коль без чувств, – бревно.
Шатунов меж коней полно,
Стыдно мне, когда льётся ложь.
Молодца, оболгав, убьёшь.
Человек – настроенье чувств.
Шатунов очень много – пусть,
Каухара достоинств-то
Не отыщет у них никто.
Стыдно хвастать средь бела дня.
Даже будут казнить меня,
Правду лишь рубану сплеча:
Прибыл ты вчера, Чынаача,
Чуть живой, руки-ноги – в хлам,
Жив и мёртв был напополам,
И гноились глаза: их дым
Выел… Ты колдунам своим,
Называя по именам
Будто нежно любимых дам,
Так кричал: уничтожьте всех,
Я не верю, мол, в свой успех.
Ты нарушил закон войны:
По обычаям старины
В бой один на один вы шли,
Ваш народ наблюдал вдали
За исходом сраженья – так
Зря не принял бы смерть бедняк:
Тот, кто выжил, тот господин,
Победитель всегда один.
Ты, узнав, что сильней – Манас,
Весь кыргызский народ за раз
Умертвить колдовством решил,
Раз твоих не хватает сил.
Небо зло повернуло вспять,
Чтоб у нас нажитое взять:
Не осталось коня, увы,
Всё под снегом сгубили вы:
Ты, Апы и Напы, и те,
Кто тебе помогал в мечте.
Стали пешими все войска
И развязка уже близка:
Как домашние гуси коль
В бой пойдём мы пешком, Айкол
Нас возьмёт на один зубок.
Как же ты нас подставить смог!
Вспомни: ведь Жедигер, Кыйба
Разве звали к себе тебя?
Жили мирно, но ты был лих:
Подчистую разграбил их!

Лишь два года прошло с тех пор.
Ты про честь говоришь? Но с гор
Земляки их пришли, за честь,
Что попрал ты, исполнить месть.
Если ты возбуждён, иди!
Может, сил наскребёшь дойти.
О Манасе вещает весть,
Что вмещает он мир наш весь –
Так душою широк он, мол,
Человечества барс – Айкол.
Если будешь ты побеждён,
Что, скажи нам, предпримет он?
Обещал Конурбаю ты
Все исполнить его мечты,
Исполняя их, грабил, бил
Ты кыргыза, что рядом жил,
Чтоб Манаса завлечь сюда;
Всё свершилось, но вот беда:
Ты батыров своих убил,
Всех коней колдовством сгубил,
Ты сражался с Манасом, сил
Не хватило, и ты забыл
Про закон, про обычай, честь.
Кто для нас ты сегодня есть?
Возбуждайся, – погибнешь коль,
То кому нас отдаст Айкол?
Алмамбет ли, Чубак, Сыргак
Станет нам властелином? Так?
О свободе нам, что, забыть?
Ты мечтаешь героем слыть,
Только слыть или быть – совсем
Непохожи, что видно всем».

Лишь Мётё замолчал, вокруг
Люди все зашептались вдруг,
«Прав Мётё! Чынаача неправ!
Всё случилось из-за потрав
Мирных жителей, тех кыргыз,
Что и с гор не спускались вниз.
Вы подумайте, Чынаача,
Не рубили бы Вы сплеча!
Пораженья светлей ничья,
Повинились бы, Чынаача!
Поднесите кыргызу дар –
Залечите былой удар,
Чтоб цвели Жедигер, Кыйба,
Помиритесь – небось, судьба
Стать друзьями поможет Вам».
Но, внимая таким словам,
Чынаача, обозлясь, изрёк:
«Нет, не вам, это мне урок!
Ваши мысли узнал я, что ж,
Лучше правда, чем лесть и ложь;
Вы решили – я не силён?
Я, пожалуй, сильней, чем слон,
Жив, могуч, как гора велик.
Повернулся ж у вас язык –
Повиниться и скот вернуть –
И кому?!.. Не таков мой путь.
Вас послушаться сгоряча,
Сами скажите: Чынаача –
Трус, болтун, вообще слабак.
Как потом буду жить я так?
Как смогу вам в глаза смотреть?
Пусть уж лучше приму я смерть.
Оседлайте скорей коня!
Ждёт Манас ведь уже полдня.
Покажу ему, что могу,
А погибну – так на бегу;
Никогда ведь ещё врагу
Я не кланялся на лугу!
Пока в теле душа жива,
Пока в сердце живут слова,
Пусть я даже держусь едва,
Но поверьте, что голова
У врага кувыркнётся влёт,
Будто с яблони – спелый плод;
Буду кровь словно воду лить,
Но себя я не дам убить!»

Чынаача свой созвал отряд,
Чтобы группами встали в ряд
И пешком на майдан пошли,
Комья грязи подняв с земли:
Так ползут по тулупу вши,
А по патоке – мураши.
Но зато Чынаача горой
Возвышается: мол, герой,
С булавою пустился в путь,
Щит – на спину надел, на грудь –

Жёсткий панцирь, как жук в траве
Он ползёт, а на голове –
Туулга, в ней на палача
Стал совсем похож Чынаача.
А навстречу на Аккуле,
Лев Манас, на его челе
Шлем-шишак отражает луч,
Сам Манас как скала могуч,
Кёк жеке[795] он надел, в руке –
Сырнайза, и невдалеке
Его сорок батыров в ряд
Встали, на Чынаачу глядят.
Встали оба лицом к лицу.
Кто останется жив к концу?
Начиная сраженье, так
Каждый думает из вояк.
Как мечтал Чынаачи, скорей
Он напал на врага как змей,
Весь обвешан оружьем – лук,
Меч, ружьё – не хватает рук,
Но ударил копьём сперва,
Чтоб поранить слегка – права
Очерёдности соблюсти,
Лучше, коль впереди идти;
А тем более, что копьё
Не простое – и остриё
«Волчьей пастью» согнуто, яд
В нём удержится день подряд,
И у древка такой охват –
Целых тридцать их, говорят.
Чынаача в свой удар вложил,
Столько пламенных злобных сил,
Но, увы, улетела вдаль
Его пика, сломалась, – жаль:
На четыре десятка щеп
Развалилось копьё… Нелеп
Был неверный такой бросок!
У *ооганца* заныл висок,
А тем более в этот раз
Должен пикою бить Манас.
На него он направил гнев.
Сырнайзою ударил лев.
Не стерпел Чынаача – удар
Вбил дух из него как пар,
Как из печки чадящей – дым;
Он помчался скорей к своим,
Презираем и нелюбим.

На своём Аккуле за ним
Лев, своею судьбой храним,
Поскакал, чтоб догнать, – двоим
Тесно было на свете им;
Чувством – видимо, тем, шестым,
Чынаача догадался: всё,
Остановлено колесо;
И, действительно, в этот миг
Он спиною почуял клык
Сырнайзы, острия её;
Оземь грохнулся, в забытьё
Впал на миг и, живой едва;
Люди видели: голова
Как ведро загремела вниз;
Но ещё не успел кыргыз
Осознать, что соперник пал,
Тот скорее ремень достал,
Приложил к своей шее – знак
Пораженья: чтоб видел враг,
Что теперь беззащитен он;
Если враг нанесёт урон
Беззащитному – он, увы,
Не батыр для людской молвы.
Благородный Айкол Манас
Поговорку припомнил враз:
«Меч не в ножнах на то и меч,
Чтоб повинных голов не сечь!» –
Усмехнулся, подумал: что ж,
В поговорку не селят ложь.
Бил поклоны *ооганец* – он
Словно заново был рождён.
Барс сказал ему: «Всё, батыр!»,
Испугавшись: протрёт до дыр
Он губами, целуя, длань;
Чынаача как лесная лань,
Невзирая на свой объём,
Подскочил, на коне своём
До отряда домчал, крича:

[795] Көк жеке. Көк – синий. Жеке – дорогая мужская обувь (которую носили только правители; иногда высокие каблуки делались полыми и в них вкладывались бубенчики).

«Эй, прошу вас я, Чынаача,
Пятерых пусть Мётё возьмёт
И к Манасу послом пойдёт:
Чтобы в ханской орде Манас
Был со свитою в первый раз!»
Так Мётё стал послом, и в том
Преуспел на посту своём.
Акунхан попросил у льва,
Чтоб отдал Чынаачу сперва,
А потом и Мётё; слова
Обронил Акунхан – для льва
Откровением – громче гроз –
Прозвучавшие: «Кёкчёкёз!»
Дело так было: хан Акун,
Наблюдавший немало лун
За торговлей в краю своём,
Пригласивший Манаса в дом –
Когда тот на его «хочу»
Сам привёз Мётё, Чынаачу;
Конурбая, Жолоя друг
Чынаача им поведал вдруг, –
Нет, без умысла, невзначай:
Караван шёлк везёт и чай
На верблюдах в ооганский край,
«Наров – тысяча, наших знай!
Караван ведёт Кёкчёкёз,
Он торговлей теперь всерьёз
Занимается – как купец
Он воистину молодец!»
«Он ко мне приходил не раз», –
Хан добавил; и лев Манас
Понял: мол, Чынаачу я спас,
Чтоб услышать его рассказ!
Выбрал миг, и глаза в глаза
Акунхану Манас сказал:
«Акунхан, мой сердечный друг!
О враге моём кровном вдруг
Я, узнав, потрясён до слёз:
Значит, здравствует Кёкчёкёз!
Столько горя он мне принёс;
Но теперь я решу вопрос
Своей мести; Конур, Жолой
Тоже «орден» получат свой:
Заберу у них шёлк и чай,
Заодно и верблюдов, – чай
Приютишь ты меня с гуртом:
Привезу всю добычу в дом!»
Здесь оставим мы их; потом
Мы расскажем ещё о том,
Как Манас свою месть сумел
Совмещая с избытком дел,
Сделать явью; как Кёкчёкёз
Проиграл – навсегда, всерьёз.

УБИЙСТВО КЁКЧЁКЁЗА АЛМАМБЕТОМ
СГОВОР О ЖЕНИТЬБЕ НА АЙЧУРЁК

Э… э… э… эй!
Покидая *Ооган*, Манас
Из-за пары случайных фраз
Торопился: он видел цель,
Что томила его досель,
Ускользая в любую щель,
Превращая печали в сель.
Перевал был от снега бел,
Хоть и звался он Сарыбел –
Рыжий, мол, – под копытом пел
Снег, позёмкой вертясь, скрипел.
Под горой между острых скал
Как *кесе* котлован лежал:
Словно *алп* – Всемогущий бог –
Из курджуна *кесе* извлёк,
Чтобы бурный речной поток,
Век стараясь, её бы смог
Всю заполнить – увы, слабо!
Миновали Киркит Дёбё,
До Кашкара ускорив шаг;
Аккула торопился так
Поскорее осилить путь,
Что, потея, блестела грудь,
Капли пота срывались вниз,
Ну, а грива, напротив, ввысь
Улетала, как флаг вилась.
Был в себя погружён Манас,
На лице его мысли встык
Отражались: в какой-то миг
Он вдруг морщился, как старик,
Но опять прояснялся лик –
Лучезарней луны сиял,
Словно летний рассвет вставал
На синеющем небе; вдруг
Словно отсвет душевных мук,
Словно буря морская – шквал
Мыслей горестных пролетал,
И затмением солнца ночь
Опускалась; и снова прочь
Уходила тоска, как дым.
Чубаку и Ажы – двоим,
Кто поближе ко льву скакал, –
Виден был этих чувств накал,
Но молчали они, мол, сам
Разберётся: не в срок бальзам,
Если дать, превратится в яд –
Не случайно так говорят.
За Манасом летел отряд –

Все *чоро* замыкали ряд.
Брат Алма, из Китая волхв,
И Сайрам, что всегда неплох
Был в дозоре – Жеркен почти,
На полдня они впереди
Основного отряда шли;
Глядь – там двое стоят вдали;
Посмотрели в трубу: обоз,
Рядом высится Кёкчёкёз –
Цель, мишень их, больной вопрос,
Вечный двигатель всех угроз
И несчастий, и прочих бед.
Загорелся вмиг Алмамбет:
«Повезло мне! — ведь Чынаача
Говорил, что алтын, парча,
Чай да шёлк, – этот тот обоз,
Что почти что уж к ним довёз
На верблюдах, мол, тот прохвост –
Конурбая, Жолоя пёс,
Затаившийся Кёкчёкёз, –
Сколько горя он нам принёс!
Заловлю его в полпути
Вместе с грузом, не дам уйти,
Пусть поплачет и он от нас;
То-то рад будет брат Манас!»

Алмамбет словно ветер вмиг
Полетел за обозом, вник
В направленье пути – туман
Обволок его: как в карман
Спрятал всадника и коня;
Кёкчёкёз и при свете дня
Не сумел бы увидеть «хвост»,
И к тому же ему пришлось
Завернуть в один дом – ища
Где укрыться бы сообща
Им со спутниками к ночи́:
Ведь туман погасил лучи
Уходящего солнца; свет
Всё тускнел – это Алмамбет
Свой туман разослал вокруг.
Был в тумане не слышен стук
Приближающихся *чоро*:
Спóро, лёгкие как перо,
Оземь сыпали кони шаг:
Ырчуул, Бозуул, Сыргак,
И Кюлдюра сын Алыбай,
Шууту и Мажик-*абай*[796] –
Да, Ногоя любимый сын,
У него он и был один, –
Словно тени в тиши крадясь,
С Алмамбетом держали связь
По наитию, слухом чувств,
Не разжав на мгновенье уст;
Кёкчёкёз был уже пленён,
Но узнал лишь об этом он
Когда, связанный как дитя –
По рукам, по ногам, – шутя
Брошен был поперёк седла
Вроде тряпочного узла;
Вслед повязан был Канпалан,
Самого Жолоя *балбан*,
Охранявший Жолоя скот;
А потом остальной народ:
Шесть помощников; все они
Не заметили западни, –
Звуки съел туман и огни,
Всё погасло в его тени.
«Караванщики где?» – спросил
Алмамбет, и что было сил
Стали шестеро вперебой
Ему всё объяснять: «Ой-бой!
Все верблюды в пустыне – там
Охраняет их страж Чылан,
Будет ждать он от нас сигнал –
Чтобы к нам караван он гнал;
Без того ни один верблюд
Не появится вовсе тут».
Их послушав, сказал Алма:
«План составлен не без ума;
Но огрехов полно весьма:
Свет – лишь фон, а рисует тьма;
Мы всё сделаем, в общем, так:
В путь отправишься ты, Сыргак,
Здесь оставив Мажика, сам,
Взяв с собой четверых, *балам*[797],

[796] Абай – осторожность, осмотрительность.
[797] Балам – мой мальчик.

Самых верных богатырей
Поспешай на восток скорей,
Срок тебе: лишь шестнадцать дней
И туда, и обратно… Змей
Этих двух: Кёкчёкёза и
Канпалана все эти дни
Попытаю не раз – мол, что ж,
Коль в признаниях скрыта ложь,
То цена животу их – грош,
Что зароешь, мол, то возьмёшь.
Посчитай всех верблюдов, – тот,
Кто ведёт и сторóжит скот,
Пусть тебе предоставит счёт:
Он, конечно ж, его ведёт;
На Кашгар не ходи – народ
Пусть не ведает про поход,
И Жаркен пусть про караван
Ничего не узнает; сам
Путь держи свой на *Ооган*,
Перевал также назван там,
Кто их спутает, – *айлампаш*[798]?
Там гора – перевала страж,
Называется Дандунбаш,
Где охоте ты дань отдашь:
Там пасутся козлы – они
Не пугливы и так жирны!
Начиная с Манаса, люд
До охоты весьма там лют!
Где гуляет весь клан зимой,
Там и встретимся мы с тобой».

Алмамбет, разделившись так,
Канпалана, Кёкчё в *абак*,
Сам отвёл, но сперва язык
Развязать им помог Мажик:
Потянул лишь из ножен меч –
Полилась как по маслу речь,
Шестерых расспросили встречь.
Малабеку велев стеречь,
Как воров отвели в Жаркен,
Чтоб в темнице продлить им плен.
Алмамбет же во весь опор,
Взяв Мажика, опять в дозор
Мчал и весть *кабылану* нёс:
Пойман пакостник Кёкчёкёз!
Он в Жаркене сказал о том,
Повстречавшись с уставшим львом:
Дней на восемь в Жаркене тот
Отдохнуть распустил народ.
Кёкчёкёза привёл Алма,
Перепуганного весьма:
Смерть и подлому – не кума,
Тьму во тьме пожирает тьма.
От удара его живот
Лопнул, словно подгнивший плод,
Подыхая, он видел сам:
Сердце, легкие, печень псам
Были выброшены, и те
Предавались, рыча, еде;
Кампалана связали так,
Чтобы, двигаясь как червяк,
Прыгал, полз он, катился прочь
Без привалов и день, и ночь;
Шестерых, что свели в *абак*,
Порешили оставить так:
Девять месяцев пусть сидят
Без работы и без затрат;
Девять месяцев – не навек,
В срок отпущенный Малабек
Даст свободу – их верный страж.
Ну а сами на Дандунбаш
Все отправились бить козлов,
Предвкушая большой улов.

Гор немало на свете есть,
Но не всем выпадает честь
Быть охотничьим раем, – здесь
Мощных горных козлов не счесть.
За одну же их шкуру, знай,
Жеребёнка давали, *тай*,
Этой шкуре ведь нет цены:
Из неё можно сшить штаны
Или тёплый красивый *тон*,
С мехом, с вышивкою притом.
Впрочем, речь-то ведь не о том –
Благодатный и щедрый склон!
Так, стреляя козлов, зверей,
Поднимая орлов с камней,

[798] Айлампаш – замороченный; не в своём уме.

Лис, шакалов, волков будя,
Первозданности не щадя,
Дружно двигаясь вдоль горы,
Шли в Ургенч, не прервав игры –
Если можно охоты раж
И убийство невинных, блажь,
Называть, не кривя душой,
Развесёлой игрой большой.
К Акунхану в Ургенч пришли,
Там остались, – дары земли
Разбирать, вспоминать свой путь;
Что ж, джигиты Акуна пусть
Ублажают и кормят их.
Про Сыргака и четверых
С ним ушедших батыров весть
Всю пора бы узнать, как есть.

В направленье к Чылану путь
По холмам пролегал; им в грудь
Ветер запахи трав швырял,
Луч закатный в зрачках плясал.
Верблюжонок навстречу вдруг –
Сирота, никого вокруг, –
Плачет, просит забрать с собой;
Это самка-*бото*, ой-бой.
Резал слух его горький плач.
Так подумал Сыргак: «Зурнач!
Мы – в разведке, и этот глас
Вне сомнения выдаст нас;
Вот задача! Вести с собой –
Набиваться, увы, на бой;
А прирезать и съесть… Простой,
Вроде, выход, но как?! – ой-бой».
Так был нежен, красив *бото*,
Что зарезать не смог никто.
Обратился к нему Сыргак:
«Ах, малыш, не могу никак
Взять с собою тебя, прости.
Мы ведь сами на полпути.
Солончак здесь и нет травы,
Место проклято здесь, увы,
Но зато нет зверей-врагов.
Ты меня подождать готов?
Ты послушай, здесь тихо так,
Нет ни рытвин, ни ям – голяк,
Ты постой, подожди меня!
Видно, льву на закате дня
Сам Кумар, падишах песка,
Приготовил в дар сосунка;
И верблюдица, твоя мать,
Разрешила тебя отдать,
Спрятав в этом безлюдье так,
Чтоб тебя отыскал Сыргак.
Возвращаясь, хоть в день, хоть в мрак,
Я окликну тебя вот так:
«Верблюжонок, иди сюда!», –
Ты придёшь?» – и как будто «Да»
Верблюжонок ответил, он
Так похоже издал свой стон,
И встряхнулся, и оземь лёг.
Им мерещился голосок
Очень долго – то пел песок
У разведчиков из-под ног.
Ночь и с нею два дня в пути
Помогли им в Чылан прийти.
Их заметив, торговцы вмиг
Во все глотки подняли крик
И ударили в *доолбас*:
Мол, разбойник напал на нас!
Но Сыргак и его отряд
Разъяснили им весь расклад,
Кто тут главный – спросив, затем,
Разобрались спокойно с тем,
Где Конура, Жолоя скот –
Мол, верблюдов чужих ведёт
Пусть по-прежнему к цели тот,
Кто нанялся вести… Народ,
Хоть его припугнули, всё ж
Выдал правду, поняв, что ложь
Может всех посадить на нож:
То, что ищешь, всегда найдёшь.
Так один рассказал им: «Здесь
У Конура с Жолоем есть
Тысяч триста верблюдов; вот
По пятнадцать увязан скот,
И увязок таких – пятьсот;
Ровно тысяча их несёт
Шёлк и чай на своих горбах, –
Чаем воздух, и тот, пропах;
Ровно тридцать – палатки, снедь;

Остальные же – бронзу, медь,
Может, золото, серебро.
Кто считал не своё добро?
Трём верблюдам положен страж,
Смотрят, бродят вокруг, – не блажь:
За сохранность таких поклаж,
За пригляд полсебя отдашь!
Кёкчёкёз с Канпаланом – *баш*
Каравану всему; торгаш –
Кёкчёкёз, Канпалан – шпион:
Конурбаю с Жолоем он
Всё доносит всегда на нас.
Есть такой у них враг – Манас,
Беспощадный, жестокий, злой.
Великаны Конур, Жолой
Держат путь в его город – есть
Он в кыргызских краях, не здесь;
Их ведёт, чтоб свершиться, месть, –
Так народная баит весть;
Кёкчёкёз с Канпаланом впредь
На разведку – всё подсмотреть, –
Поскакали, забрав с собой
Шесть охранников – там любой
Стоит, скажем, в бою шести.
Третий день, как они в пути.
Нас оставили наблюдать
И сигнала к отправке ждать.
Среди нас был такой один
Лама – странный он господин:
Полистав свою книгу, вдруг
Завопил: «Собирайте в круг
Всех верблюдов, пропало всё!», –
Мол, уходим! Вот *келесоо*!
Ну, конечно, туда-сюда,
Вмиг затеяна суета,
Все в смятении: мол, куда?
Без сигнала тропа крута.
Лама, знай, нас торопит всех,
Мол, от глав ускользнул успех,
И теперь промедленье – грех:
Враг разделает под орех.
Я верблюдов пошёл сбирать,
Только начал – и вы тут, – глядь,
Растолкуете, что к чему:
Что – в суму, а кого – в тюрьму».

Говоривший был по уму
Так непрост, что сказал ему
Бозуул: «Ты раскрыл секрет
Столь правдиво, что я в ответ
Свой раскрою, сперва скажи –
Столь правдиво же, от души:
Не кыргыз ли случайно ты?
У тебя и лица черты,
И повадки, и говор – наш,
Ты нам, видимо, *замандаш*[799]?
Я – Манаса *чоро*, поверь
Он не чудище и не зверь,
В мир он нам открывает дверь.
Ну, рассказывай ты теперь!»
Тут заплакал бедняк навзрыд:
«О-о, душа моя так болит!
Да, кыргыз я, Шанкай мой род,
На Бетбаке мой жил народ –
Так гора называлась встарь;
Алооке был нам бог и царь,
Он гонять заставлял нас скот,
И как скот поизгнал народ.
Жар я чую в груди сейчас,
Лишь услышав, каков Манас!
Но проблема одна как раз
Очень важная есть у вас:
Надо Ламу скорей догнать,
Он – ваш наипервейший тать,
Он текуч, как песок-зыбун,
Сущий дьявол, к тому ж колдун;
С ним ушёл один страж-бугай –
Сын Кюлдюровский Алыбай,
За верблюдами он смотрел,
А за Ламой не углядел:
Тот в доверие втёрся – «друг»,
Сам вскочил на верблюда вдруг,
Охлестнул его плетью так –
Полетел тот, как аргамак;
Алыбай поспешил вослед,
Но в погоне той толку нет:
Колдовских, видно, Лама сил
У нечистого попросил:

[799] Замандаш – *здесь*: сопричастный, разделяющий судьбу с кем-либо.

Бодрый мчится под ним верблюд,
Словно несколько лишь минут
Он бежит, покрывая даль,
Алыбаю же – вот печаль! –
Бог верблюда-то дал без чар,
Он, небось, изошёл на пар".
Был рассказ тот правдив, но всё ж
В нём сомненья дремала ложь:
Мастер был Алыбай в стрельбе
И ружьё *койчагыр* себе
Он добыл вопреки судьбе –
Не по рангу хоть голытьбе.
На ходу он навёл прицел,
Лама дальше уйти успел,
Смысла нет начинать отстрел –
Будет вор невредим и цел;
Лук со стрелами взял тогда,
Вновь прицелился, но – беда! –
Без отмщения и суда
Враг уходит! А с ним и мзда,
Что успел утянуть хитрец!
Койчаптара хлестнул истец –
Алыбай – чтобы сблизить чуть
Свой и Ламы-ворюги путь;
Не догнал, но стрелу пустил
И верблюда задел – пробил
Ему ноги, и тот без сил
Оземь грохнулся… Лама был
Не готов: кувыркнулся так,
Что мгновенно ушёл во мрак –
Отлетела его душа
Больше подлостью не греша.
А наполнил ведь он курджун,
Свой побег рассчитав в канун,
Серебром, что светлее лун,
Жёлтым золотом в веский *кун*[800]
И деньгами… Среди монет
Излучая неяркий свет
Там хранилась иконка; что ж –
Бог ведь тоже не любит ложь,
Он не ценит лгунов и в грош,
Будь хоть первыми из святош,
Что приладились лишь к судьбе!

Деньги взял Алыбай себе,
А верблюдов повёл назад,
Привязав их друг к другу в ряд:
Целых тысяча тридцать их
Минус только один – под дых
Алыбаевской сбит стрелой,
Годен разве что на убой.
На верблюдов всё тот же груз –
Чай и шёлк – нагрузил он: пусть,
Мол, вернёмся – и разберусь
Чья поклажа и чей надкус.
К трём верблюдам по стражу вновь
Прикрепили – всегда готовь,
Собираясь в дорогу, тыл,
Хоть и враг твой уже остыл.
Под вниманием двух светил –
И дневных, и ночных, – поплыл
Караван как речной поток
В русле вытоптанных дорог.

В необъятной степи сухой,
Где все травы повыжег зной,
Где свирепствует солончак,
Спрыгнул оземь с седла Сыргак
И вскричал: «Падишах песка,
О Кумар, всех времён тоска,
Где подарок бесценный твой –
Верблюжонок, что слабиной
Сердце мне умягчил как воск,
Где он, маленький? Вот вопрос!
До вторых не успел я звёзд,
Неужели его унёс
Ветер вечности, о Кумар!?
Верблюжонок!.. Вдруг как комар
Голосок свой *тайлак*[801] подал,
Горделивый, хотя и мал,
Из-за холмика прибежал,
Цветом весь – золотой опал,
Тонконог он, и узкоскул,
Но горбами двумя встряхнул,
Влажным глазом своим кося…
Умилился Сыргак, слеза
На ресницах блеснула; он

[800] Кун – цена, стоимость.
[801] Тайлак – верблюжонок.

Чтоб обняться, отдал поклон
И Жусупа-отца тавром
Он ушко заклеймил, чтоб в дом
Верблюжонок своим пришёл.
Недоуздок он взял – не шёлк,
А кенаф, чтобы мягче был, –
На найдёныше закрепил
И с собою повёл… Навек
С той минуты взяла разбег
Память о верблюдице той,
Что к Манасу сама собой
Вдруг прибилась: в пустыне той
Место то называют так:
Келтайлак – мол, приди, *тайлак*! –
Так найдёныша звал Сыргак,
Вёл к Манасу домой, сквозь мрак
И сквозь мо́рок своих дорог,
И сберечь верблюдицу смог.
Это небо послало в срок
Кабылана родне намёк,
Что их ждёт необычный дар.
Путь спрямив, не зайдя в Кашкар,
К *Оогану* на перевал
Повернули, – там на привал
Войску встать велел Манасхан,
И Сыргак привёл караван –
Всё сошлось, как хотел *асман*.
Ранним утром вдруг Алмамбет
Вышел – силу не взял рассвет,
Молодуха прошла, он вслед
Загляделся, – причины нет
Загляденью: она дитя
Чуть покачивала, хотя
Было видно – он ей не свой,
Стан под ношей поник чужой,
И девица была юна,
Не могла быть женой она.
Алмамбет пригляделся – луч
На младенце плясал, из туч
Чуть прорвавшись, младенец свет
Сквозь тряпьё испускал вослед,
Нежен плач был его грудной,
Так голубка гурлит весной.
Деву кликнул Алма: «Постой!
Чей младенец, скажи, с тобой?
Это девочка? Как зовут?
Кто отец её? Есть он тут?»
Молодуха в ответ светло
Улыбнулась ему: «Село
Наше рядом, наш хан – Акун;
Шесть всего миновало лун,
Как, охотясь, наш добрый хан,
Поднялся́ на крутой курган,
Что обходит и люд, и зверь;
На кургане же он, – поверь! –
Вдруг девчонку нашёл, дитя,
Что лежала одна, кряхтя,
Вся замотанная в тряпьё;
Размотали с неё старьё,
Смотрят – крылышки на спине,
Взгляд сияет – куда луне!
Был Акун поражён вдвойне:
Мухи вились лишь в стороне,
Словно девочки этой свет
Отгонял и намёки бед.
Вот, семь дней как пришла она.
Хан отметить хотел сполна
Бешик той[802] ей, да имена
Подбирала вся сторона;
Но… вдруг вы появились здесь.
Всё осталось пока, как есть».

Алмамбета желанье жгло
Глянуть в личико, но зело
Он боялся, что сглазит вдруг,
И дитя поразит недуг,
Или, паче, родит испуг
Образина его, бойца,
У магического птенца.
Мысли были его чисты,
И кристальны, и непросты, –
На великое дело был
Богатырский нацелен пыл:
«О Манасе-батыре мысль.
Вот недавно, когда сошлись
Мы на *аш* Кёкётёя, там
От Кошоя взяла *бата*
Канықей, наша ханша, – им

[802] Бешик той – *досл.* «праздник колыбели», именины.

Напророчен был ханше сын,
Необычный, всего один;
Меж ближайших уже годин
Это счастье грядёт; и вот,
Я подумал, что наперёд
Можем мы породнить народ
Сватовством, – если в свой черёд
Сына даст всемогущий бог
И знаменье свершится в срок!
Кровь смешать не способен скот.
В этом волен зато народ:
Сблизив кровно с родами род,
Он крепчает наоборот».

Всё сказал Алмамбет, и он
Начал действо со всех сторон:
В знак подарка на Саралу
Вату белую в похвалу
Прикрепил, и она была
Словно ангельские крыла.
Алмамбет поспешил в шатёр,
Где неспешный шёл разговор
Меж Бакаем, Акуном, львом
И блистательным Чубаком.
Рядом с ним Алмамбет, присев,
Речь повёл свою, – даже лев
Призадумался, а Чубак
Подытожил, волнуясь, так:
«Ты умён, Алмамбет, как лев,
Мудрой истины ты напев
Ловишь сердцем и, осмелев,
Затеваешь ты правды сев,
Дабы в будущем то зерно
Проросло и дало оно
Силу, чтоб укрепляла край.
За твоим Саралой пускай
И верблюды пойдут, неся
Ценный груз; их цепочка вся –
Ровно тысяча, – будет вклад
В договор, чтобы стал он свят".
Алмамбет подхватил: "*Аба*!
На устах стариков судьба
Совершается, тем *бата*
В небе выведена черта:
Обещал нам *аба* Кошой,
Что родится герой большой
И защитник простых людей,
Назовут его Семетей;
Несравненная Каныкей
Будет матерью двух детей,
Если дочь Акунхана – ей
Ровно семь на сегодня дней, –
Станет вдруг для Каныш келин,
Ну, а зятем Акуну – сын,
Кем Каныш разродится в срок,
Что назначил всесильный бог.
Я уверен, тогда о вас,
Акунхан и мой брат Манас,
Будут помнить в веках, и Сказ
Сложит правнук про этот час.
Лишних я не потрачу слов.
Сарала стал белей снегов,
Я к хвосту Саралы готов
Привязать ещё сто гуртов,
Весь Конура с Жолоем скот,
Всех верблюдов – какой тут счёт!
Наша мать молоком своим
Нас вспоила, чтоб стал един
С Сивогривым молочный брат:
Этот долг не отдашь назад!
Благ превыше любых семья.
Для молочного брата я
Всё добуду, что он искал!
Вот, к примеру, дар Бирмыскал –
Вещий камень Жызны, – даю
В знак почтенья, ценя семью!»
Прослезился Алма слегка.
В дом позвала всех Зулайка –
Акунхана жена, – она
Поняла, что есть тишина,
Где слова не нужны, отвлечь
Надо всех, не венчая речь.
В удивленье молчали все.
Сам Манас, словно мак в овсе
Выделяющийся из всех,
Поражён был: вся речь успех
В нём стяжала такой, что он
Молча в мысли был погружён.
Но прервал тишину Бакай,
Словно дробь барабана в рай

Ворвалась, весь покой прервав:
«Дорогой Алмамбет, ты прав!
Но… Пресна мысль без приправ;
Чтобы план был в деянье здрав,
Ты советуй, и пусть Чубак
Станет на день твоим *айдак*[803]»
Засмеялся Чубак: «Судьба!
Жёстко стелет всегда *аба*!
Ну, пошли!» – и Айсаралу
В дом повёл он, *тёрго*, в углу,
Привязал – даже взгляды злу
Перекрыв: ведь к груди, к седлу
Золотой был привязан щит,
Был сияньем весь конь облит,
Хоть громаден был как скала;
Раз двенадцать Айсарала
Наклонялся, чтоб ценный груз
Брали сваты, меняя, – уз
Золотых подобрать невмочь:
Так мала была крошка-дочь:
Подвисал золотой *сагак*[804],
Чтоб сватам не попасть впросак,
Сёйкё вдели не в ушки, нет,
А на шейку, как амулет,
Смог повесить ей Алмамбет;
Улыбнулось дитя в ответ,
От улыбки разлился свет, –
Подсказал словно имя бог,
Каждый молча, в уме, изрёк:
«*Айчурёк*[805]!», Алмамбет же смог
Вслух озвучить: «Ты – Айчурёк».
Имя словно само пришло.
Был доволен Акун зело,
Весь народ он собрал на *той*,
Из певцов только золотой
Голос право на песнь имел;
Хотя вскоре и сам он пел,
И Манаса подначил петь:
Ведь *арак* размыкает клеть
Всех стеснений, сомнений всех,
Он и камень введёт во грех,
Напророчив шальной успех,
Называя хвалою смех.
Но вначале, налив *арак*,
Речь Акун свою начал так:
«Ханов четверо, а *чоро*
Ровно сорок; для всех добро
Приготовлено мною так:
Алп Бакай, лев Манас, Чубак
По *суптару* и *суп*[806] возьмут,
Ровно сорок *торко*[807] дадут
Мои люди богатырям –
Нашим славным *чоро*-друзьям;
Всё от чистого сердца, вам
Надо взять, не рождать *алам*;[808]
Весь *кийит* Саралы отдам
Алмамбету, верней – сватам;
Ты, Бакай, дал мне столь даров,
Я ответить так не готов, –
Столько тысяч верблюдов, груз –
Слов, и тех, подходящих с уст
Не могу я исторгнуть; пусть
Бог дарует нам долгий путь,
Чтобы смог я когда-нибудь
Схожей щедростью так блеснуть.
Хоть и хан я, но у меня
На сегодня пуста казна!..»
Разговор Алмамбет решил
Изменить, и его спросил:
«Их твоих, их отцовских уст
Имя нашей невестки пусть
Прозвучит, а не то, боюсь,
Ошибёмся в порыве чувств!»
Но Акун успокоил всех:
«Сам назвал «Айчурёк», – успех
С этим именем ждёт дитя,
Пусть и несколько лет спустя;
Я вот тоже спросить хочу

[803] Айдак – исполнитель чужой воли.
[804] Сагак – серебряная цепочка, соединяющая пару сөйкө.
[805] Ай-чурөк – лунное сияние, синоним прельщающей красоты.
[806] Суп – дорогая материя из белого шёлка или из белой верблюжьей шерсти. (Здесь имеется в виду тулуп из шерсти.) Суптар – тоже одна из дорогих материй.
[807] Торко – халат из шёлковой ткани торко.
[808] Алам – обида, огорчение.

И, конечно, не промолчу:
Имя зятя скажи, – *учуу*[809]
От посыла дано лучу!»
А в разгаре беседы он,
По Сыргака узнал, и *тон*
Что остался, отдал ему,
Положение по уму
Распознав: что он тоже хан,
Ведь с Манасом обоим дан
Тот же самый отец, а мать –
Не по чреву же род считать.
Ханы все облачились в *суп*,
Взяв *торко*; лишь точили зуб
Все *чоро* на Алма, что он
Отличился со всех сторон:
Дал коня – и забрал коня,
Всё досталось ему, – броня,
Золотые щиты, седло,
Разукрашенное зело:
«Подхалим оказался раб,
Всё урвал и донéльзя рад!»
Но *кийит* Саралы Алма,
Чуткий к злости людской весьма,
Разобрал и раздал, чтоб всяк,
Кто шипел как в печи кизяк,
Успокоился и замолк:
В дипломатии знал он толк.
Месяц в небе почти угас,
Когда войско пришло в Талас.
Тут расслабились все тотчас,
Пыл и раж у бойцов угас.
Отоспались, и скука дней
Обуяла богатырей;
В *кёкбёру* да в *ордо* играть
Вдруг затеют, и снова спать;
Объявили *шерне*[810], и вот
Каждый день кто-то резал скот:
Жеребят, верблюжат, кобыл.
Ели так, что к утру без сил
По домам расползались спать,
Чтобы завтра вновь пировать.
Здесь оставим их отдыхать.
О походе начнём опять
Говорить, где уж рыщет смерть,
Чтоб на всех ловкачей успеть
Свою ловчую бросить сеть
И упрятать навеки в клеть.

[809] Учуу – полёт.

[810] Шерне – компания, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясом, мясной пищей.

МАНАС ПРИЗЫВАЕТ СЕМЬ ХАНОВ

Э... э... э... эй!
Встарь кыргызы, казахи встык
Там селились, где был родник,
Где из трав не один курай
Рос; и часто в *калмакский* край
То один, то другой аил
Забредал, и взрослел, и жил.
Но соседство немало жил
Повытягивало: вершил
Суд неправедный свой *калмак*,
Грабежами он жить мастак,
И особо *алашей* он
Невзлюбил с самых тех времён,
Когда ими побит он был –
Хоть не этот виной аил,
А далёкий, где жил Манас,
И своих он, конечно, спас,
Но не этих... "Почистить" край
Вознамерился Конурбай,
Напустил на *алашей* он
Свой отряд: с четырёх сторон
На село нападала мразь,
Всемогущего не боясь:
Грех убийства, насилья, лжи
Был бальзамом для их души;
Уничтожили весь народ:
Стариков убивали влёт,
Как и женщин – уже старух;
Изо всех выбивали дух,
Наслаждаясь, младенцев лишь
Побросали – мол, спи, как спишь,
Что, мол, сабли о них марать...
Как шакалов с волками рать
По жилищам людским прошлась:
Поживилась, конечно, мразь:
Люди жили века трудясь,
Превращали в богатство грязь.
На верблюдов навьючив груз,
Пленных всех, что почти без чувств
После всех издевательств шли,
Заставлял тащить кули,
Гнать верблюдов, коней, овец;
А какой-нибудь «молодец»
Пикой их подгонял: «Быстрей!»;
Юных дев, молодиц, парней
Гнали, будто бы скот, в *Кангай*,
Горьким стоном наполнив край.
А в *Кангае* живой «улов»
Превращался уже в рабов,
Ну, а кто не попал в рабы,

Тот лишался навек судьбы:
Гнали их отовсюду; так
Пропадал не один бедняк,
По чужбине скитаясь срок,
Что скостил милосердный бог.
Но из них всё же кто-то смог
Выбрать лучшую из дорог:
До Манаса дойти, в Талас.
Лишь услышав от них рассказ,
Вспыхнул гневом герой Манас,
Вспоминая в который раз,
Сколько горя принёс *калмак*
Всем кыргызам: начав с писак,
Что держали всех в кулаке –
От Чынгыша до Алооке, –
Поимённо припомнив тех,
Посчитался он с кем за всех,
Сгоряча возомнив за грех,
Что не стал закреплять успех,
И себе обещал почин
Новых битв: мол, и в Бейджин
Он поедет, чтоб дать *калче*
В корчах пасть на его мече.
«Что он смог возомнить себе?
Почему он в чужой судьбе
Стал могильщиком-палачом?
Люди бедные не причём,
Почему он на них напал?» –
Так он думал, и дум накал
Целый день разгорался в нём,
Наполняя всю грудь огнём.

В полдень вышел он из дверей
И сказал Каныкей своей:
«Каныкей, *байбиче* моя,
Попрошу снаряженье я
Боевое моё принесть;
Рано утром прибудет весть:
К нам в *ордо*, на законный трон
Хан придёт, будет грозным он,
Все корону узрят на нём,
Великане со всех сторон:
И душа его велика,
И победна всегда рука;
На кого нападёт – ой бой! –
Захлебнётся в крови любой,
Он придёт – самый лучший барс», –
И задумался вновь Манас.
Каныкей, не поняв приказ,
Не отважилась в этот раз
Расспросить; лишь кивнув, пошла
Как лебёдушка вдоль села;
Опоясаны красным в нём
Были юрты – отмечен дом
Так был каждого из *чоро;*
Невесомая как перо
В платье красного шёлка шла
Каныкей – нет, не шла, – плыла,
С тонкой талией, вся светла.
Дочкой хана она была,
Ей с рожденья давалась стать,
Словно божия благодать.
В Ырчыуула дому стоял
Шум и гам, кто-то громко звал:
«Эй, ходи-ка сюда! *Санак*[811]!»
Видно, шла игра в *кумалак*:
Раздавалось: «Иди! Не дам!»
Были крики похлеще там,
Чтоб не слушать их, Каныкей
Поспешила зайти скорей
И себя обнаружить – враз
Весь словесный поток угас,
Хоть игра набрала разбег –
«*Прятки ниток*», «*Мышиный бег*»[812], –
Призом выставили коней,
Догадалась вмиг Каныкей
По глазам, по румянцу щёк,
По тому, что сойдясь в кружок
Буйно спорили все *чоро*,
Словно выставив всё добро
В ослепленье игрой на кон.
Что ж, азарт был и ей знаком;
Её голоса тёплый тон
Все эмоции взял в полон.

[811] Санак – учёт, счёт.

[812] «Жип катмай», «Чычкан жүгүрүк» – древние народные игры, обычно проводимые дома, под крышей.

Так сказала Каныш: «Вдвоём
Надо, споро покинув дом,
На джайлоо за Суусамыр
Поскакать; не любой батыр
С этим справится; нам на пир
Надо яловых взять кобыл –
Выбрать в северных табунах,
И за совесть, а не за страх,
У шести жеребцов отбить
По десятку кобыл, чья прыть
Вам подскажет – в зачатье, нет,
Лучше выбрать вечерний свет
Для отлова: десятков шесть
Надо в жертву кобыл принесть.
Время сумерек – час еды;
Кто кухарит для всей орды –
Позовите их в помощь, пусть
Всё готовят, как в долгий путь,
Блюда, вёдра, котлы отнюдь
Не малы чтобы брались, – суть
Всех хлопот и забот одна
Сквозь молчанье главы видна:
Снова близится к нам война;
Знать, кыргызские племена,
Что разрозненны и малы,
Снова кто-то теснит; узлы
Всяких бед разрубает кто?
Только войско, а не *додо*[813]».

Дав заданье, она ушла.
Душу смутно тревога жгла,
В сердце тонкая как игла
Боль возникла предвестьем зла.
А вернувшись домой, она
Посмотрела: полна ль казна?
Лев Манас стал уже богат:
Каухара[814] бессчетный ряд
Сложен кучей – верблюда, чать,
Можно жемчугом обмотать;
Слиток золота в свете дня
Режет взгляд – с головой коня
По размеру сравнимый, жёлт;
Слиток белого – так тяжёл,
Как с равнины валун, велик;
Серебра голубого блик
Пляшет – только его раскрой,
Каждый слиток весьма большой;
Драгоценности… Кроме них
Сколь отар, табунов лихих,
Целых десять домов – стоят
Без огня молчаливо в ряд;
Пять домов – для гостей, и шесть –
Те, в которых готовят есть;
Есть два дома, где варят *эт*[815],
Есть три дома – всегда в них свет:
Там *чоро* собирают сход;
Лично у Каныкей домов –
Двадцать пять, и любой готов
Хоть хозяев, а хоть гостей
Принимать в тишине своей;
Мастерицы для Каныкей
Украшали дома: у ней
В каждом доме был *текимет*[816],
Кёрчёгё[817] по углам, и нет
Молодиц и девиц вокруг,
Кто б искусством умелых рук
Не похвастал в её домах;
Украшения в тех углах –
Эта мелочь, а вот в упор
Обратить если зоркий взор
На украшенный ими *тёр*! –
Кёлдёлён[818], а на нём – *манат*;
Да и всякий юнец бы рад
Сесть на лавку для юных – в ряд
Ткани мягкие там лежат:
Черный бархат прострочен в лад,
Что в сомненье – на нём сидят? –
Тощий, юный опустишь зад,

[813] Додо – 1. куча, груда; 2. толпа, скопление народа.
[814] Каухар – (гаухар) – жемчуг.
[815] Эт – мясо.
[816] Текимет – шитый в два слоя орнаментированный войлок.
[817] Көрчөгө – украшения в виде медных или серебряных гвоздей со шляпками, в виде металлических шишечек, драгоценных камней.
[818] Көлдөлөң – подстилка из мерлушек или саксака или козьей шкуры.

Оглянувшись раз сто подряд.
В каждом доме *тюндюк*, и тот,
Сделан мастерски – без хлопот
Открывай, закрывай, – народ
Говорит: мол, не дом – омёт,
Если в нём нехорош *тюндюк*;
Чамгарак[819] как и должно круг
Держит – весь оловянный он,
Жел боо[820] же из меди – слон
Вряд ли сможет свалить тот дом,
Что поставлен с таким умом!
Каждый дом как Сарай велик,
Украшенья повсюду – лик
У невесты украшен так,
Коль жених её не бедняк;
Притолоки дверей – *алтын*,
Косяки – серебро, един
В каждом доме убранства вид:
Кереге ни в одном не сшит,
А из меди навек отлит;
На края *тёгёгё*[821] нашит
Мех – четыре всего слоёв,
Верхний слой – дорогая ткань;
А шнуры! – не верёвка-дрянь,
Сплетены все из ниток так,
Чтоб ложился узор в зигзаг;
Тегиргич[822] весь в узорах, он
Обнимает со всех сторон
Дом внутри; на кистях блестят
Бусы разные – к ряду ряд;
Все циновки из шёлка там,
На дверях – гравировка-штамп:
Лев с орлом на подъёме сил,
Птица – с мощным размахом крыл,
Лев – готовый уже к прыжку.
Да, к тому же ведь *тюндюку́*
Полагалось алеть как мак,
Войлок был белоснежен – так
Даже издали каждый взор
Отмечал *тёгёге* узор.
Когда первый был ставлен дом
С этим ярким богатством в нём,
Лев, любовью туда ведом,
Полежать там любил и днём;
Канык ей с ним делила *тёр*,
Шёл неспешный их разговор,
Принимали акимов – сход,
Лишь закончив, играл народ:
Игр немало народ имел;
И *чоро* отдохнуть от дел
Оставались играть в *ордо*
Всей огромной своей *додо*;
Всем хватало еды и мест.
Ясно, кроме простора здесь
Доброй дружбы их дух был свят.
Справа, в юрте же, Тазбаймат
Мясо свежее всем варил,
Вкусный запах по дому плыл,
Вместе ели; до семисот
Собирался порой народ.
Первый дом был огромный дом!
По подобию все потом
Украшались, но вот размер
Был поменьше, чем их пример.

А *чоро*, получив приказ,
Понимая, что сам Манас
Был источником, а жена
Объяснила лишь всё сполна,
Сразу, только ушла она,
Хором выдали имена,
Кто к походу готов: Бозуул
И, конечно же, Ырчуул.
Полетели они стремглав.
На джайлоо, где много трав,
Косяки жеребцов шести
Угоняли с весны пасти.
С косяка по десятке взяв

[819] Чамгарак – гнутые палочки, вставляемые крест-накрест в түндүк.

[820] Жел боо – верёвки, идущие от түндүка́ вниз и служащие для укрепления юрты во время ветра.

[821] Төтөгө – украшение в виде полосы, сшитой из кусков красной и белой кошмы, проходящей вокруг юрты с наружной стороны.

[822] Тегиргич – тканая ковровая полоса (шириной около 15–18 сантиметров), идущая внутри юрты ниже сгиба (матоо) унины.

Разжиревших кобыл, пригнав
Ближе к сумеркам их в село,
Весь народ удивив зело
Пылью, поднятой по пути,
Постарались в *орде* найти
Тридцать слуг и помощниц к ним –
Целых сорок служанок; дым
Поднялся из-под всех котлов.
Чтоб к утру был запас готов
Снеди, первым подспорьем войн,
Канықей не ушла домой –
Надо было следить за всем:
Так ли скот забивался, кем,
Моют правильно ли кишки,
Так служанки ли в том ловки
Или всех опозорят, коль
Не промоют, подав на стол
С горьким вкусом *казы*, – контроль
Возвеличит в десятку ноль.
Хоть промыли кишки, опять
Всё заставила полоскать;
Последила за мясом – как,
Мол, порезали молодняк? –
В чашу надо по два куска.
Не сварилось оно пока,
Спать Каныш не ушла; к утру
Было подано ко двору
Кабылана бессчётно блюд –
Расстарался на совесть люд.
Время минуло *аш кайнам*.
Утром лев по своим делам
Только выйти хотел, а тут –
Слуги столько всего несут,
И сама Канықей в дверях
Вход собой осветив, впотьмах
Пояс золотом шитый весь
Протянула ему как весть,
Что победу должно принесть
Всё, что в мыслях и планах есть;
Враг, обидевший их, сражён
Будет солнечным светлым днём.
Лучезарная как луна
Протянула ещё жена
Пояс, вышитый серебром:
Мол, всё, начатое с умом,
Для народа и лишь с добром,
Принесёт им победу в дом:
Враг, что к ним задирался, он
Сам уйдёт в безвозвратный сон.
Сивогривый со всех сторон
Взвесил доводы: как заслон
Нападеньям поставить злым;
Всё продумано было им.
К входу крепости подойдя
Он решил уже: не щадя
Ни врага, ни себя в бою,
Надо кровь защитить свою.
Ровно дюжина стражей там
Льва встречала: все по местам
Ночь дежурили, как велось.

Был доволен их ранний гость.
«Борончу! – он сказал, – а ну
Принеси-ка *карнай*, *зурну*,
Двое будят пусть тишину,
Управляй! – никому ко сну
Не давай отойти! И весть
Пусть народ наш услышит весь,
Пусть услышат семь ханов нас –
Сколь их есть на земле сейчас,
Пусть приходят толпой, *додо:*
Пусть ведут знатоков – по сто!..»
Так сказав, повернул назад,
Всех домов гостевых каскад
Оглядел он: вот пять подряд,
Каждый гостя принять бы рад;
Шесть домов – чтоб кухарить там,
Глянул внутрь – для глаз бальзам:
Всё разложено по местам,
Провианта – к любым гостям
Для роскошных пиров запас;
И подумал тогда Манас:
«Канықей меня каждый раз
Удивляет – вот как сейчас,
Мне опора – как старший брат,
Словно с младшим – с ней мир и лад».
В это время начался шум,
Звуки, громче чем злой самум,
Издавали *карнай* с *зурной*:
Сплав пронзительно-громовой;

«И-и-ий! – визжала *зурна*; *карнай*
Ухал, весь взбудоражив край:
«Эй, семь ханов, готовы ль вы
К нам прийти? Мы зовём вас – львы!
Каждый сто человек пускай
К нам приводит в кыргызский
край!» –
Всё, что стражам сказал Манас,
Повторяли они сто раз,
Чтоб до всех доходила весть,
Сколько в мире разумных есть.
Все батыры в округе вдруг
Всполошились, услышав звук,
Дело в том, что когда *карнай*
Разливался на целый край,
Это значит: и мир, и лад
В это время в *орде* стоят;
Коль плохое случалось вдруг,
Выходила *зурна* на круг,
Всех, рыдая, звала она –
Мор ли, *джут* ли, пожар, война.
Но чтоб вместе звучали, нет! –
Их не слыхивал вместе свет.
Что случилось? Куда идти?
А сосед-то уже в пути!
Говорят, *кабылан* приказ
Так озвучить велел для нас…
Каждый хан от речей охрип.
Первым выехал хан Жакып,
Сто советников взял в Сарай;
С Майбулака и хан Бакай
Тоже тронулся в путь скорей,
Сотню верных набрав людей;
С Жайылмы же – хан Жамгырчы;
Из Тескея – хан Текечи;
С Кенкюнгёя – Шыгай, и с ним,
Как без пламени долгий дым
Сто советников тоже шли.
В самых разных краях нашли
Ханов вести: герой Чубак
Из Чаткала спешил, вожак,
Сто учёных Кара Бууры
Звал, озвучив: не на пиры,
Самых мудрых и сильных звал,
Кем гордится всегда Чаткал;
Шёл Жерге из Сары Талаа[823],
С ним советников сотня шла;
Из Сорандика – Алмамбет
С сотней мудрых волхвов вослед.

Семь правителей, ханов семь,
И семьсот человек – и все
Одновременно в стан пришли,
Все усталые и в пыли;
Ровно сорок джигитов-слуг
Сбились с ног: не хватало рук
Всех коней привязать, воды
Дать им всем, а затем – еды;
Если вырвутся, мол, беда –
Опозоримся навсегда!
Дверь открыл для гостей Баймат.
Каждый был передышке рад,
Все расселись вокруг стола.
Всех семьсот их вместить смогла
Юрта ханская, юрта-хан;
С ними сорок батыров – клан –
Тоже сели за *дастархан*;
Семь десятков – и там, и сям, –
Самовары, чтоб чай гостям
Подливать, не теряли жар,
Все кипели, пуская пар;
Фруктов, ягод, любых сластей
Было множество для гостей;
Боорсоки, *нават* – горой,
Май, каймак и тягучий мёд,
Хлеб горячий ещё, – народ,
Май попробовав, *куурдак*,
Оценил угощенье так –
Подавальщики сбились с ног,
Что, конечно же, не в упрёк,
А скорей в похвалу гостям,
Что вкушали с душою там.
Чай закончили, со стола
Всё убрали аж догола;
После сверху свежа, бела
Скатерть шелковая легла:
Три десятка джигитов всем
Дали руки помыть; затем

[823] Сары Тала – желтая степь.

Чаши с мясом внесли – парок
Ароматный вдыхая впрок,
Все почуяли аппетит;
Запах запахом, но и вид
Был прекрасный у свежака;
Дали чашу на едока,
В каждой чаше – по два куска,
Если мало – ещё несут.
Когда мяса наелся люд,
Вместе сделали все *бата*,
Вспомнив цель, с чем пришли сюда.
И громадный герой Манас
Так сказал: «Попрошу я вас
Всех на улицу выйти – там
Побеседуем по душам».
С интересом пошёл народ
Двор оглядывать: врёт, не врёт
Много лет уж о том молва:
У Манаса, мол, двор едва
Меньше, чем боевой майдан,
Две чинары растут, мол, там,
Доросли до небес они
Так раскидисты, что в тени
Может тысячная толпа –
В снаряженье, верхом, – себя
Вольно чувствовать в жгучий зной.
Вправду летнею там порою
Шли собранья, разборки, суд;
Там простой размещался люд
На скамейках, что в цвет зари
Пораскрасили: мол, гори,
Шапка, если хозяин – вор;
Был, конечно, воздвигнут *тёр*:
Семь рядов, в изголовье – трон;
Семь их высилось с двух сторон:
Справа – три, и насупроти́в
Все четыре; один мотив
Шёл в убранстве, но золотой
Был повыше других, литой,
Покрывал его шёлк, атлас;
Вот на этот и сел Манас.
Увенчали же правый край,
Сев на троны, *аба* Бакай
И Чубак с Алмамбетом – их
Сам Манас подозвал троих;
Сели дружно на левый край
Хан Жакып, рядом с ним Шыгай,
Чуть пониже – хан Текечи,
А за ним большой Жамгырчы;
Разделившись напополам
Сели сорок чоро; а *лам*
И другие семьсот умов
Разместить на скамьях готов
Был просторный тенистый двор,
Овеваемый ветром с гор.

Начал речь богатырь Манас,
Зубы тигра он в первый раз
Показать семерым решил,
Чтобы ясен расклад был сил:
«Хан Жакып, ты родной отец;
Жамгырчы, я ведь был юнец,
Когда в дружбе ты клялся мне;
Хан Шыгай, на одной волне
Оба, погодки, мы росли;
Текечи, мы с тобой в пыли,
Голопузые, столько игр
Провели, пока стал я тигр;
Хан Бакай, мой мудрейший друг;
Лев Чубак, я почти без рук,
Если рядом вдруг нет тебя;
Алмамбет, нас с тобой судьба
Нам на счастье свела, теперь
Мы до гроба друзья, поверь; –
Все, послушайте! – пробил час,
Собрался́ на Бейджин Манас!
Справедливости ради я
Выступаю; скажи, семья:
За кого я пойду в поход?
Кто источник моих невзгод?
Хан *калча* Конурбай за честь
Исполнять почитает месть,
Угнетая лишь слабых, тех,
Кого мой не объял успех.
За народ свой *алаш* готов
Проливать я без страха кровь;
Но не сила ведь я один.
Кто со мною пойдёт в Бейджин?
Где мой сильный народ-герой,
Кто Какан покорит со мной?

Есть ещё ты, народ-смельчак,
Кто оставит родной очаг
Чтобы слабого брата дом
Защитить своим животом?
Помню прошлое ваше – мрак,
Жили в рабстве, гнобил вас враг,
Жил без стержня народ-бедняк
И, припомните, жил-то как!
На санях Анжиян, Ташкен
Мимо вас проплывал, в обмен
Вам за труд и душевный плен
«Разрешал» не вставать с колен
Всю земную свою судьбу;
Жизнь влачили вы, как арбу,
С тяжким грузом чужих богатств,
Пока всех я, Манас, не спас!
Нынче есть бедняки средь вас?
Все богаты, у всех запас,
Из Жаркена в любом дому
Красный чай заменил *жарму*[824],
Не овца на столе, поди, –
Жеребёнок *кысыр-эмди*[825],
Сладко кушать привыкли, что ж;
Лишь в *канаусе* молодёжь
Щеголяет и в будний день!
Лёжа в мягких снегах, я тень
Превратил в табуны для вас?
Или, может, на льду Манас
Находил, умножая, скот?
Многочислен, богат народ.
Пользу, да, поимели все.
А теперь я во всей красе
Сам пойду на Какан, к *калче*,
Чтобы вздеть его на мече?
Сам пойду я в *Кангай* на бой,
Чтоб пожертвовать лишь собой?
Где здесь выход! О, старцы, вы
Не владели пучком травы –
Лишь *калмак* всем владел, увы,
И поднять-то ведь головы
Разве кто-то из вас бы смел?
Как поток норовит в пробел
Между скал прорываться в дол,
Так *алаши*, терпя юдоль,
Выход видели лишь один:
Падать ниц, чтобы господин
Не отнял их последний скот,
И лачугу, и огород.
Тёк как во́ды ве́ка народ.
По нему проходили вброд.
Жемчуг лиц отбирал *калмак*,
Как моллюсков вскрывая вмиг
У беременных животы,
Если отблеск, лишь тень мечты
В ваших он замечал глазах;
В них плескаться был должен страх
И смиренья тупой покой;
Был зависим из вас любой
От *акима-калмака*, от
Палачей – разобьют живот
Моей женщине на сносях,
Коль во мне не увидит страх.
Этим страхом наш мир пропах!
Так не мучают и зверей –
Убивают их поскорей.
В Энесае стояли мы.
Нас согнали с земель – умы
Помогли избежать тюрьмы?
Доводили нас до сумы,
До отчаянья горькой тьмы!
И сегодня Конур-*калча* –
С ним доселе у нас ничья, –
Держит в страхе весь Анжиян,
Часть Алтая и Тийаншан:
Земли нашими стали, но,
Надо было бы заодно
Змей повывести: по краям
Он, гадюка, всё гадит нам,
Грабит мирных *алашей*, смерть
Каждый год через гада в сеть
Забирает *дехкан*, их жён.
Ежегодно – разор, угон
Пленных – в рабство, в забой – скота;
Это общая ведь беда!

[824] Жарма – похлёбка из дроблёного жареного зерна (пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы).

[825] Кысыр-эмди – жеребёнок, сосущий мать после положенного ему срока (когда мать остаётся яловой).

В путь торопит меня нужда,
Чтоб покончить с ним навсегда,
На *Кангай* я иду в поход:
Конурбаем закончить род
Алооке – пусть их род умрёт.
Что мне скажет родной народ?»

Речь сказав, замолчал Манас.
Ждал ответа батыр тотчас,
Но, потупясь, молчал народ,
Словно вдруг онемел весь сход;
Аксакалы на молодёжь
Взгляд бросали, но как проймёшь
Тех, кто молча, бочком долой
Попытались уйти домой?
Ветер замер в ветвях, скорбя.
Лев, который ушёл в себя,
Пядь подставив под тяжесть лба,
Глянул – тронул его *аба*, –
Никого! Весь народ отбы́л.
На скамейках сидит Кыргыл
Со своими *чоро*, Чубак,
И Бакай с Алмамбетом. Так
Льву ответил родной народ,
Что с надеждой он звал на сход.
Обозлился герой: таят
Люди в общем молчанье яд.
Жгучим пламенем вспыхнул взгляд,
Грудь вздымалась, был рот распят,
Борода и усы торчком
Встали, как охраняя ком,
Что из лёгких рванул, как стон,
Горло льву всё изранил он.
Страшен лев был, и все вокруг
Задрожали от страха вдруг;
Лев вскричал: «Негодяй *ногой*!
Сам подставился под убой,
Время вытрет с земли твой след,
Ты – сначала, китайцы – вслед!
Что мне даст это? Даст под дых,
Что не смог защитить своих!
Эта поза не для меня!
Ажыбай, оседлай коня!
Побыстрее седлай, не жди!» –
Был он мыслью уже в пути.

С места встал тут Бакай *аба*,
Ведь устами его судьба
Много раз говорила; им
Без огня был замечен дым,
То есть, видел он наперёд,
Так всегда говорил народ,
Были вещими все слова –
Золотая ведь голова,
Ну, а золото даже ржа
Не берёт, как булат ножа;
Видел путь он во тьме всегда,
Словно душу вела звезда,
Мог он в бриз превратить самум –
Так был действенен острый ум;
Видел выход он в тупике,
А для споров на языке
Мёд держал и словами мог
В самый косный проникнуть мозг.
Гладя бороду, он сказал,
Невзирая на льва оскал:
«Э-э, мой милый, погодь, постой!
Все мы знаем, что ты – герой,
Все мы знаем, что перемен
Жаждут люди; но в тот момент,
Когда мы, захватив Ташкен,
Шли с победою, из-за стен
С одобреньем глядел народ?
Нет, скорее наоборот.
Когда позже в Кашкаре мы,
Пленных вызволив из тюрьмы,
Отрубили Калдаю *баш*,
Был доволен народ ли наш?
Да и наш ли был тот народ?
Мы впервые тогда в поход
Взяли сорок *чоро* – они
Были теми, что в эти дни?
Нет: ещё не хлебнули зла.
Наша армия бой вела
С Конурбаем-*калчой*, забрав
Много яков и весь анклав,
Был ли с нами тогда *ногой*?
Скажешь: беден он, бос, нагой,
Ни сноровки нет, ни меча;
Но его же теснил *калча!*
Кто был главный в то время хан,

Когда нами был смят Чылан?
Когда брали мы караван –
С чаем, с золотом, – шелобан,
Получили Конур, Жолой;
Где, скажи мне, он был – *ногой*?
За высокой Опол-горой?
Обогнули мы гору ту,
До Ургёнча прошли версту,
И в Ургёнч мы зашли толпой;
Разве встретил нас там *ногой*?
Чюрёкю – Акунхана дочь –
Мы, просватав, умчались прочь,
Айжануна свалив за раз,
Город выстроив наш – Манас,
Разве встретился нам *ногой*?
В *Оогане* вершили бой,
И тогда разве был *ногой*?
И в Бейджин не пойдёт *ногой*,
И не сможет он быть с тобой,
Там опоры он не найдёт,
Не такой он совсем народ,
Под *калмаком* угас в нём дух;
Да, «За битого взял бы двух», –
Поговорка твердит, увы –
Кто унижен сильней травы,
Уваженья ему не знать,
Ни победы, ни исполать.
О, народ не виновен, нет,
Что погас у них в душах свет.
Если хочешь пойти в Бейджин,
Я прошу: не ходи один,
Не ищи ты себе беду,
Я опору тебе найду! –
Говоря так, *аба* Бакай,
Взором мысли окинув край,
Стал считать он героев вслух:
Перевал Ат-Баши, – где дух
Укрепляется при ходьбе,
Крепость высится Чечдёбё,
Что построил большой герой:
Наш родной *олуя* Кошой;
Мы его известим; отряд
Подберёт он таких ребят,
С кем не страшно идти в Бейджин;
Есть такой же герой один
В Эркечтаме, в низине, врез –
Эта местность в горе Кебез,
Там, в Кашкаре исток пути
Эр Тёштюка – из девяти
Сыновей Элманбая он
Самый младший, он был рождён,
Что сегодня помочь тебе;
Представляю, как будет он
Нашей новостью поражён,
Что в поход мы идём, в Бейджин,
Чтоб померяться силой с ним!
Есть ещё один человек,
Хан Кокона, да, – Сынчыбек,
Хан с раздвоенной бородой;
В Анжияне он – сотник свой,
В Маргалане – подсчёт другой:
Он над тысячью верховой;
Там под ним же и Наманген,
И, конечно, большой Ташкен, –
Всё с Коконом он взял в подряд;
И его мы возьмём отряд,
Я так думаю – будет рад
Он Бейджину в числе наград:
Раз в тулупе из шёлка, – он
Императором быть рождён,
Зря *калча* зазнавался! – с ним
Разберётся Сынчы-аким!
И ещё я скажу тебе,
Говорили, в Кетментёбе,
Керкёкюл Кендирбая есть –
Мол, красивый герой, что честь
Ставит выше всего: ни лесть,
И ни подкуп, и ни болезнь
Не собьют его с правоты;
Вырос парень из сироты,
Двадцать пять ему нынче; он
Обаятелен и умён;
У него есть хороший конь –
Светло-рыжий весь, как огонь,
Полушубок добротный есть;
Светел он, как благая весть,
Рост – аршин восемнадцать в нём,
Всей Вселенною хочет он
Овладеть – мол, мечтал с пелён;
Да, – ещё, говорят, учён,

Речи – мёд, а глаза красны:
Звёзды яркие в них видны.
Известим Керкёкюла, с ним
Вместе выедем мы в Бейджин.
Выйдем лишь из Кетментёбе,
Вовсе рядом, хвала судьбе,
Есть в Жети Ёгюзе Агыш –
Келетена сынок, «малыш»:
Как гора он велик, удар
Принимает любой как дар,
Сердце – сталь, где бушует жар,
Сам – как каменный бог, архар;
Говорят, он герой – каких
Не видали с времён былых.
Известим его, он отряд
Соберёт из своих ребят,
Вместе с ним и пойдём, как сель,
Мы войной на Бейджин отсель.
Чон Кемин по пути лежит.
В том Кемине Большом джигит
Кормит тёмного скакуна,
Что огромнее валуна;
Есть и Малый Кемин – полдня
Путь меж ними; и там коня,
Только маленького, растят,
Тоже тёмного, как закат.
В тёмной шкуре козла джигит
Как в халате весь день сидит:
Кызалак он, отец Урбу,
Кёкётёй в нём ценил *абу*;
С нами может связать судьбу,
Свой составив отряд, Урбу.
Многоводный поток, гляди,
Получается; впереди
Ждёт Бейджин, и горит в груди
Цель одна: поскорей дойти!
Было мало на небе звёзд.
Был и прежде совсем непрост –
Где героев, мол, брать, – вопрос;
Но задумался я всерьёз
И припомнил: Буудайык!
В Музбурчаке мой хан сидит,
Борода у него в обхват,
Был мне другом сто лет назад,
Был готовым он ко всему,
Всё боялся, что не пойму
Я его настоящих чувств,
Говорил он: «Зови! – примчусь!
Коль поедешь в Бейджин, то, знай,
Извести меня, мой Бакай,
Я с тобой соберусь тотчас!»
Вот, наверно, и грянул час.
Известим мы казаха, нет?
Загустим им отряд, и след
На *Кангай* мы направим свой».

Тут Манас замахал рукой,
И сказал ему: «О, мой друг!
Дорогой, от твоих потуг
Будем делать за кругом круг,
Заполняя пустой досуг.
Не устал ты ещё, скажи?
Понимаю, что от души
Ты советуешь, но от дум
Не почил ли уставший ум?
Может, ты постарел тайком
И несобранных мыслей ком
Выдаёшь за советы нам?
Или хитрый плетёшь обман?
На четыре ведь стороны
Посылаешь нас, – мол, сильны
Там герои, и там, и там.
Кто вертеться по сторонам
Сможет, чтобы озвучить план?
Сомневаюсь, что сразу к нам
Все герои примкнут, за честь
Посчитав к нам в подспорье лезть;
Да и кто будет их сбирать?
Как заставить не нашу рать
В наш поход на Бейджин пойти?»
Речь Манаса на полпути
Смолкла: вспыхнувший Ажыбай
Резко с места вскочил: «Давай!
Запечатай в письмо приказ,
Дай коня порезвей, Манас,
На все стороны света враз,
Прокручусь, лишь бы конь не гас,
Мчался молнией, туч быстрей;
Разыщу я всех тех людей,
О которых сказал *аба*,

Разъясню, что даёт судьба
Стать героями на века,
Наконец, победить врага,
Что мешаем им мирно жить;
Объясню, что тебе служить –
Это небо держать за нить;
Будешь ты меня торопить –
Буду даже я спать в седле,
Не полёживая в селе,
Буду жить в полглаза, – пусть;
За шестнадцать дней обернусь
И ответ тебе дам; а коль
Время дашь мне, тогда – изволь:
На двадцатый я день в *орде*
Доложу тебе – кто, как, где…»
«Все, Ажы, береги свой пыл,
Так и быть – ты уговорил!» –
Все вскричали; Чубак, Алма,
*Ал*п Бакай стали текст письма
Составлять, чтоб не просто так;
Сел, перо очинив, Сыргак
За особенный стол; *аба*,
Так в раздумьях ушёл в себя,
Что казалось: вот маг-мудрец,
Снизошёл посетить дворец
А на нём – золотой венец;
Перед ним не один писец,
Целых восемьдесят, и он
В думы сложные погружён:
Что кому диктовать и как.
Его думы прервал Сыргак,
Что и локти уже на стол
Положил, и перо навёл
На развёрнутый свиток; он
Стол особый со всех сторон
Разглядел – золотой дюбёт[826],
С вставкой яхонтов, цветом в мёд,
Вязь узоров, скругливших край, –
Пока начал вещать Бакай.
Тут задвигал Сыргак пером.
Он, пожалуй, из всех *чоро*
Лучше всех мог писать, считать;
И сейчас он блеснул опять
Этим редким уменьем, но
В доме смерклось уже давно,
Потому поворчал Сыргак,
Что и спешка, и этот мрак
Навредили ему весьма,
Он боится за вид письма,
Разглядеть его лучше днём,
Прежде чем поставить на нём
Золотую печать – Манас
Вряд ли что-то прочтёт сейчас.
Просто был Сыргак раздражён,
Не любил, что со всех сторон
Взгляды бегают за пером;
Дав подсохнуть чернилам, он
Тиснул сам печать на листке –
Он Айкола печать в мешке,
Что из шёлка был сшит, носил,
Сивогривого лишь просил
Посмотреть – изложил ли он
Мысль Манаса со всех сторон.

Ранним утром, в тот самый час
Как дворовую коновязь
Жеребячий наполнил визг,
Ажыбай, что томился близ,
Получил, что просил он в путь:
Перво-наперво он на грудь
Спрятал важный пакет с письмом;
Тон из выдры надел потом,
Кунью шапку, взлетел в седло.
Иноходец косился зло,
Бил копытом – он был лихой;
Всадник с чёрною бородой
Был, пожалуй, ему подстать:
Ведь письмо и на нём печать
Жгло отважному парню грудь.
Сам он вызвался в трудный путь,
Сам решился. И вот сейчас
Ждал великий их вождь Манас
От него разрешенья дел.
От ответственности потел
Ажыбай, только встречным всем
Улыбался – мол, ровно семь,
Вместо тех, убежавших прочь,
Ханов он привезёт помочь.

[826] Дүбөт – чернильница.

Впрочем, нет – далеко не всем
Улыбался Ажы: совсем
Он старался не замечать,
Тех, кто струсил намедни, чать;
Торопился к тому ж – печать
Грудь сжигала, велев молчать.
Не жалея коня, он мчал,
Тьмы ночной он не замечал,
На просторный Кочкор уже
Без привалов на кураже
Акмазара почти достиг –
Места, где в один страшный миг,
Когда судьбы войдут в свой пик,
Друг за другом, почти впрытык
Ровно сорок *чоро* умрут.
Но пока было тихо тут.
Туча белая, как *курут*,
Создавала скале уют.
Величавая красота
Отмечала все те места:
За всю жизнь свою Ажыбай
Не видал столь красивый край.
Звезды в небе – им несть числа, –
Плыли в сторону *кыбыла*[827];
В лунном свете весь Ташрабат
Серебристый был как булат;
Вязкой негой был мир объят,
Здесь, казалось, и травы спят.
Насмотрелся вокруг Ажы,
Слез с коня он и от души
По прохладе ночной в тиши
Вниз потопал до Атбаши:
То большая была река –
Слышен рёв был издалека;
Иноходца Кюрёна там
Разнуздал он, напиться дал
И похрумкать чуть-чуть травы –
В путь сбираться пора, увы:
Солнце встало, его лучи
Разогнали весь мрак ночи́.
Иноходцу шепнув: «Молчи!»
Ажыбай затаился: чьи
Голоса там звучат, в леске,
И совсем ведь невдалеке;
Солнце било ему в зрачки;
Посмотрел он из-под руки:
Конь саврасый – его шаги
И весомы, и всё ж легки:
Так бы в танец пошла гора;
Всадник – будто из серебра –
В белом весь, но нагайка есть,
Птица ловчая – ей присесть
Вдруг приспичило на руке;
И борза́я на поводке.
Нет, отпущены птица, пёс,
Следом – всадники. Не вопрос,
Как узнать – это сам Кошой
Серебристый герой большой,
С ним охотится свита вся.
Ажыбай на коня взвился,
Через реку пустился вплавь,
Умоляя коня: «Прибавь!»,
И успел! Дорогой ремень
Снял он с пояса мигом, в тень
От Кошоя присел в поклон,
Словно стал вдруг невесткой он;
Этот женский поклон хитрец
Повторил, чтоб Кошой-мудрец
Глубь его уваженья смог
Оценить и принять как бог.
Он достиг своей цели: *алп*,
Выдав нужных вопросов залп
И пожав ему руку, дал
Всем отбой, а *чоро* сказал:
«Ажыбай, поспешай за мной!» –
Приглашая его домой;
Сам пошёл впереди Кошой,
Увлекая всех за собой.
Скоро в крепость пришли, и он
Только глянул – со всех сторон
Набежал его служек сонм, –
Здесь Кошоя и взгляд – закон;
Привязали скорей коней,
Проводили вовнутрь гостей.

Дверь раскрылась лишь – Ажыбай

[827] Кыбыла – Кыбыла, кыбла – сторона Мекки (сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы, во время сна; так же кладут покойника в могилу).

Удивился: попал он в рай? –
Золотая кровать как трон
В алом бархате вся притом,
Как огромнейший махаон,
Украшала просторный дом.
Хан Кошой, как гора тяжёл,
Обогнув по-хозяйски стол,
На кровать взгромоздившись лишь,
Гостя кликнул: «Ну, что стоишь?»
Тот же глаз оторвать не мог
От подушек: там бархат, шёлк
Создавали такой узор! –
Так меняются склоны гор
По весне: все оттенки трав,
Расцветающих без потрав.
В это время вдруг повара
Стали яства вносить; с утра
И росы не вкусил Ажы,
И, конечно же, от души
Оценил и *казы-карта*,
Гриву – редкая вкуснота,
Нан на сливках, и мёд, и *май*,
*Куурда*к и *курут*, и чай –
Не какой-нибудь, красный, тот,
Что из Индии к нам идёт;
Ложки были из серебра,
Свеж *бозо* – словно лишь вчера
Приготовлен, а вот *арак*
Из кумыса был выгнан так,
Что не все были так сильны
Выпить больше одной *чыны*[828].
Впрочем, выпили все тогда.
Когда время пришло к *бата*
И свернули весь *дастархан*,
Лишь тогда обратился хан
К Ажыбаю: «Смотрю, сынок,
Весь ты пылью пропах дорог,
Видно явно: спешил, как мог;
Что манило на мой порог?
Мчался ночью, не ел, не пил.
Не письмо ль тебе поручил
Отвезти мне великий хан?
Что затеял наш *кабылан*?»
Ко всему Ажыбай привык,
Но насколько же мудр старик!
Он, не мешкая, с шеи снял
И с груди со своей достал
Из шелкового кошелька
То, с печатью, письмо; слегка
Лишь погнулось оно; рука
Задрожала у паренька,
Но Кошой, отломив печать,
Тут же начал письмо читать,
До конца же прочтя, сказал:
«Бог Манаса на счастье дал
Нашим бедным народам… Тьму
Не развеять ведь одному,
Пусть и ярок он как звезда.
Говорит наш народ всегда:
В белоснежных *масы*[829] *калмак*
Любит уголь носить – чужак!
Конурбай, что опорой стал
Дому, где и считать устал
Сколько выходов – сорок, чать;
И Чынгыш – наш китайский тать,
Помню их – не случалось дня,
Чтоб не клял их, себя казня,
И умру я – лишь их кляня,
Даже в мире ином меня
Будет мучить одна лишь мысль:
Что небесную нашу высь
Отравляет дыханье их.
Я мечтал умертвить двоих
За все тысячи павших всех,
Кто оплачивал их успех.
Как могу не пойти за львом?!
Разве буду я жив потом?
Айжанжуна дочь Бурулча
До сих пор не трофей – ничья;
Эсенкана дочь Бирмыскал
Как *олжо* никто не искал,
Нет, такое терпеть нельзя!
Даже ябы, старик, их взял,
Посадил бы на круп коня,
Их пленённых отцов дразня.
Нет, пора их забрать в *олжо*,

828 Чыны – пиала.
829 Масы – тонкие сапоги.

Будет вам, китайня, ужо!
Борода у меня седа?
Ну, какая же в том беда?
И усы? Но усы всегда
Так белы: кумыс – не вода,
В скольких чашах я их макал!
Ну, подумаешь, – аксакал,
Много есть чего у меня,
Я ведь тоже – не без огня!
Что я сед, Ажы, не смотри:
Есть чему покипеть внутри!
Я припрятал тальник в логу,
Срезав вдоволь на том лугу,
Где я был с бородой как медь;
Я и пули *калмакской* впредь
Не боюсь уже. Умереть?
Где отыщешь прекрасней смерть?
На ложбине лежит тальник.
Так лежать он давно привык.
Коль Конур, отставной *калмак*,
Пустит пулю, чтоб пал старик,
Где отыщешь прекрасней смерть?
О, сынок, я устал смотреть
На земную всю круговерть!
Девяносто уж лет уже
Мясо ярочки ел, в душе
Оставаясь всё тем, кем был;
Ел я мясо козла, и жил
Восемь, девять десятков лет.
Даже если посадят в клеть,
Будут яркой кормить, – дозреть
Я сильней не смогу, и смерть
Всё равно ведь набросит сеть,
Схватит лапами на бегу.
Смерти как избежать смогу?
Ты всегда много знал, сынок.
Ты сейчас бы прикинуть мог,
Как далёк до Бейджина путь?
Сколько вёрст – до него махнуть?
Сколько надо нам дней потом,
Чтоб вернуться в родимый дом?»

Ажыбай отвечал ему:
«О Бейджине в моём уму
Знанья, в общем-то, нетверды;
Кто оставил свои следы
В том пути, говорил как есть:
Надо месяцев ровно шесть,
Чтоб добраться туда, и шесть –
Чтоб вернуться из этих мест,
Целый год! А зато в Талас
За неделю смогли б сейчас
Вы добраться, – не то Манас
Гневом может ударить вас:
Хуже молнии львиный гнев», –
Он откланялся тут же, сев
На коня своего, чтоб в путь
Вновь отправиться… «Не забудь! –
Закричал ему вслед Кошой, –
Смерть приходит не за душой,
А за телом; но, бренным, нам
Бог даёт как на пополам
Души, и с половинкой мы
Вместе пьём и едим, у тьмы
Урывая наш свет очей:
Дом, и женщину, и детей;
Возвращаясь с пути, велел
Бог, поставив нам свой предел,
В лица близких взглянуть пред тем,
Как уйти навсегда затем…»
Ажыбай перебил его:
«Послан львом я для одного:
Ханов звать на поход в Бейджин;
Не смогу я – пойдёт один
Непреклонный наш господин;
Он, конечно, непобедим,
Когда все мы – народ – за ним,
Не колеблясь ни в чём, стоим!
Дал ему обещанье я.
Позабыв, что есть дом, семья,
День и ночь я скачу, чтоб он
Не был поиском огорчён.
С опозданием коль приду
На свою, на его беду,
Вряд ли нить я тогда найду –
Узел стянется на ходу;
И какой б я не вёз ответ,
Не простит Сивогривый, нет.
Опоздают мои слова,
Полетит моя голова!»

Он спешил. Перевалов пять
Должен был Ажы проскакать
За ближайшие дни – вдали
Бешбелчира вершины шли,
Как казалось, извне, впритык;
Горный житель Ажы привык
Верить тропам, а не глазам,
Он не раз пробирался сам
Между скал, где бы взгляд застыл;
Впереди посложнее был
Перевал, о нём бог забыл,
Хоть и звался он – *Мазайыл*[830];
«Коль пройти его даст судьба,
Там равнина уже Арпа» –
Так подумал Ажы в пути,
Перевалы спеша пройти.
Когда солнце зашло, уже
С облегченьем вздохнув в душе,
По равнине помчался он;
Разогнался так Карткюрён,
Высекая в камнях огонь,
Словно птица неслась, не конь.
В котлован Эркечтама, вниз,
Словно молния пронеслись
Конь и всадник; Канжууган
Вдоль прошли; здесь в деревне хан
Эр Тёштюк проживал – *орду*
Он поставил не на виду,
А во впадине Эркечтам,
Богом данной его мечтам:
Девяносто домов в степи,
Словно звенья одной цепи, –
Молодух было сорок там,
Тридцать слуг и правитель сам.
Добывали юнцы еду –
Содержали он *орду*,
Сами встретили и Ажы –
С уважением, от души.
К Эр Тёштюку отрыли дверь.
Ажыбай был стократ теперь
Вдруг увиденным удивлён:
Был из хлопка построен трон,
На котором сам Эр Тёштюк,
Как гора, восседал; он слуг
Отослал, усадив на *тёр*
Ажыбая, – мол, разговор
Не для чьих-то ушей грядёт;
Он изысканный оборот
Применял в обращенье – «Вы»,
И слова подбирал, увы,
Как узор для цветной канвы.
Ажыбай про себя – мол, вздор,
Улыбнулся, но разговор
Так же вёл, чтоб не вызвать спор, –
Был по-своему он хитёр.
Повара принесли еду.
Шесть десятков блюд на виду
Так расставили, словно *той*
Это был, не обед простой.
Совершили когда *бата*,
И ушла со стола еда,
Хан спросил у Ажы тогда,
Что его привело сюда:

«Уважаемый Ажыке,
Дом Ваш – знаю, – ведь вдалеке
От дороги к моей *орде*;
Отдохните в моём гнезде
Сколько нужным сочтёте Вы,
Я готов подождать, увы».
Ажыбек по словам молвы
Знал, что значит его «увы»,
Из-за пазухи он пакет
Побыстрее извлёк на свет,
В две ладони, как святость, взял
И Тёштюку письмо подал.
Хан печать не спеша убрал,
Но покуда его читал –
Было видно, – как смена чувств
Все печати снимала с уст,
И когда дошёл до конца,
По-другому стал на гонца
Он смотреть, и сказал ему:
«Власти Кона не по уму
Управляют страной – хитин
На душе нарастив; Бейджин –
Камень с медью, внизу златой,
Просто камень внутри пустой,

[830] Маза – вкус, вкусный; айыл – селение.

В голове у них только смерть;
Надо ехать, чтоб посмотреть.
Кто и дома лежит – умрёт
В свой назначенный небом год,
Точно так же, как смертен тот,
Кто в поход на врага идёт.
Что ж, поедем и мы. Скажу,
Что *калмаки*, *калча*, *манжу*,
Нескара, Конурбай, Жолой –
Сын Кедена, большой и злой,
По краям разделив роды,
Нам, кыргызам, несут беды
Столько, сколько и не приять;
Говорят, в этот год опять
Как и в прошлые, грабит нас;
Молодец, наш Айкол Манас,
Хорошо, что созвал совет!
Есть вопрос – Вы прольёте свет? –
Вам, батыр, хоть немного лет,
Но у Вас для всего ответ
Есть – заметил в беседе я, –
О всех таинствах бытия;
Путь в Бейджин – как от нас далёк:
Чтоб туда – и на свой порог
Возвернуться? Узнать бы срок,
Чтоб дела я оставить смог».
Отвечал Ажыбай: «В Бейджин
Путь к нему и назад – один:
По полгода туда-сюда,
Вместе – год лишь, ведь ерунда;
Вот к властителю путь в Талас
Лишь неделя всего для Вас,
За семь дней доберётесь Вы,
Коль за восемь, тогда, увы,
Попадете, скажу, в беду!» –
Договаривал на ходу,
Хоть и кратко, но от души,
Попрощавшись уже, Ажы.
Он небрежно нагайку нёс:
Волочилась за ним, как хвост,
Вслед Тёштюк говорит ему:
«Заночуйте в моём дому.
Погостите хоть ночь да день!
Жизнь людская – всего лишь тень,
Отраженье судьбы, небес,
Высших замыслов тонкий срез.
Что уход наш, и что – приезд?
Жизнь и смерть – перемена мест,
Жён, детей, всех друзей, родни.
Кто нам скажет – часы ли, дни
Иль года видим лица их?
Где судьба нам поддаст под дых?»
Ажыбай отвечал ему:
«Этих мыслей я не пойму.
Вестник льва, я в чужом дому
Приглашения не приму.
Я скачу день и ночь без сна,
Ханов всех известить сполна –
Вот задача, что мне ясна.
Если буду я там и сям
Предаваться спокойным снам,
Опоздаю везде во всём,
Чем на свой я родимый дом
Лишь накликать беду могу,
Сам себя сразить на бегу.
Выйдет солнце, придёт закат.
Для недель и сам месяц сват.
В нужный день не вернусь назад –
Буду в смерти сам виноват».

Так ответил Ажы – и в путь.
Освежал ему ветер грудь.
По Сымкану он мчал, спеша,
Удивлялась красе душа:
Как родился, таких вот мест
Не видал Ажыбай окрест.
Но он воли не дал мечтам,
Размышляя, мол, Эркечтам
Проходя, не свернуть бы нам
С Карткюрёном к другим местам:
Заблудиться легко без карт.
Он пошёл вдоль горы Кёкарт
По песку, где б не смог архар
Пробежаться в полдневный жар.
Слез с коня Ажыбай и шёл,
Карткюрёна за повод вёл:
Вдруг, мол, яма, песок зыбуч,
Западня его хуже круч.
Порван был дорогой тулуп,
Обувь – тоже; у сжатых губ

Вился пар – так была свежа
Между ночью и днём межа.
Ночью он перевал прошёл,
Хоть коня всю дорогу вёл;
Когда солнце взошло, на склон,
Твёрдый, каменный, вышел он.
Снова сел он в седло; Кюрен
В полдень в лес зашёл – Гюль Ёзён.
Это бедных земля была,
Но так буйно она цвела!
Здесь прожить и с одной козой
Можно было большой семьёй –
Столько ягод и фруктов лес
Поставлял, словно взгляд небес
День деньской любовался сам
На цветенье, не всем лесам
Достающимся на земле:
На мохнатом горел стебле
Дикий мак, рос *ак барсылдак*,
Стрелы ввысь пускал *сарымсак*[831],
И осот, и гордец-тюльпан,
И ревень, и *балжууран*[832],
Сочный щавель, *бээ эмчек*[833],
Жёргёмюш[834], горлеца побег,
Земляника – разливы рек
Переспорит её набег;
Тьма смородины, зверобой.
Здесь прожить бы сумел любой
На дарах, что земля даёт;
В родниковой воде развод
Чёрных вставок – на то указ,
Что и в недрах велик запас
Чёрной крови земной – она
Коль зажжёшь, прогорит до дна,
С ней лучина всего одна
Освещает весь дом сполна,
Май земли все её зовут
И её, видно, много тут.
Скот копытный держа в горах
Человек и не вспомнит страх
Перед голодом, стужей, – тем,
Что связуют с небытием;
Здесь же, радуясь, можно жить,
Мирной жизни простую нить
Не завязывая узлом,
Не встречаясь вовек со злом.
Ажыбай, размышляя вслух,
Мчался быстро. Закат потух.
Карткюрён, издавая храп,
Шмыгал носом – от росных трав
Запах сильный вставал, и он
Был как будто бы опьянён.
Показался вдали Кокон.
В темных сумерках Ажыбай
В город въехал, ища Сарай,
Громкий топот копыт коня,
По проулкам пустым звеня,
Спящий город будил, дразня
Шумом, свойственным звукам дня.
Удивляясь, коконцы всё ж
Быстро поняли: то не дождь,
В город въехал гонец, и он
Был немедля препровождён
В крепость хана, где сорок слуг,
Восхищая проворством рук,
Обиходив коня Ажы,
Дастархан ему от души
Вмиг накрыли, сварив свежак –
Жеребёнка, подав *арак*,
Подливая, да от души…
Сон, конечно, сморил Ажы:
В отведённый ему покой
Он ушёл уже никакой.

Ранним утром, едва он взор
Смог раскрыть, то скорей во двор
Он спустился, велел коню
Дать люцерны не на корню,
Сам умылся, надел ремень,
Меч заткнул за него, и день
Свой решил он начать скорей,
Не имея других идей.

---

831 Сарымсак – дикий чеснок.

832 Балжууран – название травянистого растения.

833 Бээ эмчек – 1. название болотного луковичного растения; 2. дикая малина.

834 Жөргөмүш – разновидность дикорастущего горного злакового растения, семена которого, похожие на просо, съедобны.

К Сынчыбеку пришёл с зарёй.
Тот был в зале, но сам не свой:
Он на троне сидел бочком,
Без короны и босиком,
Но зато был гора горой –
Вес он явно удвоил свой.
Поздоровались, а потом
Расспросили – как служба, дом,
После сели на *тёр* вдвоём,
Поболтали о том, о сём;
В это время уж повара,
Хоть не выспались все с утра,
Но уставили *дастархан*,
Чтоб довольным был гость и хан.
Кроме сытных и вкусных блюд
Чай такой был, что подают
Лишь у знатных, и был арак
Виноградный, что красен так,
Словно в чашах играет кровь.
А наелись когда, то вновь
К разговорам вернулись; хан
Подождав, когда *дастархан*
Уберут повара, спросил:
«Ну, сынок, Ажыбай, без сил –
Вижу, – прибыл ты, чем же нас
Удивишь? Ты привёз приказ?
Или просто письмо Манас
Мне прислал, чтоб в урочный час
Дань собрал бы я… Иль войска?»
Из запрятанного мешка
Гость с печатью письмо достал
И руками двумя подал.
Хан прочёл до конца, смолчал.
Головой лишь слегка качал
Да свой палец большой кусал –
Что ответить, видать, не знал.
Ажыбай, подождав, спросил:
«Ты поедешь иль нету сил?
Что качаешь ты головой
И кусаешь всё палец свой?
Стоишь много ты, дорогой!
От лица ведь Манаса ты
Исполняешь свои мечты,
Стал любимчиком ты судьбы:
Дань берёшь – чтоб возы *жамбы*
Привозил тебе люд в Сарай.
Расскажу я про это, знай!» –
Так сказав ему, Ажыбай
Встал, чтоб выйти, но краснобай
Сразу дар свой обрёл, и речь
Полилась, словно с крыши – течь:
«Ты был парнем всегда таким,
Без огня разглядеть мог дым,
До Бейджина, скажи, пути
Сколько в днях, чтоб его пройти?»
«О Бейджине я слышал, да:
Чтоб проехать туда-сюда,
Нужен год: а в один конец –
Все шесть месяцев, наконец.
А к Манасу в Талас – шесть дней,
И советую побыстрей
Отправляться вам надо всем:
Коль прибудете дней за семь,
То нарвётесь на ярость льва.
Ты запомни мои слова!» –
Не стерпел Ажы, не смолчал,
Всё сказав, на коне умчал,
Позади оставил Кокон,
Перейдя через реку он.

Направляясь в Кетментёбе,
Думал о судьбе, себе –
Сможет ли оправдать добро,
Всё, что взял, поступив в *чоро*:
Всё богатство, семьи тепло,
Славу грозным врагам назло.
Карткюрён, поднимая пыль,
Нёс его сквозь степной ковыль,
Весь отдавшись своей ходьбе.
Вот и вышли к Кетментёбе –
Чон Кокон, – позади пути
Дней в шестнадцать, ещё идти
Надо столько же, чтобы весть
До всех названных лиц донесть.
На своей золотой арбе
Солнце с неба ушло в гурьбе
Алых туч над Кетментёбе;
В лес просторный вошёл Ажы,
И села уже рубежи
Он увидел, но возле скал

Люд немалой толпой стоял.
Захрапел Карткюрён, Ажы
Тоже дрожь ощутил души,
Стало сильно не по себе –
Что-то странное в той толпе.
Вышел встречь человек один:
Видно, важный он господин:
Бел тулуп, конь как масло жёлт,
Взглядом ярким Ажы прожёг
Человек – словно две звезды
Без тепла, но и без вражды
В лоб вонзились Ажы, как лёд;
Человек что-то молвил – мёд
Словно лился сладчайший с уст,
Захотелось воскликнуть: пусть
Льются дальше твои слова.
Закружилась вдруг голова.
Двадцать пять или тридцать лет
Незнакомцу бы дал он – свет
Словно он отражал от звёзд,
Был охватов под десять рост,
Он как птица иль зверь лесной
Плавно двигался, за собой
Не оставив почти следов,
И к прыжку словно был готов.
Ажыбаю пожав ладонь
Так, что тот ощутил огонь,
Незнакомец спросил: «Гляжу,
Издалёка ты… На Ажу
Ты похож; не от льва ли весть
Ты спешил, чтобы нам принесть?
Если так, то письмо давай,
Друг любезный наш Ажыбай!»
Ажыбай не боялся пуль.
Но, увидевший Керкёкюл,
По рассказам его узнав,
Он как будто бы пряных трав
Вдруг нанюхался – голова
Что кружилась слегка сперва,
Став тяжёлой, клонилась вбок;
Хоть с трудом, но достав мешок,
Он с печатью письмо достал
И руками двумя отдал
Керкёкюлу пакет, а тот
Вскрыл печать и все строки влёт
Прочитал, хоть сгущалась тьма,
И не надо иметь ума,
Чтоб понять: этот странный хан
Тьмой в друзья, не иначе, зван.
«Да, герой, и какой герой!
Не поспоришь теперь с молвой,
Знать ещё бы – кто он такой,
Что он сделал с моей башкой?» –
Так подумал Ажы, а хан
Зажурчал, словно с мёдом жбан:
«Что ж, пошли, дорогой Ажы,
Отдохни теперь от души,
Отдых важен, как и дела!» –
Взял коня он за удила,
Но ответил Ажы тотчас:
«Есть в столице герой Манас,
Дал для дел он мне чёткий срок,
Опоздаю коль, свой урок
Не исполню – то кто я есть,
Где и верность моя, и честь?»
«Хорошо, дорогой Ажы,
Но мне вот что ещё скажи,
Ты ведь знающий парень, да? –
Удивительным был всегда, –
Подскажи-ка ты мне тогда,
Сколько ехать туда-сюда:
До Бейджина и вновь до нас?
Сколько времени есть в запас?»
«Слышал я о Бейджине, – путь
Все шесть месяцев – лишь взглянуть
На него, и обратно – шесть;
Так что год без запаса есть.
А к властителю вы в Талас
Дней потратите шесть – сейчас,
Если вмиг соберётесь в путь;
А за семь доберётесь – пусть
Вас от гнева его хранит
Бог, иль кто для вас цель молитв», –
Так сказав, Ажыбай скорей
В путь пустился. От упырей
Словно конь убегал – скакал
И хвостом по бокам хлестал.

Вот и степь. Как сама судьба:
То ложбины, то крутость лба.

Из Безгена летел в Кутба
Ажыбай, торопя себя,
Не жалея коня, – они
Так спешили не только дни,
Но и ночи; порой в привал
Тёмной ночью Ажы давал
Попастись Карткюрёну, тот
Свежей травкой набив живот,
На глазах у Ажы крепчал,
Сразу силы удвоив, мчал.
В Чыттуу на Кызыл Мойнок
Утром прибыли. Вдоль дорог
Рос ячмень. Лишь Ажы хотел
Карткюрёна пустить в надел,
Сена полные шесть телег,
С ними шестеро человек
Вышли, путь преградив собой;
Грозен был Ажыке – как в бой
Он собрался ведь в путь; народ
Испугался и задний ход
Дать готов был, но в окорот
Взял их всадник, коня вперёд
Он направил, и Карткюрён
Сена вдоволь наелся – он
Всю телегу опустошил
И водой из бадьи запил.
Лишь тогда Ажыбай в седло
Снова вспрыгнул, взглянул незло
На растерянных шестерых,
Мрачных – словно бы кто под дых
Надавал им, но Ажыке
Вмиг в дорожном своём мешке
Покопался – и золотой
Вынул, чтоб заплатить за «*той*».
Весом в десять монет *алтын*
Испугал лишь *дехкан*; один
Попытался было бежать,
Но Ажы предложил опять:
«Эй, хозяин, возьми деньгу!
Больше дать тебе не смогу.
Сена вновь наберёшь в стогу,
Я-то, видишь, спешу, бегу!»
Но хозяин телеги той
Побоялся взять золотой,
Он сказал: «Дорогой джигит,
В десять денег *алтын* на вид,
За телегу – одна деньга.
Вряд ли хватит всего стога,
Расплатиться мне за *алтын*,
Дай мне правильно, господин!»
Подивившись его уму,
Чуть не силой Ажы ему
Прямо в руки всучил *алтын*
И умчался – лишь пыль, как дым,
По дороге вилась вослед.

Конь, заботой Ажы согрет,
С благодарностью за обед
Так летел, что и встречный ветр
Становился попутным вдруг.
Перешли перевал Юзюк
И по склону горы Кёрпё,
Что и козам пройти слабо,
К Чатыркёлю пришли, в Аксай –
Благодатный просторный край,
Корумташ Кёбюргёна рай.
Дни и ночи мчал Ажыбай.
Перевал же Келинтайгак
Конь прошёл, словно был сайгак, –
Всё отбил себе Ажыбай;
Обошли они Таракай,
Жаны жер, да и Уланды
С терпким запахом резеды –
Травы были там, как сады;
А до первой уже звезды
Прискакали в Жети Огуз,
Где и воздух медов на вкус.
Были сумерки. Из села
К ним навстречу вся свита шла,
А венчал её сам Агыш –
Хан, огромный гигант-крепыш.
Поселенье в шестьсот домов
Развернулось в степи. Под кров
Был Ажы приглашён; коня
Обиходила ребятня.
Яловую кобылу вмиг
Отловили в лугах, мясник
Со сноровкой провёл забой,
Вскоре запах почти хмельной
Золотого *сорпо* витал;

Да и с хмелем хан не отстал:
Не арак, а пшеничный спирт
Подливал он Ажы весь пир,
Вскоре сон погрузил Ажы
В необъятные миражи.
Но с утра, только звёзд весы
Потеряли весь блеск красы,
Да *торгои* за ветром вслед
С пеньем бросились встретить свет,
И к Каабе весь небосвод
Повернул свой неспешный ход
Помолиться как будто дню,
Ажыбай побежал к коню:
Взяв из стойла его, к горам
Он повёл Карткюрёна – там
Склоны были в сплошной траве;
Правда, чувствуя в голове
У коня гулевой настрой,
Он джигита позвал: постой,
Последи – пусть пасётся, мол,
С Суусамыра чтоб не ушёл.
Сдав поводья, умылся сам.
Коль судить по его глазам –
Он, умытый, Ажы был весь
Словно ангел иль божья весть.
Правда, меч взял с собой и здесь –
Чтоб солиднее быть, чем есть.

У Агыша был трон златой,
Как в седле в нём сидел, влитой,
Мягкий хлопок, однако, он
Подстелил под себя на трон.
Кёкётёя дочь Кёкмончок,
С нежным вешним румянцем щёк
Села рядом: ей, молодой
И любимой жене, одной,
Пока муж к ней не охладел,
Разрешалось во время дел
Рядом с ним и гостей встречать,
И, конечно же, пировать.
Повара уж накрыли стол,
Блюд расставили чуть не сто,
Чай разлили по пиалам,
Крепкий, терпкий, – душе бальзам.
Были заняты все уста.

Лишь когда провели *бата*
И убрали весь *дастархан*,
К Ажыке обратился хан:
«Ты, батыр Ажыбай, устал,
Ты бледнее, чем воздух, стал,
Что, прошу, не сочти за лесть:
То ли нет тебя, то ли есть;
Я с расспросом не стал бы лезть,
Но, наверно, привёз ты весть
От Айкола; раз ты спешил –
Значит, важная весть, Ажы?»
Подивившись без слов уму,
В двух руках протянул ему
Гость бумагу с печатью; тот
В руки взял её, словно плод,
Повертел, посмотрел… но вот
Вдруг решился – сломал оплот
Запечатанного письма,
Всё прочёл, распалясь весьма,
Начал вдруг просвещать Ажу:
«Всем *кытаям-кара*, *манжу*,
Стал опорой властитель Кон,
Всем *каканским* с былых времён
Стал защитой властитель Кон;
Пик у Кона – что игл ежа;
Но…чем жить, по углам дрожа,
Лучше сразу уж умереть:
Унижения лучше смерть.
Кендирбай – сапоги белы,
Все из хлопка; а кандалы
Носит раб, что раздет, разут.
Конурбай – лишь для зла сосуд.
Две свиньи, что народ сосут:
Урожай и не снятый жрут;
Чем дрожать, ожидая их,
Лучше дать один раз под дых,
А потом умереть – душа
Вознесётся пусть не дрожа!
Хан *калмаков* Чынгыш, и он
Проклят всеми на сто времён,
В доме сорок дверей возвёл,
Дом железный весь, как котёл;
Он не даст и тальни́к срубить,
Он не даст и себя убить:
Больше века живёт ведь хан,

Дал *бата* ему Эсенкан.
Конурбай – сын Алооке, –
Яд смертельный на языке
У него, он растит тайком
Своих подлостей снежный ком;
Там и сям – только слышишь, – он
Тех разграбил, увёл в полон,
Тех – кто просто спокойно жил, –
Обвиняя ни в чём, убил.
Пересудов в народе тьма.
Небольшого они ума,
Но правдивы они весьма:
Рушит жизни и жжёт дома
Этот наглый бездушный вор,
Ненаказанный до сих пор!
Как могу не пойти в поход
Я, которому сердце рвёт
Несвершённая месть отца?!
Наказать хочу подлеца!
Дома, прячась от смерти, как
Дальше жить?! Да любой бедняк
Скажет: лучше, чем рабство, – смерть,
Я хочу отомстить успеть.
Хорошо, что собрал Манас,
Всех, так жаждущих мести, нас!
Что ж, настала его пора!
Мы поедем к нему с утра,
Всё разрушим, что нас гнобит,
Лучше будет любой убит
В справедливом святом бою,
Чем лелеять тоску свою!
О дороге в Бейджин, Ажы,
Нам, пожалуйста, расскажи;
Сколько ехать, скажи, в Талас? –
Просвети неучёных нас!»
Отвечал Ажыбай тотчас:
«Кто в Бейджине бывал не раз,
Говорят, что полгода путь
Отнимает и, не забудь, –
Это только в один конец!
И с условием, что гонец
Будет споро идти, без сна;
А дорога туда одна,
Это значит: и путь домой
Все шесть месяцев за собой
Оставляет-таки опять!
А в Талас: коль в пути не спать,
То прибудете за семь дней;
Будет лучше – когда быстрей,
К расторопным Манас добрей;
Если медленнее – ей-ей,
Не завидую: *кабылан*
В гневе страшен и словно пьян!»

Попрощавшись, забрал коня,
Оседлал – и вперёд, звеня
Удилами, летел скакун,
Грозный издали как самум,
Словно двигаясь на весу
Мимо озера Кызыл-Суу.
Красноносый Ажы на нём
Хмурил брови, поскольку он
Заблудиться боялся так,
Что лишь с краю по Жаргылчак
Шёл по щебню и по камням.
Конь подковы все сбил, и там
Их пришлось набивать снова́;
К счастью, дальше пошла трава.
Плавно шли по Тоо Тескей,
Представлял себя Ажыке,
Что сидит на верблюде он,
В думы мудрые погружён,
И серебряный *тон* на нём
Вызывает у встречных стон.
Только не было встречных, нет.
В росы падал, искрился свет.
Карткюрёна яички так
Колыхались их шагу в такт.
Вот прошли и Эшен ата.
И Чоткал, позади гряда
Перевалов; всё краше мир,
Виден сверху Торуайгыр.
Бийкыштоо прошли в верхах.
У Ажы рассосался страх,
А, тем более, в тех горах
Был он словно в чужих мирах.
Ночью, днём весь Кемин ему
Пищу сердцу давал, уму,
Удивительней этих мест
Ажыбай не встречал окрест:

Небо, звёзды, озёрный плеск,
Вдоль по склонам еловый лес,
Иссык-Куль – как постель небес,
А долина – базар невест,
Столько всюду цветёт садов,
Трав и звёзд, словно мир готов
Лишь к волшебной любви, к мечтам,
Словно бед не бывает там.
Иссык-Кульский бескрайний дол!
Счастлив тот, кто тебя нашёл.

Хан Урбу был казахов хан.
Он оправдывал статью сан:
Был красив, говорил умно,
Вёл свой род он уже давно.
Вместе с птицами утром встав,
Он вдохнул ароматы трав,
Посмотрел на зари волшбу
И подзорную взял трубу:
Тень тревоги теснила грудь,
Он взобрался на холм: взглянуть
Не привёл ли к ним гостя путь, –
Привечать его иль пугнуть?
Ажыбай по Кемину шёл.
Щебет птиц и жужжанье пчёл,
Сладкий дым близлежащих сёл –
Весь Кемин, что светился, цвёл,
Так растрогал его, что он
Предвкушал уже пир и сон.
А Урбу, рассмотрев гонца,
Меч, осанку и жеребца,
Опасаясь больших проблем,
Вниз сбежал и соседям всем
Приказал: «Свой покой ценя,
У Ажы, у гонца, коня
Не берите, чтоб привязать;
Если псы нападут, их гнать
Не спешите, насколько слаб
Мы посмотрим: пришелец – раб,
Он не ровня нам, он *чоро*,
Ни к чему с ним делить добро,
Пусть почувствует от *дехкан*,
Что не нужен он, раз не зван».
Ажыбай же, устав в седле,
Ночевать решил не в селе,
К пастухам попросился он,
Выпил чай с кумысом, и сон
Так сморил, лишь подушку взять
Он успел и свалился спать.
Вышло солнце, и тесный двор
Жеребята, как детский хор,
Огласили, когда, Ажы,
Славно выспавшись, от души,
Карткюрёна взнуздав, в седло
Вспрыгнул и поскакал в село.
Девяносто домов в селе
В буйных зарослях, в ковыле –
Словно камни в седой золе, –
Просыпались ещё; во мгле,
Что сгустилась из всех дымков,
Девяносто свирепых псов
Грозно лаяли, был готов
Каждый выскочить из кустов,
Но пугал их большой Кюрён:
Шёл уж очень спокойно он.
Люди выбежали на шум,
Но стояли, как будто ум
Спал ещё беспробудно в них,
Ждал, чтоб лай сам собой утих,
Гостя словно не видя; он
Был обижен и разозлён.
Взяв покрепче нагайку, гость
Развернулся к собакам: злость
Помогла ему стать храбрей,
Не надеясь уж на людей,
Сам решил защищаться; пёс,
Что стоял перед ним, был в рост
С небольшого осла, – прохвост,
Он пытался схватить за нос
Карткюрёна, но получил
В лоб нагайкой и вмиг почил,
Пасть оскалив и посинев.
Ажыбай же вошёл во гнев:
Стаю скалившихся собак
Он нагайкой хлестал, да так –
Разлеталась лишь плоть и шерсть!
Псы, что гостя хотели съесть,
Кто остался в живых, домой,
Издавая тоскливый вой,
Побежали, забились в щель.

Карткюрёна повёл теперь
Сам батыр к коновязи, там
Привязав, он по сторонам
Огляделся: никто во двор
К ним не вышел и до сих пор
Дверь закрыта была в дому,
Что добротней других ему
Показалась; толкнул он дверь
И вошёл; клокотал в нём зверь,
Он не знал, что уже теперь
Встретит дальше. Глядит – постель,
В ней, потягиваясь чуть-чуть,
Обнажив ненароком грудь,
Дева, белая, словно снег;
Дочь Жаркена то – Жезбилек,
Без стесненья глядела – ей
Было, видимо, то важней,
Парню нравится ли она…
А ведь хану была жена!
Ни приветствия, ни словца.
Ажыке был взбешён. Лица
Не подняв на неё, прошёл,
И на мягких подушек шёлк
Сел он, ноги скрестив, *тёрго*[835],
Солнце в небе уж высоко
Поднялось и пошло на спад.
Ажыбай был бы очень рад
Что-то съесть, ведь к закату день.
Но девице как будто лень
Было встать и одеться, – стыд
В ней, казалось, спокойно спит.
Но Ажы, как она, молчал.
Жёлтый медный кальян он взял,
Анжиянский вложил табак –
Белый, жареный, – не бедняк
Здесь держал его, – взял кремень
И огниво, а также с пень
Уголь взял, раскурил кальян,
Дым глотнул, стал немного пьян –
С голодухи пронял дурман.

Дым пошёл из *тюндюка*… Хан
Сам Урбу, что лежал как *мар*[836]
За ковром, ощутив угар,
Слыша крики извне «Пожар!», –
Сделал вид, что проснулся вдруг,
Кашлянул и, сыграв испуг,
Закричал, изрыгая брань:
«Лживый раб?! Ты откуда, дрянь?
Ты с интригой пришёл опять?!
Я хочу с тебя шкуру снять,
Выбить злобу, глаза проткнуть!
Я зарежу тебя! Твой путь
Раз привёл тебя к нам, держись!
Всю по капле я выпью жизнь,
Посолю я твои ступни,
И шампуры воткну – они
Так поджарятся на огне!
Будет чем пообедать мне.
Ты намедни, когда на *аш*
Кёкётёя, на форум наш,
Прискакал, налетел как зверь,
На меня, – поплатись теперь!
Ты седины моей главы
Опозорил и стёр, увы,
Мне улыбку с лица, и шрам
Ты оставил навеки там!
Ты мне щёку рассёк, а я,
Боль и стыд от людей тая,
Был под землю готов уйти,
Только ты стоял на пути!
Видел я, как ты, гнусный пёс,
Околесицу подло нёс,
Что перед Манасом я
Оказался кругом свинья,
Как угодничал ты, как мёл
Шелудивым своим хвостом», –
Говоря так, он меч схватил,
И хотел было что есть сил
Ажыбая ударить, но
Тот, в мгновенье достав письмо,
Протянул ему, встав в поклон –
Преклонил и колени он,
И повинной главой поник;
Хан опомнился сразу, вмиг,
Взял письмо и, сломав печать,

[835] Төрго – на почётное место.
[836] Мар – змея; год Змеи.

Тут же начал его читать.
У Ажы затекла спина,
И колени уже сполна
Боль приняли, да так, что дрожь
Била парня, уже ни в грош
Он не ставил себя, стезю,
Еле сдерживал он слезу,
Хотя пот уж катился с щёк.
Хан так долго читал – не мог,
Видно, вникнуть он сущность строк,
Или – попросту длил урок.

Впрочем, даже Бакай-*аба*
Говорил про письмо: «Тебя,
Кто, не знаю, учил, Сыргак,
Но ты пишешь не просто так!»
Вот, дословно, что было там:
«У родни, что бедна, к верхам
Не бывает обиды: нос –
Кончик, – может свербить от слёз,
Сердце и не кольнёт всерьёз:
В нашем мире так повелось.
Можно повод на два ремня
Разреза́ть – как убрать из дня
Середину, лишь цель ценя.
Но ремнём не сдержать коня.
Есть четырнадцать ханов – им
Надо всем покорить Бейджин.
Хан Урбу, приходи, узнай,
Что получит родной твой край,
Чья корона, для чьих седин?
Трон не твой ли? Всего один
Нужен хан, как возьмём Бейджин!»
Но Урбу, прочитав, опять
Стал придирчиво текст читать,
Стал усами, как жук, дрожать,
Головою седой качать:
«Не пойдёт, мой Ажы, никак!
Там четырнадцать ханов! Мрак!
Упираться я буду так,
Чтоб в конце мне попасть впросак!
Да, у бедного, прав Манас, –
Кончик носа, и то, на час
Обижается, сердце в нём
От обид не горит огнём, –
Так, кольнёт разве чей-то нож.
Ты всегда знатоком слывёшь,
Ажыбай, подскажи-ка мне,
Долог путь ли, коль на коне
Проскачу до Бейджина я?
Сколько дней будет ждать семья
Моего возвращенья в дом?
Я прошу, расскажи о том!»
Ажыбай говорит ему:
«До Бейджина ты по всему
За полгода доскачешь, коль
Спать не будешь, а голод, боль
Будешь блажью простой считать;
И до дома, назад, опять
Ты шесть месяцев будешь мчать.
До Таласа, могу сказать,
Доберёшься за семь лишь дней,
Только надо спешить – скорей
Все другие примчат, и ты
Только гнева пожнёшь плоды».
Всё сказав, ускакал Ажы.
Проводить его ни души
Не нашлось, ни глотка воды
И ни крошки любой еды
Предложить не посмел никто.
Но, покинув село, зато
Он был рад, что, вздымая пыль,
Он покинул чужую быль.
Торопил он Кюрёна – тот
Без того убыстрял свой ход,
И бежал уже как джейран,
Даже камни дробил, но ран
И не чуял, так бег пьянил,
По холмам он как лебедь плыл,
Рассекая траву, кусты.
И совсем не до красоты
Было всаднику: ныл живот –
Он не ел словно целый год.

Лишь во время *бешима* им
Алматы замаячил дым,
Лес, что чудился голубым,
Небом словно объял – сквозным
Был роскошный тот лес, что рос
По горам, по долам вразброс.

В это время хан Музбурчак,
Буудайыка сынок-смельчак,
Отпустив *балабана*, псов,
И орла – чтоб любой улов
Взять бы смог он, с парнями в лес
Прибыл – гостю наперерез.
Было триста джигитов с ним,
Не сказал он и слова им –
Хан, – увидев в лесу Ажы;
Поздоровались от души,
О здоровье спросив, затем
Хан спросил Ажыбая – с чем
Он пожаловал в их края:
«Ну-ка, ну-ка, сынок Ажы,
Что случилось, скорей скажи,
Я смотрю, иноходец твой
Статный, быстрый и дорогой,
Ты одет как гонец, скажи:
Не письмо ль ты везёшь, Ажы?
Что мне шлёт *кабылан* Манас?
Нетерпение губит нас».
Ажыбай, понимая – хан
Сразу понял, что *кабылан*
Непростую им весть послал,
Из мешочка скорей достал
И руками двумя поднёс
Ту бумаге, что хану вёз.
Музбурчак, разломав печать
По прочтению отвечать
Сразу смог: «Молодец, Манас!
Он не зря собирает нас,
Выход верный – в таком ключе
Мы найдём, что сказать *калче*!
Браво, ай молодец, батыр!
Пусть трепещет теперь *капыр*:
Что казаху, кыргызу – всем
Не даёт ведь он жить совсем!
Из Капала он наш народ
Вновь ограбил – увёл и скот,
И детишек, и жён в *олжо*,
Что совсем уж нехорошо.
К *кабылану* я сам хотел
Ехать с кляузой – не успел.
Слушай, ты ведь учён, Ажы!
Ты, пожалуйста, подскажи:
Сколько путь до Бейджина, но
С возвращением заодно?»
Отвечал ему Ажыбай:
«Слышал я, что дорога в край
До Бейджина всего одна,
Все полгода она сполна –
Забирает в один конец;
Год! – обратно ведь путь-близнец.
А к Манасу зато в Талас,
Где он ждёт с нетерпеньем вас,
Доберётесь за семь лишь дней!
Выезжайте туда скорей,
Коль затянете путь – тогда
Опасаюсь: вас ждёт беда!
У Манаса тяжёлый гнев,
Хоть Айкол он, но всё же – лев!»
Стал прощаться, но Музбурчак
Говорит ему сладко так:
«Ай, сынок Ажыбай, куда?
Погости хоть денёк – еда,
Отдых, ласка, постель, тепло –
Вот что нужно, чтоб повезло!»
Бог лишь знает наш смертный час,
Возвращенье грядёт для нас
Или лица родных уже
Сможем лишь унести в душе;
Будем снова ли за столом
Есть из чаши одной, иль дом
Опустеет без нас навек?»
Ажыбай отвечал: «Мой *бек*,
Правду вы говорите, но
Дней отпущенных вижу дно:
Срок мне дал *кабылан* успеть
Всех объехать, иначе – смерть:
Коль в намеченный нами срок
Не взойду на родной порог,
Не скажу, что готов урок, –
Не спасёт меня даже бог!»

Повернул Ажыбай домой.
«Дней пятнадцать уже долой,
Вот шестнадцатый мой пришёл!» –
Так сказав, повернул он в дол;
Конь, почуяв знакомый путь,
Не пытался к ручью свернуть,

А летел, каждой мышцей пел,
Так домой он попасть хотел!
В полночь всадник с конём в *орду*
Так влетели, что на ходу
Чуть не сбили ворота – им,
Ажыбаю, коню, – двоим,
В грудь ворвавшись, родимый дым,
Как *арак,* сделал дух хмельным.
Канықей в эту ночь без сна
Размышляла, грустя; она
Топот конский услышав лишь,
Что взорвал ненадолго тишь,
Поспешила во двор: «Ажы!», –
Подсказало тепло души.
В самом деле, то он и был.
Обтирал он с Кюрёна пыль,
Привязав к коновязи; он
Был обрадован, удивлён:
Вышла ханша его встречать,
Как в далёкие годы – мать!
В дом позвала Каныш, на *тёр* –
На пушистый цветной ковёр –
Посадила, и разговор
Завела лишь о нём, набор
Блюд прекрасных на стол неся,
К ним, конечно же, – кумыса;
И вкусна же была еда!
Грива, *нан* и *казы-карта*,
И ягнёнка *курдюк* ещё.
Так наелся Ажы – от щёк
Шёл парок; а наелся лишь
И спросила тогда Каныш:
«Ну, батыр Ажыбай, теперь
Ждать, скажи, нам каких потерь
И отказов от тех, кому
Ты передавал по письму?
Кто сказал – мол, пойду, кто – нет?
Не спала я, ждала ответ».
Ажыбай ей ответил так:
«Взяв приказы, я план атак
Начертал у себя в уму:
То, что сказано одному –
Не годится другому, я
Всех заслуг своих не тая,
Вам в ответ лишь задам вопрос:
Все те ханы, кому пришлось
С Ажыбаем встречаться – как
Отказаться могли?! Мастак
Всех созвать я, кто нам нужны;
Семь деньков лишь пройдут, – они
Все приедут за эти дни,
Не бросаю я в пыль слова!
Известите об этом льва,
Прямо утром – мол, прибыл раб!
А теперь я пойду – ослаб», –
Говоря так, герой Ажы
Дом покинул. Как миражи
В лунном отсвете облака
Плыли в небе, клубясь слегка.

Урумкан – Эрназара дочь
Не спала: она в эту ночь
Тихо-тихо к Манасу в дом
Проскользнула; несла притом
Чашу белую – в ней вода,
Отражалась в воде звезда;
Чашу в руки взяла сильней,
Покружилась три раза с ней,
И в четвёртый ещё разок,
Окропила слегка порог
И навстречу Ажы пошла –
Просто так, мол: дела, дела.
Ритуал этот сделан был,
Чтобы злоба, что словно пыль
За батыром тянулась в дом,
Обошла бы *орду* кругом.
Всё оставим мы здесь, в ночи.
В прошлом – будущего ключи.
Подождём мы: издалека
Едут ханы наверняка –
Ажыбая легка рука.
Как прибудут – начнём. Пока.

ПРИБЫТИЕ ХАНОВ
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БАКАЯ ХАНОМ

Э… э… э… эй!
Лишь рассвет проникает в мир,
Тараза́[837] – всех волхвов кумир, –
В отступающей тает мгле,
Луч прощальный отдав земле.
День ещё не вступил в права,
Словно в пепле – седа трава,
Просыпается мир едва,
А Таласа всего глава –
Сивогривый Манас, Айкол,
Потянулся, как мощный ствол
Серебристой чинары, встал,
Умываться уже начал,
Как услышал: топочет конь, –

[837] Тараза́ – древнее название утренней звезды.

Видно, кто-то, не сняв супонь,
Привязал к коновязи, – он
Недоволен, что так пленён;
«Ба! – да это же Карткюрён!
Охладился ль? Как изнурён!
Ажыке, значит, прибыл, что ж,
Пусть поспит! А с Курёна дрожь
Вмиг прогоним…» – Айкол уздцы
Быстро снял, открутил концы
Поводка и убрал седло,
Недоуздок… Причём тепло
Чертыхался при этом он:
«Вот зараза! Какой тут сон!
Коль не я – то подох бы здесь.
Охладился? Пора поесть!
Интересно, какую весть
Удалось вам с Ажы принесть?!»
Карткурёна по крупу чуть
Он ладонью пришлёпнул, чувств
Не скрывая своих, – сейчас
Кто поверил бы, что Манас –
«Кровопийца жестокий», – сам
Обиходил коня, устам
Доверяя лишь нежный вкус
Слов, пригодных для женских уст?
Этим лёгким шлепком коня
Он послал к табуну, ценя
Его мощь: шестидневный путь
Он за сутки вбирает в грудь,
Как свободы глоток, табун
Он отыщет до смены лун,
Только солнце начнёт всходить,
Карткурён будет воду пить
С ледника на вершине той,
Где пасётся табун родной:
Вон как мчится, вильнув хвостом,
Он, вернувшись в родимый дом!
Вот так диво: Манас, смеясь,
Смотрит вслед, из горячих глаз
Льётся нежность – любовь волхва́.
Кто «жестокий»? Скорей – молва,
Что твердит всем: «Взгляни сперва,
Мол, не зол ли, и хоть едва
Лев сердит, уноси скорей
Свой живот от его дверей!»

А тем временем по *орде*
Эта весть разнеслась везде,
Что пришёл Ажыбай, и он
Впал, как праведник, в долгий сон.
Чтоб узнать – как, да что почём, –
Все пришли, окружили дом,
Что от храпа Ажы притом
Без того ходил ходуном.
Ажыке же, расслышав шум,
Испугавшись, вскочил – на ум
Всяко тут же пришло, и он
Нараспашку набросив *тон*,
Полусонный, к Манасу в дом
Поспешил, хоть шагал с трудом –
Столько суток в седле, увы:
Боль не только для головы!
У Манаса же дома в ряд
Все батыры уже сидят,
Кырк чоро, вот и *бий* дозор
Свой принёс, и его на *тёр*
Усадили, с почтеньем встав:
Чтя обычай, закон, устав.
Стол был полон; и лишь когда
Всех насытила всласть еда,
И был убран весь *дастархан*,
Встал тогда только с речью хан.
Так вопрос свой задал Манас:
«Наш батыр Ажыбай не раз
И смекалкой, и силой нас
Удивлял; ну, а что припас
Он сегодня? Мы ждём рассказ!»
Ажыбай не заставил ждать:
«Весть я вызвался передать
Сам, и письма берёг как мать
Своё чадо, хотя печать
Охраняла их; отдавать
В руки должен был я: читать
Те могли, про кого *аба́*
Говорил: с ним славна судьба.
Конь резвее, чем облака,
Выдан был мне, и свысока
Посмотрел я на путь слегка;
Но реальность, увы, бока
Мне намяла, и суток семь,
Что я дал на прибытье всем,

Слишком малый, конечно, срок!
Оказалось: я не знаток,
Но созвать всех героев смог:
Где-то, видно, в пыли дорог
Днём и ночью, без сна, еды,
Может, даже и без воды
Скачут, бедные, чтоб успеть:
Я сказал: «Опозданье – смерть!»
О, мой лев, ты простишь меня
За ошибку мою… в три дня?»

«Если так, – рассудил Манас, –
Ажыке, приготовь запас,
В помощь вызвав *кара-ногой*,
И *нойгут*, и *эштек* с собой;
Резвый конь Айбанбоз тебя
Будет мчать как сама судьба;
Самых жирных овец с гурта
Заберите – и все сюда:
Ханов, тех, кто спешит в *ордо*,
Надо встретить с почётом – кто
Из-за страха идёт, – вдвойне:
Отзовётся нам на войне
Вклад пожертвованных овец
Самых жирных; и, наконец,
Кто же лучше тебя, гонец,
Встретит их, как в раю – творец?»
Спорить нечего, и Ажы
Айбанбоза от всей души
Вмиг пришпорил и вновь с *ордо*
Полетел, похвалу зато
Повторяя на все лады:
Сладость лучше любой еды!
Он без устали словно шёл,
Направляясь теперь в Кенкол,
Золотилась на нём броня,
Свет умножив разгару дня;
Исхлестал он камчой коня,
За медлительный ход браня,
Хоть летел Айбанбоз стрелой,
Победительный, лёгкий, злой.
Обогнув словно ветр хребты,
Там узрел Ажыбай гурты;
Первой жертвы колпак надел
Своему он барану: дел
Не ценил он таких, где честь
В их свершенье не мог привнесть.
Овцы вскинулись дружно вмиг,
Все заблеяли – этот крик,
Что на детский похож язык,
Расплескался, как в водах – блик.
Взволновало и жеребят
Это блеянье: овцам в лад
Раскричались, как будто им
Колокольца сигналом злым
Повелели стать жертвой – *тээк*[838]
Овцам жертвенным человек,
Колокольцы в верёвку вдев,
Надевал – их глухой напев
Вторил блеянью, ржанью… Шум
Будоражил все чувства, ум
Откликался – вот так самум
Растекается наобум.
В Чон Кенколе всех первых жертв
Под замок посадили; лев
Посылал своего гонца
Во владенья свои, отца
И ближайшей родни; Жакып
Здесь владел Жаакташем[839]; глыб
Было больше здесь, чем долин,
Но, однако, зелёный клин
Изобиловал сотней трав,
И Жакып был, конечно, прав,
Что сюда он сгонял гурты,
Где хватало к тому ж воды.
По соседству с Жаакташем край
Во владение взял Бакай:
Край речушек и родников,
Майбулаком[840] назвать готов
Был бы каждый, кто мимо шёл,
Травы были здесь словно шёлк,
Соловьёв неумолчный щёлк
Был сильнее иных *ырчы*.
Дальше шёл надел Жамгырчы,

[838] Тээк – 1. дверной засов, дверная задвижка; 2. поддержка, помощь; 3. кобылка.
[839] Жаак – 1. челюсть; 2. бок, боковая часть; таш – камень, глыба, валун.
[840] Май – масло, булак – родник, источник.

А за ним земля Текечи –
Долы, камни, холмы, ключи, –
Называлась «Жайылмада»;
Дальше шёл «Кен-Тескей», сюда
Хан Шыгай пригонял всегда
Подкормиться свои стада,
И шыгаевский весь народ
Кочевал здесь из года в год.
Перевал Чон-Артуу[841] людьми
Назван был без затей: вельми́
Был заснежен, высок; за ним
Был аил Эр Чубака – нимб
Белоснежных вершин горел
Над любым из вершимых дел.
Алмамбета Карабуура
И Чаткал, где всегда ветра
Между гор пролагают путь,
А зимой не дают вздохнуть,
Пахнут мёдом иные дни –
Столько трав ворошат они.
Дальше – долы Сарыталаа:
Там *ногоев* родня жила,
Заселив очень плотно край,
Что для них стал как божий рай, –
Время бедствий уже прошло,
И теперь разрослось село:
Игры в быт их вошли, пиры,
Лень порой и в разгар игры
Раздевает иных вконец;
Влёт накинув *чапан*, юнец
Мнит красавцем себя, фазан;
Ходят девушки – гибкий стан,
Как лебёдки плывут, белы,
Неприступны, но веселы;
И любой, хоть безус, джигит,
Напуская свирепый вид,
Сам себя же героем мнит:
Так порой жеребёнок мчит
Среди взрослых коней, сопя,
Видя лучшим из них себя.
Правда, есть стригунки: иной
Аргамака затмит собой,
Как *келин* своей красотой
Затмевает девиц порой.
Украшая себя, село
Знает: первым им повезло
Встретить ханов и дать исток
Торжествам, – это с них виток
Всех событий начнётся вдруг;
Скоро-скоро услышит стук
Тысяч быстрых коней их мир:
Через перевал Суусамыр
Гости в дол попадут, где пир
Им готовят уже; *такыр*
Пылью в небо взовьётся вдруг,
Чтоб впустить их в зелёный луг,
Полный трав, где шумит река,
Где цветисты холмы – стога
Наметала небес рука,
Где спускаются облака,
Чтоб напиться росы цветов;
Где живущий любой готов
Встретить, стоя по-вдоль дорог,
Всех, кого посылает бог.
И сейчас весь народ стоял
В ожиданье: ведь из-за скал
Колыхалась, поднявшись, пыль,
Словно в небо поплыл ковыль;
Так же белые флаги ввысь
Улететь от земли рвались:
Белый флаг обещает мир,
Встречи, отдых, беседы, пир.
Но *коконцы*, увидев их,
Испугались, и топот стих:
Сынчыбек с бородой двойной
Первым сделал в движенье сбой,
Придержав своего коня;
В шесть десятков отряд – родня,
Стража, свита и силачи, –
Окружили скорей Сынчы,
Словно солнце своё лучи,
Чтоб понятно всем было – чьи;
Бородой упираясь в грудь
Сынчыбек им сказал: «Отнюдь,
Коль кыргызов обидет кто,
Тот в опалу войдёт за то!”

[841] Чон – большой, великий; артуу – 1. горный перевал; 2. увеличение, умножение; 3. навьючивание.

Весь отряд во главе с Сынчы
Дружно, будто с горы ручьи,
К Шыгай-хану вошли в село,
Все голодные столь зело́,
Что военное ремесло
На погляд никому не шло:
Каждый был изнурён и сер.
И пора было *конок бер*[842]
Выставлять и кормить скорей
Утомлённых в пути людей.
Главы добрых семейств села
Приготовили для стола
Из расчёта на трёх гостей
Нан, и мясо, и столь сластей,
Чтобы пился кумыс и чай,
Чтобы елся горстями *май*.
Велико было так село,
Что спокойно в него вошло
Войско всё, что Сынчы привёл,
Дружно сев за обильный стол.

Ночь прошла, наступил рассвет.
Алп Бакай поднялся́ чуть свет.
Уступили ему едва
Алмамбет и Чубак – два льва,
Да изящный, как *сырнайза*,
С тонкой талией, как оса,
Но сильнее, чем барс, Сыргак;
Лишь коней оседлали – мрак
Заклубился из-за горы,
С Бураны́, – словно бес пары
Испускал вместе с рёвом ввысь;
Пригляделись: а с гор неслись
Лавой всадники; шёлк знамён
Развевался, овеяв склон
Сотней бликов; *карнаев* звук
Возвещал, что явился вдруг
Эламан – их соратник, друг:
Легендарнейший Эр Тюштук!
Семь десятков отборных войск
Вёл с собой он; земля как воск
Разогретый, волной плыла:
Так дорога была мала,
Что тряслась и трещала вся,
Разбухая, как телеса
У обжоры, и небеса
Походили на паруса.
Жагырчы как давнишний друг
Эр Тюштука встречал: вокруг
Прибывающих к ним гостей
Суетилось село: людей
Разделили на три звена,
Но забота была одна:
Накормить, расселить, да так,
Чтоб как дома согрел очаг,
Чтобы щедрость села любой
Каждый в сердце унёс с собой.
Впрочем, там, где народа тьма
И даётся всё задарма,
Там обиды порой весьма
Будоражат покой ума.

На джайлоо Тёо войска
Появились: как для броска
Встали стройно, рядами, дым
Тёмно-красный вставал густым
Грозным облаком; словно лай
Шёл из облака; сам Бакай
Стал браниться; Алма, Чубак
И, конечно же, лев Сыргак
Вышли встретить; Сыргак смекнул:
Кендирбая то Керкёкул,
Свое войско привёл в аул
И огнём из ружей блеснул.
К войску выйдя навстречу, он –
Краснощёк, словно барс силён, –
Улыбнулся, со всех сторон
Дал себя разглядеть, на склон
Поскакал – сосчитать гостей:
Сколь верблюдов, коней, людей, –
К Текечи́ всех позвал, в село;
Каждой юрте там повезло
Взять троих на постой: кормить,
И лелеять, и веселить.
В Эшилме – где песок и пыль,
Да пустынный растёт ковыль, –

[842] Конок бер – *ист.* угостить и одарить «обязательного» гостя.

Вдруг *сурнай* зазвучал, *зурна*[843],
Словно там началась война;
Вновь на крыльях ветров туман
Из-за гор прилетел; *асман,*
Словно близкой грозой грозя,
Темноты напустил в глаза.
Ал Бакай, посмотрев, сказал –
Мол, Агыш Кулетена сам
Вместе с войском идёт своим,
Оттого и туман, и дым.
Их Чубак и Сыргак с Алмой
Вышли встретить: по-над горой
Конный люд растянулся, там
Счёт уже приближался к ста
Крупных войск, – записал Сыргак,
Как записывал всех: впросак
Не любил попадать батыр,
В цепкой памяти тоже дыр
Много есть, коль её как сыр
Выжимает, прессуя, мир.

В Эр Чубака село теперь
Так сказать, открывалась дверь,
Где накрыты уже столы
И призывно кипят котлы.
В это время вдоль гребня гор,
Где как стадо верблюдов взор
Видит эти холмы-горбы,
Снова звуки *зурны,* трубы
Прилетели, и снова пыль
Флагов шёлк, как степной ковыль
Серебром покрывая, ввысь
Чтобы с тучами все слились,
Подняла с ветерком шальным;
С окружением шёл своим
Хан Урбу, всех казахов хан,
Он должно быть поднял весь клан –
Семь десятков и пять ещё
Войск Урбу был записан счёт;
Сам Жакып его принял, но
Говори, что всё равно
Хан в своём ободке златом
С кислой миной сидел, зато
Были сыты его войска,
Даже пьяны чуть-чуть, слегка.
В это время с горы Капка́
Вихрем пыль поднялась, легка;
Алмамбет и Чубак, Сыргак
Вышли встретить, увидев флаг:
Будайыка хан Музбурчак
С бороденкой своей в кулак
«Честь имел посетить наш край», –
Как слегка пошутил Бакай;
Важный хан – в серебре колчан.
Поразил его вид сельчан:
Так казахи всегда важны,
Величавы, погружены
В свои думы, – такая стать!
Наши стали войска считать:
Вроде восемьдесят их пять,
Нет, – четыре… В свою тетрадь
Записал их Сыргак опять,
И отправил всех отдыхать,
Веселиться и пировать.

Голубым иноходцем ночь
Надвигалась, была непрочь
Перевитым своим хвостом
Синевою, как кистью, дом
Каждый выкрасить, мглой закрыть.
Проявила такую ж прыть:
Накылай, Шоорука дочь, –
Зависть стало скрывать невмочь,
В сплетнях выплеснула всю блажь,
В мглу ввергая любую *баш*:
“Кёкётёя намедни *аш*
Выбил слёзы у многих аж:
Каныкей, что у нас звезда,
У Кошоя взяла *бата*,
И Кошой напророчил ей,
Что родится сын Семетей –
Виден свет, мол, в её душе...
Может, сын и рождён уже,
Только спрятан в глуби дворца,
Чтоб не сглазил никто птенца, –
Ведь хитра как лиса она...

[843] Сурнай, зурна – духовой инструмент типа флейты; раньше у киргизов употреблялся в военных походах.

Но Манасу и я – жена.
На высокий пойду хребет,
Здесь прямой ведь дороги нет.
Там, в селе, где пролёг объезд,
Знаю много укромных мест.
Я зарежу кобылу там,
Буду ждать, чтоб и мне *бата*
Сделал старец, придёт когда:
Той дорогой пророк сюда
Будет ехать, пусть счастья мне
Наколдует за всё вдвойне!»
На верблюдов навьючив груз
Ставки ханской своей, и грусть
Спрятав с завистью вместе в плат,
Накылай увезла свой ад,
Что носила всегда с собой,
Отравляя свой день любой.

Как же быть Каныкей теперь?
Постучалась тихонько в дверь:
Там, в Сарае, два льва – Чубак
С Алмамбетом и брат Сыргак
Свой держали совет – как быть,
Где назавтра других селить?
В это время зашла Каныш,
Поняла всё, взглянула лишь,
Но отважилась всё же в речь
Все сомненья свои облечь,
А тем более, что Бакай
Подбодрил: «Не молчи давай!»
Так сказала Каныш: «Увы,
Здесь гостей – как в лугу травы,
Головная боль для главы –
Ведь о каждом печётесь вы;
Но не буду вокруг ходить,
Я хочу вас предупредить:
Пока держите вы совет,
Бабы треплют, что в ранний свет
Накылай улизнула, чтоб
Алп Кошоя, мол, встретить в лоб;
Как бы старец наш не усоп:
Баба вцепится, словно клоп,
Ей ведь надо одно – волшба:
Чтоб исполнил Кошой-*аба*
Все претензии – мол, судьба
К ней, красе неземной, скупа.
Проследить бы кому за ней.
Только мучит меня сильней
Предстоящий поход; ей-ей,
Ведь осталось так мало дней.
Я-то думала – лет, мол, шесть
У меня запасные есть
Перед этим походом, – весть
Так внезапно явилась днесь!
Я готовилась – в Кардыгач
Табуны, что кочуют вскачь,
Отводила… Да в те края
Никого не пускала я, –
Лес растила, от всех тая,
Из ростков молодых семья
Самых ценных росла дерев;
Но теперь, чтоб от старца гнев
Нашей ведьмочки отвести,
Надо нам бы спрямить пути,
Чтоб не только *Аба* пройти, –
Много подвигов впереди!
Лес рубить мой пришла пора:
Пусть съезжаются мастера –
Все, кто плотничать бы готов,
Лес пусть рубят, чтоб строить мост,
Как? – подсмотрят пускай у звёзд:
Не заметил хоть кто-нибудь,
Как по небу проложен Путь –
Пышный, будто бы лисий хвост,
Меж мирами огромный мост?
Мост, который построим мы,
По которому смогут тьмы
Войск идти, чтоб свершать свой суд,
Мост – всех наших побед сосуд,
От забвенья века спасут:
Моим именем нарекут,
Этот мост… Потому прошу:
Косоруких не выношу,
Не зовите их, неумех,
Мастеров нанимайте, тех,
Кто стяжает трудом успех;
Как закончат работу – всех
Наградите: по скакуну
Дайте каждому, – на кону
Все победы, вся исполать,

С чем нам в мире века стоять!»

Молча мудрый Бакай в ответ
Лишь кивнул ей, и Алмамбет,
И заслушавшийся Чубак,
И сметливый герой Сыргак –
Согласились с той речью все,
И когда же во всей красе,
Раскрасневшись, ушла Каныш,
Попрощавшись с ней наспех лишь,
Борончу пригласили в дом,
Суть сказали ему, – потом,
Мол, обсудим детали дел:
“Донесите до всех людей
Весть – *карнаи* пускай трубят,
Всех умелых зовя ребят, –
Свой, чужой ли, но лишь *уста*[844], –
Пусть постройку начнут моста,
Пусть идут с инструментом к нам,
Матерьял я, заказчик, дам –
И железо, и даже лес
Будет падать почти с небес:
Да, – со склонов высоких гор,
С Кардыгача, где до сих пор
Не ступала ничья нога,
Только росы, дожди, снега
Вырастать помогали им, –
Слава нашей родной *келин*.
В Кардыгаче, у склонов тех,
Мастеров собираем всех,
Кем считается лень за грех;
Да сопутствует им успех!
Все работают до тех пор,
Пока солнце хоть из-за гор
Свет даёт, чтоб работать, нам,
И за время, что *эт кайнам*[845], –
По коню мастерам даём,
Очень щедрый у нас наём!”

Карнайчы, *сурнайчы* слова
Алмамбета внесли едва
На широкий народный суд, –
И казахи и прочий люд
Поспешили все к Борончу,
Словно бабочки на свечу.
Всяк себя называл “*уста*”,
Хоть работа и не проста,
Но надеялся каждый: мол,
Жизнь обтешит меня, как кол;
Так же вол, что, увы, комол,
Ждёт, что чудо свершится, зол
На одно: не его пора.
Настоящие мастера
Побежали скорей домой –
Инструмент собирают свой:
Тесаки, топоры, пила.
Кузнецы же как удила
Закусили: кипят дела,
Мастера своего села
Набежали и чужаки:
Всем, как видится, не с руки
Было загодя всё точить,
Исправлять и чинить, да лить.
Горновщик и кузнец, ворча,
В наковальню стучат сплеча, –
Даже плохонький *кёмуркей*[846]
Надо всё же набить скорей:
Плоскогубцы ли, свёрла – всё,
Что положено, припасёт
Настоящий *уста* – гвоздя
Не дождёшься ведь от дождя,
Да простой молоток, и тот,
С неба тоже не упадёт.
Тысяч чуть не под сто юнцов,
Самых дюжих из молодцов,
В лес ввалились рубить кусты,
Растянулись на две версты,
Мелочь вырубили, затем
Что потолще спилили, с тем,
Чтоб, как рамы соединя,
К валуну, что почти с коня,
Прикрепить с четырёх сторон,

[844] Уста – мастер.

[845] Эт – мясо, вареное мясо, туша; кайнам – кипение, варка. *Здесь*: время, необходимое, чтобы сварить тушу.

[846] Көмүркөй – небольшой сундучок, чаще из верблюжьей кожи, для хранения ценных вещей, мелких инструментов.

Волокушей пройдя прогон
Ровно, словно земли всей ось
Размечая, как удалось;
Рамы вместе скрепить, чтоб мост
Шириной в две телеги рос.

И в словах-то рассказ непрост,
А работы до самых звёзд
Всем хватило; мясной парок,
Что летел от котлов, помог
Мост закончить почти что в срок:
Лунным светом помог им бог.
Юных, яловых лошадей
Дали каждому из людей,
Шли домой богачами: пыль
Серебрила степной ковыль:
Это тысячи конских ног
Пыль вздымали, и ветерок
Лошадиное ржанье нёс...
Так построен был крепкий мост.
Путь теперь был короткий прост –
Не тащиться десятки вёрст,
Огибая почти весь край,
Как, увы, пришлось Накылай.

Серым стал небосвод ночной.
Вот и первый уже *торгой*[847]
В небо песню как гвоздик вбил
Изо всех своих певчих сил;
Ханы вышли из всех шатров
Неуклюже – не всяк готов
По-походному есть и спать.
Повара, суетясь, опять
Разожгли очаги: пора
Стол уже накрывать с утра,
Не простой, а богатый стол.
Раньше ханов Манас Айкол
Свой покинул шатёр; Кыргыл
Сорок стражников разбудил,
Всех построил рядами – тыл
Защищён чтобы ими был.
Позолоченная арба
Вся закрытая, как судьба,
Запряжённая четырьмя
Скакунами, черней, чем тьма,
С Тазбайматом на облучке
С длинным гибким кнутом в руке,
Раньше всех поднялась на мост,
Любопытным чтоб не пришлось
Это чудо увидеть впредь
До того, как заре созреть.
Их узреть полагалось лишь
Вдохновительнице Каныш,
И она на мосту уже,
С чистой радостью на душе
Вышла затемно чтоб возок
Ей Кошоя встречать помог.
По объезду на Аккуле
В предрассветной зыбучей мгле
Шёл Манас и вся свита с ним;
Пыль подняв, словно сизый дым
Шли рядами *чоро*; потом
Войско в мареве золотом –
В первых бликах зари; никто
Не догадывался о том,
Что увидят в лучах зари;
Было восемьдесят их три
Тысяч – шли в темноте войска
Как при свете дневном: близка,
Досягаема если цель,
Не заводится канитель.

Ырчыул и Бооз уулу
Торопились пройти сквозь мглу:
Дал Бакай им наказ: Алма
Стол готовил, шатры, корма
У себя на селе для всех, –
Надо было помочь: успех
Пышной встречи таится в том,
Чтоб дела, словно снежный ком,
Обрастали людьми, росли,
Всё вбирая, вплоть до земли.
Не отстал и Манас Айкол
От гонцов, вслед за ними шёл,
Войско двигалось вслед за ним.
Над селом поднимался дым:
То кипели котлы вовсю,
Вкусно пахло, в любом носу

[847] Торгой – жаворонок.

Поселился дразнящий вкус –
Ранних путников всех искус, –
Дух домашнего очага:
Хлеба тёплого, молока,
Ароматнейшего дымка
От горящего кизяка.
Ырчуул, предвкушая чай,
Глянул, там, где селенья край:
Шоорука дочь Накылай
На пути появилась – лай
Деревенских собак поднял
Молодуху: красней чем *лал*
Губки, плавный лица овал,
Гладок лоб, как степной опал,
Голосок же тягуч, как мёд:
“Я с надеждою жду: придёт
Ыраман уулу Ырчы? –
Не сомкнула я глаз в ночи,
Жду: когда же придёт *Аба*, –
От него ведь моя судьба
Вся зависит: узлов не счесть
Завязалось, и жизнь, и честь –
Всё в опасности...”Ырчуул
Шутником был, но лишь взглянул
На неё – *“ычкыры бапик”*[848]
Он с другим созмерять привык, –
Так назвала она узлы;
Были мысли у парня злы,
Но сказал он, сдержав себя:
“Сна лишает тебя судьба
Из-за тайных завязок, – тьмой
Дом умеешь наполнить свой;
Женеке, ты иди домой:
Я не знаю – придёт Кошой
Или нет, но ночной порой
Лучше спать, не бродить одной!”
Бозуул же, что шёл за ним,
Был пожёстче, и сладкий дым
Вмиг развеял (кто юн – жесток):
“Не зажёгся ещё восток,
Ты уж *чюлук бала экен*[849]
Приготовила, чтобы в плен
Захватить мудреца себе;
Не хозяйка в своей судьбе,
Ты тягаешься с Каныкей,
А она ведь тебя сильней.
Зря ты копишь в печёнке зло,
Время, видно, твоё прошло,
Что же делать – не повезло.
Ты измучилась столь зело,
А въезжает сюда, в село
Каныкей – ей тепло, светло, –
На закрытой арбе; в возок
Сесть Создатель ей сам помог,
Проложил ей короткий путь:
Перебросил ей мост сквозь муть,
Что кружила два дня тебя;
Бог её пожалел, любя,
И четвёрка спешит коней,
Чтоб везти нашу Каныкей
В золочёной резной арбе
Встречь Кошою-*аба*: в судьбе
Нет узлов у неё чужих», –
Заключил Бозуул: под дых
Дал красотке он словом так,
Что она, покраснев как мак,
Словно вспыхнул внутри пожар,
Потеряла и речи дар,
Так влетела в свой дом, что стук
Покосил все её *уук*[850],
И со звяканьем *кереге*[851]
Повалилась, и налегке
Ей пришлось кочевать назад,
Вновь седлом набивая зад.

В это время *Аба* Кошой
На любимой своей гнедой,
С ловчей птицей на рукаве
Шёл, на росной седой траве
Оставляя зелёный след.
Только-только вставал рассвет.
За гнедой, торопясь, *тайган*

[848] Ычкыры бапик – шнурок, на котором держатся мужские штаны.
[849] Чүлүк бала экен – деревянное кольцо, продевавшееся в носовую перегородку быка; тут имеется в виду, как насильно можно увести за собой человека.
[850] Уук – жердь купола юрты.
[851] Кереге – деревянная решётка цилиндрической части юрты.

Мчал, ныряя в густой туман,
Двое стражников с двух сторон
Охраняли Кошоя; он
Плетью мощной своей играл.
Все, кто старца с рассвета ждал,
Суетились во весь запал,
И едва только из-за скал
Виден стал он во всей красе,
Вмиг достали запасы все,
И на травы – ещё в росе, –
Дастархан расстелив, в *кесе*
Белопенный кумыс налив,
Мяса в миски понавалив,
Старца встретили как царя;
Тут над миром взошла заря.
Что ж, старанья пришлись не зря:
Рад-радёхонек был, даря
Всем улыбку свою Кошой,
Как ребёнок, хотя большой,
Ел, нахваливая, – *арак*
Даже выпил под *бешбармак*,
А когда разглядел настил
Он моста, то что было сил
Всех встречающих похвалил;
И совсем в онеменье был,
Когда четверо вороных
С колокольцами – это их
Понавесила Канык ей, –
Появились с арбой своей
Позолоченной и резной;
Был сражён наповал Кошой!
Недомолвок рассеяв тьму,
Поклонилась Каныш ему,
Поприветствовав по уму, –
У Манаса, мол, Вы в дому
Самый жданный, желанный гость;
В такт словам её в небе гроздь
Первых ярких лучей зажглась,
И беседа тут понеслась.
Слово взял *олуя* Бакай:
«Рудниками твой славен край,
Пусть обильными даст им бог
Пережить не единый срок,
Пусть железо родят как сталь;
Ханша наша в такую даль
Не случайно пришла встречать,
А решила в свой дом забрать
Предсказателя-*олуя*,
Обещавшего, что семья
Льва на львёнка прибудет вдруг;
Ханша счастлива, супруг:
Мол, свершает, наверно, бог
Всё, о чём прорицал пророк».
Засмеялся Кошой «Ну, что ж,
Предсказание, да, – не ложь,
Предсказанье – яйцо, а снесть
Должен тот, кто повыше есть:
Я могу лишь озвучить весть,
Что нам завтра должно принесть:
Предугадывает пророк
То, что сделать задумал бог».
Канык ей, поклоняясь, пришла,
Улыбнулась и позвала
Мудрых старцев двоих в арбу:
И Бакай, и Кошой судьбу
Оба видели всю насквозь,
Больше, впрочем, конечно, – гость.
В золотом и резном возке
Старцы ехали налегке,
Рассуждая о том, о сём;
Канык ей их везла на склон,
Где вчера, как в невнятный сон,
Был оставлен без леса он.

Сивогривый со свитой встречь
К ним спешил; и о склоне речь
Сам завёл *кабылан*: мол, склон
Много в жизни имел имён:
Кардыгач[852], Карасуу[853]… Река
Здесь не так-то уж глубока,
Но объедешь её пока,
То с лихвою намнёшь бока.
Как-то молвил Бакай, что здесь,
Видно, скрыта былая весть:
Мол, рабыня, без чести тварь,
В воды скинула плод, что царь –

[852] Кардыгач – стриж (в эпосе это имя родной старшей сестры Манаса).
[853] Карасуу – чёрная (глубокая, бездонная) вода.

Сам, небесный, – ей дал как дар:
Без кипенья не пыхнет пар;
Яма зла, мол, с тех давних пор
Мелководьем отводит взор;
Прыгнешь в реку на Аккуле
И застрянешь в минувшем зле.
Подъезжая к реке, над ней
Все примолкли, среди камней
Пробираясь, идя тесней;
По́лы бились о круп коней,
Вот и берег… Восторга крик
Глотки выдали: так велик,
И широк, и прекрасен мост
Перед ними сиял! То мозг,
Может, выдал за явь мираж?
Или солнце нагрело *баш*,
И в глаза накатила блажь?
Может, край-то уже не наш?
В изумленье стоял Манас,
Не спуская с настила глаз:
«Две телеги рядком пройдут!
Что – телеги!? Спокойно тут
Даже войско пройдёт без смут!
На взыскательный самый суд
Без изъянов весь мост на вид!
Кто за этим за всем стоит?!»
Но, подумав, он понял – кто.
«О, моя Каныкей! – за что
Столько ты мне несёшь добра?
А за что? За мой тяжкий нрав?!
Повиниться во всем пора
Мне, шесть лет у тебя забрав.
Нет, скорее – забрав у нас!» –
Так печалился лев Манас,
Вспомнив, как с торопливых глаз
Вдруг поверил в навет, в рассказ
Лживой твари, другой жены.
«Эх! Мы были с тобой нужны
Так друг другу все годы те!
Лишь с тобою на высоте
Ощущаю себя всегда,
Эх, вернуть бы нам те года!
Благодарен тебе, веди
Нас и дальше всех дел среди».

Встретив всех, в нетерпенье он
Напрямик уже через склон
В ставку снова свернул: в груди
Радость теплилась – впереди
Ждёт, прекрасная как луна,
Всех уже обогнав, жена,
Что сегодня опять смогла
Благородство вдохнуть в дела.
Приближаясь к Сараю, он
Ханов всех, что окрест, племён
Видит: сбились к его дворцу
Словно дети пришли к отцу,
Весь войсками заполнен дол,
Все безмолвны: что скажет, мол,
Нас собравший герой, наш хан,
Наш всевидящий *кабылан*?

Ближе к вечеру Каныкей
Вновь с задумкой большой своей
Обратилась к батырам – тем,
Четырём, что вершили всем
В этом сборе племён, родов,
Зная: каждый из них готов
Поддержать свою ханшу – ей
Доверяли всего сильней.
И сказала им: «*Аяштар*[854]!
Щедрость – самый великий дар!
Я поведаю вот о чём –
О не поровну нажитом:
Есть такой «сорок первый» дом,
Кабылана казна на нём
Задержалась немного – здесь,
Как и в тех сорока, не счесть
Злата-се́ребра – всё там есть.
Жаль, – богатство съедает честь!
Нет, и щедр, и велик душой
Наш Манас, но запас большой
Портит нрав богачу, коль так
В это время ослаб бедняк
И последний его лошак
Еле-еле проворит шаг:
Кожа, кости, и в рёбрах нет
Жира – еле живой скелет.
Богатырь наш собрался в путь

[854] Аяш – друг мужа или жена мужа; аяштар – *множ. число* от «аяш».

Но ему недосуг взглянуть –
Как снаряжен простой народ,
С чем, на чём он идёт в поход,
Есть такие, что никогда
Не слыхали, что есть узда,
Как на лошадь её надеть, –
Просто пешим идти на смерть
Хан ему приказал, увы.
Одинаковой нет травы,
Так и люди: силён ли, слаб,
Страж, силач или просто раб,
Безлошадный или верхом,
Тот – в лачуге, а этот – дом
Смог поставить, нажить запас.
Знаю я – лошадей у нас,
Только яловых, тысяч сто,
Может, меньше чуть-чуть, зато
Коль пожертвуем для людей
Частью скопленных лошадей,
Наш наследник, наш Семетей
Станет духом стократ сильней:
Молодого коня ему
Вы отыщете по уму,
Но людскую любовь тому,
Кто наследует злата тьму
Не найдёте уже навек, –
Создан завистью человек:
Хочет богом он быть, увы.
Мысль мою уловили, львы?
Надо выяснить – кто и как
К нам явился: богач, бедняк,
В чём нужда у кого – Сыргак
Сможет всё рассчитать, да так,
Чтобы каждый *кара калпак*[855]
Кыргагым[856] стал бы нам, чтоб враг
Знал: мы – братья, один *арбак*[857]
В нашей общей крови, и благ
Друг от друга не прячем мы
Под защитой двойной кошмы.
Если жизнь Семетею бог
Даст на долгий хороший срок,
Будем думать: он нам помог
За исполненный наш урок».

Молодец-ягуар Сыргак,
Проявив уваженье, такт
К речи мудрой своей *жене*,
Уважать стал её вдвойне
И, задумавшись в тишине,
Хоть и коротко, но вполне
Всю идею оформил так
На бумаге, как лишь Сыргак
Мог писать, обнажая суть,
Прямо в сердце вонзая, в грудь
Всем вбивая любой приказ.
Так случилось и в этот раз.
Борончу он вручил листок,
Ну, а тот уже дальше смог
И на запад, и на восток
Разнести объявленье в срок:
Карнайчы, *сурнайчы* сперва
Протрубили про весть; молва
Разнесла эту новость так,
Что услышал любой бедняк.
Борончу, как велел Сыргак,
Разъяснил – чтоб никто впросак
Не попал, прихватив не то:
«Не всё золото, что желто;
Мяч не с улицы катят в дом;
Воду носят не решетом;
А журавль не там стоит,
Где вода без него бежит», –
Поговорками окружив,
Объяснил основной мотив:
«Не хватайте вы груз такой,
Чтоб потом потерять покой:
Меньше весит пускай добро,
Не берите, мол, серебро –
Лучше золото, но и здесь
Посмотрите – велик ли вес,
Хватит чаши одной, ведь две –
Тяжесть вашей же голове,
А не только спине коня;
Попадёте средь бела дня

[855] Кара калпак – национальный войлочный убор; синоним простого «черного» кыргыза.
[856] Кара калпак кыргагым – *перен*. кыргагым – опора, верный соратник (так эпический богатырь именует отдельных своих витязей).
[857] Арбак – дух святых предков; слава; блаженство.

С лишней тяжестью вы в беду;
Надо быть-то вам на ходу!
Если нет скакуна – бери,
Как за сыном, за ним смотри,
Коль потёрта спина – тогда,
Знай, что рядом уже беда:
Ты не путай войну с игрой, –
Если конь у тебя хромой
Иль с потёртой уже спиной –
То другого бери, не стой!
Тот, кто выбрал коня с утра,
Не уходит пусть со двора,
Подберёт снаряженье встык –
Пусть как *кардыгача кыпчык*[858]
Упряжь вся подойдёт коню.
И себе подбери броню.
В доме том, где хранят добро,
Буду я, будут и *чоро*,
Алмамбет возле входа и –
Сам Чубак во дворе, внутри,
Так что думайте, что и как».
Всё, о чём известил Сыргак,
Борончу подытожил тем,
Что запомнить, мол, кто за чем –
Кто за златом, за серебром,
За конём ли, другим добром, –
Собирается к ним идти,
Пусть подумают по пути.
Счёт, что он записал со слов,
Любопытен, хотя не нов
Для людей, кто считал: добро –
То не злато, не серебро.
Сорок тысяч их было всех,
Каждый верил с трудом в успех,
Излагая желанье, – грех
Что-то жаждать, мол, для утех.
Тридцать тысяч о лошадях
Говорили, и тайный страх
Колыхался, как тень, в глазах:
Вдруг за дерзость сочтётся – ах!
Утром в явь превратился сон.
Весь собрался народ, и он
Казначея узрел, как тот
Веретёнцем сновал, и вход –
Доступ к ханской большой казне
Словно в дивном прекрасном сне
В шубе внáкид сама Каныш
Распахнула; открыла лишь –
Потянулись по одному:
Каждый брал всего по уму:
Чашку золота, что красно,
Чашку – жёлтого… Вскоре дно
В сундуке показалось, но
Вновь крутилось «веретено»,
Дом соседний открыв: казна,
Оказалось, не знала дна –
Не в одном ведь была дому,
В сорока! – и по одному
Побывали в семи домах
Бедняки, хоть плескался страх
В их глазах – может, это сон,
По ошибке нам снится он?
День к закату пошёл, и вот
К сундукам подходить народ
Перестал, и когда людей
Не осталось, то Каныкей
Заглянула в казну: глядит
Шесть домов все пусты на вид,
А в седьмом же в углу лежит
Стопкой золото… «Башковит,
Да и сердцем не зол народ, –
Каныкей подивилась, – вот
Семь домов лишь из сорока
Опустели, и то рука
Чья-то дрогнула и на *тёр*
Положила *алтын*… Не вор,
Не мздоимец у нас народ –
Сроду лишнего не возьмёт.
Раз до дна не дошли, то люд
Будет в будущем очень крут,
И к врагу, я надеюсь, лют.
Эти качества род спасут».
Каныкей, уходя, *укрюк*[859]
Прихватила: а как же вдруг

[858] Кыпчык – 1. полосы из материи, которые кладутся вокруг отверстия колыбели или по краям; 2. маленькая лепёшечка, которая вкладывается в пустое пространство, образуемое тремя лепёшками, когда их пекут в котле.

[859] Укрюк – жердь с арканом, петлей на конце для поимки пасущихся лошадей.

Без него? – как почти без рук:
Табуны все вольны вокруг,
Тридцать тысяч ведь лошадей
Надо выловить для людей, –
Эту цифру сказал Сыргак,
Он считать был большой мастак;
В общем, – всё разрешилось так
Как хотелось: раздача благ
Протекла без обид и драк, –
Был доволен любой бедняк.

*Ал*п Бакай и Айкол с утра,
Порешив, что уже пора
О походе совет держать,
Всех четырнадцать ханов вспять
Повернули в Сарай опять,
Рассадили, и сразу в речь
Поспешил *ал*п Бакай облечь
Все задумки и планы все:
Даже гроздь на одной лозе
Равномерно должна поспеть,
План с прорехами – это смерть.
Речь свою начал так *Аба*:
«Нас связала в одно судьба;
Знают все меня, я – Бакай,
Я за жизнь изучил наш край,
И прошу проявить *абай*[860]:
Ведь без хана, считай, Сарай,
Остаётся пока; народ
Неизвестно за кем пойдёт.
Пусть *илек*[861] наше войско, но –
Сивогривый с ним заодно
Отбывает в Бейджин, а здесь
Кто главенствовать будет? Есть
Предложенья у вас иль нет?
Не спешите мне дать ответ,
А подумайте; но никто
Пусть не сплетничает, зато
За спиной у других; пусть вслух
Коль силён у вас ум и дух
Все сомненья озвучит нам;
Может, кто-то захочет сам
На себя это бремя взять?»
Тут Манас предложил: «Наш зять!
Старше, младше – пытать судьбу
Недосуг нам, и пусть Урбу
Будет ханом провозглашён:
Разве чем неугоден он?»
Всей гурьбой закричали: «Да!
Хан Урбу! Пусть его звезда
Путеводною будет здесь!»
Хан Урбу растерялся: весть
Вдруг застала его врасплох,
Для правления он не плох
Был – как сам он считал, – но груз
Налагал ведь немало уз;
Хан Урбу начал мямлить: «Ум
У меня не рождён для дум,
Близкий родственник мой, и тот,
Стал врагом мне, и весь народ
Недоволен им – груб, как скот,
Он и здесь меня подведёт:
Недолюбливают меня, –
Мол, не смог приручить коня,
А берётся скакать, – увы,
Не заткнёшь ведь роток молвы!
Видит даль тот, кто выше всех.
Я же глуп: чтоб снискать успех,
Беспричинно хвалил я тех,
Кто наделал в делах прорех.
И потом: этот край мне чужд,
Я не знаю народных нужд;
Уважаемый мудрый муж,
Изучивший свой край к тому ж
Должен ханом здесь стать. *Аба!*
Вынуждает сама судьба
Взять в надзор вам знакомый край –
И да здравствует хан Бакай!
Вы мудрец, Вам внимают все,
Вас и надо во всей красе
Нам поднять на кошме разок
На короткий, быть может, срок, –
Если всё же возьмём Бейджин,
Трон займём хоть на день один, –

[860] Абай – осторожность, осмотрительность.
[861] Илек – несметное количество (*букв*. сто тысяч, но в таком значении кыргызы этого слова не знают).

Кровь народа Бейджина Вы
Жертвой примете для молвы».
Зашумела опять гурьба:
«Знает лучше других себя
Наш Урбу – свой решпект и нрав, –
И во многом, конечно, прав.
Мы согласны, Урбу, пускай
Знамя края несёт Бакай,
Не порвёт иноходец пут[862],
Пока мы не закончим путь!»
Так вот ханом и стал Бакай,
Под крыло своё взял весь край.

Сборы шли чередом, полно
Было всяких хлопот: зерно
На верблюдов грузили, но
Не в мешках, в курджунах – оно
Сохраниться в пути должно;
Девять тысяч горбов одно
Заняло лишь оно; затем
Приступили к тулупам, – тем
Девять тысяч верблюдов вновь
Надо было занять; «Готовь
Всё с запасом – твердит народ, –
Если хочешь, чтоб твой поход
Завершился победой»; что ж
Глас народа не терпит ложь.
Всё с запасом – оружье, снедь
И патроны, где дремлет смерть, –
В курджунах да узлах-тюках
На верблюдах; спасибо – нрав
У животных таков, что дни
Терпеливо стоят они.
В направленье Бейджина груз
Был отправлен когда, то уз
Половину стряхнул с себя
Наконец-то Бакай-*аба.*
В свою крепость заехал он –
Укрепить с четырёх сторон:
Чтоб чужой в родовом гнезде
Появиться не мог: везде
Караулы поставил он;
Лев придумал со всех сторон
От зверей, от плохих людей
По периметру тополей
Насадить, пропустить аркан
Раз по десять – чтоб и баран
Не проник через тот заслон;
Самолично приказ тот он
Стражам тут же отправил; те,
Чтоб заслон возвести беде,
Шесть десятков арканов в ряд
Понавяжут вокруг оград!

Забежали мы чуть вперед.
Провожает пока народ
Всех героев своих в поход,
Все войска, всех родов оплот.
Замбирек Сандолун – кузнец
Рукавицей лупил, творец,
Любопытных, – чтоб, наконец,
Не мешали; а сам свинец
Расплавлял он и пули лил,
Чтоб им в лёте добавить сил,
Ствол ружья нарезным ковал,
Шёл на шомпол другой металл –
Бронза, – как её отливал,
Только сын, помогая, знал:
Словно в ухо врагу свинец
Раскалённый вливал отец
В форму полую; наконец
Подгонял он под образец
Шомпол, ржавчину шкуркой сняв.
Для мальчишеских же орав
Было главным не что за сплав
Сотворил он, – терпели нрав
Кузнеца из-за всех потрав,
Что устраивал он холмам,
Проверяя оружье там:
Долго-долго возился он,
Пока выдаст огонь и гром,
Да такой, что ближайший дом
В пляс пускался; гора притом
Колыхалась, и старики
Трепетали, а петухи
Начинали горланить вдруг,

[862] Обычно знамя держал всадник, передние ноги коня которого были спутаны, чтобы знаменосец не мог без приказа покинуть свой пост.

Дети плакали… В этот круг
Ликованье мальчишек лишь
Не включалось, как радость в тишь.
Все войска покидали край.
Шоорука дочь Накылай
Вновь решила своё «прощай»
Так подать, чтоб Кошой-*бабай*
Напророчил ей горы благ,
И возможность заткнуть в *абак*
Ненавистную Канықей:
Море злобы скопилось в ней
За последние пару дней,
И мерещился всюду ей
Смех – она, мол, тебя сильней!
«Старцам дарят всегда коней.
Дар мой будет ещё ценней:
Акборчука на поводке
Поведу, и не налегке,
А укрытого в *дейилду*[863],
Лучше в белую; на ходу
Поклонюсь, протяну халат
И расшитый шелкóвый плат,
А в него заверну еду;
И такой я момент найду,
Чтобы выскочка Канықей
Провожала других гостей.
Угощение дам, когда –
Сам предложит Кошой *бата*!»
Чисто вымытый Акборчук
Был в тигровый одет *уртук*[864],
Дейилде дорогой накрыт, –
Принял сказочный, в общем, вид.
Из конюшни его ведя,
Вышла гордо; чуть погодя
Повстречалась ей Канықей;
Подбоченясь, красотка к ней
Разбежалась наперерез:
«А-а, волнует тебя отъезд
Всех, кто мог защитить тебя!
Удивительна как судьба:
Я постарше, а ум мой – млад;
Ты моложе, но ум – что клад;
Отчего же таков расклад?
Все, кто в силе, – твой кум и брат;
Ты с удачей связалась, вот.
Уважает тебя народ?
Нет! – народ уважает власть:
Без поддержки легко пропасть.
Потому ты сильней меня.
И сегодня, судьбу кляня,
Я готова отдать коня,
Чтоб могла ты хоть на полдня
Или на день отдать *Аба*
Мне, к которой скупа судьба;
У меня бы *Аба* хоть ночь
Пусть ночует – ведь ты непрочь? –
Пусть со мною он посидит
И грехи мои все простит...”
Так растрогалась Канықей,
Что бедняжечка с просьбой к ней
Обратилась не налегке;
Отвечает ей: “*Эжеке*[865]!
Лжи не вижу в твоих словах,
И хотела б помочь, но – ах:
Вдруг к тебе не захочет сам
С ночевою пойти *Абам?*
Да и на день... Ведь занят он.
Под уздцы не возьмёшь – не конь;
Сам он в воду пойдёт, в огонь;
Но свободу его – не тронь.
Я могу лишь сказать ему,
Что ты ищешь покой уму,
И зовёшь его потому:
Просишь помощи, ждёшь в дому.
Не захочет пойти он – что ж,
Я за правду не выдам ложь,
Так скажу, как на деле есть.
Жди, какую я выдам весть”.
Канықей, всё сказав без зла,
В дом вернулась, откуда шла.

Там Кошой, *зор*[866] Бакай вдвоём

[863] Дейилда – название дорогой материи.
[864] Уртук – дорогая попона, украшенная золотом и серебром (в данном тексте сделанная к тому же из шкуры тигра).
[865] Эжеке – сестрица.
[866] Зор – старший.

Говорили о том, о сём.
Два ровесника, два волхва,
Два провидца – от них молва
Вряд ли скрыть хоть какую весть
Умудрялась: что в мире есть
Знаньем к ним приходило вмиг.
И сейчас ведь Кошой-старик
Так Бакаю сказал: "Собрат,
Знаешь, – пару минут назад
Мне пригрезились две *аял*[867],
У одной в поводу стоял
Разнаряженный конь, – они
Повстречались, хоть искони
Избегали друг с другом встреч;
А сейчас деловую речь
Очень долго вели; скажи:
Что за женщины то, *ажы*[868]!"
"Это спорили две *олжо*,
Ты их знаешь, и хорошо, –
Так ответил Бакай, – они
Две невестки твои; грызни
Между ними хватает, да.
Кёкётёя почтив когда,
Ты одной из них дал *бата* –
То была Канықей-звезда;
А вторая же – Накылай –
С той поры словно пьёт *насвай*:
Пожелтела от злости вся,
Свою зависть в себе неся.
Впрочем, долго не может несть
Яд гадюка, когда он есть.
Исхитрилась – гнилую весть
О Каныш распустила здесь
И соперницу лет на шесть
Отлучила от мужа – месть
За *бата*, что ты дал, сильна:
Стала бедной *салбар*[869] жена,
Хоть была до тех пор она
Так любима! Её вина,
Впрочем, в этом и есть; ещё –
Слишком нежный румянец щёк,
Слишком смелый и гибкий ум,
Слишком много и дел, и дум.
Все шесть лет наш Манас ходил
Как надувшийся крокодил;
Слава богу, что Алмамбет,
От Кёкчё убежал, и свет
На те козни пролил: навет
Рассекретил. С тех пор без бед
Снова стала Каныш цвести
И *бата* еще по пути
О тебя получила. Что ж,
Никогда ещё правду ложь
Не смогла победить в борьбе!
Накылай же вела тебе
Разнаряженного коня,
Чтоб, вниманье переманя,
Получить от тебя *бата*:
Мол, исполнишь его когда,
Станет первой она во всём.
Чтоб тебя заманить в свой дом,
Она ездила в Оролмо,
На дороге там, как бельмо,
Всё моталась, тебя ждала.
Сколь хлопот от любого зла!
Догадалась ведь Канықей,
Говорил я – она умней:
В Кардыгач погнала ребят
И за сутки там, говорят,
Мост поставила и тропу,
Куда ты устремлял стопу,
Отвела она в Наапу,
Вновь к себе повернув судьбу.
Чую: эта невестка здесь
Появиться должна и весть
Принести о красотке той,
Что на свет рождена тупой;
За неё попросить она
Почему-то теперь должна!»

А тем временем Канықей
Проскользнула в проём дверей,
Поклонилась волхвам, сказав:
«Я прощенья прошу у глав, –

[867] Аял – 1. женщина; 2. жена, супруга.
[868] Ажы – хадж и совершивший хадж (паломничество в Мекку).
[869] Салбар – жена, не пользующаяся вниманием своего мужа, или девушка, которой пренебрегают женихи.

Весть вернула меня стремглав,
Байбиче нашей сложен нрав.
Накылай, Шоорука дочь,
Приглашает, *Абам*, на ночь
Вас к себе, не уходит прочь,
Попросила меня помочь;
В дар коня привела, тулуп.
На меня она точит зуб,
Но пришла попросить я Вас:
Станьте гостем ей хоть на час!»
Хан Кошой засмеялся: «Что ж,
Тот, кто к богу молитвой вхож,
Он не копит обид и зла.
Чтобы память была светла
Перед дальней дорогой, – чай
Все попьём мы у Накылай:
Кабылан, наши гости, я.
Все мы нынче – одна семья!»
Как провидец Кошой сказал,
Так и сделали; весь запал
У ревнивой жены пропал,
Пыл весь вышел: попробуй стол
Так накрыть, чтобы сам Айкол –
Муж, придирчивый господин,
И четырнадцать ханов с ним,
Собирающихся в Бейджин,
Избалованных, как один, –
Были сыты все и пьяны…
Всех оставим их у жены,
Той, что старшей нарёк Манас.
О походе продолжим сказ.

ПОХОД МАНАСА В БЕЙДЖИН
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ АЛМАМБЕТА ХАНОМ

Э… э… э… эй!
Завтра ханы выходят в путь.
У Каныш голова на грудь
Так и клонится вся от дум,
Только ясен, как прежде ум:
«Слёзы буду незримо лить.
Надо с честью их проводить,
Чтобы лёгким им был поход», –
Приготовилась наперёд,
Стала ждать; Накылай в дому
Плохо ль встретила, по уму,
Всё равно Канықей должна
Встретить: младшая ведь жена.
По дороге в Бейджин уже
Ханы двигались; на душе
Было смутно: отвага, грусть,
Нерешённых вопросов груз
И разрыв самых нежных уз, –
Вздох у многих срывался с уст.
До села Канықей дошли.
Алмамбет не смолчал: «Смогли
Накылай мы уважить; что ж –
Неужели же не найдёшь,
Кабылан мой, минуток пять,
Чтоб любимой «прощай» сказать?
А обидится как она! –
Всё же младшая ведь жена,
Глянь в лицо ей, – чать, не луна,
Что на небе везде видна;
Путь непрост и уводит в тень
Новый наш неизвестный день».
И ответил ему Манас:
«Аргамаков ведь тьма у нас,
С Аккулой не сравить, но всё ж
Каждый тоже собой хорош;
И батыров ведь тьма у нас,
Молодцов – все как на показ,
Но таких, как ты, Алмамбет,
Я, конечно, скажу, что нет;
Удивили меня слова –
Мол, в лицо бы взглянуть… Едва
Кто додумался бы: луна –
Светит всем, хоть она одна,
А любимейшая жена
Одному навсегда дана;
Надо глянуть в лицо, и вот
Лишь тогда начинать поход».
Разговор подхватил Кошой,

Заглушив смешок бородой:
«Лев единственную свою
Должен видеть, не то в бою
На луну заглядится он;
Лучше сдасться жене в полон!»
Все четырнадцать ханов в ряд,
С ними сорок *чоро* – ребят,
Да таких, что любой из них
Стоит где-то, считай, троих;
Шумно, весело все зашли,
Клубы мягкой подняв пыли.
Алмамбет был так рад сказать:
«Вот и свиделись мы опять!
Попрощаться пришли, *джене*!
Срок не знаем ведь мы войне,
Вы скажите – помочь Вам в чём?
Сиротой оставляем дом».
Тут с готовностью доброй всей,
Ханов спешив, *чоро* коней
Привязали всех поскорей;
Пригласила в дом Канықей,
Рассадила мужчин за стол –
Чай попейте с дороги, мол.
Стол ломился от явств на вид:
Нан и мёд, и *казы кертип*[870],
Жир брюшной и подгривный жир,
Май, *боорсоки*, свежайший сыр,
Печень с рисом в большой кишке,
Почки сварены в молоке,
И для каждого гостя – хвост.
В общем, перечень весь непрост:
И ягнёнок там, и фазан,
Даже лебедь – весь *дасторхан*
Был прекраснее, чем *дастан:*
Шестьдесят очень вкусных блюд
Только съели – ещё несут
Смену им… Наконец-то, чай!
Не сумела так Накылай:
Ни сноровки у ней, ни сил.
Впрочем, тот угодил, кто мил.

Чай допили уже когда
И свершили затем *бата*,
Дастархан лишь убрали, в дом,
В глубину, позвала вдвоём,
Чтоб помочь в чём-то важном ей,
Крайних мóлодцев Канықей.
Ырчуул с Бозуулом с ней
Без вопросов пошли скорей;
Им носилки она дала:
Вся станина была бела,
Как из олова сетка в них;
Окантовка же – медь; других
Нет металлов и нет цветов,
Желтый, белый; ремни зато,
Чтоб удерживать, видно, груз, –
Так черны и прочны, как ус,
Что у чудищ добыв морских,
Чаще парными, в мастерских
Вправив в злато, для щеголих
Издалёка привозят их.
Вдоль носилки на шесть аршин
Были; двое *чоро*-мужчин
Их подняли, и Канықей
Повела до резных дверей
Светлой юрты двоих гостей;
Ырчуул с Бозуулом шли
И носилки вдвоём несли,
Но у юрты раскрыли рот:
Юрт таких не видал народ.
Юрта свадебною была:
Непорочна и так бела –
Как игрушка, – и на запор
Закрывалась хитрó, чтоб вор
Не проник в неё невзначай;
Канықей этот светлый рай
Отперла и вовнутрь зашла;
Крышку ларчика подняла
Незаметным движеньем рук;
Запах чудный поплыл вокруг,
Растекаясь по дому весь
Как благая святая весть.
В ноздри запах ударил всем.
Как незримый надел ярем
Каждый гость – шею выгнув вверх,
Носом запах ловил, – успех
Пахнет так; у ночных утех
Самых сладких, о коих грех

[870] Перечисление национальных блюд: хлеб, домашняя конская колбаса и т. д.

Даже вслух говорить, – такой
Запах пряный и золотой,
Хоть закусывай удила.
Из ларца Каныкей взяла
Больше дюжины кошелей, –
Да, четырнадцать; и гостей
Пробудила от сладких грёз,
Твёрдо речь поведя, всерьёз:
«В тех местах, где ваш путь пролёг,
Чистых издревле нет дорог,
Там народу и жизнь не впрок:
Беден, грязен народ, – упрёк
Не народу, не богу, нет,
Лишь властитель несёт ответ.
У земли той как будто врат
Не четыре, а шестьдесят;
А правитель там, говорят,
Конурбай – лев мой будет рад
До злодея добраться; но
В переправе важнее дно,
Не искус берегов, не цель.
Только выедете отсель,
Надевайте повязки – их
Сорок дней не снимайте – в них
Хоть залетных, а хоть своих
Мелких служек недугов злых –
Блох ли, вшей иль иную грязь, –
Вы избегнете, не боясь
На земле ночевать, в пыли;
То с Букарской святой земли
Ткань – *кыргак;* берегла для вас,
Чуя – скоро настанет час
И войска поведёт Манас
В край, где нужен такой запас.
Но не всё это: *чапаны*
Берегла я здесь для войны:
Суп чапан[871] – Анжияна мощь,
Наманганских волшебных рощ
Неизбывная чистота,
И удобство, и красота;
Специально они для вас
Приготовлены на заказ:
Как испачкаетесь, тогда
В них оденетесь – без труда
Отчищается с них всегда,
Отлетая, любая грязь», –
Заключила она, смеясь.
Гости были поражены,
Всё разглядывали они:
Взяв один кошелёк, в него
Заглянули, а там – ого! –
Столько всяких секретов – кисть
И завязка, а присмотрись –
Есть отверстие, в каждом, там
Соль и травы напополам.

Каныкей продолжала речь:
«Я прошу вас, *чоро*, беречь
Сивогривого – сорок львов!
Знаю, каждый из вас готов
За Манаса и жизнь отдать,
Будьте рядом всегда, как мать
От дитя не отходит, вы
Будьте рядом, ребята-львы!
Кёкётёя напомню *аш*:
Я походный ведь лагерь ваш
В первый раз увидала; всех
Я узнала через успех
Ваш на сложных поминках тех;
С этих пор не коснулся грех
Бранных слов в моей речи – вас
Я хвалила не без прикрас,
Памятуя: через слова
Формируются все права
Яви в зыбком небытии;
Оттого-то слова мои
Были только хвалебны, – мол,
«Хан хорош, и визирь, и стол;
И жена хороша, и муж,
И родня хороша к тому ж», –
Так народ говорил наш встарь,
В сердце, словно в заветный ларь,
Уложила я те слова;
Оказалось – всегда права.
Вот ещё одна мудрость: вам,
А, верней, боевым коням
Тело всё – до копыт почти, –
Серебром бы на всём пути

[871] Супчапан – дорогой чапан из ценной материи.

Защищать; например, *туймо*[872]
В серебре бы отлить, – само
Станет тоже оружьем – блеск
Ослепляет на солнце, всплеск,
Вспышка света подарит миг:
Враг, ослепший на миг, поник,
И победу добудет блик:
Всё в бою ведь решает миг;
Да и пуля от серебра
Рикошетом уйдёт; дыра
От меча не грозит груди:
Серебро на его пути.
Наблюдая за вами, – бой
Привлекал ведь не сам собой, –
Я училась одежду шить
Вам, чтоб дольше вам в мире жить,
Чтоб копьё не могло проткнуть
Вас и, кстати, не только в грудь;
Вот скажу я про *кандагай*[873]:
Легче выстроить бы Сарай,
Чем штаны из козла пошить;
Дев заставила я состричь
Все кудряшки со шкуры; им
Несподручно двоим-троим
Было шкуру о землю бить
И песком-наждаком скоблить:
Занимались почти селом,
Скопом справились все с козлом;
Я придумала тайный шов.
Может, в мире тот шов не нов,
Тем не менее, в прошлый раз
Удивила, я помню, вас.
Все идеи из ремесла
Появляются; я смогла
Первой выдумать *тёрт тала*[874]:
Белый войлок в раскрой взяла
Я четыре куска, – мол, Юг,
Север, Запад, Восток; *уук*
Тоже вспомнила: крепкий кант
Вшила между кусков – гарант,
Что не рухнет *калпак*; внутри
Шёлк пошел на подклад – лари
Для одежд обшивают – блажь;
Неужели дешевле *баш*?
Также каждый я *тёрт тала*
Вышивальщицам отдала
Обереги чтоб вышить – их
В свитках выискала святых;
В мел добавила сталь, сварив
Эту краску, такой мотив
Нанесла на края: ведь ночь
Всю усталость уносит прочь;
И скажу ещё, не тая:
Цвет немаркий, и пусть края
Оттеняют *калпак*, что бел
Как без примесей всяких мел.
Ровно сорок для вас, для львов,
Были сшиты; мой дар готов,
Надевайте без лишних слов,
Да хранит вас моя любовь!
Чаще будете на войне
Вспоминать про наказ *джене*.
Что ж, осталось убор назвать
Перед тем, как его отдать;
Пусть народ называет так
Шапку новую: «Ак калпак»;
Пусть кыргызский народ навек
Шапку белую, словно снег
На вершинах родимых гор,
Носит как родовой убор;
Наша слава пусть с этих пор
Не отводит свой щедрый взор
От волшебного *калпака*,
Будет с нами на все века.
Хватит в чёрном куске кошмы
Нам ходить: мы не слуги тьмы,
Наши думы светлы, умы;
Посмотрите, что носим мы:
Чёрный, свёрнутый, как кулёк,
Без единого шва кусок
Шерсти, свалянной кое-как;
Нет, и хан, и простой бедняк,
И особенно молодняк,
Что боится попасть впросак,

[872] Туймо – пуговица из материи.
[873] Кандагай – мужские штаны из кожи горного козла.
[874] Төрт тала – это каждый из четырёх кусочков материи, из которых сшивается верх мужской шапки.

Чёрной шапке дадут *талак*[875],
Лишь увидят мой *Ак калпак*!»

Замолчала Каныш, взглянув
На Ажы: его нос как клюв
Опустился печально вниз;
Был расстроен он, что кыргыз
Не додумался раньше сам
Больше верить своим глазам:
Белый снег, белой юрты верх,
Запад в паре с Востоком, – эх,
Север – Юг… Но какой успех
Простоты, что ясна для всех!
Вот ведь, женщина нас умней».
Вмиг увидела Каныкей
Тень в глазах у него, и стыд
Вспыхнул в ней, – мол, хвалюсь навзрыд,
Всяк бахвальством, наверно, сыт!
Разговор она как смогла
В русло новое увела:
«Сорока молодцам ты *бий:*
Сорок разных миров, стихий;
Ты, наверное, мастер в них
Разбираться – кто смел, кто тих,
Кто хорош или плох, и в чём,
Кто подставит своё плечо
В самый трудный момент, а кто
Убегая, махнёт хвостом.
Впрочем, речь моя не о том.
Кёкётёя был *аш*: на нём
Вместо плача о всём былом
Зло схлестнулось при всех с Добром:
Многочисленный был ведь сход, –
Помнишь? – как трепетал народ,
Что недавно совсем в Талас
Переехали все, и в нас
Не накоплено было сил.
Мудрый бек Абыке спросил, –
Настроение злобных масс
Уводя от прибывших нас:
Кто, мол, издали может в глаз
Ранить *кийика* напоказ,
Так, чтоб шкурку не портить, мол?
Уж три года прошло с тех пор,
Но запомнился этот спор,
Очень был уж тот миг остёр.
На горе Дундунбаш стрелок –
Наш Абы, – эту шутку смог
Воплотить в тот же день, в разгон
Шкуру старую взял лишь он,
На подветренной стороне
Растянул её в вышине
На горе, – мол, *кийик* стоит
Покрупнее других на вид,
Не торопится, не бежит
Словно в камень вершинный влит.
Любопытство и зависть – вот
Что погубит легко народ,
Пусть копытный, но та ж толпа.
То не притча, увы, – судьба.
Победил Абыке: валил
Любопытных, что было сил,
Подставлялись ведь не спеша.
Я к тому, что у всех душа
Подвести может каждый миг,
Если повод к тому возник.
Как растянется поводок –
Соберётся, но в нужный срок
Отпусти его, не тяни.
Таволга, саксаул – они
Сами вспыхнуть огнём невмочь,
Хоть, сухие, гореть непрочь
И пылать могут день и ночь, –
Надо только им в том помочь.
Вспомни схватку Манаса – он
Конурбаем был разозлён,
Только чувствам не дал он ход –
Был спокоен, как вечный лёд;
Конурбай ему равен был
По расцвету, объему сил,
Но терзала о мести мысль;
В поединке верхом сошлись,
И хоть были они равны,
Помешали *калче* …штаны!
Заказал он из стали их,
Они били ему под дых,
Не сгибались в коленях… он

[875] Талак – 1. развод; 2. отрешение.

Со штанами сражался, вон
Лучше б выпрыгнул! *Кабылан*
Насовал ему рваных ран
Выше этих штанов, по ним:
Стали в ссадинах, чёрный дым
Повалил вдруг из них… Скажи,
Что же было тогда, Ажы?
Может, в этом вина моя?
Дело в том, что от сердца я
Пожелала сгореть в аду
Конурбаю – и на виду
Задымился проклятый враг;
Что же сделала я не так?
В невозвратный миг бытия
Вдруг достигнет вина моя
Моей вечной как мир души?
Что мне делать тогда, Ажы?
А сейчас я хочу просить
Сивогривого защитить
Так, как водится меж людьми;
Вот *тёшёк*[876] под седло – возьми,
И вези его сам в поход,
Пусть с тобою оно идёт,
А Манасу отдай потом,
Перед боем, и знай притом,
В том *тёшёке* тепло мольбы́
О победе – и нет волшбы».

Слушал молча её народ,
Каждый думал: а повезёт
На такую жену ему?
Да, Манасу и по уму,
И по сердцу его дана
Удивительная жена:
Так пригожа, мила, умна,
Мастерица к тому ж она,
Может быть, это дар небес,
Чтоб Манасу прибавить вес?
Вовсе не было сыновей
У него ведь до Каныкей,
И опорой она была,
От болезней, навета, зла
Защищая его, как сын.

Впрочем, есть ведь теперь один!
Так шептался весь сход большой.
Тут не выдержал сам Кошой:
«Ну-ка, дочь Каныкей, прошу
Дать мне первенца! – погляжу;
Поздороваться надо с ним,
Он – наш будущий господин!»
Возле сложенных одеял
В половине для женщин спал
Миловидный младенец – он
Спал, как шёлке листвы бутон,
Нежной роскошью окружён:
Жемчуг-бусинка мирный сон
Охраняла, и волчий клык,
Золотой, как вечерний блик,
Был подвешен над ним; *бешик*[877]
Тоже был золотым… В тот миг,
Когда вспомнил о нём старик,
Вдруг младенец открыл глаза:
Ярко-черные, бирюза
Лишь отсвечивала в белках
Ясных глаз, что могли впотьмах
Освещать свой простой мирок:
Одеяла да потолок.
Каныкей раскрасневшись вся,
Ажыке отдала, внеся,
Золотое своё дитя;
Ажыбай был польщён, хотя
Тут же отдал его *Аба:*
Хан Кошой как сама судьба
Был к рожденью причастен; он
Взял ребёнка, отдав поклон:
Пусть шутливый, но верный тон!
Целовать стал со всех сторон:
В щечку правую – как сладка!
В щечку левую – как крепка!
И, придерживая рукой,
На колено дитя Кошой
Положил, позаботясь лишь
Чтоб на север лежал малыш.
В свою бороду пятерню
Запустил *олуя*, одну
Волосинку сорвал, подул,

[876] Төшөк – длинное узкое стёганое одеяльце.
[877] Бешик – колыбелька.

Как комуза струну свернул
И её протянул Каныш:
«Вот, моя Канykей, – глядишь
Талисман этот много бед
От дитя отведёт: навет
Не пропустит, проклятье, сглаз.
Пусть растёт он как сам Манас!»
Все четырнадцать ханов вслед
За Кошоем на сотни лет
Нажелали младенцу благ;
И *чоро* как победный флаг
Друг за другом дитя взялись
Целовать, поднимая ввысь.
Пока сорок богатырей
Успокоились, Канykей
Передав, наконец, дитя,
Сивогривый мрачнел, следя,
Как идёт по рукам сынок, –
Отобрал бы, когда бы мог,
Но нарушенный этикет
Мог бы стать колыбелью бед,
Потому он молчал, пыхтя;
Но когда и ему дитя
Поднесла Канykей, тогда
Он подумал: «Увы, когда
Покажу, как я сыну рад,
Мало – сглазят, заговорят,
Есть на что, мол, его ловить:
Мол, покрепче аркана нить –
Эта слабость главы, вождя».
Рявкнул он: «Унеси дитя!»,
Сделав вид, что устал и зол.
Тишина облетела стол.
Удивились все ханы – мол,
Если к сыну жесток Айкол,
То к кому же он не жесток?
Не пойдём коль с ним на Восток,
Всех собрав, истребит он нас,
Хватит дня ему – ведь Манас.
Скучковавшись, бормочут так,
Бородёнки зажав в кулак.

Канykей говорит тогда:
«О, *аяш*[878] Алмамбет, когда
С полумесяцем алый флаг
Взмоет в небо и аргамак
Льва умчит, опустеет дом:
Сироту и вдову вдвоём
Лев оставит мой – будто трость,
Что сломалась как жизни ось,
Ты одно мне скажи: куда
Сокол вылетит из гнезда?
Все продукты он взял в *дилде*[879],
Сел на лошадь в канун *чилде*[880];
Что затеял батыр, скажи,
Тайну тайн приоткрой души!»
Алмамбет отвечает: «Хан –
Справедливый наш *кабылан* –
Не для игр покидает стан;
В дальних чёрных горах Каспан
Возле чёрных больших ворот,
Что в Бейджин охраняют вход,
Там, где таволга целый год
Разрастаясь себе, цветёт,
Чёрный конь там большой живёт;
Вот туда и стремит поход
Наш батыр; иноверец ждёт –
Сын Калдая хан Конурбай, –
Он пронюхал, что в этот край
Направляется *кабылан*.
И к тебе завернул наш хан
Поздороваться, всё узнать,
Глядя прямо в глаза сказать
Уважительное «прощай»:
Ведь далёк этот чёрный край».
Алмамбету в ответ Каныш
Отвечала присловьем: «Пыж
Без заряда – лишь пакли клок;
Слишком маленький наш сынок,
Мал он вызвать любовь иль гнев,
Воспитанье не начал лев.
Там, у взгорья, пасётся конь,
Славный конь, но отца ладонь
Не посадит дитя в седло,

[878] Аяш – друг мужа.
[879] Дилде – денежная монета.
[880] Чилде – сорок самых холодных дней или сорок самых жарких дней в году.

Аргамаку не повезло:
Мог бы стать боевым конём,
Но отец покидает дом,
Вдаль позвал его зов дорог;
Чтоб коня оседлать, сынок
Господина уж очень мал –
Семетей мой, он не познал
От султана любви моей,
От отца, никаких речей –
Ни хвалебных, ни гневных, – он
Дл меня словно лишь рождён;
Как ему и расти, и жить:
Без опоры опорой быть?
Когда был мой султан со мной,
Я спокойно спала; покой
Знали все мои пять племён;
Но, увы, покидает он,
Мой султан, мою жизнь теперь,
И пуховая мне постель
Будет каменной с этих пор.
Есть мечта, что превыше гор:
Чтоб мой первенец старшим стал.
Он один, и настолько мал,
Что отца ещё не узнал
И отцом его не назвал.
В нашей жизни, отринув страх,
Я старалась во всех делах
Быть опорой и другом льву;
Но обиды я как траву
Нарастила в своей душе:
Он не раз уходил уже
От меня: как он жил и где?
Сорок дней из зимы – *чилде*,
Сорок дней летний зной – *чилде*:
То я мёрзла одна в гнезде,
То от жара горела вся;
Дважды сорок в году неся
Жар и холод в своей душе.
Юность скоро пройдёт уже,
Эти восемь десятков дней
Показались годами ей.
Расскажи мне, прошу, *аяш*:
Сколь продлится поход весь ваш
И обратно когда войска
Остановятся у леска
Рядом с нашим селом, скажи!
Встречу вас я от всей души,
Лишь подай мне с дороги весть,
Жирный скот свой зарежу весь,
Чтоб ломился мой *дастархан,*
Чтоб доволен был милый хан!
Только в мёде вся мощь пчёлы;
Жёны мужем сильны, смелы;
Сила хана в народе всём,
Сила в муже моя родном;
Сила селя в потоках вод;
Силу ветру дарует свод;
Силы в корме у скакуна,
Силы в поте у бегуна;
Сила риса – в огне, в котле;
Земледельца – в своей земле.
В путь уходит глава семьи,
С ним и силы уйдут мои,
Мне и сыну опора – он;
Путь обратный среди времён
Будет, нет ли? *Аяш*, скажи
Мне от сердца, от всей души:
Я увижу его живым?
Гаснет пламя – и гаснет дым.
Он вернётся, мой господин,
Иль в печали умру? Бейджин
Не пришлёт ли плохую весть?
Всё скажи мне, *аяш*, как есть!
Конурбай ведь и Мурадил –
Просто свиньи, все как один
Про злодеев так говорят –
Мол, кресало, и то доят,
И чужими руками жар
Загребают; и что пожар
Разжигают, что им пожрать
Или ружья позаряжать.
Попрошу я тебя, *аяш*,
Если сможешь, сигнал подашь:
Разгромили мы, мол, Бейджин,
Победил, мол, наш господин, –
Пусть все сорок его *чоро,*
На верблюдов сгрузив добро,
Ткани, золото, серебро, –
Сколько смогут собрать даров,
От сдающихся городов, –

Посылают скорей сюда,
Чтоб я вестью была горда.
Ты же знаешь, что никогда
На добычу, что без труда
Изымалась в простом бою,
Не являла я власть свою.
Но сегодня в плохой поход
Мой кормилец, мой муж идёт.
Красный шёлк, красный лал пускай
Скажут мне: покорён, мол, край,
И отныне мой господин
Стал в краю чужом властелин.
Ты же знаешь, что я бедна,
Остаюсь я совсем одна,
Кто по дому поможет мне?
Пусть рабов мне пришлёт – в войне,
Что грядет, почитай вдвойне
Будет новых рабов, – но мне
Хватит дюжины: старый долг
Пусть *кытай* отдаёт нам: толк
В земледелии знает он,
И в торговле, – не раз в полон
Земляков моих брал *кытай*,
Чтоб трудом их крепился край».

Алмамбет озадачен был:
Слов *джене* прямо жёгся пыл,
Чтоб хватило душевных сил
Всё запомнить, он попросил:
«Ой, постой, подожди, *джене*!
Я на вашей ведь стороне,
Хоть и проклял *кытай* я так,
Но китайцы – не лёгкий враг», –
Вот такие сказал слова
Алмамбет, не поняв сперва,
Что не жаждет *джене* богатств,
Но и счастия не отдаст
Просто так, мол, – за славы дым,
Чтоб остаться с мальцом одним.
Всё, что вслух говорилось ей –
Прозорливейшей Каныкей, –
Говорилось лишь для ушей
Кабылана и свиты всей.
По обычаю ведь нельзя
Лезть с тревогой своей в глаза
Мужу, близкой его родне;
Предъявила им счёт *джене*,
Отпуская в нелегкий путь,
Чтобы значимость подчернуть
Уз сердечных, семейных пут;
Штрафом ценится мудрый суд.
Заодно же *джене* ему
Намекнула, чтоб по уму
Поделился богатством он
Той страны, где царём рождён.
Поразмысливший Алмамбет
Так ответил: «Авторитет
Не добыл я ещё в боях;
Но неведом мне также страх,
Чтоб о бегстве помыслить вдруг.
Мне *кытай* ведь давно не друг,
Нет опоры в Китае мне,
И устраивает вполне
Что мне брат – *кабылан* теперь.
Дважды разве откроешь дверь,
Чтоб однажды войти навек?
Не единственный человек
Претендующий на престол
Я – в Китае рождён я, мол,
Чтоб на троне сидеть, – увы:
Много глупости у молвы:
Там при множестве всех родов
Каждый царствовать был готов,
Да ещё у меня там есть
По утробе единых шесть
Братьев, равных со мной в правах,
Есть и двое ещё – не чах,
Плодоносил наш корень, что ж:
Братья те – Абыке, Кобош –
Не дадут ведь ни шанса сесть
Мне на трон иль кусочек съесть
От беднейшей любой глуши.
И добавлю я от души:
Кто, скажи, у меня, раба,
Есть теперь окромя себя?
О Манасе заботясь, да,
Ты позвала меня – всегда
За господ отвечает раб,
Да? Ведь я уж не так и слаб.
Ты хотела рабов, *джене*,

Из Китая – намеки мне
Посылала; я – раб втройне:
Сердцем, телом, душой, – вполне
Предан я *кабылану*, кто
Вам заменит меня? Никто,
Даже дюжина или две!
Не держу ведь я в рукаве
Карт краплёных: твой Алмамбет
Мужа брат, и подобных нет,
Может, только есть озорней
Меж кыргызов своих кровей,
Но не думаю, что верней
Будет он *джене* Каныкей!
Даст аллах – на своих конях
Путь пройдём мы как на ветрах,
И усталость презрев, и страх,
С душ стряхнув всех сомнений прах,
Будем первыми мы у врат:
Я и данный мне богом брат.
С нашим славным богатырём
Эламана всю степь возьмём
За три месяца зимних мы:
И озёра, в разгар зимы
Всё подёрнутые ледком,
И за ними зелёный дол –
Там, во впадины, всё тепло
Собирается, как в дупло;
Пустим беркута в небеса,
У него ведь остры глаза,
Он и лошадь, и седока
Заприметит наверняка
И покружит над ним слегка, –
Так добудем мы «языка»,
Чтобы пленный тот господин
Рассказал, чем живёт Бейджин,
От врага защищён он чем,
Сколько в нём наросло проблем.
По следам тех рассказов мы
И развездку пошлём: умы,
Просвещённые в части дел,
Не расстанутся с грузом тел.
Это шутка, *джене*, ведь враг
Очень трудный, но в чём и как
Надо выяснить до боёв;
На полгода вести готов
Я потраченным в схватке дням,
И неделям, и месяцам.
Года надобно полтора
Чтоб вернуться назад – пора
Правде глянуть в глаза: возврат
Не для многих, увы, ребят,
Только выжившие в Талас
Возвернутся, сиянье глаз
У любимой *джене* узреть;
Урожаи утешат смерть», –
Голос дрогнул тут у Алмы,
Словно он увидал холмы,
Под которые ляжет рать.
Помолчав, он решил сказать:
«Память просит не вспоминать
Тех свиней, от чьих рук могу
Жизнь закончить я на бегу;
Жаль, никто не уважит дух,
И небесный святой пастух
Разве примет к себе раба,
Чья никчёмна для всех судьба,
И над кем и слезы из глаз
Не уронит в урочный час?
Сорок верных *чоро*, и те,
Хоть и будут на высоте
По приказу зарыв меня,
Но не вспыхнет в сердцах огня
Даже грусти: рабу сойдёт,
Что хоть так схоронил народ,
Не сказал – что *кытаю* смерть?
Выбрал землю, где умереть,
Жизнь *кытаю* не дорога:
На стреляющего врага
Сам он пёр, а зачем? – спроси,
А теперь вот его неси
На стоянку... А, может, так
На земле пусть он спит, бедняк? –
Как бродяга, приблудный пёс.
Как подумаю я всерьёз,
Что и тело моё с земли
Не поднимут, что все вдали
Позабудут в момент меня, –
Я мечтаю в пылу огня
Раствориться, уйти дымком.
Ни ребёнка я и ни дом

Не завёл в круговерти дел,
Чрево женское не успел
Я засеять любовью, чтоб
Поцелуй уронив на лоб
Мне усопшему, свой *кошок*
Со слезами пропел сынок.
Без наследника одинок
В этом мире Алма, – не смог
Каплю крови на сей земле
Прорастить в неизбывной мгле.
Не останусь живым, видать.
Долг народу успел отдать,
А вот роду, жене… В тоске
Оставляю я Аруке:
Никого мне ведь ближе нет,
Мой недавно зажжённый свет –
Аруке моя, мой цветок,
Осчастливить её не смог,
Будет, нет горевать по мне –
Всё прощаю ей, в глубине
Сердца чувствую я вину:
Оставляю её одну;
Пуля – та, что меня убьёт,
Рикошетом ведь попадёт
И в неё – камень тот уже
Весь разросся в груди, в душе,
Почки жжёт, и потоки слёз
Вызывает из глаз всерьёз».

Голос хриплый и горловой
Вдруг прервался, большой герой
Плакал, словно *бото-топой* –
Верблюжоночек-сирота,
Затесавшийся вдруг сюда.
Когда, плача, застыл Алма,
Словно вышедший из ума,
Сорок бравых *чоро*-юнцов,
Закалённых в боях бойцов,
Стали тоже тереть глаза,
Понимая хотя – нельзя
Всем расклеиться в этот миг,
Только каждый умом проник
Что за горестная напасть –
Одиночества злая пасть:
Её хватка стальная, власть
Может сильному дать пропасть.
Раздались голоса: «Батыр!
Хватит нам разговоров! Мир
От печалей взрастил аир –
От душевных любовных дыр
И от прочих незримых ран, –
Этим славится Анжиян:
Хмель, табак и аир – вот смесь,
Что печали должна унесть,
Красный перец и чёрный к ним
Был добавлен, просушен – дым,
Коль вдохнёшь его, молодым
Сразу станешь, лихим, простым
И весёлым – иди, батыр,
Успокоит тебя аир,
Чуть хлебни его, как огня;
Правда, можно упасть с коня».
Из кармана достав кисет,
Словно с золотом, дал сосед
Чтоб попробовал Алмамбет;
Тот щепотку лишь взял в ответ,
Чуть вдохнул – и поплыл весь край:
Очень крепким был тот *насвай*[881].

День разлуки уже настал.
Каждый место в рядах искал,
Шумно строили – к ряду ряд,
Стройность войск утешала вгляд.
Аруке вдруг пришла туда,
Вся как утренняя звезда –
И блистательна, и свежа,
Прирождённая госпожа.
К Алмамбету прильнув сполна,
Разрумянилась, смущена,
Обняла его как жена
И шепнула ему она:
«О, батыр мой, прошу, не плачь,
Не спугни полосу удач:
Подозрение есть в душе,

[881] Насвай (или наспай, асмай) – табак специального приготовления для закладывания под язык или за нижнюю губу.

Что беременна я уже!
Посчитала я – *ооба*[882];
Не терзайся, моя судьба!»
Алмамбет, лишь услышав весь,
Приосанился сразу весь,
Показалось ему, что здесь
На руках у жены он есть –
Долгожданный ребёнок, сын:
Восседает, как господин!
Алмамбет был слегка смущён –
Слишком жаждал ребёнка он,
Огляделся – со всех сторон
Сборы шли: всюду шум да звон;
Он за пазуху сунул длань
Вынул пояс – былому дань:
Шитый золотом шёлк, узор
Незнаком мастерицам с гор;
Видно, был он храним с тех пор,
Когда царский носил убор
Трон отринувший Алмамбет;
Он сказал Аруке: «Мой свет,
Вот, возьми; я в Бейджине был
Среди правящих высших сил,
Был я хан сорока племён,
Праздной жизнью я был пленён –
То охота, а то пиры,
И не думал я до поры,
Что уж если даётся власть,
То не тешиться надо всласть,
А народу не дать пропасть:
Держит трон ведь простая масть.
Были смутные времена
И оставил я племена,
И оставил тот бренный мир…
Дай *емер*[883] мой вслед *оозандыр*[884]
Малышу – если мальчик он;
Но не девочке – ей племён
Не водить, хоть и кровь царя;
Впрочем, в мире ничто не зря.
Этот пояс мой – иск на трон.
В Соорандика эпоху он
Опоясывал лишь царей;
Спрячь пока его поверней,
Пусть малыш подрастет – тогда
И подаришь... Боюсь, беда,
Как бывает, увы, всегда
Радость нашу затмит... Тогда
Коль *балээ*[885] придёт, напасть,
Чтобы мальчику не пропасть,
Не замерзнуть в чужом углу
Испытания – *бейпайлуу*[886] –
С кем-нибудь раздели; а я
Буду с неба следить, тая
Боль свою, и мой сын когда
В Судный день вдруг придёт – тогда
По *эмеру* смогу узнать
Я сынка своего и мать:
Будет знаком подарок мой,
Что я слился с семьёй родной", –
Так сказав, Алмамбет отдал
Этот пояс; тут Кыргылчал
Так ударил вдруг в барабан –
Закачался от звука стан;
Сорок храбрых *чоро*, и те,
Встрепенулись – мол, драка? Где?
Канык ей не могла сейчас
Оторвать повлажневших глаз
От супруга, Манаса, льва;
Вмиг истаяли все слова,
Так вот тает снежок в тепле.
Сивогривый на Аккуле,
Восседая как бог в седле,
Путь выглядывал в дальней мгле.

[882] Ооба – да, бесспорно.

[883] Эмер – ремённый пояс; ремённый пояс с металлическими украшениями; здесь речь идёт об алтын кемер – поясе, украшенном золотом.

[884] Оозандыр – *понуд*. от оозан – сунуть в рот; дать сосать; (*например*: төлдөгөн койлордун козуларын энесине оозандырат – он подпускает к матерям родившихся ягнят, чтобы они сосали).

[885] Балээ – то же, что бала (иш жайында дейин десең эле, бир балээси чыга калат – (как только) я хочу сказать, что дело в порядке, вдруг какая-то напасть появляется).

[886] Бейпайлуу – причиняющий мучения, заставляющий страдать; трудный; (бейпайлуу мүшкүл иш болсо; атыңды кармап турчуну ал; *фольк*. (на тот случай) если случится трудное дело, ты возьми (того), кто бы мог подержать коня твоего).

Обернувшись к *чоро*, Каныш
Так сказала: «Хотела лишь
Притчу я рассказать одну.
Хоть случилось всё в старину,
Но и льву моему шесть слов
Надо выслушать». «Я готов!» –
Вмиг откликнулся *кабылан* –
От азарта он был как пьян.
Канык*е*й продолжала: «Я
Так слыхала, что в Кангайа –
В этих чёрных горах, – своя
Тропка: от чужаков тая,
Меж вершин Капчала ведёт
Бог лишь тех, кто его зовёт,
Но секрет свой и в этом есть:
Перевал тот осилил весь
Сам Дастан Урестем, но он
С полпути возвернулся – сон,
Что ли, странный, увидел там;
Но вернулся живым и сам.
Знаменитый Амир Темир
Всю Вселенную, божий мир
Положил под себя, подгрёб,
И, конечно, глумился в лоб
Он над верой во всех святых;
Где он нынче? Убит под дых.
Искендер, что в Бейджине сам
Невзирая на просьбы лам,
Всё святое пятнал стопой, –
Что оставил он за собой?
Ни следа, ни наследства – он
Был развеян в чреде времён.
Пусть пророкам не веришь, но
Есть в пророчествах их зерно,
Что восходит сквозь вечность, – дно
Океана знать не дано;
Это жизни извечный *чарк*[887]:
Наш небесный святой гончар,
Что слепил этот бренный мир
И его поместил в эфир,
На гончарном кругу, небось,
Создавал всё, земная ось –
Подтвержденье; не напоказ
Ось таится в любом из нас.
В давней древности человек
Ведь не странствовал: весь свой век
Проводил он в своём кругу,
Что очерчен его “могу”;
И пророк не бродил нигде,
Видел мир он в одной звезде,
Что сияла над ним всегда,
Словно осью была звезда.
Может, ты не пойдёшь в Бейджин,
Сивогривый мой господин?
Нет, увы, – говоришь: пойду.
Ищешь там ты свою звезду,
Но, боюсь, не найдёшь нигде
Из-за резкости *дегденде*[888];
Это па́губа всех мужчин.
Если всё же возмёшь Бейджин,
Но задержит тебя *кызык*[889] –
Мол, уж коль я сюда проник, –
Дольше месяцев трёх зимы,
То не встретимся больше мы:
Не отпустят тебя живым,
Любопытный мой господин;
Не пленяйся ты краснотой –
Непривычною красотой,
Китаянку ты в жёны вдруг
Не бери, мой сердечный друг:
Это нам непонятный мир,
Пребывает в каком *капыр*[890]:
Он ни капли не ценит жизнь –
Ни свою, ни твою, – держись!

---

[887] Чарк – 1. колесо; круг (арабанын чаркы – колесо телеги); 2. точило (круглое) (чарк айлан – кружиться, вращаться).

[888] Дегденде – делать торопливые, растерянные движения; (эл камап калса сыртыңдан, шашып жүрбө, дегденде; *фольк*. – если вокруг тебя люди, ты не мечись в растерянности).

[889] Кызык – заинтересоваться, проявить интерес, разохотиться, раззадориться; *здесь* – заинтересованность.

[890] Капыр – нечестивый, нечестивец, иноверец (немусульманин).

В то же время забудь *кесир*[891],
Не *калмакский* же ты визирь;
Иноверец хоть косорот,
Но великий, поверь, народ,
Может сделать и окорот,
Может, кстати, наоборот –
И приветить, и приласкать,
И главенство твоё принять:
Для Конура они рабы,
Кто же хочет такой судьбы?
В мире главное – не война,
Будут разные времена.
С Алмамбетом ты не шути,
С чутким сердцем ведь он в груди,
Надо в корень всегда смотреть:
На *алтын* ведь не скажешь медь;
Как и медный рудник – не медь:
Надо досыта попотеть,
Чтоб извлечь из него хоть чуть;
Я к тому, что без добрых чувств
Верных нет на земле сердец;
Пусть *калча* Конур, наконец,
Золотой самовар в дому
Даже держит, но по уму
Он не тянет, увы, на медь;
Надо в корень и в *чарк* смотреть.
Эсенкан и Конур сейчас
В самой силе; ох, зря, Манас,
С ними хочешь иметь *сайыш*[892], –
Это я говорю, Каныш,
Половинка твоя, душа;
Надо было бы не спеша
Подготовиться; ты учёл
Цикл обычных людей – *мучёл*[893].
Но Манасу Всевышним дан
Шестьдесят один год – *аттан*[894]
Ведь из двух состоит частей
Для героев-богатырей.

Не поверив в число судьбы,
Ты помчался как конь – *дарбы*[895]
Не к победе, увы, ведёт.
Подождал бы хотя бы год!
В этот год, я боюсь, грядёт
Очень трудный для нас поход.
Что победная слава? – дым.
Ты здоровым вернись, живым!
До свидания, мой султан!», –
Не мигая, как *балабан*,
На героя Каныш в слезах,
Не скрывая печаль и страх,
Всё глядела, его седла
Чуть касаясь, и всё ждала:
Скажет лев: если так, мол, пусть –
Подождём мы пускаться в путь!
Но молчал *кабылан*. В войсках
Все молчали. Неведом страх
Тем, кто в пылких своих мечтах
Дымом славных побед пропах.
Лев постукивал плёткой – он
Был взволнован и чуть смущён,
Был он мысленно весь в пути,
Но мешала жена уйти.
И прощанье прервав, вперёд
Он рванул, и за ним народ
Тоже тронулся. Канык ей
Оставалась в *орде* своей.

Шёл похода четвёртый день.
Чтоб беды всевозможной тень
Не коснулась *алашей*, лев,
Всё продумав, предусмотрев,
Четырёх своих стражей днесь,
Уходя, он оставил здесь:
На востоке Айкана сын –
Кёкбёру – сторожил один;
Жедигер Багышты же, друг,

[891] Кесир – пренебрежительное отношение; несчастье как следствие пренебрежительного, надменного отношения к чему-л.
[892] Сайыш – (или эр сайыш) – *ист.*: бой всадников на пиках (иногда на дубинках); (баатырлык жолу – сайыштыр; *фольк.* путь батыра – сражение на пиках).
[893] Мүчөл – двенадцатилетний животный цикл (первый цикл кончается тринадцатилетним возрастом, а затем каждые двенадцать лет составляют цикл).
[894] Аттан – 1. садиться верхом на лошадь; 2. выступать в поход; отправляться в путь.
[895] Дарбы – (о лошади) раззадориться, прийти в сильное возбуждение, нестись.

Защищать оставался юг;
Хан Жакып, вся родня вокруг
Все мужчины из верных слуг, –
Так со всех четырёх сторон
Край Манаса был защищён
От нашествий и от *арып*[896]–
Их страшился всегда Жакып:
Чародейством грешил Кангай
И не брезговал весь Китай,
Да и в массе любых племён
Колдовством из глуби времён
Хоть *калмак,* хоть *манжу-анжу*
Насылали на мир паршу.
Айдаркана сынок Кёкчё,
Что всегда подставлял плечо
В разных битвах Манасу, он
Ханов сразу семи племён
Известил, что Манас идёт
В свой великий большой поход,
Добавляя: его народ
Кровожадным теперь зовёт.
Человека стезя – дела,
Вся дорога его легла
Так, как жизнь созидает он.
Ханы этих семи племён
С *кабыланом* не шли в поход,
Выжидали: куда качнёт
Чаши высших весов – народ
Так чего-нибудь вечно ждёт.
Их оставим пока. Не след
Осуждать осторожных вслед.
Заслужил давно Алмамбет
На него чтоб пролился свет:
Как в походе людей он вёл,
Как ценил его сам Айкол...
Вот на царстве Манаса мы
Лучше будем острить умы.

Ханов шло с ним тринадцать; рать,
Что смогли они все собрать,
Шла неспешно вперёд; в *бешим*[897]
Подошли к Буране́ – режим
Соблюдался в походе так:
Чтоб не гнать людей натощак,
Трижды в день объявлял привал
Каждый сотник; над ним стоял
Уже тысячник: сверху взгляд
Если бросить на войско – ряд
Шёл за рядом, на целый плат
Распластались войска, *упат*[898]
Начинался в строю – волной
Сотни двигались по одной,
Растекаясь толпой к тому ж,
Для не знающих суть – *укмуш*[899]!
Расстоянье от Бураны
К Табылгы растянулось в дни:
Дней шестнадцать уже они
Шли; ночами глядели сны,
И, конечно, пастись коней
Запускали в луга; меж дней
Допускалась охота: в дар
Им небесный святой овчар
Дичь подсовывал под удар, –
То *кийики*, то сам архар
Подставлялся под выстрел, пал
Далеко не один баран,
Чтоб был сытым военный стан.
Ели просто, без смены блюд.
Отобедав, усталый люд
Успевал свой привал порой
Разукрасить простой игрой;
Многим нравился *«Чатыраш»:*
Накопившийся жар отдашь –
И спокойно равняешь шаг;
Многим нравился «*Кумалак*[900]»,

[896] Арып – тайное знание, колдовство, чародейство; (бул өзү амал жумуш болбосун, бир арып кылып койбосун; *фольк*. как бы это самое не оказалось хитростью, как бы он не учинил какого колдовства).

[897] Бешим – время, следующее сразу за полуднем.

[898] Упат – разрушение, гибель.

[899] Укмуш – диковинная весть, ошеломляющее сообщение, сногсшибательное сообщение; (укмуштун-укмушу – диво-дивное).

[900] Кумалак – кругленькие камешки; (таштан тандап кырк бир кумалак терип алды – из камней он собрал сорок один кругленький камешек (для гадания).

Тот, кто проще, любил *«Чакмак»:*
Надо камни подбросить так –
С лёгким вывертом, – чтобы все
Возвращались во всей красе;
На привале одном таком
Алмамбет, вспоминая дом,
В настроении был плохом.
Посмотрел – что за шум кругом,
Разозлился вдруг: «Чатыраш»?[901]!
«Кумалак»! Неуёмный ваш
Раздражает, однако, смех,
Словно взяли уже успех
Как быка за рога, – гляди,
Как бы не было впереди
После смеха пустого слёз;
Не войска – цирковой обоз!
Где ты, грозный наш тигр Манас?
Царь, который полмира спас?
А кого ты ведёшь сейчас
Не на *той*, а к дракону в пасть?!
Что за глупый смешной народ?
Унижают юнцы поход.
Надо к цели идти, вперёд,
А они, поднабив живот,
Днями целыми напролёт
Водят будто бы хоровод;
Не войска, а какой-то сброд!
Не по соколу наш полёт,
А по курице! Весь поход
Ведь насмарку, увы, пойдёт!
Я обратно отправлюсь в путь,
Руководство хочу вернуть:
Разгильдяйство терпеть – тоска,
Иль к порядку призвать войска
Я прошу, или всех – домой.
Вот вердикт настоящий мой:
В нашей лодке большая течь,
Не годятся бойцы на сечь,
Кнут сподручнее им, чем меч!»

Алмамбета услышав речь,
Ханы, ряженые в меха,
Слуги их, что, считай, в верха
Вдруг пробились: тот сотник, тот
Даже тысячник, – смехом рот
Все распялили тут же: «Вот
Обсмеял наш большой поход
Этот раб – он сошёл с ума?
За такое грозит тюрьма!»
Лживый смех этот через край
Расплескался; уже Бакай
Призван был в судии: гляди,
Мол, бунтует *кытай* в пути:
«Ой, не то богатырь сказал!
Ой, как плохо он всех назвал –
Не годимся, мол, напоказ,
Мол, разгонит нас всех Манас!
Хан Бакай пусть рассудит нас».
Когда стала темнее высь
Когда звёзды пустил пастись
На небесных лужайках бог,
И в туманы укрылся лог,
В Табылгы поднялись, на пик.
Дух раздора уже проник
В сотни, в тысячи сборных войск.
Ум податлив людской как воск:
Прилипает к нему весь вздор –
Разогрей лишь слегка, – как сор.
Льву Манасу наперебой
Закричала толпа: «Ой-бой!
Гонит нас Алмамбет домой!
Не пускает нас в правый бой!»
Сивогривый прервал поток:
Суть он вычленить всё же смог,
Повелел, чтобы за два дня
Ханы, главы родов, родня –
Все, кто счёл себя главным, пусть
Не питаются сплетней с уст,
В полном сборе идут сюда,
Чтобы выяснить – в чём беда;
А до этого пусть *Аба*
Сам расследует всё – борьба
Разных мнений с древнейших пор
Вместо правды рождает спор.
Все дела, что творятся тут,
Пусть не сплетни – глаза найдут.
Позабыв, мол, про тяжкий труд
Люди пищи в походе ждут,

[901] От «чатыра» – 1. трещать, тарахтеть; 2. быть бодрым, жизнерадостным.

Беззаботность и портит вас.
И добавил ещё Манас:
«Рано утром пусть Борончу
Срочно явится; и хочу
Алмамбета с Бакаем здесь
Я увидеть, чтоб ясность внесть
В эту смуту, что не нужна,
Когда ждёт впереди война».

Рано утром, когда ещё
Соловей исходил на щёлк
Зарываясь руладой в шёлк
Нежных листьев; Манас пришёл
На вершину вперёд других.
Соловей на мгновенье стих,
Вдруг заслышав ещё шаги:
Были очень уж нелегки:
То *Абам* шёл, Бакаю вслед
Поднимался и Алмамбет.
Лев Манас, подождав слегка,
Вместе с ними под облака
Вверх взошёл, как лихой скакун,
Чтоб войска оглядеть в *дюрбун*[902].
Лошадей же в траву пастись
Отпустили, и кони вниз
Побрели, на ходу хрустя:
Травы были здесь в рост дождя.
Алмамбет, оглядев весь мир,
Что внизу распростёрт, эфир
Полный трепета облаков,
По *дюрбуну* всем дал, готов
Пояснить всё, что спросит хан:
«Посмотрите, батыр, *абан*[903],
Там вот, справа, где лёг туман,
Это местность Музарт; наш план
К исполненью всё ближе – клин,
Где дорога, – ведёт в Бейджин,
Надо месяцев ровно пять,
Чтобы нам у Бейджина встать;
Чёрный город внизу – Камбыл,
Он как будто в веках застыл,
Не меняется, я гляжу;
Мы войдём в него из Жужу;
Если сможем их взять, скажу,
Мы считай, перейдём межу
Между «может» и горьким «нет»:
Возвращаться тогда не след.
После этих сражений двух,
Укрепив боевой свой дух,
Мы пойдём на Бейджин – назад
Повернуть уж не сможем, брат.
Скалы надвое делят путь,
Эшекарт перейдём – по грудь
Перевал тот всегда в снегах,
Небом каждый уступ пропах;
Но за ним уже легче – страх
Там не будет пророчить крах.
За три месяца мы дойдём
До Бейджина, и там найдём
То ли славу, а то ли смерть –
К той и к этой должны успеть.
Путь лежит наш меж чёрных гор,
Что съедают собой простор,
Где сумеем пройти верхом,
Где придётся, увы, пешком,
В поводу лошадей ведя;
Тропы скользкие от дождя,
Надо обувь приноровить,
Чтоб, не падая, там ходить.
Потеряем там много сил.
Путь покажется этот мил,
Когда ближе к Бейджину мы
С гор сойдём из сплошной зимы:
Там такыр лишь сухой, без трав,
Там ручьи не имеют прав
Показаться, хоть высоки
Горы чёрные, лишь пески
Там струятся, сметая вниз
Даже тропы, а оступись –
Этот чёрный сухой песок
Всё уносит – как сель, поток.
Я, конечно, подробней мог
Расписать бы, но долгий срок
Измененья приносит – мир
Без меня был так долго сир.
Точно знаю, мой *кабылан*,

[902] Дүрбүн – подзорная труба (*разг.* бинокль).
[903] Абан – обращение к старшему (*см.* аба, абам).

Перевал есть там – Сагызган,
Очень скользкий для лошадей,
Очень трудный он для людей:
Половина погибнет там.
Прежде было, что караван,
Отправляясь в тот путь, всегда
Брал для жертвы рабов, скота,
Помогало, но не всегда,
Как уж ляжет судьбы звезда.
Перейдём лишь мы перевал,
Там безводный лежит увал,
В двух местах лишь журчит родник,
Если только ещё не сник.
С лошадями хлебнуть беды
Нам придётся: травы, воды
Не потащишь с собой запас,
Те недели измучат нас –
Целых десять недель пути!
По-другому нам не пройти.
Да, и с дичью большой напряг:
Овцы бродят… Погиб бедняк,
А отара его ползёт:
Чёрным мохом, росой живёт.
Но когда мы пройдём Кордой,
Разживёмся чуть-чуть водой,
И травою… Но я хочу
Рассказать вам про Жадоочу:
Есть пустыня такая там,
Там придётся полечь войскам,
Может статься… Ну, как, пойдём?
Что подскажем ваш ум о том?»

Поразмыслив, сказал Бакай:
«Да, тяжёлый весь этот край.
Прежде, помню, рассказы тех,
Кто пытался найти успех,
Совпадают в деталях с тем,
Что поведал нам Алакем.
Край суровый, не тем чета,
Где привыкли мы жить всегда,
Чай где пили из *сыр чёйчёк*[904],
Край, где взглядом окинуть мог
Я владенья свои с вершин,
Где и женщин, и всех мужчин,
И детишек, в конце концов
Знал я, в общем, всегда в лицо;
Здесь совсем же другой народ,
Тайна в сердце здесь не живёт,
Каждый носит большой живот
И раскрытый для пищи рот.
Впрочем, дело совсем не в том.
В свой хочу я вернуться дом:
Здесь не место, куда б я смог
Сделать к власти хотя б шажок.
Будет верным, мой *кабылан*,
Помоложе понёс чтоб хан
Флаг наш славный в далёкий край:
Алмамбет бы, а не Бакай!»
Согласился Манас с *Аба*:
«Да, диктует сама судьба,
Да и разум диктует так:
Алмамбету мы вверим флаг!»
Вниз спустились, своих коней
Подозвали к себе скорей
И вернулись к своим войскам,
Разрешили охоту там:
Шесть десятков смогли *бугу*[905]
Из ружья снять на всём бегу,
Мясо, тут же освежевав,
Шкуры бросив на лоно трав,
На коней погрузив запас,
Стали ждать: что решит Манас.

Сход собрался, лишь новый день
Съел в отрогах туман и тень.
Все батыры пришли, бодры,
Сев, подпёрли спиной шатры;
И герои, и весь народ –
Старый, юный явился, – вот
Всех могучий Манас сперва
Взглядом зорким обвёл, слова
Подбирая, чтоб каждый смог
Речь запомнить, как свой урок:
«Направленье у нас – восток.
Путь опасен, суров, жесток.
Есть ли здесь у меня народ,

[904] Сыр чөйчөк – крашеная деревянная чашечка.
[905] Бугу – самец оленя или марала.

Кто готов не прервать поход?
Кто уже побеждал врага,
Честь которому дорога?
Пять дорог, что ведут в Бейджин,
Знает кто-нибудь хоть один?
Есть, народ мой, хоть кто-то здесь,
Кто себя бы сумел пронесть
Через все перевалы так,
Чтобы реял над нами флаг?
Есть, народ мой, хоть кто-нибудь,
Кто подобный прошёл уж путь,
Кто на запах, на вкус, на цвет
Знает вещи, которых нет
В нашей жизни, в устоях всех,
С чем рождаемся, с чем на грех
Мы идём, с чем святой свой долг
Отдаём, когда хочет бог?
Есть, народ мой, средь вас мудрец,
Чтобы выяснил, наконец,
Высоту этих гор крутых
И низину лугов чужих?
Кто земли этой знает суть?
Кто покажет нам верный путь?
О, народ мой, хоть кто-нибудь
Нам поможет легко вздохнуть
Пробираясь в чужих краях,
Где опасностью путь пропах?
Я скажу вам, в моих словах
Нет попытки вселить в вас страх,
Даже больше скажу: секрет
В них сокрыт, но покуда нет
Мне резона его открыть,
Аш-бышым[906] я даю, чтоб нить
Разговора не потерять,
Но при этом успеть понять,
Всё, на что мы идём сейчас».
Речь закончил свою Манас.

Все молчали. Притих народ.
Но чубарый лишь тигр вперёд –
Алмамбет – вдруг прорваться смог
Со словами: «Я весь Восток
Перемерил шагами; бог
Мне покинуть Китай помог,
Только память хранит пути,
По которым должны пройти
Перевалы и все бугры
Наши чудо-богатыри;
Я – тот самый из «кто-нибудь»,
Кто ветрами наполнил грудь,
Опыт свой получая здесь;
Я – тот самый, кто знает: есть
Здесь какие законы: честь
Выпадала во власть мне влезть,
Всё познать в ней: проклятья, лесть,
Подкуп, суд, клевету и месть;
Все низины, высоты все
Знаю точно во всей красе,
Как предавшей жены глаза
Эту край мне забыть нельзя».
Торжествуя, сказал Манас:
«Алмамбет, ты нас просто спас,
Зная край этот наизусть!
Ырчыул с Бозуулом пусть
К Эр Бакаю идут сейчас,
Чтоб сказать, мол, отныне нас
Поведёт Алмамбет в поход:
Ханство пусть *Абам* отдаёт!»
Те умчались: не ждёт война.
Зазвенели лишь стремена,
К *алп* Бакаю ввалились в *кош*[907]:
«О-о, *Абам*, ты же нас поймёшь…
Ты устал от забот и бед.
Поведёт теперь Алмамбет
Нас по кручам чужим в поход;
Только ханство-то он возьмёт».
А Бакай-*олуя* слегка
Улыбался: его рука
Всё исправила на века
Что он видел издалека.
Но улыбку свою он скрыл
Под щетиной усов, – бескрыл
Тот, кто как на ладони весь:
Он для взглядов сторонних вес
Принимает – и будь то весть,
Чьё-то мнение или лесть –

[906] Аш-бышым – время, пока варится мясо (1,5 часа).
[907] Кош – временная юрта.

Всё по сути, лишь тяжкий крест,
Что берёшь ты – зачем? – невесть,
И несёшь, спотыкаясь… Так,
Или нет, уточнить внапряг,
У Бакая сложилась мысль
Но известно, что тайный смысл
Вести зная, он отвечал
Словно – ну, ничего не знал:
«Я не понял, богатыри!
Говорите вы – мол, умри,
Потому что отдать пора
Всё, чем знатен я был с утра?»
Бозуул был прямым, и он
Рубанул всё, как есть, – уклон,
Неподвластный ему в речах,
На устах его вмиг зачах:
«Вам вчера поручили флаг,
С ним и ханство вручили: враг
Должен знать был, воюет с кем.
А теперь показалось всем,
Сивогривому в том числе:
Трудно Вам усидеть в седле,
Сиречь – троне; и по уму
Ханом лучше б наречь Алму, –
Мол, вокруг нас теперь Китай,
Плохо знает его Бакай!»
«Хорошо, – отвечал Бакай, –
Сивогривому передай:
Отдаю! Уговор один:
Алмамбет мне родней, чем сын,
Лишь ему я отдам свой трон!
Чтоб никто не чинил препон,
Пусть приходит писец: ему
Оплачу я труд по уму –
Дам две тысячи золотых,
Коль напишет приказ с моих
Пока ханских ещё ведь уст,
Чтобы трон не остался пуст».
Пригласили писца. Печать
Сам поставил Бакай, чтоб стать
Возросла у бумаги враз,
Двум гонцам он вручил Указ.

Новый хан Алмамбет тотчас
Огласив лишь Указ, приказ
Дал сниматься с ночёвки в путь,
Ветра трудных дорог вдохнуть:
Путь лежал в Камандуу; сперва
Погасили костры – трава
Все следы затянуть должна:
Не объявлена ведь война.
Впрочем, вскоре её следы
Проявились вполне: в сады
И в дома, во дворы проник
Дух войны, её злобный лик:
Всяк *калмак,* получивший втык,
Стал одной из её улик.
Лицемерье живущих там
Стало точкой отсчёта драм, –
Вышли: рады, мол, вам *абдан*[908],
За спиною держа *бакан*[909], –
Сами вызвали ведь беду
Эти жители Камандуу.
Впереди ожидал Кордой –
Славой пользовался дурной
Перевал – как нора ужа
С метким прозвищем *Аккулжа*[910], –
Был он узок, меж острых скал
Извивался и словно звал
В бездну тёмных своих низин;
Алмамбет здесь ходил один,
Но не с войском; сейчас же он
Рать построив, – со всех сторон
Чтобы слышали речь, – сказал:
«Чтобы каждый приказ мой знал:
Вереницей идём все, знай, –
Слишком узкий вход в Кыпчагай,
По десятке идёт народ,
Ровно десять! Один – вперёд:
Тот, которых других ведёт.
Через каждые пятьдесят
Остановка: глядим назад:
Все ли следом идут; глава
Пусть над сотней стоит; едва
Эта сотня прошла проход –

[908] Абдан – очень, весьма, вполне, совсем.
[909] Бакан – жердь, выломанная из забора.
[910] Ак – белый; кулжа – июнь (*здесь*: заснеженный даже летом).

Пусть считает: мол, цел народ?
Так до тысячи счёт идёт;
Коль из тысячи пропадёт
Хоть один человек, – ответ
С вас потребует Алмамбет –
Я, ваш хан, – я суров и строг
Буду в каждой из всех дорог,
Чтоб не тронула нас беда!
Путь двухдневный пройдём когда,
Там, на той стороне, пускай
Каждый, только ступив на край
Нам открывшегося пути, –
Не ленись-ка, а захвати
Кто дровину, а кто – и две;
Пусть батыры на голове,
На седле, на конях несут
Кто бревно, кто хороший сук, –
Час настанет, когда спасут
Нас дрова эти словно *кут*[911].
И, опять же, таков расклад:
Десять вместе идут, догляд –
Одного; ну, а десять глав
Весь пасут боевой состав.

Путь двухдневный окончен был.
Сбил у многих вояк он пыл,
Даже в горло набилась пыль,
Ноги словно вязал ковыль;
Но Кордой перешли. Пять дней,
Соответственно, – и ночей,
Полз, как червь, караван вперёд,
Но как войско уже – не сброд.
Как-то раз, переночевав
Среди пыльных дорожных трав,
Лишь во сне видя тень дубрав,
Встали; в небе восход кровав,
Значит, ждёт их опять приказ.
Алмамбет же на этот раз
Выдал притчу почти, рассказ:
«Говорят, что Аллах для нас
Много мудрости про запас
Дал, и каждая – как алмаз;
Вот, к примеру: коль в дальний путь
Ты готовишься как-нибудь,
И, на лошадь взбираясь, грудь
Внутрь втягиваешь чуть-чуть
Оттого, что ты плохо спал
И себе отдохнуть не дал,
Знай: твой промах уже в скандал
Перейдёт среди троп и скал.
Не расслабишь ведь руку ты,
Что в мгновение суеты
Сжал в кулак; мало смог пройти,
Если лошадь ты пас в пути;
От кастрированного быка
Ты приплода не жди, пока
Рак не свистнет тебе с горы
И песчаные топоры
Не разрубят провал дыры.
Так что будем мы до поры
Без привала идти в *ордёш*[912];
Вот к верховьям реки придёшь –
Ягодицы свои к земле
Сможешь там прислонить; в золе
На костре не спеша согреть
Припасённую с дома снедь.
С полумесяцем алый флаг
Там воткнём, да повыше – так,
Чтобы наш боевой *байрак*[913]
Разогнал над ущельем мрак!»
Алакен подбодрить хотел
Это скопище потных тел:
Взлядом мудрым он углядел,
Что устали войска – предел
Наступил человечьих сил, –
Он по-своему попросил
Их держаться, пока река
Не блеснула издалека.
Сам следил, чтобы шли войска
Так же стройно, хотя узка
До сих пор ведь была тропа,
Неподкупная как судьба.

Командира с трудом неся,

[911] Кут – *здесь*: счастье, удача.
[912] Өрдөш – ложбина в верховьях горной реки.
[913] Байрак – 1. флаг; 2. пика с бунчуком.

Его лошадь сверкала вся;
Рядом сдержанно-злой Айкол
Не уставший как будто шёл:
Выдавал только сжатый рот,
Как давался ему поход,
Складку грозную меж бровей
Зноем выкрасил суховей,
И хотелось рукам слегка
Хоть на миг, отпустив бока,
Потянуться к спине – она
Острой боли была полна:
От измученных ягодиц
Боль как стая пугливых птиц
Разлеталась по всей спине
И снаружит, и в глубине.
Все так мучились – все войска.
Хоть и цель их была близка:
Где-то слышался шум – река
Выдавала себя слегка,
Но, казалось, уже никак
Не дойти до неё… Остряк –
Во главе сорока, – Кыргыл
Даже шутки свои забыл;
Из последних, наверно, сил
У десятника он спросил –
Это был Бозуул: «Скажи,
Посчитал ты у той межи,
Что прошли мы полдня назад,
Сколько новых мозолей зад
Принял твой? У твоих людей?
Не считаешь коль, ты – злодей.
Посоветовать я хочу:
У пустыни Жадоочу
Со словами Алла в седло
Мы взбирались; уже прошло
Ровно сорок один денёк,
Ровно столько ночей; и срок
Стал двойным этот: видит бог,
На пути не попался стог,
Чтобы просто поспать; гляди
Ровно восемьдесят в пути
Дней мы, два ещё к ним прибавь.
Коль не спишь – это, значит, явь.
Не имели ни пай, ни чай,
Словно в оползень невзначай
Угодили мы… Отвечай:
Где у нашей дороги край?
Где закончится наш Китай?
Ну-ка тайны разоблачай!
Я уж лет шестьдесят Кыргыл,
И, конечно же, не забыл,
Что бывает в пути привал,
И еда, и питьё; не спал
Столько времени я – увал
Не кончается, я уж стал
Деревянным от этих мук,
Где, скажи мне, моё *укук*[914]?
Наш негодник *кытай* как раз
На дрова всех и пустит нас;
А из турков *алаш* – гляди, –
Как гарцует он впереди,
Словно тяготы все пути
Сгинут вместе с его «прости»;
А с Манасом случилось что?
Для него мы – толпа, *додо*?
Весь заважничал, смотрит вдаль,
Ни себя, ни других не жаль».

Бозуул не стерпел: «Кыргыл!
Поубавь своих жалоб пыл!
Ты в походы уже ходил,
Неужели ты их забыл?
Старый, юный – усталость всех
Гнёт на-равных, и просто грех
Виноватить других, что слаб,
На войну ведь ведёт не баб
Наш Алма, а богатырей;
Он – наш хан Алмамбет – сильней,
Может быть, чем мы все, устал,
Но идти вперёд приказал:
Пусть хоть тысячу дней – вперёд,
Просто трудный такой поход.
Говоришь, что Манас – тиран,
Но подумай: как мы, от ран
Он страдает в пылу войны,
Да и в тяготах мы равны;
Ты подумай – язык молвы –
Это жабы язык, травы,

[914] Укук – право.

Ветра, птиц, этих скальных глыб,
Даже спящих под илом рыб,
Иль подслушавших нас гостей, –
Не оставит без новостей
Мир живущий, поверь мне, льва,
Выбирай помудрей слова,
Виноватить не торопись».
Вмиг завёлся Кыргыл: «Окстись!
Чем моя ненормальна мысль?
Всех угробит Манас, а смысл?
Бородою клянусь, что нет
Смысла в крике беде вослед.
Ну-ка, ну-ка, пойду вперёд,
Расспрошу кой о чём народ».
Акборчука коня он так
Тут пришпорил – в галоп бедняк,
Хоть устал, припустил скорей.
Обгоняя других людей,
На ходу вопрошал Кыргыл:
«Здесь Манас-неудачник был?»,
«Лев-глупец здесь не проходил?»,
«Где наш самый большой дебил?»
Был расчёт его хитрый прост:
Попадался на тот вопрос
Тот, кто боль в себе только нёс,
И выплёскивал тупо злость:
«Пусть сгорит Кровожадный наш!»,
«По нему надо справить *аш*!» –
И подобное… Кто не знал,
Про Манаса, тот отвечал:
«Кто таков? Это тот старик,
Кто вещает всем, что велик
Тем, что неугомонен он?»,
«Тот, который устроил гон?»,
«Над десяткою он глава
Иль над тысячью?» Все слова,
Что Кыргыл успевал поймать,
Заставляли быстрей скакать,
Будоража простой народ;
«А, Манас! Это, верно, тот,
У кого молодцов полно,
Важный, толстый сам, как бревно?»
«Кровожаден! Чуть что – под дых;
Он, наверно, не из простых!»

Перевал Сарыбел уже
Проходили на вираже:
По тропе, что спиралью шла,
Шёл неистовый Аккула,
В морду бил ему суховей,
Грива дыбом неслась; за ней
Наклонившись, Манас сидел –
Он как будто бы поседел,
Так его облепила пыль;
Как гора Ала-Тоо был
Он огромен, и две полы
Развевались за ним, белы;
Вечереющая заря
Обтекала богатыря –
Тёмно-красная словно кровь, –
Силуэт его был багров.
Заприметив его, Кыргыл
Раскричался что было сил:
«Эй, негодник, Манас, постой!»
Воздух пыльный был как густой,
Словно в вате, в нём крик тонул.
Но расслышал Манас сквозь гул
Крик Кыргыла, назад взглянул,
Чтобы ждать, коня повернул
И задумался: «До поры
Мы устали; а Кумсары,
Что у нас ещё впереди –
Перевал пострашней пути,
Что осилили мы уже;
Ах, как горестно на душе.
Там, на той стороне, живёт
Чон Жолоя большой народ,
Не примкнувший к походу… Ждёт,
Предугадывая исход?
Иль не оповестили род?
С чем старик наш Кыргыл спешит?
У него необычный вид».

В самом деле – был краснощёк
И растрёпан как *кызыл чок*[915]
Разозлённый вконец Кыргыл,
Что скакал из последних сил.
Он кричал на ходу: «Манас!
Ты подвёл своих кровных, нас,

[915] Кызыл чок – 1. китайцы; 2. конный вестовой при канцелярии.

Всё величье своё всерьёз
Ты в угоду себе принёс,
Сбил тебя с панталыку пёс:
Ты китайца-раба вознёс
Над народом своим, и он
Наши жизни забрал в полон!
Ты несчастье несёшь родне!
Ты жестокость и злость на дне
Кровожадной души своей
Словно скапливал много дней,
И насилие ты сейчас
Над своими вершишь, Манас!
Нестираемый век позор
Ты наносишь вершинам гор;
У пустыни Жадоочу
Остудить я твой пыл хочу:
За неделю не дал Аллах
Нам пройти, насылая страх,
Целый месяц ведь мы в пути,
И ещё далеко идти;
Ты не видишь, что дело – дрянь?
Перешли мы терпенья грань,
Пожелтели все лица – глянь,
С глянца яблока так же дань
Суховей собирает в зной;
Посмотри хоть на свой конвой:
Ведь без отдыха, без воды
Войско движется; до беды
Остаётся уже чуть-чуть;
Ты, должно быть, совсем без чувств, –
Кровь по жилам едва течёт,
Отощал и устал народ.
Несравнимый ни с кем наш хан!
Не железным Аллахом дан
В подчиненье тебе твой люд;
Ты ведь не был к нам прежде лют,
Что случилось? Вот мой кинжал:
Если что я не так сказал,
То ударь меня им в ответ!
Шестьдесят я уж прожил лет –
Вон, усы мои как седы, –
Но не видел такой беды,
Как сейчас, и подлее зла
Жизнь представить мне не смогла!
Справедливый, взгляни, очнись!
Как изгнанник закончить жизнь
Не хотел бы никто; но вниз
Дух людей твоих тянет мысль:
Мол, *калмак* взял на душу грех –
Твой китаец, – он как на смех
Гонит мимо Китая всех,
Чтоб без боя, мол, под орех
Твоё войско разделать… Лев!
Присмотрись и направь свой гнев
На того, кто народ лишил
Веры, доблести, чести, сил!
Твой Алман как пузырь надут.
Он уводит в напрасный труд
Весь поход наш, мордуя люд,
Утоляя свой давний зуд
Шишки власти!», – Кыргыл ещё,
Багровея румянцем щёк,
Говорил, пока вдруг Манас
Не прервал полыханьем глаз
Этот бурный поток речей,
Бесконечнейший как ручей.

Так ответил Манас ему:
«Овцам часто не по уму
Намерения пастуха –
Им бы полная требуха
Да подстилка бы чтоб суха,
Как на *тёре,* была из мха.
Между жизнью и смертью миг
Ты не видел ещё, старик!
Мы ведь знали, на что мы шли,
Оставляя свой мир вдали –
Наши сёла, угодья, тыл;
Да, всё меньше, конечно, сил –
В окруженье сплошных врагов;
Но уверен я, что готов
Мой народ превозмочь себя,
Замолчи, мой Кыргыл, – губя
Дисциплину своим нытьём,
Разве этим приблизишь дом?!
Далеко мы зашли уже.
Стар ли, молод – любой душе
Тяжко дался наш переход,
Наш нацеленный вдаль поход –
Вдаль не только земель, – времён,

Что сулит, мы не знаем, он,
Знаем только, что без потерь
Не раскроешь к победе дверь,
Ведь победа – удачи дщерь,
А удача – хитрющий зверь:
В дебри вас норовит завесть,
Пребывая в предвечном *здесь*!» –
Всё сказав, он стегнул коня,
Вдаль рванул, словно смерч огня.

«Вот, слова мои не к душе! –
Так Кыргыл прошептал, уже
Сивогривому в спину, он
Был испуган и удручён,
Сам себе бормоча едва, –
Не понравились, вишь, слова!
Я с утра так скакал, спешил,
Я ведь выбился весь из сил,
Весь в пыли я, и зад отбил –
Как болит он, мой бедный тыл!
Будь же проклята ты, война!
Пусть уж сгинула бы она
С чужаком да в его же мрак,
Кто бы ни был он – тот *калмак*!
О, китаец, кыргыз, – зачем
Вам войны надевать ярем,
Кровь свою проливать – зачем?
О, проклятие шлю я всем!» –
И застыл он, глаза совой
Растопырил и, сам не свой,
В даль глядел, как во мглу времён,
Словно что-то там видел он.

Бозуул в беспокойстве был:
«Этот смутный старик Кыргыл
Так скакал! – не свалился ль где?
Пропадёт он – так быть в беде
Мне, десятнику, всем другим, –
Растворился как в небе дым.
Скандалист – без скандалов он
Не живёт, говорят, с пелён,
Вдруг сбежит – по скандалам след
Только вычислит белый свет», –
Так ворча, Бозуул своих
Подопечных девятерых
Торопил, и кто встречен был
Он расспрашивал – где Кыргыл:
«Старика не встречали? – он
Был до ужаса разозлён».
И ему отвечал народ:
«Да, такой проскакал вперёд,
Алмамбета, Манаса он
Безустанно со всех сторон
Костерил на чём свет, ругал,
И как будто бы к ним скакал!»
Бозуул, наконец, догнал
Старика, тот один стоял,
Словно впавший в столбняк, – застыв,
Словно призрачный некий див
На пути у Кыргыла встал;
Но вникать Бозуул не стал,
Почему, мол, старик застыл,
С гневом высказал он: «Кыргыл!
Я, глава десяти, скажу:
Спозаранку тебя ищу
Как на шкуре медведя – вошь;
Бунтовать ты задумал?! Что ж,
Так иди и бунтуй – один,
И слуга сам, и господин,
Но учти: отхлестаю так,
Что сначала умрёшь, дурак!
Коль тебя забавляет смерть,
Если хочешь сам посмотреть,
Как небес приласкает твердь,
То, пожалуйста: умереть
Помогу, не предав земле,
Растворяйся в небесной мгле
И в загробном живи миру!
Управляя тобой, помру
Сам от злости, – уж лучше ты,
Хоть сейчас! Я без маяты
Проживу, заодно коня
С твоего я сниму ремня,
Нагружу Акборчука тем,
Что навялил я ношей всем,
Усложняя им путь, – они
Шли без жалоб все эти дни,
А не как бесноватый ты;
Постыдился бы бороды!
Слава богу – скажу, когда

Твоя белая борода
Сгинет с глаз: мол, где старый вол
Не прошёл бы – бычок прошёл!
У истока реки, в горах,
Всех живых я сочту, а прах,
Что бунтует почуя страх,
Я скажу: отозвал аллах.
Лгать не стану: не терпит лжи
Сивогривый Манас, межи
Он не ставит меж тем, кто друг
Или нет, коль солгал он вдруг;
Гнев Манаса ведь быстр как смерть,
Избежать его не успеть,
Коль солгал ты, то умереть –
Постараться до лжи бы впредь!
Алмамбет – не родной он нам,
Коль убью – то кому отдам
Его голову? Думай, дед!
А Кыргыла же на тот свет
Кто отправит – держать ответ
Буду я, или скажешь – нет?
Не хочу попадать под гнев
Сивогривого – страшен лев,
Он давно уже не *шайыр*[916];
Лучше сам ты в загробный мир
Отправляйся – найди дыру
В межвреме́нии поутру
И растай, словно лунный блик,
Чтоб развеялся мой тупик».

Тут в сознанье пришёл Кыргыл,
Бозуула он перебил:
«Замолчи, Бозуул, мой тигр!
Мне, поверь, совсем не до игр!
На несчастной моей земле
Есть кому горевать во мгле,
Есть кому за меня гореть,
Если я соглашусь на смерть;
Есть кому обнаружить прыть,
Есть десятки кому водить;
Неудачей своей Китай
Захлебнётся, ты так и знай!»
Спор двоих разгорелся вновь,
В нём – и злость, и к родне любовь,
И усталость, и долг, и честь –
Всё вплелось, и уже не счесть
Кто кого порицает… Пусть
Разберутся в наплыве чувств.
Их оставим пока, а мы
Поднатужим свои умы,
Чтоб о планах узнать двух глав:
Сам Манас с Алмамбетом, – прав
Не нарушив друг друга, – счёт
Предъявили походу: тот
Должен длиться был столько дней,
Соответственно и ночей,
Сколь достанет сил у людей,
У измученных их коней;
Подсчитали они: поход
Суток восемьдесят займёт.

С полумесяцем золотым
Алый флаг, существом живым
Извиваясь над войском, высь
Озарял: облака неслись
Тоже с алым подсветом вдаль,
Словно в небе расцвёл миндаль.
Вёл войска Алмамбет, за ним
Как за пламенем вьётся дым,
Шли отборнейшие бойцы –
Все батыры и молодцы;
Вдруг Манас, что отстал слегка
Пересчитывая войска,
Его тающий силуэт
В пыльной мгле рассмотрел и вслед
Зычно выкрикнул: «Алмамбет!» –
Словно молния в небе след
Прочертила, иль белый гриф
Завизжал, небеса взъярив.
Алмамбет, услыхав тот крик,
Призадумался: «Край велик,
Край – разбуженный богатырь;
Кумсары – перевал-упырь
Ведь едва миновали мы
И забыли: народа тьмы
Самых разных племён собрал
Здесь Великий Жолой и встал
Грозным ханом над всеми; он

[916] Шайыр – жизнерадостный, весёлый, весельчак; бодрый.

К нам послал ли со всех сторон
С грозным криком *сарбазов*? Нет?
Донесли ему – Алмамбет
Появился в его краях?..»
Дальнозорок бывает страх.
Как по озеру Чатыр *кёл*
Страх волной по нему прошёл.

В это время к нему Манас
Прискакал и от мыслей спас,
Свой озвучив ему вопрос;
Аккула его еле нёс –
Так раздался Манас, возрос;
Он в расчёты поправку внёс:
«У пустыни Жадоочу,
Алмамбет, я сказать хочу,
Мы взобрались на лошадей,
И не сорок, а больше дней
Нам аллах помогал пройти
Эту трудную часть пути;
Ровно сорок один денёк
Мы скакали, и вот итог:
Ровно сорок одну ведь ночь
Шли – ведь мы торопились прочь
Из песков выбираться тех,
Под запретом держа для всех
В эти дни хоть какой привал.
Я поэтому подсчитал:
Вместе восемьдесят и два
Дней сложилось в пути, права
Ночи взяли у дней сполна:
Солнцем стала для нас луна,
Все без отдыха и без сна
Как натянутая струна
Шли и шли… Посмотри на них –
Из которых не выбит дых,
Но которые спят в седле,
Словно видят себя в земле,
В её вечных объятьях… Сон –
Щит от дум, что со всех сторон,
Призывают болезни, смерть…
Может многое дух стерпеть –
Голод, тяжесть доспехов, груз;
Тела с духом крепить союз,
Чтоб работали в унисон,
Может лишь полноценный сон.
Посмотри на людей: они
Так устали за эти дни,
Что не могут сидеть верхом
И не могут идти пешком,
Груз навьючив на скакуна;
В голове у них не война,
А смирение с вечным сном.
И подумал я вот о чём:
Будь ещё один день в пути –
Люди могут и не дойти,
Все погибнут, и этот грех
За бесславную гибель всех
Мы разделим с тобой, Алма;
Много надо ли нам ума,
Чтоб увидеть такой финал?
Надо сделать сейчас привал
С ночевою – народ устал!
Посмотри: даже наш Кыргыл
Колдовать из последних сил
Словно вздумал, предвидя смерть;
Бозуул попытался взгреть
Старика как десятник, – но
Сам с ним чую, он заодно».

Алмамбет же вспылил в ответ:
«Раз приказ мой – источник бед,
И моё руководство – ложь,
Забери моё ханство, что ж:
Что с китайца-раба возьмёшь?
За скандалом скандал – так вошь
Размножается в тесноте.
Раз приказы мои – не те,
В свои руки бери бразды,
Чтоб народ сберечь от беды,
А меня же – освободи,
И войска свои сам веди!
Пусть весь пыл мой уйдёт в распыл,
Лишь бы вдвое ты правым был,
Лишь бы выжил старик Кыргыл,
И хватило б у войска сил
До погибели доплестись!
Пусть Кыргыл не увидит высь
И заветный загробный мир;
Пусть кыргызов ведёт кумир!» –

Алмамбет так коня стегнул,
Что на корпус вперёд скакнул,
Всё сильней ускоряя ход,
Унося свою злость вперёд.
Лев Манас как гора застыл.
«Ну, свинью подложил Кыргыл!
Есть ли бог у него в душе?
К Алмамбету теперь уже
Подойти даже стыдно – мол,
Я Кыргыла нытьё учёл,
Не желая взглянуть вперёд:
Как к победе вести народ!»
Богатырь Алмамбет в седле,
Восседая на Сарале,
Как архар удалялся, быстр;
Голова в ореоле искр
У коня, словно мех у выдр,
Необычный имела вид:
День к закату, пылая, шёл,
Конской гривы летящей шёлк
У глядящего вслед ожог
Вызывал, отражая шок
Ярко-алых лучей с небес;
Птицей мчал он наперерез
Уходящему дню, сверкал
Обнажённых зубов оскал,
Да светилась во лбу, видна,
Метка белая, как луна.
Впрямь: «Копыта в земле, а стан –
В небо пущенный талисман».

Много, мало, – шестнадцать дней
Шли войска средь песков, камней,
Честь и гордость людей вели.
До реки Кобуулду дошли.
Неизвестно – пророк ли, бог
Им дойти до воды помог,
Но в ушах барабанный звон
Предвещал и покой, и сон –
Многим вечный уже… Тот край,
Зноем выжженный Капчыгай,
Как постель расстилал курай:
Коль не ляжешь, мол, – помирай.

Очень много упасть нашлось:
В людях даже утихла злость,
Лошадей, что рвались из рук,
Ослабевших совсем, не вдруг
Собирались ловить – увы,
Всем мечталось лишь до травы
Побыстрее добраться – лечь,
Рядом выронив сонно меч;
Так не валит бойцов и сечь.
Стихло ржанье, людская речь.
К чёрным водам любой скакун,
Что не пил уже столько лун,
Потянулся – на смерть свою,
Морду жадно уткнув в струю.
«Ай-я-яй!» – Алмамбет вскричал,
Лошадей отгонять начал,
Но не слушал его табун,
Каждый рвался к воде скакун,
Седоки же, упав ничком,
Как в загробный сбежали дом –
Спали, вывернув внутрь глаза,
Разбудить их ничем нельзя.
Алмамбет разозлился так
После пары-другой атак,
Что решил огласить весь край
Страшным криком: «*Кангай, кангай*[917]!»,
Как зовущий на бой *калдай*[918]
Взялся спящих пинать: «Вставай!»
Клич заслышав, вскочил народ,
Вмиг в бойцов превратился сброд:
Кто приемлет такой исход –
Сам подставить врагу живот?
Спотыкаясь, но каждый встал;
Алмамбет, не чинясь, сказал:
«Все ловите своих коней:
Без воды они столько дней,
Сдохнут, лопнут, напившись вмиг!
От воды отгоните их,
Привяжите, – потом опять
Все валитесь вповалку спать;
Кто приказ не исполнит мой –
Распрощается пусть с собой!»

[917] Кангай – боевой клич калмаков.
[918] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.

Лошадей привязали. Люд
Не судил вожака, что лют,
Нет – шептался народ о том,
Что для спящих он стал щитом
От *калмаков*: «Пинки – не грех,
Нас *калмак* повязал бы всех,
Прямо спящих убил бы!» – страх,
Припозднившись, вошёл в размах.
Тем не менее, всяк опять
Повалился на землю – спать.

Богатырь Алмамбет тогда
Успокоился: не беда,
Пусть, мол, сил наберут войска,
Цель похода уже близка.
С головою зарывшись в *тон*,
Размышлял о грядущем он,
Дни и месяцы вновь опять
Попытался пересчитать:
«Курмузшаа Мурадил на вид
И не хан ведь, а норовит
Стражем края большого стать –
Кызыларта хребет объять;
Раз в году он вершит дозор:
От долин до высоких гор
Всё объемлет ревнивый взор,
Не проскочит ни зверь, ни вор;
Появленья его пора
Отошла, и теперь пора
Обеспечить его уход;
Головы его спелый плод
В самый раз бы снести… Быстрей
Если я поведу людей,
Иноверца лишу башки;
После этого нам с руки
Всё разведать в Бейджине», – так
Алмамбет размышлял, не так,
Люд поднял он как для атак,
Вновь над войском взметнулся флаг.

Лошадей не жалея, вдаль
Шли – себя, мол, и то не жаль;
К красноводному Орунду
Путь привёл их, где как беду
Чёрный камень на дне реки
Там увидели: велики
У тревоги глаза, – объял
Всех мистический страх: опал
Или оникс, или берилл,
Но наполненный тьмою был
Этот камень, в реке он стыл
Как огромный казан; отмыл
До сверканья его поток:
Льдины белые тёрли бок
Казану лоскутьём кошмы;
А над ним, как в разгар зимы,
Вверх тянулись, клубясь, дымы –
То, седые от кутерьмы
Вод бурлящих, кусты травы
Наподобье людской молвы
Обрамляли весь камень; он
Телом чёрным был погружён
В глубь реки, и со всех сторон
Мёртвой рыбы, прервавшей гон,
Плыли вздувшиеся тельца:
То ли нерест им сжёг сердца,
То ль волною о камень тот
Их разбило кипенье вод.
Речки вздыбленной глубина
Не давалась на взгляд: до дна
Здесь, казалось, достать нельзя, –
Заболели у всех глаза
Столько вглядываться во тьму
Сквозь бурунов седых кайму.
Плетью бедного Саралу
Вдруг огрел Алмамбет, во мглу
Вод вступил осторожно тот,
Но как будто в водоворот
Вдруг попал: на мгновенье он
Скрылся с глаз, но реки полон
Отпустил его вскоре – конь
Словно козлик поплыл; вдогон
Шел за ним Алмамбет – совсем
Под водою, лишь виден всем
Малахая подмокший верх;
Но поход возымел успех,
И когда Сарала не смог
Грудью резать тугой поток,
Алмамбет за кольцо узды
Стал тащить его из воды,

Как собаку на поводке,
И в последнем лихом броске
С ним взобраться на берег смог,
Хоть обрывист он был, высок.
Видно, в юности царь Алма,
Набиравшийся сил, ума,
И в Бейджине листал тома,
И везде побродил весьма,
Знал, должно быть, где брод в реке, –
Так судачил о вожаке,
Наблюдая за ним, народ,
Саралат попытался вброд
Вслед пройти без коня, – но вод
Испугался: мол, унесёт.

Алмамбет же, и жив, и здрав,
Снял одежду, её меж трав
Разбросал просушить; коня
Успокоил, и в свете дня
Осмотреться решил вокруг
И увидел приметы вдруг,
Что с утра здесь таился враг:
Травы странно примяты так,
Вон от лука стрела, а там
Круг, как будто пришлось врагам
Джуламейку[919] собрать, спеша –
Вся картина ещё свежа:
Не затоптан совсем костёр,
Угли красные до сих пор.
«Со шпионом нас путь не свёл,
Пусть неверный узнает, мол,
Кто в края его вторгся…Эх!
Снёс башку бы ему, и всех
Скакунов я погнал к своим:
Мол, подарок явился к ним, –
Сам… Мне жажду желаний всех
Утолил бы такой успех», –
Так подумал в сердцах глава.
Всё вокруг осмотрев сперва,
Вновь свернул Алмамбет к реке,
Саралу привязал в леске,
Выбрав тополь покрепче, лёг
Сам в ложбине, где ветерок
Наметал тополиный пух.
Так оставим мы этих двух.
Словно речка, стремится речь
В направлении новом течь:
Конурбай, его Кароол,
Колдовства их большая роль –
Вот о чём повествует Сказ,
Увлекая теченьем нас.

[919] Жолум үй – небольшая юрта без кереге, которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов.

ВОЛШЕБНАЯ СТРАЖА КОНУРБАЯ

Э… э… э… эй!
Шесть промчалось ночей и дней,
Войско выспалось, и коней
Стали снова седлать в поход.
Но сначала собравший сход
Озадачил Алма людей
Самой странной из всех идей:
«Придержите коней своих!
Чтоб остаться и впредь в живых,
Надо ведать, что в землях сих
Главный враг, что свалить под дых
Сможет всех нас, включая скот,
И бесславно закрыть поход –
Я назвал бы стеченьем вод,
Что Оркун нам с собой несёт:
Будут плохи у нас дела,
Коль не сделаем *кюн жайла*[920],
Вот он, шаг самый первый наш!» –
Так сказав, он достал *жай таш*[921],
Водный выполнив ритуал,
Тучи в небе он привязал,
Шалый ветер поймав прогнал,
Чем разгневал он перевал:
Злобной девой завыл Оркун,
Снег с дождём он исторг, горбун,
Все горбы его в летний зной
В лёд укутались как зимой;
Лёд метровою толщиной
Сильно сузил проход меж скал,
Что и так был для войска мал;
Скалы – горстка богатырей
В белых ризах из соболей, –
Обливали, смеясь, людей
Моросящей мочой своей.
«Ну-ка, руки сложа не стой,
Выдвигайся вперёд, герой!» –
Так подбадривал Алмамбет
Всех, идущих друг другу вслед
Перепуганных молодцов,
Что сумели в конце концов
Перевал одолеть гуськом –
Где верхами, а где пешком:
Очень скользок и крут был склон.

В путь не вышел один Кокон.
«В чём причина?» – спросил Алма.

[920] Күн жайла – вызывать изменение погоды при помощи колдовства.

[921] Жай таш – (или кара таш) – ядовитый камешек, находимый в желудке овцы и якобы обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его соответствующим образом заговорить и опустить в воду.

«Люди словно сошли с ума, –
Так ответил Сынчы ему,
Срочно вызванный к самому, –
Подавили друг друга, как
Не сумел бы и страшный враг:
Страх помог и кромешный мрак,
И сомкнувшихся скал *абак*[922]:
В давке тысячи полегли».
Алмамбет стал темней земли:
«Властью зря тебя облекли!
Лошадей всех – вблизи, вдали
Что валяются, – собери,
Чтобы счесть их по головам,
И готовься к расплате сам,
Палача я уже позвал».
В ноги тотчас как сноп упал,
Смерть почуяв свою, Сынчы;
Алп Балта тут и Жамгырчы
Эту весть услыхав, что хан
Потерял не от вражьих ран,
Не в бою, и коней, и люд,
И к нему Алмамбет так лют,
Обещая его казнить,
Испугались, что жизни нить
Сынчыбека прервёт испуг,
В честь минувших его заслуг
Порешили помочь сейчас:
«Есть у нас скакунов запас,
Отдадим их ему, и пусть
Его люди продолжат путь –
Все, кто выжил, – и по уму
За Сынчы попросив Алму,
Чтоб он жизнь подарил ему,
С тем, что ханство отдаст тому,
Кто сумеет вести людей –
Хоть бы нам, – но вождю видней!»
Алмамбету сказал Балта:
«О-о, батыр Алмамбет, когда
Нападали враги как сель,
Проникая в любую щель,
С ними в бой Сынчыбек вступал,
И отваги не занимал;
Сивогривый Манас пришел,
Чёрный час миновал; как шёлк
К победителю льнул Сынчы,
Власти сам отдавал ключи,
Но с прибавкой их получил,
Оттого, что Манаса чтил.
С ним в поход ведь и стар, и млад –
Все отправились, каждый рад
Был помочь нам в большой войне,
Только в трудный момент вдвойне
Их количество в минус шло:
Теснота порождает зло.
Есть вина у Сынчы иль нет? –
Сам, подумав, скажи ответ,
Но послушай нас, Алмамбет,
Дать хотим мы тебе совет:
Кто в сраженьях от пуль, от ран
Не погиб – сохранил их хан,
Кашель с кровью кого в домах
Не добил, или вечный страх
Что томит беденяков с пелён,
Не смолол в жерновах времён, –
Хану слава, но коли сам
Вознесётся он к небесам –
Будут плохи у нас дела,
Вот где скажут – мол, не смогла
Власть себя защитить, и что
Будет делать теперь *додо*[923]?
Пусто место – не свято, нет.
Мудрый хан – это тот, кто сед.
У Сынчы ещё много лет
Стать как наш, например, дуэт.
Мы дадим ему, Алмамбет,
Скакуна, и не надо бед
Умножать, словно снежный ком;
Пусть мы даже пойдём пешком!»
Алп Балта, Жамгырчы-батыр
Убедительны были; мир
Воцарился в душе Алмы.
Он отдал им Сынчы – тюрьмы,
Даже казни, тот избежал:
Так сказать, ему бог подал
Тысяч целых пятьсот коней
С пожеланием быть сильней.

[922] Абак – тюрьма, место заключения.
[923] Додо – толпа, масса.

Ну, а два старика-посла
Вновь вскочили в седло: вела
Их дорога к Оркун-реке,
Что была уж невдалеке.
К красным водам Оркуна вёл
Алмамбет своё войско; шёл
Вспоминая – где брод здесь, мол,
Но, дойдя, поразился, столь
Непохожим на прежний вид
Весь пейзаж перед ним лежит:
Русло высохло, лишь ручей,
Извиваясь по дну, как змей
Полз – прозрачен отныне, чист,
Услаждая слух, как зурнист;
Перешёл бы ручей и вол,
И бычок, и простой козёл.

Перебравшись в уютный лог,
Где речушки гремел исток,
В свете вышедший в мир луны
Сосчитали войска – полны:
Живы ханы, народ живой;
Но в десятке, увы, одной –
Тазбаймат её вёл, – урон:
Девять воинов только; он
На вопрос, кто исчез, сказал:
«На Кордае я столько взял
Под начало своё людей;
Не терял никого нигде,
Шёл в конце я. Поверь, Алман,
Я поклясться могу на *кан*[924]!»
«Быть такого не может, – хан
Рассердился, – на всех туман
Напускаешь, Баймат? – обман
Лживой клятвой порочит *кан*;
Накажу я за то вдвойне:
Эй, сюда, палачи, ко мне!
Ханский титул с одеждой – прочь
Пусть сорвёт с него эта ночь,
В яму бросьте лжеца!» – указ
Не исполнился тот зараз:
Эту новость узнал Манас,
Что войска объезжал как раз.
Он, Серека позвав, велел:
«К Алмамбету скачи, чтоб дел
Он наделать бы не успел:
Дай письмо ему, – чтобы цел
Был примкнувший ко мне народ,
В том письме был записан счёт
Кто в десятке какой идёт
Вместе с нами в большой поход.
Тазбаймату грозит тюрьма
Или даже и смерть сама;
Ошибается коль Алма,
Сам же будет страдать весьма».

Стройный, гибкий как тополёк,
Брат помчал, не жалея ног,
К Алмамбету, чтоб свой урок
Побыстрее исполнить, в срок:
«О, глава Алмамбет, постой,
Разговор есть, и не пустой,
Позови-ка муллу: пускай
Он прочтёт эту запись, – знай,
Что вели на бумаге счёт:
Кто, и с кем, и за кем идёт!»
За подсказку воздав хвалу,
Алмамбет попросил муллу:
«Прочитай, кого вёл Баймат,
Кто покинул его отряд».
Стали список читать, и вот
Подтвердился искомый счёт:
Принял десять бойцов Баймат,
Как положено: ровно в ряд
В списке шли имена, средь них
Был …Манас Сивогривый! Стих
Даже шёпот стоящих всех,
А потом уже грянул смех –
Как раскаты весенних гроз, –
Все смеялись вокруг до слёз,
До икоты, и сам Баймат
Был донельзя, бедняга, рад:
Как орёл клекотал, смеясь:
«Надо ж! Я и забыл! Манас!
Я, пришедший к нему с Манжу,
Чуть не умер; кому скажу –
Не поверят, – забыл: меж нас
В бой на-равных идёт Манас,

[924] Кан – кровь.

Как простой рядовой боец,
Не спесивясь, и, наконец,
С нами делит постель и хлеб.
Раб-китаец его свиреп:
Чуть меня не сгубил навек –
Неразборчивый человек!»

Поговорка с тех пор жива:
«Как Баймат, ты забыл снова́,
Что с тобою идёт Манас,
Где же помнить тебе о нас?!»
Сам Манас посмеялся всласть:
«В нашей дружной десятке власть
Смотрит, видимо, сверху вниз:
Кто над властью поднялся ввысь,
Пусть умерит души порыв:
Он для власти уже не жив!
Так для нашего головы
Я, забытый, не жив, увы,
Хорошо, что хоть вписан в счёт,
Чтобы помнил меня народ!»
Посмеялся и Алмамбет,
Благодарный, что брат от бед
Спас учётом его своим.
Так остался Манас живым.

Дальше войско повёл Алма.
Надвигалась уже зима.
Эламана Кокчол – места
Ждали войско, и неспроста
На привалах Алма вещал:
Мол, в краю, что в себя вмещал
Много чистых озёр, лугов,
Столько тайн, и не всяк готов
Их познать, не утратив ум:
Здесь три месяца как самум
Всё сметает зима под лёд;
Здесь свирепейший зверь живёт,
Называемый Санкору,
Коль помочится он в бору –
Не растёт там уже ничто,
Ядовита моча; и кто
Храп услышит его, – навек
Лошадь или же человек, –
Обезумеет; зверь-ловец
Пожирает, начав с сердец,
Свои жертвы; и камень он
Может тоже сожрать вдогон,
Чтоб желудок наполнить свой,
Если он у него пустой;
Есть животное Кайгоолу:
Сам хозяин земному злу,
Видно, вылепил эту тварь,
Чтоб она напускала хмарь:
Глянь с одной стороны – крыла,
А с другой – эта тварь гола
И плоска, как валун, – она
Неподвижная не видна,
Словно две ипостаси в ней;
Но поднимется из камней –
Крыльев мощных размах что меч,
Хвост – охапка; людскую речь
Лишь заслышит, увидит люд –
То «стреляет» поносом: пуд
Или больше в один наскок
Укокошить батыра мог.
«Чуть заметив чудовищ тех,
Мчись от них, – может быть, успех
Будет бегству дарован, нет –
Санкору с Кайгоолу обед
Обеспечишь как свежий *эт*[925]», –
Так стращал бойцов Алмамбет.
Но, стращая, учил: «Когда
Попадаешь на те места,
Где бродила такая тварь,
Не пугайся: простая гарь
Всё почистит – возьми с коня
Ты подпотник, с героя дня
Стельку – тоже в поту, в огонь
Брось их оба, когда с ладонь
Прах останется – чисти им
Это место, а едкий дым
Воздух тоже почистит сам,
Унося весь яд к небесам.
Не ложись на места без трав,
А пришлось – костерок заправь,
Конский пот и мужской смешав,
Чистись дымом: тех тварей нрав

[925] Эт – мясо; тело.

Не приемлет такой состав,
Лишь почуят, без сил упав,
Могут ползать лишь как удав:
Не взлететь, ни пуститься вплавь», –
То ли в шутку, а то ль всерьёз
Алмамбет поднимал вопрос
За вопросом: как есть, как пить,
Как в природою в дружбе быть,
Как зверей на охоте бить.
«Есть здесь горный архар, и он
Не стареет в чреде времён,
Рок не рвёт его жизни нить:
Вечно стадо своё водить
Волен он, ну, а если вдруг
Повстречает людей, – то луг
Станет тесным для них в момент:
Колдовской его инструмент
И оружье – его рога,
Лучше сразу уйти в бега.
В остальном здесь, конечно, рай.
На оленей обилен край:
Ходят группой в лугах, в бору
В русле бурной реки Буруу,
Воздух нюхают: на ветру
Запах, свойственный лишь костру,
Человеческому жилью,
Телу потному и ружью, –
Это запах их гонит прочь,
Рассыпаются, словно в ночь
Звёзды рушат свой хоровод,
Выбегая на небосвод.
Склоны южные Кумсары,
Где стекают леса с горы,
Охраняет силач без сна;
Эта южная сторона
Не приемлет ничьей стопы.
На востоке же как столбы
Камни острые из песков
Ощетинились: всяк готов
Словно пикой проткнуть живот
Всем, кто скачет, ползёт, идёт,
Камнепадом к тому ж грозя.
Там живому ходить нельзя:
Место гиблое там, стезя
Тех, кто слишком уж зажился́.
Впрочем, страхи – огромный груз,
Что в пути набирает трус,
Даже в этом входя во вкус;
Вы же, всё намотав на ус,
Обходите опасность – пусть
В каждом шесть колоброд́ят чувств!
Отдыхайте пока», – Алма
Пищу выделив для ума,
Приказал начинать постой,
Чтобы отдых был не простой:
А с охотой, с игрой – чтоб *той*
Стал для всех словно сон златой.

Получив от главы приказ,
Оживились бойцы: «*Калас*[926]!»
Прозвучало в рядах не раз:
Приходилось им есть запас
Всухомятку, – конечно, спас
Их от голода он не раз,
Но сегодня их пробил час!
Поводком оснастив *укрюк*[927],
Сделав пикой его, на луг
Поскакали, оленям гон
Вмиг устроив, им вслед вдогон
Поспешили, крича, вопя:
«Эй! Гоню его на тебя!»
«Бей стрелою!» «Крючком рога
Зацепи его! Дорога́
И секунда!» – один кричит,
В это время другой джигит
Причитает: «Олень-стервец!
Ну, достал меня, наконец:
Он ударил меня в *карын*[928],
Вот тебе и поел *нарын*[929]!»
Третий тоже орёт: «Копьё
Утащил негодяй моё:
Во-он, уносит его в рогах,

[926] Калас – 1. свобода; освобождение; 2. Вот и все! Кончено! Конец!
[927] Укрюк – жердь с арканом, с петлей на конце для поимки пасущихся лошадей.
[928] Карын – живот, брюхо, желудок.
[929] Нарын – кушанье, состоящее из мелко нарезанного варёного мяса, слегка политого бульоном; бешбармак, который у китайских кыргызов называется «нарын».

Убегая на всех парах!»
Шум не меньший стоял меж тех,
Кто мечтал получить успех
От натасканных ловчих птиц,
Что, с хозяйских слетев десниц,
Вверх взмывали: куниц, лисиц
В плотных зарослях медуниц
Разглядев лишь, бросались ниц
Пострем ительнее зарниц,
Клекоча: мол, быстрее мчи
За добычею *беркутчи*!

Вызвал ханов всех на совет
После отдыха Алмамбет,
Чтоб поведать: какой секрет
Им поможет пройти без бед
Весь оставшийся трудный путь:
«Отдохнули? Я вижу – грудь
Все расправили… Кто-нибудь
Недоволен? Молчанье – суть
Совершенства и полноты;
Даже кони, и те, мечты
Все смогли утолить в лугах.
Чтобы вдаль не идти впотьмах
Вам хочу я открыть секрет, –
Начал речь свою Алмамбет. –
Конурбая-батыра вид
Очень грозен, хотя джигит,
Между нами, простой бандит.
К сожаленью, за ним стоит
Очень много волшебных тайн,
Кто не знает про них – считай,
Что споткнулся на полпути,
К Конурбаю начав идти.
Говорят, у Конура, мол,
В самом дальнем конце Кокчол –
Дней пятнадцать туда пути, –
Озерцо есть; его найти
Сложный хоть, но возможный труд,
Меднокрылая утка тут
Много лет проживает, – пруд
Её именем и зовут:
Эта утка – Конура страж,
Колдовская химера, блажь,
Но, однако, ведь гибнет тот,
Кто лишь к озеру подойдёт.

Есть в двух днях от лугов межа
Наподобие рубежа
Меж мирами: там Аккулжа
Словно дух самого кряжа́
Обитает всегда; душа
Стража этого, всех страша,
Отгоняет от этих мест
Заставляя вершить объезд.
За хребтом лишь пески лежат,
Безобидны на первый взгляд,
Их «пустыней лисы» зовут
Старожилы, добавив: плут
Этот край, он по-лисьи лжив:
Мёртв снаружи, в глубинах жив.
У китайцев манера: вглубь
Заманить туда всех, кто глуп, –
Чтобы выжить, потребен ум;
Стражи – звери там и самум.
Надо всех убивать подряд,
Не взирая – хоть стар, хоть млад,
В чьём обличье – зверином, нет,
Даже если удару вслед
Вдруг случится в какой-то миг
Ты любимой увидишь лик,
Иль отца, иль жены – возник,
Значит, просто зеркальный блик,
Отражённый из недр души, –
Бей не глядя, коли́, души,
Ни мгновенья сему не верь:
Это маску накинул зверь,
Чтоб сподручней убить тебя.

Даст пустыню пройти судьба –
Дальше сразу пройдём в Бейджин.
Тяжесть ляжет на всех мужчин,
Повторяю: наш путь тяжёл.
Все мы – лев наш Манас Айкол,
Алп Бакай, я – Алма, Чубак,
Сорок храбрых *чоро*, – никак
Не обманет нас хитрый враг,
Разве кто-то из нас слабак?
Утка, горный архар, лиса –
Раз мы знаем о них, нельзя

На испуг колдовством нас взять.
Мы пойдём на разведку – тать
Пусть шпионит за войском здесь,
А про нас не узнает весть.
Пусть *абам* наш Бакай судьбу
Попридержит; Сынчы, Урбу,
Жамгырчы, богатырь Тёштук,
Музбурчак, остальной весь круг –
Эр Кокул, богатырь Агыш, –
Здесь останьтесь, следите лишь,
Чтоб народ не сходил с ума,
Ведь безделье – увы, тюрьма.
Мы вернёмся сюда, поймав
Меднокрылую утку, нрав
Ей подправив: из пряных трав
К ней, варёной, набрав приправ;
Ну, а горный архар когда
Сам нарвётся на нас, – беда
Если кровь не спустить, сразив:
Стар он, есть его, кровь не слив, –
Мясо будет горчить, вонять.
Будем в спину ему стрелять:
Легче разом из брюха дух
После сбросить, чтоб не протух.
Посмеёмся, когда лису
Мы поймаем в песках: красу
Растеряет, поди, она,
Меткой пулею сражена.
Вот ближайший наш план пока.
Коль удастся взять «языка» –
Да, шпиона-китайца, – что ж,
Вмиг от правды отсеем ложь:
Как такой победить народ.
И скажу, забежав вперёд:
Наслажденье в игре – когда
Измотает тебя беда,
Но её победишь и – да:
Насыщенье найдёт нужда,
И победа поднимет дух,
И хвала приласкает слух,
Утка медная сбросит пух,
Чтобы ложе смягчить; пастух –
Этот вечный архар – всю мощь
Через мясо отдаст; а в дождь
Малахай из лисицы греть
Твою голову будет впредь;
Ну, а душу уж не лиса
Будет греть, а жена-краса,
Что с Китая ты привезёшь», –
Коль в словах Алмамбета ложь
Завязалась чуть-чуть – она,
Как в разгар холодов весна,
Ханам дух подняла сполна
На грядущие времена.

«До свиданья», – сказал Манас.
Аккула его перепляс
В нетерпении выдавал;
В степь волшебную ускакал
Их отважный отряд – ловить
Верных стражей Конура – нить,
В ад ведущую, чтоб прервать
И по-божески бой начать.
Вышли утром, весь день в седле
Провели, и в вечерней мгле
Подошли к озерку-пруду
Меднокрылую брать беду.
Ещё шли к Ташсениру лишь,
Поразила густая тишь,
Что клубилась как смог вокруг.
Алмамбет взволновался вдруг:
«*Акжолтой*[930] наш, *аба* Бакай!
Ты мудрее всех нас, *бабай*[931],
Попрошу тебя: этот край,
Где сейчас стоишь, охраняй!
Это просьба, а не приказ.
Сможешь ты отвести от нас
Неудачу – дорога здесь
И обзор превосходный есть;
Коль подбить не сумеем враз
Эту утку, она от нас
В бегство бросится вмиг; гляди,
Чтоб не дать ей совсем уйти.
Разойдёмся по кругу мы:
Наподобье живой каймы
Создадим мы вокруг пруда,

[930] Акжолтой – приносящий удачу, счастье.
[931] Бабай – старец.

Значит, тварь побежит сюда.
Милый мой *абаке*, прошу:
Если вдруг ты услышишь шум,
За дорогой следи: она,
Не взлетая, пойдёт, волна
Её выплеснет оземь здесь,
Ты не дай ей земли нагресть
Коготками, и крыльев взмах
Постарайся сдержать, хоть страх
Будет застить глаза, – стреляй,
В небо выпрыгнуть ей не дай,
А иначе из облаков
Она вытряхнет сонм врагов,
Пыль, что лапами тварь взметёт,
Станет прочным мостом, и тот
Даст спуститься с небес врагам.
Небо станет с овчинку нам!» –
И добавил Алма к тому ж,
Обернувшись к Манасу, – «Муж,
Тот, что в утку стрелу вонзит,
Потеряет и честь, и вид –
Станет старцем он в этот миг,
Будет дряблым не только лик.
Видно, злобный колдун-старик
Чары с карой запутал встык;
Сам поэтому не стреляй,
Не боится тех чар Бакай!»

И Манас, и большой Бакай
Здесь, у камня, остались. *Сай*[932]
Был по-прежнему вязко тих.
Весь отряд их – лишь без двоих, –
Разошёлся цепочкой вкруг
И наткнулись на утку вдруг.
Алмамбета узнала тварь
И решила навеять хмарь:
«Полежу без движений, пусть
Продолжают пустой свой путь».
Опустилась она ко дну,
В ил зарылась скорей, в копну
Плотных водорослей, волну
Постаралась не колыхнуть.
Камыши затрудняли путь,
Загораживая и цель:
Пробирались к воде сквозь щель
Меж колючих тугих стволов.
«Чтобы каждый стрелять готов
Был мгновенно, – сказал Алма, –
Постараться должны весьма
Все мы: утки чтоб не одной
Ввысь не взмыло бы над водой!
Ты, Кыргыл, своих сорок львов
К жёсткой схватке уже готовь:
Фитили подпалите все,
Чтобы пуль, словно блох на псе,
Было больше, чем быть должно;
Бейте всё, что отпустит дно!
Ты, Чубак, заряди ружьё,
Как готово уже моё».

В *Алмабаш*[933] Алмамбет вложил
Столько пуль, сколько было сил;
Взял он стрелы у Колумсы,
В лук вложил их, чтоб бить разы,
А не только единый раз;
Барабан у него в окрас
Настоящий китайский был –
Яркокрасный, – он звонко бил;
Впрочем, только едва Алма
Его тронул – и кутерьма
Началась в озерке: вода
Заплескалась вдруг: из пруда
Сотни уток взлетели, но
Вновь попадали все на дно,
На воде лишь остался пух –
Сотни выстрелов даже слух
Всем замкнули на время; пруд
Красным стал; но напрасный труд
Был искать среди тушек всех
Ту, единственную… Успех
Был сомнителен; Алмамбет
Подытожил: «Здесь медной нет!
Она блещет как солнце вся,
Своим блеском его гася;
Золотые все перья, пух;
Нет таких во всём мире двух:

[932] Сай – русло реки; ложбина, ложе водоёма.
[933] Алмабаш – название богатырского ружья.

Хвост в сплошных изумрудах; дух
Боевой; её тонкий слух
Распознал нас ещё тогда,
Когда только мы шли сюда;
Видно, где-то лежит на дне,
Бдить должны мы теперь вдвойне:
Зарядите все ружья вновь,
Очень труден грядущий лов;
Всё проверьте: без пепла чтоб
Фитили бы горели; в лоб
Бейте утку, следя за тем,
Чтобы взгляд не мутила всем:
Двадцать в небо стволы и взгляд
Направляйте, чтоб к звёздам в ряд
Не пристроилась тварь, блестя,
Двадцать – в землю пусть смотрят,
бдя;
Брюхом коль соскоблит траву –
Вмиг натягивайте тетиву,
Бейте, чтобы осталась там,
Где корябает, – к небесам
Не пускайте её взлетать,
А иначе побьёт нас тать!»
Чубака удивлённый взгляд
Заприметил Алма, и «Брат! –
Так сказал он ему, – поверь,
Наказание, а не зверь,
И не птица ведь утка та:
Её внешняя красота –
Золотое перо и пух
Ярко-медный, и злобный дух –
Всё в одном; она так хитра,
Заприметив, небось, с утра
Наш отряд, залегла она
В ил надолго, где глубина;
Приозёрные утки все
Нами сбиты; змеёй в овсе
Притаилась она – камыш
Дал ей столько надёжных крыш,
Что лежать она там, на дне,
Затаившись на глубине,
Может столько, пока отряд
Не захочет идти назад;
Вот тогда она в спину нам
И поднимёт весь свой бедлам!

Ты, дружище, изо всех из нас
Самый статный, почти Манас:
Мощь навскидку видна, на глаз,
Но нужна не она сейчас,
А твоя осторожность лишь:
Без сапог проберись в камыш,
Тихо-тихо пройди в воде,
Не тревожа волны нигде;
Тварь, что дремлет в своём гнезде,
Чуть почуя, что быть беде, –
Будет рваться скорее ввысь,
Ты не мешкая наклонись
И за крылья её хватай;
Наготове я буду, знай,
Подстрелить эту тварь, когда
Выдаст плеском её вода.
Я по звуку стрелять в неё
Буду – так я метал копьё,
Чтобы рыбу поймать, – а ты
Стой спокойно, без суеты;
Я как ты не пройду – шаги
У меня ведь не так легки,
Меднокрылую тварь мой шаг
Растревожит быстрей, и так
Ты не сможешь стрелять, как я,
Обойдёт нас она, змея,
Ввысь поднимется, и тогда
Нас накроет в момент беда».

Бог подначил ли Чубака:
Руки вдруг он упёр в бока,
И упрямо упёрся сам:
«Я не понял – какой бедлам;
И потом: без сапог по дну
Не пойду я, хоть на кону
Пусть полцарства стоит и трон;
Не хочу ни с каких сторон –
Хоть за крылья, хоть за бока, –
Эту утку ловить: века
Здесь она хоронилась, пусть
Дальше прячется – утка ль, гусь;
Если знаешь ты всё о ней,
Сам лови – ты меня умней,
И сильнее, и власть – твоя;
Помощь будет лишь в том моя,

Чтоб не дать ей сбежать от нас.
Сам исполни дурной приказ!»
Отказался Чубак, когда,
Алмамбет промолчал; вода
Шевельнулась на взгляд слегка;
Без халата, без калпака,
Босиком, закатав штаны,
Алмамбет на тот всплеск волны
Поспешил, чуя там гнездо,
Невзирая совсем на то,
Что по пояс уж вымок весь;
Для опоры искал он мест,
Молча шаря босой ногой,
Пожалев, что не весь нагой,
Дальше, дальше ступал – увы,
Нет опоры! До головы
Доставала уже вода,
Обжигая не хуже льда,
Забиваясь и в рот, и в нос;
Алмамбет уже весь замёрз,
Где там – лук натянуть, увы!
Из-под гнёта речной травы
Утка плавно, как рыба, вдруг
Проскользнув меж корявых рук,
Ярким светлым пошла пятном
К Чубаку, под его конём,
Проплыла, заплыла под хвост
И оттуда поярче звёзд
Сиганула в простор небес, –
Дзынь! – лишь эхо звенит окрест,
Но не видел её никто –
Ни *чоро*, ни Чубак; зато
Алмамбет вдруг услышал гром:
Эр Бакая ружьё вдогон
Эху выстрел, да не один,
Выдал, в эхо вбивая клин.

«Тварь оставила нас ни с чем,
Улетела, но *абакем*,
Слышу, выстрелил! Дай-то бог,
Чтоб убить он злодейку смог!»
Из воды Алмамбет бегом
Вышел голый и босиком,
В тине – видом из дикарей, –
Он к Бакаю помчал скорей.
У подножья гор аксакал
С важным видом в очках стоял,
Был немного смущён Бакай:
Не хватил ли он через край
Мощных выстрелов чередой?
Таш барана[934] пистонный бой
Утку просто разнёс, увы;
Метил в лоб ей – полголовы
И полгорла, увы разнёс;
По приметам – она: и хвост
Изумрудами весь порос,
И бородка, и медный нос,
Да и пух золотой весь был».
В нём охотничий вспыхнул пыл,
Когда утка как вздох, как пыль,
Проскользнула – как призрак всплыл.
«Тень ли, живность – я не пойму:
Обманула *чоро*, Алму,
И попалась мне одному
Эта утка; ну, что ж, приму».
Просчитав мимолётно путь,
Чтобы пуля попала в грудь
Этой утке волшебной, он
Бить пытался, со всех сторон
Пресекая её полёт:
Слева, справа, в обход, вперёд.
Пуля горло порвала влёт,
Крылья вывернулись, и вот
Как златой переспевший плод
Утка рухнула вниз с высот.
Лев Манас загляделся: медь
Продолжала блестеть, гореть,
Золотой ореол тускнел,
Но как угли, сгорая, тлел.

А тем временем Алмамбет
Доскакал: грязно-синий цвет
Тело красил в степной букет,
Комья грязи летели вслед
От копыт скакуна, с седла.
Тварь за крылья подняв, без зла
Заплевал её всю Алма,
Чтобы искру задуть ума,

[934] Таш баран – пистонное оружие наподобие автомата.

Тушку спрятал он в *торока*[935]
К *кабылану* в седло – пока
Не вернулись они в войска:
Цель была ещё не близка.
Тут одежду Чубак привёз,
Раздосадованный всерьёз.
Облачился в неё Алма
Молча – что, мол, сходить с ума,
И сказал: «Богатырь, пошли!».
Низко кланялись ковыли,
Запах шёл от травы, земли,
От ванильной густой пыли.
Алмамбет всё решал в пути,
Сколько надо ещё пройти
До гнезда *Аккулжи*[936], а там
Лошадей попасти, к *сыртам*
Их поближе пустить, самим
Развести бы очаг, чтоб дым
Не ушёл далеко бы ввысь,
Чтоб кому-нибудь попастись
Не схотелось за их же счёт –
Всякий-разный в горах народ.
Суп попить бы горячий, чай.
Так же думали лев, Бакай.

Рассчитать всё Алма лишь мог:
«В можжевельниках Ачмойнок
Этот горный архар живёт.
Он, надеюсь, гостей не ждёт
А пасётся беспечно. Нам
Незаметно к его горам
До отрога его пройти.
Это больше, чем день пути.
Там высокая есть гора
Две вершины на ней, ветра
Меж горбами ночуют там;
Целых восемь ложбин к горам
Примыкают к распутью троп,
Ровно девять их – словно сноп
Растрепали зверьки чащоб
И потом разбросали, чтоб
Всех запутать, кто шёл сюда,
К двум вершинам, к сверканью льда,
Чтоб терялись среди дорог,
Все, кто в этот забрёл отрог,
Чтоб никто отыскать не мог
То, что тайной окутал рок.
Тридцать впадин у двух вершин.
В узел сходятся все в один,
Он и назван Узлом большим,
Он во времени нерушим.
Дай нам бог в перекрёстке троп
Путь найти свой без лишних проб».

Шесть уж дней как батыр Алма
На распутье сходил с ума:
Едкий дух Аккулжи весьма
Близко к ним доносила тьма,
Но следы его все волшба
Ветром слизывала, губя;
Как же вызнать – где та тропа,
Чтоб по ней привела судьба
К цели маленький их отряд?
Так похожи они на взгляд.
Все обследовать наугад?
Дни и месяцы так летят!
Пока будут искать пути,
На Макушку архар уйти
Сможет, спрятаться до поры,
Чтобы правила их игры
Диктовать самому потом.
Повелел Алмамбет: «Пойдём!
Мы Макушки достигнем днём,
Если ночь не заполним сном,
При луне этот путь начнём,
Заарканим луну, и пусть
Нам она и укажет путь;
Дни и ночи почти равны:
Ночи светлые от луны,
Превратим их, пожалуй, в дни,
Пусть помогут догнать они
Колдовского архара: он
Неслучайно устроил гон:
Раньше нас на Макушку коль

[935] Торока – ремни у задней луки седла для привязывания чего-либо.
[936] Ак кулжа – *досл.* «святой (сияющий, плодоносный) июнь», *но здесь* синоним волшебного горного архара – прародителя животных, хозяина мест.

Он успеет, то под контроль
Наш поход до Бейджина весь
Вмиг поставит архара весть:
Лишь завидев его, Конур
Будет знать, хоть и не авгур,
Что идёт к нему тайный враг;
Конурбай узнаёт всё так:
Появленье архара – знак,
Что подходит с войной чужак.
Эсенкан уж пришёл в Бейджин
Жив и в общем-то невредим,
Новость он подтвердит, тогда
В шесть десятков ворот беда
В Каканчын не попала чтоб,
Конурбай поспешит взахлёб
Собирать на войну народ,
Великанов всех созовёт
Приведя их скорей в Тунша.
Надо нам окружить, спеша,
Стадо с горным архаром – он
Пусть почует со всех сторон
Свою близкую смерть, тогда
Не отпустит его беда
Одного на Макушку – весть
Он не сможет Конуру несть,
Успокоить его порыв
Может так лишь мы до поры:
Он в ложбину сойдёт с горы.
Словом, правила сей игры
Надо в руки нам брать самим:
Он – огонь, мы пока что – дым;
Вот когда разберёмся с ним,
И лису мы перехитрим».

Алмамбет всё продумать смог.
По числу девяти дорог
Сорок смелых богатырей
Разделил он: мол, так верней
Окружить нам архара; тот
Вознамерился в Чонколот
Перебраться – там до высот
Ближе некуда; хитрый скот
Изучил все дороги здесь:
По ложбинам живая весть
Пробиралась; наитьем чуть
Алмамбет угадать мог путь,
Полагаясь на опыт, ум
И решенья бессонных дум.
В Чонколот повернул не весь
Их отряд: порешили здесь
Пост оставить в одном из мест:
Всё проглядывалось окрест
Из-за высохшего ручья –
От пернатых и до зверья.
Оставался здесь *Абакем*:
Не сумел заменить никем
Старца мудрого Алмамбет,
А *чоро* он сказал вослед:
«Здесь архаров простых не счесть.
Не стреляйте, сначала шерсть
Разглядите, ведь Аккулжа,
Чья бессмертна в веках душа,
Не баран – то они, дрожа,
Убегают всегда, спеша;
У архара – у колдуна –
Цвет смуглее, и как луна
На рогах у него горит:
Словно проволока на вид
В шар скаталась, – заметный знак!
Пусть со мною идёт Чубак –
Его сила теперь нужна.
Остальным же сигнал должна
Алмамбаша пальба подать –
Постараюсь тогда стрелять,
Когда будет мне виден тать,
Чтоб по звуку вам угадать,
Где он прячется, где гнездо;
А убьёт коль архара кто –
Пусть поднимет, воздев на кол,
Его голову – вот он, мол!
Не снесут коль башку, – увы,
Слышал часто я от молвы, –
Оживает волшебный скот,
Зарастает от ран живот».

Разъяснив всё примерно так,
Вновь окликнул Алма: «Чубак!
Что ж, пойдём мы?» – колеблясь чуть:
Тот разделит с ним, нет ли, путь.
К Ачмойноку дошли верхом,

Там, на взгорье, коней рядком
Привязали – теперь пешком
Предстояло идти тишком.
Светло-серый рассветный мир
Сединою покрыл *такыр*,
Скучен вид был – зелёно-бур;
Как невестка бровями хмур
В тёмных тучах светлел восток,
Солнца медленный лепесток
Показался, скользнул в песок,
Алым цветом раскрасить смог
Этот бурый унылый край,
Растревожил пернатых грай:
Сотни, тысячи голосков
Разлетелись среди песков,
Словно каждый был дня гонцом.
На зелёном песке яйцом
Белый камень лежал – ступить
Было страшно: он вдруг вопить
Принимался и грохотать,
Коль начнёшь по нему шагать;
Словно медный комуз звенел,
Даже если никто не смел,
Прикоснуться к нему, – трезвон
Целый день шёл; со всех сторон
Эхо множило этот звон,
Растекаясь во мглу времён.

Тайну знающий Алмамбет
Выдал спутнику весь секрет:
«О-о, китайский хитёр народ:
Если горный архар уснёт,
То разбудит его трезвон.
А давай-ка мы с двух сторон
Подкрадёмся к «яйцу» – оно
Лишь во вред нам заведено.
Ты, Чубак, в этот месте стой,
Я сниму сапоги, босой
Прокрадусь, проползу ничком,
Караулить начнём молчком,
Случай выждем с тобой вдвоём
И в удобный момент убьём
Мы архара – иль ты, иль я,
Точным выстрелом из ружья».
Прошептав это, Алмамбет
Сел, разулся, их общий след
Быстрым взмахом затёр, – мол, нет
Нас, не нам и держать ответ.
Но Чубак Акбалта опять
Заупрямился: мол, стоять
Не хочу, и пошёл вослед
По тропе, где полз Алмамбет,
Да ещё в полный голос он,
Перекрыв колдовской трезвон,
С тайным ядом на языке
Вопрошать стал: «Ах, Алаке,
Наш всезнающий милый вождь,
Вызывающий снег и дождь,
Где он – твой неземной баран,
Нестареющий ветеран?
Ты архара решил догнать
Босиком? А какая стать
У тебя, когда ты ползёшь! –
Настоящий великий вождь!
Пожалел ты меня, гляжу,
Ты подумал, что я дрожу
Испугавшись архара, да?
Не моя, а его беда,
Если встретимся мы лоб в лоб:
Я – стрелок, я мечтаю, чтоб
На меня бы он вышел вдруг,
Разомкну я бессмертья круг –
Для того у меня ружьё:
Бить без промаха – вот моё
Самостийное колдовство,
И призванье, и естество!
Я индеек так с детства бил,
Что, пожалуй, им счёт забыл,
Ну, а ты говоришь – постой,
Мол, баран этот горный – мой;
Как неправ ты, мой дорогой,
Я – не ты, я совсем другой».

Алмамбет волновался – шум
Здесь не к месту, ведь ясный ум
И к тому же прекрасный слух
У архара, – услышит двух
Переругивающихся врагов,
Будет с вестью бежать готов
На Макушку – поди, достань,

Весь поднимет китайский стан!
Промолчал он, хотя в душе
Всё кипело: «Боюсь, уже
Весть услышал архар о том,
Что мы ловим его вдвоём;
Недалёко и до беды,
Все насмарку пошли труды!», –
Но не выронил слова с уст.
Можжевельника пышный куст
Он пристроил перед лицом,
Чтобы рядом лежать с «яйцом»
И незримым при этом быть;
Чтоб напарника отрезвить,
Он ему прошептал: «Давай,
Как появится скот – стреляй!
Здесь дорога как раз, и он
Непременно придёт на звон».
Слава богу, Чубак умолк,
Лишь, ружьё заряжая, щёлк
Он короткий издал, в обход
Обогнув Алмамбета; тот
С непокрытою головой,
Весь в пыли, без сапог, босой,
В можжевельнике схоронясь,
Ждал архара, нащупав связь
С нечестивцем через астрал –
Чуял: близко, и молча ждал.

А Чубак же на каждый пень
Озирался: казалось, тень
Промелькнула, – архар? Олень?
Облака ли пятнают день?
Если б знал он, что сам архар,
У кого был сильнее дар
Зренья и, не считая чар,
Власть над миром незримых мар,
Заприметил его уже,
Потешаясь над ним в душе,
Подлый ум у него, скота,
Зафиксировал: «Ерунда!
Впрочем, враг не один – зачем
Он рисуется, перед кем?
Вот опять оглянулся – так
Ждёт подмоги в делах дурак;
Окружили! Пора бежать,
На меня ведь охота, знать».
К бегству путь этот горный гад
Быстро вычислил, и назад
Поскакал от засады он,
Рассудив, что, мол, с трёх сторон
Отступленье прикроет склон,
Отвлечёт неумолчный звон.
В можжевельнике лёгкий всплеск,
Сухостоя невнятный треск
Всё ж заметил Чубак, – спеша
Он фитиль подпалил, душа
В предвкушенье охоты в нём
Трепетала, горя огнём,
Белый камень перешагнув,
Он, к прицелу ружья прильнув,
Сделал выстрел; но Аккулжа
Увернулся; едва дыша
Богатырь зарядил ружьё,
Снова вскинул к плечу, – жульё
Под личиной архара вдаль
Припустил, только мары шаль
На охотника бросил он,
Чтоб казалось: со всех сторон
Пыль клубится по тропкам всем,
Словно мчится архаров семь
Или девять… Тарах-бах-бах!
Богатырь, ощутивший страх,
Словно кто-то чужой был в нём,
Все кусты поливал огнём.

Алмамбет лишь архару вслед
Мог помчаться – босой, раздет,
Весь в пыли и в досаде: рок
Изо рта утащил кусок!
Взял ружьё он, бросая лук –
Аккулжа убежал на луг,
Приближался к обрыву он,
Где пещеры иных времён
Могли вывести через холм
В даль такую, куда потом
Добираться им много дней…
«Ах, уйдёт!» – Алмамбет быстрей
Побежал, по камням скользя,
Понимая уже – нельзя
Ни на миг этот бег прервать:

«Надо только ему не дать
Добежать и нырнуть в дыру», –
Бездорожьем как на юру
Он по острым камням бежал,
В ноги тысячью острых жал
И колючки, и скол камней
В стопы целили всё больней:
Были алы следы, – ну что ж,
О точило так точат нож, –
Так же ноги мелькали, сплошь
В ранах, кровью сочась как дождь.
Где он черпал свой пыл? – бог весть.
Силы может умножить месть,
Коли вылилась в жажду вся;
Это зависть, всю мощь гася,
Пешкой рушит порой ферзя.

Горный оборотень, неся
Свой двурогий венец витой,
Нитью затканный золотой,
Впереди как звезда горел.
Словно ветер архар летел.
«Нежели уйдёт пострел?!
Как он ловок и как умел! –
Ну, конечно же, волшебство –
Его сила и естество!»
Мысли тоже бежали вскачь,
Словно пущенный с горки мяч.
Алмамбет за архаром вверх
Поднимался; в кузнечный мех
Превратилась нагая грудь
Всё трудней становился путь:
На хребет у слиянья рек
Аккулжа свой направил бег;
Пищу травам там три реки,
На щедроты свои легки,
Отдавали, и травы там
Уподобились все лесам.
Продираясь сквозь них, Алма
Не надеясь на мощь ума,
Весь доверился чувствам: нюх
Доносил ему зверя дух,
Обострился настолько слух,
Что жужжанье незримых мух
Обозначивало тропу,
Где ломился архар, в щепу
Всё круша, торопясь в дыру,
Раздосадовав мошкару;
К склонам северным он спешил –
Так мгновенно Алма решил,
Ощутив, как холоден, сух
Ветер, бег тормозивший двух,
Пыль бросающий им в глаза;
Понял: мешкать уже нельзя,
Там пещерами склон изрыт,
Где любая как ночь на вид.
Обернувшись за валуном,
Алмабаш примостив на нём,
Полагаясь на слух и нюх,
На душно́й перекисший дух,
Приблизительно в морду залп
Дал, снеся интригану скальп.
Аккулже наступил конец:
В лоб и в шею впился свинец,
Голова отвалилась прочь
И померкли рога как ночь.
Туша, словно подпрыгнув вверх,
Оземь грохнулась; грязный мех
Весь в кровавых потёках стал.
В этот миг Алмамбет устал:
Он заметил, как хлещет кровь
Из разбитых ступней, и вновь –
Только мысленно – повторил
Путь что он босиком торил;
Превратился в калеку он,
Рядом с тушей упал на склон,
Из запекшихся губ лишь стон
Смог прорваться, и гулкий звон
Мозг батыра забрал в полон, –
Словно он провалился в сон.

Исполняя приказ, Бакай
Оставался на месте; пай
В гон охотничий внёс как страж;
Вдруг услышал он *Алмабаш*:
Грохот выстрела *Ташкелте*[937]
Он бы мог различить везде,
Понял он, что в горах, в гнезде,

[937] Келте (в эпосе) – род старинного ружья; таш – камень.

На невиданной высоте
Алмамбет застрелил гонца
Под личиной козла-самца.
Очень скоро, придя в себя,
Голос подал Алма – хрипя,
Словно кречет больной, сипя,
Вниз спускался он, торопя
Своё бедное тело, чтоб
Не упасть навсегда как сноп.
Когда он подошёл, *Абан*
Поразился: исхлёстан стан
Можжевельником, ног ступни
Излохмачены все в ремни,
Сухожилий узлы видны,
Даже кости обнажены.
«Вот поганец Чубак! – сказал
Алмамбет, и у ног упал
Эр Бакая, едва живой, –
Вот что сделал Чубак со мной!»
Обессилев в своём броске,
Он раскинулся на песке,
С хрипом вымолвив: «Абаке!
В горной выемке вдалеке
Наверху Аккулжа лежит,
Застрелил я его… Мой вид –
Напугавший тебя, – вина
Чубака, я хлебнул сполна
От упрямства его, злобы́:
Как возмездье тупой судьбы
Он сработал… Невмочь терпеть –
Как болят мои ноги! Смерть
Он бы всем нам принёс… Успеть
Всё исправить хотел я… Снесть
Мне пришлось кроме тяжких ран
Оскорбленья юнца… Баран
Мёртв… И я – как почти что он», –
С губ сорвался тяжёлый стон
И забылся опять Алма.

Растревоженный всем весьма,
Вверх поднялся Бакай, туда,
Где сверкали зубцы хребта,
Где шумела трёх рек вода,
Где архар уснул навсегда.
Хоть старик был Бакай, но он
Смог осилить за склоном склон,
Подобраться к архару – тот
Лишь рога устремил на свод –
Череп весь был свинцом снесён,
Смерть свою не заметил он:
Даже смерть разглядеть нельзя,
Коли выстрел разнёс глаза.
Постарел богатырь Бакай,
С гор спускался он *тарбагай*[938],
Но сумел вместе с тушей слезть
С высоты, на седло вознесть
Груз и тропы преодолеть.
А усталость – ещё не смерть.
Когда тушу спустил он вниз,
У Алмы промелькнула мысль, –
Вспомнил он: Жуйрун-великан
Говорил ему, что от ран,
Самых страшных, архара кровь –
То, что раны затянет вновь.
Алмамбет прохрипел: «*Абам*!
Можно, дельный совет я дам?
Аккулжа – не простой архар,
Он волшебного мира дар.
Пока горный баран наш свеж,
Ты, пожалуйста, перережь
Горло – желчь пусть и кровь стечёт.
Как-то знающий мне народ
Говорил: эта кровь за раз
Раны лечит верней лекарств.
Дай мне ноги намазать – вдруг
Мой на убыль пойдёт недуг?»
Разве смог бы Бакай в разрез
Этой просьбе пойти? Он слез
Поскорее с седла, потом
Тушу оземь спустил, ножом
Перерезал он жилы, кровь,
Что лилась, он собрал, улов
Свой нанёс на ступни Алме, –
Чудо! Словно в волшебном сне
Затянулись все раны вдруг,
Только высохла кровь вокруг!

А тем временем и Манас

[938] Тарбагай – враскоряку.

На своём Аккуле как раз
Подоспел, и *чоро* за ним –
Кто с гнедым, а кто – с вороным;
Вёл Чубак с собой Саралу,
Был он весел, как будто к злу,
Что невольно, но совершил,
Непричастен нисколько был.
Он присвистнул при виде ран
На ногах Алмамбета: «*Кан*[939]?!
Где поранился так, браток?»
Удержаться Алма не смог
От язвительного словца:
«Дичь была поумней ловца:
Ты, Чубак, только ранил цель.
Мог архар проскользнуть хоть в щель,
Хоть на время залечь в окоп,
Знак подать Конурбаю чтоб.
Босиком я рванул в галоп
По камням, по колючкам, троп
Выбирать не пришлось – и вот
Этой гонки столь страшный плод:
Сухожилия я порвал,
Чуть калекой совсем не стал;
Но архара и желчь, и кровь
Исцелила меня, и вновь
Я в строю среди вас стою, –
Смазка боль уняла мою».
Всем раскрыть решил Алмамбет
Волшебство этих мест, их вред:
От своих же секретов нет,
Знанье – фон для больших побед.

Вот узнали, что от Алмы:
«Меднокрылую утку мы
В горло метко сразили, в клюв,
Тушку утки же, дух спугнув,
В *торока* я запрятал льву,
Вспомнив сказочную молву:
Трижды шкурку встряхнув, любой –
Хоть силач, хоть охотник, – в бой
Может смело идти – ему
Бог не даст угодить во тьму».
«Вот поэтому Конурбай
Столь живучий?» – спросил Бакай.
«Да, – Алма отвечал, – народ
Уверяет, что он живёт
Жизнь давно не свою… Ну, вот, –
Что сейчас вспоминать *калчу*?
Рассказать о другом хочу:
Шкура горного Аккулжи –
Хоть из хитрости да из лжи
Был он выкроен, душегуб, –
На волшебный годна тулуп:
Сорандика – овчинный, тот,
О котором молва идёт,
По сравнению с этим – блажь;
За тулуп тот и жизнь отдашь:
Многочисленные войска
В нём уложишь легко, пока
Невидимку увидит тот,
Кто с ним яростный бой ведёт.
С этой шкурой, надеюсь, нам
Войское каждое по зубам
Будет – всех мы уложим враз,
Сил ещё сохранив запас.
А поймаем когда лису,
Шкурку рыжую на весу
Тоже надо встряхнуть, потом
Повязаться – в родимый дом
Каждый сможет тогда привезть
О победе святую весть,
Скот, богатство и столь невест,
Чтоб хватило на всех окрест.
Это рыжей плутовки дар:
Дочерьми этих мест хабар,
Их прекраснейших уст нектар,
Чувств влюблённых в сердцах пожар.
Да, – ещё одна тайна есть:
Надо сердце с головкой съесть
Меднокрылой той утки – бог
В ней энергии столько смог
Поместить, что Манас-султан
От еды этой будет пьян,
Мощь зато возрастёт втройне!
И ещё бы хотелось мне,
Чтоб архара мы бёдра хоть
Вниз свезли бы – волшебна плоть
У него, и пускай ломоть

[939] Кан – кровь.

Каждый хан бы сжевал – господь
Тоже даст им ума и сил –
Столько, сколько архар носил».

Все молчали, поражены.
Так закончил Алма: «Должны
В свете солнца ли, звёзд, луны
Мы лису изловить; нужны
Силы, ловкость, и нюх, и слух.
Тазбаймат, твой отважный дух
И охотничья прыть не раз
Выручала, я помню, нас;
Начинай этот сложный гон.
За тобою пойдём вдогон.
Утку сбили – и путь в Озон
Мы открыли; изгнали вон
Дух архара из этих мест –
Реки, горы, луга окрест
Безопасны отныне все;
Дело только теперь в лисе.
Хоть хитёр Конурбай, но он
Ловит в небе пока ворон:
Что к нему мы с войной идём,
Он не ведает, а потом
Будет поздно сбирать войска.
К нам победа уже близка», –
Так батыров взбодрил Алма,
Дав им пищу для их ума.

Поскакали, и каждый был
Рад вложить в этот поиск пыл,
Силы, ловкость, сноровку, ум;
Каждый, полный отважных дум,
Наклонившись в седле вперёд,
Словно тем ускоряя ход,
Не спешил, как бывало, вскачь:
Тихо, словно тряпичный мяч
В травы пущенный без битья,
Шёл отряд как одна семья:
Молча: не было вздохов, слов,
Каждый истинно был готов
В этом свете неверном звёзд
Взять удачу свою за хвост –
За пушистый и рыжий, – прост
Был приказ Алмамбета: «Пост
У лисы, где угодно есть;
Малой веточки хруст учесть
Может эта плутовка, – лесть
Ни при чём; в её шкуру влезть
Может только природа, мы
Не должны создавать шумы,
Друг за другом нам надо течь
Словно облако; звякнет меч,
Конь всхрапнёт, кашлянёт ли кто –
Сразу в нору свою, в гнездо,
Так запрячется та лиса –
Отыскать никому нельзя.
Хуже – нюх у неё такой,
Что в трёх сутках пути людской
Запах чует она, увы,
По преданиям всем молвы.
Мне придётся создать туман,
Чтоб вонючим он был, – обман
Этот будет мешать и нам
В наших поисках, но *адам*[940]
Приспособится ко всему,
В дополнение ведь к уму
Бог умение всем нам дал
Чувства сдерживать, их в астрал
Может каждый перевести
Их – пока мы ещё в пути.
Подскажу я, остаться где
И проникнуть куда; везде
Может быть наша дичь, и ей
Превращаться в других зверей
От рожденья дано: она
Здесь, в пустыне, живёт одна,
Но прикинуться может всем:
Кошкой, кроликом, или тем,
У кого неказистый вид:
Черепаха, глядишь, лежит,
Иль свернулась змея кольцом,
Или ёж со своим венцом,
Рыльцем дёргая, пробежит –
Всякий, я повторяю, вид
Может рыжая вдруг принять;
Как, вы спросите, мол, искать? –
Просто надо, поверив, знать:

[940] Адам – человек.

Всюду лживый таится тать;
Кроме этой лисы здесь нет
Ни души! – вот и весь ответ.
Всё, что движется, что бежит
И от вас убежать спешит –
Это только она, лиса,
Напустившая пыль в глаза
Всем, кто ищёт её, увы.
Здесь совсем не растёт травы,
Нет воды, лишь хрустит песок.
Кто, скажите, ещё бы смог
Выжить в этой пустыне? – тот,
Кто и ящеркой проскользнёт,
Крысой, мышью – семь видов есть
У плутовки, а пить и есть
Она может и кровь, и плоть
Всех, кого ей послал господь.
Коль упустим лису – беда:
Весь поднимет Китай тогда,
Перекроет дороги рать,
И Бейджин нам тогда не взять!»

Удивительных много слов
Рассказал Алмамбет, готов
Был расписывать каждый шаг,
Чтоб отряд не заметил враг.
В этот время вершины гор
Затуманились и простор
Облака перекрыли, вниз
Опускаясь – не как кумыс,
А скорей как моча козла,
Что, вонючая, не бела,
А желта, зелена, – увы:
Не зелёной волной травы
Туча шла на людей, клубясь,
А навозная жижа, грязь
Набивалась и в нос, и в рот.
Алмамбет приказал: «Вперёд
Тотолой в эту муть пойдёт;
Остальные же свой черёд
Подождите, постойте здесь», –
И отряд разделил он весь,
Чтоб по десять *чоро* бы шли;
Но Кыргыла в те патрули
Не включил Алмамбет, нули
Больше значат, когда легли
Дальше главной цифири, – прок
Только так получиться мог.
А четвёрке «цифирей» он
Дал обследовать дальний склон.
Самой сильной из групп Алма
Сложный труд поручил весьма:
Взять и русла десятка рек
Валунами заткнуть навек.
Эр Бакая Короогочу –
Забияке и лихачу, –
Поручил опекать Алма,
Чтоб к вершине довёл холма,
Ведь от вони такой с ума,
Здесь сводила туч кутерьма.

Сам, от всех отделившись, он
Зорким взглядом обшарив склон,
Доскакал до Манаса, чтоб
Выдать всё, что надумал, в лоб:
«О-о, *агам*, мой Айкол Манас!
Молоком материнским нас
Породнила навек судьба;
Я хочу просветить тебя
В отношении Чубака:
Подточила его тоска
Или зависть: его рука
Разрушительна, нелегка;
Коль, его наказав, я сам
Дичь убью, без него, *адам*
Ещё больше уйдёт в тоску;
Как исправить его смогу?
Ведь скала, накренившись так,
Что сама – вполовину мрак,
От любого толчка падёт,
Всё селение погребёт, –
Кто же будет тогда виной?
Кто толкнул? Иди кто спиной
Не сумел удержать скалу?
Впрочем, я не о том. Хулу,
Да, пожалуй, что и хвалу
Не люблю разносить в пылу
Необузданных чувств сырых», –
Так сказав, Алмамбет притих.

Помолчав, он сказал: «Смотри:
Под навесом большой горы –
Видишь впадину ты отсель?
Дальше – узкой долины щель;
Наша главная, чую, цель –
То ущелье, – нора, постель
Нашей хитрой лисы, она
Просочится везде – стройна,
Или примет удобный вид:
И сейчас, может, змейкой спит,
Нам увидеть её слабо.
Это место Кароолдобо
Называется с давних пор,
Это сердце пустыни, гор,
Что, пески окружив, дозор
Свой ведут, не смыкая взор.
Не жалея коня в пути,
Буду к гребню горы идти,
Все следы отмечая, слух
Напрягая, чутьё и нюх:
На песке ведь следы порой
Не заметишь, но запах свой
Не оставить не сможет зверь;
Впрочем, можем и след теперь
Мы увидеть: наслал я снег
На пустыню, чтоб каждый след
Пропечатывался на нём;
Мы по следу пойдём с конём:
Сам я лично хочу узреть,
Где же прячется наша смерть?
Вдруг почуяла наш обман,
Распознав колдовской туман
Эта хитрая тварь, тогда
Вверх забралась она – туда,
Где под скользкой коростой льда
Ждёт охотника лишь беда.
Хитрость всё же перехитрить
Сможет тот лишь, кто держит нить
Всех событий – так кукловод
Из-за ширмы сюжет ведёт,
Зная попросту наперёд
Даже самый мельчайший ход.
Коль лиса на вершине, я
Буду бить в барабан – змея
Или кем она будет, – мышь
Сохраняет обличье лишь
При условиях тех игры,
Что сама ведёт до поры.
Барабанный внезапный бой,
Яркий флаг, что возьму с собой,
Облик ей возвернут родной:
Хоть застрянет пусть под горой!
Коль в снегу не найду следов –
Буду всюду искать готов,
Много всяких решений есть,
Чтоб спасти нашу жизнь и честь».

После этих весомых слов
Алмамбет продолжал отлов
Хитрой твари, что всех могла
Сдать приспешникам тьмы и зла.
В этот раз одному Алме
Рыскать вышло; на Сарале
В путь отправился, на весу
Нёс оружие: вдруг лису
Посчастливится углядеть,
Кто помедлит – того и смерть.
Сарала, как его седок,
Шарил взглядом в пыли дорог,
Как косуля раскрыв глаза,
Всё смотрел: не мелькнёт лиса?
К сожалению, белый снег
Был белей, чем грядущий век:
Чист волшебно, и сих примет
Ни один не испортил след.
И поэтому Алмамбет,
Тучи в небе рассеял, вслед
Небо вычистил, и ветра
Словно лошади, со двора
Вырывающиеся в луга,
Даже всхрапывая слегка,
Вмиг покинули свой *зиндан*,
Стали рвать на клочки туман:
Без вины посидев в тюрьме,
Будет всяк не в своём уме.

В это время лиса была
Вся в тревоге: земля гола,
И не спрячешься здесь всерьёз.
Морду сунув в пушистый хвост,

Стала думать: «Лишь день пути
До того, кто пришёл найти
И меня извести на нет;
Кто такой это? Алмамбет?
Как невовремя этот *джут*[941].
Сколько дней хорониться тут?
Я три дня уже здесь лежу
В позе, свойственной лишь ужу;
Как-то странно туман пропал.
Может, кто-то поколдовал?
И пришёл-то он невзначай,
И пропал; в это время чай
Разве только раскипятишь.
Алмамбет так умеет лишь».
Морду кверху задрав, лиса,
Словно нюхая небеса,
Призадумалась снова: «Бог,
Видно, высечь кого-то смог:
Так лекарствами пахнет… Кто ж
Смерть готовит мою? Поймешь,
В час, когда он пробьёт, увы.
Не выходит из головы
Алмамбет. Но его ведь нет.
Мёртв, пожалуй, он много лет.
Сил нечистых, видать, привет
Выдал тот или этот свет».
Надоело лежать как *боо*[942]
И решилась в Кароолдобо
Потихоньку уйти лиса:
Там, конечно же, не леса,
Лишь пещера, но здесь нельзя
Впредь мозолить судьбе глаза,
Вдруг не выдадут небеса!
Так подумала и, скользя,
Всё вынюхивая в пути,
Поползла, чтоб покой найти.

Алмамбет был наслышан: здесь
Эсенкан, чтоб от рыжей весть
Получить, да и ей за раз
Передать, если что, наказ,
Спрятал колокол, врыв в песок;
Лошадь тронет ногой – звонок
Вдруг раздастся, чтоб ветерок
Донести до лисы бы смог
В даль, длиною в шесть дней пути.
Что пришельца пора найти.
Если ж надо прийти самой,
Звук раздастся совсем иной:
Коль ударит через песок
Железяки большой кусок,
Звук проникнет до самых недр –
Вот и весь небольшой секрет;
Это знающий Алмамбет
Вызвать кумушку для бесед
Захотел и что было сил
Стукнул – колокол забасил,
Завизжал, как табун кобыл;
«Пусть подумает – Мурадил
На свидание приходил», –
Посмеялся он над лисой.
А *чоро* словно вдруг косой
По ушам получили – дрожь
Всех взяла их: да что поймёшь,
Если даже гудит земля:
«Алмамбет это сделал зря!
По-сухому теперь в Китай
Не пройти нам – услышал край
Этот страшный подземный вой,
Всех нас выдал он с головой!»
В общем, все, кто сейчас дрожал,
Алмамбета вовсю ругал:
Кто предателем называл,
Кто по матери посылал.

Но зато богатырь Алма
Был доволен собой весьма:
Железяку держа в руках,
Слыша гул, породивший страх,
Размышлял о других вещах:
«Коль Конур не совсем зачах,
Он по зову сюда придёт;
Интересно, его народ
Кто возглавит? Не Сорандик?

[941] Жут – (массовый падёж скота от бескормицы); *здесь употребл. в переносном значении* – тотальная опасность, грязящая смертью.
[942] Боо – 1. верёвка, завязка, шнурок; 2. сноп.

Он по-прежнему там велик?
Из овчины тулупы он,
Что прославлены с тех времён,
Когда в славных боях лишь *тон*[943]
Был одеждою и щитом, –
Вновь блеснут на его бойцах?
Как же кожу коптят в сырцах?
Что за магия там от зла
И от гибели берегла?
Жаль, не знаю. Когда лису
Я поймаю – ей в счёт внесу
Это знанье: спрошу саму,
Что-то, может, и перейму».
Пока мысли гонял батыр,
Мерял думой сухой *такыр*
И дорогу в Кароолдобо
Ел глазами как пёс в тубо –
Опасаясь, но торопясь, –
Как бы тропы в *Кангай* украсть,
Но при этом чтоб не попасть
Ни лисе, ни Конуру в пасть;
В то же время лиса на связь
Шла на колокол, не боясь,
Но беззвучно, тиха как мышь,
Заметая свой след, и лишь
До зелёных дошла песков,
То от носа до коготков
Встала дыбом: следы копыт
Показались не те на вид, –
Сарала тут прошёл, увы,
Не росло тут совсем травы,
Все подковы – как напоказ.
Взволновалась лиса тотчас:
След какой-то совсем другой,
Словно выжжен огнём любой:
«Нет в Бейджине таких коней,
Да и всадник потяжелей,
Чем обычный ко мне гонец».
Догадалась ведь, наконец:
«Сорандика то Алмамбет!
Не видались мы много лет,
Только помню я этот след
По мельчайшим штрихам примет», –
И плутовка, внутри смеясь,
Серой змейкой ввинтилась в грязь,
Заскользила, чтоб вдалеке
Вновь лисою на ветерке
Пробежаться над бездной бед:
«Не догонишь, хан Алмамбет!»

Та четвёрка, что над *чоро*
Шла в отряде, его ядро,
Что возглавил Чубак-батыр,
Всё обшарив, опять в *такыр*
Повернула, где сорок львов
Без добычи вернулись вновь.
Наготове держал любой
И копьё, и ружьё, чтоб в бой
Можно было в момент вступить:
Звон недавний не дал забыть,
Им, что все они – на войне,
Осторожничали вдвойне
Оттого, что найти лису
Не смогли: как в густом лесу
Местность плоскую всю прошли,
Но обманщицу не нашли,
А теперь и китаец мог
Покрошить их как зелень впрок,
Потому фитили зажгли,
Ружья вскинули – вдруг вдали…
Копья вынули – вдруг вблизи…
И достали мечи… В грязи
Вдруг мелькнула лиса – она
В облик лисий воплощена
Всплеском страха была – от всех,
Пулей жаждущих портить мех.
Вмиг Чубак углядел её
И направил в лису копьё,
Ведь в метаньи он был ловчей
Всех прославленных силачей;
Стременами лишь Кёктеке
Тронул, древко зажал в руке
И помчал на лису… Алма
Сомневался в бойце весьма,
Думал, бровь изогнув в вопрос:
«Он до многого не дорос,
Слаб удар у него, небось,
Лишь кичи́тся как званый гость.

[943] Тон – 1. овчинный тулуп; 2. верхняя одежда вообще.

Если тварь не пронзит насквозь –
То умчится лиса, а злость
Изольёт на меня батыр;
Без того у нас хрупок мир.
Но главнее всего – лиса».
Осторожничав, он взялся
Продублировать Чубака,
Отодвинувшись вбок слегка.
Изворотливый лисий ум
Всё пронюхал по этим двум:
«Если прут тополиный взять,
В одиночку его сломать
Может всякий, вязанку ж – нет;
Пусть поссорится Алмамбет
С этим толстым большим юнцом
С недовольным всегда лицом;
Пусть поссорятся! – я смогу
Их стравить, а сама сбегу!»
Полетело копьё, звеня.
Но как будто была броня
На плутовке: незримый щит
Вспыхнул – тут же копьё летит
Не по той, что должно, дуге;
Клац! – упало оно в песке;
Бац! – лисица одним броском
Обернулась другим зверьком,
Лишь мазнула на миг хвостом
Двух охотников и потом
Зайцем бросилась наутёк;
«Упустил!» Зацепил?» «Не смог!» –
Сей взволнованный диалог
Дело выправить не помог:
Проворонили оба в срок,
Что за новый возник зверёк:
Длинноух и прыгуч, здоров,
Видно, в нём колобродит кровь,
И ехидный застрял смешок
Меж зубами, что на вершок
Из-под верхней губы торчат;
Впрочем, зайцев, зайчих, зайчат
И зверушек других здесь нет, –
Вспомнил вовремя Алмамбет,
Оглянулся на зайца он,
Понял оборотень: спалён,
Пулей тут же рванул в бега:
Шкурка всякая дорога.
Не заметил его Чубак.
Алмамбет разъярён был: так
Проколоться! По чьей вине?
На батыра был зол вдвойне,
Хоть винил и себя Алма.
Но молчал он: не от ума
Этот спор затевать опять –
Кто виновнее, – им догнать
Надо зайца-лису скорей,
Чтоб своих уберечь людей.

Мчались молча. За поворот
Лишь свернули, как в свой черёд
Заяц просто исчез, вперёд
Шла гиена, оскалив рот.
Тут Манас к ним из-за угла
Тоже выехал; Аккула
Знать заметил, как заяц вдруг
Обернулся в гиену, – круг
Описал он вокруг неё,
Чтоб седок мог метнуть копьё;
Хоть и всхрапывал, наступать
На неё он пытался; тать
Намеренье почуял лишь –
Превратился скорее в мышь…
Конь пока окружал химер,
Три батыра – на всех *кемер*[944],
Знак высокой их власти, – шли
Вместе в ряд, словно соль земли,
Но к позору их не смогли
В колыхающейся пыли
Победить, заприметив, мышь;
Аккула, хоть старался, лишь
Весь вспотел, по пыли топчась,
Поднимая фонтаном грязь,
Ну, а мышь, чуть не вслух смеясь,
Ускользнула в какой-то лаз.
Озадачен был так Манас,
Что с земли не поднял он глаз:
Это ж надо! – богатыри,
Не один ведь, а целых три:
Брат Чубак, Алмамбет и сам –

[944] Кемер – ремённый пояс с металлическими (золотыми, серебряными) украшениями.

Сопричастный и к небесам,
Он, Айкол, предводитель всех, –
Трое вызвали мерзкий смех
У никчёмной зверушки! Спех –
Зачастую немалый грех.

Что ж, настал черёд четырёх:
Чтобы зверь многоликий сдох
Двое ищут ег в пыли,
Двое рыщут вблизи, вдали, –
По отдельности не смогли,
Нынче скопом ловить пошли.
Да-а, плутовка шутила зря,
Только время врагам даря:
На узле десяти дорог
Для Сыргака пришёлся срок
Выручать остальной отряд;
Лисья ловкость, как говорят,
У него есть: лиса, и та,
Вся – от носа и до хвоста, –
В нём почуяла лисью стать:
«Молодец этот может стать
Половчее, чем я, лисой,
Надо быстро бежать самой,
Не сходясь с ним к лицу лицом,
Не пройдёт игра с молодцом!»
В виде мыши помчалась прочь
От Сыргака шайтана дочь:
Мимо мощного Чубака
Проскочила, – в струе песка
Не заметил он, позабыв
Превращений её мотив;
Сивогривого обошла –
Не заметил, лишь Аккула
Попытался за ней скакнуть –
Чуть седок не свалился: путь
Был прерывист у мышки той,
Шёл зигзагами, как хмельной;
Впрочем, зоркий умом Манас
Понял этот скачок тотчас:
Тень от мыши увидел он
И пустился скорей вдогон,
Но лиса поменяла лик:
Черепахою стала вмиг.

Серый *таш*[945] отрезвил коня:
Всею сбруей своей звеня,
Встал как вкопанный, и седок
Удержаться лишь чудом смог
Чтоб с седла не слететь; Манас
Так уверовал в этот раз
В Алмамбета, в его наказ,
Что подумал: «Он дважды спас
От силков Конурбая нас:
Утка, горный архар, теперь
Непонятного вида зверь –
Черепахою стал за миг
Столько раз поменявший лик
Нечестивец; и коль уйдёт
То погубит нам весь поход:
К Конурбаю домчится весть –
То Китай он поднимет весь».
Аккулу не ругая, он
Вынул свой *Ачалбарс,* в поклон
Весь ушёл, чтоб под панцирь бить,
Как иначе ещё сразить
Черепаху? – увы, её
Не достало и остриё
Ачалбарса: ремень ремнём
Лишь валялся в песке, и в нём
Сивогривый узнал не вдруг,
Что, мол, скрученный *чия* пук
Или брошенная шлея –
Это замершая змея;
Подивился Манас: «Хитра!
Прав Алма был, но ей пора
Распрощаться с собой: не зря
Я гоняюсь за ней с утра!»
Сырнайза его вмиг юлой
Закрутилась над той змеёй,
Чтоб пронзить, замотав в клубок;
Лев закончить удар не смог:
Цель исчезла и не найдёшь, –
Не змея, безобидный ёж,
Своё рыльце свиное вздев,
Смотрит взглядом невинных дев.
Лев замешкался: что за бред?
Тут же вспомнил, как Алмамбет
Всем внушал, что живых здесь нет

[945] Таш – 1. камень; 2. пешка; шашка; фигура.

В мёртвой зоне волшебных бед.
Лишь секунду он медлил, но
С промедлением заодно
Ёж, лисой обернувшись, в бег
Так пустился, что человек
Разглядеть не успел тот вихрь,
Что, взметнувшись, вдали затих.

Но лиса не учла, что лев
С *Сырнайзою* метнул свой гнев
Ей вдогонку: звеня, копьё
Полетело, и остриё
Бок задело лисе, хотя
Эта кумушка, уходя,
На ходу извивалась вся,
Словно чашу с водой неся.
Впрочем, в тело копьё никак
Не воткнулось, как будто мрак
Окружал эту тварь щитом,
Словно кладку стрижи – гнездом.
Но энергия гнева всё ж
Вся проникла в лису, как нож,
Искорёжив ей рёбра, грудь
Так, что сразу пуститься в путь
Тварь задетая не могла,
На мгновение замерла́.
Но хватило мгновенья льву
На копьё её вздеть – молву,
Если лживая, так же снесть
Может, истину зная, весть.
Тварь, надетую на копьё
Как истрёпанное тряпьё,
Подоспевший Чубак узрел
И тотчас попросить успел:
«Дай, прошу, мне добить её,
О, сильнейший, моё копьё
Жаждет смерти её, отдай!..»
Так кричал он, что целый край
Крик услышал, и слух – «*Кангай*!»
Разлетелся как птичий грай;
«Знать, сработало волшебство,
Все *калмаки* до одного
К нам идут и кипят от зла.
Ящик с бедами вкрыл Алма!» –
Слух по стану такой ходил.

Не стесняясь, старик Кыргыл
Вслух ругался уже чуть свет:
«Вот что вытворил Алмамбет!»
Оперённая как стрела
Страхом, сплетня до всех дошла.
Впечатлительный Тазбаймат
В мыслях похоронив отряд,
Что в разведку ушёл вперёд,
Будоражил честно́й народ, –
Мол, с десяткой своей Сыргак
Там и жизни сложил, и флаг,
Только девять десяток здесь
Несмотря на плохую весть
Смогут, флаг приподняв, пронесть
Вдаль, куда им диктует честь.

Алмамбет же светился весь:
Ведь Манаса – наперевес
С ценным грузом на *Сырнайзе*, –
Он увидел во всей красе.
В это время сильнейший ветр
Как сбесившийся дикий вепрь
Начал с запада дуть, шумя,
На пути своём всё громя.
Заподозрил он: Конурбай
Вдруг почувствовал, видно, – в край
Подневольный ему, Алма
Смог пробраться; враги весьма
Тонко чуют друг друга, – гной
Посильнее чем кровь порой.
Заколдованный ветер мог
Вспять реки повернуть поток,
Каждый вздыбленный волосок
Лисьей шкурки слететь помог
С *Сырнайзы* – ах, какой урок:
Ураган, завихрившись, смог,
Тварь израненную спасти,
От погибели унести.
Побежала лиса скорей
От взбешённых богатырей;
На пути её встал Сыргак,
Сделать плёткой успел он взмах,
Чтобы выбить из твари дух,
Только вместо лисицы вдруг
Заклубился вонючий дым,

Бурым был он, но стал седым,
Закружился, густея, так,
Что почти что ослеп Сыргак;
Да к тому же как будто крик
Многих тысяч людей возник:
Ружей клацанье, боя шум
Стук дубинок – сплошной буб-бум, –
Зазвучали в его ушах,
Порождая животный страх;
Но Сыргак продолжал впотьмах
Бить нагайкой: тарах-бах-бах:
В что-то мягкое вдруг порой
Попадал невзначай герой,
Но не знал он, почти слепой,
С кем ведёт безуспешно бой.
Тут Манас с Аккулой, спеша,
Подскочили; коня душа
Прямо к цели вела, чутьё
Наводило на цель копьё,
Что Манас наготове нёс,
Раздосадованный всерьёз:
Забивался и в рот, и в нос
Дым – скорей колдовской гипноз:
Лисий пышный вонючий хвост
Всех, вертясь, доводил до слёз.
Но как только копьё в живот
Ей воткнулось – как в спелый плод, –
Сразу морок слетел со всех:
Все увидели лисий мех
И её потускневший взгляд;
Смерть своё не отдаст назад.
Лев, смеясь, приподнял лису
И, держа её на весу,
Так Бакаю сказал: «*Абан*!
Вроде, выполнен нами план:
Все гонцы – кто крылат, рогат,
Кто на выдумки тороват, –
В общем, вестники все подряд
В *тороках* у меня лежат.
Кто в Китай будоражить всех
Сможет нынче пойти? – успех
Перекрыть нам сумеет кто?..»

Все, покинув уже Кошто,
Надоевший меся песок,
Дружно двинулись в Куртюлдёк.
Наконец-то прошли пески.
Миновали солончаки.
Лес начался. И вдруг Алма,
Что задумчивый был весьма,
Так сказал: «Над моей душой
Словно туча стоит, – Кошой,
Наш великий святой большой,
В затруднении: как паршой
Он облеплен сомненьем так;
Хан Буудайыка Музбурчак,
Все великие смущены –
Все тревогой о нас больны;
Что смутило их в эти дни,
Чо затеяли вдруг они? –
Я не знаю: волна беды,
Как холодный ушат воды,
Окатила вовсю меня.
Не жалея себя, коня,
Надо мчаться скорее в стан.
Трёх врагов победили; дан
Нам успех небывалый в том,
Что живые назад идём:
Меднокрылая утка, лис.
Лис, лиса ли – но смерти близ
Были все мы; и Аккулжа –
Демон горного рубежа, –
Не заставил уйти дрожа;
Отчего же болит душа?
Вестью славной должны скорей
Мы обрадовать тех людей,
Что в тревоге о нас живут,
Охраняют наш тыл и ждут.
Поговорка, я помню, так
Говорит: «*Кан оозу маймак*» –
Не распахивай, мол, роток,
Коль висит над тобой должок;
Сколь ни спи, не придёт святой
В сон, наполненный жаждой, твой,
И красоток Бейджина бог
Не положит нам сам под бок», –
Так сказав, Саралу камчой
Он огрел, и как будто в бой
Поскакал Алмамбет, спеша,
Лишь добавив: «Увы, душа

Слишком зряча, богатыри!
Наши души – поводыри
Каждой жизни простой, земной.
Догоняй же, Чубак! За мной!»
Что ж, нельзя и морской волной
Жить без моря душе одной:
Каждый – моря людского часть,
Хоть куда в одиночке мчась, –
Так решили в конце концов
Все в отряде, двоих гонцов
Добровольных пустив вперёд:
Успокоят пускай народ.

Пыль закрыла лицо небес,
Красной тучей окучив лес.
В гонке бешеной скакуны
Словно всплески одной волны,
Мчались слитно, как щит живой,
Покрывая версты собой,
Оставляя лишь за спиной
Ветра свист и тропинок вой;
Два гонца, два героя в раж
Так вошли, что за кряжем кряж, –
Соревнуясь, хлеща коней,
Чтобы выяснить, кто быстрей,
Шли, дурачясь, – хлопки кнутов
Был за выстрелы счесть готов
Непривычный к такому край:
Несмолкающий птичий грай
В эту гонку вносил свой пай,
Увеличивая раздрай;
То Алма, то батыр Чубак
Вырывался вперёд – костяк
Продвиженья, ядро всех войск
И похода единый мозг, –
Как подростки тягались; лоск
Растеряв по пути… Как воск
Человеческая душа:
Вся уходит в азарт, спеша
Слиться замыслами с толпой
Пока сам человек живой.
Стар ли, молод – но эта связь
Нерушима, ведь в ней слилась
Божья воля и воля тех
Кто является частью всех.

Эр Бакай, богатырь Манас
Шли вдогонку, не торопясь,
Шли Кыргыл, его сорок львов
По следам двух гонцов-орлов,
На шесть дней приотстав, – совет
Дал такой им хан Алмамбет,
На прощанье озвучив: нет,
Мол, резона спешить на свет
Мотыльками: тревоги зуд –
Это только сомнений суд,
От сомнений людей спасут
Вести – их не толпой несут,
Отправляют с одним-двумя
Молодцами, и не шумя.
Но добавил: «Хоть пробил час
Огласить, как велик Манас:
Конурбай, что жесток, хитёр,
Без волшебной охраны гор
Всё ж остался, его позор –
Понадеялся на дозор,
На всесилье волшебных чар,
Чем, по сути, нам сделал дар:
Все дороги открыты нам.
Я надеюсь, войдёт в Какан
Без утрат наше войско в ночь.
Сможет бог нам опять помочь?»

Да, сомненья глодали ум.
Хорошо это, нет? – от дум
Потихоньку сходя с ума,
На вершину взошёл холма
С одеяльцем своим Кошой,
Сел, его подстелив, герой,
Взгляд вперил в необъятный край.
Музбурчак, Жамгырчы, Шыгай,
Текечи, Керкёкул, Агыш,
И Тёштук с Сынчыбеком, лишь
Углядели Кошоя, – вмиг
Взволновались: пошто старик
Высоко так ушёл один?
И Урбу поспешил, а с ним
Появился и Акбалта.
В общем, ханы пошли туда,
Где пытался Кошой-*аба*
В небе вычитать, что судьба

Уготовила завтра им:
Крах надежд или славы дым?
Но к астралу его прорыв
Перекрыл ходоков порыв.
Как всегда, был красноречив
Акбалта, беспокойство скрыв
Он сказал: «Дорогой Кошой,
Все поднялись мы за тобой,
Чтоб пресечь твой полёт души,
Что хотела до Атбаши
Улететь аки птица; там
Ты, привычный к своим холмам,
Мог на попе сидеть года
Не боясь, что придёт беда:
Там ты был как никто велик.
Но послушай меня, старик:
Не гора здесь Аламышык,
Где ты с детства сидеть привык,
Ты, я знаю, ушёл в себя,
Но про нас не забудь, любя:
Нас сегодня одна судьба
Повязала, одна тропа».
Прерывая Балту, вдруг гул
Разом вспыхнул, а Керкёкул
От волненья Тёштука длань
Взял, крича во всё горло: «Глянь!
Пыль, густая как глина, там –
Над дорогой! По чьим следам,
Как ты думаешь, пыль летит?
Чуть сморгнёшь – и она на вид
Гуще всё, и всё ближе к нам!
Чем обязаны мы гостям?
Может, лучше их не встречать
А куда-нибудь всем сбежать?»

Приглядевшись, Кошой сказал:
«Да, похоже, что перевал
Вдруг открылся. Конуру страж
Дал наводку на лагерь наш?
Двинул войско к нам враг в ответ?
Конурбай во главе иль нет –
Плохо видно пока что – свет
Бьёт им в спину, но силуэт –
Тот, что первым идёт, – велик,
Видно – мóлодец, не старик;
Посмотрите, как он пылит!
Войск не видно пока, на вид
Двое-трое сюда летят.
Может быть, погубив отряд,
К нам теперь поспешают, чтоб
Эту новость сказать нам в лоб?
Без оглядки летят сюда!
Не похоже, чтоб их беда
Гнала эдак бесстрашно вдаль;
Из-за пыли не видно, жаль,
Сколько их и каких кровей,
Люди, или не из людей;
Осторожнее! *Окырын*[946]!
Присмотритесь позорче к ним!»
Ханы замерли на холме,
Каждый бога молил в уме,
Чтоб не враг к ним спешил, а друг;
Керкёкул засмеялся вдруг:
«Трýсы все, кто собрался здесь!
Посмотрите, несёт нам весть
На коне, что луны светлей,
В малахае, но без полей
Рослый, статный, с плечами – во!
Я такого лишь одного
Знаю в мире, кто статен так:
Не начальник ли наш Чубак?
Алмамбет и Чубак – два льва,
Их вмещает тропа едва,
То один забежит вперёд,
То другой – чья в тот миг возьмёт!
Как и водится меж людьми –
Оба мерятся лошадьми,
Знать, хорошую весть несут,
Раз в работе камча и кнут:
Каждый первым хотел бы нам
Весть доставить скорей, абам!»

Но Кошой испугался: где
Эр Бакай и Манас? В беде?
Где все сорок *чоро*, Кыргыл?
Где Сыргак?.. Ты о них забыл?
Не жалея коней, лететь
Можно, если вдогонку смерть

[946] Окырын – осторожно (не начиная действия).

По пятам, по следам бежит;
О-о, в глазах моих мир дрожит!
Неужели богатырей
Двое бросили, чтоб верней
От *Кангая* сбежать, коней
Загоняя вконец? *Чиркей*[947]
Укусил их иначе в зад,
Чтобы так вот лететь назад!
Как Айкола они могли
Там оставить, среди земли,
Что под гнётом волшебных чар
Приготовила им удар?!
Как – поверить, увы, нельзя, –
Появиться к нам на глаза,
Взяв на душу несметный грех,
Без Манаса, *чоро*, без всех!?»

В это время богатыри,
Улыбаясь как свет зари,
Чуть приблизившись, оба в ор
Вмиг пустились – весь разговор,
Видно, ветер до них донёс, –
Он умелец плести донос:
«Ханы! Весть хороша, светла!
Победили мы силы зла!» –
Алмамбета гремящий рык
До вершины добрался вмиг,
В ямы, в щели везде проник,
Словно солнечный яркий блик;
И Чубак, Кёкалу ведя,
Поддержал этот крик вождя:
«Горе нашим врагам! Из чар
Вышел только вонючий пар!
Не поставит нас под удар
Колдовской и безбожный дар:
Меднокрылая утка, тварь,
Что лисой называлась встарь,
Превращаясь в ужа, в ежа;
Сам бессмертнейший Аккулжа –
Все погибли от наших рук,
Путь свободен теперь вокруг.
Все живые, а нас вперёд
Отпустили, чтоб знал народ,
Что Манаса с победой ждёт:
Он с победой сюда идёт».

Ханов страх отпустил; Кошой
Засмеялся, рукой большой
Погрозил молодцам, шутя, –
Так же солнце среди дождя,
Вспыхнув, сводит весь дождь на нет;
«Ах, Чубак наш и Алмамбет! –
Начал радостно речь *аба*, –
Пусть всегда будет к вам судьба,
Дорогие мои, добра,
Полной золота, серебра;
Рад я, мальчики, так за вас!
Пусть Всевышнего зоркий глаз,
Его мудрая седина,
Осеняет ваш путь сполна,
Если путь ваш пребудет пуст,
Пусть Он старца пошлёт, с чьих уст
Даст божественное *бата*,
Чтобы жизнь не была пуста.
Коль дорогу вам даст аллах,
То за совесть, а не за страх
Две жемчужины вам Китай
В жёны даст – ими славен край,
Мир красавиц таких не знал:
Эсенхана дочь Бирмыскал –
Дева ростом как тополёк,
Алмамбет её взять бы мог
За хорошую вашу весть;
И вторая такая есть:
Айжанджуна дочь Бурулча,
Красота её как свеча
Может даже рассеять мрак;
Для тебя она, мой Чубак.
Их даю вам, уверен в том,
Что украсят они ваш дом,
Их печаль от утрат потом
Вы развеете все добром».

Шла беседа у них пока,
Алмамбета и Чубака
Наконец-то нагнал отряд.
Весь народ был безмерно рад:
Все к герою Манасу шли,

[947] Чиркей – комар.

Низко кланялись до земли,
Все правители как могли
Поздравленья ему несли,
Каждый высказать норовил
Как он счастлив узнать, что сил
Непредсказанных, колдовских,
Больше войску не встретить их.
Лишь смеялся Манас в ответ:
Мол, не я это, Алмамбет
Смог очистить от чёрных бед
Предстоящий нам путь побед;
Благодарности, мол, – к нему:
Всё он вычислил по уму,
И пришлось ему самому
Древних чар колдовскую тьму
Жизнью, плотью своей глушить.
Все прислушивались, но нить
Разговора не по нутру,
Видно, многим была в миру.

Не мешало, однако, всем
Отойдя от высоких тем,
Насладиться едой сполна:
Ляжки горного колдуна –
Аккулжи, – почему-то пять,
Всем смогли повара раздать
По немаленькому ломтю;
Главный кус понесли вождю,
Что народом здесь ведал – он,
Был обрадован и польщён:
Свойства лакомства знал *аба*.
Что ж, оставим их так. Судьба
Как изменчивая тропа,
По-над бездной идёт, губя
Отступившихся от себя.
Алмамбета и Чубака
Ссора зрела исподтишка;
Вот о ней и рассказ пока
Пусть начнётся издалека.

РАСПРЯ АЛМАМБЕТА И ЧУБАКА

Э… э… э… эй!
Богатырь Алмамбет с утра
Заскучал: его сил игра
Не могла пребывать без дел.
Он, умывшись едва, надел
Пояс сверху тулупа, меч,
Перевязь для ружья оплечь –
Всё, что в случае мутных встреч
Может воину жизнь сберечь, –
И, готовый воссесть на *тёр*,
Он к Манасу вошёл в шатёр.
Там старейшины все чуть свет
Собрались, чтоб держать совет:
И Кошой, и Бакай-*аба*,
Эр Тёштук, для кого судьба
Наготовила бед на век;
Музбурчак и хан Сынчыбек,
Великан Балта, Жамгырчы –
Седовласые богачи,
Средь которых и старцы есть, –
Поднялись как один, чтоб честь
Оказать Алмамбету – он
От властей заслужил поклон.
Посадили его на *тёр*,
На постеленный там ковёр,
К *дастархану* поближе – стол
Накрывался обильно столь,
Словно ждали больших гостей.
Впрочем, каждый из тех людей,
Что в шатре собрались с утра,
Велики были как гора –
Духом, статью, запасом сил.
Выпив чай, Алмамбет спросил,
Лишь закончили все *бата*:
«В путь отправимся мы когда?
Табуны, как коров стада,
Так отъелись уже! – беда;
Прежде, чем отправляться в путь,
Надо было б жирок стряхнуть
И со всадников, и с коней;
Состязание – кто сильней
В выбиванье с седла других
Надо нам провести, – таких
Состязаний должно быть столь,
Чтобы времени сесть за стол
Не хватало теперь у нас.
Кто так меток, что сразу в глаз
Попадает, прицелясь раз?
Кто умеет вести рассказ
О грядущем, чтоб всё сбылось?
Кто, не видя, почует: гость
То и это задумал вдруг?

Кто для смерти не жертва, – друг?
Чьи желания бог даёт?
Кто запретный срывает плод?
Кто копьё, и сломав, не даст
Вырвать этот уже балласт?
Кто прикинется хоть грозой,
Не прервать чтобы смертный бой?
Кто в разведку пойдёт в Бейджин?
Кто объявится – хоть один?
Кто в разведку пойдёт в Какан?
Кто во вражеский злобный стан
Не боится проникнуть? Кто?!» –
Алмамбет не молчал. Зато
Все молчали в ответ, увы:
Ряд старейшин и даже львы.

Тут прервал тишину Манас,
Побледнев, он свой грозный бас
Раскатил по шатру: «Не раз
С великаном любой из вас
Шёл бороться… И что сейчас?
Вам за скромность бог не воздаст.
Ну-ка, вспомните: без меча
Вы боролись порой; ничья
Не устраивала – как плод
Отрывали башку, исход
Был у вас, молодцов, один:
Каждый был ведь непобедим!
Где азарт ваш, с каким к врагу
Выходили вы все? Могу
Я любого назвать из вас,
Кто в разведку готов в сей час!
Ты в Какане рождён и рос,
Царь угодий, и ты всерьёз
Состязался с Конуром, сан
Свой спасая, когда твой клан
Попытался Конур сгубить
И в крови тебя утопить.
Уважение и почёт
Отдаёт тебе мой народ.
Да, унижен ты был вельми.
Но господство сейчас возьми:
Ты привык управлять людьми,
Как мечом или лошадьми,
Так что, думаю, ты, Алман,
Весь свой разум, что богом дан,
Свою ловкость и сердца жар
Вложишь в главный сейчас удар:
В ход разведки; гадальный шар
И не нужен, увы: прогар
Ждёт поход наш, коль подвиг вдруг
Ты свершить не захочешь, друг.
Если ты попадёшь в беду,
Я возможность помочь найду –
Молоком нас связала мать,
Я опорой поклялся стать.
А в напарники сам смотри
Кто тебе подойдёт; бери
Аргамака из лучших тож,
Чтоб он был на тебя похож.
Ну, и речь свою подытожь:
Говорить ты у нас хорош».

Алмамбет согласился с ним:
«Здесь я знанию господин.
Коль прикажешь, то на Бейджин
Я в разведку пойду один;
Но, однако, всегда вдвоём
Можно больше узнать о том,
Что разведки составит цель;
Где один не пролезет в щель,
Там сумеет найти другой
Путь туда же, но обходной;
Вдруг один не заметит что,
То увидит другой зато;
На двоих поделённый груз,
Заключённый вдвоём союз –
Нет, пожалуй, желанней уз,
Коль никто из двоих не трус.
Есть один богатырь у нас:
Он отвагою многих спас,
Коль нацелит копьё – то бьёт,
Слово скажет – то весь народ
Этим словом в полон возьмёт,
Смерть свою обойдёт на шаг,
Не боится пера, бумаг, –
В общем, в деле любом мастак;
Все узнали? – то тигр Сыргак.
Пусть он спутником будет мне.
Позаботится о коне

Тоже он – он силён вдвойне
Лучших высмотреть в табуне».

Его речь подхватил Сыргак:
«Я согласен, хотя не так,
Как Алма расписал, хорош;
Вот Айкол говорил, чтоб *коши*[948]
Были кони в пути у нас, –
Все ведь слышали, тигр Манас
Это громко сказал, для всех:
Мол, приносит скакун успех
И для дела любого гож,
Коль на всадника он похож!»
Тигр Манас подтвердил: «*Ооба*[949]!
Конь и всадник – одна судьба.
Толкумана гнедой скакун –
Торолчу – он на весь табун
Как крылатый прославлен, пусть
Даст хозяин его вам в путь,
Не захочет отдать – силком
Заберите; и вот о ком
Вспомнить в этой связи хочу:
Крылья храброго Кароолчу –
Калкамана скакун: как тьма
Чёрен конь, но его ума
Всем хватило б и на *додо*[950] –
Дураком бы не слыл никто.
Отдавать пожалеют коль,
То побоями приневоль:
Пустит жадность слезу пускай,
Спуску жадности не давай».
Алмамбет возразил: «Но мне
Не хотелось бы на коне,
Что насильно я взял, скакать;
И к тому же годочков пять
Толкумановскому одру,
Я помёта его игру
Наблюдал не один уж год;
Пусть без нас Торолчу живёт.
Крылья храброго Кароолчу –
Калкамана скакун, – хочу
Всем напомнить, что *орточу*[951]
Столько раз его свёл! – смолчу,
Лишь скажу, что он просто стар.
Возле свадебной юрты в дар
Привязать его – под удар
Отношенья свести у пар:
На полгода ему, поди,
Духа хватит ли, нет, в груди?
Горб высок у него, гляди,
Низок корпусом впереди».

«Только, если уж конь – бугай,
В шесть десятков людских пускай
Наберётся *асыйев*[952] – знай,
Не такой-то уж он *бабай*:
Коль не стёр этот конь клыков,
То на многое он готов!
Пусть к семидесяти годам
Подойдёт как иной *адам*,
Пусть не может верхушки трав
На скаку он срезать, – не прав
Всё равно кто смеётся: он
Сможет месяцев семь вдогон,
Поднимая до неба пыль,
Мчаться резво за дичью, иль
Раза три сможет он подряд
В бой идти, хоть уже не млад,
Но зато терпеливей их –
Необстрелянных молодых.
Мозг, бывало, вскипает в зной,
Но без роздыха длится бой,
Сводит даже бойцов с ума
Испарений вонючих тьма:
Пота, крови, прости – дерьма.
Конь бывалый коль, то ярма
Не подумает сбросить он,
Подберётся со всех сторон,

[948] Кош –1. пара, парный, двойной; 2. группа людей, имеющих общее задание; 3. прибавлять, добавлять, присоединять, спаривать; 4. запрягать, впрягать; 5. приказать, поручить, позволить; 6. подражать, имитировать.
[949] Ооба – да.
[950] Додо – толпа.
[951] Орточу – посредник; сват, сваха; в животноводстве – тот, кто случает лошадей.
[952] Асый – возраст лошади по пятому году.

Как юла закружив, к врагу;
Он по гравию, по песку,
Без подхвостника с кондачка
Сможет вынести седока.
С задней части хребта никак
Не пройдёт иной молодняк,
А животное, что в годах,
Даже с ношей, отвергнув страх,
По-над бездной, смиряя шаг,
При луне проплывёт, да так,
Словно лебедь в своём пруду,
Обхитрив в темноте беду.
Конь, проживший немало лун,
Остановит любой табун
Что, взбесившись, летит в туман,
От внезапного страха пьян.
И бывает, что старый конь
Вдруг почует в крови огонь,
Жеребёнком поскачет так,
Словно здесь не хребты – большак!»
«Ажыбая Курён таков!
Взять его я всегда готов,
Если дашь его мне, мой лев,
Я сегодня же, осмелев,
Понесусь в свой опасный путь:
Конь хороший – успеха суть!»
На такие слова тотчас
Отвечал, как привык Манас:
Двум джигитам своим приказ
Он без лишних отдал баляс:
«Ырчыул, Бозуул, сей миг
К Ажыке отправляйтесь! – рык
Этот в печень к *чоро* проник, –
Там игреневый баловник
У Ажыма меж прочих есть,
Пусть отдаст – и почтёт за честь!»

Два *чоро* полетели так,
Словно выдул их в мир сквозняк:
Стремя к стремени шли, коняг
Понукая на бег внапряг.
Прилетели к Ажыму в стан,
И на корточки сели – сам,
Мол, начнёт разговор Ажы,
Он горяч: чуть не то скажи.
Ажыке сразу понял всё –
Чай, с рожденья не *келесоо*, –
Засмеялся злорадно он:
За игреневым, явно, гон, –
Впрочем, кто-то уже секрет
Растрезвонил на белый свет, –
Молча ждёт, словно вдруг уснул.
Тут не выдержал Бозуул:
«Уважаемый, у тебя
В табуне, говорят любя,
Есть коричневый аргамак,
Мол, вынослив и смел он так,
Что Айкол нас прислал за ним:
Алмамбет, мол, непобедим
Будет с этим твоим конём.
Вот за ним мы пришли вдвоём».
Ажыбай подкрутил свой ус:
«Цену знает коню не трус –
Молодец! Он такой один.
Только, если возьмём Бейджин,
Все трофеи – напополам,
А иначе коня не дам!
Алмамбет как мой конь хорош,
Вместе будут смотреться… Что ж,
Видно, время пришло отдать
Мою верную исполать!»
Сняв попону с коня, Ажы,
Пересилив печаль души,
Недоу́здок надев, отдал
Аргамака друзьям; играл
Так игреневый, словно путь
Свежим ветром ворвался в грудь.
Улыбаясь, друзья назад
Поспешили – скакали в ряд,
Меж собою ведя конька:
Хоть и ставка была близка,
Но, не дай, мол, господь, сбежит!
Издалёка их важный вид
Всем поведал без слов: приказ
Чётко выполнен в этот раз.
Конский топот заслышав лишь,
Алмамбет полетел как стриж
Встретить славных гонцов, конька,
В нетерпенье дрожа слегка.
И Сыргак прибежал; коня

Он погладил; а тот, звеня
Сбруей, морду лишь вздёрнул ввысь:
Мол, откуда вы все взялись?

До вечерней ещё зари
В путь умчались богатыри –
Оба ладные, как один,
На разведку ушли в Бейджин.
В свете солнечном сам как свет
С золотой косой Алмамбет
На коне – золотом под цвет, –
Шёл, сверкая как самоцвет:
Пояс шёлковый был на нём
Весь в каменьях, златым шитьём
Изукрашен, на калпаке –
Белый жемчуг, алмаз; в руке –
Пика с плещущим бунчуком,
Флаг, оружие – всё при нём
Одеянью сверкало в такт;
Белолиц и высок был так
Богатырь! – только лишь Сыргак
Посоперничать мог: *арбак*
На него благосклонный зрак
Устремил свой не меньше: он
Как вершины гор устремлён
К небу был; его верный конь –
Телкызыл – как степной огонь
Словно ветром гонимый вдаль
Мчался в блеске своём; миндаль
На щеках у Сыргака цвёл,
И светящийся ореол
Окружал седока с конём;
Сапоги с каблуком на нём
Бликовали – орнамент был
Самоцветами вышит; пыль
Не могла приглушить тот блеск;
Придавая сиянью вес,
На копье рассыпáлся блик.
В общем, был и Сыргак велик
В этой паре богатырей,
Что скакали в Бейджин скорей
На разведку, как зверю в пасть,
Чтобы всем впросак не попасть.

Что оставшимся делать? Ждать.
«Чем без дела просто лежать
Лучше в альчики поиграть, –
Кто-то высказался, – опять
Нам придётся ворон считать,
Пока наши два *бека* вспять
Из Бейджина вернутся… Тать
Лишь бы им не смог помешать.
Многотысячна наша рать.
В одночасье не всем играть
Выпадает, на сорок нас
Кобылицу дадут как раз, –
Вот и альчики… Для *ордо*
Сделав линию, всё *додо*
Наблюдая – сильнее кто, –
Время славно убьёт зато».
Предложение на ура
Было принято, и с утра
Прочертили *ордо*, посул
Огласили, и Ырчыуул
Разделил на команды две
Весь народ, уступив молве
Меч, карающий варнака:
Половина – за Чубака
Пусть болеет, играет вся,
Тяжесть распри двух глав неся;
Половина вторая пусть,
Коль набралась хороших чувств
К Алмамбету, за честь его
Постоит, хоть и без него.
Чубака отряд Ырчыуул
Сам возглавил, а Бозуул
С Алмамбетовской стороны
По обычаям старины
Вёл команду в противовес:
Он отстаивал интерес
Алмамбета, хотя пока
Был приверженцем Чубака.
Но законы игры тверды,
И не выйти из борозды:
Дожил, нет ли до бороды –
Нет играющих без узды.
Надо ж – кона аж два подряд
Победителем стал отряд
Бозуула, а Ырчыуул
Молча злился, румянец скул

Выдавал его гнев и злость:
Жеребёнка ведь не пришлось
Выбить в этих двух конах им;
Пусть победа в игре – лишь дым,
Но игра ведь слагалась так,
Что за *ханом* стоял Чубак!

Среди них был джигит Жайнак:
Вверх тянулся он как сорняк –
Вечно рвался быть выше всех,
Вызывая порою смех;
Этот парень сказал: «А ну,
Мне отдайте *томпой*[953], – взгляну,
Зря, что я до сих пор не зван:
Кину – глянете: выйдет *хан*!»
Шууту возразил: «Постой,
А давно ли ты стал герой?
И увлёкся давно игрой?»
Но Жайнак уже взял *томпой*,
На карачки он встал, хотя
На черту наступил шутя,
Со всей дури свершил бросок:
Надо ж! – брошенный на глазок
Альчик *ханом* случился, – но
С нарушением всё равно
Не засчитан был тот рывок:
Все увидели лишь заскок.
Но внимательный Бозуул
Хана высмотрел и смекнул
Быстро альчик схватить и в центр
Передвинуть его в момент.
Ырчыуул раскричался: «Эй!
Бозуул, ты ещё скупей,
Чем я думал: тебе костей
Не хватает кобылы всей?
Победитель ты дважды; кон
Хоть один уступи, не тронь!
Ты кобылу собрал, но конь –
Наш! Уступим тебе супонь!
Хана взяли мы еле как!
Но нашёлся ж такой мастак:
Своровать наш успех сумел,
До чего ж ты, поганец, смел!
Если рук воровских своих
Не удержишь, – боюсь, под дых
Ты получишь из нас двоих;
Если дальше так будешь лих,
То умрёшь молодым, как есть!
Без корысти бывает честь.
У тебя подлых чувств не счесть,
И корысть надо к ним учесть!
Что, ты думал – умнее всех?
Дураков, мол, надуть – не грех?
Чёрен, подл такой успех:
Сам себя ты поднял на смех».

Бозуул прошептал: «Молчи!
Ырчыуул, ты с какой арчи
Умудрился упасть башкой?
Разорался как раб какой!
Нечестивец, ты вором вдруг
Обзываешь того, кто друг
Самый верный твой был всегда;
Так безвинных гнобить – беда:
Сам говно ты своё и съешь.
Зря поднял ты такой мятеж.
Ты джигит ведь не тот, чтоб бог
Тебя в ризы судьи облёк,
Да и я – не бедняк, без прав
Чтобы жить, от любых потрав
Пригибаясь пониже трав;
Я всегда докажу, что прав!
Когда только пришёл Алма,
Только рубище да сума
Во владении были, – что ж,
Разве скажешь – мол, это ложь:
В подношение сам Манас
Дал ему Саралу от нас,
Сел Алма на коня, затем,
Чтобы был он доволен всем,
Уваженье наш лев к нему
Проявил, и скажи: кому
Главным призом на скачках стать
Для Алмы довелось? – подстать
Был ли ты мне, на семь коней
Отступив от меня? Главней

[953] Томпой – альчик (коленная кость задней ноги крупного рогатого скота, употребляемая в качестве биты при игре в ордо).

Я тебя с той поры, а ты,
Не исполнив тогда мечты,
Ставишь палки в колёса мне,
Отчего ты подлей вдвойне:
Мне не ровня, и твой Чубак
Алмамбета беднее всяк:
И духовно, и силой, вот!
Вспомни: вышли когда в поход,
Кто гонял нас и день и ночь?
Кто наш конный отряд непрочь
Был поставить над всеми, кто?
Кто разбил колдунов гнездо?
Кто сейчас вот, сквозь пыль и мрак,
На разведку спешит? Чубак?
О-о, твой бай в разговорах весь:
Он присутствием может честь
Оказать лишь Совету – тем,
Что согласен всегда со всем,
Чтоб спокойно лежать потом.
Что ты можешь сказать о нём?»

Ырчыуул был обижен так,
Словно сам он и был Чубак:
Знал, как вспыльчив тот, горд, хитёр,
Но помчался к нему в шатёр,
Свои жалобы вылить чтоб
Не кому-то – герою в лоб:
«Я по родичам побродил
И по вотчине походил,
То ли бог мне не дóдал сил,
То ли бог про тебя забыл, –
Некий тут Бозуул, дурак,
Алмамбета подняв как флаг,
Столько глупостей про тебя
Наболтал, что тотчас, любя
Бая, данного богом мне,
Прибежал я, чтоб о лгуне
Знал мой *бай*; говорил Бозуул,
Что способен лишь на посул
Мой хозяин, его же *бай*
Взял в своё управленье край,
Он народом, мол, править стал,
Потому, мол, и он, нахал –
Бозуул этот, – выше всех,
С Алмамбетом деля успех.
Ханам многим попало, мол,
Он него – как зерно в помол
Он Кыргыла пустил, и тот
Все штаны обмочил, урод;
А Чубак, мол, смолчал, Совет
Успокоив, что горя нет.
А теперь Алмамбет коней
Выбрал сам – побыстрей, сильней,
Ханов просто ссадив с седла,
В чём, Чубак, вновь не видел зла,
На Совете сидел как мышь, –
Так Бозуул говорит, и лишь,
Мол, в разведку ушёл Алма, –
От большого, видать, ума,
Ты пошёл отдыхать себе,
Вверив дело опять судьбе».
Тут Чубак Акбалты едва
Только выслушал все слова,
Разозлился и налегке
Оседлав скорей Кёктеке,
В спешке перевернув седло, –
Оскорблённый уж был зело, –
Тёмно-синий сюртук надев,
Сверху латы навьючив – гнев
Клокотал в нём, – и вкривь, и вкось
Одевался он как пришлось,
Взял оружие, серый флаг
И железа кусок с *табак*[954], –
Так собравшись, крича: «*Нойгу-ут*!»
В путь помчался он, скор на суд.
Но оставим всё это тут.
О разведчиках вести ждут.

Пост Бакай не покинул свой,
Лишь в *дюрбун* он с горы большой,
Лёжа в скалах, глядел вослед
Двум разведчикам: путь без бед
Он мольбой волхвовал в судьбе.
Сам еду добывал себе
Абаке, подстрелив порой
Дичь, бегущую той тропой;
Запекая её в углях,
Он боялся, что вдруг впотьмах

[954] Табак – 1. блюдо; 2. чаша весов; 3. лист.

Не заметит беды, как дым
Подползающей к тем двоим.
Алмамбет и Сыргак же шли,
И Курёна с собой вели
В поводу – он как солнца блик
Загорался порой на миг,
Попадая же в тень, темнел,
Растворяясь меж дюжих тел.
Абаке повернул *дюрбун:*
Может, сердце его, вещун,
Промелькнувший как вихрь вдали?
Смотрит: тонут войска в пыли,
Что как облако от земли
К небу глину несёт; ужли́
Взбунтовались войска? Аль нет?
Сам в себе поискал ответ,
Взором внутренним глянул в суть
И – скорей собираться в путь:
Кёкчёлока пришпорив, вниз
Он помчался, на взгляд *алсыз*[955],
А на деле совсем джигит;
Говорят же, что внешний вид
Ни о чём, мол, не говорит,
Лишь с душой герой монолит.
Он прошёл обходной тропой
К Сивогривому, но с лихвой
Слух сумел уловить *айыз*[956],
Что от разных шатров неслись.
Он Манасу сказал: «Увы,
Рыба портится с головы.
Помогают же в этом те
Недоумки, кто в простоте,
Разговоры перемешав,
Рабский свой обнажая нрав,
Задевают гордыню глав,
Сплетню лживую передав.
В общем, с криком «*Нойгут*» Чубак
Взбаламутил *нойгутов* так,
Что отправились все вдогон
Двум гонцам на далёкий склон –
Чубака отстоять, мол, честь,
Что, скорее, не честь, а спесь».

Долго думать не стал Манас:
«Что ж, Бакай, и на этот раз
Твоей мудрости всей запас
Разрешит сей вопрос сейчас;
Наш *датха́*, на коня садись,
И скачи-ка быстрей, чем мысль,
Чтоб успеть отвести беду;
Аксаргыла на поводу
Поведи, да возьми с собой
Сарытаза, и пусть герой
Путь разделит, *датха*, с тобой;
Догони Чубака! – он злой.
Успокой его чувств пожар,
Предложи Аксаргыла в дар,
Слово выскажи от души,
Гнев на милость переложи».
Поскакал поскорей *датха,*
Чубака сберечь от греха
Вознамерившись, и догнав,
Он по праву старейших глав
Попенял ему: «Ой, Чубак,
Легковерен ты как простак,
Веря сплетне, сердиться так
Разве можно? Ой-бой, чудак!
Мой Чубак, прекрати скандал,
Пока он роковым не стал,
Ты не глуп ведь, батыр, пойми:
Так не водится меж людьми!»
Сарытаз не смолчал: и он
Старцу мудрому в унисон
Стал просить Чубака: «Наш лев,
Вы умерьте, прошу Вас, гнев,
Скакуна привели Вам в дар,
Был такому бы рад *сардар*:
Аксаргыл[957], – он как ветер быстр,
Быть верхом на таком – *ырыс*[958];
И одежды Вам в дар везём,
Чтоб порадовать Вас во всём,
Наши души ведь с Вашей встык,

955 Алсыз – немощный, слабый, бессильный.
956 Айыз – пересуды, сплетни, обсуждения.
957 Аксаргыл – белокурый, русый; белолицый.
958 Ырыс – счастье, доля.

Не давайте им *жанбастык*[959]!»

Богатырь в этой речи смог
На незрелость узреть намёк
И на детскость румяных щёк, –
Он фальцетом вскричал: «Щенок!
Ты препятствовать смеешь мне?!
Не нуждаюсь в опекуне!
Сам ты в жизни живёшь впотьмах!», –
И ударил его в сердцах.
Сарытаз чуть не пал с седла
От такого напора зла.
Тут вскричал Бакай-*олуя*:
«О-о, *кудай*[960], сохрани меня
От такого плохого дня!
Ой, Чубак, ты возьми коня,
А вот грубость свою оставь
И не порти былую явь!
Волю силе ты дай ума:
Пусть с Кагая пришёл Алма,
Пусть – китаец, но – друг для нас,
Весь в кыргызских делах увяз,
И горит ведь не напоказ:
Жизнью он рисковал не раз,
Не щадя живота… Скажи:
Ты заметил хоть каплю лжи
В нём, в деяньях его, в речах?
Сколько дел на его плечах!
Вот уж кто не живёт впотьмах!
Он за совесть, а не за страх
Служит брату Манасу, нам,
Делит тяготы пополам
С каждым воином как отец,
Хан похода он, наконец!
Кто дал право тебе, крича,
Оскорблять вожака сплеча?
Зря я сыном тебя зову?
Ты как будто не наяву,
Зенки вылупив, мчишься в бой –
С кем? Пожалуй, с самим собой!
Ты послушай меня, сынок:
В ножны ссоры вложи клинок,
Нынче ссориться нам не прок,
А не то вездесущий рок
Всех разделит – наш брат-кыргыз
В племена распадётся, вниз,
В убыль наша пойдёт судьба,
Как бывало, народ губя –
В одиночку переломав.
Успокой свой гневливый нрав.
Наш Манас потому Манас,
Что сумел он гневливых нас
Воедино сплотить в народ,
Не ломай же его оплот.
Даже сила слона не в счёт,
Если он против всех идёт:
Свалит множество одного,
Будь он даже и божество.
Если каждый – хоть стар, хоть млад, –
Потакать себе будет рад
В низких чувствах своих, на спад
Всё пойдёт – и покой, и лад,
Нас играючи разгромят.
Хочешь в яму, во тьму, назад?»

Но ответил ему Чубак:
«*Абаке*! Может, я простак,
Но глаза у тебя ведь есть?!
Уронил ли когда я честь?
Отсиделся ли от боёв?
Был к сражению не готов?
Убоялся правдивых слов?
Жил рабом ли в плену оков?
Сам подумай, мой *Абаке*,
Что плохого о Чубаке
Слышал ты от кого-нибудь?
Разве я не герой? Мой путь –
Путь сражений и путь побед.
Да, я в детских мечтах без бед
Шёл, всегда побеждая всех;
В жизни я добывал успех
Через кровь и горючий пот.
Был Манасу и я – оплот:
Бой в Ташкене ты помнишь? Влип

[959] Жан – 1. бок, сторона; 2. душа; 3. человек; 4. память; 5. возвратиться; пойти вспять; пойти на убыль; 6. гореть, загораться. Бастык – 1. низость, трусость; 2. остепениться, войти в разум.

[960] Кудай – бог. О, кудай – О, боже.

Сам я между героев-глыб,
Когда Нескары Карилип
В Аккулу ядовитый шип
Своей пики почти воткнул –
Кто, ты помнишь, его нагнул?
А *калдай*, что Кашкару друг
Чёртом выскочил вёртким вдруг, –
Кто ему отрубил башку?
Я напомнить ещё могу
Каткалана Сайкал – она,
Хоть и бабою рождена,
Но в бою просто лев… Тогда
Мимо девы прошла беда:
Ей не дал я срубить главы,
В спину пикой толкнув… Увы,
Улыбаешься ты, ну, что ж,
Знаешь: я говорю не ложь.
Ты – святой, но не из святош,
Ты меня и сейчас поймёшь:
Проучу я *калмака*, знай,
Кто бы ни был *калмак-кытай* –
Богатырь ли, вожак, злодей,
Проводник ли святых идей, –
У бейджинца я лошадей,
Тех, что отнял он у людей,
Заберу, приведу назад.
Абаке! Я ценю *азат*[961],
Что принёс ты, но, говорят,
Выстрел грянет, коль есть заряд.
Пусть умру! Буду я не я,
Коль сейчас поверну, тая
Яд в запасе, как та змея
На обочине бытия!
Пропусти! И не засти путь».

«Объяснит ли мне кто-нибудь, –
Тут раздался Айкола глас, –
Что за споры идут у вас?»
Да, подъехал и сам Манас.
С Чубака не спуская глаз,
Айманбоза пришпорив, он
Без усилий взошёл на склон.
Но достиг этих двух едва,
Как Чубак на его слова
Обернулся, свиреп как рысь,
И, усы задирая ввысь,
Позабыв про Бакая, встречь
Сивогривому начал речь:
«Ты, мой брат, обо всём забыл.
С перевала как Акчамбыл
В девять лет я пришел в Арал
И Алтай мой родным мне стал;
Ты в одиннадцать ровно лет
К нам явился, и словно свет
На тебе вдруг сошёлся: нет,
Чтобы вспомнить, хотя б момент,
Не сказать уже – часа дня,
Чтобы думали про меня:
Был лишь ты во главе у всех;
Жил в тени я, а твой успех
Шёл всегда впереди; твой смех
Воспитал во мне этот грех –
Быть никем и ничем всегда.
Вспомнить трудно мне без стыда,
Как лизал остриё ножа
Твоего, чтоб твоя душа
Мою верность сочла за дар.
За тебя я любой удар
Должен был принимать без слов,
И воистину был готов
Лишь за имя твоё страдать,
В бой идти с ним и умирать,
Бессловесно, как будто дух.
Я всегда был одним из двух:
Был твоею рукой, мечом,
Был слугою, чтоб ни о чём
Не заботился ты, Манас.
Ты не вспомнишь, боюсь, сейчас,
Сколько раз бескорыстно спас
Я тебя, и сейчас рассказ
Я о том бы не начал, коль
Не вселилась бы в душу боль:
Ровней я не считался столь,
Как приблудный *калмак* твой, голь!
Беспородная кляча вслед
Аргамаку в расцвете лет
Не помчится, сойдёт с пути.

[961] Азат – то же, что и насият – наставление, добрый совет, поучение.

Я – та кляча, в моей груди
Пред тобой, скаковым конём,
Горечь жжёт всё нутро огнём:
О *калмаке* ты лишь своём
Растревожась, – скажи, о нём? –
Догонять меня вздумал вдруг.
Что с тобою, Манас, мой друг?
К чужаку ты стократ добрей.
Для тебя я как тот пырей,
Что растёт у твоих дверей;
Чем я хуже богатырей,
Что тебя окружают, чем?
Тем, что годы несу ярем,
Ни о чём не прося тебя?
Тем, что с детства сплелась судьба?»
Разговор этот был тяжёл,
И когда он к концу пришёл,
Весь измучившийся Манас,
Добрых слов исчерпав запас,
Испугавшись промокших глаз,
Отдал брату такой приказ:
«Что ж, в разведку спеши и ты,
Раз лелеешь о том мечты!»

А пока повернули вспять:
Войско вздумало бунтовать,
Все *нойгуты* за Чубака
Поднялись, чтоб намять бока
Алмамбету и всем, кто с ним;
И порыв тот был объясним:
Напряженье, усталость, страх.
Так же дети порой впотьмах
Начинают свой мир ломать,
Пока к ним не примчится мать.
Крики слышались: «Вот стервец!
Доберёмся мы, наконец,
До предателя! Жди, *кытай*!»
Что хватили все через край
И затеяли зря раздрай
Разъяснили Манас, Бакай
И Чубак вместе с ними – он
Раздосадован был, смущён
Данной миссией – третьим стать
Двум разведчикам: их догнать
Он совсем не за тем хотел,
Чтобы стать сослуживцем дел,
Но оспорить приказ не смел,
Ведь Манаса б отказ задел.
Успокоил *нойгутов* всех
Сам Бакай-*олуя*: успех
Возымела не мудрость, нет,
И не ценный его совет,
А скорее нагайка, крик –
Кто к чему из людей привык.
Все в побоях, в крови иной,
Повернули скорей домой –
В стан, что домом почти что стал.
Внешне вроде затих скандал.
Всех в покое оставим мы,
Пусть потешут молвой умы.
Алмамбет и Сыргак – о них
Речь затеяна, о двоих.

Алмамбет и Сыргак в пути
Далеко уж смогли уйти:
Не жалели они коней,
Понуждая их всё быстрей
Разогнавшись идти; им пел
Ветром бешеным Сарыбел –
Перевал, что был жёлто-бел
Как предвечной зимы предел.
До ложбины дошли уже.
Чёрный камень там был – в душе
Остаётся беда таким
Камнем, призрачным словно дым.
Но вокруг красота была:
Разнотравьем земля цвела,
Извиваясь, трава ковром
Покрывала весь дол, как дом,
Как молитвы слова – мотив.
Попастись лошадей решив,
Разнуздали их, в луг пустив –
Запасного и свой актив:
Новобранец их Картурён,
Сарала, Телкызыл в поклон,
Обихаживать стали склон,
Проутюживать с трёх сторон.
Сами вновь поднялись – присесть
На валун, что чернел как весть
Посреди беззаботных дней, –

Сверху было следить видней
За неспешной пастьбой коней
И не только, причём, за ней:
Алмамбет посмотрел назад:
Было видно в *дюрбун* – летят
Чёрной тучей людишки: в ряд,
Как в атаку, – отметил взгляд.
Попытался их сосчитать,
Сбился, начал считать опять;
К Кумсары обернулся он,
Вправо, смотрит, – и там на склон
Двое всадников скачут – гон
Их нешуточный, – испокон
Так не скачут, коль нет причин;
Силуэты двоих мужчин,
Пригляделся, знакомы так,
Как своей же руки кулак.

Он настроил дюрбун слегка:
Раз на шесть подкрутил пока,
Чтоб *арканов*[962] на шесть с витка
Даль приблизить наверняка.
Укрупнившись, на части вид
Разделился: скакун летит,
Пригляделся – то Кёктеке,
И, конечно, не налегке;
Приотстав, Айманбоз спешит,
А у всадников грозный вид.
Призадумался тут Алма:
«Что случилось? Сойти с ума:
С Кумсары ли, с Ачбела вслед
Нам пустил свой отряд сосед –
Чон Жолой? Начался скандал?
Кто-то выстрел сигнальный дал?
Аккулы вдруг лишившись, брат
Скачет, чтобы позвать назад
И меня, и Сыргака? Нет?» –
Чтоб найти ответ, Алмамбет,
Подкрутил ещё раз *дюрбун*:
Превратившийся в вихрь скакун –
Мчится злющий Чубак, – за ним,
Как за пламенем вьётся дым,
Мчится, видимо, войско… Взгляд
Не заметил людской откат,
Лишь сердитого Чубака
Мог увидеть в *дюрбун* пока
Алмамбет – злобный взгляд врага
Рассмотрел он издалека,
Намерения свояка
Распознал он: исподтишка
Тот расправу чинить спешил.
Что ж… За пазуху положил
Свой *дюрбун* Алмамбет, надел
Он верёвку на шею; бел
Стал лицом он почти как мел –
Не от страха, ведь был он смел,
От обиды, – и взял потом
Пику красную с *бунчуком*
Приготовил и так застыл,
Концентрируя вихри сил.
Сразу понял всё лев Сыргак:
Что случилось и что не так
Происходит вокруг пути.
Что вдвоём им дано пройти.

В это время Чубак свой нрав
Укротить смог почти: неправ –
Так почувствовал он, – увы,
Оттолкнувшийся от молвы
Этот злобный его посыл:
Мол, не зря *Абаке* просил
Прекратить эту трату сил
На эмоции, что как ил
Дух затягивают на дно,
Бед, где выжить не суждено.
Он, идя по следам гонцов,
Думал: «Что я в конце концов?!
Абакем мне сказал слова,
До которых бы сам едва
Докопался бы я, сперва
Расколов бы как на дрова
С Алмамбетом наш шаткий мир,
Где лишь ревность двоих – кумир.
Пусть с *Кангая* мне чужд *калмак*,
Пусть делить не привык я так
Отношение льва ко мне,
Буду верным ему вдвойне,
Как Бакай повелел, – не мне

[962] Аркан – мера длины, равная 4–5 метрам.

Смуту пестовать на войне.
Что *калмак* бы ни делал впредь,
Буду молча на всё смотреть».

Так подумав, Чубак с коня
Слез, и пешим пошёл, кляня
Каменистый неровный путь,
Отражающий в общем суть
Взбаламученных недр души
Как пророчество: не спеши.
Глядя под ноги лишь, Чубак
Не заметил: вверху Сыргак
Изваянием скорбным встал,
Как бы сдерживая скандал,
Что начаться готов был здесь:
Злобных чувств накопилась взвесь
В чистом воздухе так, что вздох
Был скорее похож на «ох»,
Словно вырос чертополох,
А цветочный ковёр засох.

В это время и Айманбоз
Сивогривого вверх донёс:
Грузный всадник в седле сидел
Величаво, тулуп был бел,
Словно снег на вершинах гор;
Лев, надеясь уладить спор,
Что лишь ширился до сих пор,
Понадеялся разговор
Сделать шуткой, и потому
Сам окликнул, как брат, Алму;
Белоснежной улыбкой он
Подсветил их беседы фон:
«Эй, скажите мне в двух словах
Суть скандала, чтоб он зачах!»
Но улыбка и смех в очах
Сивогривого вгорячах
Разозлили Алму, да так,
Что виновный пред ним Чубак
Был в мгновение позабыт,
А Манаса веселый вид
Утвердил Алмамбета в том,
Что задумали, мол, вдвоём
Извести его братья здесь,
Всем *кытаям,* наверно, в месть
На земле, где родился, рос
Сам Алма… Эта мысль всерьёз
Закрепилась в его мозгу;
Задыхаясь, как на бегу,
Он вскричал, отвечая льву:
«Неужели я наяву
Вижу здесь, на вершине, вас?!
Ой, Манас, дорогой Манас!
Что как клоун распялил рот?
Думал, вряд ли дурак поймёт
Намерения все твои
И братишки – вон той змеи,
Что, наверно, узнал о том,
Где мой был настоящий дом,
Что в Какане отец мой – хан;
Вряд ли брат догадался сам,
Просветил его ты, Манас!

Не пойму лишь, зачем ты спас
От скитаний меня, сынка
Окаяннейшего врага?
Не скрываю: рождён я здесь,
Только вера моя и честь
Непохожи на те, что есть
У *кытаев* – прошу учесть!
И духовный наставник мой,
Я надеюсь, ещё живой,
Не в Бейджине, а в Мекке был
Мне опорой духовных сил;
Ты, Манас, своей мощью крыл,
Как казалось мне, пригласил
В ту же веру меня, согрев.
От неё ты отрёкся, лев?
Мне отречься велишь теперь
Словно я бездуховный зверь?
Желчь пустить тебе, так грозя?
Или вырвать твои глаза,
Чтоб кровавой была слеза?
От себя ведь уйти нельзя.
Злость твою проклиная, вдруг
Взять зарезать тебя, мой друг?
Лишь умножит любой испуг
Веру сердца, души… Кунштюк
Мне не дастся такой, увы:
Не узор ведь содрать с канвы,

Не завязки пришить опять
Где удобней руке искать, –
Это надо весь мир менять
И себя не в себе искать.

Ты послушай, не пучь глаза;
Что словами сказать нельзя
Скажут слёзы мои тебе;
Жизнь свою оборвать в борьбе
Мог давно я; увы, судьбе
Было надобно, о рабе
Позаботился чтобы ты;
При народе ты как цветы
Дорогие дарил слова;
От народа ушёл едва –
Ты, послав меня впереди,
Чтобы вместе от всех уйти,
Двух братишек с собой позвав,
Ты решил укротить мой нрав?
Алмамбет, мол, ты вступишь в бой
Лишь расставшись с самим собой,
Чтоб услышал потом народ,
Здесь который всегда живёт,
Что ты сам распорол живот,
Раз не отдал их хан оплот –
Трон Бейджина свой золотой, –
За дитя, что обрёл покой,
Кровь пролив в свою землю вновь,
Где с пупка уронил он кровь.
Был ли в мыслях твоих сей план?
Думал, трон свой покинет хан,
Коль ему предъявить сынка,
Участь чья без того тяжка?
За мерзавцем, за Чубаком,
Посылал или сам верхом
Побыстрей прискакал к нему,
Чтобы взять в оборот Алму?
Что ж, не в злате, а в серебре
Трон твой, коли ты о добре
Может запросто так забыть?
Господин мой безмозглый! – нить,
Что связала нас, крепче уз,
Что связуют простой союз:
Молоком нас связала мать,
Не отринуть и не изъять
Из судьбы нашей этот крест;
Пусть уйдём из земных всех мест,
Даже души умрут пускай,
У родства разве будет край?
Как старался я для тебя,
Как я верил: дала судьба
Брата, родину, дом, семью.
Правду с горечью узнаю.
Лучше я бы погиб в бою!
Как жестокость понять твою?
С недогадливым выслал, чтоб
Без свидетелей врезать в лоб?
Скажешь, пушкой по воробьям
Не стреляют? – ружьё я дам.

Жеребёнок-трёхлетка так
Скачет, как я скакал, дурак!
Думал я, что твои *чоро* –
Мне родные; твоё добро –
Наше – надо приумножать.
Много сеял я, только жать
Всё придётся другим потом.
Чубака называешь львом,
Накачав его чёрным злом;
Уничтожить меня втроём
Вы решились, минувшим сном
Всем, кто спросит, меня назвать,
Чтоб забыла меня и мать,
Что своё молоко дала.
Все сейчас мы вблизи села,
Где доверчивый Алмамбет
Народился на белый свет;
Здесь решили пустить мне кровь?
О, и ненависть, и любовь
Могут боги простить, но вот
Не прощают они расчёт –
Тот, с которым готов убить
Вожделеющий богом быть:
Жизнь и дать, и забрать лишь бог
Вечно в мире подлунном мог.
Лев твой маленький, твой Чубак
Скрутит мне поясницу так,
Чтоб *кангайцам* преподнести
Свой урок – как себя вести,
Когда бороды их в горсти

Враг зажмёт на своём пути?
Чтоб увидел и Конурбай,
И разнёс бы на целый край,
Как ломают мне спину здесь? –
Долгожданная многим весть.
Начинай же скорей, не мучь!
Луч луны я в оковах туч,
Или – озеро без воды,
Гость незваный я, чьи следы
Все проклятьями обросли;
Хлеб без масла, провал земли
Я – заблудший во всех мирах,
Я – незнающий даже страх;
Сколько б мне ни твердили – нет
Пользы в том, что и лунный свет
Через тучи пробьётся; лёд
В пересохшей реке живёт;
Что и чай, мол, для гостя – хлеб,
Коль ни хлеба, ни масла нет;
В одиночестве польза – тишь,
Если ты сам с собой молчишь;
Перевал, что не взят тобой –
Дом, подаренный вдруг судьбой.

Впрочем, всё это просто тлен.
И с чего я вдруг стал *чечен*[963]?
Просто я захотел узнать:
А на чём же, мол, исполать
Твоя зиждется? Сколько мест
Сам собой ты прошёл окрест?
Перевалов осилил сколь?
Подчинил через кровь и боль
Ты Араник, Кашкар, Кокон.
Так отару загнав на склон
Ждёт пастух с неё мясо, шерсть,
Травки вдоволь ей дав поесть.
Дань стрижешь словно шерсть с овец
С мест, захваченных, наконец;
А кому ты излишки дашь?
Снёс *калдаю* с Кашкара *баш*,
Айжанжуна согнал и встык
С древним городом Бешбалык
Ты поставил свой град Манас, –
Не забудьте, мол, люди, нас:
Дань сносите в приёмный зал!
Край Бейджина, считай, ты взял;
Середину когда возьмёшь?
Обоюдно ведь острый нож –
Власть, что лишь через страх берёшь,
Как бы ни был при том хорош.
Ты китайской души портал
Хоть немного, скажи, познал?
Осторожен будь, мой Айкол.
Если хочешь, кивни лишь – мол,
Расскажи про свой край, про тех,
Суд над кем я свершу, как грех.

Хорошо, расскажу, внимай:
Необъятен родной мой край,
Солнце всходит из моря; лёд
Море с севера кроет влёт,
В то же время на юге – дождь
Дней бегущих пастух и вождь:
Когда север седой от вьюг,
Весь в подснежниках ярких юг,
И цветов там всегда *уй тук*[964],
И людей – как цветущий луг
Полон край мой людей, – поток
Там китайцев и, видит бог,
Править стольким числом людей
Может мудрый, а не злодей.
Был его бы достоин я,
Что ещё бы от бытия
Мог желать бы… Но сто причин,
Почему я теперь один.
Город чудный там есть – Алчын:
Город сильных больших мужчин,
Нежных женщин; будь он моим,
Никогда б не расстался с ним,
А расставшись бы стал скучать.
Город – как на судьбе печать
Принадлежности к раю… Нет –
К небу, как бы сказал поэт.
Без народа жил Алмамбет?
Я ли тот, кто весь белый свет
Обошёл, но несу в душе

[963] Чечен – красноречивый человек, оратор.
[964] Уй тук – несметное число (говорится обычно о людях).

Край, потерянный мной уже?
Я ли тот, кто земли лишён?
Край во мне мой, прекрасен он.
Островов Индычина блеск
Не отнимет ни бог, ни бес.
Край твой больше? На взгляд небес
Как из кожи бы ты ни лез,
Столь обширной земли вовек
Не иметь тебе, человек!
Расскажу, не скрывая зла,
О такой земле – Ботала́,
Где растёт трава *кучала́*[965],
Что прилипчива как смола;
Там всегда едят *атала́*[966],
Рис, отваренный добела, –
Вот и вся их еда, причём
Все в трудах они день за днём.

Шесть десятков ворот в Бейджин
Охраняет всегда один –
Вы знакомы, конечно, с ним,
Хан Эсен, – он непобедим,
Весь Бейджин у него в горсти –
Все подходы к нему, пути,
Незамеченным не пройти.
Там растёт трава *бечендú*[967]:
Пятикратный полив полей,
Чтобы сделать её сочней,
Окупается – лошадей
Оставляют пастись на ней,
А, наевшись, зато шесть дней
Может лошадь идти, и ей
Ни воды, ни еды в пути
Не понадобится почти.
Там змея Туйунчач живёт,
В сто размахов змеиный ход
Берег моря замкнёт в кольцо;
Черепаха своё яйцо
Там закапывает в песок;
Соболь, выдра – пушной зверёк;
Тёплым мехом их люди впрок
Запасаются – ветерок
Зимний в этих краях жесток.
Для охоты же создал бог
Диких вепрей – те кабаны
И косматы, и так сильны,
Что охотники быть должны
Подходящей величины.
Жук там водится – Талалуу:
Черепахи крупней! Котлу
Закопчённому на огне
Жук подобен, черней вдвойне.
У природы такой и нам –
Людям, – надо подобным львам
Быть; но разные люди там
Проживают, хвала богам:
Великаны и слабаки,
И обжоры, что в три руки
Снедь хватают с чужих столов;
Трус встречается, что готов
На разборки в ночи жену
На воров напустить одну;
Недотёпы с рогами есть,
Есть несущие свято честь,
Хоть живут на болтушке; – здесь
Не стремятся послаще есть
В основной своей массе; лесть
Как и ложь – богачей десерт.
Сладкий в речи – жестокосерд,
А бедняк он и прост, и груб,
Он правдиво всегда из губ
Исторгает свои слова –
Чем доселе земля жива.
Рассказать про *тайганов*? Иль
Про борцов-великанов быль?
Как отец мой с Конуром был
На ножах? Сорандика пыл
Не сравнимый с моим!.. Чубак
Про меня размышляет так:
«Неуживчивый он, чужак:
Его принял к себе казах –
Не ужился с казахом он;
Сам к кыргызам пришёл в полон –
Вот *кытай*! – ведь со всех сторон

[965] Кучала – кучеляба, чилибуха (яд).
[966] Атала – похлёбка из воды, муки и кислого молока.
[967] Беченди – название определённого травянистого растения.

Был обласкан и вознесён,
И опять недоволен…» Что ж,
Ведь отчасти портрет похож
И, пожалуй, не назовёшь
Эти мысли словечком «ложь»,
Но и правды здесь чистой нет.
В оправдание Алмамбет
Вам поведает то, что свет
Позабыл за десятки лет:

Сорандик был когда силён,
Когда был над Туншою он,
То из множества волостей
К великану Жуйрун детей
Обучаться послал – шестьсот
Было мальчиков в первый год.
Миновало полгода. Шесть
Их в живых лишь осталось: съесть
Сам Жуйрун их сумел иль быт, –
Но об этом молва молчит.
Новый год наступил когда,
Девятьсот их пошло туда –
На учёбу; мальчишек тех
Не увидели больше: всех,
Как гласила об этом весть,
Великан, обучая, съесть
Смог за месяцев девять их,
Кроме ровно девятерых.
Обучал он три года нас,
Тех, кто выжил, и как-то раз, –
Сорандик заболел тогда, –
Великан мне сказал: «Звезда
Азиз-хана пошла в закат.
Ты, как сын, поспеши назад,
Поддержи своего отца
До назначенного конца;
Говорю без обиняка:
Не вернёшься наверняка,
Не забудь же ни узелка.
Я письмо напишу пока».

Всё собрал я, вернулся в дом.
Он закончил возню с письмом,
Запечатал, чтоб мне отдать,
И решился вдруг показать
Два меча мне: как серп один
Был изогнут, потолще льдин
Край наружный его был, но
Так заточено полотно,
Остриём утончаясь, – дрожь
Ощутил я, взглянув… Хорош,
И намного, был меч второй –
В красных ножнах златых, прямой,
С рукояткою золотой,
Не напластанной, а литой.
Мой учитель Жуйрун мечи
Оба взял, подержал, – лучи
Заплясали от одного,
Он на стену вернул его,
Ну, а мне подарил второй –
Тот, изогнутый, «ледяной».
Сам, ослабив на миг чутьё,
Чтоб письмо завершить моё,
За печатью полез в сундук;
Моего же сердечка стук
Подтолкнул меня к шкоде вдруг
И с надеждой на ловкость рук
Я подаренный меч на тот
Подменил, что наставник-жмот
Вновь на стену вернул: ведь, он,
Как казалось мне, окружён
Тайной, может, и колдовской.
До Жуйруна мой воровской
Не дошёл тот приём, и он,
Хану свой передав поклон
В запечатанном им письме,
Распрощался, и в полутьме
Утра раннего в город я
Пешим двинулся, – те края
Были, в общем, знакомы мне,
А спешил я теперь вдвойне.

У отрога горы, где мыс
Чанбейсен над тропой навис,
Где озёрную гладь воды
Волны морщили, так желты,
Словно золотом было дно
Всё усеяно, и давно;
Тайный мост отыскал я там,
Вверх поднялся, и вдруг Коран,

Нарисованный на стене,
Я увидел там, в глубине
Рукотворной пещеры: там
Я впервые познал ислам,
Вязь рассматривая; какой
Был художник – *кытай*? Изгой
Из далёких арабских стран?
Мне неведомо, но Коран
Мне открыл незнакомый мир,
Где неявленным был кумир,
Но влекущий и светлый зов
Шёл из рая; я был готов
Поселиться в пещере той,
Очарованный красотой
Райских кущ; но за раем ад
Нарисован был, где стократ
Семь кругов для мученья душ
Повторялись, дыша к тому ж
Серным запахом, гарью, тьмой,
От картин этих словно вой
Чей-то веял, вплетаясь в смрад.
Всей душой я увидел ад:
Пир, где каждое блюдо – яд,
Где, пируя, в огне горят,
Где пирующих, наугад
Выбрав, черти самих едят.
Я задумался: ад и рай –
Человеческой жизни край?
Мусульманином только став,
Можно свой аппетит и нрав
Приспособить к законам тем,
Что позволят потом в Эдем
После смерти пройти душе?
Мысль сверлила меня уже,
Что, имея в избытке власть,
Невозможно в искус не впасть:
Есть и пить, веселиться всласть,
Всех казнить, чьи дела не в масть
Твоему представленью дел.
Не заметишь ведь тот предел,
За которым грехи стоят.
Путь властителям – только в ад!
О, – подумал тогда я, – мне
Чем бессрочно гореть в огне,
Лучше жизни короткий срок
Пережить как простой урок,
Жить, добро созидая впрок!
С тем ступил я на свой порог:
Путь осилил уже не *бек* –
Мусульманин в душе навек.

Шесть десятков *амбань*[968] меня
Вышли встретить – героя дня,
Жанжуны́[969] – сорок ханов – в срок,
Заучив славословье впрок,
Осчастливили наш порог;
Сбор воистину был высок:
Золотую повозку встречь
Выслав мне, приготовив речь,
Так вспушив всю, что по уму
Из неё бы подушек тьму
Можно было б наделать… Лесть –
Ожиданий бесплодных месть, –
Усыпляет и ум, и честь,
Подменяя собой, что есть.
Ждали, словно мессия я,
Шелестело всё: «Сошоя́!», –
В общем, славила власть сынка
Своего, перебрав слегка
Блеска, шума, бурленья масс,
Как водилось всегда у нас.
Все *амбани* пришли в Туншу
Пешим ходом, – не опишу
Сколь сверкающим был их ход;
Падал в обмороки народ;
Мостовая вся у ворот,
Где я должен свершить был вход, –
Как иначе сказать? – она
Вся коврами застелена
Драгоценнейшими была;
Лишь взошёл я на них, пыля,
Роскошь встречи той, как петля,
Затянулась на мне; земля
Показалось, и та, мала;

[968] Амбань – начальник округа в Синьцзяне.
[969] Жан – 1. бок, сторона; 2. душа; 3. человек; 4. память; жуу – приближаться. *Здесь:* приближённые, обласканные властью.

Шелестел весь мир: «Сошоя́!»

Известили отца, что я –
Долгожданный Алма, – пришёл,
Всех собой осчастливив, мол.
Оказалось, отец здоров.
А вернул он меня в свой кров,
Положившись на *жанжуно́в*:
Шестьдесят было их, готов
Каждый, дабы упрочить трон,
Укрепляя со всех сторон,
Посоветовать – что и как.
Писарь был у отца, чудак,
Вот с его-то руки письмо
Написалось почти само.
Этот писарь отцу изрёк:
«Алооке-молодца сынок –
Конурбай – на чужой порог
Из *Кангая* едва утёк;
Эсенкан-то его пригрел,
Хоть и сам он едва успел,
Девяносто верблюдов взяв,
Отступить от беды в анклав,
Взяв роды́ под своё крыло.
Время страшное в мир пришло,
Лишь пока не коснувшись нас:
У *бурутов*[970] взошёл Манас,
Запад Азии занял весь –
Вот такая плохая весть.
От *Кангая* большой кусок
Откусить этот изверг смог,
Насадил свой язык, закон,
Чем *калмаков* обнищил он,
Посадив как корабль на мель.
Попросить бы чуть-чуть земель!
Два десятка *жанжунов* шли
Только с Севера к нам: земли
Попросить за *калмаков* тож, –
Конурбай к ним как зимний дождь
Заявился, повсюду вхож.
Просьбы эти – как к горлу нож
Жизнь приставила к нам, увы;
Нет наследника для молвы
У просторных владений всех,
Нет грядущих сакральных вех,
Чем сдержать нам границ края.
Вот об этом печаль моя:
Чтоб, наследника не тая,
В полном сборе была семья».

Так узнал я, что Конурбай
В Поднебесный отцовский край
Стал внедряться, раскинув сеть,
Как паук, чтобы здесь успеть
Переплавить всё злато в медь.
Стало сердце моё гореть,
Красный пепел в душе всю ночь,
Жёг, заснуть было мне невмочь,
Я боялся уж занемочь;
Возвращения радость прочь
Как солома под ветром вдаль
Улетела; пришла печаль.
Я с рассветом пустился в путь –
Просто так, не куда-нибудь;
Кылжейрена я сам седлал,
Потому как никто не встал;
И, не встретив живой души,
Я отправился до Тунши,
Снедь какую-то взяв, в пути
Пожевал, чтоб быстрей дойти.
По горам, по долам тропой
Шёл, беседуя сам с собой.
В город въехал по мостовой,
Удивляясь Тунше: большой
Многокрасочный город, дан
Как в награду земле… Шаян –
Первый пригород, – как в туман
Был закутан в сплошную пыль,
Серебристую как ковыль:
Здесь китайские богачи
Табуны прогоняли – чьи
Было трудно в сплошной толпе
Узнавать, но самим себе
Было, видно, понятно им –
Чей товар, кто купец, – с любым
Можно было потолковать;

[970] Бурут – под этим названием кыргызы известны у калмаков; сами себя кыргызы так называют только тогда, когда речь ведут от лица калмаков.

Самый низший из них пригнать
Мог до тысячи лошадей:
Покупай, забирай, владей.
Посмотрел я, послушал их.
Очень многих сразил под дых
Из *Кангая* сюда приход
Тьмы *калмаков*, – рядил народ,
Как, мол, скажется сей исход
На порядок, на жизни ход?

На гнедом скакуне джигит
Повстречался мне: свежий вид,
Все повадки богатыря,
Землю топчет, видать, не зря,
Сам плечист и широкоскул.
Перекрыв неумолчный гул,
Поболтали мы; Карагул –
Имя было богатыря, –
Так сказал мне: «Ведь я не зря,
Здесь толкаюсь: вершу я *бак*[971]:
Выживать, мол, нам будет как.
Братья Алооке, Катал, –
Может, ты их, приятель, знал? –
Наши с братом отцы, они
Знамениты в былые дни;
Конурбай – Алооке сынок,
Я – Катала; Конур помог
Мне по-братски добраться в срок
В этот край, где я сразу смог
Девяносто коней в горах
Раздобыть на свой риск и страх;
Эсенкан нас крышует: он
Лошадей поместить в загон
На хорошей земле нам дал:
Умножается капитал,
Жеребится табун, растёт,
На *джайлоо* пасу я скот».
Я не выдержал, вспыхнул весь:
«Конурбай твой сегодня здесь?»
Не почуяв в словах угроз,
Карагул на скупой вопрос
Обстоятельно отвечал:
«У Конура не здесь причал,
Разместился на Контёро
Братец – там, мол, светло, тепло,
Сухо – солнце почти весь день.
Там ищи его, коль не лень».

О Конуре услышав весть,
Мог ли я оставаться здесь?
Перевал перешёл, взглянул –
На том месте, что Карагул
Обозначил, как брата стан,
Там палаточный город встал.
Подобрался поближе, вдруг
Вижу – лошадь стоит: зверюг
Нет таких среди лошадей,
То не лошадь, а мавзолей;
Золотое седло на ней,
Басмайыл катаур[972] – ей-ей
Целых шесть, золотые тож.
В сердце вдруг ощутил я дрожь:
Я мечтал о таком коне,
Он являлся не раз во сне
И туманил все думы мне!
Я тихонько позвал коня.
Глазом огненным на меня
Покосился красавец лишь:
Что, мол, хочешь, зачем стоишь?
Я не видел ни зги вокруг,
Всё померкло: и свет, и звук,
Я как будто в тумане был.
О Конуре я вмиг забыл,
И не видел, что из шатра
Преогромнейший как гора,
Озираясь, как будто вор,
Вышел мрачный мужик, – топор
Дать бы в руки – как есть палач!
Всё потом я увидел… Вскачь
Просто мысли бегут: впросак
Залетел я тогда, дурак!

Помолчи, не ори, Чубак!
Я ещё не закончил… Мрак
Словно застил тогда мой ум.
Напролом я шёл, наобум,

[971] Бак – присматривать, стеречь, наблюдать, смотреть.
[972] Басмайыл катаур – подпруга, идущая через седло.

Как забрался я на коня –
И не спрашивайте меня!
Человек тот окликнул: «Эй!
Кто ты? Как твоё имя? Чей?
Шёл ко мне ли на разговор?
Или, может, ты просто вор?»
Я ответил, дрожа в пылу:
«Э-э… зовут меня Сололу,
А подвластный отцу народ
Сошая́ лишь меня зовёт.
Ну, а ты кто, и кто *аке*?»
«Мой отец – хан Алооке,
Он *калдайский мансап*[973] теперь;
Конурбай я – серьёзный зверь,
Над огромным народом хан».
Злость свою не сдержав, вулкан
Гнева я на него излил:
«Шесть уже поколений жил
Здесь народ мой, отцов гнездо
Нам в наследство досталось… Кто
Звал тебя, Конурбай, сюда?
Ты для нас – как чума, беда!»
Разозлится и он в ответ.
Правда колет глаза, как свет.

Так ответил мне Конурбай:
«Ты сейчас хватил через край!
Нас не слышит никто, заметь,
Незаметною будет смерть.
До тебя, впрочем, дел мне нет.
Землю дал Эсенкан, сосед.
Убирайся скорее вон,
Я не трону тебя вдогон».
Так презрителен был весь вид
Конурбая, как будто слит
Он уже навсегда с землёй,
Что была мне всегда родной.
Оскорбил меня очень тон
И слова «Убирайся вон!»
Я немедля схватил копьё –
Всё с собою всегда моё, –
Пику красную с *бунчуком*
Ярко-синим поднял, ведом
Я немеренной злостью: ком
В горле встал, я дышал с трудом,
Но копьё я метнул как бог –
Гнев мне в этом весьма помог.
Алооке Конурбай тотчас
Потемнел, хоть и так окрас –
Ты-то знаешь, видал, Манас, –
Стал как уголь; из узких глаз
Прямо пламя лилось, и он
Был хоть ранен, но не сражён:
Пику выхватив, на меня
Он попёр как медведь, кляня;
Но и я не зевал и вмиг
Выбил пику из рук; велик
Был мой раж, но в один момент
Я увидел, что Кылжейрен
Вдаль уходит – лишь силуэт
Впереди очертил рассвет.
Я-то, сидя на Алгаре,
На огромной гнедой горе,
Позабыл уж о той поре,
Что как альчик сменил в игре,
Не заметив почти, коней;
Кылжейрена любя сильней, –
Знал его-то ведь я давно, –
Вслед рванул я: мол, всё равно,
Хоть под землю уйди, найду
И наброшу опять узду.
За него я лупил коня,
На котором сидел, гоня
Изо всех его сил вперёд,
Чтоб ещё он ускорил ход.
Мчал он грузно, роняя пот.
Кылжейрен уже на полёт,
Так казалось мне, перешёл:
То мелькнёт на горушке – мол,
Догоняйте, я здесь, я есть,
И в мгновенье, глядишь – исчез.

Двое суток погоня шла.
По упрямству страшней осла,
Нечестивец, мой конь, в Катун –
Дальний город, – сбежал, шатун.
Я, Катун обходя, узнал:
Эсенкан Конурбая ждал

[973] Калдайский мансап – должность или положение, которых добивается человек.

В этом городе; для меня
Лучших мест, чтоб вернуть коня,
Просто не было, так что я,
Пребывания не тая,
Чтоб клеймо не прилипло – «вор»,
Подыскал постоялый двор
К ханской ставке поближе чтоб.
После скачки коня озноб
Охватил – перепрел, поди,
Чтоб скорее слугу найти
В глубь двора я прошёл; в груди
Сердце ёкнуло: впереди
Сквозь себя пропуская свет
Вырос девичий силуэт:
Ей двенадцать-тринадцать лет
Я бы дал – красоты рассвет,
Когда нежный бутон едва
Раскрывается – волшебства
Столько кроется в нём! – молва
В описанье его мертва.
Дева, путь перегородив,
Голоском, где весны мотив
Явно слышался, изрекла:
«О, в тебе накопилось зла!
Я могла бы тебе помочь.
Но скажу когда, чья ж я дочь,
Не спеши удалиться прочь:
Вновь найти мне тебя невмочь.
Дочь я первого богача.
Ты, я знаю, его «*калча*»
Называешь, но мой отец
Не такой уж *калча*[974]-боец;
Впрочем, я не судья, не льстец,
Не скажу отцу, наконец,
Как его ты зовёшь, – и пусть,
Это дело твоих лишь чувств.

Речь пойдёт не об этом, нет.
Я увидела твой портрет,
И с тех пор мне покоя нет:
Словно клином сошёлся свет.
И прошу тебя, чтоб с «*калчой*»
Не соперничал: ты живой
Больше нравишься мне, поверь,
Не хотела бы я, чтоб дверь
В одну сторону лишь судьба
Распахнула, тебя губя.
И не надо отца сердить,
Если хочешь и дальше жить.
Не послушаешь коль меня
И зайдёшь, – до скончанья дня
Буду ждать я здесь, у плетня,
Обихаживая коня».

Всем известно, когда халат
Мне надели, чтоб из палат
Сам я вышел в подлунный мир,
С этих пор ни один кумир
Преградить мне не смеет путь:
Это всей моей жизни суть.
Только глянув на Алгару,
Вверив целость его двору,
Поспешил я пройти к дверям.
Двое стражей стояли там:
Руки скрещены на груди,
Значит, к хану дают пройти.
С Конурбаем мы лишь на миг
Разминулись: ушёл *калмак*
Когда с дочкою ханской я
Вёл беседу, из-за коня
Забредя в глубину двора.
Что ж, у рока своя игра.
Раз не выметалась икра,
Я на завтра сменил вчера.
Чтобы свой оправдать приход
Хану выдал я суть забот:
«Захватил задарма *калмак*
Два десятка провинций, – шлак
От земель остаётся нам,
Не иначе – напополам
Скоро будем рубить и трон».
Эсенкан был спокоен, он
Дал мне высказаться, затем
Так ответил: «У вас задел

[974] Калча – (в эпосе) эпитет калмакского богатыря Коңгурбая (*здесь*: Конурбая), главного противника киргизского богатыря Манаса; эпитет, видимо, унизительный; (*ср.*: калчылда – дрожать; калчылдак – дрожь).

Пастбищ, ваша земля – *каймак*;
Со своих же земель *калмак*
Был *бурутами* изгнан прочь.
Чем я смог, тем сумел помочь,
Хоть потерянного точь-в-точь
Возместить мне всего невмочь.
Конурбаю я отдал шесть
Лишь провинций – их просто счесть.
У тебя ещё сорок есть,
Чтобы и трон удержать, и честь».

После этих спокойных слов
Я воистину был готов
Много лишнего выдать вслух,
Но ушел и душой потух.
Чёрной лошади Алгары
Не нашёл я уже: мудры
Духи, что опекают нас, –
Бог меня от расправы спас,
Возвернув жеребца *калче,*
Не нуждаясь ни в толмаче,
Ни в камче и не в силаче,
Всё свершая в своём ключе
По небесным своим часам.
Кылжейрен объявился сам.
Сев верхом на него, хотел
Я умчаться, но не успел:
Встреча новая у ворот
Задержала: закрыв проход,
Та же дева, ворожея́,
Словно солнце в груди тая,
Прошептала: «О, Сошоя́,
Извелась, дожидаясь, я;
Пару слов лишь скажу, – ответь:
О своём положенье ведь
Эсенкану, отцу, ты смог
Рассказать как бы между строк?
Если мимо себя отец
Пропустил эту весть, гордец,
Не расстраивайся, – теперь
Постучись-ка в другую дверь:
Своему отцу расскажи
Всё как есть и от всей души;
Не поддержит тебя и он,
Всё равно – с четырёх сторон,
А не с двух разрешай дела;
На *калчу* не держи ты зла:
К счастью, зло не приводит, нет.
Твоё сердце лишь даст ответ,
Пока бьётся оно в груди,
Где судьбу свою обрести,
Где убежище нам найти, –
Это всё ты найдёшь в пути;
У *алашей* не сыщешь дом,
Что-то, значит, найдёшь потом.
Я могу тебе дать обет
Что в девицах и в сорок лет
Буду я в ожиданье жить,
Для тебя свою честь хранить.
Для сомнения нет причин:
Даже в мыслях других мужчин
Не мелькнёт у меня, ты знай.
Расстаёмся теперь. Прощай!»

Я умчался, за суток шесть,
Забывая и спать, и есть,
Перебрал я дорог, не счесть;
Эта девочка в душу влезть
Умудрилась, не знаю, как;
Через реки я плыл, сквозь мрак
Перевал ли, бугор, овраг –
Всё осиливал аргамак,
Чуя смуту в моей душе,
Бездорожьем скакал к Тунше;
И когда под луной сверкнул
Город мой, я к нему свернул,
И как будто бы солнца луч
Умягчил в моём сердце путч.
Я немедля, сойдя с седла,
Лишь умылся – душа звала
Поскорей говорить с отцом.
Был тогда я ещё юнцом
И не ведал, что чувства власть
За ненужную держит часть
Тела, данного нам творцом.
Я беседу свою с отцом
На эмоциях строил; он
Неприятно был поражён,
Правда, выслушал до конца
Он, не вставив в доклад словца;

Но, лишь только закрыл я рот,
То рванулся отец вперед:
«Ты, считай, предаёшь свой стан!
Земли отдал ведь Эсенкан;
Ты ведешься, забыв свой сан,
С тем, кто вводит всех нас в обман!
Взялся сам ты откуда, эй!?
Ты решил, что ты всех храбрей?
Хан твой земли раздал, народ,
Ты в печали лишь кривишь рот,
Начиная свой брачный гон.
Я надеялся – ты умён.
Но скандал я чинить не дам.
Пусть хоть сорок провинций нам
Остаётся: всё по делам –
Не по чаяньям, – бог даёт
Веру, славу, страну, народ».

Я, безропотно проглотив
Неприятия злой мотив,
Отпросился объехать край
Земли наши и тот припай,
Накипь чуждую, чем *калмак*
Свой на землях поставил знак.
За неделю собрался в путь
И ветрам незнакомым грудь
Я подставил, тая печаль,
Из Тунши отправляясь вдаль.
Девять дней уж прошло; в пути,
Чтоб границы свои найти,
Встречных спрашивал я о том,
Кто откуда и где их дом,
Как название, чей народ,
Кто работой какой живёт;
Так Анкура достиг – места,
Столь просторны, что долгота
Рассекающего пути –
Дней пятнадцать, и не найти
Одинаковых панорам:
То пустыня без рвов, без ям,
То густые, как ночь, леса,
То озёра, в них как слеза
Голубая вода чиста;
То равнина, то высота:
Дичи столько, что режет взгляд:
Кайберены в горах летят,
Волки, барсы и тигры – все
В первозданной живут красе,
Не страшась человека – там,
Видно, он не бывает сам,
Встретив оного, как впервой
Окружают его толпой,
Воздух нюхают, головой
Так трясут, будто неживой
На пути их предмет возник;
Дикий вепрь убегает вмиг –
Видно, пороха он нюхнул;
Сам я несколько стад вспугнул,
Для обеда добыв двоих
Самых лакомых кабаних,
И, вскарабкавшись на хребет
Взял *дюрбун* я – увидеть свет,
Что ещё ожидал меня,
Там увидел я в свете дня
Мельтешивший внизу народ.
Кто таков и куда идёт?
Кто властитель и чей-то род?
Поселение? Войско? Сброд?
Место, занятое людьми,
Велико было и вельми:
Обозначить в *ат чабым жер*[975]
Я б отважился, например.
Издалёка я шёлк знамен
Разглядел – ярко-алым он
Был с оттенком скорей в *алтын*;
Я заметил какой-то дым,
Шум услышал – там зрел скандал.
Я решился – и спуск начал,
Без гаданий чтоб всё узнать,
Кто пришелец – беглец иль тать?

Лишь приблизился я, ко мне
Вышли двое – не на коне,
Но с оружьем наперевес,
Оттеняющим интерес:
Два острейших копья им вес
Придавали, – весомый пресс;
В грязь лицом не ударил я,

[975] Ат чабым жер – дистанция, на которую пускают бежать взрослых лошадей.

Речь завёл свою, не тая
Жажду выяснить – кто и с кем
Здесь желает иметь тандем.
Хан Кёкчё Айдаркана сын
Вышел тут же, и не один:
Человечек с Йаврупа с ним,
Извиваясь как будто мим,
Гордо – я, мол, незаменим
Шёл: с китайского языка
Толмачом был наверняка.
Я приветствовал их: «*Кома?*»
Но не понял толмач, ума
У него и хватило лишь,
Чтоб горланить начать: «Шалишь?!
Слишком гордый, – ещё, глядишь,
За знакомство возьмёшь бакшиш!
Не признаешь коль, что равны
Мы тебе, то со стороны
Нас – наследников Актаалы –
Не услышишь ты похвалы;
Поросят завязав в узлы,
Ты примчался хлебнуть хулы
От того, то свиней не ест,
И не бродит один окрест!»
Тут уж я разозлился: тест
Он не выдержал, глупый жест –
Так встречать незнакомцев там,
Где и ты незнакомец сам;
Я ответил ему: «Уймись!
В голове твоей белой мысль
Не по-старчески так глупа!
Нечестивец! Тебя судьба
Не лупила, видать, под дых,
Ты же губишь сейчас своих:
Мусульманин, иных ли вер
Люди ценятся, – изувер
Тот, кто ценит за то себя,
Что к аллаху примкнул, любя, –
Преимуществ других судьба
Не дала, об уме скорбя;
Так что верой не упрекай!»

Человек другой – Алыбай,
Догадавшись, что оскорблён
Толмачом я, представил он
Хана вежливо: «Господин –
Хан Кёкчё, Айдаркана сын,
О себе он уже успел
Миф создать, что у многих дел,
Под началом у молодца
Есть начало, но нет конца;
Он дорогу к святым местам
Выбрал, не сомневаясь, сам,
Но пророк, видно, спутал нам
Карты все, и теперь *аалам*[976]
Распахнулась на сто сторон,
На распутье Кёкчё наш; он
Как сынок *ашкере муллы*[977]
Может только вязать узлы,
Не развязывая: хулы
Не приемля и похвалы!»
От его ироничных слов
Я заплакать уж был готов:
Сам создатель Алла Тала
Повстречался в пути! – мала
Для отчаянья *аалам*,
Пусть она и напополам,
Ширь мечтания ущемит, –
Каждый с сутью всего лишь слит.

На Кёкчё навострил я слух
И спросил его: «Как свой дух
В мусульманство перевести?
Телу будет ли по пути,
Нечестивому, с духом, тем,
Что вольётся в него затем?»
«Очень просто, – ответил он, –
Верь в аллаха! Со всех сторон
Он поддержит, аятолла
Дал молитву: «*Ла иллала,*
Ла йиллака иллалла …», –
Повторяй, твоего чела
Должен веры коснуться свет,
Кроме веры условий нет».

[976] Аалам – Вселенная.
[977] Ашкере мулла – мусульманское духовное лицо, мулла.

О, как я свой ломал язык,
Чтоб *келме*[978] говорить привык:
«*Ла-ла-ла-ла, лалала-лап…*» –
Выдавал я за ляпом ляп.
Веселился народ Кёкчё,
Все стояли к плечу плечо,
Наблюдая за мной, рабом
Испытаний моих… Потом,
Когда выдал я, хоть с трудом,
Приложившись к коленям лбом,
Нечто близкое к «*ла-илла*»,
То мои завершил дела
Сам Кёкчё-богатырь, сказав:
«Пусть немного язык неправ,
Но желанье и верный нрав
Переход завершили: здрав,
Духом стал неофит – аллах
В нём присутствует, как в ярах,
Изгоняя все тени, снег
Заполняет их… Человек
Остальное осилит сам,
Славя в мире собой ислам!»
Оказалось, свои дела
Все закончил Кёкчё дотла,
Пятьдесят своих тысяч войск
Он поднял уходить домой,
И, собрав уже весь обоз,
В жертву небу Кёкчё принёс
Золотую как огнь овцу;
Айдаркану же он отцу,
Чтоб почтить его, посвятил
Жертву денежную: «пылил»
Красным златом из *курджуна* –
Словно горсти швырял зерна.
Жил Кёкчё, как хотел; народ
Им гордился, что так живёт.
Он отправил гонца вперёд,
Чтоб домашние в свой черёд
Приготовил пышный стол,
Да гостей бы созвали, мол,
Познатнее, побольше – цвет!
Дома в пир перетёк обед.
Наречён Аалы Мукаммед,
Или попросту – Алмамбет
Был я сразу застолью вслед.
Утром встали мы все чуть свет.
Вызвал писаря в дом Кёкчё:
В необъятной чалме, плечо
Очень низко одно держал, –
Видно, много писец писал,
Над столом наклоняясь так;
Он принёс с собой *хафтияк*[979],
Прижимая его к груди.

«Алмамбет, сынок, проходи, –
Мне сказал богатырь Кёкчё,
Поприветствовав горячо, –
Ты в ислам ведь зашёл едва,
«Такта кат» мы прочтём сперва
И другие *келме* потом,
Как к себе чтоб к аллаху в дом
С его именем мог входить,
С его именем в сердце жить».
Я неделю читал Коран.
Буквы знал я не все, и ран
Мне в душе нанесли сполна
И невежество, и вина;
В одиночестве плакал я,
Но на людях, вину тая,
Был я в чтение погружён.
В ночь седьмую увидел сон:
В дом, что мне предоставил *бек*,
Прямо с улицы человек
Вдруг зашёл: средний рост, румян,
Но как будто бы осиян –
Так лицо всё светилось; он
Посмотрел на меня; смущён
Был я взглядом мудрейших глаз;
Он принюхался словно; бас
Зазвучал его мягко так:
«Ах, сынок Алмамбет, бедняк,
Мук твоих и в эфире след:
Светел, свят наш ислам, не сед;

[978] Келме – мусульманский символ веры.
[979] Хафтияк – название седьмой последней части Корана, которая издавалась отдельной книжкой и служила в старой школе учебным пособием.

А зовут меня Мукаммед.
Ну-ка рот свой открой, сынок,
Выпей! – дал мне воды глоток, –
Кылт, сынок, это, *суу-тамак*[980]*…»*
От глотка я в момент размяк,
Но раскрыл через миг глаза,
Резко – выступила слеза,
Грудь пошла ходуном, душа
Строки впитывать все, спеша,
Стала жадно, легко, навек;
Так помог мне тот человек:
В вязь арабскую, в *суры*[981] вмиг
Просветлённым умом я вник,
Без запинки читая их.
В память каждый ложился стих,
Открывая сакральный смысл,
Высветляя и дух, и мысль.
Вновь Кёкчё-богатырь с утра
Попроведовать со двора,
Громогласный, зашёл – мол, как
Продвигается дело? Знак,
Что явился вдруг в вещем сне
Рассказал я ему, что мне
Смысл раскрылся священных слов,
Всё, мол, всем я раскрыть готов.
Богатырь как дитя был рад,
Так озвучил он сей расклад:
«Это, право, аллаха свет
Передал тебе Мукаммед –
Сам хозяин ислама он:
Вот кем в веру ты посвящён!»

С самым первым зари лучом
Как-то раз я зашёл к Кёкчё;
Посмотрев на меня, он вдруг
Выдал: «Что ты грустишь, мой друг?
У тебя очень бледный вид.
Что за дело тебя томит?»
Я ответил: «Души такой
Чтоб по дому, земле родной
Не скучала до слёз бы, нет;
Рвётся конь к табуну… Ответ
Мой таков, и другого нет.
Если сможет Кёкчё, мой хан,
Отпустить меня в отчий стан
Попроведовать всех родных, –
Я тревожусь, мой друг, о них,
А по матушке, так вдвойне:
Сон, и тот, изменяет мне –
Я без сна уже столько дней!
А на сколько – тебе видней, –
Ты отпустишь меня к родне,
В срок любой уложусь вполне».
Призадумался хан, и вмиг
Ничего не ответил. Сник
Я немного, но ждал шесть дней
И дождался: табун коней –
Тысяч вновь пятьдесят! – Кёкчё
Под отряд оседлал: плечо
Так своё подставлял он мне;
Знамя поднял… Я в лучшем сне
Выезд свой не видал таким –
Алым, с месяцем золотым;
Кылжейрена украсив так,
Словно это не конь, а флаг,
Хан позвал: «Алмамбет, пойдём!
Мы тебя только нынче ждём!» –
Словно грезил я наяву!
В котловину Кюйрёктуу,
Сплошь заросшую *чилигой*[982],
Как ореховою нугой,
Хан Кёкчё отпустил народ,
Чтоб дождался он нас, вперёд.

А с рассветом и мы пошли:
Я с Кёкчё и толмач-кули.
Чтоб нечаянно не вздремнуть,
Украшал этот ранний путь
Незатейливый разговор.
Вышли к впадине между гор.
И тогда мне Кёкчё сказал:
«Алмамбет, ты понять мне дал,
Что уходишь не навсегда;
Что ж, проведаешь всех когда –

[980] Суу – вода; тамак – еда; кылт – побудительное.
[981] Суры – главы Корана.
[982] Чилига – разновидность кустарника.

Мать, отца, племяшей, друзей, –
Возвращайся назад скорей!
Выражаю тебе *бата*,
Чтобы чистым пришёл сюда,
Жив-здоров возвращался к нам,
Крепок в вере... Тебе я дам
Скажем, месяца три на всё:
Как завертится колесо –
Сам, конечно, смотри... Но всё ж,
Помни: я-то в Бейджин не вхож.
Я три месяца буду ждать.
Не вернёшься – тогда опять
До полгода добавлю срок;
Вновь не будет тебя – зарок
Свой нарушу, войду в Бейджин,
Будь что будет! – пойду один.
В общем, помни, сынок, прощай!
Пусть дорогу как светлый рай
Расстилает тебе земля!» –
И, добавив, "*ла-илла-ла*", –
Он вернулся к себе домой,
В новой вере наставник мой.

Много дней я пробыл в пути.
Я Туншу не смог обойти,
Хоть и путь мой лежал в Бейджин:
Сорандик там, мой господин,
Мой отец восседал царём.
Я боялся, что мы, вдвоём
Хоть и встретимся, не найдём
Понимания вновь ни в чём.
Я в Бейджине два дня сперва
Взял на отдых, ища слова,
С чем к отцу обращусь – снова́
На свой выбор явить права.
Когда с улицы во дворец
Я зашёл, восседал отец
На златом своём троне; он
Не ответил на мой поклон,
А когда я сказал: «*Алик*[983]!»,
Сразу вскинулся Сорандик,
Не сорвавшись на крик едва,
Подбирая позлей слова,
Так ответил: «Сошёл с ума?!
Мы приветствуем так: «*Кома́*!»,
Не желаешь здоровья мне?!
Что же к трону не на коне
Ты подъехал, раз ты чужой?
Должен путь свой забрать с собой,
Я, отец венценосный твой?!
Или нынче отец другой
Наставленья даёт тебе?
Подозренья в твоей судьбе
Оправдались, увы, теперь:
Мусульманин! Не наш ты зверь.
Коль захочешь кусаться, знай:
Против весь наш настрою край,
Откажусь, не пущу в Сарай!
Как живёшь – так и помирай!»

Так сказав, он покинул трон
И ко мне подскочил: урон
Моей вере решил нанесть, –
Небольшая, но всё же месть:
Он к чугунному божеству
Потащил меня, – мол, главу
Преклони, помолись ему,
А не станешь – то самому
Не останется на земле
Места, кроме как в кабале,
Пребывать, мол, отныне здесь;
Он кричал, что, мол, совесть, честь –
Всё завязано лишь на том:
Дружен, нет ли я с божеством,
Кому все поколенья нас
Поклонялись, и в смертный час
Уходили к нему навек;
Что порочный я человек,
Если смею *келме* отцу
Говорить, что его дворцу
Не случалось за все века
Вот такого зреть дурака».

Я не выдержал и сказал:
«Наш аллах всемогущ; твой зал
Светом полнится оттого,
Что я с верой вошёл в него;
Что могуществом всем своим

[983] Алик – ответ на приветствие (у мусульман).

Он даёт всё, что мы едим,
Чем мы счастливы, чем полны;
Изобилие всей страны –
Дело силы Аллаха; мы –
Только руки его, умы».
Но его эта речь вконец
Доконала; схватил отец
Вмиг меня за отросший чуб,
И при этом был со зла был груб
Так, что скальп чуть не снял с меня,
Ночь в глазах посредине дня
Тьмой сгустилась, а он отсечь,
Видно, голову вздумал с плеч,
Чтобы речи мои пресечь, –
Слышу – вынул из ножен меч,
Что с собою носил всегда
В красных ножнах златых … Беда!
Закричал я от страха, он
Криком этим слегка смущён,
Задержался всего на миг;
Был искус в этот миг велик –
Вырвать меч из отцовских рук,
Разомкнуть наших споров круг:
Из ничтожнейших самых слуг
Мог властителем стать я вдруг.
Рассекая тот мрак, в мозгу
Мысль зажглась: «Разве я могу
Жизнь родного отца прервать?!
На свой дух наложить печать, –
Нет, убийцы клеймо, – не снять,
Не отмыться, ни есть, ни спать;
Люд простой, а не только знать,
Будут грех и позор мой знать».
Я рванулся, волос лишь клок
Удержать мой мучитель смог,
Сам покинул я этот плен,
Свистнул – верный мой Кылжейрен
Прискакал на привычный зов.
Я отправиться был готов
Хоть куда от дворца, отца.
Но испил ведь не до конца
Чашу горькую бытия;

Подошла, свою боль тая,
Всё-то знающая моя
Мама – счастья ворожея́;
«Жеребёночек мой! – она
Вся тревоги была полна, –
Ты – опора моя навек,
Ты украсил собой мой век,
Вот рука моя, мой птенец;
Пусть врагом тебе стал отец,
Хоть и злобен наш Сорандик,
И во власти своей велик,
Знай: душа моя лишь с тобой,
Мой единственный, дорогой,
Всех стремлений моих звезда,
Невредимым ты будь всегда,
Но иди лишь своим путём!
Даже мех на плече моём –
Видишь, – тянется весь к тебе,
Ты – главнее всего в судьбе!»
Я готов был заплакать: «Мам,
За твоё молоко воздам
Жизнью всей, но своим мечтам
Предаваться могу лишь сам;
Слишком близко, смотри, земля,
А небесные все поля
Далеки, высоки, увы.
Светлый мир – он в устах молвы
Только в стенах дворца живёт;
Ошибается наш народ!
Звёзды, солнце – весь светлый мир
Создаёт не болван-кумир,
А Творец всемогущий, бог!
Мне себя он узнать помог».
Мать открыла мне свой секрет:
«Бог велик, и превыше нет!
После жизни своей дитя
Ты оставь, одного хотя,
Мусульманина – так, как я:
Мусульманка я век, тая
Свою веру, в полгода я
В нашу веру ввела тебя;
Самых близких своих подруг –
Пять моих самых верных слуг,
Тоже к вере я привела;
Крепость веры пока мала,
Но надеюсь я на тебя.
Благосклонна к нам будь, судьба!»

Материнская речь меня
Потрясла; потеряв полдня
Я шестёрку пригнал коней
Из просторов своих степей, –
Шесть ведь жизней хотел спасти!
В мыслях был я уже в пути,
Кылжейрена на поводу
Вёл, в седло чтоб на всём ходу
Прыгнуть, но… Возвестил беду,
Разрушая мою мечту,
Мощный колокол городской.
Тут же с разных сторон гурьбой
Много воинов вышло вдруг,
В свой живой и смертельный круг
Замыкая меня с конём;
Пику красную с *бунчуком*
Вмиг направил я на врагов,
И без устали был готов
Биться насмерть, покуда жив,
Чтоб испортить чужой мотив.
Через войско тот мой прорыв
Был нелепым, но искрошив
Часть засады, китайцев цепь
Смог прервать я и – леп, нелеп, –
План султана слегка ослеп:
Кровью платят за горький хлеб.

Кровь как воду я лил в сердцах,
Воздух кровью уже пропах,
Конурбаевских наймитóв
Чем-то кислым воняла кровь.
«Кто Конуру про мой приход
И готовившийся уход
Выдал? Разве меня поймёт
Этот жадный чужой народ?», –
Так я думал, и не испуг,
А надсада душевных мук
От нещадных моих потуг
Убыстряла сердечный стук.
Ровно сорок батыров вдруг,
По приказу восполнив круг,
Что победно разбит был мной,
Наступая двойной волной,
Круг смыкали, но всё ж со мной
Не спешили вступать в борьбу,
Хоть напал я уже, судьбу
Попросив мне помочь опять,
Чтобы круг разбить вдругорядь.
Сорок мальчиков, встав в *кочо*[984],
Тесно – чуть не к плечу плечо,
В сорок глоток вскричали вдруг,
Словно на ухо был я туг:

«Алмамбет, господин ты наш!
Нас вниманьем своим уважь,
Мы не лжём, а со всей душой
Просим, чтобы забрал с собой
Нас в далёкий Какан – возьми:
Мы остаться хотим людьми!»
Варианты прогнав в уме,
Я ответил: «Пускай «*келме*»
Скажет каждый, кто сможет, – тот,
Так и быть уж, со мной пойдёт».
Был порыв их, возможно слаб
Или страх их душил, как кляп, –
Поражения вечный раб, –
Только дальше, чем «ляп-ла-лап»
Не продвинулся ни один,
Я припомнил и свой почин,
И, рукою махнув, с собой
Всех увёл, тем окончив бой.
Через шесть утомивших дней
Мы к Тунше подошли; парней
Я в пути муштровал, они
Прикипели ко мне за дни.

Алооке Конурбай не ждал,
Чем закончу я свой аврал,
Он китайцам запрос послал,
И в Каспане уже встречал
Безобразный Бууданкёк
Мой отряд, что месил песок
Еле-еле уже, устав.
Войска больше песка набрав,
На коне своём Кырккурён
Кровожадно встречал нас он,
Нахлобучив железный шлем,
Словно чёрный казан, совсем

[984] Кочо – два ряда людей, обращённых лицами друг к другу, с проходом между рядами.

Стал похож он на горный кряж,
Что бесснежный возносит *баш,*
Окуная в скопленье туч.
Бууданкёк был силён, могуч,
Коль повалит меня – каюк.
Я единственный мой *укук*[985]
Сжал – копьё своё, – и вперёд!
В нечестивца воткнул копьё,
Вмиг прервав его бытиё.
Разозлённый Чубак, поверь,
Если я разозлюсь – как зверь
Становлюсь, или даже – сель,
Всё сметая в пути отсель,
Где пройду… Буудана люд,
Лишь увидев, как враг их лют,
Отступить захотели, но
Их главу зарубив, на дно
Низких чувств опустился я:
Кровь стереть не успел с копья,
Посмотрев, как Буудан с коня
Улетел и, меня кляня,
Прямо в кручу воткнулся, гад,
Гнусной позой насытив взгляд,
Я-не-я, другой Алмамбет,
Ставший втрое сильней от бед,
Позабывший о всём и вся,
Рыгнул в гущу врагов, кося
Как косою мечом своим
Всё, что было ещё живым.

В красных ножнах златых мой меч,
Что старался Алма беречь,
Так мелькал, так рубил и сёк! –
Как из гроздьев поспевших сок
Винодел выжимает в срок,
Так я кровь проливал… Жесток
Был тот самый Алма-не-я:
Красной жижею вся земля
Стала прямо в момент; тела
Всюду высились, кровь текла
Превращаясь уже в поток.
Я не знаю, когда я смог,
Вдруг опомнившись, стать собой
И закончить кровавый бой.
Я остался совсем один.
Ввысь поднялся под сень вершин,
Перевал перешёл, томим
Я виною, собой самим.
Я к кыргызам пришёл, чудак.
О, беду мою, раб Чубак
Забери, как ожог, в свой лоб:
Я в крови той давно утоп,
Нет меня на земле уже.
Сорок тысяч несу в душе
Тех, погибших от рук моих.
Груз вины до сих пор не стих.
Ты бы видел, как шёл я к вам:
Словно тень по крутым горам
Я карабкался и в пути
Как я жаждал себя найти –
Да, того, не убийцу, нет,
А того, кто искал ответ
На вопросы про жизни суть
Лишь у бога, – дышала грудь
Верой, чистой любовью, той.
Что навеки разрушил бой.
Оглянуться не смея, шёл
Я на запад; как рваный шёлк
Знамя бывшего, вера чуть
Всё же мне освещала путь.

Вдруг в ущелье, где сам собой
Путь сужался большой трубой,
Вновь пришлось окунуться в бой,
Предначертанный мне судьбой.
Из-за гребня горы как чёрт
Богатырь появился: рост
У него был – гора почти,
А спина и охват груди –
Как большой караван-сарай,
Рот – бесформенный малахай,
Шею мог бы иметь бугай, –
Да, то был силач Кендирбай:
Конской гривой вилась коса,
Глубже чёрных озёр глаза,
Голова его – как казан,
Борода его – как колчан,
Рукоять топора – усы,

[985] Укук – право.

Брови гуще, чем хвост лисы,
Так лежат, словно злые псы,
Охраняющие *казы*[986].
Ветерок его запах нёс –
Не выдерживал просто нос;
«Схваткой краткой бы обойтись,
Не тереться бы долго близ,
Побороть и умчаться вниз», –
Появилась шальная мысль.
Новый враг мой, верблюдом грудь
Выгнув, мне перекрыл весь путь,
Он, подобный большой горе
На коне своём Алгаре,
На меня устремив копьё,
Толщиною почти с дубьё
С остриём из железа, весь
Так напыжился, словно весть
О победе вкусил с утра.
Царь *манжуров* сам Нескара
Из-за глыбы его плеча
Тоже выглянул; сгоряча
Его принял за палача
Я, размах своего меча
Примеряя на силача
И от злости уже рыча.

Ан, не всех я заметил, нет!
Мурадил Кырмузшаа вослед
Из-за гор выплывал, за ним
В сорок тысяч войска, как дым
За огнём, протянулись вдаль.
Снова кровь проливать! Как жаль.
Мурадил на коне своём,
Что кровавым горел огнём,
Гарцевал, раздуваясь аж,
Неусыпный *калмакский* страж,
Полу-служка и полу-хан;
Шёл за ним *калмаков* Уушан,
Мелким бесом, шажок к шажку,
Словно штопал он на бегу
Своих замыслов мерзких сеть;
Калмаков Тунугу успеть
Так старался за ним, как медь
Под дождём спешит зеленеть;
Ба, – Сайкал Каткалана! – все
Проявились в своей красе:
От кыргызов сбежав, она
Прилепилась на времена
К хищной стае *калмаков*: ей
Там спокойнее, где сытней,
С тем сподручнее, кто сильней,
Чем зависимей – тем родней.
Пять Бейджинских родов собрал
Мой противник и без Сайкал,
Чтоб со мною затеять бой;
Не пошёл с ними лишь Жолой.

Не принять этот бой никак
Я не мог: приближался враг
Не за тем, чтобы звать на чай
И вести с ним беседы, чай;
Кто батыр, а кто трус сейчас
Испытание напоказ
Предстояло врагам и мне;
Поудобней сев на коне,
Взял копьё, примеряясь, я,
Чтоб ударом одним копья
Разнести Конурбая план,
Страх и ужас во вражий стан
Запустить, поломать ряды,
Спутать карты большой беды,
Надо мною нависшей вновь.
Кылжейрен мой, как будто кровь
Вновь почуя, одним прыжком
Кендирбая нагнал, бочком
Он толкнул Алгару – мол, вон
Убирайся! Со всех сторон
Вдруг раздался ружейный треск,
Затянуло дымком окрест
Место боя; но я успел
До нашествия пуль и стрел
В цель копьё своё так воткнуть,
Провернуть и перевернуть,
Чтобы враг, поражённый в грудь,
Навсегда свой окончил путь.
Но от выстрелов ружей дух
Захватило, к тому же слух
Отказал, и без этих двух

[986] Казы – конская жирная колбаса (*казахск.*), брюшной и рёберный конский жир (*кырг.*).

Боевой мой запал потух.
Пушка тоже свой веский вклад,
Громыхая разы подряд,
В этот подлый внесла расклад –
Оглушающий шумопад;
Что случилось – не понял я,
Но когда голова моя
Стала что-то соображать,
Открывая за пядью пядь
Мир, где я оказался вдруг,
То меня обуя́л испуг:
В семислойной клети вдвоём
Оказались вдруг мы с конём!
А вокруг – наподобье стай
Грифов, – истинный *курултай*:
Торжествующий Конурбай,
Войско – даже не виден край,
Где кончается, и отряд
Бравых конников; все бурлят,
Рады до́нельзя, – мол, теперь
В клетку загнан безумный зверь.
Что мог сделать я взаперти?
Сердце вырвать лишь из груди.
Я о чувствах совсем молчу.
Потащили нас к *"Жандоочу»* –
В крепость, бросив с конём в *зиндан*:
Мол, пусть в муках неверный хан
Умирает, день ото дня
Своего пусть он ест коня,
Пусть от голода оба тут
В долгих муках своих умрут.

В яме каменной той хоть плачь:
Где-то в сорок всего *кулач*[987],
Я метаться и то не мог.
За два дня я от слёз промок
И подумал: какой в том прок?
Слёз моих не увидит бог,
А мучителям в радость плач
Мой – ведь время теперь палач,
Только силы я трачу зря.
В третий день, лишь взошла заря,
В руки взять я решил себя.

Всё, что в жизни даёт судьба,
Всё имеет свой смысл и срок.
Но понять – для чего урок
Этот дан, нам не всем дано,
Не любое взойдёт зерно,
Для невсхожего выход – тлен.
Так, уроком представив плен,
Стал молиться, богатырей
Вспоминать, что меня мудрей,
Разговоры, что в уши шли
Когда баловнем был земли:
Вспомнил предков, кого вдали
Ветры времени занесли
Толстым слоем иных времён;
Разговаривал и с конём,
Уговаривая терпеть,
Не приемля и в мыслях смерть.

Когда силы иссякли, сон
Вдруг пришёл, я, как был, – верхом –
Задремал и увидел вдруг:
Клятвой связанный верный друг –
Мой Кёкчё – отыскал меня:
Явно серую масть коня
Я увидел, у друга – мех,
Украшающий шапки верх,
Что по по́лам полоской шёл;
Рядом – конь Аккула: как шёлк
В голубое стремилась масть.
Сивогривый с Кёкчё! Пропасть
Не дадут мне они вдвоём! –
Счастлив думать я был о том!
Но глаза лишь открыл – их нет.
Только в сердце как будто свет
Вспыхнул мыслью: мой инструмент –
Силы выжить, поймав момент.
Пусть, насупившись, смотрит страж,
Отвлечёт и его ведь блажь –
Сон, усталость, сведёт живот:
Он не вечен, пока живёт.
Силу духа собрав в пучок,
Я решётки, все семь, рассёк:
Вдруг посыпались все трухой;

[987] Кулач – расстояние между концами до отказа вытянутых в стороны и находящихся в горизонтальном положении рук.

Кылжейрен мой воспрял со мной,
Глинобитные стены две
Перепрыгнуть он смог – траве
Дань отдать за пределом их:
Впрочем, голод питал двоих.
Шесть десятков подобных стен
Перепрыгнули с ним мы – с тем,
Что и голод, и злость запас
Мощных сил разбудили в нас.
Так из крепости Жандоочу
Убежали мы на «хочу»,
Лишь добавив к нему «могу»
С крепкой верой, да на бегу
Ухватив корешков и трав.
Кто оспорит, что я не прав?

С Кылжейреном мы шли, спеша:
Город звал нас к себе, Тунша,
Мысль о матери жгла, глуша
Опасенья ума, – душа
Торопила, вела туда,
Где погибло в бою тогда
Сорок тысяч китайцев; смерть
Как в уплату свершила месть:
Там, среди бездыха́нных тел
Мук своих перешла предел
Мать, что веру и жизнь дала.
Девять дней вороша тела,
Наконец я её нашёл:
Платья белого тонкий шёлк
Обвивал её, – агнецом,
В жертву выбранная отцом,
К Мекке прямо главой судьба
Уложила её, *хутба*[988]
Словно в ней зазвучала в миг,
Когда меч в её плоть проник.
Зарыдал я, её найдя,
Плакал, словно я вновь – дитя,
Рядом с нею на землю лёг,
Крепко обнял… О, если б мог
Я её воскресить, вернуть!
Без неё, без святой, мой путь
Словно цель потерял и смысл;
Но какая-то билась мысль
Так назойливо в мой висок:
«Ты опора моя, сынок», –
Мне сказала она тогда.
Кто же знал, что придёт беда
И разлучит нас навсегда?
Закатилась моя звезда.
День проплакал и чуть с ума
Не сошёл я, могла сама
Только мама утешить, но
Смерть с живыми не заодно.
А к утру словно светлый луч
Разогнал миллионы туч:
Словно кто-то шепнул про рай
И совет дал: «Земле предай
То, что свято, открыв врата
В Рай небесный ей навсегда!»
Тело матери на коня
Я навьючил на всходе дня
И в ущелье повёз, к хребту, –
Вдаль, куда лишь пешком дойду.
Вёл коня я на поводу.
Восемнадцать уж на счету
Накопилось по ходу дней.
И всё легче уже о ней –
О единственной, о родной, –
Было думать, как о живой.

О, Чубак, наш большой герой!
Ты рассказу свой слух раскрой
И внимание сердца – так,
Акбалты *уулу*[989] Чубак,
Ты найдёшь и мораль, и смысл
В том, что я говорю – и мысль,
И наполненность чувством, жар –
Нам Всевышнего щедрый дар.
Сорок наших *чоро*, поверь,
Стали братьями мне теперь.
Но тебе лишь, Чубак, скажу,
Боль какую в душе ношу, –
От отца убежавший раб,

[988] Хутба – проповедь имама в мечети по пятницам и в два годовых мусульманских праздника.

[989] Уул (уулу) – 1. сын; 2. ребёнок, дитя; 3. молодец.

Мог при нём бы я быть сатрап,
Но поверь, Акбалты Чубак,
Лучше жить мне и дальше так,
Как колючий степной *калгак*[990],
Как гонимый везде сайгак, –
Быть рабом, чужаком, никем, –
Что имею, то зáраз съем,
Но свободы вкушу я всласть;
Верь, Чубак, не нужна мне власть,
От неё убежал я, раб,
Но не духом, пожалуй, слаб
Я, – причина совсем в другом:
В небесах лишь родной мой дом,
Мать моя и родной отец –
Всемогущий всего Творец,
Там богатства мои, дворец,
Драгоценнейших чувств ларец.
Не скули, мой Чубак, о том,
Что пришёл я, чужак, в твой дом –
Нет заслуги моей ни в чём,
Погощу – и уйду, причём,
Спицы мы в колесе, не ось.
Каждый здесь, на земле, – лишь гость.
Не беснуйся, прошу, Чубак,
В судьбах многих я – лишь сквозняк,
Ветерок, непонятный знак,
Не на поле растущий злак.
Я лишился Кёкчё – за что?
Заглянул я в его гнездо
Слишком близко, и шестьдесят
Его стаи родной утят,
Испугались, что я лишу
Их свободы – ведь я дышу
Тем же воздухом, что они.
Коль Манаса я в эти дни
Потеряю… Чубак, взгляни –
Эти слёзы мои сродни
Чистой крови смертельных ран:
Мать Манаса дала ведь нам
Молоко из своей груди.
Мы ведь братья, Чубак, гляди.

На Алму посмотрели враз
Они оба – Чубак, Манас:
Видят: слёзы катятся с глаз,
Их не вызовешь напоказ.
Растерялись – утешить как?
В это время глядит Чубак:
Чёрный камень большой Алма
Стал толкать вдруг – сошел с ума?
С *джуламейку* валун почти.
Подтолкнули втроём, почтив
Алмамбета желанье в том.
Смотрят: сабля в земле торчком,
Рукояткою вверх, стоит;
Тут Алма им и говорит,
Саблю вытащив из земли:
«Тело матери здесь – вдали
От шпионов отца, – я скрыл,
Знамя выстелил вместо крыл,
В изголовье воткнул клинок,
Чтобы он ей в пути помог
Добираться в небесный дом.
К ней и сам я приду потом».
Над могилой он длань простёр,
Словно там догорал костёр,
Крепче в ножны замкнул свой меч,
Валуну вновь на место лечь
Он помог и закончил речь:
«Брат мой, лев мой, прощай! Беречь
Есть кому тебя, будь здоров,
Я соперничать не готов».

Не успел он уйти, Чубак
Прошептал *кабылану* так:
«Алмамбету не дай уйти!
Поводок у коня схвати!»
Лев Манас поводок коня,
Лаской тайно его дразня,
Ухватил, и Алма не смог
У него забрать поводок,
И к тому ж богатырь весь путь
Заслонил: ведь не кто-нибудь –
Сам Манас, всемогущий хан,
Брат, возглавивший целый стан.
А словами Манас ему
Так всё высказал по уму:
«Алмамбет, ты мой близкий друг.

[990] Калгак – перекати-поле.

Сам себя так накрутишь вдруг,
И немыслимо сколько мук
На других насылаешь, – круг
На себе замыкаешь бед;
Перестань, прошу, Алмамбет,
Возвеличивать лишь себя,
Взором пристальным жизнь дробя!
Ведь любого из нас судьба
Всяк испытывает – любя,
Ненавидя, порой губя,
Над обточкою душ корпя.
Погружая в себя лишь взор,
Грабишь мир ты как жадный вор,
И удача с каких-то пор
Навсегда твой покинет двор.
Вы – два льва, а как петухи,
Пересчитывая грехи
Друг у друга, кипя злобóй,
Бесконечный ведёте бой.
Что вы делите вот сейчас?
Может быть, виноват Манас?
На две части теперь для вас
Разделиться мне про запас?
Ты подумай, мой Алмамбет:
От кыргызов хоть сколько бед
Ты увидел? А, может, вред
Хоть какой-то нанёс клеврет?
Жизни мы не жалеем, чтоб
Не туманили думы лоб
Алмамбета, что всем нам – брат.
Хватит новых искать утрат!»

Когда всё это лев сказал,
Будто обруч с груди упал
У Алмана, и солнца луч
Сразу выглянул из-за туч;
На ресницах ещё слеза
Серебрилась, зато глаза
Алмамбета светились так,
Словно самый последний враг
Стёрт навеки с лица земли.
Соскочив скорей с Саралы,
К Чубаку обратился он:
«О, Чубак, ни с каких сторон
Не хочу я тебя судить,
Если сможешь меня простить,
Недомолвки навек забыть,
Я готов твоим другом быть!
И, Айкол, ты меня прости:
Сколько глупостей унести
И сомнений хотел в душе;
Сколько глупостей я уже
Наболтал, осквернив твой слух.
Глуп воистину, как петух,
Я от спеси своей, прости!
Мне с тобой всегда по пути».

Разволнован был Алмамбет
Так, что голос дрожал вослед
Слову каждому, и *чапан*
Распахнулся, он был как пьян,
Гнев его испарился весь,
Он дрожал, – утешая, весть
Душу вымыла как вода;
И Манас, и Чубак тогда
Оба спешились и без слов
Обнялись, был любой готов
Из троих этот светлый миг
Сохранить, как святой родник.
Помолчали. Манас потом
Подытожил: «Твой прежний дом –
Я имею Бейджин в виду, –
Не одну пережил беду;
Удивительный этот край!
Рассказал ты нам про Китай
Столько разных известий, – пай
В наши знанья вложил, считай.
И народ интересен твой,
Ладит мастерски он с землёй,
Чтит законы… Такой народ
Всякой власти – большой оплот.
После этих рассказов я,
Интереса бы не тая,
Сам в разведку идти хочу,
Если б было мне по плечу.
Как ты думаешь, брат, ответь:
Ты посеял там дважды смерть,
Не боишься ли жатвы? Ведь
Зёрнам свойственно всяким зреть».
Алмамбет поразмыслил: «Что ж,

Что посеешь, то и пожнёшь, –
Так народ говорит? Нигде
Не глаголил я о беде,
Что постигла мою судьбу,
Эта тема была – табу́.
А теперь у меня на лбу,
Приглашающий, мол, толпу
Мне отмстить, нарисован знак?
Да и смерть-то, увы, не злак.
Если б было всё плохо так,
На разведку бы я, чужак,
Не повёл бы, кого ценю,
Да не дал бы идти коню;
А коль хочется вам идти,
Я сказал же: нам по пути!»

Эта речь насмешила льва.
Не спеша подобрав слова:
«Вездесуща, – сказал, – молва,
И по-своему ведь права:
Бог к рабу посылает смерть
Не толпой, не молвой, – успеть
Сможет смерти любой заказ
Тот исполнить, кто в нужный час
Подвернётся под руку ей:
Конурбай ли, одна из змей,
Что дремала под камнем, где
Ты решил подойти к воде;
Если бог уж отправил смерть
И назначил свой срок, – ни плеть,
Ни ружьё, ни копьё, ни меч
Не помогут того сберечь,
На кого этот выбор пал.
Но палач ни один не стал
Ближе к богу, исполнив казнь, –
К его ауре неприязнь
Липнет, словно к волне припай:
Неприятен всем Конурбай,
Как страшилище, негодяй;
Если станет для смерти он
Тем оружием, что сражён
Должен буду хоть я, хоть ты, –
Аккула нас спасёт? Мечты!
Сарала заслонит от тьмы?
Многомудрые все умы
Над загадкою той века
Бьются, только наверняка
Не ответит никто: как срок
Размечает всесильный бог?
Но по-своему вижу я
Это таинство бытия:
Оберег у живущих есть,
Это гордость, удача, честь, –
Сёстры храбрости, веры и
Знанье правильной колеи
В многообразном том пути,
По которому нам пройти
Предлагает судьба, тая,
Где единственная – твоя
Колея ли, тропа, большак.
Только правильный первый шаг
К цели выведет; гордость, честь –
Или просто с рожденья есть,
Или нет их; удача вслед
Проявляется, словно свет
Над зажжённой свечой; и пусть
Упрекнут меня в буйстве чувств,
После смерти я не боюсь
Пред аллахом предстать: союз
Чести, гордости, веры даст
То, что держит на свете нас:
Богатырской судьбы запас
Бог нам выдал не напоказ,
В мир загробный уносим мы
То, чем ныне полны умы.
Лишь возможностей больше там:
Поскакать бы по облакам
С Аккулой мне, хоть Айманбоз
И сегодня меня привёз
В это место, и даст-то бог,
Всё разведать с ним сможем в срок.
В облаках бы он тоже смог
Стать крылатым, спеша в Исток?
Опечалился, брат Сыргак?
Ты, наверно, представил, как
Птицей гордою Алмамбет
За Манасом летел бы вслед?
Вон Чубак, озорник, решил:
И при жизни нам хватит сил
Полететь – хоть вон с той скалы.

Ах, как плохо без Аккулы!
Айманбоз свой жирок растряс,
Чтоб седалище стёр Манас,
Если враг нападёт, мол, он,
Лишь услышав Манаса стон,
Будет в страхе бежать от нас».
В шутку свёл разговор Манас.
И, надутые как ежи,
Засмеялись все от души,
И сомнений былых межи,
Хоть и были они свежи,
Дружный хохот перепахал,
Долгим эхом бродя меж скал.
И четыре богатыря,
Этот час проведя не зря,
В путь отправились не мудря,
В край, куда их звала заря.
Будь отныне крепка их связь!
Так оставим мы их: смеясь
И болтая, себе идут.
Предстоит нам нелёгкий труд:
До успехов разведки всей
Докопаться, да поскорей.

Успехи разведчиков

Э… э… э… эй!
Как огромна гора Саяз!
Дрожь берёт, когда в первый раз
Видишь этот гигантский горб,
Окружённый толпою гор –
Словно волн океанских вод
Их бессчётно, такой же счёт
И китайский народ ведёт.
Для стоянки богатыри
Место выбрали чуть внутри
Перевала, что Талчоку
Звали местные; на лугу
Отпустили пастись коней,
Там, где травы росли пышней.
Сами вверх поднялись, к хребту,
На возможную высоту,
Чтоб в *дюрбун* посмотреть с вершин
Далеко ли ещё Бейджин.
Укрепились в уступе скал.
Алмамбету Манас сказал:
«Алмамбет, посмотри – Саяз,
Склон, что ближе всего от нас,
Неисхожен за Талчоку;
Расскажи-ка не на бегу,
А подробнее о горе,
Перевале, о той земле,
Что за ними, и где обход;
А ещё шестьдесят ворот
Что в Бейджин охраняют вход,
Помню, что-то вещал народ, –
Расскажи обо всём, пока
Отдыхаем мы все слегка.

Свой дюрбун достал Алмамбет,
Что носил он как амулет
Под одеждой на шее, – шнур
Из полосок подручных шкур
На досуге хозяин свил;
Треугольным *дюрбун* тот был
С рукоятью большой стальной,
Называться он мог трубой,
Только выпуклое стекло
Увеличивало зело
Всё, куда направлялся взор.
Алмамбет обежал обзор
Быстрым взглядом, большой упор
Сделал он на отроги гор
И ответил Манасу: «Да,

Трудно людям пройти сюда,
Но звериных немало троп,
И они после многих проб
Тропы торят по глушняку.
Рассказать я о том могу,
Чья земля, мол, и какова;
За горами та синева –
Это море, а не трава;
Там, на юге, есть острова,
Их Индычы зовут, все три;
Там Каканов земля, внутри
Расступившихся к морю гор;
Змеям, птицам большой простор
В землях с именем Кайнанды:
В тех ущельях полно еды,
И, конечно, не счесть воды, –
Рай животных, небес сады.
На востоке с Бейджин почти
Есть ущелье – туда дойти
Очень трудно, но там, твердят,
Прямо в скалах не жилы – клад:
Столько злата и серебра,
Медь, железо – всего добра,
Исчерпать, мол, и за века
Не сумеет ничья рука.
Что-то есть там наверняка,
Не увидишь издалека.
Впрочем, к сплетням я отнесу
Эти вздохи: «*Кун тоосу*[991]!»
Есть на юге гора – вот тут, –
Чанбейсеном её зовут,
Прямо в море её отрог
Опустился, как будто бог
Заморозил дракона вмиг,
Что водицы попить приник.

За отрогом на мах копья
Земли-вотчина Корыйа,
Великана Жуйруна род
Там, на этой земле, живёт
Восемь тысяч по слухам лет;
Там учился ваш Алмамбет:
Иноверец Жуйрун ему,
Недозрелому пусть уму,
Столько тайн доверял… Увы,
Не для маленькой головы!
Я не видел, но слышал – там
Если дальше идти к горам,
Встретишь озеро изо льда,
Подо льдом, может, есть вода
Или что-нибудь ей взамен;
Старший, младший живёт Инген –
Земли те так зовут, но кем
Назван мир тот сплошных морен,
Я не знаю. Но ниже есть
Земли, где отыскать поесть
Может даже себе медведь –
Их *Кошка́*[992] называют, ведь
Только парой живёт тот зверь,
Независимо от потерь.
Древесина там есть, трава,
Но имеет на всё права
Там неистовый Чынмачын –
Неприятнейший из мужчин.
Он богат… Вот и всё о нём.
Ради денег скажи, живём
Разве мы? Обойдя весь лёд,
Попадаем наоборот
Вновь на юг: там лежит Иран.
Юго-запад весь занял клан
Представителей той страны.
Их я знаю со стороны».

Замолчал Алмамбет. Манас
Обстоятельный тот рассказ
Оценил – было видно всем,
И развития ждал он тем.
Но молчал Алмамбет пока.
Лев себе отлежал бока,
И сказал он, пошевелясь:
«Жаль, с рассказом живую связь
Не поддержит с картиной взор:
Юг туманом, ползущим с гор,
Понакрыло, увы, весьма;
Только белая кутерьма
Наплывает, и ни бельма

[991] Кун – цена, стоимость; тоо – гора, горы; суу – вода.
[992] Кош – пара, парный, двойной.

Не увидишь: в бинокле тьма.
Треугольником там залив,
Вроде, плещется; волн массив
То белеет, а через раз
Глянешь – чёрный он весь сейчас.
Что за место, мой Алмамбет?
Есть залив там, иль, может, нет?
Если ближе ещё взглянуть,
Прямо в воду уходит путь
С самой низкой горы, что вся
Растянулась, как паруса,
Даже гребни подобьем мачт
В небо смотрят, – лесной секач
Так же может воздеть клыки;
Дальше вижу… Ты помоги!
Горы все там расплющил бог.
Разглядеть я с трудом, но смог
Между ними ряды домов,
Их немного, число дворов
Сосчитать мне поможешь ты?
У домов тех видны сады,
А на юге как Жанартоо
Силуэты… Живёт там кто?
Что за место, скажи, Алма;
Дай работу нам для ума!»

Удивлён был Алма весьма:
Разглядел ведь Манас дома!
И ответил: «Богатыри,
Вправду, между хребтов, внутри
Треугольный залив, что лев
Расписал нам, всё рассмотрев,
Тот, клыками торчащий мыс,
Что как будто стремится ввысь,
То обломки больших мечей:
Великаны залив – ничей, –
Друг у друга оспорить тщась,
Не урвали ни всё, ни часть:
Древний город Чепечетшаа
Рядом был, но они, спеша,
Не увидели ни шиша,
Всё мечами вокруг круша.
Город выступил против них,
Получили вдвоём под дых.

Этот город доныне жив,
Он граничит с Китаем; нив
Не засеешь вокруг никак:
Здесь раскинулся солончак.
Для лекарств, для еды её
Добывают; а кто ружьё
Этой солью заря́дит, чтоб,
Если надо, вражину в лоб
Припечатать – ему конец.
Солончак тот не солонец,
Потому только город жив,
Что остался ему залив;
Даже озеро есть – в отлив
Часть залива оно – в прилив.
Почва сильно просолена
И меняет свой цвет она:
Луч наклонно упал – одна,
И другая, когда волна
Или облако бросит тень;
Цвет меняет сто раз за день…
А молва говорит, что цвет
Не меняется – меркнет свет
Из-за множества стай *соно́*[993]:
Гуси с кряквами заодно,
С прочей птицею свет небес
Заслоняют – крылатый лес.

Где над озером гор гурьба –
Место с именем Сандуба,
Нависают там сколы скал,
Словно черных зубов оскал,
Жилы золота, серебра,
Меди – всякого там добра
Тоже множество, неспроста
Великаны за те места
Дрались насмерть; но есть беда:
Горы злятся ведь иногда.
Разозлится Большой Тунша,
Загуляет его душа –
Наводненье, а то и сель
Рухнет сверху, снося отсель
Всё, что живо, и что мертво.
Вот такое вот естество.
Оттого-то ряды домов

[993] Соно – общее название дикой водоплавающей птицы и куликов.

Так негу́сты: бывало, кров
Становился могилой всем…
Отвлеклись мы от наших тем.
Это гребень зовут «Бейджин»
Похоронен здесь Иманжин.
Носит имя земля – Кантун.
Шёл торговый здесь путь: в канун
Многолюдных базарных дней
Как дорога жила! – по ней
Богатеи шли, бедняки,
Мановеньем простой руки
Возникали шатры, лотки,
Лавки, кузни и кабаки.
Здесь хватало чудес сполна:
Топорами загнать слона
Можно было в любой загон:
Был загон бы и был бы слон.
Караванщик какой сейчас
Вдруг найдётся – просве́тит нас.
Новостей чтобы взять запас,
Проберёмся в Кантун на час.
Лучше, правда, идти вдвоём,
Мы отправимся с Чубаком».

Так, закончив едва рассказ,
Новым планом Алма потряс;
С ним не споря на этот раз
Ни батыры, ни сам Манас,
Стали думать, как «языка»
Взять без шума наверняка.
В возвышенье Сыргак, Манас,
Не спуская с Кантуна глаз,
Чубака с Алмамбетом ждать
Оставались и наблюдать.
Алмамбет с Чубаком вдвоём
Вниз направились. Им притом
Миновать приходилось мост,
Был который весьма непрост:
Он построен был волшебством
И была там досо́чка в нём:
Кто наступит – ружейный гром
Вмиг начнётся со всех сторон,
Больше тысячи ружей вдруг
Начинают свой перестук,
Фитили, загораясь враз,
Пули шлют, пока весь запас
Очень точно не всадят в цель;
Две доски коль заденешь – щель
Разверзается, и на мост
Великаны выходят, злость
Изливая из глаз огнём,
Следом львы выбегают – гром
Вновь грохочет над тем мостом.
Много слухов слыхал о нём –
О мосту этом, – Алмамбет;
Но решил он: пугать не след
Слишком загодя Чубака;
Начал речь он издалека:
«На своём Кёктеке верхом
О, батыр, ты велик, как дом,
И при этом ты сердцем храбр,
Ты для страхов любых не раб:
Ты навстречу и льву пойдёшь,
Не выказывая ни дрожь,
Ни сомнения силам зла;
То ли дело мой Сарала:
Очень сердцем пуглив мой конь,
Так раним: если вдруг огонь
Вспыхнет, или же птица вдруг
Из-под ног полетит, – канюк
Или даже какой-то стриж,
Вздрогнет так, что и сам дрожишь
Непонятно с чего порой.
Хорошо, что пошёл со мной,
Ты – известнейший всем герой».
Богатырь от хвалы такой
Был готов хоть на смертный бой.

Вниз спустились и под горой
Мост увидели; Алмамбет
Чубака пропустил, и вслед
Сам поднялся на мост за ним;
Ружья грянули, горький дым
В рот, в глаза им набился, гром
Оглушил, и огонь притом,
Насылая свинцовый дождь,
Вызывал в них и страх, и дрожь.
Кёктеке подбодрил Чубак
Плёткой – тот и рванул, да как!
Наступил он на две доски,

И сработали вновь силки:
Великаны, за ними львы
Прямо стрелами с тетивы
Полетели на Чубака,
От рычания их слегка
Он оглох, обезумел, сник,
И коня повернул, и в крик
Сам ударился: «Чёрт возьми
Весь Китай: всю страну с людьми!»

Алмамбет говорит: «Чубак,
Мост – иллюзия, сделан так
Он Конуром, чтоб на испуг
Брать людей, что проворством рук
Отличаются от других
И не боле; расчёт на них;
Для батыров же – для таких,
Что и льву поддадут под дых,
Для героев, – страшней мосты,
Но, конечно, пройдёшь их ты!
Занимательный здесь народ
И способный весьма живёт:
Здесь придумок невпроворот,
Их всё больше из года в год.
Мы дорогой пойдём другой,
На разведке же мы с тобой!»
И, прикинувшись, что не знал
Про ловушку, коня погнал
Алмамбет, повернув на юг,
Напрягая незримо слух –
Едет, нет ли, Чубак за ним?
Не рассержен ли вновь *иним*[994]?

В поле, с небом бескрайним встык,
На вершину Кууказык,
Белоснежной горы, два льва –
Алмамбет и Чубак, – едва
Не поссорившись вновь, взошли
Чтоб увидеть края земли,
Где они оказались; край
Не случайно заполнен, чай,
Был войсками: большой Китай
Весь согнал сюда Конурбай,
Здесь раскинув военный стан.
В два десятка, на вид, *батман*[995]
Он кольчугу надел и шлем,
И с холма наблюдал за тем,
Как кишит и шумит народ,
Силой угнанный им в поход.
«Жиги-жиги!» – знакомый крик
Так в походах кричит *калмак*:
Меж китайцев, видать, полно
Недобитых тогда, давно.
И *жанджуны*, и *доотай*[996] –
Да, действительно, весь Китай
Подсобрался, и шум, и смех –
Значит, верят лишь в свой успех.

«Кто сумел их предупредить?
Утку медную ведь убить,
Там, на озере, удалось,
Но утёнок её, небось,
Ускользнул, о Манасе весть
Конурбаю сумел принесть», –
Так озвучил Алма ответ
На вопросы, которых нет:
«Значит, утка была стара
И утёночка завела;
До Бейджина донёс птенец
Весть, но спутал слегка юнец:
Где, откуда и чей поход
И зачем на Бейджин идёт.
Весть неточную Конурбай
Получив, поспешил на край
Приграничных земель; войска
Гнал мерзавец издалека!»

Присмотрелись богатыри:
Войско в поле под цвет зари
Стало красным, но лишь одной
Отдалённою стороной;
А с другой стороны оно –
К ним поближе, – всё зелено
Было, только, начав темнеть,

[994] Иним – братишка.
[995] Батман – мера веса от 4 до 16 пудов в Ферганской долине, 12 пудов – в долине реки Талас.
[996] Доо – тяжба, иск; тай – партия, кон (*здесь*: начальник округа, губернатор).

Почернело оно, как смерть;
Что за диво? – теперь оно
Побелело, но всё равно,
Цвет меняя, теперь желтеть
Стало войско, как в сырость медь.
Испугался Чубак – опять
Всё неправда, и колдовать
Кто-то взялся? Но как узнать,
Ложь иллюзий? Иль всё же рать?
К Алмамбету храбрец Чубак
Обратился, горюя так,
Словно разум его предал,
Словно в сердце возник скандал:
«Я увидел в *дюрбун* потоп.
Что же сделать, скажи мне, чтоб
Ложь от правды мне отделить?
Войску в поле там быть, не быть?
Разум словно попал в туман.
Всё же войско – вдруг не обман?
Что нам делать, скажи, тогда?
Над душою стоит беда».

Алмабет же ответил так:
«Не спеши, Акбалты Чубак!
Испугался, гляжу, бедняк!
Трезвость мысли рассеет мрак»,
И к Кантуну на перевал
Саралу не спеша погнал.
Без особых уже помех
До Кантуна дошли; у всех
Стали спрашивать: местный люд
Разных слухов мирских сосуд
Расплескать был горазд: на суд
И *калмаки* нарвались, и
Члены первой в стране семьи;
От дворцовых интриг Алма
Разговор уводил, весьма
Поощряя говорунов,
Кто с охотою был готов
К Эсенкану взглянуть в окно
К Конурбаю, и заодно
Понасмешничать, наконец:
«…К Конурбаю влетел птенец
Медной утки сторожевой,
Наболтал про грядущий бой, –
Мол, к Китаю близка война,
Поклевал задарма зерна,
Попугал Конурбая… Тот
К Эсенкану наладил ход,
Попугал и его: в поход
Собирать, мол, пора народ.
Эсенкан же ответил: «Луч,
Если вырвется вдруг из туч,
Хоть один, но осветит даль;
Мучить многих людей мне жаль,
Я отправлю лишь одного,
Но такого, что ого-го! –
Коль какой-то враждебный хан
К нам пробрался в китайский стан,
Кем бы ни был он, мой Макил
Уведёт его в край могил», –
Так делились говоруны
Сплетней, полной угроз войны:

«О-о, Макил, говорят, храбрец!
Он – чудовище, хоть слепец,
Великан он – гора-горой,
И колдун, говорят, презлой.
Эсенкан к нему шесть гонцов
Посылал и, в конце концов,
Эту весть получил Макил
И войною идти решил
Защищать наш родимый край
С войском, равным потопу, – знай,
Он уже по земле идёт,
За собою людей ведёт,
Ест, что видит, – хоть дерева:
Камни, корни, земля, трава –
Всё годится ему, как снедь,
Сам он – словно живая смерть,
Коль увидит вершинный лёд –
И его до земли сожрёт;
Его жаждой томимый рот
Выпьет всё, что вокруг течёт –
Ручеёк ли, река ли, сель, –
Всё в его ротовую щель
Канет будто бы в бездну; он
Жрёт стократ, чем способен слон!

Эсенкан, лишь узнав о том,

Что Макил свой покинул дом,
Подготовил в момент ослов –
Десять тысяч! – без лишних слов,
Ровно тысяча человек
Их погнала к Макилу; *бек*
По приказу дворца в поля
Живность всю, чем щедра земля,
Стал навстречу Макилу гнать:
Змеи, свиньи, лягушки… Глядь –
И жучками наестся рать,
Если их на пути собрать.
Правда, кроме «еды» такой,
Десять тысяч тюков с едой –
С хлебом-чаем, – на *наров* хан
Нагрузить велел; караван
Вышел в путь уже…» – люди так
Рассказали; *узун-кулак*[997]
К тем рассказам добавил – как
Сам Макил – богатырь-ведьмак –
О приказах, что отдал хан
И дарами снабдил *жайсан*[998],
Отозвался, – хотя молва
Исковеркать могла слова.

Лишь завидев гонцов, Макил
Во всю мощь неизбывных сил,
Встал и словно гора застыл;
Поутих у *жайсанов* пыл,
Караваны с едой вперёд
Пропустил поскорей народ;
Стали молча глядеть: Макил
Загребущей рукой схватил
Пару диких свиней, змею,
Часть ослов – прямо в пасть свою
Их вживую послал, затем
Стал верблюдов он рвать, их тел
Не хватило ему на час,
За людей принялся тотчас;
Тут *жайсаны,* забыв приказ,
Разбежались; еды запас –
Весь, включая гонцов и слуг, –
Быстро кончился, всё вокруг
Опустело в момент: *укук*[999]
Посулили Макилу – рук
Он решил уж не покладать:
Взять всё то, что могли бы дать,
И при этом ещё пыхтел,
Как несносен его удел,
Что покушать бы он хотел,
Перед эдакой прорвой дел!
Те *жайсаны*, что в спешке мчась
Над собой сохранили власть,
Прибежав к Эсенкану, вмиг
Развязали в слезах язык,
Бормоча, что пришёл раззор
Хуже, чем чужеземный вор,
От такой, мол, большой беды,
Как Макил: ни воды-еды
И ни подданных в их краях
Не оставит уже аллах;
Что растратили впопыхах
Все запасы они и – ах:
Всё, включая народ, *амбал* –
Этот чёртов Макил, – сожрал,
Что не съел, то понадкусал.
Стали думать они, рядить:
Что же делать, чтоб неясыть
Задремала бы вновь во мгле,
Не бродила бы по земле.

По дороге у ведьмака
Преграждала весь путь река:
Широка была, глубока
И опасна наверняка;
Для людей, чтоб ходили, мост
Там стоял: в великанский рост
Шли опоры из чугуна
Для основы: была должна
Она выдержать и настил
Крепких досок, и столько сил,
Сколь ведёт на бой Эсенкан,
Когда свой защищает стан.
У моста был один изъян,
Что нарочно придумал хан:

---

997 Узун-кулак – *досл.* «длинное ухо»; *переносн.* – молва, пересуды, сплетни.
998 Жайсан (зайсан) – калмакский начальник.
999 Укук – право.

Когда строили только мост,
Механизм, как некий хвост,
Вставлен был под основу – так
Чтоб, вращая, собрать в кулак
Все опоры в один момент:
Хитроумнейший инструмент
Мог обрушить весь мост в тот миг,
Когда враг на мосту возник.
Тем войскам, что без дел пока
В мирных играх налёт жирка
Растрясали лишь, Эсенкан
Повелел, чтобы великан
Через мост не прошёл, – в капкан
Превратить, если надо, мост
Было просто, но стражи пост
Должен насмерть без сна стоять,
И момента бесстрашно ждать.
Эсенкан разъяснил бойцам:
«Есть рычаг у основы там,
Мои подданные должны
С соблюдением тишины
Схоронившись в прибрежный ил
Ждать момента, чтоб *алп* Макил
Без опаски на мост всходил;
Вот тогда-то что было сил
Налегайте все на рычаг,
Все опоры сложите так,
Чтобы в реку упал ведьмак».
Озадачил войска вожак,
Но приказ есть приказ, – глава
Всех умней, как гласит молва.

Шепоток по войскам прошёл:
Эсенкан, непутёвый, мол,
Сам создатель больших проблем:
Он Макила позвал – зачем?
Лишь бы только не быть вторым:
Быть огнём, а какой уж дым
От него, от огня, летит,
Всё равно, мол, пусть хоть чадит,
Хоть навозом, мол, пусть смердит?
И бойцы, и дехкане – вид
Создающие счёту войск, –
Все задумались: чей, мол, происк
Этот выход Макила в мир?..
Сколько раз шепотком кумир
Был разрушен вернее, чем
Мог его сокрушить *чечен*[1000] –
Громогласен, красноречив!
Так, мгновение улучив,
Стал роптать неучёный люд:
«Если Чанту придёт – возьмут
Люди Чанту в разгаре смут
Город наш за пяток минут;
Скот возьмут, да такую дань
Нам предъявят: и ткань, и рвань –
Всё отнимут ведь до гроша;
А придёт если Сазанша –
Не останется ни шиша,
Честь и совесть уйдут, душа:
Сжав пшеницу, возьмёт зерно,
Хоть последнее пусть оно;
Срубит лес и отнимет трон,
Да ещё возведёт в закон
Обдирать нас со всех сторон:
Даже мысли, надежды, сон –
Всё присвоит по чину чин:
Съест детишек и баб, мужчин,
Съест войска и войдёт в Бейджин,
Будет царствовать там один!..»
Вот такой шепоток бродил
Меж людьми, их лишая сил,
Ослабляя у хана тыл,
Что и так незавидным был.
Впрочем, с верой в аллаха шли
Люди, чтоб у моста, в пыли
Замерев, как простые тли,
Защитить эту часть земли.

А тем временем *алп* Макил
Прямо к берегу подходил.
Глубину покрывая, ил
Реку в чёрных наплывах скрыл, –
Может, тысяча есть *кулач*[1001],
Может, нет; но Макил-силач
Сколь отважен был, столь горяч,

[1000] Чечен – красноречивый оратор.
[1001] Кулач – мера длины, равная размаху рук.

Сам и царь себе, и палач:
Шанкерека лишь, скакуна,
Тронул мощной камчой – волна
От щелчка обнажила дно,
Обитателей заодно
Мелкой данью швыряя в рот
Колдуну, что везде пройдёт
Словно посуху, хоть моря
Ему под ноги бросить зря.
Он везде проходить привык.
Так же лужу проходит бык,
Так в озёрце бредёт *керик*[1002],
Так проскочит коза арык,
Так же нож разрезает шёлк,
Как Макил по реке пошёл –
Замочившись слегка, хотя
И до шеи порой шутя
Достигала ему вода, –
Лишь для взгляда извне беда,
А ему-то всё ерунда:
Негодяям везёт всегда.
Если б войско пошло – оно
Или кануло бы на дно,
Иль течением всех снесло,
По камням бы доволокло
До болот, до зыбучих мест,
Коих было полно окрест.
А Макил, здоровей чем был,
Из реки этой вышел, – сил
Не потратив своих ничуть
На такой непривычный путь.
Пока думали – что да как, –
Прямо к городу здоровяк
Подошёл, распугав собак,
И к Сараю направил шаг.

Эсенкан золотой халат
Свой накинул – тот, из наград,
Что от русских принять был рад,
Чтоб не выжили из палат, –
Быстро вышел наружу он,
Стражу выстроив с двух сторон,
Замер статуей золотой.
Ал Макил, словно сам не свой
Пред сиянием власти, встал,
Свой звериный смирив оскал,
И, на запад простёрши длань,
На всю ставку озвучил брань:
«Конурбай твой, скажи мне, где?!
Зван он к пиру, а я – к беде?
Лизоблюд он и негодяй,
Где он прячется?!» Конурбай
Тут же выскочил из-за спин,
Чтоб властительный господин –
Эсенкан – не успел в слова
Эти вдуматься: голова
Весть упустит, когда, едва
Прозвучавшую, жернова
Суеты и других вестей
Перемелят в муку скорей.
И Кечил – иноверец-хан –
Поспешивший согнуть свой стан,
Поддержал Конурбая – мол,
Мы торопимся не за стол,
Хоть Макила узрев, уже
Попрощались с собой в душе.

«Кто из вас хан Конур? – гигант
Поманил их к себе, как бант
Завязав для острастки прут
Из ограды, стоящей тут, –
Подойди-ка!» – велел, рыча,
И с улыбкою палача
Так добавил: «Чтоб ты пропал
И *калдаем*[1003] вовек не стал!
Чтоб ты в чёрную землю лёг,
Не успевши подохнуть в срок!
Чтоб ты в кровь превратился, в слизь!
Раз Конур ты – тогда держись!
Мусульманин Манас, – молва
Донесла мне, что бой, едва
Лишь начав, проиграл ты вдрызг! –
Кто такой этот твой кыргыз?
Где злодей этот жил и рос?
Да, я знаю, тебе пришлось
Полной чашей хлебнуть позор,

[1002] Керик – носорог.
[1003] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.

Не отмщён ты до этих пор;
Где же он, этот хитрый вор?
На него ты направь мой взор,
Покажи-ка Манаса мне!
Где он есть?! На звезде? Луне?
Лишь увижу – и в тот же миг
Я свяжу его! Пусть велик
Будет он словно горный бык,
Будет целой горой, – привык
Я обедать с добавкой, он
Будет в мясо мной превращён,
Проглотив, успокоюсь лишь!» –
Его волосы как камыш
Встали дыбом на голове,
Как на демонском существе,
Увеличив башку при том:
Она стала как целый дом,
Да и сам великан Макил
Весь раздулся, как холм ветрил
В ярый шторм: вот-вот взлетит,
Хоть и кряжистый монолит.

Конурбай же стоял пред ним
И спокоен, и недвижим,
Зная правило: тех не бьют,
Кто за пояс заткнул свой кнут
И не вынул из ножен меч;
Перед тем, как затеять речь,
Из-за пазухи трубку он
Вынул, медленно табаком
Набивать стал её; *чейрек*[1004]
Не хватило, чтоб весь отсек
Этой трубки для табака
Был бы полон; вот так, слегка
Зарядив свою трубку, он
Уголёк положил вдогон,
Чиркнув огневом; сладкий дым
Он в себя потянул – седым
Стал Конур: борода, усы,
И глаза его, и власы, –
Словно серым огнём взялись;
Облаками закрылась высь,
Словно стаи ворон, сорок,
Что взлетали из гнёзд не в срок,
Закружились во весь свой нрав,
Мельтешеньем людей согнав:
Разбежались от дыма все,
Сам курящий во всей красе –
В дыме, ва́лящем изо рта,
Начал таять, и вот когда
В клубах дыма померк совсем,
Показалось с испугу всем,
Что Конура сожрал Макил,
Пока трубку Конур курил.

Всех испуг разогнал – увы:
Словно вышел из головы
Хмель, оставив один лишь страх;
Не заметили, что впотьмах
Угли выбил из трубки тот,
Кто, по слухам, попал в живот
Ненасытному силачу;
Началось тут сплошное *чуу*[1005]:
С дымом что-то в Бейджин вошло
Так, что просто заволокло
Многотысячное жильё;
Разгулялось в те дни жульё:
Кто, откуда, куда прошёл –
То ль прохожий, а то ль осёл,
Все *чанчанцы*, и стар, и млад,
Там бродили вперёд-назад,
Чтобы дом отыскать родной;
Растерялись – сплошной стеной
Дым крутился как заводной;
Так же шутит порою зной,
В бесконечной дали степной
Ублажая лишь взгляд больной.
А *калча* Конурбай уже –
Ликом хан, но свинья в душе,
Да и нравом лесной кабан, –
В путь пустился, лелея план
За спиной у Макила взять
Всю победу да исполать.

Нет, умом не понять людей,
Их возникших в момент страстей:

[1004] Чейрек – четвёртая часть, четверть.
[1005] Чуу – 1. шум, гам, гвалт; 2. дурная слава; нехорошие разговоры, пересуды.

Все рыдали, что съел злодей
Конурбая, но как халдей
Был воспринят Конур людьми,
Разозлив весь народ вельми,
Появившись вдруг – жив-здоров,
Покидая призревший кров.
От напутствий, летящих вслед,
Кто другой, может, стал бы сед,
От него отлетали вмиг:
Был, увы, толстокож *калмак*.
У других зато шум в ушах
Поднимался: «…Чтоб ты зачах!
Чтоб померк в твоём взоре свет!
Чтоб скрутил его Алмамбет
Встретив на перевале, там,
Куда движется этот хам!
Пусть всё войско Манаса в хлам
Разнесёт его по углам,
Сорок вражеских пусть *чоро*
Заберут всё его добро,
Пусть из брюха достанут желчь,
Даже печень ему бы сжечь,
Да повыколоть бы глаза».
Остальное, увы, нельзя
Повторить ещё раз – гюрза
Иль взбесившаяся оса
Меньше яда внесут в укус,
Чем тех слов низкопробный вкус.
Загадали желанья все,
Проявившись в своей «красе».
От привязанных кабанов
Ровно тысяча без голов
Оказалась в итоге – им
Подсобил стать едою дым.
Свой «намаз» лишь прочли – и в путь,
Тысяч сто человек как ртуть
Потекли, прибивая пыль.
Как гора великан Макил
Из Бейджина на запад, ввысь,
К перевалу пошёл – тряслись
Все холмы, берега, леса.
Богатырь Алмамбет глаза
Был готов протереть, когда
С перевала узрел: гряда
Дальних гор поднялась волной,
И гора пошла за горой –
За Макилом так стлалась тень.
«В рассмотрение вносит день
Непонятное что-то: дом
С места стронулся… или холм…
Или, нет: то сама гора
Из Бейджина пошла с утра
Через русло реки прошла,
Преисполнена, видно, зла…
Не сбесился ли *аалам*[1006]?!
С детства знаю Бейджин, но там
Гор, что плавают, не видал,
Кто затеял такой бедлам?!»
Так и эдак *дюрбун* вертя,
Он расстроился не шутя,
Душу думою бороздя,
Лоб наморщил – так от дождя
Разбегается рябь в прудах;
И не то, чтобы глупый страх
Завладел им, скорее в раж
Впал внутри задремавший страж,
Взгляд спружинил, к догляду лют:
Лоб – джайлоо, где летом люд
Табуны и гурты пасёт;
Борода – как вершинный лёд;
Как леса – двух бровей разлёт
Над единственным глазом; пот
Льётся с грозного лба рекой;
Нос – сравним лишь с кривой скалой,
Что со взлобка стремится вниз, –
Над расщелиной рта навис,
А во рту как у льва зубов,
Коль представить гигантов-львов;
Руки-ноги как тополя,
Тело – башня; дрожит земля
Всем шагам великана вслед.

Тут к Создателю Алмамбет
Обратился – без сил смотреть
На идущую к стану смерть:
«Всемогущий, зачем скалу,
Даже гору в служенье злу
Допустил ты в наш мир людской?

[1006] Аалам – мир.

Был ли ты обуя́н тоской
Или чем ещё в миг, когда
Душу чёрную навсегда
Ты вложил в эту гору мышц?
Левой, правой рукой бакшиш
Принимал ты, скажи, от тьмы?
Чем, скажи, провинились мы?
Ты, озлившись на нас, создал
Мерзлоту, что земной металл
Превращает мгновенно в прах;
И зачем создавал ты страх,
Чтоб, друг другу не веря, люд
Был к подобным себе так лют,
Что вершил бы неправый суд,
Отвергая душевный труд?
И зачем ты таких врагов
Создаёшь, что любой готов,
Мерзлотой обернувшись, в крах
Мир повергнуть, чтоб только прах,
Оседая, позёмкой мёл,
Недостойны все жизни, мол?
Но пока я ещё живой,
Не окончен и путь земной.
Великана ведут пути
К перевалу, и мне уйти
Надо быстро, не то в горсти
Сможет эдакий унести».

Этих мыслей горячий шквал
Пролетел за мгновенье; встал
С ложа каменного батыр,
Где обшаривал взглядом мир,
Саралу подхлестнул, вскочив
На него как внезапный взрыв
И отправился к Чубаку,
Причитая на всем скаку:
«Ах, мой миленький Чубакем!
Кем тебя заменю? – никем.
Как крепка у тебя рука,
Так и сердце, но лишь пока
Не услышишь ты злую весть,
Что тебе я спешу принесть:
Есть в Китайском краю беда,
Я-то знал про неё всегда,
Но не думал столкнуться с ней;
В Сазаншаа, где богатырей
Очень часто земля родит,
Есть народ Мангубан – на вид
Каждый выглядит как бандит,
А правитель их знаменит
Неизбывностью мощных сил;
Его имя – *малгун*[1007] Макил.
Лишь услышав о нём, решил
Я скорее узнать: Макил –
Просто присказка или быль,
Снился людям, иль вправду пыль
Потревожил он здешних троп.
Он всеяден: ему лишь зоб
Вместе с брюхом набить вконец;
Был китайцем его отец,
Проституткою джина – мать;
Вот от джина ему, видать,
Переда́лась и мощь, и стать.
Вот такой к нам крадётся тать.
С ним столкнувшись никто живым
Не ушёл; даже сытный дым
Он проглотит с огнём костра.
Убегать нам с тобой пора!
Слышишь, милый Чубак! – вдвоём
Нам не справиться с ним, уйдём!
Пусть с Макилом Манас-батыр
Сам дерётся; ведь он – кумир,
Им гордится подлунный мир,
И к тому же он – командир.
Мы разведчики, нам пора
В лагерь вести нести, – гора
Под названьем колдун Макил
Приближается к нам, и сил
Наших мало его сдержать.
Не захочет Манас вступать
В бой с Макилом, тогда Манас
Уведёт всех домой, в Талас,
И не нам за него решать,
Слишком страшен идущий тать».

Как всегда, Алмамбета речь
У его побратима встречь
Сразу вызвала негатив, –

[1007] Малгун – проклятый.

Свой обычный простой мотив
Затянул богатырь Чубак:
«Что ты, братец, боишься так?
Катигун, Алмам, *катигун*[1008]!
Ты не воин, гляжу, – бегун?
Право, пару минувших лун
Звал героем тебя я, лгун;
Одноглазого колдуна
Испугался герой сполна!
Подбодрить бы меня ты смог,
Но от страха, гляжу, ты взмок.
Может, выход отыщем мы?
Мало сил, но ведь есть умы.
Смерть настигнет – ну что ж, умрём,
Веселей умирать вдвоём.
План такой предложить хочу:
Глаз единственный силачу
Надо выколоть и затем
Сможем справиться без проблем
Даже с джином, когда он слеп.
Разговор про бега нелеп:
Кто в бега не ушёл – герой,
Пусть не справился он с горой,
Но погиб раз в бою, то он
В череде всех, что есть, времён
Славен вечно. Да будет так!
И со славой твоей Чубак
Рядом вспомнится, – мол, вдвоём,
Поработав мечом, копьём
С джином справились два бойца
И не дрогнули до конца».

Стало стыдно Алме, да так,
Что когда замолчал Чубак,
Покраснел Алмамбет и в смех
Перевёл этих слов успех:
«О-о, и вправду ты, брат мой, лев!
Мои шутки вогнали в гнев –
Чистый, праведный, – Чубака!
Испытал я тебя слегка,
И теперь свою злость уже
Навсегда я изжил в душе:
Вот теперь я тебя простил!
Что двоим нам один Макил?!
Дай словам твоим исполать!
Будем план твой мы исполнять.
Я пойду к перевалу; ты
Здесь останешься: пусть кусты
Вас схоронят с конём пока,
До означенного броска:
Просигналит мой *Алмабаш*
Громким выстрелом; сразу наш
Общий выход начнётся: ты
Пулей мчись, но без суеты,
Великану навстречу – он
Должен быть уже ослеплён.
На покинутый перевал
Вновь Алма второпях умчал,
Место выбрал среди камней,
Конским волосом побыстрей
В *Алмабаше* натёр металл,
Медным шомполом в ствол загнал,
Как положено, порох, пыж
И кусочек свинца, – глядишь,
Глаз единственный выбить даст
Бог, исход предрешив за раз.
Всё, что было в *курджуне*, он
К первой пуле загнал вдогон,
Смазал масляной тряпкой ствол,
Чтобы выстрел свободней шёл,
И в прицел посмотрел… Макил
Как верблюд, что *арак* испил,
Шёл, вихляясь, – искал еду
На земле, проморгав беду.

Был просторен в верховьях гор
Дол, которым тащился вор.
Над дорогой гора как клюв
Нависала слегка; боднув
Лбом широким скалу, Макил
Подзастрял и вовсю вопил.
Бричек шесть проходило тут.
Великану же этот труд –
Наклониться слегка, – претил,
Он плечами лишь поводил,
Чтоб разрушить скалу, – Макил,
Скажем, гордым излишне был:
Свой единственный пучил глаз

[1008] Катигун – слово, выражающее сожаление, удивление.

И бранился как напоказ,
И свинцовою головой
Бил в скалу он – гора-горой, –
Высекая обломков град.
Вот в безудержный камнепад
Превратилась скала, – подряд
Друг за другом куски летят, –
Валуны, и любой – с казан.
Не успеешь прочесть *азан*,
Коль такой на тебя падёт.
Так, отправив скалу в расход,
Шёл Макил, словно зверь рыча,
Взор горел его как свеча.
Алмамбет, наблюдая блажь
Как бесстрастный и зоркий страж,
Свой заряженный *Алмабаш*
Приготовил и ждал: когда ж
Подойдёт он на выстрел, так,
Чтоб стрелку́ не попасть впросак.

Он боялся промазать вдруг:
«Как смертельный внедрить недуг,
Чтобы не было жить потуг?
Вот пузырь мочевой – так туг,
Что от пули взорвётся вдрызг
Сотней мелких вонючих брызг,
Но к седлу он прижат весьма», –
Так, спеша, рассуждал Алма,
Выбирая для пули цель, –
«С пулей смерть проскользнёт
и в щель;
Ошибиться, увы, нельзя», –
И ворчал, сам себе дерзя:
«…Ты пошире разуй глаза,
Чтоб вместилась картина вся:
Ведь кольчуга-то в шесть слоёв!
Слоя два я пробить готов,
Но останется жив вахлак
И меня приголубит так! –
Кровь, и ту, закатает в пыль».
Выше ствол он поднял: «Упырь,
Говорят, бережёт башку;
Коли сердце я не могу
Прострелить ему, ищем лаз,
Обойти чтоб железный пласт;
Панцирь пуле пройти не даст.
Так что буду я целить в глаз!
В рот, конечно, попасть бы… Враз
Без зубов бы остался *кас*[1009]
Или только без одного:
Пуля мелкая для него.
Нет, нельзя рисковать – ведь он
Только будучи ослеплён
Может стать послабей, чем мы», –
Промелькнуло в уме Алмы, –
«Только в глаз! Он один всего,
И лишится когда его
Иноверец, почти что мёртв
Будет – местность ведь наперёд
Он не выучил: где обрыв,
Где гора, и любой порыв
Для слепца смертоносен… Я
Испугался: мощна свинья –
Этот джин-исполин Макил!
Я в неведенье просто был,
Что не массой решают спор:
Я не видел ведь до сих пор
Великанов таких больших,
Да забыл, что и кучей жмых
Послабее, чем горсть зерна:
Только видимость в нём одна!»
В глаз прицелился Алмамбет,
В цель, где чёрный и белый цвет
Не хрусталик, а лишь мишень
Представляли: был как ильмень
Этот гневом налитый глаз,
Он от злобы менял окрас –
То багровым, то чёрным был,
То, как льдом затянувшись, стыл.

Грянул выстрел. Его посыл
На мгновение даже сил
Алмамбета лишил; Чубак,
Гром услышав, смешался так,
Что укрытие бросил, хоть
Ждал сигнала, как ждёт господь
От своих прихожан молитв:
Словно небо прошил болид,

[1009] Касс – 1. враждебный, враждующий, враг; 2. без примеси.

Словно люд из-под древних плит,
Что веками в земле лежит
Вышел в свет, грохоча костьми,
Вместе с утварью, с лошадьми.
То того, как услышал гром,
За огромнейшим валуном
Был Чубак Акбалты сокрыт,
А теперь он вскочил: «Убит?!»
И таращил глаза, как сыч,
Что при солнце не видит дичь,
Но пытается рассмотреть,
Отпуская пружиной смерть.
Испугался он: вдруг *калмак*
С великаном сошёлся так,
Что теперь неизвестно – кто
Это выстрел свершил, и что
Миг грядущий несёт ему,
Чубаку Акбалты, в дыму,
Что посеял в мир Алмабаш.

Пока трясся разведчик наш,
Сотней вепрей взревел Макил
Изо всех богатырских сил:
Повредил ему выстрел глаз,
Словно тонны камней за раз
На ресницы легло; свинец –
Массой словно с ведро, – наглец
Алмамбет запустил в него,
Чтобы выстрела одного
Разобраться хватило так,
Чтоб навек обессилел враг.
Череп всё же разбить никак
Не сумел этот выстрел: мрак,
Что крутился в большой башке,
Пулю запер как в сундуке,
Словно сделал себе запас;
Пострадал лишь огромный глаз:
Оземь выпал хрусталик так,
Что от стука его Чубак
Поспешил к перевалу; там
Рот раскрыв как приют ветрам,
Неуклюже топчась, Макил
И бранился, и голосил.
Тут Чубак уловил момент:
Не сбежал он от страха, нет,
В чёрный рот, что раскрыл Макил,
Как распорку копьё забил,
Да не просто – вращая так,
Что от боли завыл бедняк,
Рот захлопнуть пытаясь, но
И сломавшись хоть, внедрено
Оказалось, копьё, в гортань;
У Макила делишки дрянь,
Но копьё Акбалты Чубак,
Хоть старался, не смог никак
Из гортани слепца спасти,
Весь запутался как в сети
В великаньей крови, в слюнях;
Ослеплённый же второпях
Не туда наступил и вдруг
Оземь грохнулся; пыль вокруг
Поднялась до небес тотчас.

Алмамбет, как на крыльях мчась
К этой сваре, вскричал: «Чубак!
Подержи его, милый, так,
Подналяг, задави собой,
Чтоб не пикнул он под тобой!»
С Алакоо Чубак слетел
Тоже птицей: такой задел –
Враг, поверженный сам собой,
Не вступивший, по сути, в бой, –
Дар небес, удержать его
Тоже надобно мастерство.
Пал Макилу на грудь Чубак:
На скалу верхолазы так
Лезут, крючья вбивая в склон;
Не припас только крючья он,
Поплатившись за то: Макил
Лишь рукою пошевелил
И мизинцем задел – Чубак
Отлетел от Макила так:
На *чылбыр*[1010] отлетел как сноп,
Чуть себе не расквасил лоб!

Великана тот жест не спас:
Крови выпустил через глаз
Слишком много, увы, Макил,

[1010] Чылбыр – старинная мера расстояния.

Дух поэтому испустил.
«Эй, Чубак, ты топор возьми
И башку-то ему сними», –
Посоветовал Алмамбет.
Чтоб исполнить его совет
В руки взял Акбалты Чубак
С дверь размером почти тесак,
Размахнулся, ударил… Но
Остриё его как в бревно
В шею впившись до обуха,
Вдруг застряло – как без греха,
Не ругаясь, его тянуть?
Сапогом упираясь в грудь
Великану, кряхтя, Чубак
Не сдержавшись, заметил так:
«Ты уверен, Алма, что *алп*
Умер, встретив ружейный залп?
Чёрт возьми, он живей меня
Или дьявол ему родня!
Ты взгляни – он зажал топор
Держит так его до сих пор,
Словно хочет его украсть!
И копьё моё спрятал в пасть».
Хохотал Алмамбет до слёз,
Но помог разрешить вопрос:
«О, мой милый Чубак, ударь
Ты как тополь, а не как ларь:
Понемногу – куски руби,
А потом уже кость дроби.
Помогу я тебе, постой;
Все же легче, чем смертный бой!»
Так, сменяясь над мёртвым злом,
Отрубили башку вдвоём.

Вновь скомандовал Алмамбет:
«На рассказы надежды нет –
Кто поверит, что великан
Шёл напасть и попался нам,
И вдвоём победить смогли
Мы исчадье чужой земли?
Надо голову взять с собой
В подтвержденье, что страшный бой
На себя мы сумели взять,
Чтоб до войск не добрался тать».
За губу зацепил Чубак
Великанью башку – рыбак
Так большого сома порой
Тянет с речки; но вот с башкой
Посложнее пошли дела:
Лошадь бедная не смогла
С места тронуться – страшный груз,
Над которым клубился гнус,
И пугал, и тяжёлым был,
Кровью словно врастая в пыль.
Кёктёке подбодрить решив,
Сел Чубак на него, вкатив
Пару порций камчи, – увы,
Даже шагу в сетях травы
Тот не сделал, и лишь глаза
Страшно выпучил, да слеза
Увенчала такой наскок;
Дрожь расползшихся конских ног
Передалась седлу; Чубак
Понял: вновь он попал впросак,
Закричал Алмамбету: «Эй!
Что мне делать, скажи быстрей,
Богатырь твой сломал хребет
Бедной лошади… Алмамбет,
Подскажи, как башку тащить!»

Алмамбет засмеялся: «Прыть –
Не решение всех проблем;
Ты подумай сперва, затем
И грузи на того, кто туп…
Несусветная тяжесть губ
Перевесила всю башку!
Отсеки их – тогда гнедку
Будет легче тащить сей груз.
Ими птицы пируют пусть!»
Для аркана вертеть пришлось
Дырку в челюсти, хоть и кость
Нерушимой была весьма,
Но помог просверлить Алма.
Он когда-то в Бейджине мог
Носорога запрячь за рог,
Чтобы тот послужил конём,
И верхом поскакать на нём:
Крепкий волосяной *аркан*
Знал, как надо набросить, хан,
Камень брал он в противовес,

Чтоб *аркан* по пути не слез;
Даже более – он язык
Носорогов узнал, и вмиг
Из ущелий сумел позвать
Носорога, и привязать
К рогу мощному груз – башку;
Чтоб не выпала на бегу,
Волочась по холмам, горам,
Выбираясь из рытвин, ям,
Сделал камнем противовес.
А Чубак от таких чудес
Онемел, только рот раскрыл,
Словно ангел в сиянье крыл
Перед ним свой раскрыл секрет.
Деловитый же Алмамбет
Тратить время на спор не стал:
Потащил носорога в стан.

В это время батыр Манас
Волновался о них как раз:
«Как ты думаешь, брат Сыргак,
Где сейчас Алмамбет, Чубак?
Оба *бека* ушли в Кантун,
Скоро будет уж пара лун,
Как ни вести о них, ни снов.
Я искать их уже готов.
Ты сходи-ка к хребту тому
Посмотреть Чубака, Алму
В свой *дюрбун* с высоты вершин:
Вдруг мелькнёт силуэт мужчин?»
На хребет поскакал Сыргак,
Глянул вниз: Алмамбет, Чубак
Скачут, зверя с собой таща,
Преогромного – сообща
Волокут его за собой,
Кони скачут – хвосты трубой.
Удивился весьма Сыргак:
«Раздобыли они никак
Что-то выгодное – купца
Два ограбили молодца?
Иль обчистили караван?
Или, может, какой султан
Дал батырам в дорогу груз:
Богатырский большой арбуз,
Чтобы жажду они могли
Утолить от реки вдали?»
А тем временем подошли
Ближе, клубы подняв пыли,
Алмамбет и батыр Чубак –
Пока так размышлял Сыргак.
Правда, в сумерках он не мог
Видеть – вправду ли носорог
Что-то тянет за ними – груз
Зацепился в пути за куст
Вырвал с корнем его, и с ним,
Как за пламенем вьётся дым,
На *аркане* тихонько ползь;
Свит *аркан* был из тех волос,
Что когда-то красою кос
Великан на затылке нёс.
Впрочем, это Сыргак узнал,
Когда к ним уже доскакал,
Посмотрел, подивился – и
К Сивогривому, весь в пыли,
Поспешил с донесеньем: мол,
Оба скачут сюда, а вол –
Крупный, с рогом над носом, груз
Тянет, словно большой арбуз,
Только это и не арбуз,
Голова великана!», – чувств
Взбудораженных он не смог
Успокоить, и как щенок
Аж подпрыгивал – так восторг
На Манаса он весь исторг.

Не спуская с дороги глаз
Вышел путникам встречь Манас,
Чтобы мудрый задать вопрос:
«Алмамбет и Чубак, всерьёз
Вы подумали, прежде чем
Эту голову чью-то всем
На показ притащить в наш стан?
Скажет каждый, увидев, хан –
Их, – забыли? – немало: семь;
Испугаются ведь совсем,
Мол, разбойники вы, друзья,
Доверять вам уже нельзя,
Коли путника иль купца
Так разделали два гонца;
Опечалятся – головой

Напугаете так, домой
Улизнут все ночной порой
И войска уведут с собой.
Вы ослабить хотите нас!?» –
И добавил в сердцах Манас:
«Эй, Сыргак, эту мерзость пни,
Что тащили с собой они:
Словно мяч под обрыв пускай
Пусть *оно* не загадит край,
Дальше катится – в пропасть, вниз.
Вы поймите – какой кыргыз
Даже с боя трофей такой
В стан привозит?! А тут – разбой.
Если б это не вы – другой –
С чьей-то мёртвой пришёл башкой,
Я бы не был так сильно зол;
Вас-то знаю давно я – мол,
Нет батыров таких, сильны
Только в лучших делах видны:
Если явится бог войны,
Ангел смерти придёт – вольны
Вы всегда выбирать лишь бой,
Остальных заслонив собой;
И, конечно же, на разбой
Не могли вы пойти… Какой
Вас ужалил в пути комар?
Иль в плену оказались *мар*?
Телом, духом вы крепче гор,
К вам названье не липнет – «вор»,
Вас не втянет никто в позор:
Если в вас и стрелять в упор,
Все суставы разбить, хрящи,
Хоть дубиной, хоть из пращи
Смертоноснейшим камнем – вы
Увернетёсь, устам молвы
Не давая намёк к хуле.

Что же здесь, в чужеземной мгле,
Приключилось, что вдруг в разбой
Вы ударились, головой
Жажду мщения утоля?
«Туча пёстрая, не земля» –
Говорят, когда тень падёт
От проступка на весь народ.

Вы ведь оба – богатыри,
Меж простыми людьми – цари;
Где ваш ум, что горит внутри?
Расплескался как свет зари?»
Сивогривый махнул рукой,
Что, мол, взять с вас? Приём такой
Удивил, рассердил двоих,
Ведь ударил Манас под дых
В миг, когда их так грел успех!
Обернулся успех в огре́х.
Оба скисли, и свой трофей
В яму сбросили поскорей
И землёй закидали так,
Чтоб не смог отыскать простак,
Глину с крошкой былых камней
Заложили и уж по ней
Потоптались вдвоём – теперь
Схрон не сможет сыскать и зверь.

Расседлав носорога, вдаль
Вновь отправились; было жаль
Алмамбету и Чубаку,
Что их подвиг на всём скаку
Превратился в постыдный грех,
Что положено скрыть от всех.
Алмамбет возглавлял отряд.
Великаны шли следом, в ряд,
Ширину их рядов тропа
Диктовала: то, как труба
Вдруг сужалась меж острых скал,
И проход становился мал,
То увалом меж мощных гор
Растекалась, и Туйуктор
Был в одной из таких долин,
Вбитой в горы как сочный клин.
Алмамбет рассказал про край:
«Туйуктор – *кайберенов*[1011] рай,
Эсенкан им владеет: он
Много лет, как забрал в полон
У народа весь Туйуктор:
Раз в два года он с давних пор
Поохотиться мчит сюда,
А других не найдёшь следа:
Разрешения никому

[1011] Кайберен – общее название диких жвачных животных.

Не даёт Эсенкан, ему
Не перечит простой народ –
Слишком мстителен злой урод».
Лишь подъехали ближе – в дол,
Что ковром многоцветным цвёл,
Алмамбет объявил привал
И от сердца всего сказал:
«Тигр Чубак, Сивогривый лев!
Вам Эсена не страшен гнев:
Эсенкан пусть почтёт за честь,
Что хоть временно вы осесть
Собрались: поохотьтесь здесь,
Где косулей нельзя и счесть;
Дней шестнадцать, пожалуй, есть
До того, как пришлю вам весть!»

Так сказав, Алмамбет вперёд
На разведку направил ход.
Шёл с Сыргаком Алма вдвоём,
Два батыра неслись верхом,
Ну, а вслед, в поводу ведом,
Чуть приплясывая притом,
Мчал рассёдланный Карткурён –
Был прогулке нежданной он
Рад, и в радости этой лих
Так, что весь разговор двоих
Завертелся вокруг коней:
Предстояло немало дней
Провести в разговорах – путь
Сокращая хоть как-нибудь.
Так, беседуя, до моста
Добрались, Алмамбет когда
Подытожил беседу – мол,
Лошадиный не важен пол:
Скорость, верность, сноровка, стать –
Всё даётся как благодать:
«Телкызыл твой, взгляни, всегда –
Хоть довольствие, хоть беда, –
Не подаст даже виду он,
Что внутри, может быть, смущён,
И степенный спокойный вид
У него – это просто щит;
Ну, а мой Сарала, храпя,
Так шарахнется, что любя
Может сбросить в один момент,
Трусость – первопричина бед…
И когда мы взойдём на мост,
Головой будешь ты, я – хвост;
Предваряя любой вопрос,
Я отвечу: расчёт мой прост:
Телкызыл твой не понесёт,
Потому ты идёшь вперёд».

Жакыпхана Сыргак без слов
Первым стать был всегда готов,
Льва Манаса опора, брат,
Со своим Телкызылом рад
Был возглавить любой отряд,
Ведь из тех он, как говорят:
Лучше рая с таким и ад.
Он помчался тотчас вперёд.
Но вступил лишь на мост – с высот
Будто грянул немолчный гром,
А в поддержку ему потом
Снизу выстрелил *очогор*[1012],
Потревожив вершины гор,
Следом грянул и *аккелте*[1013],
Отозвавшись на высоте
Покорёженных громом гор;
Вновь добавил и *очогор*
Барабанного боя – гнев
В этих звуках звучал, так лев
Или тигр оглашает мир,
Что затеял кровавый пир;
Оглушая, звенела высь,
Будто солнце с луной дрались,
Словно в небе дрова, треща,
Разгорались, и гор душа
Словно плавилась, трепеща;
Но Сыргак лишь замедлил шаг
И коня придержал; они
В этом омуте трескотни
Были оба спокойны так,
Словно в поле стоял Сыргак
И раздумывал: не пустить
Телкызыла здесь попастись.

[1012] Очогор – род богатырского ружья.
[1013] Аккелте – (в эпосе) род старинного ружья.

Был он гибок и даже тощ:
Весь он – мышцы и жилы сплошь,
Сердце каменное и мощь,
Так порой меж дубовых рощ
Вырастает сосна – она
Хоть не кряжиста, но сильна.
Так не меньше Манаса был
Он отважен, силён, и пыл
Свой сдержать он умел, когда
Бушевала вокруг беда.
Равных вряд ли богатырей
С ним отыщешь, и пусть сильней
Есть, но всё же Сыргак умом
Отличался, весьма притом.
И сейчас, приглядевшись, он
Понял: пахнет здесь колдовством,
Ловкость рук да иллюзий плод, –
И спокойно пошёл вперёд.

Мост прошли. И уже Бейджин
Показался в тени вершин.
Шёл, ссутулившись, Алмамбет
За батыром Сыргаком вслед.
Молчалив был бойцов дуэт:
Было, в общем, не до бесед,
И усталость своё брала.
Чутко вздрагивал Сарала,
На Сыргака косил зрачком,
На Курёна, что был ведом
И уже притомился тож,
В чём его выдавала дрожь.
Вот и горы прошли. С вершин
Блики солнца текли в Бейджин,
Освещая им путь едва.
Ночь вступала в свои права.
Звезды густо, как луг – трава,
Мир усы́пали, волшебства
Чуть прибавив – и Алмамбет
Окунулся в истоки лет,
Где, совсем ещё мальчуган,
Он вон тот покорял курган
Вместе с другом, что из дунган
Был, по крови наследник-хан,
Звали малого Кожаалы.
Память вяжет свои узлы:

Были души у них светлы,
Оба выросли из игры,
Но секреты другу всё ж
Поверяли они, – ни ложь,
Ни предательство, ни обман
Не мешали двоим друзьям.
Тогда жил ещё здесь Алма,
И от сердца, и от ума
Дали клятву друзья: когда
Разлучит их, двоих, беда,
Через сорок пусть даже лет
Постучится вдруг Алмамбет –
Кожаалы его примёт в дом
И поможет во всём притом.
Алмамбет осторожен был:
Свой сердечный унял посыл
И, с седла не сходя, камчой
Стукнул в дверь – ведь такой порой
Побоятся открыть, небось:
Он вечерний незваный гость,
Да и крепость минувших клятв
Разрушает порой расклад
Обстоятельств, мамо́н, времён.
Бывший принц – кто теперь-то он?!

Кожаалы словно чуял: вот
День их встречи уже грядёт
Не сегодня, так завтра… Он
Друга ждал наяву, сквозь сон,
Знал, что всеми Алма гоним,
Но готов был встречаться с ним,
Хоть прошло уже сорок лет –
Срок, что сам назвал Алмамбет.
Кожаалы, отходя ко сну,
Думал, глядючи на луну:
«Он придёт – его спрячу я
Так, что даже его семья
Не отыщет Алму вовек.
Он – обидчивый человек,
Но ему объясню – зачем
Под землею, как круглый шлем,
Дом воздвиг я, к нему проход
Сделал городу я в обход;
Он же умный, он вмиг поймёт –
Всё продумал я наперёд

Помня клятву далёких лет.
Только где он, мой Алмамбет?»
Стук в ворота услышав, враз
Он, пружиной вскочив, потряс
Непривыкший к тому матрас,
Чтобы эдакий перепляс
Задавал бы хозяин вдруг.
Неужели вернулся друг?!»
Двери лишь приоткрыв на стук,
Не тревожа заснувших слуг,
Кожаалы прошептал гостям,
Что он счастлив принять их сам
Так, что радость стеснила грудь;
Но негоже, чтоб кто-нибудь
Вдруг узнал потаённый путь
В дом, где можно им отдохнуть,
И, конечно же, адресок
Места этого без дорог
Кожаалы расписал как смог:
«С юга льющийся быстроток
Разливается речкой здесь;
Камышами поросший весь
Берег дик, неухожен, тих,
Спрячет запросто верховых!
Меж корней камышовых вы
В центре самом, в ковре травы
Поищите тропу – на ней
Нет колючек и нет камней,
Остальные места, увы,
Все в колючках, там ямы, рвы,
Там не сно́сите головы,
Кто совался туда – мертвы».

Повернул к реке Алмамбет,
Веря перечню всех примет,
Что поведал им друг, спеша:
В центре зарослей камыша
Он копьём, среди трав шурша,
Тропку выискал – хороша:
Верховой там пройдёт легко,
И как будто бы далеко
Как просвет она вдаль ведёт.
Алмамбет поскакал вперёд,
Вслед Сыргак поспешил за ним:
Рядом тесно скакать двоим.

Вдруг как будто из-под земли
Показался Кожаалы:
Изменился дружок в разы –
Отросли борода, усы,
От подростка того, что был,
Взгляд остался да чувства пыл.
Алмамбет с Кожаалы как встарь
Руки крепко пожали, хмарь
С лиц сбежала, объятья двух
Тщились будто бы выбить дух,
И, целуя запястья рук,
Кожаалы, повторяя «друг!»,
Вёл Алму в свой секретный дом,
Схожий с тёплым большим гнездом,
Что давно был готов притом
Алмамбету служить щитом.
Алмамбет и герой Сыргак
Отдохнули, наевшись так,
Что могли только пить чаёк,
Красный, словно в зарю восток,
Разливающий аромат
Как весенний цветущий сад,
Ароматом его дыша
Как в нирване была душа;
Шла беседа – без куража,
Не бахвалясь и не спеша
Повернув от годов былых
К дням, что встречей балуют их.

Кожаалы рассказал о том,
Почему он построил дом
По веленью своей души
Вдалеке от дорог, в глуши:
«Алмамбет, ты ушёл когда,
Закатилась твоя звезда, –
Конурбай с Мурадилом, псы,
Стали важные, как тузы,
И возлюбленную твою,
Что осталась в родном краю –
Да, Турну, – обложили так,
Как пшеницу теснит сорняк.
Помнишь, – парень Кыйба, сопляк? –
Возмужал и подрос он так,
Что сегодня и две свиньи
Спорить вряд ли с Кыйбой смогли.

В общем, дева ждала тебя
Сорок лет, трепеща, любя,
Притесненья от всех терпя.
И сегодня её судьба
Повернулась, – увы, она
Ожиданием сожжена
Завтра будет уж не одна:
Свадьба нынче идёт, – Турна
Входит в новые времена,
Не девица – Кыйбы жена».
От таких новостей Алма
На мгновенье сошёл с ума,
Покраснел, побледнел, умолк,
Словно сразу не взял он в толк
О какой-такой деве речь;
Но минуту спустя облечь
Чувств сумбур он в слова сумел:
«Конь рассёдлан твой? Не успел?
Кожаалы, Кёктокол мне дай!
И, прошу я, не обсуждай
Мои действия: в город я
Быстро съезжу: Турна моя
Не успеет Кыйбе женой
Стать, увидевшись вдруг со мной;
Иль заплатят мне головой
Оба – этой ночной порой!»

Кёктокол Кожаалы на взгляд
Непригляден, тяжёл на склад,
Непородист, зато был быстр:
Он скакал по камням до искр
И своих мускулистых ног
Не жалел для любых дорог.
Уже сидя верхом на нём,
Покидая секретный дом,
Оставляя друзей вдвоём,
Алмамбет дал наказ при том:
«Лев мой, верный Сыргак, прошу,
Пока я по делам хожу,
С Кожаалы оставайся здесь,
Ни во что без меня не лезь;
Только звёзды вверху взойдут,
Появлюсь я немедля тут,
Лишь рабу одному судьбу
Не поправлю, так зашибу;
Лишь бы бог мне дорогу дал», –
Так сказал он и ускакал.

В город выехал Алмамбет.
Хоть и сумерки – всюду свет,
Ходит-бродит кругом народ
И подарки в руках несёт:
Снедь, посуду, в рулонах шёлк.
Алмамбет от такого в шок
Впал, прохожих решив спросить
В честь чего, мол, за что дарить
И кому все спешат вокруг?
А ему отвечали: «Друг,
Ты в неведенье лишь один!
Нынче праздник пришёл в Бейджин:
Сорок, больше ли, лет назад
Хан один тут был, говорят,
Да сбежал, а его жена
Оставалась здесь жить одна;
Сорок лет всё ждала она
До вчерашнего дня – сполна.
Появился начальник вдруг –
Как скакун, что всего за круг
Остальных обойдет, без сил
Всех оставив былых верзил;
Конурбай наш и Мурадил –
Двое пакостных заводил, –
Присмирели и перед ним
Оба стелются, словно дым.
Свадьбу нынче решил сыграть
Наш начальник и в жёны взять
Ту, что бросил сбежавший хан;
Почему и взволнован стан:
Люд на свадьбу спешит, в дары
Тащит всё из своей норы:
По законам людской игры
Те шустры, кто к верхам щедры».

Призадумался Алмамбет.
Человека простой совет
Он немедленно в жизнь внедрил:
В лавке тотчас *кежек*[1014] купил,
На котором умел играть

[1014] Кежек – *здесь*: двухструнный музыкальный инструмент наподобие комуза.

Так, что ширилась исполать,
А его бархатистый бас
На пирах выручал не раз,
И слова он слагать умел.
Заиграл Алмамбет, запел
Про Дудунову дочь Турну,
Что судьбу прожила одну
И, состарившись, новый круг
Вновь решила затеять вдруг:
Юной девой старушка в жизнь
Вновь вступает, – жених, держись:
Прах восставший, увы, вампир.
Девой свержен былой кумир.
Потрясён весь подлунный мир:
То ли свадебный это пир,
То ли тризна былых надежд, –
Мол, неведомо для невежд.
Алмамбет, повествуя, пел,
И украдкой вокруг глядел:
Собралась перед ним толпа,
В восхищении лишь сопя,
Кто в балладе узрел себя,
Кто другое смекнул: судьба
Снова делает поворот…
Самый шустрый уже народ
Торопился донесть Кыйбе,
Что на улице о себе
И печальной своей судьбе
В адресованной голытьбе
Песне уличной он бы мог
Про невесту, мол, между строк
Столько всякого бы узнать.
Вмиг Кыйба приказал поймать
И к нему привести певца,
Чтоб с начала и до конца
Его песню прослушать здесь.
Чтоб законность в арест привнесть,
Дал бумагу он стражам, те
Были, скажем, на высоте:
Алмамбета тащили в сад,
Словно грешника черти – в ад;
Но в шатёр не ввели: приказ
Здесь кончался, в саду, как раз.

Сумрак шёлковый цвёл в саду.
Алмамбет подлежал суду
Или нет, но стоял, молчал,
Продолженья событий ждал.
Голоса из шатра неслись.
У Алмы вдруг в груди зажглись
От знакомого голоска
Чувства разные: боль, тоска;
Этих чувств ощутив игру,
Подобрался скорей к шатру,
Что услышано было им,
То в глаза словно горький дым
Сразу бросилось и засим
Стал он адским огнём палим.

Говорила с трудом Турна:
Приласкавшись к Кыйбе, она
Объясняла, что стремена,
Мол, скользили, и вот она
Потому-то свалилась вдруг;
Но Кыйба – как истец, не друг, –
Наклонив, видно, низко лоб,
Вопрошал: мол, свалиться чтоб,
Надо девушке быть в сердцах,
Чем, мол, вызван внезапный страх?
«Что с тобою стряслось?» – слова
С губ слетали его едва:
Коль натянута тетива,
То не вспомнит стрела родства.
Голосок у Турны ослаб:
Чувство малой вины у баб
Разрастается до небес,
Если кто-то к ним в душу влез
Кулаком или сапогом…
Проглотив словно в горле ком,
Так сказала она, дрожа:
«Заболела моя душа,
Там, на улице, человек
Песню пел… Как средь лета снег
Голос этот запал мне в слух;
Не бывает на свете двух
Столь похожих… Хотела слуг
Я позвать, но души недуг
Небо спутал с землёй, и я
Оземь пала от забытья».

Голосок ещё не затих,
Как ворвался Алма – двоих
Пригвоздил своим взглядом вмиг,
Меч мгновенно достал, – жених
Был как будто заворожён
Красным блеском златых ножон,
Иль боялся лезть на рожон,
Алмамбета припомнив, он,
Что с ним было – то знает бог;
Молодых уложил в рядок,
Обезглавив их, Алмамбет,
Взял печатку Кыйбы и вслед
Снял он с мёртвой Турны платок:
Был он памятлив, хоть жесток,
Чем «прославлен» в веках восток:
Ревность – смерти всегда исток.
Было выходов пять в саду –
Перекрытые на беду
Всех, кто рвался за щедрый стол;
Алмамбет их легко прошёл,
Словно тень иль бесплотный дух;
Больше: головы этих двух –
Жениха и невесты, – он
Смог как головы двух горгон,
Взяв за волосы, водрузить
На ограду, – такую прыть
Не заметил бы лишь слепой;
Но ушёл Алмамбет – живой,
И услышал лишь за спиной
Крики, вопли, надсадный вой.
Без оглядки, однако, он
Уходил, хоть ему вдогон
Стража, может, уже и шла.
Но удача его вела
Незамеченным к Кожаалы.
За глотками из пиалы,
Сев опять за накрытый стол,
Он рассказ до конца довёл,
Эпопею раскрыв свою:
«…Кожаалы, за твою семью
Я немного теперь боюсь:
Чтоб они не приняли груз
На себя всех моих грехов;
Увезти ты семью готов?
Я проклятьем для них смогу
Стать, когда уже сам сбегу,
Ведь китайцы найдут концы –
Они до́ки во всём, спецы;
Не стесняйся, мой друг, скажи
Мне от всей широты души:
Что я сделать могу для вас,
Чтоб семью ты от казни спас?»
Кожаалы отвечал: «Алмам,
Когда шёл я на встречу к вам,
И жену, и детей, и хлам,
Что добром называют, – сам
Я отправил к знакомым в глушь,
Сам один я остался – муж
Вроде брошенный, вроде – нет.
Ты не бойся, друг Алмамбет.
Будь до новых всех встреч здоров!
Я проститься уже готов,
Так что будь! – до других времён».
На коне Алмамбета он
Ускакал, лишь пожатьем рук
Подтвердив, что Алма – *улук*[1015]
В дружбе, где не бывает слуг,
Где один на двоих *укук*[1016].
Смерть Кыйбы и Турны ему
Ни по сердцу, ни по уму
Не пришлась, но смолчал: в дыму
На пожаре ларец в дому
Просто поздно искать: ему
Как бы выскочить самому.

Собрались и Сыргак с Алмой
Путь опасный продолжить свой.
Алмамбет объяснил: «Сперва
Мы найдём, где густа трава,
Лошадей попасём, затем
Потолкуем неспешно с тем,
Кто Манасу помочь готов
Без уловок и лишних слов,
А попутно пора врагов
Перечесть – сколько их голов».
Проскочили Сасык Булак,

[1015] Улук – начальник, правитель, повелитель.
[1016] Укук – право.

Чон Камыш, и уже большак
К Булунсазу привёл, на луг,
Где владелец Ыранкудук
И дружок его Азазул –
Тоже выкормыш здешних мулл, –
Зуб точили на целый свет.
Знал их и́здавна Алмамбет
И легенды слыхал о них:
Лет семьсот они на двоих
Поделили, живя в горах,
Воду пили лишь в родниках,
Уверяя, что сам аллах
В недоступных для всех местах
Эту воду бессмертья им
Отпускает, мол, как своим.
Этот самый Ыранкудук
Конурбая наставник-друг,
Предсказал много лет назад,
Чем правителей ввёл в азарт,
Что к кыргызам придёт Манас –
Богатырь, что могущ за раз
Уничтожить врагов полки́
Мановеньем одной руки.

Спал спокойно Ыранкудук,
Но Конур среди ночи вдруг
В дом ворвался, всем сон прервав,
В чём, однако, был очень прав:
«О, Кудук, – он вскричал тогда, –
К нам большая идёт беда:
Быстро в книгу свою взгляни,
Что в ближайшие будет дни, –
К нам утёнок пришёл, дитя
Медной утки, что не шутя
Вдруг исчезла в своей глуши.
Что случилось с ней, расскажи!
Был в гаданье мулла не слаб,
Книгу древнюю «Ыстырлап»
В руки взял, полистал слегка,
Задрожала его рука:
«О-о, беда посетила клан! –
Угрожая стереть Какан
Вовсе с лика родной земли:
К нам кыргызы сюда пришли,
Утка, горный баран, лиса –
Всё, что дали нам небеса,
Чтобы горы, луга, леса
Охраняли нам их глаза, –
Уничтожил кыргыз, придя,
Только птенчик сбежал, дитя,
Неразумен ещё и мал,
И щитом он пока не стал.
Говорит ещё «Ыстырлап»,
Что идущий на нас сатрап
На разведку послал не зря
К нам четыре богатыря:
Наш Макил поплатился – он
Алмамбетом был ослеплён,
Им же наскоро расчленён,
Головой понеся урон:
Равный весу его башки
Камень взял Алмамбет в тиски,
С головой утащил с хребта.
А зачем эта суета –
«Ыстырлап» мне сказать не смог, –
Колдовство? Мы узнаем в срок,

Что неведомо нам сейчас,
Когда к нам подойдёт Манас.
О-о, а дальше его орлы
Схоронились у Кожаалы
Ненадолго – денька на два,
Отдохнули они едва,
Как на свадьбе Кыйбы, Турны
Учинили резню они:
У ворот городских на кол
В устрашенье бейджинцам, мол,
Подхлестнув пересуд молвы,
Новобрачных две головы
Разместили, как смерти гроздь.
Этот редкостный акт угроз
Алмамбет не шутя принёс:
Так, мол, будем любой вопрос
Разрешать мы, ворвавшись к вам:
Всё возьму – своего на дам.
Ведь несчастнейшая Турна –
Им же брошенная жена.

Будь с умом, Конурбай, в ладу:
Когда *орды* придут в Чанту,

Дай им золото, скот, дары,
Дев-красавиц им надари,
Мастериц им отдай, шелка.
Пусть не дрогнет твоя рука,
Отдавая добро. Века
Будут славить тебя: слегка
Обнищавший живой народ
Через годы всё наживёт.
Только кровь проливать не дай!
«Ыстырлап» говорит: Китай
В этот раз не в ударе: он
Будет варваром покорён,
Но потом он своё возьмёт,
Лишь бы жив был его народ!
Так не дай, чтобы бренный хлам
Жизнь испортил навеки нам!
Замирившись, отправь дары!
Не ввязаться в азарт игры
И на дно залечь до поры –
Так лишь те, кто в делах мудры,
Поступают, дождавшись Дня
Очистительного Огня.
В этот раз нам ввязаться грех
В бой с кыргызом: ему успех
Предвещает сам «Ыстырлап»:
Лев не выпустит меч из лап,
Мы убытки должны терпеть,
А иначе грозит нам смерть.
Мы должны сохранить народ,
Повернуть врагов от ворот,
Улестив их дарами; вон
Чтоб спокойно ушли – на трон
Золотой наш не должен сесть
Тот, кто небом к нам послан съесть
Всё могущество; диких банд
Не приемлет родной Коканд,
Все его шестьдесят ворот
Пусть заполнит простой народ,
Встанет крепким живым щитом,
Добровольная дань притом
Пусть сердца размягчит врагам, –
Вот такой лишь совет я дам:
Надо нам уберечь, что есть,
Отстоять и лицо, и честь.
Думай, думай, Конур, смекай!
Сохрани для потомков край!»

Смолк лишь Ыранкудук-*бабай*,
Из *дуду* один – Чабалай,
Прорываясь вперёд, вскричал:
«Эй, Кудук, не твоя печаль –
Нами нажитое добро –
Наше золото-серебро,
Скот, красавиц, шелка и снедь, –
Всё отдать приносящим смерть
Нам… Кыргызам отдать дары!?
Сдохни ты, Кудук, до поры!
Провались ты в могилу, сгинь!
Скот бесплатный есть хоть один?
Чандуубоз – мой скакун шальной,
С ним пойду я хоть завтра в бой,

Тех разведчиков на убой
Четверых привезу с собой!
Мне известен из них один –
Сорандика безумный сын,
Одноглазому, видно, глаз
Выбил он, Алмамбет, – Манас
Вряд ли сдюжит такое: в лоб
Великана поранить, чтоб
Разделить по частям… Циклоп –
Наш Макил – пережил потоп,
Войны, сели, набеги, мор.
Ныне он по частям меж гор
Весь разбросан, и дикий зверь
Части гложет его теперь.
Надо мстить! Вы от страха все
Рады будто жуки в овсе
Заползти в свои норки… Нет! –
Я за всех смогу дать ответ:
Конторо, Нескара, Жолой,
Мурадил, Уушан – живой
Кто ещё? Пусть Манас – герой,
Но сравнится ли он со мной?
Самый смелый из всех из вас –
Я! Узнать бы, мол, где Манас –
Я его с Алмамбетом к вам
Принесу и на суд отдам,
Трепыхаться затеют – что ж,
У меня очень острый нож,

Меч на молнию мой похож
И для важного дела гож.
Я с рассветом отправлюсь в путь,
Пока спит ваш Манас, на грудь
Сладкой слюнкой роняя сон,
Первый сделаю перегон:
К перевалу дойду, а там
Я Манасу ужо задам –
Выбью душу из подлеца,
Пот жемчужный пролью с лица!
Только солнце взойдёт – войска
Высылайте вдогон – пока
Я один не закончил бой,
Пусть поучится ратный строй,
Как победу берут: ведь грех
Павший с неба не взять успех!»

Расхрабрившийся Чабалай
Засмеялся: на пёсий лай
Был похож его громкий смех.
Речь стяжала большой успех,
Подогрев самомненье всех.
Глупость, словно повальный грех,
Возбуждает мгновенно тех,
Кто от плотских размяк утех,
Мягкий зад уравняв с лицом,
Но считает себя бойцом
И героем, хоть лишь в мечтах
Забывает про вечный страх.
У Конура в шатре скандал
Вспыхнул: кто-то не то сказал,
Кто-то вспомнил: Ыранкудук
Чьим добром поднабил сундук;
Кто-то высказал: он – шпион;
Кто-то – этот умножил звон.
Сам Кудук раскричался – он
Всё, что слышал себе вдогон,
Подытожил как тупость масс:
Мол, вам счастья судьба не даст,
Как всегда, мол, так в этот раз
Он не лгал; с кизяком алмаз
Все попутали – стар и млад,
Хан и самый бедняк, и рад
Он тому, что такой расклад
К самой страшной из всех расплат
Их ведёт, и пути назад
Нет, лишь пропасть их ждёт и ад.
Рассердился Ыранкудук
Так, что синим стал как индюк,
Участившийся сердца стук
Оглашал все поля вокруг,
Но Кудук, как козёл, скакал –
Всё быстрее к горам, искал
Он, пока не забрезжил свет,
Где хоронится Алмамбет.
На рассвете нашёл Алму.
Он поправил скорей чалму,
Вытер пот, успокоил пульс,
И поднял свой обвисший ус.

Алмамбет был настороже:
Он себя осудил в душе
За двойное убийство сам,
Оттого-то по сторонам
В оба глаза глядел – мол, суд
Появиться изволит тут:
Месть притягивает вина,
Коль прочувствована сполна;
Впрочем, зорко взглянув вокруг
Быстро понял: Ыранкудук
Сам по делу пришёл, один,
Не слуга и не господин.
По обычаям всех *манджу*,
По привычкам людей *анджу*,
«*Кома*!» – высказал Алмамбет.
Как друзья, что на много лет
Разлучались, и вот совет,
Чтоб друг друга спасти от бед,
Дать решили – учтивый жест
Так прочёлся; в один присест
Из врагов вдруг попал в друзья
Алмамбет, может быть, дразня
Знаменитейшего муллу,
Воздавая ему хвалу.
Только тот воспринял за честь
Алмамбета учтивость; весть
Он принёс ведь не как врагу,
И ворочал сейчас в мозгу
Мысль такую: «Сей ханский сын
Очень грамотный господин,

Знатный род, ясный ум весьма
И традиции все Алма,
Видно, знает, и он вдвойне
За лояльность свою ко мне
Стал приятен, не то, что тот,
С кем уже я который год
Всё пытаю свой «Ыстырлап»,
А правитель всё так же слаб».
Ждать вопроса Кудук не стал,
Без утайки всё рассказал:
Как будил его Конурбай,
Как ругал его Чабалай,
Как кричали китайцы все –
Разговоры во всей красе
В лицах смог передать Кудук,
Отчего, мол, сердечный стук,
Выразитель душевных мук,
Потревожил весь край вокруг.
Под конец он сказал: «Батыр,
Я ценю лишь покой и мир,
Потому и пришёл сказать,
Как с концами концы связать.
Есть две вещи, о коих знать
Должен ты, чтоб успелось гать
Настелить бы на топь забот,
С чем грядущее к нам идёт:
Чабалай, что готов к войне
И сидит уже на коне,
Он в Бейджине сильнейший *бек*,
Равных нет ему, и набег
Им затеянный сто *чоро*
Не прервут, как и Конторо:
Кровь кипит у него, и смерть
Расстилает под ноги твердь.
В водоёме, что тянет вниз,
Так, песок поднимая ввысь,
Смерть затягивает пловца.
У тщеславия нет лица,
Слуха, зрения, – сорняку
Так же хочется быть в стогу.
Чую – *бек* этот на бегу
Посредине реки Кыркуу
Гонит, плёткой хлеща, коня.
Ты послушай, батыр, меня:
Встретьте грешника в полпути,
Не давайте ему дойти
До намеченных берегов:
Он, мерзавец, на всё готов.
Окружите его в воде
Сзади, спереди, чтоб нигде
Не сумел бы уйти от вас,
А не то он вам жару даст!
Хана мужества он лишил,
Слова, воли, душевных сил,
Сам на смерть он пойти решил,
Потому что всю жизнь грешил.
От такого избавить свет –
И греха-то, по сути, нет.
И второе, мой Алмамбет,
Дам я важный тебе совет, –
Ты, я знаю, батыр, не глуп:
Сверх одежды ты *кёп тулуп*
Из волшебной лисы надень:
Чабалай за собой как тень
Войско мощное к вам ведёт.
Войска надо прервать поход,
Всех с позором назад изгнать,
Но при этом точней узнать,
Сколько с войском пришло коней
И в теченье ближайших дней
Надо скот весь изъять скорей, –
Это прочих всех дел важней,
А иначе немало бед
Ждёт в Бейджине вас, Алмамбет.
Я в Бейджин не пойду – в *Кангай*
Ухожу я отсюда, знай!»

Так сказав всё, Ыранкудук,
Повернувшись, ушёл. Не вдруг
Вникли двое в совет муллы:
Не дождавшийся похвалы,
Он, скукожившись, вдаль ушёл.
Алмамбет, как степной орёл
Путь его проследив, сказал:
«Лев Сыргак, ведь Ыранкудук
Нам с тобою – не враг, не друг,
Но прислушаться надо: вдруг
Нынче искренен был паук.
Карткурёна ты в камышах
Привяжи, чтобы ни на шаг

Не ушёл он, а сам взгляни:
Не бредут ли в реке они –
Те, которых должно быть пять
Оголтелых бойцов, что взять
По рассказу Кудука в бой
Должен был Чабалай с собой.
Я отправлюсь на Сарале
Чтобы их обойти во мгле,
У небес попрошу, чтоб мне
Не остаться, спеша, на дне
И успеть перейти реку –
Разволнованную Кыркуу.
Ты же встретишь китайцев здесь.
Хорошенько подходы взвесь
И не бойся, не убегай:
Не сильней тебя Чабалай;
Ты в засаде сиди, а я
Выйду сзади, себя тая;
Коли выпадет первым быть –
Не тебя мне учить, как бить,
Опрокинь их скорей с коней,
Чабалая сперва убей,
Четверых заберёт испуг:
У ведомых ведь слабый дух.
Так сказав, Алмамбет в седло
Сел, жалея, что так светло
И, пригнувшись, помчался брод
Поискать в Кыркуу – исход
Предстоящего боя был
Весь завязан на мощи сил:
Пять бойцов против них, двоих,
Как остаться двоим в живых? –
Только силы беречь, в обход
Пробираясь сквозь толщу вод.
До прихода врагов Алма
Смог пробраться им в тыл, весьма
Наглотавшись речной воды,
Но избегнув прямой беды.
И теперь он, сокрывшись, ждал,
Травостой ему крышей стал,
Мог, незримый, он наблюдать:
Вот летят верховые – пять –
Разозлённые так, видать:
Их уже не воротишь вспять;
Покрывают за пядью пядь,
Словно стрелы из лука, гладь
Рассекая уже реки,
Только брызги летят, легки.
Друг за другом идут, вразброс,
Самым первым – Чандуубоз,
Богатырский тяжеловоз,
Зарывая копыта в плёс,
Белой пеной забрызган весь
Конь – как будто о смерти весть:
Так громоздок, как печь в дому,
И хозяин подстать ему.
Жил в Бейджине Алма когда,
Чабалай был никем тогда:
И ведь надо же! – к этим дням
Стал великим: не по делам,
По бахвальству и по злобе́, –
Веский довод в иной судьбе;
Кровь привык он людскую пить
И в руках своих жизней нить,
Волей власти держа, губить,
Чтоб, по трупам поднявшись, жить.
На дракона похож – тяжёл,
Словно тигр голодный зол,
Рот огромный – похоже, он
С людоедских пришёл племён:
Верхового с тулупом влёт
Проглотить может этот рот;
Брови белые, словно снег
Многодневный затеяв бег
Взлобки все превратил в холмы.
На внимательный взгляд Алмы
С этим подлым батыром век
Не вступал бы в бой человек:
Разозлившись, такой кабан
Словно в стельку, по-свински пьян,
Будет бить и крушить, пока
Разлохматится в хлам рука,
Меч зату́пится, конь падёт.
Вот разведчикам что грядёт.
С ним четыре идут *дуду* –
Тоже злобные на беду:
Так и шарятся на ходу
Щелью глазок и словно мзду
Ищут всюду – в воде, в земле,
Бурдюками держась в седле.

Сорандика сын Алмамбет
Сам привык выходить из бед –
В одиночку, и всё ж совет
Принимал он как солнца свет,
Зная ум свой, его ценя,
Он считал, что и ум коня,
Например, пригодится, коль
Безысходна в сей миг юдоль.
По совету Кудука он,
Сделал вид, что со всех сторон
Чабалай уже окружён,
И для этого с трёх сторон
Прокричал, изменяя бас,
Боевой свой призыв: «Манас!»,
Из Коомойа он вышел враз
В нападение – свой приказ
Исполняя, внося свой пай
В суматоху зверья: *курай*
И камыш шевелился весь,
Мелкий зверь воспринял как весть
Об охоте призыв Алмы –
Мчались прятаться за холмы
Зайцы, крысы и прочий сброд,
Что всегда в камышах живёт.

Чабалай потрясён был так,
Клич услышав, что сбавил шаг,
В это время герой Сыргак
Появился из-за корчаг,
Чтобы встретить их, пятерых,
И копьём наподдать под дых.
Сзади волнами шёл *курай*,
Эхо множило шум: весь край
В сто ладов шелестел: «Ма-анас!»,
И казалось, что сотни глаз
Отовсюду следят, ярясь,
И река норовила в грязь
Засосать пятерых бойцов.
Чабалай был почти готов
По теченью реки уйти,
Только мысль в голове взойти
В то мгновенье успела вдруг:

«Видно, нас берут на испуг:
Голос крикнул *ураан* один,
Я узнал – Сорандика сын
Алмамбет, проклятущий раб,
Вместе с эхом орёт, не слаб
Он, и я не слабей… Не раз
Слышал я, что сидит Манас
На железном коне – хитёр
Конь, седой, как речной бобёр;
Здесь же вижу: конь Кызылкёк,
Сизо-красный, как уголёк,
Что дотла прогореть не смог,
А в седле – богатырь, не бог.
Ну, зачем возвращаться мне?
Даже если Манас – вдвойне
Будет слаще победа, – вздор,
Что сильнее меня *абжор*[1017].
Впрочем, это всё тот же вор:
Алмамбет, – он *камгак*[1018]*-абжор*.
На копьё зацеплю его,
Выпью кровь и, глядишь …того:
Стану царских кровей и я,
Коль разбавится кровь моя.
Алмамбета поволоку
По колючкам на берегу,
Что останется – то в мешок
Упакую: вот Ваш сынок!
Голова у меня – *казан*:
Варит, словно я вправду хан!»

За мгновенья, что длилась мысль,
И пути у врагов сошлись.
Нечестивец своё копье
С силой бросил, и остриё
Синей стали запело так,
Как зурна, но успел Сыргак
Отклониться, и лишь чуть-чуть
Железяка задела грудь,
До крови́ оцарапав лишь;
Но Сыргак когда был малыш,
И тогда не боялся он
Если кровь и лилась; вдогон

[1017] Абжор – *дословно:* ловкий, проворный, расторопный (почему-то так калмаки называли кыргызов; сами себя кыргызы называют так, только когда дословно передают речь калмаков).
[1018] Камгак – перекати-поле.

На удар отвечал сильней,
Не страшила и смерть: о ней
Говорил он, как старший брат:
Смерти только безумец рад,
А нормальный батыр о ней
Вспоминает на склоне дней,
Когда кончены все дела,
Чтобы в гости она пришла.
Никогда не дрожал Сыргак
В самой гуще лихих атак,
Где уж столько лилось крови,
Где такие сражались львы!
Сам как тигр был он ловок, смел;
Сын Жакыпа Сыргак умел
Из воды выходить сухим,
Был, казалось, непобедим
В самых трудных больших боях.
И сейчас он забыл про страх,
С Телкызылом вперёд скача,
На *дуду* налетев, сплеча
Так ударил его копьём –
Семь кольчужных слоёв на слом
Он отправил, пробив насквозь;
Одного опрокинул – «гость»
В неподъёмных доспехах дна
Вмиг достиг, затянув коня.
В кровь Сыргак вновь макнул копьё:
В Чабалая он как в гнильё
Прямо в грудь вогнал остриё,
Вмиг кольчугу пробив, бельё
И *тумар* его колдовской;
С Чандуубоза упал герой,
Что бахвалился свыше мер,
И сподвижникам всем пример
Показал, как обнять в пески
На крутом берегу реки.
Остальные *дуду* к Алма
Повернулись: у них ума
Не хватило идти вперёд,
Чёрной речки водоворот
Отшвырнул от пути, где вброд
Шли *дуду* друг за другом, – ход
Этот прерван Сыргаком был:
С Чабалаем ушёл их пыл,
Вплавь теперь собрались они
Возвращаться в былые дни.

Тут и встретил их Алмамбет.
Задрожали они, в ответ
Наступлению не могли
Даже взгляды поднять с земли,
О мечах же забыли все.
Друг четвёртый их на косе
В тине весь возлегал – он смог
Всё же выползти, иль поток
Не хотел его вдаль нести,
Вот и выплюнул по пути.
Все *дуду* так дрожали – взгляд
Победителей был не рад,
Просто было смешно: под дых
Двое выбили пятерых!
Как обманчив подлунный мир!
Победитель – всегда кумир.
Будь ты царь иль его визир,
Но когда состоишь из дыр,
Ты никто и ничто: любой
Нищий выше тебя – живой.
Чабалая тулуп, что был
Заколдован сверх всяких сил,
Сняли – мёртвому ни к чему,
Охраняет пускай Алму.
Нахлобучив свой *тебетей*,
Чтоб держался он посильней,
Алмамбет, предвкушая бой,
Так Сыргаку сказал: «Герой!
Показал ты отваги высь!
К Карткурёну теперь вернись:
Войско следом идёт сюда,
Много тысяч бойцов – беда!
Здесь я их задержу, а ты
Хоть и спешно, без суеты,
Отступай, чтоб уйти вдвоём,
Когда всё завершу, потом.
Будешь нужен – подам я весть.
План один многосложный есть.
Лисья хитрость и наша честь
Победят, коль я буду здесь».

В путь Сыргака отправив, сам
Стал молиться он небесам:

Слишком сложным казался план,
Но другой ему был не дан,
Весь расчёт, что противник глуп.
Из колдуньи-лисы тулуп
Алмамбет натянул, посыл
Дал тулупу, чтоб походил
На Конура парадный *тон*,
Чтобы внешность Алмы притом
Поменялась – чтоб голос, лик
Были словно к войскам *калмак*
Сам спешил обратиться – весь
Убедителен: каждый жест,
Голос, взгляд и походка чтоб
Повторили его без проб.
Посмотрел на себя, взглянул,
Удивился и застегнул
Он на пуговицы мундир:
Показалось, что кашемир
Облегает так мягко стан…
Ну, тулупчик! – каков обман:
Конурбай …и его мечи;
Конь под ним стал черней ночи,
Хвост расчёсан и в гриве шёлк
Развевается… Просто шок:
Сарала Алгарою стал,
На спине у него как лал
Пламенеет ковровый плед, –
Всё обследовал Алмамбет.
Позу важную принял он:
Хан Кечила, что шёл вдогон
Чабалаю, уже вдали
Показался из-за пыли.
Из убежища Алмамбет
Конурбаем явился: свет
В спину бил ему, на закат
День клонился уже, и взгляд
Видел царственный силуэт
Человека, что здесь и нет.
В потрясении Алмамбет
Счесть людей попытался – нет
Столько цифр в людском уме,
Показалось на миг Алме:
Словно множество пауков
Копошилось среди холмов,
Муравьями тропой войска
Протянулись через луга,
И, казалось, на берега
Живность выплеснула река, –
Копошилось, шумело всё,
Как огромное колесо
Прямо в небо людской поток,
На земле не вмещаясь, тёк.
Всюду разный звучал язык:
Там о чём-то кричал *калмак*,
Там – китаец, а там – *дуду*.
Чтоб накинуть на всех узду –
Надо быть колдуном, волхвом, –
Вот подумал Алма о чём.
Но, однако, решился: он
Вспомнив все языки племён,
Повторил свой приказ: не раз,
Трижды – будто бы про запас.
Хан Кечила, донельзя рад
За себя и своих солдат,
Принял сердцем такой расклад,
Повторяя приказ стократ:
«Возвращаемся все назад!
Опозорился супостат –
Сам покинул китайский край;
Дал свободу нам Конурбай!»

Пока радостный шум в войсках
Изгоняет недавний страх,
По просторному Солонду
Вихрь, настоянный на меду,
В спины дует войскам, пока
С тихим шелестом берега
Расправляют камыш, река,
Успокоенная слегка,
Снова ритм задаёт волнам, –
Всё оставим мы так; ведь нам
Интересней узнать о том,
Как свой край, свой родимый дом
Алмамбет для Сыргака смог
Распахнуть как судьбы исток,
Тайны, вышел которым срок,
Все раскрыть, подвести итог –
Как на струи разъять поток.
Что ж, усвоим и мы урок.

ЗНАКОМСТВО СЫРГАКА С РОДИНОЙ АЛМАМБЕТА

Э… э… э… эй!
Снова скачут богатыри
Вместе, гордые, как цари,
Распирает их изнутри
Смех, растущий, как свет зари:
Слово за слово – смеха взрыв
Валит камни с горы в обрыв,
Даже бороды и усы
Все трясутся… Ведь из лисы
Ловко выручил их тулуп:
То ли враг был настолько глуп,
То ли вправду волшбу лисы
Воспринáли за правду псы, –
Многотысячных войск поход,
Прерван был, и назад народ
Вновь потопал в Бейджин: приказ
Лже-Конура кыргызов спас.
Просмеялись сполна, потом
Чабалая трофейный *тон*
Дал Сыргаку Алма надеть
Сверх доспехов своих; медведь,
А не тигр, теперь скакал
Среди горных хребтов и скал.
Был находчив Алма, и он
Этот жест с четырёх сторон
Для Сыргака обосновал:
«Нам не надо, чтоб узнавал
Нас любой на пути осёл;
Вон из мест, где полно озёр,
Свой оставив родной Кокчол
Нас искать, говорят, пошёл
Эламан, – коль он встретит нас,
То не нужно кричать «Манас»,
Сразу видно: кыргызы мы,
Наши бороды – две кошмы,
До земли отросли усы;
Отстрижём их, – не до красы!»
Уговаривал эдак, так…
Согласился с Алмой Сыргак.
Но когда Алмамбет состриг
Всю красу его – поднял крик,
Глядя в зеркало *Шаарба,*

В первый миг не узнав себя;
Да к тому же ещё Алма,
В раж вошедший уже весьма,
Чабалаевский *тебетей*
Без загибов и без полей,
Нахлобучил ему на лоб,
Приговаривая, – мол, чтоб
Соответствовал ты, Сыргак,
Местным людям, что ходят так.

Лев Сыргак, разглядев в *Шаарба*
В той шапчонке *кули*-раба,
Разозлился уже всерьёз:
Шапку даже не сбросил – снёс,
Удержавшись с трудом от слёз,
И ругаться начал вразнос:
«Шапкой чертовой портить вид –
Как кретин или как бандит,
Я не буду! И без обид,
Алаке, я и так – побрит!
Где усы мои, борода?
Человеком пришёл сюда
Я, а нынче какой-то гад!
Что нам скажут, когда назад
В лагерь наш мы вернёмся? Чёрт!
Ты хоть это, Алман, учёл?
У кыргызов язык остёр.
О, пылает во мне костёр,
Как представлю, какую блажь
Нам припишет народец наш!
Скажут: мы, мол, от всяких бед
Расцвели, словно маков цвет,
Стали парой, сошлись в букет.
Что ответишь ты, Алмамбет?!»

Алмамбет хохотал до слёз,
Но ответил: «Когда б пришлось
Ради наших людей надеть
Бабье платье, чтоб только смерть
Обмануть, отвести от них, –
Кто бы высмеял нас двоих?
Пусть бы семьдесят с лишним раз
Облик мы поменяли – спас
Если б этот смешной заход
Остроумный родной народ –
Он не стал бы шальной язык
Распускать, хоть острить привык.
Будем бороды брить, коней
Мы накроем – как у людей,
Что живут здесь, накрыт любой
Скот, который ведут с собой.
Слиться с местными мы должны.
И ещё: когда мы одни,
Можно нам говорить с тобой,
Но при встречных ты как немой,
Как глухой поведи себя,
Мол, с рождения так судьба
Изуродовала тебя;
Бог испытывает – любя.
Коль не будем хитрить мы – что ж:
Всей разведки цена – лишь грош,
Мало ценного так найдёшь,
Что и сыщешь – то не поймёшь.
Как к Манасу придём тогда? –
Вот усы, мол, и борода –
Всё при нас, но одна беда:
Не узнали мы ни черта!»
До Сыргака дошло: Алма
Не для смеха, а от ума
Всё задумал, и оба льва,
Так сказать, спустя рукава
Нарядившись по моде мест,
Подавив своих душ протест,
В путь пошли, как в нелёгкий бой,
Карткурёна ведя с собой.
Чтоб в долину сойти с холма
Серпантином дорога шла:
По прямой коль идти, увы,
По росистой кошме травы
Словно с облака рухнешь вниз,
Как в башку недоумка – мысль
Залетишь в городской квартал,
Сквозь ворота пробив портал.
Не спеша Алмамбет шагал,
Вслед тропе обходил увал,
Повторяя зигзаг пути,
Чтобы целыми им дойти.
Пали сумерки уж, звезда
Загорелась вверху, когда
До пещеры зашли в тиши:

Тёмной массою камыши
Лесом встали, и ни души
Нет в округе – хоть обыщи.

Тайну знал Алмамбет одну.
Он Сыргаку шепнул: «А ну,
Испытаем – дано ль судьбой
Вместе путь нам продолжить свой?
Вниз спускайся! Я за тобой.
Там расстанемся: ты постой
Здесь – умерь нетерпенье, гнев,
Жди, пока я вернусь, мой лев.
Кое-что объясню теперь:
Тайный выход здесь есть и дверь,
Что ведёт во дворец; давно
Было это заведено:
Чёрный ход для побега – вдруг
Заговорщиков подлый круг
В главный зал ворвались бы – как
Хан спасётся? Один мастак,
Нечестивец, Китая враг, –
Был потом он объявлен так, –
Взял, придумал кратчайший ход,
Что сюда, в камыши, ведёт
За предел городских ворот,
Куда даже простой народ
Не суётся от века; вход,
Что в покои дворца ведёт,
Охраняют богатыри, –
На запущенность не смотри:
Только сунешься в дверь, внутри
От зари там и до зари
Тигр и лев свой дозор несут,
И, поверь, это скорый суд:
Не успеешь и пикнуть, враз
Новым трупом завалят лаз.
Если кто одолеет их –
Стражей-богатырей двоих,
Тигра, льва, – и прорвётся он,
То навстречу герою слон
Полный ярости выйдет встречь,
Что ему и копьё, и меч?!
И ещё одна тайна есть,
Колдовская немного, здесь:
Охраняющий этот вход
Злобный шёпот и мысли ход
Может слышать, а дерзкий тот,
Кто забраться рискнул в проход,
С ним всё прямо наоборот:
Как себя ни вгоняет в пот,
Чтоб услышать, что там, внутри, –
Нет ни шороха, хоть умри;
И на помощь звать изнутри –
Бесполезно, хоть как ори.
В общем, жди. Да, ещё прошу:
Если страшный услышишь шум –
Стисни зубы, молчи и стой,
Всё терпенье яви, герой.
Там лишь дверь открываешь, здесь
Словно ружья грохочут – месть
Тем сообщникам, что могли
Ждать снаружи как патрули;
Да и всякая может чудь
Вдруг привидеться… Не забудь:
Всё – иллюзии и обман,
Колдовство и сплошной дурман,
Даже мысли, что мёртв Алман –
Чушь! От страха ты будешь пьян.
От испуга излечит смех.
Полы верхних одёжек вверх
Подниму я, укутав *баш*[1019],
Да ладонями стисну – блажь
Чтоб не лезла мне в ум в тот миг,
Когда я б во дворец проник.
Если я проберусь в Сарай,
Изнутри осмотрю весь край –
Входы, выходы, – Конурбай
Сдохнет нынче, ты так и знай!
Крепче ненависть, чем любовь!
Горло взрежу ему и кровь
Выпью, право, я как вампир;
От соратников-ханов мир,
Что подвластны ему душой,
Я очищу – людской покой

[1019] Баш – 1. голова; 2, верхняя часть чего-л., головка, верхушка, вершина; 3. колос; 4. человек; душа; 5. изголовье; 6. начало; 7. конец, кончик; 8. глава, начальник, предводитель, старший; 9. главный.

Оправдает меня; и трон
Превращу в толокно; в полон
Не возьму ни людей, ни власть:
Не хочу я так низко пасть!
Жди меня, пока день пройдёт.
До восхода коль не придёт
Твой напившийся крови брат,
Уходи, мой Сыргак, назад:
Поспеши – ты ведь помнишь путь.
Не забудь меня помянуть».

На прощание Алмамбет
Стиснул руку ему и вслед
Приобнял и, собрав подол,
В темноту словно тень ушёл.
Так остался Сыргак один.
Вышли звёзды, и господин –
Острый месяц – пошёл в обход
Свой осматривать небосвод.
Алмамбет до дверей, видать,
Добежал, и как будто рать
Разом выстрелила – такой
Громкий звук разорвал покой
Захолустного уголка:
Грохот ружей не смолк пока,
Сквозь него и звериный рык
Очень злобного льва возник, –
От такого любой бы сник
Иль штаны намочил… Язык
Страх не сможет назвать такой,
Что владеет людьми порой,
Когда вдруг поражён им слух,
Взгляд и мысли и даже дух,
Если видишь – летит дракон
И нацелен на ужин он,
Ну, а ужин, конечно, ты.
От немыслимой маяты
Сердце так трепетало в нём,
Словно был Сыргак окружён
Целым полчищем монстров, – он
До рассвета забыв про сон,
Сам с собою боролся, чтоб
Победить себя: свой озноб,
Дрожь, стремление смыться в свет.
Мысль спасала лишь: «Алмамбет!»

Избежав всевозможных бед,
Смог в Сарай зайти Алмамбет,
В сотнях комнат он как хотел
Входы-выходы осмотрел;
И, вернувшись к Сыргаку, так
Он сказал: «Дорогой Сыргак,
Все из ханских покоев мной
Так осмотрены, что «покой» –
По-другому я звал бы; но
Отыскать нам не суждено
Где расчётливый чересчур
Подлый Алооке Конур
Прячет тельце своё, боясь.
С тайным входом, наверно, связь
Он держал, и сбежал, пока
Монстрам-стражам я мял бока.
Наступал уж рассвет, когда
Я осмотр завершил… Беда,
В ясли я не успел зайти –
Они были не по пути;
Держат мулов там и ослов;
Может, там, между их хвостов,
Маскируясь под серость шкур,
И сидит Алооке Конур?
Зря туда я не смог дойти!
Конурбая всегда найти
Было трудно – никто не знал
В нужный миг, где он, гад лежал!
О, Сыргак мой, не хватит слов,
О делах Конурбая вновь
Рассказать… Путь свободен наш,
Двинем вместе? Сыргак, уважь!»

Пробрались через чёрный ход
Во дворец, где сбежал народ.
В сад решили сходить, к яслям,
Никого не нашли и там.
Сад Алме этот был знаком.
Не слезая с коня, верхом,
Тополёк вдруг обнял Алма
И заплакал… Сойти с ума! –
Этот воин, что столько жертв
Отдал богу, – обнявши жердь,
Слёзы лил как ребёнок вдруг.

Тополя, что росли вокруг,
В детстве сам он сажал – межа
Проходила здесь… Весь дрожа,
Объяснил Алмамбет: «Сажал
Здесь я прутья, и так решал:
Прирастёт, значит будет, нет –
То засохнет… И вот привет
Мне из прошлого: целый сад.
Я вернулся к себе назад,
Но себя почему-то жаль.
Здесь стояли дома – как сталь,
Даже крепче железа… Где
Ныне эти дома? Везде
Дух хозяина не того.
Не отыщешь и моего
Детства, где голышом порой
Утешал я себя игрой,
Стрижен коротко был, ушат,
И, наверно, смешон на взгляд
Тем, что каждому мигу рад!
Солнцем весь был пронизан сад,
Где лежал я в густой траве
И букашку на рукаве
Так разглядывал я, боясь,
Не сгубить чтоб с природой связь:
Не вредить и букашке чтоб, –
Это я-то, сегодня в лоб
Убивающий кулаком
Тех, с кем некогда был знаком,
В этом мире проклятом кровь
Проливающий вновь и вновь!»

Помолчал Алмамбет, с тоской
Огляделся вокруг, рукой
Словно стёр паутину с глаз
И продолжил опять рассказ:
«Думал здесь я, что белый свет:
Это только Бейджин, и нет
В мире кроме китайцев, нас,
Инородных народных масс.
Здесь, вдоль речки, гонял стрекоз;
Здесь впервые за сеткой кос
Я увидел *дуду* Турну,
И с тех по лишь её одну
Видел в детских сумбурных снах;
Здесь взрослел я, и здесь аллах
Кровь позволил пролить с Турной,
Втайне сделать её женой.
Впрочем, этой хмельной весной
В самом первом бою со мной
Иноверец погиб… скулил,
Пока я его не добил.
Так прорезался Алмамбет.
До сих пор через столько лет
Вижу красный его жилет,
Кожу синюю сандалет,
Шёлк штанов его и…стилет:
Прямо в горле его, в ответ
Обещаниям выдать всем,
Что в саду я развёл гарем!
Так ославить Турну? – беда.
Зверь проснулся во мне тогда
И с тех пор он во мне живёт.
То, что скажет о нас народ –
Вот, что главное в жизни, – рот,
Извергающий грязь острот.
В этом мире проклятом так
Всё задумано, лев Сыргак:
Без народной молвы никак
И героем не станешь – мрак
Покрывает забвеньем всех,
Даже тех, кто познал успех,
Но смолчала молва, – увы.
Нет народа без головы,
Головы без народа – нет.
Скажешь, мудрствует Алмамбет,
Но, поверь, никаких свобод
Не познаешь ты, коль народ
Бесноватый вокруг живёт;
Но правитель несчастен тот,
Кого бросил родной народ,
Хоть служил он ему, как мог,
Но не умер в какой-то срок,
Что народ отпустил главе;
Может имя его в молве
Так запачкаться, что вовек
Не отмоется человек.
Кто с народом един – силён.
Без народа унижён он:
Был правителем – стал никем,

Пожирает живого тлен;
Сколько б он ни служил, Сыргак,
Не вернуть ему честь никак».

Замолчал Алмамбет, – тряслось
Тело всё его, и не злость,
А рыданья душили так,
Что испуганный лев Сыргак
Суетился, но чем помочь
Не придумал, и превозмочь
Приступ горя решил одним:
Страсть рассеять беседой в дым,
На расспросы переключить
Разговора тугую нить
Самому её крепче взять;
Тут же начал: «А рассказать
О дворце этом можешь мне?
Дверь златая вся как в огне,
Жердь-подпорка из серебра.
Сколько всякого здесь добра!
Драгоценные камни! – гость
Тароватый спокойно в горсть
Может взять да упрятать в трость;
Трон златой! Всего царства ось.
Лет на сорок под дождь забрось
Это всё – и ни жердь, ни гвоздь
Ржа не съест, и такой же лоск
На вещах этих будет, – воск
Не понадобится для них;
Шёлк на стенах – как будто вихрь
Лёгкой кистью своей витой
Стен коснулся, и шёлк златой
Стал картинами, в каждой – знак;
Вот на этой, смотри, – *калмак*
Ноги в «лотос» скрестил, сидит,
И скакун перед ним стоит:
Чей? – в подковах он золотых,
Гвозди-звёздочки вбиты в них –
Неподдельное серебро!
Сзади – дом; а вокруг *чоро*,
Или кто там? – десятков шесть
Там *калмаков*: боятся сесть,
Руки прямо сложив, стоят,
Камни «*жынза*» на них горят,
Попугаев перо в косе,
В тюбетейках расшитых все,
С бубенцами – во всей красе! –
Словно маки стоят в овсе:
Чай, монахи они тому,
У кого собрались в дому,
Ждут чего-то, а он сидит;
Он, наверно, мулла – на вид
Показалось, однако, мне.
На другой, посмотри, стене –
Слепит светом алмазным взор
Бирюзовая гладь озёр;
На подходах к Бейджину, здесь
Я заметил: озёра есть
С изумрудной травой вокруг:
Есть овалы, а есть и круг;
Расскажи мне о них, мой друг;
О пустыне, что столько мук
Доставляет дехканам, – тем,
Кому даже поесть совсем
Не приходится днями; вкус
Знает голода тот, кто чувств
И умения сострадать
Умудрился не потерять.
Я пустыни заметил край,
Перевал, что совсем не рай
Для измученных ходоков.
Расскажи, Алмамбет, каков
Край, в котором ты вырос? Где
Люд, что бросил тебя в беде?
Где твой враг Эсенхан? Конур?
Где войска их? Какой авгур
Нашептал им убраться прочь?
И в какую по счёту ночь
Вдруг смертельный *эниш*[1020] они
В виде каверзной западни
Нам навяжут с тобой, устав
В камышах да в объятьях трав
Ждать момента убить двоих,
Что покой возмутили их?
Алаке, поскорей очнись!
Оросил ты и твердь, и высь,
Что за польза от слёз? Встряхнись
И направь в наше завтра мысль.

[1020] Эниш – конно-спортивное состязание, где всадники сталкивают друг друга с седла.

Что о прошлом скорбеть? Оно
С мраком смерти лишь заодно.
Вспомни, как на земле Кенкол
На джайлоо Сарыталаа стол
Нам накрыли, и мы в тот день
Лишь дождавшись, покуда тень
Вместе с нами устанет есть,
Клятву – богу святую весть –
Захотели вдвоём принесть.
Прикусили мы пулю, хан,
На двоих разломили *нан*,
И друг друга клялись беречь
В мир, и в мор, и в любую сечь.
Не ведёшь ты о клятве речь,
Собираясь в могилу лечь
В эту землю, её хваля.
Разве хуже моя земля?
Алаке, твои тайны здесь
Пусть имеют немалый вес,
Но у нас, как в моей душе,
Схоронились навек уже!»

Алмамбет, что стоял едва,
Вник с тревогою в те слова:
Тайна вечно в миру жива,
Разнесёт её вдаль молва,
Если знают хотя бы два
Человека о ней снова́.
Из-за пазухи вынул хан
Небольшой, лишь в ладонь, Коран
И, Сыргаку его явив,
Объяснил ему так: «Мотив
Страхов всех твоих ясен мне,
И клянусь – наяву, во сне
Не нарушу я наших клятв,
Но от веры своей назад
Я вовеки не отступлю», –
Подозвал к себе Саралу
И в седло без стремян взлетел:
На верблюда так между дел
Взгромождается тот, кто смел,
Кто его приручить успел.
Сел – и словно бы врос: скала!
Заплясал под ним Сарала,
Начал грызть как зверь удила –

Раз копьё взял седок – дела
Ждут их скоро: поход иль сечь;
Алмамбет же продолжил речь:
«Богатырь, ты меня просил
О Китае по мере сил
Чтобы я рассказал тебе.
Прав, Сыргак, ты в своей журьбе,
Заслужил я укор, и впредь
Буду только вперёд смотреть.
А теперь о земле моей.
Если золото всех дверей
Из дворца бы пустить в народ –
Был бы люду всему доход,
Всяк имел бы тугой карман.
Город выстроил Азиз-хан –
Мой отец, падишах краёв,
Где хотим проливать мы кровь.
Да, мой лев, и перед тобой
Алмамбет – его сын родной.
День рожденья венчая мой,
Весь народ ликовал большой,
И под аркою золотой
В холе вырос я, в баловстве,
В обожании, колдовстве.
Чистой меди вот этот столб –
Всей империи символ, столп:
Отдавая народу скот,
Чтоб подарок берёг народ,
То счастливчика наперёд
Охладив у столба плетьми –
Так ведь водится меж людьми? –
Отправляли с конём в полёт.
Знаешь, счастлив ведь был народ!
Бережливого хана сын –
Это я, Алмамбет, – один
Был подарен ему судьбой;
Я согласен вполне с тобой,
Что в веках не истлеет столб,
Арка, шёлк, что великий жлоб
Растянул на стене… Халат
Это мамин был; говорят
Все рисунки его о том,
Что не в тот затесался дом
Этот старец, что в позе будд
Сел молиться; монахи ждут

Окончанья его молитв;
Будет после он жив? Убит?
Шесть десятков монахов – мощь:
В перьях все, в колокольцах… Дрожь
С детства этот расклад во мне
Вызывал; и теперь вдвойне
Донимает меня вопрос:
Что здесь делать мулле? Всерьёз
Лишь задумайся сам: Бейджин,
И мулла среди всех – один…
Он как родственник мой, бедняк,
Влип, наверное, тоже так.
Я ушел в восемнадцать лет.
Он, подросток ещё, ответ
Стал держать и за мой уход,
И за веру, и за народ,
Что в аллаха, как он и я,
Верил, веру свою тая.
Заподозрил отец, что сглаз
Брат по вере мой Эр Кыяз
Напустил на меня, и враз
Парня бедного напоказ
Стали мучать – мол, тот сбежал,
А другой, хоть по летам мал,
Пусть в мученьях умрёт… Народ
Видел, как разорвали рот,
Чтоб молиться не мог, ему,
Как пытали… Я не пойму:
Мало было юнца в тюрьму
Бросить или вручить суму? –
Надо было, чтоб весь народ
Видел: как и под кем живёт.
Наш китайский народ не раз
Так же мучился напоказ,
Убегая порою в свет –
Где нас только, китайцев, нет!
Бакбурчун – грозный предок мой,
Призрак-царь, он своей рукой
Мог казнить; уничтожил он
Не подсчитано сколь племён,
На скитанья обрёл он тех,
Кто в побеге снискал успех.
Древний предок мой Сылаба
Город выстроил, но судьба
Всё разрушила: весь народ
Взбунтовался… Хотя живёт
И сегодня, скажу спеша,
Древний город такой – Тунша.
Алмамбета наследство всё –
Заведённое колесо
Казней, бунтов, таких смертей:
В каждой пляшут по сто чертей.
Есть и город такой – Манман,
Что с землею в наследство дан;
На базаре судачат: Ван –
Чудо-озеро плещет там,
Может, правда, а, может, ложь:
С Алмамбаша, мол, не пробьёшь
Ширину его – берег тот,
Дальний, виден едва: полёт
Шестикратный камней с пращи,
Только каждый – поди, ищи;
Если вглядываться – из глаз
Слёз кровавых уйдёт запас.
Если б мог я наследство взять,
В сотни тысяч войска собрать
Мог в момент бы твой брат Алма;
Злато, трон, да и власть сама –
Всё могло быть в моих руках
И полмира – в моих ногах;
По земле бы не шёл – ковры
Постилали бы, и дары
Нёс бы всяк, кто увидеть лишь
Издалёка желал… Бакшиш
С власти эдакой – целый мир.
Людям нужен всегда кумир,
Пусть какой бы он был тиран.
Представляешь, Сыргак: Алман
Мог дорогу на десять дней,
Проплывать на руках людей,
Что бежали бы на износ
И гордился бы каждый: нёс
Я правителя на плечах,
За день путь пробежал!.. За страх
Люди служат, давясь в дверях,
Рассыпаясь до срока в прах.
Мог бы… Впрочем, а я и мог!
Я по улицам словно бог
Шёл со скоростью камня, птиц.
Из ко мне обращённых лиц

Видел только восторг, спеша.
Вся земля, где наш род Тунша
Богател, целых шесть колен
К власти шёл напролом, и тлен
Этот царственный – нынче плен
Для души моей, что с колен
Пожелала свободной встать.
Ведь рождён я для власти. Мать
Кровь с моей пуповины здесь
Обронила, рожденья весть
Всколыхнула наш древний род:
Семь властителей и народ
Призывали меня служить
Только трону… Так жить – не жить,
Понял с детства я, и сейчас
Здесь рыдаю, не смея глаз
Я поднять ни на старый сад,
Ни на стены дворца – лежат
Здесь руины надежд – моих
И всех предков; их голос тих
Так, как тих, убивая, яд;
Не один уничтожен брат
Мой, пока я спешил назад.
Воля божья на всё, что есть.
Меж *алашей* живу, как весть
О своей стороне чужой.
Ямой стал сад цветущий мой.
Обернулся мой мир бедой:
Все, кто мог бы пойти за мной –
Уничтожены; враг зато
Так возвышен теперь – никто
Не оспаривает глупцов,
Что по воле ворюг-отцов
Стали первыми: самодур
Мурадил и подлец Конур –
Две напыщенные свиньи
Полномочия все мои
Подгребли под себя, смеясь;
Долговечнее злата грязь.
А ещё долговечней – дурь!
Помнишь озера ты лазурь,
Меднокрылой той утки дом,
Где устроили мы погром?
А пустыню, что мы прошли
По пути на Бейджин? В пыли
Там искали лису, нашли,

А потом на хребет взошли
За архаром на перевал?
Есть меж гор там большой увал,
Там живущий народ не стал
Под учение мусульман
Быт укладывать свой и дух;
Про меня, Алмамбета, слух
Ходит там очень скверный, – что ж,
Миром правит не правда – ложь.
Никого из них не сужу.
Обделённый судьбой, брожу.
Был бы вместе с народом я,
Здесь была бы моя семья,
Разве стал бы я с Чубаком,
Что порой, словно в горле ком,
Мне бахвальством претит своим,
Стал глотать бы нездешний дым –
Не отечества дым, чужой?..
Впрочем, что это вдруг со мной?
Богатырь, нас ведь ждут дела!
Разговоры сожгут дотла
Время, души и наш настрой
На грядущий нелёгкий бой.
Так отправимся в путь с тобой
И поспорим ещё с судьбой!»

Алмамбет и Сыргак верхом
В путь отправились, что знаком
Был им – каждый обратный путь
Норовит в колею замкнуть.
Скакуны, застоявшись, вскачь
Так и ринулись: горький плач
Алмамбета их вверг в печаль
И теперь, устремившись вдаль,
Убегали они от слёз,
От печалей, что им на хвост
Как репей норовили сесть.
Бег сдержав на одном из мест,
Оземь вдруг копьё Алмамбет
Так вонзил, как врагу в ответ,
И поведал ещё секрет:
«Убежав в восемнадцать лет
Из Бейджина, я всё учёл:

Свою мать я с собой увёл,
Вместе с ней её верных слуг –
Тех, кого не сковал испуг,
Кой-какое её добро,
Сорок верных своих *чоро*;
Но осталось со мной… зеро:
Сдал нас Алооке Канторо:
Всё пронюхал он и чуть свет
Растрезвонил, что Алмамбет
Покидает дворец навек;
Войско в тысячи человек –
Что там тысячи! – как песка
Набежало вояк; войска
Окружили нас… Дальше – боль,
Кровь, сиротство… моя юдоль.
Иноверец был Буданчан,
Кто единственный не смолчал
О нашествии войск – урон
Мой озвучил он; Кырккурон –
Его конь – преградил мне путь,
Я спешил, Буданчана в грудь
Попытался я оттолкнуть,
Через миг его вести суть
Так сразила – я стал седым;
Трубку я с чубуком златым
Изо рта обронил – вот здесь,
В этом месте… Сыргак, доднесь,
Чую, трубка лежит в земле,
Словно в вечном, как мир, чехле.
Не достанешь её мне, друг?
Пусть рассказ завершит свой круг».

Был Сыргак удивлён слегка.
Но когда под травой рука
Вдруг нащупала трубку, он
Был воистину поражён.
Повертел он находку – грязь
Покрывала её, и вязь
Царских символов сквозь натёк
Богатырь разглядеть не мог;
Видно, лошадь копытом в грунт
Эту трубку вдавила: шпунт
Острый надобен был бы, чтоб
Разглядеть эту трубку в лоб.
Алмамбету Сыргак как есть
Протянул эту трубку, честь
Оказал ему тем, чтоб друг
Взял её из обеих рук.
Алмамбет же, смеясь, вернул
Ему трубку и вслед ввернул:
«Не спеши, это твой трофей!
Отряхни-ка её сильней!»
Тут уж ржавчину, грязь, налёт
Стал Сыргак вытирать, и вот
Злато вспыхнуло, царский знак
Виден стал, и тогда Сыргак
Онемел и подумал так:
«Хан! – и только великий хан!
Говорили, – мол, *бек* он, стан
Потерявший, и *бек* ли он?
В мышку так превратился слон.
Вправду – хан он! Я потрясён.
Не солгал ни крупицы он:
Вещь для многих могла племён
Стать реликвией всех времён,
Эта трубка могла б царю
Сделать честь; он сказал – дарю.
Шесть десятков *жамбы*[1021] небось
Стоит штука такая», – злость
На молву и на болтунов
Вмиг лишила Сыргака слов.

Молча ехали дальше. Путь
Поднимался, и бивший в грудь
Ветер всё холоднее был.
Тёплый *тон*, словно пара крыл
Развевались за каждым; плыл
Влажный липкий туман – как ил
Оседал на щеках, бровях.
Алмамбет пояснил: «В горах
Это норма, что днем туман,
Ночью ясно; придётся нам
От хребта Кырчындуу идти
Чаще ночью, чтоб часть пути
Были зрячими мы хотя б;
Сарала мой и то ослаб

[1021] Жамбы – слитки серебра различной формы и различного веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег.

От дороги такой, а впредь
Нам придётся ещё терпеть
Дождь и ветер, и снежный шквал.
Я тут облако привязал
К нам волшбою – под ним теплей,
Под прикрытьем ещё коней
Заберём у Конура – тут
Его слуги табун пасут».
По велению или нет –
Часто шутит ведь Алмамбет, –
Только туча, обняв дождём
Склоны, тут же покрыла льдом
Всё вокруг. Началась зима.
Добивался того Алма,
Иль совпало, но пары лун
Им хватило догнать табун.
Алмамбет рассказал свой план:
«Мы используем вновь туман
Отобьём лошадей косяк,
Пусть в погоню пойдёт чужак.
Если надо, устроим бой,
Местность вызнали мы с тобой,
Все подвохи и все пути,
Не догнать нас и не найти».
и добавил: «Запомни, брат,
Что нельзя отступать назад,
Память чётко пускай вберёт:
Узкий брод, каменистый брод, –
Зная старый простой проход,
Алмамбет тебя проведёт.
У Аята вода черна,
Колдовская, видать, она:
Даже хищник не нападёт
На того, кто в воде бредёт.
Всё китайцы изобрели –
Фейерверки, огонь земли.
Эту воду они вели
Из Кесера, чтоб мы смогли
Вот сейчас перебраться вброд
Без опасностей всех… Пройдёт
Или нет наш домашний скот? –
Вот вопрос, – говорит народ:
Кто-то как человек идёт,
Ну а кто-то – наоборот;
Где-то надо попрыгать чуть,
Есть места не для тонких чувств –
Бульк и вздохи, и донный плеск.
А у нас ведь немалый вес!»

Алмамбет был, конечно, прав:
Был у брода коварный нрав:
Ведь река была глубока,
Укреплённые берега
Были скользкими и, увы,
Не росло у воды травы.
Первым брод перешёл Алма,
Потник он промочил весьма,
Но Сыргаку зато ума
Его опыт добавил, – тьма
Завораживала, но он
Не ловил, так сказать, ворон:
Прямо шёл он, не глядя вглубь,
На движенья и вздохи скуп,
Не разжав для вопросов губ;
Ни поклажа и ни тулуп
Не намокли, но сам Сыргак
Так устал, словно он большак
Дня на три проскочил за час.
Вышли к месту, где наймит пас
Конурбаевы табуны;
Многотысячные, они
Будоражили цветом глаз:
Красно-сизый, гнедой окрас,
Вороной и саврасый… Всех
Перечислить – уже успех.
Все с *калмакским* клеймом, – Кечил
Конурбаевский скот водил;
Заприметил его Алма,
Весь табун оглядев с холма.
Он Сыргаку сказал: «Эх-ма,
Приложить бы чуток ума –
Пригодились бы задарма
Эти лошади нам весьма:
Отвели бы к своим, – зима
Скоро явится к нам сама».
Так беседуя меж собой,
Рассуждая, чтоб сделать бой
Тайной, ведомой лишь троим –
Только стражу да им двоим,
Подобрались поближе; вдруг

Вперерез им ступил на луг
Тундукчу жеребец – Тору,
Что в любую вступал игру
И как правило побеждал;
Не Кечил на нём восседал,
А Катала сын Карагул;
Он, услышав невнятый гул
Осторожных двух голосов,
Изо всех своих сил готов
Был отстаивать лошадей,
Восвояси прогнав гостей.

Алмамбета почти узнав,
Вспомнив сплетни про буйный нрав
Убежавшего из дворца
Коронованного юнца,
Он спросил осторожно вслух:
«Я смотрю, на гнедом как лук
Хвост подвязан так туго; друг,
Ты откуда явился вдруг?
Ты по говору – и *калмак*,
И китаец, но где *кишлак*
Твой с рождения – не пойму;
Чей по сердцу и по уму
Ты? Меня просвети…» – к тому
Взял он крепче копьё; Алму
Не спугнули вопросы, он
Был, конечно, слегка смущён,
Что замечены оба так –
Он и верный его Сыргак;
И ответил туманно: «Мы –
Ищем путь обойти холмы».
Карагул засмеялся: «Вор
Перелезет через забор.
Слышал я, что любой *абжор*[1022]
Не боится высоких гор:
Говорят, что пройдёт кыргыз
Не заметив любую высь;
И ещё говорят: *бурут*[1023]
Должен был появиться тут;
Ну, а с ними и сам Алман.
Может, кто-то из вас и хан?
О, в Чанту говорят: Манас –
Мощь и силу, мол, про запас
Копит, чтобы в какой-то час
Разметать, маломощных, нас;
Мол, все наши богатыри –
Точно мухи иль мизгири
Перед ним; даст посыл «Умри!» –
Лопнут тут же, как пузыри.
Тем не менее, я б хотел
С ним сразиться – насколько смел
Он, хлопковой горы увал,
Мягок, нет ли – я бы узнал;
Я из рода *кытай*, и сам
Жару, право, в бою поддам».

Тут, не выдержав тон, Сыргак,
Загоревшись, ответил так:
«Ты, джигит на гнедом коне!
Коль послушаешь обо мне,
То храбрец Алмамбет вполне
Померещится в вышине;
До тебя если доберусь,
А к тому же и замахнусь,
Ты забудешь о скакуне –
Твой гнедой приглянулся мне.
Если даже Манасу я
Предложу его, не тая,
Как расстался хозяин злой
С другом ласковым, то гнедой,
Может, станет как *акжолтой*[1024],
С нашей сблизившись высотой;
Лев, расставшийся с Аккулой,
Будет, думаю, очень рад».
Алмамбет встал с Сыргаком в ряд,
Приготовившись к бою, но
Карагул отвечал: «Давно
Говорливых таких людей
Не встречал я; смешных идей
Век не слышал таких; коней
Перекрашенных в первый раз
В жизни вижу; и коль Манас,
Защищаемый молодцом

[1022] Абжор – *досл.*: ловкий, пронырливый; под этим названием киргизы известны у калмаков.
[1023] Бурут – под этим названием киргизы известны у калмаков; сами себя киргизы так называют только тогда, когда речь ведут от лица калмаков; так же, как и «абжор».
[1024] Акжолтой – талисман или даже живое существо, приносящее удачу, счастье.

С блёклым, будто он *курт*[1025], лицом,
Столь болтливый, как он, прошу:
Стойте молча, а я решу,
Что мне делать… Прошу, копьё
Не вытаскивайте, – моё
И длинней, и покрепче; мгла
Вас двоих породить смогла
Неожиданно здесь, и лечь
В землю здесь же придётся; сечь
Вам привычна, гляжу, – вон тот,
Разговорчивый, свой живот
Грудь и плечи в броню одел;
Видно, ловок он, очень смел,
Как дракон, разозлившись, дым
Выпускает из глаз… Двоим
Будет трудно мне доказать,
Правоту свою и связать
До прихода Конура – он
Обещал, что со всех сторон
Будет помощь, поддержка мне,
Коль понадобится, извне.
Сроки смерти своей народ
Даже зная не признаёт.
Разговорчивый! Ведь не тот,
За кого себя выдаёт
Молчаливый твой спутник… Он
Из каких-то других времён
Появился: как будто слон
Этот рыжий косматый конь,
И хозяин, и конь равны,
И друг другу, гляжу, сродни –
Так похожи; наверно, дни
Пребывают вдвоём они.
Твой товарищ и сорок дней
Может, видно, скакать: сильней
Он тебя, его суть видна
И его выдаёт она:
На душе у него вина
И, наверное, не одна.
Столько тайны сокрыто в нём!
Как давно опустевший дом,
Почерневший в степи глухой, –
Так мне видится спутник твой:
Он поболе, чем ты, в броне.
Подскажи его имя мне!»
Алмамбет разозлился: «Ты
Кто такой, чтоб мои черты
Обсуждать, будто я уж мёртв?!
Это очень нечестный ход.
Видел много таких я: мёд
На устах, ну а в сердце – лёд,
Или даже змеиный яд;
Ты китаец: вот весь расклад.
Богом проклятый твой Бейджин
Вот таких лишь родит: един
Ты с хозяином, словно пёс;
Как тебя принимать всерьёз?
Кто меня разозлит, того
В землю просто забью всего,
Словно кол или даже гвоздь.
И копьё моё словно гость
Прямо в сердце твоё войдёт,
Твою суть, может быть, найдёт, –
Кровью смоченное, оно
Сыщет истину заодно».

Карагул усмехнулся: «Что ж,
Понял я, на кого похож
Спутник ловкого болтуна:
Албарсты[1026] – ипостась одна
У тебя, а вторая – тот
Кто себя впереди идёт.
Приближаться не надо! Я
Чую: будто ползёт змея
Мне за пазуху словно, лишь
Ты о чём-то заговоришь.
Будь ты родственником, и то
Я тебя бы в своё гнездо
Не впустил бы и на аршин.
Шесть десятков ворот Бейджин
На запоре готов держать,
Чтоб приблудный какой-то тать
Не проник в его стены, *кун*[1027]
Твой неясен… Царь Бакбурчун

[1025] Курт – червь, червяк.

[1026] Албарсты – демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего человека).

[1027] Кун – цена, стоимость.

В своё время предостерёг,
Что настанёт однажды срок
И к воротам в пыли дорог
Вместе с войском нагрянет рок.
Не с тобой ли придут войска?
Отчего-то взошла тоска
Прямо в сердце: как будто смерть
Вдруг коснулась его… Ответь:
Кто ты, странник? Отдам коня,
Коль ответом взбодришь меня.
На земле ты не сыщешь мест,
Где бы я не бродил окрест;
Нет скотины, чтоб я в присест
Не узнал бы – на цвет, на вес,
Чья и в чей приземлилась двор,
Кто хозяин её, кто – вор.
Здесь рождён я и вырос здесь.
Горы, долы, равнины – весть
Подают обо всем всегда
Мне – я знаю, о чём вода
Прожурчала, и как козёл –
Горный, тот, с кем по жизни шёл
Я с младенчества наравне, –
Как погиб он, известно мне.
Тот, кто с духами вместе рос,
Выбирает коня всерьёз:
Этот мой, так сказать, гнедой –
Легче тени порой ночной,
Будет твёрже скалы стоять,
Если надо его седлать –
Хоть шесть месяцев простоит,
Голова его не болит,
Хоть ударь его, коль не жаль;
Голень задняя – словно сталь,
Ноги – медь, и летящий гусь
Не догонит его, боюсь;
Волос тоже его не прост –
Заколдованы грива, хвост,
И глаза-то яснее звёзд,
И такой богатырский рост –
Он высоких, мой конь, кровей:
Нет в Бейджине таких коней!»

Взвесив всё, Алмамбет сказал:
«Да, событий высок накал.
Что Манас появился здесь,
Из Чанту Эсенкану весть
Донесли всё по чести честь,
(Коль она у Эсена есть), –
Он Макила призвал; Макил
Что про честь и слыхал – забыл;
Но про славу Манаса *бек*
Разъяснил ему всё навек;
Лишь услышал Макил о том,
Сам трофеев набрал – притом,
И Чанту, и Эсен ему
Оплатили всё по уму;
Но, однако, как жадный зять
Он решил за услугу взять
Всё, что видит в своём пути.
Я не мог его обойти!
Шёл, как он, я и на беду
Скакуна вёл на поводу.
Я к нему не растил вражду,
Но искал великан еду
И сожрал бы нас на ходу,
Но не вник я в его нужду:
Не его был, наверно, день:
Он навек удалился в тень.
Ну а я же подумал: вдруг
Встретит нас вот такой же «друг»,
И не лучше ль пустить на луг,
К табунам, что кишат вокруг,
Мою бурую лошадь – ту,
Что с собой на запас веду?» –
Алмамбет так сказал: узду,
Мол, держу – разрешенья жду.

Карагул усмехнулся: «Что ж,
Во спасенье святая ложь!
Думал – ты ли, не ты? – похож:
Ведь надменнее нет вельмож.
Изогнувшись, как лук тугой,
На коне ты сидишь дугой.
Как тебя не узнать? – другой
Мог бы спесью обдать такой?
Как играет с людьми судьба!
Ты – потомок, внук Сылаба,
Сорандика строптивый сын,
Наш несбывшийся властелин:

Ты, поссорившись вдруг с отцом,
Кровь пролил и, в конце концов,
Сам исчез на года… Куда?
И вернуться посмел сюда
Ты, отрекшийся от отца,
Измениться ты смог с лица,
Но глаза-то черны твои,
Как у юного Сошаи,
Взгляд тяжёлый, как у змеи,
И замашки, и нрав – семьи,
Что привыкла повелевать.
Ты теперь для отчизны – тать.
Ложь я вижу твою насквозь.
Тот, что рядом с тобою, гость,
Хоть и чёрный надел *калпак,*
Узнаваем: батыр Сыргак,
Жакыпхана второй сынок.
Он в Аранике так помог
Сивогривому – свой успех
Он Манасу отдал; не грех,
Я скажу, помогать своим;
Громкой славы и звон, и дым
Он стяжал как головорез
И, как ты, он изрядный бес!»

Развернувшись вмиг Карагул
Буудана ударил – гул
От удара пошёл окрест,
Пыль поднялась, и сам как бес
Нечестивец пустился в бег –
Несговорчивый человек.
Алмамбет поскакал вдогон
И, догнав иноверца, он
Размахнулся и на ходу
В зад копье Мокубалдуу
Так вонзил, что решил – конец:
Улетит гнедой жеребец
С мёртвым телом; однако, нет:
Ведь не знал о том Алмамбет,
Что прикрыт Карагул сумой –
Тот возил её так с собой,
Приторочивши за седлом,
Под завязку набив песком,
Что хоть стрелы и хоть копьё,
Попадая сперва в тряпьё,
Пробивали суму, песок
Только сеяли в пыль дорог.
И когда от погони той
Карагул, да и конь гнедой
Подустали – кинжал седок
Взял и весь распорол мешок,
С шумом оземь потёк песок,
Груз уменьшив, и всадник смог
Тут же свой увеличить ход,
Словно ветер уйти вперёд.
Карагул был пуглив, и он,
Покидая злосчастный склон,
К чёрным водам Ажата мчась,
Всё оглядывался, боясь;
Шёл гнедой на пределе: ввысь
Он взлетал как шальная мысль,
То нырял, как с деревьев рысь,
И поэтому порвались
Вдруг нагрудник, подпруга – страх
Седока предрекает крах:
Карагул сиганул впотьмах
Прямо в воду на всех парах.
Поглотила его вода.
А Гнедой поскакал туда,
Где над полем зажглась звезда,
Где паслись облаков стада.
Алмамбет повернул назад,
Чуть досадуя, что захват
Не удался на этот раз:
Карагула всевышний спас.
Издалёка заметил он:
Не в себе его Карткурён:
Оба уха стоят торчком, –
Рядом кто-то, кто незнаком,
Кто забрать его хочет в плен?!
Точно! – видит, что Алакен,
Конурбая скакун, к нему
Подбирается… Тут Алму
Аж подбросило; он скорей,
Затерявшись меж лошадей,
Карткурёна позвал, и тот
Крик издав, что уже идёт,
Сам себя по бокам хвостом
Так огрел, что скакнул потом
Словно молния, с лошадьми

Вмиг смешавшись, – поди, возьми.

К тому времени Конурбай
Основательно вжился в край,
Уважительно *акетай*
Его звали и хан, и бай,
И богатство своё он вёз,
Словно сена большой укос:
Девяносто тысяч коней
Груз везли золотых камней –
Крупных, с голову лошадей,
Серебра же – того крупней;
Изумруды – как нос коня,
Что сверкали при свете дня
Сквозь попоны, тюки, мешки
Так, что были глаза узки
У погонщиков – девятьсот
Плюс десятка их три, – восход
Проворонили в блеске том,
Изумрудном и золотом.
Всё богатство Конура здесь.
Ну, а кроме гружёных есть
Тысяч видимо шестьдесят
Скакунов, пастухов- ребят
Где-то около семисот.
Неспроста их Конур в поход
Вдруг отправил, видать, оплот
Пошатнулся: грозит исход.
С резким кличем «Манас» Алма,
В барабан застучал – с холма
Крики тоже в ответ пошли:
То табунщики, встав с земли,
Где отлёживали бока,
Испугались сперва слегка,
Закричали, седлать коней
Тут же бросились поскорей.
Клич «Кангай!» разрастался, – люд
Конурбая боялся: лют
Был *калча* – за своё добро
Камни, золото, серебро, –
Мог любого убить, засечь.
Началась на *джайлоо* сечь:
Бил-колол Алмамбет; Сыргак
Разошёлся в той битве так,
Что названье «головорез»
Обретало всё больший вес.
Эти двое щадили скот,
А людей же – наоборот:
Девятьсот их, а вслед шестьсот,
Проливая и кровь, и пот,
Положили почти за миг.
Алым цветом расцвёл родник.
Из табунщиков ни один
Не прорвался на ширь долин:
Всех добили Сыргак с Алмой
И забрали табун с собой.
От реки отошли когда
И как сахар в чаю звезда
Вся растаяла в небе, так
О прошедшем сказал Сыргак:
«Алаке, мою грусть уйми:
Кто с тобою мы меж людьми?
Девяносто ведь тысяч мы
Лошадей обрели, пойми,
Ни одну не сгубив, хотя
Больше тысячи мы шутя
Положили людей, и как
Миновали мы водный мрак –
Не река, а речища! – но
Перешли её, заодно
Словно посуху лошадей
Переправили – ей-же-ей,
Ни одна не погибла! Друг,
Нет подобных людей вокруг!», –
Он умолк, словно ждал ответ.
Помолчав чуть-чуть, Алмамбет
Всё, что было в его мозгу,
Стал высказывать на бегу:
«Из Таласа ушли мы, брат,
Не для игр – таков расклад:
Убиваем – не чтоб убить,
Чтоб без ханов распалась нить,
Что связует народы здесь.
Пять родов у Бейджина есть,
Нити к ним захватил Конур,
Сплёл их вместе – крепчайший шнур
Получился, и каждый день
Грабит люд он: налог на тень,
Говорят, стали брать с людей;
Подбирался и к нам злодей.

Вот поэтому мы пришли
В эту часть мировой земли,
Чтобы пылью не стать в пыли,
Чтоб остаться собой могли.
Скот добыли – удача нас
Не покинула в трудный час,
Может статься, от смерти спас
Всех кыргызов такой запас:
Это свыше волшебный знак,
Что дарован такой косяк
Нам, разведчикам, просто так,
Первый шаг проиграл нам враг.
Лев Сыргак мой, прими совет:
Чтобы нас оградить от бед,
Лошадей погоняя, зри:
Будет поле, а в нём, внутри,
Посредине почти пути,
Поднимается холм – взойди,
С высоты посмотри в *дюрбун*:
Тот, гнедой колдовской скакун,
Добежал ли до дому он?
Иноверец пошлёт вдогон,
Эту новость узнав, войска,
Конурбай сам наверняка
Ураганом пойдёт нам вслед.
Посмотри его силуэт!
Нашу сказку вернёт он в быль.
Над дорогой висит ли пыль?
Посмотри, – может, пять родов
Мчат за нами, и всяк готов
Смять, смести нас как грозный сель.
Мы не видим всего отсель.
Лев мой, смелый герой Сыргак,
Если всё повернётся так,
Ты навстречу им выйди, путь
Устрашит их немного пусть;
Но под стрелы и копья грудь
Ты не вздумай подставить; суть
Появления твоего –
Это малое колдовство:
Расстоянье полёта стрел
Чтобы высчитать ты успел,
И успел ускакать, да так,
Словно выдул тебя сквозняк,
Пусть вдогонку рванётся враг;
В необдуманности атак –
Преимущество наше: я,
В камышах нас с конём тая,
Став расчётливым, как змея,
Терпеливее муравья,
Буду ждать их, глупцов, – они
Будут с визгом хмельной свиньи
Пробегать, предвкушая, как
Мой милейший Сыргак, чужак,
Затрепещет на копьях их.
Моя слава среди своих –
Бывших, да, – разрослась стократ,
Алмамбет, мол, лишь чёрту брат,
Не погонятся ведь за мной,
Не поверят, что я такой –
Убегаю от них, боясь;
Вот увидишь, Сыргак, мой князь,
Из засады лишь выйду – враз
Буду рушить их словно грязь!
Нашим кличем повергну ниц,
Для которого нет границ,
Я поганых *калмаков* враз –
Убивает их клич «Манас!».
У того, кто войска ведёт, –
Будь он сам *Конгурбай*[1028] и скот
Алгарой пусть зовёт народ, –
Я ударом его без рук
Захочу и оставлю вдруг,
Алгару заберу – коня
Я Манасу отдам, дразня
Его бывшего седока;
Сивогривого лишь рука
Поведёт Алгару вперёд,
Освятив наш большой поход!»
Так оставим мы здесь двоих, –
Пусть мечтают пока! За них
Беспокоиться рано. Но
Так уж в мире заведено:
За удачей грядёт провал.

Жеребец Гнедой доскакал,
Неживой, но исполнен сил,
До Бейджина – он без удил,

[1028] Конгурбай – легендарный богатырь; прославлен также и его конь Алгара.

Среди ночи вбежав, упал
У ворот, исчерпав запал.
Всполошился Бейджин, согнал
Горожан, чтобы рыть канал:
Шириною – аршинов в нём
Ровно сорок; и словно дом
Глубина – точь такая; в ров,
Когда был он совсем готов,
Напустили воды – теперь
Не прорвётся ни дикий зверь,
Ни, тем более, человек.
Хоть и так уж который век
От зари ведь и до зари
Охранялись врата; внутри
Крепость старая там была
Называлась Коккол – скала
С ней сравниться могла, она
В стародавние времена
Охраняла Бейджин; *адыр*[1029]
Весь осилив, *Тору айгыр* –
Легендарный Гнедой, – не смог
Новодельный пройти поток,
Переправили на плоту,
Чтоб не мучился на виду.
И поднялся ажиотаж:
К Конурбаю был послан страж,
Мол, загнали коня, чей след
С медный таз, он почти ослеп,
Он почти что не жив, и он
Шёл с той самой из всех сторон,
Где с богатствами табуны
Были спрятаны от войны;
Всё пропало, видать, добро,
Не помог батыр Конторо,
Не помог и царь Эсенкан –
Край захлопнулся, как капкан, –
Как пророчил Ыранкудук, –
Враг Манас показался вдруг
Через действо пока, и лик
Все узреют, сколь он велик!
А узнав, что погиб Макил,
Растеряли свой грозный пыл
Власти преданные сыны;
Смерть Кыйбу и его Турны
Испугала ещё сильней,
Все рассказы уже о ней,
Что пустил Чабалай в народ,
Все страшилками в свой черёд
Обросли, и пугали всех,
Кто в сраженьях искал успех.
А Конур уж бесился как!
Всех под свой собирая флаг,
Загружая палатки, снедь,
Он грозился, что скоро смерть
Клан Манаса поглотит весь;
До Чанту докатилась весть.
И шатёр о семи дверей
Вырос в царском саду – людей
В нём бесчисленной свёл Конур:
На подстилках из ценных шкур
В том гигантском шатре, внутри,
Возлегали богатыри:
Их сто тысяч скопилось там –
Собирали по городам
Все, кто звался богатырём, –
Всех позвали служить внаём,
Все бесстрашные, в каждом честь –
Всё богатство, что в жизни есть,
Да, пожалуй, ещё дубьё
Каждый тоже имел своё –
Всяк – с барана, тонка в торце,
С утолщением на конце:
От удара такой, увы,
Нет, чтоб выдержать, головы.
Иноверец Какана сам
Посреди восседал; к усам
Поднимая неспешно длань,
Пожинал он почёта дань;
Тридцать два силача вблизи
Охраняли его, низы –
Целых сорок *жанжунов*[1030], – трон
Окружали со всех сторон.
И по сорок писцов, двоясь,
С двух сидели сторон, боясь
Упустить хоть словечко – им
Разрешили, как лишь своим,

[1029] Адыр – холмистая местность, увалы, взгорье.
[1030] Жанжуны – (в эпосе) начальник провинции, генерал-губернатор и т. п.

У начальственных ног сидеть
И словесные перлы бдеть.
Шум и гам был в шатре, но он,
Растекаясь со всех сторон,
Монотонностью долгой сон
Навевал, и Конур, – пленён
Этим шумом, что тёк вокруг,
Вязко – рой на цветущий луг
Так же падает, как *курдюк*, –
Задремал и увидел вдруг
Сон – он вещим ведь был совсем,
И о нём бы услышать всем.

Вот он, сон этот: в небесах
Из садов, что возвёл аллах,
На огромных своих крылах,
Навевая безмерных страх
Богатырская птица вдруг
Прилетела и, сделав круг,
Восемь жутких когтей раскрыв,
Вниз рванулась, – её порыв
Целью выбрал Конура – он
Этой птицей большой пленён,
Выше туч поднялся в момент;
Ослепительно-белый свет
Звёзды все излучали так,
Что почти что ослеп бедняк:
Он, подвешенный за кушак,
Трепыхался в когтях, как злак
Извивается под серпом,
Хоть доселе с ним не знаком.
Пояс лопнул, Конур с небес,
Распластавшись, летел, свой вес
Ощущая, как тяжкий груз,
Обмочившись, как всякий трус,
Только видел: его *чапан*
Развевался, как будто хан
Стал крылатым чуть-чуть… Увы –
Ближе поле, и без травы –
Свалка острых обломков скал.
Но не оземь Конур упал:
Прямо в трон умудрился сесть
Зад, конечно, отбил, но весь
В общем цел был, лишь трясся так,
Что в глазах разливался мрак,
И потом, когда их открыл –
Тьма и рядом шуршанье крыл:
Или сердце так гнало кровь,
Или птица вернулась вновь.
Он прислушался, весь трясясь:
Но по венам не кровь, а грязь
Или просто вода текла,
Не давая ему тепла.
Он решил, изловчившись, лечь.
Но движению тут же встреч
Появился Тору Айгыр –
Тот Гнедой, – и земля как сыр
Стала мягкой и вязкой вся,
Все движенья коня гася,
Хоть копытом он злобно бил.
Растерявшись, Конур без сил,
Скрыв накидкой лицо как вор,
Попытался уйти во двор.
Шёл к двери он, где только хан
Может выйти; в глазах – туман,
Словно был он немного пьян,
Рядом с дверью, глядит, капкан
Или просто дыра… Конур
Был взъерошен, распахнут, хмур,
На ногах, как у бедноты,
Лишь галоши блестят, следы
Невзирая на этот блеск –
Словно шёл он босым окрест
По навозу и по пыли;
Только вышел он из двери –
Вновь навстречу Тору Айгыр:
Окровавлен, несчастен, сир;
А вокруг незнакомый мир –
Побесплоднее, чем *такыр;*
Поспешил Конурбай назад,
Все, кто были в шатре – сидят
Молча, что-то как будто ждут,
У него же на мысли – *джут*,
Только бьётся одна в виске:
«Жизнь, пожалуй, на волоске!
Знать, добрался *бурут*[1031] до нас,

[1031] Бурут – кыргыз; под этим названием киргизы известны у калмаков; сами себя киргизы так называют только тогда, когда речь ведут от лица калмаков.

Не жалея народ, Манас
Люд посулами обманул,
Кровь до самых небес плеснул.
Непонятно, где Карагул,
Слопал, что ли, его, манул?»

Справа был золочёный трон
Колокольцами оснащён:
Их одиннадцать было, звон
Мог бы всякий развеять сон,
Путь к любой находя душе
Даже в дальнем большом Тунше:
Как бы город ни был велик,
Колокольцев он знал язык –
Значит, хан попросил помочь;
Тотчас войско спешило в ночь.
Слева тридцать колоколов
Трон имел, и всегда готов
Был поднять он как грозный джин
И Кантун, и Большой Бейджин,
К Эсенкану в момент донесть
О вторжении вражьем весть.
Конурбай заспешил, ведь он,
Как проснулся, решил, что сон
Вещим был, и нача́л трезвон:
Справа, слева – со всех сторон.
Шесть десятков ворот Бейджин
Был готов распахнуть: един
Общий клич был – послать войска
За пределы ворот, близка,
Видно, к городу та беда,
Что живущих страшит всегда.
Из ста тысяч батыров все
Встали строем во всей красе;
Конурбай, заспешив, коней
Оседлать попросил скорей,
Алгару себе выбрав, он
Прекратил неумолчный звон,
Застегнулся на сто узлов,
Да три слоя брони без слов
Лишь надев, порешил: готов,
Заперт будто бы на засов;
Камни, глина, песок не так
Закрывают холмы, – чудак
Повернуться он мог едва,
Разве что его голова
Чуть ворочалась; как кабан
На коня взгромоздился, – жбан
Или полный *бозо*[1032] кувшин
Так вздыхают: *ох-хо, ашин*[1033];
Прикрутил к кушаку мешок,
Для *насвая* не узелок,
Табакерку – почти что ларь, –
Взял и воинский инвентарь,
Чтоб озвучивать каждый шаг:
Меч позвякивал в ножнах в такт,
Акбалта и копьё; на тыл
Барабан приторочен был,
Что звенел, если даже жук
Или муха коснутся вдруг, –
Представительная гора!
Не беднее был Нескара –
Царь *манжуров*, – блестел, пыхтел,
Как залог искромётных дел,
Говорил – как *дастаны* пел,
И Конуру напеть успел
Всё, что сам в своём сердце грел,
Как грядущих побед задел:

«О-о, батыр Конторо, постой!
Славный конь не спешит пусть твой.
К нам пришедший *бурут*-изгой,
Слышал я, затевает бой.
Силачи там такие есть! –
С ними биться – что в петлю лезть;
Расскажу Уушана весть:
Чтоб сберечь свою жизнь и честь,
Надо прежде всего найти
Алмамбета – на полпути
Из разведки он, веролом,
Сорандика предавший дом,
Возвращается в львиный стан,
Где Манас пресловутый – хан.
Нелегко его победить,

[1032] Бозо – кисломолочный слабоалкогольный напиток, брага, забродившая на основе проса и айрана.
[1033] Ашин – быть в излишке, превышать, превосходить.

Не для мелкого брюха сыть,
И к тому же он не один:
С ним Сыргак, Жакыпхана сын,
Озорник и головорез,
Я б к нему на рожон не лез,
Полон всяческих он «чудес»,
Как ночной незнакомый лес.
Раз собрался, Конур, иди,
Пусть помогут тебе в пути
Борончу и Сайкал, а мы
Сложим вместе свои умы,
Сложим силы, и вам вослед
Дружно выступим. Если нет,
Вдруг погонит вас Алмамбет
И доложит о том пикет –
Значит, будут тылы крепки:
Стянем силы все вдоль реки».

Расхрабрившийся Конурбай,
Речь Уушана узнав, *абай*[1034]
Не включил: его голос злой
Был наполнен глухой враждой:
«Корни тюркские у тебя,
Но китайская вся судьба;
Ты, «*Ай кап*[1035]» в голове держа,
Весь прогнил, как твоя душа:
Вот *огузы* возьмут коней –
Расхохочешься ты сильней!
Красно-огненный мой Китай
Не предам я тебя, ты знай,
Буду верно тебе служить,
А придётся главу сложить
По вине чужаков, и смерть
От *огузов* приму, и твердь
Мне объятья раскроет, – ведь
Не поспоришь с судьбой, – дряхлеть
Мне на троне она не даст,
Прислан ею, видать, Манас;
Ничего! За *Кангай*, за мать,
Я и душу готов отдать,
Море крови пролить сполна,
Чтоб кыргызская сторона,
Чьих людей мы зовём «*кара*[1036]»,
Вся осталась бы без ядра,
Без героев-богатырей;
Сам Манас и Чубак, ей-ей,
Алмамбет и Сыргак – любой,
Кто нарушить решил покой
Наших царств, – будет лично мной,
Да, – вот этой моей рукой, –
Сражены за *Кангай*, Китай;
Нападут вчетвером пускай,
Я навстречу пойду, и пусть
Бог к победе спрямит мне путь!
Коли слова я не сдержу –
Я – не я буду, и скажу:
Человеком не быть уже
И на смертном мне рубеже».
Злоба лик исказила, слов
Не расслышали всех, – готов,
Мол, врагов четверых сразить,
А иначе ему не жить.
Те, кто ближе стоял, – могли
Видеть: слюни его текли
Словно яд, что шипел в пыли,
Прожигая лицо земли.
В путь пустился Большой Калач,
Алгару понуждая вскачь
Прямо с места рвануть; за ним,
Как за пламенем вьётся дым,
Сын Куспара шёл – Борончу:
Каждый мог упустить мочу
Если вдруг бы услышал, как
Словно тигр рычит *калмак*, –
Даже падали дерева
И желтела в момент трава.
Следом шли великаны – строй
Был их пешим, – скакун какой
Сможет сделать хоть шаг с горой,
Завладевшей его спиной?
Тысяч сто продвигалось вдаль
Конных, пеших… Блестела сталь,

[1034] Абай – осторожность, осмотрительность.

[1035] Ай – 1. луна, месяц; 2. месяц (ед. времени) 3. из-за, по причине; кап – 1. широкий мешок; 2. футляр, оболочка, ножны; 3. хватать, брать руками; хватать ртом, зубами.

[1036] Кара – 1. чёрный; вороной; брюнет; 2. силуэт, очертания; 3. опора; 5. ложь, неправда; 6. траур; горе, печаль; 7. злой дух, нечистая сила; 8. виновный, обвинённый; 9. быть в ярости.

Лошадиным хвостом в охлёст
Пеший строй получал, хоть рост
Выше всадников был у них;
И порой получал под дых
Всяк замешкавшийся в пути,
Что другим не давал пройти.
В общем, всё как обычно: шум,
Шёлк знамен, небольшой самум
Под стотысячным войском – твердь,
Видно, вздумала улететь,
Обращаясь и в пыль, и прах,
Оседая лишь на холмах.
Мы оставим пока всё так.

Алмамбет и герой Сыргак
Попасти лошадей в Ажат
Перегнали: луга без жатв,
Сенокосов и всех потрав
Изумляла обильем трав.
В силе сговор их был – Сыргак
Сам погнал табунов костяк,
Косяки подбирая вглубь.
Алмамбет колдовской тулуп
Вновь набросил на плечи, чтоб
Затаиться, как змей, как клоп,
Дожидаясь врагов… Сыргак
Прямо шёл, ни один пустяк
Чтоб из виду не упустить,
Наставленья Алмы, как нить,
Что связует их, – о холме, –
Он старался держать в уме:
«Вот он, холм! Посмотрю назад,
Мой начальник такой расклад
Мне озвучил, что я боюсь
Проверять предсказаний груз.
Но всегда Алмамбет ведь прав!»
Телкызыла отвлёк от трав
И поднялся на холм верхом.
Был высок, несомненно, холм,
Растерялся Сыргак: вокруг
Он увидел бескрайний луг,
Словно море; и ниже гор
Солнце этот земной простор
Освещало, пронзив туман,
Что окутал дымком курган.

Взял *дюрбун* свой Сыргак и вдаль
Посмотрел сквозь тумана хмарь
И заныла тотчас душа:
Смотрит: там, где лежит Тунша,
Пыль клубится столбом – спеша
Там шагают войска, круша
Все надежды его под дых;
Люди, лошади… Сколько их!
Блеск металла и конский храп,
Разных флагов чужих накрап, –
Всё привычно, но вот масштаб.
Стал считать он, но так ослаб,
Что со счёту он сбился враз,
Снова начал и снова – пас,
Рёв зурны, барабанный бой
Так сбивал его, что собой
Не владел он уже никак;
Знамя белое, синий флаг
Впереди развевались; двум
Силуэтам – пришло на ум
Наблюдающему с холма, –
Тотчас дал имена Алма:
Необычно они идут,
То, вперёд вырываясь, ждут
Остальную всю массу, то
Словно птицы своё гнездо
Облетают, равняя строй.

«Там один – Конурбай; второй
Неизвестный *калмак*, – Сыргак,
Приглядевшись, подумал так, –
Будь же прокляты день, и час,
Что с Конуром столкнули нас,
Снова встреча лицом к лицу.
Не поддамся я подлецу!
Если всё же умру, пускай,
От него хоть очищу край!»
И навстречу войскам Сыргак
Поскакал, поспешая так,
Словно спорил в уме с судьбой,
Спор оплачивая собой.
Впрочем, думал о прошлом он:
«Спор, в который был вовлечён
Алмамбетом Чубак, и мы
Поддержали протест Алмы, –

Разрушительный был ведь спор,
Неоконченный до сих пор.
Алмамбет нам сказал тогда:
«К вам меня привела беда,
Не просился я ханом стать,
Только веру хотел принять;
Разрешили вы всё, как есть.
Так теперь помогите честь
Отстоять, если я вам – хан,
Чтоб не мучился дурью стан!»
Так примерно сказал Алма.
Не хватило тогда ума
Из-за спешки продумать – как,
В чём и чем его злил Чубак.
А подумать ведь есть о чём
Если вдруг Алмамбет свой дом –
Свой Китай – пощадит в борьбе,
Будет плохо… Не о себе
Я в догадках своих пекусь:
Даже если умру я, пусть,
Лишь бы милый родной народ –
Мой *Алаш*, самый лучший род,
Не погиб, не завяз в войне, –
Вот об этом пекусь вдвойне.
Хоть, конечно же, ясно мне
Без меня наш Манас вполне
Сможет род наш сберечь; молюсь,
Чтоб его не скрутила грусть,
Чтобы пешим и без копья
Враг его не застал! А я…
Как велел Алмамбет, свой долг
Я исполню», – и он умолк,
В голове его диалог
Прекратился: он вопль исторг
Расстоянье пройдя на глаз –
В лёт стрелы подошёл как раз
Он к врагу; завопил опять
И скорей от него бежать,
Так что полы за ним вились,
Всё обличье внушало мысль:
Мол, трусишка, бежит Сыргак,
Словно заяц, а не сайгак.

Прав Алма был: Конур за шаг
Заприметил его, – *калмак*
Был уверен, что Алмамбет
Вместе с трусом бежит от бед, –
Заразителен страх, в ответ
Страху паника мчится вслед.
Ведь Сыргака однажды он
Крепко ранил, и значит гон
Этот шёл из других времён –
Так из мёртвых струится стон.
Алгару охлестнув камчой,
Он помчался, и за *калчой*
Не успели его бойцы –
Силачи его, храбрецы.
Шею вытянув словно гусь,
Пику выставив, полный чувств
Самых подлых, спешил вперёд,
В злобном кличе распялив рот,
Всё лицо как меха раздув,
Нос нацелив, как птичий клюв, –
Как у птицы красны глаза,
И как кровь в уголках слеза.
Доскакал он до валунов,
Где Алма уже был готов
В бой вступить: его крик «Манас!»
Отрезвил Конурбая враз,
И когда вдруг из камыша
Появился Алма – душа
У Конура ушла, спеша,
Даже тело забыв, в Тунша:
Там когда-то они с Алмой
На конях проводили бой,
Бились пиками, а потом,
Пики бросив, и топором
Пробивались к победе; но
Победить было не дано
Ни тому, ни другому; спор
Не решён был до этих пор:
Рукопашная пояса
Порвала им лишь вдрызг: нельзя
Равным мощью богатырям
Доверяться таким боям:
Азиз-хана сынок не раз
В тех ристалищах напоказ
Лишь смеялся: попутал бес.

«Ну, зачем я один полез

Прямо в пекло!?» – Конур дрожал,
Словно тысячи острых жал
Прямо в сердце воткнулись; он
Думал: «Ну, как со всех сторон
Объявившись, Сыргак, Чубак
Или кто-то ещё? – вот так
Как злопамятный Алмамбет
Враз накинутся? Но в ответ
Хоть кого-то из них смогу
Обезглавить, коль не сбегу!»
Снова в тело его душа
Возвернулась, и он, спеша,
Сам дрожащий и потный весь,
Отстоять попытался честь:
Завизжал, поскакал вперёд.
Алмамбет свой ответный ход
Рассчитал до деталей: так
Саралу он огрел – бедняк
Встал бок о́ бок с чужим конём;
Вмиг ударил Алма копьём,
Прямо в рёбра его вонзил;
У *калчи* не хватило сил
Отразить тот удар, – с седла
Его задница вдруг сползла,
Он подался назад – на круп
Алгары чуть не рухнул труп;
Но уловке благодаря
Удержаться он смог, – не зря
На заказ себе шил штаны:
Пуля их не брала, длинны,
Да настолько, что накрест мог,
Пропустив их промежду ног,
Он к седлу привязать; и вот
Эта хитрость спасла живот.
Сарала обозлился – он
Был совсем необычный конь,
За хозяина мог в огонь
Прыгнуть, мог и куснуть ладонь,
Если к ласке была скупа, –
Нрав соратника, не раба;
И сейчас потянулся вдаль,
Но чуть-чуть не успел, как жаль:
Вмиг догнав их, *орда* вояк
Окружила вождя; *калмак*
Приказал Алмамбета взять.
Так оставим мы всё опять.
О боях на реке Ажат
Вновь событий начнём расклад.

СМЕШАННАЯ ВОЙНА У БЕРЕГОВ РЕКИ АЖАТ

Э… э… э… эй!
Даже если и мудр ум,
Остановит ли он самум?
Даже если и ругань впрок,
Ей вершить ли судьбы урок?
Великаны, богатыри
Даже если как упыри
Иль драконы могли глотать
Как оладьи, что жарит мать,
Но железные, – будет прок?
Даже если бы кто и мог
Одновременно все дела
На поруки вдруг взять – смогла б
Удержать все бразды рука?
Алмамбет, подпустив врага,
Чтоб ловчее разить копьём,
Оглянулся – ведь он вдвоём,
Не один здесь, – глядит, Сыргак
Словно замер и впал в столбняк,
Черногривый же Борончу
В ход пускает свою *камчу*,
Жеребцу добавляя прыть,
Чтоб Сыргака скорей достичь,
Замахнулся копьём уже.
Алмамбет, ощутив в душе
Яркой молнией боль, вскричал:
«Что с тобою, ты заскучал?!
Эй, Сыргак, где же твой запал?
Рвался в бой и врага искал,
Вот он, рядом, оборотись,
Вниз взгляни, дорогой, не ввысь,
Злонамеренную свинью
Вздень на пику, храбрец, свою!»
Лев Сыргак после этих слов
В тот же миг был уже готов,
Развернувшись, разить врага,
Понимая, что дорога
Часть мгновения, а не всё;
Прокрутился как колесо:
Телкызыл совершил прыжок –
Даже заяц бы так не смог, –
И в подмышку врагу Сыргак
С силой пикою двинул так,
Что, не ждавший подвоха, враг
Не встречавший таких атак,
Не сумел натянуть узду –

Жеребец его на ходу
Проскочил, отшатнувшись вкось,
Как порой боязливый гость –
То ли зван я, а то ли – нет?
Гимн судьбы его был допе́т:
Пока он поправлял коня,
Лев Сыргак, каждый миг ценя,
Меж лопаток забил копьё,
К сердцу, видимо, остриё
Подобралось – и рухнул *алп*,
Словно первый победный залп:
Весь подобный горе Капка
Борончу, захрипев слегка,
С жеребца своего ничком
Прямо оземь упал мешком,
Как кувалда его башка
В глину вмялась на три вершка.

Но вокруг, словно летний град,
Иноверцев большой отряд
На Сыргака со всех сторон
Вдруг посыпался; понял он,
Что почин его очень мал,
И колоть и рубить он стал, –
Кто-то сразу б уже устал,
Через пять бы минут упал,
Ведь *кангайцев* явилось тьма!
Правда, рядом как лев Алма
Бился, – граду подобно тож
Люди падали с сёдел; дождь
Ярко-красный не сверху вниз,
А, напротив, стремился ввысь,
Этой крови ручьи неслись
Прямо в реку, и эта слизь
Скользким сделала луг, где бой
Больше смахивал на убой.
Грузной чёрной горой *калча*
Чуть поодаль скакал, крича,
Но не вмешиваясь сплеча́
В битву, веря, что саранча,
Дай лишь время, завалит льва;
Он в уме тасовал слова,
Чтоб победу провозгласить,
Чтобы дальше дела вершить
Как правитель всего и вся.
Битва длилась, уже гася
Хор *карнаев* и ружей хор,
Барабаны лишь до сих пор
Выбивали тревожно дробь:
Слишком часто густая кровь
Попадала, шипя, на них,
Выбивая из кожи дых.
Из-за грохота битвы той,
Возглавляя табун, Гнедой
Косяки лошадей погнал
На соседний крутой увал.
Жеребята и лошаки
Вихрем мчались вперегонки,
Столь же резв был любой *куна́н*[1037],
Вслед крикливый скакал *кулан*[1038],
Переругиваясь, шаля,
Жирной пылью вовсю пыля;
Кто постарше из лошадей,
Да и многие – пожирней,
Шли с трудом, отставая так,

Что вреднейшие из вояк
Им распарывали живот –
В войске собран был всякий сброд.
Алмамбет и Сыргак, крича,
Всех их гнали из-под меча,
Направляя, как волны, их
К косякам лошадей своих.
Но в какой-то злосчастный миг
Сын Кеденда, *калмак*-мясник,
Наречённый Жолоем, вник
В суть вопроса, и хоть возник
Здесь он с войском – его отряд
Тысяч ровно был пятьдесят, –
С ним пришёл он на Кызыларт,
Правда, бойне не очень рад
Был, увидев такой расклад –
Гибнет каждый второй подряд, –
К Конурбаю пробрался он
И сказал: «У чужих племён,
Иноверцев и бедняков,

[1037] Кунан – жеребенок-трёхлетка.
[1038] Кулан – так называют, говоря о самцах однокопытных: жеребце, осле, кулане без косяка.

Что зависят от медяков,
То есть прихоти богачей, –
Нет им дела до лошадей:
Скот не ценится тем, кто сам
Скот, и принадлежит к низам.
Вот – *буруты*: несчастный скот
Испугали, уже в расход
Половину пустили, – вот
И пример: никакой народ!
Прикажи фитили гасить,
В барабаны не надо бить;
Улови разговора нить:
Я хочу лошадей отбить!», –
И помчался наперерез
Табуну богатырь как бес:
Ачбуудан был пришпорен им
Так чувствительно, что как дым
Растворились они в пыли.
Конурбай, потеряв вдали
Их мерцающий силуэт,
Запоздало сказал в ответ:
«Ай, Жолой, богатырь, храбрец!
Как гордился б тобой отец –
Его стержень в тебе, внутри.
Но помедленней будь, смотри:
Ведь *буруты* – богатыри,
Каждый с мощью стальной внутри,
А как ценят они табун!
Неподъемный, боюсь я, *кун*
Ты заплатишь за свой набег,
Предприимчивый человек!
Недостойных в разведку кто
Посылает, скажи, в гнездо
Самых мощных и древних сил? –
У меня б ты сперва спросил,
Как от них бы уйти живым,
По частям не доставшим им?
И ещё: если ты падёшь,
Свой позор весь до капли сплошь
На своих ведь людей прольёшь –
От *дехкан* до больших вельмож», –
Вслед хотел Конурбай сказать
Про отчизну, про исполать,
Но заметил: Жолой давно
Ускакал, и речам дано
Незавидное бытиё:
Как покаркало вороньё.

А Жолой с Ачбууданом вдаль
Мчались – будто бы ждал сераль
В окончанье пути, маня.
Доскакав же, Жолой коня
Тормозя поперёк пути,
Табуну не давал пройти,
Понукая, крича: «Айкай!»,
Увеличивая раздрай,
Заворачивая в *курай*
Табуна устрашённый край.
Алмамбет вдруг заметил – там,
Не дошедший ещё к горам,
Стал табун тормозить: главарь –
Тот гнедой лошадиный царь, –
Встал на месте, волнуясь так,
Словно к ним затесался враг.
Алмамбет говорит: «Гляди!
Наш табун тормозит в пути!
Там, мне кажется, Ачбуудан –
Поперёк его мощный стан
Встал и запер дорогу; мой
Чует нюх: это сам Жолой
Постарался наперерез
Выйти, – видимо, интерес
Вызвал угнанный наш табун.
Лошадиный устрою бунт
Я пришельцу: в седле пригнусь,
Лягу прямо на луку, – пусть
Саралу он сочтёт за скот,
Что с другими пустым идёт;
Незамеченным я пройду
К хитрецу, на его беду:
Лишь Жолоя достигну, вмиг
Станет трупом – пускай велик;
Ачбуудана его возьму –
Пусть отметит Манас Алму,
Что подарок ему привёз:
Обессилел ведь Аманбоз,
И пока Аккула придёт,
Сивогривого пусть везёт
Это пламенный жеребец.
Всё. Жолою пришёл конец».

Распластавшись на Сарале,
В гриве спрятался он, во мгле
Тучной пыли никто б не смог
Разглядеть, есть ли там седок.
Между множества лошадей
Всевозможных статей, мастей,
Смог подкрасться к врагу Алма
И его напугал весьма,
Когда выскочил с кличем вдруг
Перед мордой коня; испуг
И коня, и Жолоя дал
Алмамбету тот миг, что мал,
Но решает судьбу порой
Затяжных и тяжёлых войн;
Пока думал-рядил Жолой
Алмамбет уже начал бой:
В рёбра вражьи воткнул копьё,
Повернул винтом остриё,
Чтобы глубже оно вошло,
Словно плотницкое сверло;
Как огромный шалаш Жолой
Оземь рухнул с коня, с землёй
Свёл объятия как с роднёй,
Впрочем, стал для земли он свой.
Ачбуудана Алма хотел
За уздечку взять, не успел:
Сбоку выскочил Бозкертик –
Ловкий, мощный *калмак*-мужик, –
В Алмамбета швырнул копьё,
Чьё широкое остриё
Всю прошло *карчыга*[1039], и кровь
Круп коня залила – багров
Стал дрожащий Ачбуудан,
Но уже задрожал и хан:
Стал сползать он с седла, обняв
Сарапу; терпеливый нрав
Саралы не давал упасть
Седоку, хоть не чуял власть
Конь хозяина больше – он,
Тяжелея, сидел в наклон,
Кровь хлестала из раны вниз,
Всё забрызгав повсюду близ.
У Алмана и голос сел,

Он «Сыргак!» прошептать успел
И смотрел лишь, наморщив лик,
Как спешит к нему Бозкертик.
Тот успел уже в руки взять
Рукоятку копья – видать,
Он внутри ликовал, *гяур*,
На добычу глядел вприщур
И прикидывал, как ловчей
Гнать обратно всех лошадей
И добить Алмамбета как.

В этот миг прискакал Сыргак,
Бозкертика ударил влёт, –
Снежным комом ушёл в улёт
Иноверец, как снежный ком.
Алмамбету помог потом
Сесть покрепче в седле Сыргак,
Ожидая других атак,
Но, похоже, уже иссяк
Притаившийся всюду враг.
Утвердившись в седле, Алма,
Раздосадованный весьма,
Огляделся вокруг – и в крик:
Вставший на ноги Бозкертик
Хоть шатался, но всё ж стоял
И пока что лишь взгляд метал
Полный злобы; Алма не стал
Ждать, когда зазвенит металл,
Меч из ножен схватив, башку
Бозкертику снёс на скаку,
Как арбуз отлетела вдаль
Голова, только губы «жаль»
Прошептали: *кара-кытай* –
Род, где ханом царил бугай, –
Без властителя, без коней
Оставался на много дней.
Впрочем, рядом один *тюлку*[1040]
Был всегда – батыр Канжаркуу:
Пережил на своём веку
Много войн; был он лучше всех
Из шестидесяти – успех
Рука об руку шёл всегда
С ним, и, видно, его звезда

[1039] Карчыга – часть тела (от рёбер до ляжек).
[1040] Түлкү – 1. лиса; 2. хитрец, проныра.

Поднялась в этот скорбный миг.
Как паук был батыр – привык
Со спины добивать врагов,
В тот момент, когда был готов
Подзапутывшийся в сетях
И вкусивший смертельный страх
Враг – измотанный пусть другим.
Слава, почести – это дым.
Муравьиный большой народ
Славословивший в свой черёд
Бозкертика, как свой оплот,
Всё забудет в ближайший год.

Алмамбет, просчитав свой риск –
Не истечь чтобы кровью вдрызг, –
Мазью смазав все раны, ткань
Наложил на разрезы… Дрянь
Под названием Канжаркуу
Приготовилась уж к броску,
Подгадав, что кыргызский хан
Перевязкою занят ран;
Разозлившийся Алмамбет
Так копьё своё бросил – нет
И сравненья его броску:
Разбежавшийся Канжаркуу
Выбит был из седла, потом
Алмамбет добил топором
Претендента на чёрный трон:
Разлетелись на сто сторон
Ожиданиям вопреки
Хитроумнейшие мозги.
Небеса занесли в скрижаль:
Бозкертик не один лежал,
Рядом с ним Канжаркуу прилёг,
Как при жизни: у самых ног.
В это время ещё войска
Вдруг нахлынули: про сынка
Сылаба Сорандик узнал
И немедля бойцов погнал:
Как клубящийся черный дым
Шли отряды; включал один
Ровно тысячу, было их
Всех бессчётно: шли на двоих –
Алмамбета с Сыргаком, – в бой,
Сплошь весь дол затопив собой,
Шли как сель, как потоп большой,
Тучей мощною грозовой,
Шли, чтоб вновь был унижен сын
Сорандика, хотя один
Богом дан был ему Алма.
Страшен был Сорандик весьма:
Обезумевший злобный взгляд,
Источающий чёрный яд,
Сына, видно, убить был рад,
Пусть и всех положить солдат.
К Алмамбету он рвался сам,
Желчь текла по его усам
В злобе выпучились глаза.
Понял тотчас Сыргак: нельзя
Алмамбету отца убить,
И вовсю он рванулся прыть,
Заслоняя Алму собой,
С Сорандиком вступая в бой;
Взял дубину размером с дом,
По башке саданул, притом
Постарался свалить царька
И пленить – чтоб наверняка
Прекратить все разборки вмиг.
Но упрямым был Сорандик,
К сыну рвался, чтоб взять его,
Применить он мог колдовство,
Чтоб, Алму усыпив, как тюк
Увести к палачу на крюк.
Встал старик, почернев как див,
Оказалось, что он визглив,
И спесив, и весьма бранчлив,
И Сыргаку пришлось, свалив
Снова оземь его, мечом
Кровь не царским пролить ручьём.
Оттопырив свой царский зад,
Шею выпятив, он назад
Опрокинулся – голова
Оземь пала его сперва.
Окружили *кангайцы* труп,
В потрясении: пусть не люб
Был он многим, поскольку лют,
Но теперь растерялся люд.
Было всем уж не до войны:
Все сраженья отменены:
По законам любой страны

За отцами царят сыны.
Здесь оставим всё это так:
Алмамбет и герой Сыргак
Окруженные сплошь толпой,
Но никто не зовёт их в бой.
Мы к Манасу и к Чубаку
Поспешим повернуть строку.

Тигр Манас говорит: «Чубак,
Слишком долго Алма, Сыргак
До Бейджина вершат свой путь.
Заползла мне тревога в грудь:
Ночью глаз не могу сомкнуть,
Дни летят, как живая ртуть.
Набери-ка в овраге мне
Для лежанки тальник – на дне
Там кустарников, видел, тьма;
Может, если вздремну – ума
Небо даст мне ещё чуть-чуть:
Наших *беков* представлю путь,
Горечь глаз успокою, боль
Будет грызть после сна не столь.
А пока я вздремну слегка
На постели из тальника,
Ты, Чубак, поднимись в отрог,
Да вглядись в письмена дорог,
Что к Бейджину ведут; с высот
Легче видеть – кто где идёт,
Чей маячит там силуэт, –
Так, глядишь, на вопрос ответ
Ты найдёшь, и утешишь всех,
Кто настроен на наш успех».
В изголовье тотчас седло
Айманбоза для льва пошло,
Наломали густой тальник
И постель смастерили вмиг,
Уложили Манаса так,
Что ни сырость и ни сквозняк
Не мешали, вздремнуть; Чубак
На осёдланном Кёктеке
Вверх отправился налегке,
На отрог, на макушку гор,
Чтобы весь обозреть простор.
Поднялся и увидел – там,
Подбираясь уже к горам
Многочисленные войска,
Как огромнейшая река,
Всё плывут и плывут сюда.
Заметался Чубак: беда!
Стал считать: тысяч сто, *илек*[1041]!
И откуда такой набег?
Перемешаны все роды:
Люди разные, как плоды
С самых разных в саду дерев;
Тут припомнил Чубак припев
Алмамбета к рассказам всем:
Здесь, мол, разные мы совсем,
Все китайцы – герои, нет, –
В душах носят единство мет.
И ещё сказал Алмамбет:
«Да, народ твой не меньше, нет,
Мой – велик, как небесный свет.
Без народа мне жить – не след».
Может, вспомнил неточно он
Алмамбета слова, но тон,
Выраженье лица и глаз
Словно видит он и сейчас.
И подумал: он был не лжив,
Правду просто он так сложил,
Что на сгибах осталась грусть
Нерастраченных добрых чувств.
Но, однако, он смел – Алма:
От большого, видать, ума
Он решился идти в поход,
Хоть и знал он, каков народ,
Из которого сам рождён:
Люд, пришедший из тьмы времён.
Впрочем, мысль не туда пошла.
Он вернул её: «Вот дела!
Где Сыргак с Алмамбетом есть?
Не про них ли такая честь?
Иноверцы воюют с кем?
Шум – как будто на волоске
Мир висит, – я готов *иске*[1042]:

[1041] Илек – несметное количество (*букв*. сто тысяч, но в таком значении кыргызы этого слова не знают).
[1042] Иске – чуять, нюхать.

Не ломают там рук в тоске,
А ломают друга друга… Бой
Там ведётся не сам собой:
Там бранятся богатыри,
Рвут друга, как мизгири,
Петухами идут, кичась;
Видно, есть там над всеми власть –
Кто-то зычно команды шлёт,
Сатанеет от них народ
И бросается в бой опять».

Тысяч семьдесят, больше, тать
В дол согнал, чтобы воевать.
Синий репсовый там тулуп
Взад-вперёд колесит, как пуп,
Подгоняет, на всех орёт;
Но, однако, под вопль народ
То отхлынет, а то вперёд,
Словно волны, бурлит, идёт;
Словно спорит: мол, я сразил;
Нет, – другой ему возразил:
Это я ведь свой меч вонзил!
Так же стая вопит горилл,
Нападая на чужаков.
Миг, ещё – и Чубак готов
Вниз рвануться – увидел он
Алмамбета: со всех сторон
Осаждала его толпа,
Но отстаивал он себя;
Ну, а где же Сыргак? – и он,
Окружённый со всех сторон,
Рубит, будто бы косит луг.
Тут Чубак и увидел вдруг
Каткалана Сайкал – она,
Как в недавние времена,
Предовольнейшая собой
С мужиками ввязалась в бой!
Тут Чубак закипел душой.
Кёктеке он огрел камчой
И помчался по склону вниз:
Пусть узнает, кто есть кыргыз!
Дева-воин немало зла
Своей дерзостью принесла,
Да ещё и на Чубака
Поднялась у неё рука, –
Правда, после зато пришлось
Деве прятаться, вот и злость
Накопилась в её душе,
Надо быть с ней настороже, –
Промах свой он забыть не смог.
Получил он тогда урок,
С чем пришлось ему дальше жить:
Может дева батыром быть,
Может походя оскорбить,
Может даже, увы, убить.
Убежала она тогда
Обманув Чубака; беда
Если девичья красота –
Маска, прячущая скота.
Вот сейчас и спешил он с гор,
Чтобы тот свой закрыть позор.
Зорок был он, и всё ж не смог
Выходя из-за скал на лог
Заприметить плутовку, – бог,
Видно, деве опять помог:
Богатырша Сайкал в удар
Злость вложила и редкий дар:
Лёгкой тенью скользить вокруг,
Цель и средство смыкая в круг.
Озирался пока Чубак,
Дева пику вонзила так,
Что он, сидя на Кёктеке
И оружье держа в руке,
Ожиданьем был связан так,
Что немедля попал впросак:
Он слетел с Кёктеке, в траву,
Хорошо, что ещё главу
Уберёг! – Алмамбет успел
На подмогу прийти: влетел
В центр схватки, как тигр рыча.
Не изведав его меча,
Вновь девица-боец в бега
Сразу бросилась: слабака
В Алмамбете никто б не смог
Разглядеть и увидеть прок
В нападенье исподтишка:
Чуял он и спиной врага.
Алмамбета заслышав рык
Кыз Сайкал в своём войске вмиг
Растворилась – вот так *арык*

В водоёме, что сам велик,
Исчезает наверняка.

Что касается Чубака –
Опоясанный поводком,
Кёктеке своим был влеком
Он, беспомощный, словно тюк.
А поскольку кипел вокруг
Нескончаемый страшный бой,
Кёктеке, что был сам собой
И азартен, и зол – ведь он
Не был лекарем холощён
И как всякий самец в боях
Забывая *абай*[1043] и страх,
В пекло схватки азартно пёр,
Разгораясь в нём, как костёр, –
В стремя даже не мог Чубак
Свою ногу вложить, и так
Суетился вокруг коня,
Словно бабочка вкруг огня.
Удержаться не смог Алма,
Чтоб не выдать ему весьма
Неприятнейшие слова:
«Не мужчина-герой – ботва!
А носил ведь прозванье льва
Раб крикливый, живой едва –
Богатырь Акбалты Чубак!
Ты, мой милый, совсем слабак:
Видя женщину, на скаку
Тут же в грязь уронил башку,
Ни кровинки в лице твоём.
Из-за женщины – стать мешком!
Я бы понял, когда живьём
Ты бы с ней возлегал вдвоём!»
Так сказав, Алмамбет рывком
Поднял парня, как тюк с тряпьём,
Посадил на коня, и влез
В гущу боя, и с глаз исчез.
Злой, понурый Чубак ворчал:
«Чтоб с *калмаками* ты пропал!
Чтоб с *Кангаем* ты сгнил своим!
Чтоб *кытай* и кыргыз как дым
Слились вместе, исчезнув с глаз!
Донесение ждёт Манас,
Задержу ему если весть,
Перед львом потеряю честь.
Что ж, отправлюсь к нему… Вернусь
И с девицею разберусь!»

Поспешая, Чубак до льва
Лишь добраться успел едва,
Как тревогу забил вовсю:
Мол, вставай, богатырь, – несу
Я плохую, однако, весть!
Не проснулся Манас. Полез
В изголовье к нему Чубак,
Стал кричать ему эдак, так,
Стал за плечи его трясти,
Попытался его сгрести
И, подняв, прислонить к стене;
Пребывал богатырь во сне.
От отчаяния Чубак
Сивогривого бросил так,
Что ударился тот спиной,
Ягодицами, головой,
Продолжая всё так же спать.
Испугался Чубак: печать
Колдовского, пожалуй, сна,
В этом деле, увы, видна:
«Вот напасть! А не мёртв он?
Что за странный нелепый сон?!
Бьётся сердце его иль нет?
Впрочем, что это я? – ответ
В храпе слышит весь белый свет!»
Так Манас храпака давал –
Камни сыпались с дальних скал,
Все архары, что там паслись,
Испугались и унеслись,
Кони фыркали, и вокруг
Эхом множился громкий звук.
Чтобы льва разбудить, Чубак,
Призадумавшись, сделал так:
Ядер каменных наточил,
Их лекарствами намочил,
У знакомых одних грязнуль
Взял кошму, понаделал пуль,
Холостой с ними выстрел чтоб
Не поранил Манасу лоб,

[1043] Абай – осторожность, осмотрительность, инстинкт самосохранения.

Ядра шомполом в ствол загнал,
Рядом с ухом батыра залп
Сделал он из ружья – увал,
Ощетинившись, дыбом встал,
Горы вздрогнули, валом дичь
Побежала, лишь тех опричь –
Впавших в ужасе в паралич,
Даже с неба упал сарыч.
Но Манас не проснулся, нет,
Только храп стал сильней в ответ,
Словно вдвое разгневан зверь.

Как же быть Чубаку теперь?
Как ему избежать потерь?
Говорят же – семь раз отмерь
Прежде что-то свершить, но как
Выбрать что-то из зол? Ведь враг
Очень скоро воткнёт свой флаг
В холм над лагерем их… Чубак
Боевое копьё своё
Взял, подумав: «Пусть остриё
Этот сон колдовской прервёт,
Рану вылечим! А придёт
Если враг к нам – Манас умрёт:
Прямо спящего на куски
Растерзают боевики,
Люд китайский, я слышал, лют:
Кровью весь перевал зальют!»
Он прицелился и копьё
В копчик брату вонзил своё, –
Спит. Отмерил он с трёх сторон
Треть аршина копья, потом
Замотал остриё тряпьём,
И в бедро, что размером с дом,
Стал с размаху его вонзать,
Тело спящего сотрясать
Так, что вызвал и гул земной
С содроганием, – раз, другой.
Наконец-то Манас открыл
С трепетаньем ресниц, как крыл,
Затуманенные глаза
И слегка с хрипотцой сказал:
«Безобразник, стервец Чубак!
Ты меня ублажаешь так,
Щекоча боевым копьём?
Ум твой, видно, покинул дом!»
Но Чубак закричал в ответ:
«Просыпайся! Ни мига нет
Приготовиться к бою нам!
Твой скандальный *калмак-алам*[1044]
В глубь Бейджина пошел, и вот
Весь Китай он поднял в поход!
Все войска, что нашлись в стране,
К нам идут, и сдаётся мне –
У судьбы мы на самом дне,
Спать нам некогда в тишине;
Не в Таласе ведь мы, сэнсэй,
Не в Кенколе, где Каныкей,
Обнимая за шею, спать
Уложила тебя в кровать;
Ты же спишь, словно дома ты,
Где исполнились все мечты,
Где безделье – финал тому,
Что достигнуто по уму!»

Но ответил ему Манас:
«Бесконечнее нет Сейчас.
Есть ли враг на земле, чтоб в брань
Не вступал и не брал бы дань?
Если ли горы, которых век
Не осилил бы человек?
Есть ли ружья, что без пальбы
Проживают свой срок судьбы?
Почему ж суетишься так
Ты, мой маленький брат Чубак?
Что ж на месте стоишь, спеша?
И в порядке твоя ль душа?»
Лев Чубак после этих слов
Сам задумался: «Я готов
Не бояться и в бой идти?
Наш Айкол – он всегда в пути,
Потому что он сам – Манас.
Это имя на подвиг нас
Вдохновляет, хоть даже слаб
Он бывает порою… Раб,
Что *калмаком* зову, – Алма,
Он мой друг, ведь он спас меня,
Коль его не смогу спасти –

[1044] Алам – 1. торопливость, спешка; 2. обида, огорчение.

Бог накажет меня в пути!»
Так подумав, герой Чубак
Кёктеке подхлестнул, да так,
Что за миги взлетел на холм,
Посмотрел – ещё больше волн
Там колышется: больше войск
Подтянулось, не сможет мозг
Счёт войскам тем осилить – тьма!
«А ведь где-то же там Алма
Бьётся, с ним лишь один Сыргак!», –
Так подумав, герой Чубак
Порешил себя не жалеть:
Смерть в бою ведь – святая смерть!
Дважды он побывал в тылу,
Надо дважды навстречу Злу
Также выступить с Кёктеке,
Дважды выплыть в одной реке
Так, чтоб не намочить копыт;
Мудрость древняя говорит:
Тот сильнее, кто дважды бит!
С Кёктеке своим верным слит,
Он, подбадривая себя,
Мчал навстречу врагу; судьба
Этим боем решалась так:
Храбр иль нет Акбалты Чубак?
Испытание боем есть
Лишь проверка – крепка ли честь.

Его встретил *калмакский* хан –
«Чёрный хан» – изувер Уушан,
Взяв копье, что длиною в жердь,
С видом, будто несёт он смерть,
Пёр он грудью на Чубака,
И ударил …издалека.
Был проворней его Чубак,
Продвигаясь вперёд, впросак
Он сумел не попасть, и плеть,
Чем решил перебить он жердь,
Уушана смогла огреть
Так, чтоб меньше кичи́лся впредь.
А затем и толкнул копьё
В бок Уушану, и забытьё
Накатило как чёрный мрак;
Чуть не грохнулся вдруг *калмак*,
Но успел не припасть к земле,
Оказался опять в седле,
И сбежал он в конце концов
Под защиту своих бойцов.
Кое где прозвучал и смех,
Как весенней коровы мех –
Словно вытертый рукавом,
В кашель выправленный потом.
Уушан посгонял в войска
Всю провинцию – без должка
У правителей нет людей;
Очень много богатырей
В эту битву привёл злодей.
Пробивая войска насквозь,
Как бумагу пронзает трость,
Мчал Чубак между ними – злость
Помогала ему небось:
Словно птица, взмывая, мчал,
Словно камень летя, венчал
Он порыв благородный свой
С обозлённой тупой толпой.
Видя – силы их неравны,
Закричали говоруны
Из *калмакских* тугих рядов:
«Есть храбрец ли, чтоб был готов
Выйти в схватку с двумя-тремя,
Своей чести не посрамя?»
Принял вызов Чубак, троих
Уложил, наподдав под дых,
Сам – в *олпоке*[1045], они – в *соот*,
Даже в этом другой народ,
Но по чести дрались, в обход
Запасных не пустили в ход,
И, гарцуя на Кёктеке
С пикой, с острым мечом в руке,
И Чубак с ними честен был:
Тех, кто с пикой, он пикой бил,
И мечом – тех, кто шёл с мечом,
Рукопашных богатырей
Он руками валил с коней.

[1045] Олпок (ак олпок или аголпок) – вид боевой верхней одежды с толстым слоем шерсти или ваты (заменявшей панцирь или надевавшейся на него). Соот – то же, в калмакском исполнении.

Сивогривый батыр Манас
Беспробудно бы спал, но спас
Из тенёт колдовского сна
Брат Чубак, уколов сполна
Боевой своей пикой так,
Что не нужен теперь и враг.
Потихоньку ворча, Манас
Айманбоза взнуздал – «не князь»,
И помчался, не торопясь,
Словно вечность имел в запас,
На вершину холма, чтоб там
Мог на всё поглядеть он сам.
Присмотрелся: храбрец Чубак
Отбивается от атак,
Кёктеке, как степной сайгак,
Скачет ловко и храбро так:
Седоком на врагов ведом,
Бьёт копытом, грызёт… Вдвоём
Бьются с полчищами они,
Вмиг готовые из возни
Потерявших уж разум толп,
Ускакать, коль не виден толк
И не воинов бой – хаóс
Начинается: на износ
Лупят люди друг друга, нет
Чувства – свой ли, чужой, – в ответ
Огрызаются – толку нет
От отважных таких вояк.
Мог в момент ускакать Чубак
От врага как на птице – конь
Шёл стрелой, лишь поводья тронь.
Впрочем, храбрость свою Чубак
Показал всем наглядно так,
Что враги на его пути
Встать боялись, но обойти
Тоже было не просто так:
С двух сторон Алмамбет, Сыргак
Столько дней из последних сил
Всё сражались, теряя пыл;
Сарала, да и Телкызыл
Подустали: один косил,
Сотрясала другого дрожь;
И батыры устали тож,
То копьё, то тяжёлый меч,
То топор – чтоб сподручней сечь
С толстой шеи главу опять.
Им казалось – бессмертен тать
И взамен головы одной
Обзаводится он другой,
Многолик словно гидра враг –
Потом пахнущий злой *калмак*.
Всё равно они бились – пусть
Звон в ушах от проклятий с уст,
Отлетающих оземь; лязг,
Звон железных щитов и хряск
Медных панцирей, сбитых вдрызг,
Сотни взрывов и ватных брызг
От изрубленных в хлам одежд
И несбыточности надежд.
Да, работа, как в кузне, шла,
Даже хуже: творить дела,
Созидая – иная стать,
Чем, бесчинствуя, разрушать.

Всё увидев, Манас свой взор
Обратил на отроги гор:
Чуть поодаль от битвы, хмур
И растерян, стоял Конур,
Возвышаясь на Алгаре,
Сам подобный большой горе, –
Этот лгун и стервец, *калча*,
Зад которого ждёт *камча*
И которому хватит жить
И дурные дела вершить.
Не раздумывая, Манас
Айманбоза погнал тотчас
Не жалея ни сил, ни ног,
Словно селезень на манóк,
На врага, чей уж вышел срок:
Лев прикинул такой итог,
Словно был он на Аккуле
И скакал по своей земле.
Мчался конь – так летит стрела,
Словно вырастил два крыла,
Направлял его к цели взор
Сивогривого – как костёр
Он пылал, вдвое больше глаз
Словно нёс на лице Манас,
Чтобы цель – Конурбай – не смог
Вновь исчезнуть в пыли дорог,

Чтобы чёрт или даже бог
Не продлил его жизни срок.
Айманбоз словно чуял гнев,
Чем налит был в избытке лев,
Он бежал как в последний раз,
Чтоб доволен им был Манас,
Через ямы скакал и рвы,
Он не видел соблазн травы,
Встретит груду камней – скакнет,
Так, что словно уйдёт в полёт,
Как горящий метеорит:
Даже чашей больших копыт
Не касаясь уже земли,
Не оставив следов в пыли.
К черным водам реки Ажат
Доскакали – пути назад
Не искал Сивогривый – взгляд
Был прикован к врагу; бурлят
Воды злобные? – что ж, река,
Да, – темна она, глубока,
Словно озеро широка,
Но не дрогнула и рука,
Посылая коня в волну,
Что, примерившись к валуну,
Может вглубь утянуть легко;
За рекою, там, далеко
Лютый враг Конурбай сидит,
И его ненавистный вид
Заставляет бросаться вплавь.
Искажённая гневом явь
Сжалась мыслями чуть не в пядь:
Лишь бы враг не сбежал опять!
Край обрыва обрушив, лев
Прыгнул в воду не посмотрев –
Где тут брод и какое дно, –
Камнем прыгнул; одежд сукно,
Не намокнув за первый миг,
Всплыло, будто большой плавник,
Даже два – это две полы
На поверхности водной мглы
Помогали коню и льву
Удержать себя на плаву.

К пограничной реке подход
Поднебесный хитрец-народ
Подготовил на совесть: спуск
Столь обрывист стал силой рук:
На копья высоту отбит
И зловещий имел он вид,
Острым камнем был обрамлён
Он с обеих речных сторон:
Чтобы кто-то чужой, упав,
Не добрался уже до трав,
До лугов и тенистых рощ.
Куст оставлен был тот, что тощ
И подмогою быть не мог.
Что поделаешь – мир жесток.
Места выбраться нет в краях,
Где охраною правит страх.
Понял лев, что китайцы злы
И строжайше свои тылы
Защищают не для хулы;
Пожалел, что без Аккулы
Он пустился на этот шаг;
Там, напротив, смертельный враг
Наготове стоит: убьёт
Если к берегу подплывёт
Сивогривый; его подход
Сразу видится наперёд.
Встал на спину коня Манас,
Огляделся в который раз –
Нет, не выйти нигде с конём.
Но придумал: мол, подплывём
К броду, где Конурбай нас ждёт,
И как будто бы задний ход
Испугавшись, дадим; урод
Непременно рванёт вперёд,
Он-то знает, где чёртов брод;
Я копьё приготовлю – плод
Сам, созревший, падёт мне в рот:
Всё решится под сенью вод!
Так и вышло: Конур устал,
Видно, ждать, и копьё послал
В льва, лишь он оказался близ;
Не спешил выходить кыргыз:
За копьё ухватился он
Перед скошенным остриём;
Перетягиваться пошли:
Без опоры, увы, земли
С Айманбозом поплыл Манас

К Конурбаю, и сил запас
У *калчи* был поболе всё ж,
И коня пробирала дрожь:
В страхе выпучил он глаза,
Понимая, что плыть нельзя,
Хвост и грива легли поверх
Тёмных вод, но, увы, на смех
Шаткость этой опоры: мех,
Как и мокрый тулуп – доспех,
Что утягивает на дно,
Это знает любой давно;
И седло, что намокло сплошь,
Погружалось всё глубже. Что ж,
Два исхода грозят теперь:
Конурбай, этот хитрый зверь,
Если вдруг оттолкнёт копьё,
То отправятся в забытьё –
В чёрный омут реки как раз, –
Айманбоз и батыр Манас;
А притянет к себе Конур –
Здесь не надобен и авгур:
Обессилев, как на убой
Приплывут они; этот бой
С Конурбаем Алооке
На прибрежном речном песке
Был бы проигрышным, увы,
Не сносить бы льву головы!

Продолжалась их схватка. Вдруг
Издалёка копытный стук
Прозвучал, – чей-то враг иль друг
Торопился вступить в их круг:
Рыжий чуб, золотой кушак, –
Кто умел появиться так,
В самый нужный тревожный миг?
Алмамбет! – как вечерний блик
Промелькнул он, как солнца луч,
В мир пробившийся из-за туч.
Взгляд его оценил внахлёст:
Обессилевший Айманбоз,
В мокрых тяжких одеждах лев
Извергающий боль и гнев,
Суетливый Конур-паук,
Обернувшийся вмиг на стук
И уже повернувший вспять.

«Эй, Конур, не спеши сбегать! –
Закричал ему Алмамбет, –
Я открою тебе секрет:
Это путь не батыров, нет!»
Огрызнулся Конур в ответ,
Что-то жалкое, – вроде, брань.
Алмамбет перешёл за грань
Полушутки, полуугроз:
Его голос стократ возрос,
Били молнии из волос.
У Конура глаза от слёз
Под бровями искрились так,
Словно видели шквал атак;
А корявый сутулый стан
Ещё шире как будто стал
И расплывшийся толстый зад
Обернуться мешал назад.
Он ударил камчой коня,
Прочь от брода его гоня,
Его чёрный как ночь скакун
На дыбы, как степной самум,
Поднялся; седока штаны –
Те, из кожи, такой длины,
Что завязывал вкруг седла
Он, и пуля их не брала, –
Развязались они, вися
Как судьба Конурбая вся –
Ни себе, ни другим: прогар.
Быть несчастным – особый дар.

Алмамбет подошёл к нему.
Посмотреть в тот миг на Алму –
Страшно, словно идёт казнить,
Кровь из брюха врага спустить.
В этом был небольшой обман:
В воду прежде всего Алман
С маху бросился, поводок
Айманбоза схватить он смог,
Накрутил на свою ладонь,
Дёрнул с силой, но всё же конь
Заупрямился, и в поток
Снова чуть не ушёл, – помог
Сивогривый, ударил в бок
Стременами его; чуток
Поупрямившись, вышел скот

Из бурлящего плена вод.
Алмамбет до крови камчой
Так огрел его – он, хромой,
С места сдвинуться не хотел,
Только, глазом кося, храпел.
Льву Алма объяснил без зла:
«Друг надёжный твой – Аккула,
С ним всегда твоя жизнь светла;
Коль лишишься его – дела
Будут рушиться, но печаль
Не разделят с тобою, жаль.
Говорят: «На коне – храбрец,
Без коня – сам себе истец».
О другом так сказал мудрец,
Ученик его – твой близнец.
Приведу я коня тебе,
Коль угодно будет судьбе,
Коль безлунная будет ночь,
Коль туман не исчезнет прочь,
Коли солнце весь дол зальёт,
Чтоб не видел земли народ,
Приведу… Остроухий сам,
От узды ещё виден шрам,
На разведке он вряд ли был,
И не трогал ещё кобыл,
Но, однако, он рвётся в бой;
Коль подружится он с тобой,
То от света его ушей
Будет ночь для тебя светлей,
Не заблудишься ты в пути,
Всё найдёшь, что хотел найти,
Убегающий старый враг
Попрощается с жизнью так,
Как решишь по его грехам.
Но сначала ты должен сам
Отдохнуть – хоть на тех камнях
И пускай ты увидишь в снах
Аккулу – своего коня,
Что священен и для меня.
Много ездить ты будешь, брат,
Много всяческих битв подряд
Проведёшь на своём пути.
Ты ложись, надо мне уйти.
Камни ты приложи к груди.
Если войско придёт, – гляди:
Через реку не дай пройти,
Встань горой поперёк пути».
Замолчал Алакен. Помог
Он Манасу, чтоб лучше лёг,
Чтоб поспал он хоть ночь одну;
И отправился к табуну,
Путь прокладывая меж толп
Что смешались в один сугроб,
Что катаясь растёт, толстяк;
Где китаец, *манжу*, *калмак*? –
Все смешались в единый фон,
Ровно-пёстрый со всех сторон.
По дороге большой Доотон
Повстречался Алме – силён
Иноверец тот был, как слон,
Изо рта выпускал он дым,
Носорогом тупым своим,
На котором сидел Доотон,
Всех давил, с кем встречался он.
Алмамбет же не стал стоять
И животное это ждать:
Он сраженье решил начать,
Как бы там ни кичился тать.
В это время кыргыз Чубак
Пикой врезал Доотону так,
Что свалился он, как тюфяк,
С носорога в кромешный мрак;
Но очухался, встал… Увы:
Вмиг лишился он головы:
Пока этот кабан вставал,
Свой топор Алмамбет поднял
По макушке ударил – тот
Развалился как спелый плод.

Весть добралась до Нескары:
По законам большой игры,
Виноват был один – Манас,
Раз от смерти никто не спас
Доотона – богатыря,
Что сюда торопился зря,
Не успев никого убить –
Его славы прервалась нить.
«Как – убит он!? Не может быть!
У кого же такая прыть?»
«Доотона Чубак пронзил,

Алмамбет же его добил».
«Вот что я вам на то скажу:
Отшатнулась от всех *манжу*
И удача, и благодать.
Кто сильней Доотона?.. Рать
Я привёл под сто тысяч; здесь
Силачей нелегко и счесть,
Кто Доотона сильней из них?
То-то, слышу, народ притих.
Вас ведь – как у собаки блох;
Окружите же этих трёх:
Алмамбет да Сыргак, Чубак –
Не возьмёшь их в пылу атак,
Ни на пиках, ни на мечах
Бой у них не стяжает страх,
Вы подумайте о сетях:
Заманите их в сеть, как птах!
Я достойнейший из *манжу*
И врагу я всегда скажу:
Если хочет сразиться – что ж,
Пусть приходит, коль к схватке гож!
Вон *бурут*, чьё прозванье дрожь
Вызывает, и невтерпёж
Его просто увидеть тем,
Кто наивно поверил всем
Глупым сказкам, как он велик, –
Пусть покажет свой глупый лик!
И *манжу*, и *калмак-кытай*
С ним сражались, но так и знай:
В этом мире упрямец тот,
Кто минувшим всегда живёт.
Да, *алаши* – такой народ,
Не клади им и пальца в рот,
Руку сразу откусят; к ним
Как к костру прилипет дым,
Привязался и Алмамбет:
На такого управы нет.
Из Китая сбежав, стервец,
Его проклял родной отец,
Духи прокляли, наконец!
Он покинул как вор дворец
И на рыжем коне своём
Попросился к *алашам* в дом.
Но ушёл ведь не просто так:
Богатырь Бууданчан, бедняк,
Главным став у него, погиб,
Не святой, а кровавый нимб
Перед смертью горел над ним:
Три десятка бойцов одним
Своим словом сгубил Алман,
Камнем стали, легли в курган.
Не подумал он ни о ком,
Свой народ ему стал врагом.
Иноверец, он в белый свет
Сам отправился… Алмамбет –
Ловок, гибок, широкоплеч,
С сединою коса до плеч,
Он на лошади как влитой,
И товарищ с ним – не простой:
Предводитель юнцов, прохвост,
Победитель единоборств,
Из *алашей* кыргыз-батыр,
Великана сын – Акбалты,
И Манас ему – старший брат,
Как второму, тому, что рад
Как арбузы сшибать подряд
Наши головы у ребят.
Он – несчастье Манаса, клон,
На коне красно-чёрном он
Словно молния меж рядов
Наших вклиниваться готов, –
Он Жакыпа такой же сын
Как и старший, но господин –
Это всё же Манас, и вас
Пусть волнует лишь мой приказ:
Обезвредьте вы этих трёх,
И, считайте, Манас издох:
Он без них словно вор без рук,
Каждый – страж его, брат и друг.
Умер славный мой Доотон!
Был тринадцатым *алпом* он,
Нас со мною двенадцать; вы,
Принесите три головы,
А не сможете, умереть
Вы должны, ведь на вас смотреть
Весь стотысячный наш народ
Будет зорко – кто их ведёт:
Вы – одиннадцать храбрецов,
Людям ближе родных отцов,
Покажите, в конце концов,

Нам охоту на подлецов!»

И стотысячные войска
По дороге, что им узка,
Трём разведчикам вышли встречь;
Нескары вдохновила речь
Всех одиннадцать *алпов* так,
Что *алаши* Чубак, Сыргак,
Как и про́клятый Алмамбет,
Им казались исчадьем бед,
И принять на себя удар
Этих трёх – как небесный дар
Очищения от грехов
Всех – от низу и до верхов.
Великаны как звери шли,
Поднимая пласты пыли́,
Разбивая сухую твердь;
Шли, не думая, что на смерть.
«Та-та!», – крик их стоял вокруг,
Разгоняя степных пичуг,
Мышек, сусликов, рыжих лис;
Выдавал он: *манжу*, мол, близ.
Крик заслышав, сказал Алма:
«Вот несчастье – коль нет ума!
Нам, братишки, Чубак, Сыргак,
Лишь втроём не отбить атак,
Без изъяна мы все сильны,
Но осилить всю мощь страны
Невозможно; *манжу* шумят,
Собираясь создать нам ад.
Им спасибо за этот шум,
Что с собою не взяли ум –
Массой движутся наобум;
Ждёт в пути их живой самум:
Через реку пройти Манас
Не позволит, но ждёт он нас.
Тигр, Сыргак мой, товарищ мой,
Пусть с Кокчола твой путь прямой,
Изобилье минуя трав
Вод, охоты, других забав,
Побыстрее тебя ведёт
В степь, где дремлет родной народ:
Разбуди их, кыргызов, пусть
Побыстрее помчатся в путь.
Их возглавив, назад лети,
Пусть поможет вам бог в пути!
Не придёшь коль, уже не жди
Счастья – братьев прижать к груди.
У Манаса нет Аккулы.
Он один – вот и все тылы.
Покровитель мой – *алп* Бакай –
Он поможет тебе, дерзай!»

Когда так Алмамбет сказал,
Лев Сыргак округлил глаза:
«В чём тут хитрость и почему
Я за сердце задел Алму?
Почему он страшится так
Всяких дел, что творит Чубак –
Опасается брата? Нет.
Непонятен мне Алмамбет».
Так подумав, Сыргак молчком
В дальний путь поскакал верхом,
Размышляя: «Чубак всегда
Лезет в пекло, где ждёт беда,
Не считаясь, что старший есть
И ему отдаётся честь
Все проблемы решать сперва;
Так весною растёт трава:
Попирая старьё собой,
Что осталось в живых зимой.
Неспроста говорит народ:
Силу рук запасает тот,
Кто умеет и войлок мять,
И слова свои прессовать.
Доверяя мне, Алмамбет
Заслоняет меня от бед, –
По отцу мы ведь братья с ним,
Не с того ли поджога дым?»

Неустанно скакал Сыргак –
Делать всё он старался так.
Девять дней и глухих ночей
В ставку мчался герой: ручей
Так стекает с горы без сна,
Обязательный, как весна;
Телкызыла он гнал, хотя
Тот и сам поспешал, летя
Словно птица: совсем не плеть
Помогала ему лететь.

Пот на крупе блестел коня,
Золотился при свете дня,
Ночью мерк при мерцанье звёзд.
Развевался по ветру хвост,
Тихо кланялся им ковыль,
Словно дань принимая пыль.

Пыль вздымалась, как туча, вслед
Всем манчжурским войскам;
в просвет
Еле-еле струился свет,
Будто солнца на свете нет;
Шли войска словно сель; внутри
Великаны-богатыри
Шли, подбадривая войска:
Цель – река – уж была близка.
Все, кто шёл впереди, к Ажат
Лишь приблизившись, стали в ряд.
Там на куче камней сидел
Лев Манас – отдыхал от дел,
Как ему Алмамбет велел,
И вперёд как орёл глядел.
Он дубину сжимал в руках,
Слыша эхо «Та-та!» в горах,
Приготовившись, ждал. Войска
По наносам большим песка
Брод искали, и лишь нашли
Встал Манас во весь рост с земли
Аккелте лишь взмахнул – весь ряд
Утопил как слепых котят.
Остальные ряды тотчас
Все смешались; взмахнул Манас
Вновь дубиной – они назад
Побежали, топча внакат
Всех, кто сзади за ними шёл;
Долго длился такой «помол»,
Тысяч десять легло бойцов
У реки, и, в конце концов,
Словно стадо войска в степи
Разбрелись, и в её глуби
Без еды и питья легли
Ждать команд, копошась в пыли.
На равнине сухой был путь,
Можно было им обогнуть
Многоводную глубь Ажат,
До истоков дойдя, где сжат
Валунами её исток;
Сеть подобных степных дорог
Знал Алма, потому и смог
План придумать: его итог
Мог от смерти двоих спасти
И войска, пусть не все, смести.
«Вот послушай, Чубак! – Алма
Попросил Чубака весьма
Быть внимательным, – я скажу,
Как вдвоём победить *манжу*:
Реку вброд перейти никак
Не сумеют они, Чубак:
Там их встретит наверняка
Наш Манас и намнёт бока.
Значит, войско пойдёт в обход,
Где их, вроде, никто не ждёт.
Надо нам тот обход найти,
Чтоб их встретить на полпути.
Дальше будет такой расклад:
Сильный ветер, и дождь, и град
Опрокинет на них с высот
Заколдованный небосвод;
Там несчастнейший их народ
Вдруг увидит, как к ним придёт
Богатырь, что им судный день
Всем устроит, набросив тень
Чёрной тучей на божий свет,
И туман заклубится вслед.
И в мгновение ока вдруг
Сразу с разных сторон вокруг
Из тумана пойдут войска
Цель которых и нам близка».
Так заманчиво Алмамбет
Расписал всё, – Чубак в ответ
Лишь кивал головой, и в путь
Оба вышли, расправив грудь.
Ту дорогу, что шла в обход,
Обнаружили, и проход
Окружили горой забот.

А тем временем хан *анжу*,
Мурадил, перегнать *манжу*
Вздумал, сбор объявил войскам,
Сорок тысяч собрал! – и сам

Сев на рыжую лошадь, в бой
Всех *анжу* повёл за собой.
Вслед за ним *калмак* Ушан –
И спесивый, и злобный хан, –
Снаряженьем набил обоз,
Как павлин распушил свой хвост:
Шесть десятков ведь тысяч он
Мурадилу повёл вдогон.
Из *калмаков* же Солоке
Им навстречу вдруг налегке
Вышел из дому – аки пёс
Заметался, в дорогу врос;
Сам-то думал, что раньше всех
Он стяжает в войне успех,
Да пока собирался – вот:
Столько всяких ушло в поход!
Он кричал, вражды не тая:
«Ходу нет! Дорога моя!
Поворачивай, Мурадил!
Уничтожу, чтоб не ходил
По исконной моей земле!
Изваляю тебя в золе!
И *бурут*, что пришёл сюда,
Небольшая совсем беда:
Уничтожу *бурутов* всех
И Манаса – какой тут смех?!
Столько лет ждал я свой успех,
Уступить его – просто грех.
Когда по Кёкётёю *аш*
Шёл, не видел меня *алаш*:
На собраниях не был я.
Он и в наши пришёл в края,
Чтоб увидеть меня, поверь!», –
Солоке бушевал как зверь,
Всех вокруг изнурил нытьём,
Не позвал Мурадила в дом,
На дороге его бранил
Изо всех своих жирных сил.
Иноверец – он как свинья,
И поганая вся семья;
Пусть желаний его *кесе*
Разобьются о камень все!
Как свинец его сердце; пёс!
Может и укусить всерьёз!
Мурадил растерялся: «Что ж,
Если хочешь, будь первым вхож
В эту бойню, где только смерть
Ждёт того, кто спешит успеть
Потягаться раскладом сил.
Помнишь, как был силён Макил?
Оказался *бурут* сильней,
Два *бурута*, чтоб быть точней,
Съели: был наш Макил, и нет:
Не оставили и хребет!», –
Мурадил говорил со зла,
Доля правды в словах была
И давала она окрас
Разговору всему как раз.
На коне Чалбашнар сидел
Солоке – это был предел
Лошадиных природных сил:
Никакой другой не сносил
Солоке бы тяжёловоз;
У *калмака* был средний рост,
Но он был безобразно толст,
Он и косу носил, как хвост,
И живот по-свинячьи нёс,
И как дым из коптильни, пар
Изо рта его как нагар
Словно с жирной сползал свечи;
Его ноги как калачи
Обнимали бока коня;
На лицо же при свете дня
Было даже смешно глядеть:
Носик пуговкой, очерк скул
Был – как будто ушли в загул
Две мясистых его щеки;
Пучеглаз, но зато зрачки –
Словно прячутся в складки век.
Вот такой он был человек:
Лопоухий, но хитрый; цвет
Его кожи – сравнений нет:
То ли грязен, а то ли сер,
То ли чёрен как ночь совсем.
Никогда не носил он меч
И копья не имел; но речь
Он любил заводить о том,
Как он всех победит …потом.
Но дубину имел – дубьё:
Из чугунной руды литьё,

Кто поднимет в сердцах её,
Тут же тот впадёт в забытьё.
Вот поэтому-то народ
И пугался его – урод!
Так с дубиной своей вперёд
Солоке и пошёл в поход:
Сам, без войска и всяких благ,
Сам себе он и вождь, и флаг,
Правда, крепкий надел доспех,
Свято веря в большой успех.
Первым шёл, чтоб намять бока
Двум кыргызам, – на Чубака
Напоролся в пути и стал
Первым делом пугать: оскал
Обнажил, замахал дубьём,
Весь в железе гремя своём;
И Чубак показал оскал:
Засмеялся и пику взял,
И пока Солоке пугал,
Остриём его лев достал
Раздробив лучевую кость,
Вену тоже разрезав; «гость»
Завертелся, поднять дубьё
Он не мог той рукой, цевьё
Взял он левой рукой, но кровь
Так хлестала! – он левой вновь
Рану стал зажимать… Журча,
Кровь, чернея, текла с плеча,
Клочья мышцы, как *танарча*,
Бахромою свисали… Чья
Стала эта рука – *калмак*
Был отречься готов, внатяг
Еле мог шевельнуться, так
Нестерпимо болел костяк.
Голова Солоке была
Как чугунная, даль плыла,
Погружаясь в цветной туман,
Словно был он отменно пьян.
И когда же Чубак хотел,
Замахнувшись, навек от дел
Бедолагу освободить,
Тот, теряя и мысли нить,
Закричал, словно заяц; вмиг
Сбоку прыгнул другой *калмак*:
Кырмузшы Мурадила брат
Или чей-то из близких сват –
Жанадил, – со спины, *гяур*,
Он ударил; на Кызылсур
Он сидел, этот конь как рысь
Мог бесшумно подкрасться вблизь,
Не услышал его Чубак,
Поплатившись за это так:
Преогромнейшее копьё
В зад ударило; остриё,
Всё седалище пропахав,
Вглубь пошло, как стальной удав;
Слава богу, что Кёктеке,
Вмиг узнал по родной руке,
Что разжалась на поводке:
Он останется налегке
Через миг, – и крутнулся так,
Чтоб лежал на седле Чубак,
И предпринял пяток атак –
Повалить Кызылсура; враг
Упредить этот трюк с конём
Не успел – и они вдвоём
Полетели позорно вниз;
Алмамбета заветный приз
Это конь Кёктеке, не раз
Чубака выручал, и спас
Он, по сути, его сейчас.
Взгромоздив еле-еле таз
На седло, весь в крови, Чубак
Раскорячившись, словно рак,
Попытался скакать; Алма
Раздосадованный весьма,
Подскочил к Солоке – добить,
Чтоб уменьшить *калмака* прыть
На остаток всех дней вдогон,
Что уже не увидит он.

А Чубак, хоть и был без сил,
Углядел вдруг, что Мурадил
К Алмамбету крадётся, гад,
Чтобы тоже ударить в зад.
Взвыв от боли, герой Чубак
Размахнувшись, ударил так,
Что как яблоко снёс башку
У *калмака* на всём скаку.
Кылжээрде его конь, увы,

Вдаль помчался – без головы
Седока унося, храпя
И боясь самого себя.
К Алмамбету Чубак опять
Взор направил, чтоб помогать:
Его названный брат-герой
С Солоке продолжает бой –
В ляжкую жирную он копьё
Так воткнул ему – остриё
Повернулось само юлой,
Кровь ручьём полилась, – герой
В бок теперь погрузил копьё,
Вновь ворочая остриё;
Тут, не выдержав, и Чубак
Подлетел и ударил так,
Чтоб раскрылся его живот,
Как на стол принесённый плод.
Алмамбет замахнулся вновь,
Видя, что иссякает кровь,
Но Чубак закричал: «Алман!
Хватит, милый! Уже туман
Заступает в мозги – окстись!
Бог ему коль дарует жизнь –
Пусть так будет, нам хватит драк».

«Ты не прав, дорогой Чубак,
Лучший враг – это мёртвый враг! –
Алмамбет рассердился, – дай
Я отправлю беднягу в рай
Или в ад – не моя беда,
Пусть отправится хоть куда,
Лишь бы не был среди живых;
Съест *лекарство Куну*[1046] – двоих
Нас с тобою в какой-то год
Обязательно он убьёт!
Отрубить надо руки, чтоб
Он дубьём не ударил в лоб,
И ни пику, и ни топор
Взять не смог бы он с этих пор.
Лучше, тело чтоб сгнило всё:
На Сансарово колесо
Он отправится, чтоб опять
Смог другим человеком стать!»
Изрубив Солоке на фарш,
Порешили продолжить марш
Ближе к месту, где сам Манас
В одиночку наплывы масс,
Бесконечных, как саранча,
Только властью одной меча
Сутки сдерживал; где Жолой
Слившись армией с Нескарой,
Мурадила войска с собой
Взяв, мечтает закончить бой,
Чтоб спокойно идти в обход
Иль отбить уж злосчастный брод.

Но пока они все идут
И Алма с Чубаком пасут
Этот чуждый и злой народ,
Их неспешный и грозный ход,
Пока схватки двоих с толпой
Нарушают земной покой,
Здесь оставим всё так. Не в лад
Вспомним вновь о реке Ажат,
Где вершилась одна из жатв
Исполнения давних клятв:
Вспомним схватку Конура с львом,
Где оставили их вдвоём.

[1046] Лекарство Куну – по народным поверьям целебное мясо водяного пушного зверя, поднимает почти мёртвых.

ВСТРЕЧА МАНАСА И КОНУРБАЯ НА БЕРЕГУ РЕКИ АЖАТ БЕГСТВО КОНУРБАЯ В БЕЙДЖИН, БЫЛАМАНА – В КОКЧОЛ

Э… э… э… эй!
Там, где мелких озёр не счесть, –
В каждой впадине словно весть
Отгремевших над миром гроз,
Серебрятся они вразброс, –
Жакыпхана Сыргака брат,
Старший брат, воспитатель львят –
Алп Бакай – утомлённый взгляд
Вперил в путь среди горных гряд.
Глядь: в камнях, где *уларов*[1047] дом,
Где межа меж травой и льдом,
Силуэт промелькнул… Сыргак?
Или тихо подкрался враг?
Взял скорее *дюрбун* Бакай,
Оглядел беспокойно край,
Что за дальной лежал грядой,
Солнцем по́лудня залитой:
Да, – Сыргак… Почему один?!
Словно холод вершинных льдин
Вдруг коснулся его души,
И встревоженно, как стрижи,
Заметались догадки: как
Вдруг остался один Сыргак?...
«Погоди!» – закричал Бакай,
Эхо быстрое через край
Острых гор перелилось вниз,
Умножаясь стократно близ.
Но Сыргак не услышал крик.
Словно ветер взлетел на стык
Льда и пёстрой земли, спеша
Перевал пересечь; душа
У его *абаке* совсем

[1047] Улар – горная индейка.

В страхе съёжилась: сто проблем
В ум вонзились волной атак:
«Неужели *кытай-калмак*
Разгромили разведку? Где
Алмамбет наш, в какой беде
Он увяз, как сумел Сыргак
Увильнуть от врагов, и как
Быть теперь, если вдруг за ним
Вьётся чёрной погони дым?!»
Так подумал Бакай-старик,
Сел скорей на коня и вмиг
Поскакал, как в былые дни:
С Кокчолоком его они
Вихрем мчались, бывало, так,
Что лишь пыль завихрит сквозняк;
Доскакали. Батыр Сыргак
Был рассеян, как будто мрак
Застилал его мысли, взгляд;
Абаке подскочил и в зад
Уколол его пикой; тот
Так и взвился: с чего, мол, жжёт,
Как взбесившись, его седло,
И кусается вдруг зело? –
Ягодица сползла с седла
И нога его не смогла
Удержаться, и стремя вдруг
Ускользнуло; как дохлый жук
Лёг на гриву, на миг застыл
Бедный парень, но Телкызыл
Так сумел обернуться, чтоб
Всадник видел: белобород
И весьма узнаваем тот,
Кто почти что пустил в полёт
Своего же братишку: мол,
В оба зри, а не то укол
Ты получишь и от врага:
Во всю мощь уже, не слегка.

Но взмолился Сыргак: «*Аба*!
Я бы впредь попросил тебя
Не подкрадываться как пёс!
Что ты хлещёшь коня? – вознёс
Он тебя за мгновенья ввысь».
«Ну, а ты-то куда, кыргыз, –
У него спросил *абаке*, –
Так торопишься налегке
В верноподданном *калпаке*,
На привычном своём коньке,
Друг мой юный, Манаса брат,
Почему ты пришёл назад
В одиночестве? Дай ответ
Где Чубак наш и Алмамбет?
Живы оба два льва иль нет?
Что-то тёмен полдневный свет».
Торопясь, отвечал Сыргак:
«Оба живы – Алма, Чубак
И опора для бренных нас –
Наш великий Айкол Манас!»
И скорее залепетал –
Почему он сюда скакал
В одиночестве и зачем,
Как пришлось нелегко им всем,
Как дела обстоят сейчас,
С кем сраженье ведёт Манас.
Ал Бакай бородой потряс:
«Да, дела… Появись сейчас
Ты с такими вестями в стан –
Я не знаю, который хан
Из четырнадцати, смутясь,
Не ударит душонкой в грязь.
Нет, конечно, все – львы они,
Но, поверь, что за эти дни,
Ожидая, что даст нам бог,
В каждом льве, что совсем не плох,
Раж уже отпылал и сдох.
Вид твой вызвет переполох!
Дай, пойду я вперёд тебя.
Ты собою займись, любя:
Постирай одежонку, *тон*
Здесь припрячь – в бурых пятнах он,
Пояс крепче ещё стяни:
Исхудал ты за эти дни,
Да немножечко отдохни.
А прискачешь когда, они
Если спросят – почто один,
Ты солги – от своих седин
Разрешаю, – мол, господин
Алмамбет захотел мясца
С этой вестью послал гонца:
Завалили, мол, жеребца,

Да жирнющего как тельца,
Кто, мол, явится первым, пусть
С нами *тоем* украсит путь,
Опоздает же кто – мяска
Вряд ли хватит для дурака.
О проблемах молчи пока,
Не бери за рога быка».

Согласившись с *аба*, Сыргак
Сделал всё, как велел он, так:
Кровь с одежды отмыл в снегах,
Просушил её на камнях,
Да потуже стянув ремень
В стан отправился, благо день
Стал к закату клониться: тень,
Всё пригладив, вобрала в сень
Изможднный и скорбный вид:
Видно – просто устал джигит.
Первым всадника Сынчыбек
Заприметил, и сам в разбег
Вмиг пустился ему навстречь,
Издалёка затеяв речь
О Манасе, о Чубаке,
Об Алмане, – в его виске,
Видно, билась как муха мысль:
Не попал ли в капкан кыргыз?
Успокоил его Сыргак:
«Всё нормально! Но вышло так,
Что уже разместился конь
В казане, и зажжён огонь.
С нами сядет, а кто сглупит –
От трофея лишь сытый вид
Им достанется – первых, тех,
Кто успеет урвать успех».
Так ответив, храбрец Сыргак
Улыбнулся, ускорив шаг:
Мол, к другим торопился он,
Что уж мчались со всех сторон.
Люд Кокона, услышав весть,
В путь собрался не медля весь:
Дружно, радостно – снова пыль
В придорожный легла ковыль,
Словно туча, взметнувшись ввысь:
Лихо конники пронеслись.
Сам Алашский мудрец Бакай,
Усмехнувшись в усы – «пускай»,
Коёнкоза призвал к седлу,
И, с собою взяв Аккулу,
Тоже с гиканьем – «берегись!»
С перевала помчался вниз,
Проявляя безмерно прыть,
Чтоб коконских опередить.

От Сыргака все вести он
Сам Манасу принёс, в обгон
Тех, идущих вослед толпой
На обещанный щедрый *той*.
Аккулу удивил Айкол:
Лишь услышав про «званый стол»,
Он усы закрутил, зело
Посмеявшись, вскочил в седло,
Не задев и стремян, и в путь
Вмиг пустился, подставив грудь
Ветру, бьющему встречь двоим,
Весь туман унося, как дым.
Шли вдоль берега. Путь в Кокон
Был безгласно определён:
По следам Конурбая шли,
Оставляя свои в пыли.
Аккула быстроногий плыл
В этой пышной пыли, и был
Он, Манасу подстать, силён:
Сам Ажат полноводный он
Смог, воды не коснувшись, вмиг
Перепрыгнуть, как ров, арык;
Вдохновлённый им Айманбоз
Также этот решил вопрос:
Словно заяц, присел и вдруг
Перепрыгнул почти как друг
Этой злобной реки простор –
Словно демон воды простёр
Он свой пояс меж скальных гор,
Прерывая до этих пор
Путь любому, кто шёл вперёд
И для этого рыскал брод.
Здесь засаду Конура ждал
И Манас, да и аксакал,
Но его не нашли. Меж скал
Чёрным войском огромным встал
Чей, неведомо, люд, – увы,

Было воинов – как травы,
Только не было головы
Над скоплением сей братвы;
Расступилась толпа едва –
Так от ветра порой трава
Чуть приляжет, чтоб вновь восстать:
Видно было: растерян тать,
Путь не думая уступать
Даже явится если рать.
Разозленный храбрец Манас
Свой разящий меч *Ачалбарс*,
Влево, вправо пуская в ход,
Прорубил средь толпы проход;
Удивительно, но народ,
Жизнь спасая, не брал в расчёт,
Что оружье держал в руках.
Вот что может наделать страх!
Кровь стекала в Ажат, красна
Стала вскоре уже волна,
Был прорежен народ сполна,
Стёрты многие имена:
Нескары и Жолоя люд
Уходил временам под спуд.

Из Кокона войска пришли,
Когда многие полегли,
Когда день догорал в пыли,
Когда лев и Бакай могли
Еле-еле разить мечом;
Им подставил Кокон плечо:
На отряды врага войной
Навалился кыргыз стеной.
Направляли войска вперёд
Сорок воинов; весь народ
Исполнял молодых приказ,
Зная: вёл их на бой Манас.
С молодыми на равных шли
Их старейшины, соль земли:
Акбалта, Доодон Кошой,
Жамгырчы, его друг большой
Эр Тёштук, и Агыш-манул,
Полный мужества Эр Кокул –
Каждый в битве уже блеснул
Кто мечом, кто копьём, и впредь
Собирались лишь сеять смерть;
Будайыка усатый хан –
Музбурчак – не напрасно стан
Вмиг оставил, ввязавшись в бой;
Хан казахов Урбу, собой
Вдохновляя свои войска,
Мчался к цели, что так близка;
Текечи и Шыгай – они,
Осторожные в оны дни,
Не пытались со стороны
Сечь оценивать: столь красны
Были лица их и мечи,
Словно плавился жар в печи.
Правда, вражьи войска – ничьи,
Как казалось, в сплошной сечи́,
Беспорядочной – так во тьме
Бьются черви в земной тюрьме,
В вечном склепе чужих могил, –
Не давала для пылу сил,
Дух поднять не могла, хоть звон
Громкий бубен со всех сторон
Раздавался, лишь множа стон
Умирающих – так в бульон
Добавляют приправы, вкус
Трупных ядов сокрыв от уст.
Проредились когда войска,
Стало видно издалека:
У врагов есть богатыри,
Красномордые упыри,
И Конур сам – Кечилский хан –
Вновь сбирает войска: *алтан*[1048]
За собою ведёт Какан,
Вовлекая народ в капкан:
Айжанжуна главой теперь
Он над войском поставил, зверь:
Всех на бой он поднял – юнцов,
Их уже пожилых отцов,
Ребятишек и молодух –
Вот такой появился слух.
И без слухов, на взгляд, войска,
Что готовились для броска,
Чернотой затопили лог,
И холмы, и ущелья – бог
Под знамёна небес не смог

[1048] Алтан – знаменосец.

Уместить тот людской поток:
Словно сель покатился с гор,
Куда ногу поставить – спор
Возникал там среди людей,
Что на битву созвал злодей.
Весь Китай на одном лугу:
Из *кангайцев* сам Оронгу
Борончу, *калмаков* Уушан
Мурадил Кырмузшаанов хан,
Кедендиров Большой Жолой,
Нескара – всех Манжуров *ой*[1049],
И Кечилев Конур – с собой
Притащивший юнцов на бой.
Кенешкора семёрка их
Вознамерилась дать под дых
Всем кыргызам, пришедшим к ним;
Был огня пострашнее дым.
Гром ружейный, мельканье стрел –
Кто не первый, тот не успел, –
И дубины, и топоры,
Копья, сабли, мечи, багры –
Всё мелькало, рождая звон,
Порожденье кровавых войн,
Но не радовал души он
Тех, кто ранами был озлён;
А кого уж настигла смерть,
Из чертогов Отца смотреть
Мог на этот безумный мир,
Смерти с жизнью большой турнир,
Где, гарцуя на Аккуле,
На монгольском своём седле,
Сивогривый батыр Манас,
В бой направив свой *Ачалбарс*,
Шестьдесят поразив за раз,
Ранив сотни из ближних масс,
Пробирается к сердцу войск,
Где узреть ему удалось
Конурбая-*калчу*: злодей,
Понуждая на смерть людей,
Сам за спинами их опять
Приготовился убегать.

Выйдя прямо на Конторо́
В окруженье его *чоро*,
Сивогривый разящий меч
В ножны вдвинул – решил сберечь
Ачалбарс от гнилой мочи,
Что по венам течёт *калчи:*
Взял копьё он наперевес;
Конурбай подскочил, как бес,
И зубами заскрежетал –
Рад бы спрятаться хоть в астрал,
Но, увы, не успел… В глазах
Льдом застыли и злость, и страх,
До крови закусил губу,
Молчаливо браня судьбу,
Жойкума[1050] потирая так,
Словно спрятаться за *атак*[1051]
Вознамерился злобный враг;
Но опомнился всё ж *калмак*,
Понял конь его Алгара́:
Начинается не игра,
Страх хозяина из нутра
С дрожью хлещет: пришла пора
Смерть примерить как новый *тон*,
Конурбаю, что так взбешён,
Что не в силах сдержать и стон;
В ножны меч свой отправил он,
В руки тоже он взял копьё
И разящее остриё
Иноверцу направил в грудь,
Чтоб пресечь его грозный путь.
Конурбая-богатыря
Издалёка узрев, не зря
Смертный бросился бы в бега,
Если жизнь ему дорога;
А в сражении встрепит коль,
То пройдёт через страх и боль,
Кровь бессчётно прольёт, пока
Смерти ласковая рука
Не закроет ему глаза.
Не бояться его нельзя:
С тонкой талией он, а стан
Мощный, словно застыл туман

[1049] Ой – мысль, помысел, замысел.
[1050] Жойкума – название богатырского меча.
[1051] Атак – 1. слава, известность; 2. звание.

Грудой каменных круглых мышц;
Алгара́ его словно мышь
Рядом с этой громадой, но
Сжились двое уже давно,
Седоку не уступит конь
В силе, в ловкости: только тронь
Шкуру бархатную камчой –
Алгара со своим *калчой*
Полетят словно птица вдаль;
Конурбаю-свинье не жаль
В ход пускать стремена, камчу,
Лишь бы нёс Алгара *калчу*!
И сейчас он огрел коня
И рванул, всех богов кляня,
С хриплым кличем «*Кангай*!» вперёд,
Разгоняя в пути народ.

Сын Жакыпа стоял горой
У него на пути – смурной,
Взять его на испуг слабо:
Белоснежный *тон* Аккубо
С белым тигром равнял его,
Словно грозное божество
Он огромной скалой стоял,
Аккелте его так блистал,
Как вторая луна, а лик
Был как озеро столь велик
И светился как жаркий блик
На заснеженных шапках пик.
Грозен вид его был – дракон
Так, поставив врагу заслон,
Ждёт его приближенья: он
Знает – кто понесёт урон.
Если рык он издаст – сильней
Шесть десятков простых людей
Не заглушат, пустившись в крик,
Этот грозный драконий рык.
В ожиданье застыл – румян,
Ореол его как в туман
Солнцем высветленный одет:
Так, бывает, вечерний свет
Вспыхнет алым пожаром вдруг,
Чётко вычертив полукруг
Над хребтом Ала-Тоо – знак,
Что за ним, разрушая мрак,
Солнце в новых уже краях
Царству тьмы предрекает крах.
Он – с копьём золотым в руках,
С топором, что блестит в лучах,
Нагоняет на смертных страх,
Словно с неба сошёл аллах –
До того нереальный вид!
Всяк, узревший его, дрожит,
Как на крыше под ветром мак;
Не один, говорят, *калмак*,
Лишь взглянув на него хоть раз,
Умирал, устрашась, тотчас;
Или суток по трое в таз
Враг рыгал, и души алмаз
Вместе с рвотой ронял на дно
С сердцем вырыгнув заодно,
Словно дьявол вселялся в них.
Мир вокруг загустел, притих.

Если правду сказать, Манас
В долгожданный тот грозный час
Весь настолько ушёл в себя,
Словно будущая судьба
Вся решалась его сейчас;
Под нагрудником сам Манас
Слышал сердце своё: оно
Билось так, что в глазах темно:
Покушался на свет *гяур*.
Крик истошный издал Конур.
И Манас-богатырь коня
Повернул, чтобы светом дня
Навалиться на эту тьму.
Вот теперь один к одному
Разъярились бойцы, и встречь
Полетели как в омут – в сечь.
И в величьи своём Манас,
И батыр Конурбай, не раз
Доказавший большую мощь,
Хоть и вырос среди вельмож, –
Всяк по-своему был велик;
Разъярённый звериный лик
Проявился в них, даже крик
В их устах превращался в рык;
Сбросив *то́ны*, лицом к лицу
В бой вступили; всегда бойцу

Рукопашный любой непрост:
Вес имеет и разный рост,
И манера сидеть в седле,
Положенье лучей во мгле –
Ну, а мглы-то всегда с лихвой:
Пыль становится столбовой,
Поднимаясь из-под копыт;
Кому солнце в лицо глядит –
Тот как будто бы слеп слегка,
Как ударить наверняка
Своим острым копьём врага,
Когда рядом он, в полшага?
Размахнуться – пространства нет,
И в глаза ударяет свет.
Покрасневшие глаз белки,
Шеи вытянув – гусаки
Так наскакивают, шипя,
То приблизясь, то отступя, –
Коль на них посмотреть извне,
Каждый высился на коне,
Но сражались, забыв о том –
Они пешие иль верхом,
Копья как продолженья рук
Так мелькали, что резкий звук –
О железо железо, – был
Словно в бубен незримо бил
Кто-то, ритм отбивая им
Песни, ведомой лишь двоим.
Иногда замедлялся ритм,
Словно бог человечьих битв
Уставал от их равных сил
И на время их пыл гасил,
Чтобы дать им обдумать ход
Хоть немного, но наперёд,
Чтобы силою и ума
Поборолись бы свет и тьма:
До сих пор не одно копьё
В кровь голодное остриё
Не смогло окунуть, увы;
Никогда ведь две головы
Лишь в одном небольшом котле
Не уварятся на земле.
Конурбай от мыслей своих
На мгновенье опять затих:
«Кровопийца копью не даст
Его тела вкусить – Манас
Оказался хитрей, чем я;
Нет нужды мне жалеть копья,
Надо как-то врага с копьём
Обратить мне в бега… Вдвоём
Будем вечно кружиться здесь,
Утоляя лишь в мыслях месть;
Значит, выход один лишь есть,
Чтобы жизнь уберечь и честь:
Сзади, в спину ударить так,
Что, на миг отвернувшись, враг
Будет как бы сражён в бегах –
Мол, погнал его с поля страх,
Ну, а я-то его догнал.
Алгара мой умён, сигнал
Дам, камчой царапнув бока, –
Обернётся вокруг врага
Что как будто ушёл в бега, –
Я ж ударю наверняка!»
Так подумав *калча* скакнул
Вбок, немного назад свернул,
Прокрутился и, сделав круг,
За врагом оказался вдруг.

Про себя посмеялся лев:
Нет, не вызвала даже гнев
Эта хитрость – пустой напев
Копий, тоже поднадоев,
Поскорей бы сменить на плеск
Крови и сухожилий треск,
Крик – на стоны врага, и пусть
К смерти сам он находит путь.
Подытожил Манас смешок:
«У *калчи* как всегда мешок
Всяких хитростей в голове, –
Это, в общем-то, не вновé,
И пока с Алгарою он
Попытается стороной
Обойти и ударить в тыл,
Я скоплю для удара сил», –
Так подумав, Манас слегка
Отвернулся, следя, пока
Конурбай подкрадётся вблизь;
На копьё своё опершись
Ждал, пылая румянцем скул;

С ним сравнявшись, Конур метнул,
Торжествуя уже, копьё,
Рассмеявшись, как вороньё.
Он не видел, как вдруг Манас,
Сбоку выхватив *Ачалбарс*,
Развернувшись, разбил в щепьё,
Отшвырнув далеко, копьё,
И Конур, что спешил уже,
Воспарив до небес в душе,
К им поверженному врагу,
Оказался на всём скаку,
Безоружный, к лицу лицом
С зубоскалящим храбрецом.
Коротка без копья рука!
Обречён был наверняка
Конурбай, хоть и жив пока.
Всё смекнув, он ушёл в бега!
Чуть живот не разбив коню,
Он помчался подстать огню,
Лишь рубахи его пола
Развернулась под вид крыла,
Пыль, тяжёлую как зола,
Скачка клубами подняла.

Вслед пустился Манас скорей,
Пыль глотая и суховей,
Оба мчатся к реке Ажат,
Только искры вокруг летят:
Каменистые берега
Усложнили весьма бега,
Доскакали же до песка,
Что затягивал, как тоска,
Взгляд и вздох, и тяжёлый шаг, –
Раскалённый на солнце так,
Что уже и Манас, и враг
Будто двое хмельных гуляк
Запетляли в песке – в углях
Словно двигались на конях.
Обитающие в песках
Все – от крупных зверей до птах, –
Хоть онагр, хоть кулан, хоть кто,
Так себя обжигают, что
Превращаются в угольки
Их копыта; а от реки
Если лебедь вдруг прилетит
И в песок приземлится – вид
Гордой птицы мгновенно жар
Превращает в сплошной кошмар:
Извиваясь и клюв раскрыв
Птица бьётся, как белый взрыв
Угасающих мощных крыл,
Из последних взлетая сил.
Нет травинки, чтоб ущипнуть,
Нет воды, чтоб в тот миг глотнуть,
Когда ветер швыряет в грудь
Ядовитый песок, как ртуть
Проникающий в нос и в рот.
Путь в пески не торит народ.
Конурбай же наоборот
Словно разуму вопреки
Торопился зайти в пески,
Что особенно глубоки,
Чтоб врагу его не с руки
Было выбраться – ведь в Бейджин
Он добраться хотел один,
Хоть и чувствовал без прикрас:
Ангел смерти обоих пас,
Но надеялся он на шанс:
Мол, ослабнет когда Манас,
То *калдаи*[1052], под чьим крылом
Числят огненный этот дом,
Вступят в схватку все как один
И спасут золотой Бейджин –
Город прадедов и отцов, –
От нашествия пришлецов.
Ханы есть среди них – они
Как в преданиях старины
Сил волшебных больших полны,
Даже пешие – столь сильны,
Что Манаса повяжут вмиг,
Лишь узрят чужеземца лик.
Тешил мыслью Конур себя,
Позабыв, что одна судьба
Ждёт и дичь, и его ловца
В этом зное, что без конца
Расстилался, как вечный ад,
Отрезая пути назад.
Ни ухабов Конур, ни ям

[1052] Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов.

Не видал, ослеплённый сам
Жаждой мести, – бежал как зверь,
Словно видел среди потерь
И коня, и себя уже;
Жажда мести в его душе
Разгораясь, из злобных глаз,
Словно едкая желчь лилась,
Полы *тона* как два крыла
Развевались, и Алгара
Словно сам уже стал крылат,
Перемахивал всё подряд
Как косуля: обломки скал,
Ям, развергшихся вдруг, оскал,
Раскалённых песков мангал.
Но не хуже, чем он, скакал,
Догоняя, и Аккула:
Шкура стала почти бела,
Чёлку вскидывал он со зла,
Чтоб она ему лоб не жгла;
Словно шёлковый веер хвост,
Охлаждая бока вразброс,
Весь ходил ходуном за ним,
Из песка высекая дым,
С удилами на перезвон
Бил копытами быстро он
Не касаясь почти земли;
Присмотреться бы издали –
Богатырь той эпохи плыл
Как гора над землёю, сил
Не растрачивая своих,
Как и конь его – лёгкий штрих
Серебристый меж пыльных туч,
Что в изяществе столь могуч.
Но Манас ощущал нутром
И камней раздроблённых гром,
И сжигающий тело жар,
И дыханье коня – как пар
Вылетающий из ноздрей.
Словно птица – быстрей, быстрей, –
Аккула ускорял свой ход.
Круп умащивал тяжкий пот.
Оттого-то и стрелы все
Отлетали: на колесе,
Что вращается с силой, так
Камень или стрела впросак
Попадает – хоть как мечи!
Силу лошади стукачи
Расписали, но до *калчи*
Вряд ли сразу дошло: лучи
О светиле дают намёк,
Потому что взглянуть не смог
В его суть человечий глаз,
Мощь светила – не напоказ.

За *калчою* взлетел Манас
На песчаный бархан – как раз
Алгара поубавил ход,
Аккула же – наоборот
Лишь на взлёте его набрал.
Конторо про себя мечтал
Пересечь скорей Иташар
И держать основной удар
За Бейджином, чтоб солнца жар,
Слишком щедрый небесный дар,
Потихоньку на нет сошёл.
Вправо, влево мечась, как крол,
Он бежал, Алгару хлеща,
Словно загнанный зверь дыша,
В мощной туше его душа
Вся скукожилась, трепеща.
Увлекая Манаса, он
Стук копыт с четырёх сторон
Словно слышал с тиши равнин:
Аккула то и Кокжалын
Шли по следу за шагом шаг;
В плечи щёки втянул *калмак*:
Уши – мог бы, – заткнул, но гром
Раздавался со всех сторон.
Сердце, птахой в груди мечась,
Так не прыгало отродясь,
Словно с громом держало связь
И выстукивало, торопясь,
Все предчувствия – как сейчас
Его схватит, догнав, Манас:
«Схватит, видимо, за полы,
Опрокинет, – *буруты* злы, –
Вспорет с маху он мне живот,
Кровь на землю ручьём прольёт.
Все надежды ушли как дым:
Коль не смог я покончить с ним,

Не оставит меня живым
Этот дьявольский побратим!
Он не только снесёт башку –
Кожу вывернет и, в стогу
Взявши сено-солому он
В эту кожу набьёт – ворон
Буду чучелом я пугать
Где на шест меня вздёрнет тать!»
Сам Кечила Конур бы смог
Сделать так, если б мудрый бог
Дал победу ему в бою, –
Каждый тайную суть свою
Примеряет к другим, увы,
И не видит другой канвы
Для поступков, решений, дел.

Но Манас далеко глядел.
Он бы мог за полы и взять,
Сдернуть оземь и растерзать
На потраву зверью врага;
Только честь была дорога:
Совершая бездумно месть,
Можно в жертву страстям принесть
Уваженье к себе и честь –
Что, по сути, душа и есть.
«Вот подобный горе *калча*,
Разрубить его? – но меча
Недостоин ничтожный он;
Пусть запомнится меж времён
Богатырское озорство
Над Конуром: воздев его,
Словно бык на свои рога,
Нёс на пике Манас врага!
Пусть припомнит *Кангай* не раз:
Настоящий герой Манас!», –
Так решил, не чинясь, Айкол,
Дёрнул шнур, чтоб открыть чехол
И достать свою пику вновь.
Алгара, что почуял кровь,
Еле-еле живой, взбрыкнул,
Седока как мешок встряхнул;
В этот миг же Манас метнул
Пику, метя меж лат; воткнул
Он, однако, её в коня –
В круп… Тяжёлая как пешня
Пика, шкуру пробив и плоть,
Жилы перерубила, вплоть
До костей и артерий; ал
Алгара весь от крови стал,
Но петлять продолжал меж скал:
Жизнь кончалась, но жил запал.
Аккула, убыстряя ход,
Попытался догнать – в полёт
Истекающий кровью конь
Алой птицей ушёл; огонь
Словно вспыхнул меж торных троп,
Смерч, затеявший вдруг галоп
Меж песков, уходил к горам,
От своих же смертельных ран.

Огнь рождается из искры́.
Из-за выходки Алгары
Так случилось, что из игры
Словно вышли богатыри:
Ведь не выдержало копьё –
Отскочившее остриё
Конурбай уносил в коне,
Рукоять от него извне
Оставалась в руках у льва.
Жертве поздно качать права.
Хоть скакун был живой едва,
И по следу его трава
Становилась багровой вся,
Не роптал, седока неся
Этот жертвенный конь-батыр,
Угасающий видя мир.
Конурбай не жалел коня,
Лишь мечтал – мол, до склона дня
Пусть на склон вознесёт меня:
Там спасенье, Бейджин, родня.
Этой схватке свидетель – бог.
Он тому, кто слабей, помог.
Ни кыргыз, ни *кангай* вовек –
Каждый всё-таки человек, –
Божий промысел не поймут:
Что, мол, черпает он из смут,
Продлевая злодеев путь.
Нашим мыслям не вникнуть в суть.
Не увидела ни душа,
Как, стремленьем одним дыша,

Двое бились, как сил размах
Таял заревом в небесах.

Сердцем был от рожденья чист
Алмамбет – как весенний лист,
Что из почки свои крыла
Развернул, – так душа светла
У ребёнка сперва была!
Только в схватках Добра и Зла
Слишком много провёл он дней;
Стал, конечно же, он сильней,
Но покрылся бронёй – под ней
Свет души всё тусклей, темней.
Так на ясный весенний день
Чёрных туч нагоняет тень
Ветер, в стаю сгоняя их,
Столь безжалостно закрутив,
Что из нéбыли снежный вихрь
Зарождается в ледяных
Струях, выжатых дождевых –
Туч, прокрученных ветром, жмых.
Путник если попал в горах
В тучи, некий животный страх
Испытает не раз, не два,
Ну, а выберется едва –
Долго будет ещё дрожать
И коня беспричинно гнать.
Так сегодня богатыря
Опасается всяк не зря:
Грозен, зол Алмамбет теперь,
Сарала словно гибкий зверь
Скачет резво под ним меж гор,
Головной у Алмы убор
Алый, вышитый сплошь *жынзой*[1053],
Он на солнце как золотой;
И одежда ему к лицу
Как положено храбрецу,
И попона Айсаралы
Цветом в ночь и без мишуры.
Вот он мчится к *кангайцам* – нет
Здесь опасней, чем Алмамбет,
Богом данных богатырей:
Нет мудрее и нет сильней:
Сарала, его конь, так быстр,
Что их путь лишь по вспышкам искр
Рассыпающихся в камнях
Виден в сумерках; вид их страх
Навевает, и кто – скажи,
По веленью своей души
Выйдет сам на смертельный бой
С Алмамбетом, – какой герой?
Тот, народов подвластных *кун*,
Знаменитый хан Айжанжун? –
Тот, кого не поднимет конь,
Тот, в чьём сердце горит огонь,
Кто *чоро* своих – сорок львов –
В бой направить всегда готов?
Ыламá есть ещё один –
Айжанжуна почти что сын:
Над *чоро* самый старший он,
Хан десятка своих племён,
И храбрец, и весьма силён, –
Поднял флаг он, собрав войска,
Цель, казалось ему, близка:
Пусть хоть ветер пригнал туман,
Целый мир опустив в карман,
В нём не спрячется пришлый хан!
Да, конечно же, цель – Алман.
Ыламана Алма сразил
Наповал и великих сил
Не заметил его почти;
Шедший следом Сыргак, в пути
Подчищающий всё, что мог,
И рассеять войска помог,
И башку Ыламе срубил;
На ходу Алма зацепил
Флаг врага, ввысь вздымая свой,
Дав понять, что они – конвой,
А *калмаки* – хоть вой, не вой, –
Проиграли недолгий бой,
Пусть и пыжатся на ходу,
Повторяя: «Монду, монду!..»
Про обычай *Кангая* знал
Алмамбет, что такой провал,
Вызвав ярость и злость, других
Привлечёт, хоть и бой затих.
И действительно: в этот край
Поспешили *манжу*, *кытай*,

[1053] Жынза – название драгоценного камня.

И *калмаки-кангайцы*: в бой
С громкогласной примчал ордой
Уеде́на сынок Жолой, –
Да, тот самый Большой Жолой,
Толстопузый, лохматый, злой.
Ачбуудан, его конь, с трудом
Вёз его как огромный дом,
Сам Жолой, как скопец-верблюд
Злобно прыгал в седле, и люд
Свой обрызгивал он слюной:
Так приказ отдавал Жолой.
Он из кожи надел штаны
Крепче меди, а их длины
Доставало с таким лишком,
Что Жолой, хоть сидел мешком,
Но не падал за счёт штанов,
Что под брюхом коня готов
Завязать был в любой момент,
Наподобие бабьих лент.

Задрожала земля – Жолой
Вышел с войском на смертный бой
С тем же криком «Монду!» гурьбой
На кыргызов напали тьмой,
Без разбору – кто враг, не враг;
Пять десятков сразил *калмак*, –
Были злы иноверцы так,
Что поранили молодняк;
Но Кыргыл, Ажыбай не зря
Были званьем богатыря
Много лет как награждены
И премудрости все войны
Изучили без дураков;
Как детей окружив врагов,
Тех, что сзади, беззвучно смяв,
Хорошенько накостыляв,
А кому и снеся башку,
В центр войска на всём скаку
Словно в масло вошедший нож
Оба врезались, сея сплошь
Смерть, увечья, и страх, и дрожь.
И Сыргак Жакыпхана тож
Телкызыла погнал в толпу,
Чтоб лицом развернуть судьбу
И удачу к своим *чоро*:
Злом ответит на зло добро.
Силачи, что с Жолоем в бой
Шли, довольные столь собой,
Что с Сыргаком ввязаться в бой –
С гибким, сходственным со змеёй, –
Слишком лёгким сочли трудом;
Удивиться они потом
Не успели: всех шестерых
Брат Манаса сразил под дых,
На копьё насадив за раз;
Заодно осаждённых спас,
От *чоро* отведя беду:
Бозуула и Шууту,
Ажыбая, Кыргыла – тот
Проливая в усердье пот,
Отбивался от силачей
И от их шестерых мечей.
Смог Сыргак и коней поймать,
Лишь двоих, остальных же тать
Разогнал, а кого – убил.
Что ж, по дво́е он усадил
Всех спасённых Сыргак своих,
Чтобы вывезти разом их.

Нечестивый же *алп* Жолой
Из бойцов, что пошли стеной
На *кангайское* войско, смог,
Часть на взгляд отделив, в бросок
Сразу целых семнадцать их
На копьё нанизать, – простых,
Необстрелянных, – как овец:
Юных жизней пустой конец.
Поспешили на этот край
Музбурчак, Текечи, Шыгай –
Трое встали в суровый ряд,
Заслонив молодых ребят;
Вместе с ханами как бойцы
И спасённые храбрецы
Встали, чуть поднабравшись сил:
Бозуул, Шууту, Кыргыл
И, конечно же, Ажыбай,
Так вломили *кангайцам* – в рай
Или в ад отослав их вмиг;
Отступил на шажок *калмак*.
Текечи, Музбурчак, Шыгай

В сёдла сели: сплошной раздрай
Лошадьми осчастливил их.
Бой, конечно, увы, не стих:
Плотной цепью *кангайцы* шли
Как завязанные в узлы:
Словно сетью ловил *калмак*
Зазевавшихся меж атак
Из кыргызских бойцов ребят.
Для таких начинался ад:
Их кололи со всех сторон!
Акборчук к ним и Карткурон
Угодили в живую сеть,
Призывая скорее смерть –
Все над ними глумились так.

В ярость впал богатырь Сыргак
И, с шестью силачами спор
Лишь уладив, теперь отпор
Вознамерился снова дать,
Хоть из множества тысяч рать
Расстилалась пред ним: *жанжун*,
Два *калдая* и мерный шум,
Как бескрайней волны озноб,
Шёл от этих бессчётных толп.
Счесть врагов бы не мог Сыргак.
Разве можно измерить мрак?
Сосчитать, сколь во тьме теней?
Горе делает нас сильней
И бесстрашнее – дар богов
Тем, кто жизнью рискнуть готов.
Как же было не горевать,
Когда подлый жестокий тать
Шестерых молодых ребят –
Силачей, что стояли в ряд,
Заслоняя старшин своих,
Два *калдая* пронзили их,
А за ними – ещё троих.
Лев Сыргак не сдержал шальных
Гневом сил напоённых – вмиг
Мощь ударов и львиный рык
Дух врага, ощутив, поник,
Оставляя вокруг заик
Между выживших, тех, кто смерть
Миновал в эту круговерть.
Льву в подмогу что было сил
Пробивались Ажы, Кыргыл,
Два десятка ещё *чоро*,
Всех Жолоевских войск ядро
Изнутри выбивая так,
Чтоб остался в живых Сыргак.
Войско тысячное они
Уничтожили – не одни,
Вместе с ними и сам Сыргак,
Текечи, Шыгай, Музбурчак
Шли, прореживая врагов,
Каждый был умереть готов.
А упрямый Большой Жолой
Лишь надсаживал голос свой,
Не поверив, что может смерть
Взять его самого посметь.
Силачом он считал себя,
Шанс ему, мол, дала судьба
Смерить силы с врагом, и он,
Полыхая весь, как огонь,
Задыхаясь в пылу погонь,
Едким потом сочась, как конь,
Поскакал поперёк пути –
Чтоб кыргызам не дать уйти.
По пути раскидал он всех,
Кто мешал подловить успех,
Невзирая – свои ли, нет;
Вёл Уушан своё войско вслед –
Для поддержки в победе, мол;
Мудр вол, если он комол.

Что ещё не свершилось, век
Прячет в будущем; человек
Видит то впереди, что знать
Он хотел бы, но только дать
Может время лишь то, что брать
Разрешила природа-мать.
Есть ли в этом какой обман?
Нет, скорее всего туман
Человек напускает сам;
Мёд течёт лишь по тем устам,
Что сумели припасть к нему
И по долгу, и по уму.
Пыль сгустилась над всей землёй.
Войско движется вдаль стеной,
На Бейджин торопясь; над ним

Держит знамя Алма – един
Он над войском парит, как смерч,
Чтобы вовремя всех отсечь
От ненужных дозоров, встреч,
Чтоб в их общность не вкралась течь.
Начиная от Ылама
Держит знамя своё Алма,
Пресекая намёки зла;
Почерневший Айсарала
Так же гордо его несёт.
У отрога, где поворот
Открывается на Бейджин,
Смотрит вдруг Алмамбет – один,
Нет, второй мелькнул силуэт.
Призадумался Алмамбет:
Может, теней всего игра?
Пригляделся: то Алгара
Мчит, вперёд как исчадье зла;
Вслед торопится Аккула;
Значит, льва обманул *калча*,
Вновь ушёл от его меча!
«Чтоб Конуру навек пропасть!» –
Алмамбет так воскликнул, мчась
Вслед за львом и его врагом;
Бросил знамя и вбок рывком
Попытался пресечь их путь, –
Льва с Конуром, – чтоб как-нибудь
Гибель льва упредить: *калча*
Был хитёр, и задумка чья –
До Бейджина сманить врага, –
Сразу можно понять: в бега
Враг ударился, в западню,
Подготовив, небось, родню,
Он заманивал льва, чтоб там
Всё расставилось по местам.

Пусть торопится Алмамбет.
Прав он, мудрый, здесь спору нет.
Мы же речь поведём о том,
Как Манас с Аккулой вдвоём
Подошли к крепостной стене,
Окружавшей Бейджин извне.
Был во власти азарта лев,
Клокотал в нём опасный гнев,
Только думал он здраво: здесь
Утолить не придётся месть.
Впрочем, если извлечь копьё,
А верней – его остриё,
Из Конура, то кровь рекой
Хлынет тут же, и сам собой
Отошёл бы он в мир иной;
Как позвать остриё «домой»?
В это время же с крепостной
Этой мощной стены большой
Страж узрел силуэт *калчи*,
А затем и врага; но чьи
Эти двое, не понял он.
Сивогривый со всех сторон
Взвесил то, что случится здесь:
Страж закроет ворота, весть
Понесёт он о чужаках,
А на что подвигает страх –
Ясно каждому: только крах
Он пророчит Манасу… Шаг
Сделал верный Айкол, хоть риск
Был велик, но не меньше – приз:
Чтоб шатающийся *калча*
Внутрь не юркнул один, крича,
Я, мол, это, Конур, ваш хан,
Ход ускорил Манас, чтоб в стан
Получилось войти двоим, –
Мол, копьё не оставлю им,
Самым смертным врагам, – Манас
Над собой пошутил тотчас.

Защищён был вдвойне Бейджин:
Высотою в сорок аршин
Возвышалась сама стена,
А за нею была видна
Яма – сорок аршин до дна,
И настоль широка она,
Переполненная водой,
Словно озеро; и литой
Из железа мудрёный мост
Был над ямою той: непрост –
Колдовство или мастерство
Были сутью моста, – его
Шестьдесят силачей могли
Опустить и поднять: земли
Не касался его конец,

Куда мог бы ступить гонец
Заходящий в Бейджин извне;
Мост один защитить вполне
От вторжения мог, восстав
На дыбы в нужный миг, в анклав
Свой воздушный как будто в клеть
Заперев приносящих смерть.
Умирающий Алгара
Чуя дух своего двора
Распростёр свою гриву, хвост
Как летяга взлетел на мост;
У Айкола из рук копьё
В ров упало – ведь остриё
Ускользало уж за предел.
Аккула же, на ком сидел
Лев разгневанный, не хотел
Так же прыгать, хоть был и смел,
И отвагой всегда богат
И, как мир говорил, крылат.
На него разозлясь, Манас
Меч не тонущий *Ачалбарс*
Тут же выхватил: «Что за фарс?!
Как барана тебя сейчас
Я прирежу – подводишь нас!
Коль не выполнишь мой приказ,
И не прыгнешь на мост – гляди,
Раскрою тебе от груди
И до паха живот, – поверь!
Алгара, как и ты, лишь зверь,
Оба о четырёх вы ног;
А смотри-ка: ведь он-то смог,
Полумёртвый, взлететь, а ты?!
Сам накликал себе беды».

Потянул он из ножен меч,
Алмамбет же движенью встречь
Прыгнул к ним – побоялся он,
Что, горячкою опалён,
Лев ударит коня; догнав
Льва сейчас лишь, он думал – нрав
У Айкола горяч весьма,
Чувства мчатся вперёд ума.
Закричал, торопясь, Алма:
«Ай-я-яй, богатырь-*шашма*[1054]!
Должен кровь Аккулы ты мне!
Наша клятва ещё в цене!»
Ачалбарс у него из рук
Взял Алма, успокоив стук
Сердца скачущего в груди,
И добавил: «Ты погоди!
Коль не видишь ошибки сам,
То доверься другим глазам:
В чём, скажи, ты винишь коня
И пугаешь мечом, кляня?
Что не стал среди бела дня
Мчать туда, где ждёт западня?
Укоряешь – мол, он не смел;
Ты как будто обезумéл,
К непривычным прыжкам скота
Принуждая; скажи, когда
Ты учил его стены брать,
На разомкнутый мост скакать?
Ведь в отличие от тебя
Алгару, что дала судьба,
Проживая в Бейджине сам,
Конурбай приучил к прыжкам,
И к стене, и к мосту; а ты?!
Знаешь, к действию от мечты
Просто так перейти невмочь
Никому; я боюсь – точь в точь
Как вот эта стена и ров,
У *калчи* был муляж готов,
Где скакал он немало дней,
Подбирая себе коней,
Чтобы в трудный момент суметь
Убежать, околпачив смерть.
Он коня шесть десятков стен
Заставлял перепрыгнуть, с тем,
Чтобы позже в один прыжок
Алгара перепрыгнуть мог
Стены крепости ли, забор;
Суть Конура от века – вор,
И натаскивал он коня
На побег, быстроту ценя.
Ты ж накинулся на того,
В ком оттачивал мастерство
Грудью смело встречать врага,
Догонять его, коль в бега

[1054] Шашма – нетерпеливый, торопливый; торопыга.

Тот пустился по-воровски,
И к тому же в его мозги
Ты вложил навсегда наказ:
Чтоб на нём уцелел Манас!
А сейчас ты как будто пьян,
Твой азарт тебя ввёл в обман:
Ты пытался внушить коню,
Чтоб умчал тебя в западню!
Вспомни, как скакун Айманбоз
Через реку Ажат пронёс
Твою тушу, когда врага
Ты пытался догнать? Река
Проглотить норовила вас,
Еле выплыли – без прикрас;
Вспомни, как Айманбоз не раз
Раздражал тебя, твой приказ
Исполняя бездумно?!.. Спас
Тебя вновь Аккула, Манас!
Вновь не смог ты догнать врага,
В чём повинна твоя рука,
А не верный и умный конь!
Аккулу, я прошу, не тронь!»

Голос разума этот вмиг
Прямо в душу ко льву проник.
И поник головой Манас,
Не подняв заблестевших глаз:
Алмамбет был и в этот раз
Прав, но речи его окрас
Был обиден, и всё же лев
Молча в корне душил свой гнев.
Но внимательный Алмамбет
Тут же понял в чём дело, свет
Он решил привнести в тот мрак,
Что на брата нагнал, дурак:
«Этот хитрый *калча* бега
Начал с целью завлечь врага
И в Бейджин завести, а там
Он небось подготовил сам
И ловушки, и толпы слуг,
Распустив по Бейджину слух;
Их там, столько! – как муравьёв,
И любой умереть готов –
Мол, героям дарован рай,
Лишь подставься и умирай.
По кусочку могли тебя
Растащить! Хорошо – судьба
Не дала Конурбаю вслед
Тебе в город влететь, мой свет.
Поскорее же прочь уйдём!» –
И они отошли вдвоём
От опасной стены к пескам,
Чтоб вернуться назад к войскам.

Из Кытая под тысяч сто
Шло *калдаев*, собой плато
Айжанжуна войска заняв,
Встали все по приказу глав.
Во главе – Нескара, Жолой,
Что народ называл – Большой,
Мурадил, Уушан – все те,
Что пока что на высоте
Проявить не смогли себя:
За кыргызов была судьба.
Сам кыргызский народ стоял
Супротив у подножья скал,
В куче с ним и *кангайский* люд
Чуть охваченный шумом смут,
Отделённый лишь щелью рва
Весь клубился, решив сперва,
Что привёл их всех Ылама,
Хоть и знамя держал Алма,
Хоть и гнали их с двух сторон,
Строй равняя, других племён
Два посланца – Чубак, Сыргак,
Всем казалось, что надо так,
Что Конур, Ылама ушли,
Растворились в степной пыли
По каким-то другим делам
И зачем-то напополам
Разделились теперь войска
И что сеча уже близка.
Айжанжуна увидев, лев
Застоявшийся в сердце гнев
Повод выплеснуть из себя –
Так подумал, – дала судьба;
Он рванулся на Аккуле
С грозным рыком к нему; во мгле
Этот рык, что умножен был
Громким эхом, добавил пыл

Всем манасовцам, но зато
Из врагов его кое-кто
Побросали свои мечи;
Великаны и силачи
Вдруг обмякли все, ослабев.
Впрочем, это не видел лев,
Он стремился скорей к врагу.
Пику выставив на скаку.

На игреневом скакуне
Айжанжун, разозлясь вдвойне,
Грохот слыша из-под земли,
Сивогривого издали
Заприметив, схватил своё
Ядом вспоенное копьё;
Покраснели глаза, хоть сам
Бледен стал он, и по усам
Покатился, согнув их вниз,
Пот от страха – велик кыргыз;
Злоба в жилах рождала звон,
В бой звала, чтоб среди времён
И подвластных ему племён
Не сказали, что струсил он.
Разогнавшись, враги сошлись,
Звуки боя взорвали высь:
То ударит копьё о грудь,
То по шлему топор скользнуть
Так сумеет, что скрежет тот
Напугает вокруг народ;
Ржанье, крики… Горючий пот
Летним ливнем с обоих льёт;
Конь игреневый жилы рвёт,
Аккула же летит вперёд,
Ударяясь о щит врага
И кусая его конька,
Добираясь до седока,
Лбом толкая его в бока, –
Как и всадники, кони злы;
Словно крылья одежд полы,
Развиваясь у седоков,
Намекают: любой готов
Улететь навсегда с земли,
Бросив тело своё в пыли.

В рукопашной схватившись вдруг,
Спор решая усильем рук,
Рвут одежды, другой рукой
В то же время дубину в бой,
Изловчившись, пускают в ход;
То отхлынут, то вновь вперёд
За подмышки, за кушаки
Рвут в четыре своих руки.
На Манасе был *Ак олпок*[1055]
Что во многом ему помог,
Чтоб он в схватке остался цел:
Крепок, плотен, наряден, бел,
С плотной замшей под кушаком,
С заклинаньями был знаком –
Необычный совсем *олпок*!
Айжанжуна сгибая в рог,
Из железа его наряд
Просто рушился невпопад:
Цепи панциря рвались так,
Что их клочья пытался враг
Не рассыпать вокруг себя,
А в прорехи, его губя,
Розовела свиная плоть –
Где щепотка, а где – ломоть.
В оголённые те места
Лев и метил попасть спроста
Несравненною *Сырнайзой*,
Словно гибкой стальной лозой,
Что разумной почти была, –
Поострее ножа, стила;
Старый мастер создал Токор
Ачалбарс, *Айбалта*-топор
И, конечно, ещё копьё,
Сырнайзою назвав его.

Айжанжун хоть и сам велик,
Но боялся он прямо в лик
Сивогривому посмотреть:
Начал в сумраке тот гореть
Как луны восходящей диск;
Оземь глядя, хоть был и риск
Проворонить какой удар,
Ощущал он сквозь веки жар,

[1055] Ак олпок – (ак олпок или аголпок) род боевой верхней одежды с толстым слоем шерсти или ваты, (заменявшей панцирь или надевавшейся на него).

Исходящий от льва в ночи;
Отложили опять мечи
И за копья враги взялись;
Айжанжуна терзала мысль:
«Не бессмертен ли он, кыргыз?!»
Зная – мысли рождают явь,
Он старался поразмышлять
О победе своей, о том,
Как, прославив и трон, и дом,
Став богаче стократ притом,
Что он будет вершить потом:
«Как Манаса проткну, тогда
Всех *алашей* сгоню сюда –
Посильнее возьму в рабы,
Остальных же лишу судьбы.
Впрочем, вроде *алаш* – казах?
Всё равно мне! В моих руках
Лишь окажутся – крах… и прах:
Всех развею навек в степях!»
Прав в одном лишь он был: казах
Лишь за совесть, а не за страх
Поддержавший кыргызский стан,
Чтил Манаса, как будто хан
Был из близкой его родни:
За *алаша* как за *ини́*[1056]
Ровно девять из десяти
Шло казахов; никто почти
Не оспаривал старшинства,
Уравняв навсегда права,
Как равняют их пики гор
И бескрайний степной простор.
Впрочем, речь не о том сейчас:
К Айжанжуну впритык Манас
Подобрался; *жанжуну*-псу
Надо б в бок не копьё – косу,
Как у Смерти самой, воткнуть!
Лев копьё отложил и в грудь
Он ударить врага хотел
Топором; но *жанжун* успел
Отразить тот удар копьём;
Только слава его быльём
Поросла уж давным давно,
Силу прежнюю заодно
Тиной слабости затянув.

Айжанжуна копьё как клюв
Только щёлкнуло, и пока
Разворачивал он бока
Зазевавшегося конька,
Лев ударил наверняка:
С кличем, знамя воткнув в песок,
Полбашки раскроил, висок,
До ключицы ведя в упор
Ненасытный на кровь топор.

В это время и Чон Жолой,
Поспешивший ввязаться в бой,
Размахнулся своим копьём,
Лишь увидев как те вдвоём
Не на жизнь, а уже на смерть
Бой ведут; а ему смотреть
На кровавых ручьёв разлив
Было в жилу, видать: прилив
Ощущал он, должно быть, сил
И в себе он их не гасил:
Закусив до крови губу,
Третьим в схватку вступил – табу́
Нарушая, дразня судьбу,
Мало пядей, видать, во лбу.
На пути его встал Кошой –
Громогласный, гора горой;
Но, копьем размахнувшись, пёс
Эту гору почти что снёс.
Тут не выдержал лев Чубак:
Подскочил и ударил так,
Что, увечие нанеся,
Он с коня опрокинул пса.
Ну, конечно, попав впросак,
Рать вскипела: пока *калмак*
Приходил лишь в себя, вокруг
Словно змей разозлённых круг
Копошился, шипел, крича
И мечами вовсю бренча.

И Сыргак поспешил – Кошой,
Из-за раны – ведь ткнул Большой
Его пикою в центр груди,
Не успел отойти с пути;
Но Сыргак так хлестнул коня,

[1056] Ини – 1. младший брат; 2. племянник; младший родственник.

Что Кошой среди бела дня
Птицей будто бы стал, и круг
Разозлённых на нет гадюк
Он покинул в мгновенье; стук
Сотен пик из свирепых рук
Громыхнул много раз подряд,
Там, где был он лишь миг назад.
Стук услышав, *аба* Кошой,
На копьё, как на посох свой
Опершúсь, постоял и вдруг
Этим «посохом» сделав круг,
Ровно сто пятьдесят врагов
Уложил и ещё готов
Был проделать такой же трюк,
Но распался клубок гадюк:
Опустел за мгновенье луг;
Тех, кто ранен, в объятьях мук
Оставляя, – мол, недосуг –
Врассыпную помчался враг.
Половину добил Сыргак,
Остальные, затеяв вой,
Убежали, и сам Жолой
Вместе с ними потрусил прочь.

На гнедка своего, как ночь
Отливавшего синевой,
Взгромоздился опять Кошой,
В стан к себе поспешил, «домой»,
Где на флаге родном златой
Месяц плыл словно над горой –
Над Бакаем, чужой толпой,
Над своими *чоро*, – любой
Кто узрел сей заметный знак,
Понимал: то победный флаг.

Рядом с флагом стоял Манас,
Как, бывало, стоял не раз:
Не кичúлся он напоказ,
Просто ждал всех своих сейчас,
Но, как флаг для вниманья масс,
Он притягивал сотни глаз.
Но кыргызская, впрочем, рать
Не могла свой взор оторвать
От кишащих напротив толп:
Перечислить их, всяких, чтоб –
Надо было бы знать Китай:
Был, конечно же, там *Кангай*,
И бурлящий *кара-кытай*,
И взволнованный *доотай*,
Ну, а всяких *анжу*, *манжу*,
И *дуду* ещё, и *жанжу* –
Различить мог лишь тот, кто знал
Кто за кем почему стоял.
Шум немолчный витал как мрак.
Где *кечил*, где *калдай*, *калмак*,
Ламы, чтящие камень, – все
На Сансаровом колесе
Застолбили себе места.
А пока они кто куда –
Кто в Бейджин, кто в овраг поспать
Разбредались, – с утра опять
Предстоял беспощадный бой.
Так оставим их здесь. Собой
Пусть займутся и те, и те,
Чтобы в битве на высоте
Проявить себя в ранний час;
Но о том промолчим сейчас:
Эта истина как алмаз
Без огранки не слéпит глаз.

ПОДГОТОВКА ДВУХ СТОРОН К БИТВЕ

Э… э… э… эй!
Нет, пожалуй, реки сильней,
Чем Ажат; столько волн на ней,
Ковылём поросли брега,
Всюду – каменных скал рога,
Дальше – горы теснятся вдоль
Русла, тёмного как юдóль,
Запах горечи в ореол
Внёс полынью заросший дол;
Много речек, ручьёв – звенят
Между белых камней-ягнят, –
И в конце-то концов в Ажат
Каждый впасть как слабейший рад.
Многотысячные войска
У растрёпанного леска
Приземлились передохнуть:
Непростой предстоял им путь.
Отпустили пастись коней,
Повара разожгли скорей
Под котлами костры; дымок
Ароматный уже потёк.
В ожиданье обеда лев,
Соболиный свой *тон* надев
С оторочкою белой, встал
Так, чтоб взглядом обвесть увал.
Алмамбет же в тени леска
Счесть пытался свои войска,
Что остались в живых пока;
В счёте спутался он слегка
И десятников всех велел
Пригласить, чтобы между дел
Кто хоть десять, хоть пятьдесят
Опекает своих ребят,
Всех могли, разыскав, назвать,
Ведь не сброд перед ними – рать.
Когда всех удалось собрать,
Алмамбет посчитал опять,
Сколько сил удалось сберечь,
И такую озвучил речь:

«Когда только поход в Бейджин
Мы затеяли, как один
Все вы мне поручили стать
Главным ханом. Пересчитать
Арсеналы людские вам
Поручил я по головам.
На бумаге в Кокчоле вы
Записали всю рать. Увы,
Я могу сказать наперёд:
Нынче этот вчерашний счёт
Приуменьшился от утрат;
Посчитайте своих ребят, –

Сколько нынче в десятках есть,
Там и в пятидесятках счесть
Легче будет; не суетясь
Посчитайте, чтоб ликом в грязь
Завтра в битве нам не упасть!»
Командиры своих ребят
Стали всех собирать – отряд
За отрядом своих утрат
Был озвучить, увы, не рад:
Многих вспомнили лишь нады́сь.
Как до тысячных добрались,
То реальный узнали счёт.
Поредел войсковой народ.
Точный всех удручил ответ:
Целых двадцать четыре нет –
Тысяч, не единиц! – бойцов;
Чьих-то братьев, сынов, отцов.
Когда только пришли в Кокчол,
Полных тысяч Алман учёл
Пятьдесят аж четыре! Их –
Сердцем радостных, молодых,
Потеряли, считай, в пути,
Главный бой – ещё впереди.
Счёт узнав, помолчал Алман,
Хоть в душе клокотал вулкан,
Но спокойно сказал потом:
«Надо мёртвым последний дом
Обеспечить; на лошадей
Все садитесь, да поскорей,
Чтобы во́рону их тела
Не достались, чтоб не гнила
Плоть родная в чужих полях,
Соберите их всех, и прах
Схороните по чести честь;
Может, раненый кто-то есть
Рядом с мёртвыми в поле там –
Их скорее везите к нам:
Вдруг не вышел земной их срок
И поднять их поможет бог!»

Алмамбета приказ вся рать
Мигом бросилась выполнять,
В поле боя пришли опять,
Стали павших своих искать:
Словно скошенная трава
Вперемешку лежат, едва
Различимые кто там чьи –
Всюду крови текут ручьи,
В схватке тесной тела сплелись,
Ноги смотрят то вбок, то ввысь,
Кто в промытый речной песок
Свой пробитый воткнул висок,
Кто-то вовсе без головы,
Кто-то держит в зубах, увы,
Шею скрюченную врага,
Чья рука или чья нога –
Не понять; как подгнивший плод
Барабаном раздут живот;
Ягодицы стоят торчком
И кишок неопрятный ком
Из-под них выползает в грязь…
Часть убитых уже взялась
Трупным льдом; кто-то просто жёлт,
Каждый столь безнадёжно мёртв,
Что надежды живых найти
Порассеялись по пути.
Кони, что не ушли во мрак
И которых не тронул враг, –
Было, видимо, лошадей
Много угнано как трофей, –
Кто остался из них, брели
Со слезами в глазах: в пыли
Всё выискивали своих,
Не поняв, что их нет в живых;
Седла скошены, шерсть в крови,
О поводья порой свои
Спотыкаются, в страхе ржут…
Много мёртвых коней – как джут
Здесь прошёл, порождая мор;
Но однако же след топор
Свой оставил на лошадях:
Раны страшные на телах,
На оскаленных черепах,
И разбросаны сплошь мозги
Всюду, мнению вопреки,
Что безмозглы все те, кто нем,
Кто безгласно несёт ярем
Или – коль о конях, – узду.
Парни плакали на ходу
Над людьми и над лошадьми,

Опечаленные вельми.
Слёзы выплакав, на холме
Не в угоду уже Алме –
Всех замучил сердечный жар, –
Ямы выкопали, мазар
Каждый мысленно строил так,
Да, – лишь мысленно, – чтоб *калмак*
Здесь не лил бы злорадства грязь,
Над покойниками глумясь,
Чтоб соратников дух был чист
И спокоен; на травку, лист
Повязали тряпицы – знак:
Упокоен в земле *арбак*[1057].
Шли назад, не стесняясь слёз,
Слишком много узреть пришлось,
Пока был похоронен прах.
Как ни странно – привычный страх,
Потаённый, что жил в сердцах,
Вдруг истаял, исчез, зачах –
Упокоился в тех телах,
Что остались навек в полях.

Тихим отдыхом в пару дней
Бог войны поощрил людей.
Только ханов всех на совет
Попросил к себе Алмамбет.
Алп Кошой и *абан* Бакай,
Сынчыбек, Эр Тёштук, Шыгай,
Кёркокул, Урбу, Текечи,
Музбурчак, Агыш, Жамгырчы,
Молодой богатырь Чубак
И духовный близнец Сыргак
С Сивогривым пришли самим.
Алп Кошой был незаменим
На открытии сборов, встреч,
И, конечно, он начал речь:
«Ждём, что скажешь нам, Алмамбет!
Есть, надеюсь, для всех совет?
Дело сладится так, как мысль
Заведёт – то ли вниз, то ль ввысь.
Здесь собрались одни свои,
Члены общей большой семьи,
Ждём, что будет правдив и прост
Разговор – не касайся звёзд».

Так ответил тогда Алма
И от сердца, и от ума:
«Лгать, конечно, здесь не с руки.
Все мы – молодь и старики –
Понимаем, что выйдя в путь
Мы лишь спесью прикрыли грудь:
Избалованные судьбой,
Недостойно собравшись в бой.
С дальних мест мы пришли в Китай,
Незнакомый для многих край,
В непонятный чужой Какан.
В бой попали мы как в капкан:
Выжив яростью, через кровь,
Войска треть потеряв, мы вновь
В ту же самую западню
Загоняем свою родню.
Войско, что утекло в Бейджин,
Не от нас убежало – сын
К материнской спешит груди,
Когда чувствует: впереди
Намечается трата сил, –
Так устроен подлунный мир.
И развязка уже близка:
Из Бейджина придут войска
Посильней, помощней стократ:
Хан Какана, небось, солдат
Столь собрал, сколько нет травы
На окрестных лугах; увы –
Нам пора о своей душе
Позаботиться всем уже:
Через пять или меньше дней
Надо ждать здесь таких «гостей»,
Что количеством нас сомнут
И косичками обовьют;
Закалённые в сотнях смут,
Приравнявшие к войнам труд,
Молчаливые муравьи,
Что утопят нас всех в крови.
Среди них храбрецов не счесть,
Для кого не пустое – честь:
Во главе Эсенкан там есть,
Оронгу – он готовит месть
За увечья свои: Кошой,
Всем известно, урон большой

[1057] Арбак – 1. духи святых или чтимых предков; 2. слава; 3. блаженство.

Силачу ведь нанёс, и он
Сил уже накопил как слон.
Сможешь, брат наш Кошой, в дугу
Вновь согнуть слона Оронгу?
Коль окажется по плечу
Оронгу тебе, – Борончу
Следом выйдет тотчас на бой,
Чтоб покончить навек с тобой.
Борончу на себя возьму.
Поломает ли, нет, Алму,
Неизвестно, – в последний час
Всех увидеть хотел бы вас
Невредимых, в лихой борьбе
Вопреки хоть какой судьбе.
Коль возникнет опять Жолой,
Пусть Тёштук с ним пойдёт на бой;
Если выскочит Нескара,
Бьётся с ним пусть Чубак – пора
Свою стойкость явить в бою,
Чтобы честь укрепить свою.
Мурадил, Уушан, Сайкал
Если выступят, крепче скал
Пусть Сыргак заслонит им путь,
Быстрый, вёрткий, живой как ртуть,
Он их вымотает за бой –
Станут годными на убой,
Хоть бесстрашнее нет людей
В этом мире слепых идей,
Слишком много людей Китай
Расплодил в своих землях; край
Прокормить их не может всех;
Гибель – благо для них, успех:
Рай безмерен, туда попасть
Надо с честью в сраженье пасть, –
Вера в каждом такая есть,
Их бесстрашия корни здесь.
Царский флаг золотой, видать,
Будет сам Эсенкан держать:
Разве увалень Кендирбай –
В ватной обуви разгильдяй,
Или прихвостень Конурбай,
Флаг поднимут? Пойдёт раздрай –
Кто главнее из всех – потом.
Нет, они нападут вдвоём
На кого-то на одного,
Применяя и колдовство,
И нечестных приёмов тьму.
Если бог пощадит Алму
В схватке с бешеным Борончу,
То, конечно, я сам хочу
Проучить Кендирбая, но
Если с ним Конур заодно,
Пусть выходит на бой Манас:
Дьявол дважды Конура спас
От Манасовского меча,
Будет встреча их горяча!
Брат казахский наш, хан Урбу!
Ты умел оседлать судьбу –
Осторожным и дерзким был,
Да и нынче бойцовский пыл
Не утратил; твой брат кыргыз
Вверг тебя в небывалый риск:
Руки-ноги сломает враг,
Выбьет очи в разгаре драк.
Очень много несчастий ждёт
Всех, кто с нами сейчас идёт.
Обстоятельств хозяин тот,
Кто поблажек не ждёт и льгот,
Кто без страха спешит вперёд,
Не обманывая народ;
Путь к победе – то путь без лжи,
По веленью своей души.
Сынчыбек с бородой двойной,
Мало дел ты имел с войной:
Счёт деньгам, не победам, вёл,
Мог с победою справить стол.
А займись-ка и здесь едой:
Для голодного бой – не бой;
Мясом, хлебом, простой водой
Посражайся, Сынчы, с судьбой!
Музбурчак, Будайыка сын,
Ты достиг уже сам седин,
Много видел и столь узнал,
Что философом в жизни стал;
Говорил ты не раз, что смерть
Может попросту не успеть
Тех настигнуть, кто первым бьёт,
Ты умеешь взбодрить народ,
Вот и будешь ему главой.
Старец, брат наш Шыгай, с тобой

Каждый конь и здоров, и сыт,
И весёлый имеет вид,
И поладить готов с людьми;
За свободными лошадьми
Выпал, значит, твой караул.
Юный наш храбрец Кёркокул –
Повнимательней слушай, – ты
Будешь сзади пасти следы
В поле боя идущих войск:
Ведь людская душа что воск:
Вдруг растает в разгар боёв,
Кто слабее – уже готов
Обратиться в момент в бега
И направить вновь на врага
Должен ты малодушных так,
Чтоб в бега обратился враг!
Жамгырчы и Агыш, и вам,
Двум прославленным храбрым
львам,
Охранять с двух сторон войска,
К отступлению чтоб узка
Стала для беглецов тропа,
Чтоб равняла в правах судьба
И отважных, и трусов, чтоб
Дружно шли, надвигаясь в лоб
Перепуганному врагу, –
Не елозили по лугу.
Текечи, ты у нас добряк,
Тебе в руки – хозяйства флаг:
К лошадям, что пришлёт Шыгай,
Ты отловленных тоже дай,
О дровах позаботься – тыл
Крепок, если он не остыл.
Мудрый старец – *абам* Бакай,
Проследи, чтоб китайский край
После боя был осенён
Цветом наших родных знамён;
Что решишь ты – дарует бог,
Наше алое знамя смог
Ты пронесть через пыль дорог.
Власть Манаса – всему исток.
Пусть же флаг, что прославил он,
Увенчает китайский трон,
Золотой наконечник – луч –
Словно месяц меж чёрных туч,
Проследи, чтоб светил века,
Пусть не слабнет твоя рука!»

Огласил Алмамбет наказ
Из собравшихся всех в отказ
Ни один не пошёл, и он,
Взглядов всех обведя, вдогон
Так добавил: «Богатыри,
Прирождённые есть цари
Здесь, сидящие между нас,
Те, кто судьбам народных масс
Стал опорою, как каркас,
Что их дом не однажды спас.
Ханом выбран ты иль рождён
Править краем своим с пелён, –
Каждый ведает, в чём силён,
Каждый знает, с каких сторон
Подойти к человеку так,
Чтобы каждый простой бедняк
Жизнь свою и души настрой
Так вложил в предстоящий бой,
Чтоб гордился бы сам собой.
Надо войском, а не толпой
Управлять, чтоб уменьем взять
Там, где разве что массой тать
Научился победу брать:
Тóлпы – это ещё не рать.
Кто владеет своим копьём,
Кто искуснее с топором
Великанов разит – найти
Надо в каждом талант; в пути
Много вызнали мы уже,
И у боя на рубеже
Надо только распределить:
Тот в развездку хорош сходить,
Тот – владеет мечом как бог,
Тот – сразить из ружья бы смог
Даже ласточку на скале,
Этот – крылья любой стреле
Как приделал навеселе,
Тот – с дубиной горазд во мгле
Даже тигра забить… Народ –
Это завтрашний наш оплот,
Но, конечно, не без забот,
Чтоб имели они успех,

Соберите в отряды всех:
Эти лу́чники, те – стрелки,
Ружья выбрать им помоги,
Заряжать научи их, иль
Тех, кто красным углём фитиль
Забивал не однажды, пусть
Помогает тому, кто грудь
Подставляет огню врага;
Скорость тоже ведь дорога́!
Поделитесь… Порядок – столп,
Чем разнятся войска от толп,
И, пожалуйста, на виду
Будьте все, чтоб сломить беду».

Так сказал Алмамбет, и круг
Успокоился словно вдруг:
Каждый занят был – сам Манас
К сердцу принял такой наказ,
И растрогавшийся Кошой
Со своею большой душой
Стал сколачивать свой отряд,
Кто с батырами биться рад;
*Ал*п Бакай знаменосцев в ряд
Тут же выстроил… Говорят,
Из кыргызских простых ребят
Отыскалось немало львят,
В ком и храбрость жила, и честь.
Здесь оставим всё так, как есть.
Вновь вернёмся к китайцам – в час,
Когда хитрый *калмак-калча*
Алгару понудил на мост
Прыгнуть, чуть не оставив хвост,
Завязавшийся сплошь в узлы,
В пасти злющего Аккулы.

Когда в город зашёл *калча*,
Крепостную стену сплеча
Перепрыгнув от страха, он
Был немедленно окружён
Шумной массой людей – мильон
Вдруг бегущих со всех сторон
Или больше кишело здесь:
Шёл базар, и любая весть
Привлекала толпу зевак;
Конурбай же гляделся так,
Словно только покинул ад –
Весь в крови и грязи халат,
Из-под рёбер сочится гной,
Конь изрублен, едва живой.
Тот базар назывался Ван.
Конурбая увидел хан
И давай суетиться: вмиг
Поднят был всенародный крик,
Много ханов пришло, *калмак* –
Словно школьник – прилежно так
Повторял, что случилось с ним.
Чудный город – златой Бейджин:
Всем есть дело до всех вокруг.
Тут же лекарь нашёлся вдруг,
А за ним – ещё пятьдесят,
Каждый был постараться рад
Смазать раны лекарством, зад
Починить скакуну, затрат
Не жалея своих – стократ
Слава всё им вернёт назад.
Не успел бы свариться плов,
Как Конур уже был готов
Разговаривать не крича;
Пара дней – и уже *калча*
Был как новенький снова: желчь
Человечья смогла прижечь
Его раны, хоть мясо гниль
Разъедала – попала пыль;
Смыли пыль, растолчённых змей
Налепили вокруг; елей
С соком опиума всю боль,
Заодно и тоски контроль
Снял с Конура. Почти три дня
Поднимали его коня.
Как огромное колесо
Суетилось начальство всё.

Вместо голубя ворон был
У каканцев, и он носил
Письма так же туда-сюда
Даже в дальние города.
Был один такой – Токонёк,
Он привязанный к шее мог
К адресату нести пакет,
Коль хоть раз оставлял там след.

С тем пернатым гонцом письмо
К хану Сену пошло само,
В нём описан был целый круг
Всех Конуровских страшных мук,
Обстоятельства дела, страх
Поселивший в людских сердцах,
А в конце же письма итог
Подвести сочинитель смог:
«Чтоб народ разделить навек
Появился здесь человек –
Богатырь и храбрец Манас,
Злой кыргыз, и творит сейчас
Непотребные он дела;
С ним пришёл и соратник зла –
Сорандика сын Алмамбет,
Его знает весь белый свет
Как источник народных бед,
От которого спасу нет.
Шесть десятков родов пришли
Из кыргызской своей земли,
В их главе – великан Кошой,
Богатырь и смутьян большой.
Мы пытались сражаться с ним.
Дни и ночи прошли как дым,
Не отбили мы ни вершка
Нашей чистой земли – войска
Столь бессчётны, что целый край
Весь заполнили; и Китай
Могут так же они занять.
Мы не можем, увы прогнать
Их, уже половину войск
Растеряли своих; пришлось
Айжанжуну и Солоке
Жизнь свою положить в броске,
И простого народа тьма
Полегла на полях; Алма
Сорандика не пощадил
И родного отца убил!
Благодетель наш, Эсенкан!
Будешь, право, над всеми хан,
Не один поспешив сюда,
А призвав к войне города,
Может, мы победим тогда,
Ведь у всех нас одна беда.
Чынмачын и Какан, Туншаа,
И Бейджин – всей земли душа,
Никому уж не увильнуть
От войны, что упёрлась в грудь;
Кто способен сражаться, пусть
Собираются спешно в путь,
И дай боги вам, чтоб успеть:
Промедление – это смерть».

Постарались влепить печать,
Чтобы мог Эсенхан понять
Сколь серьёзно письмо, и все
Расписались на нём в конце
Прежде чем отправить в Сарай:
Хан Кечила сам Конурбай,
Нескара – главный хан *манжу*,
Мурадил – голова *анжу*,
От *калмаков* – хан Уушан,
За Жанжуна, что умер, хан
Сын Кедена Большой Жолой
Расписался – он стал главой
Всех китайцев, *кангайцев* – тож,
Став в пятёрку всесильных вхож.
Полетел Токонёк с письмом
К Эсенхану – он знал тот дом,
Что воистину был велик,
Очень скоро его достиг.

Хан Эсен прочитал письмо.
Просьбу ханов он как ярмо
Оценил, поразмыслив, но
Понял: действовать заодно –
Путь единственный, нет иных,
А иначе кыргыз под дых,
Даст, сначала убрав других,
Если вправду настолько лих
Он, как всюду трубит молва.
Начал с малого Голова:
Под Эсена большой ковёр
Подстелили, и этот «*тёр*»
Ханы взяли со всех сторон,
На руках, колыхаясь, он
В тридцать ханских немалых сил
Потихоньку в Кантун поплыл.
Шестидневный поход в Бейджин
Эсенкана донёс; седин

Поприбавилось у «коней».
Свита, правда, росла, за ней
После каждого марш-броска
Словно крылья росли войска,
Увеличиваясь на бегу:
За Эсеном шёл Оронгу,
А за ними и Кунжанжун –
Великан, богатырь, колдун;
Целых сорок *жанжунов* – тех,
Чьи надежды питал успех;
Тридцать ханов, несущих «*тёр*» –
С Эсенканом большой ковёр, –
Подменяли *калдаи* – их
Было двадцать, но каждый лих
Был и ханов куда сильней:
Не могли они лошадей
Под себя подобрать порой:
Гнулись лошади под горой,
Именуемой – их седок;
И любой даже пеший мог
Спорить с всадником в схватке, коль
Понуждала к сему юдóль.
Шли *дотайцы*, *кытай*, *дуду*,
И вливались в них на ходу
Сотни мелких, больших племён,
Пёстрорядный рождая фон.

Хан Кечила Конур, узрев
Эсенкана, внезапный гнев
Ощутил в своём сердце; он
Свой обычный большой поклон
Посредине прервал – спина,
Мол, доныне еще больна,
Повреждённая в той войне,
Где бы мог быть Эсен вполне,
Если б так не лелеял плоть,
Что ему даровал господь
Для защиты людей своих.
Конурбая был голос тих,
Но претензии как огонь
Вырывались – казалось, тронь
Меж словами какой зазор, –
Вспыхнет пламенем разговор;
Конурбай говорил: «…*алаш*
Вдруг на край замахнулся наш,
Тюрков – надо же! – властелин
К нам явился, и не один:
Из Китая дорогу им
Вновь в Китай проложил с низин
Беглый раб, Сорандика сын:
Не жалея его седин,
Он отцу приказал: умри,
Сам разрушенный изнутри,
Он чужие войска – смотри –
К сердцу нашей привёл земли!»

Эсенкан был суров и хмур:
Его гордость задел Конур,
И калеку-*кангайца* хан
Был готов пожалеть: тиран –
Он тиранов других терпеть
В этом мире не мог, и смерть
Своих подданных от их рук
Уязвила Эсена вдруг:
Ведь Восток, а тем паче Юг
Он как старый мудрец-паук
Много лет прибирал к рукам –
И не смог насладиться сам.
Оронгу он позвал – ему,
Его верности и уму,
Доверял Эсенкан вполне;
Конурбая вновь о войне
Попросил рассказать – вдвойне
Про Алму и о той возне,
Понудившей его рабом
Вдруг покинуть отцовский дом;
И какая из всех причин
Подтолкнула вдруг на почин
Разделить его землю, ту,
Где рождён он на маяту.
Конурбай словно сыч глядел:
Тон расспросов его задел.
Отпрыск Алооке, *калча*,
Никогда не рубил сплеча,
Он любил, чтоб была парча
Сверху меха, и чтоб ничья
Не вонзалась бы зависть в грудь.
Он ответил, но как-нибудь,
Алгару оседлал, и в путь
Не поев, не успев вздремнуть,

В храм буддистов лишь заглянув
И оружьем своим блеснув –
Мол, я к битве уже готов,
Вдаль пустился без лишних слов.

Хан *манжу* Нескара, озлясь,
Путь ему преградил, бранясь:
«Богатырь наш, Конур, привык
Ты решать все проблемы вмиг
И стремишься ты только ввысь;
Ты помедли слегка, окстись!
Глядя поверху лишь нестись
Коль готов, – с головой простись,
Её в грязь ты уже ронял,
Пикой в зад уже получал,
Запыхавшись, домой примчал,
И опять, не ценя причал,
Всех презреньем готов облить,
Оттого, что вот так спешить
Не намерен из нас любой.
Много слов ты сказал, и в бой
Понуждаешь идти с тобой,
И Кокан обзываешь тьмой –
Мол, медлителен и презрен;
Сам давно ли ты встал с колен?
Значишь много ты для себя,
Остальным, мол, пропасть судьба,
На тебе, мол, споткнулся враг.
Твои речи пусты, *калмак*!
Ты не прав, упрекая нас.
Кто тебя, ты подумай, спас?
Полон гордости Кунжанжун,
Что возглавил род *бакбурчун*;
Чынмачынов род Эсенкан –
Их несметные толпы – к нам
Всех привёл, чтоб тебе помочь.
Ты капризен, как княжья дочь!
Корчишь жертву ты из себя –
Мол, на бой тороплюсь, губя
Сам себя: наш, мол, хан в запас
И оружия не припас!
Торопыга, взгляни на нас
С непредвзятым вниманьем глаз:
Предоставили все дворы
Копья, сабли и топоры,
Есть железные палки – им,
Нашим воинам всем простым,
Биться палкой сподручней; те,
Кто в сраженьях на высоте,
И батыри, и силачи –
Те имеют уже мечи,
С наконечником «волчья пасть»
Копья, палицы, чтоб напасть,
Оглушая врага сплеча,
Есть ножи… Ты видал, *калча*,
Как метают ножи *манжу*?
И ещё я тебе скажу,
Ружья есть уж с которых пор:
Кой чагыр есть и *очагор*[1058],
Стрелы – те, что летят, крутясь,
Попадая лишь в цель, не в грязь;
Рукопашников много – хан
Только кликнет: как океан
Из народных бескрайних масс
Явит лучших борцов – запас
Их в Китае неисчислим,
Равных в мире не сыщешь им,
Звать подолгу не надо их:
Выйдут вмиг, растолкав других.
Чычмачыны стоят, взгляни:
Все готовы на бой они,
Отбери – кто, мол, в чём силён,
Чтобы мог ты со всех сторон
Укрепить своё войско так,
Чтоб его не разбил бы враг.
Обижаться легко, увы,
Без хорошей же головы,
Без хозяина, как бы храбр
Ни был люд – он всего лишь табор.
Ты не дуйся – мол, я один,
Будь с народом своим един
На *бурутов* веди полки
Со смиреньем, не вопреки;
Тебе шанс несравненный дан:
Сам блистательный Эсенкан
Разве зря составлял свой план
Прежде чем обращаться к нам?
Ты в сраженье одном людей

[1058] Разновидности огнестрельного оружия.

Положил без его идей
Столь бессчётно, что к нам пришёл –
Помогите скорее, мол;
Необдуманно свой народ
Как ненужный опавший плод
Воронью в растерзанье дал;
Для того же и нас созвал –
Чтобы, флаги подняв, на смерть
Мы бездумно пошли, смотреть
Как погибнут богатыри –
Соль китайской родной земли,
Овдовеет наш хан навек,
Без народа влачить свой век
Где-то в дальнем изгнанье – так,
Как мечтает проклятый враг
Поломать нас по одному?
Получается, ты ему
Помогаешь не по уму,
Нам готовишь суму, тюрьму.
Коль погибнут богатыри,
Мы разрушимся изнутри:
Остальные назад рванут,
Всё погрязнет в раздрае смут,
Вот тогда и войдёт *бурут*
В наши земли вершить свой суд.

А давайте богатырей
Сами выставим мы – скорей,
Чем начнётся большая сечь,
Так удастся войска сберечь.
По законам великих гор
Пусть решают военный спор
Двое выставленных бойцов.
Оронгу наш, в конце концов,
Наш китайский силач большой,
Жаждет выйти на смертный бой, –
Кёкётёя припомним *аш*:
Алп Кошой, богатырь-*алаш*,
Победил Оронгу – судьба,
Благоволя к нему, губя
Всех, кто вышел тягаться с ним,
Оронгу лишь едва живым
Отпустила из схватки той;
Опыт истинно золотой:
Наш силач с этих пор окреп
И не зря эти годы хлеб
Ел и кровь молодую пил,
И к тому же он не забыл –
Где есть слабые все места
У Кошоя, и неспроста
Накопил он такую злость,
Что получит по полной «гость»!
Оронгу, победишь теперь?
Если ж вдруг этот пришлый зверь
Поломает тебя – что жаль, –
Вместе с жизнью уйдёт печаль,
Что терзает тебя с тех пор:
Прошлый смоешь навек позор.
И к тому же, сказать хочу,
Коль ослабнешь – то Борончу
Тут же выскочит из толпы,
Чтоб *буруту* не дать судьбы.
Борончу если выйдет – вслед
В бой полезет сам Алмамбет,
Алмамбета Борон за раз,
Верю, скрутит; и сам Манас
Будет в наших, считай, руках;
Борончу коль не сдюжит – страх
Нас не должен смутить: Жолой
С Алмамбетом на смертный бой
Выйдет запросто; и Тёштук
Отойдёт, я надеюсь, – друг
Он до первых разгромов; вслед
Если выстоит Алмамбет,
Выйду я, пусть *Коко Тенир*[1059]
Мне поможет сберечь наш мир,
Пусть не дрогнет моя рука! –
Я копьём проткну Чубака.
Биться с ним я буду пока,
Оттеснив чужаков войска,
Мурадил, Уушан, Сайкал
Приглядят, чтобы не сбегал
Жакыпхана сынок Сыргак, –
Говорят, он отважен так,
Как и ловок и как хитёр;
Можно выиграть всякий спор,
На Сыргака поставить коль,
В этой троице суть и соль –

[1059] Көкө теңир (в эпосе, когда речь ведётся от лица калмаков) – Бог.

Он, пожалуй; Чубак, Алма,
Вместе – сила с огнём ума,
А Сыргак – он и то, и сё.
Что ж, сказал я, наверно, всё.
Отправляйся, Конур, когда
Ты Манаса найдёшь, тогда
Придержи-ка его для нас,
Не по силам тебе Манас!», –

Нескара был шутить готов,
Было много в запасе слов,
Но увидев, сколь гневный взгляд
В него бросил Конур, назад
Шутки все запихав, смолчал:
Не до шуток – когда аврал.
Эсенкану и Оронгу –
Было видно по их смешку
Вслед намёкам не без игры, –
Речь понравилась Нескары:
Прав, конечно, *манжурский* хан:
В том, чтоб признанный великан
Сам пожертвовал бы собой,
Чем вести беспросветный бой.
Так оставим их там толпой.
И узнаем, как *алп* Кошой,
Потерявший немало сил,
Самого Оронгу убил.

СМЕРТЬ ОРОНГУ И БОРОНЧУ
ПЕРВАЯ СХВАТКА РЯДОВЫХ БОГАТЫРЕЙ

Э… э… э… эй!
Ободрив, вразумив людей
Пылкой речью большой своей,
Войском занялся Нескара.
Да и все поднялись – пора.
Эсенкана *кангайцы* вновь
Уваженье к нему, любовь
Проявили: подняв ковёр,
Хана вновь водрузив на «*тёр*»,
Понесли к берегам Ажат,
По тропе, где сначала сжат
Был подручными полог трав
Разгулявшихся без потрав.
И бугристы и высоки
Были все берега реки,
Просто здесь пробираться – труд,
Из-за трав, что как лес растут:
Разглядишь ли – залёг *бурут*
Или вправду безлюдно тут?
Но подобно густой траве
Шли *коканцев* войска – молве
Счесть их даже не удалось,
Любопытствующим пришлось
Лишь узнать: шесть *жайсанов* там,
Целых десять *жанжунов* – клан,
Видно, выставил всё, что мог,
Уложившись в короткий срок.
Там охотник был – *Чон мерген*[1060]
Его звали: благословен
Каждый выход его бывал,
Столько дичи он добывал.
Прежде нынешних всех времён
С Алмамбетом учился он,
А теперь с Кунжанжуном в бой
Вместе выступил – сам Жолой
Пригласил его, хоть и сил
Всем хватало: и Мурадил –
Предводитель своих *анжу*,
Нескара – голова *манжу*,
И *калмаков* хан Уушан,
Конурбай, над Кечилом хан, –
Все, возглавив свои войска,
Шли уверенно на врага.
Панцирь, *тон*, да и шлем, и щит
Так украсил Конур на вид –

[1060] Чоң – большой, лучший, великий; мерген – охотник.

Ослепляли каменья всех:
Блеском хан призывал успех;
Поднимая на Алгаре
Клубы пыли, скакал к горе
Словно сказочный шейх иль маг,
И дубину держал как флаг.

В клубах пыли не дай вам бог
Вслед за кем-то скакать! – поток
Конных, пеших несметных войск
Пыль, липучую словно воск,
Растревожил не тучей, нет, –
Вся земля словно дыбом вслед
Поднялась и пошла, клубясь.
Тёмно-серое небо грязь
Затянула как кисеёй.
Даже к вечеру вязкий зной,
Став коричневым, тёк как гной,
И земля содрогалась: бой
Словно в недрах незримо шёл,
Сотрясая холмы и дол.
Шли войска, и не видел глаз,
Где конец ему; сам Манас
И его боевые львы
Возглавляли войска: волхвы,
Силачи и богатыри,
Виртуозы и кустари,
Шли их главы – Кара Толок,
Жакыпхана второй сынок,
Алакен, Шууту, Тумон,
Шёл Кадыр, а со всех сторон
Обтекал их служивый люд –
Кто отважен, кто с виду лют,
Грохоча, как гроза в ночи,
Шли, и ружья несли, мечи,
Пики, луки и булавы.
Не хватало в лугах травы,
Так казалось, чтоб смерить счёт
С многоглавой змеёй – Народ.
Борончу же привёл своих
Чуть пораньше, меж трав затих,
Все двенадцать вернейших слуг
Дни и ночи без сна на слух
Всё старались определить
Где враги, мол, – вот так же нить
Держит в лапах своих паук,
Ждёт добычу, и каждый звук
Заставляет сходить с ума.
Зря опять шевельнулась тьма.

Миг настал, когда тяжкий стон
Испустила земля, ворóн
Распугала, и с двух сторон
Встали в поле войска; в заслон
Те и эти богатырей
Повыстраивали скорей.
Вёл *кангайцев* пока один
Сам *калча* – Алооке сын,
Весь надувшийся как удав;
Слезть с коней никому не дав,
Горячась, торопясь, крича,
За эфес хватаясь меча,
Словно спутав посла с ослом,
Семерых он послал с письмом,
К войску вражьему, и притом
Приказал им ответа ждать.
Вместе с подписями печать
Заставляла всерьёз принять
Всё написанное, и дать
Непременный ответ письму.
Роль же главного самому
Чон Мергену отдал Конур.
Осторожен и очень хмур
Взял письмо великан Бакай,
Распечатал, расправил край,
Пробежался глазами – что ж,
Если это всё не мухлёж,
То не стоит корчить святош:
Что положено – то возьмёшь.
Тотчас он начертал ответ:
«Мы согласны, и спора нет:
Беспорядочных жертв и нам
Не хотелось иметь; бедлам,
Называемый общий бой,
Столь невинных возьмёт с собой,
Обрекая их на убой!
Лучше спор разрядить борьбой,
Мы согласны». Послы гурьбой
К Эсенкану вернулись – тот
Прибыл тоже, но лишь вперёд

Не высовывался, – урод
Конурбай шевелил народ.
Но ответ получив едва,
Эсенкан как большой Глава,
Знамя рядом воткнул – свой флаг,
Пусть, мол, смотрит нахальный враг.
На каканца взглянув, *Кангай*
Растерялся: теперь, считай,
Две, мол, армии, две главы, –
Стали спрашивать у молвы:
Где да кто, почему да как,
Мол, который нам больше враг?
Все на группы разбились, но
Не решили – с кем заодно.
И *алаши* сперва никак
Не смекнули – к чему, мол, флаг
Посредине меж вражьих войск?
Но Алмы наторевший мозг
Разъяснил и ему, и всем,
Где да кто, почему, зачем.
На две стороны тоже так
Дважды славный воткнули флаг,
И под сень золотых знамён
Сел Бакай на огромный трон
Супротив Эсенкана: он
Всё мог видеть со всех сторон.

А тем временем Оронгу
Показаться решил врагу,
Колдовских напуская чар:
Даже конь его Бозчаар
Приосанился как для игр;
Сам же *алп* словно серый тигр
Гарцевал неторóпко, он
Любоваться со всех сторон
Дал собою: пусть враг дрожит! –
Да, такой уж серьёзный вид,
Кто посмотрит – почти убит,
Коль не спрятался он за щит.
Невезучий огромный слон
Или бык. Но скорее он
На верблюда похож, – вот так
Рассуждал, кто увидел, враг.
Оронгу же о том не знал
И по-прежнему гарцевал.
Ум с горошину, сам – гора,
Щит повесил он у бедра,
Пику вскинул он на плечо,
Меч он в ножны вложил, причём
Ножны рядышком со щитом
Он привесил; топор потом
Тоже рядом пристроил он,
А дубину – чтоб колотьём
Сам себе не снести бы зад,
К подколеннику привязав,
Сверху пять или шесть рядов
Он железа пустил – готов
К бою, так он, видать, решил,
И Создателя попросил –
Мол, Создатель, *Коко Тенир*,
Помоги удивить весь мир!
Бозчаару поддав ногой,
Вышел он из рядов на бой –
Бой святой, что ведут вдвоём, –
Так поигрывая копьём,
Как рисуя уж свой успех
Для кишащих каканцев всех.

Перед выходом *алп* Кошой
Тора сам оседлал с душой,
Не забыл подложить матрас
Под подпругу, чтоб в этот раз
Было мягче скакать, ведь зад –
Точка сборки, как говорят.
Словно старый и мудрый лев
Что готовится прыгнуть, гнев
Он припрятал в запас, узрев
Не без смеха, как нараспев
Вслух себя превозносит враг,
Красный будто варёный рак.
Сам Кошой не старался страх
Наводить на других; размах
Правда, был у него – в шагах,
В каждом жесте, в самих руках, –
Всех, кто видел, бросало в дрожь:
С *бактрианом*[1061] Кошой был схож.
С ловчей птицей, *с тайганом* он
Вышел в поле – со всех сторон

[1061] Бактриан – некастрированный двугорбый верблюд.

Общий вздох, что похож на стон,
Прозвучал, облетая склон:
Вместе с Тором большой Кошой
Вышел как на *куреш* на бой –
Улыбаясь слегка, – герой
Всем казался извне горой.
Вот и встреча – к лицу лицом
Оронгу и Кошоя, – в том,
Что они повстречались вновь
В поле боя, виновна кровь,
Что пролита уже была,
Неотмщённая сила зла
Будоража двоих, свела
На земле, что, увы, мала.
По традиции Оронгу
Поклонился, привстав, врагу,
По-кангайски задребезжал:
Как дела мол, – каков нахал!
Но Кошой-то не краснобай,
Оглянулся – где Ажыбай? –
Он всегда говорить готов,
Знает целых семь языков
Кыпчакбая сын Ажыбай,
Пусть расскажет – о чём бугай
Здесь лопочет, – хваля, бранясь?
Не ударить лицом бы в грязь.

Ажыкен поспешил ему
По-кыргызски и по уму
Речь *кангайца* перевести:
«Абаке! Он твердит: прости,
Хан Какана я, мол, в чести,
Должен знать, мол, кого нести
Будут с поля, кому мой меч
Должен голову срезать с плеч?
Роду-племени, мол, каков
Ты, кто к смерти своей готов?»
Даже оторопел Кошой
От кичливости столь большой,
Засмеялся, махнул рукой:
«Хочешь слышать, кто я такой?
Я отвечу, *калмак*, не злись.
Тюрк мой род, ну, а сам – кыргыз.
Имя вырежь в мозгу: Кошой!
Хан Кошой – не боец простой.
А тебя я, *калмак*, давно
Знаю: в теле твоём одно,
Переполнив его, сидит;
В прошлом мной ты почти убит
Был, но выжил, увы, не весь:
Стал беспамятен; значит здесь
И сейчас ты меня узнай,
А иначе кого *Кангай*
Упрекнёт в твоей смерти? – твой
Победитель кыргыз Кошой!»

Оронгу разозлился: «Что ж,
Если слово твоё – не ложь,
С Эсенканом столкуюсь я:
Мой племя – *Кангай*, семья,
Но коль хан ты, то ханом стать
У *кангайцев* я должен – тать
Должен с равным лишь воевать
И как равного убивать.
Я старик, да и ты ведь стар,
Даже старше меня – как *нар*[1062]
Всё былое несёшь в горбах,
Своей памятью весь пропах.
Очевидное – то что здесь
В данном времени только есть!» –
Оронгу разозлился так,
Словно раны былые враг
Раскровянил опять, и зло
В бой не мешкая понесло
Оронгу, что с копьём в руке
Попытался на *Абаке*
Наскочить, как сама змея
С ядом в кончике острия.
С ловчей птицы своей Кошой
Снял скорей *томого*[1063] – большой
Белый кречет слетел с руки,
Вслед помчался *тайган* – легки
Словно тени, опасны так,
Что зажмурился в страхе враг.

[1062] Нар – домашний верблюд, помесь бактриана и дромадера (двугорбого и одногорбого верблюдов).
[1063] Томого – кожаный колпачок, надеваемый на голову ловчей птице.

А Кошой, выпуская гнев
Из души, как рычанье – лев,
Взял копьё – Оронгу таких
Сколько раз он разил под дых!
Разбежались – сошлись, удар
За ударом звенел, и жар
Злости их обжигал траву
И небесную синеву.
Звук такой раздавался! – лес
Когда валят – такой же треск
Раздаётся, как копий стук.
Оба старца, сражаясь, вдруг
Как взлетали, бород их снег
То и дело пускался в бег;
Хоть и головы их тряслись,
И глаза застилала слизь,
Точен был их любой удар,
Ведь азарт не бывает стар.

Был Кошой несомненно дед:
Девяносто уж полных лет
За плечами имел Кошой;
Ровно восемьдесят – другой
Продержался в миру боец,
Только жизни своей конец
Не предвидел никто из них:
Ненадолго, глядишь, затих
Копий стук, начинались вмиг
То сопенье, то стон, то крик –
В рукопашной сходились так,
Что одежды как вешний мак
Рассыпались, дыра к дыре;
Оба были в такой поре,
Что зубов не осталось – треск
Дёсен эхо рождал окрест,
Слюни слизывая с губы,
Этим происках их судьбы
Не сдаваясь, уже башкой
Продолжали свой смертный бой;
Не сумев применить копьё,
Брали в руки топор – цевьё
Посредине перехватив,
Бились обухом; обломив,
Меч выхватывали; сломав

Ухмылялись, и как удав
Друг на друга смотрели, чтоб
Заморозить без мыслей лоб,
Ухмыляясь как беркут, дичь
Повергающий в паралич
Этим взглядом глаза в глаза;
Оба были верхом – нельзя
Увернуться, когда рука,
Воротник захватив врага,
Гнула, чтобы свалить с седла;
От скопившегося в них зла
Так хрипело порой в груди,
В брюхе, будто бы впереди
Каждый с чем-то носил *бурдюк;*
Гной в глазах появлялся вдруг
И слипались ресницы, взгляд
Устремлялся вдруг невпопад
То на землю, то в небеса, –
Смерть вот так же косит глаза
Умирающим, но бойцы
Не спешили отдать концы:
Так бранились, плевались так,
Все в крови – словно алый флаг
Осеняя две головы
Овевал их; они – увы, –
Засучив рукава, опять
Как когтями стремились рвать
Кожу дряблых обвисших щёк…

Ночь настала. Опять восток
Потихоньку стал розоветь;
Не брала их усталость, смерть:
С лошадей уже спрыгнув, в грунт
Копья рядом воткнув, за грудь
Так хватали друг друга! – муть
Поднималась из недр, как ртуть,
Вместе с кашлем летя слюной,
Залепляла им лица; гной
Стал уж литься из рваных ран,
Ни один ни другой *балбан*[1064]
Уступать не хотел: титан
Просыпался в них, как дурман
Ярость схватки, объяв их мозг,
Придавала движеньям лоск

[1064] Балбан – борец, силач.

Двух огромных зверей, в бою
Утверждающих мощь свою.
Дыбом волос вставал у тех,
Кто смотрел лишь на них, – успех
Перекатывался как мяч
То к тому, то к тому; силач
Как бы в схватке он ни устал,
Бой в конечный ведёт финал:
Или – или. Их лица так
Почернели, как будто мрак
Их заполнил уже собой;
Травы стёрлись почти, и бой
Шел на голых камнях; порой
Камни кто задевал ногой –
В воздух поднятый и юлой
Весь раскрученный, – то искрой
Отзывались каменья вмиг,
А порой и огня язык
Появлялся, дробя в песок
Эти камни; был бой жесток,
Безысходен, и длился он
Долго столь, что клонило в сон
Наблюдателей с двух сторон
Как Кошой с Оронгу урон
Наносили друг другу: *тон*
У обоих был разнесён
Весь на клочья: они дрались
Полуголые, словно высь
Падших ангелов, сразу двух,
Оземь сбросила, чтоб их дух
Устрашал, не давая в грех
Людям впасть из-за их потех.

Снова сели на лошадей
Великаны, от их затей
Ямы, трещины по земле
Расползались, и как во мгле
Оба виделись, словно смерть
Поспешила набросить сеть
На дерущихся, чтоб успеть
Их забрать в своё царство – ведь
Оба жаждали жизни вновь,
Несмотря на увечья, кровь.
Ненадолго прервались, чтоб
Обсудить без увёрток, в лоб,
Что идти на тот свет пора,
И закончилась чтоб игра,
Каждый должен ударить так,
Чтоб не мог уж воспрянуть враг.
Первым в очереди Кошой
Оказался: в последний бой
Вышел, поднял повыше щит,
Встал недвижно, как монолит.
Их не понял народ: глядит,
Лев Кошой громоздясь стоит,
Словно вновь, как в ту битву, спит;
На него Оронгу летит,
Бозчаара пришпорив так,
Что почти что летит бедняк,
Поднимая клубами пыль;
Оронгу, озверевший иль
Перепуганный, булаву
Чуть не уронил в траву,
Для удара спружинив стан
И при этом крича: «Буркан!
Ай, буркан, поддержи меня!» –
И опять подхлестнул коня.
Булава – с *джумалейку* вся –
Смерть в свинцовом конце неся,
На макушку Кошою – хрясь! –
Опустилась, чтоб ей пропасть!

У Кошоя, у старика,
Так ослабла в тот миг рука,
Что и меч отлетел, звеня,
Свет померк среди бела дня.
Осторожный *абан* Бакай
Даже с трона вскочил: за край
Человеческих сил удар
Частью конь на себя забрал:
Чон Тору так уйти в песок,
Как в гнилое болото, смог:
Только спину видать и круп,
И Кошоя – ещё не труп,
Но почти что уже, увы…
Оронгу – уже для молвы
Поиграл в справедливость: «Что ж,
Покажи нам, как ты хорош,
Если хочешь – дубиной тож
Можешь бить меня… Что ты ждёшь?»

Но Бакай, хоть и стар он был,
Бить дубиною не любил;
В руки взяв искривлённый меч,
Опоясался им оплечь
И помчался к майдану – сил
Набираясь в пути, и пыл
Раздувая в себе с искры:
Зная, правила сей игры
Не позволят и Оронгу
Опозориться на лугу
Добивая врага, что слаб,
Словно пройденный им этап;
Коль привык он к правилам так,
Должен вызов принять *калмак*.
Сделав круг, *алп* Бакай врага
От Кошоя отвлёк слегка.
Краем глазя он видел: тот
Утирает и кровь, и пот,
И, главу повязав, в душе
Жаждет сам отомстить уже,
И надменному Оронгу,
Что замешкался на кругу,
Неожиданно в лоб Кошой
Так топор посылает свой,
Что на мелкие брызги шлем
И сама голова затем
Разлетелась у Оронгу
На полслове и на бегу.
Мозг рассыпался на лугу
Вместе с черепом; что в мозгу
Если было – ушло в песок.
Но *калмак* удержаться смог
На своём Бозчааре – рок
Безголовому вновь помог
Удержаться – хотя б на миг
В этой жизни… «Ты как, старик?
Жив ли, нет, Оронгу, ответь!»
Может, голос Кошоя смерть
Задержал на мгновенья: вдруг
Как упырь поскакал на звук
Оронгу, хоть безмозглым стал,
Из-за пояса он достал
Жестом помнящих рук топор,
Бозчаара он обухом
Чуть задел – тот помчался вскачь;

Оронгу, как лихой палач,
Словно в пламени весь – во зле,
Просто чудом держась в седле,
Кровь с мозгами свои жуя,
Извиваясь весь, как змея
Или толстый большой слизняк,
Налетел на Кошоя так,
Что почти опрокинул; тот
От внезапных попыток рвот
Чуть не умер; захлопнув рот
Силой духа, он в оборот
Изувеченного врага
Взял; а тот посинел слегка,
Даже начал уже чернеть –
Так вселялась в беднягу смерть,
Но, однако, копьё *калмак*
Очень ловко швырнул – мастак
Метить в жизненные места
И задумка всегда проста:
Мол, пузырь мочевой пробить
Легче лёгкого, и не жить
Уж конечно тогда врагу.

Принял выпад от Оронгу
Лев Кошой на топор: копьё
Ядовитое остриё
Не успев никуда вогнать,
Разлетелось на щепья; тать
Не заметил, как сто кусков
Ввысь взлетели до облаков,
Градом оземь упав; старик
Кожей, тушей услышал крик
Алмамбета издалека:
«Славься, брат наш Кошой, века!
Слава силе твоей! Теперь
Позаботься, чтоб этот зверь
Глаз открыть бы уже не смог!»
Алп Кошой получил поток
Свежей силы от этих слов,
Вновь сражаться он был готов,
А тем паче *кангайцы* вдруг,
Потихоньку смыкая круг,
Приближались к майдану – им,
Хоть мерещился и живым
Оронгу, но, казалось, он,

Чем-то очень уж был стеснён.
Удивительно, но *калмак*,
Словно думать привык не так,
Как весь люд – лишь умом спинным,
Тоже думал, что был живым,
Строя планы спасенья – мол,
Мой противник уж очень зол,
Выбираться пора, но как? –
Слишком прыток коварный враг.

«Хорошо, что мой конь идёт
Этим краем, где густ народ
Мой, *кангайский*; хороший ход –
Повернуть – и скорей вперёд,
Пока я не совсем устал
И ещё толокном не стал.
У Кошоя топор плохой:
Обух короток и прямой,
Коль приблизится он, мечом
В рёбрах дырку проткну, причём
Крови мало осталось в нём:
Стар и всё же изранен днём;
Для кыргызов он стал щитом,
Что ж, я участь другую дам
Мудрецу – пусть идёт на хлам!
Он дорогу найти умел
Посредине громоздких дел.
Кёкётёя припомнить *аш* –
Все заслуги кому отдашь?
Молодые, и те, боясь
Не вступили в борьбу, и грязь
Вышел только месить Кошой.
И сегодня опять – собой
Он пожертвовать вновь готов.
Что же – можно не тратить слов:
Сам он выбрал – и пусть умрёт.
Буду метить опять в живот!»
Оронгу подстегнул коня,
Меч из ножен достал, звеня;
Догонял его злой Кошой,
Мчал, не зная, что за душой
У почти что уж мертвяка.
Алмамбет просчитал: рука
Оронгу, что с мечом, слегка
Развернулась – наверняка
Бросит меч он, и в рёбра вмиг
Тот вонзится. Кошой, старик,
Неужели не видит он,
Как опасен такой наклон?!»
Лев Алман закричал: «*Аба*!
Отвернулась опять судьба:
Рукоятка у топора
Твоего коротка, – ребра
Ты лишишься, а то и всех,
Коль приблизишь врага, – успех
На его стороне сейчас!»
Этот возглас Кошоя спас:
Белоснежною бородой
Лишь тряхнул он, и ближний бой
Вмиг отмёл, издали́ копьё
Так метнул, что и остриё,
И его рукоять смогла
В тело жирное, где пола
Отставала, войти как в плод,
Через задний скользнуть проход,
Проскочив сквозь кишки, вперёд
Прямо в сердце вонзиться, – крот
Под землей может так блуждать.
С Бозчаара скатился тать,
Тело бывшего бугая
Ещё дергалось, как змея.
Чон Тору развернул Кошой,
К Оронгу, скривясь, подошёл,
Рвоту еле сдержать он смог,
Но, сдержавшись, мечом отсёк
Искорёженную башку,
За власы влача, на бегу
Бросил между двух тронов вниз,
Мол, Бакай, Эсенкан, – вглядись:
Чья победа и чьим войскам
Возвращаться, мол, по домам.
Дал награду Бакай ему –
Красным шелком покрыл; Алму
Тут же кликнул на помощь, – чтоб
Снять Кошоя с седла, как сноп,
И *чоро* передать – лечить,
Чтобы снова он смог ходить.

А тем временем Борончу
Из рядов, что плечом к плечу

Молчаливо стояли, вдруг
Под копытный тяжёлый стук
Резво выдвинулся вперёд,
Оттеснив без труда народ
И, красуясь, застыл на миг:
Тёмно-чалый скакун, потник –
Разукрашенный даже он;
В многослойном железе *тон;*
Словно в сумерках мастер, сер,
Но изящество всех манер
Выдают голубую кровь:
Как увидишь, мол, славословь.
Взгляд тяжёлый: небось, трава
Вянет, глянет лишь он едва,
Средний рост, но широкоплеч,
И спина – как майдан для встреч,
Или скачек – бегóв сиречь;
Щеки пухлые, держит меч
Тоже словно красуясь; мышц
Не заметишь, увидишь лишь
Мочки сочные двух ушей,
Как мешки – хоть завязки шей;
Руки – словно соха, нога
Словно дерево широка,
Нос поднимет – в ноздрях тоска:
Пыль из сажи, угля, песка.
На ресницах сереет слизь,
Но в глазах – вся ночная высь,
Борода и усы шуршат
Камышами реки Ажат.
Шесть арканов кручёных кос
Заплетённых его волос
Вдоль лопаток его лежат;
Голова велика как склад
Где хранится ненужный хлам;
Хриплый голос подстать ветрам,
Что с собою несут грозу;
Облегчается он – в тазу,
Иль заменят его ведром, –
Видно, молнии блещут, гром.

Потрясая копьём, Борон,
Видя взгляды со всех сторон,
Ожидал – кто сразится с ним:
Дерзновенным и молодым?
Из каканцев такой один:
Богатырь он и господин,
Все *алаши* уже, небось,
Проглядели его насквозь.
Алмамбет догадался: «гость»
Мнит, что он – мирозданья гвоздь,
И беднягу спустить с небес
Подмывает лукавый бес.
Сам храбрец Алмамбет свой вес
Не показывал: раб небес,
Кем себя он считал, в делах
Был заметен, а не в словах,
Красота его – свет души,
Вера, доблесть, – хоть как пляши,
Но без этого будешь – шут:
Справедлив этот божий суд.
На своём Сарале Алман
Облаков пронизал туман,
Лук *Алангыр* и стрелы *сур*
В этих мощных руках авгур
Колдовским называл бы, но
Лишь с хозяином заодно
Волшебство проявлялось в них,
Оттого, что был сам он лих.
Подошёл он к Кошою, *ал*п
Лишь взглянул, и халат, что ал
Был как маков весенний цвет
Подарил ему; Алмамбет
Поклонился, надел внакид,
И, приняв залихватский вид,
Он к Бакаю пошёл: *бата*
Перед битвой он брал всегда.
Так сказал он: «Мой Абаке,
Из Бейджина уже ни с кем
Мне не встретиться из врагов,
Но к сражению я готов.
Поясняю без лишних слов:
Не осталось уже голов
И начальников для меня;
Но сегодня при свете дня
Я увидел такое чу…
Зверь по имени Борончу
Вызывает на схватку нас.
С ним я не был знаком, хоть раз
На него посмотреть вблизи

Я хотел бы, – спесив, красив,
Правда, издали, а молва
Говорит, что сильнее льва:
Сазаншаа и Макила, мол,
Побеждал он в один укол.
О Макиле я слышал, – да,
Он страшнее был, чем беда,
Я поверил молве, когда
С ним разделался навсегда:
Свою саблю в его крови
Испоганил я без любви.
Борончу же я, Абаке,
Должен встретить на пятачке,
Где сегодня идут бои –
Чтоб вопросы унять свои
Про китайского хитреца:
То ль героя, то ль подлеца.
От тебя же я жду *бата*:
Помогаешь ты мне всегда,
Словно даришь опору крыл.
Лишь бы бог нас благословил!» –
Так сказав, Алмамбет ушёл,
Алый свой расправляя шёлк.

Борончу в ожиданье злом
Думал: с кем же, мол, я вдвоём
Буду доблесть свою являть,
И кого же мне убивать
Даст сегодня моя судьба?
Он к убийствам любым, любя,
Относился как к жертвам Злу.
Лишь увидел он Саралу,
Сразу понял, что Алмамбет
Принял вызов ему в ответ.
Начал с брани каканец: «Раб!
Ты с *Какана* сбежал, сатрап?
Ты хозяину служишь, пёс,
Что ж, получит тебя вразброс
После боя хозяин твой:
Ноги-руки; а с головой
Поиграю и сам я в мяч;
Трепещи же, дрожи и плачь!» –
И размахивать стал копьём.

Алмамбета такой приём
Рассмешил лишь, но был готов
Обронить он немного слов:
«Сорандика я сын, глава
Всех вас вместе, и ты слова
Не разбрасывай, словно сор,
Ты слуга, и что скажешь – вздор,
Лишь удвоишь свою печаль:
Ведь тебе, несомненно, жаль,
Что родился не во дворце?
О Куспаре, твоём отце,
Я наслышан, и знаю – ты
Ада выкормыш, *албарсты*[1065],
Я же – лев, но душе твоей
Не поможет и царь зверей,
Лишь рассеять её могу,
Разве этим лишь помогу».

Борончу разозлился так,
Что лицо его как буряк
Покраснело, метнул копьё
Заколдованное своё –
Вмиг десятка на три частей
Разделилось оно, – вестей
Вряд ли кто-нибудь ждать бы стал
От того, кто внизу стоял
Под дождём из острейших пик;
Тут из облака вдруг старик,
Полупризрачный весь, возник,
И копьё он Борону вмиг
Протянул вместо тех, что вниз
Смертоносным дождём неслись.
Будь в противниках кто другой,
Не Алма бы, то этот бой
Не начавшись, закончен был.
Пока за́стила поле пыль,
Борончу так и думал: раб
Оказался, конечно, слаб,
Колдовство чтобы превозмочь,
И кыргызам не смог помочь.
Чуть от пыли осел туман,
Смотрит: надо ж – храбрец Алман
На своём Сарале горой

[1065] Албарсты – демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженицам и душащее спящих).

Возвышается; весь герой
Словно снегом седым покрыт –
Ореол его так горит,
Как прозрачный небесный щит,
Из озона и молний свит.
Борончу Алмамбет сказал:
«То, что пакостник ты, я знал,
Ты традиции все попрал,
Дух сбежавший тебя сдержал,
Что ты знаешь, скажи, о нём?
Демонёнок, игра с огнём –
К сожалению, не игра.
Впрочем, мне теперь бить пора –
Моя очередь подошла,
Придержи свои спазмы зла!»

До ушей Борончу слова
Не дошли, он копьё снова́
Вне традиций метнул в Алму.
Нет души – где же быть уму?
Алмамбет всё предвидел, он
Подождал, и копьё в наклон
Так отбил, чтоб наискосок
Отлетело оно – в висок
Негодяю, своё ж копьё
Меж лопаток метнул в жульё;
Но хитрец вдруг с седла упал,
Хоть копьём его не достал –
Даже кончиком острия! –
Алмамбет; Борончу-змея
Сделал вид, что сражён, мешком
Под ногами коня, ползком
Пронырнул, и пока Алман
Этот подлый раскрыл обман,
Изловчившись, на лошадь сел
Борончу и ещё успел
Бросить снова копьё, и шум
Вызвать с неба – грозу, самум,
Ураган, камнепад, метель;
Звуки словно безумный сель
Отовсюду неслись, глуша
Всех, в ком тлела ещё душа.
Алмамбет, обернувшись, в грудь
Борончу поспешил воткнуть
Боевое копьё, не раз
Закалённое как алмаз.
Панцирь, латы взорвались вдруг,
В сотни раз увеличив звук,
Треск стоял, словно кто-то бил
В ствол деревьев, что на распил
Надо было свалить; «чак-чак» –
Клокотало в груди; «так-так» –
Сердце вторило колдуна,
Словно в нём началась война,
Словно проданная душа
Тут же тело взялась, спеша,
Из кусков собирать опять,
Чтобы дольше в нём пребывать.

А вокруг лихоманка шла:
Пыль клубилась, земля трясла
Все одежды свои – луга,
Горы, реки и берега;
Среди ясного дня туман
Всех упрятал вдруг в свой карман,
Опустился на поле мрак.
Борончу с Алмамбетом всяк
На износ воевали – ран
У обоих не счесть; Коран
Можно было прочесть не раз;
Не сомкнув на мгновенье глаз
Бились двое: колдун, Алма.
Плоть каканца – души тюрьма –
Вмиг излечивалась опять,
Приходилось уже хватать
За одежды друг друга; тать
Умудрился сто раз сломать
Копья, сабли, дубьё, мечи –
Воскресая сто раз в ночи
От смертельных ранений, он,
Увеличивал шум и звон,
Что как колокол мир накрыл;
Этим шумом сражён был тыл:
От грохочущих звуков тех
Проникающих в уши всех,
Все как будто сошли с ума.
Очень мучился хан Алма,
Но борьбу продолжал всю ночь,
Хоть порою совсем невмочь
Было резать, колоть, хватать –

Умудрился одежду тать
Сделать крепкой: тяни и рви –
Как железо, хоть вся в крови.

Ночь светлела, пришёл рассвет.
А конца у сраженья нет.
Как был жив ещё Алмамбет?
Лишь Всевышний и знал ответ.
Рядовые богатыри
В этих первых лучах зари
В сон впадали, устав глядеть,
Но майдан обходила смерть.
Алмамбет хоть устал, не сник,
Лишь оскалом украсив лик,
Впавший в ярость, в какой-то миг
Взяв за полы, за воротник,
Попытался свалить с коня
Борончу на рассвете дня.
В сёдлах дрались, сцепившись вхлёст,
Что в какой-то момент пришлось
Стремена, чтоб распутать, рвать,
Кольца крепких кольчуг разжать;
Конь гнедой – сам Айсарала –
Видя: хочет стащить с седла
Седока его хитрый тать,
Стал за ноги его кусать,
Бить копытом, но скользкий грунт
Был, увы, не изюма фунт –
Кони еле брели, скользя;
Что ж – такая была стезя.
Борончу соскочил с коня,
Алмамбета схватил, дразня,
За ремень, повалить хотел,
Только сам Алмамбет успел
Соскочить с Саралы – мол, пусть
Отдохнёт, под седлом, без пут.
За ремень ухватил и он
Борончу, и со всех сторон
Постарался его объять,
А получится – поломать.
Так – рыча, понося, бранясь, –
Вновь пытались друг друга в грязь
Уронить, затоптать, убить:
Слово два бактриана выть
Начинали порой, реветь,
Призывать друг на друга смерть:
Били оземь врага, трясли.
С *джумалейку* пласты земли
Отрываясь, летели прочь;
Поле, ямою став за ночь,
Наполнялась уже водой;
Зараженные же враждой
Два соперника бились вновь.
Крепче ненависть, чем любовь.

Много дней и ночей вот так
Схватка шла. Заменяя мрак,
День всходил, разгорался, гас.
Алмамбет с Борончу не раз
Подмечали: мол, взгляд погас
У соперника – пробил час;
И… опять, воскресая, в бой
Шли, и даже на водопой
Не могли прерываться – зверь
Так не мучается, поверь.
Вновь вскочили на лошадей.
Было страшно на двух людей
Издалёка глядеть – они
Отощали за эти дни
Без еды и без сна; Алма
Лишь держался за счёт ума,
Борончу колдовством был сыт,
Но, однако, вдруг говорит:
«Алмамбет, я хочу сказать,
Можем вечно мы так скакать,
Все законы – навроде пут;
Может, сменим условья, пусть
Будет очередь: я стою –
Бьёшь меня во всю мощь свою;
Если выживу – буду бить,
Так сказать – не тебе водить.
Отвернётся удача – что ж,
Коль не выживешь, то умрёшь.
Наша встреча уж суток пять
Длится, длится. Пора кончать.
Мы в каканской земле росли,
Но не встретились в той дали,
Когда были юны, сильны;
Повстречались лишь в эти дни:
Оба седы, умудрены;

Предрешая исход войны,
Жизнью жертвовать мы должны.
Нам победа – как взлёт блесны.
Сил и мужества меньше в нас,
Чем кичимся мы напоказ.
Посмотри: Алаке-мудрец
В болтовне лишь одной делец,
Честь он бдит чудесам вдогон,
Из железа верёвку он
Рвёт ногтями, чтоб развязать…»
Алмамбет рассердился: «Тать!
Будь же проклят отец твой, пёс!
Ты такой чепухи нанёс
Языком своим как во сне,
Чтоб запудрить мозги и мне;
Ты верёвку готовишь, сеть,
Чтоб меня увязать успеть?
Намеренья твои – как вши,
Коль не выведешь, то души
Вдруг лишишься – съедят как есть.
Ты ведь вместе с душой и честь
Продал аду, чтоб колдовать
И обманывать, подлый тать!»

Так сказав, Алмамбет копьё
Повернул, чтобы остриё
Борончу упиралось в грудь,
И ударил; но тот шагнуть,
Отклонившись чуть-чуть, успел,
И дубиной своей огрел
Алмамбета, но тот копьём
Отмахнулся; опять дубьём
Попытался каканец бить,
Колдовство своё применить
Он решился опять: вокруг
Потемнело, и шея вдруг
Как верблюжья начав расти
Изогнулась по полпути;
Встали волосы дыбом, лик
Словно вздулся, так стал велик,
Покраснели глаза, во рту
Пена стала кипеть: «Найду, –
Закричал он, – ту слабость, в чём
Станешь сам себе палачом;
Сорандика сын Алмамбет,
Лишь узнаю я твой секрет,
То избавлюсь я от тебя
Бог твой, даже твоя судьба
Не помогут тебе, учти:
Ты мне встал поперёк пути!»
Со словами такими он
Подскочил к Алмамбету; звон
Стал сильнее со всех сторон,
Или кровь убыстрила гон?
Алмамбет благороден был
И речей не бросал в распыл.
И свинье, что урвала сил
Красноречья не погасил,
Но взмахнул топором опять –
Сверху вниз, – болтунишка-тать
Удержать не сумел дубьё,
Пока шарился взять копьё;
И дубина со свистом вдруг
Полетела в тот самый круг,
Где каканцы свои войска
Разместили поспать слегка.
Девяносто один боец
Был раздавлен, увы, вконец
Той дубиною, полной зла,
Что была от зла тяжела.
Конурбай – хан Кечила – был
Раздосадован так, что пыль
Поднялась от него, клубясь:
Так орал он, в лице сменясь,
Что и те, кто остался жив,
Этой брани услышав взрыв,
Стали трусами навсегда –
Не приходит одна беда,
С нею слуги идут: тщета,
Слабоумие и нужда.

За ударом удар – Алма
Бил по шлему врага: ума
Не прибавив каканцу, тьма
От ударов уже сама
Расползалась как кисея,
Уползала вся, как змея.
Борончу без дубины был
Охранять неспособен тыл,
Уворачиваясь сперва,

Он почувствовал – голова
Отказала совсем ему;
Он бы тоже уполз во тьму,
Только день начался уже;
Бил и бил Алмамбет, в душе
Он уверен был: в этот бой
Спор он выиграет с судьбой.
Борончу головы поднять
Уж не мог: скособочась, тать
Еле-еле сидел в седле,
На коне, словно на осле, –
Шлем на нос натянув почти,
К сумасшествию в полпути,
Горбясь, съёжился Борончу;
Оказалось – не по плечу
Выбрал ношу себе он всё ж;
В Сказе только намёк – не ложь.
Трижды вновь Алмамбет сумел
Прямо в шлем угодить – как мел
Стал заросший щетиной враг;
Хрипло каркая, словно врак,
Стал решать Борончу, как быть:
«Он сумеет меня убить,
Безоружен я, слаб – пока
Тьма не выползет из тенька;
Если буду сидеть как пень,
Пережить даже этот день
Не сумею; с сырой землёй
Сорандика наследник злой
Вскоре сможет сравнять меня;
Жаль – до этого до́жил дня
Этот выкормыш царский – он
Мой забрал при рожденье трон!
Метко бьющий, он скоро шлем
Раздробит мой, меня затем
Укокошит, чтоб изо рта
Кровь хлестала, как чернота.
Многочисленный мой народ!
Без присмотра он пропадёт.
Как же мне победить врага?
Хитрость всякая дорога.
Конь в порядке мой, может в путь
Словно птица со мной махнуть;
И дорога моя чиста,
И скукожился неспроста:
Также тихо, бочком-бочком
Улизнув, полечу потом
Я в *Кангай*, как в желанный дом.
Растерявшийся Алмамбет
Тут же с шумом рванёт мне вслед.
Я тогда улучу момент
И достану свой инструмент –
Свой разящий булат, чтоб им,
Развернувшись, ударом злым
В поясницу сразить, да так,
Чтоб *бурута* вперекосяк
Разрубило; потом башку
Я снесу ему, и к флажку
Эсенкану подарок свой
Поднесу я; и головой
Для Бейджина я стану сам
Бакбурчун мне поможет там:
Средний, крайний Бейджин, весь
центр
Взять под власти своей прицел».

Размечтавшийся Борончу
Облизнувшись на трон – «хочу»,
Вслед незрелой своей мечте
Вдаль помчался, за ним в хвосте
Разозлившийся Алмамбет
В самом деле помчался вслед.
Но Кошой закричал: «Алма!
Ты, наверно, сошёл с ума!
Ты с одним топором идешь,
А напорешься не на нож:
Поясницу разящий меч
Рассечёт, а потом и с плеч
Полетит голова твоя.
Ишь, заманивает змея!
Будет труд твой напрасен весь».
Ясновидящему за весть
Благодарно кивнув, Алма,
Озаботившийся весьма,
Бросил в яму топор – старьё;
С синей пикой своё копьё
Взял – пылало его цевьё
Алым цветом, а остриё
Словно волчий язык и пасть
Помогало в мишень попасть.

Он прицелился: вон он, край,
Ветром задранный размахай:
Мякоть зада он обнажил
И у рёбер просвет без жил.
Так ударил Алман – копьё
Почки, рёбра прошив, цевьё
Погрузило глубоко в стан;
Как нанизанный на кукан,
Словно пойманный в речке язь,
Борончу покатился в грязь.
Как гора он упал с седла.
Средоточьем волхвы и зла
Себя мнил он, по сути, зря.
Потерявший богатыря
Закричал, зашумел *Кангай*,
Все столпились войска на край
Поля битвы, чтоб видеть, как
Лучший воин ушёл во мрак.

Алмамбету рубить башку
Не хотелось – хватил лишку
В многодневном крутом бою;
Он на пику решил свою
Нанизав нечестивца, ввысь
Его вздёрнуть и с ним нестись
На своём Сарале верхом.
Так и сделал. Опять копьём
Он ударил безгласный труп,
Словно старый дрянной тулуп,
Нанизал его на копьё,
Через спину копьё прошло,
Кончик вышел из головы;
Поднял тело, но конь, увы,
С места сдвинуться не сумел:
Хоть он был и силён, и смел:
Очи пучит, как мёртвый встав,
Голень смялась, свихнув сустав,
И прогнулась совсем спина,
Да и ноги скользят – дана
Ноша всем лишь по силам, бог
Не приветствует тех, кто смог
Нагрузить на себя, других
Ношу, данную на двоих.
Кстати, два великана здесь
Рядом молча стояли – несть
Труп врага, что гора горой,
Показалось им шуткой злой.
Впрочем, коль Сарала бы мог,
Обратиться с молитвой: «Бог! –
Так сказал бы, коль занемог
И лишился от ноши ног, –
Храбрецом ты взрастил Алму,
Сделал равных врагов ему,
Чтоб сражался он по уму;
Одного лишь я не пойму:
Почему обошёл меня
И ущербным создал коня?
О, трава словно рис, вода –
Молоко, что я пил, когда
В Алатоо я жил, в горах,
Жеребёнком скакал в лугах,
Хвост раскинув, не веря в страх;
Вырос – зваться стал *Аргамак*[1066]!
Предназначен я был Алме,
Был уверен в его уме,
Но когда, мертвеца проткнув,
Не спросив меня, не взглянув
Взгромоздился он с ношей той –
Богатырской, увы, двойной, –
На меня, я не смог поднять
Этот груз, и калекой стать
Умудрился в какой-то миг.
Что мне делать? Я не привык,
Чтоб меня унижали так.
Бог, мне разве хозяин – враг?
Помоги мне, Камбар-ата,
Чтобы глупая суета
Не убила во мне огонь!
О Ракыш, Урустама конь,
Помоги, я молю тебя…»
Лошадиная бы судьба
Посчастливей была, коль бог
Был и сам четырёх бы ног?
Сарала всё стоял, молясь,
С духом предков наладив связь,
И надежда его сбылась:
Вдруг на небе, светлея, вязь
Появилась: как дымка луч

[1066] Аргамак – породистая, чистокровная лошадь.

Словно выскользнул из-за туч,
Миг – и призрачный силуэт
С неба оземь скользнул, и свет
Очертил его абрис так,
Что увидели все – третьяк
Как стрела пролетел, и вдруг
К Сарале примостился друг:
Голубая лошадка часть
Тяжкой ноши взяла и, мчась,
Взглядом огненным иль хвостом
Чуть задев Саралу, потом
Улыбалась ему, шутя,
Шаловливая как дитя.
Увидали не все, как бог
Сарале донести помог
И Алмана, и Борончу.
С богом многое по плечу!
Красным шёлком накрыв опять
Алмамбета, вновь дали знать
Эсенкану Кошой, Бакай,
Что опять победил их край:
Алмамбет в этой схватке сам
Мог отправиться к небесам,
Богатырство своё Алма
Взял, конечно, не задарма,
Доказав свою храбрость, честь.
Конурбая такая весть
Подкосила совсем, ведь он
Ставил много на этот кон.
Но зато ликовал Манас,
Что кыргызы и в этот раз
Мастерства показали класс.
Саралы он к себе прижал,
И погладил, и так сказал:
«За тебя я переживал!
Брат молочный[1067] мне передал
Как усердно ты помогал!»
И Кошоя он и Алму
Дал в награду, раскрыв суму,
Сорок тысяч златых монет
В красном золоте – чище нет.

Конурбай был в тревоге – сил,
На которые возложил
Он надежды свои, увы,
Оставалось лишь для молвы.
С силой дернув свои усы,
Он добился в глазу слезы,
Что потом разрослась всерьёз
И заполнила даже нос.
Так к народу пошёл *калча*,
Чтобы видели: как свеча
Догорает от горьких слёз
Их начальник – уж так он прост.
Успокоив народ, Конур
Ламу вызвал, Мергена – шкур
Тот ему набросал в шатёр,
Был поскольку и сам хитёр;
Стражей вызвал и Кунжанжан
Был на эту вечерю зван.
Начал речь Конурбай, в кулак
Спрятав бороду: «Подлый враг
Нас унизил, и нет причин,
Чтобы хан, кому дан Кечил,
Конурбай, что, на лошадь сев,
С этих пор испытал и гнев,
И печали, и радость, но
Унижений таких давно
Он представить себе не мог!
Я взбешён и свидетель – бог.
О, каканцы, нам вместе всем
Надо думать теперь над тем,
Как остаться в живым, как мстить,
Как захватчиков погубить.
С Солоке начиная, мы
В тех сражениях, что с зимы
Прокатились по сим местам,
Потеряли, увы, не хлам,
А богатство, элиту, знать:
Эсенкану опорой стать
Нелегко, а они смогли –
Те, кто нынче с лица земли
Стёрты силой, что как тайфун
Всё уносит: и Айжанжун,
И неистовый Оронгу,
Что любому всегда врагу

[1067] Имеется в виду, что мать Манаса дала Алмамбету свое молоко, после чего они зовутся братьями.

Дать отпор несомненно мог;
И теперь – Борончу! Урок
Преподнёс нам Всевышний в срок:
Беглый раб преступил порог
Всех традиций, законов; клин
Вбить меж всеми сумел один;
Наказал Сорандика: сын –
Так твердил он, – душой един
С нашим кланом, не смеет он
Мол, прийти из чужих сторон
Чтоб тревожить покой и сон
Тех, кем был он на свет рождён.

Сорандик, когда сей поход
Открывал свой печальный счёт,
Всё свалил на Сыргака – тот,
Мол, не ведал, куда идёт;
Но однако *Кангаю* сам
Алмамбет показал, что к нам
Очень сильный коварный враг
Подступил не для мелких драк.
Ылама, Чонмерген тебя
Называет народ, любя,
Говорят, ты учился с ним –
С этим беглым рабом? – каким
Можно способом сделать так,
Чтоб навек он ушёл во мрак?
Как его и Манаса нам
Уничтожить, чтоб временам
Не запомнились имена
Их, кого навсегда война
Может так вознести в веках,
Что навек ореолом страх
Их в скрижаль занесёт впотьмах,
Нас стерев, увы, впопыхах».
Совещался пока Конур,
На майдане начался штурм:
Чон Жолой, великан, герой,
С Ачбууданом своим на бой
Вышел, чтобы затмить собой
Неудачу поры ночной.
Барабаны взревели, пыль
Поднялась как сухой ковыль,
Чон Жолой как голодный лев,
В клубах пыли летя, взопрев,
Потрясал боевым копьём.
Много слыша молвы о нём,
Младший из девяти детей,
В бога верящий без затей,
Эламана любимец в бой
От кыргызов пошёл, с собой
Чалкуйрука ведя, коня,
Вмиг вскочил на него, звеня
Стременами, и на врага
Поскакал, словно дорога
Была каждого мига пядь.
Жалость некогда проявлять
И словесные бури гнать:
Умирать или убивать –
Лишь об этом звенит опять
Сталь, железо, топор, копьё,
Освинцованное дубьё,
Сабля быстрая, тяжкий меч –
Больше нечего, мол, беречь,
Жизнь, и та, как короткий сон –
Точный выпад, и боль, и стон;
Дальше – крики со всех сторон.
Пораженье не чтит имён.

Конурбай из Кечила речь
Вновь затеял, чтоб дух сберечь:
«Надо пришлых по одному
Резать тихо в своём дому,
Скакуну закрывая рот,
Брать поводья и мчать вперёд…»
Сам подобен он был ужу.
Речь услышал глава *манжу* –
Нескара, на гнедом коне –
Жеребце, что в большой цене
Был за силу свою и стать, –
На майдан поскакал, чтоб стать,
Тем, о ком говорит народ,
Широко раскрывая рот.
Тут же выскочил встречь Чубак,
И Агыш поспешил: атак
Сразу две намечалось там –
Знаменитый *кангайский* хан
Кырмузшы Мурадил летел
В центр поля, был краснотел,
Изворотлив и ловок конь

Мурадила – живой огонь
Мчался в облаке пыли так,
Что начало тех двух атак
Стать вполне бы концом могли.
Крик метался, и от земли
Поднимался ответный стон:
Словно камнем ломился он
Прямо в голову всем вокруг;
Мурадил же грозился – луг
Станет местом жестоких мук
Всех, кто здесь появился вдруг
Из шестидесяти родов
Тех *алашей*,что шесть отцов
Чтят своими, и одолеть
Заблужденья их сможет смерть.

Пока криком пытался враг
Ошарашить их всех, Чубак,
Акбалты-великана сын,
Со своим Кёктеке един,
Прискакал к Мурадилу – тот,
Развлекая честной народ,
Наизусть стал читать Коран,
Будто тот от возможных ран
Всех, кто носит его, спасёт.
Человек пятьдесят вперёд
Тут же выступили – в поход
Каждый взял для себя оплот –
Защищающий талисман,
Свято чтимый святой Коран.
Хан *калмаков* храбрец Уушан
Тоже выскочил на майдан:
Завязалась большая сечь,
И ни бог, ни Коран сберечь
Очень многих уже не мог.
Изо всех лошадиных ног,
Телкызыла хлеща, Сыргак,
Сын Жакыпа, каракалпак,
Брат Манаса любимый, в бой
Тоже ринулся, за собой
Оставляя лишь трупы тех,
Кто уверовал в свой успех.
Конурбай, Алооке сынок,
Разглядеть в этой гуще смог,
Что уже ни Коран, ни бог
Вдохновить их людей не мог:
Бьют кыргызы копьём под дых,
Всех подряд, никого в живых
Оставлять не умеют впрок.
«Столь жесток лишь бывает рок, –
Так подумал Конур, – суметь
Их рассорить бы, или смерть
Наших выкосит всех подряд,
Не вернётся никто назад;
Но рассорить их как? – вопрос!»
Он во весь свой огромный рост
Распрямился и, Алгаре
Как случалось порой в игре,
Навязал поносить мешок,
Где ружьё он припрятать смог,
Чтобы конь его нёс в мешке;
А Конур бы как налегке
Только с пикой и саблей в бой
Навострился; само собой
Шёл не в гущу, а в затишок.
Драгоценный его мешок
Заслонял, разойдясь, халат,
Словно в спешке он невпопад
Был наброшен. Конура взгляд
Словно угли сверкал, заряд
Сил немалых рождал азарт;
Пятидневной щетины сад
Как у дикого кабана
Лик его затенял сполна;
Можно было пять пар носков
Навязать бы из волосков.
Он из кожи надел штаны
Удивительнейшей длины,
Что ружейный огонь пробить
Не сумел бы; пусть их носить
Было сложно, зато *калча*
Мог без ножен клинок меча
К ним прихватывать лишь петлёй.
На майдан он примчался злой,
Всё выглядывая – Манас
Здесь уже, или в этот раз
Отсидеться решил в шатре?
Сивогривый на Аккуле

В *кокжеке*[1068] восседал – с дубьём,
С богатырским своим копьём,
С *Ачалбарсом* наготове,
С *Айбалта,* а на голове –
Золотой словно солнце шлем;
Кто Манаса увидит, с тем
Вдруг случаются спазмы, дрожь.
Он и сам, как заря, хорош:
Словно звёзды горят глаза,
Станом мощный, но как лоза
Гибко тело; его ремень
В драгоценных каменьях; в тень
Если даже зайдёт Манас –
Блеск наряда его тотчас
Тьму разгонит и свет зажжёт.
И не зря ведь простой народ
Жаждет встретить его хоть раз:
Недостатков лишен Манас.
Лик улыбчив и тоже свет
Излучает – и лишь поэт
Может всё описать в словах.
На врагов насылает страх
Его столь безупречный вид.
Пуля вряд ли его сразит –
Боевую одежду маг
Волшебством запечатал так,
Что ни пуля её, ни меч
Не пробьёт ни в какую сечь.
Когда сумерек фон возрос
И трава полегла от рос,
И пшеница пустилась в рост,
И вдогонку за ней – овёс,
Статный видный храбрец Манас,
Конурбая узрев, тотчас
Аккулу подхлестнув, вперёд
За Конуром ускорил ход.

Как потом говорил народ,
Что в преданьях с тех пор живёт:
Всем картину иную свод
Показал в этот миг, – идёт
Сивогривый, а рядом с ним
С красной родинкою *иним*[1069],
Словно с меткой во лбу, бежит
Босиком и без шапки – вид
Очень мирный его при том,
Лет шести мальчуган, и львом,
Видно признан: Кулу ведёт
За уздечку, покорен тот;
Рядом скачут зайчонка два,
Льнёт к идущим вовсю трава;
Шесть десятков баранов, к ним
С гор прибившись, спешат; *иним*
Манит пёстрого льва к себе,
Тот рычит, но идёт, судьбе
Покорившись как будто; стук
Эхом множится, словно вдруг
Не один Аккула бежит,
А коней шестьдесят – копыт
Четырёх не хватило бы
Топать так поперёк судьбы.
А процессии этой тон
Задавал небольшой дракон,
Толщиною в циновку он,
Коль её закатать в рулон;
И, конечно, великий центр –
Сам Манас, но, увы, акцент
Всех рассказов и взглядов всех
Был совсем не на нём: успех
У бесчисленнейших зевак
Вызывала девица – так
Могут выглядеть *пэри*: знак,
Что девица, мол, – в *шекуле*[1070],
За Манасом сидит в седле,
Кожа светится вся во мгле;
Нет прекраснее на земле
Этой девушки – кроток взгляд,
Губки алы, вразлёт летят
Её косы, что до земли
Словно воды ручьёв стекли.
С рукоятку камчи змея
Взгляд рубиновый не тая,
Обернулась вокруг руки
Сивогривого, вопреки

[1068] Кокжеке – дорогая мужская обувь, которую носили только правители; (иногда высокие каблуки делались полыми и в них вкладывались бубенчики).
[1069] Иним – младший братишка.
[1070] Шекуле – богато украшенная конусообразная шапка молодой девушки.

Что держал он в руке копьё;
Ровно трижды брюшко её
Обернулось, прильнув к руке;
Язычок её к *Абаке*
Потянулся, сквозь ухо вглубь
Перебрался, коснулся губ.
Сам Бакай и большой Кошой
На *калчу* оглянулись – шёл
Он за ними, как пёс, понур;
Пригляделись: а хан Конур
С пленным едет – совсем малыш
Перед лукой сидит, как мышь;
Два шакала бегут, спеша,
И бараны, едва дыша –
Ровно тридцать, но в два ряда,
Пыль вздымая, бредут как мзда;
Пара тигров огромных мчат
Хвост свивая в кольцо, глядят
Как огромный большой дракон
Вслед за ними ползёт, и он
Толщиною аж с круп коня,
Чёрный, грузный, ползёт, дразня,
Исковеркать стараясь ход,
И прорваться грозит вперёд,
Всех сметая в своём пути.
Оказался он впереди.
Сзади – пусто. И лишь Конур
Так же молча идёт, понур;
Чёрный наглый какой-то гусь,
С видом – ладно, мол, ну и пусть,
На макушку к нему залез,
Копошится, крылатый бес,
И гогочет, и бьёт крылом.
«Что ж, Конуру и поделом, –
Так Кошою сказал Бакай, –
Только наглость ведь через край
У дракона его, взгляни,
Что за дьявол! – теперь они,
Все, кто плёлся с Конуром здесь,
Полетели вперёд, как весть,
Что не может ни мига ждать!
Конурбая дракон скакать
Вознамерился рядом с львом,
Он опасен; Манас вдвоём
С юной *пэри* на Аккуле
О возможном не мыслит зле;
У Конура вся пара – гусь,
И с драконом плетётся пусть
Лишь бы дальше он был от льва!»
«Что с тобою? – Кошой едва
Пылкой речи не перебил, –
Богатырь мой, ты что, забыл,
Что печёшься о том, кто мудр
Изначально? – Создатель сутр
Дал Манасу свой ум и дух.
С Алмамбетом сравни-ка – двух
Столь умнейших найдёшь людей?
Но советы Алмы идей,
Что рождает Манас, сильней
И свежее на первый взгляд:
Все берёт он потом назад!»
Разговором увлечены,
Хоть батыры, не болтуны,
Оба старца в какой-то миг
Проворонили: прямо встык
К Сивогривому вдруг Конур
Подскочил, из-под старых шкур,
Что в мешке он с собою вёз,
Пику вынул, ворча как пёс,
Злобным рыком кляня судьбу,
До крови закусил губу
Очи выпучил, и копьём
Стал сражаться опять со львом.
Не щадя, Алгару стегал,
Бил налётами, отступал,
Знаменитую *Куунайзу*
Конурбай, как с небес грозу,
Посылал, да с закрутом, в грудь
Сивогривому; оглянуть
Было трудно движений путь,
Слишком быстрый, и кто-нибудь
Посторонний сказал бы – тень
Так играет в пригожий день.
К смерти близкие два врага
Оба яро дрались – рога
Выставляет так в схватке бык,
Как Манас *Сырнайзу* – впритык
Оба были друг к другу, но
Сивогривому всё равно
Удавалось найти просвет

В быстрой схватке, и все на нет
Конурбая свести толчки
И посылом своей руки
Сырнайзой уколоть не раз
Конурбая; а напоказ
Это танец как будто был,
Что, вздымая до неба пыль,
Обволакивал кисеёй
Двух сражающихся, и бой
Шёл как будто не на земле,
А в астральной незримой мгле.
Были равными в мастерстве
Они оба, но в волшебстве
Конурбай уступал слегка,
Оттого-то его рука
Попадала порой не в цель,
А как-будто в тугую щель,
И, выдёргивая копьё,
Он боялся за остриё,
Что сломает его упор;
И тогда он хватал топор
Или брался скорей за меч;
Скорость падала, и засечь
Меж движеньями мог Манас
Конурбая почти тотчас.
Вот опять Конурбай копьё,
Ухватив за его цевьё,
С силой бросил, чтоб остриё
Всё в Манаса вошло; в щепьё
Тот разнёс *Куунайзу*, удар
Отразив топором, лишь жар
Пролетающих щепок смог
Коже дать ощутить ожог.
Свой удар так нанёс Манас,
Что Конур и на этот раз,
Алгару подхлестнув, вперёд
Поскакал, и к тому ж народ
Взбудоражил он на бегу:
Как младенец кричит «агу»,
Испугавшись чего-то, так
Завопил Конурбай, бедняк,
Всех пугая – *шибэ*, *анжу*,
И китайцев, и всех *манжу*,
И *калмаков*, и *солонду*,
Возвещая им на ходу:
«Мрак настал, уходите прочь!
Станет вечной для многих ночь!»
Так оставим мы всех пока.
Отдохнём мы от них слегка,
И продолжим рассказ с того,
Как лишился Конур всего,
В том числе храбрецов семи,
Смертью вырванных из семьи.

КАК КОНУРБАЙ В СУМАТОШНОЙ БИТВЕ ПОТЕРЯЛ ВОЗГЛАВЛЯЕМЫХ ЖОЛОЕМ СЕМЕРЫХ БОГАТЫРЕЙ

Э… э… э… эй!
Подал знак Конурбай – тот знак,
Чтоб *кытай*, и *кангай-калмак*,
И, конечно, *шибэ, манжу*,
Ну, а вслед им *солон*, *анжу*
Словно стая худых грачей
С воплем подняли флаг скорей,
С громким граем рванули в бой,
Даже солнце затмив собой.
Видеть это не дай господь!
Вся земля как живая плоть
Всколыхнулась, рождая шум,
Словно страшный степной самум
Поднял в небо пласты полей,
Не стряхнув лошадей, людей –
Вместе с ними, укутав в пыль,
В хоровод из камней, в ковыль, –
С шумом, гулом послал вперёд!
Так, накатом, пошёл народ
На врага, хоть не каждый знал.
Что за враг впереди их ждал.
В давке кто-то ушёл во мрак,
Кто, не зная, о чём *калмак*
Им кричит, попытался вспять
Повернуть, и такого смять
Было легче толпе, что шла
Мутным селем, исчадьем зла;
Было воинов – несть числа,
Как травы, что везде росла,
А *калча* умудрился вновь
Ускользнуть от расправы: в кровь
Весь расквасившись, за толпу
Он упрятал свою судьбу.
Грохот копий, копыт, щитов.
Из *алашей* любой готов
Был сразиться – рванув гурьбой
Вмиг четырнадцать ханов в бой
Повели все свои войска.
Клич «Манас!», что под облака
Поднимался, пугал весь сброд,

Что слепил Конурбай в народ
И послал защищать себя,
В страхе сотни родов губя.
Суеты не оставил он:
Вызвал от колдунов на склон
Да умельцев аркан бросать
И колосья в снопы вязать.
Глав народов призвав, Конур
Речь повёл, как хитрец-авгур:
«Пусть сплотившийся наш народ
До победы своей дойдёт
С этим злом, что как мощный сель
Покатился на нас отсель:
Во главе чужаков Манас
Уничтожить грозится нас.
Сколько слёз я пролил из глаз!
Лишь Всевышний от смерти спас
Вновь меня, чтобы я сумел
Сделать важный в борьбе задел;
Вот о чём я всех вас молю:
Четверых вы должны в петлю
Взять, раскинув над ними сеть,
И как можно скорей успеть
Обеспечить им этим смерть.
Отправляйтесь за ними вслед:
Всех приметней их – Алмамбет,
Самый ловкий из них Сыргак,
Самый сильный из них – Чубак;
Даже сорок *чоро* – пустяк,
Если вырубить сей костяк.
Чон Мергена берите – он
Вам поможет со всех сторон:
Опознать, подстрелить, поймать!», –
Конурбай повторил опять,
Всё что выдал уже: порой
У кудесников с головой
Очень туго бывает – ум
Превращает наказы в шум.
Впрочем, всем по нутру пришлось
Конурбая накал и злость:
Как хмельные, пустились в мир
Исполнять, что велел кумир,
Шум подняли, и пыль, и гам,
По окрестным разлив лугам.

Когда, спрятавшись за толпой,
Этот умысел злобный свой
Стал Конур исполнять вовсю,
Исправляя свою стезю,
Был доне́льзя взбешён Манас,
Что Китай от расправы спас
Чужеземца, *калмака*, тлю;
И, не ведая, что вралю
Подлость новая удалась,
Он отдал своим чувствам власть:
С *Ачалбарсом* упрочив связь,
Стал врагов он месить как грязь,
На войсках отыгравшись всласть, –
Кровь рекою вокруг лилась,
Смерть свою распахнула пасть,
Чтоб весомую жизни часть
Навсегда под шумок украсть:
До кого дотянуться мог
Сивогривый, тем жизни срок
Укорачивал вмиг – поток
Так всю почву съедает впрок,
Что нашарит в слепом пути,
Хоть не знает куда идти:
Меч гулял, на кусочки плоть
Разбивая, копьё колоть
Успевало всех тех, кто прочь
Убежать попытался – ночь
Так прокладывает свой путь,
Мир во тьмы превращая суть.
Брат Кошой также шёл, ведя
Своё войско с собой, щадя
Только гордость свою и честь:
Напролом, как большая весть,
Шёл, щитом умудряясь несть
Свои уши – они, невесть
Отчего, но горели так,
Словно яркий победный флаг,
И глаза, словно два огня,
Полыхали предвестьем дня.
За Кошоем герои шли.
Выделяясь, летел вдали
Словно сокол над мглой вершин
Кёркокул, Кендирбая сын:
Он сражался легко, один
Управляясь, как господин

С целой шайкой неумных слуг
Расправляется без потуг;
На своём скакуне, что жёлт
Был как глина, вперёд он шёл,
Не жалея врагов в пути,
Что мешали ему идти.
Шесть калдайцев и силачей
Ровно десять от двух мечей
Мигом пали: их вёл Кесей,
Но ударили мощью всей
Их Кошой и Кокул, – хотя
Изначально Кесей шутя
Опрокинул Кошоя – тот
Не заметил его, в расход,
Проворонив, пустил гнедка
И попал под захват врага;
Но Кокул тут ворвался в бой,
Заприметив, что брат Кошой
Окружён и уже пленён,
На Кесея обрушил он
Свой удар, чтобы брат Кошой
Мог собраться и, всей душой
За свободу и жизнь борясь,
Окруживших порушить в грязь.
Кёркокул, скакуна стегнув,
Пику выставив, словно клюв,
Шестерых нанизал врагов
За единый удар – таков
Был удар этот, что готов
Я истратить немало слов,
Чтобы всё описать как есть;
За Кошоя, за брата месть
Потрясла силачей: они
Стали мшелым камням сродни,
Видя этот удар; Кокул
Их бы так же копьём проткнул,
Но ввязался в той бой Кесе,
Видя, как обомлели все.
Ничего не добился он,
Хоть вовсю грохотал вдогон:
Кёркокул его ждать не стал,
На пути у Кесея встал,
Словно в гору всадил копьё;
Его точное остриё
Прямо в рёбра Кесе вошло,
Повернувшись там, как сверло,
К важным органам поползло,
Чтобы лишнее вынуть зло,
Как из яблока всё гнильё.
Сам Кесей уронил копьё,
С храбрецом не тягаясь впредь:
С ним к нему подступала смерть.
Двадцать пять лишь Кокулу лет,
Но в бою ему равных нет;
Впрочем, здесь помог Ырчуул:
В битву вклинившись как манул
На своём Койчабдаре, он
До Кесея домчав, вдогон
Так мечом полоснул – во мрак
Без башки полетел *калмак*.
Сам держась из последних сил,
«Где Кошой?!» – Кёркокул спросил.
Не ответил ему Ырчи.
Зазвенели опять мечи,
Шапку, словно нагар свечи,
Лихо снял с головы Ырчи
Пригасив ему раной пыл
Дюжий Карачоро Камбыл:
На своём Жансары летя
В гущу схватки, сумел шутя
Боя вмиг повернуть исход.
Но победы не вызрел плод:
Кёркокул-богатырь в разлёт
Наскочил на него, и тот,
Не успевший в бега уйти,
Пал, проткнутый копьём в пути.
Ырчуула увёз Бозуул,
Лишь успел сказать Ырчуул:
«Меня спрашивал Кёркокул,
Где Кошой, – я едва взглянул,
Как настиг меня враг, увы,
Миг – я был бы без головы,
Ты не дал мне уйти на слом,
Будем брата искать вдвоём».
Поскакали они, гнедка
За собою ведя, пока
Не нашли его седока,
Что остался в плену врага.
В это время *чоро* Камбыл,
Что сражён Кёркокулом был,

Вновь на лошадь взобраться смог,
Вставил в стремя уже сапог,
Но движенье его засёк
Кёркокул и немедля в бок
Вбил копьё, и Камбыл опять
Сполз на землю, как будто спать
Собирался он; вечным сном,
Впрочем, вскоре уснул потом:
От Кокуловского клинка
Отлетела его башка.

Ырчуула с Бозуулом вдруг
Ненадолго сковал испуг:
Дюжий враг богатырь Айба,
Громыхающий как арба,
Рук раскинувший два столба,
Шёл на них, как сама судьба,
Собираясь сграбастать двух
И не мешкая выбить дух,
Чтоб потом проглотить – как грот
Был распахнут нечистый рот.
Тут Манаса бойцы на миг
И замешкались: просто встык
Смрад объял их, рождая страх:
Трупным ядом силач пропах;
Попытались уйти в бега,
Стала почва вдруг как шуга –
Колдовал ведь наверняка
Их противник, смеясь слегка.
Но последним смеётся тот,
Кто последний свершает ход:
Богатырь Кёркокул вперёд
Тут же выскочил, чтобы влёт
Так ударить Айбу, что тот
Полетел, как созревший плод,
Всею тяжестью оземь – бряк!
Уязвим неподъёмный враг.
Скакуна развернув, Кокул
И с тропы ещё не свернул,
Как примчался *калча* Конур,
Лишь дополнив собой сумбур:
Кёркокула ударил он
И добавить хотел вдогон,
Но застряло копьё – пустяк,
Но пока Конторо-*калмак*
Из Кокула его тянул,
Увернуться смог Кёркокул,
И на счастье его сюда
Капчыкбая сын Абдылда
Смог домчаться на шум и грай,
Вслед примчался и Ажыбай –
Богатырь, пошутить мастак, –
Так *калче* он вломил, – *калмак*
И копьё уронил, и честь:
Лишь бы ноги скорей унесть,
А пока Алгару хлестал,
То домчавший Сыргак застал
Схватки этой развязку: бой,
Попритихнув само собой,
Стал погонею за *калчой*,
Что, услышав, «Манас!», *камчой*
Так нахлёстывал Алгару,
Словно с древа сдирал кору,
А не шкуру со скакуна.
Лик меняет за миг война.
Молодцы, что в седло скорей
Заскочили, поймав коней
Мчались вслед за *калчой*, но вдруг
Замыкая как будто круг
Тьмой, струящейся из-под лба,
Вновь воскресший силач Айба
На пути храбрецов стоять
Умудрился живьём опять:
То *кангайское* колдовство
Посадило в седло его.
Но, Кокула увидев лишь,
Этот слон задрожал как мышь,
Стал валиться он с Жарсары,
Выбывая вновь из игры. Его тушу,
плотней горы
Завалившую Жарсары,
Вновь ударом Кокул свалил,
А Сыргак же что было сил
Меч обрушил, срубив главу,
Туше, пачкающей траву,
Чтоб уже ни один колдун
В него душу опять не вдул.

Ажыбай, Бозуул, Ырчы,
Меж врагов не найдя *калчи*,

Вдруг заметили, что толпа,
Всех затягивая в себя,
Что-то с шумом творит, вопя,
Как свиная бурда кипя.
Подобрались поближе – глядь,
Все собрались, чтоб избивать
Не кого-то, Кошоя! – брат
Мёртв как будто на первый взгляд:
Тело в теста большой замес
Превратилось, не видно мест
Без кровавых потёков, ран;
Голова – как большой казан
В чёрных метинах, в синяках
И в пробоинах – просто страх!
Великана унизив, враг,
Продолжая жестокий акт,
Бил кыргыза тупым битьём,
Чуя капельку жизни в нём.
Тут, в порыве летя одном,
Сквозь толпу проскакав втроём
Ажыбай, Бозуул, Ырчы
Повыхватывали мечи,
И, расчистив кровавый путь,
Меж живых проскочив как ртуть
А пораненных дотоптав
Чтобы впредь не вели потрав,
Тело бедного *Абаке*
Вырвав с боем в крутом витке,
Вгромоздили на скакуна –
Благо много коней война
Оставляла без седоков.
Впрочем, надо немало слов,
Что и вспомнить я не готов,
Чтоб могли вы услышать рёв
Ажыбая и крик Ырчи,
Звон, с которым скрестив мечи,
Бозуул отбивал коней;
Сотен шесть было в битве сей
Против тройки богатырей:
Разъярённых врагов – что тлей
Против трёх золотых стеблей
Вдруг возникших среди полей.
Полулёжа в седле, Кошой
Покидал под прикрытьем бой,
А вокруг, как большой прибой
Кровь хлестала морской волной,
Искры сыпались – меч о меч
Высекал их, летели с плеч
Вражьи головы, как плоды
Бесконечной людской вражды.

Кёркокул в этот день в боях
Стал легендой врагам на страх:
Он Кесея разбил, Айбу
И калдайцам шести судьбу
Его гнева разрушил взрыв,
Силачей же десятерых
Его доблесть, всего лишив,
Обеспечив друзьям прорыв
Чтоб Кошоя вернуть к своим,
Разметала как будто дым.
Был *Кангай* поражён, что шесть
Сразу воинов, как на шест,
Нанизал на копьё Кокул,
Великанов двоих проткнул
За какой-то неполный день;
Всенародной молве не лень
Было всё это обсуждать,
Дополняя, людей пугать.
Эта слава досель жива.
Впрочем, так же гудит молва,
Как неистовый Эр Тёштук
Смог Кедена Жолоя вдруг
Уничтожить без лишних трат
Сил, оружия и солдат:
Быстро, будто бы по пути
Он сумел сквозь толпу пройти,
Не щадя по дороге сей
Ханов, как и простых людей,
Сильных, слабых, дрожащих, злых.
Оставался на поле жмых
Вместо вражеских войск лихих,
Словно выжали всё из них.
Души срубленных им людей
Стаей призрачных голубей,
Молча вырвавшись из телес,
Уносились в астрал небес;
Капли крови с его копья
Словно зёрна в разгар жнивья
Оземь падали, сей засев

Обещал в урожае гнев,
Жажду мести, вражду и злость.
Смерть – не сеятель, только гость,
Что уходит, в чужом дому
Оставляя раздор и тьму.
По легенде *кангайцы* вон
Убегали, а им вдогон,
Всех на смертный беря испуг,
Мчался яростный Эр Тёштук.
Вновь истории колесо
Повернём, чтоб увидеть всё
Как слагалось на поле том:
Суть отыщем в пережитом.

Десять тысяч *балбанов* в бой
Предводители за собой
Повели, и за каждым сеть
Закрепили: замкнуть как в клеть
Мол, старайтесь Тёштука – так,
Чтоб не вырвался он никак.
Взяв арканы с петлёй в сто рук,
Ряд за рядом смыкая круг,
Поспешили враги; Тёштук
Понял замысел их не вдруг,
Да к тому же к ним тысяч пять
Свежих сил подошло опять,
Набежали со всех сторон
Также множество из *ойрон* –
Тысяч где-то пятнадцать их;
На мгновение бой затих,
Чтоб начаться сильней стократ.
Счёт на сотни пошёл утрат
У врагов, а один Тёштук
Отбивался от тысяч рук,
Но в пылу не заметил вдруг,
Как взметнулся с петлею крюк
Там и там… и со всех сторон!
За мгновения был пленён
В семь десятков арканов он,
И в пятнадцать сетей вдогон
Был закутан, спелёнут так –
Шевельнуться не мог бедняк!
Недвижимому только ждать,
Что удача блеснёт опять.
Он и ждал, сам себя кляня.

Эр Тёштука стащив с коня,
Чалкуйрука себе забрать
Сам Жолой пожелал, и рать
Не посмела перечить – хан.
Хорошо, что сам Эламан
Был не здесь, и не видел он,
Что случилось с его сынком,
Был ведь младшим – девятым – сын:
Как враги обращались с ним!
Пал от горя бы вмиг отец –
Видеть это не дай Творец:
Каждый мимо идущий враг
Бил Тёштука нагайкой так,
Что доспехи слетели прочь
Стало тело темней, чем ночь,
С лика ясного кровь лилась,
Вся земля превратилась в грязь.
Как последнего бедняка
Посадили на лошака –
Без седла, без узды, стремян;
Он качался как будто пьян,
Униженья терпя и боль.
Хан Жолой, поощряя голь,
Приложился и сам не раз
Плетью к пленнику напоказ,
И сказал: «Эсенкану в дар
Отвезу его – на удар,
А потом на его глазах
Храбреца превращу во прах:
Так расправлюсь, как я люблю –
В пыль мельчайшую раздроблю,
Пусть ответит Тёштук за всех,
Кто явился искать успех
В наших землях; пускай *бурут*
Каждый знает: вот так сотрут
В порошок его здесь всегда
Без огласки и без суда.
Вон – нанизанный на кукан,
Потеряв богатырский сан,
Едет молча как истукан;
Ишь, явился попрать Какан!»
Раззадорившийся Жолой
Вёз Тёштука, что сам не свой,
Кашлял, кровью харкая вниз,
Слуги так же вокруг неслись

И дубиною каждый раз
Били пленника напоказ,
А упал когда, волокли,
Еле-еле подняв с земли.

На пути у них в этот миг
Богатырь Алмамбет возник.
Пригляделся Жолой – за ним,
Столь же мощен, неодолим,
Скачет грозный батыр Чубак, –
И от них не сбежать никак.
Впрочем, здесь для подобных дел
Приготовил Жолой задел:
Чон Мерген в валунах сидел:
Ждать в засаде – таких удел.
На прицеле держа Алму,
Он забыл, что ни по уму,
Ни по ловкости не сравним
С другом юности он своим.
Алмамбет разгадал подвох:
Друга подлого выдал вздох,
И стрелу, что Мерген послал,
Алмамбет на миг обогнал, –
Саралу он пришпорил так,
Что пантерой скакнул бедняк,
В Ачбуудана Жолоя он
Сходу врезался, только стон
И успел ему выдать тот,
И Жолою Алма в живот
Вбил копьё, и как спелый плод
Покатился с коня *ойрот*,
А Чубак, подскочив в момент,
Снёс башку ему – рудимент
Для таких, как Жолой: увы,
Нет у подлости головы.
Пока выдернул меч Чубак,
Сам он чуть не попал впросак:
Вдруг охотник Чон Ылама,
Видя, что отвлечён Алма,
Влёт вломил Чубаку, и он
За Жолоем упал вдогон,
Но остался живым: Алма
Вник, что смертная кутерьма
Началась, словно сокол к ним
Тут же ринулся и одним
Точным взмахом меча сумел
Чон Ыламу повергнуть с тем,
Чтоб умерить китайца прыть
Сверзить с лошади и добить.
А пришедший в себя Чубак,
Чтобы новых не ждать атак,
Чон Ыламу срубил главу,
И с Жолоевской на траву
Покатилась она рядком,
Словно скользкий кровавый ком.
Так покинули этот мир
Ылама и его кумир,
Хан Жолой, их же кони вмиг –
Ачбуудан и Кууказык –
Ускакали в *Кангайский* луг,
А подозванный Чалкуйрук
Вновь обрёл седока – Тёштук,
Правда, с помощью братских рук,
Был посажен опять в седло
Кровожадным врагам назло.

Алмамбета Манас уже
Ждал, тревожась давно в душе,
Так, что брата горела грудь;
Разобравшись с Тёштуком, в путь
На своём Сарале Алман
Поспешая к Манасу в стан,
Только пыль закрутил столбом;
А за ним и Чубак, ведом
Его спешкой, помчался вслед.
Азизхана сын Алмамбет
Даже в этот момент сумел
Посредине кровавых дел
Поиграться в *байгу*: летел
Побыстрее, пожалуй, стрел.
И Чубак поспешал за ним;
И Сыргак – разглядев сквозь дым
Да поднятую пыль их бег,
Он – азартный был человек, –
Наподдал скакуну под дых:
За невестою так жених,
Подгоняя коня, летит,
Так же споро скакал джигит.
Стан кыргызов набег их спас, –
Окружён был врагом Манас,

Доскакавший в стан Алмамбет
Потрясён был: как будто свет
Вдруг померк из-за тысяч туч
Чёрных войск – Нескара могуч
С края шёл одного, как мрак,
А с других – Уушан, Калмак,
Кунжанджун и сам Мурадил,
Салбаке и вслед Жанадил –
Окружили, как взяв в загон
Льва войска, хоть и бился он,
Словно сено врагов кося.
Только тьмою клубилась вся
Их чернеющая гряда;
Впереди шли, как и всегда,
Шесть десятков *калдайцев*, вслед –
Силачи, коим счёта нет:
Они, тысячи; как грачи
Бранью тешились силачи;
Тысяч семьдесят уж сетей
Приготовили для людей,
И арканы с крючками к ним
Прикрепили – неисправим,
Будь и воином он, ловец,
Выживающий впрок хитрец.
Шесть бесчисленных войск в загон
Всех кыргызов замкнули. Гон,
Что устроил Алма – как бог
Подсказал и свершить помог!

К тыл ударил врагу Алман,
И Чубак, прокричав *ураан*
Так, что громом прошёл «Ма-анас!»
Вкруговую, успел тотчас
Но с другой стороны вломить
В спину конникам вражьим; прыть
Вслед Сыргак показал: и он
В войско врезался; с трёх сторон
Клич «Манас!» прогремел, и лев
Из-за тьмы услышав напев
Верных братьев троих, воспрял,
Отражая за валом вал
Набегавших на них врагов.
И Кыргыла все сорок львов
Голоса тех троих узнав,
На прорыв повели анклав:
Очень вовремя с тыла бой,
Отвлекая врага собой,
Повели Алмамбет, Чубак
И бесстрашный батыр Сыргак
Чтоб рассечь безысходный мрак,
Стан замкнувший в глухой *абак*.
Впрочем, сам Сивогривый был
Полон гнева, отваги, сил,
Методично врага он бил,
Весь натянут струной из жил.
Кулетена храбрец Агыш
В схватке быстр как летящий страж
Жойкума[1071] его так снуёт,
Словно пищу *ажал*[1072] клюёт,
Забирая по-птичьи влёт
Души сунувшихся в поход.
В один миг вдруг к лицу лицом
С Кунжанжуном столкнулся он;
Потрясённый, подумал хан:
«Эдак он разорит мой стан,
Всех порушит, сведёт на нет,
Сей *бурут* – он источник бед,
Не убить – уничтожит всех!» –
Понадеявшись на успех,
К своей силе коня рывок,
Куучаптара пришпорив, смог
Он добавить и так копьём
В бок Агыша толкнул – живьём
С Аккокула свалился тот,
Ожидая – сейчас добьёт
Поваливший его Жанжун,
Но как будто бы вихрь, бурун,
Налетел в этот миг Сыргак,
Кунжанжуна ударил так,
Что тот с грохотом сам упал,
Вызвав с ближней горы обвал.
В это время, пока гора
Пыль плевала в них, Нескара –
Не шайтан ли ему помог? –
Подскочил и в один прыжок
С Телкызыла Сыргака смог

[1071] Жойкума – название меча.
[1072] Ажал – смерть.

Сбросить, пикой ударив в бок.
Алмамбет, зарычав как лев,
На подмогу примчал, успев
От Сыргака прогнать врага:
Тот пустился скорей в бега,
И ему поскакал вослед
Разъярившийся Алмамбет;
А Чубак торопливо меч
На Жанжуна навёл – отсечь
Ему голову, чтоб навек
Успокоился человек,
И помчался за Нескарой,
Чтоб помочь Алмамбету бой
Этот выдержать с головой –
Тут, простите, намёк двойной.
Нескара – богатырь *манжу* –
Уже выскочил за межу
Меж майданом и той землёй,
Где раскинул он лагерь свой;
Там он спрятался меж людей.
Алмамбета смутил злодей.
Он Агыша зато достиг
И помог ему в тот же миг
Вновь забраться в седло, сказав:
«Потихоньку скачи в анклав»,
Его к лошади привязав,
Чтоб к своим бы добрался здрав.

Чей неважно в войне почин.
У Айкола был план один
С давней местью *калче* един,
У *калчи*, что, как знаем, сын
Хитроумного Алооке,
Было спрятано столь в руке
Хитрых планов, уловок, схем:
Как отправить, кого, за кем,
Всем родам нанеся урон,
Чтобы сесть самому на трон:
Оттого так берёгся он,
Что с собой лишь жил в унисон.
Мать Конура была сестрой
Шоорука – *кангайцам* свой,
Он и звался за то «*калча*»,
Жажду власти всю жизнь влача;
Рассуждал он – мол, пробил час,
Чтобы первым здесь стать сейчас :
«Я увлёкся, увы, слегка:
Отовсюду собрал войска,
Только каждый из глав родов
Сесть на троне всегда готов;
Надо их потерять в бою,
А потом уже рать свою
Двинуть, чтоб побежал Манас;
Постараться зато сейчас
Тех убрать, кто в бою мастак:
Алмамбет, да Чубак, Сыргак –
Вот Манаса костяк и суть,
Вот обрезать кому бы путь!»
Сам себе он сказал: «Пора»,
Шпоры дал он, и Алгара
В стан Манаса помчался так,
Словно гнался за ними враг.

В этот самый момент Манас
В шесть сетей угодил как раз,
Вместе с верным конём его
Так опутали! – торжество
Обуя́ло китайцев, – крик
В небо взмыл: мол, Китай велик,
Мол, *бурутов* загнали в клеть –
Без Манаса ведь всем им смерть,
Мол, для каждого тоже сеть
Приготовлена – не успеть
Сорандика сынку теперь,
Хоть какой бы он ни был зверь,
Без Манаса вести войну,
Проиграл, мол, уже одну,
Снова сунулся в быстрину –
Да попал не на ту блесну!
Конурбай в этот миг смекнул,
Что для планов его посул –
Самый тот, и рванулся в бой,
Увлекая всех за собой
Громким кличем: «*Монду, монду*!»,
Шёл, нахлёстывая на ходу
Алгару, что как птица мчал,
Вполовину войдя в астрал:
Так бодрил седока запал,
Что майдан показался мал.
Тёмен ликом, скакал *калча*,

Только отблеск его меча
Рдел порою из-за плеча;
Он боялся, что вдруг ничья
Его планы перечеркнёт:
Вдруг захочет теперь народ
Просто вражий прервать поход,
И в надежде, что мир придёт,
Лишь Манаса пустить в расход,
Перекрыв его смертью счёт.

Этой ярости чёрной вал
Издалёка Айкол узнал,
Усмехнулся: «Спешит *калча*!»
Мчится враг, на ходу крича:
«Силачи, натяните сеть!
Накидайте еще! Успеть
Попытаюсь я со спины
Супостата пронзить – полны
Его крови пусть будут рвы,
Ямы, рытвины… От травы
Чтоб густой поднимался пар:
Его сердце – победы дар!»
Конурбай только поднял меч,
Как Манас изловчился, встречь
Повернувшись, за *Зулпукар*[1073]
Ухватился, его удар
Он сумел обернуть к тому,
Кому вовсе не по уму,
Не по силам был этот меч:
Пламя хлынуло словно в течь
Меж мирами; за рукоять
Смог Манас это пламя взять,
Всех, не глядя, вокруг разя!
Конурбай побежал – нельзя
Было выхватить и копьё:
Забурлившее бытие
Уносило злодея прочь;
Свою душу спасая, в ночь,
В непроглядный буран страстей
В свой Какан – не Какан людей,
А Какан непроглядной тьмы,
Конурбай убегал, взаймы
У кого-то схватив потни́к,
Чтобы скрыть свой наряд и лик.

Следом вихрем помчался лев,
Все преграды преодолев,
Все обрывки сетей, тела,
Что валялись вокруг – хвала,
Только вражеских силачей;
Жаждой мести горя к *калче*,
Лев спешил – мол, и смерть красна,
Если месть утолит она.

Так же быстро и Алмамбет
Мчался, к гриве пригнувшись, вслед;
Нескара, увидав, решил
Помешать, и что было сил
Он с поддержкой наперерез
На гнедом скакуне как бес
Поскакал, поднимая пыль,
Подминая седой ковыль.
Мимо мчал Акбалты Чубак,
Но увидев погоню, так
Рассудил: «Неспроста за львом
Алмамбет поспешил, притом
Нескара ему мчится в хвост,
План которого, видно, прост:
С Конурбаем сражаясь, лев,
Взгляд которого застит гнев,
Явь вокруг превращая в ад,
Не заметит, мол, тот расклад,
При котором ударит в тыл
Нескара, Алмамбета пыл
Поумерив по мере сил,
Чтоб поменьше майдан месил,
А получится – и убрав,
Все законы войны поправ:
В схватку двух примешавшись так», –
И решил защитить Чубак
Алмамбета и льва тылы,
Чтоб ни пики и ни стрелы
Не ужалил их тайно клюв,
В плоть их яд заодно вплеснув.
И, подстегивая Кёктеке,
С пикой наготове в руке,
За Конуром Алооке
Повернул он в крутом витке,
Пыль вздымая, как будто в ряд

[1073] Зулпукар – название волшебного богатырского меча.

В девяносто мечей отряд
По майдану спешит, пыля,
Так что вспучилась вся земля.

Перепуганный наповал
Своё войско предав, бежал
Алооке сынок Конурбай,
Обманувший всех негодяй.
Он уже не кричал «*Монду*!»,
Миновать скорей Сазанду
Торопился – тишком, молчком;
Ведь в означенном месте том
На заросшем травой холме
Вряд ли памятная Алме
Шла тропинка – узка, темна:
Ту дорогу, где шли, она
Начинала – у всех дорог
Неприметный такой исток;
Неприметный, но хитрый: там
Ров был вырыт, и восьмистам
Полновесным размахам рук
Равен был высотой, а вкруг
Словно щит от случайных «вдруг»
Кроме верных Конуру слуг
Ждали: сотня балбанов там,
Затаившихся по местам,
Да двенадцать калдайцев – цвет
Окруженья Конура; вслед
Ряду первому стражей шли,
Позапрятавшись в ковыли,
Сотня с хвостиком тысяч тех
Лучших воинов, кто успех
Укрепляет в боях, придя
После боя чуть погодя,
То есть, тот золотой запас,
Что победу берёт за час,
Что всегда наготове близь
Пробежаться по трупам ввысь.
Да, китайский народ хитёр.
Впрочем, в мире уже с тех пор
Эту хитрость ввели в закон,
Чтоб историю мира он
Толковал всё, что есть, поправ:
Победитель лишь только прав.
А изнанка событий – мрак,
Не изведан никем, никак,
И соваться туда зачем?
Удалось ведь подмять *калче*
Род китайцев, где Бешкулак
Был главою, – баранов так
Подчиняет себе пастух, –
Из возможностей сразу двух
Конурбай исходил всегда,
Мол, и проигрыш – не беда,
Если есть ещё в мире щель,
Что схоронит его, чтоб цель
Через время добил *калча*:
Глупо в спешке рубить сплеча.
Так он думал: «Коль буду я
Просто так убегать – меня
Рано ль, поздно настигнет тот,
Кто как тень между мной встаёт
И моею мечтой, чтоб власть
Испытал я сполна и всласть.
Нет, единственный выход: пасть
Понарошку, в ночи пропасть,
Имитировав прежде бой
Мне с *бурутом* – само собой,
Помахаю слегка копьём
Как бы пятясь над самым рвом,
Чтоб Манас, провалившись в ров,
Тех сманил туда, кто готов
За Манаса и жизнь отдать;
Вместе будет им мягко спать,
Когда слуги мои кизяк
С валунами накатят так,
Чтоб кыргызам не дул сквозняк
Между жизнью и смертью», – враг
Алгару завернул, смеясь,
Представляя, как канут в грязь,
Все кыргызы, что не таясь,
Скачут вслед за Манасом – связь
Меж *бурутами* так сильна,
Что поможет *калче* она.

А тем временем силуэт
Показался – то Алмамбет
Столь приблизился, что *калча*
Видел даже изгиб меча,
Что из ножен сверкал как луч,

Силуэт был высок, могуч.
Вмиг, увидев его, Конур
Стал от страха изжёлта-бур
И подумал: «Они вдвоём –
Алмамбет и Манас – в мой дом,
Где я корни пустил уже,
Прискакали, держа в душе
Золотой головы искус;
В одиночку им попадусь –
Не останусь в живых, клянусь,
Как одну из своих обуз
Бросят в ров, разорвут живот», –
Он забыл, что наоборот
Сам расправиться так мечтал
Он с кыргызами, но металл,
Что из ножен блеснул, за миг
Всё иначе представил; блик –
Самый точный порой язык,
Если дело не с мыслью встык.
Конурбай своих слуг позвал,
К наступлению дал сигнал:
«Пусть всё войско скорей вперёд
Всем составом своим идёт,
На *бурутов* сплошной волной
Налегайте, чтоб этот бой
Самозванцев подмял вполне!
Да, – их печень поджарьте мне!»

Барабаны такую дробь
Тут же выдали! – с дальних троп
Вмиг откликнулся камнепад.
Алмамбет потянул назад
Льва, настигнув его, но взгляд
Льва был, право, страшней стократ,
Чем безудержных войск накат;
Алмамбет был уже не рад,
Что пытался Манаса он
Уберечь, и пошёл вдогон
Не спросив разрешенья, но,
Раз уж было так суждено,
Попытался Алма опять
Скакуна незаметно взять
Под уздцы, чтоб успеть сказать
Льву: не надо туда скакать,
Там таится большая рать:
Западню приготовил тать.
Но рванулся Манас – уйди! –
И не глядя, что впереди,
Чуть ли в ров не скакнул, кипя.
Алмамбет же, сдержав себя,
Так же повод коня держа,
Выдал всё, чем полна душа,
Бородой лишь в волненье тряс, –
Впрочем, так же, как сам Манас:
«Ай, Манас, ай-я-яй, Манас!
Богатырь наш, ведь сколько раз
Ты учил неразумных нас,
Чтобы воин в страстях не вяз?!
Плёнку гнева сотри же с глаз:
Ведь вокруг не родной Талас!
Твоя слава, что крепче гор,
Покрывала нас до сих пор,
Но увы, вероломный враг
Подлость хитро устроил так:
Его войско в пылу атак
Не узнает, кто в буерак
Так бесславно не глядя пал;
Здесь, я помню, народ копал
Под моим руководством ров:
В травах скрытый, он так здоров,
Что всегда проглотить готов
Сколь угод коней, коров,
Глупых всадников, что летят
Вдаль вперив ненасытный взгляд;
Глуби восемь десятков здесь
Взмахов рук, и такой он весь
Вплоть до верхнего Сазанды,
До высокой его гряды;
На границе там войско есть –
Сотня тысяч, а к ним довесь
Силачей и калдайцев смесь
С Бешкулáком в начальстве, – честь,
Запродал иноверцам он;
Этой вести плохой вдогон
И велел я копать тот ров
Меж заросших травой холмов.
Знал, конечно, Конур о нём
И тебя заманил с конём,
Чтобы мучить тебя потом,
Чтобы ад ты познал живьём!»

Алмамбет замолчал. Манас,
Не спуская горящих глаз
С убегающего врага,
Скакуна придержал слегка,
Призадумавшись; в этот миг
На своём Алгаре достиг
Барабана из бычьих шкур,
Что к камням прикреплён, Конур;
За верёвку он дёрнул: шум
Столь великий начался – ум
Принимать не умеет зло
Когда много его зело:
Словно небо взорва́лось вдруг!
Силачи в обе сотни рук
Флаги выбросили – вокруг
Под знамёна укрылся луг;
Кукурузный початок так
Может лопнуть – как зёрна враг
Вдруг посыпался – больше ста
Тысяч выдвинулось сюда
Как-то разом со всех сторон;
Меж бойцами огромный слон,
Переваливаясь, шагал,
Бешкулак на нём восседал,
Как на троне, напыщен, зол,
Богатырь, великан, – тяжёл
Был тот пыл, что горел в глазах,
Словно злобой звериной пах.
Раскричался Манас в сердцах:
«Хватит, храбрый мой брат! На страх,
На испуг ты кого берёшь?!
Задержал ты меня! Ну что ж:
Раз не дал ты мне, Алмамбет,
Задержать Конурбая, вслед
Новый вышел навстречу враг,
Пусть моим будет Бешкулак!»

Сыновья Бешкула́ка вмиг –
Ровно пятеро, – встали встык,
Охраняя отца; коней
И слонов не нашлось – мощней
Чем отец, были все они,
Род приметливый исконй,
Примешь младших же – всех троих –
За огромных слонов самих.

Бешкулак был одет как хан:
Шесть халатов златых, чапан,
Шитый золотом, панцирь сверх –
Сплошь чугунный литой доспех,
Шлем, звенящий как сам успех,
И слепящий на солнце всех;
В общем, выглядел Бешкулак
Так, чтоб самый настырный враг
Понял – нечего здесь ловить,
Хан любого готов убить,
Сам оставшись неуязвим;
Словно холм он идёт; за ним
Пеших восемь бойцов идёт –
Великанов, – затем народ
Чуть помельче, но на конях;
Неуклюжие в ковылях,
Словно аисты на воде
Великаны бредут, в тщете
Обогнать верховых, увы, –
В сети пойманы из травы.
Бешкулак, приближаясь, вдруг
Так чихнул, что не только звук
Всех в момент распугал вокруг:
С *джуламейку*, с огромный круг
На обочину словно вьюк
Сопли шмякнулись, – не испуг,
Вызвал ужас *балбана* чих,
Что хватило б на восьмерых.
Он сказал, посмотрев назад:
«Эй, куда ты девался, брат,
Конурбай, где же твой Манас?
Убежал он поди от нас?
С ним один на один готов
Я сразиться без лишних слов!
Где же твой Алмамбет, скажи?
Его печенью от души
Я полакомлюсь, разорвав!..»
Как былинка меж многих трав
Конурбай, среди всех таясь,
Перст направил вперёд: «Манас –
Во-он, на лошади голубой,
В белом шёлке, само собой;
Великанов таких, как ты,
Хоть и были они горды,
В землю многих он вбил, учти;

А на рыжем коне – гляди –
Беглый раб… Подчеркнуть хочу:
Кушпара́ сынка Борончу
Он свалил, выпил кровь его;
По вине его одного
Все *буруты* пришли в *Кангай*;
Он опасен, ты так и знай,
Этой свары вина на них!
Завалить надо их двоих!»

В это время на Аккуле,
Словно птица взлетев во мгле,
Наготове с копьём в руках
На врагов навевая страх,
Обращая их в бегство, лев,
Путь меж ними преодолев,
Сходу ринулся; Бешкулак,
Тоже в битвах лихой мастак –
В свете бывших своих заслуг, –
В шесть десятков размахов рук
Взял копьё своё и на слух
Он метнул во врага, но вдруг
Влёт Айкол подхватил копьё,
Смертоносное остриё
Он отвёл от груди своей,
Древко с силой рванул скорей, –
Разогнавшийся Бешкулак
Со слона полетел, да так,
Что в слоновий крутой кизяк
Головой, покосив шишак,
Вдруг воткнулся, свиньёй визжа;
Отлетела его душа,
Студнем серым весь мозг, дрожа,
Оземь шмякнулся, взгляд страша,
Когда, взяв *Айбалту*, Айкол
Расколол ему череп – мол,
Коли вышла на волю спесь,
Пусть и дух с ним уходит весь.
Покраснела в крови трава.
В направленье большого рва
Лев немедля погнал в обрыв
Многочисленных войск наплыв:
За Конуром он гнался; тот,
Увлекая с собой народ,
Обезумев, летел вперёд.
Рой пчелиный вот так из сот
Плотной массой в слепой полёт
Матка вместе с собой ведёт.
Крохи мужества, что ещё,
Может, кто-то в себе нашёл,
Улетучились как дымок,
Конурбай когда с лёту смог
Сотворить заклинанья знак, –
Семь десятков *калмаков* так
Вызывают над полем дождь:
Как, откуда, и не поймёшь,
С неба чистого грянул гром,
В темень день превратил потом
С ветром сильным внезапно снег
Начал свой бесконечный бег.
В заклинанье любом весьма
Был не меньше силён Алма,
И метели, и камнепад
Мог он вызвать, круша подряд
Всё, что цепью крутых преград
Перед ним представало в ряд.
Всю изнанку и тайны бед
Знал всеведущий Алмамбет,
Но как будто бы дал обет:
Он подобный кровавый след
Только дважды меж земляков
Был оставить, как здесь, готов,
Когда предали вдруг свои
И остался он без семьи.
Слишком многое он познал –
Боль утрат, обвинений шквал,
Древних знаний таких накал,
Что не всякие применял,
С чёрным белое не мешал,
Волшебства, колдовства запал
Он в душе свой различал,
Как истоки разных начал.
Узелок, что всего с кулак,
В мыслях мог раскрутить он так,
Чтоб живое – не только враг, –
Всё замкнулось навек в *абак*[1074].

А тем временем солнца зрак,

[1074] Абак – тюрьма.

Что проклял колдовством *калмак*,
Чёрной тучей был весь объят,
Смерчи снежные, дождь и град
Вперемешку пошли подряд,
Волчьим воем вспугнув солдат,
Те – попадали, те – стоят,
Им за пазуху невпопад
Хлопья снежные сплошь летят,
Сазанды превращая в ад;
Словно небо вершило суд:
Падал в ров ослеплённый люд,
Сель, сподвижник великих смут,
Камни – каждый в немалый пуд, –
За собою тащил с высот,
Перемалывая народ.
Зря пришпоривал Аккулу
И заглядывал за скалу
И за каждый валун Манас:
Конурбай и на этот раз
Словно с ветром ушёл в распыл,
Только что здесь, казалось, был,
И уже только ветер пыль
Носит, долу клоня ковыль.
Без дороги Конур в Бейджин
Умудрился сбежать один,
Не иначе, как колдовством
Словно лисьим густым хвостом
След замёл за собою, дрожь
Вызвав в небе, а следом дождь
С крупным градом почти с кулак
Все тропинки засыпал так,
Что и бабки коням они
Стёрли сразу, – увы, сродни
Колдовство волшебству – сравни,
Очень схожи ведь исконй:
Точка зрения здесь важна
И активная сторона.

Алмамбет словно светлый луч
Запустил, и скопленье туч
Потихоньку ушло на нет, –
Был искуснее Алмамбет.
Он увидел: растерян лев
И его распирает гнев,
Не взорвавший его пока;
Он ко льву подошел, слегка
Улыбнувшись, чтоб речь смягчить
И терпению научить,
И промолвил: «Айкол, мой брат!
Ничего не вернёшь назад,
Враг опять ускользнул как гад,
Вызвав ветер, и дождь, и град, –
Хоть ругайся, а хоть молчи.
Чёрный уголь – душа *калчи*!..»
Пока он говорил, вокруг,
Хоть очистился неба круг,
Страшный грохот раздался вдруг –
Сель, сошедших невзгод недуг,
Покатился, сминая всё,
Как огромное колесо.
Бешкула́ка, увы, сыны
Как гигантские валуны
Были сбиты мгновенно с ног,
Восьмерых потащил поток
Чёрной грязи; и ров, как сток
Принял всех, кто уйти не смог,
Весь китайский Сазан, увы,
Словно выбритый, без травы,
Без посёлков, людей, скота,
Гладким стал уже навсегда.
С Алмамбетом Манас назад
Вмиг отпрянули, и в Агат
Не жалея коней пошли,
Чтоб не смёл их накат земли.
Днём и ночью – шесть долгих дней
Целых пять бессонных ночей, –
Шли верхом. Добрались когда,
Только поняли, что беда
Лишь крылом прикоснулась к ним,
Умереть не дав молодым.

На майдане царил раззор.
Кровь смешалась с ручьями гор,
С каждой лужей в лугах слилась;
Под копытами, словно грязь,
Так и чавкала… Без главы
Великаны в сетях травы
Дрались, силы теряя лишь;
Копья праздные как камыш
Шелестели, и словно в клеть

Были заперты все, и смерть
Продолжала свой пир, глумясь.
Храбрецы, что упали в грязь
И которых настигла смерть,
Не сумеют уж постареть,
Будут вечно теперь юны.
Было видно со стороны
Как по впадинам речки вдоль,
Пересилив и страх, и боль,
Лишь остатки огромных войск
Расползаются – каждый полз
Весь измазанный кровью, той,
Чей умножил поток собой.
Кто ещё на ногах стоял
И оружье в руках держал,
Продолжали друг с другом бой –
Безысходный уже, пустой:
Полутрупы в крови густой,
Зубы скалили, и конвой
Выставляли свой над межой
Что им грезилась между той
Или этою стороной.
Запах слышался всё сильней.
Трупы вспухли уже коней,
И четыре ноги своих
Каждый в небо вздымал. Людских
Было тоже немало тел.
Кто безглазо на свод глядел,
Кто как будто бы вжался в грязь,
Глянуть снизу на мир боясь.

Между трупов богатырей
Алмамбет проходил, мрачней
Становясь с каждым мигом весь;
И Бакаю-*аба*, что весть
Ждал так долго, что дней не счесть,
Посоветовал: «Надо здесь,
Уважаемый брат Бакай,
Смерти щедрый весь урожай,
Что почти как травы вокруг,
По-людски схоронить бы. В круг
И калдайцев сложить – полно
Их, конечно, – но всё равно
Надо в яме одной собрать
И засыпать всю эту рать.

Если правильным ты сочтешь
Мой совет и меня поймёшь,
В барабаны ударь потом,
Всех сбирая: людей сочтём,
Что остались у нас в живых;
Я надеюсь, немало их.
Хоть китайцы умны, сильны,
Но подумают пусть они –
Мол, кыргызы ушли ни с чем
И наверное насовсем;
Мы же, силы свои собрав,
Вновь ударим. Скажи, я прав?

Если б видел ты льва, Бакай,
Когда бешеный Конурбай
От него удирал, какой
Принял наш Сивогривый бой –
Было всё там на срыве сил,
В связке с небом он победил!
На хребет заповедный тот,
Хоть и есть там тропа в обход,
Вслед за львом напрямки
пришлось
Мне лететь, ведь Манаса злость
Завела б его прямо в ров;
Там же встретить я был готов
Пограничную службу. Страх
В четырёх лишь богатырях,
Заключался мой: список тот
Неизменен который год;
Первым пугалом был Макил –
Что ж, Макила я сам убил;
А второй мой немалый страх
Звался именем Бешкулак;
Кстати, третий был – Борончу,
Пёр горою, как тот. Хочу
Я сказать, что второй мой страх
Лев навеки сгубил в горах.
Три столпа, – на таких ногах
И стоял Конурбай – мой страх
Он четвёртый; и вот теперь
Как с одною лишь лапой зверь
Уползает коварно он.
Среди названных мной имён
Он опаснее всех, увы,

Правду давней людской молвы
Я проверил сегодня сам:
Он – колдун. Сотворил он там,
Где мы бились, кромешный ад,
Пограничный сгубил отряд,
Силачей своих целый ряд –
Не вернулся никто назад.
Я боюсь, что и здесь, у нас,
Хоть народом любим Манас,
Нужен всё-таки глаз да глаз:
Есть шпионы, что про запас
Враг внедряет всегда в ряды.
Разве их распознаешь ты?»
В самом деле, про пересчёт
Только-только узнал народ,
Барабан отгремел едва,
Как людская уже молва
Облетела все берега:
Эсенкан вдруг поднял войска
И, с народом своим един,
Путь направил в родной Бейджин.
Что ж, оставим всё этот так.
И о том, как герой Чубак
У жанжунов увёл сынов –
Целых сорок дурных голов!
И смешной, и правдивый сказ
Поведём мы на этот раз.

КАК ЧУБАК СВЯЗАЛ И ПРИВЁЛ СОРОК СЫНОВЕЙ ЖАНЖУНОВ

Э… э… э… эй!
У кыргызов шумел народ –
В стане начали пересчёт,
Вновь считали от десяти
И до тысячи; счёт почти
Совпадал с изначальным, с тем,
Что записан уже; затем
Посчитали убитый скот –
Здесь всё было наоборот:
Слишком много, увы, потерь.
Ну, а главное, что теперь
Все умы повергало в мрак,
Это то, что пропал Чубак
И Тёштук, что в пылу атак
Показал себя как смельчак,
Но от ран был живым едва.
Донесла до людей молва,
Что погиб он, и как трава
Прорастала печаль в слова.
Только кто-то увидел вдруг:
А не наш ли вдали Тёштук
Чуть не лежа на гриве весь,
Приближается? Эта весть
Взбудоражила как тайфун
Всех *алашей*; когда в *дюрбун*
Разглядели, что это он,
Все навстречу пошли, вдогон
Даже те, кто не понял суть,
Тоже бросились в этот путь:
Точно – он, а не кто-нибудь,
Всё разбито – лицо и грудь,
И в кровавых рубцах спина!
Что же делать? На то война.
Сняли бедного вмиг с коня,
На руках внесли, у огня
Положили его *тёрго*[1075];
Все собрались вокруг него –
Ханы, стражи, богатыри;
Обиходить его пришли
Слуги, лекари, главари –

[1075] Тёрго – на почётном месте.

Все дежурили до зари;
Ожил дух его и Тёштук
Смог, конечно – ещё не вдруг,
Свой короткий начать рассказ.
Повторим мы его для вас:
«…Чалкуйрука что было сил
Подгонял я – ведь Мурадил
Меж холмов петлял – уходил,
Растеряв свою спесь и пыл.
Иноверца нагнав, копьём
Я ударить хотел, но в нём
Столько злобы скопилось – он
Изменил и погоду: склон
Вдруг покрылся туманом весь.
Надо было в туман не лезть,
Но азарт был сильней меня,
И в туман я погнал коня,
В тьму, подобную тьме ночей.
Ровно тысяча силачей
Там таилась – со всех сторон
Налетели они на склон.
Уложил я их словно мух,
Не считая, быть может, двух
Или трёх-четверых… Коней
Их угнал я; в душе моей
Шевелилась глухая злость:
Мурадила-то ведь пришлось
Упустить из-за схватки той,
Был насыщенным слишком бой.
А вернулся когда домой –
В стан, – смотрю, Сивогривый мой,
Наш Манас подрастерян так:
Не вернулся, мол, брат Чубак!
Счастье с горем всегда вдвоём
Входят в избранный ими дом:
Я вернулся – пропал Чубак.
И от этого тошно так».

Сивогривый страдал, стонал,
Имя брата он повторял,
Словно мог его вызвать так:
«Где ты, брат мой, герой Чубак?!»
Не стеснялся он слёз: «Герой,
Брат, он словно близнец со мной:
С детства выросли мы вдвоём,
Для меня он – семья и дом,
Вместе ели и спали мы,
Силы взращивали, умы,
И творили добро и зло.
Как же нынче не повезло!
Как без брата я буду жить?!
Он опора моя и щит,
Мои руки и ноги он,
Верный страж, что всегда вдогон
Шёл за мною, копьё держал.
В моём сердце сто тысяч жал –
Это жалит меня печаль,
Это мне бесконечно жаль,
Что мой козырь, Чубак-батыр
Брата бросил, что нынче сир!
Ты народу служил *алаш*;
Неужели ты скорби дашь
Жизнь мою источить на нет?!
Я не слышу, увы, ответ!
Я смородины чёрных глаз
Не увижу уже – сейчас,
Может, во́рон, сорóка, гриф
Их клюют? Или, воспарив,
Бестелесный, ты смотришь, как
Тело белое топчет враг?
Иль стервятники на полях,
Потерявшие стыд и страх,
Зубы белые клювом бьют?
Или волки им не дают
Опуститься еще на плоть?
Неужели же дал господь
Чтоб калдайцы густую кровь
Брата выпили?! В ней – любовь,
Сила, солнце, и мощь, и страсть.
Как же мог ты, мой брат, пропасть?!
Ты всегда был моим крылом:
Мы летали всегда вдвоём;
Ты всегда был моим хвостом:
Напроказив, следы потом
Заметали с тобою мы –
Так оттачивали умы;
Ты моими когтями был,
Всю добычу, что ухватил
В жизни, я лишь с тобой делил,
Чтобы поровну было сил;

Ты вершиной моею был,
В голубом ты просторе плыл
Так, что больно смотреть глазам;
Для народа как крепость сам
Был ты, брат мой; был лесом ты
Сплошь заросшим до темноты,
Где не мог бы пройти чужак.
Всем ты был для меня, Чубак!
Под защитой твоей всегда
Был Манасом я, и беда
Обходила обоих нас.
Кто теперь без тебя Манас?
Львом, Чубак, ты ведь был всегда;
Был всесильным и я, когда
Ты стоял за моей спиной:
Был мне домом весь мир земной,
Что там мир! – ты ведь помнишь: нам
Домом чудился *аалам*[1076]!
Может, где-то ты на земле
Брата ждёшь в предрассветной мгле?
Может, выйти на Аккуле –
Поискать тебя на скале,
Меж кустами, на быстрине,
На речном беспросветном дне?
Может, с войском войти в Бейджин
Где страдаешь совсем один?
Лев, Чубак мой, где ты, ответь!
Неужели слепая смерть
Не узнав, забрала тебя?!
Как несчастна моя судьба!
О, мой мудрый Бакай, Кошой!
Вы делились всегда с душой
Вашей мудростью – ведь большой
Опыт жизненный ваш земной;
О, мой друг Алмамбет, ответь:
Как мне брата спасти успеть,
Как порвать безвременья сеть?
Как нам вспять повернуть бы
смерть?»

Так вот храбрый Манас стонал,
Убивая всех наповал
Даже видом, увы, своим:
Выдыхая с рыданьем дым,
Чубака вспоминая, он
Так зубами скрипел, что вон
Зубы сыпались изо рта.
*Ал*п Бакай говорит тогда:
«Лев, послушай, ты мудр всегда:
Коли пролита уж вода –
В чашу вновь её не вернёшь;
В правду не переделать ложь;
В радость грусти не перевить;
Коли жизни прервалась нить –
То её не связать опять;
А китайцы ведь возвращать
Не привыкли живыми тех,
Кого дал им пленить успех.
Твой кыргызский большой народ
Встал вокруг и с надеждой ждёт,
Что за дело ему Манас
Поручает на этот раз.
Будем лучше держать совет,
Чтобы людям ты дал ответ».
Поддержал его Алмамбет:
«Среди ханов потери нет –
Все четырнадцать живы, их –
Аксакалов и молодых –
Внёс я в списки людей живых;
Бой минувший был очень лих:
Есть погибшие, правда, – им
Вечной славы небесный нимб.
Что ж, кому-то судьба уйти
В поле жизни на полпути;
Тот, кто жив ещё, должен сам
По кровавым пройти полям,
Поискать среди рытвин, ям
Всех, отпущенных к небесам:
Если умер Чубак, то там
Отыскать его надо нам».

*Ал*п Бакай и Кошой-мудрец,
Алмамбет – богатырь-храбрец,
И Тёштук, и смельчак Агыш,
Все четырнадцать ханов – лишь
Объявили всем полный сбор, –
Тут же в поле спустились с гор,
Поспешили вскочить в седло,

[1076] Аалам – Вселенная.

Прочесали майдан зело:
Кажды труп был осмотрен, но
Чубака не нашли; одно
Быть могло из догадок двух:
Или он превратился в дух,
Или, лошадь его забрав,
Из китайских своих забав
Наихудшую выбрал враг:
Тело всё на кусочки так
Растерзал, разбросав, – Чубак
Чтоб на небе попал впросак,
Бесприютным, бездомным… Плен?
Плен он числил среди измен
И не мог преклонить колен,
Предпочёл бы скорее тлен.
Шууту увидал Алман
Накричал на него: «Шаман
Что ли нужен, узнать чтоб нам,
Где начальник твой? Ветеран –
Ты, был назван ведь главарём,
Но, наверно, забыл о том,
Что присматривать должен был
За соратником ты любым,
А за главным тем паче! – что ж,
Ты виновен раз, ты найдёшь
Тело иль самого живьём.
Мы тебя с нетерпеньем ждём!»

Взяв помощников тридцать рыл,
Шууту для себя открыл,
Что как будто птенец без крыл
Он отныне живёт: уныл,
Полуслеп, полуглух и зол;
Он впервые себя нашёл
В состоянье разбитых льдин;
Но вздохнул и пошёл в Бейджин
И собрался напасть, видать.
Хуже некуда: поддержать
Штурм решился Манас опять.
Алмамбет Азизхана вспять
Свой приказ был готов вернуть:
Перекрыть этот глупый путь.
Он такую Манасу речь
Выдал, чтоб их двоих сберечь:
«О, великий Айкол Манас!
Горе болью коснулось нас:
Пал навеки батыр Чубак?
Может, это ещё не так.
Вам в Бейджине легко пропасть –
Легче тигру засунуть в пасть
Обе буйные головы.
Войск в Бейджине ведь – как травы.
Коли в плен уведён Чубак,
Что скорее всего не так,
Он не выйдет живым от них,
Знаю этот народ – у них
Те, кто в рабстве, иль пусть – в плену,
Все судьбину влачат одну:
Жить служа, умереть в клети
Не в привычной своей плоти –
Исковеркано всё в пути,
Даже косточек не найти.
Есть проблемы у нас: решать
Надо быстро, скопилась рать:
Половина бойцов у нас
Тяжко ранена, мой Манас;
В нашем лагере вся земля
Кровью хлюпает, а поля
Все в заплатах кровавых луж;
И вода, и трава к тому ж –
Всё испорчено, лошадям
Негде даже пастись, а нам
Страшно пить из реки Ажат:
Трупы в ней до сих пор лежат,
Всюду вонь, ведь идёт распад.
Вот картина – и чем не ад?
На восток коль идти, дойдёшь
За день с ночью к местам Жантош:
Там хорош травостой долин,
Там простор и покой равнин;
Скакуны попасутся, мы,
Отдохнув, напряжём умы
И проявим терпенье: пусть
Все каканцы в наплыве чувств
Будут праздновать наш уход.
Нашей выдержки дивный плод –
Неожиданность, битва влёт
Увенчают собой поход!»
Всем понравился план такой.
Даже старцы – Бакай, Кошой –

Подтвердили, что этот план,
Видно, свыше им небом дан.

Добрались до Жантоша. Все
Были счастливы: как *кесе*,
Мёда полная, этот дол
Золотыми цветами цвёл.
На ковре из цветущих трав
Все, кто был на ногах и здрав,
Собрались на совет; больных
Уложили в шатрах: у них
Распорядок леченья свой;
Алмамбет головой седой
Покачал и повёл рассказ:
«Притчу вспомнил одну для вас.
Посмотрите – какой простор,
Сколько трав, сколько речек с гор
Эти травы питают, – их
Здесь хватило бы на двоих
Глав огромных родов… Увы!
Людям мало воды, травы,
У других всё хотят отнять,
Вырвать с корнем, засыпать, смять.
Средней Азии вся беда:
Слишком много родов сюда
Испокон прибывают, чтоб
Продырявить друг другу лоб,
Вырвать горло, кишки порвать.
Канықей – всех кыргызов мать, –
Каждый помнит из вас: добро
Раздавала своё щедро,
Злато-серебро и зерно,
Лишь бы были все заодно –
Целых сорок родов сейчас
Возглавляет один Манас.
Здесь, на райской земле, увы,
До сих пор одного главы
Отыскать не смогли: бои
За угодья вели свои,
Здесь соседу сосед всегда
Пожелает, чтоб мор, беда
И другая напасть навек
Стёрло всё, чем жив человек.
В этих сварах не раз народ
Умирал, и за родом род
Исчезал, – этот рай не раз
Видел, как в одночасье гас
Стан под чьей-то чужой пятой,
Обворованный и больной.
Вот такие как Конурбай
Довели этот дивный рай
До внушающих ужас мест,
Дух наживы витает здесь,
Дух стяжательства, воровства.
Только полная волшебства
Виновата ль природа в том,
Что неправедно мы живём?
Говорят: «Если пять *тенге*
Ты имеешь, тогда тебе
Даже в джунглях *сорпо* дадут».
Что ж, не менее важен суп
И удобство, и тот уют,
Что на отдыхе люди ждут.
Но как много нам надо их?
Всё ведь делится – на двоих,
Четверых, шестерых… Опять
Я напомню, как наша мать –
Канықей, – из казны брала
Злато пригоршней: «жаль, мала, –
Говорила, – моя ладонь,
В чём нужда твоя? – дом ли, конь?
Сам возьми, мол, сундук раскрыт!»
Так природа нам говорит!
Ну а кто как на сене пёс
Своё злато с собою нёс,
Жил в обнимку с мешком без трат,
Пока смерть не пришла, – богат
Был, скажите, скупец иль нет?
И зачем он коптил сей свет?
Не истратив *тенге*, дрожал,
Что бы кто-то не обокрал,
Ненавидя живущих всех.
Скопидом вызывает смех,
Сожаление, грусть. тоску.
Скольких видел я на веку
Торгашей, что живут взаймы.
Нет, не будем такими мы!
Жизнь – живым, и живите так,
Словно каждый расцветший мак
В мир спешил лишь на радость вам;

Всё делите напополам,
Не считая при этом цен.
Равноценен ли наш обмен
Мёртвых денег на пищу, хлеб, –
Что даруют нам жизнь? Нелеп
Кто жадится еды купить,
Собираясь голодным жить.
А разумный же человек
Торгаша найдёт – Сынчыбек
Вам за деньги закатит *той*,
Коль заплатите золотой!»
Так, со смехом закончив речь,
Алмамбет пожелал прилечь,
Но вначале взглянул – какой
Обеспечен больным покой,
Перевязаны ль раны все,
Свежи ль снадобья… В колесе
Так же крутится белка: ей
Лишь в движении жизнь видней.

Впрочем, раненых врачевать
Здесь умели на исполать:
В родниковые воды гор
Опускали лечебный сбор
Трав, которые с давних пор,
Люди знали; под наговор
Их варили: в питьё и мазь
Клали желчь, но при этом масть
Этой лошади, у какой
Брали желчь, чтоб была гнедой
Или разве что вороной;
Удаляли из раны гной,
Следом мазь наложив, травой
Жар снимали, что словно зной
Обволакивал тело всё;
И катилось как колесо,
Повторяясь почти точь в точь,
Всё леченье и день, и ночь.
Скольких раненых так смогли
Излечить, чтобы в пасть земли
Раньше времени не ушли
Да не нянчили костыли.
Головою Урбу стоял,
За лечением наблюдал;
Кёркокул возглавлял отряд
Охраняющий всех ребят,
Что, израненные в боях,
Без того испытали страх.
Промышляли охотой те,
Кто был ловок на высоте
Подстрелить на скале козла
Иль другую дичь для котла:
И маралов, и оленят;
На озёрах водился ряд
Всякой птицы: гусей и дроф,
Уток было там – будь здоров,
Успевай поднимать лишь лук;
В чаще леса встречались вдруг
И медведь, и лесной барсук,
Волки, рыси… Но на испуг
Не возьмёшь ведь лихих вояк!
Летовали кыргызы так.

У китайцев совсем другой
Был в пустыне, увы, постой:
Только лис и шакалов здесь
Можно было стрелять и есть.
Из вернувшихся в город там
Было раненных пополам
С невредимыми; всех лечить
Было слишком накладно, жить
Оставалось лишь тем, кто мог
Сам поддерживать свой исток –
Колдовством или знаньем трав,
Или жаждою жизни – прав
Тот, кто смерть победит в себе,
Он – хозяин в своей судьбе.
Так же думал и Эсенкан,
Как Конур с Нескарою; хан
Был печален: погибло столь
Лучших воинов, что юдóль
Беспросветной ему была:
Вот уж вправду эпоха Зла
В Поднебесной настала вдруг…
Что ж, в кипенье сердечных мук
И оставим его пока.
Надо вспомнить про Чубака.

В миг, когда Конурбаю вслед
Лев пустился, свидетельств нет:

Мог Чубак бы как Алмамбет
Поддержать их шальной дуэт?
Знал Алман про смертельный ров,
Потому-то он был готов
Всеми силами удержать
Сивогривого и не дать
Пасть в могилу ему живьём.
А Чубак-то не знал о том!
Он и впрямь поскакал сперва
Вслед за ними, но голова
Нескары, что он жаждал снять,
Задержала батыра. Пядь
Тех событий теперь легла
По-другому: источник зла –
Нескара – Чубака засёк
И мозгами, покуда мог,
Он раскинул: «Конур утёк
В направленье ко рву, и рок
В ров кыргыза сведёт как раз,
Тут и кончится весь Манас!»
Он подумать был не готов,
Что всё знает Алма: про ров,
Про *балбана* из Сазанды,
И Манаса он от беды
Постарается отвести.
Сам себя от решил спасти,
Рассуждая: «Вопрос решён
Конурбаем – с победой он
Очень скоро уйдёт в Бейджин,
Ну, а я-то совсем один!
Вон за мной по следам Чубак
Поспешает, а я, чудак,
О других беспокоюсь так!» –
И рванул к горе Будурмак,
Что в другой стороне совсем.
Но сперва гора Чанбейсен
Нескаре преградила путь:
Очень длинная, словно суть
Вечной жизни, она была
Порожденьем земного зла:
В рваных впадинах вся, в лесах,
Вызывающих смутный страх,
Где кустарники за подол
Так хватают – куда и шёл,
Вмиг забудешь, и тут и там
Шум и клацанье по кустам,
Словно это зубовный стук
Всей горы, что проснулась вдруг;
Даже тропы, и те, на ней
Под обвалами из камней
Прерывались нередко. Пыл
У бегущего поостыл,
Но Чубак придавал посыл
Его бегу – он так спешил,
Что почти на спине висел;
Под копытами камень пел –
Кёктеке, как всегда, умел
Бездорожьем идти – летел
Буераки и камни чтоб,
Перекрывшие жилы троп,
Не сломали бегущих ног:
Слишком дорог такой урок.

Нескара ощутил давно,
Что судьбы показалось дно:
Смерть дышала в затылок. Но
Был он с ду́хами заодно,
Что погоду вершили: он
Вызвал тучу на горный склон,
Что туманом со всех сторон
Окружила их и вдогон
Стала градом швыряться; снег
Начал с неба скользящий бег,
Словно зимняя вдруг пора
Наступила, и Нескара
Смог следы своего коня
В снег упрятать в разгаре дня
В снегопаде кромешном так,
Что совсем заплутал Чубак
И не ведал, куда идти:
Ни просвета и ни пути.
Он как будто в глухой ночи
Шёл – незрячий, и лишь сычи
Гулко ухали вслед с арчи.
Но блеснули вдали лучи
Светоносного солнца вдруг:
Так нежданный любимый друг
Раскрывает объятья там,
Где спастись не мечталось нам.
Духом тут же воспрял батыр.

Но вокруг незнакомый мир,
Нелюдимый, лежал пред ним,
Белым блеском великих зим,
Был он взгляду невыносим:
Весь в тумане, в густом снегу.
Как былинка в большом стогу,
Был затерян Чубак во мгле,
Воцарившейся на земле,
Когда солнце ушло с небес
Когда тенью накрылся лес.

Много дней пролетело так:
Бездорожьем плутал Чубак.
Чанбейсен обошёл кругом.
Великана Жуйруна дом
На другой стороне горы
Там с древнейшей стоял поры,
Куда мальчиком Алмамбет
На учёбу попал. Примет
Этой школы Чубак не знал,
Как не знал он, куда попал,
Что за место здесь как змея
Выгибается. Карыя! –
Каждый год здесь десятки чад,
Из китайских семей корпят
Над талмудами знаний – тех,
Что порою как тяжкий грех
Надо в недрах души скрывать,
Коль нет повода колдовать.
В это время Жуйрун сынов
Ровно сорок набрал голов,
Сорок юных *жанжунов* – им
Предстояло немало зим
Изучать заклинаний свод,
Чтоб неграмотный свой народ
В подчиненье держать потом,
Возвратившись в родимый дом,
Бить врагов, словно маг, колдун, –
Всё, что должен уметь *жанжун*.
Почта с птицей в тот день пришла:
Невесёлые, мол, дела
Осквернили родимый дом:
Мусульманин[1077] пришёл, притом
Был с оружием – в пыль и прах
Он на наших разбил полях
Наших воинов; спрячьтесь там
Все на месте, каникул вам
Пусть Жуйрун не даёт сейчас,
Надо, мол, чтобы вас он спас.
Великан не сменил лица,
Прочитав письмо до конца,
Молча думал он: на живца
Я могу приманить ловца;
Лучше б сорок моих детей –
Из вельможных ведь все семей, –
Где-то в месте другом пока
Поотлёживали бока.

Поразмыслив, сказал он всем:
«Не к себе – через Чанбейсен
В незнакомый идите край,
Там себе отыщите рай:
Целых сорок прекрасных дней
Вам даётся, чтоб без затей
Отдыхали; я дам коней,
И кольчугу с одеждой к ней
Выдам каждому, и шатёр,
Чтоб не мёрзли вблизи от гор», –
Снарядив, он отправил их,
Пригорюнившись, сел, затих,
Думу думая: «У таких,
Как Алман Сорандика, псих
Не проходит с годами: лих
Сорандик был – сын из таких:
Лих был даже в учениках,
Меч забрал мой, отвергнув страх,
А теперь заберёт и жизнь.
Безголовый уйду, без тризн.
Не-ет! Дорог на земле не счесть.
Есть две сотни – моих. А месть
Подождёт, ведь любая честь
Там гнездится, где тело есть.
Зря стараться он будет: я
Перейду через все моря,
Через глубь самых чёрных вод, –
Пусть он ищет, но не найдёт».
Ученик был один – слуга,
Не пустил он его в бега,

[1077] *Здесь*: речь ведётся об Алмамбете от лица придворного китайца или калмака.

А оставил с собой; Чынгыш –
Так он звался, – почти малыш,
Но умелый уже во всём;
С ним Жуйрун и ушёл вдвоём.
Оба взяли по скакуну,
Снаряжение и одну
Лишь палатку – чтоб на двоих
Было больше тепла у них;
И железный, конечно, *тон*
Взял Жуйрун – не один притом,
Так же он нарядил слугу:
Тон тяжёлый пусть на бегу,
Но спасёт он в недобрый час,
Как Жуйруна спасал не раз.

Сорок юных учеников
Шли довольные; был готов
Всяк проказничать по пути;
К Чанбейсену ещё идти
Было долго, хотелось игр.
Но из чащи Чубак как тигр
Вышел встречь, испугав ребят,
Только поднял копьё – назад
Все отпрянули, но сбежать
Им не дал богатырь, – связать
Умудрился друг с другом всех,
Не ссадив с лошадей; успех
Закрепил он приказом так,
Что поверили все: Чубак
Командир их, глава, отец
И хозяин их, наконец, –
Так решила сама судьба!
Он пустил их вперёд себя.
Поскакали вперёд. В тот день
Прояснилась над миром тень,
К ночи звёзды взошли на свод.
Стало видно, куда ведёт,
На восток ли, на юг, тропа.
На восток и пошла гурьба –
Сорок юношей и Чубак.
Направленье узнал он так:
По Полярной нашёл звезде
Мельче звёздочку, что везде
Называется *Путник*[1078]: свет
Очень ярок её, секрет
В том, что в сумерках ранних нет
Равных ей, ведь она одна
На востоке горит, видна
Всем, идущим в ночи вперёд,
И подмигивая, зовёт
На восток, но к утру зайдёт
Возле Мекки, обнищив свод.
Знал Чубак о секрете том
И не раз находил свой дом
Точно правым ловя плечом
Сей маяк с золотым лучом.
До рассвета дошли к реке.
Подзадоривал Кёктеке –
Скакуна своего, – Чубак:
Надо было пройти большак,
Холм и впадину под холмом,
Чтоб на мягком песке речном
Отдохнуть, да опять вперёд.
Утомившийся юный сброд
Хлюпал, горбился и вздыхал;
Да и сам богатырь устал.
Пусть пока они скачут так –
Сорок юношей и Чубак:
Им оставим их суету.
Мы же вспомним про Шууту.

Непослушный батыр, шутник,
Он всегда побеждать привык,
И сейчас своих тридцать душ
Он гонял, как сердитый муж
Неумелых гоняет жён.
Сам Шууту был до слёз сражён,
Что не видел, куда Чубак
Мог свалить незаметно так.
Как с прорехой большой *калпак*
Себе места найти никак
Шууту целый день не мог,
Думал: мол, не найду я войск,
Что могли Чубака пленить,
Оборвётся на этом нить
Моих поисков, – что тогда?
Брань Алмана? – туда-сюда,
А вот дырка в душе – беда:

[1078] Путник – *здесь*, видимо, речь идёт об утренней звезде Чолпон (Венера).

Не прощу себе никогда,
Что Чубак мной потерян. Смерть –
Лучше, чем сожалений клеть.
Труп надеясь найти, Шууту
Прошерстил всю поляну ту,
Что майдан окружала вкруг,
Поворочал он каждый труп,
В каждой яме искал вокруг,
Поднял каждый упавший сук,
Валуны откатил с пути,
Там надеясь хоть след найти.
Тридцать стражей его, устав,
Сели молча на кошмы трав.
Притомился и сам вожак,
Но позволить не мог никак
Он себе отдохнуть: «Чубак!» –
Эта мысль, в голове сверля,
Вновь звала обыскать поля,
И холмы, и к горам идти,
Ведь в расщелинах по пути
Мог, увы, затеряться труп.
Шууту был на слёзы скуп,
Но бродя эти дни в горах,
От себя даже пряча страх
Отыскать тело друга, он
Плакал вслух, если можно стон,
Что из сердца с рычаньем шёл
С плачем сравнивать, – нежный шёлк
Можно так уравнять с кошмой,
На которой большой семьёй
Спят; а коли кошма бела,
Глядь – и хана вдруг вознесла.

Для сравнения повод есть:
Вдруг однажды благая весть
Силуэтом на гребне гор
Шууту потрясла: в дозор
Он податься хотел опять,
Но начала освежевать
И поджарить козла хотел –
Он архара одной из стрел
Подстрелил, но ещё не ел.
Вечерело. Закат горел.
Всё темней становился день.
Вдруг вдали промелькнула тень.
Поскорее *дюрбун* схватил
Шууту, в напряженье сил
Тщился он разглядеть пятно,
Что в вечернее полотно
Новый штрих свой внесло: никак
Это скачет живой Чубак?!
В сердце вспыхнувший вихрь огня,
Вновь надеждой Шууту маня,
Подсказал: оседлай коня –
Расстоянье на три лишь дня,
Надо встретить! Он ранен вдруг,
Обессилен, голоден… «Друг!
Боже, пусть это будет – он!»
И, надеждою окрылён,
Шууту поскакал к хребтам,
На закат, ведь увидел там
Чёткий абрис богатыря:
Угасающая заря
Очертила его, коня
Чётко всполохами огня.
Вот один перевал, другой.
«Ты всё ближе, мой дорогой!», –
Шууту бормотал под нос,
Заблудиться боясь всерьёз –
Конь его бездорожьем нёс
Под безжалостным взглядом звёзд.
Он скакал, хоть устал, замёрз,
Но не чувствовал неудобств,
Лишь молитву шептал в ночи:
«Бог мой, с другом не разлучи!
Будет пусть это он – Чубак!»
Сердце в клетке металось так,
Словно впрямь то не грудь, а клеть.
Шууту бормотал: «Успеть!
Лишь бы вновь не подкралась смерть!
Лишь бы встретиться нам! А там –
Всё расставит жизнь по местам.
Коль от радости не умру,
Не спалюсь как дым на ветру,
Сивогривому Чубака
Я живым предъявлю; бока
Надорву я тогда, смеясь:
Я не видывал отродясь
Столько радости бурной враз,
Что внизу ожидает нас!»

Вот и этот хребет, где он
Чуть закатом не ослеплён
В силуэте мелькнувшем том
Друга выглядел, что иском
Столько долгих ночей и дней.
Неужели не он?! Эге-ей!
Он привстав в стременах: в глазах
Слёзы радости, вера, страх, –
Всё, что в сердце бурлило так,
Всё кричало: «Ты где, Чубак?!»
Дня пришедшего лился свет.
Вдруг из впадины силуэт
Показался: на Кёктеке
В пикой поднятою в руке,
Как большая гора Чубак
Восседает… Мгновенный мрак
Охватил Шууту, но он
Хоть волнением был сожжён,
Всё же справился; тебетей
Он сорвал с головы своей,
Плакал, что-то в слезах вопил,
Из последних рванувшись сил
Подскочил к Чубаку, обнял.
Потрясён был Чубак: не знал,
Что своею пропажей он
Мог такой нанести урон,
Если даже шутник Шууту
Слёзы радости на ходу
Вытирая долдонит: «Брат,
Как я рад, ты пришёл назад!
Ты вернулся живым, родной!
А Манас-то ведь сам не свой –
Без тебя он не хочет жить!
Он устал уже слёзы лить!
Жертвой стал за тебя и я –
Алмамбет, лишь меня кляня,
Всех послал отыскать твой труп.
Это страшный, ужасный труд!
Я скитаюсь уже давно,
Вот ведь счастье: живым дано
Мне тебя отыскать! О бог!
Ты помочь мне столь щедро смог!..»

«Успокойся! – сказал Чубак, –
Ну, нельзя убиваться так!
Бог даёт, забирает бог.
Алмамбету прости упрёк.
Он ругается – значит, жив.
Остальные, скорей скажи:
Живы, нет ли? Как лев Манас?
Он – дороже всего для нас,
Для кыргызов; мы с ним родня,
Много значит он для меня,
Ведь и погодки мы, друзья,
И соратники. Нам нельзя
Разминуться друг с другом, раз
Путь один на двоих у нас.
Есть, конечно, герой Сыргак.
Да, скажи мне, а он-то как?
За него семь десятков душ
Я отдам, храбрецов к тому ж,
Он их стоит. Так жив ли он?
Ты медлителен, брат, как слон,
Шууту, расскажи скорей,
Как Кошой? ведь его мудрей
Может быть разве что Бакай.
Утверждение спорно, знай:
У Кошоя под языком
Мёд и амбра, и кто знаком
С этим старцем, тот знает толк
В разговорах, как складно тот
Их ведёт, бородой тряся.
Как родня, расскажи мне, вся!?
Жив Бакай ли, храбрец Шууту?
С ним во мраке я путь найду,
Он как светоч во тьме годин,
Он – святой, он у нас один.
Ажыбай ли жив, Шууту?
Где таких шутников найду,
Краснобаев, *чеченов* – коль
Ажыбая возьмёт юдóль?
А Кыргыл – он здоров ли, нет?
Как там сорок *чоро*? Их нет!?
А четырнадцать ханов где?
Живы, нет ли, целы ли те,
Кто отправился с нами в путь?
Ну скажи же хоть что-нибудь!»

Отвечал Шууту вот так:
«Не тревожься, мой брат Чубак!

И Кошой, и святой Бакай –
Живы оба, ты так и знай.
И Сыргак, и сам Алмабет,
Все четырнадцать ханов – нет
Среди глав никаких потерь,
Целы все, но они теперь
Все сидят и тоскуют так,
Что почти что мертвы, Чубак!
Лишь Кыргыл и его *чоро*,
Что он взял давно под крыло,
Да и я – Шууту – шустрим:
По полям, по лугам, *иним*,
Ищем все одного тебя.
От удара меня судьба
И ещё Сивогривый спас,
Когда вздумал Алман в запас
Мне отвесить хороших плюх,
Отправляя меня на луг.
Лев заставил рыдать весь стан:
Невзирая на высший сан,
Так рыдал и так плакал он,
Так он рвался тебе вдогон
На Бейджин идти, на рожон,
Чтоб тебя лишь своим мечом
У китайцев отбить… Дела!
Ханов отповедь лишь смогла
Удержать его в этот миг.
А потом он и сам поник:
Понял, видно, что не всегда
Брать лишь дерзостью города
Получается, вот беда».
Шууту краснобаем слыл
Неслучайно, и ныне пыл
Успокоившись, он разжёг;
Но Чубак его знал и смог
Разговоры укоротить:
И вокруг он не стал ходить,
А спросил напрямую: «Есть
К нашим путь самый краткий здесь?»
«Не ленясь коль идти, тогда, –
Шууту отвечал, – звезда
Приведёт нас и за два дня
Только жаль загонять коня».

Поразмыслил Чубак: «Коль в ночь
Мы придём как плохая дочь,
Суматоху устроим всем,
Больше будут не спать совсем:
Ведь народ наш родной такой.
Надо людям сберечь покой».
И сказал Чубак Шууту:
«Приготовить бы нам еду,
Да поспать, ну, а завтра днём
Потихоньку к своим пойдём».
Он на стражей, на тридцать душ,
Посмотрел и сказал: «К тому ж,
Что живым я иду, пускай
Не трезвонит на целый край
Ни один из твоих ребят,
Пусть родные спокойно спят,
Не волнуются загодя,
Встречу пышную заводя».
Шууту согласился с ним
И помощникам всем своим
Наказал отдыхать и есть,
Не мусоля до срока весть.

Но среди его стражей был
Паренёк, что родной аил
Баламутил не раз, не два –
Бесшабашная голова.
Паренька звали Байтолон,
Сумасбродом всегда был он:
Богатея он был сынком –
С наказаньями не знаком,
И незрелым, увы, умом
Тут же вспомнил юнец о том,
Как в *кошоке*[1079] своём Манас
Говорил, если б кто-то спас
Несравненного Чубака,
То была бы щедра рука
У Манаса за *суюнчу*[1080].
Думал парень: «Коль я смолчу,
То другие получат куш,
Да и славу возьмут к тому ж!»
Байтолон, хоронясь от всех,
Чтоб сомнительный свой успех

[1079] Кошок – поминальная песня, плач по умершему.
[1080] Сүйүнчү – радостная весть, награда за нее.

Втихаря получить бы, грех
Счёл ничтожною из помех.
Сел на лошадь и в полночь прочь
Ускакал, хорошо что ночь
От луны и от звёзд была
Паче чаяния светла.

В эту ночь Алмамбет не спал,
По дороге бродил, гулял
И услышал он топот вдруг –
Стук копыт. Это враг ли, друг?
Затаился. Когда седок
Выбрал ближнюю из дорог,
Что вела к их шатрам, Алма
Рявкнул «Стой!». Байтолон весьма
Растерялся, не смог сперва
Те, что нужно, сказать слова:
Алмамбета боялись те,
Кто не равен по высоте.
Алмамбет повторил вопрос:
«Да кого ж это чёрт принёс?!
Среди ночи устроил шум,
Грохоча, как степной самум!»
Сник джигит, испугался он,
Забебекал: «Я Байтолон,
В ночь пришёл я за *суюнчу*,
Я вам весть рассказать хочу
И поэтому сам не спал:
С Шууту Чубака искал
Много дней среди гор и скал,
Я – один из джигитов, тех,
Кто помог Шууту успех
В этих розысках обрести.
Жив Чубак! Он уже в пути,
Но попозже решил прийти,
Чтобы в ночи не будить весь клан.
И ещё: он велел и нам
Не спешить и молчать, – учти:
Если я не вернусь в ночи,
То они ведь прибьют меня –
Сам Чубак с Шууту. Но я
Спать не мог, распирала весть,
И к тому ж ещё новость есть:
Целых сорок детей гурьбой
Взял Чубак, и ведёт с собой
Этих сорок *жанжунов* к вам –
Все повязаны по рукам,
Все глядят исподлобья, злы,
Все волшебники, хоть малы».

Так сказав, Байтолон хотел
Возвратиться назад; вспотел
Он от страха, трясясь как хвост.
Но сказал Алмамбет всерьёз:
«Байтолон, Байтолон! Чудак,
Не трясись ты от страха так.
Не сворачивай с полпути,
К Сивогривому ты иди,
Но не всё говори, как мне:
Весть такая сердца вполне
Останавливает. Вдвойне
Осторожнее будь: во сне
Раскрываемся все мы, знай,
И спросонья ранимы. Дай
Свою новость сперва как *май* –
Понимаешь? – запоминай:
Ты скажи: Алмамбет велел
Передать, мол, – восток уж бел,
И растаял замёрзший лёд.
Ты скажи это, он поймёт.
И не бойся, что, мол, убьют
Шууту и Чубак, ведь тут
Есть для этого Алмамбет,
И главнее начальства нет».
Алмамбета запомнив речь,
Что Манаса велел беречь,
Байтолон поспешил к шатру –
Дело близилось ведь к утру;
Лошадёнку он так хлестал,
Что от этого сам устал.
А Манас уже сам не спал –
Он от мыслей тяжёлых встал,
Запахнулся в халат ночной –
Был на нём меховой подбой,
И наружу он вышел. Тут –
Не прошло даже двух минут, –
Как, запыхавшись, Байтолон
Прискакал и, краснея, он
Повторил ему те слова,
Что был должен сказать сперва.

Сивогривый всё понял вмиг.
Дальше – больше: Кошой-старик,
А за ним и Бакай уже
Оба встали с зарёй в душе:
Их копыт лошадиных стук
Разбудил, стало ясно вдруг
Всем: вернулся Чубак! И весть
Снежным комом помчалась – есть
Крылья словно у всех вестей:
Чем нежданней, тем весть быстрей.

В белый *тон* обрядившись, лев
На своём Аккуле воссев,
В путь пошёл, а за ним толпой
Алп Бакай и старик Кошой,
Все четырнадцать ханов вслед
И, конечно же, Алмамбет:
Байтолона отправив, он
Развернул Саралу, вдогон
Не спеша уходить, войска
Обошёл он – война близка,
Из ближайшего же леска
Вдруг появится враг; броска
Надо ждать им в любой момент;
Все дозоры обоих смен
Он проверил, и тут же сам
Он отправился по следам,
Что оставил со свитой лев.

Утро, словно судьбы напев,
Наступило. Чубак с утра
Всех поднял поскорей: пора.
Появилось лишь солнце, вдруг
Он услышал копытный стук,
Алмамбета знакомый бас –
Тот коня торопил как раз,
Чтоб пока не прибыл Манас,
Всё проверить на чуткий глаз.
И к тому ж Чубака вдали
Он приметил уже – пошли
И молитвы, и счастья крик.
Тут заплакал Чубак: привык
В этом голосе, столь родном,
Слышать нотки другие, – ком
Словно в горле Алмы стоял,
Чувств нежданных огромный вал
Хлынул тоже слезами, – он,
Чубака обнимая, стон
Мог лишь только издать из уст:
Все, как дети, в кипенье чувств.
Да, как дети они вдвоём
Обнимались, дрожа при том,
Запах впитывая родной,
Терлись шеями, головой,
Два огромных и мощных льва!
Были им не нужны слова,
Слёзы, смешиваясь, текли,
Как алмазы блестя в пыли.
Сарала с Кёктеке, и те,
Тоже были на высоте
Чувств, дающимся всем живым:
Ржали, шеями тёрлись… Им
Было проще: не надо слов
Тем, кто просто любить готов.
В это время же, грохоча,
Голос подал Манас, крича
От восторга, и Аккула
Закусивший вдруг удила
Словно птица влетел в тот круг,
Обнимались где все вокруг –
Люди, кони, где все слегка
Были пьяны… И Чубака,
Сотрясаясь в рыданьях весь,
Сивогривый обнял, – бог весть,
Что творилось в его душе!
Тут с Кошоем Бакай уже
Подошли, и не смог от слёз
Удержаться Бакай; пришлось
Всем тогда зарыдать гурьбой.
Удержавшись от слёз, Кошой
Только имя Чубак вскричал,
И к груди его так прижал,
Что батыр затрещал, и тем
Всех он в чувство привёл. «Зачем, –
Тут Кошой загремел, – Манас,
Своё мужество про запас
Ты оставил в счастливый час
И пугаешь слезами нас?!»
Отрезвив этим криком, *алп*
Этих бурных восторгов залп

В рамки этики перевёл,
И Чубак, поклонившись в пол
Мудрым старцам обоим, встал
И приветствие так сказал,
Как обычаи старины
Всем велят даже в дни войны.
Подошедший народ *Алаш*
Был растроган, и пусть шалаш
Нынче домом служил ему,
Всё, что сделано по уму –
По обычаям, – то народ
Домом, сутью своей зовёт.
Эта радость, что жив Чубак,
Всколыхнула пришедших так,
Что на солнце стоял народ
Улыбаясь, и небосвод
Был как будто нарочно чист,
Каждый словно смеялся лист,
Все былинки, цветы вокруг
Улыбались, и птицы вдруг
Все слетелись на ветки близь,
Гуси, лебеди пронеслись
Добрым духом полей, лугов;
Каждый жаворонок готов
Был пропеть возвращенью гимн.
Ми воистину стал другим,
Чем казался он всем вчера.
Вновь, как малая детвора,
Все заплакали: сам Чубак,
Сивогривый, Алман, Сыргак,
Оба старца и Музбурчак,
Даже сам Эр Тёштук – бедняк,
Он ещё нездоровым был, –
Все четырнадцать ханов… Пыль
Поднимая, их кони в круг
Рвались, плача; и небо вдруг
Стало слёзы ронять на луг.
Радость – это изнанка мук.

Вот и ночь подошла к *сыртам*.
Звёзды в небе то тут, то там
Повыскакивали везде,
Птицы смолкли давно в гнезде
И в озёрной густой воде
Проплывая на высоте
Отразилась уже луна,
Рыба вышла наверх со дна,
Ветерок потянул с низин,
Когда плачущий хор мужчин
Смолк и снова к шатрам коней
Повернул; у богатырей
Не сходили улыбки с лиц.
Так движенье колёсных спиц
Продолжается, хоть обоз
Опрокинулся под откос.
Показалась удачной мысль
Льву Манасу: «Чубак, садись,
Право, лучше на Аккулу:
Он свежей твоего, к утру
Кёктеке был уже без сил –
Сколько дней он тебя носил!»
Но Чубак говорит в ответ:
«Духом, лев мой, – тут спору нет, –
Ты высок, всех превыше нас!
Я Чубак, не Айкол Манас,
Мне сгодится и Кёктеке,
За вниманье *ракмат, байке*[1081]!»
«Широка у тебя душа!» –
Лев ответил, и не спеша,
Хоть волненье стесняло грудь,
Все пустились в обратный путь:
Лев Манас и герой Сыргак,
Сынчыбек и хан Музбурчак,
Текечи, Жамгырчы, Шыгай,
Алп Кошой и мудрец Бакай,
Эр Тёштук, Кёркокул, Агыш,
Хан Урбу – все, кто были, лишь
К ним прибавился лев Чубак,
Он проблему с юнцами так
Разрешил: Алмамбету всех
В руки отдал, сказав – прорех
И без них у меня полно,
Поступай, как тебе вольно́.
Что же вытворил Алмамбет?
Слуг он выделил всем – секрет
Этот в стане разнёсся вмиг:
Десять слуг одному! Привык, –
Как Алма объяснил друзьям, –

[1081] Ракмат, рахмат – спасибо, байке – старший брат (*уважит.*).

Каждый отрок к такому; нам
Надо их ублажать, пока
План, начавшийся с кондачка,
Принесёт, мол, свои плоды.
Он изысканнейшей еды
Повелел подавать юнцам,
Выбирал им одежды сам,
Так их баловал – как отцам
Вряд ли грезилось по дворцам.

Впрочем, вскоре Алма созвал
Всё начальство и так сказал:
«Мой Айкол, богатырь Манас!
Вес твой нынче велик у масс,
Увеличить его сейчас,
Как мне кажется, в самый раз.
Дело сделал Чубак для нас:
Его пленники, что сейчас
До накала доводят слуг
В свои восемь десятков рук,
Все они из семей вельмож, –
Всех и я расспросил, – и что ж:
Все *жанжунов* они сыны,
Все – надежда и цвет страны,
У Жуйруна учились все, –
Показал он во всей красе
Всё нутро, – он прогнал детей,
Испугавшись плохих вестей,
Что отцы посылали им,
В лес, чтоб там выживать одним.
К Чанбейсену они дошли,
Когда словно из-под земли
Появился батыр Чубак,
Испугал он детишек так,
Что сумел их, связав, забрать
В плен, чтоб мне сейчас передать.
Они разных родов – *анжу*,
Многочисленный род *манжу*,
Из большого Туншаа один,
А другой – Бакбурчуна сын;
Ханство третьего – Каканчын,
А четвёртого – Чынмачын.
Шесть десятков ущелий здесь
Ждут с волненьем о сыне весть.
Всех в Китае племён не счесть,
Только двадцать из прочих есть
Тех, которые Эсенкан
Конурбаю отдал, чтоб «хан»
Звался он – сынок Алооке.
Племена эти все – в руке
У того, кто теперь сынов
Их отцам возвратить готов.
Под Конуром все земли их
Так обнищены были! Тих
Вор, что чисто метёт к себе.
Очень страшную роль в судьбе
Тех народом сыграл Конур
С Эсенканом на пару: шкур
Очень много сдирают с тех,
Кто лишь в распрях снискал успех,
Не в торговле и не в трудах
На джайлоо, в полях, сыртах.
Из Бейджина Конур, Эсен
Меня выжили, чтоб затем
Провернуть свой коварный план.
Помешает кыргызский клан
Им и дальше творить его.
Вот такое вот колдовство:
Приоденьте как в *той* детей,
Дайте свежих им лошадей,
Отведу я к *жанжунам* их,
Чтобы каждый отец притих
И подумал: мол, с кем союз
Ему выгодней? Потружусь
Я во славу семейных уз:
Сдам им на руки ценный груз!
Коль не сделать сего, – боюсь
Конурбай, Нескара, Уушан,
Мурадил, да и каждый хан,
Чьи ребята сейчас в плену,
Против нас поддержать войну
Не приминут! А если мы
Им детей отдадим – умы
Заскрипят и на две страны
Всех расколем мы без войны.
Целых сорок родов! Эсен
Без поддержки их всех совсем
Обескровлен ведь будет, слаб.
И Конур бы, и Нескара б
С Мурадилом, Уушаном – пусть,

Разве только развеять грусть
На майдан бы одни пришли
Изваляться за раз в пыли».

Тут в беседу вступил Бакай:
«Есть у каждого дела край.
Вот слова, что изрёк мудрец:
«Тот овчар, кто пасёт овец.
Знает битву лишь тот, кто был
В пекле битвы, кто насмерть бил.
Лишь идущий знаток пути.
Лишь народу дано найти
Хана, чтобы по сердцу был,
Посторонний любой не мил.
Ты, сынок Алмамбет, не раз
Храбрость выставил напоказ
Не для славы – по делу лишь.
К трону ближе других стоишь
Ты в в былой стороне своей,
Ставшей клеткою для людей.
Ты – дарованный небом хан.
Кто ещё для родимых стран
Столько вкладывать может сил?
Ты Макила, и то, убил,
Пусть тебе и помог Чубак;
Вы вдвоём – Алмамбет, Сыргак, –
У Конура коней косяк
Увели, чтобы просто так,
Жанадила поставив гнать,
Всё народу назад отдать.
Если что-то и взял *калча*,
Первых чисел девятка чья?
Ты удачлив, Алма, молчи,
От удачи свои ключи
Ты всем нам отдаёшь с душой.
Вот с удачей пришёл большой
И герой наш Чубак: теперь
Отпереть мы сумеем дверь
К власти через детей вельмож.
Победитель всегда хорош!»

Уложился с беседой в срок –
Время, чтоб закипел чаёк, –
Великан, и подвёл итог,
Ровных всем пожелав дорог.
Встав, ушёл. Но *чечен* Сыргак
Не добавить не мог никак
К этой речи свои слова:
Мысли будто бы жернова
Намололи немало мук,
Превращая догадки в звук:
«Вот он, этот большой Бейджин!
Нам казалось, что он един,
А народ, как пришлось узнать,
Раскололся на люд и знать,
На роды, племена, дома.
Хорошо, обо всём Алма
Знает с детства и учит нас!
Как с детьми ты решишь, Манас?
Я-то думаю, что Алма
И Чубак от щедрот ума
Это дело решат вдвоём,
Как, за что возвращать их в дом!»
Рассмеявшись, Чубак сказал:
«Я *калчу* с Нескарою гнал,
И никак их догнать не мог.
Этот случай-то мне помог,
Заблудившись, найти детей
Из вельможных больших семей.
Правда, я ведь не знал о том.
Как *олжо*[1082] я привёл их в дом.
Ну, а дальше сам Алмамбет
Всё решил и собрал совет,
Чтобы все согласились с ним.
Он – огонь, я же – только дым.
Если можно весь вражий стан
Разделить нам на двое стран
Из-за этих смешных мальцов,
Я везти их к отцам готов
С Алмамбетом вдвоём, но пусть
Скажет он, с кем разделит путь.
Мыслей нет у меня других,
Алаке, ты же видишь, – лих
Я в сраженье, а в жизни тих,
Алмамбет пусть за нас двоих
Всё решает: *олжо* в живых
Оставлять – или всех под дых».
И Чубак, и Сыргак Алме

[1082] Олжо – военные трофеи, в первую очередь – пленные.

Дали слово, хотя в уме
Ожидали, что он зачтёт
Этот скромный и щедрый ход.
Алмамбет начал речь опять
Издалёка: «Ну, что сказать?
Под началом Манаса здесь
Все четырнадцать ханов. Честь
До *жанжунов* идти с детьми
Оказать абы как… Вельми
Наша спешка грозит наш план
Погубить не начав. Дружбан,
Ажыбай, собирайся в путь,
Да с собою взять не забудь
Семь попутчиков верных; страж
Ни один не пойдёт: уважь
Этих отроков, пусть они
Помогают тебе все дни.
И запомни, Ажы, что прочь
Не отпустят *жанжуны* в ночь:
Приготовят еду, ночлег;
Но запомни, мил-человек:
Ночевать – ты ночуй, потом
Как ни звали бы в каждый дом
Эти сорок *жанжунов*, ты
Не поддайся на их мечты:
Ни денька, ни, тем паче, двух
Не гости ты у них, и вслух
Отговаривайся, что ждут:
Мол, кыргызы домой идут.
Коль задержишься, Конурбай
Уничтожит тебя, ты знай,
Из-за этого кровью край
Мы зальём, поверь, Ажыбай!
Так что не отягчай вражду!
Проверяй постель и еду,
И поглубже во всё вникай,
Всё, что слышишь, запоминай...
В общем, ждём назад, Ажыбай!»

В путь посланник ушёл с утра,
Шесть попутчиков со двора
Взял, чтоб сорок детей вести,
Не теряя их по пути.
Сорок верных *чоро* Кыргыл
Проводить посла снарядил –
Недалёко, таков приказ
Дали им Алмамбет, Манас.
Но один поскакал вперёд:
Подготовить чужой народ
Что детей их ведут домой.
Самый грамотный вестовой
Написал для него письмо,
А письмо не идёт само.
Без капризов, гурьбой, шутя
Дети шли: ведь всегда дитя
Рвётся снова увидеть дом,
Коль в плену побывал притом.
Вместе ели и жгли костры,
И пасли лошадей. Луны
Им хватало, чтоб видеть путь,
Не обидел чтоб кто-нибудь.
Десять лун, словно миг один
Пролетело. Пришли в Бейджин.
Был в Бейджине переполох:
Весть уже прилетела; крох
Ждали: каждый отец, семья,
Горько мысли свои тая
Друг от друга: мол, кто живой
Из детишек придёт домой?
Всем казалось, что раз в плену
Были дети, то хоть одну
Или больше, пожалуй, жертв
Своим идолам злой сосед
Принесёт, и вернёт лишь часть
Их детей, что вдали учась
Рвали души тоской не раз.
Как поверить, что зверь Манас
Им пленённых детей отдаст?!
Нет, наверное это ложь;
Всех пустили, поди, под нож:
Глазки выкололи живым,
Отсекли головёнки им,
Животы рассекли, глумясь,
Бросив сердце и печень в грязь.
Так, лелея в задумках месть,
Все *жанжуны*, забыв про спесь,
Говорили друг другу лесть:
«Твой вернётся, твой будет здесь,
Ты удачлив…» Но каждый ждал,
Что горчайшего зла оскал

Не ему, а другим грядёт.
Весь вельможный таков народ.
Так, в рыданьях, тянулись дни.
Были счастливы лишь одни:
Нескара и Конур; они
Ждали ненависти, грызни
Меж собою *жанжунов* всех:
Мол, страшнейшей из прочих вех
Станет мерзких *бурутов* грех.
«Ты подумай, какой успех, –
Говорил *калче* Нескара, –
Лишь останки придут, пора
Племена поднимать теперь,
Каждый будет *жанжун* как зверь:
Ведь рождаемость здесь низка,
Женщин меньше мужчин века,
Дочка даже им дорога,
Без наследника же тоска.
Будут мстить они до конца
За любого теперь юнца!»
Конурбай ему вторил: «Вот
Ведь *буруты* такой народ:
Убивают детей чужих,
Чтоб потом потерять своих;
Всем выкалывают глаза –
Видно, жертвенная слеза
Пробуждает в них волчью масть.
Чтобы всем им скорей пропасть!»
Ухмылялись с надеждой злой:
«Как же! – дети идут домой?».
Вестник вдруг появился; он
Возбуждён был и удивлён,
Закричал он: «Кыргыз один
Сорок деток привёл в Бейджин,
На конях они все сидят,
Едут ровно, равняя ряд!
А *жанжуны* – все сорок их –
Уж не ждали детей живых,
И навстречу теперь летят –
Тоже конные, тоже в ряд!»

Только вестник ушёл, Конур
Даже сплюнул, угрюм и хмур,
Злобным взглядом всех окатил
И процедил: «Что ж, Мурадил,
Уушан мой и Нескара,
У *бурутов* своя игра:
Выход, надо ж, нашёл *кяфир,*
Сделав тесным просторный мир,
Всю эпоху перевернув;
Подождём мы. Поточим клюв.
Пусть, наживку пока сглотнув,
Все *жанжуны,* перечеркнув
Соглашенья, договора,
В связке с нами идя вчера,
Завтра будут вертеть хвостом,
Мы напомним тогда о том,
Кто хозяин и кто здесь раб;
Кто всесилен и кто неправ;
Ссоры, тяжбы начнём с утра:
Должен каждый нам пуд добра».
Порядили – кто как давить
Будет завтра *жанжунов*; нить
Разговора вела к тому,
Что им надо, коль по уму,
Показаться среди людей,
Тоже встретить пойти детей.
Как сидели, так вчетвером
Поспешили покинуть дом.
Их на людях терзала злость:
У собаки голодной кость
Отобрали – их чувств каскад
Можно ставить в подобный ряд.
Ведь увидев *жанжунских* чад –
Их улыбки, коней, наряд,
То, что сорок их было, тож
Вызывало у ханов дрожь.
Ждали: может, хотел кыргыз
За мальчишек спасённых приз
У *жанжунов* урвать сполна,
И закрыта пока казна,
Не отдаст он детей отцам?
«Справедливость, и только, нам
В отношеньях нужна», – сказал
Всем *жанжунам* кыргыз-амбал.
Был волненьем Бейджин объят.
И посла, что привёл ребят,
Кто храбрее стащил с коня:
Чтобы даже его ступня
Не коснулась земли, ковёр

Расстелили посланцу гор,
На руках поднесли к ковру,
Повели в Сарай, ко двору,
К Эсенкану, чтоб речь посла
В уши власти большой текла.
В пышном зале, где нет тепла,
Ажыбай не почуял зла.
Все *жанжуны* собрались здесь,
Все вели разговор про весть:
Сколько счастья смогла принесть
Доброта стороны другой,
С кем, назрел беспощадный бой.

Конурбай умудрился встрять
В разговоры – хотя бы пядь
Общей радости чтоб отнять,
Взбаламутить и мир, и гладь:
«Что ж, *жанжуны*, печаль ушла,
Ваши дети спаслись от зла,
Живы все и вернулись все
В первозданной своей красе;
Завтра к битве готовьтесь: вам
Показаться пора врагам!»
Но Конура не слушал зал.
Самый главный *жанжун* сказал:
«Эсенкан, наш родной вожак!
Если б Вы приказали так,
Даже в праздник, в веселья час,
Полагаться б могли на нас.
Посмотрите на этот ряд:
Сорок мальчиков здесь стоят,
Каждый – тоже и Ваш ведь сын,
Каждый стоил и Вам седин.
Лишь узнали мы, что в плену
Наши дети – вся жизнь ко дну
Словно просто навек ушла.
Но сосед не желал нам зла,
Нет, он добр – кыргызский люд,
К нашим чадам он не был лют,
Он их баловал, одевал
И откармливал наповал,
Чтобы здравы вернулись в дом.
Кстати, дал им и слуг притом,
Хоть походная жизнь – не мёд.
Щедр кыргызский простой народ!
Устремите на деток взгляд:
Подросли наши сорок чад,
Не обижены, говорят,
На хороших конях сидят;
Наша просьба от них, от нас:
Эсенкан! – заключить сейчас
Мир с кыргызским народом: он,
Право, ровня со всех сторон!»

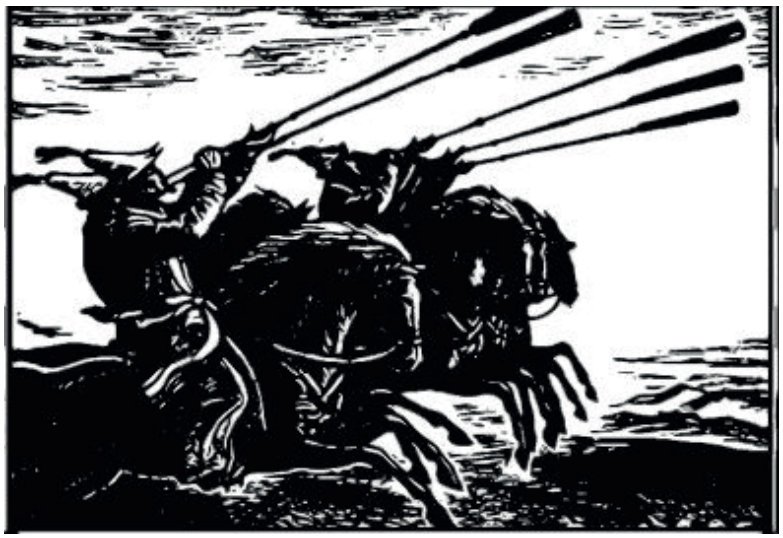
Разозлённый Конур стал бел,
Как добытый на скалах мел, –
Кровь отхлынула от лица.
На счастливейшего отца
Закричал он: «Да как ты смел?!
Ты куда обещанья дел?
Коль не хочешь рискнуть собой,
Пусть же дети твои на бой
Собираются; цель близка.
Выдвигайте свои войска!»
Только сорок *жанжунов* сбор
Не одобрили, сразу в спор
Все полезли, и как один
Все воскликнули: «Не хотим!
Конурбай, если хочешь ты –
Сам исполни свои мечты,
Сам сражайся, веди войска;
А заставишь силком – узка
Будет тропка твоей судьбы;
Наших мальчиков не губи,
После «плена» теперь они
Средь кыргызов как меж родни
Будут драться за них с тобой,
Чей мы примем, подумай, бой?» –
Все *жанжуны*, все сорок, вдруг,
Разъярённый смыкая круг,
На Конура пошли толпой,
Закрывая детей собой.

Растерялся Конур тогда,
Покачал головой: «Беда!
Когда только кыргыз пришёл –
Многочисленен был и зол;
А сегодня – их кучка здесь
Лишь осталась… да некем съесть».
До *жанжунов* его слова

Не дошли – так шумит листва,
К ней прислушиваться зачем?
Злободневных там много тем!
Хором, всею гурьбой они
Всё твердили: «В былые дни
Конурбай не держал совет
Даже с Вами – и толку нет!»
Эсенкан испугался: вдруг
Разорвут все *жанжуны* круг,
Разойдутся по племенам,
По родам, по своим домам;
Тут же высказал он сплеча:
«Дух правителя Бакбурча
Нас сплотил, и ни звон меча,
И ни жажда отмстить ничья
Разлучить не должны всех нас.
Мы отправим посла; Манас
Пусть ответит, что хочет он:
Деву лучшую, злато, трон?
Отдадим ему столь добра,
Сколь захочет – его пора;
А упорствовать будет он,
Что желает лишь власть и трон –
Что ж, и это наш крепкий стан
Не разрушит на много стран,
Мы едины и тем сильны,
Все отчизны свой сыны».

Всем пришлись по душе слова,
Что сказал им хан, голова,
Все держались в душе за связь:
Эсенкана речь удалась.
Так, в беседах, промчалась ночь
Поспешили *жанжуны* прочь –
Проводив Ажыбая, им
Надо было везти к своим
Сонных отпрысков по домам:
Их ведь матери ждали там.
Ажыбай поскакал назад.
Был собою он горд и рад.
Так оставим его мы здесь.
Ждёт уже нас другая весть:
Как Бакай с Эсенканом мир
Заключали, какой был пир
У кыргызов, когда в Бейджин
Все вошли они как один,
Как к согласию всех сторон
Они сели на царский трон.

ВОСХОЖДЕНИЕ КЫРГЫЗОВ НА ТРОН
РОЖДЕНИЕ ГУЛУСТОН И КАНКЕЛДИ



Э… э… э… эй!
Сорок разных родов-ветвей,
Цвет империи древней всей –
Словно общность различных трав, –
Ровно сорок *жанжунов*-глав
Собрались на совет с утра.
Эсенкан и хан Нескара,
Конурбай, Мурадил – они,
Верховодя все оны дни,
Порешили собрать совет,
Чтоб спроворить в войне просвет.
Нескара начал речь свою:
«Что ж, от вас я не утаю,
Сколько наших легло в бою:
От *бурутов* полно утрат,
В сорок сорвиголов отряд
Смог проредить весьма войска.
Стала тропка войны узка.
Их победа, увы, близка.
Чтобы выжить наверняка,
Надо выбрать нам свояка,
Да отправить послом – пока
Ещё можно уговорить
Перемирием спор решить
Столь напористого врага –
Он стихия, метель, пурга!
Эсенкан бы пошёл послом:
Его слава – его заслон,
Его ум – словно божий *кун*[1083],
Пуще зверя его скакун,
Он успеет за пару лун
Перемирья свершить канун
И Конура-богатыря
Погубить не позволит зря,
И спасти он успеет нас:
Чтоб не мог отказать Манас,
Он, свою упрочая власть,
Даже дочь Бирмыскал отдаст
И Бурул – Айжанжуна дочь.
Дня любого мудрее ночь.
Ведь никто от красы такой –
Женской прелести колдовской, –
Отказаться не сможет ввек.
И кыргызский хан – человек:

[1083] Кун – цена, стоимость.

Не принять столь бесценный дар –
Как зерно не вместить в амбар.
Перед ханом пошлём других –
Лучше знатных, немолодых,
Речь яснее от пятерых;
Подберём мы послов таких,
Чтоб Сорандика Алмамбет
Затуманить не мог ответ:
Перевод его будет плох,
Наших пусть переводит бог!
Надо мир закрепить – потом
От врага мы очистим дом!»
Из *жанжунов чеченов*[1084] пять
Отобрали, чтоб их послать
В стан кыргызов, ведь с боем взять
Трон Бейджина готов был тать.

Из Китая послы пришли –
Все в смирении, как в пыли.
Встретил их Ажыбай. Послы
Были благостны и милы.
Им накрыли хороший стол,
Одарили одеждой – мол,
Кто приходит с добром – добром
Их оделит кыргызский дом.
К Сивогривому на приём
Повели пятерых потом.
Все в поклоне, как ветви ив,
К падишаху вошли, явив
Уважение, даже страх;
Так письмо поднесли – впотьмах,
Взглядов с полу не смея вздеть,
Словно их ожидает смерть.
Эсенкана письмо прочли,
Когда взгляды послов с земли
Своей милостью оторвав
Смог Айкол: ведь посол без прав
Лишь когда лицемерен он, –
Только к месту хорош поклон.
После милости вкрыв письмо
Огласили его само:
«Повелением первых уст:
Как угодно *алашу* пусть –
Сам Манас ли, глава родов,
На беседу прийти готов
Или выбранный им же хан,
Или тот, кто народом дан, –
Ждёт с почтением Эсенкан
Этой встречи, и ждёт *абдан*[1085],
В день, назначенный вами, чтоб
Путь свой сами меж многих троп
Выбирали вы, не боясь,
Что погубит вас эта связь.
Эта встреча к лицу лицом
Станет мирных речей венцом:
Задираться нам хватит, дни
Потопляя в крови – они
Безвозвратны как душ огни,
Что погасли в дыму войны.
Лучше смертных побед – ничья.
Слово всяко мудрей меча.
Обойдёмся без толмача,
В коем мнительность горяча:
Будет бережным тон бесед,
Коль Сорандика Алмамбет
Порох тайных сомнений влёт
Своей злобой не подожжёт».
Всё прочли до последних слов.
Отдыхать отослав послов,
Стали тут же держать совет:
Что приемлимо и что – нет.
Ханом стал в этот раз Бакай,
Переводчиком – Ажыбай:
Зря ли, в этот сбираясь край,
Разучил он китайский лай?
Эсенкану решили дать
Дней десяток на сборы – чать
Уже вызнан послами путь,
Не позднее приходит пусть.
Дали в руки послам письмо,
Что являлось уже само
Соглашеньем не длить бои,
Но однако учесть паи.
Отпустили послов. Они,

[1084] Чечен – красноречивый человек, хороший оратор, краснобай, закалённый в словесных схватках.

[1085] Абдан – чрезвычайно, очень, весьма; вполне, совсем.

Столь обласканные в те дни,
В новых ценных нарядах все
Появились в сплошной красе
И, захлёбываясь в словах,
Хором, путаясь впопыхах,
Рассказали, как их письмо
Всё начальство, прочтя само,
Дали хану Бакаю вслух
Вновь озвучить, а ценный дух,
Что вложил в документ Китай,
Перевёл толмач Ажыбай.
Все, прослушав отчёт послов,
Промолчали – исход без слов
Был понятен, но злоба всё ж
Всё искала: мол, где тут ложь?
Срок, что дан был в десяток дней,
Истекал и, взнуздав коней,
Приготовившись скопом в путь,
Закрывали металлом грудь.
Злобно высказал Нескара:
«Эсенкан, твоего двора
Не коснётся несчастье пусть,
И для этого не забудь
Алгару с Конурбаем впредь
Ещё пуще беречь, ведь смерть,
Их забрав, подойдёт к тебе:
Сразу выпадёт срок в судьбе
С Алмамбетом лицом к лицу
Повстречаться, а молодцу,
Не поверившему отцу,
Что ведь стоит, идя к концу,
Шесть десятков Бейджина врат
Все поджечь? – в том огне сгорят
Люди – мир, что зовут «*кытай*»,
Вся культура, родимый край!
За Конуром следи, и знай:
Только с ним сбережёшь Сарай,
Трон и власть, и родной народ;
Всё иначе *бурут* сомнёт!»
Конурбай укрепил в нём мысль,
Что лишь с ним помогает высь
Эсенкану, и так нудил,
Повторяясь, что затвердил
Эту «истину» Эсенкан,
Долгом чести попав в капкан.

Вышли в путь. Уушан-*калмак*
Говор вражий знал кое-как –
Мог речей уловить он соль;
Толмача Эсенкана роль
Получил он, рядком скача,
Пряча в складках оскал меча.
Когда вышли вдвоём на склон –
В приглашенье был выбран он, –
Ждал Бакай их, а в караул
Был назначен им Кёркокул,
Толмачём – Ажыке опять,
Чтоб друг друга могли понять.
Выбрав место – немалый круг, –
Постелили ковёр; вокруг
Никого; вшестером одни
Сели так на ковёр они:
Ханы – двое лицом к лицу,
Слева, справа – по молодцу,
Стражей вышло по двое; тож
Переводчиков двое – ложь
Не должна была вкрасться в речь,
Оба правду должны стеречь.

А Бакаю сказал Алма:
«Нам поможет судьба сама,
Если хватит у нас ума
Взять себе не дворцы-дома,
А *калчу*-врага – из людей,
И его коня – из зверей,
Что Конура души черней;
Эта вира всего ценней!
Без Конура все сорок глав
Разругаются – вздорный нрав
Знаю издавна их; пора
Уяснить: здесь не их игра.
Что касается Нескары:
Без Конура, без Алгары
Понимая – проигран бой,
Устранится он сам собой.
Лишь бы снова *калдай, калча,*
Не исчез бы, в туман умча:
Он боялся пасть от меча –
Пусть погибнет от палача!
После можно мириться – что ж,
Мир худой – не война, не ложь,

Что-то между; *кытаям* мы
Всё же вправить смогли умы.
Но оставишь Конура им –
Вся победа – как сладкий дым
Затуманит мозги лишь нам,
Я гроша за неё не дам!
Половинчатость действий – яд,
Суть раздоров и душ разврат.
Послабленье в решеньях дашь –
То погубишь народ *Алаш*!»

Но вернёмся к разбору дел
На ковре, что как снег был бел.
Первым молвить Бакай хотел,
Но от запаха потных тел
Запершило вдруг в глотке – был
Стар Бакай, и растратил пыл
В долгом кашле, увы, без слов.
Эсенхан, что давно готов
И натаскан был, начал речь:
«Что ж, я трон не сумел сберечь.
Издалёка ты, хан Бакай,
К нам пришёл покорять мой край.
Я был ханом здесь, но теперь
После многих людских потерь,
Что явились как страшный сон,
Сузив мир с четырёх сторон,
Отдаю тебе ханство, трон!
Но прошу я за свой урон
И за мирную жизнь в миру,
Конурбая и Алгару:
Из Сарая их заберу,
Будут оба мне ко двору.
Пощади, не преследуй их!
Победитель победой лих.
За *калчу* я отдам своих
Юных дев, не одну – двоих,
Дочь свою, Айжанжуна дочь,
Трон, что мне удержать невмочь,
Край – с Туншаа и досюда весь,
И народ мой, и дом, и честь,
И корону мою возьми –
Всё, как водится меж людьми.
А наскучит Бейджин – на трон
Посади хоть кого – в полон
Забирает порою власть,
Если тешишься ею всласть».

Призадумался хан Бакай:
Вот задача – двоих отдай
Человека и зверя, – тех,
Кто уже разменял успех.
А взамен-то – и край, и трон,
Город, люди… Со всех сторон
Сей обмен – как благая весть!
Нет причин для отказа здесь.
Уступил Эсенхану он.
«Что ж, прими мой удел и трон,
И удачу, и юных дев –
Так сказал Эсенхан; не гнев
В щелях глазок плескался, яд, –
Город мой забирай и сад!»
Попрощался и был таков.
А Бакай был сей миг готов
Всё поведать *алашам*, – мол,
Взят Бейджин! Накрывайте стол!
Гомон, хохот наполнил лог.
«Нам помог всемогущий бог:
Одарил нас удачей впрок!» –
Каждый так подводил итог.
Лишь один Алмамбет стал нем,
Словно был недоволен всем,
Гневно бороду мял, в кулак
Всю забрав, и печально так
Он смотрел, как готовят пир;
Изо рта его пар в эфир
Улетал, облака питал
Так, что тучей огромной стал.
Все умолкли, лишь тучи тень
Заслонила весёлый день,
Тьмой упала на ясный луг,
Заглушая малейший звук.
И сказал Алмамбет тогда:
«Вижу я, как ползёт беда
К нам неслышной ещё змеёй.
Брат Бакай, драгоценный мой,
Ты не просто великим слыл:
Ум твой всем нам на пользу был.
Но сегодня пришёл черёд,
Чтобы мне поручил народ

Наше войско вести вперёд:
Это, может, нас всех спасёт.
Ты польстился, увы, на трон.
Для обеих решил сторон
Быть хорошим – и за Бейджин
Отдал то, что не без причин,
Я советовал взять, чтоб враг
Был стреножен в предверье драк.
Что сказать? И Конур, и зверь –
Главный козырь врага теперь!
Когда сорок *жанжунов* влёт
Отказались идти в поход,
То пожертвовал Эсенхан
Троном, дочерью, чтобы стан
Вновь возглавил Конур, а он
Почитанием всех племён
Много лет ведь был облечён, –
Это больше, чем город, трон
Край – отсюда до Туншаа,
Край, что некогда *падыша* –
Мой родитель – в наследство мне
Отдавал; он хорош вполне,
Но… гореть ему вновь в огне,
В вероломной и злой войне.
Про народ его что скажу? –
Здесь *калмаки*, *кангай*, *манжу*,
Не *кытай*, оттого они
Для Эсена – балласт страны:
Рыба портится с головы.
И красавицы – не новы.
Бирмыскал у него – увы,
Носит имя уже вдовы:
Не один ей десяток лет,
Чуть подвядший уже букет;
А Бурул – сирота: отец
Убежал, и один конец
Ждал бедняжку – хоть так, хоть так;
Эсенхан на подлог мастак.
У него три десятка лиц.
Пред Конуром падёт он ниц,
Пока тот на коне, и встарь,
Когда был отец государь,
Пресмыкался он предо мной;
А теперь он моей землёй
Откупился, увы, от нас
Лишь на время – на год… на час?
Хан, конечно, всего лишь раз
Обнародует свой Указ, –
Хан своим словам господин.
Так что надо идти в Бейджин,
Брать, что дали, – Бейджин, казну,
Трон, девиц… да хотя б одну;
Пусть Кокона хан Сынчыбек
Начинает делам разбег –
Крепок в счёте он, так сказать.
Что ж, империи только пядь
Стала нашей – Туншаа не тот
Самый главный Бейджин, оплот
Золотого Китая плод,
Он – лишь средний Бейджин,
банкрот.
Он – Сорандика трон. Эсен
Не пожертвовал ведь ничем –
Ни землёй, ни людьми, увы;
Не лишился край головы,
Без Сорандика он ничей,
Кто захочет, мол, тот владей!
По нему лишь шесть дён пути.
За Туншой Кантун впереди,
Вот и всё. Это – боль в груди,
Боль ума – ежечасно бди.
Где Урбу? Пусть спешит на трон.
Наш Бейджин! Мы с шести сторон
В этот город войдём, спеша,
Пусть он только, увы, Туншаа.
Музбурчак и Кошой-мудрец,
Текечи, Жамгырчы-отец,
И Шыгай, и храбрец Тёштук,
И Агыш… Мы в десятки рук
Власть возьмём, чтобы чтили нас,
Как положено – напоказ,
Всяк из наших – калиф на час!
Эх, о том ли мечтал Манас?
Эр Тёштук и герой Агыш,
Вы *амбаней*[1086] найдите лишь,
Вам двенадцать амбалов враз
В помощь выступят… напоказ.
Керкокул Кендирбая, ты

[1086] Амбань – начальник округа в Синьцзяне.

Наших ханов исполнь мечты –
Всех четырнадцати, – теперь
Пусть восполнятся в счёт потерь
Славных подданных их ряды:
Будут власти держать бразды.
Войско тоже, Кокул, возглавь:
Хан Эсен словно рыба – вплавь, –
Без забот ускользнул в Кантун;
Жди его через столько лун,
Сколько надо, чтоб всех *жанжун,*
Посулив им хороший *кун,*
Вновь на битву уговорить
И в огромное войско слить
Под началом Конура… Льстец
Знал, сбегая, чему конец!»

Туншаа… Необъятный край,
Весь – сплошной караван-сарай:
Целых девять дорог сошлись,
Устремляясь то вниз, то ввысь;
Овцы прячутся здесь в курай,
Но и волки урвут свой пай,
Здесь леса переходят в сай;
Здесь Великий Манас, Бакай,
Здесь Кыргыла все сорок львят,
Встали лагерем, – говорят,
Сорок дней будем здесь стоять,
Сорок дней – пока выдаст тать
Ключ от города, дев, казну, –
Всё, попавшее на блесну,
Раз уж выиграли войну!
Здесь дозор не предастся сну,
Ждёт и денно, и нощно пусть,
Чем окончится славный путь.
Как предсказывал хан Урбу:
Весь трофей не вместишь в арбу,
Да, пожалуй, что и в судьбу:
Хватит внукам на их гульбу!
За пророческие слова
Стал в Бейджине он голова,
Сел Урбу на Туншанский трон,
Сынчыбек впереди – при нём,
А тринадцать всех ханов – вслед
Едут, знамя везут побед.

В страхе встретил их город – мол,
Всё – не только и кров, и стол, –
Скот, красавиц, любой товар, –
Всё *бурут* забирает в дар.
Только загодя сам Манас
Ханам отдал прямой приказ:
Помнить предков своих наказ,
Пусть войска не ославят вас
Как разбойников и воров:
Пусть не шарятся меж дворов,
На базаре, среди толпы;
Ни разбоя, ни похвальбы,
Ни дурацкой хмельной гульбы
Пусть не будет! В глазах судьбы
Пусть останемся мы честны,
Как в дни мира, а не войны.
«Всем, поправшим законы дня,
Будет выговор от меня!»
К чести войска – никто ни в чём
Не ославил свой отчий дом,
Если кто-то хотел гульнуть –
Тем друзья заслоняли путь.
Успокоился бедный люд:
«О, не страшен совсем *бурут,*
Прежний был наш властитель крут,
А порою, бывало, лют.
За пятнадцать минувших дней
Мы не стали на грош бедней!
Словно приняли мы родню:
Ни оброк, ни наряд – коню.
А *калмак* раз по пять на дню
В дом претензии нёс, ругню!
Для простого народа вдруг
Враг-*бурут* оказался друг!»

Бурулча с Бирмыскал и впрямь
Были впору богатырям:
Две красавицы, две зари,
Крутогруды как снегири,
Белокожи, глазасты так,
Что Алман и храбрец Чубак –
Как заметил мудрец Кошой, –
Утонули в них всей душой.
Чтоб батыров спасти своих,
Старики обручили их.

Бирмыскал, хоть не так юна,
От Алмы ни на шаг она:
Опечалится только он –
С губ любимой сорвётся стон;
Айжанжуна дочь Бурулча
Разгорается как свеча,
Только бросит свой взор Чубак –
Расцветает она как мак.
Сорок пять лишь минуло дней,
Стали жёны друзьям родней:
Понесли они обе враз!
К Канykей порешил Манас
Двух отправить *келин,* в Талас;
Дали сменных кобыл в запас,
Снарядив Шууту в гонцы.
А как радовались отцы!
И Чубак, и Алма досель
Были оба бездетны – цель
Достигается лишь в пути,
Счастья иначе не найти.
В Басмайыл поднялся Шууту,
Когда обе уже в поту
Были роженицы – увы,
Шли полгода, полумертвы
К перевалу добрались; бог
Порешил, что рожать им срок.
Шууту поскакал скорей –
Благо близко уж, – к Канykей.
Трясся тоже в ознобе весь:
Не успею, мол, если – весть
Ту получат Чубак, Алма, –
Вместе разом сойдут с ума,
Но сначала прибьют меня
Как споткнувшегося коня!
Лишь забрезжил в горах рассвет
У шатра возник силуэт –
Друг за другом: один, два, три!
С люлькой, с сыном своим внутри,
Впереди неслась Канykей,
Аруuке с Корпойан – за ней,
К Бирмыскал с Бурулчой скорей
Наклонились – и ей же ей, –
Стало легче обеим вдруг
От касания нежных рук,
От питья, от лекарств, от слов,
Хоть уж Смерти был слышен зов.

Двум помощницам Канykей
Прошептала: «Они бледней
Даже снега уже! Скорей!
Нет надежды на матерей,
Что они разродятся… Ох!
Как же мир наш подлунный плох!
Это тряска всему виной.
Хоть детей бы спасти – ценой
Жизни двух матерей: они
Не отвергли б такой цены».
Навела питьё Канykей,
Чтоб начались роды скорей,
Чтоб ускорились схватки, – ей
Было юных жаль матерей,
И надежда ещё жила,
Что отступит от ложа мгла.
На закате у Бирмыскал
Сын родился! На склонах скал
Заиграл златотканый свет,
И расцвёл у ног первоцвет;
Хоть и солнце уже зашло
Мир сиял, разлилось тепло
Так, что люди вспотели вмиг
Лишь услышав ребёнка крик.
И почудилось Канykей,
Что в горах запел соловей
И какой-то шальной ручей
Своей песней собрал зверей,
Кайберенов и прочих коз.
И Каныш не сдержала слёз!

Когда шёл Алмамбет в поход,
Аруу, чей был пуст живот,
Обозналась, сказав ему,
Что, мол, бог одарил Алму
Его первенцом, может быть.
Ей была не судьба родить.
Только дар сберегла она,
Что вручил ей Алма. «Жена, –
Так сказал он, – когда придёт
Время миру явить наш плод,
Сыну эту облатку в рот
Положи, пусть её сосёт», –

Отдал камушек он жене
И …застрял на своей войне.
А мечты Аруу, увы,
Были сказкой из головы.
Но тот камень Аруу смогла
Уберечь, и теперь дала
Оберег Каныкей – мол, та
Мать, и в действиях всех чиста.
В рот младенцу вложили дар.
Вдруг в груди у Каныш пожар
Разгорелся – и молоко
Заструилось ручьём легко.
Приложили к груди дитя.
К молоку припав не шутя,
Энергично и жадно тот
Стал сосать, словно сладкий мёд,
И причмокивая, и сопя.
В это время, увы, судьба
Прибрала его мать: Мыскал,
Вскрикнув так, что осколки скал
Полетели; в ущелье пал
Тучи край, от заката ал,
Как рубахи подол – в крови.
Плакал мир, говоря: живи!
Но Мыскал изогнулась вся,
Боль всех женщин в себе неся,
И затихла, окоченев.
Юной жизни умолк напев.
Десять жён сорока *чоро* –
(Тридцать были ещё в «зеро»),
Поднялись, чтоб ребёнку дать
Имя – раз не успела мать:
Гулустон – нарекли мальца,
Мол, расцвётший вблизи дворца.
Забегая слегка вперёд,
Я сказал бы, что наш народ
Путал многое с ним шутя:
Это царских кровей дитя
Брало жизни других, растя,
Словно родичам втайне мстя,
Будто в нём жило колдовство.
Каныкей отдала его
В дом Мажика как божий *кун*:
У Салкын, у жены, в канун
Свой младенец не выжил, бог
В свой ребёнка забрал чертог.
Так сказала Каныш: «Салкын!
Бог для всех на земле един,
Молоку чтобы не пропасть,
Удели сиротинке часть
И любви, и заботы, – бог
Всё тебе возместит в свой срок».
Лишь три месяца Айсалкын
Называла ребёнка «сын»,
Пережить не сумела боль,
И, земную поправ юдоль,
В мир иной отошла. Малец
Стал приёмышем, наконец,
У Кулдуровой Акшербет.
И она-то недолго свет
Поглощала, уйдя во тьму.
Но, поскольку он рос в дому
У Кудура, твердил народ:
«Вон Кудура сынок идёт!»
Но иной возражал старик:
«Не Кудура! Отец – Мажик.
Он приёмным Кудуру стал!»

Но вернёмся на перевал,
Где среди оснежённых скал
Обряжали в смерть Бирмыскал.
Напряжённая как стрела
Белый саван Каныш дала
Аруuке с Корпойан – они
Хладный труп, что снегам сродни,
Вымыв, в белое полотно,
Как большое веретено
Замотали, – мол, пряжа дней
Оскудела, судьбе видней,
Как ей быть с подопечной сей,
Коль оборвана нить у ней.
Пятерых посадили дев
Похоронный слагать напев.
Бурулчу на закате вдруг,
Криком всех собирая в круг,
Заметалась, вспотела вся,
Смертный знак на челе неся.
Много мучились с ней, но вот,
Долгожданнейший как восход,
Появился вопящий сын,

Общих чаяний господин.
Была рада община вся.
У жены Чубука прося
Суйунчу, не заметив, как
На Корпойан напал столбняк,
Дали в руки ей молодца,
Столь похожего на отца
Очертаньем высоких скул.
В этот миг умерла Бурул.
Слева грудь Канykей теперь
Заболела, да так, что зверь
Мог куснуть бы помягче, что ль;
Невзирая на эту боль
Накормила мальца она,
Чтоб наелся малыш сполна,
А когда отняла – глядит:
Из соска её кровь бежит
Ярко-алой сплошной струёй.
«Ах ты, маленький львёнок мой!
Ты нам с сыном моим родной,
Семетей – это братик твой.
Ишь ты! – рану разнёс в груди!
Назовём тебя *Канкельди*!
С кровью в мир ты пришёл, чудак.
Будет горд твой отец Чубак».
Забежим мы и здесь вперёд:
Стал со временем звать народ
Чуть не так его: *Канчоро,*
Кровь, мол, воинов… Но ядро,
Суть – остались, как ни склоняй.
Стала мамой ему Кантай –
Ей, Камба́ра жене, вполне
Доверяла Каныш-*джене*.
Позже сказочник *алп* Азгаш
Говорил: Канчоро, мол, наш –
Сын Камба́ра … Бывает, *таш*
Издали за овцу продашь!

По обычаям древних лет
Бурулчу с Бирмыскал земле
Как предали, письмо Каныш
Написала, ведь умолчишь –
Что ей скажет потом *ини*,
Возвернувшись в мирные дни?!
Так гласило письмо: «*Иним*!
Ни в Талас и ни в Чуй *келин*
Не сумели добраться, но
С жизнью всё-таки заодно
Были обе, и сыновей
Вам родили; с душою всей
Роды приняли мы, скорбя,
Что сгубила их мам судьба.
Покормить же детей пришлось
Мне; для сына Алмы нашлось
У меня в груди молоко,
И кормленье прошло легко.

А с твоим молодцом, Чубак,
Получилось совсем не так:
Кровь пошла из груди струёй.
Вскормлен кровью младенец твой.
От знамения у груди
Назван мальчик твой Канкелди;
Сын Алмы поспокойней, он
Назван ласково – Гулустон.
Той без вас не играли, пусть
Как вернётесь, тогда и чувств
Поприбавится светлых: грусть
Нынче помним лишь наизусть.
Айсалкын я дала сынка
Алмамбета – не на века,
А на время; Аруuке
Будет рядом, но налегке;
Твоего бережёт Кантай;
Рядом с ней Корпойан… Но знай,
Что ревнива она, увы!
Яд бывает вкусней халвы.
Всё, что с нами случилось здесь,
Вобрала в себя эта весть.
Вам скажу, ястребок-*ала*[1087],
Ястреб серый, что мне дала
На всю жизнь любовь-судьба:
Принесла б я в жертву себя,
Лишь бы вскоре увидеть вас!
Чем Бейджина хуже Талас?!
Мой Айкол, Сивогривый мой,
Возвращаться пора домой!
Вот мой любящий вас совет:

[1087] Ала – пестрый.

Под себя не подстелишь свет,
Тот *кангайец*, кыргыз ты – что ж,
Каждый с кем-то другим несхож,
Каждый лишь для себя хорош;
Лев мой, правды изнанка – ложь!
По ночам меня мучит дрожь.
К Конурбаю ты в сеть идешь.
К счастью путь лишь один – домой,
Помни это, любимый мой!
Чубака береги, Алму,
Ждут их дети в родном дому,
Не видавшие лик отца.
Не забудь наградить гонца!»
Так закончила Каныкей,
Подписав свой труд: «Семетей».
С Шууту понеслось письмо.
Дружба тоже, считай, ярмо.
Что ж, оставим мы всё как есть.
Пока мчится к Манасу весть,
Долг велит рассказать и честь
Как Конура свершилась месть.

КАК КОНУРБАЙ СМЕРТЕЛЬНО РАНИЛ МАНАСА

Э… э… э… эй!
Шууту был совсем не прост:
Пусть с небес не хватал он звёзд,
Но сумел он двойную весть
Только радостною принесть:
Перевал, мол, теперь наш свят,
Родилось там двое ребят,
Да такие, мол, молодцы!
Тут растрогались вмиг отцы
И расщедрились на «слабо»:
Целый город Сарысумбо,
Город, славный на весь Алтай,
Получил Шууту как пай
Вожделенного *суйунчу*.
Ну, о прочем уже смолчу.
А скажу я о ханах – тех,
Кто, едва разделив успех
Долгожданной победы, вдруг
Засбирались домой. Разлук
Не выносят сердца порой,
Если в ратных делах простой.
Заспешили к земле родной,
Мол, трудов будет ждать весной, –
Блещут слёзы в глубинах глаз:
Разрешит ли уйти Манас?
Все к Айколу пришли гурьбой.
Взял прошение лев. С собой, –
Не решать же всё одному, –
Он позвал Чубака, Алму,
И Сыргака с Кыргылом. «Нам, –
Он посетовал, – по домам
Слишком рано ещё идти,
Ханам с нами не по пути.
Пусть четырнадцать все уйдут?
Сорок воинов хватит тут
Эсенхана чтоб встретить? – он
Передать должен город, трон».
Подал голос мудрец Бакай:
«С той поры, когда в этот край,
Мы с войной привели народ,
Дни сложились почти что в год.
Холодам наступил черёд.
Очень скоро зима грядёт.
К Эсенхану зачем идти?
Кто-то должен один нести
Бремя – трон украшать собой

И с Бейджином сплестись судьбой;
Ну, а мы поспешим в Талас.
Слава богу: и в этот раз
Не пустыми идём домой!
Конурбай отдал город свой,
Хан Эсен – дочерей двоих,
Мы имеем приплод от них.
Ну, а скольких врагов смогли
Мы буквально стереть с земли!
Борончу, Бешкулак, Жолой,
Оронгу… А ещё домой
Просто горы везём добра:
Столько злата и серебра,
Драгоценности и мечи,
Столько алых шелков, парчи!
Мы свою отстояли честь.
И у счастья ведь мера есть!»

Алмамбет поддержал его:
«Прав мудрец наш! Но одного
Не учёл он, что Нескара
Сеть интриг всё плетёт. Пора
Из Бейджина его изгнать,
Он хоть мелкий, но всё же тать.
Конурбай где-то есть, в тени
Покровителей в эти дни;
Все скрывают его они,
Бесам замыслами сродни.
Да, и вот что ещё скажу:
Нескара – у *манжу*; *анжу* –
Мурадила родимый клан;
У *калмаков* – Уушан-*палван*;
Мадына – у *кара-кытай*;
Между всеми поделен край.
Коль уйдём мы, то Конурбай
Под крыло не возьмёт их, знай:
Самостийность таких племён
Под себя не заманит он.
А вот наши-то ханы, им –
Всем четырнадцати, – дадим
Править каждым таким крылом,
Под началом одним притом:
Коль делиться, то лишь трудом,
Так и сложится общий дом
У *калмаков*, и у *манжу*,
У *кара-кытаев*, *анжу*…»

Слово взял под конец Манас.
Словно гнев держал про запас:
«От каканцев идти в бега?
Больше честь нам не дорога?!
Славу добрую на века
Потеряем, коль от врага
Словно трусы сбежим с добром,
Опозорив свой отчий дом!
Верный друг Алмамбет, поверь,
Я ломился в чужую дверь
Мстить за горечь твоих потерь!
Конурбай, словно дикий зверь
Загнан нами в подполье, в мрак,
И какой же, скажи, чудак
Остановится в полпути?
На Бейджин я решил пойти
Из-за друга, мой хан Алма,
И тобой удивлён весьма.
И насчёт Эсенхана: что ж,
Пусть ему и присуща ложь,
Но он хан, и не дело нам
Уподобиться всем лжецам.
Верность слову любой народ
И отметит, и нас поймёт;
А уйдём просто так – решит,
Что умеем лишь делать вид
Смелых и справедливых… Нет!
Возвращаемся, Алмамбет!
С Эсенханом и свитой всей
Пообщаемся; из гостей
Мы с почётом пойдём домой,
Не с поникшею головой!»
Тут Бакая слова, Алмы
Вмиг покинули все умы,
Загудели, Манаса речь
Всем по нраву пришлась; стеречь
Музбурчака оставив стан,
Каждый стал собираться хан.
Кстати, ханом теперь Сыргак
Звался: вместо Жакыпа так
В этом званье он вёл народ
Из Таласа в Большой поход.
Девять ханов ушли домой,

Пять остались; само собой –
Только те, кто был близок льву.
Всё ложилось в одну канву:
Сквозь Туншу поспешив в Бейджин
Все поверили как один,
Что подходит Поход к концу,
Так сказать, к своему венцу.

Сонным, тихим на вид Бейджин
Был, казалось; и лишь один
Человек в лихорадке дел
О сокрытом своём радел:
Конурбай никому не рёк –
Заучил свой былой урок, –
Что копает подземный ход
С тайным выходом у ворот;
Нескара, Мурадил – да все
В этом чёртовой колесе,
Что борьбою за власть звалась, –
Не сумели б так низко пасть,
Чтоб засадою встретить тех,
Кто в открытом бою успех
И победу стяжал свою.
У судьбы своей на краю
Конурбай захотел урвать
Хоть украдкою благодать
Стать отмщённым, забыть про страх,
Жить осёдло, а не в бегах.
Он дорогу прорыл как шлях:
Впору там скакать на конях, –
Ну, а как же: а вдруг опять
От врага ему убегать!

В воротах он пробил глазок,
Чтобы сам углядеть он мог:
На прицеле заклятый враг?
Близок к цели уж был *калмак*:
Все кыргызы в Бейджин зашли.
Он же, ниже самой земли,
Караулил, боясь заснуть,
Ждал – когда пресечется путь
У Манаса и западни.
Словно спицы, мелькали дни.

А встревоженный Алмамбет,
Памятуя как тесен свет,
Каждый день объезжал базар:
Конурбая искал, – ведь дар
Был предвиденья у Алмы:
Горький привкус у кутерьмы
Всё блажил, так в разгар зимы
Грязь сверкнёт, словно росчерк тьмы.

Лев Манас, Алмамбет, Чубак
И весёлый герой Сыргак,
С ханом встретившись, по горам
Покружившись, уже *майрам*[1088]
Затевали: Баймат на трон
Был одобрен со всех сторон.
Тазбаймат же из *наапа*[1089]
Мир разглядывал, и судьба –
Как казалось ему, – была
Благосклонна, щедра сполна:
Расступался с почтеньем люд,
И китайских сто тысяч блюд
Предлагал ему весь базар –
Хоть отведать, хоть просто в дар.
Голова закружилась, он
Счёл, что правильно вознесён,
Загордился, погнал коней
И… столкнулся среди полей
Со своими же – что скорей
С гор спускались, и ей-же-ей,
Не узнав, закричал: «С пути!»,
Нет бы чтоб самому уйти!
Алмамбет и шутник Сыргак,
Неразлучный с ними Чубак
Посмеялись, увидев как
Улетел Баймат в буерак,
Подытожив: «Нет, этот слаб,
Он страстей своих низких раб,
Зря Манас ему прочит трон:
Нас, кыргызов, предаст ведь он».
А Баймат, испугавшись, стал
Бить поклоны, как тот шакал,
Пресмыкается что пред львом,
Чтоб тишком укусить потом.

[1088] Майрам – праздник.
[1089] Наапа – китайский двухколёсный экипаж.

«Эх!» – сказали друзья, в возок
Подсадили его, чтоб смог
Он добраться, откуда мчал.
Но Алма ему всё ж сказал:
«Зря ты падал пред нами, гад,
Лучше б ты провалился в ад!
Лучше б ты не слезал с возка!
Жаль, природа твоя низка.
Всяк тропинка тому узка,
У кого нечиста рука.
Тот в повадках и в мыслях бес,
Кто из грязи вдруг в князи влез».
До Манаса добрались, но
Промолчали, все заодно.
Только сам Баймат, лебезя,
Порешил, что молчать нельзя
И затеял скорей рассказ:
«О, великий наш хан Манас!
Я не смог усидеть в возке,
Лишь увидел вдруг – налегке
Ваши трое богатырей
Появились среди полей!»
Но ответил ему Бакай:
«Ты, Баймат, хватил через край!
В золотом экипаже путь
Свой торил ты, прикрыта грудь
Тоже золотом и парчой;
По-другому ты мог почёт
Оказать своим трём друзьям,
Не слезая с возка меж ям…», –
И Бакай повторил слова
Что изрёк Алмамбет – снова́:
Мол, в душе коль таится зло,
Мёдом смазана речь зело.

От безделья томился люд.
Ведь кыргыз на поступки лют:
Или в бой, или впрячься в труд,
Делу – время, потехе – зуд.
Карауля Манаса дом
И скучая весьма при том,
На равнине, где битвы шли,
На пустом пятачке земли,
В «волки-овцы» сыграть решив,
Неустанных *чоро* актив –
Тридцать девять, – потешить блажь
Порешили, остался страж
Лишь один, даже сам Кыргыл
Разделил их неумный пыл.
Но, его лишь судьёй избрав
Невзирая на склочный нрав,
Разделились напополам:
Девятнадцать и здесь, и там.
Алмамбета и Чубака, и весёлого
Сыргака
С ними не было, и слегка
Побрюзжать я хочу, пока
Разминаются все слегка,
Ведь беда-то уже близка!
Будь неладны вы, все *чоро*!
Конурбай, у кого нутро
Почернело от злости так,
Будто там поселился мрак,
Всё выглядывал – где, мол, враг,
Не настал ли миг для атак?
Он из красной стали топор
Заказал у китайцев с гор,
Острый, ядом пропитан весь,
И Конур, как благую весть
И берёг его, и носил,
Не жалея ни сна, ни сил.
И сейчас он, как злой паук,
Топора не спуская с рук,
Ждал: придёт ли на шум Манас?
Подходящий уж больно час!
А шумели *чоро* уж так,
Что проснулся бы и мертвяк:
Смех и крики – какой чудак
Промолчал бы в преддверье драк?
И Манасу в своём дому
Показалось: узнал Алму
Он по крикам: «Лови!», «Давай!»;
«*Кёкбёру*»? Или «*Кыз-куумай*!» –
С вожделеньем подумал он
И на шум поспешил – на кон
Он поставить решил заклад.
Поспешив, он не весь наряд
Смог надеть: лишь *олпок*, не шлем.
Аккулу забрал без проблем:
С юга дома – в конюшню вход;

С ним на шум поскакал. Народ
Разошёлся уж так, что гам
Громким эхом взлетел к горам.
Карауливший Конурбай
Напружинился; через край
Сила била от злобы так,
Что, взорваться боясь, *калмак*
Бросил метким броском топор,
Метя в шею, где с древних пор
Каждый знает, что жизнь неся
В шее вена наружу вся,
Называют её «ярем»,
Её прячут всегда под шлем.
И топор, как и метил тать,
В шею впился, а рукоять
У Конура осталась вся,
Слишком много злобы неся.
Не заметил Манас удар:
Просто в шею кольнул комар.
Конурбай отшатнулся: он
Ждал – не крик, но хотя бы стон.
Ничего! Промахнулся? Нет?
Кто бы мог ему дать ответ?
Ажыбай вдруг заметил блик:
За Манасом сверкнул, но вмиг
Растворился среди теней.
Тень должно быть от фонарей, –
Так решил, но пошёл взглянуть
И нашёл он подземный путь:
Он всего лишь сумел толкнуть
Часть стены, что как будто грудь
Круто вспучилась у ворот;
А толкнул – провалилась, вход
В подземелье открыв собой:
Как шахтёрский большой забой
Был он крепок, широк, высок;
Пуст, но ветер сквозил в висок,
Значит где-то и выход есть,
Коли вход обозначим здесь.
С фонарём Ажыбай вошёл
В подземелье: посмотрим, мол,
Кто хозяин? – а вдруг Айкол
Повелел его строить: коль,
Запасной будет нужен путь!
А строителю рёк: забудь.

Но копыт лошадиных след
Вмиг пролил на загадку свет:
Шаг размашист, – у Алгары
Шаг такой, как в разгар игры
Жеребец, чуть виляя, мчит,
С седоком неподъёмным слит.
Всех позвал тут Ажы, раз так.
Алмамбет и храбрец Сыргак
С Телкызылом, Айсаралой
Верховыми вошли в забой.
В это время уже *чоро*
Разошлись, разделив добро –
Всё, что ставилось на кону.
Тучи скрыли уже луну.
В дом свой лев поспешил – ко сну
Время шло; он присел к огню.
Два визиря – Алма, Сыргак,
С ними на Коктеке Чубак
Что примчал, лишь узнав о том,
Что нашёлся подкоп под дом
Или рядом, где сам Айкол
Размещал и постель, и стол;
И Ажы, что их всех созвал,
Поспешили войти в подвал.
Осторожно богатыри
Друг за дружкою шли внутри.
Освещали путь фонари.
След характерный Алгары
Все узнали, и был он свеж.
Что ж, в охране случилась брешь!
Где же выход? Следы вели
Прямо в стену сырой земли
И совсем обрывались там,
Словно в стену вошёл шайтан.
Тут Сыргак заприметил щель,
Слез с коня: мол, намёк на дверь,
Сунул руку в ту щель – как вдруг
Выпал камень наружу – стук
Приглушённый, был вбок, не вниз:
На верёвке тот кляп повис;
Потянул за неё Сыргак:
Словно пробка, встал камень так,
Что пред ними опять возник –
Ну, ни дать и не взять, – тупик!
Когда выбрались все на свет,

То увидели: конный след
Уходил далеко, и снег
Покрывал его тайный бег
Белой скатертью впереди.
Вновь сумел Конурбай уйти!
Впали в ярость друзья, все три.
Если б знали богатыри,
Что на их стороне был бог,
Конурбаю он не помог:
Сам *калмак* и друзей пяток,
В белой скатерти тех дорог
Заблудились и были близ.
Но батыры мимо неслись,
Огорчённые донельзя́.
Путь их путала их стезя,
Снег в лицо бил, им взор слезя,
Ослепить их, озлясь, грозя.
Через пару деньков, кружа,
К ставке вышли, едва дыша.

Миновало уже три дня,
Как Манаса тоску дразня,
Отшумела *чоро* игра.
В дом к Манасу пришли с утра
Алп Бакай, Музбурчак, Баймат
И Мажик – его давний брат.
Лев Манас говорит: «Баймат,
Ты у нас на поглядку хват,
Посмотри – что на шее там,
Углядеть не могу я сам,
Что-то чешется, не чиряк?
Стал уже беспокоить так!»
Тут Байман посмотрел – и в крик,
Заплетаться вдруг стал язык:
«Тут топор! Как большой котёл!
Прямо в жизненной жиле! Скол
От отломленного древка
Почернел уже весь слегка!», –
И заплакал. Бакай вскипел,
Подскочил ко льву, посмотрел:
«Ох, и вправду! Опух разрез!
Как топор этот в шею влез?!
Ничего уже не пойму!
Ты ж безвылазно был в дому!»
Тут блеснуло у льва в уму,
Как пришлось ему одному
Чубака искать и Алму:
Показалось ему: игру
«*Кыз куумай*» или «*Кёкбёру*»
Завели, мол, они, и дом
Он покинул, тоской влеком
По забавам родимых мест;
Враг таился, видать, окрест,
И, заметив: без шлема лев
В шею выплеснул злобный гнев
В виде острого топора.
«Слышал я укус комара, –
Лев сказал, – но не стал смотреть.
Что там рана! Она – не смерть.
Жив же я ещё до сих пор.
Лучше вытащите топор!
Шею жечь стало в эту ночь,
Глаз сомкнуть было мне невмочь,
Оттого и позвал я вас», –
Подытожил он свой рассказ.
Тут Баймат и Мажик взялись
За топор, но не вкось, ни ввысь
Не могли расшатать, увы,
Не хватало сил у братвы.
Попытались из бечевы
Сделать удочку, но, увы,
Соскользнула петля: топор
Вглубь вонзился, так был остёр.
Захотели позвать Алму –
Мол, под силу, небось, ему
Совладать с сей занозой враз.
Но отверг эту мысль Манас,
Шеей стал шевелить сильней,
Чтоб топор шевельнулся в ней.
Вновь тянули Баймат Мажик.
Стало больно, сорвался в крик,
Всех вокруг всполошив, Манас.
Все одиннадцать стражей враз
Забежали гурьбой, поняв,
Что случилось, и стать, и нрав
Показать попытались, но
Топору было всё равно:
В жиле так же сидел он, боль
Умножая уже настоль,
Что в глазницах у льва огонь

Полыхал, и уже: «Не тронь!» –
Он рычал и молил: «Алму!
Позовите скорей! Ему
Одному лишь подвластно боль
Снять, как будто вобрав в ладонь».
Музбурчак и мудрец Бакай
Закричали: «Где Ажыбай?
Пусть найдёт Чубака, Алму,
И Сыргака; и по уму,
Чтобы опухоль сбить слегка,
Пусть лисицы и барсука
Он поищет целебный жир,
Да прихватит ещё *аир*!»
Лишь озвучил Бакай приказ,
Появился Алма как раз:
Только что он сошёл с коня,
Проплутавший три полных дня,
Он не спал и не ел, но шум
Сбил его с предобедных дум,
Заспешил он к Манасу в дом,
Снег едва отряхнув притом.
С бечевою в тот миг как раз
Там возились; стонал Манас –
Шея как у слона была, –
Его опухоль всё росла,
Скрыв топор в глубине своей.
Алмамбет пятернёю всей
Прямо в опухоль влез и вмиг,
Обогнав *кабылана* вскрик,
Дёрнув, вынул топор, а в рот
Кабылану как сладкий плод
Горсть лекарств положил: «Глотай!»
Были рады Мажик, Бакай,
Музбурчак и Баймат… Да все.

Алмамбет, разводя в *кесе*
Вновь лекарственное питьё,
Говорил, как впав в забытьё:
«Поздно! Эх! – на топор кося, –
Сталь пропитана ядом вся.
Не вытаскивать надо б, нет,
Ведь в нарыв, словно в гнойный плед
Яд укутан был; а теперь
Он по жилам, как алчный зверь,
Мчится, всё отравив собой.
Воздух тоже помощник злой:
Будет, в рану попавший, гнить,
Будет гнилью всю кровь мутить.
Знать бы раньше, что там, пришлось
Клином клин вышибать бы; гость
От лекарств с нарывом сам
Вышел весь бы; теперь не дам
Промедления мига: нас
Рок немедля зовёт в Талас:
Росомахи и выдры нам
Мясо нужно напополам;
Нужен «*нуш*», нужен «*кун*» скорей
И нужна еще Канымей:
Она знает в лекарствах толк», –
На минуту Алма умолк,
Ждал, чтоб выпил Манас питьё,
И продолжил опять своё:
«Надо ехать! Скорей! В Талас!
Счёт на дни побежал сейчас.
Пусть седлают коней! Манас!
Отправляйтесь скорей… без нас:
Здесь останутся я, Серек
И Чубак – родной человек;
Ну, а вы, Музбурчак, Бакай,
Отправляйтесь в родимый край,
Не жалейте своих коней,
Чтоб в Талас прибыть поскорей.
Сорок дней мы пробудем здесь.
О приезде подам вам весть.
Посажу Серека на трон,
Подходящ, полагаю, он.
Догоню в Эчкилике вас.
Только ты торопись, Манас,
Чтобы встретиться с Канымей
Меньше, чем через сорок дней!
Как поправишься, вновь с тобой
Мы вернёмся в Бейджин, и бой
Мы продолжим, искус велик;
А Конура мы за кадык
На погляд всем повесим, пусть!» –
Алмамбет, не скрывая чувств,
Рукавом вытер слёзы, он
Был подавлен и возмущён,
Что Манаса не смог сберечь:
Горьким вздохом он кончил речь.

Проводил он всё войско: прочь
Из Бейджина в глухую ночь
Люди двинулись в свой Талас.
Во главе как всегда – Манас,
Рядом с ним – Музбурчак, Бакай, –
Все соратники… Отчий край
С нетерпеньем их ждёт. А мы
Новым сказом займём умы:
Шыпшайдар и Конур – они
Чем отметились в оны дни.

О ТОМ, КАК КОНУРБАЙ ПРИВЁЛ ШЫПШАЙДАРА СМЕРТЬ КЁКЧЁ

Э… э… э… эй!
Богатырь Алмамбет был хват:
Он Серека одел в наряд
Падишаху и то подстать,
Чтоб не понял коварный тать,
Что покинут кыргызский стан:
Весел был и наряден хан,
И на троне сидел как влит,
Двор его был и пьян, и сыт.
Коль к Манасу шли ходоки,
Говорил Алма: «Не с руки
Принимать ему всех сейчас,
Очень занят, увы, Манас».
Сам считал с нетерпеньем дни,
Когда смогут уйти они.
Нетерпенье Конура жгло,
Он расстраивался зело:
«Не ослеп ли я в этот раз?
Жив, выходит, ещё Манас?
Не в него я попал, а в дом,
Словно бесами был ведом?
И в стене мой топор торчит?
Неотмщеньем душа горчит.
Может, всё же попал я в цель,
И *буруты* темнят теперь?
Может, раненый мной Манас
С верной стражей спешит в Талас?
Надо мне поспешить к хребтам
И, догнав, я Манасу там
Сам отрежу башку, а рать
Постараюсь в рабы забрать».
Этой мыслью пленённый мозг,
Злу податливый словно воск,
Уж подсчитывал, сколько войск
Чтоб придать Конурбаю лоск
Надо взять у судьбы хоть раз:
Жертвой будет ведь сам Манас!
Нескаре с Мурадилом он
Всех не стал раскрывать сторон
Своих планов, с собой позвав,

Зная их ненасытный нрав.

Поднимаясь к хребту, Манас,
Ощущая, что как балласт
Замедляет он общий ход,
Сам себя подгонял вперёд;
Но уже в Белкоргоне он
Попросил его снять с попон:
Свою слабость от всех тая,
Он решил оглядеть края.
Взял *дюрбун*, поглядел вприщур
На Бейджин: вот те на! – Конур
Вслед за ними спешит, как тень.
Жаль, что так далека мишень!
«Хан Бакай, – закричал Манас, –
Посмотри: догоняет нас
Враг заклятый, Конур-*калча*!
С ним покуда у нас ничья.
Если я убегу сейчас,
Это буду не я, Манас,
Не простит меня предков дух –
Мол, священный огонь потух.
Конурбай же распустит слух,
Что кыргыз не орёл – петух.
Вот решение по уму:
Я останусь и бой приму!»
Восседая на Аккуле,
Он на плоской большой скале
Гарцевал, чтобы понял враг:
Он со слежкой попал впросак,
И отпор ему будет дан,
Раз здоров и жив *кабылан*.
Понял враг: провалился план.
Конурбай, Нескара, Уушан,
Мурадил, все четыре враз
Осознали, что сам Манас
Ханов пять его, их войска
Вызов бросили; с полщелчка
Всех сомнут их наверняка,
И погоня их – с кондачка:
Мол, в ночи подкрадёмся… Так
Всем морочил мозги *калмак*.
Стали срочно держать совет:
«У нас выхода просто нет!
Высоко забрался́ Манас,
Уводя свой народ в Талас.
Бой *алаши* готовы дать,
И последним он может стать
И для нас, и для власти той,
Что нам дал предпоследний бой.
Попросить бы отсрочку нам
Дней в пятнадцать… в кыргызский стан
Человека пошлём», – Уушан
Срочно выдвинул новый план.
Что ж, посредник наверх пошёл.
Дал отсрочку врагам Айкол:
Благородство из разных зол
Выбирает – что мягче, мол.

Разрешение взяв, Конур,
Лёг на ложе из мягких шкур –
Легче думалось так ему, –
Варианты гонял в уму:
Как сюда не пустить Алму:
Всех бы выбить по одному!
Царский отпрыск наверняка,
Отсылая в Талас войска,
С остальными хотел догнать
Через время *бурутов* рать.
То, что был Алмамбет колдун
И знаток первозданных рун,
Знал в Китае любой *жанжун;*
Силой мысли возьмёт он *кун*
В ситуации, где другой
Будет лишь причитать: «Ой-бой!»
Вдруг он вспомнил: такой же дар
Носит друг его Шыпшайдар,
Другом был он, а стал врагом.
Жил он в этих горах тишком
Да из лука, ружья стрелял,
Дичью, шкурами промышлял.
Шыпшайдару Конур письмо
С голубями послал; клеймо
И преступников, и воров
Налепил из нечестных слов
На кыргызов – мол, подлый люд,
И в бою по-шайтански лют.
Вот что он написал: «Увы,
Враг добрался до головы:

До Бейджина дошёл кыргыз,
Знатных ханов он скинул вниз
И на трон усадил своих;
Побесчинствовав, не притих:
Самых славных и лучших дев
Взял в рабыни и свой посев
Их принудил растить в себе.
Великанов сгубил в борьбе
В ненасытной своей алчбе;
С ними тот, кто силён в волшбе:
Наш отступник, предатель, вор!
Их вождю я вонзил топор
Прямо в шею, но вождь Манас
Выжил, чтобы добить всех нас:
Затаился он между гор,
Чтобы хитростью на измор
Нас уже до конца смести.
Только ты на его пути
Сможешь выстоять, Шыпшайдар –
Ты и твой уникальный дар!»
Конурбая дружки письмо
Одобряли; ведь как бельмо
На глазах был с Алмой Манас,
Шыпшайдар пусть от них бы спас.
Проливая и желчь, и пот,
Напридумал их злобный сход
Для резерва ещё ходы:
«Коль придёт Алмамбет, Мады –
Да, ведь жив он, Большой Силач,
Всех неверных вампир-палач, –
Сдержит натиск пускай врага,
Мы пригоним ему войска!
Если вдруг Шыпшайдара раб
Победит, – ведь и раб не слаб,
То Мады поперек пути
Встанет – чудищу не пройти!»
Войско тысяч под шесть пригнав,
Им заполнили весь анклав,
Что всегда занимал Мады,
И прислали в запас еды.

Сорок дней прекратили бег.
Алмамбет, с ним Чубак, Серек
На виду у всего Туншаа
Днём отправились в путь, спеша,
В направленье Таласа, в край,
Где их ждали Манас, Бакай.
День и ночь они шли, пока
Посеребренные слегка
Белкоргона зажглись хребты.
Здесь в засаде войска Мады
Ожидали батыров трёх.
Сам Мады – чтоб он в муках сдох, –
Вышел, путь преградив им весь:
Ширина, высота и вес
У него лишь слонам подстать;
Вслед за ним покатилась рать:
Шли *кангайцы* как мощный сель,
Что не видит ни смысл, ни цель,
Просто прёт, всё сметая враз.
Сам Мады видел смысл как раз
В чьей-то смерти – скучал он, кат,
Жил один он года подряд.
Был он в самом расцвете сил.
Жеребец, словно ночь, носил
Его тушу с трудом большим;
На копье его огнь и дым
Полыхали; стонала твердь,
Словно мчалась по тверди смерть.
Он отправил всю рать в овраг
Затаиться, чтоб глупый враг
С ним одним поборолся – так
Поиграться решил *калмак*.

Пнул Чубак Кёктеке, не стал
Он смотреть, что за слон меж скал
Грузно скачет, пуская дым;
«Эй, дорогу дай молодым!» –
Дал понять и без слов Чубак,
Что пугает, мол, зря *калмак*,
Сам рванулся навстречу так,
Что в ущелье вскипел сквозняк;
Он ударил Мады копьём,
Чуть его не оставив в нём.
Великан лишь скривился – мол,
Ты, телёнок, ещё комол.
Вновь ударил герой Чубак,
Прикусив свои губы так,
Что хлестнула рекою кровь.
Великан посмеялся вновь

И нацелил своё копье
В грудь герою, в его цевьё.
А Чубак в две руки своё
Вновь нацелил, как батожьё,
И с посылом двойным послал.
Но в тот миг его *алп* достал
Своим длинным копьём, да так,
Что слетел Акбалты Чубак
Вдруг с коня, и в осколки скал,
Их обрушив собой, упал.
Подскочивший Серек коня –
Кёктеке, – придержал, дразня
Великана копьём своим,
Поднят был сотоварищ им
Со словами: «Садись, вот конь!»
Точно бьющий Мады, огонь
Вызвав снова в копье, метнул –
От кольчуги Серека гул
Лишь пошёл, а он сам в кусты
Улетел от копья Мады.
Сам Мады наслаждался: тьма
Колыхалась в глазах; Алма
Понимал, что не свет ума
В них клубится, а смерть сама.
Словно соколы, силачи
В смертной битве сошлись в ночи
С великаном, удары чьи
Были острыми как мечи,
Были точными, словно цель
Раскрывалась, как ширь земель;
Каждый раз попадая, он
Хохотал на коне своём,
Принимая удары сам
Как щекотку души, бальзам.
Битва длилась и длилась. Враг
Всё смеялся. Серек, Чубак,
Да и сам Алмамбет уже
Так устали, что мрак в душе
Заклубился у всех троих,
Руки стали неметь: под дых
Эту гору непросто бить;
Да и он не спешит убить
Трёх противников: с мышью кот
Так играет, не сразу жрёт.

Тут Сереку пришло на ум:
«Он бессмертен, как сам самум,
Мы ему не пробили лат,
А без лат у него лишь взгляд.
Шлем стальной на его башке,
Вот бы сбить его! Налегке
Без защиты такой башку
Я ему разнести смогу,
В лимфу горла воткну копьё
И стократ поверну цевьё».
Раззадоренного Мады
Со спины он догнал. Беды
Тот не чуял: сразить Алму
Он хотел, подскакав к нему.
Тут Серек его шлем поддел,
Тот скатился; Мады хотел
Поскорей нахлобучить шлем,
Наклонился… Чубак успел
В жилу шейную вбить копьё,
Вызвав краткое забытьё
У Мады; а Серек в тот миг
В лимфу горла воткнул, как клык,
Остриё своего копья:
Оба словно одна семья
Очень слаженно всё свершив,
К жертве бросились: жив? Не жив?
Но *калмак* был уже в пути
К царству тьму, и своё «прости»
Не успел никому сказать.
Чтоб не ожил проклятый тать,
Отрубили ему башку,
Погрузив её на скаку
Вороному коню Мады,
Вверх отправили; вдоль гряды
Поднялись они лишь слегка,
Потемнего в глазах: войска!
Взяв *дюрбун*, Алмамбет вокруг
Огляделся: как летний луг
Травостоем набит сполна,
Так и пеших солдат стена
Расползлась на отроги, рвы.
Не скосить им такой «травы»
Ни за день, ни за год, – увы.
Где кыргызы, где наши львы?
На макушке хребта вдали

Разглядел Алмамбет: в пыли
Аккула к коновязи был
Там привязан; над станом плыл
Чуть заметный дымок костра.
Остальное же скрыв, гора
Возвышалась крылом шатра.
Тихо, мирно – как детвора, –
Отдыхают кыргызы там
И не видят, какой бедлам
Заварили китайцы здесь,
Без осечки чтоб вышла месть.
Побледнел Алмамбет как мел,
Мигом всё он понять успел:
«Мой Чубак, мой Серек, беда!
Поздно мы добрались сюда.
Здесь китайцы кишат кишмя,
Этой тьмы не заткнуть тремя
Храбрецами – дела к концу.
Удалось *калче*-подлецу
Путь закрыть нам своим Мады.
И теперь мы в разгар беды
Можем только гадать о том,
Кто из нас возвратится в дом.
Хоть бы сам это был Айкол!
Он, наверное, терпит боль
Во сто крат посильней уже,
В ране, в сердце его, в душе.
Эта ноша, ох, нелегка!
Конурбаю намять бока
Несомненно хотел наш лев:
Все мы знаем, как крепок гнев
У Манаса на *калмака́:*
Гнев в крови вызревал века.
Что сейчас с ним? В печали он?
Спит, рождая за стоном стон?
К новой битве готовит меч?
Не сумел я его сберечь».
Бормоча неустанно так,
Алмамбет, с ним Серек, Чубак,
Поднимались по тропке ввысь,
Прячась в тень, под откос-карниз.
Так до стана дошли втроём,
С ощущением – вот он, дом,
Только вышел Бакай, Манас,
С неизменной улыбкой глаз,
Поприветствовав их, рассказ
Начал искренне, без прикрас:
Как устал, как хотел в пути
На Бейджин поглядеть: сойти
Помогали *чоро* с коня;
Как заметил он в свете дня
Силуэт – шёл внизу Конур,
Шёл с подельниками, в аллюр
То и дело гоня коней;
Пас, наверное, много дней
Он кыргызов: хотел злодей
Захватить их во тьме ночей.
Тут гордыня взошла в душе:
Коль заметил врага уже,
Убегать от него не след;
Бой принять он решил в ответ.
Но Конур запросил чуть-чуть
Дать отсрочки – мол, труден путь;
Ему дали пятнадцать дней,
Пусть надышится, ей-же-ей!
Даже дрожь пробрала Алму:
«Разрешение дал ему!?
Боже мой, что наделал ты!
Мы у смертной теперь черты!
Сам *калча* этот срок назвал?
Согласившись, ты сам пропал
И подвёл всех друзей, народ.
Как хитёр Конурбай-урод!
Вряд ли сам он готов с тобой
Выйти в поле на честный бой.
Здесь, в Кангае есть Шыпшайдар,
У него очень сильный дар.
У Жуйруна, у колдуна,
Он учился: когда страна
Пусть в лице моего отца
Наказала меня, юнца,
Я забросил учёбу; он
Посильнее со всех сторон:
Взял он знания до конца
У шамана, у мудреца.
Он наметит стрелу – она,
Цель пронзив уже, сил полна,
Возвращается вновь в колчан.
Я уверен: его *калча*
Нанял биться с тобой на смерть.

Обойти его не успеть.
Его имени – Шыпшайдар –
Он лишился, теперь Жойгар[1090]
За его сатанинский дар
Смерть несущий наверняка,
Но как будто исподтишка,
Называет его молва.
Впрочем, поздно теперь слова
Говорить, окликая зло,
Ведь добро тебя не спасло.
Говорил тебе: уходи!
Не послушался… в полпути
Ты застрял, чтобы смерть найти.
Она ждёт нас всех впереди –
Алмамбета и Чубака,
И Сыргака, и Серека,
Сорок воинов все умрут,
Музбурчак ляжет в землю тут;
Что ты сделал!..» – и Алмамбет
Покачнулся, как будто свет
Вдруг померк у него в глазах.
И впервые, пожалуй, страх
Промелькнул в его взоре, но
Лишь на миг, и затем умно
Не приказы – советы, – он
Всем раздал на обгон времён:
«Наши старцы – Бакай-смельчак
И мудрейший наш Музбурчак, –
Разделиться пришла пора:
Падыша Манас до двора,
До Таласа, увы, без вас,
Без забот не дойдёт сейчас.
Друг Сыргак, оставайся здесь:
Ты глазастый, любую весть
Можешь ты и с небес принесть.
В ход пуская то страх, то лесть.
Вся разведка теперь – твоя,
Стань в событиях *олуя*[1091];
В равновесии бытия
Будь и птица ты, и змея:
Выйдешь в путь – ты оставишь люд,
Будешь с ними – пути уйдут.
Я Бозуула, Ырчы, Шууту,
Оставляю: на высоту
Пусть поднимут разведку, – чту
В них я храбрость и доброту.
Ну, а мы же с тобой, Чубак,
Отправляемся на большак,
Рядом с местом, где ждал Мады;
До подножия Кайырды
За ночь думаю доскакать.
Я надеюсь, что гнусный тать
Не успеет закрыть нам путь:
Шыпшайдара нам встречь воткнуть.
Нападут коль *калмаки* – пусть,
Не о них нынче наша грусть,
Кровь прольём; повезёт – *калчу*
Раздраконить нам по плечу,
Хоть Конура, хоть Нескару
Мы приучим силком к добру:
Их погоним, настанет час,
Как рабов в золотой Талас!
Лишь бы этот колдун Жойгар,
Он же – бешеный Шыпшайдар, –
Нам попался в тот самый срок,
Когда нам помогает бог.
Будь, что будет. Пойдем, Чубак.
Жизнь сама по себе – *абак*[1092]».

На коня только сел Алма,
Раздосадованный весьма,
К сердцу принявший горячо
Всё случившееся, – Кёкчё
Объявился вдруг, не один,
Айдаркана отважный сын,
С пятитысячным войском сам
Прискакал к своим своякам,
Говоря: «Я кыргызам друг.
С Алмамбетом поссорясь вдруг,
Сожалею об этом так,
Словно стал сам себе я враг.
И подумалось: уж в Бейджин
Должно выступить мне, – един
Лишь за совесть, а не за страх

[1090] Жой – разящий булат; гар – пещера.
[1091] Олуя – святой, принципиальный.
[1092] Абак – тюрьма.

Я с кыргызами, хоть казах!
Там, в Бейджине, Бекзат за нас
Пусть сидит, а ведь здесь Манас:
Быть хочу с ним к плечу плечо,
Друга вспомнит пускай Кёкчё!»
Жаль, спешил Алмамбет, о чём
Он с улыбкой сказал Кёкчё
И откланялся; с Чубаком
Поскакали они вдвоём.
Мчались быстро. Всесильный бог
Выбрать правильный путь помог
Словно он их, двоих, берёг:
На развилке шести дорог
У подножия Кайырды
Ветер стал заметать следы,
Чтоб не смог их найти *калча*.
Видя всё, Алмамбет смолчал,
Чтоб не сглазить удачу вмиг,
Что умеет людской язык.
На хребет Кайырды взойдя,
Он сказал: «Шыпшайдар дитя
Человека, но видит бог:
Дьявол в жизни ему помог.
Шесть десятков зверей в дому
Держит он; говорю к тому,
Что свирепые звери вмиг
Разорвут, кто к нему проник.
И ещё: он во что б не влез,
Нарушается ход небес,
Ветер, дождь, да и снег и град –
Все рабы его, говорят.
Он при ясной погоде вдруг
Может снегом покрыть весь луг,
Мир упрятать в туман и хмарь;
Всех погодных бесчинств он царь.
Раз двенадцать *Кангай* за день
Может впасть то в жару, то в тень,
Летний снег или зимний дождь –
Как увидишь, всё сам поймёшь.
Лев Чубак, Акбалты сынок,
Надо, чтоб затаившись смог
Постоять ты в дозоре здесь
В напряжённом вниманье весь,
Я за речку, вон ту, пойду:
Встретим с разных сторон беду.
В чьём обличье ни выйдет чёрт,
Бей не глядя, всю плоть попорть,
Вырви печень и желчь пролей:
Чем быстрее, то сам целей.
Если выйдет к реке Шайдар,
На себя я приму удар!»
Долго ждали и тот, и тот,
Глядя вбок, позади, вперёд,
И держали по ветру нос.
Шыпшайдара как чёрт унёс.

Ум – богатство, а кто богат,
Даже чёрту и кум, и сват.
К Кайырды подошёл Шайдар,
Подсказал ему свой же дар:
«В шесть дорог разошёлся свет.
Азизхана сын Алмамбет
Был здесь, чую, и где-то ждёт.
Надо свой мне продумать ход.
Пока кровь мою в реку он
Не пролил, я его загон
Обойду – не по суше, нет,
Жди-пожди, чудак Алмамбет!»
Колдуна провожал *занги*[1093].
Тот сказал ему: «Вдоль реки
За четыре дойдёшь ты дня
В Белкоргон; там найдёшь меня».
Только скрылся *занги*, Шайдар
(У него был и тайный дар,
О котором не знал Алма),
Прямо в речку вошёл; сама
Появилась в речушке грязь,
Скрыв шамана, и он смеясь
Перед носом у стражей двух
Проскользнул, перевёл лишь дух,
Как заметил Алма, что цвет
Поменяла река, и нет
Грязи выше, лишь здесь, где он
Караулит, вода в затон
Превращается, зелена,
Ну а дальше чиста она.

[1093] Занги – одна из низших должностей местной администрации в Китае (нечто вроде аульного старосты).

Повернул Алма Саралу,
Понял, что проиграл он злу,
И к верховью пошёл, где нет
В речке мути. Вдруг силуэт,
Чуть заметный, прокрался в лес.
Ускользнул иноверец-бес!
Огляделся Алма вокруг:
От китайских литых кольчуг
Бродят всполохи по горам,
Сколько войск затаилось там!
Поспешил к Чубаку Алма,
Вышел в поле, там кутерьма:
Шесть десятков *занги* Чубак
Колошматит, мелькая так,
Словно молнией стал он вдруг,
Хорошо, что могучий друг,
Но десятков-то всё же шесть!
Окружают батыра, честь –
Просто звук для таких пустой.
В схватку бросился с головой
Алмамбет и, срывая злость,
Взял на пику почти что гроздь
Мелких бесов, бойцов-*занги*.
На пустом берегу реки
Клич «Манас!» загремел в устах
Двух друзей, и обвал в горах
Вторил, словно хотел помочь.
Разбухала от крови ночь,
Становился багровым свод
Словно вымыт в багрянце вод.
Шесть десятков пустив в расход
За короткий один поход,
Всех ворон пригласив на пир,
Алмамбет и Чубак в Кайыр
Поскакали; коней *занги*
Было бросить им не с руки.
Так оставим пока их. Сказ
В Белкоргон вновь уводит нас:
Как встречались Кёкчё, Манас
Всё узнаем мы без прикрас.

Айдаркана герой Кёкчё
Был подставить готов плечо
Другу детства в сей трудный час.
Оценил его шаг Манас.
Он был болен, встревожен, зол.
Знать, куда Алмамбет ушёл
Он хотел бы, но этикет
Соблюдал, ведь дороже нет
Дружбы, искренних чувств, чей свет
Не угас за десятки лет.
Ночь пришла, но Чубак, Алма
Не вернулись. Сойти с ума!
Он Сыргаку кивнул, и тот
Тут же начал вершить обход.
Раздавался со всех сторон
Барабанов далёкий гром,
Беспорядочный шум и лязг;
Тут не надо уж зорких глаз:
Круг смыкают *калмаки*; ночь
Тьмой сумеет врагу помочь.
Ох, прольётся кыргызов кровь!
Лев, прослушав доклад, лишь бровь
Приподнял и велел: «Коня!
Аккулу седлать для меня!
Где *олпок* мой? От раны смерть
Не сейчас, я смогу успеть
До Бейджина прогнать всю рать,
Что отважилась нас пугать».
Но Кёкчё говорит ему:
«Я так думаю: по уму
Поменяться местами нам,
Я сему разъясненье дам:
Лев Манас и меня назвал
Львом Кёкчё, только львом я стал,
Защищая свой край, народ,
В каждой битве идя вперёд.
Вы всегда помогали мне,
Оттого и я на коне!
Только в прошлом сраженье я
Не участвовал: мор, семья…
Но не будем искать причин.
Так не водится у мужчин.
Должен я в этот раз почин
Сделать в битве, как *бааркын*[1094]».
Так сказав, богатырь свой вид
Изменил: боевой прикид
Что надел он без спешки, вмиг

[1094] Бааркын – охотничий беркут (после шестой линьки).

Изменил силуэт и лик:
Синим тигром на Кокале
Он смотрелся; и по земле
Он как беркут и впрямь летел:
Под копытами камень пел.

А навстречу ему – Шакур,
Хан Ботала; его Конур
Из Ботала призвал сюда.
Зверь он был, человек-беда.
Был силач он, его наряд
Выдавал в нём, какой он хват:
Ватный пояс и сапоги,
И кинжалы под две руки, –
Словно к бою всегда готов.
Хан Кечила Конур от слов
В его адрес хмелел и ждал:
Ну, скорей бы пришёл *амбал*.
Тот пришёл, словно холм велик.
Эсенхану служить привык
Он шакалом, а Конурбай
Тигром слыл меж шакальих стай.
Все наказы Конура он
Лично выполнил: шли вдогон,
Закрывая любой вопрос,
Восемь тысяч отборных войск.
Вот Кёкчё повстречался с кем
В темноте, в чуть живом леске.
Но пять тысяч его солдат
Были все молодцы подряд,
Что решило боёв исход:
Отстоял свою честь народ,
Что казахским зовётся, так –
Трети две потерял *калмак*.
На рассвете свинья Шакур
Потрясён был: лишь лёгкий тур
Обещал ему хан Конур.
Неужели не знал *авгур*
Как умел его враг, силён!
Да, подставил Шакура он.
Шлем железный надев в тоске
С бриллиантом на шишаке,
Чёрной злобой кипя, как чёрт,
Он навстречу пошёл Кёкчё.
На Кёкчё *тебетей* с *кобо*[1095],
Тёмно-синий *чапан* – его
Тоже мехом подбил портной, –
И копьё, что готово в бой.
Возвышаясь на Кокале
Он, подобный большой скале,
Ждал, не двигаясь, силача,
Что наслал на него *калча*.
Бросил грузный Шакур копьё –
Метил в пах он, и лишь чутьё
Помогло увильнуть Кёкчё,
Бросив вправо и вниз плечо.
По инерции враг вперёд
Проскочил, и ответный ход
Сделал, сев попрямей, казах:
Он с посылом таким замах
Сделал синим копьём своим,
Что огонь просверкнул и дым;
Почку правую он врага
Проколол – как твердит рука,
Мол, попал он наверняка.
Но – иль рана была легка,
Или почка была крепка, –
Иноверец вздохнул слегка
И опять пришпорил конька.
Развернувшись, Кёкчё теперь
Напружинившись словно зверь,
В почку левую вбил копьё
Так, что чуть не сломал цевьё!
Раз шестнадцать он кряду бил,
Прилагая немало сил
Чтоб суметь увернуться: пах
Пуще глаза берёг казах.
А *калмак*, всё сильнее злясь,
Превращая и камни в грязь,
Бил и бил… Но в какой-то миг
Вдруг он к гриве коня приник
И пустился бежать. Но нет!
Лишь увидел Кёкчё просвет
В этой битве двух равных сил,
Свою мощь удесятерил:
Окровавленного врага,

[1095] Кобо – көбөө – подшивка по краям полы и подола или по полям головного убора (обычно – полоска чёрного бархата или плиса, реже – меховая оторочка).

Что пуститься хотел в бега,
Ухватил он за полы так,
Чтоб не смог ускакать *калмак*;
Но и тот, ухватил Кёкчё
Как сумел – в две руки причём!
Стали биться к плечу плечо,
Вслух бранясь, да столь горячо,
Что краснели вершины гор
Слыша их непотребный ор.
Долго бились, скача, крича.
Назревала опять ничья.
Так бараны-самцы порой
Бьются до смерти день-деньской.
И горел уж огонь в глазах,
И рычал словно тигр казах,
И *калмак* подвывал, шакал,
Демонстрируя свой оскал;
Кулаками месили, вдруг
Снова копья сплетались – рук
Не хватало ударит влёт,
И дубины, и зубы в ход
Шли, – на юге так точно мнёт
Виноград на вино народ.
Клочья кожи, пучки волос,
Кровь – летели и вкривь, и вкось:
Раздирали друг другу рты,
Рвали уши, и лоскуты
Их одежд разлетались так,
Словно сеял тряпьё чудак.
В этот самый момент в горах,
Где чуть-чуть побеждал казах,
Появился *калча* Конур.
Он увидел: ослаб Шакур,
И народу Ботала он
Приказал, чтоб со всех сторон
На Кёкчё налетели: в сеть
Запечатать его суметь.
Скопом бросились на Кёкчё,
Сеть набросили, с *корпочо*[1096]
Вместе сдёрнули вмиг с седла,
Скопом стали душить… Со зла
Попытались казахи в бой
Все вступить, но уже гурьбой
Потащили Кёкчё в обрыв:
Мол, посмейте лишь…Как нарыв
Сердце дёргалось у Кёкчё:
«Как же, глупый я, не учёл,
Что за битвой Конур следил!
Даже если б я победил,
Он не дал бы и мне уйти,
Растерзал бы на полпути.
Да, *калмаки* теперь живот
Вспорят, печень же сам сожрёт
Этот подлый *калча*-урод!
Будь что будет. Народ поймёт».
В сеть Кёкчё замотав, верхом
На его же коне гнедом
Повели его к войску, в дол,
Там палач им займётся, мол.
Хан, Жакыпа сынок, Сыргак,
Вполовину каракалпак,
Возвращался с дозора в стан.
Всё бесчинство увидел хан
И помчался его пресечь,
И Конура нагнал, но меч
Оглушил лишь исчадье зла,
Смерть, слегка опалив, ушла,
Повалив его мордой вниз;
Притворился, что умер, лис.
Дух казахов поднял Сыргак:
От бесчётнейших волн атак
Конурбая войска ушли,
Половину сложив в пыли.
Сеть с Кёкчё снял Сыргак, и тот
Словно беркут рванул в полёт:
Он Шакура увидел: хан,
Наизнанку надев чапан,
Словно старец согнув свой стан,
Убегал; хитроумный план
Был разгадан в момент. Казах,
Пережив своей смерти страх,
Стал сильней, чем шатун-*аюу*[1097]:
Он, ударив, свалил свинью
И мечом своим синим – вжик! –
Разрубил сухожилье вмиг:
Покатилась башка льстеца,

[1096] Көрпөчө – узкое одеяльце на седло (вместо подушки).
[1097] Аюу – медведь.

Прихлебателя, подлеца –
Не в бою, а в побеге сдох!
А Кёкчё, как возмездья бог,
Скачет прямо во тьму врагов,
Всех под корень сгубить готов,
Рубит, колет: топор и меч
Так и пляшут… Вот это сечь!
Словно сокол среди ворон,
Кровью льющейся опьянён,
Гонит, гонит врагов вперед
Те, кто с саблей, идут в расход,
Валит оземь он всех с копьём,
Колошматит, кто шёл с дубьём:
Вот расплата за сеть и ложь,
Что посеешь – лишь то пожнёшь.

Без Шакура всё войско в ночь
Разбрелось: кто домой, кто прочь,
Кто-то сбился с пути – невмочь
И себе самому помочь.
Восемь тысяч голов, увы,
Оказавшись без головы
Превратились из войска в сброд:
Цель и смысл потерял народ.
И «оживший» Конур, тайком
Укатившийся колобком,
Тоже мчался с горы бегом:
Где-то в рост, ну а где ползком.
Даже дня не прошло. Закат
Не увидело столь солдат!
И *калмак*, и *казах* лежат
Вперемежку – как травы жатв.
Так народ Боталы исчез.
И Кёкчё, пусть немалый вес
Своей храбростью приобрёл,
Но лишился войска орёл.

На рассвете Кёкчё-батыр
Оглядел исподлобья мир,
Съел в раздумьях *казан* еды
И отправился в Кайырды.
Когда он меж высоких скал
На своём Кокале скакал,
Конурбай, что был зол с утра,
Мурадил, *калча* Нескара
Засекли в *дюрбун* храбреца.
Вот оно: начало конца.
Мурадил, Нескара, Конур
Из своих толстокожих шкур
Словно жаждали выйти вон:
Шыпшайдара со всех сторон
Все выглядывали – мол, где? –
Опоздал он помочь в беде.
Конурбай говорит: «Гляди!
Не Кёкчё ли там впереди?
Из засады бы нам напасть,
Сам он едет к нам прямо в пасть.
В плен захватим его, бока
Пообтешим ему слегка,
Пока будет он пленник наш,
Нам сама судьба – *карындаш*[1098]!
Нам опасен союз весьма:
Хан Сыргак, *алп* Чубак, Алма;
Коль Кёкчё в их союз войдёт,
То не ждать от судьбы доброт.
Для Манаса-*алаша* нет
Ближе первых троих; секрет –
Чем прельстил его Алмамбет?
Ведь о братьях вопроса нет.
И боюсь я: Кёкчё как раз
Близок с детства *алашу*, спас
Алмамбета он в свой черёд:
Не отсюда ль ответ идёт?
Пусть не сломим Кёкчё-бойца –
Он в бою стоит до конца, –
Он исполнит нам роль живца,
Зверя выгонит на ловца.
Пусть попляшет *бурут* в сетях
За Кёкчё – на его костях!»
Всем подельникам план такой
Был по нраву, и не гурьбой
Караулить они взялись,
А по тропке так разошлись,
Чтоб Кёкчё как в загон замкнуть.
Тот беспечно вершил свой путь:
По подсохшей с утра земле
Гарцевал он на Кокале,
То гордился собою, льстя

[1098] Карындаш – младшая сестра; племянница (если она моложе дяди).

Сам себе, над собой шутя,
То печалился как дитя,
О погибших в бою грустя.
Начинались уже места,
Что на карте белей листа
У разведки была всегда:
Не ступала здесь их пята.
Сзади крался вслед Мурадил;
Сбоку шёл Конурбай, следил,
Как навстречу прёт Нескара,
Чтоб сказать ему в срок: «Пора!»
Но пришпорил Кёкчё коня,
Как нарочно их всех дразня:
Грязь фонтаном из-под копыт
Во все стороны как взлетит! –
Мурадил отстал, веера
Чернозёма и Нескара
Принял – вот уж, как в грязь лицом!
Но Конур не сник: подлецом
Быть – валяться в грязи свиньёй,
Он к планиде привык такой.
С неизменным криком «*Монду*!»
Из кустов рванув, на ходу
Меч достав и копьё, *калмак*
На Кёкчё наскочил – ну как
С подворотни дворовый пёс
Может выскочить на обоз.
Так Кёкчё оценил наскок
И, коня придержав, он смог
У Конура копьё из рук
Выбить быстро без всяких мук.
С Алгары тот упал, и крик
Был воистину так велик,
Что дробил даже камни он,
Множась эхом со всех сторон.
Хан Манжу Нескара на зов
Прискакал на гнедом – готов
Смерть Конура признать уже,
С облегченьем вздохнув в душе.
Но *калча* был живых живей,
Он копьё отыскал в траве
Под колючей сухой арчой
И покрадывался к Кёкчё,
Что отвлёкся на Нескару.
Поспешил *манжу* не к добру:
Так ударил его казах,
Что померк даже свет в глазах,
Он свалился с гнедого, страх
Душу хана душил впотьмах.
Подоспел Мурадил, копьём
Он ударил Кёкчё, – вдвоём,
Думал, вместе с *манжу* они
Сосчитают казаха дни, –
Перетрусил: *манжу* как труп,
Только слюни стекают с губ.
Но сильна мощь копья была!
Соскользнул вдруг Кёкчё с седла.
Ноги выпали из стремян,
Без опоры стал великан
Вмиг беспомощен и бескрыл.
Тут Конур подоспел: всадил
Он копьё, и что было сил
В позвоночнике прокрутил.
Тут опомнился Мурадил:
«Он ведь нужен был нам живым!
К Эсенхану его свезём:
Он ведь нам говорил о том,
Что казах этот спас врага –
Алмамбета, – и дорога́
Его шкура, чтоб злее мстить!», –
Попытался Кёкчё скрутить,
Да связать – чтоб наверняка
Не могли упустить врага.
Пострадали его бока,
Улетела в откос рука –
Отрубил её вмиг казах,
Лишь коснулась его; ведь страх
Покидает того, кто смерть
Слишком близко сумел узреть.
Опираясь на свой топор
Возвышался Кёкчё меж гор –
Сам такой: человек-гора, –
Зная, в вечность ему пора.
Алгара и Конур на нём
Прокрутились вокруг ужом,
Исхитрился петлёй Конур
Захлестнуть великана. Шнур
Заскользил, спеленав Кёкчё
Как младенца. Но на плечо
Возвышающейся горы

Всадник выскочил вдруг: добры
Были духи к Кёкчё весьма:
На вершине стоял Алма!
Не дремали и духи зла,
Ведь у вечности два крыла.
У Алмы помутился ум:
Издалёка узнав костюм,
Что надел поутру казах,
Испытал он и гнев, и страх:
На расправу Кёкчё вели:
Был он связан, в крови, в пыли,
Рядом – трое… Спускаясь вниз
Алмамбет торопился – свист
Раздавался в ушах, а он
Так тревогой был опалён,
Что, не слыша себя, он рык
Вдруг издал, привлекая встык
Эхо, осыпи грохот, вой
Щебня мелкого под собой.
Нет прокрасться бы молча вниз
И отбить свояка! Каприз
Человечьей природы в том:
Не всегда мы в себе живём.
Алмамбета услышав крик,
Побледнел Конурбай и вмиг
Окровавил свой острый меч:
Голова покатилась с плеч
У Кёкчё, а Конур скорей,
С ним и двое его «друзей»
Подвывая, помчались прочь,
Так спеша, что темней чем ночь
Показался им день, и путь
Их упёрся в тупик: свернуть
Надо было меж скал, – увы,
Не хватило им головы.
Впрочем, ночью нашлись они:
Подсказали им путь огни.

Когда вниз прискакал Алма,
Тёплым был ещё труп: дома
И покинутые живут
Хоть бы несколько лет-минут,
Погружая во мрак углы.
Грузно спешившись с Саралы,
Зарыдал Алмамбет, припал
Он к тому, кто его признал
Равным, другом, хоть был он гол
Да из стана врага пришёл.
«Друг мой, клятвой был связан я
Ведь с тобою, твоя семья
Была также моей семьёй,
Неразлучен я был с тобой.
Пусть испортила дружбу ложь,
Ты простил меня, друг мой, что ж
Я жалею, что этих слов
Не был я в этот миг готов
Тоже вымолвить… И не спас.
Не успел я на этот раз!»
На коленях стоял Алма.
Поражён был Чубак весьма
Этим горем, что друга вдруг
Подкосило, как злой недуг.
Сам Чубак прискакать посмел,
Хоть Алма ему ждать велел,
Оттого, что и Сарала,
И Кёкчёевский Кокала
Вдруг пустые примчались в дол,
Где свою он разведку вёл.
И Чубак зарыдал: увы,
Видеть тело без головы,
Что недавно как добрый друг
Шло с улыбкой, с пожатьем рук, –
Это выше всех сил людских!
Даже ветер, и тот, затих,
Привлекая затишьем мглу.
Труп навьючив на Кокалу,
В стан кыргызов пошли вдвоём,
Пусть и временный – всё же дом.
Встречь им выбежал весь народ:
С горьким плачем Алма идёт,
Причитая, как неживой:
«Ты за мной пришёл, дорогой.
Умер тоже и я с тобой.
Всем грядёт наш последний бой.
Не послушал меня Манас,
Оттого я друзей не спас:
Перевал этот – западня,
Жить осталось не больше дня.
Умираю, себя кляня.
Не послушался лев меня!

Музбурчак – наш седой мудрец
Здесь, поверьте, найдёт конец,
Из *чоро* же все: Ажыбай,
Алыбай, Кулдур, Кутунай –
Все умрут; и Чубак, Сыргак,
Все, кого возлюбил я так
Безоглядно и горячо,
Все умрут, как мой друг Кёкчё!
Сивогривый и *абаке*,
В безрассудном уже броске
Путь короткий найдут домой
И звериной уйдут тропой.
Но усилится раны боль,
И не перехитрят юдоль!
Лишь в Таласе прервав поход,
Добродушный Манас умрёт.
Всем он верил: друзьям, врагам,
И за то поплатился сам.
Ну а я провожу Кёкчё,
Не подставил своё плечо
Я живому, с обоих плеч
Провожу его в землю лечь;
Нет! Пожалуй пусть Акеркеч
Будет вечный тот сон беречь
На своей, на родной земле.
Алымбай отвезёт во мгле
Бренный прах его в их кишлак.
Знаю, будет отныне так:
Буду вечно скорбеть, что я
Верных слов не сказал, тая
Глубоко их в своей душе.
Так пребудет всегда уже».
Причитая, Алма *карын*[1099]
Из брюшины взяв, из глубин,
Вымыл чисто, залил *катыр*[1100],
Внутрь заправил без швов, без дыр,
В изголовье позвал он льва
И Бакая; они едва
Помолились, – обмыли, в ткань
Завернули всё тело: дань
Всем обычаям так отдав,
Чтобы пах лишь настоем трав,
На носилках лежащий прах,
Прочитали намаз в горах
И отправили храбреца
К Акеркеч его, в дом отца.
Провожая Кёкчё, Алма
Вновь рыдал, как лишась ума,
Так распухли от слёз глаза,
Что его и узнать нельзя,
Только рыжая борода
Развевалась и как всегда
Его верный конь Сарала
Рядом с ним стоял без седла.

Все, кто видел Алму, то слёз
Не могли удержать всерьёз;
Все, кто слышал его слова,
Кто не слышал – тому молва
Как положено донесла,
Понимали все: не со зла
Алмамбет говорил про смерть.
Даже лев, и тот, посмотреть
Не хотел бы костлявой в лик,
А услышать её язык –
Пусть из дружеских даже уст, –
Испытанье для всяких чувств.
Алмамбет продолжать вещать,
Новой вестью людей пугать:
«О, мой раненый лев Манас!
Ожидает с рассветом нас
Очень страшный свирепый бой:
Много жизней возьмёт с собой
То сраженье; и стар, и млад
Будут биться часы подряд,
Будет литься рекою кровь,
Мир весь надвое расколов!»
А тем временем странный шум
Вдруг раздался, и каждый ум
Тут же с речью Алмы связал
То, что слышал, и что узнал:
Слишком явной казалась связь.
Барабанная дробь лилась,
Бой ружейный и посвист стрел,
И паденье тяжёлых тел, –
Звуки были вблизи совсем,

[1099] Карын – желудок.
[1100] Катыр – катырма кара дары: южн. название лекарства.

Так казалось от страха всем.
В небе уголья вдруг зажглись
С дом размером, пятная высь;
Закачались холмы, бугры,
Зазвучали и топоры,
Копья, сабли, ножи, мечи;
Слабаки, не сдержав мочи,
Побежали седлать коней.
Алмамбет закричал сильней:
«Эй! Слезайте с коней скорей!
Все поешьте, да посытней.
За пятнадцать дарёных дней,
Что Конур получил, – умней
Оказался он, чёрт возьми! –
И, как водится меж людьми,
Подготовил подлянку в дар:
Из Изгена прёт Шыпшайдар –
Приглашённый Конуром гад:
Он охотник, колдун и кат;
Всё, что слышится вам вокруг –
Дело подлых умелых рук,
Колдовство, хвастовство, мираж,
Шыпшайдара простая блажь.
А вот утром седлать коней
Первым я прикажу; сильней
Затяните подпруги, меч
Остр пусть будет: бесславно лечь
Не должны мы, коварен враг,
Будьте стойки в пылу атак!
Наточите копьё, топор,
Потник мягче накиньте – спор
Между конской спиной с седлом
Как бы не был осилен злом.
Посмотрите, как Саралу
Я седлаю: ни щели злу
Не оставлю я, пусть мой зверь
В смерть, сражаясь, не ищет дверь.
Впрочем, я не пойду на бой,
План совсем у меня другой:
Должен я говорить с Творцом
Чтобы стал этот бой концом
Не для нас: пусть свинья Жойгар
Проверяет свой подлый дар
На Конуре да иже с ним.
Без огня не родится дым.
Удостоит ли бог меня
Зло убить? Вот и суть огня.
Коль в народе не сыщет он
Вдруг меня, то пойдёт вдогон;
Коль останусь среди своих,
Будет бой хаотично лих,
Все погибнут: *чоро*, Кыргыл,
Стан кыргызский пойдёт в распыл:
Брат Манас, *кабылан* Чубак,
Ажыбай и храбрец Сыргак,
Алп Бакай наш и Музбурчак…
Всех люблю я, не знаю, как!
Вместе прожито столь всего –
И хорошего, и того,
Что в народе зовут «беда»!
Нас призвала судьба сюда,
Чтобы вызнать: как много сил
У того, кто судьбу просил
Сделать мир справедливым весь,
Где ни рабство, ни ложь, ни лесть
Не довлеют над жизнью всей.
Что пожал – то и нынче сей.
Шыпшайдара призвал *калча*:
Разозлила врагов ничья,
На недолгий признали срок.
Смерть пришла ли – то знает бог.
Пока в ад не открылась дверь,
Пообщаться бы нам теперь.
Вам я тайну хочу сказать:
Невозможно мне вас терять,
Ваши лица светлее дня
Полонили навек меня;
Ваши пламенные глаза
Никогда позабыть нельзя;
Ваши речи – как сладкий мёд,
Удивительный вы народ:
С детских лет вы богатыри,
Ваш девиз: чем бежать – умри!
Вы на тысячу шли вдвоём,
Защищая свой край, свой дом.
Лев Манас – великан душой,
Начиная поход большой
Он и сорок отважных львят
Как на подвиг, как на парад,
Шли не дрогнув… Пусть десять дней,

Что в сраженье пройдут, щедрей
Эту дерзость проявят в вас,
В бой ведёт вас ведь сам Манас!
Из *Кангая* пришедший я
Знать не знал, что моя семья –
Это вы, и мой главный долг
Помогать вам, чтоб даже бог
С нами шёл сквозь бои и смог,
Мёрз в метелях земных дорог,
Чтоб грядущие десять дней
С нами был он ещё верней.
В эти дни не ходи, Ырчы
В битву, и не точи мечи,
Заточи ты перо для вед,
Пусть насколько есть в мире лет
Дух Манаса всем дарит свет:
С Калмамая начни, поэт!
Про Манаса узнай у тех,
Кто с ним первый делил успех,
Кто впервые седлал коня;
Ну, а дальше – спроси меня.
Коль погибну – моя жена
Даст бумаги, где я сполна
Всё записывал, что я смог
О Манасе узнать, сынок!
Сочиняй – когда ешь и спишь,
Но не лги ни на каплю лишь!», –
Так сказал Алмамбет и встал,
Не улыбка, увы, оскал
На лице его чуть блеснул;
Стал Алма как старик сутул.

Руку дал он Бакаю, с ним
Вышел в стылый вечерний дым
И к Манасу пошёл в шатёр:
«Я сказать хочу с давних пор,
Мой Манас, мой молочный брат,
Как я нашему братству рад!
Пусть не выношены в одной
Мы утробе, ты мне – родной,
Хоть и разные, пусть, отцы,
Мы с тобою как близнецы,
Ведь одна нас вскормила грудь
И один уготован путь.
На два года ты старше, но
Судьбы наши сплелись в одно,
Милый лев мой!..», – всплакнул Алма,
Лев, расчувствовавшись весьма,
Молча обнял его, они
Как в былые шальные дни,
Когда в путь их звала заря,
Братский свой поцелуй даря
Оба замерли; и Чубак
С поцелуем их обнял так,
Что, слегка взревновав, Сыргак
Сделал вид – мол, такой простак,
И «невинно» спросил: «Алма,
Не сошёл ли ты, хан, с ума?
Куда мужество ты девал?
Нынче слёз у тебя обвал,
Ходят слухи ещё: аврал
Смерти близкой ты объявлял,
Напугал всех кыргызов так,
Что заплакал уже Чубак!
Ты решил нас лишить сердец?
Дай обняться же, наконец!», –
И, обьятья раскрыв, Сыргак
Всех троих он объял, да так,
Что и рёбра, и позвонки
Захрустели из-под руки.
Так, прижавшись, все вчетвером
Молча замерли. Все, кто в дом
Заходили, молчком, тишком
Покидали бесшумно дом,
А Серек, Кыргыл, Ажыбай,
Бозуул, Мажик, Кутунай,
Алакен, Тёлёк, Алыбай, –
Все, кто шёл попрощаться, – пай
Свой вносили в такой настрой –
Комом в горле, слезой мужской.
Ясновидящий Алакен
И Тёлёк, что звался *чечен*,
Объявили, что Алмамбет
Видит всё, что подарит свет
В близком будущем, потому:
«…Надо слушать, друзья, Алму!
Всем пора нам коней седлать:
Как песок, стал бессчётным тать,
Но его мы обложим всё ж –
Ведь слабее, чем правда, ложь.

Вы, Кадыр и Тумон, вперёд!
На разведку вас путь зовёт».

Алмамбет подсобил *чоро*,
Разместить по местам, «добро»
Им сказав, сам ушёл туда,
Где сияла его звезда:
В стороне от больших дорог
Стал он слушать, что скажет бог.
Там оставим его. Как раз
Занялся́ уж рассвет. Для нас
Поважнее всего сейчас,
Как гласит этот вечный Сказ,
Предстоящая битва: в ней
Гибнет много богатырей.

ГИБЕЛЬ БОГАТЫРЕЙ

Э… э… э… эй!
Барабанный немолчный бой,
Тысяч глоток невнятный вой –
Тучей пыль поднимая ввысь,
Все китайцы сюда сошлись,
Их знамёна как паруса
Режут шёлком цветным глаза,
А под ними народ, народ, –
Словно оползень вверх течёт!
Было много китайцев так,
Что как будто напал столбняк
На кыргызский притихший стан:
Безысходность – она дурман.
Нескара, *Калмаков* Уушан,
Подгоняя солдат-крестьян,
Закричали им: «Эй, вперёд!
Не глазейте на тот народ,
Бейте, режьте да лейте кровь,
В сто раз меньше их здесь, готовь
Для трофеев мешки, лари.
Ну, смелее, чёрт побери!»
Тут Жолоя Кедена люд,
Что всегда на грабёж был лют,
Так и ринулись на врага,
А за ними – *Манжу, Кангай*,
И, конечно, *Кара-кытай*.
Из кыргызов лишь хан Бакай
Бдил Манаса; шатёр-Сарай
В отдаленье стоял весьма;
А за ним поджидал Алма
Шыпшайдара; ещё Ырчи
В бой не вышел: он был *сынчы*[1101]
Не в оружии, не в конях,
А в питающих ум словах;
Он остался слагать наш Сказ,
Что сегодня дошёл до нас.
Остальной же народ *Алаш*
Все сражались: не *баш* на *баш*,
А с количеством войск, стократ
Превышающих наших львят.
Всё смешалось в одном котле:
Кровь струилась по всей земле,
Копья, сабли, ножи, мечи,
Топоры и дубьё – «Мечи!
Бей! Руби! Добивай! Топчи!», –
Так, начавшись с утра, в ночи
Люд галдел, как весной грачи;
Но взошедшей луны лучи

[1101] Сынчы – знаток боевых качеств людей, оружия и знаток скаковых лошадей.

Осветившие всё вокруг,
Показали не вешний луг,
А изрубленных трупов тьму;
Ну, а вдруг повезло кому
Встать – тот вовсе без глаз, без рук,
Тот ползёт и без ног, на луг
Выползают его кишки;
Как раздавленные жуки
Под копытами лошадей
Сотни, тысячи мрут людей!

Когда схлынул вечерний жар,
Заявился сам Шыпшайдар:
Пробираясь меж мёртвых тел,
Незаметно, как он хотел,
Между мёртвых и средь живых
Он искал Алмамбета: их
Как-то в детстве судьба свела,
Выбор дав: иль добра, иль зла.
Вот теперь и земля мала
Для двоих колдунов была.
«Коль найдёт он меня – увы:
Не лишиться мне б мне головы», –
Думал так Шыпшайдар, сопя.
Больше всех он ценил себя,
Остальные все были – фон,
Где царил безраздельно он.
Озабоченно думал маг:
«Видеть всё, что грядёт, мастак
Алмамбет; нашу встречу он
Просчитал уж со всех сторон.
Впрочем, всё же не зря я шёл:
Сорок воинов-львят нашёл
Я уже; их убить – заказ,
Без защиты чтоб был Манас!
Долг мой – кровь их пролить сейчас,
Алмамбет их, считай, не спас!»
Эти мысли тотчас в дела
Претворил Шыпшайдар: стрела,
Что пустил он, одна смогла
Пятерых поразить: тела
Нанизались, как на шампур.
Самых лучших сразил *авгур*:
Алыбай, Ажыбай, Кулдур,
Алымбай и Жайсан… Понур
Был любимый конь Ажыке –
Карткурён: сам Ажы в руке
Ещё повод держал, но сам,
Так сказать, отбыл к небесам.
Карткурёна враги петлёй
Заарканили – и: «Ой-бой, –
Раскричались, – каков конёк
На нём сам Эсенхан бы мог
Гарцевать; надо в белый шёлк
Нарядить его хоть на срок…»
Повели к Уушан коня,
Дав Кыйтуру вести, дразня
Остальных всех *калмаков:* что ж,
Был Кыйтур больше всех похож
На батыра: большой, как слон,
На коня взгромоздился он,
Весь раздувшись от счастья, – *тон*[1102]
Затрещал вдруг со всех сторон.

В это время храбрец Сыргак
Вдруг примчался, увидел, как
Карткурёна взнуздал *калмак*,
Понял сразу, что здесь не так:
«Неужели Алмы слова
Вдруг сбываются? Но едва
Я сейчас отступлю, *калмак*
Так поймёт: испугался враг!»
Телкызыла пустив в галоп,
Он с размаху ударил в лоб
Шумной группе, что скат кляня
К Эсенхану вели коня.
Кровь фонтаном лилась; Сыргак
Бил без продыху, лихо так,
Что в мгновения дрогнул враг,
Слаб на стойкость простой *калмак*:
Разбежались – куда кто смог,
Кто-то в землю навеки лёг.
А Сыргак – как буран, циклон
Бил, казалось, со всех сторон,
До Кыйтура добрался он!
Телкызыла шаг Карткурён
Вмиг узнал, задрожал, заржал,
Закусил удила и встал

[1102] Тон – овчинный тулуп; шуба, сшитая из шкур.

На дыбы, и *калмаков* двух
Опрокинул и выбил дух.
Потрясён был Сыргак, что зверь
Тоже чувствует боль потерь, –
Весь в слезах, – хоть проси: мол, верь,
За Ажы отомщу теперь!
Он Кыйтура-амбала в грудь
Так ударил, что вышли в путь
Печень, лёгкие, сердце – марш
Совершил тот кровавый фарш;
Полетела оземь башка,
Тормозя на кустах слегка.
А Сыргак же, забрав коня,
Поскакал к Ажыбаю, мня,
Что возможно его спасти.
Карткурён вдруг на полпути
Встал как вкопанный над Ажы,
Что лежал, как лежат мужи,
Те, что насмерть стоят в бою,
Не заметив и смерть свою.
Скорбь глотая, храбрец Сыргак
Поднял тело на лошадь так,
Чтоб поменьше его трясти,
Чтоб не выпало по пути:
Всё же тело ведь – храм души;
И спелёнутый «храм» Ажы
Конь повёз домой – в Атбаши.
В Чечдобо пришел чуть живой.
Развязал поклажу Кошой,
Атбашинцев, кто есть, созвал,
Чтоб вершить, скорбя, ритуал.

А Сыргак ускакал назад.
Телкызыл, словно чуткий брат,
Просто птицей летел: Манас
Должен был уходить в Талас.
Чтоб расчистить пути, Сыргак
На *кангайцев* бросался так,
Как траву косил в сенокос:
Трупы падали под откос,
Громоздясь в буераках, рвах,
Прибавляя вершин в горах;
Окровавленный меч летал,
От смертей как разбух металл,
И копья наконечник ал
Был, как будто бы кровь лакал.
Музбурчак, как лихой юнец,
Хоть давно уже дед, отец,
С белогривым гнедым конём
В гуще боя сверкал вьюном,
Развевались усы, седы,
Но врагов он ложил в ряды,
Тоже жатву ведя свою,
Не сдаваясь судьбе в бою.
Мурадил, поспешивший встречь,
Не успел даже вскинуть меч,
Музбурчак ему в бок всадил
Остриё копья; Мурадил
Словно камень слетел с коня.
Музбурчак, ревматизм кляня,
Наклонился срубить башку,
Но Уушан-*калмак* на бегу
Со спины на него напал,
Так ударил, что тот упал.
Окружили *калмаки* их.
Оглушённый, старик затих.
Его били со злостью так,
Превратили в сплошной синяк,
Заклеймили, но Музбурчак
И ожог, и клеймо как знак
Своей доблести на щеках
Нёс, не выдав ни боль, ни страх.
Он держался ещё, мужик,
В миг, когда Серéк и Мажик,
И Кыргыл ворвались на луг,
И увидели старцев вдруг.
Закричал тут Кыргыл: «Манас!»
Слёз не пряча, текущих с глаз,
Азборчука-коня погнал
На огромный *калмаков* вал.
Поспешил он: ведь мощь атак
Подрассчитана так на так,
Но управиться не готов
Одиночка с толпой врагов.
Тут навстречу ему Батак –
Злой и сильный амбал-*калмак,* –
Поспешил, как и он, верхом,
И ударил его копьём
Так, чтоб всё-таки взять живьём;
Опрокинув с Азборчука,

Оглушив булавой слегка
С тем, чтоб тоже толпе отдать,
Лишь бы было кого терзать.
Избивали теперь двоих,
Сапогами стремясь под дых
Так попасть, чтобы рёбер хруст
Разгонял бы и злость, и грусть.
Тут Серек закричал: «Мажик!
Не боишься ты смерти в лик
Заглянуть, чтоб спасти других,
Ты за всех отвечать привык;
Помоги же спасти дедов!
Я идти напролом готов,
Но боюсь не успеть – ну, как
Горло взрежет им злой *калмак*,
Как случилось с Кёкчё?! Язык
У тебя так остёр, Мажик,
Отвлеки… Музбурчак, Кыргыл –
Как отец тебе каждый был,
Им коней поищи, пока
Я прикончу здесь Ботака́:
Самый толстый *калмак*, и он
Стариков словно подлый слон,
Опрокинув, забрал в полон.
Ох, поставлено всё на кон!»
Он пришпорил коня и вмиг,
Как всегда всё решать привык
Поскакал на *калмаков*: лик
У него был нахмурен так,
Что смешался на миг Ботак,
И двоих он позвал с собой
На грозящий расправой бой,
Одному дав Акборчука.
И решал это он пока,
Чуть не сбил Серек Ботака,
Метко бросив копьё; рука
И крепка была, и метка,
Подвела броня шишака:
Экипирован был *калмак*
Словно хан, но его шишак
Отлетел вдруг с башкой как был:
Это храбрый Мажик срубил
Как козлёнку башку ему.
Всё по чести, и по уму.
А Серек поскакал в толпу
Катов, мучавших и *абу*,
И наставника всех *чоро*.
Словно с кровью густой ведро
Голова была у *абы*,
У обоих разбиты лбы
И заплывшие в щель глаза:
Есть ли, нет – разглядеть нельзя.
А Серек завершать привык
Все дела; и Кууказык –
Его лошадь, – врагов топча,
Что страшней, чем удар меча,
Продолжали бороться так,
Что от страха дрожал *калмак*:
Как в загоне баранов волк
Бился храбрый Серек, и толк
В этой битве был налицо:
Он почти что отбил отцов –
Музбурчака, Кыргыла; им
Были кони нужны двоим.

Это понял, взглянув, Мажик,
Поскакал он верхами вмиг
На луга, где, он знал, *калмак*
Выпасает коней косяк.
Музбурчака конь Акжала
Первым встретил его: была,
Видно, дружба с его конём –
Тоотору; Мажик на нём
Прямо в гущу влетел врагов,
Он немного был не готов,
Что их – тысяча, а не сто.
Но вошёл он в азарт зато:
Резал, бил и кромсал их так,
Что не мог разобрать *калмак* –
Человек ли он иль шайтан?
Получил он немало ран,
Продолжая без вскрика бой,
Словно был он самой судьбой:
И копье с бунчуком, и флаг
Были сини, как неба знак.
А Мажик разошёлся так –
По четыре башки подряд
Стал сносить он своим мечом,
Самому же всё нипочём!
Врассыпную пустились прочь

Все *калмаки*; вот так точь-в-точь
Мчат цыплята, коль ястреб вдруг
Над загоном снижает круг.
Разбегались во всей красе:
Обмочились почти что все,
И глаза позакрыли: ад
Им мерещился всем подряд.
Не помчался Мажик вдогон:
Акжалу с Акборчуком он
Отделил от других скорей
И погнал выручать друзей.
Музбурчак и Кыргыл смогли
Вдаль отъехать, чтоб там, вдали
Отдышаться, прийти в себя:
В этот раз их спасла судьба.

А Серек и Мажик в азарт
Как вошли – леопард, гепард,
С этой пары сравнимы, – в тьму
Войск *кангайских* не по уму,
А по храбрости ворвались!
В разум их не вместилась мысль:
Потихоньку, по краю, вслед
Старикам бы уйти… Но нет!
Прямо в гущу вонзились – так
Входит в мягкую плоть тесак,
Разрывая все ткани, прёт:
Так и падал вокруг народ.
Но в Мажика попала вдруг
Пуля-дура; замкнулся круг,
Покачнулся весь мир вокруг,
Меч вдруг выронил лев из рук.
Растерялся Серек – и он
Той же пулею был сражён,
Но морально: со всех сторон,
Лишь заметив – отвлёкся он, –
Стали буром переть враги.
Отвлекаться тут не с руки:
Тысяч пять набежало их,
Дурно пахнущих, громких, злых!
И подумал Серек: «Ну что ж,
Жизнь и смерть – это явь и ложь;
Коль умру – растворюсь в веках,
Всё исчезнет – и боль, и страх.
Эх, увидеть отца бы, мать,
Да Сыргака ещё обнять, –
Можно было бы умирать!»
И рванулся он в бой опять.
Пламя билось в его глазах.
Конь его, пересилив страх
И простой лошадиный такт,
Рвал врагов и топтал их так,
Что шарахался прочь *калмак*,
Задним напрочь сбивая шаг,
Их валя в буераки, рвы.
Норовили вихры травы,
Все в крови, подвернуться так,
Чтобы в пропасть скользил *калмак*.
А Серек, словно мщенья бог,
Разъярённый, что не сберёг
Друга, бил и колол, и влёт
Как поленья рубил народ.
Те, кто в битвах познали толк,
Говорили: «Храбрец не тот,
Кто бросается в гущу драк:
Тот, кто знает, чем дышит враг».
Но *калмаки* впервые вдруг
Увидали: за друга друг
Может войско один разбить.
Кем он может на свете быть?
Кровь течёт в его жилах, нет?
В чём, узнать бы, его секрет?
Впрочем, так как Серек – Сыргак
Поражал их, Алма, Чубак…
Говорили они: сам бог
Им, наверно, с небес помог,
Что пришли они в этот край.
Погрузился в печаль *Кангай*,
Проклиная своих владык:
Все попрятались. Мир велик.
Больше всех же они клянут
Конурбая – явился, плут,
И несчастья пошли: то джут,
То война разразилась тут.
Причитая так, бедный люд
Убегал; но как высший суд
Сын Жакыпа Серек вдогон
Мстил за павших; иначе он
Смог бы дальше, как прежде, жить?
И безвинных толпу губить

Он не стал бы; но так на так
Биться с ним ни один *калмак*
Не решился, и всей толпой
Как могли принимали бой.
На дыбы встал Кууказык:
Он людской понимал язык
И желал одного: разбить
Всех, кто кровь захотел пролить
Догоняя больного льва,
Трон всучив словно дар сперва.
Лошадям не нужны слова,
Им другие даны права:
Понимать всё, что в мире есть,
Видя суть через долг и честь.
Вновь стрелою одной Серек
Двух *калмаков* сразил, разбег
Был немалый у этих стрел,
Да и бил он куда хотел.

С Шыпшайдаром сидел Конур,
Наблюдая, он был понур:
«Эти дети Жакыпа! – как
Они стали такими? Шлак
Разве может родить руду?
Счастью – счастье, беде – беду.
Кем написано на роду
Всем им с неба достать звезду?
Сам Манас, и Серек, Сыргак,
И двоюродный брак Чубак,
И молочный брат Алмамбет –
Столь удачливых видел свет?!
Войско противу четверых
Вышло в бой; получить под дых
Не *бурутам*, а нам пришлось.
Как на них не копить мне злость?
Даже ты, Шыпшайдар, колдун,
Зря старался немало лун,
Чтоб их всех испугать и смять;
Где же, где твоя *исполать*[1103]?!
А в Какан когда эти лбы
Заявились? Оскал судьбы:
Шесть десятков богатырей
Я лишился! В потоке дней
Помню всех я, скорбя душой:
Кедендира большой Жолой,
Борончу, Оронгу, Макил,
Туншаке Бозкертик – душил
Он по трое в одной руке;
Бешкулак, да и Солоке, –
Великаны, любой – ведун;
Айжанжун, да и Кунжанжун, –
Где они? Мир как ад – велик.
А всесильнейший Сорандик,
Породивший врага, раба?
Чем не притча его судьба?!
Несть числа городов и войск,
Жатв, дворцов – как под солнцем воск
Всё растаяло, – слава, труд,
Прикоснулся лишь к ним *бурут*!

Сам Манас, Алмамбет, Чубак,
И Серек, и его Сыргак –
Что за люди они? Почём?
Умер только один Кёкчё,
Остальным же – не горячо
И не холодно от войны.
Это люди? Иль кто они?!
Их четырнадцать ханов шли
Из Бейджина как короли:
Шли, верблюдов забрав и скот,
Злато-серебро – наш оплот,
Что веками сбирал народ,
Так сказать, его кровь и пот.
Шыпшайдар, ты подумай сам:
Как не верить своим глазам,
Слуху? Золото в эти дни
Утекает всё из страны.
Обобрали нас всех, и как!
Беглый раб Алмамбет, Чубак,
Оба брата – Серек, Сыргак, –
Вот наш общий заклятый враг!
Их Манас сам бесстрашен, да,
Но сломила б его беда,
Если б все, кого я назвал
Каждый в битве сегодня пал.
Нет! Все ходят живыми здесь,
Ни о ком не печалит весть
Их Айкола, спокойно спит

[1103] Исполать – (*устареш.*) слава, известность, признание, имя.

Всех скрепляющий в монолит.

Разве зарился я на трон?
Брал красавиц чужих в полон?
Разве я восхвалял судьбу,
Что сажала на трон Урбу?
Я обижен, от всех тая
В чём обида и боль моя;
Мне досадно, мне горько знать,
Как страну предавала знать.
Я порой призываю смерть,
Чтоб грядущего не узреть!
Боль, объемней чем конь, верблюд –
Любим край свой, за что и бьют!
К скольким людям взывал не раз
Я, чтоб в край не вступил Манас!
К мастерам, к Ылама ходил,
И к народу что было сил
Обращался, чтоб помогли
Отомстить за захват земли,
Что издревле моей была
И к моим же рабам ушла!
Но пришлось, увы, самому
Мне таиться в чужом дому,
Ждать, когда мой наступит час.
Я дождался: унёс Манас
Мой топор – в голове, в груди? –
Я не знаю, но впереди
Миг отмщенья: ведь с ядом был,
Мой топор, что я в нём «забыл».
Сам для прочих трудов я стар.
Вот поэтому, Шыпшайдар,
Испросил я пятнадцать дней
И тебя пригласил скорей.
Забери, прошу, Шыпшайдар –
Колдовством ли, внушеньем чар,
Пулей, стрелами, топором, –
Сорок жизней бойцов-*чоро*;
Застрели, Шыпшайдар-*ага*,
Алмамбета и Чубака,
И Серека, и Сыргака,
Поиграв наперёд слегка;
А башкою Алмы-раба
Пусть нам в двери стучит судьба», –
Со слезой попросил Конур.

Всё, что есть, переврал – *авгур*,
Умолчав как всегда о том,
Как, зачем и куда ведом.

Но ответил так Шыпшайдар:
«Для указов твоих я стар.
Возвышаясь на Алгара,
Полон сил и велик с утра,
К ночи плачешь ты, прогорев.
Это древний как мир напев.
Я с народом твоим вчера
Подошёл, и уже с утра
Стал искать Алмамбета: тот,
Видно, бросил родной народ,
Что своим посчитал Алму.
Жить привык я лишь по уму.
Пятерых-шестерых бойцов
Отобрал я со всех концов:
Как бы выставил сам посты.
О дозоре узнал ли ты?
А сегодня я в гуще битв,
Удивляясь, что не убит,
Алмамбета ищу везде:
Не найдётся он – быть беде.
Потому я тебя прошу:
Пусть умолкнет ненужный шум,
Битва между толпой-гурьбой
Пусть умолкнет сама собой;
Пусть один на один бои
Тоже смолкнут – пускай твои
Великаны оставят пыль
Пудрить белый сухой ковыль.
Как закончите кутерьму,
Должен я отыскать Алму.
Он – такая ещё напасть!
От него я могу лишь пасть.
Скажем, луком, любой стрельбой
Лучше я овладел: любой
Скажет – мастер я в этом, но
Не встречаясь с Алмой давно,
Я могу лишь сказать одно:
Не двойное, тройное дно
У Алмана, и с ним в бою
Каждый смерть лишь найдёт свою.
А насчёт всех других… Добро:

Будут, сколько их есть, *чоро:*
Всех *бурутов* я сдать готов
В виде трупов ли, тел, голов», –
Равнодушно сказал колдун,
Замыкаясь в себе для дум,
Не внимая уже нытью, –
Страшный, чёрный большой *аюу*[1104].
Испугался за жизнь свою
Как Серека узрел в бою
Конурбай, и теперь бродил
Плачась каждому, что могил
Никому недосуг копать,
Что бессмысленно тает рать,
Что Серек словно дикий зверь
Всех порушит, резвясь, теперь;
Что пора передышку дать,
Мол, иначе сожрёт их тать.
Барабан прогремел, весь дол
Чтоб услушал, за ним – *гандол*
Загудел: перемирью быть.
И *алаш*, и *кангаец* бить
Перестали. И вот надысь
На два лагеря разошлись.

Кровь с одежды ещё не смыл,
Как вернулся к *чоро* Кыргыл
И к шатру, где их ждал Айкол,
Строем маршевым подошёл.
Всех тревожил Манас; с утра,
Только солнцу вставать пора,
У шатра уже был народ –
Поздороваться и вперёд,
Лишь бы знать: не сдаётся он,
Флаг сплоченья для всех племён.
Всех *чоро* обошёл Манас.
Чуть прищурил свой зоркий глаз
Вопрошая: «Где Ажыбай?
Где советчик мой Алымбай?
Кутунай, Алыбай-хитрец?
Где Жайсан, Мажик, наконец?!
Моей стражи состав не весь:
Шестерых не хватает здесь!
Кто-то ранен? Ушёл в дозор?
Или просто решили с гор
Не спускаться ввиду атак?»
Еле слышно сказал Сыргак:
«Нет их больше. Бейджин врата
Целых шесть приоткрыл сюда.
Все – *калмаки*, *кытай*, *шибе*,
И *манжу*, и *анжу*, – себе
Выбрав каждый какой-то дол,
Войском нас убивать пришёл.
Дрязги, свары пошли, раздор,
Не бои, а разбой, позор,
И Кечила хан Конурбай
Сам возглавил такой раздрай.
В этот свалке мы бились так,
Что потери понёс *калмак*.
Были в первых рядах *чоро*,
Нашей армии всей ядро,
Лили кровь не жалея, но,
Видно, выжить не всем дано.
Я по красной траве скакал,
Когда вдруг на просвете скал
Показалось, что Карткурён
Вёз *калмака*… Догнал их – он!
Лошадь бурую Ажаке
Отобрал я, о *калмаке*
И не думал – башку срубил
И помчался что было сил
По его же следам назад;
Там увидел: рядком лежат
Сто *калмаков*… А сам Ажат –
В гуще кучи: сражался брат.
Отыскал его Карткурён,
Встал над телом застывшим он,
Сам застыл, и глаза – в слезах.
Чтоб от горя он не зачах,
На него нагрузил я труп
И отправил – ведь конь не глуп, –
В Атбаши, в Чечдобо, скакать.
Остальные же… Целых пять!
Я не знаю», – сказал Сыргак.

«Как ты можешь спокойно так
Говорить о своих друзьях!? –
Закричал ему лев в сердцах. –
Шестерых нет из сорока!

[1104] Аюу – медведь.

В птичьей стае у вожака
Крылья сломаны – вот как я
Это вижу! Моя семья –
Вы, и каждый из вас мне бог.
Неужели в пыли дорог
Там тела, словно хлам, лежат?
Не оплакали мы ребят,
Не пришли, чтоб прочесть намаз,
Схоронить, как всегда у нас
С древней эры заведено.
Всюду были мы заодно:
Вместе ели и спали, в бой
Вместе шли, а когда судьбой
Выпадало вершить посев,
Вместе сеяли… друг мой, лев,
Мой Мажик, ты, боготворив,
Помогал мне; неужто гриф
Будет тело твоё терзать
И стервятник куски глотать!?
Хорошо – Карткурён Ажы
Свёз, наверное, в Атбаши:
Ритуал проведёт Кошой;
Остальных пятерых, – бог мой! –
Как нам в мир проводить иной?!
Расклюют их и гриф степной,
И вороны, и подлый сип,
Животы им распорет; гриб
Прорастёт, ядовитый, сквозь
Как трухлявый вонючий гвоздь.
Как жесток ты для нас, наш мир!
Каждый, в мир приходящий, сир,
На мгновенье найдёт душа
Душу близкую, но, спеша,
Разлучает их мир, глумясь:
Прямо с чистых небес – и в грязь
Ударяет лицом или чем…
Как виновен я! Ну, зачем
Не послушался я Алму?!
Всё я сделал не по уму.
Как отсюда уйти теперь!?
Без отмщенья и дикий зверь
Не уйдёт из заветных мест,
Где утратил он всё, что есть.
Отомстим! Не уйдём, пока
Мы последнего *калмака*
Не загоним в подземный ад!
Отомстим за своих ребят!»

Быстро, молча поев что есть,
Стали сабли точить на весь
Свой немалый ещё отряд;
На коней – и, равняя ряд,
Все отправились на *майдан*[1105].
А *калмаки*, кому был дан
Отдых целым приказом, вдруг
Увидали с рассветом: луг
Полон грозных бойцов-кыргыз.
Рать *калмаков* как кто погрыз –
Плеши в скученных их рядах.
За кого же теперь аллах?
Впрочем, тут же воспрял *Кангай*:
Из *калмаков* сам Сакатай –
Легендарный силач, борец,
В поле двинулся, наконец.
Встречь же выступил Музбурчак;
И помог ли ему *арбак*, –
Сакатая, и кто за ним
Шёл – пятнадцать вояк, – как дым
Музбурчак всех посёк своим
Острым длинным мечом: почин
Был кровавым и страшным: он –
Милый старец, – вдруг как дракон
Налетел на врагов, дыша
Чистым пламенем: то душа
Так горела, алкая мстить!
Тут *калмак*-богатырь ввинтить
Умудрился себя в *майдан*:
То ли в ярости, то ли пьян.
Музбурчак, хоть и был он стар,
До конца не спустивший пар,
Наизнанку врага копьём
Прямо вывернул, да притом
Умудрился отсечь башку
Словно походя, на бегу.
Мурадил, как свинья визжа,
Тоже выскочил и, кружа,
Умудрился свалить с *аба*
Шлем, что сдвинулся вдруг со лба,

[1105] Майдан – поле битвы, фронт.

Весь его открывая вмиг;
Покачнулся и сам старик,
Словно смерти он глянул в лик.
Музбурчак был силён, велик,
Но стрела, что пустил шаман –
Шыпшайдар, – из возможных ран
Нанесла свою прямо в лоб.
Слава богу – в момент усоп
Музбурчак: без каких-то мук.
Лев Чубак проскочил на луг,
Мурадила, ярясь, настиг
И его повалил за миг,
Тело старца поднял с седла
И умчался как вихрь, стрела,
В стан, чтоб мудрый *аба* Бакай
Тело друга в родимый край,
Коль получится, перевёз;
Коли выживет – вот вопрос.
А вернулся когда – глядит:
Крови речка уже бежит,
Образуя озёра в рвах;
Кровью, желчью весь мир пропах
И, конечно, ещё дерьмом:
Пока живы, в себе несём
Это всё потаённо, но…
Мёртвым в общем-то всё равно.
Отступили *калмаки* вновь,
Устрашила их эта кровь,
Теребили начальство, мол,
Каждый воин Манаса зол,
Да настолько, как будто бог
Стать бессмертными им помог.
Барабаны забили так,
Что ускорил свой бег *калмак*,
Хоть бессмысленной стала цель:
Вдруг в земле появилась щель:
Как иначе земля могла
Реки крови впитать и зла?
Всё смешалось, как страшный сон.
Люди разных совсем племён
Завопили вдруг в унисон:
«Он из щели летит – дракон!»
И рассыпались кто куда.
Порождает всегда беда
Вкупе с ужасом сказок тьму.

Чубака, храбреца Алму
И Сыргака *каканцы* так
Все боялись, что сам Чубак
Удивлялся: «Я, что, – дракон?
Все шарахаются…». И он
Прав был: вместе их рать была
Для врагов воплощеньем зла.

Рассвело. Тот, кто был живой,
Барабанный услышав бой,
На *майдан* поспешил; любой
Устранить постарался сбой
В конской упряжи, в стременах;
Укрепляли и сёдла: страх –
Самый лучший учитель тех,
Кто имел не всегда успех.
Барабаны китайцев лад
Выбивали, как на парад
Понуждая идти ряды
Спешно набранной бедноты.
Нескара, хан *манжу*, вперёд
Вышел, пеший ведя народ,
Сам на лошади с остриём
От копья, но без древка в нём.
Повернул Саралу Алма:
«Вот он, случай! Не от ума
Нескара безоружный прёт,
А пущу-ка его в полёт!»
Но Чубак, как гора, большой
Заслонил ему путь собой:
«Алмамбет, не ходи, постой,
Этот враг, я так вижу, мой!
Коль не сладишь с ним, без тебя
Выжить в битве мне не судьба,
В поле буду лежать один,
Как забытый простолюдин.
Лучше быстро скажи, Алма,
У тебя ведь секретов тьма:
Выживает как Нескара?
Как себя он сберёг вчера,
Чтобы здесь выступать опять?
Как его за живое взять?
Сам я дней уж, наверно, пять
Не могу по ночам ни спать,
Ни тревоги своей унять;

Может, смерть на меня печать
Наложила свою, скажи!?
Но, послушай, пока ты жив –
Смерти я не боюсь, но вдруг
Ты уйдёшь, то боюсь я, друг,
То и с мёртвым со мной *калмак*
Поступать не преминет так,
Чтоб покоя не знать душе:
Вижу мысленно я уже
Как горлянку из головы
Моей мёртвой *калмак*, увы,
Вырвав волосы, сделал, чтоб
Дробь об дверь выбивал мой лоб.
Алаке, я как-будто пьян:
Кровь в ушах так шумит, но план:
Чёток мой: я иду на бой,
Подменяя тебя собой.
Если сдвинусь на Кёктеке,
Стремя выскользнет, и ноге
Вдруг не будет опоры, друг,
Забери у врагов из рук
Моё тело, прошу тебя!
Сивогривый не раз любя
Обижал тебя, ты прости
И обиды все отпусти».

Алмамбет говорит тогда:
«Что ты кличешь беду? Беда
К тем приходит, кто ждёт всегда.
Твоё тело я никогда
Не отдам в поруганье, нет!
А когда уйдёт Алмамбет,
Кто, скажи, отобьёт мой труп
У врагов? Я порою груб,
Но всегда говорю, что есть:
Я пойду, ты останься здесь!
Знает бог, кому сколько жить.
И не нам ведь его судить.
Моё тело возьмёшь – пускай
Не сорвёт на мне злость *кытай*!»
Даже вздрогнул Чубак: «Алма!
Ты не прав, и причём весьма.
Я пойду, разрешенье дай,
Или даст мне его Бакай!»
Всё равно дал Бакай *бата*,
Как напутствовал всех всегда.
К Нескаре повернул Чубак.
Тот, напялив златой шишак,
На гнедом красовался так,
Чтобы видел простой *калмак*,
Как отважен *манжу*, красив,
Храбр, толст, горделив, спесив!
А Чубак, не доехав чуть
До возможной стрелы, что в грудь
Долететь бы могла, сказал:
«Алмамбет Азизхана, стал
Ты мне больше, чем брат и друг.
Если пулю Шайдара вдруг
Получу, забери, прошу
То, в чём душу свою ношу,
Растерзать не давай врагам!
То же выполню я и сам.
Успокой напоследок, дай
Клятву, что обдури́шь *кытай*!»
Разозлился Алма, но дал
Клятву: «Чтобы я бабой стал,
Потерял своё имя, честь,
Всё, владею чем, сам что есть,
Пусть и в мире ином покой
Мне заменят на вечный бой,
Коль не выполню просьбу: взять
Тело друга, когда отнять
Жизнь его сможет подлый тать!»
Успокоился вмиг Чубак
И к врагу поскакал он так,
Словно это не враг – свояк,
Пригласивший на *бешбармак*.

Как напыжился Нескара, –
Мол, настала его пора,
Стал наскакивать, как петух,
Из *алаша* чтоб выбить дух:
Замахнулся копьём он в пуд,
Весь ссутулясь, как тот верблюд,
Что плюётся от злости в люд,
Когда мимо него идут.
Но Чубак Акбалты не тот
Кто зевает, покуда в рот
Залетит ему муха вдруг;
Он без всяких смешных потуг

Просто выбил копьё из рук
Нескары, навсегда от мук
Враз пытаясь его спасти:
Сбив с коня его по пути.
Чудо, как был хорош Чубак:
Нос с горбинкой, глазищи так
Полыхают – поярче звёзд,
Лоб высокий, высокий рост;
И его Кёктеке подстать:
Так горяч, что на нём скакать
Может только большой храбрец:
Ноги длинны, широк крестец,
Искры блещут из-под копыт;
И копьё когда в цель летит,
Конь посылом своим вдвойне,
Как теченье на быстрине,
Мощь в полёте ему даёт,
Надо – даже броню пробьёт.
Так случилось и в этот раз.
Но *манжу*, хоть упал он, спас,
Подскочив, Уушан-*калмак:*
Он обрушил каскад атак
На *алаша*; не смог Чубак
Лишь за миг повернуться так,
Чтобы все их отбить; *аппак*[1106]
Его *тона* стал пёстро-ал;
Но сумел, наконец, достал
Он Уушана – вонзил копьё
Под лопатку ему; вытьё
Как обмен на *ураан*[1107] «Манас!»
Перекрыло весь шум тотчас.
Был унижен *калмак* Уушан:
Падал камнем, не так, как хан,
Как мешок нечистот летя,
Страшно воя, пердя, кряхтя.

Род *манжу* был Уушану свой,
Доодур был его роднёй
И роднёй его был герой
По прозванию Донконой.
Он рванул выручать своих
И с размаху всадил под дых
Чубаку всё своё копьё.
Но не смерть то была – её
Лишь усмешка, намёк и знак.
Шлем слетел, и пока Чубак
Нахлобучить хотел его,
Шыпшайдарово колдовство
Проявило себя: стрела
Сквозь предплечье его прошла, –
Поднял руку Чубак ведь, чтоб
Шлем надеть, – но стрелою в лоб
Получил и слетел с коня
Молча – вниз повлекла броня,
Тот же шлем; только зад в седле
Оставался, не на земле.
Загалдели *калмаки* все.
Конурбай как змея в овсе
Тут же выглянул из-за спин,
И понёсся, визжащий свин,
Добивать Чубака скорей.

Алмамбет был еще быстрей:
Одну пулю в стволе держа,
А другую – во рту, дыша
Как получится, мчал вперёд:
К Донконою он правил ход,
Отрубить чтоб ему башку
Разом, махом, на всём скаку.
Но сначала, прицелясь, он
В тело выстрелил; грохот, звон
Отпугнул Конурбая – тот
Чуть заметно замедлил ход;
Донконой же упал горой:
Он не знал, хоть и был герой,
Что наметит лишь цель Алма –
Дело смерть завершит сама.
Землю грыз Донконой, ужу
Уподобившись, но *манжу*
Был не нужен Алме, увы:
Не срубив его головы,
Алмамбет огляделся: жар
Исходил от камней; Шайдар,
Видно, прятался где-то там
И на круг выходил не сам.
Эх, прижать бы его к камням,

[1106] Аппак – белизна; белый-белый.
[1107] Ураан – боевой клич.

Вмиг закончить бы весь бедлам!
Алмамбет Саралу погнал
К телу брата – ведь клятву дал
От глумлений его спасти.
А Конур-то уж в полпути,
Обогнав Алмамбета, меч
Вынул, голову чтоб отсечь
Благородному Чубаку.
Алмамбет же на всем скаку
Выбил меч у него из рук,
Замахнулся… Но этот жук
Вновь зарыться решил в навоз,
Оземь бросился. То ли хвост,
То ли что-то ещё Алму
Бог сподобил отсечь ему.
Алгару ведя в поводу,
Алмамбет решил на ходу
Подтянуть к себе Чубака:
Взяв за пояс, поднял слегка,
Подтянул, седла поперёк
Стал укладывать, но не смог
Верный конь его Сарала
Груз тот вынести; как смола
Кровь из пасти вдруг потекла,
Покачнулся, и словно мгла
Его очи заволокла.
Бедный конь! Он вынослив был,
По полгода подряд носил
Алмамбета, впервые он
Вдруг споткнулся – и сразу вон
Вышел дух его. Мир погас.
Наклонился Алма лишь раз,
Чтоб закрыть Сарале глаза.
Из-за пота вдруг шлем, скользя,
Сбился набок, и в этот миг
Льдом сковало гортань, язык,
А в затылок вошёл огонь.
Протянул Алмамбет ладонь –
Кровь! То пуля Шайдара в плоть
Так вошла, что …спаси господь!
Шлем поправив, Алма вперёд
Поскакал; Алгара несёт
Их двоих… донесёт, домчит?
Как незримый воздушный щит
Окружает сиянье их.

Над горою закат притих.
До своих доскакали. Там
Прерывая возникший гам,
Дал поводья Алман *аба,*
Улыбнулся ему: «Судьба!»
Пот кровавый смахнул со лба.
Кровь свою же оттёр, скорбя,
С лика мёртвого Чубака.
Никому не сказав пока,
Что у смерти и сам в чести,
Он Сыргака позвал нести
Чубака до его шатра.
Льва позвал – пусть придёт, пора.
Пусть великий молочный брат,
Что решил не идти назад,
Сам посмотрит: каков итог
И на что намекает бог.
Сивогривый пришёл, спеша.
Разрыдалась его душа.
Слёг на гриву Алма. Над ним
Нависая – так чёрный дым
Над костром закрывает свод, –
Встал Манас. Молча ждал народ
Необычных каких-то слов,
Что Алма был сказать готов.
Задрожали ресницы. Взгляд
Был всё тот же, что год назад:
Словно в чём-то был виноват
Этот данный судьбою брат.
Руку он протянул ему.
Приобнял *кабылан* Алму.
Начал тот говорить, едва
Выговаривая слова.
Было что-то от ведовства
И терялась даже канва,
Но его пророческий бред
Проливал на былое свет:

«С гор *Кангая*, великих гор,
Кто хребтов обошёл весь створ?
Близ Какана кружил лишь взор,
Не прошёл никто до сих пор.
Говорят, Урустом Дастан
Попытался пройти – устал,
С полдороги вернулся в стан;

Падишах ещё Сулайман,
Говорят, вернулся, лишь ночь
Переспав, отправился прочь.
Прозорливый Амир Темир
Изучал с усердием мир,
Но и он не сумел пройти.
Искендер всё искал пути
Чтоб дойти до *Койкап-горы*[1108];
Не открылись ему миры,
Где есть джинны до сей поры,
Где есть пэри, что так добры,
Что приходят к гостям в шатры.
Не прошёл святой Аалы
Дальше самой чёрной горы,
Где следов человечьих нет.
Только я прошёл – Алмамбет.
На Конура злясь, я прошёл.
По моим следам в этот дол
Ты, шагнув, волшебную дверь
Распахнул для многих теперь.
Сам вошёл ты в город Бейджин,
Пусть не пэри ты и не джинн,
Но навеки Сказ о тебе
В человечьей будет судьбе.
Шестивратный разный народ:
И *анжу, манжу* там живёт,
И *калмак*, и *кара-кытай*, –
Это богом данный мне край.
Здесь витает дух Бакбурчун,
Здесь всего лишь искрой, *учкун*[1109],
Разгорался данный мне дар,
Что сумел убить Шыпшайдар.
Не об этом надо… На трон
Сев, с шести вошёл ты сторон,
Стал владельцем разных богатств,
Дев красивых, сказочных яств.
Не напрасно это ли всё?
Был ли твой пророк *келесоо*[1110]?
Но конца делам твоим нет,
О тебе узнает весь свет!
Испытаний много грядёт:
Притеснён твой будет народ,
Будет, что *алаш* не войдёт
В свой Талас, ты знай наперёд.

Мой Айкол, ты где, покажись!
Утекает в землю вся жизнь.
Ты за жизнь как можешь борись.
Не земля, запомни, а высь
Родила тебя для борьбы,
И другой не будет судьбы.
Посмотри на Окшуурун.
Стал угрозой каждый валун.
Аккелте возьми и с утра
Пристреляйся; с зорькой пора
Оглядеть бы в *дюрбун* весь край.
Ты в чужих не мешкай, стреляй:
Приведёт под утро *Кангай*
Столько войск! – их все Конурбай
За пятнадцать дней тех собрал,
О которых иначе врал.
Их двенадцать. И Шыпшайдар.
Злоба – дьявол. Ум – это дар.
Всё продумай. Будет огонь
Посредине, в центре; не тронь,
Чтоб не стал он дымом: в дыму
Спрятаться легко одному.
Стражей семь заметь вкруг огня
Или три их будет средь дня.
Как они появятся – пли,
Разровняй ту горку земли
И отправь *чоро* в этот центр,
Объясни: конечная цель,
Чтобы сгинул напрочь колдун!
Голова устала от дум.
Лев Манас, мудрец наш Бакай!
Будет жив колдун – через край
Иноверцев хлынет сюда,
Для кыргызов будет беда;
А умрёт когда Шыпшайдар –
Потихоньку стихнет пожар.
Клич «Манас» поможет прогнать
Эту бестолковую рать,
Удалось бы лишь помешать,

[1108] Койкап-гора (*миф.*) – горы, окружающие по краям всю землю.
[1109] Учкун – искра.
[1110] Келесоо – ненормальный, придурковатый, с придурью.

Колдуну, что шёл совершать
Ритуал убийства всех вас.
Понимаешь, брат мой, Манас?..»

Алмамбет лишь на миг умолк.
Лихорадочно глядя в пол,
Весь склонившись к коню, опять
Начал, хрипло дыша, вещать:
«Где ты, брат мой? Как тёмен дом.
Ты, Ырчы и Бакай – втроём
Оставайтесь. А за за шатром
Днём и ночью со всех сторон
Наблюдают пускай... Сыргак!
Я прошу тебя, сделай так:
Меч свой в кровь обмакни, притом
Отыщи ты скалу – как дом,
Есть над нею всегда дымок,
Не заметить бы ты не смог:
Очень чёрная, есть в ней вход.
Конурбай там, возможно, ждёт,
Когда снова пойдёт в Талас
Брат великий наш, лев Манас.
Где там лошадь его стоит,
Где в засаде он сам лежит, –
Я не знаю. Тропа узка.
Пуля – дура. С ней смерть близка.
Но чтоб меч искупать в крови –
Чёрной, вражьей, – Сыргак, живи!

Вот о чём моя молит речь:
Брат молочный Сыргак, сберечь
Я Манаса прошу! Серек,
Ведь родной он вам человек.
Надо, чтоб он пошёл в Талас,
Чтоб остался он жив – для нас:
Ведь, по сути, он – божество.
Это, право, не хвастовство,
Сберегите, прошу, его,
Ведь иначе зачем родство?
Смерть, увы, не дает вестей.
За Сыргаком, Серек, смелей,
Но тихонько, смотри, иди:
Коль Сыргака вдруг по пути
Конурбай, увидишь, сразил, –
Тело пусть его Телкызыл
Сам поклажей в Талас везёт;
Конурбай же прибавит ход
На своём Алгаре, – вдогон
Отправляйся, не сможет он
От тебя в этот раз уйти:
Уворачиваясь в пути,
Будет думать, что жив Сыргак,
Что идёт он вдогон, и так
Будет зол на себя *калмак*,
Что ослабнет быстрее, хряк,
Потеряет рассудок он,
И тогда пусть со всех сторон
Клич несётся «Манас», – не раз
Он спасал от разгрома нас.
Это всё не наверняка.
Будут, видно, стрелять войска,
День ли, ночь… Но тебе, Манас,
Надо спешно идти в Талас.
Музбурчака оставишь здесь.
Разделитесь. Мой труп унесть
Сможет, знаю, *чоро* Бозуул:
Он как горная рысь *манул*
Гибок, ловок, силён, хитёр;
Не дотянет – в камнях, средь гор
Спрячет, знаком оставив мой
Пояс или *курджун* пустой.
Пусть Сыргака возьмёт Серек.
Телкызылу он даст разбег.
Телкызыл не потянет – пусть,
Тело спрятав, продолжит путь,
Но оставит такой же знак,
Чтоб вернуться назад… Чубак:
Он заботой Ырчы грядёт.
Пусть навьючит на лошадь, пот
Проливая, пойдёт пешком,
Этот подвиг нам всем знаком.
Брат Манас! К Каныкей придёшь,
Спрячь и меч, и копьё, и нож.
Даже чай, что ты дома пьёшь –
Лечит, это совсем не ложь.
Коль не сможешь домой дойти,
Мозг спинной загниёт в пути,
Дни закончатся. Впереди
Будет некому всех вести».

Говорил Алмамбет с трудом:
Не язык, а как будто ком
Был во рту его; как стекло
Оба глаза, и с них текло
Что-то тёмное, словно кровь.
Говорить он пытался вновь,
Но хрипел кое-как, бедняк:
«Я прошу, не кричите так,
Как кыргызы кричат всегда:
Закатилась, мол, вдруг звезда;
Ведь тогда весь узнает свет,
Умер брат и друг Алмамбет.
Коль распустите вы язык,
Сто родов от китайцев вмиг
К вам придут, нападут опять,
С ними, право, не совладать.
Да к тому же пора в Талас.
Коль погибнет так много вас,
Кто тела отвезёт домой?
Кто вернётся за тленным мной?
О немногом прошу я вас:
Пусть герой Шууту отдаст
Меч мой сыну… А я сейчас
Поцелую клинок. Манас,
Мой потомок… горька судьба:
Не коснулись губами лба
Ни отец его и ни мать;
Кулустоном прошу назвать
Я его и мой меч отдать…
Вроде можно и умирать».
Как закат на большой горе
Распластался на Алгаре
Алмамбет, и затих, и сник.
Изо рта его вышел вмиг
Синий дым, и небесный свод
Потемнел. И молчал народ.
И молчал, почернев, Манас.
Рок свершился. И бог не спас.
Сняли тело Алмы с коня.
Вся в кровищи была броня,
Тоже сняли. Лишь золотой
Пояс холст охватил льняной.
Приготовили тело в путь
Честь по чести, что сути – суть.

Лев с трудом пережил ту ночь
Ранним утром решил он прочь
Из шатра с Аккелте уйти:
Первый шаг – он венец пути.
Взял он пули из *окшуур*[1111] –
Ну держись, мол, *калча* Конур!
В сумку с порохом только лезть –
Лишь на выстрел один и есть,
Кто-то вытряхнул порох весь:
То ль забота, а то ли месть.
Так расстроился *кабылан*,
Поднял на ноги тотчас стан,
И пока всё решалось, он
В думы мрачные погружён,
Дуло вычистить сел, затвор
И при этом затеял спор
С Аккелте, будто он живой:
«Был ружьём ты, пока со мной
Жил, висел за моим плечом,
Не заботился ни о чём
Кроме – как поразить врагов.
Было всё при тебе. Готов
Ты сейчас выходить на бой?
Нет. Где порох, скажи мне, твой?
Где сноровка твоя и стать?
Чтоб тебе деревяшкой стать!
Коль на нас сейчас выйдет тать,
Ты не сможешь ни защищать,
Ни, тем более, сам напасть;
Не оружие, а напасть!..»
Долго вёл этот спор Манас.
Обвинил Аккелте сто раз,
В том, что он не сумел, не спас
Алмамбета, *чоро*… А глаз
Сам не мог оттереть от слёз.
Обвинял Аккелте всерьёз,
Что не внял он словам Алмы,
Не покинул сии холмы;
И грозился: мол, колдуна
Не убьёшь ты – тебе хана́:
И пучиной стращал, и тем,
Что забросит его совсем,
Чтобы мыши изгрызли ствол,
Проржавеешь насквозь ты, мол,

[1111] Пропитанные ядом (уу).

Имя даже пусть пропадёт,
Пусть Бакай его не найдёт,
Даже память о нём сотрёт
На века, что грядут вперёд!
Говорил-то он сам с собой:
Как без пороха ствол пустой,
Он не смог защитить друзей,
Сам пожертвовав ратью всей.
Вспомнил, что Алмамбет наказ
С ложа смертного в смертный час
Дал ему: посмотреть окрест
Непонятных не видно ль мест,
К ритуалу готовых вдруг?
Оглядел он в *дюрбун* весь луг,
Горы, впадины, долы, рвы;
Войск повсюду! – как той травы;
Да, – двенадцать народов здесь,
Коль считать их по войскам, есть.
А во впадине, посреди,
Как костры на земной груди
Синим вспыхивал цвет один,
Жёлтым… Красным… Белее льдин, –
Словно смерч там кружил цвета.
Что за странная суета?
Двух каканцев он углядел,
Что в руках по двенадцать стрел,
По двенадцать мечей и пик
Еле-еле держали; вник
Тут Манас, что игра лучей
Исходила от тех мечей.
Чуть поодаль заметил пять
Ханов, стражников? – не понять,
Все одеты во что невесть,
В них зловещее что-то есть,
Особливо у одного.
Сивогривый узнал его:
Шыпшайдар, – говорил Алма,
Что причудливый он весьма.
Посредине горел огонь.
Поднял к небу колдун ладонь
И как-будто живая ртуть
Пролилась из неё на грудь.
Стал раскачиваться колдун,
Как разбуженный вдруг шатун.
В руки взял Аккелте Манас,
Солнца лучик затеял пляс
На прицеле; пришлось на раз
Грязью смазать его тотчас;
Затаившись за валуном,
Лев следить стал за колдуном:
Круг смыкали все эти пять,
К центру двигаясь; не попасть –
Был бы просто смертельный грех!
Но с надеждою на успех,
Лев петлёй обхватил курок,
Потянул за верёвку… Бог
Несомненно ему помог!
Выстрел точен был и жесток:
Пять людей, что стояли в ряд,
Вдрызг и вдребезги – все подряд!

Когды дым разошёлся, дол
Был втревожен как улей: мол,
Не вселился ль в *алашей* джинн,
Не пора ли бежать в Бейджин?
Да ещё Телкызыл помог:
Удержать вдруг Сыргак не смог
Телкызыла и он рванул
Прямо к войску – упрям как мул!
И Сыргаку пришлось тотчас
Вынуть меч и, крича «Манас!»,
Пронестись мимо тьмы врагов,
Словно всех разнести готов.
Когда узнан был клич врагом,
Да и голос им был знаком,
Зашептались в рядах, как сель
Слух пронёсся в войсках; «Досель
У *алашей* погибших нет!
Мы-то думали: Алмамбет
Ранен пулей смертельной, мол,
За ночь он к праотцам ушёл;
Но ведь нет у них мёртвых тел!
Притвориться Чубак сумел,
А глядите: он цел, и смел;
С ним Сыргак и Серек-пострел;
Говорили, что ранен вождь,
Что уже не жилец он… Кто ж
К ритуалу с утра поспел,

Шыпшайдара взял на прицел?!

А когда ведь пришёл колдун
Взял *Кангай* словно божий *кун*:
Ослабел на глазах *бурут!*
Но глаза-то однако врут!
Было это уловкой их.
А сейчас и колдун утих –
Навсегда, даже клочьев нет;
И теперь придёт Алмамбет,
И Чубак, и Серек-Сыргак!
Собирайся назад, *калмак*,
И с бессмертными не борись.
Лучше смерти любая жизнь», –
Пошептался народ, и так
В их сердцах поселился мрак,
Что китайцы ушли без драк.
Лишь остались *манжу*, *калмак*.
Сорок армий *жанжунов* всех
За ночь стаяли словно снег.

Ничему был Манас не рад
После близких душе утрат:
Щеки впали, потухший взгляд,
А щетина – что копий ряд
Вразнобой там и сям стоят.
Всё мерещится смех ребят,
Голоса Чубака, Алмы
Окликают его из тьмы.
Посмотрел на него Сыргак,
Сердце сжалось от боли так,
Что не сразу он смог вздохнуть.
А вздохнув, он собрался в путь,
О котором Алма твердил:
Он и верный конь Телкызыл.
Изнутри их снедал огонь.
Что седок, что товарищ-конь
Торопились скорей найти
Дом-скалу на своём пути.
И не знали, что сам Конур,
Раздосадован, злобен, хмур,
Хоть к Бейджину держал свой путь,
Но решился опять свернуть:
Как предвидел Алма, туда,
Где курится дымок всегда,
Где есть в тёплой норе вода
И где можно залечь, когда
Выжидать надо день и час,
Чтобы мимо прошёл Манас.
Меч он взял с собой *Жойболот*,
Чтобы всяк, кто сюда придёт,
Попадётся ли по пути,
Исчезал бы без слов «прости».
Пока к схрону Конур шагал,
Он как зимний худой шакал
Уничтожил десятков пять
Тех людей, что могли б узнать,
Где и чей этот схрон, зачем
Он понадобился *калче*.
Когда нескольких жертв тела
Он в обрыв волочил, скала
Ожила вдруг, и лев Сыргак
На Конура свалился – так
Он покончить хотел с *калчой*,
Но, пожалуй, что не учёл,
Что змеиный Конура нрав
Сберегал от любых потрав
Его шкуру: скользнув как уж,
Скользкий – разом вспотел к тому ж, –
Увернулся как злой *урук*[1112]
Из сыргаковых мощных рук.
Испугался зато *калмак*!
Мысли, словно в мешке кизяк,
Шевелились, – то бряк, то шмяк:
«Эх, убъёт ведь меня Сыргак!
Вниз по склону скачусь, то он
Вслед пустившись, найдёт вдогон;
Вверх карабкаться я начну –
Он быстрее на вышину
Заберётся. Один итог:
Я лишусь головы. Жесток
Этот мир! Уползу я вбок,
Да поможет мне в этом бог.
Конный здесь не пройдёт: тропа
Так обрывиста, как судьба.
Алгару подзову потом,
Сам залягу за валуном,
Приготовлю ружьё – стрелять,
А получится что – как знать!».
Так подумал большой Конур.

[1112] Урук – дух.

Нет, не зря он суму из шкур
Нёс, объёмную, на плече:
Было просто скользить *калче,*
Как на санках на той суме;
Он маршрут свой сложил в уме:
Обогнуть Оролмо-гору
И скатиться в свою нору
По змеиной тропе крутой.
Отдышаться часок-другой,
Даже меньше; а гость придёт –
Только пулю в башку найдёт.
Алгара, выбирая путь,
Шёл к хозяину – отдохнуть.
И Сыргак, приотстав слегка,
Шёл по следу, наверняка
Позабыв, что сказал Алма.
Об излишке, увы, ума
Говорит нам судьба сама:
Коль мудрец тебе дал совет,
Помни: чувства лишь застят свет
Мудрой мысли – куда идти;
Чувствам веришь? – пропал в пути.
Алгару лишь заметил лев,
Вмиг забыл все наказы: гнев
Вновь поднялся со дна души:
«В норку спрятался? Что ж, лежи,
Выдал конь тебя с головой,
И теперь, Конурбай, ты мой!»
Смерть Конура и свой трофей
В мыслях празднуя, взял правей,
Чтобы в угол коня загнать.
Затаившийся подлый тать
Взвёл курок и поднял затвор.
Грянул выстрел – почти в упор.
Только вскрикнул Сыргак, Алму,
Может, вспомнил. Бегом к нему
Подбежал Конурбай – отсечь
Его голову, только меч
Доставать стал из ножен он,
Как услышал: со всех сторон
Слышен шорох и стук копыт.
Это эхо порой блажит,
Но основу ему, разбег
Дал крадущийся вслед Серек:
Вскрик Сыргака услышав, он
Бросил красться и взял разгон –
Через камни, кусты и рвы
Он помчался, чтоб головы
Не лишился Сыргак. Увы.
Всё на месте, но тетивы –
Духа, – в теле отныне нет.
Распрямилась дуга-хребет.
Как предсказывал Алмамбет,
Для Конура сошёлся свет
На Жакыповых детях: бед
И непознанных им побед
Нахлебался он с ними так,
Что запутался: кто – Сыргак
Вслед за ним припустил? Серек?
«Близнецы они, что ли? Снег
Так же вечно на свете бел.
Голоса как один; и смел
Так же этот, как тот пострел.
На кого я в упор смотрел?
И в кого я стрелял в упор?
Кони синие, жёлт вихор,
И глаза зелены; они
Как на небе ночном огни.
Получается, значит, так,
Что Серек убит, не Сыргак!»
Он на чёрном своём коне
Поскакал – лишь бы в стороне
Быть от склона, где в тишине
Было страшно ему вдвойне.
Словно чуял спиной *калмак*,
Что Серек... Не Серек? Сыргак…
Не Сыргак? Или сразу два
Догоняют, и голова
С плеч слетает *калчи* сама,
И хохочет над ним Алма.

До Сыргака дойдя, Серек
Усмирил Телкызыла бег,
Сам сошёл с него, к брату ниц
Пал; но слёзы смахнул с ресниц.
Алмамбета наказ в обгон
Его скорби звучал, и он
Тело брата как ценный груз
Погрузил на коня, лишь уст

Он коснулся, целуя так,
Как его целовал Сыргак,
Уговаривая поспать,
Не будить понапрасну мать.
Детство тёплым своим мазком
Прикоснулось – и ветерком
Улетело уже навек:
Это понял теперь Серек.
С драгоценною ношей конь
Рядом шёл как живой огонь.

Конурбай как всегда утёк,
Спотыкаясь, не чуя ног,
Всё решая один вопрос –
До сверленья в мозгу, всерьёз:
«Так Серек это иль Сыргак?
Надо тело забрать, коль так,
Разобраться на месте с ним.
А Жакыпа постарше сын,
Может, умер от яда? Мне
Будет сниться он в страшном сне,
Коль башку с него не сниму;
И узнать бы ещё: Алму
Ранил, нет, Шыпшайдар-колдун?
Скоро лопнет мой мозг от дум!
Но узнать я мечтаю так:
Кто боролся со мной? Сыргак?
Или, может, Серек? Ружьё
Отсырело, небось, моё,
Как с Сереком бороться мне?
И Сыргака теперь вдвойне
Больше стало вдруг на пути!
С Борончу бы его свести…»
Озарила вдруг мысль *калчу*,
Вспомнил, бедный, что Борончу
Навсегда победил Сыргак;
Или то был Серек? – *калмак*
Сам себя напугал, да так,
Что стегая коня полой
Поскакал он скорей домой,
Да Бейджина дошёл, спеша, –
Чуть не вылетела душа.
А в Бейджине открыл он счёт:
Кто покинул Большой поход:

Вот *анжу* и *манжу*: племён
Этих двух с испокон времён
Не досчитывают, когда
Появляется вдруг беда.
Вот четыре родов-племён:
И *калмак*, и *кытай* с пелён
Вместе в бой могут выйти, но
Убегают тож заодно.
Шесть племён: в них *шибе*, *солон*,
Все сбежали, когда на склон
С кличем выскочил вдруг Серек,
Свой победный начав набег.
И *кангайцев*, что вёл колдун,
Запугал этот лев: табун
Он собрал лошадей – они
Без хозяев, кошмар войны, –
За Сереком, вздымая грязь,
Мчались в дол, на людей, бесясь.
Больше тысячи было их!
Эсенхан не сумел своих
Удержать – все его войска
Разбежались… Была узка
Им тропа между склонов в тыл;
Поприбавил исход могил!
Все каканцы, уйдя в свой край,
Разделились: *кара-кытай*
И *калмаки*; ещё скажу:
Разделились *анжу*, *манжу*,
И, конечно, *шибе*, *солон*, –
Стало шесть с той поры племён.
А *жанжуны* – все сорок, – впредь,
Конурбая устав терпеть,
Отделились от трона, им
Легче было царить самим.

Впрочем, это всё их дела.
Вечность мимо бы них прошла,
Если б нашего Сказа вдруг
Не коснулся их жизни круг.
Мы свой взор обратим туда,
Где большая грядёт беда:
Сивогривый Айкол Манас
Навсегда покидает нас.

УХОД МАНАСА ИЗ МИРА

Э… э … э … эй!
«Умерли Алмамбет, Чубак
И пропали Серек, Сыргак.
Сам пойду я за ними вслед,
Мой Чубак, Сыргак, Алмамбет!», –
Погружённый в себя Айкол
Думал так, в поводу он вёл
Аккулу, чтоб пустить на луг.
Мыслей ход оборвался вдруг:
В стан ворвался Серек, да как:
Вёл с собой лошадей косяк,
Не косяк, а табун, коль счесть:
Больше тысячи! Только весть
Его чёрной была, черней,
Чем осенняя ширь полей,
Чем полночных небес шатёр:
Тело брата привёз на *тёр*,
Чтобы видели все, Серек.
Был он бледен, белей, чем снег,
И над телом Сыргака так
Он кричал, что небось Сыргак
В лучшем мире и сам рыдал.
Провели, скорбя, ритуал,
Обрядили Сыргака в холст;
Как велел Алмамбет – повёз
Его конь Телкызыл домой.
Разделились, само собой:
«Каждый путь выбирает свой», –
Так Алма наказал: с судьбой
Был он близок весьма порой,
Разговаривал как с сестрой,
Знал, что было и что грядёт, –
Поздно понял его народ,
Разделились зато сейчас,
Исполняя его наказ.
Алмамбета повёз Бозуул,
А Ырчы – Чубака; *Манул*
Подсказал, что Алмы народ
Вместе с ним в этот путь пойдёт,
А народ Чубака – с Ырчы.
От Жакыповских войск «ключи»
Все отдали Сереку – тот
Должен также вести народ
И Бакая: свои войска
Сам Бакай разделил: пока,
Мол, идём по чужой земле,
Все нуждаются в патруле.
Шёл на запад большой обоз,
На санях он Манаса вёз,
Аккула их тащил с трудом,
Потому-то Айкол пешком
Чаще шел впереди; но вот
Замечал каждый раз народ,
Что ему всё трудней идти.
Музбурчака пришлось везти
Тазбаймату, и конь не раз

Горько слёзы ронял из глаз,
У коня опустился круп.
Тяжелее живого труп.
Раз, в один из бесцветных дней,
Вдруг Манас попросил людей
Аккулу осадить, чтоб встал,
Сам же, лёжа, с тоской сказал:
«Я забыл аромат земли.
Нос не чует ни дым вдали,
Ни снегов аромат, ни смрад.
Всё как будто века назад
Было здесь и ушло с концом.
Мне откройте, прошу, лицо».
Дней шестнадцать – не больше коль,
Как мочиться не мог Айкол,
И пешком он уже не шёл,
И терпел неземную боль,
Заговариваясь порой:
«Ай, Бакай, это ты, друг мой?
Постарел ты, скажу, ой-бой!», –
Словно разум терял герой.
Вот Турпан перешли, Баркол.
Силы резко терял Айкол.
Подобравшись к горе Балта,
Вброд по речке пришлось – беда,
Суета, маята… Когда
Шли в поход на конях, тогда
Не заметили этот брод.
В возвращенье – наоборот:
Эта речка текла… петлёй,
Возвращаясь к себе самой,
Так кружила, что не найти
И начала уже пути.
Бредил лишь об одном Манас:
«Не смогу увидеть Талас!
Не увижу я свой народ,
Поворачивай!» Снова вброд
Перешли. По звезде в Чылан
Добирались, и *кабылан*
Оказался в итоге прав:
Путь спрямил он. Постель из трав
На озёрном холме судьба
Постелила ему, любя.
Отдохнули – и снова в путь.

А пригорок тот, не забудь,
Холм Манаса зовут с тех пор.
От хозяев же местных гор,
Скот в подарок зарезан был.
Сытный запах над миром плыл,
Ободряя бойцов теплом.
Но Манас приказал потом,
Чтоб за жирный и вкусный скот
Отощавший его народ
Лошадьми заплатил селу:
Не давал он ни шанса злу
Поселиться в сердцах, умах,
Пиру сделал такой отмах:
Три коня – как щедра рука! –
За корову иль за бычка.
То-то радость для бедняка,
Будет помнить наверняка.

Повернули на север. Кто
Горы видывал Керметтоо –
С белоснежной главою, свод
Подпирающей, – знаю, тот
Навсегда полюбил Тяньшань,
Вечный кладезь великих тайн.
Здесь сходились дороги. Лев,
На огромный валун присев, –
(Назовут его *Жай-ата*
И, наверное, навсегда), –
Стал наказы давать Манас,
По-хозяйски, не напоказ:
«Иссыккуль, Бозуул, пройди.
Тело трудно в горах нести.
Камень выбери по пути,
Сделай знак, чтоб потом найти,
Спрячь до срока Алму теперь,
Чтоб ни птица, ни дикий зверь
Не могли его отыскать.
Его войско веди опять
Как и вёл: по домам, в Талас», –
Помолчал, погрустил Манас
И продолжил давать наказ:
«Ты, Ырчы, всех людей *иним*[1113]
Поведи-ка путём своим:
Сквозь ущелье, что как *зиндан*

[1113] Иним – *досл.*: мой младший брат.

Или свадебный чемодан
Вечно-тёмный, без солнца, – он
Сможет вывести вас на склон,
Что от озера вдалеке.
Позаботься о Чубаке:
Тело спрячь его и пометь
Это место, чтоб даже смерть
Не смогла его вновь иметь,
Колдовскую забросив сеть;
Даже мёртвый батыр – искус.
Стражем будет Жетиогуз.
От него Иссыкуля вдоль
Ты к Таласу пойдёшь. Юдоль
За спиною оставив, пусть
Люди снова для добрых чувств
Все распахивают сердца
В юрте матери и отца.
И послушай меня, Серек:
Телкызыла испортил бег
С тяжким грузом: спина в крови,
В тяжких ссадинах; не гневи
Мать-природу, равны пред ней
Люди, кони, весь сонм зверей;
Телкызыл уже не жилец.
Сделай так: на скалу, в торец,
Под которой почил Сыргак
С Телкызылом, поставь-ка знак:
Белый череп коня, что так
Предан был до конца, бедняк.
Замуруй его так, чтоб он
Окроплённый стократ дождём,
Поцелованный снегом, стал
Сам одной из вершинных скал.
Вы мне братья. Всегда любил
Я обоих, хоть строгим был;
Одному вас всю жизнь учил:
В каждом деле таков почин:
Половину питья, еды,
Счастья, радости и беды
Надо встреченным по пути
Отдавать, чтобы честь блюсти,
А иначе вместит судьба
В жизнь всего одного – тебя.
И Бакай подтвердит… Бакай!
Я прошу тебя, управляй
И судьбою, и мной – года
Рядом был ты и будь всегда.
А Кыргыл поведёт обоз.
Так последний наказ мой прост.
Мы к кыргызам придём, но в срок
Вновь за смертный уйдём порог.
Лишь бы нам Каныкей найти!» –
Так сказал он, и встал уйти
С валуна, что стал *Жай-ата*.
Кто приходит к нему, всегда
Дарит силу валун…Как знать:
Дни, но смог он Айколу дать.

Бозуул, наконец, вздохнул:
И людей всех провёл *манул*
Сквозь развалины, и соблюл
Льва наказы: сумел Бозуул
Спрятать тело Алмы в камнях,
Где ни птица, ни зверь, ни враг
Не отыщет, а также знак
Он оставил на тех горах:
Алмамбета *курджун*; с тех пор
Так назвали скопленье гор
В этом месте, и чуткий взор
В очертаниях скал узор
Углядит, что он схож сполна
С украшением курджуна.
Чубака же войска Ырчы
Скозь «зиндан», как в сплошной ночи,
Смог провесть, сам лишь знает как;
Но зато – где лежит Чубак
До сих пор неизвестно: знак
Тоже канул в бессменный мрак.
Вдоль реки, что идёт петлёй,
Возвращаясь к себе самой,
Лев Сыргак все провёл войска,
Зная: цель, мол, уже близка.
За хребтом Тешикчап привал
Был устроен; камней завал
Мысль Сереку навеял: стал
Собирать валуны – ваял
Телкызыла он череп так,
Что, наверное, сам Сыргак,
Мог узнать его с тех высот,

Где теперь его дух живёт.
«Голова скакуна» – скала,
Говорят, всё стоит, бела.
Музбурчак же на Аккуле
Долго плыл. Но когда к земле
Стал клониться и Аккула,
Лев подумал: «Твоя взяла,
Смерть! И я скоро буду твой».
Похоронен был под скалой
Музбурчак; и забил родник
Из-под этой скалы: велик
Старец был, что себя отдал
Тем, кого он любил и знал.
Этот синий святой родник
Называли все *Коконшык*[1114].
Люд наш споры вести мастак:
Музбурчак или сам Чубак
Похоронен, мол, здесь? И вдруг
Через годы в Коконшунук
Превратили названье. Что ж:
Время всё перемелет в ложь.

Лес олений, рассвет, туман.
Место с именем *Учтурпан*[1115] –
Как частица родной земли.
Так и кажется, что вдали
Зеленеет отцовский луг
И рассыпаны юрты вкруг.
И Айкол, и его народ
Завершая Большой Поход,
Так торопятся, так спешат,
Что в седле на ходу и спят.
Сам Айкол всё слабей, бледней.
Напоили уже коней
В Карасуу, Килбото пройдя,
В Каркыре под разбой дождя
Угодили; по краю Туз
Шли, уже ощущая вкус
Близкой родины, чей и дым,
Говорят, до седин любим.
Тазбаймат, что повозку вёл,
Вожжи вдруг натянул; Айкол
Вопросительно глянул. Тот
Только плетью взмахнул – в обход
Их обоза змеиный прайд
Шелестя, ушуршал в курай.
А названье «Гора змеи»
Уши слышали и мои.

В одном месте хребта Чакмат
Юрты высились строго в ряд,
Редких спутников теша взгляд,
В том селении, говорят,
Много лет уж тому назад
Эр Тёштук народился. Он
Слышал слухи со всех сторон:
«Должен мимо пройти Манас!
Навестит, может, даже нас!»
Слухи множились вдалеке.
И *Чакмат*, и *Карма Теке*,
И *Чонтой*, и *Соок-кесе*[1116] –
Взбудоражились сёла все.
Богатыр Эр Тёштук лишь вник –
Обошёл поселенья вмиг:
Всех старейшин созвал на *той*,
И позвал он народ простой,
Никого не забыл: ни тех,
Кто на играх имел успех –
В *Кёкбёру* или в *Кыз-куумай*,
Кто на скачках прославил край,
Кто замечен на *Ыр-кесе*, –
Получилось, что званы все.
Словно солнечный свет козёл
В жертву тотчас был принесён;
Злато-серебро здесь и там
Разбросали по всем холмам.
Был зарезан баран, верблюд –
Сосунок, его сам Тёштук
Выбирал; а ещё коней
Тоже выбрали пожирней:
В дом немало пришло гостей
После сказочных столь вестей
Все хотели хотя бы раз
Видеть чудо, что звать Манас.

[1114] Кокон – серебрянная монета (*кокандск.*), шык – счастье, везение.
[1115] Учтурпан (от Учтурфан) – по аналогии с населённым пунктом Китая, через который возвращались беженцы-кыргызы.
[1116] Названия сёл: Безудержность, Козлодрание, Большой пир, Наслаждение с пиалой.

Каждый день накрывала стол
Кенжеке, да обильный столь:
Сахар, *нан*, и *нават*, и мёд,
Май, кумыс… А ещё народ
Водку пил, ну, а к ней – *чучук*,
Чтобы пьяным не стать бы вдруг.
Старикам же и молодым
Наливали *шоро*, *максым*[1117].
Был богат Эр Тёштук и щедр.
Словно реки глубинных недр
Лился белый кумыс и май,
Да и водки – сколь наливай,
Всё конца ей и края нет!
Добрый, верный, благой сосед –
Так его оценил Айкол.
И потом, уже сев за стол,
Оценив его, лев Манас
Вдруг спросил про его запас:
«Богатырь мой, Тёштук, а вот
Ястреб ловчий в дому живёт?
Есть ли кречет в руках, отец?
Есть на привязи жеребец?
Есть кукушка ли, что поёт?
Соловей, что всю душу влёт
Трелью звонкой своей когтит,
Чтоб менялся от счастья вид?..»

Но Тёштук ему говорит:
«Нет, мой лев, и душа болит
Что ни кречет, ни ястреб в дом
Не явились ко мне; притом
Нет на привязи скакуна,
Нет кукушки, что мне должна
Петь, как нету и соловья;
Я, Кенже – вот и вся семья.
И бесхитростный твой вопрос
Словно угли в меня всерьёз
Полыхающие вдруг внёс:
Новой жизнью я не пророс.
Так аллах повелел – жена
И любима, и мне верна,
И вины в ней, конечно, нет,
Что дитя не явилось в свет
Через чрево её, увы.
Есть богатство, шестьсот домов,
Скот, угодья… но не готов
Я молить перестать богов,
Чтоб на трон свой не чужаков
Посадил бы, а сына, дочь.
Я пылаю в любую ночь
И болит вся душа моя,
Что уходит в ущерб семья».
Тут ответил ему Айкол:
«Я не зря эту речь завёл.
Тазбаймат, там в возке ружьё –
Принеси Аккелте моё.
Сумку с порохом потряси:
Что найдёшь в ней, то мне неси –
Пулю, снадобье, порох, яд…
Пули полые там подряд,
В них лекарство вложи, Баймат,
И сюда принеси их, брат».
Пулю в пулю вложив, в огне
Растопили её; вдвойне
Стала пуля потяжелей,
Но пустот не осталось в ней.
И сказал Сивогривый наш:
«Вот лекарство тебе, *айаш*[1118],
Выпей снадобье, пулю спрячь,
Обещанье мне дай… не плачь! –
Мне и верному Аккелте:
Что завяжется в животе,
Ты и выносишь, и родишь;
Будет мальчик пускай, крепыш!
Дал на *тое* мудрец Кошой
Пожелание, чтоб большой
Сын родился у Чыйырды.
Вот наказа его следы –
Я, большой, перед вами здесь.
Тридцать лет пронеслось. И смесь –
Пуля, снадобье, – поскорей
Мать вручила и Каныкей;
Счастье летом пришло и к ней:
Сын родился наш, Семетей!»

[1117] Бессолодовый максым – (кислое питьё, приготовляемое из дроблёного ячменя без солода (не хмельное); по некоторым сведениям, питьё это северные киргизы начали готовить и пить в середине XIX в.).

[1118] Айаш – вежливое обращение к жене друга.

Ободрённая Кенжеке
Словно ласточка налегке
Запорхала вокруг гостей;
Ей казалось, что нечто в ней
Счастьем ширится и растёт;
Потихоньку она живот
Даже щупала – вот дела:
Словно яблонька расцвела.
Пусть не сразу, а десять лет
Двое ждали с небес ответ,
И расщедрилось небо к ним:
Богатырь Жоодарбешим
Народился вдруг наконец!
И счастливый его отец
Всем рассказывал, что Айкол
Сыну имя тогда нашёл.

Шло застолье не час, не два.
Озабоченность, бледность льва
Не заметил ли кто едва.
Откровений его слова
Убедили Тёштука в том,
Что Манас был домой ведом
Близкой смертью, и знал о том.
Вот что лев говорил тогда:
«Не рождённый был я когда,
Жакыпбай, мой отец родной,
Жить приехал в Бурултокой;
Занимал по соседству стан
Твой родной отец Аламан –
Кебезтоо[1119], – его гряда
Север с югом деля, тогда
Их, отцов, свела на года
Дружбой щедрою как вода,
Мягче ваты – в те дни, когда
Их испытывала беда.
На Алтае родился я
Ты – в Кашкаре; моя семья
От *калмаков* сбежала, но
С детства знал я тебя давно:
Твоя слава богатыря
Шла за горы и за моря.
Завернул я к тебе не зря:
Не останется главаря
У *алашей*, когда уйду.
Не смягчишь ли мою беду?
Наш Кошой постарел, увы,
Слишком стар он для головы.
Есть ли силы у Акбалты
Стать главою, когда мечты
Умерли Чубаку вослед?
Жамгырчы был хорош в бою,
Жизнь войне посвятив свою,
Он растратил её вконец:
Абыке и Кобош-юнец –
Брат, – не ставят его ни в грош;
Алп Бакай как мудрец хорош,
Но.. ушёл он в себя слегка.
Алмамбета и Чубака,
И Сыргака отныне нет.
Не с кем стало держать совет.
Кто ещё? Текечи, Шыгай?
Кёркокул ли, Урбу, Такай?
Иль Шыгаевы сыновья:
Чынкожо и Табак?.. Не я –
Ты качаешь ведь головой.
Состязаясь со мной, они
Всё разрушат, как в оны дни –
Помнишь, друг мой, накалы ссор?
Накылая и Карабёрк
Взяв в *олжо*, не смогли вдвоём
Поделить, и Жакыпу в дом
Привели, навязав их мне,
На меня же и злясь вдвойне.
Так родню приобрёл я вдруг:
Кулетен ведь и Шоорук,
Кендирбай, Доокан – сваты.
О кончине их знаешь ты.
Их уж нет, Конурбай пропал,
Но меня он, успел, достал:
В моей шее гниёт дыра –
Там осколок от топора:
Яд *калчи*, как я понял, там.
За себя я гроша не дам:
Печень, почки и кровь насквозь
Погубил своим ядом «гвоздь»;
Да мутится и ум небось,
На земле я отныне – гость.

[1119] Кебез – хлопок, хлопковая вата; тоо – гора.

Во главе всех родов тебе
Встать придётся, хвала судьбе,
Что остался ты жив, Тёштук,
До рожденья ты был мне друг.
Хоронить будешь тело, знай:
Мою голову пусть Бакай
По пятнадцать омоет раз;
А мулла Кызыл *жинамаз*
Почитает; пусть весь народ
На мои поминки придёт,
Поясов девяносто, знать,
Именитым бы надо дать;
Будут серые только пусть,
Тусклым цветом в печаль и грусть.
Пусть Айкан, Кёкбёру сынок
Пущен будет на мой порог,
Есть дела, что мы с ним вели,
Незабытые, не в пыли;
Шоорук же – *калмак*, Доокан,
Да, предатель, *кангайский* хан,
Карабёрк их и Накылай
Не нужны на поминках, знай:
Не хочу, чтоб их лживый лай
Осквернял мой сирый Сарай;
Пусть Агыш с Керкокулом их
Забирают себе двоих.
Бокмуруна на них спусти,
У него они не в чести.
И ещё, проследи, чтоб весть
О кончине моей как есть
Не дошла к ушам до поры
Конурбая и Нескары.
Чтобы смуты в моём селе
И везде на моей земле
Не затеял бы враг сейчас,
Лишь узнав, что ушёл Манас.
Каткалана Сайкал придёт.
Проследи, чтоб её приход
Не прибавил тебе хлопот.
Затыкать ей не надо рот,
Пусть послушает весь народ,
Что там дева Сайкал плетёт.

Пусть Кошой и Бакай, мой друг,
Кёкбёру и ты сам, Тёштук, –
Наши старцы, – с Каныш вас пять,
С Агайар же – шесть душ. Объять
Все заботы под силу вам.
Агайяр пусть прильнёт к ногам,
И лежит. А Бакай в досуг
Пусть найдёт тополиный сук
Да и выточит мой портрет –
И надгробия лучше нет.
Так меня схороните. Вслед
Закатите для всех обед,
Скачки сделайте – до побед!
Коль коняга какой умрёт,
Кровью с носа траву зальёт,
Волос с гривы под мой порог
Положи, чтобы враг не мог
Преступить его долгий срок.
Пусть четырнадцать ханов рок
Не клянут; над надгробьем пусть
Не терзая разверстых уст
Просто вспомнят былые дни;
Ты прислушайся к ним: одни
Будут верными нам и впредь,
А другие… Всё видит Смерть.
Бережёт пусть кыргыз *калпак,*
Чтоб над ним не довлел *калмак.*
А ещё, мой Тёштук, прошу:
Тот топор, что в себе ношу,
Ты бы вытянул? Пусть не враз…», –
И умолк, загрустив, Манас.
В горле высохло, сил запас
Истощился и взгляд погас.
Зарыдали кто рядом был.
Проявляя усердья пыл,
Заметались: кто клещи нёс,
Кто аркан, кто – тазы, кто воск.
Только сняли повязку – ох!
То не опухоль, – целый стог:
Почерневшее мясо, гной,
Что полился как дождь весной,
Разливаясь ручьём, бурля,
Дурно пахла её струя,
Не хватало тазов, кастрюль,
Рук и глаз – как ни карауль,
Заливает всё вновь и вновь
Гной кровавый и с гноем кровь.

Зацепили топор петлёй
К Аккуле привязали; гной
Продолжали ещё таскать
И на улицу выливать.
Аккула так рванул с плеча,
Что – утрётся пускай *калча*! –
Вырвал мерзкую штуку зверь –
Шириною почти что в дверь.
Подивились тут все теперь:
В шее пряталась! – верь, не верь:
Не поверишь себе порой.
Да, Манас – великан, герой!

Из селения в Атбаши
Через Арпу на зов души
Свой обоз направлял Айкол.
Их встречали. И первым шёл –
Ну, конечно, – мудрец Кошой.
Обратился Манас к нему:
«Всё ты делаешь по уму,
Твоё слово святое, взгляд,
Все молитвы твои летят
К богу в уши! Велик народ,
Где такой вот мудрец живёт.
Край тобою благословлён.
Я свой первый ребячий сон,
Что был вещим уже, узрел,
Когда ты среди многих дел
Время мне выделял, мальцу.
Ты Жакыпу помог, отцы
Снаряжать и учить меня,
К мастерству мастерством маня.
Стал батыром Манасом я,
И горжусь: мы одна семья.
Катаган и Жакып, отец,
Друг Тёштук, Канукей – венец
Жизни всей моей, краткой столь,
Чем лишь приумножает боль;
Все прощайте – Бакай, Кошой!
Пусть отец Кёкбёру домой
Забирает, ваш брат – Жакып.
И о нём так душа болит!»

Лев теперь поспешил в Талас.
Всех, прощаясь, простил Манас.
Мчался и… объявил привал.
Посредине степи он встал
В паре-тройке вёрст от села.
Но отправил Кыргыл-чала
Чтобы встретился к Канукей:
«Обо всём ты поведай ей.
И скажи, чтоб о Чубаке
И Алме – ни Аруке,
Ни Корпойан не даст пусть знать,
Что не стоит их больше ждать.
Да скажи ей: пора совсем
Показать Семетея всем,
Здесь, где будет людей полно,
Сын объявится заодно.
Защитит пусть от сглаза лишь,
Уязвим он ещё, малыш».
Акборчука взнуздав, Кыргыл
В клубах пыли помчал-поплыл.
Путь Соломщика уж угас,
И Чолпон побледнел алмаз.
В этот смутный рассветный час,
И добрался Кыргыл в Талас.
Скакуна привели Каныш
В этот день, но пораньше лишь.
Рядом с ним, вороным, Кыргыл
Акборчука не позабыл
Примотать к коновязи – тот
Был свободолюбивый скот.
К дому тихо пошёл старик,
Он чутью доверять привык:
Там, за окнами, хоть и тьма,
Но живая, не пуд ума
Надо выяснить: там не спят,
Из-за шторы в упор глядят.
В самом деле, уже Каныш,
Глянув – спит или нет малыш,
Саблю мужа взяла, бодра,
Каждый шорох во тьме двора,
Что внезапно в ночи пророс,
Ощущая, как чуткий пёс,
И подумала: «За дитя
Я любого убью шутя!
Кто б ты ни был – во тьме идёшь,
Значит зло ты в себе несёшь.
Уж не снова ли *Кор Кобош*

К нам повадился сеять ложь?!»
С той поры, как ушёл Манас,
Каныкей не смыкала глаз,
Даже в дрёму уйдя, она
Не раздевшись, увы, для сна,
С этой саблей была дружна:
Мама львёнка и льва жена.

В дом бесшумно вошёл Кыргыл.
Не увидев, кто это был,
Саблю вскинула Каныкей,
Но Кыргыл обратился к ней:
«*Дженеке*[1120], ты здорова, нет?
Как растёт Семетей? А свет
Почему не горит у вас?
Меня с вестью прислал Манас».
Каныкей же в ответ: «Кыргыл!
Постучаться ты, что, забыл?
Семетей наш растёт. А я… –
И, тревог уже не тая, –
Сам здоров ли, Кыргыл? А мой?!
Собираются ли домой
Все, кто носит наш *Аккалпак*:
Старики Бакай, Музбурчак,
И батыры – Алма, Чубак,
Весельчак и герой Сыргак?
Ажабай, Алыбай, Жайсан?
А Мажик? Поскорее сам
Расскажи обо всех, Кыргыл!
Никого чтоб ты не забыл!»
В горле вестника ком тугой
Словно встал – совладать с собой,
Ой, не сразу Кыргыл сумел!
Он в бою был отважен, смел.
Но сейчас, имена друзей,
Что погибли, от Каныкей
Вдруг услышав, всю боль утрат
Испытал ещё раз солдат.
И заплакал старик Кыргыл.
Никого он, нет, не забыл,
Но о них говорить не мог:
В горле слёзный стоял комок.
Поняла в один миг Каныш,
Но по-своему: вскрикнув лишь,
Саблю в сердце себе воткнуть
Попыталась, – мол, кончен путь
У любимого: что ж, и мне
Быть убитой на той войне!
Но очнулся Кыргыл, и лишь
За запястья схватив Каныш,
Прошептал ей: «Он жив, твой муж!
И меня он прислал к тому ж,
Чтобы ты собиралась в путь!
Да и сына взять не забудь.
У *керме*[1121], я смотрю, скакун –
Непростой, вороной бегун, –
Чтобы встретить льва на пути,
Лучше этого не найти.
Жив, но ранен, увы, супруг,
С ним Бакай – ваш старинный друг,
И другие… Не все, но есть.
Вот такую привёз я весть».
Каныкей расцвела от слов.
Вороной был к пути готов.
И, гонца поручив слуге,
Огляделась в своём мирке.
Суетиться не став, Каныш
Подхватила ребёнка лишь
И неслышно, как ходит мышь,
Не тревожа рассвета тишь,
К Сарытазу пошла домой.
Тот не спал. И вскричав «Ой-бой!»,
В дом впустил её, чуть дыша:
Ведь Манаса жена, душа,
Ханша наша, не кто-нибудь!
Каныкей же с порога суть
Разъяснила: «Не просто в ночь
Я пришла, а прошу помочь.
У тебя есть приёмыш, он
В тот же год, что мой сын, рождён.
Мне на время отдай его,
А себе возьми моего.
Сам Манас к нам в Талас идёт,
И нас с сыном в степи он ждёт,
А вокруг него разный люд.
Взор людской – то не божий суд.

[1120] Женеке – обращение к жене старшего брата.
[1121] Керме – коновязь.

Могут сглазить моё дитя,
Даже, может быть, не хотя:
Рус он, светел, зеленоглаз.
Пока мал, был таким Манас.
Будут пристально все смотреть,
Любопытство сильней, чем смерть.
Поменяем детей своих
До тех пор, как поднимем их
И посадим их на коней.
Твой ребёнок темней, смуглей,
Глазки серы и так хитры,
И горят, как в степи костры:
Их не сглазишь, и не проймешь:
В них сгорает любая ложь».
Понял всё Сарытаз, кивнул.
Предложив своей ханше стул –
Всё же трудно стоять с дитём, –
Так ответил ей: «Счастье – в дом
Если твой Семетей войдёт.
И могу сказать наперёд:
Дам ему, что смогу я дать.
Только надо нам впредь молчать:
Мне, тебе… Этот мир жесток.
В добрый путь! Да поможет бог!»

Когда лев уходил в Бейджин,
Грудничком был младенец-сын.
За три года, что шёл Поход,
Сын подрос. Но его народ
Не видал никогда в лицо.
Лишь росток, а не деревцо,
Охраняли ревниво мать
Вместе с бабушкой… Что с них взять?
Чыйырды с Каныкей в аил
Не пускали мальца: мол, хил,
Пусть сперва наберётся сил,
Пусть прорежутся перья крыл…
Сарытаза приёмыш тож
Был в другие дома не вхож,
Лишь Жакып, Абыке, Кобош
Забредали в их дом, и что ж?
Круглолицый смешной малыш
Был в беседах помехой лишь;
Шумурай[1122] его звали, плут –
Так любого не назовут.
Впрочем, назван он так отцом:
Он и знал лишь его в лицо.
Шумурая уже забрав,
Каныкей объявила: «Нрав
У людей – знаешь сам, каков.
Лев мой ранен. И будь готов
Прямо завтра с ребёнком в путь
Отправляться, и не забудь:
Ждёт ребёнка высокий трон,
Гордым вырасти должен он.
Я тебе отдаю Коргон:
Правь, не трать свою жизнь на сон.
Уезжая, козу возьми:
Убывает хлопот с детьми,
Когда козье есть молоко.
Будет и́наче нелегко.
Приезжай, если нужен вдруг
Мой совет… И пожатьем рук
Скрепим наш с тобой договор:
Мы родня теперь с этих пор!»
Серебром в волосах звеня,
С Шумураем сев на коня,
Позвала Кыргыла она
И … ударила в стремена.

Минул полдень, когда Каныш,
И Кыргыл, и чужой малыш
(Но об этом молчите, – ш-ш-!),
Долгожданные, как барыш,
Подлетели к степным шатрам.
Бросив повод коня парням,
Что, глазея, толклись вокруг
Каныкей с малышом, что с рук
Не спускала она пока,
Проплыла, словно пух, легка,
Словно лебедь, бела, светла,
Величаво себя несла.
Поклонившись, Кыргыл ушёл.
Встретил паву старик Кошой,
Следом вышел Бакай, они
Проводили ко льву; огни
У Манаса в глазах зажглись,
В них затеплилась снова жизнь.

[1122] Шумурай, шум – хитрец, плут.

«Канықей! – подойди скорей,
Дай сынишку мне, Канықей!», –
И объятья раскрыл. Жена
Была сильно изумлена
Углядев, до чего он худ;
«Слава богу, от жив, он тут!» –
Вмиг одёрнув себя, Каныш
Ближе двинулась к мужу, лишь
Не желая отдать дитя:
«Дам, мой милый, чуть погодя:
Видишь, спит он!», – и малахай
Только сдвинула, чтобы край
Лба ребёнка отец узрел.
«Поцелует его? – горел В женском
сердце вопрос один, –
Запах выдаст, что он не сын;
Ох, взъярится мой господин,
Доведёт меня до седин!»
Продолжая дитя качать,
Так сказала Каныш: «Я мать.
Не хочу, чтобы сглаз пошёл:
Взгляд твой пристален и тяжёл,
От него, говорят, порой
Враг уходит и в мир иной.
Сын твой слаб, беззащитен, мал.
Он, конечно, покрепче стал,
Чем в младенчестве, но пока
Связь с землёй его так крепка,
И небесная хлябь близка:
Он ведь ангел ещё слегка!
Еле-еле добрался ты.
Бог исполнил мои мечты.
Я, всем сердцем наш дом любя,
Так спешу исцелить тебя!
Возвратимся скорей домой:
Там любовь, благодать, покой».
«Эй, Каныш, прекрати хитрить!
Ты уводишь беседы нить
Далеко, как умеешь ты.
Так исполни мои мечты,
Грезил ими я долгий путь:
Сына запах хочу вдохнуть!
Шею, попку его лизнуть…»
Шумураю давая грудь,
Мать прижала к себе – хоть чуть
Запах пусть перейдёт, ведь суть
Ароматов родных – любовь,
А не кожный покров и кровь.
Протянула ребёнка льву.
Тот нагнулся, склонив главу,
И отпрянул от боли враз:
«Пахнет калом дитя! – Манас
Рассердился на Канықей, –
Вот как смотришь за сыном?! Эй!
Чем ты занята так была,
Что ребёнка не соблюла?»
Грустно было Каныш, она,
Сделав вид, что огорчена,
Про себя улыбалась: «Что ж,
Ведь спасительна эта ложь,
Был бы жив-здоров Семетей, –
Всё, что надо судьбе моей:
Дать отпор хоть какому злу!»
И тихонько пошла к селу.

Слух о том, что пришёл Манас
Любопытных собрал тотчас.
Люди толпами шли сюда,
Словно с неба сошла звезда,
Чтобы жизнь изменить навек.
Уж таков он есть, человек.
Когда вышел к народу лев,
Люди ахнули, обомлев:
Рана льва была так страшна,
Словно лик свой явив, война
Позлорадствовала сполна.
Тут из памяти имена
Стал вытаскивать люд, шепчась:
«Вот с кем рядом идёт Манас –
Ал Бакай? А левее нас –
То Баймат и Кыргыл? Не спас,
Знать, аллах остальных *чоро*?
Сорок было их – суть, ядро
Всех кыргызских отборных войск;
Все растаяли, словно воск,
Все сгорели… А, может, путь,
Задержал их ещё чуть-чуть?
Может, конь сплоховал? Тулуп
Износился, что виден пуп?..»
В это время велел Айкол

Ставить юрту: готовить, мол,
Алмамбета и Чубака
Встретить так, как велят века.
Дал на это дней десять он.
Люди шли и шли на поклон,
Стал Бакай их, Баймат встречать,
Льва отправили отдыхать.
Каныкей занялась теперь
Страшной раной, что словно зверь
Продолжала вгрызаться в плоть,
Хоть топор извлечён был… Хоть!
Каныкей, как Алма тогда,
Сокрушалась: «Беда, беда!
А убрали топор когда?
Лучше было б не трогать… да-а!»
Стала чистить и мазь втирать,
Заставляла питьё глотать,
Что сама же варила здесь,
Трав используя разных смесь.
Желчь лисы раздобыла – как!?
Сипа желчь, мумиё в комках,
Заливала их в рану так,
Что кровавого гноя мрак
Словно таял, сходил на нет;
Впрочем, банкой она чуть свет
После ночи качала гной,
Чтобы рана была сухой.
Попросила, чтоб ястребка
Отловили живьём; пока
Трепыхался природы сын,
Она вытащила *карын*[1123],
И, горячий ещё, вовнутрь
В рану вставила: перламутр
Также в раковине морской
Пожирает моллюск собой.
После этого высох гной.
И примерно на день восьмой
Снова на ноги встал Манас.
Был получше он в этот раз.
Успокоилась и Каныш,
Продолжая лекарства лишь
Для больного варить, да мазь
Также в рану втирать, ластясь.

Вот настал и десятый день.
У Каныш было много дел.
Вновь собрался народ смотреть:
Чубака и Алмана смерть
Кроме жён всем была ясна,
А теперь и для них она
Совершившейся стать должна.
Аккулу оседлали; лев
Алп Бакай и Кошой, надев
Траур, вышли втроём в аил.
А добрались – заголосил
Сивогривый, и львиный рык
Всё село всколыхнул за миг;
Лев рыдал: «Алмамбет! Чубак!
Были оба отважны так,
Два героя-богатыря,
Их судьба была как заря:
Всем светила она всегда,
Закатилась же как звезда!
Корпойан, Арууке *айаш*[1124],
Я должник неизбывный ваш;
Ведь со мною в *Кангай* ушли
Алмамбет и Чубак; вдали
Там остались в чужих краях,
Превратившись в священный прах,
Мои братья… О, бог, зачем
Я вернулся без тех, кто в тлен
Обратился? – Алма, Чубак,
Мой братишка смельчак Сыргак,
Голосистый наш Ажыбай,
Сильный, дерзостный Кутунай,
Алымбай, с ним и Алыбай, –
Все ушли, упорхнули в рай.
Как мне жить? Я ведь к ним привык.
С детства рядом – Жайсан, Мажик,
Не оглядываясь, ушли
За пределы судьбы, земли.
Кто подставит теперь плечо?
Айдаркана герой Кёкчё
Так геройски погиб! Увы –
В рай пошёл он без головы:
Конурбай постарался так.
Буудайыка хан Музбурчак,

[1123] Карын – желудок.
[1124] Айаш – жена друга.

Не оглядываясь, ушёл!
Жизнь моя бесконечна, что ль?
Сколько должен терпеть я боль?
Боль, что мне принесла юдоль.
Боль – наверное, мира соль,
Что окончился, сник, погас.
О, печали предвечный час!
С Алмамбетом я был Манас,
С Чубаком и Сыргаком… Нас
Было вместе не победить.
В одиночку смогли убить.
Потерял я в *Кангае* львов
И, пожалуй, что не готов
Я отныне Манасом быть:
Крылья больше не распрямить:
Их голодный кабан сломал.
Я теперь сиротою стал:
Нет уж сверстников всех моих!
Опустел этот мир без них.
Ах, как были они храбры,
Как умелы и как быстры!
Кабыланы и львы, орлы!
Злы к врагам, а к друзьям милы.
Больше нет, как они, таких!» –
Лев расплакался и утих.

Арууке, с этих дней вдова,
В скорбный час свой нашла слова:
«Не горюй, богатырь наш, лев!
Кто виновен, что, в сани сев,
Вовлекается в путь седок?
Устремление? Рок ли? Бог?
Алмамбет мой и твой Чубак
В мир иной ведь не просто так
Безвозвратно ушли; они
По-геройски окончив дни,
Как твой братик Сыргак, как все,
Что крутились, как в колесе,
В этом бешеном вихре лет,
Все не зря родились на свет:
Все прославили край, народ,
Эта слава века живёт.
Счастье есть у кыргызов: нас
Не оставил ты, хан Манас!
Не покинул наш мир, и знай:
Благодарен за это край.
И добавлю ещё: *Кангай*,
Иль Бейджин – как ни называй,
Потерял в той войне стократ,
Как в народе все говорят.
Слава воинам также тем.
Слава храбрым, отважным всем:
Если воин погиб в бою,
Душу он освятил свою,
Пусть *манжу* он, *калмак*, *кытай*, –
Нет для славы различий, знай!», –
Молодая совсем вдова
Стала мудрой; её слова
Поддержали Айкола так,
Словно сам Алмамбет, Чубак
Обратились к нему сейчас:
«Состоянье твоё, Манас,
Всех тревожит: в недобрый час
Ты в тревоге за всех за нас,
Встал с постели, и рана вновь
Заалела: струится кровь,
Сквозь тулуп проступая твой.
Отправляйся скорей домой!»
Этот мудрый совет Каныш
Поспешила исполнить: лишь
От хлопот получив отбой,
Льва скорей повела домой.

Канykей понимала: дни
Сивогривого сочтены.
Хоть надежда порой чуть-чуть
Заставляла слезу блеснуть,
Плачем вырваться средь ночи;
Но себе приказав: «Молчи!»,
Всё лечила свою любовь,
Очищая и плоть, и кровь
Сивогривому, что седым
Стал, истаяв почти что в дым.
Канykей была столь умна,
Что ближайшие времена
Могла видеть почти как сон,
Только был настоящим он:
Дар пророческий был ей дан.
Сниться стал силач Акбалбан,
Что верблюда поднять готов;

То приснится для скольких ртов
Аш готовить придётся вновь,
Сколько надо гостям даров;
Увидала в какой-то миг
Место с именем Эчкилик,
Чуть не остров – там две реки
Огибали, как две руки,
Холм из белых и синих глин;
Выход был у неё один:
В это место отправить слуг
И начать между двух излук
Грот готовить, запасы льдин,
А из лишними ставших глин
Лить керамику – мавзолей
Возводить-то придётся ей:
Ведь Жакып – хоть отец, но тот,
Кто заложит себя за скот,
Признавая одно – барыш.
Так решила, скорбя, Каныш.
Вышел грот на людей пятьсот,
Туда можно загнать и скот,
И еды запасти на год,
Даже больше – уж как припрёт.
Найден ею был Акбалбан,
И урок был ему же дан:
Глину вынести за ночь всю,
Чтобы тайную ту стезю
Не заметил бы взгляд чужой;
Да о глине той, голубой,
О которой кузнец хромой
Болекбай говорил порой,
Что ценнее на свете нет,
Надо было хранить секрет.
Чтоб вода не проникла в грот
Был придуман водоворот:
Рукава-желоба – они
Уносили все ночи, дни
Внутрь попавшую воду всю
В реку бурную Карасуу.
Холм камнями был так покрыт,
Что его неказистый вид,
Да к тому ж неприступный вид,
Что колючками был увит,
Никого не манил взойти
И стоял вдали от пути.

Втайне выполнив все дела,
В дом гостей Каныш позвала,
Вкратце всё рассказав о снах,
О грядущих земных трудах,
И посетовала: родня
Всё, мол, свалит лишь на меня:
Абыке ли, Кобош, Жакып –
Что сказать, мол, о них? – на вид
Львом гордятся, ему близки,
Но всегда, увы, не с руки
Отдавать им свои долги:
Раз привычки брать велики.
И добавила: «Друг Бакай,
На тебя опираюсь, знай,
Так же, как на тебя, Кошой:
Вы нам двое близки душой;
Лишь двоим вам скажу слова:
Я хочу мавзолей для льва
Сделать так, чтоб стоял века;
Ваша помощь мне дорога,
И поддержка и ваш совет!»
Брат Кошой, излучая свет,
Вдруг заплакал: так много слёз
По его бороде неслось,
Что язык утонул на миг;
В этот очень неловкий миг
Стал Бакай говорить – привык
Всех всегда выручать старик:
«Дорогая *айяш*, всегда –
Будь то радость, а то беда, –
С нашим тигром Манасом мы
Рядом – наши сердца, умы
Служат верно ему, и ты
Носишь верности той черты.
Так угодно самой судьбе:
Будем верно служить тебе.
До того, как великим стал
Лев, кузнец Болокбай ковал
Всё оружие: *Аккелте*,
Сырнайзу, *Ачалбарс*; везде
В бой с оружием тем Манас
Шёл и с ним побеждал не раз.
Был хромой Болекбай мудрец,
Был волшебник почти, кузнец,
Он говаривал о такой

Глине прочной и колдовской:
Называл её голубой;
Свой имел Болекбай забой
И плавильный заводик свой.
В Чонополе её копал
И варил из неё …металл, –
Так керамика та была,
Хоть и светлая как смола,
Но прочнее железа: в ней
Столь жиров и яиц, ей-ей,
Молока и всего того,
Что и вспомнить-то нелегко.
Он и камни дробил, варил;
Нам бы так, если хватит сил,
Мавзолей возвести бы льву!»
Вмиг сложила в уме молву
И Бакая слова Каныш,
Сделав месту поправку лишь.

Не сказав про свои дела,
К глине той, что уже была,
С Чонопола ещё запас
Каныкей привезла за раз:
Ровно тысяча шла гуськом
Крупных *наров*[1125], на них верхом
Тюки с глиной, качаясь, шли,
Словно часть колдовской земли
Вдруг отправилась в свой поход.
Был не легче и новый ход:
Чтобы вылепить кирпичи,
Были призваны *мергенчи*[1126];
Восемь тысяч козлов-*бычмал*[1127]
Отловил и освежевал
Люд охотничий; жир козлов
С глиной сваренный, был готов
В кирпичах простоять века,
Лишь попахивая слегка.
Лишь на девять веков Каныш
Рассчитала постройку. Ишь –
Что за скромность! Надзор небес
Сделал вечным святой гумбез.
Впрочем, скромностью не блеща,
Каныкей, как велит душа,
Записала на глянце плит
Всё, что было, и кто убит
Нарисованы были так,
Что смотрел как живой Чубак,
Друг Кёкчё их и Музбурчак;
Алмамбет и герой Сыргак
Мчались рядом опять, и враг
Ненавистный тупой *калмак*,
Вновь толпой убегал от них;
В тех рисунках – простых, святых, –
Бил Кошой Оронгу под дых;
Чубака с Алмамбетом нрав
Так представлен был: вдруг взнуздав
Колдуна Шыпшайдара, прочь
На спине его мчались в ночь.
А Манаса большой портрет,
Что любовью её согрет,
Каныкей в тайнике своём
Схоронила, и лишь вдвоём
С *алп* Бакаем могли они
Видеть живопись в эти дни.

А Манас подходил к черте,
За которой не спросишь: «Где
Запропал наш герой Айкол?»
В рану словно воткнули кол,
Поворачивая притом.
Но однако же гости в дом
Приходили: таков закон,
У кыргызов незыблем он.
Кёкбёру, сын Айкана, раз
К ним пришёл, хоть дремал Манас.
С ним сынок был Койоналы.
Гость Каныш говорит: «Взгляни,
Трезвым взглядом на мир, *айяш*:
Взятку смерти, увы, не дашь,
Приближается чёрный час:
Высох весь и ослеп Манас.
Если вдруг богатырь умрёт,
Как узнает о том народ?
Кровных братьев достойных нет,

[1125] Нар – одногорбый верблюд.
[1126] Мерген, мергенчи – ружейный охотник.
[1127] Бычмал – кастрированное копытное животное.

Ну, а дальние, – те чуть свет
Лишь наследство делить придут,
Сват, отец твой, им всем не суд:
Ведь состарился Каракан.
Шаатемир или Темиркан? –
Кто из них ну хотя бы раз
Прискакал: как, мол, наш Манас?
Эламану Тёштуку весть
Мы отправим. Попозже. Есть
Закавыка такая здесь:
Без Манаса *алашей* съесть
Пожелают Урбу, Агыш,
Кёркокул… Коль *айяш* Каныш
Не успеет созвать на *аш*
Всех друзей, то гроша не дашь
За покой и за мир в дому.
Так попробуем по уму
Счесть – кто есть, доверять кому:
В Анжийане есть Сынчыбек,
В Бадакшане – хан Малабек,
В Балыкчы – хитрец Алабек,
В Дуйшомбу – мудрец Козубек;
В Бетбакты ты правишь, *айяш;*
Мырзакмат в Коро́соне – наш;
Дабытай, хан родов Кыйба, –
Нас давно связала судьба;
Есть в Жеркене Таабалды –
Примечали *бека* следы
В вашем доме раз в десять лун;
Бек в Котене – наш Нуракун,
А в Кашкаре есть Алакун;
На брегах Лопа – Карача…
Всех не вспомнишь так, сгоряча.
Надо весть послать им сейчас –
Пока жив Великий Манас,
Чтоб успели сделать намаз,
Попрощаться с глазу на глаз.
А иначе вряд ли потом
Вдовий и сиротский твой дом
Захотят проведать они
В страхе перед риском войны.
Что ещё? Кашмира народ
Вряд ли издалёка придёт.
Так же Нишапур и Ташкен,
Анжийан, ещё Наманген:
Бедняков там много живёт,
Лишних трат не любит народ.
Алматы, Капал и Алтай,
Чабарман – всем вести подай,
Есть ли здесь у нас скакуны:
По горам, пустыням они
Развозить смогли бы гонцов?
И гонцы… Где взять молодцов?»

Заломило в висках Каныш:
Сколь забот! Как сплошной камыш
На болоте их зыбких дней –
Так сомкнулись они над ней.
Всех собрала держать совет:
Алп Кошой, Бакай и сосед –
Кёкбёру сын Айкала, – с ним
Неслучайно пришёл и сын:
«Вот, – сказал он, – Койоналы:
Мы со львом ещё до войны,
До Похода, в простор степной
Уходили, и сын со мной;
Лев сажал мальца на коня,
Посадив, смеялся, дразня:
Мол, потомок твой для меня
В срок отдаст своего коня.
Вот наш конь: Темиркёк зовут,
Без воды он – почти верблюд, –
Не потея, за десять дней
Всю пустыню пройдёт – ей-ей!
Был Айколу я друг. Сейчас,
Когда гаснет мой друг Манас,
Я хочу послужить ему
И по сердцу и по уму:
Я сынка отдаю, коня,
Чтобы добрая вся родня
Собралась в этот трудный час,
Когда хочет уйти Манас.
Юго-запад, затем восток,
Снова – юг; ты пойдёшь, сынок
С важной вестью; пусть список весь
Облететь не преминет весть!»

Люди шли. И не все – с добром
Приходили в притихший дом.
Бокмурун пришёл «посмотреть»

Как Манаса уносит смерть.
Канықей говорила с ним
Мягко, ласково, как с больным:

«По отцу проводил ты *аш*.
Может быть, ты совет мне дашь,
Как избегнуть того, что ты
Натворил в пылу суеты?
Как избегнуть нам свар и склок,
Когда чёрный свершится рок?
Расскажи, как созвать ты смог
Всех врагов, и кто в том помог?
Почему не был зван Манас,
Хоть в итоге он всех вас спас?»
Бокмурун разозлился: «Спас?!
Сам на *аш* не пришёл Манас,
Всех *калмаков*, *кытай*, *манжу*,
Всех *жунбашей* и всех *анжу*
Растоптал твой Манас, когда
Заваруха пошла, беда;
С Конурбаем сводил он счёт,
Тот в *Кангай* убежал, в обход
Лев Манас твой пошёл в Бейджин,
И теперь лежит, недвижим».
Рассердилась Каныш: «*Эрке*[1128],
Ты держал бы на поводке
Свой язык и незрелый ум,
Чем судить других наобум!
Слабоват ты, гляжу, в делах,
Да весьма простоват в словах.
Тебя создал с ленцой аллах,
Ты ещё в колыбели чах.
Пожалев тебя как юнца
Мы другого нашли гонца,
Молодого, но молодца,
Чтобы в разные три конца
Развозил он плохую весть;
Хоть и ты у нас как бы есть».
Бокмурун был обижен: «Вот,
Не сказали же мне вперёд!
Я бы мог бы… Эх вы, народ!
Пусть в другие края пойдёт
Мой гонец: Мааникера дам,
Пусть на нём по другим местам
Сын Айдара Карачунак
Скачет с вестью, что мой свояк
Умирает, и близок час,
Когда может покинуть нас».
Канықей говорит тогда:
«Что ж, сближает одна беда.
Примем помощь твою. Давай
Твой гонец обойдёт тот край,
Где казахи живут – они
Помогали нам в оны дни:
Что ходить далеко – Кёкчё
Нам подставил своё плечо,
И отец его Айдаркан,
Да и весь его мощный стан
Кровью плачут все эти дни:
Ведь оплакивают они
И Кёкчё, и его войска.
Ох, как нам их беда близка!
За Кёкчё ушел Музбурчак,
Весельчак и мудрец *кипчак*.
Его братик Багыш-*ини*,
Нам дороже иной родни.
В Алматы живёт Козучак,
А Капал ведёт Сакычак:
Там казахи, кыргызы – смесь;
Обязательно надо весть
О Манасе вручить им: честь –
Это всё, что у них и есть.
В Каркыру загляни, в Кемин.
Хан Урбу тех мест господин,
Сам *чечен* он и златоуст;
Оттого ли Жетиогуз
Тоже он под себя подгрёб?
Иссыккульцев не спросишь в лоб,
Да и надо ли это нам?
Бек Агыш есть: Камбыл, Турпан –
Это земли его, и весть
Надо тоже ему принесть.
Ну, а дальше: Баркол, Манас –
Семь племён там, что любят нас;
Загляни ещё в Бешбалык»,
У Каныш уж устал язык,
Но она сомневалась: так
Всё ли понял Карачунак?

[1128] Эрке – баловень, неженка, избалованный.

Под завязку набрав идей,
Он отправился в путь скорей.

Озорник Койонаалы,
Что, отцовской хлебнув хвалы
Полетел побыстрей стрелы,
Непоседливей был юлы;
Он из тех, к кому послан был,
Половину в пути забыл:
Миновал он Ургёнч, Букар
Не заехав: шёл с неба жар,
Он и выбрал тенистый путь,
Мол, другие им скажут пусть,
Есть же в мире *Узун Кулак*[1129], –
Рассуждая примерно так,
Он объехал озеро Лоп,
Сообщив там живущим в лоб,
Мол, готовьтесь, что будет *аш:*
Сивогривый уже не наш,
Его смерть забрала почти!
К Намангену на полпути
В одном месте он вдруг застрял:
Там отшельник Олуячал
Интерес у озорника
Вызвал видом своим слегка:
Не видал ведь Койонаалы
Бороды вот такой длины,
Когда сам *Олуя*[1130] ростком
Мог сравниться лишь с сапогом.
Как ведётся, Койонаалы
Быстро спешился – хоть малы
Были знанья его о том,
Как в доверье войти, пешком
Подошёл он к мулле, но тот
Почему-то его приход
Как вторженье принял: в тот час
Он творил свой дневной *намаз*[1131].
И когда уже в третий раз
Гость в сердцах повторил «Манас!»,
Олуя закричал: «Уйди!»
И, ручонки прижав к груди,
Бородою своей затряс.

Озорник же завёл рассказ:
«Богатырь *кабылан* Манас
Умирает; и вот в Талас
Я сзываю гостей сейчас.
Будет там и подарков тьма,
Будет пища – и для ума,
И для брюха… Но, *олуя*,
Вот о чём вдруг подумал я:
Исцели *кабылана*! Он
Для народа всего рождён,
Сколько слил он в одно племён!
Исцели! Будет род спасён».
Но мулла закричал, грубя:
«Уходи! Я не звал тебя!
Да и кто в твой Талас пойдёт?!
У Манаса нечистый скот,
Не годится на жертву он.
Да и что мне до всех племён:
Пусть опять распадутся все
Да идут по своей стезе!
Впрочем… – вдруг заюлил старик, –
Коль ты сможешь как я привык
Повезти меня в свой Талас:
Лошадь вьючная – это раз,
Снаряжение – это два,
И на ужин – баран…». Едва
Он промолвил свои слова,
Озорник, словно та сова,
Лишь раскрыл широко глаза, –
Мол, запросы! Но ведь нельзя
На попятную вдруг идти,
Стал выдумывать по пути:
Будет юрта, и конь, и стол!
Но вопрос, очень важный столь,
Что хотел он иметь ответ,
Вновь он задал: «Так сможешь, нет,
Жизнь вдохнуть ты в Манаса, чтоб
Получилось за раз, без проб?
Если вдруг он умрёт, пока
Мы в дороге трясём бока,
Оживить его ты бы смог?
Или святость зажилил бог?»

[1129] Узун Кулак – *досл.*: Длинное Ухо (народное, «сарафанное» радио, слухи).
[1130] Олуя – святой.
[1131] Намаз – молитва.

Тут святоша в такую злость
Впал, как будто из пасти кость
Утащил у собаки гость;
Словно пику схватил он трость,
Размахнулся, шипя как сип:
«А давай будешь ты убит.
Как умрёшь – оживлю, а нет,
Значит, зря ты ушёл в расцвет
Своих юных прекрасных лет.
Но получишь зато ответ.
Воскресенье устроить льву?
Но сначала тебя порву!»
Озорник Койонаалы
Этот гнев словно часть игры
Принял: юность не верит в смерть.
Раскрутил он, играя, плеть
И огрел старикашку так –
Кувырком полетел бедняк:
Девяносто ведь лет, да гак;
«Прокляну!» – закричал *калмак*,
Погружаясь уже во мрак.
Разозлился Койонаалы
И добил старикашку. Злы
Набежали *ходжи*[1132]: чалмы
Их белели как снег зимы.
Было около ста их всех.
Причитанья их только смех
Вызывали у сорванца,
Что решил идти до конца.
Всю гурьбу он погнал в Талас,
Хоть молили они: «Для нас
Это трудно, найди коней!»
Лишь хлестал их малец сильней,
Приговаривая: «А вы,
Если верить словам молвы,
Все святые – летите ввысь,
Чтоб быстрее мы добрались!»
Заодно он оповестил
Бека местного; Жанадил
Сам собрался и дал коней
И ходжам, и кто победней,
Но хотел бы идти в Талас,
Чтоб увидеть вождя хоть раз.

Шесть десятков племён *Алаш*
Вновь порукой связал, ведь *аш*
Был грядущим, а здесь, сейчас,
Мысль одна лишь: «Живи, Манас!»
В каждом сердце была, и всяк,
Надевая свой *Аккалпак*,
Гордо нёс его, словно знак:
Равен в нём был богач, бедняк,
Древний старец и молодняк.
Весь Кенкол был забит, да так,
Что протиснуться и сквозняк
Через толпы людей не мог.
День пятнадцатый шёл, как слёг
Сивогривый уже совсем.
Объявили старшины всем –
И Бакай, и Кошой, – что нет
Даже капли надежды: свет
У Манаса ушёл из глаз.
Видит тьму лишь одну Манас.
Кёкбёру и Тёштук в слезах
Вышли к людям: кумир их чах,
Все молитвы отверг аллах
И к себе его вёл впотьмах.
Но в какой-то момент Манас
Глянул ясно, сверкнул из глаз
Всем привычный орлиный взгляд,
Он окинул им всё подряд:
И народа ряды, и край,
Усмотрел, где Кошой, Бакай,
Глянул нежно на детвору,
На Тёштука, на Кёкбёру,
Улыбнулся своей Каныш,
Задержал на ней взгляд и лишь
Веки дрогнули – всё, что смог.
Изо рта у него дымок,
Разрастаясь, как синий клуб
Ввысь поднялся, в седую глубь.

Завизжал и завыл народ.
Хоть и знали всё наперёд,

[1132] Ходжа – потомок первых халифов (в дореволюционное время у кыргызов, как и у других мусульманских народов, плуты, пользуясь этим именем как знаком природной «святости», одурманивали сознание тёмных людей, обманывали их, наживались за их счёт; однако народное остроумие часто высмеивало этих «святых»).

Только в этот печальный миг
Смерть воочью явила лик.
Говорил не один старик:
Умер в пятницу он – велик,
И в пятнадцатый день к тому ж:
День возврата великих душ.
Подложили травы под льва:
Чистит души земля, трава;
В белый шёлк завернули, в лён,
Как обычай гласил времён;
Сделав занавес из холста,
Чтоб обитель была чиста,
Жёны все подошли, малыш:
Накылай, Карабёрк, Каныш
И дитя; назовём шутя
Семетей – наследник вождя.
Накылай, Карабёрк тотчас
Стали плакать: «О, наш Манас!»
Но пришли Кёркокул, Агыш
И, оставив одну Каныш,
Силой вывели этих двух,
Словно гнал их Манаса дух.
«Вас в трофей получил Манас,
Были сватами мы у вас,
И теперь перешли вы к нам,
Как глаголит святой Коран».
Ум с напёрсток был у рабынь:
Как откормленных двух гусынь
Бека два их вели к себе,
«Нет» сказать не могли судьбе
Ни одна, ни другая; что ж,
Явь всегда перекроет ложь.
Но на улице встретил их
Бокмурун; богатырь был тих
И расстроен: его Тёштук
Отругал за дырявость рук:
Мол, в неведенье ты стоишь,
Пока там Кёркокул, Агыш
Вдов Манаса к себе ведут
И не думаю, что на суд.
Бокмурун без того был зол,
Вспоминая свой разговор
С разволнованной Канукей;
От Тёштука еще больней
Было слушать ему, что он
Слаб, бездарен и не умён.
В это время предмет бесед
Вышли – все вчетвером, – на свет.
Поздоровавшись, Бокмурун
Начал было пенять за *кун*:
«Ай, Агыш, Кёркокул, куда
Вы ведёте двух вдов? Беда
Всех равняет, конечно, но
И приличие всем дано».
Кёркокул весь надулся вмиг:
«Кто таков? Ты чего возник?»
Но Агыш заюлил тотчас:
«Когда был ещё жив Манас,
Накылай, Карабёрк в *олжо*[1133]
Взял он силой, нехорошо;
Нам сказал их забрать потом,
Как покинет земной он дом.
Это было всё так, поверь.
Мы хозяины им теперь».
Бокмурун не поверил, он
Знал Манаса ещё с пелён –
Со своих, – и не мог понять:
Ну зачем тому силой брать
Надо то, что само идёт?
Вспомнил присказку: «Коль умрёт
Кто хороший, то все умрут.
А плохой – лишь один!», – свой суд
Он быстрее вершил, чем луч
Пробивается из-за туч:
Кёркокулу сломал хребет
Этот тигр, и ему вослед
И Агыша отправил в ад
Или в рай – как уж там решат.
Карабёрк, Накылай, визжа
Словно свиньи, боясь ножа
Что занёс живодёр уже,
Не помыслив о мятеже,
Только жались друг к другу. Визг
Словно нож над землёй повис.
Бокмурун же из *беков* двух
Мало – выпустил разом дух,
Расколол как дрова на щепь
И останки забросил в степь –

[1133] Олжо – добыча, трофей.

В яму, словно какой-то хлам,
Жертву в общий внеся в бедлам.
Накылай же и Карабёрк
Там остались, где их отторг
От поклонников Бокмурун.
Никому не вручёный *кун*[1134].

В этот самый момент в Кенкол
Живописный отряд вошёл,
Во главе его – Кыз Сайкал
В алом вся, как зари оскал,
Сзади чудится лисий хвост;
Отодвинув висящий холст,
К Сивогривому подошла,
Наклонилась над ним, мила:
«О, удачливый изо всех
Десяти сыновей! Успех –
Ты Жакыпа-отца, и вот
Чем закончился твой поход.
Но ещё не конец, мой лев!
Я пришла сюда, осмелев,
Чтобы всех вас предупредить,
Ведь судьбы нашей общей нить
Вместе спрядена сгоряча:
Дочь я храброго Карача,
Каткаланом он был рождён –
Кровный брат ведь Жакыпу он!
Стал главою *алашей* ты,
Дядя-лев, все мои мечты
Ты порушил, меня презрев;
Оттого-то, родной мой лев,
За *Кангай* супротив тебя
Шла я в бой словно враг …любя!
Что же, воина путь таков.
Но узнала я, что готов
Чёрных заговор двух врагов,
И один посетил твой кров
Под личиной твоей родни.
Канықей, на меня взгляни!
Видишь, я не скрываю дрожь:
Собираются на грабёж
В стан *алашей* идти враги.
Что сумеешь, то сбереги!

Лев мой! Ты защитил народ,
Стал богат и высок твой род,
Но опасность теперь близка
Для родного *Аккалпака*:
В тучи стянуты облака
И к Таласу идут войска.
Это предположенье лишь.
Понадеемся на Каныш
И на то, что она мудра,
Что даётся не всем с утра.
Лев мой! Дух твой и сам *агзам*[1135]
Пусть помогут невинным нам!»

Канықей горевала так,
Как под снегом сломавшись злак
Зёрна-слёзы роняет в грязь;
От собравшихся не таясь,
В мир выплёскивала она
Безысходности семена:
«Мой любимый! Соболий *тон*
Нараспашку накинув, он
Вдруг ушёл в глубину времён,
Словно жизнь была – только сон.
Я оплакиваю судьбу,
Жизнь, что тратилась на борьбу;
Из кыргызов ты вышел, лев,
И останется лишь напев,
Лишь предание, эпос, сказ
На века, но уже без нас.
И на Судном, наверно, Дне
Скажут: было дано вдвойне
Всё тебе, даже сила крыл,
И в Китай ведь ты дверь раскрыл,
И в Анжу… и *алашей* всех
Переделал в народ успех
Из шестидесяти родов!
И об этом немало слов
Будет сказано много раз.
Но не будет тебя, Манас!
Небеса отхватили куш.
Сын твой малый остался, муж.
Он ягнёнок, коль посмотреть,
Шкурка мягкая; если смерть

[1134] Кун – *здесь*: вира, пеня за убийство, за увечье (ответчиком являлся весь род).
[1135] Агзам – Величайший (эпитет Бога).

Вдруг за шкирку его возьмёт,
Кто на помощь к нему придёт?
О! Забрал *Олуя Али*
Все надежды моей земли,
Умер мой драгоценный муж,
Аккалпак на пороге стуж
Сможет выстоять, всех согрев?!
Мой единственный, муж мой, лев!
Всё вкусил ты: любовь и гнев,
Ты вознёс наш родной Талас,
Ты от рабства кыргызов спас,
Все победы твои не раз
Будет славить народный Сказ.
Но не будет тебя, Манас!
И не будет живущих нас.
Пусть же дух твой, небес крыло
Осеняет, низринув зло,
Наш кыргызский народ, сынка,
Все, что есть впереди, века!..»

«Хватит, хватит, прошу, *айяш*!
Без тебя ведь испортят *аш*.
Пусть оплакивает Бакай,
Кёкбёру – ты им место дай», –
Кто-то обнял из той родни,
Кто незримо все эти дни
Опекал её, чтоб могла
Есть и спать – чтоб она жила.
Слёзы вытерев, Каныкей
Позвала к себе Абыке,
Попросила, чтоб Кор Кобош
Помогал на поминках тож:
«У Серека ходить нет сил,
Брат ваш умер, а вас, верзил,
Не дозваться порой. Родня!
Ох, дождётесь вы у меня!
Столько дел, подключайтесь к ним.
А не то… хоть лентяй *иним*,
Будет бит, и на том стоим!
Будьте рядом со мной сейчас:
Всю родню, что имел Талас,
Возглавляло семь ханов. Враз
Потеряли двоих мы. Нас
Ждёт работа: чтоб ханов пять
Могли весь народ возглавлять,
Мы разделим гостей и вновь
Разобъём их на пять родов.
Как – подумайте, да совет
Попросите у тех, кто сед;
Обнесите едой гостей,
Приглядитесь, кто с кем родней;
Вот на вашем примере: шесть
Было всех вас, а нынче есть
Только двое – сестра не в счёт:
Люди мужа – её народ.
Двое умерли. Третий слаб,
Болен так, что бессильней баб;
Значит, вам все заботы: стол,
Скачки конские – их Айкол
Так при жизни любил всегда…», –
И заплакала вновь. Беда.
После этих слов Каныкей
Добрый отроду Абыке
Влево-вправо метнулся: он
Как на кухню забредший слон
Лишь мешал, всё ломая сплошь;
А нахмуренный Кор Кобош
Для чего-то гостей считал.
Но какой-то момент настал –
Всё само получаться вдруг
Словно стало у всех вокруг:
Поделили легко гостей
Как хотели – на пять частей,
Кобылиц всех порезав так,
Словно дыню иной мастак,
Стол накрыли – за год не съесть.
Пригласили Жакыпа сесть
Во главе; разговор же весть
Поручили Бакаю честь.
Каныкей, чуть жива уже,
Словно с чёрной дырой в душе,
Собрала всю одежду тем,
Кто свершает *адат*[1136] для тел –
Омовение, сброс грехов, –
Девяносто им поясов
Завязала, все в серый цвет:
В скорби тоже просвета нет.
Кызыларстан – мулла святой, –

[1136] Адат – традиция, обычай, обыкновение.

Спел молитву за упокой.
Алп Бакай, *алп* Кошой, Тёштук,
Кёкбёру, Каныкей – весь круг,
Были рядом, и текст молитв
Уносил отголоски битв.
Дальше сделали как Манас
Сам просил и причём не раз:
Словно дней пролетевших тень
Скачки конские на весь день.
Сирота Аккула стрелой
Раньше всех прибежал – живой,
Только кровь из ноздрей текла.
С дрожью рухнул вдруг Аккула,
Головой к Каабе упал,
Словно в смерти святым он стал.
Не помешкав, батыр Тёштук
Горло взрезал ему – не вдруг,
Имя выкрикнул он – «Манас»,
Чтобы жертва была тотчас
Духом принята; и *намаз*
Уже сам он прочёл не раз.
Голова Аккулы затем
Вознесётся превыше стен
Мавзолея, венчая весь,
Как о верности вечной весть.
А пока она сохла здесь –
На решётке, куда принесть
Повелели старшины: мол,
Пусть простится с конём Айкол.

Когда мир погрузился в сон
И со всех четырёх сторон
От народа полился храп,
Когда мир от луны озяб,
Когда старцы Бакай, Кошой,
Кёкбёру и Тёштук с душой
Поддались друг за другом сну,
Сон Каныш не сморил одну.
Акбалбана подняв едва,
Приказала, чтоб тело льва
Поднял он и за ней понёс
По дороге за холм, в утёс,
Где могилу и грот вдова
В камне выдолбила для льва.
Уложила. Развеять мрак
В изголовье зажгла *чырак*[1137].
Акбалбана оставив здесь,
Каныкей поспешила весть
Старикам, разбудив, принесть,
Четверым оказав лишь честь.
Каныкей пропустив вперёд,
Старики все спустились в грот:
Кёкбёру, *алп* Кошой, Бакай
И Тёштук заглянули в рай!
Без изъянов весь грот сиял,
Был в картинах прекрасных зал:
На керамике сцены битв
Впечатляли, весь грот облит
Словно был голубым стеклом.
Здесь сражалось Добро со Злом,
Побеждая всегда во всём.
Сотен пять человек могли
Поместиться внутри; земли
Не увидишь из-за ковров,
Каждый жить хоть века готов –
Шёлк не старится, не гниёт.
Этот мудрый и сильный ход
Подсказала Аруuке,
Рот держащая на замке.
На коврах был воздвигнут трон:
Золотой, он со всех сторон
Алым шёлком обвит; вдова
На него уложила льва.
Попрощались с Айколом. Ночь
Скоро схлынет за горы прочь,
Надо было успеть уйти,
Чтоб не выдать сюда пути.
Задержался Бакай на миг:
Акбалбана жезлом старик
Так по шее ударил – тот
Никогда не откроет рот.
Там, внутри, он остался. Дверь
В три засова закрыв, теперь
Завалили и валуном.
Вечный, тайной покрытый дом.

Впятером принесли домой
Бюст, что слеплен из глины той;

[1137] Чырак – светильник.

В саван ватный свернув матрас,
Бюст приладили – как Манас.
И забрезжила чуть заря,
Чёрный *нан* потащил, хандря,
Гроб с останками в мавзолей.
Там собрались роднёю всей
Попрощаться с богатырём.
Сарытаза сынок – причём
Семетей его звали там, –
Землю бросил в могилу сам.
Плакал бедный народ навзрыд.
После сели за стол, и сыт
Был надолго и стар, и млад:
Помнят *аш* тот века подряд.
Алп Кошой, богатырь Тёштук
Кёкбёру, Бокмурун-*оттук*[1138],
Алп Бакай, Каныкей-вдова,
Собрались на Совет, едва
Проводили гостей домой.
«Что ж, – сказал богатырь Кошой, –
Самый главный сегодня шаг:
Малыша уберечь, чтоб враг
Нас наследника не лишил;
Воспитать его, чтоб он был
Как отец его – лев Манас,
Чтоб опорой он стал для нас.
Через год мы на *аш* опять
Всех гостей созовём: узнать,
Кто нам друг, ну и кто наш враг.
Поклянёмся в единстве так:
Пулю примем мы на зубок,
Прутья срезав, дадим зарок», –
Так и сделали всё. И бог
На молчание их обрёк.
Распрощались и вышли в путь.
Сказ закончен. Но только суть
Бесконечна его, вечна,
И во все времена – одна,
Хоть в какие облачена
В словеса ли иль письмена.
Она глубже, чем мир, война,
Но однако же не вольна
Без людского сознанья быть,
Как и мы не вольны – не жить.
Продолженье имеет Сказ,
Но, наверно, не в этот раз
С Семетея начнём рассказ,
Что опять растревожит нас.

[1138] Оттук – огниво, кресало (*переносн.*: тот, кто легко мечет огонь).

ГЛОССАРИЙ

Аалым – ученый
Аба – 1. дядя; 2. старший брат; 3. воздух, атмосфера; 4. климат; *аба ырайы* – погода
Абаз – голос
Абай – осторожность, осмотрительность
Абак – тюрьма, место заключения
Абаке – почтительное обращение к старшему мужчине: от *аба* – старший брат, *аке*
Абдан – чрезвычайно, очень, весьма; вполне, совсем
Абжор – дословно: ловкий, проворный, расторопный (почему-то так калмаки называли кыргызов; сами себя кыргызы называют так, только когда дословно передают речь калмаков)
Ага – дядя, старший брат, старший близкий родственник
Агзам – Величайший (эпитет Бога)
Агыл – скотный двор
Адат – традиция, обычай, обыкновение
Адыр – холмистая местность, увал, взгорье
Ажы – хадж (паломничество в Мекку)
Азан – призыв к молитве мусульман
Азат – то же, что и *насыят* – наставление, добрый совет, поучение
Азоо – о лошади: необъезженный, строгий
Азырейил – Азреил или *Азиреил* – ангел смерти
Ай – месяц, луна
Ай далы – плечо, верхняя часть спины, заплечье, нижняя часть лопаток
Ай-аалам – весь подлунный мир; *аалам* – Вселенная
Айбалка – мечевидный отросток грудной кости у человека
Айбалта – бердыш
Айгак – доносчик, шпион, сыщик
Айдак – исполнитель чужой воли
Айкол – великодушный, благородный
Айлампаш – замороченный; не в своём уме
Аймак – страна, край, территория
Айры сакал – раздвоенная борода, человек с раздвоенной бородой
Айтыш – поэтическое состязание
Ай-чүрөк – лунное сияние, синоним прельщающей красоты
Айчык – уменьш. от *ай* (луна): узор в виде полумесяца
Айыз – пересуды, сплетни, обсуждения
Айылбашы – глава деревни, села
Айым – госпожа

Ак жол – свободный путь, добрый путь

Ак жолтой – приносящий удачу

Ак каңгы – каңкы-ээр – монгольское седло (с широкой передней лукой)

Ак олпок – (или *аголпок*) род боевой верхней одежды с толстым слоем шерсти или ваты, (заменявший панцирь или надевавшийся на него)

Ак таала – ак – белый, святой, чистый; таала – Всевышний, эпитет Бога

Ак токой – светлый (святой, белый) лес

Акак – драгоценный камень

Аким – уездный начальник

Аккелте – ружьё Манаса

Аккула – божий дар, упавший с неба (*ак* – белый, истинный, святой, божий; *кула* – упасть, свалиться)

Аксаргыл – белокурый, русый; белолицый

Актуу – светлый, невинный

Акы – принадлежащее по праву; то, на что кто-либо имеет неотъемлемое право

Акыйнек – особый вид состязания девушек в пении (когда поющая старается унизить свою противницу; при этом поющая бьёт себя ребром ладони по горлу, от чего звук получается прерывистым и неприятным)

Ала – пёстрый

Ала бакан – сучковатый шест, служащий вешалкой в юрте

Алам – обида, огорчение

Аламан – в эпосе: военная добыча, трофей; (другие значения: толпа, масса, беспорядок)

Алача – полосатая бумажная материя кустарного, а позднее и фабричного производства

Алачык – маленькая юрта, шалаш, лачуга

Алаша – красивый, миловидный

Албарсты – демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженицам, удушающее спящих)

Алгыра – непобедимый; (*ал* – сила, мощь; победить; *алгыр* – хваткий)

Алек – сорт полушёлковой полосатой материи

Алжан – кыргызское племя, род

Али – зять пророка Мухаммеда

Али́к – ответ на приветствие (у мусульман)

Алоо – пламя

Алп каракуш – гигантская птица-демон (*Алп* – великан; *кара* – 1. черный, вороной; 2. силуэт, очертания; 3. опора; 4. ложь, неправда; 5. траур, печаль; 6. злой дух, нечистая сила; 7. тьма и т. д.; *Куш* – хищная птица, ловчая птица)

Алсыз – немощный, слабый, бессильный

Алтан – знаменосец

Алты бакан – высокие качели

Алчай – растопыриваться, раскорячиваться

Аманбы малыжаныныз – форма обычного приветствия старших (по положению, по возрасту) – Всё ли у Вас хорошо?

Амбань – начальник округа в Синьцзяне

Анжу, эки анжы – надвое; *манжу* – этнографическое название народности

Анткор – 1. клятвопреступник; лгун, клеветник; (*анткор сөз* – хула, клевета); 2. лживый, притворный

Аңги – о самцах однокопытных: жеребце, осле, кулане без косяка

Апсай – заросший усами, бородой, косматый

Апы, сапы – названия снадобий

Арбак – дух, призраки умерших; духи святых или чтимых предков (которые должны помогать призывающим их или карать врагов); слава; блаженство

Аргымак – породистая, чистокровная лошадь

Ардак – почёт, уважение

Аркан – мера длины, равная 4–5 метрам

Ар-намыс – честь, достоинство, справедливость

Арыш – шаг, размах

Асем – франт, щеголь

Аскер – обученный боец, воин, солдат

Асман – небеса, высь; перевёртыш – *ман ас*

Астагфируллах – воззвание к аллаху с просьбой о прощении; аналог русскому: «Господи, прости и помилуй!»

Асый – по пятому году (т. е. уже взрослый – лошадях, крупном рогатом скоте)

Ат чабым жер – дистанция, на которую пускают бежать взрослых лошадей

Ата – отец; предок; святой покровитель

Атала – похлёбка из воды, муки и кислого молока

Атан – холощёный верблюд, верблюд-мерин

Ачалбарс (ач албарс) – меч Манаса. В переводе означает “грозный меч”

Ачбуудан – неутомимый иноходец (*ач* – светлый, пустынный горный перевал; *буудан*, *буудандык* – быстроходность, неутомимость)

Аш кайнам – время, достаточное, чтобы сварилось мясо (около полутора часов)

Ашам – щепоть, жменя – количество пищи, которую можно сразу положить в рот

Аят – стих Корана; глава Корана

Аяш – 1. батюшка, папаша (форма обращения к старшему мужчине); 2. друг мужа или жена друга

Бааша – то же что *пааша*, *падыша* – падишах, царь

Бабай – старик

Бадам – миндаль

Бадана – панцирь, кольчуга, боевое одеяние

Байбак – (*простонародн.*) ленивый никчёмный человек (от татарского – *байбак*: степной грызун, похожий на сурка, большую часть жизни проводящий в спячке)

Байбиче – 1. старшая жена (при наличии другой жены или жён); 2. хозяйка в доме, жена

Байке – дядя

Байкуш – 1. сова; 2. бедняжка (*простореч.*); 3. никчёмный, никудышний

Байрак – 1. флаг (красный); 2. пика с бунчуком

Байтал – кобылица (ещё не жеребившаяся)

Бакшы – шаман, знахарь, колдун

Бала – ребенок, мальчик; *балам* – мой мальчик

Балбан – силач, борец

Балобан – крупная хищная птица серовато-бурой окраски с белой грудью

Бараң – пистонное ружьё. Отличие от кремнёвого фитильного; встречается с различными определениями: *ак бараң*, *көк бараң*, *кара бараң*, *сыр бараң* – такие определения, видимо, объясняются внешней отделкой ружья

Барскан – кузнечный молот

Басмайыл катаур – подпруга, идущая через седло

Бастык – 1. низость, трусость; 2. остепениться, войти в разум

Бата (дуба) – молитвенное напутствие, благословение (совершалось после угощения, при окончании или начале сговора, какого-л. дела; выражало удовлетворение результатами или пожелание успеха; складывали ладони в виде не до конца раскрытой книги, а затем проводили каждой из них от висков вниз по лицу и до конца бороды, произнося молитву-благословение)

Батман – 1. мера веса от 4 до 16 пудов в Ферганской долине, 12 пудов в долине реки Талас; 2. неопределённое, большое по весу количество чего-л.; “Баатыр табат, батман жейт”: поговорка “Много добывает, (зато) батманами (много) поедает”; 3. мера земли – около двух десятин в долине реки Талас

Баш – 1. голова; 2, верхняя часть чего-л., головка, верхушка, вершина; 3. колос; 4. человек; душа; 5. изголовье; 6. начало; 7. конец, кончик; 8. глава, начальник, предводитель, старший; 9. главный; 10. первый, высший

Бедел – авторитет, почет (пользующийся почётом, авторитетом, симпатией)

Бек – феодальный властитель ниже хана

Бекзаада, бекзат – рождённый от бека; высокородный, благородного происхождения

Белдемчи – боевое одеяние (металлический панцирь, прикрывавший талию и часть рёбер)

Бешик – деревянная колыбель-качалка с вырезанным посредине отверстием

Бешик той – *досл.*: “праздник колыбели”, именины

Бешим (или пешим) – время, следующее сразу за полуднем: время второго намаза
Бий – кыргызский судья, разбиравший тяжбы между кыргызами по обычному праву
Бийик – высокий, властный
Боз жорго – светло-серый иноходец
Бойтой – (быть, выглядеть) скромником
Бок – кал, дерьмо, отбросы
Бокчо – мешок, узел с ценными вещами (который обычно хранят старухи)
Боолук – (то же что *укурук* или *чалма*: верёвка с петлей для ловли лошадей (на шею лощади набрасывается с помощью длинного шеста, потом шест убирается)
Боорсоки – круглые, обжаренные в масле кусочки теста
Бору таш – жестокосердный, с каменным сердцем
Бото – верблюжонок; слово, выражающее нежность, ласку, тепло
Бөз – белая грубая хлопчатобумажная ткань кустарного производства
Бөрү тил – узкая стальная полоска, заострённая в форме волчьего языка; *бөрү тил болот сыр найза* – пика в виде волчьего языка и с крашеным древком
Бугу – 1. самец оленя или марала; 2. месяц май
Була – 1. волокно; 2. шелк; 3. дорогое убранство юрты
Булгары – выделанная шкура животного, натуральная кожа
Бурут – (согласно легенде: от слова *бөрү* и *ит*) – кыргыз. Под этим названием кыргызы были известны у калмаков; сами себя кыргызы так не называют; в эпосе это звучит только в речи от лица калмаков
Бута атым – расстояние полёта стрелы
Буудайык – сетка из-под шлема, закрывающая шею, лицо; (от *буудай* – портновская нарезка, ветошь)
Буудан – 1. скакун (эпитет выносливой и быстроходной лошади); 2. эпитет богатыря, молодца
Буура – верблюд-производитель (старше пяти лет); *киргөн буура* – верблюд-производитель, впавший в ярость
Буурул – чалый (о лошади), седой
Буурусун, буурсун – соха
Бүчүлүк – большая круглая металлическая пуговица, украшенная серебром
Бычмал – кастрированное копытное животное
Бээ эмчек – 1. название болотного луковичного растения; 2. дикая малина
Дан – зерновой хлеб, зерно
Дасторкон – скатерть, стол с яствами
Даттан – принесение жалобы, мольба о помощи
Дейди – бродяга, человек со странностями
Джут – массовый падёж скота
Додо – куча, груда, скопление народа
Доңуз – дикая свинья (общее название; ср.: *чочко*, *каман*)

Доол – (встречаются ещё формы: *доол*, *добулбас*, *доолбарс*, *доолбаш*; первая часть *доол* – *инд.* небольшой барабан (с одним дном, обтянутый верблюжьей кожей; употреблялся при соколиной охоте и в походах)

Дооран – отпущение грехов (религиозный обряд, совершающийся до выноса тела и сопровождающийся раздачей подарков на помин души)

Дос – друг

Дуу – 1. шум, гвалт, гул; 2. – побоище

Душман – враг

Дүрбүн, дүрбү – 1. подзорная труба; (*разг.* бинокль); 2. микроскоп

Жабу – (в эпосе) боевой клич монголов и калмаков

Жабык – впадина, образуемая загибом тундука и үзука в юрте, используемая для хранения всякого рода мелких домашних вещей

Жабыкка кой – положить в жабык

Жагдан – кованый сундук

Жайла – вызывать изменение погоды при помощи *жай таш*. *Жай таш* или *кара таш* (поверье) – камень яда (камешек, якобы находимый в желудке овцы и обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его соответствующим образом заговорить и опустить в воду)

Жайнамаз – молитвенный коврик (кусок материи или вывернутая наизнанку чистая верхняя одежда, подстилаемые под ноги во время намаза, совершаемого не в мечети)

Жайсаң – калмакский начальник, *зайсан*

Жалдык – узорная с украшениями сбруя

Жамбы – 1. слитки серебра (различной формы и различного веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег); 2. общее название благородных металлов; 3. *жамбы атмай* (национальная игра, состязания в стрельбе) слиток серебра или какая-либо другая драгоценность

Жан – 1. бок, сторона; 2. душа; 3. человек; 4. память; 5. возвратиться; пойти вспять; пойти на убыль; 6. гореть, загораться

Жаназа – молитва по покойнику, совершаемая перед погребением, заупокойная молитва

Жанжун – (в эпосе) начальник провинции, генерал-губернатор и т. п.

Жапан – дикий

Жаргак – выделанная и очищенная от шерсти шкура животного; *жаргак шым* – кожаные штаны

Жасоол – 1. исполнитель поручений при должностном лице; 2. исполнитель поручений, рассыльный, слуга на побегушках

Жашык – нежирный (о мясе); тощий, исхудалый

Жекендоз (жекендос) – маленькая узкая стёганая подстилка для сидения

Желе – привязь для жеребят

Желек – синий флаг; *байрак* – красный флаг

Жентек – угощение, пир в честь новорождённого
Жети ата – семь предков (семь поколений)
Жинди – сумасброд
Жойкума – шомпол
Жок – нет, не годится; неимущий, бедный
Жолжой – толстомордый
Жолой – порядок
Жолум үй – джуламейка (небольшая юрта без *кереге*, которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов)
Жөө – туман, туча, медленно ползущая по горам
Жумуртка – яйцо
Жупка – кушанье из слоёных лепёшек (сваренных в молоке и сдобренных маслом)
Жусуп – пророк Юсуф
Жууну́у – омовение
Жүк – одеяла, подушки и т. п. (сложенные стопкой в юрте против входа)
Жынза – название драгоценного камня
Замандаш – сопричастный, разделяющий судьбу с кем-либо (современник кого-л.)
Замбирек – переносная пушка
Замзам – священный колодец в Мекке
Зейнеп – кукушка
Зело – весьма, очень, чересчур (*старорусск.*)
Зор – большой, громадный
Зыйнатка тур, или *зыйнатта тур,* или *зыйнатка олтур, или зыйнатта олтур* – оплакивать покойника и чтить его, принимая участие в заботах о похоронах и поминках
Из – след
Изчы – следопыт, шпион, соглядатай, сыщик
Илбээсин – общее название птиц, пернатая дичь
Илим – знание
Имам – духовное лицо, ведущее богослужение, а также титул правителя в мусульманском государстве, соединяющего в своём лице духовную и светскую власть
Инек – корова старше трех лет
Иним – братишка
Ирик – трёхлетний валух
Иске – чуять, нюхать
Искони – (*старорусск.*) с незапамятных времён, с самого начала, всегда
Испан – меч, который изготавливали в Персии в городе Исфахан
Исполать – похвала, слава (*старорусск.*)
Ичиги – мягкие кожаные сапожки
Каапыр – нечестивый, нечестивец, иноверец (немусульманин)

Кабылан – в эпосе выступает в роли эпитета (сильный, мощный). В переводе означает: леопард, тигр, пантера, – под этим названием кыргызы подразумевали не какого-то определённого зверя, а всех мощных тигроподобных зверей вообще

Кадамак – фаза игры в *ордо*, когда игрок бьёт, наступив левой ногой на круг

Кажыр – сип белоголовый (хищная птица)

Казы-жал – еда. *Казы* – брюшной рёберный конский жир; колбаса из брюшной рёберной части. *Жал* – подгривный жир лошади (считается лакомой частью конской туши)

Каймак – круто сбитые сливки

Каймал – верблюдица по пятому году

Кайнатма кара дары – (в эпосе) целительное снадобье (видимо, опиум)

Кайып – скрытый, незримый; из ниоткуда (наверное, из потустороннего мира)

Какан – *хакан*, китайский император (иногда так же именуется Китай, хотя в этом смысле обычно *Какан-Чын*, *Каканчын*, *Каканчы*)

Кал – родинка

Калас – вот и всё; кончено; конец

Калгак – перекати-поле

Калдай – один из чинов администрации синьцзянских калмаков, монголов

Калдык – остаток; потомок

Калкан – щит; шлем; защита

Калмак – *монах* – в фольклоре слово “кечил” переводится и как “калмак”, и как “монах”

Калча – (в эпосе) эпитет калмакского богатыря Коңгурбая (Конурбая), главного противника киргизского богатыря Манаса; эпитет, видимо, унизительный; (ср. калчылда – дрожать; калчылдак – дрожь)

Калча – 1. (о горбоносом человеке) грозный на вид; 2. горный таджик (гл. обр. каратегинец); 3. (в эпосе) телохранитель; страж при казне; 4. раб

Каман – кабан

Кан – кровь, близкое родство

Кандагай – мужские штаны из кожи горного козла (для эпического богатыря обязательны)

Канжа – трубка; *канжа тартуу* – курить трубку

Канкор – 1. кровожадный, жестокий; кровопийца, хищник; 2. молодец, храбрый, герой

Каныш – ханша, жена хана

Канюк – хищная птица семейства ястребиных, крик которой напоминает тоскливый плач

Каңгай – в эпосе встречается как боевой клич калмаков. Отсюда – имя нарицательное всех калмаков. Еще есть земля *Каңгай* (топоним)

Капсалаз – беда, бедствие; буран

Капыр калдай – русский аналог: шишка на ровном месте (*уничижит.*), чиряк не там, где надо

Кара – 1. чёрный, вороной; 2. силуэт, очертание; 3. опора; 4. грамота; 5. неправда; 6. траур, печаль; 7. нечистая сила; 8. простой, безыскусственный; 9. принадлежать к чему-либо; 10. тьма, множество; 11. мрак: 12. бесконечность

Карагай – ель, сосна

Карасу – речка, питающаяся подпочвенными водами

Кардыгач – стриж

Карсак – общее название рыскающих зверей: волка, лисицы и т. п.

Карта́ – варёный конский желудок

Кары, карыя – старый, старейшина; *бозой* – молодой парень, молодец

Каттама – сдобные слоёные лепёшки

Катык – кислое молоко (приправа к жидкой пище в виде кислого молока)

Катын – жена, женщина

Кашка – (о животных) лысый, с белой отметиной на лбу

Кежек – двухструнный музыкальный инструмент наподобие комуза

Келесоо – дурак, глупец, идиот

Келин – сноха, невестка; молодуха

Кемеге – очаг (продолговатой формы, вырытый в земле; устраивается вне юрты, вне помещения)

Кементай – верхняя одежда из войлока

Кемээк – человек с неправильным прикусом (тот, у кого подбородок и нижняя губа выдаются вперёд, нижние зубы заходят за верхние); или человек совсем беззубый с провалившимся ртом

Кен – рудник, копи, золотые прииски

Кереге – решётчатая внутренняя стена юрты

Керемет – чудо, диво; *тоо* – гора; *Керметоо* – видоизмененное топографическое название местности

Керк – млекопитающее, большое однокопытное животное с рогом на носу. В эпосе на нем ездили громадные силачи, великаны врагов

Керме – верёвочная коновязь (протянутая между двумя юртами)

Керүү – верх горы или склон высокой горы, покрытый травой

Керээз – завещание, предсмертное наставление

Кесир – пренебрежительное отношение; несчастье как следствие пренебрежительного, надменного отношения к чему-л.; *тамакты кесир кылба* – не относись пренебрежительно к пище

Кече – бестолковый, косноязычный

Кийиз – войлочный ковёр

Кийик – все непарнокопытные дикие животные (кроме свиньи)

Кийит – подарки от родственников жениха (или невесты) родственникам невесты (или жениха) после помолвки

Кисе – ремённый пояс и нанизанные на него разного рода мешочки: ножны для ножа, мешочек для огнива и т. п.

Киселче – маленький круглый мешочек, изготовленный из кожи, который привязывают к ремню

Кичи – 1. маленький, младший, малый; 2. а ну-ка, дай

Кожо – хозяин; также употребляется в смысле – старец, ходжа

Кой – овца, год Овцы

Койчагыр – название старинного ружья

Кокуй – (крик отчаяния) Ой-ой!.. Спасите!.. Караул!

Кокуйла – издавать крики отчаяния

Комур бол! – (фольк.) Пропади ты пропадом!

Коргон – 1. крепость, твердыня, защита; 2. развалины

Кордук – досада; позор, унижение; презрение

Короз – петух

Котур – чесотка, парша

Кочкор – самец овцы, баран-производитель

Кочо – два ряда людей, обращённых лицами друг к другу, с проходом между рядами

Кош – 1. пара, парный, двойной; 2. группа людей, имеющих общее задание; 3. прибавлять, добавлять, присоединять, спаривать; 4. запрягать, впрягать; 5. приказать, поручить, позволить; 6. подражать, имитировать

Кош – временная юрта (маленькая юрта, в которой временно живут рабочие, или юрта, используемая во время дальних перекочёвок или (раньше) во время походов)

Кош – соха или плуг вместе с упряжкой и животными (их обычно было два); часто использовали волов

Кошок – причитание, обрядовая песня (на похоронах)

Көйкашка – (или *көйгашка*) отличающийся от других своими хорошими качествами; выделяющийся среди многих (*напр.* силач, хороший оратор)

Көз караш – взгляд, точка зрения

Көк – 1. тонкие ремешки, тонкие кожаные тесёмки; 2. небо; 3. синий, голубой; 4. зелёный, незрелый; 5. серый, сивый; 6. упрямый, настойчивый

Көк иркит – перебродивший (позеленевший, вонючий) айран

Көккөз – синеглазый (зеленоглазый)

Көк ала – масть коня (сиво-пегий)

Көк жеке – дорогая мужская обувь (которую носили только правители; иногда высокие каблуки делались полыми и в них вкладывались бубенчики)

Көнөк – кожаное ведёрко с носиком

Көрпөчө – узкое одеяльце на седло (вместо подушки)

Көтөн ооз – (в эпосе) ружьё, заряжающееся с казённой части (не шомпольное)

Кудай – Бог. О, Кудай! – О, Боже!

Кул – раб

Кулан – дикая лошадь (впоследствии названная лошадью Пржевальского); дикий осел, онагр
Кулач – размах рук
Кулжа – июнь
Кумалак – круглые камешки для игр и гадания (игру *тогуз коргоол* иногда называют *тогуз кумалак*)
Кун – вира, пеня за убийство, за увечье (ответчиком являлся весь род виновника)
Кунанды – скачки среди кунанов
Кунан – жеребёнок по третьему году, жеребёнок-третьяк
Курак – составленный из старых лоскутков (одеяло, покрывало, ковёр)
Курал – оружие, снаряжение, оснащение воина
Курсак – брюхо, утроба, чрево
Курт – червь, червяк
Курултай – съезд, собрание, обсуждения
Курут – высушенный в виде шариков солёный творог
Курча! – Окружай!
Кут – 1. дух, душа, жизненная сила; 2. счастье, благодать
Кутырь – желудок коровы или овцы, употребляемый в качестве сосуда для хранения масла, топлёного сала
Куушур – с почтительным поклоном скрестить руки на груди
Куш – хищная ловчая птица
Күдөрү – замша, кожа очень мягкой выделки
Күңгөй – солнечная сторона; южный склон горы
Күрзү – палица (старинное оружие – тяжёлая дубинка с утолщённым концом)
Күрмө – безрукавка
Күрөөкө – халат из златотканой шёлковой материи
Күчала – кучеляба, чилибуха (яд)
Кызыл кырым – хорошо сделанный, отличного “красного” качества
Кызыр или Кыдыр – пророк Хизр (якобы нашедший источник живой воды)
Кылтыз – увёртка
Кымкап – название шёлковой материи
Кыргыз – игра ассоциаций внутри слова: *кыр* – гребень гор, горный хребет; *ырк* – жизнь в согласии, в мире, *Кырк* – сорок; *Кыз* – девица, дочь (символ девственности, непорочности); *Кыс* – сожмись
Кырк – сорок; *кез* – 1. момент, случай; 2. бродить, странствовать
Кыркуу – ряд горных хребтов, расположенных один за другим
Кырма – точёный, изящный; мойнок – шея; *Кырмойнок* – крутой горный перевал
Кырма дары, или *кырма кызыл дары,* или *кытайдын кырма кызыл дарысы* – (в эпосе) род китайского снадобья, которое употреблялось для прижигания ран

Кырман – ток, гумно
Кырмызы – одеваться во все красное
Кырчын – 1. кустарник; 2. молодой, юноша
Кыш – зима, зимний
Кыяк – пастушья скрипка
Лекарство Куну – по народным поверьям целебное мясо водяного пушного зверя, поднимает почти мёртвых
Лошак – помесь жеребца и ослицы
Май – топлёное сливочное масло
Майдан – 1. поле боя; 2. возделанная площадь, обработанная земля; площадь, покрытая зеленью; 3. площадь
Максым – сытный квас, сделанный на основе молотой пшеницы
Мала – пук колючек или хвороста, употреблявшиеся в качестве бороны
Мамы – 1. столб (раньше ставился перед юртой) для привязывания коней, коновязь в виде высокого прикола; 2. вышка
Манат – ворсистая ткань кустарного производства типа фланели, бумазеи, но дорогая, чаще красного цвета; привозилась из Бухары
Мар – змея
Машташ – тайно сговориться, действовать сообща
Мерген – охотник, ружейный стрелок
Мөндү – (в эпосе) слово, употребляемое калмаками и китайцами в качестве боевого клича
Мунар – лёгкая мгла, дымка, марево
Мурдарчылык: мурдар – мертвец, падаль; *мурдарчылы* – дела мертвеца, грязные выходки
Мурча – досуг, праздное время
Мүчө, мүчөл, мүчөгөн – двенадцатилетний животный цикл (первый цикл кончается тринадцатилетним возрастом, а затем каждые двенадцать лет составляют цикл)
Мырза – 1. господин; 2. щедрый
Нават – перетопленный до кристаллического состояния сахар
Надысь (*старорусск.*) – недавно, намедни, без году неделя, некоторое время до… и т. п.
Найза – копьё, пика
Нан – хлеб
Нар – одногорбый верблюд
Наркескен – хорошая сабля, булатный меч
Национальные конно-спортивные игры – *көкбөру* – козлодрание; *кыз-куумай* – догони девушку; *эниш* – борьба конников и др.
Недолга́ – только и всего (*старорусск.*)
Нике́ – женитьба, замужество, свадебный ритуал
Обоз – голос
Обон – напев, мелодия
Ой – мысль, помысел, замысел

Оймок – напёрсток
Ойноо – резвый, шаловливый; забавляйся, играй
Олжо – добыча, трофей, дань победителю
Олуя – человек высокой нравственности и умудрённый житейским опытом (гл. обр. говорится о богатыре почтенного возраста). Святой, провидец
Оңүр – вышивка на груди женской рубахи
Ооба – да
Оомийн – Аминь! Да сбудется! (возглас по окончании молитвы, молитвенного напутствия и т. п.)
Ордо – ханская ставка, ханский дворец, ханская юрта; богатая юрта феодала
Ороңгу – во всех вариантах сказителей “Манаса” встречается как женщина и выходит на игру “*төө чечмей*”. Жусуп Мамай описывает Ороңгу как мужчину, силача, который выходит на борьбу и состязается с Кошоем
Ороо – яма для хранения зерна
Орто – средний, серединный
Орточу – посредник; сват, сваха; в животноводстве – тот, кто случает лошадей
Орус – русский
Отор – отдалённое зимнее пастбище, где снега выпадает мало (ныне перегоны на такие пастбища уже отживают)
Оттук – огниво, кресало (*переносн.*: тот, кто легко мечет огонь)
Очогор – род богатырского ружья
Өңөр – везти кого-что-л. впереди себя на верховом животном; посадить кого-л. или положить что-л. перед собой на седло
Өрлүк, өрүлүк – угощение для вновь прикочевавшего от тех, кто уже прежде был на этом месте
Парз – долг, который должен отработать каждый мусульманин
Пир – духовный наставник, патрон (духовный), глава дервишского ордена или части его; используется при обращении к Богу
Постой – ночёвка, проживание в нанятом помещении (*старорусск.*)
Рахмат (ыракмат) – спасибо, благодарю
Ритуальная пиала – у кыргызов существует обычай: пиалу с водой кружат над головой человека, которому предстоит испытание
Рух – духовность, духовный
Сабоо – крепкие деревянные палочки для взбивания шерсти, ваты
Сагак – серебряная цепочка, соединяющая пару *сөйкө* (серёжек)
Садага – искупительная или благодарственная жертва
Сай – русло реки, ложбина рядом с руслом
Салам – приветствие
Салбар – жена, не пользующаяся вниманием своего мужа, или девушка, которой пренебрегают женихи
Салбарды – перевал на подходе к Алтаю

Сан – несметное количество, (иногда) десять тысяч
Санжыра – родословная
Сарай – дворец
Сарбаз – воин-кавалерист
Саркынды – 1. остаток жидкости в сосуде; небольшая струйка воды, пробивающаяся сквозь запруду; 2. *перен. пренебр.* охвостье
Сарпай – одежда, которой одаривают почётных гостей на свадьбе или на пирах
Сары – жёлтый, рыжий, оранжевый
Сары барпы – название певчей птицы
Сасык – вонючий, зловонный
Саяк – бродяга
Саяпкер – берейтор, жокей
Селкинчек – качели
Сивогривый – *көк жал* – (голубая грива), эпитет волка
Сип – хищная птица семейства ястребиных, обитающая в высокогорных районах
Сиречь – одним словом, то есть, иными словами (*старорусск.*)
Соко – плуг
Соно – общее название дикой водоплавающей птицы и куликов
Соогат или соога – подарок из военной или охотничьей добычи
Соогатчы – имеющий право на подарок из трофеев
Сооп – доброе, душеспасительное дело, благодеяние; награда за богоугодное дело
Соот – панцирь (боевое одеяние)
Сорпо, шорпо – мясной бульон
Сулайман – пророк Соломон
Суп (суптар) – дорогая материя из белого шёлка или из белой верблюжьей шерсти
Сур – дух, душа (здесь имеется в виду девяносто родов, объединённые внутренним духом)
Сүзмө – густой айран: его, разбавив, добавляют в чай
Сүйүнчү – добрая весть; подарок за сообщение радостной вести
Сүрөк – общее название крупного рогатого скота и лошадей
Сыз – чертить, проводить черту
Сынчы – 1. составитель плана боя и расстановки сил перед боем; 2. предсказатель судьбы человека гаданием; 3. знаток боевых качеств людей и скаковых качеств коней; по другим сведениям, были сынчы, определявшие качества беркутов и борзых собак
Сыр – полировка, покраска; тайна, секрет
Сырттан – 1. сказочная собака, отличающаяся свирепостью и осторожностью; 2. *перен*. (эпитет богатыря) храбрый, неустрашимый, мужественный
Таа – Бей! – когда речь ведётся от лица китайского чиновника, отдающего какой либо приказ

Тага – то же что *таяке*: дядя по материнской линии

Таз – паршивый. *Таз чабыш* или *таз салыш* (*ист.*) – “состязание паршивых” (двое “паршивых” с завязанными глазами и оголёнными корпусами били друг друга свежими лёгкими овцы – одно из диких развлечений прежней знати на пирах)

Тай – здесь: ласкательная приставка, обычно обращённая к малышам

Такай – ослёнок

Такым – место сгиба ноги у колена

Талак – отрешение; развод

Талгак – непереносимое, очень сильное желание

Тамак – пища, еда

Тамыз – летняя жара (время года, примерно соответствующее июлю)

Тана – бычок (телка) по второму году

Танап – верёвка, привязь, связующая нить; бечёвка, шнур

Тартыр – видоизмененное Тартар – бытующее у многих народов древности представление о загробном мире, как о бездне в недрах земли, жилище мёртвых и низвергнутых бессмертных Титанов

Татуулаш – помириться, сдружиться

Таш – камень

Таята – дедушка по материнской линии

Теке – козёл-предводитель овечьего стада

Тентек – озорной; шалун, озорник

Тескей (терскей) – несолнечная, теневая сторона; северный склон горы

Тилла или дилде – 1. золотая монета пятирублёвого достоинства; 2. золото

Тобо – раскаяние, покаяние

Той – пиршество

Токол – младшая жена (при живой старшей жене)

Томаяк (жетим) – голь перекатная; используется в паре со словом *жетим* – сирота

Томого – наглазник, колпачок, который надевают на голову ловчего беркута в состоянии покоя

Тон – овчинный тулуп либо верхняя одежда вообще

Тонзура – монахи часто выбривали макушку, чтобы легче было держать связь со Всевышним

Топ таш – игра в камешки

Топор – то же, что *томаяк* – голь перекатная, бедняк

Торко – сорт шёлковой ткани

Торко тон – халат из ткани торко

Төлгө – гадание на камешках или на альчике косули

Төр – почетное место для самых уважаемых гостей

Төрө – господин

Туз – соль (недешевая приправа в трудные времена)

Туз урсун – проклятие: *Тузум урсун, тузум, наным урсун*! Пусть ему (этому неблагодарному) поперёк горла встанут мои хлеб-соль!

Тулпар – мифический крылатый конь

Тумар – амулет, талисман (обычно – заклинание, написанное на бумажке, которая складывается треугольником и зашивается в материю)

Тунжур – ястреб-тетеревятник

Тунук – лучший, настоящий

Тур – стоять; находиться; жить, остаться в живых

Туулга – шлем, каска, шишак

Туур – подставка, насест для ловчей птицы, соколиный постамент

Түлөк – (о ловчих птицах) уже линявший; в возрасте старше года

Түлкү – лиса, хитрец; в Азии и в Китае синоним дьявола

Түмөн – несметное количество, тьма (много); десять тысяч

Түркүк – средняя подпорка в юрте; подпорка, шест

Тыйын энмей – схватить монету (конно-спортивная игра)

Түлөө – щедрое воздаяние (обычно через *той*) в знак какого-либо события – *напр.* миновавшей беды или возможного счастья

Түндүк – в кыргызской юрте выходное отверстие для дыма

Узун кулак – *дословно*: длинное ухо (сплетни, передаваемые из уст в уста)

Узун кулак киши – здесь игра слов: знающий о многом человек (длинноухий, прислушивающийся); *киши* – 1. человек, мужчина; 2. другой, посторонний

Үй тук – несметное число (говорится обычно о людях)

Укук – право

Улан – холостой парень

Улар – горная индейка

Улук – начальник, правитель, повелитель

Ур – нарост, гриб

Ураан – 1. клич, лозунг; 2. племя, род

Уроборос – архаический образ, представляющий собой змею, заглатывающую свой хвост

Урум – 1. удар; 2. потомство; 3. *Урум* – древний город; *уруму* – происходящий из страны Урум

Уста – мастер

Устукан – кость с мясом; каждая несла свой смысловой оттенок

Уук – жерди для поднятия купола юрты, её основа

Уул – 1. сын; 2. ребёнок, дитя; 3. молодец

Учуу – полёт

Үкү – украшение из перьев филина или совы (на шапке девушки)

Үркөр – 1. Плеяды (созвездие); 2. *үркөрдөй* (о людях) немного: небольшая, но тесная группа

Үркөр боо – большая пушка; с ней ходили в бой, навьючив на вола

Үртүк – дорогая попона с украшениями

Хафтияк – название седьмой последней части Корана, которая издавалась отдельной книжкой и служила в старой школе учебным пособием

Хутба – проповедь имама в мечети по пятницам и в два годовых мусульманских праздника

Чай кайнам – время, необходимое, чтобы вскипел чай, небольшой отрезок времени (20–30 минут)

Чайчы – домашняя работница, служанка в богатой юрте

Чакмак – игра: надо с вывертом подбрасывать и ловить камешки

Чал – седой, сед; старик, стар

Чалап – национальный напиток: айран, разбавленный водой

Чалдыбар – старые развалины, руины

Чамбыл – грубо сделанный, неотёсанный

Чанач – бурдюк

Чапан – верхняя мужская одежда, часто отделанная драгоценными камнями, шитьём (*чап* – отделывать, украшать драгоценностями); в данном случае – символ власти

Чара́ – большая чашка, таз

Чарайна – латы

Чарбак – 1. крепость; населённый пункт, обнесённый крепостной стеной; 2. ограда вокруг сада, огорода, приусадебного участка; 3. фруктовый сад

Чарыяр (чаще говорится “төрт чарыяр”) – четыре первых халифа (ближайшие сподвижники пророка Мухаммеда)

Чатыраш – игра в шахматы

Чачпак – кисти из ниток, вплетённые в косу

Чачыл – рассыпать, разбрызгивать (в свадебном обряде кто-л. из старших женщин из родни жениха обсыпал сластями новобрачных; в эпосе – деньгами, драгоценностями)

Челпек – большая тонкая лепёшка, испечённая в жире

Чечен – красноречивый человек, хороший оратор, краснобай, закалённый в словесных схватках

Чок – шишечка на шапке китайского или калмакского начальника, чиновника

Чокмор – дубинка с утолщением на конце (орудие рукопашного боя); *чокморчо* – маленький чокмор

Чоң – великий, большой, весомый, громкий, знаменитый, славный

Чорго – носик чайника, самовара, краник

Чоро – воин, ближайший сподвижник эпического богатыря

Чоюн баш – дубина с чугунным или железным набалдашником

Чыйыр – тропа, след; *чыйырдуу* – пересеченный следами, тропами

Чык – бульон, заправленный мелко нарезанным луком и перцем

Чыкый – место соединения затылочной и височной костей

Чымыроон или чыңыроон – древний народный музыкальный инструмент

Чын – правда, истина

Чырак – светильник

Чычкак улак – фразеологизм – ничего хорошего нет; *чычкак улагы жок* – нет даже дрянненького козленка

Шаар – город
Шай – Шаймерден: незримый покровитель богатырей
Шай колдогон – всегда сопутствуемый удачей, победой; знаменитый (богатырь)
Шайыр – жизнерадостный, жизнеутверждающий, весёлый
Шамшар – меч, сабля, кинжал
Шаңшуур – слиток золота
Шарапат – благородство, честь
Шаш – 1. торопиться, суетиться; 2. растеряться
Шашкелик – расстояние, которое можно проехать с восхода солнца до позднего утра (шашке)
Шашма – торопыга
Шейит – павший за мусульманскую веру
Шер – лев (эпитет богатыря)
Шерне – компания, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясом, мясной пищей (так же называется и само угощение)
Шиш – всякий колющий предмет
Шоорат – слава, известность
Шум – хитрец, плут; диковина
Шумдук – 1. хитрость, жульничество, бесстыдство; интриги, проделки; 2. диковина, диво, небылица
Шыралга – подарок охотника из добычи
Ыза – досада, обида, злоба, тайный гнев
Ымансыз – бессовестный, бесстыдный
Ыр кесе – *досл.*: поющая пиала: состязание певцов, акынов, краснобаев, когда тот, кому в руки передается пиала с напитком, должен удивить присутствующих своими талантами
Ырчы – певец
Ырым – примета, почин и т. п. (*здесь*: на развод, на показ)
Ырыс – счастье, доля
Ыскат – подарки из вещей умершего, раздаваемые на помин души
Эбеп-себеп дары – разные снадобья, лекарства
Экчеме – бессолодовый (не хмельной) хлебный напиток
Элечек – головной убор замужних женщин в виде белого тюрбана
Элчи – посол, посланник, вестник
Энесай – (Енисей) – Мать-река (здесь и далее – *старокырг.*)
Эр – мужчина, герой, богатырь, храбрец
Эрке – баловень, неженка, избалованный
Эркеч – кастрированный козёл
Эт бышым – время около двух-трех часов
Ээ – 1. хозяин; 2. Бог; 3. дух-покровитель
Ээрчи – следовать, идти за кем-чем-л.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЩЕ ОДНА ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ЭПОСА ... 3
СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКА ... 5
Зачин сказанья ... 7
Слияние кыргызских родов ... 10
Рождение Манаса ... 17
Поиски и появление коня Аккулы.
Приготовление снаряжения Манаса ... 44
Коронование Манаса.
Сражение с Кёнтеем и Шооруком ... 116
Нападение Бадыкёла на Карманапа.
Помощь Манаса Карманапу ... 178
Нападение четырёх батыров Араника на Кёкчё.
Изгнание их Манасом ... 197
Поход Манаса в Кокон.
Подчинение Сынчыбека ... 228
Смерть Банускана. Бегство Карилипа.
Занятие Сынчыбеком Ташкенского трона ... 246
Женитьба Манаса на Каныкей ... 262
Приглашение народа на поминки по Кёкётёю ... 279
Разбой Конурбая на поминках.
Гонец Кошоя к Манасу ... 292
Прибытие Манаса и управление поминками ... 306
Великолепие поминок ... 319
Выстрел Кёкчёкёза в Манаса ... 354
Интриги Кёкчёкёза ... 373
Коронование Кутуная ... 387
Шесть ханов под управлением Урбу пишут письмо Манасу.
Манас приносит великую беду Калдаю ... 399
Уход Алмамбета от Кёкчё ... 418
Сон Манаса.
Приход Алмамбета ... 437
Алмамбет остаётся у Манаса ... 469
Каныкей снова входит в доверие.
Женитьба Алмамбета на Аруукe ... 484
Нападение Манаса на Ооган.
Поражение Чынаачи ... 507
Убийство Кёкчёкёза Алмамбетом.
Сговор о женитьбе на Айчурёк ... 541
Манас призывает семь ханов ... 551

Прибытие ханов.
Провозглашение Бакая ханом 579
Поход Манаса в Бейджин.
Провозглашение Алмамбета ханом 598
Волшебная стража Конурбая..... 628
Распря Алмамбета и Чубака..... 658
Успехи разведчиков 696
Знакомство Сыргака с родиной Алмамбета 728
Смешанная война у берегов реки Ажат..... 752
Встреча Манаса и Конурбая на берегу реки Ажат.
Бегство Конурбая в Бейджин, Ыламана – в Кокчол..... 772
Подготовка двух сторон к битве 791
Смерть Оронгу и Борончу.
Первая схватка рядовых богатырей..... 802
Как Конурбай в суматошной битве
потерял возглавляемых Жолоем семерых богатырей..... 823
Как Чубак связал и привёл сорок сыновей жанжунов 840
Восхождение кыргызов на трон.
Рождение Гулустон и Канкелди 861
Как Конурбай смертельно ранил Манаса 871
О том, как Конурбай привёл Шыпшайдара.
Смерть Кёкчё 879
Гибель богатырей 896
Уход Манаса из мира..... 916
ГЛОССАРИЙ 940

МАНАС

Кыргызский героический эпос

Вариант сказителя Жусупа Мамая
Художественный перевод на русский язык
Светланы Сусловой

Редактор *Н.В. Шумкина*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой*

Подписано в печать 25.03.2020.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Офсетная печать.
Объем 120,0 п.л., 111,6 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ 1

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а